

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1898 ГОДЪ

КНИГА ВТОРАЯ.

СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

ИЗДАНА

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

Е. В. Барсона.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1898.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ „ЧТЕНІЙ“ за 1898 годъ.

I. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИЧЕСКІЕ.

Стран.

- 1.—Акты XIII—XVII вв., представленные въ Разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отъѣзды мѣстничества. Ч. I. 1257—1613 гг. Съ предисловіемъ А. И. Юшкова..... I—XVI+1—128

II. МАТЕРІАЛЫ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ.

- 1.—Посланіе Ивана Бѣгичева о видимомъ образѣ Божіемъ. По рукописи XVII в. собранія А. И. Яцимирскаго и съ его же предисловіемъ I—X+1—14

III. ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

- 1.—Очерки по исторіи Грузинской словесности. Выпускъ II: Древняя литература до конца XII в. (*Окончаніе*). Члена-Соревнователя А. С. Хаханова..... 29—358

IV. С М Ъ С Ъ.

- 1.—Отчетъ о четвертомъ присужденіи Обществомъ преміи Г. Ѳ. Карпова. (Разборъ изслѣдованія М. И. Лялева «Изъ исторіи раскола на Вѣтѣхъ и въ Стародубѣхъ XVII—XVIII в.—Вып. I. Кіевъ, 1895 г.», составленный Дѣйствит. Членомъ С. Т. Голубевымъ 1 — 35
- 2.—О состоящей при Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности преміи А. М. Кожевникова «за ученую разработку и изданіе памятниковъ славянорусской письменности» 36
- 3.—Протоколы засѣданій Общества за 1896 и 1897 годы. 1—80
 Въ Протоколахъ изложено содержаніе рефератовъ:
- 1) Е. В. Барсова:—а) «Архимандритъ Григорій Войновъ»..... 23—26
 и б) «В. Е. Румянцевъ» 54—59

	<i>Стр.</i>
2) С. А. Бѣлокурова:—«О рукописномъ сборникѣ XV—XVI в. собранія Н. П. Никифорова».	43
3) И. С. Бѣляева:—«Памяти А. Н. Зерцалова».	68—80
4) М. А. Веневитинова:—«Матеріалы для исторіи цѣнностей въ Россіи въ концѣ XVII в.».	36—39
5) В. М. Истрина:—«Объ откровеніи Мееодія Патарскаго въ византійской и славянорусской литературахъ»	32—33
6) В. О. Ключевскаго:—а) «О трудахъ императрицы Екатерины II по русской исторіи»... и б) «О Ѡ. И. Буслевѣ, какъ преподавателѣ и изслѣдователѣ»	27 53
7) П. А. Лаврова:—«Ѡ. И. Буслевъ, какъ профессоръ»	53—54
8) М. К. Любавскаго:—а) «Къ исторіи Литовско-Русскаго сейма»	6—8
и б) «Объ общественномъ бытѣ Литовцевъ по древнѣйшимъ извѣстіямъ и объ образованіи великаго княжества Литовскаго»	47—49
9) А. П. Сапунова:—«Отрывокъ изъ Полоцкихъ лѣтописей, помѣщенный въ исторіи Татищева подъ 1217 г.»	64
10) С. М. Сироткина:—«Къ исторіи канонизаціи въ Русской церкви»	4
11) Ю. Д. Филимонова:—«О времени и происхожденіи Мономаховой шапки»	61—62
12) В. О. Эйнгорна:—а) «Заказъ Московскаго правительства Кіевопечерской типографіи въ 1669 году»	3—4
б) «О пріѣздѣ Іоанніа Галатовскаго въ Москву въ 1670 г.»	18—20
в) «О послѣднемъ докладѣ А. Л. Ордина-Нащокина царю Алексѣю Михайловичу»	40—42
и г) «Объ одной изъ попытокъ Московскаго правительства исправить Андрусовскій договоръ 1667 г.»	64

I.

МАТЕРІАЛЫ ІСТОРИЧЕСКІЕ.

А К Т Ы

XIII—XVII вв.

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ВЪ РАЗРЯДНЫЙ ПРИКАЗЪ

представителями служилыхъ фамилій послѣ отѣвны мѣстничества.

Собралъ и издалъ

Александръ Юшковъ.

ЧАСТЬ I.

1257—1613 гг.

Печатано подь наблюдеиетъ А. И. Юшкова.

Съ 1682 г. въ генеалогическихъ понятіяхъ служилыхъ людей Московскаго государства произошелъ рѣзкій переломъ: 12 января этого года, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Земскаго Собора, отмѣнилъ „Богомъ ненавистное, враждотворное, брато-ненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество“. Отмѣняя мѣстничество, само правительство взяло на себя попеченіе о генеалогіи служилыхъ родовъ—генеалогіи, которая отнынѣ не должна была уже служить матеріаломъ для родовыхъ распрей и счетовъ, а должна была составить историческій матеріалъ „впредь-будущимъ родомъ на память“. На томъ же Земскомъ Соборѣ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ далъ такое обѣщаніе: онъ „имъ и впредь-будущимъ ихъ родомъ на память изволить быти въ Розрядѣ родословной книгѣ родомъ ихъ, также и въ домѣхъ своихъ такія родословныя книги имъ держать по-прежнему; а награждая ихъ своею государскою милостію, тое родословную книгу нынѣ повелѣваетъ пополнить, и которыхъ именъ въ той книгѣ въ родѣхъ ихъ не написано, и тѣхъ имена въ тое родословную книгу написать вновь къ сродникамъ ихъ, и для того взять у нихъ *росписи за руками*. А которые княжескіе и иные честные роды при предкахъ его государевыхъ и при немъ, в. государѣ, были въ честахъ, въ боярѣхъ и въ окольничихъ и въ думныхъ людѣхъ, также и старые роды, которые хотя и не явились въ честахъ, а съ царства прадѣда его государева блаженныя памяти в. государя царя и в. князя Іоанна Васильевича, всея Россіи самодержца, и при его государевѣ державѣ явились въ посольствахъ и въ полкахъ и въ городѣхъ въ воеводахъ и въ иныхъ знатныхъ посылкахъ и у него, в. государя, въ близости, а въ родословной книгѣ именъ ихъ не написано, и тѣ роды съ явнымъ свидѣтельствомъ написать нынѣ въ особую книгу. А которые роды и въ вышесказанныхъ честахъ и въ знатныхъ посылкахъ не были, а съ царства дѣда его государева блаженныя памяти в. государя царя и в. князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца, и при немъ, в. государѣ, были въ полковыхъ воеводахъ и въ послѣхъ

IV

и въ посланникахъ и въ знатныхъ какихъ посылкахъ и въ иныхъ честныхъ чинѣхъ и въ десятияхъ въ первой статьѣ написаны, и тѣхъ родовъ имена по-тому жъ написать въ особую книгу со свидѣтельствомъ; а которые и въ тѣхъ выписанныхъ честныхъ и знатныхъ чинѣхъ не бывали, а въ десятияхъ написаны въ средней да въ меньшей статьяхъ, и тѣхъ имена написать въ особую книгу. А буде кто изъ нижнихъ чиновъ за службы отцовъ своихъ, или за свои написаны въ московскіе чины, и тѣхъ имена написать въ особую жъ книгу, по ихъ росписямъ¹⁾. Такимъ образомъ, правительство слѣдующимъ образомъ намѣтило выполненіе взятой имъ на себя задачи составленія официальной родословной русскихъ служилыхъ родовъ: 1) включить въ официальную родословную не только роды московскихъ служилыхъ людей, но даже и провинціальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, при чемъ раздѣлить эту книгу на нѣсколько частей, соотвѣтственно виду дворянства; 2) избрать матеріаломъ для этой работы старыя официальныя родословныя книги и родословныя росписи, какія представлены будутъ „за руками“ самихъ служилыхъ людей, подтвержденныя „явнымъ свидѣтельствомъ“.

Все это факты, болѣе или менѣе извѣстныя, но мало кому извѣстно, какимъ образомъ правительство осуществляло на дѣлѣ данное имъ на Земскомъ Соборѣ обѣщаніе. А осуществило оно это обѣщаніе слѣдующимъ образомъ: вслѣдъ за отмѣной мѣстничества, въ томъ же 1682 г., при Разрядномъ Приказѣ была учреждена Палата Родословныхъ Дѣлъ, во главѣ которой былъ поставленъ бояринъ кн. Владимиръ Дмитриевичъ Долгоруковъ, одинъ изъ бояръ, подписавшихъ законъ 12 января 1682 г. Такимъ образомъ эта Палата была преобразомъ вышнѣшняго Департамента Герольдіи, бояринъ же кн. В. Д. Долгоруковъ является первымъ русскимъ герольдмейстеромъ. Въ эту Палату Родословныхъ Дѣлъ представители служилыхъ семействъ и стали подавать „за руками“ родословныя росписи своихъ родовъ. Подача родословныхъ производилась главнымъ образомъ въ промежутокъ времени съ 1682 г. по 1690; всего росписей, по счету извѣстнаго генеалогическаго г. Руммеля, было подано около 600. Законъ 12 января 1682 г., между прочимъ, требовалъ подкрѣпленія родословныхъ росписей „явнымъ свидѣтельствомъ“; очевидно, подъ этимъ терминомъ нужно разумѣть прежде всего документальныя доказательства; такъ поняли и представители служилыхъ семействъ, подававшіе росписи своихъ родовъ: при росписяхъ многіе изъ нихъ представили нерѣдко

¹⁾ Собр. Гос. Грам. и Дог. IV, стр. 404—405.

весьма древніе подлинныя документы, свидѣтельствующіе о „честяхъ“ ихъ предковъ; съ этихъ документовъ въ Палатѣ Родосл. Дѣлъ были снимаемы копіи, подлинники же возвращались владѣльцамъ. Этотъ документальный матеріалъ по 1613 годъ, т. е. до момента воцаренія рода Романовыхъ, до сихъ поръ не изданный и почти никѣмъ еще не эксплуатированный съ научной цѣлью¹⁾, и послужилъ содержаніемъ для предлагаемаго изданія. Тѣ фамиліи, которыя не имѣли возможности представить какіе-либо документы, почти всегда въ концѣ росписи извиняются въ слѣдующихъ, приблизительно, выраженіяхъ: „а жалованныя прежнихъ великихъ князей и великихъ государей царей родственникомъ, прародителемъ и дѣдомъ и отцемъ нашимъ даны были на ихъ чести грамоты и иныя знатныя рода нашего письма, и то въ разные нѣмецкіе и польскіе приходы, и въ разоренія, и въ пожары, и въ моровыя повѣтрія распало“. Быть можетъ, тѣмъ фактомъ, что нечѣмъ было подтвердить родословную роспись, и объясняется то обстоятельство, что въ Палату Родословныхъ Дѣлъ было подано такъ мало родословныхъ.

Слѣды существованія Палаты Родословныхъ Дѣлъ, составлявшей какъ бы департаментъ Разряднаго Приказа²⁾, видны до 1700 г. При нѣкоторыхъ росписяхъ, въ случаѣ споровъ о вѣрности поданной родословной между членами различныхъ вѣтвей того же рода, имѣются производства Палаты, изъ которыхъ видно, что Палата входила въ разсмотрѣніе существа спора и постановляла приговоръ, отвергающій или устанавливающій спорный фактъ (сравн., напр., род. росп. Голенищевыхъ-Кутузовыхъ). Палата Родословныхъ Дѣлъ только частью успѣла выполнить программу, намѣченную закономъ 12 января 1682 г.: составлена была родословная книга только самыхъ знатныхъ родовъ государства, преимущественно Рюриковичей и Гедиминовичей. Книга эта, извѣстная въ настоящее время подъ названіемъ „Бархатной книги“, хранится теперь въ Департаментѣ Герольдіи Правит. Сената и признается официально-достовернымъ документомъ, хотя въ ней имѣются кое-гдѣ ошибки, несомнѣнно доказываемыя сопоставленіемъ сохранившихся документальныхъ данныхъ. Въ основу „Бархатной книги“ Палата Родословныхъ Дѣлъ положила древніе офици-

¹⁾ Въ подлинникѣ этими матеріалами пользовались только: частью проф. В. О. Ключевскій (для своего изслѣдованія „Боярская Дума“) и Н. П. Лихачевъ (для изслѣдованія „Разрядные дѣла XVI в.“).

²⁾ Что эту Палату въ просторѣчій не отличали отъ Разряда, видно уже изъ того, что сами фамиліи считали свои родословныя „поданными въ Разрядъ“.

ціальные родословны и лишь отчасти воспользовалась поданными ей родословными росписями. „Бархатная книга“ издана была въ 1782 г. знаменитымъ Н. П. Новиковымъ; въ это единственное изданіе, составляющее въ настоящее время большую библиографическую рѣдкость, также, къ сожалѣнію, вкрались ошибки или опечатки. Что же касается намѣченныхъ закономъ 12 января 1682 г. родословныхъ книгъ средняго и мелкаго дворянства, то эти книги такъ и остались не составленными и поданныя представителями названнаго дворянства родословныя росписи вовсе не были эксплуатированы.

Производство Палаты Родословныхъ Дѣлъ, составившее въѣкторое количество столбцовъ небольшого размѣра, хранилось вмѣстѣ съ прочими документами Разряднаго Приказа и, по упраздненіи послѣдняго въ XVIII в., передано было на храненіе въ Разрядный Архивъ. Въ 1782 г. всѣ столбцы были еще въ цѣлости и опись ихъ помѣщена при изданіи „Бархатной книги“ Н. И. Новикова. Но въ 1812 г. Разрядный Архивъ, находившійся въ Москвѣ, въ Кремлѣ, былъ разгромленъ французами, при чемъ погибла бѣльшая часть „родословныхъ столбцовъ“, а на лицо осталось только 163 столбца. Съ 1852 г. Разрядный Архивъ, а вмѣстѣ съ нимъ и 163 родословныхъ столбца, вошелъ въ составъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, въ коемъ эти столбцы и составляютъ маленькій, но особый отдѣлъ. Признавая за этими столбцами важное значеніе, первый директоръ Моск. Архива Юстиціи П. И. Ивановъ приказалъ всѣ эти столбцы (и самыя родословія, и сопровождающіе ихъ документы) переписать цѣлкомъ въ книги, коихъ составилось два объемистыхъ тома. На основаніи сдѣланныхъ мною сличеній, могу удостовѣрить, что эта переписка исполнена съ замѣчательною тщательностью и вѣрностью. Въ 1894 и 1895 годахъ пишущимъ эти строки всѣ столбцы были развернуты, раздѣлены на склейки, а послѣдніе переизмерованы, при чемъ, во избѣжаніе опасности перемѣшать склейки изъ разныхъ родословныхъ столбцовъ, на оборотной (чистой) сторонѣ каждой склейки было помѣчено, къ какой фамиліи она относится, съ указаніемъ № столбца. Болѣе ветхія склейки были укрѣплены подклеяками на оборотной (чистой) сторонѣ, при чемъ строго соблюдалось, чтобы наклейки не ложились на написанное въ тѣхъ случаяхъ, когда на оборотной сторонѣ имѣются какія либо надписи (дьячьи помѣты, рукоприкладства и др.). Къ сожалѣнію, эта работа, по независящимъ отъ автора причинамъ, не была вполне закончена. Большинство столбцовъ очень ветхо: такъ, росписи фамилій Казначеевыхъ и Кикиныхъ до того истлѣли, что рассыпаются при развертываніи.

Изложивъ происхождение и судьбу издаваемыхъ актовъ, перейду къ замѣчаніямъ, касающимся непосредственно самыхъ актовъ. Хотя подлинныхъ столбцовъ сохранилось и очень немного, однако оказалось возможно воспользоваться многими такими родословіями, столбцы которыхъ погибли въ 1812 г.: дѣло въ томъ, что до самаго 1812 г. со столбцовъ съ приложенными при нихъ документами списывались копія по прошеніямъ частныхъ лицъ и прилагались къ производствамъ Герольдмейстерской Конторы, Герольдіи и другихъ учреждений; копія родословій имѣются въ настоящее время и у частныхъ лицъ, преимущественно представителей фамилій, подававшихъ родословія (съ такой копію, напр., напечатана родословная Кивинныхъ въ „Сибирскомъ сборникѣ“). Во второй половинѣ XVIII в., по повелѣнію императрицы Елизаветы Петровны, были переписаны, для какой-то надобности, почти всѣ родословные столбцы, и копія эти составили объемистую связку, хранящуюся въ Архивѣ Юстиціи въ качествѣ приложения къ кн. 241 Герольдмейстерской конторы и недавно переплетенную ¹⁾. Это „приложеніе къ кн. 241“ является незамѣнимымъ дополненіемъ къ наличнымъ родословнымъ столбцамъ, такъ какъ въ немъ имѣются копія многихъ уже утраченныхъ столбцовъ. Кромѣ того многіе акты извлечены мною изъ росписей, копія которыхъ имѣются во многихъ книгахъ „Дѣлъ Герольдіи“, хранящихся въ Архивѣ Юстиціи. Часть этихъ „Дѣлъ“ хранится въ Архивѣ Департамента Герольдіи въ С.-Петербургѣ и тамъ тоже есть родословія, но тѣмъ „Дѣлами“ мнѣ воспользоваться уже не представлялось возможности. Такимъ образомъ всѣ акты, помещенные въ предлагаемомъ собраніи, извлечены мною исключительно изъ документовъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи.

Объ интересѣ актовъ, здѣсь помещенныхъ, врядъ-ли приходится много говорить, такъ какъ за нихъ говорить, прежде всего, значительная древность ихъ, а затѣмъ и то, что многіе изъ нихъ, въ особенности самые древніе, относятся къ различнымъ удѣльнымъ княжествамъ, отъ которыхъ вообще удѣлѣо немного памятниковъ письменности; кромѣ того, предлагаемые акты, по разнообразію своего содержанія, представляютъ, безъ сомнѣнія, интересъ и въ юридиче-

¹⁾ Въ составленію, переплетѣ этотъ, сдѣланный въ 1892—1894 гг. крѣпко неудачно: нѣкоторые листы перепутаны и, кромѣ того, вся связка полурасшитой толстыми образами въ одну толстую книгу (in 8°), употребленіе которой, пошитою неудобства вращать столь огромную книгу, угрожаетъ опасностью и здоровью самого манускрипта.

скомъ отношеніи. Главный фонъ юридическихъ актовъ составляютъ: 1) грамоты волостелямъ на кормленіе—до конца XVI в., 2) грамоты намѣстникамъ на кормленіе—до конца XVI в., 3) жалованныя несудимыя грамоты на земли отдѣльнымъ лицамъ до половины XVI в., 4) ввозныя грамоты второй половины XVI в. и XVII в., 5) жалованныя вотчинныя грамоты XVII в.—Болѣе рѣдки: 1) доходные списки волостелямъ и намѣстникамъ, 2) докладныя грамоты о займахъ (конца существованія Рязанскаго княженія) и о продажахъ въ холопство (конца XVI в.), 3) правыя грамоты по суднымъ дѣламъ (второй полов. XV в. вел. кн. рязанскаго Василія Ивановича, затѣмъ двѣ на рубежѣ XV и XVI вв. и одна, весьма характерная, іюля 1584 г.; 4) невмѣстная, 5) полѣтная, 6) купчія кабалы, 7) дѣловая запись, 8) данныя и др. Изъ административныхъ актовъ имѣются наказы воеводамъ XVI в., полковымъ и городovýmъ воеводамъ XVII в. и грамоты по нѣкоторымъ спеціальнымъ случаямъ.

Какъ упомянуто уже, всѣ эти акты—остатки фамильныхъ архивовъ служилыхъ родовъ. Между тѣмъ, изданные доселѣ систематическіе сборники актовaго матеріала (особенно до XVII в.) черпали свое содержаніе главнымъ образомъ изъ монастырскихъ библіотекъ и казенныхъ архивовъ. Такъ, напр., издано очень много несудимыхъ грамотъ монастырскимъ властямъ на земли, но крайне мало несудимыхъ грамотъ отдѣльнымъ лицамъ; въ моемъ сборникѣ имѣется значительное количество послѣднихъ. Тоже самое и относительно грамотъ на кормленія. Это и вполне понятно, принимая во вниманіе источники, откуда черпался доселѣ изданный матеріалъ. Такимъ образомъ предлагаемое изданіе является какъ бы восполненіемъ пробѣла, существующаго въ доселѣ изданномъ запасѣ историческихъ документовъ. Какъ издатель, я остановлюсь преимущественно на замѣчаніяхъ, касающихся редакціонной стороны работы.

Задача дать, по возможности, подлинный текстъ, въ данномъ случаѣ представлялась очень нелегкой: мнѣ приходилось имѣть дѣло не съ подлинными актами, а съ копіями ихъ, сдѣланными въ XVII и XVIII вв. Естественно, что чѣмъ древнѣе актъ, и чѣмъ копія позднѣе, тѣмъ больше искаженій въ текстѣ; такія искаженія, гдѣ приходилось ихъ встрѣчать, я исправлялъ слѣдующимъ путемъ: 1) тщательно сличалъ свои акты съ аналогичными актами, имѣющимися въ существующихъ печатныхъ сборникахъ всякихъ актовъ, и 2) внимательно сравнивалъ копія одного и того же акта въ томъ случаѣ, когда актъ дошелъ не въ одной, а въ двухъ или нѣсколькихъ копіяхъ. Но, во избѣжаніе опасности допустить произвольное исправленіе, безъ возможности быть

провѣреннымъ со стороны читателя, я держался такой системы: 1) когда ошибка въ манускриптѣ была несомнѣнна и несомнѣнно было также и то, какимъ образомъ слѣдуетъ ее исправить, я помѣщалъ исправленное мѣсто прямо въ текстѣ, въ выноскѣ же указывалъ, что именно стоитъ въ манускриптѣ; 2) когда я не былъ положительно увѣренъ, какъ именно слѣдуетъ исправить то или другое испорченное мѣсто, я оставлялъ его нетронутымъ въ текстѣ, въ выноскѣ же помѣщалъ, въ видѣ догадки, предполагаемое мною исправленіе; 3) слова и строки, не сохранившіяся въ манускриптѣ, замѣнялъ точками, когда не представлялось возможности возстановить ихъ путемъ аналогіи съ соотвѣтствующими документами; когда же, въ силу аналогіи, не представлялось затрудненія возстановить изглаженные въ манускриптѣ слова, я прямо и вносилъ ихъ въ текстъ, только ограничивъ ихъ, въ отличіе отъ сохранившагося текста, угловыми скобками. Въ общемъ, исправлять приходилось все-таки очень мало и я нахожу достаточно удовлетворительными даже копіи, сдѣланныя въ XVIII в. Дѣло въ томъ, что какъ писцы XVII, такъ и XVIII вв., когда не понимали документа, предпочитали рабски копировать его, насколько могли разобрать, нежели вносить въ свою копію результаты собственнаго пониманія и догадокъ. Такъ напр., переписывая число ٧١ арабскими цифрами, писецъ не рѣшился измѣнить порядокъ цифръ подлинника, не смущаясь тѣмъ, что у него получилось 71 число января. Благодаря такому свойству писцовъ XVII и XVIII вв., въ большинствѣ случаевъ, при извѣстной степени начитанности въ старинныхъ актахъ, бываетъ не трудно догадаться, что именно стояло въ подлинникѣ вмѣсто слова, помѣщеннаго въ копіи. Кромѣ того, я придерживался еще двухъ правилъ, соблюдать которыя, по моему, долженъ всякій, кто берется за изданіе древнихъ актовъ: 1) всѣ акты съ подлинныхъ манускриптовъ *перелисаны мною собственноручно*, равно какъ лично мной прокорректированы и для печати; 2) каждая копія считана мной, при помощи другого лица, съ подлиннымъ манускриптомъ, причемъ самъ я слѣдилъ по манускрипту: этимъ совершенно устраняется опасность пропуска словъ и строкъ.

Копіи нѣкоторыхъ актовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ собраніи, сохранились до настоящаго времени не при однихъ только родословіяхъ, а также и въ дѣлахъ другихъ учреждений и у частныхъ лицъ; актъ № 175 сохранился даже въ подлинникѣ, въ собраніи грамотъ бывшей Коллегіи Экономіи (въ Моск. Архивѣ М—ва Юстиціи). Вслѣдствіе этого нѣкоторые акты—впрочемъ, немногочисленные,—были уже напечатаны прежде, но не въ сборникахъ актовъ, а пре-

имущественно въ видѣ приложеній къ различнымъ монографіямъ и статьямъ, въ большинствѣ случаевъ составляющимъ, въ настоящее время, библиографическую рѣдкость. Поэтому я счелъ умѣстнымъ такіе акты не пропускать, а вновь напечатать ихъ въ своемъ собраніи, тѣмъ болѣе, что почти всѣ эти прежде напечатанные акты изданы съ ошибками. Относительно тѣхъ грамотъ, которыя были уже напечатаны, у меня вездѣ оговорено въ примѣчаніяхъ. Но при нѣкоторыхъ актахъ нѣтъ оговорокъ, и вотъ почему. Текстъ предлагаемыхъ „Актонъ“ былъ уже напечатанъ еще въ 1895 г. и только по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ мнѣ до сихъ поръ не удалось выпустить въ свѣтъ эту книгу. Весной 1895 г. я получилъ отъ доктора русской исторіи и извѣстнаго археографа Н. П. Лихачева только что тогда напечатанный имъ и выпущенный въ свѣтъ „Сборникъ актовъ, собранныхъ въ архивахъ и бібліотекахъ“ (Спб., 1895, in 8°). Пересматривая эту книгу, я увидалъ, что въ ней напечатаны нѣсколько наиболѣе цѣнныхъ актовъ моего собранія, которые какъ разъ только что и мною были окончены печатаніемъ, а именно акты, помѣщенные у меня подъ №№ 13, 128, 170, 188 и 220 (у г. Лихачева на стр. 240—271); акты эти извлечены были Н. П. Лихачевымъ изъ того самаго манускрипта, которымъ и я пользовался, и объ этомъ я до того времени ничего не зналъ. Я уже не имѣлъ возможности выпустить акты изъ своей книги; но, внимательно сличивъ напечатанное г. Лихачевымъ со своей редакціей, я убѣдился, что въ этомъ и нѣтъ никакой надобности: я не безъ удивленія увидалъ, что всѣ названные акты, безусловно цѣнные, напечатаны г. Лихачевымъ съ такими ошибками, пропусками и искаженіями, что пользоваться ими невозможно. Тѣмъ болѣе я былъ удивленъ, что всегда зналъ г. Лихачева за свѣдущаго и аккуратнаго издателя, требовательнаго къ другимъ и строгаго къ самому себѣ. Неудача изданія Н. П. Лихачева въ данномъ случаѣ объясняется, повидимому, тѣмъ, что онъ не держался правила, котораго я строго придерживался въ своемъ изданіи: переписывать акты съ манускрипта непременно самому. Г. Лихачевъ довѣрился переписчику, который ему и испортилъ все дѣло. Изъ книги Лихачева не видно, было ли ему извѣстно, что акты за №№ 170, 188 и 220 (по моему нумераціи) сохранились не въ одной, а въ двухъ копіяхъ; по крайней мѣрѣ, въ его изданіи нѣтъ тѣхъ исправленій, которыя должны были бы быть неминуемымъ результатомъ сличенія обѣихъ, самостоятельно сдѣланныхъ съ манускрипта XVII в., копій. И еще на бѣду, переписчикъ списалъ для г. Лихачева какъ разъ наименѣе правильныя копіи! Справедливость связаннаго мною вы-

свяется при самомъ поверхностномъ сличеніи моего текста съ текстомъ г. Лихачева ¹⁾). Очень прискорбно, если и другіе акты въ на-

¹⁾ Укажу наиболѣе важныя погрѣшности въ редакціи Н. П. Лихачева. Въ *актѣ № 13* (у г. Лихачева стр. 242—243): „отнялъ, господине, у твоихъ“ ви.: „отнялъ, господине, у насъ у твоихъ“; озерахъ ви. озерехъ; „тягался великою князя“ ви. „тягался князя великою“; *Бобровомъ* ви. *Боровомъ*; „озера дѣла моего“ ви. „озера дѣла моего и отца моего“; жеребья нѣтъ въ тѣхъ озергахъ нѣту ви.: жеребья нѣтъ нѣту; Семируковы ви. Семеруковы; еще ви. ещо; князь Иванъ Федоровичъ ви. князи Иванъ Федоровичи; судѣли мы ви. судѣли есмь; Ескиъ ви. Ески; три года ви. три годы; обвинили меня ви. обвинили мене; я шлю ви. язь шлю; *тажеденъ* ви. *тотъ же день*; исцы ви. исци; крестъ *твом* Остафьевы люди ви. крестъ *твой* Остафьевы люди; *Трифонъ* (!) ви. *Тюфонъ* (Тихонъ); товарищезъ ви. товарищей. Затѣмъ ненужныя подновленія, въ родѣ: Василій, Остафій ви. Василей, Остафей; бится ви. *битца*, товарищи ви. товарищи и т. п., тѣмъ болѣе, что эти подновленія не вездѣ строго проведены.

Въ *актѣ № 128* (у г. Лихачева стр. 240—242): актъ этотъ г. Лихачевъ почему то отнесъ къ 1531 г., хотя онъ датированъ 17 января 1530 г. Затѣмъ: азъ ви. язь; Булешева ви. Булешева; „съ своею женою“ ви. „своею женою“; Хлудева ви. Хлудьева; Юрьева дня ви. Юрьева дни; *разцету* ви. *розчету*; *кой* ви. *ком*; *кабалу* ви. *кобалу*; „вспросилъ: Петрушка!“ ви. „вспросилъ Петрушки“ (эта ошибка встрѣчается трижды); „не знаемъ, не вѣдаемъ“ ви. „мы знаемъ, мы вѣдаемъ“; на дьяка на кабалнаго ви. дьяка *ино* на *набалнаго*; „послалъ же“ ви.: *послалъ же съ*; „господине, по мнѣ нѣтъ“ ви.: „господине, *поруки* по мнѣ нѣтъ“; нѣсто обвинилъ ви. нѣста обвинилъ; *ищейна* ви. *ищейна*; *отдать ему* Иванку ви. *отдать ищеть* (ищцу) Иванку; *велѣлъ есми* ви. *велѣлъ еси*; *отвѣтчикъ* ви. *отвѣтчики*; *деньгахъ* ви. *деньгехъ* (трижды); *вспросилъ* Петрушку ви. *вспросилъ* Петрушки; *деньги тебѣ* ви. *деньги тебѣ*; *ищю* Иванку ви. *ищеть* Иванку; *полтретьякъ* рубляхъ ви. *полтретьехъ* рублехъ; „былъ дворцовый дьякъ Жукъ“ ви. „былъ дворцовой дьякъ Жюкъ“; *Андреевъ* Ивановича ви. *Андреевъ* Ивановичъ; *назадъ* ви. *назадъ*; „за дѣла нѣтъ“ ви. „за *нестроками* гдѣ нѣтъ“; *Васильевъ* ви. *Васильевъ сына*. Болѣе мелкія погрѣшности въ окончаніяхъ, въ пропускахъ ъ опускаю безъ упоминанія.

Актъ № 170 (у г. Лихачева на стр. 243—244) изданъ г. Лихачевымъ почему-то по второй, нѣтъ исправной копій. Ошибки: гѣта 7072 ви. гѣта 7063; *Бомстантиничъ* ви. *Бостентиничъ*; *ложку* ви. *лоску* (дважды); *сквозъ* ви. *сквозъ*; *нелю* ви. *нелю*.

Актъ № 188 (у г. Лихачева на стр. 244—245) изданъ г. Лихачевымъ также по несправной второй копій и, благодаря этому обстоятельству, ошибочно отнесенъ къ 7079 г., хотя эту ошибку можно было бы исправить, руководствуясь увѣщаніемъ объ этомъ самомъ документѣ, съ датой, въ правой грамотѣ 1584 г. *попѣщенной* г. Лихачевымъ на стр. 245—271 (имени), сравн. стр. 256. *Слѣдъ* словъ „Исачковъ безъ нашихъ“ пропущены слова: *дворъ Нечайка*

званномъ „Сборникъ“ Н. П. Лихачева, очень древніе и важныя, издавы такімъ же образомъ.

Придана безъ пашины, а послѣ словъ „Данилова, пашины за шии“ пропущено: во осей деревит сто дошциать: „мо чети“ ви. „чети“; дворъ Елма ви. дворъ Елка. Неудачныя подновленія: Киприакъ ви. Кипреакъ, подъачій ви. подъачій, Никитина ви. Никитина и т. п.

Обширная и крайне интересная правая гранота № 220 (у г. Лихачева на стр. 245—271) издава нѣз также по одной только копій (въ военъ изданіи эта копія наименована первой). Сличенія обѣихъ копій нѣз сдѣлаво не было и вѣдѣствіе этого въ его изданіи получилось такое количество пропусковъ, искаженій и непонятныхъ мѣствъ, что его редакція непригодна для пользованія. Въ виду значительнаго разнѣра акта № 220, ограничусь указаніемъ лишь на самыя крупныя несправности въ текстѣ „Сборника“ Н. П. Лихачева. *Стр. 245: ми ви. мий; Васильева ви. Васильева сына; царской ви. юсударской. Стр. 246: оказался ви. а сказался; прислалъ... изъ Разряда“ ви. „прислакъ... изъ Розряду“. Стр. 247: „та вотчина у тебя“ ви. „та у тебя вотчина“; „и истецъ“ ви.: „и истецъ Тимофей сказалъ“; привели къ Москвѣ ви.: къ Москвѣ привели; Семенку, Семенка ви. Семейку, Семейка; „не для мѣстоу меня вели сьована, но для вотчины меня вели“ вѣсто: „да не для меня мѣстоу вели сьована, для неня вотчины вели“; покажи ви. покажите. Стр. 248: Леонида ви. Оленида; „слася въ томъ“ ви.: „слася въ томъ“; послѣ словъ: „людей съ воротъ на ворота“ у г. Лихачева большой пропускъ въ восенъ печатныхъ строкъ, совсѣмъ обезсмысливающий мѣсто; владѣтъ зятя ви. владѣю зятя; шлю ви. шлюсь. Стр. 249: привели ви. вели (дважды); послѣ „на ворота“ пропущены слова: „и на Старую Резань“; Боргаево, Шутнио ви. Бортинье, Шутитино; произвольно вставлено они бам; Сухотина ви. Сухоткина; Авделова ви. Авдулова; коломыча ви. дѣтей боярскихъ коломынь; Семенку ви. Семейку; „сударевыхъ дворцовыхъ селъ“ ви. „сударевы дворцовы села на“. Стр. 250: вотчиню ви. вотчиною; спрашивали ви. спрашали; Родіонова ви. Се Родіонова. Стр. 251: всякодневную ви. повсякодневную; повелѣав ви. велѣав; пополки ви. пополика. Стр. 252: вылажеть ви. вылежить; „ту свою вотчину“ ви. „та своя вотчина“; послухо ви. послухи; Асонъ ви. Осанъ; Юрья ви. Юрь; и назади ви. а на заду. Стр. 253: велико ви. велико, пашиною; „эту (!) купчую“ ви. „купчею“; „Гриша у Родіона“ ви. „Гриша Шилово у Родіона“; своровалъ ви. своровалъ; „ишетъ, что“ ви. „ишетъ то“; искали ви. искалъ; спрашивали ви. спрашали. Стр. 254: „а (ни:ца) купчей“ ви. „купчей дяка“; послѣ словъ „продавецъ Михаилъ Солового сынъ Петровъ“ неизвѣстно откуда вставлены слова: „да Тимофей Шиловской“, совершенно лишаящія смысла данное мѣсто; смотрѣвъ ви. смотривъ; а Первуша ви. „а язъ, Первуша“; прослушалъ ви. послушалъ; избтало ви. язъ бтало; оуць ви. оу; Шилово ви. Шиловское; Выркова всеъ ви. Выркова всея. Стр. 255: земли вотчины ви. земли вотчинныя; ищелъ ви. ищелъ; живуть ви. живеть; дай же ви. дайте; „сказывайте! вы прикладынали ли“ ви. „ска-*

Н. Иванчина-Писарева: „Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду“ (М. 1843), которой я не имѣлъ случая пользоваться во время печатанія актовъ. Въ приложеніяхъ къ этой книжкѣ напечатаны (стр. 125—127 и 130) акты, помѣщенные въ моемъ собраніи подь №№ 10, 85 и 114. при чемъ начало акта № 10, котораго не хватаетъ въ моемъ источникѣ, у Иванчина-Писарева оказалось на-лицо. Вотъ это начало: „Се язъ, князь великій Василей Васильевичъ, пожаловалъ есми Сенку Писаря, што ево село приданое въ Коломенскомъ уѣздѣ и съ деревнями, да то де село опустѣло отъ татаръ и отъ разбоя люди ся де разошли по инымъ мѣстамъ; и кого въ томъ селѣ и въ деревняхъ посодить своихъ людей изъ иныхъ княженей, а не изъ моей отчины изъ великаго княженей, и тѣмъ людямъ пришло на пятнадцать лѣтъ не надобя моя никоторая дань, ни ямъ, ни подвода, ни писчая бѣлка, ни городное дѣло, ни коня моего кормити, ни сѣвъ моихъ косити, ни иная никоторая пошлина, а пенямъ и дѣломъ старымъ и разбою и грабежу по приходъ дернь и татѣбѣ; а кого въ то село и въ деревни перезоветь старожильцовъ, которые будутъ люди живали переже того, иво имъ на пять лѣтъ не надобе моя ни котоя дань, тако же ни иная ни котоя пошлина, а намѣстницы моя коломенскіе и ихъ тиуны къ нему въ то село и въ деревни къ тѣмъ людямъ никого имъ не всылаютъ ни по што, ни кормовъ не емлютъ, ни доводчики побора не берутъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ, oprичъ душегубства, а вѣдаетъ ихъ и судитъ своихъ людей всѣхъ Сенко самъ

Шерефединову“ вм. „а на Ондрея Шерефядинова“; въ 5 и 6 строкахъ снизу пропуски: „государевы резанцы“ и „Шловской съ своими племянники“; зато въ 9 и 18 строкахъ дважды излишне вставлено *Шуйской; Левъ Михайловъ* вм. *Левецъ Михайловъ; дано намъ* вм. *за нами*. Стр. 270: холопа твою вм. холопи твою *юсударевы; юсударевой* вм. *царской*; „за мною твоего“ вм. „за нами твоего“; „за мною за Картомъ“ вм. „за мною за Картикомъ“; „жеребейки въ с. Шловъ“ вм. „жеребѣи въ с. Ш.“; въ стр. 9 снизу, послѣ словъ: „съ есминою“ пропускъ въ печатную строку; „и приговору“ вм. „и по приговору“; во 2 снизу стр. слово *владѣти* поставлено не на мѣстѣ.

Кромѣ того, крайне неустойчива орфографія: то оставлено правописаніе подлинника, то современное начертаніе: Александръ вм. Олександръ, купчую вм. купчею, Шереф-диновъ вм. Шерефядиновъ, Нивита вм. Миита, окончанія *ій*,—*тъся* вм. *ей, ой, и тца*,—и обратно. Нельзя не указать также на ошибочную разстановку знаковъ препинанія: было бы лучше, въ такомъ случаѣ, ихъ вовсе не ставить. Почти нигдѣ нѣтъ красныхъ строкъ и вносныхъ знаковъ, что затрудняетъ чтеніе и пониманіе грамоты. Неудобно также было замѣнять арабскими цифрами числа числительными, изображенными въ документѣ словами.

или кому прикажетъ. А будетъ судъ смѣсный, и намѣстницы и ихъ тіуны судять, а Сенко съ ними судить или кому прикажетъ....“ (дальше какъ у меня). Замѣчу встати, что въ актѣ № 85 чтеніе Иванчина-Писарева „апрѣля въ 21 день“, можетъ быть, и правильнѣе.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить искреннюю благодарность профессору Василю Осиповичу Ключевскому за нѣкоторыя руководящія указанія, а также бывшимъ сослуживцамъ моимъ по Архиву Министерства Юстиціи: Н. Я. Совѣтову, при помощи котораго считаны были мною съ манускриптомъ почти всѣ акты, и Н. О. Бѣлявскому и Н. П. Чулкову за сообщеніе нѣкоторыхъ родословныхъ росписей, найденныхъ ими въ „Дѣлахъ Герольдів“.

А. Юшковъ.

7 декабря 1897 г.
г. Бровяны.

А К Т Ы

XIII—XVII вв.,

представленные въ Разрядный приказъ представителями служилыхъ фамилій послѣ отиѣны жѣстничества.

XIII вѣкъ.

№ 1.—1257 г.—Жалованная грамота великаго князя рязанскаго Олега Ингваревича ¹⁾ Ив. Шайну на поле по р. Пронѣ. ²⁾

Се азъ, великiя князь Олегъ Ингваревичъ рязанской — пришелъ есте къ намъ на Рязань къ Чернигова владѣтель черниговской Иванъ Шайнъ, а съ нимъ есте многiе люди ево, что есте былъ онъ посаженъ отъ Батыя на Черниговѣ владѣтелемъ, и азъ, князь велики, вѣдая ево,

¹⁾ Олегъ Ингваревичъ, прозвище *Красный*, былъ великiй князь рязанскiй съ 1252 по 1258 г. Онъ—отецъ св. мученика кн. Романа Ольговича, замученнаго въ ордѣ въ 1270 г.—См. „Исторiя ряз. княжества“ *Д. И. Любайскаю*, Сочиненiя, т. I стр. 90.—*А. В. Экземплярскiй*, Великiе и удѣльные князья, т. II стр. 572.

²⁾ Эта грамота входитъ въ составъ грамоты отъ 6-го ноября 1556 года (см. далѣе), напечатанной г. Лихачевымъ въ книгѣ „Разрядные дѣянія XVI в.“ (выноска къ стр. 357). Г. Лихачевъ считаетъ послѣднюю подложной вслѣдствiе „слога ея и излишняго многословія“, при чемъ приводитъ также слѣдующее мѣсто изъ Карамзина (т. IV, прим. 90): „одинъ изъ моихъ прiятелей отдалъ въ Архивъ Иностранной Коллегiи грамоту, будто бы писанную Олегомъ Ингваричемъ въ 1257 г. на имя хаусака свойственника Ивана Ша... Но сія грамота есть подложная: 1) писана на бумагѣ, 2) слогомъ новымъ (мѣсто *мѣта* сказано въ ней *юда*, также *Ингваревичъ* мѣсто *Ингваричъ*, 3) носковая печать приѣлана, а не привѣшена, какъ обыкновенно въ старину дѣлалъ“. Документъ, о которомъ говоритъ Карамзинъ, повидимому, не дошелъ до насъ; быть можетъ,

Ивана Шанна, породы ханска и война добра, велѣлъ есте ему от-
вестъ поле по рѣкѣ Пронѣ и до колодезе Чюрлокове со всякомъ (sic)
угодье владѣти. А хто станеть спирать¹⁾, высылать къ великому
князю. А ся владѣльница даде 6000 семьсотъ шестьдесятъ пятой годъ
безповоротно.

*При родосл. росписи Измайловыхъ („племени ханска“²⁾), кн. Ге-
рольдм. Конторы кз № 241 л. 309.*

онъ даже и не былъ подлинной грамотой, а лишь испорченной копией ея. Намъ
кажется болѣе правильнымъ считать эту грамоту не подложной, а только сильно
попорченной (напр. странное употребленіе слова „есте“); но въ общемъ — это
отраженіе какого то дѣйствительно древняго текста. Къ этому заключенію сло-
няютъ употребленіе древнихъ словъ „владѣльница“ и „спирать“. Последнее (въ
смыслѣ *попирать, пренебрегать*) употреблено здѣсь въ томъ самомъ смыслѣ, въ
какомъ оно встрѣчается въ намятникѣ, почти современномъ нашей грамотѣ—въ
русскомъ переводѣ греческаго „Ипполита епископа и мученика изложенія о Хри-
стѣ и антихристѣ“; переводъ этотъ относится къ XII столѣтію или началу XIII.
Въ § 20 этого сказанія читаемъ: „и прочьша мотами смиримъ“ („Слово св. Иппо-
лита объ антихристѣ въ славянскомъ переводѣ по списку XII в.“ *К. Невострова*.
М. 1868.) Въ виду этого мы, въроятнѣе всего, нижемъ здѣсь дѣло не съ подле-
гомъ, а съ порчей текста.

¹⁾ Въ нашей рукописи описка: *стиратъ* вм. нужнаго „спирать“. Исправляю
по тексту Лихачева.

²⁾ Есть еще другая фамилія Измайловыхъ—литовскаго происхожденія.

ХІV вѣкѣ.

№ 2.—1351—1402 г.—Купчая, по коей великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ съ зятемъ своимъ Иваномъ Мирославичемъ продала Солотчинскому монастырю Феодорково селище.

Списокъ съ списка подлинныя грамоты слово въ слово.

Юзь, князь великіи Олгъ Ивановичъ, поговоря з зятемъ своимъ с Иваномъ Мирославичемъ, продоли есми святѣи Богородицѣ на Солотшу игумену Феодору Феодорково селище. Ато ¹⁾ зовуть къ себѣ людей, и тягость имъ ненадобна три лѣта. А волостель мой въ околицу не въѣждаетъ, ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ; а резалномъ бо виною и поличнымъ, а тѣ знаютъ святую Богородицу игумена Феодора. А пожаловалъ есми съ стольникомъ своимъ Александромъ Глѣбовичемъ и чашникомъ своимъ Григорьемъ Яковлевичемъ.

У подлинной грамоты назадъ пишеть:

Явлена.

У подлинной же грамоты печать.

Къ подлинному списку архимандритъ Павелъ руку приложилъ.

А подлинная грамота въ Солотчинскомъ монастырѣ въ казнѣ. Беларъ Пахомей руку приложилъ.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 6.

¹⁾ Слѣдуетъ вѣроятно: *А что.*

Х V в ѣ к ѣ.

№ 3.—Съ нач. XV в.—1463.—Жалованная несудимая грамота послѣдняго ярославскаго князя Александра Феодоровича Брюхатаго ¹⁾ Александру Рудину на село Онисимле съ деревнями.

Списокъ съ ввозной грамоты великаго князя ²⁾ Александра Феодоровича.

Се азъ, князь Александръ Феодоровичъ, пожаловалъ есмь Александра Васильева сына Рудина: хто въ его землѣ въ Онисимлѣ селѣ и въ деревняхъ, кои деревни истарины потягли къ Онисимлю, и въ Проку и Высоцкомъ да на Дубоносѣ ³⁾—хто иметь жити его людей и монахъ людей вольныхъ въ тѣхъ земляхъ, и мом вольные люди и доivotчики къ Олександру въ тѣ земли не въѣзжаютъ и ихъ сылають не по што, ни пристава на Александра и на его людъ не даютъ, ни судить ихъ: судить Александръ свой людъ самъ. А смѣшается судъ Александровымъ людемъ съ волостнымъ человекомъ, и Александръ судить съ волостелемъ, а ⁴⁾ прибытокъ по человекѣ: чей человекъ, [того и] прибытокъ; а тѣмъ людемъ Александровымъ ненадобъ ниъ никаковалинь, ни тамга, ни явка, ни но[во]женая куница. А што Александровы люди купятъ или продадутъ, и они ⁵⁾ являютъ своему

¹⁾ Когда этотъ князь вступилъ на престолъ—неизвѣстно. Въ 1463 г. ярославское княженіе продано Ивану III. Умеръ Александръ Феодоровичъ въ 1471 г. *Экземплярскій*, В. и уд. князья, т. II, стр. 94—96.

²⁾ Ярославскіе помѣщики Рудины, представившіе эту грамоту въ Разрядъ 20 февр. 1687 г. при своей родословной, сами не знали уже, какой это кн. Александръ Феодоровичъ упоминается въ ихъ грамотѣ, и негадали, что это Александръ *Невскій*. Они начинаютъ свою родословную такъ: „при в. князѣ Александрѣ Феодоровичѣ Невскомъ служили...“

³⁾ Въ XVII в. (въ концѣ) эти мѣстности, по указанію родословной, находились въ Кдомской вол. Ярославскаго уѣзда.

⁴⁾ Въ ркн. и

⁵⁾ Въ ркн. по ошибкѣ и не.

старшему Александру. А пожаловалъ есми его своею госпожею маткою вьнягинею Авдотьею. А грамоту писалъ князь Александровъ дьякъ Филать.

А у подлинной грамоты печать на черномъ воску.

При родословной росписи ярославскихъ помѣщиковъ Рудиныхъ, кн. Герольдм. конторы кз № 241 лл. 619 об.—620.

№ 4.—1424 г. января 30.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василя Дмитріевича Ив. Кафтыреву на земли въ Осѣцкомъ стану Костромскаго уѣзда.¹⁾

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великій Василей Дмитріевичъ, пожаловалъ есми Ивана Кафтырева, отоего ²⁾ земли въ Костромскомъ уѣздѣ въ Осѣцкомъ стану, и тѣ-де земли у него нынеча опустѣли моромъ и межевиною вымерли, а инья розошлись. И кого къ себѣ перезоветь на тѣ на свои земли люди тутошнихъ сторожилцевъ, и тѣмъ людямъ не надобѣдъ мая дань на три годы, ни ямъ, ни подвода, ни письчая бѣлка, ни иная никоторая пошлина. А каго къ себѣ перезоветь люди на тѣ земли изъ ыныхъ княженій, а не изъ моей вотчины изъ великаго княженія, и темъ людямъ пришлымъ на десять лѣтъ нѣнадобѣдъ мая дань и письчая бѣлка, ни ямъ, ни подвода, ни иная никоторая пошлина. А мои намѣспници костромские и ихъ тиуни до уроковъ къ темъ людямъ пришлымъ и старожильцемъ, кого къ себѣ призоветь, и къ темъ людямъ пришлымъ не въсылають ни по што, ни доводчики

¹⁾ Грамота эта, судя по всему, была весьма тщательно описана съ подлинника: скопированъ даже виѣшній видъ нѣкоторыхъ буквъ, удержано ш, которое въ копіяхъ вообще почти не встрѣчается. Копія, по ея снятію, проверена была дьякомъ, который другими чернилами сдѣлалъ кое-какія поправки; рубъ дьяка принадлежитъ написанная „складомъ“ (т. е. прописью) дата грамоты и замѣчаніе о восковой печати. Дата грамоты написана сперва была буквенными цифрами: *лѣтъ* (6902), которыя даютъ 1394 г.; но дьякъ зачеркнулъ эту цифру и поставилъ прописью 6932 г. (1424 г.) Родословная роспись, упоминающая объ этой грамотѣ, данной Ив. Ив. Кафтыреву, приводитъ 6902 г.; впрочемъ, копію съ грамоты писалъ, кажется, то же самое лицо, коимъ написана и самая роспись. Хотя оба эти года относятся къ княженію одного и того же вел. кн. московскаго Василя Дмитріевича, однако намъ думается, болѣе вѣроятія заслуживаетъ послѣдняя изъ этихъ двухъ датъ, по поправкѣ дьяка—1424 г. Внизу склейки рукой послѣдняго приписано: „чолъ И. II“.

²⁾ Вѣроятно, *отца его*.

ихъ у нихъ побора не берутъ, опрочѣ душегубства, а судить тѣхъ людей пришлыхъ до уроковъ самъ Иванъ. А смѣшадца (sic) судѣ волостнымъ людямъ съ его людьми, и намѣсницы или воластели ихъ тѣмъ судятъ, а Иванъ съ ними судятъ или кому приважеть, а присудомъ съ дѣлатъ ¹⁾. А отсидятъ свои уроки, и они ²⁾ потянутъ в боярскими сиротами къ чернымъ людямъ въ дань мою по силѣ, а судомъ къ городу. А через сю мою грамоту хто что на нихъ возьметъ или ихъ чѣмъ изобидятъ, быти отъ меня въ казни. А дава грамота на Москвѣ мѣсяца гснваря въ 30 день въ лѣто шестытысящое девятьсотное тридцать второе.

У подлинной грамоты позади пишеть: Михайло Федоровичъ.

Печать вислая на нитѣ на черномъ воску.

При родосл. росписи Кафтыревыхъ, родосл. столб. № 91 склейка 3.

№ 5.—1425 г. августа 28.—Грамота великаго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго о пожалованіи Ивану Григ. Раслу съ сыномъ Конономъ волости Лузы въ кормленіе.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се кнѣзь, князь великии Василей Васильевичъ всеа Руси, пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвище Иватя, Протасьева и сына его Конона Ивановича волостью Лузою за ихъ къ намъ выѣздъ въ кормленья. И вы, всѣ люди тое волости, чтяте ихъ и слушайте, а они насъ вѣдають, а судити и ходити велать у васъ тѣпомъ своимъ, и доходъ имать по наказному списку. Писавъ на Москвѣ лѣта 6933-го августа въ 28 ³⁾ день.

А у подлинной грамоты назади пишеть:

Князь великии Василей Васильевичъ всеа Руси.

Печать вислая—на красномъ воску орель.

При родосл. росписи Протасьевыхъ, столб. родосл. № 59 склейка 1, также при росписи Чаадаевыхъ, кн. Герольд. конт. къ № 241 л. 144и шор

¹⁾ Въ рукописи стоять: дѣлатъ.

²⁾ Въ рси и им.

³⁾ Въ рукописи при росписи Чаадаевыхъ стоять цифра 27.

№ 6.—1426 г. апрѣля 20.—Грамота великаго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго о пожалованіи Ив. Григ. Раслу съ сыномъ Конономъ мещерскихъ городовъ Елатмы и Кадомы въ намѣстничье кормленіе.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великии Василей Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Расла, прозвища Ивата, Протасьева и сына его Конова Ивановича въ кормленье въ Мещерѣ городомъ Елатмою и Кадомою съ мыты и съ перевозки и со всѣми намѣстничьи доходы и съ пошлиною, что было дано за выѣздъ отцу ево Иванову. И вы, всѣ люди тѣхъ городовъ и становъ и волостей, чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдаютъ, а судити и ходити велятъ у васъ тиунамъ своимъ, а доходъ имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ лѣта 6934-го году апрѣля въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади пишеть:

Князь великии Василей Васильевичъ всеа Русіи.

Печать на красномъ воску вислая.

При родосл. росписи Протасьевыхъ, столб. родосл. № 59 склейка 4, также при росписи Чаадаевыхъ, кн. Гер. конт. къ № 241 лл. 1006—1007¹⁾.

№ 7.—1427—1456 г.—Жалованная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ѳедоровича²⁾ Солотчинскому монастырю на село Филиповичи съ уѣздомъ.

Списокъ съ списка подлинныя грамоты слово въ слово.

Азъ, князь великии Иванъ Ѳедоровичъ, поговоря з дядею своимъ з Григорьемъ с Ивановичемъ, пожаловалъ есми игумена Ларивопня Пречистыя монастыря Солотчинскаго: далъ есми село свое Филиповичи съ уѣздомъ покамѣсть уѣздъ былъ къ тому селу моей бабѣ великой княгини Соєи; и спъ вѣдаетъ по тому жъ съ пивами и съ по-

¹⁾ При росписи Чаадаевыхъ на этомъ же листѣ слѣдуетъ начало другой древней грамоты: „Се азъ, князь великии Василей Васильевичъ, пожаловалъ есми Матвѣи Ивановича Иватина да сына его...“ На этомъ л. 1007 обрывается и далѣе идетъ роспись кн. Чертенскихъ.

²⁾ Внукъ знаменитаго рязанскаго князя Олега Ивановича, сынъ Ѳедора Ольговича; † 1456 г.—*А. В. Экземлярскій*, Вел. и уд. князья, т. II стр. 596—599.

жнею и со всею пашнею. А люди къ себѣ зоветь съ иныхъ сторонъ— и кого къ себѣ призоветъ изъ нова княженія, и изъ даль тѣмъ людемъ—дань свои и ямъ отложилъ на три года. А въ одномъ княжествѣ кого къ себѣ призоветъ людей, и тѣмъ на два года не надобѣтъ ни данья, ни яму. А волостель мой въ его въ уѣздѣ не въѣзжаетъ, ни боровъщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ, ни бортникъ. А резальника ѿзъ (sic) вина полишная и татинъ рубль изъ его села изъ ѿзда къ волостелю моему неидеть, а что учинитца татѣба въ его уѣздѣ промежъ людей его (sic). А пожаловалъ есмь бояриномъ своимъ Прокофьемъ Давыдовичамъ ¹⁾ и стольникомъ Яковомъ Ивановичемъ, чашникомъ Семеномъ Глѣбовичемъ, чашникомъ же Ѳедоромъ Юрьевичемъ.

У подлинной грамоты печать.

У подлинной же грамоты назадъ пишеть: Явлена.

Къ подлинному списку архимандритъ Салотчинскаго монастыря Павелъ руку приложилъ, а подлинная грамота въ Салотчинскомъ монастырѣ въ казѣ.

Келарь Пахомей руку приложилъ.

При родословной росписи Апраксиныхъ - Вердеревскихъ, родосл. столб. № 160 склейка 6.

№ 8.—1427—1456 гг.—Жалованная несудимая и льготная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ѳедоровича Аѳанасію да Василь Бузовлямъ на село въ волости Острой Лукѣ.

Списокъ зъ грамоты ²⁾.

Язъ, князь великіи Иванъ Ѳедоровичъ, пожаловалъ есмь Аѳанаса Бузовля да Васку Иванова сына Бузовля: далъ есмь имъ сѣсти въ

¹⁾ Изъ фамиліи *Шиловскихъ*, рязанскихъ дворянъ. См. ихъ роспись въ кн. Герольди. конт. въ № 241 лл. 1143 1182, также родосл. сборникъ Рушеля и Голубцова, стр. 716.

²⁾ Въ росписи старинныхъ рязанскихъ помѣщиковъ Бузовлевыхъ, при ней представленъ былъ подлинникъ этой грамоты, имѣются любопытныя данныя относительно иногда практиковавшагося въ ту эпоху способа храненія фаншальныхъ документовъ. „въ лѣто 6910, во дни великаго князя Ѳедора Олговича рязанскаго, былъ нѣкто мужъ татарскіе породы Чекнугай, презвище Бузовля, а откуда онъ выѣхалъ на Рязань при томъ великомъ князѣ, про то невѣдомо за многими лѣтами а затѣмъ, что которыя были даны жалованныя грамоты того великаго князя Ѳедора Олговича на выѣздъ, и тѣ грамоты въ татарское разореніе пропали; а какимъ поведеніемъ пропали, и про то извѣститца въ сей родовой росписи ниже сего“. Одинъ изъ Бузовлевыхъ, Степанъ Васильевичъ, при царѣ

Остролуцѣ, что Иванъ Бузовль купилъ у Остролуковыхъ у Михаила да у Васки отца ихъ село и вотчину землю бортную, а Федоръ Бузовлевъ у брата своего у Ивана купилъ половину того села и половину вотчины земли бортной, и Ованасу знати брата своего Федорову куплю его жеребей половину того села въ Острой Луцѣ и половину вотчины земли бортной, а Васки отца своего куплю Ивановъ жеребей знати половину того села Остролуковыхъ и половину вотчины земли бортной, и езы, и перевѣсы всѣ имъ знати по половинѣ. И кого призовуть къ себѣ на то мѣсто новыхъ людей с ѣныхъ сторонъ, цени есмь отложилъ имъ по ихъ приходъ, а дань и ямъ не надобя имъ, ни которая тягость на 3 года. А волостели мои въ околицу ихъ не въяздають, ни ямшикъ, ни бобровникъ, ни боровшикъ, ни завасникъ, а резанка 3-ть, вина и поличная къ волостелю моему отъ нихъ изъ околицы нейдетъ, ни татинъ рубль, шго учинитца татьба въ ихъ околицы промежъ ихъ которогъ (sic) людей. А пожаловалъ есмь ихъ съ окольничемъ Григорьемъ Давыдовичемъ¹⁾ да чапшикомъ своимъ Федоромъ Юрьевичемъ.

А въ подлинной грамотѣ лѣта и числа не написано. А которая была у той грамоты печать, и та печать во многіе годы стерлась. А назади написано, и того прочесть невозможно для того, что во многія лѣта стерлось же. Да назади жъ написано черленнымъ черпиломъ таково: Л.

На оборотной сторонѣ списка съ грамоты рукоприкладства: 1) Льва Бузовлева и вмѣсто его отца Ипатія Григ. и дяди Вас. Мих. Бузовлевыхъ, 2) Якова Б. и вм. Богдана и Любима Бузовлевыхъ, 3) Савы Б. и вм. Ивана Дм. и Ивана Терентьев. Бузовлевыхъ,

Федоръ Ивановичъ взятъ былъ въ плѣнъ въ Крымъ, гдѣ и пропалъ безвѣстно. Ниже въ росписи читаемъ: „а которыя жаловальныя грамоты, выше сего помянутыя, были даны прародителю нашему Чекпугаю на выѣздъ, и тѣ грамоты въ то татарское разоренье, какъ попомъ взяли Степана Бузовлева, пропали безвѣстно и послѣ его, Степана, у родственниковъ его ни у кого не объявлялись. А которыя жаловальныя грамоты великихъ князей резанскихъ Ивана Федоровича, Василія Ивановича и в. государя царя и в. кн. Ивана Васильевича помянулись выше сего въ сей родовой росписи, и съ нихъ поданы списки за руками всего роду педь семъ родовою росписью, и тѣ жалованныя грамоты поелъ его Степанова полоннаго взятъа нашелъ Иванъ Родионовъ сынъ Бузовлевъ (жившій около половины XVII в.)—зарублены въ митъ. А, знатно, и тѣ жаловальныя грамоты в. кн. Федора Ольговича резанскаго пропали такимъ же обычаемъ — *идъ зарублены въ такомъ же древетъ.*“

¹⁾ Изъ фамиліи Шиловскихъ. См. выноску выше на стр. 8.

А) Степана В. и км. Ив. Из. да Дн. Бузовлевнхъ, б) Григ. Бузовлева км. Агана Бузовлева.

Подсловаши столбец № 81, склейка 3 (при родосл. росписи Бузовлевыхъ).

№ 9. - 1434 г.—Жалованная несудимая и льготная грамота великаго князя московнаго Василия Васильовича Темнаго Гридкѣ Свишьину на переславль-залѣское сельцо Романовское съ деревнями.

Списокъ и грамоты.

Чю днхъ, князь великий Василей Васильевичъ, пожаловалъ есми Гридкѣ Андреева [сына] Свишьина въ Переславль своимъ сельцомъ Романовскимъ и а деревнями, што была деревня за Загаровскимъ, и съ лифвомъ и а серебромъ и з животиною—со всемъ съ тѣмъ, что въ немъ есть и что к нему по туглу истарини и судонъ; да также есми чю пожаловалъ наместничьи мои переславскіе избы пошлины Гридкѣ на то сельцо и на деревни къ его людемъ не взымають ни по што ни и купчина у нихъ не емлютъ, а доводчики побора у нихъ не берутъ и не скупае ка...я его люде ни къ чему, опроче душегубства, а скупае емлютъ людемъ Грідка самъ во всесть или кому прикажетъ. А скупае не скупае съ дѣлами казакъ. А кому будетъ чего искати на Грідкѣ или на его людехъ, яко въ сѣку азъ, князь великий, или кто иной Андрейка или кто.

Лето 6943-го лѣту.

А грамота и наместничьи грамоты князю Оскарь Ивановичу. А во всемъ грамоте на грамоте азъ. А грамота списъ въ подлинной грамоте рече... по грамоте князю Оскарь Ивановичу строки...

...и ... 241 а 718.

№ 10. 1434 г. грамота Василия Васильевича Темнаго Гридкѣ Свишьину на переславль-залѣское сельцо Романовское съ деревнями.

...
...
...
...
...

введены. А хто ся сее моей грамоты ослушаетъ, быти отъ мене въ казни. А на сю грамоту нын грамоты нѣтъ. А дана грамота на Коломнѣ апрѣля въ лѣтѣ 6949-е.

Назадъ пишетъ: Князь велики.

У подлинной грамоты въ девятьсотомъ году переписано инымъ черниломъ.

При родословной росписи Писаревыхъ, Герольд. конт. кн. № 241 л. 532.

№ 11.—XV в., вторая половина.—Малованная грамота удѣльнаго князя пронскаго Федора Ивановича дядѣ его Григорію Ивановичу на землю подѣ Чимовскимъ лѣсомъ.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Изъ, князь Федоръ Ивановичъ ¹⁾, пожаловалъ есмь дядо своего Григорія Ивановича: далъ есмь ему сѣсти на Кишиѣ подѣ Чимовскимъ лѣсомъ; и призоветъ въ себѣ людей съ обѣихъ сторонъ—а кого къ себѣ призоветъ новыхъ людей, тягость имъ ненадобѣ некоторая на три лѣта; а въ околицу въ его волостель мой не въѣзжаетъ, ни ямникъ ²⁾, ни боровщикъ, ни бобровникъ. А изъ околицы изъ его рѣзанья ѣ вина поличная, рубль татинъ въ волостелю моему нейдетъ. А пожаловалъ есмь его Александромъ Глѣбовичемъ, стольникомъ своимъ Григорьемъ Васильевичемъ ³⁾.

При родосл. росписи Анраксиныхъ-Вердеревскихъ, родосл. столб. № 160 склейка 6.

¹⁾ Это, по всей вѣроятности, удѣльный пронскій князь Федоръ Ивановичъ, жившій въ XV в., о комъ нѣтъ прямыхъ лѣтописныхъ данныхъ. Другого Федора Ивановича нѣтъ въ поколѣніи рязанскихъ князей. Притомъ свѣдѣнія, сообщаемыя нашей грамотой, сходны съ показаніями родословія: мать упоминаемаго въ грамотѣ Григорія Ивановича, родная сестра в. кн. Олега Ивановича Настасья Ивановна (жена мурзы Салахмира, въ крещеніи Ивана Мирославича), была двоюродной сестрой пронскаго князя Владиміра Ярославича-Дмитріевича, родного дѣда нашего Федора Ивановича; слѣдовательно, сынъ ея Григорій Ивановичъ, дѣйствительно, приходится дядею Федору Ивановичу, какъ показано въ нашей грамотѣ. См. родословіе князей рязанскихъ въ I т. „Бархатной книги“ Навкина, родословныя таблицы рязанскихъ князей у Эзенпларскаго—„В. и удѣлн. князья“, т. II, и у Иловайскаго—„Исторія Рязанскаго княжества“, еоч. т. I.

²⁾ Сперва написано было *ямникъ*, но поправлено.

³⁾ Въ концѣ грамоты было написано: „У подлинной грамоты назадъ пишетъ: „князь велики“. У подлинной же грамоты печать“, но зачеркнута тѣмъ же черниломъ, коимъ написанъ и самый списокъ грамоты.

№ 12.—XV в., вторая половина.—„Родовое письмо“ фамилии резанскихъ помѣщиковъ Шиловскихъ.

Списокъ родового письма:

Въ лѣто 6751 ¹⁾ ис цесарскія державы римскія страны мужи славены и добра рода, Александръ да Михалка Кастантьевича ²⁾ Шиловскіе пріѣхали къ королю Лешку польскому, а въ то время князашу ³⁾ въ Кіевѣ великому князю Данилу Романовичю; тотъ же велики князь Данило Романовичъ писася самодержцемъ русіе земли, сыну же своему Льву вди дочь короля Венгерского. И слыша, что кіевскіе князи храбрѣе и благочестію ревнители, и не восхотѣ жити у короля польского Лешка; покиня ма[ет]ности, пріѣхали въ Кіевъ къ великому князю Данилу Романовичю и къ сыну его князю Льву, а съ ними челюднихъ 86 мужей, а наши и приняли радосно и удоволили честію великою и богатствомъ. А по смерти отца своего великого князя Данила Романовича, великій князь Левъ Даниловичъ повеле заложити великіи градъ и, создавъ, повеле назвати отъ своего имени Львовъ, Александра же Костентивича посади наместникомъ во Львовѣ ⁴⁾ во владѣнья взаему ⁵⁾, Михалка же удержава при себѣ—въ покои своемъ путѣ правиль. А послѣ великого князя Льва Даниловича въ Кіевѣ пребывая ⁶⁾ владѣя даньемъ ⁷⁾ великого князя Льва Даниловича. А приде ⁸⁾ въ Кіевъ велики князь Литовскій Гедимонтъ, а кіевски князь Станиславъ своими полки и князи встрете на рѣкѣ Пирнѣ, и на той рѣкѣ отъ Гедимина побѣжденъ князь кіевскій Станиславъ своими силами; а Михалка с сыномъ Юрьемъ на томъ бою убили. А князь кіевскій Станиславъ побѣже князю резанскому и потомъ самъ княземъ ⁹⁾, а бояръ взялъ съ собою Дмитра Александровича Шиловского да Василья Яковича Поляновского; а Михалковъ сынъ Казимеръ поиде къ королю польскому Ягелу; на дорогѣ Дмитро

¹⁾ Въ самоі росписи 6718.

²⁾ Въ росписи *Константиновича*.

³⁾ Въ рип. *князашу*.

⁴⁾ Въ рип. *во Льтавь*.

⁵⁾ *Вѣроятію, вди ему*.

⁶⁾ *Пребывалъ?*

⁷⁾ Въ рип. *данъ ему*.

⁸⁾ Въ росписи: *приде войною*.

⁹⁾ Въ росписи: *потомъ и самъ княземъ былъ*.

умре, а сына его Владислава взять съ собою—по великомъ князѣ Станиславѣ въ княженяхъ резанскихъ въ чести пребывавъ Владиславъ с сыномъ Александромъ: иде имъ татинъ рубль и пошлина. У Александра сынъ Тимошъ да Давыдъ. А не ходивши они въ муромскимъ княземъ данъ симъ на владѣнне великихъ князей резанскихъ з бояры и съ мужи владѣти даньемъ своимъ. У Тимоша сынъ Ананья, у Давыда два сына: Григорей, Прокофей; у великого князя Ивана Ѳедоровича Григорей Давыдовичъ окольнічей, съ нимъ чапвики ево великого князя Ѳедоръ Юрьевичъ. У Григорья сынъ Василей Григорьевичъ такъ рекъ: великнй князь Иванъ Ѳедоровичъ, что есми изъ старины дали прадѣды наши великіе князи двѣ околицы, пять погостовъ, писано *въ ней триста семи словосна полтора снъ ели заежны сто и шездесать венрия и закуовъ двесте семинаси з бортны мпоземом* и съ озеры и съ перевѣсици съ резанскими шездесать съ навинами и стольнами со всѣми пащенными, и то знаютъ еси они жъ, коимъ старины и село Нельское и отъ Колиду князь Ока рѣки по берегу, а въ селѣ церковь Успенія Пречистые, предѣлы чудотворце Микола да Катерина великая еъ вотчиною землею и съ крестьяны еъ пожнямы по рѣкѣ по Окѣ и по озеро Бокина и Боровое и Азерки и всякія рыбныя ловли и мыто и перевозъ и перевѣсъ со вспуды и з бортною землею и з бортники и съ лѣсомъ и з звѣринымъ; и тѣхъ бортниковъ, которые имъ даны, свободно имъ посылать и доходъ бортниковъ съ нихъ иматъ, а бортникомъ великого князя знати свои угоды и озеры подселные всѣмъ еси власти из старины своимъ владѣннемъ. А за честь Ананьи Тимошевича, что ему велѣлъ велики князь быть въ чинех зритель пути полкомъ на первыхъ бояръ и мужей, и Григорью Давыдовичю за его честь околицу бортную за Глѣбовскимъ лѣсомъ на рѣкѣ на Тынордѣ помедную и бортную землю и з бортники деревню Первичи съ угоды и со крестьяны, да на рѣкѣ Непложѣ деревня Тодакова со крестьяны и съ земомъ и съ угоды. А хто къ нимъ людей и крестьянъ придетъ въ ихъ селы и околицы и в деревни жить за нихъ изъ иныхъ князевъ, а не изъ великого князя вотчины, и тѣмъ людемъ пришлымъ, по данью великого князя, не надобе его, великого князя, дань и тягость никоторая на десять лѣтъ; а волостели великого князя къ нимъ въ околицу не въѣздають и крестьянъ ихъ не замлютъ, ни ямщикъ, ни бордвщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ, а поличное изъ нихъ изъ околицы къ волостелю великого князя нейдетъ, ни татинъ рубль, что учивитца въ ихъ околицы промежъ людей ихъ и крестьянъ, инъ не вступитъ: вѣдають то ихъ властели. Писано съ поллинные выѣзжей грамоты, рука и печать великого кня-

28. А чинюшюи грамоти князь Данилю Тимофѣевъ сынъ, а Угрии Шиловои съ браться Григорьевъ сыновъ князи родовое письмо. Рубу приложиша Данилю Шиловои.

При родословно-і росписи Шиловои, Гор. пом. кн. кз № 241, лл. 1146—1148.

Примечаніе. Это „родовое письмо“ приписано при росписи Шиловои въ числѣ другихъ грамотъ князя донучица. Можно думать, что оно составлено во второй половинѣ XV в., въ концѣ в. кн. рязанскаго Ивана Федоровича, или около этого времени, такъ какъ, независимо отъ веденія отъ князя Василья Григорьевича Шиловои („Василій Григорьевичъ такъ рекъ“), который былъ въ числѣ бояръ этого великаго князя (см. грамоту № 13, въ концѣ). Василій Григорьевичъ какъ бы отъ своего имени излагаетъ содержаніе двухъ грамотъ, данныхъ ему и его отцу в. князю Ивану Федоровичу. Изъ конца „вспись“ видно, что оно, вѣсть съ грамотами, куда то представлялось и потомъ было возвращено Угряну, Данилу и Григорію Шиловои; а эти три лица—родные братья, жившіе въ первой половинѣ XVI в., какъ можно рассчитать по родосл. росписи Шиловои, помѣщенной въ родосл. сборникѣ Руниса и Голубцова, т. II стр. 717.

Бурсовою отиѣчено мѣста и выраженія, которыя совершенно испорчены въ коніи и которыя оказалось невозможнымъ реставрировать.

№ 13.—1456—1483.—Правая грамота, данная великимъ княземъ рязанскимъ Василюмъ Ивановичемъ Остафію въ спорѣ его съ княземъ бортникомъ Сатей о правѣ собственности на озеро Бокнино и Боровое.

Списокъ съ судебной грамоты.

Си судъ судилъ князь великїи Василей Ивановичъ. Тгагался *) князя великаго бортникъ Сотъ съ Остафьемъ: „отнялъ, господине, у насъ, у твоихъ великаго *) князя бортниковъ у Михалька у Федусова да у мене съ товарищи, во озерехъ рыбные жеребья и земецкія во озерехъ в Бокниѣ да въ Боровомъ озерѣ. И князь великїи спросилъ Остафя: „отвѣчай!“ И Остафей такъ рекъ: „тѣ, господине, озера дѣла моего и отца моего и мои прежнія, а тѣмъ, господине, твоимъ великаго князя бортникомъ Сотѣ съ товарищи въ тѣхъ моихъ озеракъ въ Бокниѣ да въ Боровомъ жеребья имъ нѣту, ни рыбы у мене на жеребей изъ тѣхъ озеръ не мывали“. И князь великїи вспросилъ Сате:

*) Въ рип. стоитъ *неааалка*. Очевидно, переписчикъ не разобралъ этого слова въ подлинникѣ.

*) Въ рип. *оидомаю*.

„кому жъ то вѣдомо, что вы у Остафья изъ тѣхъ озеръ имывали жереби?“ И Сотя такъ рекъ: „есть, господине, у мене на то твои великого князя люди добрые, земцы мои Михалко Федусовъ доопро ¹⁾ того, господине, Еска Черной да Иванка Ермоловъ да Семеруковы Иванкз да Шинка—тѣмъ, господине, вѣдомо: при твоємъ ещо отцѣ великомъ князи Иванѣ Федоровичи сидѣли есмя у того Остафья въ селѣ, а пзъ тѣхъ озеръ жереби и земецкіе имали. Тако же, господине, и послѣ отца твоего преставленья великого князя вышедъ есмя отъ него въ твое великого князя село въ Ески Черному три годы и имали есмя у него съ тѣхъ озеръ жереби; на тѣхъ ся, господине, и шлю^а. А Остафей такъ рекъ: „а я, господине, на томъ на нихъ шлюся жъ.“ И пришедъ тѣ люди передъ великого князя да въ тѣхъ рѣчахъ Сатю оправдали, а Остафья обвинили. И Остафей такъ рекъ: „обвинили мене, господине, не по моимъ дѣламъ: человекъ мой, господине, на томъ цѣлуецъ крестъ, а язъ шлю битца, что тотъ Сатя и съ Михалкомъ и съ товарищи изъ тѣхъ озеръ жеребьевъ земецкихъ не имывали^а. А Михалка да Сатя съ товарищи такъ рекли: „а мы, господине, цѣловавъ крестъ, шлемъ одного межи себя на поле ²⁾ битца“. И присудилъ князь великій поле тотъ же день. И на срокъ у поля обон есци стали, и Сотя да Михалко тако рекли: „поцѣлуй, господине, на томъ крестъ твой Остафьевы люди Тюфонъ да братъ его Гаврилко да Иванко Бородатой да Устинъ, какъ то будецъ у тебя съ тѣхъ озеръ жереби земецкого не имывали, ино, господине, мы готовы збиты“. И Остафей такъ рекъ: „велю, господине, тѣмъ людемъ на томъ крестъ цѣловати“. И на срокъ на Петровъ день тѣ люди Остафей поставилъ и крестъ на томъ цѣловали. И потому князь великій [Василей] Ивановичъ Остафья оправилъ, а Сатю да Михалка и ихъ товарищей обвинилъ. А на судѣ были бояре: Прокофей Давыдовичъ, Яковъ Ивановичъ, Федоръ Юрьевичъ, Назарей Юрьевичъ, Василей Григорьевичъ, Денисей Юрьевичъ.

А у подлинной судебной грамоты подписалъ великого князя дьякъ Асей Федоровъ. А печать великого князя.

При родословной росписи Шоловскихъ, Герольдм. конт. кн. кз № 241 лл. 1148 обор.—1149.

¹⁾ Вѣроятно, *да отпочъ*.

²⁾ Въ рлп. *посе*.

№ 14.—1461 г.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василя Васильевича Темнаго Алексѣю Краснослѣпу на пустошь Хоробровскую Деминской волости Суздальскаго уѣзда.

Слесокъ з грамоты.

Се азъ, князь великии, Василей Васильевичъ, пожаловать емѣ Алексѣю Краснослѣпа пустошью Хоробровскою, его отчиною, въ Суздальскомъ уѣздѣ в Деминской волости со веѣмъ съ тѣмъ, что х той деревнѣ потягло из старины. И кого къ себѣ Алексѣй перезоветъ людей жить на ту пустошь из ѡвнихъ княженей, а не изъ моеѣ отчины великаго княженя, иво Алексѣю и тѣмъ ево людемъ пришлымъ не надоѣтъ имъ моя дань великаго князя на шесть лѣтъ, ни ямъ, ни поводы, ни мытъ, ни тамга, ни костыки, ни коню моево не кормить, ни сѣнъ не косать, ни къ сощкымъ, ни х дворскимъ не тянуть ни въ какіе протори, ни въ розметы, ни иные некоторые имъ пошлины не надоѣтъ; а людей ему моихъ князя великаго татлыъ писмянныхъ не прииматъ. А намѣсники мои суздальскіе и деминскіе волостели и ихъ твуны Алексѣя и его людей не судать ни въ чѣмъ, опречь душегубства и разбоя и татбы съ плычнымъ, а праведщики и доводщики поборовъ своихъ не берутъ и не вѣзжаютъ къ нимъ ни по што, а вѣдаеть и судать своихъ людей Алексѣй самъ во всемъ. А случится судъ смесной городецкимъ людемъ или волоснымъ, и намѣсники мои суздальскіе и волостели деминскіе и ихъ твуны судать, а Алексѣй съ ними судитъ, а прибыткомъ си дѣлятъ на полы. А кому будетъ чего вкратъ на самомъ Алексѣѣ, иво его сужю азъ самъ, князь великии, или мой божьникъ воедены. А отсиать тѣ люди свои урощные дѣла, и оии потянутъ въ мою дань по силѣ. А черезъ сю мою грамоту хто что на нихъ возьметъ или чѣмъ изобидитъ, быть отъ меня, великаго князя, въ казни. А дава грамота в Володимере в лѣто 6969.

А у подшной грамоты дозадъ селеть: Князь великии.

Подъ тѣмъ иишетъ жс:

По сей грамотѣ князь великии Псааъ Васильевичъ пожаловалъ, сей грамоты рушникъ не вѣтъ.

А подшетьк Василей великии.

А приказатъ Федоръ Васильевичъ.

Печатъ на черномъ воску похотѣша, а сазал, разсмотритъ немочно потому, что похотѣша.

*) Слесокъ въ грамотѣ не данъ, такъ какъ въ ѣ оставшиа Каблукова.

При родословной росписи Каблуковыхъ, родосл. столб. № 53
склейки 5—6.

№ 15, — 1461 г. октября 9.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Васильевича Темнаго кн. Ларѣ Хотетовскому на сельца въ Красносельскомъ и Волоцкомъ станахъ.

Списокъ в грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великъ Василей Васильевичъ, пожаловалъ есмь Ларю Бунака князь Михайлова сына Хотетовскаго на рѣкѣ на Вязмѣ въ Красносельскомъ стану сельцо Литвиновское в деревнями, да въ Волоцкомъ стану сельцо Митково в деревнями и съ пустошми, что къ тѣмъ деревнямъ по тяглу; а намѣстники мои и ихъ тиуніи (sic) не судятъ Ларю и его крестьянъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя и татбы съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, ни вѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а проветчики и довтчики поборовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не вѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаетъ и судитъ своихъ людей Ларя самъ или кому прикажетъ. А кому чего искать на Ларѣ и на его приказщикѣ, ихъ сужу азъ, князь великнй, самъ или мой бояринъ введенной. А случитца ¹⁾ Ларинимъ людемъ в городецкими людьми или съ волостными судъ, и намѣстники мои вяземскіе или волостели или ихъ тиуніи судятъ, а Ларя съ ними судитъ или его приказщикъ, а присудомъ дѣлаются на помы. А людей моихъ великаго князя писменныхъ и неписменныхъ Ларѣ къ собѣ въ тѣ свои деревни и въ села не примати. Тако же есмь Ларю пожаловалъ: кого къ собѣ въ тѣ села и деревни перезоветъ людей изъ Можайскаго, и тѣмъ людемъ инокняждемъ ненадобе моя дань на Ларѣ—ни ямъ, ни подводы, ни воя моего не кормятъ, ни сѣвъ моихъ не косятъ, ни къ соцкимъ ²⁾, ни къ дворскимъ не тянутъ ни въ которые проторы, ни въ розметы до ихъ урочныхъ лѣтъ; а намѣстники мои вяземскіе и ихъ тиуніи по тому жъ не судятъ, какъ и сторожильцовъ, ни кормовъ своихъ не емлютъ, и правѣтчики и довтчики поборовъ своихъ не берутъ, и судитъ своихъ тѣхъ людей припыхъ Ларя по тому жъ, какъ и сторожильцовъ. А отсѣдятъ тѣ люди припыхе урокъ свой, и онѣ потанутъ въ мою дань и во всѣ потуги по силамъ. А черезъ сю мою грамоту кто что на нихъ возьметъ или чѣмъ изобидитъ, быть отъ меня, отъ великаго князя, въ

¹⁾ Во II копіи *случися*.

²⁾ Въ ркп. *нискомскимъ*.

князи. А дана ¹⁾ грамота въ лѣто 6900 въ семьдесятное октября въ девятый день.

А у подлинной грамоты назадъ пишетъ: Князь великъ.

При родосл. дѣль Петра Бунакова, родосл. столб. № 152 склейки 2 и 3 (дѣль попи).

№ 16.—1462—1505 гг.—Грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича о пожалованіи Ивану Осокѣ Хлѣбни Дорогочева да половины волости Негорья въ кормленіе ²⁾).

Списокъ з государевой грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великъ Иванъ Васильевичъ всеа Росіи, пожаловалъ осми Ивана Григорьевича Осоку Хлѣбнемъ Дорогочевымъ да половиною Негорья ³⁾ въ кормленіе подъ городомъ подъ Клещевымъ ⁴⁾. И вы, всѣ люди тѣхъ волостей, чтите его и слушайте, а онъ какъ вѣдаетъ и ходитъ у васъ по старой пошинѣ, какъ было прежь семъ. А хто по кого взведетъ пристава моего великаго князя, а будутъ оба истца тѣхъ волостей, и приставъ мой тѣхъ обонхъ истцевъ ставитъ предъ Иваномъ или предъ его тиуномъ. А не поставитъ пристава мой тѣхъ обонхъ истцевъ предъ Иваномъ или предъ его тиуномъ, и онъ самъ лишенъ. А который тѣхъ обонхъ истцовъ ⁵⁾ не укажетъ предъ Иваномъ или предъ его тиуномъ искати или отвѣчати, и какъ князь велѣхъ, велѣхъ того обвинити и грамоту правую на того ⁶⁾.

А запись пошла:

Иванъ великъ Иванъ Васильевичъ всеа Росіи.

При родосл. дѣль Петра Бунакова, родосл. столб. № 241, склейки 2 и 3 (дѣль попи).

¹⁾ В лѣтописи 6900 году сказано: «И дана грамота Ивану Осокѣ Хлѣбни Дорогочеву да половиною Негорья». В родословии же сказано: «И дана грамота Ивану Осокѣ Хлѣбни Дорогочеву да половиною Негорья». В родословии же сказано: «И дана грамота Ивану Осокѣ Хлѣбни Дорогочеву да половиною Негорья». В родословии же сказано: «И дана грамота Ивану Осокѣ Хлѣбни Дорогочеву да половиною Негорья».

№ 17.—1462—1504 гг.—Грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича ¹⁾ о пожалованіи Вас. Сем. Карамышеву двухъ боровскихъ слободокъ въ путь.

Списокъ в грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великїи Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми Василья Семеновича Карамышева въ Боровцѣ слободкою Ефимьевскою Ярцова да слободкою Касимовскою въ путь, какъ было за Дмитриемъ за Лыковымъ; а вы, бояря и слуги и всѣ люди того пути, чтите ево и слушайте, а онъ васъ блюдетъ, а ходитъ по старой пошинѣ, какъ было прежь сего. А кто возведетъ пристава моего великаго князя, а будутъ оба исца того пути, и приставъ мой тѣхъ обовхъ исцевъ ставить передъ Васильемъ Семеновичемъ или передъ ево тивуномъ. А не учнетъ пристава мой ставить тѣхъ обовхъ исцовъ передъ Васильемъ или передъ его тивуномъ, и онъ ѣзду лишень. А кто тѣхъ исцовъ [не уч]нетъ передъ Васильемъ Семеновичемъ или передъ его тивуномъ искати или отвѣчати, и [язъ, князь] велики, того велѣлъ обивити и грамоту ему есмь на него правую велѣлъ дати.

А позади пишетъ: Князь Иванъ Васильевичъ.

Печать на черномъ воску, отъ ветхости гораздо помята.

При родосл. росписи Карамышевыхъ, столб. родосл. № 93 склейка 4.

№ 18.—1462—1505 гг.—Грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича о пожалованіи Ивану Племяннику Чавцы въ путь.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми Ивана Степановичъ Племянника Чавцею въ путь ²⁾ по годомъ; а вы, бояря и слуги и всѣ люди того пути, чтите его, слушайте, а онъ васъ блюдетъ, и вѣдаетъ, и ходитъ по старой пошинѣ, какъ было прежь сего. А кто по кого взведетъ пристава моего великаго князя, а будутъ оба исца того пути, и приставъ мой ставить тѣ дѣла предъ Ивановъ Степановичемъ или передъ его тивуномъ; а не поставитъ

¹⁾ Родосл. роспись, склейка 1.

²⁾ За этия словомъ въ копїи замѣчено: „въ подлинной въ семь мѣстѣхъ раздробно и рассмотрѣть не мочно“.

приставъ мой тѣхъ дѣлъ передъ Ивановъ или передъ его тивуномъ, и онъ ѣзду лишень. А которой истецъ не почнетъ передъ Ивановъ или передъ его тивуномъ искати или отвѣчати, и язъ того велѣлъ ему обвинити и грамоту праву на него дати.

А назади подлинной припись:

Князь Дмитрей Ивановичь.

При росписи Молвяниновыхъ и Племянниковыхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 605.

№ 19.—1462—1505 гг. Грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича о пожалованіи Ивану Племянникову Пушки и Осинцова въ кормленіе.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичъ ¹⁾ всеа Руси, пожаловалъ есми Ивана Андреева сына Племянникова Пушкию и Осинцовымъ ²⁾ въ кормленье съ правдою и съ пятномъ. И вы, всѣ люди тое волость, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ во всемъ по тому, какъ было прежь сего.

А назади у подлинной припись:

Князь великии Иванъ Васильевичъ.

Печать у подлинной всслая на красномъ воску.

При росписи Племянниковыхъ и Молвяниновыхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 606.

№ 20.—1462—1505 гг.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича Андрею, Ивану да Никитѣ Племянниковымъ на дворцовыя села въ Галицкомъ уѣздѣ.

Се азъ, князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Русни, пожаловалъ есми Андрея да Ивана да Микиту Ивановыхъ дѣтей Племянникова: что за ними въ Галицкомъ уѣздѣ въ Чюдкой волости мое великаго князя село Даниловское да деревни Семенничево, и азъ ихъ въ тому пожаловалъ въ Галицкомъ же уѣздѣ въ Нагатинскомъ стану своимъ селомъ Ороловскимъ з деревнями и со всѣмъ есте, что въ нему потягло по тому жъ, какъ то село было. А присудомъ дѣлатца напы. А кому будетъ чего искати на Андрей и на Иванъ и на Ми-

¹⁾ Навѣрное, Иванъ III, такъ какъ далѣе при росписи за этой грамотой слѣдуетъ грамота Василия III, а предшествуетъ ей грамота Ивана III.

²⁾ Послѣ этого слова замѣчено: „въ подлинной въ севъ иѣстѣ выдрано“.

кнѣзѣ или на ихъ прикащикахъ, ино ихъ сужу язъ, князь велики, или мой бояринъ введены. А дана грамота...

А назади у подлинной припись: Князь велики всеа Русіи.

Печать на черномъ воску не орловая.

При росписи Племянниковыхъ и Моляниновыхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 605 об.—606.

№ 21.—1462—1505 гг.—Грамота великаго князя Ивана III Васильевича о пожалованіи Ивану Племянникову городна Орлова на Устюзѣ въ кормленіе.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми Ивана Андреева сына Племянникова Орловымъ на Устюзѣ и Шольгою и Лвосткою и Ивановымъ погостомъ подь.....¹⁾ въ кормленіе съ патномъ. И вы, всѣ люди того городка, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ о всемъ по тому, какъ было прежь сего.

А назади подлинной припись:

Князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Роси.

При родосл. росписи Племянниковыхъ и Моляниновыхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 606 обор.

№ 22.—1462—1484 гг.—Грамота великой княгини Марьи Ярославны²⁾, вдовы в. нн. московскаго Василия Васильевича Темнаго, о пожалованіи Ив. Осокѣ Малаховой слободы въ кормленіе.

Се азъ, княгиня великая Марья, пожаловала есми Ивана Григорьевича Осоку Малоховою слободою въ путь.³⁾ И вы, бояре, и слуги, и всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ блюдетъ и ходитъ по старой пошлннѣ, какъ было прежь сего. А взведеть⁴⁾ кто по ково пристава моего великія княгини, а будутъ⁵⁾ оба

¹⁾ За этихъ словохъ въ копіи замѣчено: „въ подлинной выдрано на сѣхъ нѣсть“.

²⁾ Дочь Ярослава Владиміровича, князя боровско-серпуховскаго. Вышла за Василия Темнаго въ 1438 г., умерла въ монашество съ именемъ Марыи въ 1484 г. (Экземплярскій, В. и удѣльн. князья, т. I. стр. 187).

³⁾ Въ I копіи нѣтъ словъ: „въ путь“. Въ III копіи оставленъ пробѣлъ въ разнѣрѣ этихъ словъ.

⁴⁾ Въ III копіи: *сведета*.

⁵⁾ Въ I копіи *а буде*.

жетца тое волости, и приставъ мой обоихъ истцовъ ставить предъ Ивановъ или предъ его тиуномъ; а не поставитъ ¹⁾—и приставъ ѣзду лишентъ ²⁾. А второй истецъ предъ Ивановъ или предъ его тиуномъ не станетъ искати или отвѣчати ³⁾, Иванъ или его тиунъ ⁴⁾ того обвинитъ и грамоту правою на него дастъ.

При родосл. росписи Пырьевыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241, I копія—л. 448 об.—449, II копія на л. 452, III на л. 459 об.— 460

№ 23.—1462—1492 гг.—Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя углицкаго Андрея большого Васильевича (Горяя) Ивану Сусѣду на сельцо Дементьево въ Святицкой волости Углицкаго уѣзда.

Се язъ, князь Андрей Васильевичъ ⁵⁾, пожаловалъ есми Ивана Сусѣда, что его сельцо Дементьево съ деревнями въ Святицѣ, да что прикупилъ собѣ Дубачевскіе деревни четверть, и хто оу него въ томъ селцѣ и въ деревняхъ оучнуть жити людей, ино Иванъ темъ людемъ ⁶⁾ ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни костки, ни восменичье, ни коня моего не кормятъ, ни луговъ моихъ не косятъ, ни въ соцвмъ, ни въ десятицвмъ черными людьми не тануть, ни въ какіе проторы, ни въ розметы, ни въ ыные ни въ которыя пошлыны; и волостели мои святицкіе и ихъ тиуны оу нихъ, Ивана, и его людей не судятъ ни въ чемъ, опрочъ душегубства и розбоя и татьбы съ нолчнымъ, также и кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ

¹⁾ Въ первой копіи: *а не поставилъ.*

²⁾ Въ I копіи—*ѣзду лишилъ*, во II—*ѣзду лишилъ*, въ III—*ѣзди лишилъ.*

³⁾ Во II *искати или отвѣчати.*

⁴⁾ Въ I копіи *тиунъ*. Въ III: *и васъ или ею тиунъ того овитно*. Въ I копіи *и вамъ.*

⁵⁾ Князь Андрей большой Васильевичъ былъ четвертый сынъ (р. 1446 г.) *Василія Темнаго*, великаго князя московскаго. У него было прозвище *Горяй* (II Псков. лѣт., П. С. Р. Л. т. V, 39); большій назывался онъ въ отличіе отъ меньшаго брата своего седьмаго сына в. кн. Василія Темнаго, кн. Андрея меньшаго Васильевича вологодскаго. По завѣщанію отца въ 1462 г. получалъ онъ въ удѣлъ Угличъ, Бѣжецкій верхъ, Звенигородъ и другіе города (Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, №№ 86—87). Въ 1492 г. старшій его братъ в. кн. Иванъ III велѣлъ схватить его и подвергнуть заключенію, въ которомъ онъ и умеръ въ 1494 г. См. *Экземлярскій*, Великіе и удѣльные князья, т. II, 142—151.

⁶⁾ Пробѣлъ на слово или на два въ рип.

нимъ ни по что. А праведщики и доводщики поборовъ своихъ на нихъ не емлютъ, ни всылають къ нимъ ни по что, а судить и вѣдаетъ Иванъ своихъ людей [самъ] во всемъ или вому прикажетъ. А случится судъ смѣстными волостнымиъ людямъ съ Бѣлановыми людьми, и волостели мои святицие и ихъ тиоуни судять, Иванъ съ ними жѣ судить или его приказщивъ, а присудомъ дѣляются на-полю. А вому чего будетъ искати на Иванѣ или на его приказщивѣ, ино ихъ сузу язъ, князь Андрѣй Васильевичъ, или мой бояринъ введенный. А чрезъ [сю мою грамоту] хто что возьметъ или чимъ изобидитъ, быти ему отъ меня въ казни.

При родосл. росписи Рахманиновыхъ, кн. Герольдм. конт. № 241 л. 643.

№ 24.—1462—1494 гг.—Грамота удѣльнаго князя волоцкаго Бориса Васильевича ¹⁾ о пожалованіи Мих. Вас. Карамышеву слободки Видякиной въ путь.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь Борисъ Васильевичъ, пожа[ловалъ есми Михайла] Васильевича Карамышева въ Клине [Видякиною ²⁾] слободкою да Данилковою въ путь. И вы, бояря и слуги [и всѣ люди] тѣхъ слободокъ, чытите его и слушайте, а онъ [ходитъ у васъ] по старой пошлени, какъ было прежь сего. А кто [взведеть] моего пристава княжа Борисова, а будутъ оба исцы тое волости, и приставъ мой [тѣхъ обонхъ исцовъ] ставить передъ Михайломъ или [передъ его тиуномъ; а не учнетъ] приставъ мой тѣхъ исцовъ ставить передъ Михайломъ или п[ередъ его тиу]номъ, и онъ ѣзду лишеть. А которой тѣхъ исцовъ не [учнетъ передъ Ми]хайломъ или передъ его тиуномъ искати или отвѣчать, [и язъ, князь] Борисъ Васильевичъ, велѣлъ того обвинити и грамоту [правую] на него дати.

А позади пишеть: Князь Борисъ [Васильевичъ].

Печать на черномъ воску, отъ веткости помята.

При родословной росписи Карамышевыхъ, родосл. столб. № 93 склейка 5. ³⁾

¹⁾ Собр. гос. грам. и догов., т. I, 293. Ред. 1449, † 1494. Шестой омыцъ вел. кн. Василя Темнаго.

²⁾ Названіе это возстановлено по показанію родосл. росписи, склейка 1.

³⁾ Съ правой стороны склейки слова отгнили и возстановлены по аналогичнымъ грамотамъ.

№ 25.—1462 г. Юня 17.—Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя волоцнаго Бориса Васильевича Конст. Елчанинову съ сыномъ его Аванасомъ на деревню Ивановскую съ пустоши.

Брата своего для старѣйшего князя Васильевича.

Се язъ, князь Борисъ Васильевичъ, пожаловалъ есмь Костентина Елчанинова да его сына Оеонаса,—что, сказываютъ, ихъ деревня въ Скирмановѣ Ивановская да Быковской починокъ да Загорская пустошь; и волостели мои скирмановскіе и ихъ тѣни не всылають въ ихъ деревню и на пустоши ни по что, ни кормовъ своихъ не берутъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опроче душегубства и розбоя и тядьбы съ поличнымъ. А правечики и довичики поборовъ своихъ не берутъ и не въѣжаютъ х Костентину [и его] сыну и къ ихъ людемъ ни по что, а вѣдаеть и судить Костентинъ и Оеонасъ свои люди самъ (віс), или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣстной в[хъ] людемъ съ волостными людьми, и волостели мои скирмановскіе и ихъ тѣни судятъ, а Костентинъ и сынъ его Оеонасъ съ ними судятъ или ихъ прикащикъ, а присудомъ дѣлятца на-полю. А кому будетъ чего искати на самомъ Костентинѣ, или его сынѣ, или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, князь Борисъ Васильевичъ, или мой бояринъ введенной. А черезъ сю мою грамоту кто что возметъ или ихъ чѣмъ изобидить, быти ему отъ меня, князя Бориса Васильевича, въ казни. А дана грамота лѣта 6970-го ¹⁾ Юня въ 17 день.

А назади у грамоты пишеть:

Князь Борисъ Васильевичъ.

По сей грамотѣ князь Борисъ Васильевичъ пожаловалъ Костентина да его сына Оеонаса, сеѣ грамоты рушити не велѣлъ.

А подпись на грамотѣ дѣака Федора. ²⁾

Родосл. столбецъ № 41 склейка 5. Копія: кн. Герольдм. комт. изъ № 241 л. 99.

¹⁾ Въ кн. къ № 241, л. 99, написано 6975, при чемъ 5 написано по скобленому. Въ подлинномъ родословномъ столбцѣ послѣ ~~еще~~ пробѣлъ на одно слово, и видно, что вытерто слово *перваго*.

²⁾ Копія написана почеркомъ XVI или самаго начала XVII в и очень ветха съ правой стороны, гдѣ и чернила очень выцвѣли.

№ 26.—1464 г. марта 10.—Жалованная несудимая и льготная грамота великаго князя рязанскаго Василя Ивановича Аванасу да Василю Бузовлямъ на ихъ вотчины въ волости Остролюкъ.

Списокъ в грамоты.

Се азъ, князь великнй Василей Ивановичъ, пожаловалъ есмь Аванаса Бузовля да Васку Иванова сына Бузовля, далъ есмь имъ въ Остролюцѣхъ ихъ же вотчину село Остролюковыхъ дѣтей съ пашнею и съ пожнями и съ вотчинною землею бортною, что къ тому селу встарини потегло, и къ вотчинѣ, что купилъ то село Аванасовъ братъ Федоръ Бузовль да братъ его Иванъ у Михаля да у Васи. И кого къ себѣ перевозуть людей жити изъ иныхъ княженей, а не изъ моей вотчины великаго князя,—дань, ни ямъ, никоторая тягость тѣмъ людямъ пришлымъ моя великаго князя не надобя на пять лѣтъ; а волостели мои къ нимъ въ околицу не въѣздають, ни ямшикъ, ни боровшикъ, ни бобровникъ, а резанья имъ шездесять, вина и поличное къ волостелю моему изъ околицы отъ нихъ нейдетъ, ни татинъ рубль, что учинитца въ ихъ околицы промежъ ихъ которогъ (sic) людей. А пожаловалъ есмь з бояры своими Назарьемъ Юрьевичемъ да съ Васильемъ Григорьевичемъ. Писана грамота лѣта 6972 мѣсяца марта въ 10 день.

А назади пишеть: Князь великнй.

А печать во многіе годы стерлась.

При родосл. росписи Бузовлевыхъ, родословный столбецъ № 81 склейка 4.

№ 27.—1464 г. іюня 15.—Жалованная несудимая и льготная грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича Семькѣ Писарю на село съ деревнями въ Коломенскомъ уѣздѣ.

Списокъ в грамоты слово въ слово.

И по отца своего грамотѣ великаго князя Василя Васильевича, се азъ, князь велики Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми Сенку Писаря, что его село приданое въ Коломенскомъ уѣздѣ и з деревнями. И кого къ себѣ Сенка въ то село перевозеть и въ деревни жити людей изъ иныхъ княженей, а не изъ моей вотчинѣ великаго князенья, и тѣмъ его людямъ пришлымъ инокнязцемъ ненадобе моя великаго князя никотора дань на пять лѣтъ, апрочъ тѣхъ людей и старожильцовъ тутошникакъ (sic) же тѣмъ его людямъ пришлымъ и старожильцомъ не вадобе имъ ни мытъ, ни тамга, ни ямъ, ни подвода, ни пшчая бѣлка, ни коня моего не кормятъ, ни сѣвъ монхъ не косять,

ни въ сотскимъ, не къ дворскимъ не тянуть, ни въ какія проторы, ни въ розметы, ни инья наши некоторые пошлены ненадобъ; а намѣспницы мои коломенскіе и ихъ тиуни къ Сенкѣ въ то его село и въ деревни и *нетъ* (sic) въ его людемъ и къ старожильцемъ и къ пришлымъ [но въѣзжаютъ] и не всылають ни по что, ни кормовъ своихъ на нихъ не омлють, ни судять ихъ ни въ чемъ, опричъ душегубства и розбоя и татбы съ поличнымъ; также и доволщия и праветщики не въѣзжаютъ къ нимъ ни по што, ни поборовъ своихъ у нихъ не берутъ, а въдаютъ и судить своихъ людей пришлыхъ и старожилцовъ Сенка самъ, или кому прикажетъ. А лучитца судъ смѣсной его людемъ в городскими людьми или съ волостными, и намѣспницы мои коломенскіе и тивуни судять, а Сенка съ ними судить, или кому прикажетъ, а правосудомъ ся дѣлать на-полю. А кому будетъ чего искати на самомъ Сенкѣ или на его прикащикѣ, ино его сужу азъ самъ, князь велики, или мой бояринъ введенной. А людей ему моихъ князя великого писменныхъ, ни тяглыхъ не принимати. А отсидятъ тѣ его люди пришлые инокняжцы свои урочныя лѣта, ино потянуть мою великого князя дань по силамъ. А хто ся ослушаетъ моее грамоты, быти отъ меня, великого князя, въ казни. А да[на] грамота въ лѣто 6972 мѣсяца іюня въ 15 день.

А позади пишеть: Князь велики.

Печать вислая на красномъ воску.

При родослов. росписи Писаревыхъ, Герольдм. конт. кн. кз № 211 лл. 532—533.

№ 28. — 1469 г. августа 8. — Малованная несудимая грамота великого князя московского Ивана III Васильевича боярину Янову Гаврилу Рюмѣ-Бестужеву на городъ Серпейскъ. ¹⁾

[Со азъ], князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Росіи, пожаловалъ семи боярина своего Якова Гавриловича Рюму Бестужеву за многою службой его и за выказъ отца его Гаврила Беста городомъ Серпейскомъ съ судомъ и з данью, съ мыты и съ перевозы и со всеми

¹⁾ Грамота эта сверху была переписана слово въ слово на склейкѣ 3, но сверху на кони другой рукой и другимъ жураваломъ сдѣланы поправки: уничтожены слова, означая дата, «всехъ» и «числа», упоминаніе о печати, такъ что грамота имѣетъ видъ изложениа эта третьяго лада. На склейкѣ 11 грамота является такъ какъ изложениа переписаннаго видѣ. — Зѣтѣ мы восстановили первоначальный видъ грамоты.

пошлинами. И хто у него иметь жить людей, и намѣстницы ¹⁾ мои ²⁾ и волостели, и ихъ тиуны, и доivotчики, и праветчики тѣхъ ево людей не судятъ ни чѣмъ, а праветчики и доivotчики поборовъ своихъ у нихъ не емлють и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а судятъ и вѣдаютъ тѣхъ ево Явовлевыхъ людей ево тиуны судомъ и данью и всякими пошлинами. А даль язь, князь великии Иванъ Васильевичъ, ему сию грамоту лѣта 6977-го году августа въ 8 день.

А назади у подлинной грамоты:

Князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Росіи.

А печать на красномъ воску.

При родосл. росписи Бестужевыхъ, родосл. столб. № 156а, склейки 3 и 11.

№ 29.—1483—1500 гг.—Жалованная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича вдовѣ Авдотѣ Коробьиной съ дѣтьми Иваномъ да Семеномъ Коробьиными. ³⁾

Списокъ з жалованна грамоты слово въ слово.

Се азь, князь великии Иванъ Васильевичъ *всеа Русіи* ⁴⁾, пожаловалъ есми Авдотью Иванову жену Кичибеевича Коробья и его дѣтей Ивана да Семена и всѣ дѣла Коробьины положъ и кобальные дары и посулы дѣлалъ Коробья, служа отцу моему великому князю Василью Ивановичю и мнѣ, великому князю, и судилъ своихъ людей и радилъ или кто буд жа у Коробьи ималъ, а у кого что на Коробьѣ е посылкою и въ поруку по немъ имался и хто тѣхъ п и денегъ не искалъ на Коробьѣ при его животѣ людѣхъ татѣбъ и разбоевъ грабе дѣла заредилъ есмь, а у рабыню смерть и ихъ людей заднія а села своей купли великаго князя жалов вотчинныя земли бортные, какъ вѣдалъ Коробья, служа отцу моему, великому князю, и мнѣ, великому князю Ивану Васильевичу, а они по тому жъ вѣдаютъ са (sic) всѣ села и вотчины. А пожаловалъ ихъ есми з бояры сво-

¹⁾ Въ ркп. *намѣстники*.

²⁾ Въ ркп. *ево*.

³⁾ Что грамота эта дана рязанскимъ в. кн. Иваномъ Васильевичемъ, а не Иваномъ IV, это видно по именованъ бояръ, встрѣчающимся и въ другихъ рязанскихъ грамотахъ (сравни № 80). Кроме того, Коробьины—старинный рязанскій родъ. В. кн. рязанскій Иванъ Васильевичъ княжилъ между 1483—1500 годами.

⁴⁾ Эти два слова, вѣроятно, ошибка переписчика.

ими Деисъемъ Юрьевичемъ, Д Оедоромъ Григорьевичемъ, Ивановъ Ивановичемъ Измайловымъ. А дана юля въ 3 день. ¹⁾

При родосл. росписи Коробинныхъ, столб. родосл. № 134 склейка 14.

№ 30.—1483—1500 г.—Правая грамота, данная великимъ княземъ рязанскимъ Ивановъ Васильевичемъ Храпу Олтуеву по дѣлу его съ паробкомъ Сергѣйцомъ о подговорѣ крестьянъ на бѣгство.

Списовъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Сии судъ судилъ князь великїи Иванъ Васильевичъ. Тегалса Храпъ Олтуевъ сынъ съ паробкомъ Сергѣйцомъ съ Васильевымъ сыпомъ. Такъ рекъ Храпъ: „тотъ, господине, Сергѣецъ Васильевъ сынъ подбаелъ моихъ холоповъ обелмыхъ трехъ, Казака да Еремейцу да Сенку, и увелъ ихъ, господине, за рубежъ. И я, господине, за рубежъ ѣздилъ за своими холопи, а достати ихъ, господине, не могъ и слѣду ихъ не допытался есмь“.

И князь великїи въпросилъ Сергѣйца: „отвѣчай: увелъ ли еси у Храпа трехъ холоповъ за рубежъ обелмыхъ“?

И Сергѣецъ такъ рекъ: „а что ми, господине, отвѣчати? Подбаелъ есмь, господине, у Храпа трехъ холоповъ, Казака да Еремейцу да Сенку, обелмыхъ и отвелъ есмь ихъ за рубежъ; а нынѣ, господине, не вѣдаю, и гдѣ учнутъ жити тѣ его холопи. Виноватъ есмь, господине“.

И потому князь великїи Иванъ Васильевичъ Храпа Олтуева ²⁾ сына оправиль, а Сергѣйца Василова сына обвиниль и выдалъ того Сергѣйца Храпу въ польницу обѣлъ въ тѣхъ холопѣхъ.

А на судѣ были бояре Оедоръ Григорьевичъ да Иванъ Ивановичъ Измайловъ. А грамоту писалъ великого князя дьякъ Тимофей Осѣевъ сынъ.

У подлинной грамоты назадѣ пишеть:

107 г. февраля въ 19 день, въ книги записана. Правильъ подъячей Жданъ Оофоновъ.

¹⁾ Съ правой стороны рукопись почти до середины листа истѣла зубцами.

²⁾ Первоначально въ обоихъ случаяхъ было написано *Олтуевъ*, а потомъ поправлено, но такъ, что довольно трудно понять, какъ именно тутъ нужно читать. Въ родосл. росписи упоминается Храпъ Олтуевъ.

У подлинной жа грамоты печать.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160, клейка 7.

№ 31.—1485 г. января 4.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича сыновьямъ Семена Писарева на село Захарьевское.—Подтвержденіе ея великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ въ апрѣль 1510 г.

Списовъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есми Семеновыхъ дѣтей Писоревыхъ Захара да Митю да Брюка да дву Фетковъ да Ивашка тожь село Захаривское. И кто у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ учнетъ жити людей, и тѣмъ ихъ людемъ не надобѣ имъ ни подводы, ни ямъ ¹⁾, на коня моего не кормятъ ²⁾, ни сѣнъ коньхъ не косятъ, ни в соцкимъ ³⁾, ни въ дворскимъ, ни в десятскимъ не тянутъ, ни въ какія проторы, не въ розметы, не имъ не которые пошлины ненадобѣ, опричь церковныхъ пошлинъ. А намѣстницы мои воломенскіе и ихъ тіуни х тѣмъ ихъ людемъ не всылають ни по што, ни кормовъ у нихъ своихъ не емлють, не судятъ ихъ, опричь душегубства [и] розбоя и татьбы съ поличнымъ. А праветчики и доivotчики ⁴⁾ поборовъ у нихъ своихъ не берутъ, не ездяють къ нимъ ни по что, а вѣдають и судятъ Писоревы тѣ[хъ] своихъ людей сами, или кому прикажутъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людемъ з городскими людьми или становыми, и намѣстницы и ихъ тіуни судятъ, а Писоревы съ ними судятъ, или ихъ прикащикъ, а присудомъ ся дѣлать на полы. А кому будетъ чего искати на самихъ на нихъ, на Захарѣ и на его братѣ на Митѣ да на Брюкѣ да на дву Феткахъ да на Ивашкѣ или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь велики, или мой бояринъ введенной. А черезъ мою грамоту кто что ва нихъ возьметъ или чѣмъ изобидитъ, быти тому отъ меня, отъ великаго князя, въ казни. А дана грамота лѣта девятыдесять третьяго генваря 4 дня.

А у подлинной грамоты назади пишетъ: Князь велики.

Подъ тѣмъ: Князь велики Василей Ивановичъ всеа Росіи по сей

¹⁾ Въ ркп.: *ни подворы, ни кѣмъ.*

²⁾ Въ ркп.: *не изметъ.*

³⁾ Въ ркп.: *ни к конскимъ.*

⁴⁾ Въ ркп.: *ответчики.*

грамотѣ пожаловалъ Захара да Митю да Брюха да Фетка меншого да Ивашка Семеновыхъ дѣтей Писоревыхъ, да Фетка да Алексѣйка Федоровыхъ дѣтей болшого Семенова сына Писорева, намѣстникомъ и ихъ тиуномъ грамоты у нихъ [рушати] не велѣлъ, а велѣлъ имъ ходити по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. А пась ¹⁾ писалъ великого князя [дьякъ] Лука Семеновъ лѣта 7018 апрѣля дня.

Печать вислая.

При родословной росписи Писаревыхъ, Герольд. конт. кн. № 241 лл. 533—534.

№ 32.—1487 гт.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича о займѣ Васильемъ Андреевымъ сыномъ съ семьей пяти рублей денегъ у Федора Васильевича.

Списокъ съ подлинной докладной грамоты слово въ слово.

Доложь великого князя Ивана Васильевичъ боярина Федора Григорьевичъ, се азъ, Васко Андреевъ сынъ своею женою Машикою, занели есми, господине, у Федора у Васильевича пять рублевъ денегъ отъ Покрова до Покрова на годъ, а росту намъ ему дати на всякъ рубль по двѣ гривны. А поляжетъ серебро по сроцѣ, и намъ ему ростъ платити по тому жъ. А оба есмя въ томъ серебрѣ и въ росту одинъ человекъ. А не отыматца намъ отъ сея каболы ни полѣтною, ни изустною. А на докладѣ были Юрманьга талмачъ да Анисимъ Сухининъ сынъ. А грамоту писалъ великого князя дьякъ Тимошей Асѣевъ сынъ въ лѣто девяносто пятое.

У подлинной докладной печать.

При родословн. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 7.

№ 33.—1490 г. октября.—Грамота князя Василя Ивановича, наслѣдника Ивана III, о пожалованіи Ивану Осокѣ половины города Зубцова, стана Лочи и волости Джади въ кормленіе.

Списокъ в грамоты.

Се азъ, князь Василей Ивановичъ, пожаловалъ есми ²⁾ Ивана Григорьевича Осоку половиною города Зубцова и слободою станомъ Лочкою да волостью Джадью въ кормленіе со всѣмъ, какъ было за

¹⁾ Письмо?

²⁾ Въ III копіи есмь.

Костентиномъ за Пѣшковымъ. И вы, бояря, и дѣти боярскія, и слуги, и всѣ люди тое половины города и слободъ и стану ¹⁾ и волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ по старой пошлинѣ, какъ было прежь сего девять десять девятого октября.

А назади у подлинной грамоты пишеть: Князь Василей Ивановичь.

При родословн. росписи Пырлевыхъ, кн. Герольдм. конт. нз № 241, съ трехъ копяхъ: I—л. 447 обор., II—л. 450 обор., и III—л. 459.

Примѣчаніе. Во II копіи есть приписка: „А лѣтописи въ грамотѣ написать именою немощно, потому что въ грамотѣ лѣтописи ветха“. Въ III копіи: „а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ“ искажено бессмысленнымъ образомъ: *а от вас ослет положить.*

№ 34.—1491 г. ноября 4.—Шалованная несудимая грамота великой княгини Анны Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Василя Ивановича, данная ею конюшему своему Федору Васильевичу Верхдеревскому на село Куликово.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се язъ, великая княгини Анна, пожаловала есми конюшего своего Федора Васильевичъ, дала есми ему село Куликово на усть Сосницы, что было за Лвою за Петинимъ, съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу историнны потягло; и волостель мой къ нему въ околицу не вѣждаетъ, ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ, а явка и вина и полчиное у него язъ околицы нейдетъ, ни татинъ рубль, что учинитца татѣба въ его околицѣ промежь его людей. А пожаловала есми его бояриномъ великаго князя Иваномъ Яковлевичемъ ²⁾ Арломъ да возначемъ своимъ Семеновъ Глѣбовичемъ лѣто семтысячное мѣсаца ноемвриа въ 4 день.

У подлинной грамоты назади пишеть:

¹⁾ Въ I копіи *стазь*, въ III—*стизь*.

²⁾ Въ рукописи написано сперва было *Яковлевичемъ*, но потомъ оставлены только три первые буквы этого слова, остальные же зачеркнуты. Что это означаетъ, трудно догадаться. Быть можетъ, въ подлинной грамотѣ слово цѣлкомъ не сохранилось, но было дописано вполне переписчикомъ по догадкѣ; а затѣмъ, при повѣркѣ, переписчикъ, вѣроятно, рѣшилъ оставить лишь то, что есть въ подлинникѣ, и отчеркнулъ буквы, добавленныя по догадкѣ. Такое колебаніе при реставраціи сгнанныхъ словъ знакомо каждому, кому приходилось списывать поврежденныя грамоты.

Княгиня великая Анна. Дьякъ Юрій.

У подлинной жа грамоты печать.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 7.

№ 35.—1492 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича о займѣ Куземной Михайловымъ сыномъ одного рубля денегъ у Федора Васильевича.

И доложя великаго князя Ивана Васильевичъ боярина Ивана Ивановичъ Измайлова, се язъ, Куземка Михайловъ сынъ, занялъ есмь, господине, у Федора у Васильевича рубль денегъ отъ Крещенья на годъ, а росту мнѣ ему на тѣ денги дати по розчету какъ идетъ на пять шестый. А полягутъ деньги по сроцѣ, и мнѣ ему ростъ давати по тому жъ, а не отниматся мнѣ отъ сія кабалы ни полѣтною, ни изустною. А на докладѣ были Понкрать Михайловъ сынъ да Василей Ованьянъ сынъ Кобузовъ лѣта седьмъ тысящного. Подписалъ великаго князя дьякъ Андрей Ярецъ Нивитипъ.

А у подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. росписи Измайловыхъ „племени ханска“¹⁾, кн. Герольдм. конторы кз № 241 л. 307 обор.²⁾

№ 36.—1492 г.—Наказъ князя Василія Ивановича, наслѣдника великаго князя московскаго Ивана III, Карандашу Свиньину о производствѣ суда по межевой тяжбѣ.

Списовъ з грамоты.

Отъ князя Василія Ивановича Карандушу Свиньину. Здѣся ми билъ челомъ Дмитрей Волосоюя на Ивашка да на Казака на Гриденихъ дѣтей Першина да на Дмитрея на Черета, а связываетъ, что-деи за ними съ тѣмъ Ивашкомъ да съ Казакомъ деревня Оздемеровская вопче, и они-деи съ нимъ ту деревню подѣлили по половинамъ, пашню и покосы, да и поля-деи собѣ розгородили, и тотъ-де Ивашко да Козакъ за тѣмъ дѣломъ вступающа у него въ его половину в зем-

¹⁾ Есть родосл. роспись еще другого рода Измайловыхъ—литовскаго происхождения (кн. Герольдм. конт. въ № 241 лл. 310—313, безъ начала).

²⁾ Грамота эта впервые напечатана Н. П. Лихачевымъ въ его книгѣ „Разрядные дьяки XVI в.“ (стр. 356) по списку XVIII в., находящемуся въ Моск. Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ.

лю пашутъ и лѣсъ сѣкутъ силно, а тотъ-де Дмитрей у него покосилъ пожню силно на рѣдѣ на Средняѣ. И ты бѣ, взявши съ собой людей добрыхъ, тамошнихъ сторожильцовъ съ обѣихъ сторонъ, да къ нимъ бы еси на ту землю ѣхалъ да того бы еси дозрѣлъ да и обыскалъ, чья те земля? А о чемъ ся сопрутъ, и ты бы ихъ судилъ, а судъ свой скажи отцу моему великому князю по сей моей грамотѣ. Лѣта 7000-го году.

А назади у подлинной грамоты пишутъ:

Князь Василей Ивановичъ.

Въ концѣ грамоты печать на черномъ воску.

При родословной росписи Свиныхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 719 обор.—720.

№ 37.—1494 г.—Наказъ великаго князя московскаго Ивана III Васильевича Нарандашу Свиныху о производствѣ суда по межевой тяжбѣ.

Списокъ в грамоты.

Отъ великаго князя Ивана Васильевича всеа Росіи Карандашу Григорьеву сыну Свиныха. Билъ ми челомъ Демитка Левонтъевъ сынъ Кулякина на Филатка да на Авдоимка да на Власка на Лукиныхъ дѣтей Набокова, а сказываетъ Демидка, будто де у него отымаютъ третъ земли Кулякинскія, а называютъ деи ту землю своею куплею. И ты бы къ нимъ на ту землю ѣхалъ, возьмъ съ собою людей добрыхъ, тутошнихъ старожильцовъ, да того бы еси обыскалъ, чья то земля, да ту бы еси землю розѣхалъ по старинѣ. А о чемъ ся сопрутъ, и ты бы ихъ судилъ, да судъ свой и обысѣ скажи мнѣ, великому князю, поставя обонихъ исповъ передо мною. Лѣта 7002-го году.

А назади у подлинной грамоты пишутъ:

Князь великѣи всеа Росіи.

А въ концѣ грамоты печать приложена на черномъ воску.

При родосл. росписи Свиныхъ, кн. кз № 241 л. 719.

№ 38.—XV в., конецъ (до 1495 г.)—Купчая на вотчинныя пустоши Михайловскую да Натраевскую, проданныя Степаномъ Нирловичемъ Никитѣ Тимофеевичу.

Се азъ, Степанъ Кириловъ сынъ, купилъ есми у своего брата Микиты у Тимофѣева сына у Михайловича земли ево вотчину пустошь Михайловскую да Катраевское селышко з дубровою да Языевское селышко себѣ и своимъ дѣтамъ, да у его дѣтей у Ивана да

у Сепи, а даль есмн на нихъ восемь рублевъ да корову пополнка, а купилъ есмн ихъ у Воскресенья Зворку,—куды плугъ ходилъ, куди топоръ ходилъ, куда коса ходила. А на то послуш: Ермола Данильевъ да Василей Державинъ да Ермола Кириловъ сынъ да Огафонъ Дмитреевъ сынъ да Ивашко Телощъ. А грамоту писалъ Бориско Перестъкинъ, а запечатали есмн печатью игумновою Герасимовою Боголюбского.

Столб. родосл. № 149 склейка 2.

№ 39.—1495 г. — Купчая на вотчинную деревню Близино съ пустошми, проданную Ѳедоромъ Готовымъ Андрею да Ивану Корякинымъ.

Се азъ, Андрейко да Ивашко Степановы дѣти Корякина, выкупили есмн свою отчину у Ѳедора у Володимерова сына у Глотова деревню Близино да пустошь Заблицово да Кандратцово со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ потягло из старины, куди соха и топоръ и коса ходили. А дали есмн на ней десять рублевъ да пополнка корову. А на то послуш: Иванъ Мордвинъ Ивановъ сынъ Нешейчина да Иванъ Ивановъ сынъ Недюрева. А грамоту купчую писалъ Ярецъ Опраксинъ лѣта 7003-го.

Столб. родосл. № 149 склейка 2.

№ 40.—1497 г. августа 5.—Жалованная несудимая грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича Ѳедору Васильевичу Верхдеровскому на селище Григорьевское подъ Чивевскимъ лѣсомъ.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великий Иванъ Васильевичъ, пожаловалъ есмъ Ѳедора Васильевичъ селищемъ Григорьевскимъ подъ Чивевскимъ лѣсомъ на рѣчкѣ на Вишиѣ съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селищу истории потягло. А кого къ себѣ призоветъ людей изъ зарубежья на то селище жити, и тѣмъ людямъ пришлымъ ненадобѣ имъ моя великаго князя дань и ямъ и некоторая тягъ на семь лѣтъ, а издѣшнихъ людей неписменныхъ кого къ себѣ призоветъ, и тѣмъ людямъ ненадобѣ имъ моя великаго князя дань и ямъ и некоторая тягъ на четыре года. А волостель мой къ нему въ околицу не въѣзжаетъ, ни всмлаеть ни по что, ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ; а язва и вина и полчиное изъ его околицы къ волостелю моему неидеть, ни татитъ рубль, что учи

нятся татьяба въ его околицы, а промежу его людей. А пожаловалъ есмь его своимъ бояриномъ Яковомъ Назарьевичемъ лѣто семь тысячъ пѣтое августа въ пятой на десять день.

У подлинной грамоты назадъ писать: Князь великий.

Дьякъ Андрей Ярецъ Никитинъ.

У подлинной же грамоты печать.

При родословн. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, родосл. столб. № 160 склейка 8.

№ 41.—1498 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича о займѣ Михайломъ Титовымъ сыномъ съ женой и дѣтми четырехъ рублей у Федора Васильевича.

И доложъ великаго князя Ивана Васильевичъ боярина Ивана Ивановича Измайлова, се язъ, Михайль Титовъ сынъ своею женою Овдотьицею и своими дѣтми съ Васильемъ да съ Яковцемъ, завяли есмь у Федора у Васильевича четыре рубли денегъ отъ Крестьянцовъ (sic) на годъ, а росту намъ ему дати на тѣ деньги на рубль по двѣ гривны. А полагуть денги по сроцѣ, и намъ ему ростъ давати по тому жъ. А хто насъ будетъ въ лицѣхъ, на томъ Федору денги свои и ростъ, а не огниматися намъ у него отъ сея ¹⁾ кабалы ни полѣтною, ни изустною. А на докладѣ были Понкрать Михайловъ сынъ Котовъ да Епиха Торасовъ лѣта 7000 шестое. А подписалъ великаго князя дьякъ Тимофей Осеевъ сынъ.

А у подлинной печать на черномъ воску.

При родословной росписи Измайловыхъ, („плѣмени ханска“), кн. Геролд. конт. кз № 241 л. 307 обор.—308 ²⁾.

№ 42.—1498 г. іюня.—Жалованная несудимая и льготная грамота удѣльнаго князя русскаго Ивана Борисовича ³⁾ Аванасу Елчанинову на д. Быковскую и пустошь Булгановскую Русскаго уѣзда.

Се язъ, князь Иванъ Борисовичъ, пожаловалъ Ованаса Костенинова сына Елчанинова, что его вотчина деревня Быковская да что

¹⁾ Въ рип. *отъ себя*.

²⁾ Грамота эта впервые напечатана Н. П. Лихачевымъ въ его книгѣ „Разрядные дьяки XVI в.“ (стр. 356—357) по списку XVIII в., находящемуся въ Моск. Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ.

³⁾ Сынъ князя русскаго Бориса Васильевича (см. выше №№ 24 и 25), внукъ в. кн. московскаго Василия Темнаго; род. послѣ 1477, † 1504 г., погребенъ въ Іосифовѣ Волоколамскомъ монастырѣ. См. *А. В. Экземплярскаго*, В. и удѣльные князья, т. II, стр. 368.

его купля пустошь Булгаховская въ моей отчинѣ въ Рузскомъ уѣздѣ въ Скирмановѣ. И хто у него въ той отчинѣ и въ куплѣ учнетъ жити людей, и тѣмъ его людемъ не надобеть ямъ, ни подводы, ни мыть, ни тамга, ни поворотное, ни коня моего не кормить, ни сѣнъ мовѣ не косятъ, ни съ соцеимъ, ни з десятикимъ съ тяглыми съ людьми не тянуть ни во что—ни въ какіе проторы, ни въ розмѣты, ни ине имъ некоторые пошлыны не надобеть. А волостели мои скирмановскіе и ихъ тіуни кормовъ своихъ у нихъ не емлють и не всылають къ нимъ ни по что и не судять ихъ ни въ чемъ, опроче душегубства, а праветчики и довотчики поборовъ своихъ у нихъ не емлють и не вѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдасть и судитъ Оѡнасъ тѣмъ своихъ людей самъ во всемъ—и въ разбоѣ, и въ татьбѣ съ поличнымъ промежъ своихъ людей, или кому прикажетъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ его людемъ з гороцкими людьми или съ волостными, и намѣстницы мои и волостели и ихъ тіуни судять, а Оѡнасъ или его приказщикъ съ ними жъ судить, а присудомъ ся дѣлять наполю. А кому будетъ чего искати на Оѡнасъ или на его приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь Иванъ Борисовичъ, или мой боярникъ введеной. А явить грамоту волостелю, и онъ дастъ алтынъ—то ему и съ тіуномъ. А хто ся ослушаетъ сеѣ моей грамоты, быти ему отъ меня, князя Ивана Борисовича, въ казни. А дана грамота лѣта 7000 шестого іюня ¹⁾).

При родослов. росписи Елчаниновыхъ, родосл. столб. № 41 склейка 6. Также кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 100.

№ 43.—1499 г. Правая грамота (безъ начала), данная Андрею да Ивану Степановичамъ Корякинымъ въ спорѣ ихъ съ митрополичьимъ принащникомъ Митей Сарыхозинымъ о принадлежности имъ деревень Михайловской и Близины.

... такъ рекъ: „на то, господине, у меня человекъ доброй старожилецъ Гридя Малаховъ: тому, господине, вѣдомо, что тѣ деревни Михайловское и Близино—митрополичьи земли. А се, господине, тотъ Гридя передъ тобою. А сверхъ того, господине, шлюся на три книги великого князя писцовъ, что тѣ, господине, земля митрополичьи“.

¹⁾ Коня написана по черквѣ XVI или самага начала XVII в. и очень мала съ всякой стороны, гдѣ и чернила очень выцвѣли.

И Петръ Григорьевичъ спросилъ Митина сторожильца Гриди Малахова: „скажи, какъ право передъ Богомъ—чьи то земли, на которыхъ стоимъ?“

И Гриди такъ рекъ: „жилъ, господине, отецъ мой Махъ на Переборовъ, и я, господине, съ своимъ отцемъ на тѣ пустоши приходилъ губъ (sic) брати, и отецъ мой, господине, мнѣ сказывалъ, что тѣ пустоши Михайловское и Близнино—митрополичьи земли, а тому лѣтъ съ полтретятцать, какъ мнѣ, господине, отецъ мой сказывалъ, а отъ роду ми, господине, полчетвертатцать лѣтъ“.

И Петръ Григорьевичъ велѣлъ передъ собою Степанову духовную [и] купчую грамоту чести. И въ духовной пишетъ: а тѣ мои земли купли пустоши Михайловская да Воскресенская да Катраевская да Язневская Подѣль, а купилъ есми тѣ земли у Микиты у Тимофьева сына у Бирѣева, да купилъ есми земли пустоши Близнино да Кандратцова да Зяблицева у Микиты у Голочела, и тѣ земли мои дѣтямъ Федьку да Андрейку да Ивашку.

А въ купчей пишетъ:

Се азъ, Степанъ Кириловъ сынъ, купилъ есми у своего брата Микиты у Тимофьева сына у Михайловича земли ево вотчину пустошь Михайловскую да Катраевское селышко з дубровою да Язневское селышко себѣ и своимъ дѣтямъ, да у его дѣтей у Ивана да у Сени, а далъ есми на нихъ восемь рублевъ да корову пополнка, а купилъ есми ихъ у Воскресенья Зворку,—буды плугъ ходилъ, буды топоръ ходилъ, куда коса ходила. А на то послуси: Ермола Данильевъ да Василей Державинъ да Ермола Кириловъ сынъ да Огафонъ Дмитреевъ сынъ да Ивашко Телошъ. А грамоту писалъ Бориско Пересѣкинъ, а запечатали есмя печатью вгумною Герасимовою Боголюбского.

А въ другой купчей пишетъ:

Се азъ, Андрейко да Ивашко Степановы дѣти Корякина, выкупили есми свою отчину у Федора у Володимерова сына у Глотова деревню Близнино да пустошь Зяблицово да Кандратцово со всемъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ потягло из старины, буды соха и топоръ и коса ходили. А дали есми на ней десять рублевъ да пополнка корову. А на то послуси Иванъ Мордвинъ Ивановъ сынъ Непейцына да Иванъ Ивановъ сынъ Недюрева. А грамоту купчую писалъ Ярецъ Опраксинъ лѣта 7003-го.

И Петръ Григорьевичъ, выслушавъ духовную и купчія грамоты, спросилъ Андрейку да Ивашку: „положили есте передо мною на тѣ земли духовную грамоту отца своего да купчую грамоту отца азъ

своего на Михайловскую деревню да на Близнино выкупную грамоту, а Ѳедору Глотову по чему есте ту пустошь Близнино продавали?"

И Ондрейка да Ивашка такъ рекли: „была, господине, у отца нашего у Степана на ту землю на Близнино купчая грамота, да бѣжали, господине, отъ отца нашего холопи Левка Трегубъ да Максимко, да ту, господине, купчую грамоту на Близнино тѣ холопи украли, чаючи своею грамотою полною“.

И Петръ Григорьевичъ спросилъ Андрейка да Ивашка: „опричь духовные и купчихъ грамотъ кому то у васъ вѣдомо, что тѣ деревни—ваши земли?“

И Ондрейка да Ивашка такъ рекли: „естъ, господине, у васъ на тѣ земли старожильцы люди добрые, великого князя бортники Мина да Василь Микифоровы дѣти Валковского да Кононъ Пушкинъ; тѣмъ то, господине, вѣдомо, что тѣ деревни—наши земли. А се, господине, тѣ наши старожильцы передъ тобою“.

И Петръ Григорьевичъ спросилъ Мину да Василя да Конона: „скажите въ Божею правду, чьи то земли, на которыхъ стоимъ?“

И старожильцы Мина да Василь да Кононъ такъ рекли: „тѣ, господине, деревни Михайловская и Близнино пустоши были Степановы Корякина, а Степанъ ихъ, господине, купилъ—ту, господине, Михайловскую пустошь у брата своего у Микиты у Бирѣева да у его дѣтей у Ивана да у Сени, а съ тою, господине, Михайловскою пустошью купилъ Катраевское селышко з дубровою да Язневское селышко. А тѣ, господине, пустоши вотчина была Михайлова дѣда Микитина Бирѣева. А то, господине, Близнино была вотчина Иванова Близнина, а Иванъ, господине, послѣ своего живота далъ тѣ земли сыну своему Микитѣ Голочелу; и Микита, господине, охудалъ, а то, господине, Близнино заустѣло; и Степанъ, господине, Корякинъ то Близнино купилъ у Микиты пустошью, а съ нимъ купилъ Канцратцово да Озяблицево. И Степанъ, господине, отходя сего свѣта, далъ тѣ земли Михайловское и Близнино своимъ дѣтямъ пустошями. И послѣ, господине, Степана дѣти ево Андрей да Иванъ на той Михайловской пустоши поставили ту деревню, а ту, господине, деревню Близнино ставилъ Ѳедоръ Глотовъ. И я, господине, Мина, помню за восемьдесятъ лѣтъ, а я, господине, Кононъ, помню за семьдесятъ лѣтъ, а я, господине, Василь, помню за шездесать лѣтъ, что тѣ, господине, земли дѣтей боярскихъ отчина, а не митрополитичьи земли“.

И митрополитъ прикащикъ Мита Сарихозинъ такъ рекъ: „что, господине, Андрейка да Ивашка Борякини положили передъ тобою

отца своего Степанову духовную и купчія грамоты, и я, господине, духовные и купчихъ грамотъ не лжывлю, а шлюсь, господине, на писменныя книги, что тѣ, господине, деревни Михайловское и Близиново писаны къ митрополичью сельцу къ Ворку, а писцовъ, господине, вмяпъ не помню, которые, господине, писцы писали.

И Петръ Григорьевичъ возрѣлъ въ книги Алексѣева письма Полуехтова. И въ книгахъ пишетъ: митрополичье село Ворокъ, а тѣхъ деревень Михайловского и Близинова въ книгахъ къ сельцу къ Ворку не писано.

И потому Петръ Григорьевичъ Андрейка да Ивашка Степановыхъ дѣтей Борякина оправилъ, и деревни Михайловское и Близиново съ пустошми присудилъ имъ по духовной и по купчимъ грамотамъ, а митрополича прикащика Митю Сарыхозина обвинилъ.

А на судѣ были у Петра Григорьевича Семень Племянниковъ да Василей Комака Семеновъ сынъ Койсаровъ. А писана грамота лѣта 7007-го году.

Родосл. столб. № 149, склейки 1—3 ').

№ 44.—1500 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича о займѣ Кипріяномъ Курьяномъ двухъ рублей у Василья-Богдана Исакова сына.

И доложъ великаго князя Ивана Васильевича боярина Ивана Ивановича Измайлова, се язъ, Кипріянецъ Микулинъ сынъ Курьянъ, заявлъ еси, господине ¹⁾, у Василья у Богдана у Исакова сына два рубля денегъ отъ Великаго заговѣнья на годъ, а ростъ мнѣ ему дати на тѣ деньги по расчету, какъ идетъ на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ ему ростъ давати по тому жъ, а не отниматися мнѣ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни взустною ²⁾. А на докладѣ были Епиха Тарасовъ сынъ да Кузьма Носовъ ³⁾ сынъ лѣта 7000 осмаго. А подписалъ великаго князя дьякъ Тимофей Осевъ сынъ.

¹⁾ Эта грамота относится къ родословной росписи *Корьякинъ*. Но какъ самая роспись, такъ и начало этой правой грамоты, не сохранились.

²⁾ Въ ркп. *шесть*.

³⁾ Въ ркп. *ны изитною*.

⁴⁾ У г. Анкачова напечатано: *Насоновъ сынъ*.

При родословной росписи Измайловыхъ („племени ханска“) кн. Герольдм. конторы кз № 241 л. 308¹⁾.

№ 45.—1500 г. мая 25.—Жалованная вотчинная грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича и сына его великаго князя Василя Ивановича Михалю да Гаврилѣ да Некрасу Челяднинимъ-Коротневымъ на земли въ Михайловскомъ погостѣ Обонежской пятины Новгородской земли.

Списокъ з жалованной грамоты.

Се азъ, князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Р князь великии Василей Ивановичъ пожаловали есмь Михаля да Гаврилка да Некраска Васильевыхъ дѣтей Челяднина-Коротнева въ своей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ въ Обонежской петинѣ въ Михайловскомъ погостѣ своими великихъ князей волоскою Медоварцова, что была за нхъ отцомъ [за Васи]льемъ за Челяднинимъ, да своими великихъ ми деревнею Кондратовскою Лукина деревнями Гридинскими Коше ми Филипова, да въ Климетьскомъ погостѣ деревнею Васильевскою Кузьмина Кольбѣн инскомъ погостѣ на Сяси въ Ладожс своими жъ великихъ князей волоскою, что были монастыря въ помѣстья з доходомъ з денеж нымъ и съ мелкимъ доходомъ oprичъ князей обежные дани. Писанъ на Москвѣ [лѣта 7008-го²⁾] маія въ 25 день.

А на подлинной жалованной грамотѣ назади пишеть:

Князь великии Иванъ Вас[ильевичъ всеа Русіи] и князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи.

Подлинная грамота за двѣма вислыми печа

При родословн. росписи Коротневыхъ, столб. родосл. № 148 склейка 2.

¹⁾ Впервые эта грамота напечатана Н. П. Лихачевымъ въ его книгѣ „Разрядные дѣлки XVI в.“ (стр. 357) по списку XVIII в., кнѣющемуся въ Моск. Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

²⁾ Дата въ грамотѣ ислѣбла, но восстановлена по показанію родословной росписи. Вообще какъ грамота, такъ и самая родословная, сильно повреждены съ правой стороны.

ХVI вѣкъ.

№ 46. — 1500—1520 гг. — Грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича ¹⁾ боярамъ его Сунбулу да Кобякову съ приказаніемъ не править судебныхъ пошлинъ на Никитѣ Горбцовѣ да на Куземкѣ Лихачевѣ до личнаго совѣщанія.

Списокъ з грамоты великаго князя Ивана Ивановича.

Отъ великаго князя Ивана Ивановича бояромъ нашимъ Федорѹ Ивановичю Сунбулу да Ивану Дмитріевичю Кобякову да Михайлу Дмитріевичю Кобякову. Писали есте ко мнѣ грамоту, а въ грамотѣ пишеть, что-де искалъ передъ вами Куземка Ивашковъ сынъ Лихочева на Никитѣ на Семеновѣ сынѣ на Горбцовѣ бою и лав, будто са Никитка Горбцовъ того Куземку билъ плетью и конемъ тогталъ да и лаялъ блядимомъ сыномъ, звалъ и выбладкомъ; и вы-де имъ присудили, тому Куземтѣ да Никитѣ, кресное цѣлованья и поле; и вашъ-де недѣльщикъ Неклюдь Ворыпаевъ учинилъ имъ срокъ стать у крестнаго цѣлованья предъ Спожинымъ заговѣньямъ въ пятницу, и Куземка-де Ивашковъ сынъ Лихочева на срокъ въ пятницу передъ Оспожинымъ днемъ у креснаго цѣлованья и своимъ непольникомъ сталь, а ²⁾ на другой день и на третей, а Никитка Горбцовъ своимъ непольникомъ и на третей день не сталь. И мнѣ бы велѣти на Никитѣ Горбцовѣ Куземкина безчестія и пошлины полевья правити. И вы бы на Никитѣ Горбцовѣ Куземкина безчестія и пошлинъ полевыхъ и приставнаго не велѣли править до зимы, доколѣ, дастъ Богъ, сами у мене будете, и азъ съ вами обговорю, какъ будетъ

¹⁾ Последній великій князь рязанскій, княжившій съ 1500 по 1520 г. и уѣзжавшій потомъ въ Польшу. См. *Экземплярскаго*, В. и уд. кн., т. II, стр. 601—604; *Д. И. Иловайскаго*, сочиненія, т. I, стр. 155—162. Умеръ князь Иванъ Ивановичъ около 1534 г.

²⁾ Впрочемъ, тутъ слѣдуетъ и.

пригожа. А на Куземки бы еси на Лихочевѣ не велѣли полевыхъ поплинѣ имать, доколѣ, дастъ Богъ, сами у мене будете.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 391.

№ 47. — 1500—1520 гг. — Грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича боярину его Федору Сунбулу объ отводѣ земли, пожалованной Федору Ромоданову.

Списокъ з грамоты великаго князя Ивана Ивановича.

Отъ великаго князя Ивана Ивановича бояромъ нашимъ Федору Ивановичю Сунбулову съ товарищи. Здѣсь еси пожаловалъ Федеа Рамаданова деревнею Гаряиновекою Головинскимъ, и вы бы послали сына боярскаго, кому бы мочно вѣрить, да велѣли бы есте ему от-
вестъ по старинѣ, какъ была за Горяиномъ.

У подлинной назади:

Бояромъ нашимъ Федору Ивановичю Сунбулову съ товарищи.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конторы къ № 241 л. 392.

№ 48.—1500—1520 гг. Грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича боярину его Сунбулу съ приказомъ изловить разбойника Ивашку Ивачева.

Списокъ з грамоты великаго князя Ивана Ивановича.

Отъ великаго князя Ивана Ивановича бояромъ нашимъ Федору Ивановичю Сунбулу съ товарищи. Прислали есте ко мнѣ грамоту, а сказываете, что-де Ивашка Ивачевъ билъ Аврамка Омелянскаго и грабилъ. И вы-де ему дали на Ивашка пристава, и Ивашка-де и вашему приставу на поруки ¹⁾ ...и вы бы послали пяти-шести недѣльщакъ, да велѣли его изымать, да велѣли бы дать силою на поруки, да и судили бы есте его съ нимъ.

У подлинной назади подписано:

Бояромъ нашимъ Федору Ивановичю Сунбулову съ товарищи.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 392.

¹⁾ Тутъ, по всей вѣроятности, пропускъ, хотя изъ рукописи этого и не видно.

№ 49. — 1500—1520 гг. — Грамота великаго князя рязанскаго **Ивана Ивановича боярамъ Ѳедору Ив. Сунбулову съ товарищами съ приказомъ допросить женку Ариницу и о показаніи ея отписать ему, князю.**

Списокъ з грамоты великаго князя **Ивана Ивановича.**

Отъ великаго князя **Ивана Ивановича бояромъ нашимъ Ѳедору Ивановичь Сунбулову съ товарищи.** Билъ ми челомъ Гриша Заглухинъ, а сказываетъ, что-деи къ нему приходила жонка Орпица серегю дѣлать, и Микита-де Ичюра того Гришу и з жонкою изымалъ да связалъ и пришелъ-деи передъ васъ, и та-де жонка назвалася передъ вами моя великаго князь слобоная. И что будетъ тотъ парабокъ Гриша передъ вами говорилъ и та жонка Ариница, въ чомъ ихъ имали, и вы бы ко мнѣ отписали часа того.

У подлинной назади подписано:

Бояромъ нашимъ Ѳедору Ивановичь Сунбулу съ товарищи.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 392 об.—393.

№ 50. — 1500 — 1520 гг. — Грамота великаго князя рязанскаго **Ивана Ивановича боярамъ его Сунбулу да Нобяновымъ съ приказаніемъ „спустить съ поль“ Бориса Мосолова да Ив. Иванева въ ихъ тяжбѣ.**

Списокъ з грамоты великаго князя **Ивана Ивановича.**

Отъ великаго князя **Ивана Ивановича бояромъ нашимъ Ѳедору Ивановичь Сунбулу да Ивану Дмитріевичь да Михайлу Дмитріевичь.** Здѣсь мнѣ билъ челомъ Бориска Васильевъ сынъ Мосолова, что есте его судили с Ивашкою с Иваневымъ да и присудили есте нмъ кресное цѣлованье да и поле. И вы бы ихъ [съ] поль спустили.

У подлинной назади подписано:

Бояромъ нашимъ Ѳедору Ивановичь Сунбулу съ товарищи.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 393.

№ 51.—1501 г.—Докладная грамота великой княгини Аграфены **Васильевны** ¹⁾, вдовы великаго князя рязанскаго **Ивана Васильевича**, о займѣ Фетиньей Богдановой и внукомъ ея кн. **Ив. Мещерскимъ** сорока рублей у Якова Ракова подъ залогъ вотчины.

Списокъ з докладной великіе княгини **Огроены.**

¹⁾ Урожденная княжна **Бабичева.** Полн. Собраніе рус. лѣт., VI, 231.

Доложа великіе княгини Огрооены боярина Ѳедора Ивановича Сунбула, се азъ, Ѳетинья Иваѡова жена Богданова, своимъ внукомъ со княземъ съ Иваномъ со князь Ивановымъ сыномъ Мещерского, занели есмя, господине, у Якова у Ивановича сына Ракова сорокъ рублевъ денегъ отъ Петрова дни на годъ, а въ тѣхъ есмя денгахъ въ сороцѣ рубляхъ закобалили ему съ собою купи свои деревню Новую на селищи на Сухининскомъ на рѣчкѣ на Листани, что купилъ мужъ мой [Иванъ] Богдановъ у княгини у Василисы у кѣнежо Борисовой Ѳедоровичъ Кожанова, да Игоревское селища, что купилъ муже жъ мой Иванъ Богдановъ у Семена у Лыцова, съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ тѣмъ, что къ той деревни и къ селищамъ истарины потягло, да и купчія есмя ему свои двѣ грамоты тѣхъ селищъ выдали. А за ростъ Якову та наше деревня вѣдати со всѣмъ и земля похати и косити. А не выкупимъ мы, азъ, Ѳетинья Иваѡова жена Богданова съ своимъ внукомъ со княземъ съ Иваномъ со княжо Ивановымъ сыномъ Мещерского, тѣхъ своихъ купель, деревни Новой и селищъ, у Якова Иваѡова сына Ракова на срокъ на Петровъ день лѣта 7010, ино Якову Иванову сыну Ракову и его женѣ и его дѣтемъ тѣ наши купи, деревня Новая на селищѣ на Сухининскомъ на рѣчкѣ на Листани и Игоревское селища, съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ тѣмъ, что къ той деревни и къ селищамъ изъ старины потягло ¹⁾, и купчія наши двѣ грамоты тѣхъ селищъ въ куплю и у вотчину впрокъ безъ выкупа, а сея ему кабала на ту нашу деревню на Новую и на селища—и купчєя грамота. А не отнимати[са] намъ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Василей Шущпанъ Григорьевъ сынъ Акиѡова да Соѡонъ Ор-гунъ Спиридовьевичъ сынъ лѣта 7000 девятаго ²⁾. Писалъ великіе княгини дьякъ Михайло Мелентьевъ Язвець.

У подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 387—388.

¹⁾ Въ рцц. *поламо*.

²⁾ Вмѣсто этого слова въ рцц. стоитъ безсмысленное *коустомъ*. Но голъ грамоты можно вывести изъ того, что срокомъ возврата займа назначенъ Петровъ день 7010 г., а заемъ заключенъ на годъ.

№ 52.—1501 г. января 15.—Докладная грамота великой княгини Анны Васильевны ¹⁾, вдовы великаго князя рязанскаго Василя Ивановича, о продажѣ Клементіемъ Кобяковымъ села Мих. Кобякову за 20 р.

Списокъ съ докладной великія княгини Анны.

Доложь великія княгини Анны, се азъ, Клементей Явовль сынъ Кобяковъ, продалъ есми село отца своего Якова Кобякова староя да и свое Михайлу Дмитріеву сыну Кобякову, а взялъ есми на селѣ у Михайла двадцать рублевъ денегъ да пополнка жеребечъ пѣгъ да корову, съ нивами и съ пожнями и съ починою з землею з бортною и з дубомъ и свой жеребей и въ рѣчки и въ Листани и з боюры; а отвесь есми ему по старинѣ, а отводъ тое земли отъ Литани Мостищемъ, а отъ Мостищъ по Свинуховскому врагу, прямо по дубровѣ по перевертомъ къ монастырскимъ перевертомъ з бологовскимъ, по монастырскимъ перевертомъ по дубровѣ къ Незнановскому верху да по Незнановствъ рѣчки внизъ къ Литани по Литани, да по Литани вверхъ ва усть Мостища. А отъѣжалъ тое землю и переверты вертѣлъ конюшей Никита Ивановичъ Измайловъ, а у отъѣзда были тое земли съ Никитою Ивановичемъ Тимофей Ивановъ сынъ Денижниковъ да Борисъ Ильинъ сынъ Силаковъ. А у доклада былъ у великія княгини бояринъ Федоръ Ивановичъ Сунбулъ. Лѣта 7000 девятаго ²⁾ генваря въ 15 день. А подписалъ великія княгини дьякъ Тимофей Осеевъ сынъ.

У подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. ростиси Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 лл. 885 об.—386.

№ 53.—1501 г. апрѣля 1.—Жалованная несудимая грамота великой княгини Анны Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Василя Ивановича, Ермолъ Федоровичу Стерлигову на селище Ананьинское.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се азъ, великая княгиня Анна, пожаловала есми Ермола Федорова сына Стерлигова селищемъ Ананьинскимъ вверхъ рѣчки Пови-

¹⁾ Дочь в. кн. московскаго Василя Тенинаго.

²⁾ Въ рукописи стоитъ *десятаго*, но это, по всей вѣроятности, описка, потому что Анны Васильевны въ это время уже не было въ живыхъ: она умерла въ апрѣлѣ 1501 г. (Полн. Собр. русск. лѣтописей, т. VIII, стр. 240). Надо полагать, что „десятаго“ — описка вм. *девятого*.

ковой съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селищу исторьяны потягло. А кого къ себѣ призоветъ людей изъ зарубежья на то селище жити, и тѣмъ людямъ не надобеть имъ моя великія княгини дань и ямъ и некоторая тягль на семь лѣтъ; а здѣшнихъ людей неписменныхъ кого къ себѣ призоветъ, и тѣмъ людямъ ненадобѣ имъ моя великія княгини дань и ямъ и некоторая тягль на три годы. А волостель мой къ нему въ околицу не въѣзжаетъ, ни всылаеть ни по что—ни ямщикъ, ни боровщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ, а явка и вина и поличное изъ его околицы къ волостелю нейдетъ, ни татинъ рубль, что учинится татьба въ его околицѣ промежъ ево людей. Пожаловала есмь его бояры своими Яковомъ Назарьевичемъ да Ѳедоромъ Васильевичемъ Верхдеревскимъ—лѣто 7000 девятаго апрѣля 1-го.

У подлинной грамоты назадъ пишетъ:

Княгини великая. Дьякъ Михайла Язвецъ Мелентьевъ.

У подлинной же грамоты печать.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 8.

№ 54.—1502 г. марта 9. — Жалованная несудимая и льготная грамота великой княгини Аграфены Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, рязанскому боярину Ѳед. Сунбулу на село Турмелево Ростиславльскаго уѣзда.

Списокъ з грамоты великія княгини Аграфены.

Се азъ, великая княгини Огрофена, пожаловала есмь боярина своего Ѳедора Ивановичъ Сунбула селомъ Турмелевымъ въ Ростиславльскомъ уѣздѣ съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ, что къ тому селу из старины потягло. И кого къ собѣ призоветъ людей изъ зарубежья въ то село жити, и тѣмъ людямъ ненадобѣ моя великія княгини дань, ни ямъ¹⁾, ни которая тягль на пять лѣтъ. А здѣшнихъ людей не писменныхъ кого къ собѣ призоветъ, и тѣмъ людямъ ненадобѣ моя великія княгини дань, ни ямъ, ни которая тягль на три годы. И намѣсникъ мой ростиславльскій къ нему въ околицу не въѣзжаетъ, ни всылаеть ни по что, ни приставъ намѣсничъ не судить его людей ни въ чемъ. А кому будетъ до Сунбуловыхъ людей дѣло, иво ихъ сужу азъ, великая княгиня, сама; а волостель мой къ нему въ

¹⁾ Въ рки. *даньяма*.

околицу не вѣзжаетъ, ни емщикъ, ни боровщикъ ¹⁾, ни бобровникъ, ни закосникъ. А явка и вина и поличное изъ его околицы къ волостелю моему вейдетъ, ни татинъ рубль, что учинитца татба въ его околицы промежъ его людей. А пожаловала есмь его бояриномъ своимъ Яковомъ Назарьевичемъ лѣта 7010 марта 9.

У подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашиныхъ, кн. Герольдм. конт. № 241 лл. 386—387.

№ 55.—1502 г. декабря 19.—Жалованная несудимая и льготная грамота удѣльнаго князя рускаго Ивана Борисовича Аонасию Елчанинову на деревни Быкову и Булгакову Рускаго уѣзда.

Се язъ, князь Иванъ Борисовичъ, пожаловалъ есми Оонасью Костентинова сына Елчанинова, что его деревни отчина Быково да деревни Булгаково въ моей отчинѣ въ Рускомъ уѣздѣ въ Скормановѣ. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнетъ людей жить, и тѣмъ его людемъ не надобѣ моя князь Ивана Борисовича ни которая дань, также имъ не надобе ямъ, ни подводы, ни мытъ, ни тамга, ни коня моего не кормятъ, ни сѣнъ моихъ не косятъ, ни къ дворскому, ни къ десятцкому съ тяглыми людьми и не тянутъ ни во что — ни въ какіе проторы, ни въ розметы, ни иныя имъ ни которыя пошлыны не надобе. А намѣстницы мои рускіе и ихъ тиуни и волостели мои скормоновскіе и ихъ тиуни ни кормовъ своихъ на нихъ не [е]млютъ, и не всылаютъ къ нимъ ни по что, и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опрочъ душегубства и разбоя. А праведники и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ, ни вѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаетъ ихъ и судитъ Оонасей—ихъ, тѣхъ своихъ людей, самъ во всемъ, въ татбѣ съ поличнымъ промежъ своихъ людей, или кому приважетъ. А лучитца судъ смѣсной тѣмъ его людемъ з гороцкими людьми или съ волостными, и намѣстницы мои и волостели и ихъ тиуни судятъ, а Оонасей или его приващикъ съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятца наполю. А кому будетъ чего искать на самомъ Оонасѣ или его приказщикъ, иво ихъ сужу язъ самъ, князь Иванъ Борисовичъ, или мой бояринъ введенной. А за дань и за все пошлыны съ тѣхъ дву деревень даетъ Аонасей оброкъ въ мою казну

¹⁾ Въ рик. *зборовщикъ*.

князь Иванову Борисовича з году на годъ на Рождество Христово по шти алтынъ. А хто ся ослушаетъ сеѣ моей грамоты, быть ему отъ меня, князя Ивана Борисовича, въ казни. А дана грамота лѣта 7000 перваго на десять декабря въ 19 день.

Притисано рукой конца XVII в.: И у подлинной грамоты назади пишеть: Князь Иванъ Борисовичъ ¹⁾.

При родословной росписи Елчаниновыхъ, столб. родосл. № 41 склейка 7.

№ 56.—1502—1505 гг. ¹⁾. — Грамота князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ивану Садыку Старово волости Покровской въ кормленіе.

Списокъ з жалованные грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь Василей Ивановичъ, пожаловалъ есмь Ивана Садыка Старово волостью Покровскою и съ правдою въ кормленье со всѣмъ по тому, какъ было за Тимофеямъ за Ржевскимъ. И вы, бояре, и дѣти боярскіе, и всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдоеть и блюдетъ. А хто по кого взведеть моего князя Васильева Ивановичъ пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обонхъ исцовъ ставить передъ волостелемъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ; а которой мой приставъ тѣхъ обонхъ исцовъ не иметь ставить передъ волостелемъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишеть; а которой тѣхъ обонхъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ не иметь искать или отвѣчивать, и язъ, князь Василей Ивановичъ, велѣлъ того обвинити и грамоту правою велѣлъ на него дати.

При родосл. росписи Садыковыхъ, родосл. столб. № 43, склейка 2. Также кн. Герольдм. конторы къ № 241 л. 696.

¹⁾ Копія писана почеркомъ XVI или самаго начала XVII в. и весьма ветха.

¹⁾ Принимаемъ эту приблизительную дату на томъ основаніи, что 1) въ это время былъ живъ еще Иванъ III, иначе Василій въ грамотѣ названъ былъ бы великимъ княземъ; 2) по всей вѣроятности, эта грамота дана въ послѣдніе годы жизни Ивана III, когда Василій сдѣлался соправителемъ отца, т. е. не раньше 11 апрѣля 1502 г. (*Экземплярскій, Великіе и удѣльн. князья, т. I, стр. 275*).

№ 57.—1504 г. іюля 10.—Жалованная несудимая грамота великой княгини Аграфены Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, боярину Павлу Васильевичу Верхдеревскому на село Ковылино.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се язъ, великая княгиня Аграфена, пожаловала есми боярина Павла Васильевичъ Верхдеревскаго ево жъ куплю, селомъ Ковылинымъ, что прежь того было у Александра ¹⁾ у Суморока у Иванова сына и у ево сына Петра, съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу историнны потягло. А кого въ себѣ призоветъ людей изъ зарубежья въ то село жити, и тѣмъ людямъ ненадобѣ имъ моя великія княгини дань и ямъ, никоторая тягль на семь лѣтъ. А издѣшнихъ людей неписменныхъ кого къ себѣ призоветъ, и тѣмъ людямъ ненадобѣ имъ моя великія княгини дань и ямъ и никоторая тягль на пять лѣтъ. А намѣсницы мои ростиславскіе и ихъ тіуны и ихъ доводщики къ Павлу въ то село не въѣждаютъ ²⁾, ни всмлаютъ ни по что, ни судятъ его людей. А кому будетъ до его людей дѣло, ино ихъ сужю язъ сама, великая княгиня. А кто въ Павловымъ людямъ пріѣдетъ изъ зарубежья почевати въ то село въ Ковылино, и они тѣхъ ночлежниковъ моимъ намѣсникомъ и ихъ тіуномъ не выявляютъ и явки не даютъ. А пожаловала есми бояриномъ своимъ Яковомъ Назарьевичемъ лѣто 7012 іюля 10.

У подлинной грамоты назадъ пишеть:

Дьякъ Михайла Язвецъ Мелентьевъ.

У подлинной жа грамоты печать.

При родословн. росписи Апраксинахъ-Вердеревскихъ, родосл. столб. № 160 склейка 9.

№ 58.—1504—1533.—Данная грамота удѣльнаго князя дмитровскаго и машинскаго Юрія Ивановича ³⁾ Василью да Андрею Ромейковымъ на село Мановничи.

Начала нѣтъ.

. Ивановичъ, возря въ духовной списокъ и въ ихъ вопросной списокъ и отца духовнаго Власіева рѣчи, и язъ князь, Юрей

¹⁾ Слова: *Ковылинымъ, что прежь того было у Александра* почему-то ичеркнуты.

²⁾ Въ рпп.: *не въѣждаетъ.*

³⁾ *Экземплярскій*, т. II, стр. 352. Этотъ князь владѣлъ своимъ удѣломъ съ 1504 до 1533 г.

Ивановичъ, пожаловалъ Василья да Ондreja Петровыхъ дѣтей Ромекова тою вотчиною Власьевскою селомъ Маковничимъ з деревнями и съ пустошии и животоиъ; и въ томъ селѣ Покровъ Святые Богородицы, деревня Софроново, деревня Чашничъ [съ] заполюемъ и съ лѣсы, деревня Боровиково, починокъ Згладово, деревня Горка Поповская, деревня Намѣстово, деревня Лаптево, да пустошь Мельница, да пустошь Буково, да пустошь Блазново, что х тѣмъ деревнямъ истаравы тягло, куды ходилъ [п]лугъ, и коса, и топоръ, съ лѣсы и съ угоди-емъ, что имъ съ тое вотчины, Василью да Ондрею, долгъ платитъ Власьевской и по душѣ дати и душу его поминать и вотчиною ладать (sic). И Власіевъ женѣ Оленѣ велѣлъ есми на Васильѣ да Ондреѣ взяти по ее по рядному списку пятьдесятъ рублевъ кабалами и по духовному списку, что ее пожаловалъ мужъ ее Власей изъ своего живота и вотчины и женѣ своей далъ Оленѣ конь буланъ ¹⁾, да меринъ саврасъ, да комтель бѣлей хрептовой съ вошивою и пуговицы золоты, да опашень лунской; а не любо женѣ моей Оленѣ—и Олена, жена моя, возьметъ изъ моего живота и вотчины у братаничевъ у мовхъ, у Василья да у Андрея... (*здѣсь, въроятно, пропускъ*) что ей до вотчины и до живота дѣла нѣтъ, Оленѣ Власіевѣ женѣ ²⁾. И язъ, князь Юрей Ивановичъ, велѣлъ есми взят . . . да на Ондреѣ Настасіѣ Власіевѣ доч . . на своихъ братѣхъ по рядному списку дн ³⁾ и платіе и сажніе и люди все сполна, а Настасіѣ велѣлъ есми дати своимъ братіемъ Василью да Ондрею отписъ въ томъ, что ей ⁴⁾, Настасіѣ, до отца своего вотчины села Моковничя и до деревень и до живота дѣла нѣтъ. И язъ, князь Юрей Ивановичъ, велѣлъ есми Инъѣ Глотову да Игнатію Костянтминову да Василью Суворову выслати Олену Власьевскую жену да и Настасію Власьевскую дочь Рамекова изъ села Моковничя вонъ, и язъ, князь Юрій Ивановичъ, пожаловалъ, велѣлъ отдати то село Моковниче и з деревнями и съ пустошии и животоиъ Глотову съ товарищи Василью да Ондрею Петровымъ дѣтемъ Ромекова отдати все сполна и отписъ имъ дати, и язъ, князь Юрій Ивановичъ, пожаловалъ Василья да Ондreja Петровыхъ дѣтей Ромекова, далъ на то село на Моковничя и на деревни и на пустошии данную грамоту прокъ имъ и ихъ дѣтемъ.

И у подленной грамоты пишеть:

¹⁾ Въ риз. бумага.

²⁾ Въ этомъ мѣстѣ текста, очевидно, невѣрность.

³⁾ денегъ? (дига).

⁴⁾ Въ риз. . . .

Князь Юрьевъ Ивановича дьякъ Аѳонасей Яковль.

А та его, великого (ѳис) князя, подлинная грамота за его, великого князя, за вислюю печатью.

При родословной росписи Ромейковыхъ, кн. Герольд. конт. кз № 241 лл. 627—628.

№ 59.—1505—1533 гг.— Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ѳедору Мансиму Горину волости Куси да Немды въ кормленіе.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великїи Василей Ивановичъ всеа Русїи, пожаловалъ есми Ѳедора Максимовича Горина Кусью да Немдою въ кормленье подъ Дмитреемъ подъ Хирдыщиковымъ. И вы ¹⁾, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судить и ходитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежь сего. А хто по кого взведеть моего великаго князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обонихъ исцовъ ставитъ предъ Ѳедоромъ или предъ его тиуномъ. А не поставитъ мой приставъ тѣхъ обонихъ исцовъ предъ Ѳедоромъ или предъ его тиуномъ, и онъ ѳзду лишень. А которой ²⁾ тѣхъ обонихъ исцовъ предъ Ѳедоромъ или предъ его тиуномъ не учнетъ искать или отвѣчати, и азъ, князь великїи, велѣлъ того обвинитъ и грамоту правую дати.

А назади пишеть:

Князь великїи Василей Ивановичъ всеа Русїи.

Печать вислая на красномъ воску. А въ которомъ году подлинная грамота писана, того не написано.

При родосл. росписи Гориныхъ, родосл. столб. № 27 склейка 2.

№ 60. — 1505—1533 гг. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ив. Апраксину волости Сямы въ кормленіе.

Списокъ з жалованной грамоты великаго князя Василія Ивановича всеа Русїи.

Се азъ, князь великїи Василей Ивановичъ всеа Русїи, пожаловалъ есми Ивана Матвѣевича Опраксина Сямою съ правдою подъ Якубомъ подъ [Ивашенцовымъ въ кормленье. И вы, всѣ люди тое

¹⁾ Въ ркп. *сы бѣ*.

²⁾ Въ ркп. *которыхъ*.

волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судить и ходить у васъ по старинѣ, какъ было прежь сего. А хто по ково возведеть моего великого князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставить передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишень. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и азъ, князь великии, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назади у подлинной грамоты пишеть:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи.

А печать у подлинной грамоты красная вислая—орель двоеглавой.

При родосл. росписяхъ Апраксиныхъ, кн. Герольдм. конт. 241, въ двухъ копіяхъ: первая (при первой росписи) л. 168 обор.—169, вторая (при третьей росписи) л. 182 обор.

№ 61. — 1505—1533 гг. — Грамота велиаго князя мосновскаго Василя Ивановича о пожалованіи Ярца Апраксина волостью Отгѣзжимъ и Бибиковымъ въ кормленіе.

Списокъ з жалованной грамоты великого князя Василя Ивановича всеа Русіи.

Се азъ, князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Ярца Матѣевича Опраксина Отгѣзжимъ и Бибиковымъ подъ Яковомъ Ивановымъ сыномъ Дмитреева Исакова въ кормленъ съ пятномъ. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судить, и ходить у васъ по тому жъ, какъ было прежь сего. А хто по ково возведеть моего великого князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ истцевъ ставить передъ Ярцомъ или передъ его тиуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ истцевъ передъ Ярцомъ или передъ его тиуномъ ¹⁾, и онъ ѣзду лишень. А которой тѣхъ обоихъ истцевъ передъ Ярцомъ или передъ его тиуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и азъ, князь великии, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А у подлинной грамоты назади пишеть:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи.

¹⁾ Слова: „а не поставитъ.... или передъ его тиуномъ“ во II копіи, по разсѣяности переписчика, пропущены.

А печать у подлинной грамоты вислая красная, орелъ двоеглавой ¹⁾).

При родосл. росписяхъ Апраксиныхъ, кн. Герольдм. конт. 241, въ двухъ копияхъ: I (при первой росписи) — на л. 1676, II (при третьей росписи) — на л. 181.

№ 62. — 1505—1533 гг. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Михайлу, Якову, Ивану да Никитѣ Карамышевымъ городовъ Демана и Березовца въ кормленіе.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великіи Василей Ивановичъ всеа Росіи, пожаловалъ есми Михайла да Якова да Ивана да Микиту Федоровыхъ дѣтей Михайловича Карамышева въ своей отчяиѣ въ Великомъ Новѣгородѣ городомъ Деманомъ и Березовцомъ въ кормленіе. И вы, всѣ люди по городамъ, чтите ихъ и слушайте, а они васъ вѣдають, и судятъ, и ходятъ у васъ о всемъ по тому, какъ было прежь сего.

А назади у подлинной грамоты написано:

Князь великіи Василей Ивановичъ всеа Русіи.

Да у той же грамоты въ срединѣ строки или двухъ нѣтъ, за ветхостію, и выбрать вѣщеву.

А у подлинной грамоты печать на красномъ воску—половина помята.

При родословн. росписи Карамышевыхъ, родосл. столб. № 93 склейка 11.

№ 63. — 1505 — 1533 гг. — Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Фунину Прокудину чашнича пути на Костромѣ въ кормленіе съ правдой.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великіи Василіи Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Фунива Прокофьевича Прокудина теперскомъ (sic) и чашничимъ путемъ на Костромѣ подъ княземъ Васильемъ Пожарскимъ въ кормленье съ правдою. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судить, и ходить у васъ по старинѣ, какъ было прежь сего. А хто по кого возведетъ моего великаго князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обо-

¹⁾ Во II копіи — „двоеглавой“.

ихъ исцовъ ставить передъ Фуникомъ или передъ его тіуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обонхъ исцовъ передъ Фуникомъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишень. А которой тѣхъ обонхъ исцовъ передъ Фуникомъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и азъ, князь великій, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

У подлинной грамоты написано позади:

Князь великий Василей Ивановичъ всеа Русіи.

У той же грамоты вислая печать на красномъ воску¹⁾.

При родосл. росписи Прокудиныхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 591.

№ 64. — 1505 — 1533 гг. — Грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича о пожалованіи Андрею Племянникову волостей Каликина и Парфентьева въ кормленіе.

Се азъ, князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Андрея Иванова сына Племянникова Каликинымъ и Парфентьевымъ съ правдою подъ [*и съ сего мѣста выдрано*²⁾]. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежь сего. А хто по кого взведетъ моего великаго князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обонхъ исцовъ ставить передъ Андреемъ или передъ его тіуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обонхъ исцевъ передъ Андреемъ или передъ его тіуномъ, и онъ ѣзду лишень. А которой тѣхъ обонхъ исцовъ передъ Андреемъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и азъ, князь великій, тово велѣлъ обинити и грамоту праву на того дати.

А вазади у подлинной припись:

Князь великий Василей Ивановичъ всеа Русіи.

Печать вислая на красномъ воску.

При родосл. росписи Племянниковыхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 607.

¹⁾ Копія писана на сивековой бумагѣ рукой самаго конца XVIII в. или даже начала XIX.

²⁾ Замѣчаніе въ реч.

№ 65.—1505 г. мая.—Грамота великаго князя московскаго Ивана III Васильевича о пожалованіи Андрею Племянникову Слободскаго городка на Вяткѣ въ намѣстничье кормленіе.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Руси, пожаловалъ есми Андрея Иванова сына Племянникова Слободскимъ городкомъ на Вяткѣ подъ Замятнею подъ Костянтиновымъ сыномъ Сабурова въ кормленіе. И вы, всѣ люди того городка, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судить, и блюдетъ, и ходитъ у васъ по старой пошлнѣ, какъ было прежь сего. Писанъ на Москвѣ лѣта 7013 мая.

А вазади у подлинной приписъ:

Князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Русі.

Печать вислая на красномъ воску.

При родосл. росписи Племянниковыхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 606.

№ 66.—1506 г. января 2.—Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя кашинскаго Юрія Ивановича Андрею Ѳед. Бѣдову на земли въ Чюцкомъ стану Кашинскаго уѣзда.

Се азъ, князь Юрьи Ивановичъ, пожаловалъ есмя Андрея Ѳедорова сына Бѣдова з дѣтми, что ихъ деревни праѣдовъ ихъ Викулы да Ильи Бѣдовыхъ княжеское жалованье моего князя Юрья Ивановича праѣда въ отчинѣ моей въ Кашинскомъ уѣздѣ въ Чюцкомъ стану сельцо Андреевское да сельцо Толстиково да сельцо Урюпино Безгузово на Кашинѣ рѣкѣ, да въ Бѣлгородѣ и въ Хотчѣ сельцо Сѣрково з деревнями и съ пустошми и съ починки. И намѣспвцы мои кашинскіе и волостели и ихъ тиуны людей и крстьянъ ни въ чемъ не судятъ, оприче душегубства или разбоя съ поличными, и кормовъ и поборовъ на намѣспниковъ и на себя у нихъ не берутъ и коней не кормятъ. А смѣсной судъ людемъ Андреевымъ намѣспники мои и волостели и ихъ тиуны судятъ, а Ондрей и дѣти его или прикащикъ съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятца наполи. А кому будетъ искати на Ондрею и на дѣтехъ его на Ѳедорѣ ею, ино ихъ сужю ясъ самъ, князь Юрьи Ивановичъ, или мой введенной бояринъ. Писанъ въ Дмитровѣ лѣта 7014 году генваря въ 2 день.

А у подлинной грамоты позади написано:

Князь Юрьи Ивановичь.

Печать—госкъ черной, вислая, на красномъ шелку.

При родословной росписи Бидовытз, столб. родословн. № 97, склейка 4.

№ 67. — 1506 г. апрѣля 20. — Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя дмитровскаго Юрія Ивановича Алексѣю да Микулѣ Трестининымъ на Задубровскую слободу въ Кашинскомъ уѣздѣ.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь Юри Ивановичь, пожаловалъ есми Алексѣя да Микулу Александровыхъ дѣтей Трестина да Петреца да Тихонца да Ельку да Иванца Микулиныхъ дѣтей Трестина, что ихъ село Рожнова з деревнями въ моеи отчинѣ въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ Задубровской слободѣ, въ большой половинѣ. И кто у нихъ въ томъ селцѣ и въ деревняхъ учнутъ жити люди, и намѣсники мои кашинскіе и волостели Задубровской слободы и ихъ твуны тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, ни кормовъ у нихъ своихъ не емлютъ, ни всылаютъ къ нимъ ни по что, а праветчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ, ни въѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ Олексѣй и Микула и его дѣти Петрець и Тихонецъ и Елька и Иванецъ тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣсной тѣмъ ихъ людямъ з городцкими людьми или съ волостными, и намѣсники мои кашинскіе и волостели Задубровскіе слободы и ихъ твуны судятъ ¹⁾, Алексѣй и Микула и его дѣти Петрець и Тихонецъ и Елька и Иванецъ, или ихъ прикащикъ, съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятца на полы. А кому будетъ чего искати на Олексѣя и на Микулѣ и на его дѣтехъ, на Петрець да на Тихонцѣ да на Елькѣ да на Иванцѣ, или на ихъ приѣщикѣ, иво ихъ сужю азъ, князь Юри Ивановичь, или мой бояринъ введенной. Писана на Москвѣ лѣта 7014 апрѣля въ 20 день.

А у подлинной грамоты вазади пишетъ:

Князь Юри Ивановичь.

При родосл. росписи Комсиныхъ, столб. родосл. № 129 склейка 5.

¹⁾ Тутъ пропущенъ союзъ *а*.

№ 68. — 1506 г. мая 3. — Жалованная грамота удѣльнаго князя кашинскаго Юрія Ивановича Клобукову монастырю, подтверждающая за нимъ владѣніе сельцомъ Игнатьевымъ ¹⁾.

Се язъ, князь Юрьи Ивановичъ, пожаловалъ есмя во отчинѣ своемъ въ Кашинѣ Клобукова монастыря игумна Пимина щернды. Велѣлъ было я у нихъ выкупати намѣснику своему кашинскому Андрею Ѳедоровичю Бѣдову сельцо Игнатьево з деревнями, а то сельцо по выѣздной ихъ грамотѣ ко князю Дмитрею Донскому, какову грамоту своего роду мнѣ Бѣдовы авили и списки съ той грамоты дали, бывали ихъ старыя деревни выѣзжева ихъ родимца ис Цесарской земли чесна рода Бедья Ульфа нѣмчина, а во крещенѣ Патрекея. И нынѣ язъ выкупати не велѣлъ для того: какъ Патрекея Ульфа [нѣмчина] цесаренива и съ нимъ сына его Павла Бѣдьева на великомъ и грозномъ Мамаевѣ побоищи убяли, и послѣ ихъ Павловы дѣти Ульфовы, а Патрекея нѣмчина внучата, Викула да Илья Бѣдовы, и никто родимцы ихъ Бѣдовы сельцомъ Игнатьевымъ не влаживали, и даны имъ, Викулѣ да Ильѣ Бѣдовымъ, за Патрекееву и за Павлову службы и за крови многія села въ Кашинѣ, розныя волости. И впредь намѣснику моему Андрею Ѳедоровичю и сыну его

¹⁾ Эта грамота впервые напечатана Н. П. Лихачевымъ въ его книгѣ „Разрядные дѣянія XVI в.“ (стр. 432—433), по нашей же рукописи. Г. Лихачевъ считаетъ эту грамоту подложной, относя ее къ числу такихъ грамотъ, которыя „были фальсифицированы вставкой отдѣльныхъ словъ или цѣлыхъ выраженій, главнымъ образомъ касающихся или выѣзда прародителя, или означенія чина лица, именованнаго въ подлинникѣ только по имени“ (стр. 429). Затѣмъ въ текстѣ грамоты онъ курсивомъ отмѣчаетъ мѣста, представляющіяся ему подложными. Но эти сомнѣнія въ подлинности нѣкоторыхъ строкъ или словъ текста едва ли основательны; подлинникъ грамоты несомнѣнно былъ *исправленъ* и не имѣлъ ни подчистокъ, ни помарокъ, ни вставокъ другими чернилами, иначе это было бы оговорено въ росписи тѣмъ лицомъ, который списокъ „чолъ“ или „правилъ съ подлинной“, какъ напр. мы имѣемъ въ №№ 4 и 84, гдѣ точно оговорены сомнительныя мѣста подлинныхъ грамотъ. Изъ общаго пересмотра всѣхъ дошедшихъ до насъ подлинныхъ росписей я вообще вынесъ убѣжденіе, что представленныя при росписяхъ грамоты внимательно были осматриваемы и переписываемы, а въ сомнительныхъ случаяхъ подвергались оговоркамъ дьяковъ или кодячичъ тутъ же, гдѣ-нибудь по сосѣдству съ копіей. Итакъ, мы не считаемъ подозрительной собственно эту грамоту 1506 г.; но, быть можетъ, подѣлана была та грамота кн. Дмитрія Донскаго, о которой есть упоминаніе въ этой грамотѣ и которая собственно вызвала и эту послѣднюю.

Федору Андреевичю розьѣсчику Бѣдовымъ и роду ихъ Бѣдовымъ до того сельца Игнатьева нѣтъ дѣла, а владѣть во вѣкъ монастыремъ, а Бѣдовымъ вмѣсто сельца Игнатьева въ Чюцкой волости сельцо Толстиково. Писанъ въ Дмитровѣ. [А гра]моту ясъ, князь Юрьи Ивановичь, велѣлъ запечатати своею печатью.

А подлинную грамоту подписалъ князь Юрьевъ Ивановича діакъ Илья Шестаковъ во лѣто 7014 году мая въ 3 день.

А печать у грамоты на пришивкѣ, воскъ черной, цѣла.

Назади у грамоты написано:

Князь Юрьи Ивановичь.

При родосл. росписи Бѣдовыхъ, столб. родосл. № 97 склейка 4.

№ 69.—1506 г. іюня 29.—Доходный списокъ, данный великимъ княземъ московскимъ Василюемъ Ивановичемъ волостелю кн. Юрію Львовичу Козловскому на кормленіе въ Антоновскомъ стану.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великїи Василей Ивановичь всеа Русїи, пожаловалъ есьми князь Юрья княжъ Лвова сына Козловского, что за нимъ мое жалованье, волость Антоновская станъ. И у кого будутъ въ той волости мои грамоты жалованныя, чтопъ моимъ волостелемъ кармовъ не давати, и азъ, князь великїи, князя Юрья пожаловалъ, велѣлъ есьми ему въ той волости имати кормъ свой со всѣхъ грамотниковъ з боярскихъ и съ монастырскихъ па сей грамотѣ. А съ сохи волостелю корму на Рожество Христово: полоть мяса, десетера хлѣбовъ, мѣхъ овса, возъ сѣна; а на Великъ день съ сохи жъ волостелю корму: полоть мяса, десетера хлѣбовъ; а на Петровъ день съ сохи жъ баранъ, десатеро хлѣбовъ. А не любъ будетъ волостелю кормъ, и онъ емлетъ за полоть мяса десеть денегъ, за десетера хлѣбовъ десеть денегъ, за мѣхъ овса восемь денегъ, за баранъ десеть денегъ, за возъ сѣна два алтына. А тіуну ево съ сохи жъ на всѣ тѣ три праздники внолы волостелява корму. А довотчику его поборъ съ сохи жъ: на Рожество Христово каврига, часть мяса, забня авса; а на Великъ день [съ] сахи жъ довотчику поборъ каврига, часть мяса, а на Петровъ день съ сохи жъ довотчику поборъ каврига да сыръ; а не любъ будетъ довотчику поборъ, и онъ емлетъ за кавригу деньга, за часть мяса деньга, за сыръ деньга, за забню авса двѣ деньги. А съ черныхъ деревень велѣлъ есьми ему имать кормъ со шти деревень на Рожество Христово за полоть мяса два алтына, за десетера хлѣбовъ два алтына, за мѣхъ авса два алтына з деньгою, за возъ сѣна пол-

третья алтына; а на Великъ день со шти деревень волостелю корму за полоть мяса два алтына двѣ деньги, за десетера хлѣбовъ два алтына; а на Петровъ день со шти жъ деревень волостелю кормъ за баранъ два алтына двѣ деньги да за десетера хлѣбовъ два алтына. А тіуу его вполы того. А довотчику его поборъ з деревни на Рожество Христово три деньги, а на Великъ день довотчику поборъ двѣ деньги, а на Петровъ день довотчику поборъ двѣ жа деньги. А праветчику его имати поборъ з деревни на Рожество Христово восемь денегъ, а на Великъ день праветчику его поборъ з деревни четыре деньги, а на Петровъ день праветчику его поборъ з деревни жъ четыре жъ деньги. Также есьми князь Юрья пожаловаль, велѣлъ есьми ему въ Онтоновѣ держати петно; и хто въ той волости купить лошадь, или продасть, или мѣнить, и они являютъ князю Юрию или его петеншику, а онъ у нихъ вонн пятнить, а отъ петна емлятъ съ лошади—съ купца деньгу московскую, а съ продавца деньгу жъ московскую; а имена люцкїя и вонн въ шерсть пишеть въ книги памяти для. А хто въ той волости купить лошадь, или продасть, или мѣнить, а не явить князю Юрию или его петеншику до того жъ дни, и онъ, уличивъ того, возьметъ на немъ заповѣди и пропятаенья два рубля московскїя. Писанъ на Москвѣ лѣта 7014 іюня въ 29 день.

А назади у подлинной грамоты пишеть:

Князь велики всеа Русїи.

Печать вислая на красномъ воску—орель двоеглавой у подлинной грамоты.

При родосл. росписи кн. Козловскихъ, родосл. столб. № 108, склейки 2—3.

№ 70. — 1507 г. октября 20. — Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя нашинскаго и дмитровскаго Юрія Ивановича Аеанасу Елчанинову съ сыновьями на деревни въ Рускомъ уѣздѣ.

Се азъ, князь Юрьи Ивановичъ, пожаловаль есьми Оеонаса Костентинова сына Елчанинова да его дѣтей Васюка да Михалка, что ихъ вотчина деревня Быковская, деревня Булгаковская да деревня Вельковская въ моеи отчинѣ въ Рускомъ уѣздѣ въ Скирмановѣ—и хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣстницы мои рускїе и ихъ тіуни на тѣхъ ихъ людей приставовъ своихъ не дають и не судяють ихъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ полчнвымъ, ни кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не всылають къ нимъ ни по что; а праведчици и довотчици поборовъ своихъ

у нихъ не берутъ и не вѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ Оеонасей и его дѣти Васюкъ да Михалко тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ ихъ людямъ з гороцкими или съ становыми людьми, и намѣстницы мои рускіе и ихъ тіуны судятъ, а Оеонасъ и его дѣти, или ихъ приказщикъ, съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлятца наполю. А кому будетъ чего искати на Оеонасъ и на его дѣтехъ на Васюкъ да на Михалкъ или на ихъ приказщикъ, ино ихъ сужу язъ, князь Юрьи Ивановичъ, или мой бояринъ введенной. А явятъ сю грамоту моему намѣстнику или его тіуну, и они съ нею дадутъ явки алтынъ. А черезъ сю мою грамоту хто что на нихъ возметъ или чѣмъ изобидитъ, быти ему отъ меня, ото князя Юрья Ивановича, въ казни. Писанъ въ Русѣ дѣта 7016 октября въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь Юрьи Ивановичъ ¹⁾.

При родосл. росписи Елчаниновыхъ, столбецъ родослов. № 41, склейка 8.

№ 71. — 1507 г. ноября 21. — Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя углицкаго Дмитрія Ивановича ²⁾ Аннѣ Рахманиновской женѣ съ дѣтми на углицкую вотчину.

Се язъ, князь Дмитрий Ивановичъ, пожаловалъ есми Волоха Иванова сына Суседова да его сноху Анну Рахманиновскую жену да ее дѣтей Иванца да Васюка да Ондрейца, что у нихъ ихъ вотчина деревня Плишкино, деревня Улоуякино, деревня Красное, деревня Лучинское въ Углецкомъ уѣздѣ въ Святицѣ—и хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣстницы мои углецкіе и ихъ тіуны тѣхъ ихъ людей не судя[тъ] ни въ чемъ, опрочѣ душегубства и розбоя съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ Волохъ и его сноха и его братанчи тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣсной тѣмъ ихъ людямъ з городцкими людьми и з становыми или съ волостными, и намѣстницы мои и волостели и ихъ тіуны судятъ, а Волохъ или его братанчи и ихъ при-

¹⁾ Копія написана на особомъ листѣ рукой XVI или самаго начала XVII в., довольно ветха.

²⁾ Сынъ Ивана III, р. 1482, † 1521 г. Съ 1505 г. получилъ въ удѣлъ Угличъ и другіе города. Послѣдній удѣльный князь въ Угличѣ. *Экземлярскій*, В. и уд. князья, т. II, стр. 116 и 151.

казники съ ними жо судать, а присудомъ ся дѣлать наполи. А кому будетъ чего искати на Волохѣ и на его братаничѣ[хъ] или на ихъ приказшичѣхъ, ино ихъ сужу язъ, князь Дмитрей Ивановичъ, или мой бояринъ введенный. Писанъ на Угличѣ лѣт[а] 7016 ноября 21 дня.

При родосл. росписи Рахманиновыхъ, кн. Герольдм. конторы кз № 241 л. 644.

№ 72.—Около 1508 г.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Прокофью Апраксину города Гороховца въ намѣстничье кормленіе. — Подтвержденіе этой грамоты въ 1509 г.

Списокъ з жалованной грамоты великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи.

Се азъ, князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Прокофья Матвѣевича Опраксина Гороховцомъ съ мытомъ подъ Яковомъ ¹⁾ подъ Скамонтовымъ. И вы, всѣ люди того города, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ у васъ по старой пошлинѣ, какъ было прежь сего. А хто по кого возведетъ моего великаго князя пристава, а будутъ оба исца того города, и приставъ мой тѣхъ обонихъ исцовъ ставитъ передъ Прокофьемъ или передъ его тиуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обонихъ исцовъ передъ Прокофьемъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишень. А которой тѣхъ обонихъ исцовъ передъ Прокофьемъ или передъ его тиуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великии, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назади у подлинной грамоты пишетъ:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи.

А подъ тѣмъ писмомъ пишетъ дьячьєю рукою:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи по сей грамотѣ пожаловалъ Прокофья Матвѣева сына Опраксина, перепустилъ ему Гороховецъ черезъ два года. отъ Николина дни отъ вешнева лѣта седьмъ тысящъ седмаго на десять до Николина дни осеннего лѣта седьмъ тысящъ осмаго на десять. А подписалъ великаго князя дьякъ Лука Семеновъ.

При родосл. росписяхъ Апраксиныхъ, кн. Герольдм. конт. 241, въ двухъ копіяхъ: первая лл. 167 обор.—168 (при первой росписи), вторая л. 181 обор. (при третьей росписи).

¹⁾ Въ I копіи подъ Яковъ.

№ 73.—1508 г. мая 20. — Грамота великаго князя московскаго **Василія Ивановича** о пожалованіи **Протасію Акинфовичу Протасьеву** въ кормленіе торговыхъ пошлинъ въ **Мещерѣ** и **Мещерскомъ уѣздѣ**.

Списокъ з жаловацной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Протася Акинфовича Протасьева въ кормленья въ Мещерѣ и въ Мещерскомъ уѣздѣ всею пошлиною, хто что продасть или промѣнить или купить. И вы бѣ, всѣ люди, являли кормленщику нашему Протасю Акинфовичю, а онъ у васъ велить пошлины имать тиуну своему; а хто пошлинъ не явитъ, и ему, кормленщику нашему, взять на томъ промыть, а промыть и пошлины имать по наказному списку. Писанъ на Москвѣ лѣта 7016-го году маія въ 20 день.

А у подлинной грамоты назади пишеть:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи.

Печать вислая на красномъ воску.

При родословной росписи Протасьевыхъ, родосл. столб. № 59, склейка 4.

№ 74.— Около 1509 г.¹⁾ — Грамота великаго князя московскаго **Василія Ивановича** о пожалованіи **И. И. Коробьину** волости **Ростовца** въ кормленіе.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Ивана Иванова сына Коробьина Ростовцомъ съ правдою подъ Осдоромъ ропомъ въ кормленье. И вы, всѣ люди тое волости, чтитя его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ у васъ по старой пошлинѣ, какъ было прежь сего. А хто по кого взведеть моего великаго князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишеть. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ

¹⁾ См. дагѣ подъ № 75 доходный списокъ. служащій дополненіемъ къ этой грамотѣ.

номъ не учнеть искати или отвѣчати, и язъ, князь великій, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А зазавди у подлинной грамоты пишеть:

Князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи.

При родосл. росписи Коробыныхъ, столб. родосл. № 134, въ двухъ копияхъ: одна на склейкѣ 6, другая на склейкѣ 8-й. Часть последней съ твоей стороны отжила.

№ 75.—1509 г. іюля 17.—Доходный списокъ, данный великимъ княземъ московскимъ Василюемъ Ивановичемъ волостелю Ив. Ив. Норобыну на кормленіе въ волости Ростовцѣ.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Ивана Иванова сына Коробына, что за нимъ моево жалованья волость Ростовецъ, и у каво будутъ въ той волости мои великого князя грамоты жалованья, что имъ моимъ волостелемъ кормовъ не давати, и язъ, князь великій, Ивана пожаловалъ, велѣлъ есми ему имати кормъ съ сохъ со всѣхъ грамотниковъ з боярскихъ и съ монастырскихъ по сей грамотѣ. А съ сохи волостелю кормъ на Рожество Христово: полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, мѣхъ овса, возъ сѣна; а на Великъ день съ сохи жъ волостелю кормъ: полоть мяса, десятеро хлѣбовъ; а на Петровъ день съ сохи жъ волостелю кормъ: боранъ, десятеро хлѣбовъ. А не любъ будетъ волостелю кормъ, и онъ емлетъ за полоть десеть денегъ, за десять хлѣбовъ десеть денегъ, за боранъ десеть денегъ, за мѣхъ овса восемь денегъ, за возъ сѣна два алтына. А тиуну его кормъ съ сохи жъ на всѣ тѣ три празники вполне волостелева корму. А довотчику ево поборъ съ сохи: на Рожество Христово за ковригу деньга, за часть мяса деньга, за зобию овса двѣ денги; а на Великъ день съ сохи жъ довотчику поборъ: за ковригу девьга, за часть мяса деньга; а на Петровъ день съ сохи жъ довотчику его поборъ: за ковригу деньга, за сыръ деньга. А правотчику ево поборъ съ сохи жъ: на Рожество Христово восемь денегъ, а на Великъ день съ сохи жъ проведчику ево поборъ четыре денги, а на Петровъ день съ сохи жъ проведчику ево поборъ четыре жъ денги. А съ черныхъ деревень имати волостелю и его тиуну кормъ со шти деревень по тому жъ, какъ волостелю и его тиуну кормъ съ сохи въ годъ на три празники; а довотчику ево поборъ з деревни на Рожество Христово четыре денги, а на Великъ день з деревни довотчику поборъ двѣ денги, а на Петровъ день з деревни жъ довот-

чику поборъ двѣ жъ денги; а проветчику ево поборъ з деревни на Рождество Христово алтынъ, а на Великъ день проветчику ево поборъ з деревни три денги, а на Петровъ день проветчику поборъ з деревни четыре жъ. Также еси Ивана пожаловалъ, велѣлъ еси ему въ той волости держать пятно. И хто въ той волости купить лошедь или продасть или мѣнять, и они являютъ Ивану или его пятеншику, а онъ у нихъ кони пятнить, а пошлину отъ пятна емлетъ съ лошеди съ купца денгу, а съ продавца денгу жъ московскіе, а имена людскіе и кони въ шерсть пишутъ въ книги памяти для. А хто въ той волости купить лошедь, или продасть, или мѣнять, а не явить Ивану или его пятеншику до того жъ дни, и онъ, уличивъ того, возьметъ на немъ пропятенья два рубля московскіе. Также еси Ивана пожаловалъ—у кого будутъ мои великого князя грамоты жаловальныя, что ¹⁾ имъ мыту не давати, и азъ, князь великій, Ивана пожаловалъ, велѣлъ еси ему имати мытъ на всѣхъ грамотникѣхъ на митрополичьихъ, и на владычныхъ, и на боярскихъ, и на монастырскихъ, и на своихъ великого князя сельчанѣхъ, и на всѣхъ безо мѣны, чей хто ни буди. А мытъ еси ему имати велѣлъ по старинѣ, а з служивыхъ людей и з боярскихъ людей и съ пѣшеходовъ мыта еси ему имати не велѣлъ. А хто служилой человекъ или боярской человекъ поѣдетъ съ товаромъ, и азъ ему велѣлъ на тѣхъ имать мытъ, какъ и на торговыхъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7017-го году іюля въ 17 день.

А назадн у подлинной грамоты пишутъ:

Князь великій всеа Русіи.

При родосл. росписи Коробльиныхъ, столб. родосл. № 134, въ двухъ копіяхъ: одна на клейкахъ 6—7, другая, значительно истлевшая съ лѣвой стороны, на клейкѣ 9.

№ 76.— 1509 г. іюля 20.— Грамота невѣстная великаго князя московскаго Василія Ивановича, данная Матвѣю Бестужеву въ мѣстническомъ счетѣ его съ Андроемъ Нагово ²⁾).

[Се азъ], князь великій Василей Ивановичъ всеа Росіи, пожаловалъ еси околичего своего Матвѣя Яковлевича Бестужева, что

¹⁾ Въ I копіи яко.

²⁾ Грамота эта сперва была переписана слово въ слово на клейкахъ 3—4, но затѣмъ въ копіи другой рукой и другими чернилами сдѣланы поправки: уничтожены азъ, мѣсяць и число грамоты, упоминаніе о печати, такъ что грамота получила видъ изложенія отъ третьяго лица. На клейкахъ 11—12 грамота является уже въ такомъ передѣланномъ видѣ.— Здѣсь имъ возстановлен первоначальный видъ грамоты.

былъ челомъ оиъ на Андрея Петровича Нагово, что по моему указу велѣно быть на Коломнѣ воеводамъ князю Андрею Васильевичу Нохтеву да Андрею Петровичю Нагово да ему, околничему Матвѣю Яковлевичю Бстужеву, да Михайлу Бакѣеву; и ему де, Матвѣю, менши Андрея Нагова быти невмѣстно. И язъ, князь великии, ево, Матвѣя, пожаловалъ, менши Андрея Нагово быть не велѣлъ, а велѣлъ ему быть къ Москвѣ и далъ на Андрея Нагово невмѣстную грамоту, а на Коломнѣ велѣлъ быть князю Андрею Васильевичю Нохтеву да Андрею Нагово да Михайлу Бакѣеву. А далъ язъ, князь великии Василей Ивановичь, сію грамоту лѣта 7017-го году іюля въ 20 день.

У подлинной грамоты назади пишеть:

Князь великии Василей Ивановичь всеа Росіи.

А печать на черномъ воску.

При родосл. росписи Бстужевыхъ, столб. родослов. № 156 а, склейки 3—4, также склейки 11—12.

№ 77.—1510 г.—Докладная грамота великой княгини Аграфены Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, о займѣ Афирмьей, женой Дмитрія Ѳедоровича, пяти рублей у Ив. Климова подъ залогъ вотчины.

Списокъ съ докладной великіе княгини Огрофены.

Доложа великіе княгини Огрофены боарина Ѳедора Ивановичь Сунбула, се язъ, Офирмья Дмитріева жена Ѳедоровичь, своимъ спномъ съ Васильемъ, заняли есмь, господине, у Ивана Микилина ¹⁾ сына Климова ²⁾ пять рублей денегъ отъ Велика дни на годъ, а закобалили есмь ему въ тѣхъ деньгахъ ³⁾ съ собою, поруки мѣста, отчину свою деревню Бѣгаркино на рѣчки на Радобицы съ нивами, и съ пожнями; и со всѣмъ тѣмъ, что къ той деревни изъ старины потягло. А ростъ намъ ему дать на тѣ деньги по розчету, какъ даютъ на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, и намъ ему ростъ давать по тому жъ розчету; а хто насъ въ лицахъ, на томъ Ивану денги его всѣ и ростъ; а не отниматися намъ у него отъ сея кобала ⁴⁾ ни полѣтною, ни изустною ⁵⁾. На докладѣ были Никита Ивановъ сынъ Отчина да

¹⁾ Вѣроятно, *Микумина* или *Микитина*.

²⁾ Въ ркп. *Климова*.

³⁾ Въ ркп. *книгалъ*.

⁴⁾ Въ ркп.: *себя кобала*.

⁵⁾ Въ ркп.: *ны покольтнюю тиистную*.

Иванъ Ѳеодоровъ сынъ Кобылинъ лѣта 7018. А подписалъ великіе княгини дьякъ Яковъ Григорьевъ сынъ.

У подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 388—389.

№ 78.—1510 г.—Докладная грамота великой княгини Аграфены Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, о займѣ Аксиньей Дьяконовой трехъ рублей у Ив. Кончеева съ обязательствомъ за ростъ работать.

Списокъ великіе княгини Огрофены съ докладной.

Доложь великіе княгини Огрофены боярина ¹⁾ Ѳеодора Ивановича Сунбула, се азъ, Оксинья Михайлова жена Дьяконова, заняла есми, господине, у Ивана у Олтуеьева сына Кончеева три рубли денегъ отъ Рожества Ивана Предотечи на годъ и тѣ есми денги дала мужу своему Михайлу Дьякону Борисову сыну. А за ростъ мнѣ у Ивана идувана (sic) работать; а не похочю у него работать до сроку, и мнѣ ему денги его дать всѣ и съ ростомъ по росчету, какъ даютъ на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, и мнѣ у него за ростъ работать по тому жъ, а не сниматися мнѣ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. А на докладѣ были Пакратъ Михайловъ сынъ Катовъ да Семень Тимофеевъ сынъ Денижниковъ лѣта 7018. А подписалъ великіе княгини дьякъ Ѳеодоръ Матвѣевъ.

У подлинной печать на черномъ воску,

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 389.

№ 79.—1510 г. мая. — Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василья Ивановича кн. Юрію да кн. Семену Львовичамъ Козловскимъ на с. Полянки и д. Пастухову Муромскаго уѣзда.

Списокъ в грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми князя Юрья да князя Семена князь Львовыхъ дѣтей Козловскаго, что ихъ село Полянки да деревня Пастухова въ Муромскомъ уѣздѣ—и хто у нихъ въ томъ селѣ и въ деревнѣ учюуть жити

¹⁾ Въ рш. вм. этого слова стоятъ безсмысленное з докладной.

людей, и намѣсницы наши муромскіе и ихъ тіуны тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь одного душегубства, а вѣдаютъ и судятъ князь Юрьи и князь Семенъ тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людямъ з горотцкими людьми или станowymi, и намѣсницы наши муромскіе и ихъ тіуны судятъ, а князь Юрьи и князь Семенъ или ихъ прикашикъ съ ними же судить, а присудомъ дѣлятца наполю. А кому будетъ чего искати на князѣ на Юрьѣ и на князѣ на Семенѣ или на ихъ прикашикѣ, ино ихъ сужю азъ, князь великии, или мой боярипъ введый. Писанъ на Москвѣ лѣта 7018 мая.

А позади подлинныя грамоты пишеть:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи.

Печать вислая на красномъ воску—орель двоеглавой у подлинной грамоты.

У подлинной грамоты числа не написано.

При родосл. росписи кн. Козловскихъ, родосл. столб. № 108, склейка 5.

№ 80.—1510 г. мая 13.—Жалованная вотчинная грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича кн. Юрью да кн. Семену Львовичамъ Козловскимъ на дворцовыя романовскія и муромскія села.

Списоць з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есьми князя Юрья да князя Семена княжъ Львовыхъ дѣтей Козловскаго своими селы: на Романовѣ городкѣ селомъ Ратмировымъ з деревнями и съ пустошми, да въ Муромѣ селомъ Палиньками да деревнею Пастуховымъ со всѣмъ съ тѣмъ, что въ тѣмъ селамъ, и къ деревнямъ, и въ пустошамъ потягло, и съ рыбною ловлею, что въ Палинькамъ, апричь борьти. А пожаловалъ есьми князь Юрья и князя Семена тѣми селы з деревнями и съ пустошми впроць вмъ и ихъ дѣтемъ и съ судомъ, [опро]чи одного душегубства. Писанъ на Москвѣ лѣта 7018 мая въ 13 день.

А назадъ у подлинныя грамоты пишеть:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи.

Печать вислая на красномъ воску—орель двоеглавой у подлинной грамоты.

При родосл. росписи кн. Козловскихъ, столб. родосл № 108, склейка 4.

№ 81.—1511 г. февраля 25.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Константину Чирикову на черныя деревни въ Череможской волости Ярославскаго уѣзда.—Подтвержденіе этой грамоты царемъ Иваномъ Грознымъ 20 сентября 1558 г. за Третьякомъ Чириковымъ.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Костю Семеновича Чирикова въ Ярославлѣ, въ волости въ Черемхѣ, въ Полозовѣ Раменьѣ своими деревнями черными: деревнею Вежливцовымъ, деревнею Пахомовскою, деревнею Гридвинскимъ, деревнею Ескинымъ со всѣмъ съ тѣмъ, что въ тѣмъ деревнямъ потягло, да въ деревнѣ въ Тураевѣ пашнею—по девяти четвертей въ полѣ. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣсницы наши ярославскіе и волостили черемошскіе и ихъ тиуны тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опроче душегубства и разбоя съ поличнымъ, и кормовъ своихъ черныхъ на нихъ не емлютъ, а емлютъ на нихъ кормъ посопной, а вѣдаетъ и судитъ Костя тѣхъ своихъ людей самъ во всемъ, или кому приважетъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ его людямъ з градскими людьми или съ волосными, и намѣсницы наши ярославскіе и волостили черемошскіе и ихъ тиуны судятъ, а Костя или его приващикъ съ ними жъ судитъ, а присудомъ дѣлятца на полы. А кому будетъ чего искать на Костѣ или на его прикащикѣ, ино ихъ сужу я, князь великій, или мой бояринъ введенный. Писанъ на Москвѣ лѣта 7019 ¹⁾ февраля въ 25 день.

А подпись на подлинной грамотѣ:

Князь великій Василіи Ивановичъ всеа Русіи.

Да у той же грамоты написано:

Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, по сей отца своего грамотѣ, пожаловалъ Третьяка Гнѣвашева сына Семеновича... (а иныхъ строкъ подъ заклеюкою не знать, а ниже заклеюки пишетъ)... у него вѣтъ. И государь бы его помѣсьемъ пожаловалъ племянника его Третьяка, [а] Третьяку съ того помѣстья служить и Костентина кормить.

(Да на той же грамотѣ отъ ветхости друная заклеюка и подъ нею строкъ не знаютъ, а ниже заклеюки шесть:...) ... Царь и великій князь рупити не велѣлъ—ходити о всемъ по тому, какъ въ

¹⁾ Въ ркп.: 719.

сей грамотѣ написано. Лѣта 7067 ¹⁾ сентября въ 20 день. А подписать царя и великого князя дьякъ Василей Степановъ.

У той грамоты печать на красномъ воску ²⁾.

При родосл. росписи Чириковыхъ (татарскаго происхожденія), кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 998—999.

№ 82.—1511 г. февраля 25.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Семену Чирикову на деревни въ Череможской волости Ярославскаго уѣзда.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Семена Власьевича Чирикова въ Ярославлѣ, въ волости въ Черемхѣ, въ Полозовѣ Раменья своими деревнями черными: деревнею Іевлимъ, деревнею Панюкровскою, деревнею другою Похомовскою, деревнею Ефимовскою со всѣмъ съ тѣмъ, что въ тѣмъ деревнямъ поглаго, деревнею Вяжливцовымъ пашнею—по девяти четвертей въ полѣ. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣсницы наши ярославстіе и волостели череможскіе и ихъ тиуны тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опрочѣ душегубства и розбоя съ поличнымъ, и кормовъ своихъ черныхъ на нихъ не емлютъ, [а емлютъ] на нихъ кормъ посопной. А вѣдасть и судить Семень тѣхъ своихъ людей самъ во всемъ, или кому приважеть. А случится судъ смѣсной тѣмъ его людямъ з городецкими людьми или съ волосными, [и] намѣсницы наши ярославстіи и волостили череможскіе и ихъ тиуны судятъ, а Семень или его прикащикъ съ ними жъ судить, а присудомъ дѣлятся наполю. А кому будетъ чего исвати на Семень или на его прикащикѣ, ино ихъ сужу я[зъ], князь великій, или мой бояринъ введенной. Писанъ на Москвѣ лѣта 7019 ³⁾ февраля въ 25.

А позади подлинной грамоты пишеть:

Князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи.

У той грамоты печать на шелку красная ⁴⁾.

При родосл. росписи Чириковыхъ (татарскаго происхожденія), кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 997 об.—998.

¹⁾ Въ ркп.: 767.

²⁾ Копія написана рукой самаго конца XVIII в. или даже начала XIX.

³⁾ Въ ркп.: 719.

⁴⁾ Копія написана рукой самаго конца XVIII в. или даже начала XIX.

№ 83.—1511 г. марта 15.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Дмитрію, Якову да Андрею Сушковымъ на черныя деревни въ Едомской волости Ярославскаго уѣзда.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великиі Василю Ивановичъ, пожаловалъ есми Митюка да Якуша да Андрюка Игнатьевыхъ дѣтей Сушкова въ Ярославль въ Едомѣ, в Ыльинскомъ стану, своими деревнями черными: деревнею Елизаровымъ, деревнею Ильмаповымъ, деревнею Дунѣевымъ ¹⁾, деревнею Коршиковымъ, деревнею Чюковымъ, деревнею Федосовымъ, деревнею Рыковымъ, деревнею Поддубнымъ, деревню Аристовымъ, деревнею Федосовымъ же, деревнею Акуловскимъ, деревнею Акуловскимъ же, деревнею Коятинымъ, деревнею Азиковымъ, деревнею Ющинымъ, деревнею Лякицинымъ, деревнею Орудьевымъ со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ потягло, да двѣма жеребьямъ (сію) деревни Лаптевы. И хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и намѣсницы наши ярославскіе и ихъ [тіуни] тѣхъ ихъ людей не судать ни въ чемъ, оприче душегубства и розбоя съ поличнымъ, и кормовъ своихъ черныхъ на нихъ не емлють, а емлють на нихъ кормъ посошной, а вѣдають и судать Митюкъ, и Якушъ, и Ондрюкъ тѣхъ своихъ людей сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случится судъ смѣсной тѣмъ ихъ людямъ з городскими людьми или с становыми, и намѣсники наши ярославскіе и ихъ тіуни судать, а Митюкъ, и Якушъ, и Ондрюкъ, или ихъ прикащикъ, съ ними жъ судать, а при судомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искати на Митюкѣ, и на Якушѣ, и на Ондрюкѣ, или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сузу язъ, князь великиі, или мой бояринъ введены. Писанъ на Москвѣ лѣта 7019 году марта въ 16 день.

А у подлинной жалованной грамоты, что за вислою красною печатью, назади пишеть:

Князь великиі Василю Ивановичъ всеа Русіи.

Печать на красномъ воску вислая.

При родосл. росписи ярославскихъ помѣщиковъ Сушковыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 лл. 751 об.—752.

¹⁾ Дунѣевымъ? Дунѣевымъ? Написано неразборчиво.

№ 84.—1511 г. апрѣля.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ѳед. Вас. Кафтыреву вятскаго города Орлова въ намѣстничье кормленіе.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великій Василей Ивановичъ всеа Руся, пожаловалъ ¹⁾ есми Ѳеодора ²⁾ Васильевича Кафтырева Орловымъ на Вяткѣхъ подъ Левою подъ Лаптевымъ въ намѣсное. И вы, всѣ люди, его слушайте ³⁾, а онъ васъ вѣдать (вѣс) у васъ по старой по[ш]линѣ, какъ было прежде сего. Писанъ на Москвѣ лѣта 7019 году апрѣля.

У подлинной грамоты позади пишеть:

Князь великій Василей Ивановичъ всеа Руси.

Печать вислая на красномъ воску ⁴⁾

При родосл. росписи Кафтыревыхъ, родосл. столбецъ № 91 склейка 3.

№ 85.—1511 г. апрѣля 12.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ивану Семену Писареву мѣха коломенскаго, не взятаго въ 1510 г.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь велики Василей Ивановичъ всеа Россіи, пожаловалъ есми Ивана Семенова сына Писарева мехомъ коломенскимъ прошлымъ, что не братъ на Великъ день въ лѣтѣ семь тысячь осмого на десять, въ кормленье; а брати ему тотъ мѣхъ по списку. Писанъ на Москвѣ лѣта 7019 ⁵⁾ апрѣля во 12 день.

А позади пишеть:

Князь велики Василей Ивановичъ всеа Россіи.

Печать вислая на красномъ воску.

При родосл. росписи Писаревыхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 534.

¹⁾ „А что написано „пожаловалъ на Вяткѣхъ“—и то писано въ подлинной вѣш строкъ и переправлено инымъ чернилами“. Примѣчаніе дьяка, свѣрившаго подлинную грамоту съ приведенной копіей.

²⁾ „Имя въ подлинной выдрано (вставлено, вѣроятно, по родословной росписи) и омыч переправлено инымъ черниломъ“. Примѣчаніе его же.

³⁾ Сперва написано было „слушати его“, но поправлено дьякомъ, какъ здѣсь.

⁴⁾ Замѣчаніе о печати принадлежитъ дьяку. „Чолъ И. П.“.

⁵⁾ Въ рукописи ошибочно переставлены цифры: 7091.

№ 86.—1511 г. мая 1.—Грамота удѣльнаго князя кашинскаго Юрія Ивановича о пожалованіи нн. Давыда Даниловича деревнями въ Кашинскомъ уѣздѣ и объ отпускѣ его въ Кашинь „для смотрѣнія сель“.

Списокъ з грамоты, что былъ Федоръ Бѣдовъ розѣщакъ ¹⁾

Се азъ, князь Юрьи Ивановичь, пожаловалъ есьми боярина своего князя Давыда Даниловича въ отчинѣ своей въ Кашинскомъ уѣздѣ въ Чюцкомъ стану село Розмесово да слоботку Быковку и слоботку Та ²⁾ з деревнями и съ починки, да въ Нерогоцкомъ стану село Опраксино з деревнями и съ починки, и его, боярина, отпустилъ во отчину свою въ Кашинь для смотрѣнія сель. И боярину моему князю Давыду Даниловичю свои села, и деревни, и слоботки, и пустоши, и починки отъ всѣхъ земель отѣхати, а на розѣздѣ быти съ бояриномъ со княземъ Давыдомъ кашинскому моему розѣщивку Федору Андрееву сыну Бѣдову, и розѣзжати имъ земля вмѣстѣ съ одного по тяглу, и пашести, и награнити, и ямы закопати, а нахѣсникомъ моимъ кашинскимъ, и ихъ тивомъ, и праветчиномъ, и довотчиномъ боярина моего князя Давыда Даниловича и розѣщика Федора Бѣдова слушати и почитати, а не ослушатися и не огурятися ни въ чемъ. А на докладѣ быти у боярина моего князя Давыда Даниловича и у Федора Андреева сына Бѣдова дѣтямъ боярскимъ Григорью Бѣлому да Федору Палицыну. А присуду боярину половина, а Федору розѣщивку четверть, а тивуномъ, и довотчиномъ, и праветчиномъ з дѣтями боярскими пол-половина. Писанъ въ Дмитровѣ лѣта 7019 году мая въ 1 день.

А назади у подлинной грамоты написано:

Князь Юрьи Ивановичь.

Печать вислая, воскъ черной на красномъ шелку.

*При родословной росписи Бѣдовыхъ, родосл. столб. № 97
склейка 5.*

¹⁾ Эта грамота представлена была *Бѣдовыми* собственно какъ доказательство почетной службы одного изъ ихъ предковъ.

²⁾ Последняя буквы оторваны.

№ 87.—1511 г. іюля 18.—Грамота удѣльнаго князя углицкаго Дмитрія Ивановича о пожалованіи Игнатію Перскому волости Озерецъ въ кормленіе.—Подтвержденіе грамоты въ 1515 г. ¹⁾).

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь Дмитрей Ивановичъ, пожаловалъ есмь Игнатія Терентьева сына Перскаго волостью Озерцами въ кормленье подъ Бѣлицею подъ Безобразовымъ. И вы, дѣти боярскіе, и слуги, и всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и ходитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежъ сего. А кто по кого взведетъ моего княжъ Дмитріева Ивановича пристава, а будетъ оба истца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ испцовъ ставитъ передъ Игнатіемъ или передъ его тіуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ испцовъ передъ Игнатіемъ или передъ его тіуномъ, и онъ вѣду лишень. А который тѣхъ обоихъ испцовъ передъ Игнатіемъ или передъ его тіуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и азъ, князь Дмитрей Ивановичъ, велѣлъ того обвинитъ и грамоту правую на него дати. Писанъ на Угличѣ лѣта 7019 іюля ²⁾ 18 день.

Назадѣ у подлинной грамоты пишеть:

Князь Дмитрей Ивановичъ пожаловалъ по сей грамотѣ Игнатія Терентьева сына Перскаго волостью [Озерками въ кормленье, что было подъ Бѣлицею подъ Безобразовымъ] ³⁾).

А подъ тою строкою писано жъ:

Лѣта 7023 до Крещенія Христова лѣто 7024 году. Писалъ дьякъ Василей Нефимоновъ.

При родосл. росписи углицкихъ помѣщиковъ Перскихъ, кн. Геральдом. конт. кз № 241 л. 567.

¹⁾ Подлинникъ этой грамоты еще въ 1654 г. по одной надобности представленъ былъ въ Разрядъ помѣщикомъ Федоромъ Перскимъ, и съ него въ Разрядъ снята была копія. Эта копія напечатана въ *Актахъ Московск. Государства* т. II, стр. 391; но ней возстановлены нѣкоторыя слова нашей копіи. Очевидно, ко времени подачи родословій въ Разрядъ (съ 1654 г. по 1680-тые) подлинная грамота успѣла уже порядкомъ обветшать.

²⁾ Въ *Актахъ Моск. Гос.* т. II, стр. 391: *іюня*.

³⁾ Заключенное въ скобки возстановлено по тексту *Актовъ Моск. Государства*. Вѣсто этого въ копіи приписано: „и подъ тѣмъ строка письма стерлась—прочесть невозможно“.

№ 88. — 1511 — 1521 гг. 1). — Наназъ отъ Петра Ибрагимовича царевича казанскаго 2), Пырю Осокину спросить о здоровьѣ князя углицкаго Дмитрія Ивановича и митрополита всероссійскаго Варлаама.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Память Пырю Осокину — спросити ему великого князя брата князя Дмитрея Ивановича отъ Петра царевича о здоровьѣ, а молвити ему такъ: „Петръ царевичъ велѣлъ тебѣ, господину своему, челомъ ударить, а велѣлъ тебя о твоємъ здоровьѣ спросить: какъ тебя, господина нашего, Богъ милуетъ?“

Да Пырю же Осокину молвити отъ Петра отъ 3) царевича Шигонѣ Поджогину 4), чтобы государя великого князя доложилъ о томъ: во Ржеву 5) присылалъ Варламъ митрополитъ Петра царевича о здоровьѣ спрашивать своего сына боярскаго Федора Мануйлева, а съ нимъ прислалъ Петру царевичу поминка золотой; и нынѣ какъ государь укажетъ—велить ли государь Варлаамъ митрополита отъ Петра отъ царевича о здоровьѣ спросити Пырю, или не велить?

И только велить 6) государь спросити митрополита о здоровьѣ Пырю, и Пырю молвити Шигонѣ, чтобы и о томъ государя доложилъ: къ митрополиту ли напередъ велить итить о здоровьѣ спросити, или ко князю Дмитрею Ивановичю?

И только велить государь о здоровьѣ спросити митрополита Пырю, и Пырю 7) отъ Петра отъ царевича Варлааму митрополиту говорити такъ: „Петръ царевичъ велѣлъ тебѣ, господину и отцу своему Варлааму митрополиту всея Россіи, челомъ ударить, а 8) велѣлъ тебя, господина и отца 9) своего, о твоємъ здоровьѣ спросити, какъ тебя Богъ милуетъ?“

При родословной росписи Пырьевыхъ, кн. Герольд. конт. кѣ № 241, три копии: I—л. 449, II—452, III—460.

1) Приблизительная дата эта принята на основаніи слѣдующихъ соображеній: упоминаемый въ грамотѣ митрополитъ Варлаамъ вступилъ на митрополию съ 1511 г., а углицкій князь Дмитрій Ивановичъ † 1521 г.

2) См. *Собрание рос. грамотъ и договоровъ*, I, стр. 401.

3) Во II копіи этого слова нѣтъ.

4) Въ III копіи *Повжогину*.

5) Во II копіи *Ржеву*.

6) Въ I и III копіяхъ *велики*.

7) Во II копіи пропущено „и Пырю“.

8) Въ I и III и.

9) Въ I копіи *и идну*, въ III—*и идна*.

№ 89.—1512 г. сентября 28. — Межевая грамота удѣльнаго кашинскаго и дмитровскаго князя Юрія Ивановича на пожалованныя имъ Клобукову монастырю дворовыя и огородныя земли за рѣкой Кашиной. — Подтвержденія этой грамоты 31 мая 1543 г. и 31 мая 1623 г.

Се азъ, князь Юрьи Ивановичъ, пожаловалъ есми Клобуковскаго монастыря Никольскаго игумена Матѳея з братькою. Били челомъ они мнѣ: въ прошломъ де въ 7019 году пожаловалъ де ихъ я, князь Юрьи Ивановичъ, въ Клобуковъ монастырь противъ Введенскаго монастыря за рѣкою Кашиною на берегу дворовыя и огородныя земли послѣ ближнего моего боярина Шестава Шеншина и мельнишнаго заплота берегомъ, да азъ же де, князь Юрьи Ивановичъ, пожаловалъ имъ ¹⁾ на Вонжѣ рѣчкѣ на свѣчи и на ладонѣ и на вино церковное земли по село Опраксино, и тѣ-де земли смежны со многими землями; чтобъ-де тѣ земли на Кашинѣ рѣкѣ и на Вонжѣ рѣчкѣ ото всѣхъ земель отъѣхать. И по ихъ прошенью я, князь Юрьи Ивановичъ, велѣлъ ближнему и вѣрному своему боярину Яну Кучюкомовичю Головинну тое ихъ землю ото всѣхъ земель отъѣхать; и онъ, по моему велѣнью, ту даную ихъ землю Шестаково займище и на Вонжѣ рѣчкѣ ото всѣхъ земель отъѣхалъ, и примежевалъ къ землѣ Клобукова монастыря, и розѣздъ за своею рукою мнѣ подалъ. А поѣхалъ онъ отъ земли Клобукова монастыря повыше Клобуковскіе мельницы черезъ рѣку Кашину на врагъ, которой врагъ промежъ земли Перетресова и Шестакова займища, и доѣхалъ ²⁾ врагомъ до земли Фроловскіе, на которой землѣ кирпичъ дѣланъ на большую деревовъ, и до дорожки, и тою дорошкою поворотилъ налѣво подлѣ земли Фроловскіе и доѣхалъ тою дорошкою до дорожки жъ, которою ходять и ѣздять изъ города мимо церкви Фрола и Лавра и церкви Θεодора Стратилата въ Клобуковъ монастырь, и по той дорожкѣ поворотилъ налѣво вкнутъ и доѣхалъ до Кашины рѣки: поправу земля моя ³⁾ Перетресова да церкви Фрола и Лавра и Лягушкиныя слободы бобыля Богдашки Семавина, а полѣву земля Клобукова монастыря земли Шестаково займище. А переѣхавъ рѣку Кашину на Клобуковскую землю, подлѣ рѣки поворотилъ направо внизъ по Кашинѣ подлѣ

¹⁾ Въ I копіи есми.

²⁾ Во II копіи *доѣхавъ*.

³⁾ Въ I копіи нѣтъ слова *моя*.

воды мимо подмонастырной слободки и доѣхалъ до усть рѣчки Вонжи, и по Вонжѣ рѣчкѣ поѣхалъ и доѣхалъ до села Опраксина до большого ручья, и по ручью отъ рѣчки Вонжи поѣхалъ налѣво и переѣхалъ дорогу, которою дорогою ѣздить мимо села на Волгу, и доѣхалъ до Двойного врага, поворотилъ налѣво на большой прудъ монастырской и доѣхалъ до углецкой дороги и до большево монастырского пруда: поправу земля моя великого князя и Оршина монастыря слободки Тресвяцкіе и поддѣлѣтнаго села Опраксина и Клобукова монастыря пустоши Олямишева ¹⁾). И азъ, князь Юрьей Ивановичъ, велѣлъ имъ Клобукова монастыря игумену Матѣю з братьею, или иные игумены въ томъ монастырѣ будутъ—и велѣлъ имъ дати сю грамоту, по чему впредь имъ тою землею владѣть и мельнишного заплота берегомъ. А хто за ту межу у нихъ станетъ вступатца или въѣзжать нагло и въ той землѣ монастырю убытковъ учинить, и того судить Богъ въ день испытанія страшнаго Его пришествія. Ся грамота писана въ Кашинѣ лѣта 7021-го сентября въ 28 день.

У подлинной же грамоты назадъ пишетъ: Лѣта 7048-го году марта въ 19 день великіи князь Иванъ Васильевичъ всеа Росіи велѣлъ сю грамоту подписать на свое имя и никому ничѣмъ рудить у нихъ не велѣлъ сея межи. А подписалъ діакъ Ѳедоръ Мишуриный.

Другая подпись: Лѣта 7051-го маія въ 31 день царь и великіи князь Иванъ Васильевичъ всеа Росіи, сея межевые грамоты слушавъ, указалъ подписать на свое имя и никому у нихъ рудить не велѣлъ. А подписалъ царя и великого князя дьякъ Юрья Сидоровъ.

Третья подпись: Лѣта 7131-го марта въ 31 день государь царь и великіи князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Росіи и отецъ нашъ государевъ великіи государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Росіи, сее межевые грамоты слушавъ, указали подписать на свое имя государское и отдать въ Клобуковъ монастырь впредь для владѣнья. Діакъ Прокофей Пахаревъ.

При родословной росписи Головкиныхъ, родосл. столб. № 123 склейка 2¹⁾), другая копія на скл. 11 и 12. Также кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 77 обор.—78.

¹⁾ Во II копіи *Алямишева*.

²⁾ Чернила сильно выцвѣли, такъ какъ бумага была подмочена.

№ 90.—1514 г.—Докладная грамота великой княгини Аграфены Васильевны, вдовы великаго князя рязанскаго Ивана Васильевича, о займѣ Фетиньей Богдановой у Григ. Дм. Кобыкова восьми рублей денегъ.

Доложь великіе княгини Ограены боярина [Михайла Дмитре]-свиць Кобыкова, се азъ, Фегиныя Иванова жена [Богдано]ва, своимъ внукомъ со княземъ Иваномъ съ Ивановичемъ [Мещер]скимъ, занели есмь, господине, у Григорья у Дмитреев[ича Коба]кова восемь рублевъ денегъ отъ Георгіева дни [вешнего] на годъ, а ростъ намъ ему дати на тѣ денги по [тому, какъ] дають на пять шестой. А полягутъ денги по сроцѣ, [и намъ ему] ростъ давати по тому же росчету; а х[то будетъ насъ въ ли]цехъ, на томъ Григорью его денги всѣ и ростъ; а [не отнима]тиса намъ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, [ни изустною. А] на докладѣ были Панкратъ Михайловъ сынъ [Котовъ] новъ сынъ Чемровъ лѣта 7022-го.

У подлинной в[низу надъ пе]чатью пишеть:

А подписалъ великіе княгини дьякъ [Андрей] Федоровъ сынъ Слюининъ.

Печать на черномъ воску ¹⁾.

При родосл. росписи Кобыковыхъ, столб. родосл. № 151 склейка 5.

№ 91.—1514 г. марта.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Васюку да Михалю Елчаниновымъ на дворцовыя деревни въ Раховѣ стану Волоцнаго уѣзда.—Подтвержденіе этой грамоты великимъ княземъ Иваномъ IV Васильевичемъ 15 января 1542 г.

Списокъ в грамоты.

Се азъ, князь великіи Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есмь Васюка Крому да Михала Аеоасовыхъ дѣтей Елчаниновыхъ въ Волоцкомъ ²⁾ уѣздѣ въ Раховѣ стану своими великаго князя деревнями: деревнею Поддиминовымъ, деревнею Сидориковымъ, деревнею Владичнею, деревнею Илейминою, деревнею Іевковою, деревнею Орѣшниковымъ, деревнею Болотовымъ, деревнею Попковымъ

¹⁾ Рукопись очень ветха и съ правой стороны обгнана, вслѣдствіе чего ставленія слова возстановлены по догадкѣ и по аналогіи другихъ подобныхъ грамотъ.

²⁾ Въ рлп.: *Волоцкомъ*.

со всѣмъ, что х тѣмъ деревнямъ потягло из старины, какъ тѣ были деревни за отцомъ ихъ за Оеонасомъ Елчаниновымъ. И хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жити людей, и намѣстницы наши волотцкіе и ихъ тіуни тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чомъ, опречь душегубства и разбоя съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ Васюкѣ да Михалѣ своихъ людей сами, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ ихъ людямъ з городцкими людьми или становыми, и намѣстницы наши волотцкіе и ихъ тіуни судятъ, а Васюкѣ да Михалѣ или ихъ приказщики съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣляцца наполю. А кому будетъ чего исвати на самихъ на Васюкѣ да на Михалѣ, или на ихъ приказщикѣхъ, ино ихъ сужу язъ, князь великии, или мой бояринъ введенной. А дана грамота лѣта 7022-го марта.

А у подлинной грамоты назади пишетъ:

Князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Руси по сей грамотѣ пожаловалъ Михайла Аеонасева сына Елчанинова старымъ его помѣстьемъ, его половиною, да племянниковъ его Васильевыхъ дѣтей Кромныхъ Оеонасева жъ сына Елчанинова отца ихъ половиною старымъ же помѣстьемъ со всѣмъ по тому жъ, какъ было напередъ того за Михайломъ его половина, а за Ромашевымъ да за Миткинымъ отцомъ за Кромкою ихъ половина, сеѣ у нихъ грамоты рущать не велѣлъ никому ничѣмъ; а намѣстникомъ волотцкимъ и ихъ тіуномъ велѣлъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. Дѣта 7000 пятьдесятного генваря въ 15 день. А подпись ся: великого князя діавъ Шеметь Воробьевъ.

При родословной росписи Елчаниновыхъ, родосл. столб. № 41, слейки 9—10. Кн. Герольдм. конторы къ № 241 л. 102.

№ 92.—1514 г. мая.— Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича Оникону Ив. Близнакову на деревни Воишерину и Борзову Ухорской вол. Ярославскаго у.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Василей, божиею милостию государь всеа Русіи и великии князь Владимирскіи и Московскіи и Новгородскіи и Тверскіи и Пермскіи и Югорскіи и Волгорскіи и иныхъ, пожаловалъ есми Оникона Иванова сына Близнакова въ Ярославскомъ уѣздѣ въ волости въ Ухрѣ деревнею Воишеринымъ, что была за Оомою за Курзаковымъ, да деревнею Борзовымъ, что была за Матюшкою за Ватчинномъ, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ истари по тяглу. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жити люди, и наши намѣстницы ярославскіе и вла-

стели ухрянскіе или тивуни тѣхъ его христианъ не судать ни въ чемъ, опричь душегобства и розбоя съ поличнымъ, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ христианъ Ониконъ самъ во всемъ или кому прикажеть. А случитца судъ смѣстной тѣмъ ево христианомъ з гороцкими людьми или съ волосными, и наши намѣсницы и волостели или твунни судать, а Ониконъ или его приказщикъ съ ними судать, а присудомъ дѣлятся на полы. А кому будетъ чего искать на самомъ Ониконѣ или на его приказщикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь великий, или мой бояринъ введеный. Писанъ лѣта 7022-го маяя.

При родословн. росписи Близнаковыхъ, родосл. столб. № 100 склейка 3.

№ 93.—1515 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о переводѣ заемнаго долга Юрія Подивникова отъ стараго кредитора Назарья Минина на новаго Алексѣя Кожу, съ обязательствомъ работать за ростъ.

Доложа великаго князя Ивана Ивановичь б[о]ярина Ива[н]а Дмитревичь Кабякова, се азъ, Юрье сынъ Подивниковъ, занелъ есми, господине, у Алексѣя у [Кожы] ина сына два рубля денегъ отъ Соборнаго В[оскресенья] на годъ, а тѣ есми денги платилъ старому св[оему] государю Назарью Нечаю Михайлову сыну Минину. А за р[остъ] мнѣ у А[лексѣя] у Кожы работать; а не вохоцю у него работать, и мнѣ ему дать денги его всѣ и съ ростомъ по р[осчету], [какъ] дають] на пять шестой. А полагауть денги по сроцѣ, и мнѣ [у него] работать по тому жъ, а не отниматися [мнѣ] отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Оксень Федоровъ сынъ да Игнатъ Федоровъ сынъ лѣта 7023.

У подлинной подъ тѣмъ надъ печатью написано: Подписалъ великаго князя дьякъ Андрей Федоровъ сынъ Слюнинъ.

Печать на черномъ воску.

При родословн. росписи Кабяковыхъ, родословн. столб. № 151 склейка 5.

№ 94.—1515 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о займѣ двухъ рублей денегъ у Дм. Фед. Сунбулова съ обязательствомъ работать за ростъ.

Доложь великаго князя Ивана Ивановичь боярина Михайла Дмитревичь Кабякова, се азъ, Иванъ сынъ, занелъ есми, господине, у Дмитрея у Федор[ова сына Сун]булова два рубля денегъ

отъ Соборнаго Воскресенья. А за ростъ мнѣ у него работать; а не похочю у него работать [до сроку, и мнѣ ему денги его дати всѣ и съ ростомъ по росчету, какъ дають на пять шестой. А полагуть денги по сродѣ, [и мнѣ у него] за ростъ работать по тому же, а не отниматися [мнѣ] отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ былъ Митя Ивановъ сынъ Очина да Михайла М[итро]фановъ сынъ Матюнина лѣта 7029 ¹⁾.

У подлинной подъ тѣмъ надъ печатью писать:

Подписалъ великого князя дѣжкъ Андрей Сушка Васильевъ.

Печать на черномъ воску.

При родосл. росписи Кобыковыхъ, родосл. столб. № 151 склейка 5.

№ 95. — 1515 г. — Грамота великаго князя мословскаго Василія Ивановича о пожалованіи Ив. Ив. Коробына Инобожемъ, Вольгой и Залипеньемъ въ кормленіе. — Подтвержденіе этой грамоты на 1516 и 1517 гг.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великій Василей Ивановичъ всеа Русні, пожаловалъ есми Ивана Иванова сына Коробына Инобожемъ и Вольгою и Залипеньемъ съ правдою подъ Третьякомъ подъ Пожарскимъ въ кормленъе. И вы, всѣ люди тоѣ волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судить, и ходить у васъ по старинѣ, какъ было прежь сего. А хто по кого выведеть (sic) моего великаго князя пристава, а будутъ оба исца тоѣ волости, и приставъ мой тѣхъ обонхъ исцовъ ставить передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обонхъ исцовъ передъ Иваномъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишень. А которой тѣхъ обонхъ исцевъ передъ

¹⁾ Дата эта весьма сомнительна: она, во-первыхъ, нарушаетъ хронологическій порядокъ грамотъ, приложенныхъ при родословной Кобыковыхъ (до нея грамота 7023 г., послѣ нея черезъ грамоту—7025 г.), отступленія отъ котораго въ родословныхъ вообще рѣдки; во-вторыхъ, кажется, противорѣчить и ходу историческихъ событій въ Рязанскомъ княжествѣ въ эту эпоху: въ это время кн. Иванъ Ивановичъ не былъ уже княземъ рязанскимъ, если согласиться съ соображеніями г. Иловайскаго (Сочиненія, т. I, Исторія Рязанскаго княжества, стр. 156). Мы думаемъ, что въ подлинной грамотѣ стоялъ *хѣд* (7024, т. е. 1515—1516 гг.) годъ, который переписчикъ XVII в. прочиталъ за *хѣб* (7029) годъ, вслѣдствіе значительнаго сходства въ скорописи XVI и XVII в. буквъ Д и А.

Иваномъ или перецъ его тиномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великии, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назадн у подлинной грамоты пишеть:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русии.

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русии по сей грамотѣ пожаловалъ Ивана Иванова сына Коробьина, перепустилъ ему Инобожъ и Вольгу и Залипенье съ правдою съ ряду на другой годъ отъ Покрова Святыя Богородицы лѣта 7025-го году до Покрова Святыя Богородицы лѣта 7026-го году. А подписалъ дьякъ Елиозаръ Цыплетевъ ¹⁾.

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русии по сей грамотѣ пожаловалъ Ивана Иванова сына Коробьина, перепустилъ ему Инобожъ ²⁾ и Вольгу и Залипенья съ правдою съ ряду третьей годъ до Благоуѣщеньева дни лѣта 7026-го году. А корму ему великоденского не имати. А подписалъ великого князя дьякъ Меньшей Путятинъ.

При родосл. росписи Коробьиныхъ, столб. родосл. № 134, въ двухъ копияхъ: одна на склейкѣ 7, другая, сильно истлѣвшая съ лъвой стороны и съ недостатчей многихъ словъ, на склейкахъ 9—10.

№ 96.—1515 г. марта 7.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича Константину да Данилу Рѣпьевымъ на дворцовую деревню Тиманову въ Суздальскомъ уѣздѣ.

Се язъ, [князь великии] Василей Ива[новичъ всеа Русии], пожаловалъ есми [Костю да Данилка Васильевыхъ дѣтей Рѣпьева въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Некадемѣ своею великого князя деревнею Тимановымъ, что была та деревня за Васюкомъ Рѣпьевымъ, за ихъ отцемъ, со всѣмъ, что къ той деревнѣ потягло. И кто у нихъ въ той деревнѣ учнетъ жити людей, и наши намѣстницы суздальскіе и ихъ тиуны тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоа съ полничнымъ, а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей [Коста] да Данилка сами во всемъ, или кому приважутъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ [ихъ] людемъ з гороцкими людьми или съ волостными, и наши намѣстницы и волостели и ихъ тиуны судятъ, а Коста и Данилка или ихъ привазщикъ съ ними жѣ судить, а при-

¹⁾ Въ I копіи *Цыплетевъ*, во II копіи слово совсѣмъ выгнило.

²⁾ Въ I копіи *Инобожо*.

№ 99. — 1516 г. — Грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича о пожалованіи Прокофья Апраксина волостью Обнорой въ кормленье.—Подтвержденіе этой грамоты въ 1517 г.

Списокъ з жалованной грамоты великаго князя Василя Ивановича всеа Русіи.

Се азъ, князь великіи Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Прокофья Матвѣевича Опраксина Обнорою подъ Андреемъ подъ Писемскимъ въ кормленье. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судить, и ходитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежь сего. А хто по ково возведетъ моего великаго князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обоихъ исцовъ ставитъ передъ Прокофьемъ или передъ его тиуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ ¹⁾ исцовъ передъ Прокофьемъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишень. А которой тѣхъ обоихъ исцовъ передъ Прокофьемъ или передъ его тиуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и азъ, князь великіи, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А назади у подлинной грамоты пишеть:

Князь великіи Василей Ивановичъ всеа Русіи.

А подъ тѣмъ писмомъ пишеть дначею рукою:

Князь великіи Василей Ивановичъ всеа Русіи по сей грамотѣ пожаловалъ Прокофья Матвѣева сына Опраксина, перепустилъ ему Обнору безъ правды сряду на полгода до Ильина дни лѣта 7025. А приписалъ великаго князя днакъ Елизаръ Цыплетевъ.

А печать у подлинной грамоты красная вислая, орелъ двоеглавой.

При родосл. росписяхъ Апраксиныхъ, кн. Герольдм. конт. 241. съ двухъ копійхъ: первая (при первой росписи) — л. 168, вторая (при третьей росписи) л. 182. Также по Герольди кн. 41 л. 712.

№ 100.—1516 г. апрѣль.—Заемная кабала о займѣ Емельяномъ Кулешевымъ съ семьей у Ивана Хлудьева, человѣка Мих. Назнова, двухъ съ половиной рублей.

Се азъ, Омелявъ Олешовъ сынъ Кулешева, своею женою съ Настькою съ Петровою дочерью, да азъ, Петрокъ, да азъ, Иванка, Омелянковы дѣти, заняли есма у Ивана у Хлудьева у Михайлова че-

¹⁾ Въ первыхъ двухъ копійхъ стоитъ *моихъ*. Въ копіи, находящейся въ кн. 41 по Герольди, правильное *обоиъ*.

ложька Казнакова полтретья рубля денегъ государя его серебра отъ Юрьева дни до Юрьева дни на годъ. А ростъ намъ ему дати по розчету, какъ идетъ на пять шестой. А поляжеть серебро по сроцѣ, и намъ ему ростъ дати по тому жъ розчету. А кои насъ въ лицахъ, на томъ серебро и ростъ. А на то послуси: Микита Затыкинъ да Иванъ Федоровъ сынъ Климовъ да Романъ Даниловъ сынъ Костромивна. А кобалу писалъ Иванко Яковлевъ сынъ Игнатьевъ лѣта 7000 двадцать четвертого. — По сей кабалѣ Микита Затыкинъ руку свою приложилъ. По сей кабалѣ Иванъ послухъ руку свою приложилъ. По сей кабалѣ Романъ послухъ руку свою приложилъ.

Родосл. столбецъ № 85, склейка б.

№ 101. — 1516—1519 гг. — Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о займѣ Мих. Морозовымъ четырехъ рублей у Мих. Дм. Кобынова.

Списокъ з докладной слово въ слово.

Доложь великаго князя Ивана Ивановичь [боярина] Ивана Дмитриевичь Кобыкова, се азъ, Михайло сынъ Морозова, занелъ есмь, господине, у Михайла Дмитриевичь Кобыкова четыре рубли денегъ отъ [Николина] дни отъ вешнего на годъ, а ростъ мнѣ ему [дати на] тѣ денги по розчету, какъ даютъ на пять шестой. А полагають денги по сроцѣ, и мнѣ ему ростъ дав[ати] по тому жъ розчету, а не отниматися мнѣ у [Михайла] Дмитриевича отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Семень Степановъ сынъ да Иванъ Яковлевъ сынъ Ступина лѣта 7¹⁾ Подписалъ великаго князя дьякъ Андрей Сушка.

Печать на черномъ воску.

При родословной росписи Кобыковъхъ, родосл. столб. № 151, склейка 7.

№ 102. — 1517 г. — Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о переводѣ заемнаго долга полоняника Ефима Антонова отъ стараго кредитора попа Федора Долгаго на новаго Вас. Алабина, съ обязательствомъ за ростъ работать.

Списокъ з докладной слово въ слово.

Доложа великаго князя Ивана Ивановичь боярина Дмитриевичь Кобыкова, се азъ, Еуфимъ Антоновъ, полоняникъ, съ

¹⁾ Дата оторвана. При росписи эта грамота помѣщена между двумя подобными же докладными кн Ивана Ивановича 7025 и 7027 гг.; поэтому, вѣроятно, она относится ко времени между 7025—7027 (1516—1519) гг.

своею женою с Овдотьицею [да съ] сыномъ съ Иванцомъ, заплесмя, господине, у Василья сына Олабина десять рублей денегъ отъ Борыша на годъ, и тѣ есмь денги платили старому [государю нашему] попу Федору Долгому Аеонасьеву сыну пор лѣ, а за ростъ намъ у Василья работать; а не по[хотимъ] работать до сроку, и намъ ему дати его денги [и съ ростомъ] по росчету, какъ дають на пять шестой. А полагають денги по сроцѣ, и намъ у него за ростъ работать по тому [жъ. А хто будетъ] насъ въ лицахъ, на томъ Василью его денги всѣ. А не отниматися намъ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни [изуствою]. На докладѣ были Клементей Григорьевъ сынъ, Злхарьинъ сынъ Дьяконовъ лѣта 7025.

[Подписалъ] великого князя дьякъ Андрей Федоровъ.

При родосл. росписи Кобыковыхъ, родосл. столбцы № 151 склейка 7.

№ 103.—1517 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о займѣ Павломъ Андреевымъ съ семьей пяти рублей денегъ у Мих. Фед. Сунбулова.

Списокъ великаго князя Ивана Ивановича съ докладной.

Доложа великого князя Ивана Ивановича бояръ Федора Ивановичъ Сунбула да Федора Денисьевичъ, се язъ, Павелъ Андреевъ сынъ, съ своею женою з Дарьею и своимъ сыномъ съ Клементомъ, завели есмя, господине, у Михайла Федоровича Сунбулова пять рублей денегъ отъ Рожества Христова на годъ. А ростъ намъ ему дати тѣ денги по росчету, какъ дають на пять шестой. А полагають денги по сроцѣ, и намъ ему ростъ давать по тому жъ росчету. А хто насъ въ лицахъ, на томъ Михайлу денги его всѣ и ростъ; а не отнимати [ся] намъ ¹⁾ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изуствою. На докладѣ были Михайло Митрофановъ сынъ Мотюпинъ да Митей Иввовъ сынъ Очина лѣта 7025.

А подписалъ великого князя дьякъ Андрей Федоровъ сынъ Слупинъ (sic).

У подлинной ввизу двѣ печати на черномъ воску.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. № 241 л. 390.

¹⁾ Въ ргп. насъ

№ 104.—1517 г. денабря 9. — Грамота великаго князя московскаго Василю Ивановича старицкому намѣстнику и волостелямъ о высылкѣ къ нему въ Москву нѣсколькихъ лицъ на судъ по частнымъ искамъ.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Отъ великаго князя Василю Ивановича всеа Русіи во Тверской уѣздъ на Старицу на городокъ къ намѣстникомъ ¹⁾ и въ Выворскую и въ Песью Луку и въ Суземье къ волостелемъ. Били ми челомъ Иванъ да Михайла Ивановы дѣти Казнакова на князя на Петра да на его братью на князя на Ивана да на князя на Ивана жо на княжо Михайловы дѣти Мортенина, а ищутъ на нихъ десяти рублевъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ Илья Морохинъ, Ивановъ человекъ Казнакова ²⁾ на Ивана на Яковлева сына Волькоморова да на Ивана Семина, а ищутъ на нихъ полусемы кади ржи заемной по кабалѣ государя своего Ивановы. Да билъ ми челомъ Михайло Ивановъ сынъ Казнаковъ на Михайла на Федорова сына Головина, а ищутъ на немъ шти рублевъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ тотъ же Михайло на Микиту на Иванова сына Кознакова, а ищутъ на немъ тридцати рублевъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ тотъ же Михайло на Микиту на Иванова сына Затыкина да на его дѣтей на Гаврилка да на Ивана на Кушника, а ищутъ на нихъ шти рублевъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ Измайло, Михайловъ человекъ Казнакова, на Олексѣя Игнатьева сына Пушкина ³⁾ на Ступанка на Глазка да на Якова на Иванова сына Бозринцова, а искалъ на нихъ четырехъ рублевъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ Михайло Ивановъ сынъ Казнаковъ на Андрея да на Василю да на Семена Петровы дѣти Тихменева да (sic) ищутъ на нихъ трехъ рублевъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты, по отца своего кабалѣ съ четвертью (sic) по Ивановой. И да билъ ми челомъ Захаръ Игумновъ, Ивановъ человекъ Казнакова, на Ивана на Попова сына на Титова на пустонеловского ⁴⁾, а ищутъ на немъ рубля заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты, госу-

¹⁾ Въ ркп. къ намѣстникомъ.

²⁾ Въ ркп. Казнаковъ.

³⁾ Пробѣлъ въ пол-строки.

⁴⁾ Пустотѣловского?

даря свосго денегъ. Да билъ ми челомъ Собина Ивановъ человѣкъ Кознаковъ на Тимошчу на Матѣева *ореспана* ¹⁾ Селивановского, а ищетъ на немъ дватцети кадей овса заемного снапы. Да билъ ми челомъ тотъ же Собина на Кирика на Ѡмина сына на Ненадикинского, а ищутъ на немъ девяти кадей овса, за снопъ снопы. Да билъ ми челомъ Иванко Пашковъ на Ивана на Ѡедорова сына на Волькоморова да на его хрестьянъ на Паньку на Яковлева сына, да на его брата на Ѡедюка да на Бориска на Михайлова сына, да на Ооовька на Иванова сына, а ищутъ на нихъ того, что-деи ²⁾ жилъ за тѣмъ Ивановъ въ деревнѣ на Бурмакинѣ, и тотъ-де Иванъ съ тѣми своими хрестьяны того Иванка выметалъ вонъ изъ деревни силно да и рожде у него пожали на дватцати кадахъ сило жо, а его ко ржи жати не припустили, а цѣна ржи шесть рублей. Да билъ ми челомъ тотъ же Иванко на того же Ивана, а ищутъ на немъ того, что-деи у него взялъ кобылу буру за тритцать алтынъ, да тихъ ему денегъ не заплатитъ. Да билъ ми челомъ Иванко Пашковъ на Ѡедора на Волькоморова, а ищутъ на немъ того, что я-де у него взялъ однорядку сукна нового ³⁾ денегъ не заплатитъ. Да билъ ми челомъ Иванко Поповъ сынъ Васильевъ на Ивана на Микитина сына Нагина да на его дѣти на Андрейка да на Ѡедька, да на его люди на Ивашка на Кузьмина сына, да на Олексѣйка на Рожнова, да на Левона на Соболя, да на Онанка ⁴⁾ Иванова сына на Ласткина, да на Ивана на Мурока, да на Мартюка на Морыгу на Сныпинского, да на Рогозу на Ѡедоровского человѣка на Изшуркова, а ищугъ на нихъ, что будто-деи къ нему прѣхали на пашню да его-де били и грабили, а грабежю у него взяли сермагу бѣлу да *тераикъ* (?) крашенинъ да колпакъ да рукавицы да топоръ, да згонили у него два мерина да двѣ коровы да тритцать овецъ старыхъ и молодыхъ, а всего того грабежю на полчетверта рубля. Да билъ ми челомъ Иванка Григорьевъ сынъ на Костю на Алексѣева сына Мосеевского да на его дѣти на Нелюбка да на Марѣицу да на Иванка, а ищетъ на нихъ полтретья рубля заемныхъ денегъ по кабалѣ, а за ростъ-деи было ему у нихъ земля пахати, и они ему земли пахати не дали, а нияѣ не заплатятъ. Да билъ ми челомъ бутто же Иванко на Григорья да на Ивана на Васильевы дѣти Яковлева, а ищетъ на нихъ рубля заемныхъ де-

¹⁾ Это слово можно прочитатъ еще за *брестана* (?)—братана?

²⁾ Въ ркп.: *людей* и.

³⁾ Пробѣлъ въ пол-строки.

⁴⁾ Онанью?

негъ по кабалѣ съ росты. Да билъ ми челомъ попъ Семень Пречистенской на Григорья да на Ивана Васильевы дѣти Яковлева, а ищетъ на нихъ дватцать алтынъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да били ми ¹⁾ челомъ Сергѣйко да Сенка Саврасъ Васильевы люди Казнакова на Александровыхъ людей Корачева на Митюка Дудолова, да на Ивашка на Сырца, да на Гридюка Чермнова, да на Горяина на Вашюкова пасынка, да на Федька на Балашкова, да на Истому на Вашюкова сына, да на Волинца, да на Якуша, да на Монастырщину, да на Матюка на Кобылина, да на Степанка да на Бориска на Свистовы дѣти, да на хрестьянъ на Александровыхъ на Орею на Ворсуновского да на его дѣтей на Данилка да на Васюка да на Гришку на Жортку, да на Гришку Оремова сына, да на Данилка на Ведерниковского, да на Купреянка на Гридина сына, да на Гаврилка да на Ермолку на Гринины дѣти Жолудевского, а ищутъ на нихъ того, что-де ихъ они везли и свез государя своего заемной, и они де ихъ били и грабили, а грабежю взяли у нихъ пятнатцать кадей овса да два мерина, а всего того грабежю на полчетверта рубля з гривною. Да билъ ми челомъ Максимео Фоминъ сынъ, Васильевъ хрестьявинъ козака ²⁾, на *иже ксатыра* ³⁾ сына Карачева да на Юрица Митюка в *удалайца данаймина* пасынка на Федота, а ищутъ на нихъ того, что-деи ⁴⁾ прѣѣхали къ нему на деревню со многими людьми да его-де били и грабили, а грабежю у него взяли двѣ кабылы да меринъ да три шубы бараньи да три сермаги, а всего того грабежю на три рубли съ четвертью, и онъ-де того Александра и его людей и позналъ, а многихъ людей и не позналъ. Да билъ ми челомъ Селиванка, Васильевъ человекъ Казнакова, на Александра Корачева, а ищутъ на немъ того, что-де онъ ѣздилъ къ нему жаловатися отъ своего государя отъ Семена на его люди на Митю на Дудолова да на его пасынка на Федота, что-де они въ государевѣ деревнѣ у Мистуневска лѣсъ посѣкли и рожи посѣзали, и ихъ билъ, а отнял у него меринъ съ сѣдломъ, а цѣна мерину и сѣдлу два рубля з гривною. Да билъ ми челомъ Иванка Григорьевъ сынъ на Матюка на Маркова сына Родивоновского же заемныхъ денегъ и ржи по ⁵⁾ кабалѣ съ росты тотъ же Иванка на Ступана Михайлова сына Тихменева да на попа на Федора на Черного на попова сына Иванова, а ищутъ на

¹⁾ Въ ркн. лж.—²⁾ Кознакова?—³⁾ Александра?—⁴⁾ Въ ркн.: *людей*.—⁵⁾ Въ ркн.: *ко*.

нихъ рубля заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Да былъ ми челомъ тотъ же Иванко на попа на Дорофея на Власьева сына на Микольского, а ищетъ на немъ сорока алтынъ заемныхъ денегъ по кабалѣ съ росты. Далъ еси пристава Злобу Данилова сына Лукерина, велѣлъ еси ихъ поставить передъ собою. Данъ въ Москвѣ лѣта 7026-го декабря въ 9 день.

У подлинной грамоты назади:

Князь великии всеа Русіи ¹⁾).

*При родословной росписи Казнаковыхъ, родосл. столб. № 85
склейки 3—5.*

№ 105. — 1518 г. — Грамота великаго князя разанскаго Ивана Ивановича о назначеніи Мих. Дм. Кобякова намѣстникомъ ростиславскимъ ²⁾.

Списокъ з жалованные грамоты великаго князя слово въ слово.

Се азъ, князь великии Иванъ Ивановичъ, пожаловалъ еси [боarina своего Михаила] Дмитриевича Кобякова намѣстничествомъ [ростиславскимъ отъ Николи] на дни отъ вешняго, а вѣдати ему замѣстничьи пошлины по старинѣ, какъ вѣдали прежніе наши намѣстники, [Пожаловалъ его] еси боариномъ своимъ Федоръ Ивановичъ [емъ Сунболомъ лѣта] 7020 шестого.

На подлинной подиси нѣтъ. Печать внизу на черномъ воску небольшая.

*При родословной росписи Кобяковыхъ, родосл. столб. № 151,
склейка 1 ³⁾.*

¹⁾ Копія съ подлинной грамоты сдѣлана рукой весьма неуксуснаго переписчика, допустившаго, повидному, не мало искаженій въ текстъ. Въротно, и подлинная грамота написана была наскоро и съ ошибками. Курсивомъ отлечены мѣста, которые оказались невозможными читать и исправить.

²⁾ Грамота эта впервые напечатана Д. Н. Давыдовымъ въ его „Исторіи Разанскаго княжества“, приложенію № 4 (См. Сочиненія Д. Н. Давыдова, М. 1884, стр. 216); заимствована изъ изъ архива Разанскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Скобки означены восстановленными по тексту г. Давыдова мѣста, недостающія въ нашей копіи (очень истлѣвшей).

³⁾ Крайне крѣпа съ правой стороны и чернила выцѣдили.

№ 106.—1519 г.—Донладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о займѣ четырехъ рублей денегъ у Подьяуса Кобынова съ обязательствомъ за ростъ работать.

Списокъ з докладной слово въ слово.

Доложь великаго князя Ивана Ивановичь [боарина] Михайла Дмитреевичь Кобыкова, се азъ сынъ, съ своею женою съ Федорою да съ своими сыцею да съ Левашею, занели есми, господине, [у Василья] у Подьяуса у Иванова сына Кобыкова четыре рубля денегъ отъ Никодина дни отъ вешняго на годъ. А за ростъ [миѣ у него] работать до сроку; а не похотимъ у него [работать] до сроку, и намъ ему дать его деньги вси и [съ ростомъ] по рочету, какъ дають на пять шестой. А полягутъ деньги по сроцѣ, и намъ у него за ростъ работать по тому жъ; а хто насъ будетъ въ лицѣхъ, на томъ В[асилья] его денги вси. А на докладѣ были Понкратъ Михайловъ сынъ Котовъ да Дмитрий Сооонтьевъ лѣта 7027-го.

Подписалъ великаго князя дьякъ [Андрей] Сушка Васильевъ.

Печать на черномъ воску.

При родословной росписи Кобыковыхъ, родосл. столб. № 151, склейка 7.

№ 107.—1519 г.—Донладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о переводѣ заемнаго долга Мальца Степанова съ семьей отъ стараго кредитора Тимофея Семенова на новаго Подьяуса Кобынова съ обязательствомъ за ростъ работать.

Списокъ з докладной слово въ слово.

Доложь великаго князя Ивана Ивановичь [боарина] Михайла Дмитреевичь Кобыкова, се азъ Малець Степановъ сынъ, съ своею женою и съ своимъ сыномъ съ Иванцомъ, занели есми у Василья у Подьяуса Иванова сына Кобыкова д рублей денегъ отъ Онлипова заговѣнья на годъ, и тѣ [есми деньги] платили Тимофею Тихану Семенову по кабалѣ. А за ростъ намъ у Василья у Подьяуса [работать]; а не похотимъ у него работать до сроку, [и намъ ему] его денги дати всѣ и съ ростомъ по рочету, [какъ дають] на пять шестой. А полягутъ деньги по сроцѣ, [и намъ у него] за ростъ работать по тому жъ; а хто насъ будетъ въ лицахъ, на томъ Василью Подьяусу деньги его всѣ. А [не

отниматися] намъ у него отъ сея кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Панкратъ Михайловъ сынъ Котовъ да Софонтей Оргунъ Спирид лѣта 7027-го.

А подписалъ великого князя дьякъ Михайла Мелентьевъ Язвецъ. Печать на черномъ воску.

При родослов. росписи Кобяковъхъ, столбецъ родослов. № 151, склейка 8.

№ 108.—1519 г.—Докладная грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича о займѣ Тураемъ Лебковымъ у Василя Хирина трехъ рублей денегъ съ обязательствомъ работать за ростъ.

Списокъ съ докладной великаго князя Ивана Ивановича.

Доложа великаго князя Ивана Ивановича боярина Федора Ивановичъ Сунбула, се азъ, Авертѣй Турай Федосовъ сынъ Лопковъ, занялъ есми, господине, у Василя у Федорова сына Хирина три рубли денегъ отъ Покрова святыя Богородицы на годъ. А за ростъ мнѣ у него работать; а не похочю у него работать до сроку, и мнѣ ему дати денги его всѣ и съ ростомъ по росчету, какъ дають на пять шестой. А полагуть денги по сроцѣ, и мнѣ у него за ростъ работать по тому жъ; а не отнимати[сѣ] мнѣ у него отъ сей кабалы ни полѣтною, ни изустною. На докладѣ были Матвѣй Явовль сынъ да Семень Ивановъ сынъ лѣта 7027.

А подписалъ великаго князя дьякъ Михайло Мелентьевъ Язвецъ. У подлинной печать на черномъ воску.

При родосл. росписи Сидоровыхъ, Сунбуловыхъ и Ивашкиныхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 389 об.—390.

№ 109.—1519 г. февраля 19. — Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича Истомѣ Сухотину на помѣстье его въ Ньюховскомъ стану Тульскаго уѣзда.

Списокъ з грамоты великаго князя Василя Ивановича всеа Росіи.

Се азъ, князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Истому Васильевича Сухотина въ Тульскомъ уѣздѣ въ Ньюховскомъ стану деревнею Рожественскою, что была за Игнатомъ за Явовлевымъ сыномъ Барибина з братьею, да деревнею на Луновъ селищѣ, что была за Ивашкомъ за Манушкинымъ да за его братичи за Митею да за Иванцомъ да за Васкомъ за Федоровыми дѣти-

ни Каменева, да въ томъ же стану въ деревнѣ на усть Рыбенки, да въ деревнѣ на Рыбенѣ, да въ деревнѣ вверхъ Рыбенки жеребьемъ Останн Каменева да его дѣтей Пронькинымъ да Еськинымъ, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и къ жеребью потягло. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ учнетъ жити людей, и наши намѣсники тульскіе и волостели и ихъ тиуни тѣхъ его людей не судать ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, а вѣдаетъ и судить тѣхъ своихъ людей Истома самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случитца судъ смѣсной тѣмъ его людямъ з городецкии людьми или съ волостными, и наши намѣсники и волостели и ихъ тиуни судать, а Истома или его приказщикъ съ ними же судить, а присудомъ дѣлатца на полы. А кому будетъ чего искати на Истомѣ или на его приказщикѣ, ипо ихъ сужо язъ, князь великин, или мой бояринъ введены. Писанъ на Москвѣ гѣта 7027-го февраля въ 19 день.

А у подлинной великого князя Василья Ивановича всеа Русіи грамоты вислая красная печать приложена.

При родосл. росписи Сухотинныхъ, родословн. столбецъ № 92, склейка 8. Копія съ этой копіи въ кн. Герольдм. конторы кз № 241 лл. 778 обор.—779.

№ 110.—1519 г. марта 8.—Жалованная несудимая грамота великого князя рязанскаго Ивана Ивановича Ивану да Гаврилъ Ворыпаевымъ на дворцовую деревню Вольяшевскую.

Списокъ великого государя (sic) з жалованной грамоты.

Се азъ, князь великинъ Иванъ Ивановичъ¹⁾, пожаловалъ есмн своихъ дѣтей боярскихъ Ивана Щеку да Гаврила Ѳедоровыхъ дѣтей Ворыпаева своею деревнею, что была за Ѳетькемъ за псаремъ, Вольяшевскою съ нивами и съ пожнями и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ истарины потягло. И кого къ себѣ призовуть людей изъ-за рубежа въ ту деревню жити, и тѣмъ людямъ пришлымъ не надобя ниъ моя великого князя дань, ни ямъ, ни которая тягль на три годы. А волостель мой къ нимъ въ околицу не въѣзжаетъ, ни всылаетъ ни

¹⁾ Податели родословной, ископные рязанскіе помѣщики Ворыпаевы, въ концѣ XVII в. не имѣли уже точнаго представленія о томъ, кто такой былъ этотъ князь Иванъ Ивановичъ; у нихъ исчезло уже представленіе объ ихъ первоначальныхъ государяхъ. Въ самомъ началѣ родослов. росписи читаемъ: „при есл. кн. *Иванъ Ивановичъ всеа Русіи* пожалованы по Рязани Иванъ Щека да Гаврила Ѳедоровы дѣти Ворыпаевы“.

по что, ни емщизь, ни боровщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ. А явка и вина и поличное изъ ихъ околицы къ волостелю къ моему пойдетъ, ни татинъ рубль, что учинитца татьба въ ихъ околицѣ промежъ ихъ людей. А пожаловалъ есми ихъ боярному своимъ Федоромъ Ивановичемъ Сунбуломъ лѣта 7027-го марта въ 8 день.

А у подлинной грамотѣ печать приложена.

А позади пишетъ: Князь великии.

Дьякъ Андрей Васильевъ.

При родословной росписи Ворыпаевыхъ, столб. родослов. № 73 склейка 4.

№ 111.—1519 г. іюня 4.—Жалованная несудимая грамота великаго князя рязанскаго Ивана Ивановича Григ. Дм. Кобыкову на деревню Молодинки ¹⁾.

Списокъ великаго князя з жалованные грамоты.

Се азъ, князь великии Иванъ Ивановичъ, пожаловалъ есми Григорья [Дмитріевича] Кобыкова Покрова Святыя Богородицы Ниш[евскаго монастыря деревней] Молодинками, что та деревня была за [нашимъ сыномъ боярскимъ за Те]мофеемъ за Павловымъ сыномъ Александрова [съ нивами, съ пожнями] и со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревни ист[аринны потагло; и давати] ему съ той деревни съ Молодинокъ къ Покрову Святыя [Богородицы въ монастырь на ни]щеву згуду на годъ ягумену з братьею по полутре[тцети алтына] денегъ. И кого къ себѣ призоветъ людей изъ зарубежья [въ ту деревню] жити, и тѣмъ людямъ пенадобе имъ моя великаго князя [дань] и ямъ некоторая тягль ²⁾ на десять лѣтъ; а здѣш[нихъ людей непис]менныхъ кого къ себѣ призоветъ, и тѣмъ людямъ не [надобе та моя] великаго князя дань и ямъ некоторая тягль на пять лѣтъ; а [волостель мой] къ нему въ околицу не въѣзжаетъ, ни всмлаеть ни по что—[ни ямшикъ, ни бо]ровщикъ, ни бобровникъ, ни закосникъ ³⁾, а явка и вина

¹⁾ Грамота эта впервые напечатана Д. Н. Иловайскимъ въ его „Исторія Рязанскаго княжества“, приложение № 5. (См. Сочиненія Д. Н. Иловайскаго, М. 1884, стр. 216); заимствована имъ изъ архива Рязанскаго дворницкаго депутатскаго собранія. Скоблами означены восстановленныя по тексту г. Иловайскаго мѣста, недостающія въ нашей копіи (очень истлѣвшей).

²⁾ Въ копіи, которой пользовался г. Иловайскій, это мѣсто передано невѣрно: „некоторые тмль“.

³⁾ У г. Иловайскаго не закоммилъ.

и поличное изъ его [околицы въ ¹⁾ воло]стелю моему неидеть, и татинъ²⁾ рубль, что учинитца татьба [въ его око]лиця промежи его людей. А пожаловалъ есми его [бояринномъ своимъ] Феодоромъ Ивановичемъ Сунбуломъ лѣта 7[027 июня въ 4 день.]

А у подлинной назадъ вверху написано:

Бидь велики.

[А внизу надъ печатью: Дьякъ] Андрей Сущка Васильевъ.

При родословной росписи Кобыковыхъ, столб. родослов. № 151 склейка 2³⁾).

№ 112.—1522 г.—Данная грамота Якова Брюхатово Покровскому Углицкому монастырю на землю въ Городскомъ стану.

Списокъ слово въ слово.

Се ать, Яковъ Радионовъ сынъ Брюхатово, далъ есми въ монастырь Покрову Пресвятыя Богородицы въ домъ на Угличѣ въ Городскомъ стану своей земли Савенскіе на десетину, что есми купилъ у Чубара Угрямова сына Моложенинова, далъ есми ту землю въ домъ Покрову Пресвятыя впрокъ безъ выкупа. А отвотъ той землѣ отъ наместирской же земли деревни Харабугина отъ дароги черезъ пашеною землю въ рѣку Короженку. А на то послуши: Чубаръ Григорьевъ сынъ Моложениновъ да Купубасъ Мелентьевъ сынъ Просвьяина да Александръ Борисовъ сынъ Лапакова да Семень Поповъ сынъ Мартыновъ. А грамоту даною писалъ подьячей Иванецъ Мирга Яковъ сынъ лѣта 7030 году.

А у подлинной даные позади пишеть: Къ сей даной азъ, Яковъ, руку свою приложилъ. Къ сей даной грамотѣ Пубасъ (sic) послухъ и руку свою приложилъ. Къ сей даной грамотѣ азъ, Сенка Мартыновъ сынъ Поповъ, послухъ и руку свою приложилъ.

Къ сему списку в даные ⁴⁾ Покровского монастыря игумень Спиридонъ руку свою приложилъ, а подлинную даною къ себѣ взялъ.

Помѣта дішка Ивана Раговянина: 190 г. марта въ 20 день. Вать къ дѣлу, справе съ подлинною, а подлинною отдать съ росписью. Дѣло у подьячева Ивана Некрасова Помѣснаго приказу.

¹⁾ У г. Иловайскаго и.

²⁾ У г. Иловайскаго платитъ рубль.

³⁾ Очень повреждена съ правой стороны и чернила выцѣла.

⁴⁾ Въ ркп. здыс.

Было се писмо закладено въ стѣнѣ на Угличѣ.

При родосл. росписи Брюхатовыхъ, столб. родословн. № 103, склейка 4.

№ 113.—1522 г. — Грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича о пожалованіи Гаврилу Дятлову волости Ведельской въ кормленіе.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь велики Василей Ивановичъ всеа Русні, пожаловалъ есма Гаврила Владычкина сына Дятлова волостью Ведельскою подъ ловчимъ подъ Михайломъ Дятловымъ въ кормленье со всѣмъ съ тѣмъ, какъ было за Михайломъ. И вы, всѣ люди тое волости, чите ево и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ о всемъ по тому, какъ было прежь сево. Писана на Москвѣ лѣта 7030-го году.

У подлинной грамоты назади написано:

Князь велики Василей Ивановичъ всеа Русні.

При родосл. росписи Владычкиныхъ, столб. родословн. № 48; склейка 6.

№ 114.—1522 г. февраля 15. — Грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича о льготѣ въ платежѣ податей съ коломенской вотчины Ѳедора Писарева д. Козьей по случаю разоренія ея татарами.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь велики Василей Ивановичъ, пожаловалъ есми Ѳедора Семенова сына Писарева, что мнѣ билъ челомъ, а сказываетъ, что его вотчина въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Городскомъ стану деревню Козью татарове выжгли и вывоевали. И оже будетъ такъ, и азъ, князь велики, Ѳедора пожаловалъ: ненадобъ ему съ тое деревни, oprычъ тѣхъ дворовъ, что будетъ въ его же вотчинѣ не жжены¹⁾ и не воеваны отъ татаръ, моя великаго князя дань, ни ямсвія деньги, не поворотное, не намѣстничы, не волостелинъ, не тиунъ кормъ, не прав[ет]чиковъ, не довотчиковъ поборъ, не иные некоторые пошлины на пять лѣтъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7030 февраля 15 дня.

¹⁾ Въ ркн. *жжены*.

У подлинной грамоты назадъ писать:

Князь великий Василей Ивановичъ всеа Росіи.

Печать на красномъ воску вислая.

При родосл. росписи Писаревскихъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 534 обор.

№ 115.—1522 г. марта 15. — Межевая грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича, подтверждающая за Сем. и Вас. Федоровичами Верхдеревскими старинныя земли, пожалованныя предку ихъ Ивану - Салахмирю Мирославичу еще великимъ княземъ рязанскимъ Олегомъ Ивановичемъ.

Списокъ в грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великий Василей Ивановичъ всеа Руски, пожаловалъ есмь Семена Федоровича да Василя Федоровича Верхдеревскихъ: били челомъ они мнѣ, что у нихъ очина на Рязани Верхдеревская жалованья великаго князя рязанскаго Олга, что пожаловалъ князь великий рязанскій прародителя ихъ Ивана Салахмиря очиною Верхдеревскою сельцомъ Докудовскимъ да сельцомъ Рожественнымъ да деревнею Милолюбью да селищемъ Выползовымъ да селищемъ Дрозовымъ да селищемъ Чижевымъ да селищемъ Марьинымъ съ пустошми и съ луги и съ покосы и в дубравами и в бортными ухожен; и та-де отчина с ѣными отчинами и съ помѣстными землями смежна. И азъ, князь великий Василей Ивановичъ, сыскавъ по жаловальной ихъ грамотѣ великаго князя рязанскаго Олга и по книгамъ великихъ князей рязанскихъ, пожаловалъ есмь Семена да Василя старою ихъ тою отчиною, тако жъ тѣми деревнями, и селищи, и пустошми, и со всѣмъ съ тѣмъ угодемъ. А по книгамъ великихъ князей рязанскихъ межа той ихъ отчинѣ: отъ Молвинскихъ верховъ лѣсомъ возлѣ Сениной полянѣ на Ломовскую вершину. да внизъ по Ломовской вершинѣ, а Ломовская вершина впала въ рѣчку въ Мокшу Малую, да вверхъ по Мокшѣ отъ Мокшинскихъ верховъ на два дуба воскресенскихъ, а отъ дубовъ воскресенскихъ на Крутецкую вершину да внизъ по Крутцу, а Крутець впаде въ рѣчку въ Почки; да внизъ Потчевами до врага, а отъ Почетъ вверхъ врагомъ въ лѣсъ, а отъ врага прямо лѣсомъ къ липягу, которой ¹⁾ въ Немировскаго отрогу вышолъ, а липягъ пошолъ черезъ Вослѣбскую дорогу, что ѣздятъ ис Пронска въ Вослѣбъ къ татарской савиѣ, да савкою на курганъ, которой курганъ стоитъ полѣву савмы, ѣдучи

¹⁾ Въ ркн. *котой*.

къ слоботѣ, а отъ кургана черезъ сажму къ Осиновому колку, которой стоятъ у сажмы направѣ, а отъ Осиноваго колка прямо къ рѣчкѣ Гремячки, да внизъ Гремячкою до слоботки, да вверхъ слоботкою, а отъ верховъ слоботцкихъ черезъ поле къ сухой гаталинѣ во Княжой гати противъ Елѣнмова гаю, да внизъ по сухой гаталинѣ до мокрой гаталинѣ, да верхъ мокрою гаталиною до рѣчки до Черничны, да вверхъ рѣчкою Черничною до лоску, а отъ Черничны лоскомъ до Чижевскаго лѣсу да подѣй Чижевской лѣсъ къ Трубищамъ, а отъ [Т]рубищъ изъ Чижевскаго жъ лѣсу вышолъ отрогъ отъ Кузьминскаго поля, а [отъ] отрогу, что вышолъ изъ Чижевскаго лѣсу, лоскомъ къ рѣчкѣ къ Маринки къ толстому ольху, да черезъ рѣчку Маринку, а по другую сторону Маринки отъ рѣчки отъ Маринки по Прибытковской лоскѣ, а лоскомъ по дубровѣ, а отъ прудищъ (sic) дубровою прямо до Митинскаго липяга, а отъ Митинскаго липяга пошолъ лоскъ въ рѣчку Молвию, да вверхъ Молвию по тѣ же верхи по Молвинскіе. Писанъ на Москвѣ лѣта 7000 тридесятаго марта въ 15 день.

А назади у подлинной грамоты пишеть:

Князь великні Василей Ивановичъ всеа Русіа.

А на склейкѣ приписъ:

Великаго князя діакъ Третьякъ Раковъ.

А подлинная грамота за вислою красною печатью.

При родосл. росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, родосл. столб. № 160 склейка 11.

№ 116.—1522 г. марта 18.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича о льготѣ въ платеніи податей съ коломенской вотчины Ивана Писарева дер. Мальцевской по случаю разоренія ея татарами.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великні Василей Ивановичъ всеа Россіа, пожаловалъ есмь Ивана Семенова сына Писарева, что мнѣ билъ челомъ, а сказываетъ, что его вотчину въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Городецкомъ стану деревню Мальцевскую татарове выжгли и [вы]воевали. И оужъ будетъ такъ, и азъ, князь великні, Ивана пожаловалъ, ненадобѣ ему съ тое деревни, oprичъ того, которые будутъ дворы въ той деревни не жжены и не воеваны отъ татаръ, моя великаго князя дань, ни ямскія денги, ни поворотное, ни намѣстничьи, не волостелинъ, не тиунъ кормъ, не праветчиновъ, ни доivotчиновъ поборъ, не иные не

которыя пошлны на пять лѣтъ. Цисанъ на Москвѣ лѣта 7030-го марта 18 дня.

Назадъ пишеть:

Князь велики Василей Ивановичъ всея Россіи.

Печать вислая на красномъ воску.

При родосл. росписи Писаревыхъ, кн. Герольдм: конт. кз № 241 лл. 534 об.—535.

№ 117.—1523 г. марта 7.—Грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича о пожалованіи Ивану Осокѣ волости Боровичей да Волочна Держнова въ кормленіе.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь велики ¹⁾ Василей Ивановичъ всея Россіи, пожаловалъ есми Ивана Григорьевича Осоку волостью Боровичами да Волочкомъ Держковымъ подъ городомъ подъ Сарыгозинымъ въ кормленья. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и ²⁾ слушайте, а онъ васъ вѣдетъ, и судить, и блюдетъ, и ходитъ у васъ по старой пошлнѣ, какъ было прежь сего. Тако жъ есми Ивана [пожаловалъ], велѣлъ ему ³⁾ въ Боровичахъ и Волочку в Держковѣ ⁴⁾ держать пятно; и хто въ той волости купитъ лошадь или продастъ или мѣнитъ ⁵⁾, и они являютъ Ивану или его пателщику, а онъ у нихъ лошадь пятнить ⁶⁾, а пошлну свою отъ пятна ⁷⁾ емлетъ съ лошади и съ купца денгу, а съ продавца денгу жъ московскую; а имена людскія и кони въ шерсть пишеть въ книги памяти для. А хто въ той волости купитъ лошадь или продастъ, или мѣнитъ, а не явить Ивану или его пателщику того жъ дни, и онъ, уличивъ ⁸⁾ того, возьметъ на немъ заповѣдь и

¹⁾ Въ I копіи: царь.

²⁾ Въ I и II копіяхъ пропущены слова *чтите его и*.

³⁾ Въ I и III копіяхъ: *такъ жъ есми Иванъ велити ему*. Во II копіи: *какъ жъ есми Иванъ велитъ есми*.

⁴⁾ Въ I: *в Вершкоотъ*, во II: *Держковомъ*.

⁵⁾ Въ III копіи *именать*.

⁶⁾ Въ III копіи: *хоть у нихъ лошасть пятномъ*.

⁷⁾ Въ I копіи *опять на*.

⁸⁾ Въ I и III: *уличивъ*.

пропятаенъ два рубля московскія. Писанъ¹⁾ на Москвѣ лѣта 7031-го¹⁾ марта въ 7 день.

А назади пишеть у подлинной грамоты:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Россіи.

При родосл. росписи Пырьевыхъ, кн. Герольд. конт. къ № 241, въ трехъ копіяхъ: I—л. 447 об.—448, II—л. 451, III—л. 459.

№ 118.—1523 г. іюня 23.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича Сем. Ив. Коробьину на села Рыбное и Карино Переясл.-Рязанск. у. и село Срезнево Перевицкаго уѣзда.

Списокъ в грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Семена Ивановича Коробьина, что его вотчина въ Перевитцкомъ уѣздѣ село Срезнево да въ Переславлѣ Рязанскомъ село Рыбное да село Карино з деревнями—и хто у него въ тѣхъ селѣхъ и въ деревняхъ учнегъ жити людей, и намѣсницы наши перевицкіе и Переславля Рязанского и ихъ тіуны тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, oprичъ душегубства и розбоя съ полячнымъ, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Семень самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случитца судъ смѣсной тѣмъ его людемъ з гороцкими людьми и з станowymi, и наши намѣсницы и ихъ тіуны тѣхъ его людей судятъ, а Семень или его приказчикъ съ ними жъ судитъ, а присудомъ дѣлятца на-полю. А кому будетъ чего искати на Семень или на его приказчикѣ, ино ихъ сузу язъ, князь великии, или мой бояринъ введеный. Писанъ на Москвѣ лѣта 7000 тритцать перваго іюня въ 16 день.

А назади у подлинной грамоты пишеть:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Русіи.

При родосл. росписи Коробьиныхъ, родосл. столб. № 134, въ двухъ копіяхъ, сходныхъ между собою—склейки 11 и 15.

¹⁾ Во II копіи вѣсто: „Писанъ на Москвѣ“... и проч., написано: „а лѣтописи въ грамотѣ написать нмѣнно немочно, потому что въ грамотѣ лѣтописи ветха“. III копія, повиданному, списана съ первой.

²⁾ Въ I и II: *лѣта 3031-ю*, въ III: лѣта 3000 31-го. Очевидно, переписчикъ *лѣ* прочиталъ за арабскую цифру 3 вслѣдствіе сходства начертаній.

№ 119.—1524 г. февраля 29.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича ин. Хозяшу Чегодаеву сыну на д. Черную Унжинскаго стана Муромскаго уѣзда.

Се язъ, князь великий Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Хозяша князь Чегодаева сына Сакольскаго въ Муромскомъ уѣздѣ въ Унжинскомъ стану деревнею Черною Микулинскою Медгидова со всѣмъ съ тѣмъ, что къ той деревнѣ изстарини потягло...¹⁾ наши намѣстники муромскіе и волостели и ихъ тиуны того Хозяша и его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ политнымъ, а вѣдаетъ и судитъ своихъ людей Хозяшъ самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А кому будетъ до Хозяша и до его приказчика каково дѣло, и въ томъ его сужу язъ, князь великий, или мой дворецкой. А дана грамота на Москвѣ лѣта семь тысячь тритцать втораго февраля дватцать деватаго.

У подлинной грамоты привѣшена на красномъ шелковомъ шнуру государственная красного воску печать.

На оборотѣ той грамоты подписано тако:

Князь великий Василей Ивановичъ всеа Русіи.

Да на оборотѣ жъ значитца еще надпись, толко за ветхостию разсмотрѣть оной невозможно.

Х копия лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдатъ князь Никита Чегодаевъ руку приложилъ, а подлинную грамоту къ себѣ взялъ.

Съ подлинною свидѣтельствовалъ канцеляристъ Николай Ивашевъ.

Дала по Герольдіи кн. 34, л. 183.

№ 120.—1524 г. іюня.—Жалованная несудимая грамота удѣльнаго князя Андрея Ивановича (Старицкаго)²⁾ новокрещену Вас. Баранчеву на д. Шмойлову въ Верейскомъ уѣздѣ.

Списокъ з грамоты.

Се лѣтъ, князь Андрей Ивановичъ, по[жаловалъ есми] Василя

¹⁾ Тутъ, вѣроятно, небольшой пропускъ, хотя изъ рукописи этого не видно.

²⁾ Кн. Андрей Ивановичъ Старицкій—пятый сынъ вел. князя московскаго Ивана III; род. 1490, † 1536 г. По духовному завѣщанію своего отца 1504 г. онъ получилъ во владѣніе города Верею, Вышегородъ, Алексинъ, Лямбускъ и Старицу. Собр. Гос. грам. и догов. т. I, стр. 396—397. Эвземплярскій, „Великія удѣл. князья“, т. I, стр. 336.

новокрещена Бор[анчсева] сына въ Верейскомъ уѣздѣ въ волости чахъ деревню Шмойловою, что . . . Яковомъ за Шершневымъ, съ хлѣбомъ съ рожью, и съ ярью, и со всѣмъ съ тѣмъ, деревнѣ изстари потягло. И хто [въ той] деревнѣ учнетъ жити людей, и сници верейскіе и ихъ тиуни тѣхъ [его людей] не судать ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, а праведчики [и доводчи]ки поборовъ своихъ у нихъ не берутъ ютъ, ни всылають въ [нимъ ни по что], а вѣдаетъ и судить [тѣхъ своихъ] людей Василей самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случитца судъ смѣсной тѣмъ его людемъ з город[скими] людьми или съ волосными, и сници верейскіе и ихъ тиуни судать, а Василей или его [прикащикъ] съ ними жъ судить, а присудомъ дѣлятца на-полю. А кому будетъ чего искати на самомъ Васильѣ или на его прикащикѣ, ино ихъ сузу азъ, князь Андрей Ивановичъ, или мой бояринъ введеный. [А грамо]та дана въ Вереѣ лѣта [7032-го іюня ¹].

А у подлинной грамоты назади написано:

Князь Андрей Ивановичъ.

А подлинная грамота за вислоку печатью на черномъ воску.

При родословной росписи Баранчевыхъ, столб. родосл. № 130 склейка 4.

№ 121.—1524 г. ноября 18.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича братьямъ Матвѣевымъ на отцовскую ихъ вотчину въ сельцѣ Юрьевѣ Унжинскаго стана Муромскаго у.—Подтвержденіе этой грамоты вел. княземъ Иваномъ IV Васильевичемъ 1536 г.

Списокъ з жаловальной грамоты.

Се азъ, князь великні Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожаловалъ еси Васюка да Нечайца да Мишука да Романца Ворисовыхъ дѣтей Матѣева, что отца ихъ вотчина въ Муромскомъ уѣздѣ въ Унжинскомъ стану сельцо Юрьево да того жъ сельца деревня Витазево. И хто у нихъ въ томъ сельцѣ и въ деревнѣ учнетъ жити людей, и намѣсници наши муромскіе и властели и ихъ тиуни тѣхъ ихъ людей не судать ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ,

¹) Дата въ копіи выгнана; но въ текстѣ родословной росписи сохранилось точное объ ней упоминаніе, на основаніи котораго она здѣсь и возстановлена.

а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей Васюкъ да Нечаецъ да Мишукъ да Романецъ сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣсной тѣмъ ихъ людямъ в городцкими людьми или съ волосными, [и] намѣсники наши муромскіе, волостели, ихъ тиуни тѣхъ ихъ людей судать, а Васюкъ да Нечаецъ да Мишукъ да Романецъ, или ихъ прикащикъ, съ ними жъ судать, а присудомъ дѣлатца наполи. А кому будетъ чего искать на Васюкъ да на Нечайцѣ да на Мишукѣ да на Романцѣ, или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сузу язъ, князь великій, или мой бояринъ введеный. Писанъ на Москвѣ лѣта 7032-го году августа въ 18 день.

А у подлинной грамоты назади приписано:

Князь великіи Василей Ивановичъ всеа Русіи.

На той же грамотѣ написано:

Князь великіи Иванъ Васильевичъ всеа Русіи по сей грамотѣ пожаловалъ Васюка да Нечайка да Ромашка Борисовыхъ дѣтей Матвѣева да ихъ братоничевъ Окиша да Митьку Михайловыхъ дѣтей Борисова сына Матвѣева, сей грамоты рушити у нихъ не велѣлъ никому нѣтъмъ. А намѣсникомъ муромскимъ и волостелямъ и ихъ тиуномъ велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. Лѣта 7045-го году ноября въ 18 день. А подписалъ дѣкъ Ѳедоръ Мишуринъ.

Печать вислая на красномъ воску.

При родосл. росписи Борисовыхъ, столб. родосл. № 60 склейка 2.

№ 122.—1526 г.—Грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича о пожалованіи Ѳедору Свиныну галицкихъ волостей въ кормленіе.—Подтвержденіе этой грамоты въ 1527 г.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великіи Василей Ивановичъ всеа Росіи, пожаловалъ есми Ѳедора Григорьева сына Свинына Глозуновымъ въ Галичѣ подъ Яковымъ Кирѣевымъ въ кормленіе. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ и судитъ у васъ по старинѣ, какъ было прежь сего. А хто по кого възведетъ моего великаго князя пристава, а будетъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обомъ исцовъ ставитъ передъ Ѳедоромъ или передъ его тиуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обомъ исцовъ передъ Ѳедоромъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишенъ. А которой тѣхъ обомъ исцовъ передъ Ѳедоромъ или передъ его тиуномъ не учнетъ искати или

отвѣчати, и язъ, князь великїи, велѣлъ того обвинити и грамоту правую ¹⁾ на того дати.

А назади у подлинной грамоты пишеть:

Князь великїи Василей Ивановичъ всеа Росїи.

Подъ тѣмъ пишеть же:

Князь великїи Василей Ивановичъ всеа Росїи пожаловалъ по сей грамотѣ Ѳеодора Григорьева сына Свиньинова, перепустилъ ему Глазуну въ Галичѣ на другой годъ отъ Велика дни лѣта 7035-го году до Велика дни лѣта 7036 году. А подписалъ великого князя дьякъ Аѳонасей Курицынъ.

А въ концѣ грамоты печать вислая на красномъ воску.

При родословной росписи Свиньиновыхъ, кн. Герольд. конт. № 241, лл. 720 об.—721.

№ 123.—1527 г.—Грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича Вас. Ѳеодор. Верхдеревскому на кормленіе въ волости Гуси.—Подтвержденіе этой грамоты въ 1528 г.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великїи Василей Ивановичъ всеа Русїи, пожаловалъ есмь Василя Ѳеодорова сына Верхдеревскаго Гусью съ правдою и съ мытомъ подъ Провею Бровцынымъ въ кормленїа. И вы, всѣ люди тое волости, чтите ево и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судить, и ходитъ у васъ по тому, какъ было прежь сего. А хто по кого взведеть моего великаго князя пристава, а будутъ оба исца тое волости, и приставъ мой тѣхъ обонхъ исцовъ ставить передъ Васильемъ или передъ его тиуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обонхъ исцовъ передъ Васильемъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишень. А которой тѣхъ обонхъ исцевъ передъ Васильемъ или передъ его тиуномъ не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великїи, велѣлъ того обвинить и грамоту правую на того дати.

У подлинной грамоты назади пишеть:

Князь великїи Василей Ивановичъ всеа Русїи.

Князь великїи Василей Ивановичъ всеа Русїи по сей грамотѣ пожаловалъ Василя Ѳеодорова сына Верхдеревскаго, перепустилъ ему Гусь съ правдою на другой годъ до Ѳилипова заговѣнья въ лѣто 7000 тритцать шестаго году. Подписалъ великаго князя дьякъ Елиазаръ Ивановъ сынъ Цыцлятевъ.

При родословной росписи Апраксиныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 слейка 12.

¹⁾ Въ рип. правую.

№ 124 — Около 1528 г. ¹⁾ — Доходный списокъ, данный великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ волостелю Григ. Дм. Кобыянову на пользованіе доходами съ волости Солцы Малой.

Списокъ з грамоты великого князя слово въ слово.

Се азъ, князь велики Василей Ивановичъ всеа Руси, пожаловалъ [есми Григорья] Дмитреевича Кобыянова, что за нимъ мое жалованье [Солца] Малая въ кормленье. И азъ, князь велики, Григорья пожаловалъ въ Солцѣ въ Малой пошляны по сей грамотѣ въѣзъ
 при его сидѣнни, хто что принесеть, да съ Сольци волости на три празники: на Рожество Христово, на Великъ день, на П[етровъ день] . . . четверта рубля на празникъ, да съ вари емлетъ въ годъ по ошутку соли да по дензѣ, да за варницу [емлетъ] въ годъ полтину, да за дрова полтина жъ, да волосте[ль емлетъ] з братчины съ медовые ведро меду, а нелюбю ведро, и [но за ведро] три алтына, а съ пивные братчины ведро пива, а нелюбю ведро, [ино] за ведро алтынъ; да волостель же емлетъ за выводную а съ новоженного алтынъ; да волостель же емлетъ въ годъ з др[овъ] ти воевъ денгу, да волостель же емлетъ дворецкого со шти варницъ за поблонъ поло-осмнатцата алтына . . . пошляны емлетъ съ посада полчетверта алтына да в двая денга, а емлетъ по старинѣ; да съ князь Ивановскихъ бского въ сельцѣ на посадѣ волостель емлетъ борму гривны, а емлетъ всѣ пошляны по старинѣ; а дов[отчикъ] . . . съ посада и з деревень въѣзжего одна приво хто что принесеть, да съ посада жъ и з деревень довотчикъ пки въ годъ на празникъ по полчетверта рубля, да довот въ Солцѣ съ хлѣба со всякого помѣрное по старинѣ довотчикъ емлетъ за дрова по полтинѣ Григорья пожаловалъ, велѣлъ есми ему въ Солцѣ и хто въ Солцѣ купить лошадь или продасть, ино явать волостелю или его пятнищю, а онъ у нихъ лошадь [патнить], а отъ патна емлетъ пошляны—съ купца денгу московскую, [а съ продавца] денгу жъ московскую, а имена людцѣя и лошади въ шерст[ь пишеть] въ книги памяти для. А хто въ Солцѣ купить лошедь, [или продасть], или кнѣжить, а волостелю или его пятенщю [не явить до того жъ] дни, и онъ того уличить, возьметъ на немъ за[повѣди и пропатыня] два рубля московскіе. Писанъ на Москвѣ лѣта 3 день.

¹⁾ Сравни слѣдующую грамоту № 125.

А назади у подлинной грамоты пишеть всеа Русіи.
Печати нѣтъ.

*При родосл. росписи Кобяковыхъ, столб. родосл. № 151 склейки
2—3 (крайне ветхи).*

**№ 125.—Около 1528 г.—Грамота великаго князя московскаго
Василія Ивановича о пожалованіи Григ. Дм. Кобякову волости
Солцы Малой въ кормленіе.**

Списокъ в грамоты великаго князя слово въ слово.

Се язъ, князь великій Василей Ивановичъ всеа Росіи, пожаловалъ есми Григорья Дмитреевича Кобякова [Солцею Малой] подъ Ивановомъ подъ князю Дмитреевымъ сыномъ Солн... въ кормленье съ пятномъ. И вы, все люди [тое волости, чти]те его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, [и судить, и ходитъ] у васъ по тому, какъ было прежь сего. А хто по [кого взве]детъ моего великаго князя пристава, [а будутъ оба] истца тое волости, и приставъ мой ста[вить тѣхъ] обоихъ истцовъ передъ Григорьемъ или передъ его [тіуномъ]; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обоихъ [истцовъ передъ] Григорьемъ или передъ его тіуномъ, и онъ вѣду [лишенъ. А которой] тѣхъ обоихъ истцовъ передъ Григорьемъ или передъ [его тіуномъ] не учнетъ искати или отвѣчати, и язъ, князь великій, [велѣлъ того] обвинити и грамоту правую на [того дати].

А у подлинной великаго князя грамоты написано:

Князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи.

[Ни]же того на той же грамотѣ пишеть, а что [написано], и того первой строки не зпаетъ для того, [что грамо]га ветха. А на другой строцѣ написано: ...пожаловалъ Григорья Дмитреев[яча Кобя]кова, перепустилъ съ раду Солцу Малую на другой годъ отъ Ильина дни лѣта 703[7 до Ильина] дни лѣта 7038. А подписалъ велик[ого князя] дьякъ Елеазаръ Ивановъ сынъ Цыплетевъ.

Подлинная великаго князя грамота за красною печатью ¹⁾.

При родосл. росписи Кобяковыхъ, родосл. столб. № 151 склейка 4.

¹⁾ Правая сторона склейки истѣла и отвалилась, воиѣдствіе чего у каждой строчки окончаніи не хватаетъ. Въ скобкахъ заключены слова текста, возстановленные по догадкѣ и по аналогіи другихъ подобныхъ грамотъ того же времени.

№ 126.—1528 г. ноября 24.—Грамота великаго князя московскаго Василія Ивановича намѣстнику городка Верхняго Слободскаго Ив.^ъ Сем. Караулову о неприниманіи въ этотъ городокъ нетяглыхъ казаковъ, лихихъ людей и скомороховъ.

Списокъ.

Отъ великаго князя Василія Ивановича всеа Росіи на Вятку въ Слободкой въ Верхней городокъ намѣстнику нашему Ивану Семенову сыну Караулову. Били челомъ вятчани изъ Слободскаго Верхняго городка Алешка Кузьминъ сынъ Серебряникъ, да Сенька Городиловъ, да Ивашко Митинъ ото всѣхъ людей Слободскаго городка и волосныхъ людей о томъ, что-деи у нихъ въ нашей грамотѣ въ жалованной въ уставной въ земьской, что у нихъ въ въ Слободскомъ городкѣ и въ волостяхъ пришлымъ ¹⁾ казакомъ нетяглымъ и лихимъ людемъ не быти, а тѣмъ-деи слободцкимъ людемъ по той нашей жалованной грамотѣ по уставной, лихихъ людей обыскавъ и доведъ передъ намѣстникомъ цѣловальники и людьми добрыми, что онъ лихой человекъ, да по грамотѣ того лихово человека изъ городка и изъ волостей выслать вонъ жити; и тѣ-деи слободцкіе люди Верхнево городка передъ которымъ Слободцкимъ намѣстникомъ которога лихово человека у себя въ городкѣ въ Верхнемъ или въ волости обыщутъ и доведутъ на него, что онъ лихой человекъ, да учнуть-деи того лихово человека отъ себя изъ городка выслать вонъ жити, и тѣ-де лихіе люди тѣхъ слободцкихъ людей не слушаютъ и изъ городка отъ нихъ и изъ волости прочъ жити нейдутъ, да ихъ же клепятъ повлажемъ; а вы-деи, слободцкіе намѣстники, лихимъ людемъ наровите, а тѣхъ-деи слободцкихъ людей продаете съ ними съ одново. Да у тѣхъ же-деи слободцкихъ людей Верхнево городка наша великаго князя жалованная грамота, что у нихъ въ Слободскомъ городкѣ въ Верхнемъ скоморохомъ не играти, а вы-деи скоморохомъ у нихъ играти ослобожаете; да тѣ жъ-де скоморохи тѣхъ слободцкихъ людей клепятъ бои и грабежи и повлажемъ, а вы-де ихъ съ ними въ томъ судите. И какъ къ тебѣ сѣ моя грамота придетъ, и ты бѣ или по тебѣ хто ин. . вашъ намѣстникъ въ Слободскомъ городкѣ будетъ, лихихъ бы есте людей у нихъ въ Слободскомъ городкѣ обыскивали по нашей жалованной грамотѣ по уставной, да которога лихово человека тѣ слободцкіе люди цѣловальники и люди добрые у себя передъ тобою обы-

¹⁾ Въ рш. *пришлихъ*.

щуть, и възмолвѣтъ на него цѣловальники и лудчіе люди человекѣхъ десять или болѣй по нашему великого князя крестному цѣлованью да и доведуть на него передъ тобою, что онъ лихой человекѣхъ, и ты бѣ того лихово человекѣка изъ Слободково городка и изъ волостей выслалъ отъ нихъ вонъ жити и жити бѣ еси тѣмъ лихимъ людемъ у нихъ въ Слободкомъ городѣхъ и въ волостяхъ не велѣлъ; а скоморохомъ бы еси у нихъ въ Слободкомъ городѣхъ и въ волостяхъ играть не велѣлъ, а велѣлъ бы еси отъ нихъ изъ городка и изъ волостей скомороховъ выслать вонъ, не игравъ. А которой скоморохъ на Слободкомъ на которомъ человекѣхъ или на волосномъ какова поклажеи ни възщеть, и ты бѣ скоморохомъ на слободскихъ людей и на волосныхъ въ поклажеихъ ни въ какихъ суда не давалъ. А прочеть сю грамоту, отдайте имъ назадъ, и они себѣ держатъ впрокъ иныхъ для нашихъ намѣстниковъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7037-го ноября въ 24 день.

На подлинной грамотѣ пишеть:

Князь великии Василей Ивановичъ всеа Росніи.

Князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Росніи по сей грамотѣ пожаловалъ вѣтчанъ слободать Верхнево городка посадскихъ людей и волостныхъ, сеѣ у нихъ грамоты рупити не велѣлъ никому вѣтѣмъ, а намѣстникомъ слободскимъ велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. Писанъ на Москвѣ лѣта 7042 году іюня въ 18 день. А подписалъ дѣшеъ Ѳеодоръ Мишуринъ.

При родословн. росписи Карауловыхъ, родосл. столб. № 141 склейки 3—4.

№ 127.—Около 1529 г.—Грамота великаго князя московскаго Василя Ивановича о пожалованіи Ѳед. Андр. Карамышеву Лиственнаго и Судогды въ кормленіе.—Подтвержденіе этой грамоты въ 1530 г.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великии Василей Ивановичъ в[сеа Руся, по]жаловалъ есми Ѳедора Андреевича [Карамышева Ли]ственнымъ да Судогдою подъ Иваномъ подъ Клущ [зъ кормле]ние съ правдою. И вы, всѣ люди тое волости, ч[тите его и слу]шайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судитъ, и ходитъ у васъ п[о тому, какъ] было прежь сего. А кто по кого взведетъ моего великого князя пристава, а будетъ оба исца тое волости, [и приставъ мой] тѣхъ обонхъ исцовъ ставитъ передъ Ѳеодоромъ или пе[редъ его ти]уномъ. А не поставитъ пристава мой тѣхъ обонхъ [исцовъ передъ Ѳеодоромъ] или передъ его тиуномъ;

я онъ ѣзду лишень. А въ передъ Ѳеодоромъ или передъ его тиуномъ иска[тъ или отвѣчать], и язъ, князь великїи, велѣлъ того обвинить и грам[оту правую на него] дать.

А позади пишеть:

Князь великїи Василей Ивановичь.

На той же грамотѣ позади написано:

Князь [великїи] Василей Ивановичь по сей грамотѣ пожаловалъ [Ѳеодор]внхъ дѣтей Карамышева Иванца да Васюка перепустилъ имъ Ляствену да Судогду долгъ отъ Благовѣщенъ-вая (sic) дни лѣта 7 липова заговѣнья лѣта 7039 князя дїакъ Елиозаръ Ивановъ [сынъ Цыплетевъ].

Печать вислая на красномъ воску, немного помята.

При родословн. росписи Карамышевыхъ, родословн. столб. № 93 склейки 5—6.

№ 128. — 1530 г. января 17. — Правая грамота, данная Ивану Хлудьеву, человѣку Мих. Казнакова, въ спорѣ съ Емельяномъ Кулешовымъ о заемныхъ деньгахъ, занятыхъ послѣднимъ у господина его.

Списокъ съ правой грамоты слово въ слово.

Смі судъ судялъ дворецкой Иванъ Ивановичь Колючевъ. Тегался Иванка¹⁾ Михайловъ человѣкъ Казнакова съ Петрушкою съ Омельяновнхъ сыномъ. Тако рекъ Иванка: „Жалоба ми, господине, на того Петрушку на Омельянова сына: занялъ, господине, онъ у меня своими товарищца полтретья рубли денегъ государя моего серебра въ кабалу. До тѣхъ²⁾ мѣсть денегъ не заплатятъ. А се, господине, кабала передъ тобою.“

И Иванъ Васильевичъ (sic) велѣлъ передъ собою кабалу чести. И въ кабалѣ пишеть:

„Се язъ, Омельянъ Олешовъ сынъ Кулешева, своею женою съ Наскюю съ Петровою дочерью да язъ, Петрокъ, да язъ, Иванка, Омельяновн дѣти, заняли есмя у Ивана у Хлудьева у Михайлова человѣка Казнакова полтретья рубля денегъ, государя его серебра, отъ Юрьева дни до Юрьева дни на годъ. А ростъ намъ ему дати по розчету, какъ идетъ на пять шестой. А поляжетъ серебро по сродѣ, и намъ ему ростъ дати по тому жъ розчету. А кои насъ въ лицахъ, на

¹⁾ Въ ркн.: *Ивана*.

²⁾ Слѣдуетъ, вѣроятно, *слѣзъ*.

томъ серебро и ростъ. А на то послуши Микита Затыкинъ да Иванъ Ѳедоровъ сынъ Климовъ да Романъ Даниловъ сынъ Костромпа. А кобалу писалъ Иванка Яковлевъ сынъ Игнатъевъ лѣта 7000 дватцеть четвертого.—По сей кабалѣ Микита Затыкинъ руку свою приложилъ. По сей кабалѣ Иванъ послухъ руку свою приложилъ. По сей коболѣ Романъ руку свою приложилъ“.

И Иванъ Ивановичъ, выслушавъ кабалу, спросилъ Петрушка: „денги еси по той кабалѣ займывалъ ли? и кобалу еси на себя такую давалъ ли? и за товарищевъ своихъ отвѣчаешь ли?“

И Петрушка тако рекъ: „за товарищевъ, господине, своихъ и за себя отвѣчаю: денегъ есми, господине, не займывали и кабалы на себя не даывали—ни знаемъ, ни вѣдаемъ!“

И Иванъ Ивановичъ спросилъ Петрушка: „на дьяка на кабалного и на послуховъ шлешь ли?“

И Петрушка тако рекъ: „на дьяка ино¹⁾ на кабалного и на послуховъ шлюсь. А еще я, Иванка, послалъ же съ.“

И Иванъ Ивановичъ велѣлъ недѣльщику [Летягѣ]²⁾ Измайлову ѣхати на правду по дьяка да по послуховъ кобалныхъ. И на-раны того дни, ставъ недѣльщикъ Летяго передъ Иваномъ Ивановичемъ, да тако рекъ: „велѣлъ ми еси, господине, ѣхати на правду по дьяка да по послуховъ по Иванковой кобалѣ Михайлова человѣка Казнакова; и по отвѣтчики, господине, по Петрушкѣ по Омельяновѣ сынѣ въ правдѣ поруки нѣтъ. А се, господине, тотъ Петрушка передъ тобою.“

И Иванъ Ивановичъ спросилъ Петрушка: „въ правдѣ порука по тебѣ есть ли?“

И Петрушка тако рекъ: „въ правдѣ, господине, поруки по мнѣ нѣтъ. А по кабалѣ есми, господине, виновать, и на правду, господине, не шлюсь.“

И по княжъ Андрееву слову Ивановича дворецкой Иванъ Ивановичъ ищею Иванка Михайлова человѣка оправилъ, а отвѣтчика Петрушку Омельянова сына и въ товарищевъ ево мѣста обвинилъ и велѣлъ на немъ доправить ищевна иску Иванка³⁾ Михайлова человѣка Казнакова полтретья рубли по кабалѣ съ росты да отдать ищеѣ⁴⁾ Иванку.

1) Въ ркп.: *ине*.

2) Въ ркп. это слово пропущено, хотя въ оригиналѣ, несомнѣнно, было, такъ какъ фамилія безъ имени никогда на языкѣ того времени не употреблялась.

3) Въ ркп.: *Иванко*.

4) Въ ркп.: *ещее*.

И послѣ того въ десятой день передъ дворецкимъ Иваномъ Ивановичемъ недѣльщикъ Легяго, ставъ, да тако рекъ: „велѣлъ еси¹⁾, господине, править на отвѣщани на Петрушкѣ на Емельяновѣ сынѣ ищевна иску Иванка Михайлова челоуѣка Казнакова полутретья рубля денегъ по коболѣ съ росты. И язъ, господине, на немъ правиль десять день, и доправити, господине, на немъ не мочно. А поруки, господине, и перевода по немъ въ деньгахъ нѣтъ. А се, господине, тотъ Петрушка передъ тобою.“

И Иванъ Ивановичъ спросилъ Петрушки: „деньги тобѣ заплатить мочно ль? А порука и переводъ по тебѣ въ деньгахъ есть ли? И язъ тобѣ дамъ срокъ.“

И Петрушка тако рекъ: „денегъ, господине, мнѣ заплатить не мочно, а поруки, господине, и перевода по мнѣ въ деньгахъ нѣтъ.“

И Иванъ Ивановичъ велѣлъ недѣльщику Легягѣ Измайлову выдать отвѣщаника Петрушку Емельянова сына ищевъ Иванку Михайлову челоуѣку Казнакова²⁾ въ его иску въ полутретьехъ рублѣхъ по кабалѣ съ росты до искупу головою.

А на судѣ у дворецкого у Ивана Ивановича были: дворецовой дьякъ Жюкъ Прокоевъ да Сѣрка Яковлевъ сынъ Лыцевъ да подьячей Копыта Григорьевъ сынъ. Къ сей правой грамотѣ дворецкой Иванъ Ивановичъ печать свою приложилъ лѣта 7038-го генваря въ 17 день. А подписалъ князь Андреевъ Ивановичъ дьякъ Григорей Александровъ.

Да на подлинной грамотѣ назади пишеть:

По сей правой грамотѣ меня, Ивашка Яковлева сына Хлудева³⁾, Михайлова челоуѣка⁴⁾ Казнакова, деньги дошли вси и убытки и проести по сей правой грамотѣ за нестроками (sic) дѣла нѣту. А на то послуи: Дмитрий Скочиловъ сынъ Ольховъ да Гридя Ворначевъ Васильевъ сынъ.

При род.сл. росписи Казнаковыхъ, столб. родосл. № 85 склейки 6—7.

¹⁾ Въ рки.: *еси.*

²⁾ Въ рки.: *Казнакову.*

³⁾ Въ рки.: *Хлудева.*

⁴⁾ Въ рки.: *Михайловъ челоуѣкъ.*

№ 129.—1530 г. января 27.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго **Василія Ивановича Федору да Ивану Болотниковымъ на сельцо Васильевское въ Вяземскомъ у.** —Подтвержденіе этой грамоты **20 сентября 1547 г.**

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи, пожалованъ есми Оетьва да Ивашка Савлуковыхъ дѣтей Болотникова да Оетькова сына Лобанца въ Вяземскомъ уѣздѣ въ Боровой сельцомъ Васильевскимъ з деревнями и съ починки, что было за Иваномъ Даниловымъ сыномъ Моклокова, въ помѣстье со всѣмъ, что къ тому селцу и къ деревнямъ и къ починкомъ потягло. И хто у нихъ въ томъ сельцѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ учнетъ жить людей, и намѣстницы наши вяземскіе и ихъ тиуни тѣхъ ихъ людей не судать ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ полчинымъ, а вѣдають и судять тѣхъ своихъ людей Оетко з братомъ да съ сыномъ сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ ихъ людемъ з городцкими людьми или съ волостными, и намѣстницы наши, ихъ тиуни тѣхъ ихъ людей судать, а Оетко з братомъ да съ сыномъ или ихъ приказчикъ съ ними жъ судать, а присудомъ дѣлятца на-полю. А кому будетъ чего искати на Оеткѣ да на братѣ его на Иванкѣ да на Оетьковѣ сынѣ на Лобанцѣ или на ихъ приказчикѣ, ино ихъ сужю язъ, князь великій, или наши намѣстницы вяземскіе. Писанъ лѣта 7000 трицятьдцать осмаго генварь двадесять седмый день.

А на подлинной грамотѣ назади пишеть:

Князь великій Василей Ивановичъ всеа Русіи.

А подъ тѣмъ пишеть же:

Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи по сей грамотѣ пожаловалъ Лобана Федорова сына Болотникова отца его жеребьемъ въ сельцѣ въ Васильевскомъ и въ деревняхъ и въ починкахъ, сей у него грамоты рушати не велѣлъ никому ничѣмъ, а намѣстникомъ своимъ вяземскимъ и волостелемъ, ихъ тиуномъ велѣлъ ходить о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано. Лѣта 7000 пятьдесятъ шестаго сентября въ двадесатый день. А подписалъ цари и великаго князя діакъ Третьякъ Леонтиевъ.

А у подлинной грамоты вислая печать красная ¹⁾.

При родосл. росписи Болотниковыхъ, родослов. столб. № 157, склейка 6.

¹⁾ Копія за рукоприкладствомъ Ив. Болотникова. „Подлинныя съ епископичюъ Ивашко Кобяковъ.“

№ 130.—1532 г.—Замладная кабала, по коей Григ. Бѣдовъ заложилъ Павлу Бѣдову дор. Коренево Каѣшинскаго уѣзда въ обезпеченіе занятыхъ 15 рублей.

Списокъ з записи слово въ слово.

Се азъ, Григорей Ивановъ сынъ Бѣдовъ, занялъ есьми я у Павла Аїдреева сына Бѣдова пятнатцать рублей денегъ ходячихъ по пяти гривенъ за полтину отъ Николина дни до Николина жъ дни; а въ тѣхъ есьми ему въ денгахъ заложилъ деревню Коренево въ Чюцкой волости з запольки, что за крещенье съ селы дано вѣмчину нашему Ульфу до убіенія ихъ за девять лѣтъ слишкомъ. А за ростъ ему пахати и пошныны со крестьянъ имати со всѣмъ съ тѣмъ по тяглу. А не выкуплю я на тотъ срокъ, ино ся кабала—и купчая грамота во вѣкъ; а пополнки ми донати у дяди Павла конь гнѣтъ да семь овецъ. А ва то у подлинной записи послуси: Ѳедоръ Жерепцовъ, Волокита Тучковъ, Захарей Ушаковъ. А подлинную записъ и закладную и кабалу писалъ Иванъ Павловъ. Лѣта 7040-го году.

А позади пишеть у записи: Си азъ, Григорей, деньги занялъ и ютчину заложилъ и къ сей кабалѣ руку приложилъ. Ѳедоръ Жеребдовъ послухъ руку приложилъ. Язъ, Волокита послухъ, руку приложилъ. Послухъ Захарей Ушаковъ руку приложилъ.

Прм родосл. росписи Бѣдовыхъ, родосл. столб. № 97, склейка 4.

№ 131.—1533 г. мая 18.—Наказъ великаго князя московскаго Василія Ивановича карачевскому намѣстнику Семену Чертову о береженіи отъ крымскихъ татаръ.

Списокъ з грамоты великаго князя Василія Ивановича всеа Руси слово въ слово.

Отъ великаго князя Василія Ивановича всеа Руснѣ въ Карачевъ на мѣстнику нашему Семену Михайловичю Чертову. Писалъ ко мнѣ къ Новгородка ис Сѣверскаго намѣстникъ нашъ князь Иванъ Бардавичъ, а къ нему писалъ изъ Рылска на мѣстникъ нашъ Василей Сергѣевъ то: пришолъ къ нему съ поля рылской казакъ Иванко Хонидъ) съ товарищи, а привелъ съ собою женку колонянку карачевскаго валоу, и та жонка сказывала, что тѣ татарове, которые бѣли въ Карачевѣ) на посадѣ, въ понедѣльникъ на пятой недѣли

¹ Бѣтъ пишеть, Иванъ Колонина?

² Въ ред.: Казачевъ.

по Велицѣ дни встрѣтились с Озовскими татараы ¹⁾ блиско Довца ²⁾ да полонъ отпустили х Крыму и сами воротились с озовцы вмѣстѣ да пошли на наши украинны на карачевскія мѣста. И ты бѣ однолично жилъ бережно, не оплашивая, и сторожи держалъ крѣпки, и люди бы всѣ у тебя были собраны въ городѣ [з] женами и з дѣтьми, и дѣла бы еси нашего берегъ по нашему наказу. А каковы у тебя будутъ вѣсти, и ты бѣ не держалъ безъ вѣсти въ Одоевъ воеводу нашего князя Ивана Михайловича Воротынского съ товарищи и на Бобрискѣ воеводу нашихъ князя Романа Ивановича Одоевского съ товарищя, а меня еси о всемъ безъ вѣсти не держалъ. Писанъ ³⁾ на Москвѣ лѣта 7041 мая въ 18 день. Да велѣлъ есми у тебя быть въ Карачевѣ князь Ивановскимъ людемъ Воротынского, за которыми помѣстья въ Мещоску и въ Козельску, да и ⁴⁾ списокъ есми ихъ помяномъ к тебѣ послалъ, и ты [бѣ] по тому ихъ вмѣстѣ збиралъ, а язъ къ нимъ грамоту свою послалъ же, чтобы у тебя въ Карачевѣ часа того ... ⁵⁾.

А у подлинной грамоты назади пишеть: Въ Корочевѣ намѣснику нашему Семену Михайловичу Чертову.

При родосл. росписи Сергѣевыхъ, кн. Герольд. конт. кз № 241 л. 794.

№ 132. — 1533 г. августа. — Жалованная несудимая грамота великаго князя мословскаго Василія Ивановича Михалю Ильичу Гиневлю на деревни въ Костромскомъ уѣздѣ.

Списокъ з государевы жалованной грамоты слово въ слово.

Мы, великїи государь Василей, Божіею милостию государь всеа Русїи и великїи князь Владимирскїи и Московскїи, Новгородскїи, Псковскїи, Смоленскїи, Тферскїи, Югорскїи, Пермскїи, Ватцкїи, Болгарскїи и иныхъ, государь всеа Русїи и великїи князь, пожаловали есми Михаля Ильина сына Гиневля въ Костромскомъ уѣздѣ въ Троецкой трети своими великаго князя деревнями черными: деревнею Дьяконовымъ, деревнею Полежаевымъ, что сѣли тѣ деревни на лѣсу

¹⁾ Въ рип.: *татара*.

²⁾ Въ рип.: *Довца*.

³⁾ Въ рип.: *писанъ*.

⁴⁾ Въ рип.: *и далъ*.

⁵⁾ Грамота, видимо, не имѣеть окончанія, хотя изъ рукописи этого и не видно.

на Червомъ послѣ писцовъ, а съ тяглыми деревнями съ черными тѣ деревни и волости тянули, да въ Троецкой же волости деревнями черными новыми жъ, что садились на дѣсѣхъ послѣ жъ писцовъ, а съ тяглыми деревнями и съ черными тѣ деревни къ волости не тянули: деревнею Осиновцомъ, деревнею Велейчуковымъ, деревнею Федориковою на рѣчкѣ на Хмѣлевицѣ, деревнею Овинищемъ, деревнею Якуни Еремина, деревнею Сосновскою, деревнею Взглядною на рѣчкѣ на Коршѣ, деревнею Раменскою, деревнею Добрѣйцовымъ, деревнею Яковцевымъ, деревнею Ловковымъ Займищемъ верхъ рѣчки Соты ¹⁾, деревнею Зыбальцовымъ Заболотьемъ, деревнею Хмѣлвицею, деревнею Слудюю на рѣчкѣ на Учѣ, деревнею Будинцовымъ, деревнею Сусоловымъ, деревнею Зарѣчнымъ, пустошью Пенкинской, пустошью Охлябнинымъ—въ помѣстье со всѣмъ, что къ тѣмъ деревнямъ и къ пустошамъ потягло. И хто у него въ тѣхъ деревняхъ и на пустошахъ чаетъ жити людей, и намѣстницы наши востромскіе и волостели и ихъ тиуни тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбоя съ поличнымъ, ни кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ у нихъ не берутъ и не вѣзжаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судить тѣхъ своихъ людей Михаль самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случитъсь судъ смѣсной и (sic) тѣмъ его людямъ з горючими людьми или съ волосными, и намѣстницы наши и волостели и ихъ тиуни тѣхъ его людей судятъ, а Михаль или его приказчикъ съ ними жъ судить, а присудомъ [си] дѣлятъ на-полю. А кому будетъ чего искать на Михаль или на его приказчикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь великві, или мой бояринъ введеный. Писанъ на Москвѣ лѣта 7041-го августа въ день.

Позади у подлинныя грамоты написано:

Великві государь Василей, Божіею милостію государь всеа Русні и великві князь.

Печать вислая на красномъ воску.

При родословной росписи Гиневлевыхъ, столб. родосл. № 118 склейка 2.

№ 133.—1533—1545 гг. — Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Мих. Вас. Верхдеревскому въ кормленіе Шопкова и Войничей.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь великві Иванъ Васильевичъ всеа Русн, пожаловалъ

¹⁾ Въ ркп. *кисоты*.

есми Михаила Васильевича Верхдеревскаго Шепновымъ и Войничъ подь княземъ Михайломъ Троекуровымъ въ кормленія съ правдою, и съ мытомъ, и съ томгою. И вы, всѣ люди тое волости, чтите его и слушайте, онъ васъ вѣдаетъ, и судить, и ходить у васъ по тому, какъ было прешъ сего. А кто по кого взведетъ моего великаго князя пристава, а будутъ оба исцы тое волости, и приставъ мой тѣхъ обохъ исцевъ ставитъ передъ Михайломъ или передъ его тиуномъ. А не поставитъ приставъ мой тѣхъ обохъ исцевъ передъ Михайломъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишент. А которой тѣхъ обохъ исцевъ передъ Михайломъ или передъ его тиуномъ не учнетъ исати или отвѣчати, и язъ, князь великии, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати ¹⁾.

У подлинной грамоты назадъ писать:

Князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Русии.

У подлинной же грамоты печать.

При родословн. росписи Апраксиныхъ-Верхдеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 12.

№ 134.—1533—1547 гг. — Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Александру Мих. Нобянову слободы въ кормленіе.

Списокъ з грамоты великаго князя слово въ слово.

Се язъ, князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Русии, пожаловалъ есми Александра Михайловича [Кобакова] половиною слободы большей Задубо Андреемъ Засѣкинымъ въ кормленье съ [правдою]. И вы, всѣ люди тое слободы, чтите его и слу[шайте, а онъ васъ] вѣдаетъ, и судить, и ходить у васъ о всемъ по [тому, какъ было] напередъ сего. А кто по кого взведетъ моего великаго князя пристава, а будутъ оба истца [тое воло]сти, и приставъ мой тѣхъ обохъ истцовъ ставитъ передъ Александромъ или передъ его тиуномъ; а не поставитъ приставъ мой тѣхъ обохъ истцовъ передъ Александромъ или передъ его тиуномъ, и онъ ѣзду лишент. А которой тѣхъ обохъ истцовъ передъ Александромъ или передъ его тиуномъ не

¹⁾ Списокъ этой недатированной грамоты помѣщенъ при росписи между спискомъ грамоты в. кн. Василія III 7036 г. и спискомъ грамоты в. кн. Ивана IV 25 мая 7053 г., слѣдовательно, какъ надобно полагать, относится къ промежутку времени 1533—1545 гг.

учнеть искати или отвѣчати, и язъ, князь великии, велѣлъ того обвинити и грамоту правую на того дати.

А у подлинной грамоты назади пишеть:

Князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Русіи.

А подлинная великого князя грамота заврасною вислюю печатью.

При родословной росписи Кобяковыхъ, родосл. столб. № 151 склейка 4.

№ 135. — 1534 г. февраля 4.—Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Дм. Бунову мѣха ржевскаго на два года.

Списокъ великого князя в грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Митьку Иванова сына Букова мѣхомъ Ръжевскимъ на два года за окупъ, а брати ему тотъ мѣхъ лѣта 7000 чetyредесять первого да чetyредесять втораго по доходному списку. Писанъ на Москвѣ лѣта 7042-го году еевраля въ 4 день.

А у подлинной грамоты назади пишеть:

Князь великии Иванъ Васильевичъ.

Печать вислая — на воску орель.

При родосл. росписи Буковскихъ, родосл. столб. № 47 склейка 2.

№ 136.—1539 г. іюля 18.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Ивану Іевлеву на помѣстное сельцо Курдани съ деревнями Тульскаго уѣзда.

Се азъ, князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Росіи, пожаловалъ [есми] Ивана Васильева сына Іевлева да его дѣтей Михайлу да Сенку въ Тульскомъ уѣздѣ въ Заупскомъ стану отца его помѣстьемъ сельцомъ Курдаками да деревнями: деревнею Расивымъ, деревнею Нелидовымъ, деревнею Петрищевымъ на рѣкѣ Песочнѣ, деревнею Помогаловымъ, деревнею Жировымъ, деревнею Иваровскою въ помѣстье со всѣмъ, что къ тому селцу и къ деревнямъ потеглось. И хто у нихъ въ томъ селцѣ и въ деревняхъ учнеть жити людей, и наши намѣстники тульскіе и волостели и ихъ тіуни у нихъ тѣхъ людей не судятъ, опречь душегубства и розбоя съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей Иванъ да его дѣти Михалець да Сенка сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ [симѣстной у¹⁾] тѣхъ

¹⁾ Въ ркп. и.

людей з гороцкими ¹⁾ людьми или съ волостелными (sic), а наши на-
мѣсницы тулскіе и волостели и ихъ тѹпы тѣхъ людей судяты, а
Иванъ да его дѣти Михайла да Сенка или прикащикъ съ ними жъ
судяты, а присудамъ дѣляца на-полы. А кому будетъ чего искати на
Иванъ да на его дѣтахъ на Михайлѣ да на Сенкѣ, или на ихъ при-
кащикѣ, иио ихъ сужу язъ, князь великии, или мой бояринъ ввсденый.
Писано ²⁾ на Москвѣ лѣта 7047 году іюля въ 18 день.

А назади у жалованной грамоты пишеть:

Князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Россіи.

Печать на красномъ воску—орелъ двоеглавой.

*При ро'ословной росписи Гевлевыхъ, кн. Герольд. Конт. кз № 241,
л. 345.*

№ 137.—1540 г. ноября.—Писцовая выпись, данная Якову Коло-
тиловскому вологодскими писцами Тим. Карамышевымъ да Ники-
той Милославскимъ на помѣстную деревню Ереминъ починокъ въ
волости Тошнѣ.

Списокъ съ писцовой выписи слово въ слово.

Лѣта 7049 ноября, по великого князя Ивана Васильевича всеа
Русіи наказному сп. и по'окладу боярина князя Ивана Михай-
ловича Шуйского, се азъ, великого князя вологодкой пи[сецъ] Ти-
мофей Андреевичъ Карамышевъ да Мики. Козловъ сынъ Ми-
лославского съ товарищи, отмѣр. помѣстья въ Вологодскомъ
уѣздѣ въ волос. въ Тошнѣ въ Васильевской трети Якову С[и-
до]рову сыну Колотиловского деревню Ереминъ поч[инокъ], а въ ней
три дворы, а людей три челоуѣка, па[шни] дватцать пять чети въ
одномъ полѣ, а въ дву п[ото]му жъ, сѣна сто копенъ, лѣсу пашен-
ного и непашен[ного] на десять чети. Къ сей выписи писецъ Ти-
моф[ей] Андреевичъ печать свою приложилъ.

Да т. въ лицѣ въ строку пишуть:

Нв[ки]га Козловъ Милославского, подьячей Офон. Вразской.

А назади той выписи пишуть:

Подьячей Васюкъ Исаковъ. Подьячей Ивашко Ивтихевъ. Подьячей
Ивашко Леонтъевъ.

*При родосл. росписи Андреевыхъ и Колотиловскихъ, столб.
родосл. № 115, склейка 4.*

¹⁾ Въ рип. *юрмицими*.

²⁾ Въ рип. *писано и*.

№ 138.—1541 г. февраля 14.—Ввозная грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Васюку Баранчеву на село въ Старицкомъ уѣздѣ.

Списокъ з грамоты.

Отъ великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Старицкой уѣздъ в..... помѣстьѣ Маномахова и въ деревни того села всѣмъ крестьяномъ, которые въ томъ помѣстьѣ живутъ. Пожаловаль еси тѣмъ помѣстьемъ Васюка новокрещена Баранчева сына Киятов.....сцовъ, доколѣ писцы наши за нимъ [то помѣ]стьѣ опишуть и измѣреють, и вы бѣ Васюка слушали во всемъ и оброкъ ево платили, чѣмъ васъ изоброчить, и пашню его [пахали], гдѣ собѣ учинять, по сей гр[амотѣ. Писана] на Москвѣ лѣта 7049-го февраля въ 14 день.

А назади пишеть у подлинной гра[моты:]

Князь великїи всеа Росїи.

Печать на черномъ воску.

При родословной росписи Баранчевыхъ, столб. родосл. № 130, склейка 5.

№ 139. — 1541 г.—Дѣловая запись, заключенная между Матвѣешъ и Головой Комсиными о раздѣлѣ ими между собой полюбовно дѣдовскаго имущества и крестьянъ.

Списокъ з дѣловой записи.

Се язъ, Матвѣй Петровъ сынъ Комсина, да язъ, Голава Микулинъ сынъ Комсина, подѣлилися емя послѣ своего дѣда Микулы отчиною, и животомъ, и статки, и людми, и хлѣбомъ житнымъ и стоячимъ, и кобалами хлѣбными и денежными, и всякою мелкою рухледью влѣгною, и повареною, и избною, и всякими суды. Мнѣ ся, Матвѣю, досталось дѣда моего отчины деревня Гайнова да пол-лугу Гайновскаго, да мнѣ жъ ся, Матвѣю, достало людей дѣда моего: Оксенка Осиповъ сынъ Калининскаго, да его сынъ Иванка, да Косикъ Гавреневъ сынъ, да его жена Дашка Носкова дочь, да его жъ дочь Домница. А мнѣ ся, Голоавѣ, досталось отца его отчины деревня Рожнова да пол-лугу Гайновскаго да деревня Зады Гайновскїе съ мыса Гайновскаго да прямо въ Бурдуковскому ручью. Да мнѣ жъ ся, Голоавѣ, достало отца его Микулиныхъ людей Митька Колей да Рудаць Юшка Колины дѣти да Копылова жена Сонька Аеоинна дочь Сколозу-

бова да Вася (sic) Носкова жена. А подѣлились есмя межъ себя по любовно и впредь намъ иново дѣлу не чинити межъ собою. А которой насъ взочнеть иново дѣлѣ, ино на томъ сто рублевъ. А на то послуся: Поздыкъ Луквинъ сынъ Окорокова да Андрей Суята Кузьминъ сынъ Культинъ да Тювяшъ Полукарповъ, (sic) сынъ Черяцова. А дѣловую писалъ Васка Старой Матвѣевъ сынъ; Поповъ лѣта 7000 пятьдесятого году.

А у подлинной вазади пишеть:

Къ сей дѣлавой грамотѣ Матвѣй руку приложилъ. — Поздыкъ послухъ руку приложилъ. — Андрей послухъ руку приложилъ. — Тювяшъ послухъ руку приложилъ.

При родосл. росписи Комсиныхъ, столб. родосл. № 129, склейка 6.

№ 140.—1542 г. февраля.—Грамота велиаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Вас. Вас. Карамышову города Ржевы Пустой въ намѣстничье кормленіе.

Списокъ з грамоты.

Се язъ, князь великїи Иванъ Васильевичъ всеа Руся, пожа[ловаль] есмя Василья Васильевича Карамышева [Ржевою ¹⁾] Пустою въ кормленье подъ княземъ подъ Ивановъ. И вы всѣ люди ржевичи, чтите его и слушайте, а онъ васъ судить, и вѣдаеть, и блюдетъ, и ходитъ по старинѣ, [какъ было прежь] сего. А дана грамота на Москвѣ лѣта семь тысячъ четьредесать девя]того оевраля.

А позади пишеть:

Князь великїи Иванъ Васильевичъ.

У подлинной великого князя грамоты печать выслая на черномъ воску, мата немного ²⁾.

При родосл. росписи Карамышевыхъ, родосл. столб. № 93, склейка 6.

¹⁾ Название мѣстности и дата въ рукописи истреблены и возстановлены по показанію родословной (склейка 1): „а Василью Васильевичу дана жалованная грамота въ кормленіе отъ великого князя Ивана Васильевича на Ржеву Пустую лѣта *десять девятого*“. Хотя и здѣсь дата сохранилась не вполнѣ, цифра десятковъ повреждена, но очевидно, что слѣдуетъ читать *четьредесать девятого*, такъ какъ ни 39, ни 59 года не подойдутъ: въ 7039-мъ Иванъ IV еще не княжилъ, а въ 7059 онъ писался уже съ титуломъ царя.

²⁾ Рукопись очень ветха и съ правой стороны многія слова отгнили.

№ 141.—Около 1543 г. ¹⁾ — Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Ѳеодору Зезевитову Выгозера въ кормленіе.

Се азъ, князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Росіи, пожаловалъ есмь Ѳеодора Тимофеева сына Ивановича Зезевитова въ своей отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ Выгомъ озеромъ [подъ] ²⁾ Ширяемъ Одогуровымъ въ кормленье съ петномъ и съ мытомъ. И вы, всѣ люди тое волости, чтитіе его и слушайте, а онъ васъ вѣдаетъ, и судеть, и ходитъ у васъ о всемъ по тому, какъ было прежь сего.

У подлинной грамоты печать вислая на красномъ воску измята.

Назади пишетъ:

Князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Росіи.

А подъ тѣмъ письмомъ написано было пять строкъ, а розсмотреть немочно потому, что за ветхостію чернила стерлись.

При родосл. росписи Зезевитовыхъ, кн. Герольдм. конт. кз № 241 л. 233.

№ 142.—1543 г. октября 18. — Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича губнымъ старостамъ новгородскаго уѣзда о томъ, чтобы они не вступались у выгозерскихъ волостелей въ душегубныя дѣла.

Отъ великаго князя Ивана Васильевича всеа Росіи въ Нового родской уѣздъ въ Выго озеро и въ Суму и въ Нухю старостамъ губнымъ. Пожаловали есмь Выгомъ-озеромъ Ѳеодора Тимофеева сына Зезевитова, и намъ Ѳеодоръ билъ челомъ, а сказываетъ, что-де вы у нашихъ волостелей у выгозерскихъ вступаетесь въ душегубныя дѣла, и въ полчины, и въ бои, и въ грабежи, и въ иныя во многія въ судныя дѣла, а въ томъ у нашихъ волостелей судъ отънимаете. И вы бѣ, старосты губные, у Ѳеодора въ душегубныя дѣла, и въ полчины, и въ бои, и въ грабежи, и во всякія судныя дѣла не вступались, чтобъ у нашихъ волостелей судъ не терялся, а вѣдали бы есте ³⁾ и обыскивали прямыхъ разбойниковъ чеклыхъ (?) по нашей губной грамотѣ,

¹⁾ Сравн. слѣдующую грамоту № 142.

²⁾ Въ ркн. этого слова нѣтъ. Возстановленъ по аналогіи другихъ подобныхъ грамотъ.

³⁾ Въ ркн.: *осли*.

какова у васъ наша грамота губная, чтобы намъ о томъ Федоръ впредь не билъ челомъ. А учнете ¹⁾ у волостеля нашего въ судныя дѣла вступатися, а онъ на васъ въ томъ доведеть, и вамъ отъ меня быти въ казни и въ продажи. Писана на Москвѣ лѣта 7052 октября въ 18 день.

А назади у подлинной пишеть:

Князь велики всеа Росіи.

А печать за ветхостію отпала.

При родословн. росписи Зезевитовыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241 л. 233.

№ 143. — 1544 г. марта 2. — Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Ив. Іевлеву съ сыновьями на ихъ деревни въ Заупскомъ стану Тульскаго уѣзда.

Списокъ з жалованной грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Росіи, пожаловалъ осми Ивана Васильева сына Іевлева да его дѣтей Михаила да Сенка въ Тулскомъ уѣздѣ въ Заупскомъ стану селцомъ Курдакинымъ да деревнею Памгаловымъ, да деревнею Жировымъ, да деревнею Нелидовымъ, да деревнею Оминскою, да деревнею Петрицовымъ, да деревнею Изоровскою верхъ Молодильны, да деревнею на Сухой Песоченѣ, да починкомъ на рѣкѣ на Песочнѣ, да починкомъ Верховскимъ на Сухой Песочнѣ, да починкомъ Сенки Полянскова, да починкомъ Исачковымъ на рѣкѣ на Расевѣ, да починкомъ Мишкинымъ на отвершку Сухой Песочнѣ, да починкомъ Симоновскимъ, да починкомъ на рѣкѣ на Упѣ въ помѣстье со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому ¹⁾ въ сельцѣ и къ деревнямъ и къ починкамъ истари потяглось. И хто у нихъ въ томъ сельцѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ учнутъ жати людей, и намѣсницы наши тулскіе и волостели [и] ихъ тіуни тѣхъ его людей не судятъ ни въ чемъ, oprичъ душегубства и розбоа съ поличнымъ: вѣдають и судятъ Иванъ и его дѣти, или прикащикъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ его людемъ з городецкими людьми или съ волостными, и намѣсницы наши тулскіе, и волостели, и ихъ тіуни тѣхъ его людей судятъ, а Иванъ ²⁾ з дѣтьми или ихъ прикащикъ съ

¹⁾ Въ ркп.: *учните*.

²⁾ Въ ркп. нм. „къ тому“ стоять *ему*.

³⁾ Въ ркп.: *у Ивана*.

ими же судять, а присудомъ дѣлятца на-полю. А кому ¹⁾ будетъ чего всвати на Иванѣ и на его дѣтехъ, или на ихъ прикащивахъ, ино ихъ сужу азъ, князь великии, или мой бояринъ введеной. Писано на Москвѣ лѣта 7052 году марта въ 2 день.

А назади у жалованной грамоты подпись:

Князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Русіи.

Печать на красномъ воску—орелъ двоеглавой.

При родосл. росписи Левлевыхъ, кн. Герольдм. конт. къ № 241, л. 345 обор.—346.

№ 144.—1544 г. апрѣля 11. — Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Истома Сухотину съ сыновьями на помѣстья ихъ въ Тульскомъ, Боровскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ.

Списокъ великаго князя з грамоты слово въ слово.

Се азъ, князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Истому Васильева сына Сухотина да его дѣтей Гришку, да Федоска Сеита, да Третьячка, да Митьку, что ми били челомъ о томъ, что у нихъ было наше жалованье, грамота помѣсная ²⁾ да згорѣло въ городѣ на Тулѣ; и намъ бы ихъ пожаловать, дати имъ на то ихъ помѣстье новою грамоту жалованную. И азъ, князь великии Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, Истому Васильева сына Сухотина да его дѣтей Гришка, да Федоска Сеита, да Третьячка, да Митьку пожаловалъ старымъ ихъ помѣстьемъ въ Тульскомъ уѣздѣ въ Нюховскомъ стану селомъ Манушкинымъ да того жъ села деревнями: деревнею на Рождественскомъ селищѣ, деревнею на рѣчкѣ на Рыбениѣ, что была за Лепуномъ за Останинымъ сыномъ Каменева, деревнею верхъ рѣчке Рыбенке, починкомъ Жиравлевымъ, починкомъ Филатковымъ, да въ волости въ Колодѣи деревнею на Дубенскихъ колодезѣхъ, что была за Юшкомъ за Семеновымъ сыномъ Кутѣпова, деревнею на рѣчкѣ на Вѣинѣ, что была за Копыломъ за Семеновымъ сыномъ Остапова, починкомъ Олфера Бушмина, что сталъ послѣ писма,—да въ Боровскомъ уѣздѣ въ Щитовѣ старымъ же ихъ помѣстьемъ деревнею Русановымъ, деревнею Скольковымъ, что въ ней же припущена, да въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Каненскомъ стану полупустошью Кишкинскую да полупустошью Толстиковымъ, полудеревнею Агѣевымъ,

¹⁾ Въ ркп.: *какъ* (ви. кому)

²⁾ Въ ркп.: *помѣстная*.

да въ Каменскомъ же стапу полуслободкою Семеновскою въ помѣстье со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу и къ деревнямъ и къ починкомъ истари потягло. И хто у нихъ въ томъ селѣ и въ деревняхъ и въ починкахъ учнетъ жита людей, и наши намѣсники тульскіе и коломенскіе и боровскіе, и волостели, и ихъ тіуни тѣхъ ихъ людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, а вѣдаютъ и судятъ тѣхъ своихъ людей Истома з дѣтми сами во всемъ, или кому прикажутъ. А случитца судъ смѣсной и (sic) тѣмъ ихъ людемъ зъ городскими людьми или съ волостными, и намѣсники наши и волостели и ихъ тіуни тѣхъ ихъ людей судятъ, а Истома з дѣтми, или ихъ прикащикъ, съ ними жъ судятъ, а присудомъ дѣлатца на-полю. А кому будетъ чего искати на Истомѣ и на его дѣтхъ, или на ихъ прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь великїи, или мой бояринъ введенной. Писанъ на Москвѣ лѣта 7052-го апрѣля въ 11 день.

А у подлинной великого князя Ивана Васильевича всеа Русїи грамоты вислая красная печать приложена.

При родословной росписи Сухотинныхъ, родосл. столб. № 92 склейка 9. Копія съ этой копїи въ кн. Герольдм. конторы кз № 241 лл. 779—780.

№ 145.—1545 г. мая 25.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Мих. Вас. Верхдеревскому на село Озерецкое въ Перевицну Рязанскаго уѣзда.

Списокъ съ подлинной грамоты слово въ слово.

Се язъ, князь велики Иванъ Васильевичъ всеа Русїи, пожаловалъ есми Михайла Васильевича Верхдеревскаго въ Рязанскомъ уѣздѣ въ Перевицкѣ селомъ Озерецкимъ въ помѣстье з бортными угодан, и съ рыбными ловлями, и со всѣми угоды, что къ тому селу истари потягло. И хто у него въ томъ селѣ учнетъ жита людей, и наши намѣсники перевицкіе и ихъ тіуни тѣхъ ево людей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и розбою съ поличнымъ, а вѣдаетъ и судитъ тѣхъ своихъ людей Михайло самъ во всемъ, или кому прикажетъ. А случитца судъ смѣстной тѣмъ его людемъ з городскими людьми или съ волостными, и наши намѣсники перевицкіе и ихъ тіуни тѣхъ ево людей судятъ, а Михайло или ево прикащикъ съ ними жъ судитъ, а присудомъ дѣлатца на-полю. А кому будетъ чего искати на Михайлѣ или на его прикащикѣ, ино ихъ сужу язъ, князь великїи, или мой бояринъ введенной. А оброкъ Михайлу съ того села

и съ ухажьевъ и со всѣхъ угодей платити на мой Дворецъ по книгамъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7053 мая въ 25 день.

У подлинной назадъ писать:

Князь великїи Иванъ Васильевичъ всеа Русїи.

У подлинной жа грамоты печать.

При родосл. росписи Апраксїныхъ-Вердеревскихъ, столб. родосл. № 160 склейка 12.

№ 146.—1545 г. октября 16.—Жалованная несудимая грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича Васюку да Ивану Карандашевымъ на галицїи ихъ деревни.

Списокъ з грамоты.

Се азъ, князь великїи Иванъ Васильевичъ всеа Росїи, пожаловалъ есмїи Восука да Иванка Ивановыхъ дѣтей Корондашева, что мнѣ были челомъ, а сказываютъ, что-де у нихъ въ Галицкомъ уѣздѣ въ Тушебинѣ стану и въ Кваликинской волости въ Бушневѣ, и въ Глузуновской волости деревни: деревня Ваганово, деревня Круглышово, деревня Вислоухово, починокъ Косоноговъ, деревня Доръ, починокъ Подара, деревня Доръ (sic), починокъ Лабось, и на тѣ-де деревни и на починки была у нихъ отца нашего великаго князя Васильева жалованная грамота отъ намѣсниковъ несудимая, и тое-де у нихъ грамоту взяли казанскїе татарова и деревни-де ихъ воевали и въ полонъ понмали. А что-де осталось въ ихъ деревняхъ достальныхъ крестьяншекъ, и тѣхъ-де ихъ крестьянъ наши намѣсники продаютъ, и они де бѣжать розно. И мнѣ бѣ ихъ пожаловати, дать имъ своя грамота жалованная отъ намѣсниковъ несудимая. И азъ, князь великїи, Васильи да Ивана Карандашевыхъ пожаловалъ—далъ есмїи имъ сю грамоту жалованную несудимую. И хто у нихъ въ тѣхъ деревняхъ и въ починкахъ учнутъ жить людей и крестьянъ, и наши намѣсники галицїе и ихъ тиуни и мои великаго князя тиуни Василья да Ивана и тѣхъ ихъ людей крестьянъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ полячнымъ, и кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ, и не всплаютъ къ нимъ ни по что, а вѣдаютъ и судятъ своихъ людей и крестьянъ Василей да Иванъ сами во всемъ, или кому приважутъ. А кому будетъ до Василья и до Ивана и до ихъ людей и до крестьянъ каково дѣло, ино ихъ сужу азъ, князь великїи, или мой бояринъ введетой. Дана грамота на Москвѣ лѣта 7054-го году октября въ 16 день.

А у подлинной грамоты писать:

Князь великій Иванъ Васильевичъ всеа Росіи.

Въ концѣ у грамоты печать приложена вислая на красномъ воску.

*При родословной росписи Свиныхъ, км. Геральдм. контт.
кз № 241 лл. 721 обор.—722.*

№ 147.— 1546 г.—Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича о пожалованіи Никитѣ Карамышеву новгородскаго города Курска въ кормленіе.—Подтвержденіе этой грамоты въ 1548 и 1549 гг.

Списокъ з грамоты.

Се язъ, князь великїи Иванъ Васильевичъ всеа Русїи, пожаловалъ есмь Микиту Ѳедоровича Карамышева въ [своей] отчинѣ въ Великомъ Новѣгородѣ городомъ Курскомъ подъ ево Михайломъ въ кормленіе и съ мытомъ и съ пятномъ. [И вы, всѣ] люди того города, чтите его и слуш[айте, а онъ васъ] вѣдаетъ, и судить, и ходитъ у васъ во ¹⁾ всемъ по тому, какъ прежь сего было.

[А поза]ди пишеть: Князь великїи Иванъ Васильевичъ.

На той же грамотѣ написано:

Князь великїи Иванъ [Василь]евичъ всеа Русїи по сей грамотѣ пожаловалъ Микиту [Ѳедоро]вича Карамышева, перепустилъ ему городъ Курескъ на др[угой] годъ сряду до Николина дни осеннего лѣта 7056. [А подпи]салъ великаго князя дїакъ Бода смнъ Карачовъ ²⁾).

На той же грамотѣ [пишеть]:

Царь и великїи князь Иванъ Васильевичъ всеа Русїи по сей грамотѣ пожаловалъ Никиту Ѳедоровича Карамышева, перепустилъ городъ Курескъ сряду на третей годъ до Николина дни осеннего лѣта 7000 пятьдесятъ седьмаго. А подписалъ дїакъ Иванъ Елизаровъ смнъ Цыплетевъ.

Печать вислая на красномъ воску, помята ³⁾).

При родосл. росписи Карамышевыхъ. родосл. столб. № 93, склейка 6.

¹⁾ Вмѣсто обычнаго о (о всемъ).

²⁾ Вѣроятно, Карачаровъ. Имя и фамилія дьяка написаны по скобленному иѣсту; отчества не хватаетъ: рукопись въ этомъ иѣстѣ выгнила.

³⁾ Рукопись очень ветха и многія слова съ правой стороны отгнили.

№ 148.—1546 г. —Грамота великаго князя московскаго Ивана IV Васильевича курскимъ торговымъ людямъ о томъ, чтобъ впредь они не уклонялись отъ платежа мыта курскому намѣстнику Карамышеву.

Списокъ з грамоты слово въ слово.

Отъ великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи въ Русу намѣстникамъ нашимъ князю Ивану Юрьевичу Р своему ¹⁾ да князю Юрью Андреевичю Оболенскому. Билъ намъ челомъ намѣстникъ нашъ съ Курска Микита Ѳедоровъ сынъ Карамышевъ о томъ, что за нимъ наше жалованье городъ Курескъ ²⁾ съ мытомъ, и нынѣ-деи торговые люди ѣздятъ съ товаромъ торговати, что-деи вы ѣдите изъ своихъ городовъ съ товаромъ, а мыть-деи курской, которой по (sic) Щербовѣ, объѣзжаютъ пасу (sic), а нынѣ-деи объѣзжаютъ . . . ходъ, а нынѣ-деи пробиваютца сильно, а Микитинымъ мытчиномъ мытная пошлины не платятъ, и въ томъ у него наше жалованье, мытная пошлина, теряетца. И вы бѣ, торговые люди, ѣздили на курской мытъ на Щербовской прямо по старинѣ и мытную пошлину Микитинымъ мытчиномъ платили. А которые васъ торговые люди поѣдутъ на тѣ объѣзды, и вы бѣ на тѣхъ объѣздѣхъ Микитинымъ мытчиномъ мытъ платили по тому жѣ, какъ на Щербовскомъ мыту, чтобъ у намѣстника нашего мытная пошлина не терялося; а будетъ ³⁾ изъ васъ, торговые люди, пошлины не заплататъ, или изъ нихъ проѣдутъ сильно, и изъ за тѣми велѣлъ ѣдити Микитинымъ мытчиномъ въ Русу, а въ Русѣ на нихъ намѣстники наши доправливати мытъ и проторѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7054-го.

Назадѣ у подлинной грамоты пишеть:

Князь великїи всеа Руси.

Печать у подлинной грамоты на черномъ воску, помята немного.

При родословн. росписи Карамышевыхъ, родосл. столб. № 93 склѣпки 14—15.

¹⁾ Вѣроятно, *Ромодановскому*: въ это время въ этой фамиліи былъ какъ разъ кн. Иванъ Юрьевичъ. *Кн. Долгоруковъ*, *Дворянск. родосл. книга*, ч. II, стр. 49, № 15.

²⁾ Пригородъ новгородскїи. См. также грамоту № 147.

³⁾ Здѣсь, вѣроятно, пропущено слово *кто* или *которые*, хотя изъ ркп. этого и не видно.

А. У. Яцимирскій.

ПОСЛАНІЕ ИВАНА БѢГИЧЕВА

○

ВИДИМОМЪ ОБРАЗЪ БОЖІЕМЪ.

~~~~~

По рѣш. ХУП вѣка собранія А. И. Яцимирскаго.

А. У. Яцимирскій.

ПОСЛАНІЕ ИВАНА БѢГИЧЕВА

○

ВИДИМОМЪ ОБРАЗЪ БОЖІЕМЪ.

~~~~~

По реч. XVII вѣка собранія А. И. Яцимирскаго.

Печатано подъ наблюдениемъ А. И. Яцимирскаго.

Послание Ивана Вѣгичева открыто въ одномъ изъ Сборниковъ нашего собранія ¹ и представляетъ собой интересный и до сихъ поръ неизвѣстный памятникъ полемической литературы.

Поводомъ къ написанію Посланія послужило слѣдующее обстоятельство. Иванъ Вѣгичевъ, авторъ Посланія, во время охоты бесѣдовалъ на религиозную тему съ неизвѣстнымъ покуда для насъ лицомъ, къ которому впоследствии и было написано Посланіе. Собесѣдникъ Вѣгичева между прочимъ говорилъ, что, когда Господь сообщалъ Моисею законъ, то Самъ сошелъ на гору и бесѣдовалъ съ пророкомъ лицомъ-къ-лицу „и показа ему Господь задняя Своя“,—при чемъ понималъ объ послѣдніа слова Библіи буквально. Тогда Вѣгичевъ — по его собственнымъ словамъ—„дерзнулъ прекословіемъ пресѣщи глаголи, своего собесѣдника и высказалъ мысль, что слова эти слѣдуетъ толковать иносказательно, такъ какъ — понимая ихъ буквально — слѣдуетъ говорить о воплощеніи Бога въ видимый образъ; а скорѣе всего это былъ посланный Богомъ ангель. Такое объясненіе не понравилось собесѣднику и онъ сталъ обвинять Вѣгичева предъ другими и уже мочно въ уклоненіи отъ православія. Чтобы освободиться „отъ нахождения брани и клеветы“, Вѣгичевъ пишетъ своему бывшему собесѣднику Посланіе, гдѣ примѣрами и текстами изъ Св. Писанія и выдержками изъ твореній св. отцевъ доказываетъ свою правоту, развиваетъ высказанную во время бесѣды мысль свою дальше и даже отрицаетъ возможность того, что Богъ когда-нибудь принималъ видимый образъ.

Такимъ образомъ, интересенъ уже самъ по себѣ тотъ фактъ что между двумя свѣтскими лицами, во время охоты, возникаетъ споръ на религиозной почвѣ и въ немъ затрагивается чисто-догматическій вопросъ, разрѣшаемый неодинаково даже авторитетами, и что споръ этотъ имѣлъ по себѣ важныя послѣдствія; дѣло въ томъ, что въ од-

¹ Рукопись изъ собранія *А. И. Язымирского*, по изв. катал. № 88. Приобрѣтена въ Москвѣ. Описание рукописи ниже.

Трудно рѣшить, былъ ли одинъ изъ семи приведенныхъ въ на-
 листъ списокъ лицъ авторомъ Посланія, но одинъ намекъ въ самомъ
 Посланіи даетъ возможность предположить, что авторомъ Посланія
 могъ быть Иванъ Кузьмичъ Бѣгичевъ. А именно, въ Посланіи Бѣги-
 чевъ говоря, что его теперь безстыдно поносятъ и клеветаютъ на него
 за правду, вспоминаетъ о какой-то ссорѣ своей съ собесѣдникомъ,
 которому Посланіе и было написано: „Преже, государь, сего — гово-
 рить онъ — во оны нѣкія мимошедшая времена, отъ нынѣ уже даль-
 шаго растоянія, егда многая моя неистовства и досады обрѣтены быша
 предъ тобою, и въ той часъ достоинъ быхъ азъ всякаго злаго мздо-
 веданія пріяти отъ тебе; и тогда таковаго оклеветанія не яви на мя,
 каковую нынѣ уста твоя умножаютъ злобу и языкъ твой сплетаютъ
 на мя лести. Тогда же ничто возможно ми было отвѣщевати протѣву
 тебе или чимъ оправдаться, неукорства своего ради и скудоумнаго
 бесловства и дерзости“¹². Въ то же время извѣстно, что въ 1620 г.
 Иванъ Кузьмичъ Бѣгичевъ указанъ былъ въ Холопѣй приказѣ въ то-
 варищахъ съ Семеномъ Михайловичемъ Колтовскимъ, но онъ билъ
 челомъ, „что ему Семена Колтовскаго менши быти не мочно“. Кол-
 товскій жаловался на Бѣгичева, обвиняя его въ безчестьи. За это
 бѣсѣре приговорили Бѣгичева посадить въ тюрьму, а выйдя оттуда быть
 по прежнему государеву указу въ Холопѣй приказѣ¹³.

Нѣкоторыя указанія могла бы дать фамилія адресата Посланія,
 но Бѣгичевъ его нигдѣ не называетъ по имени и только изъ отдѣль-
 ныхъ выраженій можно заключить, что Бѣгичевъ былъ подчиненнымъ
 своего собесѣдника, хотя къ подобнымъ выраженіямъ слѣдуетъ отно-
 саться осторожно, въ виду того что многія изъ нихъ — общія мѣста,
 общія въ такихъ литературныхъ произведеніяхъ. Одно только есть
 прямое указаніе въ Посланіи, а именно, говорится, что собесѣднику
 принадлежала вотчина, носившая названіе „Черная Грязь“¹⁴. Несом-
 нѣнно всѣ эти данныя могутъ дать рѣшеніе вопросу о личности со-
 бесѣдника Бѣгичева.

Второй вопросъ — время написанія Посланія, которое есть осно-
 ваніе отнести въ XVII вѣку, и скорѣе всего ко второй его четверти.
 Во первыхъ — рукопись, въ которой издаваемое Посланіе открыто,
 середины XVII вѣка; слѣдовательно написано оно не позже этого вре-

¹² Рукопись собр. А. И. Личинскаго, инв. кат. № 38, л. 149 и об.

¹³ Книги Разрядныя, т. I, стр. 727—728.

¹⁴ Рукопись тамъ же № 38, л. 152. Съ такимъ названіемъ существуетъ
 много мѣстностей и селъ въ Московской губ., Смоленской и др.

меня. Во вторых—всѣ лица, носящія имя и фамилію автора Посланія, фигурируютъ во второй четверти XVII вѣка. Въ третьихъ—въ Посланіи два раза упоминается „столбникъ“ адресата, нѣкто Никифоръ Воейковъ съ товарищи; повидимому это указаніе самое дѣльное. О немъ мы находимъ такіа свѣдѣнія. Никифоръ Прокофьевичъ, сынъ стародубскаго воеводы (1617 г.) Прокофія Семеновича Воейкова, началъ свою службу при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ и въ Разрядныхъ запискахъ значится стольникомъ. Онъ ходилъ съ царемъ въ село Суково, а въ 1644 г. былъ, повидимому, во Владимирѣ и Ильинвахѣ. Въ 1684 г. онъ былъ воеводой на Корачѣ, а въ литовскомъ походѣ былъ головой въ грилецкихъ сотняхъ государева полка ¹⁵. Наконецъ, есть на то же и косвенныя указанія въ самомъ текстѣ Посланія, напримѣръ, слѣдующія слова: „и всѣ вы кромѣ баснословныя пошести, глаголемыя еже о *Божь Королевичь*, и мящихся вами душеполезныя быти, иже изложено есть отъ младенецъ, иже *О курь и О лисицъ* и о прочихъ иныхъ таковыхъ же баснословныхъ повѣстей и *смьхотворныхъ писмъ*,—божественныхъ книгъ и богословныхъ дохматъ никакихъ не читали ¹⁶. Несомнѣнно, только въ XVII вѣкѣ можно было говорить объ этихъ литературныхъ произведеніяхъ, какъ о чемъ то хорошо извѣстномъ и употреблять заглавія ихъ, какъ нарицательныя несерьезнаго чтенія. Правда, съ перваго взгляда другія слова въ самомъ же Посланіи могутъ нѣсколько поколебать нашъ взглядъ на время написанія Посланія и отнести его къ болѣе раннему времени. А именно, говоря объ ересяхъ, Бѣгичевъ упоминаетъ ересь жидовствующихъ и называетъ ее „ново-явльшейся“; но слѣдуетъ припомнить, что съ такимъ же опредѣленіемъ она встрѣчается въ словахъ Іосифа Волоцкаго, по которымъ ересь главнымъ образомъ и была извѣстна; къ тому же Бѣгичевъ только противопоставляетъ ее ересямъ первыхъ временъ. Еще одно косвенное указаніе на время написанія Посланія могутъ дать слѣдующія слова его: „изволи возрѣти и узрѣвъ прочести и благоразсудивъ истолковать отъ начала и до конца вкратцѣ себѣ наединѣ покойнѣ мѣстѣ, *во время благодолучно*“ ¹⁷. Возможно, что въ то время, когда Бѣгичевъ писалъ посланіе, происходили какія-нибудь военныя дѣйствія и собесѣдникъ его участвовалъ въ нихъ. Конечно, и такой намекъ можетъ дать какое-нибудь указаніе при болѣе тщательномъ изученіи этого новаго литературнаго памятника.

¹⁵ Матеріалы для исторіи рода Воейковыхъ, Моск. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, отдѣльн. папка.

¹⁶ Рукопись тамъ же, № 38, лл. 156 и об.

¹⁷ Тамъ же, а. 150.

Въ Посланіи своемъ Бѣгичевъ приводитъ сравнительно богатую литературу по одному только весьма спеціальному вопросу, при чемъ проверка нѣкоторыхъ изъ приводимыхъ имъ свидѣтельствъ съ подлинными показала, что онъ пользовался первоисточниками, но излагаетъ по большей части своими словами, сжато и всегда удачно. Интересно, что выраженіе Библии, разъясняемое Бѣгичевымъ въ Посланіи, толкуется по большей части прообразовательно; такимъ образомъ, и это обстоятельство говорить въ пользу автора. Это выраженіе въ нынѣшнихъ текстахъ Библии читается такъ: ¹⁸ „Егда же преидеть слава Моя... и отину руку Мою, и тогда оузриши задняя Моя: лице же Мое не явится тебѣ“ (Исх. XXXIII, 23). Преп. Ефремъ Сиринъ такъ толкуетъ эти слова: „Симъ инносказательно предвозвѣщается, что Церковь даго будетъ рукоположеніе священства. И узриши задняя Моя. Здѣсь говорится о вочеловѣченіи Еммануила и возвѣщается лицезрѣніе Того, Кто по божескому естеству Своему невидимъ“ ¹⁹. Одинъ изъ русскихъ толкователей такъ понимаетъ эти слова: ²⁰ „Если Моисею позволено увидѣть имѣющаго явиться въ чувственномъ образѣ Господа сзади, въ тѣль, это значить, что блескъ славы Божіей, ослѣпительный и убійственный для зрителя, сосредоточенъ будетъ собственно въ передней или лицевой части этого образа, особенно въ очахъ Его; въ задней же сторонѣ блескъ этотъ будетъ довольно умѣреннымъ, такъ что Моисею можно будетъ безопасно взирать на Него“ ²¹.

¹⁸ *Gezenius* переводитъ это существ. *der hintere Theil. D. Wilhelm Gezenius. Hebräisch-deutsches Handwörterbuch. Leipzig. 1810. t. I, p. 23; revidiora mea—Вулгата.*

¹⁹ Творенія преп. Ефрема Сирина, въ русск. переводѣ, ч. 6-я. М. 1888 г., изд. 3-е, стр. 506.

²⁰ *Нечаевъ Василій прот.* Толкованіе на Пареміи. М. 1876 г., стр. 335.

²¹ Изъ западныхъ толкователей отиѣтитъ слѣдующихъ. *Salen* понимаетъ эти слова какъ тропъ, такъ какъ, говоря о безконечномъ, абсолютномъ, духовномъ, стараются сохранить тѣ термины, которыя относятся къ предметамъ вещнымъ, матеріальнымъ. Этотъ видъ тропа,—говоритъ онъ,—которымъ метафора часто пользуется, бросаетъ на эту науку нѣкоторую тѣнь, которую встрѣчаютъ даже въ сочиненіяхъ нашихъ современниковъ, писавшихъ на нашемъ родномъ языкѣ; насколько же темнѣе должна быть эта темнота, когда писатель употребляетъ нарѣчіе, которое было жертвнымъ семь вѣковъ до нашей эры и гримасина котораго не взождать далѣе вѣка Карла Великаго. Поэтому, мы надолго предоставляемъ свободу размысливать въ этой фразѣ метафорическій смыслъ. Ученникъ Бапта можетъ видѣть здѣсь невозможность, устанавливающую его учителя, относительно познанія Бога, именно невозможность доказать его

Такого же мнѣнія Бѣгичевъ и относительно другихъ словъ Библии. А именно, онъ высказываетъ своему противнику такую мысль: если съ Моисеемъ говорили ангелы, то тѣ же ангелы говорили и съ Авраамомъ, когда Господь явился ему въ трехъ лицахъ у Мамврійскаго дуба. Бѣгичевъ говоритъ, что тайна словъ этихъ велика и понимать ихъ онъ можетъ только вѣрою, такъ какъ понимая ихъ буквально выходитъ, что Господь сошелъ съ небесъ и воплотился. Интересно опять, что и этотъ вопросъ рѣшался богословами неодинаково. Такъ св. Амвросій говоритъ, что Аврааму явились всѣ три лица пресв. Троицы ²¹; св. Августинъ не сомнѣвается, что то были три сотворенные ангела, въ которыхъ Богъ былъ познанъ только какъ въ Своихъ пророкахъ; св. Иустинъ, Иринеи, Тертуллианъ и Іоаннъ Златоустъ признаютъ въ числѣ трехъ странниковъ — двухъ ангеловъ сотворенныхъ и второе Лице пресв. Троицы ²². Бѣгичевъ говоритъ далѣе, что еретики дерзнули „реши, яко со двема ангеломъ явися Богъ Аврааму“, а за такое суетное прокляты и навекомъ преданы были. Очевидно, онъ здѣсь указываетъ на жидовствующихъ, отвергавшихъ троицность Божества, а правильный взглядъ беретъ у Іосифа Волоцкаго, посвятившаго первую главу Просвѣтителя всестороннему разсмотрѣнію этого библейскаго разсказа.

Въ заключеніе приводимъ описаніе рукописи, въ которой Посланіе это нами открыто.

существованіе а ргіогі. Намъ кажется вѣроятнымъ, что священный писатель не рассчитывалъ на такую тонкость. Розенмюллеръ находитъ аналогичную мысль у Гомера. Поэтъ заставляетъ говорить Аякса: „Я позналъ бога (Нептуна) по слѣдамъ его ногъ; боговъ очень легко распознать“ (*S. Caſten. Cours de lecture hébraïque, Paris. 1815, p. 157*). Авторъ „Священной Исторіи“ *Reuss* объясняетъ эти слова также въ переносномъ смыслѣ. „Отвѣты сводятся вотъ къ чему: для Моихъ возлюбленныхъ Я дѣлаю все, что могу. Я поставлю мою красоту (т. е. то, что человѣкъ можетъ видѣть изъ божескаго), и въ то же время Я произнесу мое имя, чтобы ты зналъ, что это Я нахожусь близъ тебя. Смертный не видитъ лица Божія (т. е. существа въ самомъ себѣ); онъ видитъ его только *сзадѣ* (т. е. по его дѣланію, по всѣмъ его проявленіямъ, именно, способомъ не прямымъ, а посредственнымъ)... Въ остальномъ то, что здѣсь называется *лицомъ* (личностью) Бога, въ другомъ отношеніи было названо проявленіемъ (а не ангеломъ). *Edmond Reuss. L'Histoire Sainte et la Loi t. II. Paris. 1879, p. 92, nota 2.*

²¹ De Abraham. libr. I, c. 5.

²² *Филарета архіеп.* Записки. 1867 г., стр. 120—121.

Сборникъ середины XVII вѣна, въ четверку (21×16 смм.), на 272 листахъ, писанный скорописью, по 17-ти строкъ на страницѣ.

Оставъ Сборника: 1) Полемическій трактатъ противъ лютеранъ. Заглавіе въ ркиси: „Избрано отъ многихъ божественныхъ писаніихъ о неудобь-познаваемыхъ въ нихъ лежащихъ вещехъ, о нихъже нынѣ предъявлено да скажемъ“ (л. 1).

Нач. Кто бѣ ми бесѣда и стязаніе о словеси, проповѣднице Мартиновы вѣры. Вопрошаю тя азъ, ты же ми отвѣщай: единова-ли Господь Богъ нашъ Исусъ Христосъ снѣде на землю...

Православный задаетъ лютеранину рядъ вопросовъ, предупреждая отвѣты опроверженіемъ тѣхъ доводовъ, которыми лютеранинъ могъ бы защищаться. Затѣмъ, изложивъ вкратцѣ папское ученіе объ индульгенціяхъ и исторію жизни Лютера, авторъ излагаетъ основные взгляды лютеранъ и разбиваетъ ихъ. Говоря въ концѣ трактата о почитаніи святыхъ и мощей ихъ, авторъ приводитъ въ свидѣтельство болѣе чтимыхъ русскихъ святителей Москвы, Новгорода, Ярославля и Казани. Кромѣ книгъ Св. Писанія, авторъ ссылается на Многосложный Свитокъ (л. 25 об.) и греческую Хронику; между прочимъ въ трактатѣ говорится, что православные молятся „прежде за царя, потомъ за патриарха“ (л. 5).

2) Толкованіе I гл. Евангелія отъ Іоанна (стт. 1—17) (л. 32).

Нач. Здѣ убо евангелистъ предвозвѣщаетъ сыновне предвѣчное божество, яко искони прежде міра не бысть Сынъ и Слово Божіе...

3) Степени родства (л. 41), въ кружкахъ, безъ собственныхъ именъ; уришика болѣе поздняя.

4) Грамоты восточныхъ патриарховъ—Ѳеофана Іерусалимскаго и Герасима Александрійскаго—, присланныя въ Московскому патриарху Филарету по поводу Собора о исправленіи иноческаго Требнѣва (л. 42). Предъ грамотами—разсказъ о пребываніи патр. Ѳеофана (въ ркиси Ѳеофила) въ Москвѣ и бесѣда его съ патр. Филаретомъ, въ 1620 г.

Макарій митр. Исторія русской Церкви, т. XI, стр. 10—19.

5) Собраніе астрономическихъ и метеорологическихъ статей (л. 58): о поновленіи индикта, „о громогласнѣ шибаніи“²⁴, „о громѣхъ и о молніяхъ“ („срящутся облацы и, сотворше сраженіе другъ со дру-

²⁴ „Вгда громъ гремитъ, глаголи сіе“ (л. 65 об.):

„Высокій Царю, ходяй во грому, обладай молніями, прывывай воду моршув и проливай на лице всея земля дождь, о великій и страшный Боже, Силь суди врагу дѣволу“.

VIII

гомъ, гроготъ испущаютъ со огнемъ“), „о денницахъ“ (опровергается мнѣніе, что падающія звѣзды—лукавыя мытарства), „о облачныхъ знаменіяхъ“, „о молніяхъ“, „о созданіи видимомъ“, „о небеси“ (въ концѣ статьи—Премудраго Георгія Писиды Похвала Богу о сотвореніи всея твари), „о широтѣ и долготѣ земли“ (отъ востока до запада—25 темъ стадій, отъ сѣвера до полудня—12 темъ), „о стадіяхъ и о поприщехъ“ (стадій=100 саженьмъ, поприще=750 сажень), „о земномъ устроеніи“ (опровергается мнѣніе, что земля стоитъ на семи столбахъ и носится по водамъ), „о еже колико отстоитъ небо отъ земли“ (365 темъ поприщъ), „о трусѣ“, „о четырехъ стихіяхъ“, „о четырехъ моряхъ“²⁵, „о

²⁶ „О четырехъ моряхъ“ (л. 84):

„Четыре моря суть въ мѣрѣ. Едино убо есть отъ Псоглава и раздѣляется отъ земля тоя и идетъ посредѣ Египта и Вдема, простираетъ же ся и идетъ ко Индіи и раздѣляетъ Индію на полы и востизаетъ даже до овианскія рѣки, обходящія вся земля, и на концы индійскаго моря смѣшается со окияномъ оиѣмъ; на томъ бо мѣстѣ имать окиянъ островъ въ ширинахъ его, нарицаютъ же ся Макмавей, а изъ матицы же ради таковыя вины. Евсевіе пѣкто именешъ многописецъ и многовѣдецъ человекъ видѣвъ острова оны, и восхотѣ поити тамо, яже въ нихъ видѣти, малу ладію сотворивъ отъ костей легкихъ и шведъ внутрь, поплы, еже поити ко островомъ оиѣмъ. Приплы же и приближися тамо, слыша гласы поющая во островехъ и ужасеся отъ гласовъ и отъ гладкихъ пѣній и не возмогъ болѣ тамо поити отъ достоивныхъ оиѣхъ пѣній, яко трепетя возвратився вспять, не возмогъ вйти тамо. Тогда нарече островъ Макаріе Назматини; того же Евсевіа нарекоша плавателя индійскаго, занеже сотвори во индійскихъ странахъ. Сіе же море нарицается Черное, сего ради персть бо черна есть и вода его видится черна; сего ради Черное море наречется; вода же его пѣсть черна, но чиста видѣніемъ подобна есть всякимъ водамъ. Другія же пани Черными наричють, занеже человекъ пѣкій тамо живаше именешъ Черный, и отъ человѣческаго именованія и море Черное наричють; занеже черномсти рыгати, отнюду бо шножайшія ненависти бывають. Въ томъ бо Черномъ морѣ бываетъ бисерь множества и, како бываетъ, слыши. Въ томъ мори суть чашула сврѣчь шивавды и пны наричются; сія убо пны стоятъ на примори на краю Чернаго моря. Кождо имъ имаше уста своя отверста, еже вйти что сиѣдно въ пащу ей, стоящи же той имаше уста отверста. И бывающимъ тамо частымъ и великимъ молніямъ мношцею, якоже преже рѣкомъ, уста ея отверста и виѣщается молніина сила во внутрь шивандъ оиѣхъ, и та убоявшися ратворяетъ чрепны своя и молнія входитъ въ зѣница очесей ея и содѣловается бисерь. И тако бывають бисери, яко же бо сице тамо бывають бисери. Тѣмъ же и Пречистая Марія образомъ преочищена бывши отъ всякія овереры; прашедши бо божественная молнія съ небеси Смызъ и Слово Божіе, виѣщяся ко Пречистую Богородицу Марію, безцѣненъ бисерь отъ нея бысть, о

ошннстей рѣцѣ“ (изъ хожденія Макарія Римскаго), „о теплыхъ водахъ“, „о облакахъ“, „о градѣхъ“, о названіяхъ вѣтровъ.

6) „Посланіе старца Арсенія Троецкаго по написаніи словъ, еже чинѣ имать въ боярскому лицу; таже пишемъ сказая свое дѣло“ (л. 92).

Нач. По государеву приказу и по грамотѣ государевѣ пріѣхавъ въ монастырь, правили книгу Потребникъ, волько нашего худаго разума стало...

Посланіе старца Арсенія Глухого къ боярину Б. М. Салтыкову о исправленіи ичюческаго Требника; издано Д. Скворцовымъ. Діонисій Зобниновскій. Тверь, 1890 г., стр. 421—441.

7) Посланіе Ивана Вѣгичева (л. 149).

8) „О вдовствующихъ попехъ и дьяконехъ, — преподобнаго игумена Іосифа Ламскаго-Волока, самобывшаго на томъ соборѣ, собрано отъ священныхъ правилъ“ (л. 176).

Нач. И отлучаемыхъ и изверженнымъ же быти отъ Церкви отъ сего Собора священникомъ неимущемъ жены; и мнози глаголють, аще вѣщны въ зазорѣ суть, тѣхъ подобаетъ отвреци...

Древняя Россійская Вивлювика, ч. XIV, стр. 206—210; Булажковъ Н. А. Преп. Іосифъ Волоколамскій. СПб. 1865 г., стр. 82—86 и др.

9) „Преніе второе выписано съ книги Дамаскиновы, въ немъже описуется Гаданіе христіянина съ сарацынникомъ или съ магмейтаномъ“ (л. 184).

Нач. Аще бы вопрошенъ былъ отъ сарацынина, кто есть Христосъ, — отвѣщай ему: Слово Божіе; а не мни собѣ, иже бы еси согрѣшилъ, понеже и Словоиъ нарицается въ Писаніи...

За вопросами слѣдуютъ отвѣты, при чемъ иногда дается нѣсколько готовыхъ опроверженій на нѣсколько предполагаемыхъ отвѣтовъ магметанина. Темой для полемики служатъ самыя высокія богословскія истины. Ованчивается трактатъ такими словами: „Сарацынинъ зѣло удивившися и премолеше, отъиде ничесоже прикладаючи тому инаго“.

10) Толкованіе Евангельскаго изреченія: „Въ дому Отца Моего обители многи суть“ (Іоан., гл. XIV, ст. 2).

Нач. Что же и кои обители—есть убо обитель любовна...

11) „Влаженнаго Аѳанасія архіепископа Александрійскаго къ Антиоху князю о многихъ нужныхъ взысканіяхъ, иже во священныхъ

номъ не писано есть: бисера отъ божественныя молнія рождшу и премудръ есть купецъ той, иже отдастъ все елика имать и купитъ самого Христа, истиннаго бисера и довлѣеть о семъ“.

писаниихъ недоумѣнныхъ, должныхъ всѣми православными христіани вѣдомы быти" (л. 192), въ вопросахъ съ отвѣтами.

Нач. Первѣе убо вѣровавшє и крестившєся во святую...

Греч. въ Синод. Моск. Библ. № 114 и др. Владиміръ архим. Системат. Опи́саніе. ч. I. М. 1894 г. стр. 108. Monfalcon. Opp. s-ti Athanasii, t. II, p. 161, Migne. Patrolog. s. g. t. XXVIII, pp. 598—700.

12) „Святаго Генадія патріарха Константина града—О дузѣ небеснѣй, яко подобіе Божіе есть“ (л. 258).

Нач. Дуга есть образъ Божія подобія, якоже въ челоуѣцѣ...

А. Н. Поповъ. Библиографическіе Матеріалы, XV—XIX. Хронографъ Чудова мон-ря, стр. 16—17.

13) „Посланиє Васи́лія архієпископа новгородскаго ко владыкѣ тверскому Фодосію — о раю, въ лѣта 7301-е (т. е. 1345), глава 223 (л. 264 об.).

Нач. Васи́ліе, милостію Божією архієпископъ Великаго Новаграда...

Степенная книга. М. изд. Миллера, стр. 480 и слѣд. Полн. Собр. Лѣтоп. т. VI, стр. 87—89. Макарій митр. Исторія русской Церкви. т. V, стр. 156—158 и др.

Въ концѣ рукописи—записи скорописью XVIII вѣка (л. 272 об.):

Сия внига Кольскаго острога са(л)дата.

Сия внига глаголемая Соборъ на Мартина мниха еретика.

Сия книга Кѣмского городва жителя Гаврила Посникова.

А. И. Яцимирскій.

ПОСЛАНІЕ ИВАНА БЪГИЧЕВА

(по списку изъ Сборника собранія А. И. Яцимирскаго, № 38-й, лл. 149—175).

Многомилостивому государю моему миръ рабъ милости твоей и во вѣки неотступной искатель великого твоего жалованья, падъ лицомъ на землю, много челомъ бьетъ. Много, государь, покушахся о сочиненіи сея полезныя намъ вещи днесъ предложеннаго ти сего писанія, но не вѣдехъ, откуда начати і что сотворю, да паки обрящу благодать твою к себѣ. Егда вспомяну твою, государя моего, прежебывшую премногую милость и благопріятство незлобивое, тогда дерзаю всячески творити, освобожденія раді своего отъ находящия брани і клеветы. Егда же ли вспомяну твой нововоздвигаемый гнѣвъ і бестудное поношеніе і безъ правды еже на мя оклеветаніе, трепетну душу и ужасно сердце имѣю; страхъ бо лють і много обьят мя, да не вонечное зло найпаче получю і паки обрящуся бестуденъ и дерзостивъ; а нынѣ же, смѣя і не смѣя, дерзнухъ к тебѣ, государю своему, писати отъ своего скудоумія малое сие писаніицѣ, елико вразуми і настави мя Богъ избраті отъ многа мало и сочинити і на средѹ привести. И предаю днесъ на воспріятіе честныхъ рукъ твоихъ і волю твоея благодати, дабы ты, государь мой, не возгнушався изволихъ возрети нанъ очима; своима милостивымъ возрениемъ. Аще ли же и гнусно ті будетъ жестосердія раді твоего, то вспомяну сие: якоже небесное солнце во вся смрадная і нечистая мѣста зреть, да гѣмъ не оскверняется, такоже и ты изволи възрѣти и узрѣвъ прочесті и благоразсудне истолковати отъ начала и до конца вератце себѣ на единѣ покойнѣ мѣсте, во время благополучно, и потомъ меня свободиті отъ нововоздвигаемаго гнѣва своего і негодованія и бестуднаго поношенія и безъ правды еже оклеветанія. Преже, государь, сего во оны нѣкія мимошедшая времена, отъ нынѣ уже дальшаго растоянія, егда многая моя неистовства и досады обрѣтены быша предъ тобою, и въ той часъ достоинъ быхъ азъ всякаго злаго извоздьянія пріяті отъ тебе, і тогда таковаго оклеветанія не яви

на мя, каковую нынѣ уста твоя умножаютъ злобу і языкъ твой сплетаютъ на мя лєсть. Тогда же ничто возможно ми было отвещевати противу тебе или чимъ оправдитися, неукорства своего ради и скудоумнаго буюсловства и дерзости, и вмѣсто гнѣва своего самъ азъ совѣсть свою много обличая и конечно зазирая, самъ себе осуждая, нынѣ же ні единой вины своея предъ тобою обрѣтаю. А ты же всегда нынѣ довольно поносиши мя предъ людьми і великъ соблазнъ во мнѣ полагаеши, і не обинуяся ярости своей и не убоявся Бога, возводишь лукавая на душу мою, каковаго лукавства и злодѣянія во мнозехъ древнихъ еретіцехъ искові не обрѣтєся, істиннаго мя и суца і правовѣрна христіянїна и раба Божїя, чисто сердца і искренне любителя, по вѣре же, смѣю рѣщи, і недруга врагомъ Божїимъ. А ты, государь, лѣстцемъ суца мя быті вменяеши, и благодатнаго і непорочнаго закона істинныя нашея христїанскїя вѣры отступника, и во всемъ чужа быті христїанства представляеши, і неповиннаго на смерть душевную и тѣлесную безъ искушенїя і истязанїя не обинуяся осуждаеши, да тѣмъ въ понось і во укоризну единовѣрнымъ братїи моеї предаеши мя и негодование злое і ненависть во вся чловѣки вмѣщаеши і глаголеши на мя языкомъ лѣстивымъ і словеси ненавїстными: обличаеши мя, яко в день нѣкий слышалъ ты отъ меня таковыє богохульныє глаголы, будто я возмогъ тако рѣщи, что Божїе на землю схожденїе і воплощенїе не было, а что ні было, то все дѣйство ангельское. І то, государь, извѣстно Содѣтелю нашему Богу, иже іспытая сердца и утробы і несодѣланная наша видятъ очи Его, потомъ же тобѣ, государю, самому вѣдомо, что я тому невиненъ і таковаго словеси конечно безумїя исполненаго не говаривалъ і ты отъ меня таковыє хулы не слышалъ. И о сеї настоящей напасти внезапно приключившагося зла ей ей воїстинну мятется умъ мой і колеблется помыслъ и зѣло не возмогу достовѣрно іспытати и увѣрити, откуда ми се таковое зло прииде і за какую вину мою тако облыгаеши мя, и конечнаго безумїя исполнена являєши мя, и воздаеши зло за благодѣть мою къ себѣ і ненависть за возлюбленїе мое, і не токмо что единому мнѣ поругаешися, но и самъ клеветникомъ и лжесвидѣтелемъ быті подобїшися. Но о единомъ о семъ помалу доумѣваюся, воспоминаю тогда с тобою азъ шествовахомъ изъ вотчины твоеї зовомыя Черная Грязь на ловъ звѣрескъ, тогда ты изволилъ бесѣдовати со мною на пути и сказоваше ми отъ Бытейскихъ книгъ втораго Исхода, яко егда восхотѣ Богъ дати законъ Моисеовї, и тогда слїде самъ Богъ на гору и бесѣдова со пророкомъ лицемъ к лицу, и показъ ему Богъ задняя своя, — і тогда азъ дерзнухъ прекословїемъ пресѣщи глаголы твоя и

рѣхъ ти: коя нужда Богу бесѣдовати ѣ людемъ и явитися Самому, кромѣ плотскаго смотрення? Возможно бо есть і ангела послати, да тоже сотвориті по воли Его. І развѣе, государь, за едино то, что я дерзнулъ вѣстрѣшно молвить, таковымъ гнѣвомъ своимъ подвигся на мя, а какыя богохульные глаголы возводишь на мя и безъ правды оклеветанъ азъ есмь отъ тебе, и таковаго злоторства и возбѣшенія и во умъ мой никогда не входило, потому что азъ есмь рабъ истиненъ Отца и Сына і Святаго Духа, и чистою душею и не сумѣннымъ сердцемъ исповѣдую единосущную Троицу Бога Отца, Бога Сына, Бога Святаго Духа, не трехъ боговъ, но единаго Бога в трехъ лицахъ, в трехъ іпостасѣхъ, Троицу во еднницы и единицу в Троицѣ, едино божество і едину силу і едину власть и царство и едину волю и едино поклонявіе отъ всея разумныя твари, рекше отъ ангель і правовѣрныхъ человекъ, і исповѣданіе православныя вѣры, преданная намъ святыми отцы святыхъ вселенскихъ седми Соборовъ, чистѣ и непреложно соблюдаю, ничтоже прилагающі или отъемлющі, глаголя сице: Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ—и вся прочая по ряду. А иже в древнихъ лѣтехъ явлено безумныхъ самохвальныхъ богомерзскихъ еретикъ, перваго Ария і Несторія и Сергія і Павла Самосадцѣво и Евтиха и Макѣдонія и Диоскора і потомъ Новгородцкихъ, иже в ныѣшнихъ вѣцехъ возбѣсившихся: Оедька Курицна і протопопа Алексѣя и прочихъ всѣхъ стаибниковъ ихъ, иже мудрѣствовавшихъ безумно и Христа Бога нашего проста человекъа і тварию, а не творцемъ, мнѣша быти и плоть Его бездушну, и рѣша себѣ на погибель, яко вмѣсто души божество во плоті было, и инии же возбѣсившеса и глаго(ла)ша, яко и воплощения не было і плоти не восприя Господь, но яко въ трубу утробою девичею дѣйство Божіе пройде і вмѣсто плоти привидѣніе и мечты мнѣша, и прочая иная богомерская и хульная дѣла ихъ, иконоборжство отъ таковыхъ изъявися,—і таковыхъ всѣхъ, иже преже тѣхъ і с тѣми и по нихъ, со всѣми ихъ вражебными кознями, чисто душею и не сумѣннымъ сердцемъ проклинаю і апаоеме предаю не возвратно и сущихъ враговъ Божіихъ мню достовѣрно тѣхъ быті, безъ всякия своея хитрості. Мнѣ самому да не буди тако твориті, ни помышляті, но гнушатися; і аще ли же кто мя тѣмъ оклеветаль или самъ немилостивно мнѣшї по нѣкоему злему приключенію, что я сокровенно держу таковое зло въ сердца моемъ,— і азъ же ти представляю Творца и Бога моего і Господа Исуса Христа и пречистую Богородицу и святыхъ небесныхъ силъ безплотныхъ честнаго и славнаго пророка і Предтечу Крестителя Іванна и святыхъ

славныхъ и всехвальныхъ апостолъ і святыхъ пророкъ и святителей і преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ, на ся неложносвидѣтелей і порутчиковъ, яко многогрѣшенъ есмь чѣловѣкъ и нѣсть того грѣха, егоже не сотворихъ, но кромѣ того единого, яже ты возводишь на мя, ей ей воистинну неповиненъ есмь такому безумію и злоторству. И аще ли же не исповѣдую Бога моего и Господа Исуса Христа, во двою естества совершенна Бога и совершенна чловѣка кромѣ грѣха,—тогда бы я наслѣдникомъ сподобился быти погибели таковыхъ, иже тако творящимъ выше сего помянутымъ еретикомъ, проклятому Оригену с товарищи, и с ними за трудъ свой едѣну мзду воспріять отъ Бога. А что, государь, во время бесѣды твоея въ чемъ прекословилъ тебѣ, и то, государь, и нынѣ мнитъ ми ся быти істинно дѣйству ангельску, а не самого Бога, во время яже быша явленія Мойсѣю на горѣ предъ сыны Израилевыми, и того, государь, і нынѣ не отмещуся; долженъ есмь и еще истязатися с тобою, дондеже истинну увѣмъ или и тебя на то же превращу, а безъ истязанія многога глаго(ло)мъ твоимъ невозможно повинутися и на своемъ крѣпко стояти и вѣрити имъ того ради, что я чловѣкъ простой и учился буквамъ еднемъ, дабы могъ прочести и написати нужды своя ради, и якобы мощно душа моя грѣшная спасти, а дальнего ничего не разумѣю и с мудрыми елисоѣи и со истинными рачители, иже искусни и благоразудни во божественныхъ писаниихъ, никогда не бесѣдовалъ; понеже о плотнемъ угоди и непрестанно пекуся, а о душевномъ нимало, во всемъ плотская, а не духовная, содѣваю. Писано бо есть, яко, аще кто о плотнемъ угоди пекийся, той сихъ духовныхъ словесъ не можетъ істинно разумѣти. Въ книзѣ же Деонисиеве Ареопагита пишеть, яко нѣсть навмыкнуті божественная писанія, аще не будетъ первѣе грѣхомъ отпущенія получить. І не дивно бо есть, что і погрѣшиті ми в таковыхъ скудоуміа моего ради и небреженія, но диво то, яже ты поносишь і оклеветаші мя, не только отъ глаголющихъ мною, но и своя горші прелагаеші умышления, а самъ нимало отчасти іскусенъ въ божественныхъ писаниихъ і стабники твоя: Никнеоръ Воеиковъ с товарищи,—сами онѣ с выеденое яйцо не знаютъ, а вкупѣ съ тобою на мя роптати не стыдятся. И все вы, кромѣ баснословныя повѣсти, глаголемыя еже о Бовѣ королевиче, и мнящихся вами душеполезныя быті, иже изложено есть отъ младенецъ, иже о куре и о лисице и о прочихъ иныхъ таковыхъ же баснословныхъ повестей и смѣхотворныхъ писмъ,—божественныхъ книгъ и богословныхъ дохматъ никакихъ не читали. Аще ли же и дано быти отъ Бога преболе иныхъ знати, то уже достоятъ всякому премудру насъ неискусныхъ учити і вразумлати не буетію

и не злосердствомъ и не оклеветаніемъ безъ правды, но благостію, и быти кротку и милостиву і не зазорну и безъ гнушанія нелестно глаголати. І аще о чемъ кто претънется, якоже и азъ, подобаетъ бо первое істязатися с нимъ со многимъ опасствомъ, а не в смѣхъ и не во укоризну, и подобаеъ своя истинна явити преже, да то же инемъ уста загражати; а иже мнѣ отъ приелючившихся тобою нынѣ, и то воистинну не богоугодное дѣло и человѣкомъ ненавистно суть. Нынѣ же колю, государь мой, твоя благості, благоволи помиловати мя: удержи языкъ свой отъ зла и устнѣ твои, еже не глаголати на мя лсти, уклонися отъ злословія и сотвори, яже благо намъ будетъ обоимъ: первое—не оклеветай мя, второе—еже изъяви ми, гдѣ обрѣлъ еси достовѣрно писано, кромѣ Бытейскія книги, яко Самъ Богъ схождаше на гору бесѣдовати с Мойсеомъ и показа задняя Своя. Аще ли же только на томъ на единомъ стоиши и до днесь, то подобилъ еси дѣтищу младу, во училищи бывшему и отъ учителя наставляему в первыхъ буквѣ іменованіе, и образы узрѣша к леності своя ради и младаумія о еднихъ тѣхъ препинаея, и дале поступити не хоцетъ, попросту же рѣщи: выуча азъ да буки, а прочихъ не требуетъ; — тако воистинну подобенъ еси. І ты сему глаголеши едино видѣхъ писано, яко бесѣдова Богъ лицемъ к лицу, а прочихъ инѣхъ выше и ниже писанныхъ в той же Бытейстей книге и во иныхъ богословныхъ не зриши и не внимаеши і, не толико самому ти не внемлющу, но и возвѣщающихъ ти істинну и вразумляющихъ довольно понося укоряеши и безъ правды нанѣ клеветеши, якоже во Евангелии глагола Господь: горе книжникомъ, яко взясте ключъ разумѣнія, сами не видюте и входящимъ возбраните. Азъ же Бога благаго благостію, по давнѣй ми благодати отъ Господа моего Исуса Христа, иже отъ божественныхъ писаніихъ извѣстивше вся, елико слышахомъ и разумѣхомъ,—не терплю к тому, еже ти не извѣстити по богословныхъ подвображеніяхъ и на сие сказаніе яко мощно да пройдемъ, да будетъ же нынѣ намъ словесъ уставъ предопределенъ, еже истинну намъ связовати о Бозѣ глаголемыхъ не в покорятельныхъ премудрости человѣческихъ словесѣхъ, но во указаніи духодвижныя отъ богословецъ силы. Сего же раді божественны апостолъ глаголетъ: предаждь, рече, вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольны будутъ і иныхъ научити, аще ли угодно будетъ ти, внемли; аще ли и не угодно, да азъ необинуаяся обинуаяся обличю тя истинною. Много же отъ богословецъ обрѣтохъ преданная намъ святая ихъ писанія, в немъже сицево есть благословіе: Богъ бѣ присно и есть і будетъ паче же есть присно, прежде бо всѣхъ вѣкъ і надо всѣми вѣки і вѣкомъ Творецъ вели-

кий, крѣпкій, непостижимый, пресвѣтлыи, вышеразумныи, присноживыи, пресущественныи, неизреченное реченное і недовѣдомое и безимѣнное существо, безплотенъ і бѣзоимѣненъ, Богъ есть Духъ весь, око весь, слухъ весь, разумъ весь, ничимъ же обвершися, ни на мѣсте уставляется, ни умомъ постигается, существо Божие просто, несложно, ни сѣдитъ, ни стоитъ, присно движимо і всемошно, непремѣнно сушо і нетребующе отъ насъ ничтоже: не ино, і ино паче же иного, но еже в Себѣ и о Себѣ и у Себѣ Собою, еднѣ начатокъ безначаленъ, ни начатъ, ни кончаемъ, ни мѣримъ, ни довѣдомъ присно, не созданъ, ни уставенъ, ни умомъ постиженъ, ниже словомъ изреченъ, Богъ совершенъ, нетлѣненъ, безвреденъ; не извратенъ, Самъ в Себѣ и Самъ Собѣ достигаетъ, всеѣ высоты свѣше і всего величества болше—і, аще мысленныя высоты возводятъ, и то всуе трудится: не к чему прилѣпитися і во глубину разума не на чемъ стати;—ни качественъ, ни каличественъ, не объемлемъ, не преложенъ, ни обмыслимъ, всѣхъ естествовыхъ словъ превозходя, иже сый присно сый, и прежде сый и вездѣ сый, і вся исполняя, невидимое і неизмѣнное присно сущее существо, иже присно суше присно сущимъ, і безсмертія безсмертнымъ, невидимымъ невидимыи і неизреченнымъ неизреченныи. Святый же Иванъ Златоустъ глаголетъ: Богъ живой во свѣте непреступне, к немуже нѣсть приступа ни прихода. Преподобный же отецъ Иванъ Дамаскинъ: Бога человекѣкомъ неусдобъ видѣти, навъ-же не смѣютъ і чини ангельстии зрѣти. Соборне же о всѣхъ апостолъ і евангелистъ Иоанъ Богословъ во Евангелии, во 2 зачалъ написа: Бога въ божествѣ никтоже нигдѣже не видѣ. І по всему бо убо недостойно смѣти рѣщи, ниже разумѣти что о пресущественемъ и сокровенномъ божествѣ, в неяже намъ отъ священныхъ словесъ изъясненыхъ, еже бо паче слова и ума и существа того во пресущественное художство да налагается и не убо глаголется и святѣйшее существо при Бозѣ. Всякого бо существа превыше лежитъ Господь, ни едино что отъ сущихъ сый, но паче сущихъ и отъ него вся сущая і существо же глаголется отъ еже быти, а еже быти привидѣния нѣкоего мысль подписуетъ, по семъ же и слѣпымъ мощно есть разумѣти, яко не только задняя или предняя при Бозѣ глаголати і мнѣти, но и единыя части немощно есть, не только тѣлеснымъ окомъ зрѣти, во и разумнымъ ни мало уразумѣти. А ты дерзаеши тако рѣщи, яко Моисей задняя Божия видѣлъ, а уже видѣлъ, то будетъ уже отъ части божества видѣлъ. І тако умаление божеству будетъ евангельская и апостольская проповѣдь і сие слово неистинно явится, яко евангелистъ пишетъ: Бога в божествѣ никто-

же нигдѣже видѣ, а по реченному отъ тебе, то уже Моисей видѣлъ, і отъ начала и до нынѣ много ересей насѣялъ врагъ в челоувѣцехъ. А таковыя злыя и безумныя ереси нигдѣ не обрѣтеса, что уже божество видимо и домыслимо і по семъ же отъ неразумия своего и не разсуждения ты самъ, государь мой, имрекъ, і стаибницы твои: Никѳоръ Воейковъ с товарищи—люди буи, а не мудры являетеса і мнитъ себе сами искусныхъ быти, сирѣчь много знати, в божественномъ писании, а я тому никакъ вѣры нейму. Аще ли же о семъ претыкаешися и прилагаеша к Мойсеову видѣнію, яже видеши на дѣлахъ и на иконахъ, яже при Бозѣ изображены и во всѣхъ святыхъ писаниихъ глаголются руце и нозѣ и очеса и вся прочая уды, яже и в челоувѣцѣ, то подобаетъ намъ оставити глаголы о Бозѣ, да преидемъ на сне, яже при безтѣлесныхъ невидимыхъ ангельскихъ силахъ вся прочая уды зримъ изображены, но не отъ существа ихъ, но отъ челоувѣческихъ, снѣ же по насъ вина тѣмъ пресущественнымъ существомъ да налагается, а не истѣйшее.

О семъ же святыхъ Деонисій Ареопагитъ Аѳинейскій епископъ, ученикъ святаго апостола Павла, в книзѣ своей въ главѣ 15 зѣло явственно яви, азъ же отъ многа мала представляю ти сицѣ. Почто челоувѣкообразны наздаваются ангели, но и челоувѣкообразнѣ тѣхъ напсуютъ? Умнаго и еже в высирь имѣти зрительныя силы; и еже образа правостное и простое; есть же і по коемждо, яко мню, тѣлеснаго нашего многочастия, очесъ убо изъявляти силамъ, еже к божественнымъ свѣтомъ чпстѣйшее внимание; і паки, еже гладкое і водное і нестрепетное, остроудѣжное и чистое и распростертое безстрастнѣ подъяти богочалныхъ осияніи. А еже обоняніи разсудительныя силы, еже паче ума благоуханнаго преподанія, якоже мощно восприятное і яже не таковыхъ в художствѣ разсудительное и со весьма отбѣгателное. А еже ушю силы, сирѣчь слухъ, еже причастное и разумнѣ подъемителное богочалнаго вдохнутія; а яже вкусныя, сирѣчь уста, еже умныхъ пицъ исполненіе, еже божественныхъ і питательныхъ излитии подъемителное. А яже осязательныя, сирѣчь руцѣ, еже естественнаго или вредительнаго в художествѣ разумительное. Вѣжди же и брови—еже богоприятныхъ разумнѣи хранилное, младость же и юношескій возрастъ—еже возвращательныя живителныя сны. Зубы же—еже раздѣлительное вдаемаго пицнаго совершенія, трамѣва же і мышца и паки руки—еже творительное и дѣйствительное и скорое; сердце же знаменіе быти боговидныя жизни, свою животную силу благовиднѣ в промышляемая розсѣвающія. Перси же паки изъязлати хранилное животворнаго преподанія, плещи же—еже собра-

тельное оживляемыхъ всѣхъ силъ, ноги же—еже двізательное и скорое и текущее на божественная шествительнаго приснодвижения. Тѣмъ же и пернатіе богословіе святыхъ умовъ изобрази ноги, крыло бо изъявляетъ возводительную скорость и небесная еже и выпрь пути творное, еже всякого нижняго за горѣносное изято; крыль же легкость—еже по ничесомъ же земляное, но все несмѣсие и тягостѣ на высоту возводимое. А еже вагостно и не обувенно—еже отпущенное и благоразрѣшенное и неoderжимо, очищая отъ виѣшняго приложениа, і еже къ простотѣ божественно, якоже мощно, уподбляемое. И наки реку: есть же и по коемъждо, яко мню, тѣлеснаго нашего многочастія образы прикладныя изобрѣсти небесныхъ силъ. І по семъ мощно разумѣти, яко в сихъ естествословится свойство тѣлеснаго ока; по возвождении сиа прилагаетъ, якоже и протчая человѣческихъ удъ, в видѣніе аже во ангелехъ естественныхъ силъ *). Тако же и о божествѣ разумѣти есть и аже при немъ—во многомъ святыхъ писаниихъ изобразяещи, якоже и ты выше сего рѣхъ: задняя и предняя и протчая уды, да не описанъ Богъ по божеству—описанъ по чловѣчеству. А иже прежереченная твоя словеса слышахъ, яко ты по Мойсеову видѣнію претыкаяся, и миѣ тѣмъ уста загражаеши, а яко уже глаголеши: с Мойсеомъ ангели бесѣдоваша, то и со Авраамомъ, егда явися ему Богъ въ Троицѣ, ангели же дѣствоваша, и азъ же не имамъ прочее, что отвещевати о семъ, велика бо есть словесѣ сего тайна, не возможно бо ни мало рѣщи, и ни разумѣти. Пишетъ бо, яко явися Богъ Аврааму въ трехъ лицахъ, и азъ же сие долженъ есмь вѣрою почитати, а не испытаниемъ: понеже бо вещь та ни къ чесому же ко иному не прикладна суть, кромѣ одинаго того, иже шествия Божия с небесъ и воплощения. Тамо бо малая обитель Авраамова Бога вмѣсти, Егоже и вся тварь вмѣстити не можетъ: подобно же сему и утроба дѣвicha пространства небесъ бывъ и Бога вмѣстити возможе. Еретицы же дерзнуша рещи, яко со двема ангеломъ явися Богъ Аврааму, и за таковое суетумудрие прокляти и анаееме предани быша, и такозой ихъ погибели позавидѣтъ нечего.

Того ради, яко аще кто восхоцетъ возрѣти в самый кругъ солнца, не толико что вяще узритъ, но и паче омрачится; и аще ли же не увѣришися в сихъ и речеші, а яко уже не самъ Богъ с Мойсеомъ бесѣдова,—то да почто такъ было і писати, и коея раді вины таковая разнь обрѣтается в писанияхъ? Азъ же истинну представляю ти,

*) Выписки изъ Д. Ареопагита ср. въ Велик. Мин. Чет. и. Магарія по изд. Археогр. Комм. Окт. ст. 363—367.

яко ни единые разни и несогласия нигдѣ не обрѣтаются, но яко во множествѣ струнъ сочланеніе и согужденіе едино, тако и в божественномъ писании ничто же стропотно, ни развращенно, но вся права суть разумѣвающимъ истинну и здрава обрѣтающимъ разумъ и разньства никогдаже не обрящется, но всегда наше младоумие и нескусство обрѣтаются. Азъ же ти не человѣческимъ умысломъ, но отъ тѣхже святыхъ писанийъ вся представляю. Потребно же убо есть, яко глаголетъ великій Аѳонасий, иже божественное писаніе хотащимъ разумѣти, прежде подобаетъ истязовати со многимъ опасствомъ. Сего же ради и божественный апостолъ глаголетъ, яко писма умерщвляетъ, а духъ живить, сирѣчь: аще кто не по писмени разумѣваетъ сокровенная въ божественномъ писании, сего убо духъ живить, не рассуждая же снѣ и по писмени разумѣвая, сего убо писма умерщвляетъ, сирѣчь убиваетъ; того ради во многия ериси впадаютъ, якоже и нынѣ мнози пострадаша отъ таковаго недоумѣнія. Тако же и ты, (Г) мой ѿръкъ, не претыкайся о семъ единемъ, яже видѣхъ писано, яко глагола Богъ съ Мойсеомъ лицомъ къ лицу, и не стой на единой нозѣ, да не явнися построменъ и всюду зыблемъ, но приступи и на вторую и пойдѣ далее, да увѣси і искусившися, і в тому не будеші младъ разумъ имѣти, но невѣдѣніемъ младенство дати, и обрященіи во иныхъ писаніихъ божественныхъ ино есть сокрыто, а во нихъ таяжде писанія откровенна, да по сему не будетъ в нихъ распря. Есть бо писано в книзѣ Бытейстей въ I главѣ о сотвореніи мира, ейже начало сице: Искони сотвори Богъ небо и землю; потомъ же наведъ: и духъ Божій пошашеся верху воды. Мнози жъ отъ невѣденія, яко же ты (Г) в стабницы твои, инни же отъ злохитрѣства глаголють, яко то есть речено о пресвятѣмъ Дусѣ Божіи; святіи же отцы наші Василий Великій, Григорей Богословъ і Иванъ Златоустый всѣ согласно разрѣшаша такое безуміе и въ писаніихъ своихъ предаша намъ, яко то речено бысть не о святѣмъ Дусѣ, но о воздухѣ, иже пошествиамъ своимъ твораше вѣтръ, и сей же верху водъ пошашеся, сврѣчь повѣваше. Также і о семъ подобаетъ увѣритися. Еще же ино представляю ти. Пишетъ же во пророчествахъ во Исаяи и во Езекииле и Данииле пророцехъ, яко видѣша многая видѣнія Божія страшная, но и паче извѣстнее и достовѣрнее Мойсеова, не во зрацѣ и не на горѣ в пещерѣ и мнимоудца Бога, но самыя небеса отверсты и Господа сѣдѣща на престолѣ во славѣ страшнѣ и крѣпцеі силѣ, со тмами ангель окрестъ Его предстоящихъ, якоже свидѣтельствуетъ писаніе. Во Исаяи же пророце пишеть въ 6 главѣ, ейже начало сице: И бысть в глѣто, в неже умре Иозия царь, видѣ Господа Саваова

сѣдѣща на престолѣ высоцѣ и превознесене, и полнъ домъ славы Его и сараѣими стояху окрестъ Его, 6 крилъ единому и 6 крилъ второму; двема убо покрываху лица своя, и двема же ноги, и двема лѣтаху и взываху, другъ ко другу глаголаху: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣъ, исполнъ вся земля славы Его. И посланъ бысть к нему единъ отъ сараѣимъ; в рудѣ имаше уголь горящъ, егоже взять отъ алтаря, и прикоснуса устомъ пророка и рече ему: се прикоснуса устомъ твоимъ и отвержени будутъ грѣхи твоя; и слышахъ гласъ Господень, глаголющъ: кого пошлю или кто пойдетъ к людямъ симъ. Иная многая бесѣдова Богъ ко пророку Исаяи, якоже к Моисею, не яко посланнѣи, но Самъ послатель. Во Езекиѣили же пишеть во главѣ 1-й, ейже начало: И бысть въ 30-е лѣто въ 4-й мѣсяцъ въ 5 день мѣсяца видѣхъ видѣнне Божие: бысть на мнѣ рука Господня, и воздвижеса вѣтръ и грядѣше отъ сѣвера, и облакъ великъ в немъ и свѣтъ окрестъ Его и огонь блистайся, и посредѣ Его, яко видѣнне чистого пруда¹ средѣ огня, и свѣтъ в немъ и посреди, яко подобия четырехъ животныхъ. И се видѣнне, иже яко видѣнне человѣческо, и четыре лица единому и 4 крила единому и стегнѣ ихъ правы и пернаты ноги ихъ и искры блистающаяся, яко мѣдъ, и легцы крилъ ихъ, и рука человѣча подъ крилу ихъ о 4-хъ странахъ ихъ, и лица ихъ и крылы ихъ четырехъ держащеса другъ друга, лица же ихъ 4 не обрашахуса внегда ходити имъ каждо прямо лицу ихъ хождаху. I подобие лица ихъ лицъ человѣче, и лицъ лвово одесную четверемъ, и лицъ тельче опуюю 4-мъ, и лицъ орле i иная многая подобия ихъ, како хождаху и како простерты крила ихъ и яко углие и свѣща и видѣнне Вежеково, и како коло и колеса сопряженѣ держащеса хождаху. Потомже видѣхъ, яко подобие сапѣира и подобия престола на немъ, и на престолѣ подобие и образъ человѣчъ и видѣнне, яко пруда чистаго, яко видѣнне огнено в немъ и свѣтъ окрестъ, отъ видѣнна же чреслъ и выше даже и до долу видѣхъ видѣнне, аки огня, и свѣтъ окрестъ его, яко видѣнне дуги, егда есть на облацехъ в день дожда; и се видѣнне подобия славы Господня. И видѣхъ и падохъ ницъ и паваи воздвиженъ быхъ, и слышахъ гласъ глаголющъ (на поляхъ: реченъ): се глаголетъ Адавай Господь; и прочая и иная многая обращеші—тако же бесѣдова Іезекѣиль, яко Моисей и Исаяя. Пишетъ же и в Давидѣ пророцѣ, яко видѣхъ 4-хъ звѣрь, исходящихъ изъ моря, и каково подобие ихъ и дѣйство; потом же престоли поставлены видѣхъ и ветхаго деньми сѣдѣща, и одежда Его бѣла и

¹ Илектра.

власи главы Его, яко волна чиста, и престолъ Его, яко пламя огненни колеса Его огнь паля и рѣка огнена течаше предъ Нимъ, и тысяща тысящъ служаху Ему і тмы темъ предстояху предъ Нимъ. И книги отверзошася и видѣхъ на облацехъ небесныхъ, яко Сынъ чловѣчъ идый баше и до ветхаго деньми дойде, и дастся Ему честь и слава царство и власть вѣчная. Многая же и іная страшная и чудная зѣло видѣша пророцы и о тѣхже ихъ всѣхъ видѣннихъ соборне въ князѣ Деонисеиве въ главѣ 13 о небесномъ священноначалии, въ четвертомъ толку противу лежащаго, Никита Ираклийскій, не обинуясь твоего роптанія, зѣло явственню яви, сице глаголя: „Знаменай, сирѣчь вѣдати подобаетъ, яко божественная пророкомъ видѣнныя надстоящій и(мъ) ангель глаголетъ творачія в мечтанія приводитъ мнящихся видѣти, гаданія бо и образы, а не убо же наги, сирѣчь прости или істинни вещи и существо зрѣху“ *). И аще силенъ еси, (Г) имркъ, иди и сварися в Деонисеивѣ и съ Никитю; аще ли же не возможешъ единъ, то возми станбника своего имркъ, а меня (Г) столько не стало, что с ними за то бранятся.

И въ той же главѣ той же Никита Ираклийскій пишетъ: „Зршиши ли, яко научавааше и ангелы откровениемъ пророки сицѣ творяху, возводяше тѣхъ первообразнѣ убо на Бога, иже всѣхъ достойну виновнаго, вторичне же—на иже по Бозѣ первые умове,“ **) сирѣчь на серафимско видѣнне; понеже бо близъ Бога предстоятъ. И по семъ разумно есть, яко и с Мойсеомъ ангель бесѣдова, и аще ли же не увѣришися в силъ и паки речеши, яко невозможно ангелу тако глаголати отъ лица самого Бога и Богомъ себя и законоположителемъ именовать,—то уже противенъ еси богословцемъ. А миѣ с тобою і по готову дѣлатъ нечего; итакъ будеши упрямъ, а не прямъ. Пишетъ же во вторыхъ книгахъ Мойсеовыхъ Исходъ во главѣ 3-й, ейже начало сицево: Мойсей же баше пасный овца у Авора теста своего священника Мадіамска, и гнаше овца в пустыню, и прииде в гору божию Хоривъ, явижеса ему ангель Господень во пламени огненне из купины. И видѣхъ, яко купина горяше огнемъ и не згараше. Рече же Мойсей: нишодеъ и вижу, что видѣнне великое се, яко не згараше купина и, егда видѣ Господь, яко приступаетъ видѣти, и возва его Господь изъ купины, глаголя: Мойсей, Моисей; онъ же рече: се азъ, Господи, и рече ему Господь: Азъ есмь Богъ отца твоего, Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ, Богъ Іаковль и прочее иврекъ. Се уже зѣло явственню

*) Мак. Минеи ст. 350.

**) Ibid.

здѣ, яко ангель въ купинѣ явися, ангела яко самъ Богъ. Во Апокалипси же въ первой главѣ пишеть, ейже начало: Апокалипсисъ сирѣчь откровение Исусъ Христа, иже дастъ ему Богъ показати рабомъ своимъ, яже подобаетъ быти вскорѣ, и сказа пославъ ангеломъ своимъ рабу своему Иоанну. Той же ангель глагола ко Иоанну: азъ есмь алев и омиа сирѣчь начало и конецъ. И въ той же главѣ х концу вторицею глагола ангель: азъ есмь начало и конецъ и первый и послѣдній, и быхъ мертвъ и се живъ есмь во вѣки вѣкомъ, и имамъ ключа смерти и аду. И се уже зѣло явѣственно да естъ, яко ангели являшеса Мойсею в купинѣ и Иоанну во Откровенніи и, бесѣдуя с ними во образѣ Бога, и показуя имъ таинство велне и Богомъ себя Аврааму и Исааву і Иякову, и начало и конецъ и первымъ и послѣднимъ, и живымъ и мертвымъ, и властелемъ смерти и аду себе нарицаа. Како уже тебѣ (Г) мнѣть ти ся о семъ? Аще ли же впредь начнеші тако мудрѣствовати о себѣ, якоже и преже слышахъ отъ тебе глаголы, то уже не только со пророки или со святыми бесѣда божия, но и с самемъ дияволомъ бесѣдова Богъ. Яко же пишеть въ книгѣ Иова во главѣ 1-й: въ день нѣкий приидоша ангели божии предстати предъ Господемъ Богомъ и дияволъ прииде с ними и рече Господь Богъ ко дияволу, откуда пришелъ еси. И отвѣща дияволъ ко Господу и рече: обшедь поднебесную и протчая многая бесѣда вопрошеніе и отвѣщаніе. Да аще кто будетъ многогаго безумія исполненъ будетъ, да мнѣть, яко истинно Богъ со дияволомъ бесѣдова; аще ли же кто здравъ смыслъ имѣеть, той же не по писмени разумѣваетъ, но плоды Духа истазаетъ со многимъ опаствомъ и глаголетъ: кая приобщина велияру со Христомъ, понеже тмою оболѣвшуся дияволу невозможно къ свѣту Божию ни приблизитися, зане гордости раді свержень с небесныхъ кругъ и в тому не въздетъ. И аще ли же годно тебѣ, (Г) моему, будетъ, и азъ преставлю ти вину сичеву, иже еси о чемъ претыкаешися, и твоя недоумѣнна: разрѣшу. Аще ли же и неугодно будетъ тебѣ, азъ же наипаче свою истинну представляю, ты же ввемли. Ничесого же много раді в книгѣ Вытестей много сокровенно обрѣтается, кромѣ единого жестосердия раді и неистовства и безмѣрнаго невѣрствія Июдѣйскаго. Егда же слышахомъ отъ Мойсея, яко въ день 3-й будутъ готовы и Богъ снидеть на гору, и видѣша громи и гласи и молния и дымъ и вся страшная содѣвашеса, и видѣша, яко Богъ Твораць небеси и земли всей видимей и невидимей твари и иже изведи ихъ изъ земля Египетския, и многая и страшная зѣло предивна чюдеса показатъ в пустыни, а безѣдуеть на горѣ, и то все очима видѣть и ушима слышать,— и тогда сотвориша себе телець и поклонишася ему и измениша слову

Божию въ подобіе телца, и забыша Бога спасающаго ихъ, и аще бы вѣдали, яко ангель предаѣ законъ Мойсею, то бы ни во единомъ Мойсею вѣры не яли, да или и ангела бы обоготворили.

Того же ради не изволи Богъ на велицемъ древе показати чудо, во в купинѣ: купина же сказается кустъ, сирѣчь дробные древеса. Аще же бы на велицсмъ древе, то бы сынове Израилеви сотвориша (на поляхъ: сотворили) себѣ кумиръ и поклонилися ему, и была бы новая прелесть горші первыя. Подобнѣ же сему и в сотвореніи мира пишеть: в начало сотвори Богъ небо и землю; а аще бы прже сотворе небеси и земля, сотвори Богъ ангелы своя духи и слуги своя огнь палатъ, вкупѣ же бѣ с небомъ и землею сотвори Богъ три стихия: огнь, воздухъ, воду, Мойсей же скоростию претекъ и яко малымъ и неразумнымъ дѣтемъ Иудеомъ едно сотворение небеси и земля сказа и, оставивъ, яже о ангелехъ, и стихий не именова. И аще же (Г) и о семъ невозможно ти есть увѣритися, то ни каменя согрѣтъ, ни тобя вразумить.

Аще восхощеші увѣдати имя писавшаго, предваряетъ все сложному четверица двойцею, настоитже по сей двочисленица единицею и единица единости, и паки к нимъ нужно быті, во всесложномъ совокупленіи седмъ седмериць со единомъ и с пріпрежно - гласнымъ поеркомъ. По отечествію же бесчисленное писмя, и къ сему спрягается четверица со единомъ, и тройца со осмерицею, и десятица девтерицею, и дваці два со единомъ и паки двойца съ поеркомъ.

III.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

щеру и отправился къ умирающему, чтобы не проходить въ городъ на виду всѣхъ. Господь въ награду за такое смиреніе послалъ ему двухъ ангеловъ, которые съ лампадами въ рукахъ сопровождали во пракъ монаха въ городъ. На немъ исполнились слова священнаго писанія: „унижающій себя возвышенъ будетъ“. По этому проше вась, братья, вооружимся добродѣтельнымъ смиреніемъ и тогда облечемся во Христа, ибо смиреніе есть основаніе всѣхъ добродѣтелей. Самъ Господь говорить: блаженны нищіе духомъ, яко ихъ есть царство небесное. Изгонимъ изъ сердець нашихъ достойное порицанія иго высокоумія, наказующее насъ наравнѣ съ дьяволами. Не будемъ хвалиться двухдневнымъ воздержаніемъ, подобно фарисею, увидимъ главы свои, чтобы возвысить души наши. Съ смиреннымъ сердцемъ будемъ восмьлать молитвы, чтобы Господь принялъ ихъ какъ ошміамъ, дабы в мы вознеслись въ царство небесное ко Христу, яко Его есть слава со Отцемъ, Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Вторая бесѣда той же главы носитъ названіе: о просвѣщеніи добродѣтелью^а. Поученіе иллюстрируется опять примѣромъ безпорочнаго, милостиваго, смиреннаго монаха, которому Господь за усердныя молитвы даровалъ свѣтъ въ кельѣ, при которомъ онъ могъ читать и днемъ и ночью. „Видите, братья, какъ добродѣтель вознаграждается еще въ этой жизни!“

Для удобства обзорѣнія памятниковъ грузинской письменности до XIII в. мы распредѣляемъ имѣющійся у насъ матеріалъ по слѣдующимъ группамъ: 1) памятники агиографическіе и назидательные; 2) памятники историческіе; 3) памятники собственно литературныя и 4) памятники юридическіе.

а) Агиографическія произведенія, являясь по своему характеру наглядною и общепонятною формою проповѣди христіанскаго благочестія съ самаго, начала христіанства въ Грузіи были любимѣйшимъ чтеніемъ народа. Онѣ составлялись и переписывались въ такомъ громадномъ количественномъ отношеніи, что ни одинъ видъ древне-грузинской письменности не можетъ сравниться съ ними по обилію памятниковъ. Прототипомъ грузинской агиографіи является, агиографія восточная. Самое древнее житіе, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣніе, посвящено подвигамъ сына грузинскаго царя Варазъ-Бакара (379—393), Мурваноса, извѣстнаго подъ именемъ св. Петра ¹⁾

¹⁾ Свѣдѣнія о св. Петрѣ сообщаютъ: Барташевъ-Цховреба, (груз. текстъ I, 102—106, на франц. яз. I, 136—141); Житія груз. свв. Шіо-Мгвинской общины^а, 293—300 стр. Ср. „Житія груз. свв. въ Москв. га. арх. иностр. д. глава „Петре-Картвели“, у Жорданія, Хроника, XII.—При Варазъ Бакарѣ въ Визитіи царствовалъ не Θεодосій Мл., а Великій, по свѣдѣніямъ Мхангѣ Спрій-

архієпископа Міумскаго. Житіє св. Петра было написано ученикомъ его грузиноиъ, Захаріємъ, на сирскомъ языкѣ, а впоследствии переведено на грузинскій языкъ священникомъ Макаріємъ. Ученикъ и слодикъ св. мужа сообщаетъ, что въ дни греческаго императора Θεодосія Младшаго, сына Аркадія, племянника Θεодосія Великаго, произошли распри между Византіею и Персіею. Греческій императоръ побуждаемый желаніемъ предотвратить союзъ Иверіи съ Персіею, потребовалъ заложниковъ у Варазъ - Бакара, четвертаго грузинскаго царя со времени Миріана, перваго христіанскаго владѣтеля. Царь отпустилъ въ Константинополь въ качествѣ заложника Мурваноса, сына своего. По словамъ Захарія, Мурваносъ еще въ дѣтствѣ обнаружилъ большія способности и быстро овладѣлъ грамотой. Въ Греціи изучилъ языки греческій и сирскій, ословательно освоился съ священнымъ писаніемъ и философіею. Оставался вѣдъ предѣловъ своего отчества, онъ прошелъ ивоческій санъ и подѣ именемъ Петра объѣхалъ всю Палестину, гдѣ онъ основалъ нѣсколько монастырей и странноприемныхъ обителей, преставился на 65 году жизни—въ царствованіе императора Зенона (474—491) и погребенъ въ Іерусалимѣ, грузинскомъ монастырѣ, нѣмъ самимъ основанномъ.

Рожденіе Мурваноса сопровождалось чудомъ. Царь Варазъ-Бакаръ былъ бездѣтенъ и горячо молилъ Господа о дарованіи ему сына. Разъ, во время вечерней молитвы, явился ему ангелъ, который, успокоивъ встревоженнаго царя, объявилъ, что у него родится сынъ, который будетъ великъ предъ Богомъ и людьми. Такъ родился Мурваносъ, по возвѣщенію ангела, подобно Самуилу и Еремію. Онъ подвергалъ себя физическимъ изнуреніямъ, носилъ грубую одежду, ночи проводилъ въ бдѣніяхъ, воздерживался отъ пищи по цѣлымъ недѣлямъ,—за эти подвиги онъ получилъ даръ исцѣлять больныхъ и творить чудеса. Когда разъ его келейникъ отказался подлить масло въ лампаду, упрекая праведника въ образѣ жизни, недостойномъ царскаго сына—самъ св. Петръ возжегъ лампаду, наполнивную водою, и во всю ночь лампада такъ горѣла. Теперь является ему уже самъ І. Христосъ и, благословляетъ его на чудесные подвиги. Императоръ Θεодосій приставилъ стражу къ святому, но послѣдній съ однимъ привратникомъ покинулъ мѣсто заключенія и сопровождаемый свыше посланной свѣтлой колонной прибылъ въ одинъ городъ, гдѣ его подвергли новому заточенію, но ночью случилась гроза и землетрясеніе; начальнику области явился нѣкій мужъ и требовалъ освобожденія

скаго (XII в.) Петръ былъ членомъ Халкидонскаго собора (451 г.) и былъ всѣми уважаемъ, какъ ученый мужъ.

Мурваноса, угрожая въ противномъ случаѣ городу разрушеніемъ. Прибывъ въ Іерусалимъ, онъ постригся въ монахи подъ именемъ Петра Велорѣ здѣсь онъ подвергся искушенію дьявола, но дьяволъ былъ восраженъ, а Господь, явившись ему, обѣщаль жизнь вѣчную. Обходя святѣи мѣста, онъ творилъ много чудесъ: исцѣлялъ больныхъ, наполнялъ кувшины виномъ и масломъ, а амбары хлѣбомъ, получивъ даръ пророка и милость узрѣть Св. Духа. Предчувствуя конецъ жизни, онъ 10 дней провелъ въ молитвѣ и, приобщившись св. Таинъ, 2 декабря преставился. Многие получили исцѣленіе, которые услѣли приискуситься къ его нетлѣнному праху.—Къ концу V вѣка относится житіе св. Рашдена († 457).

Характеръ восточной агиографіи отразился въ этомъ первомъ если не считать житіе св. Нины ¹⁾ агиографическомъ произведеніи, вошедшимъ въ составъ грузинской лѣтописи. Послѣдующая агиографія продолжала свое развитіе въ томъ направленіи, которое сообщилъ ей первый агиографъ. И чѣмъ дальше шла она по пути своего развитія, тѣмъ сильнѣе выступалъ въ ней назидательный элементъ, расширяя каждый разъ свое содержаніе на счетъ элемента исторіографическаго.

Житіе св. Петра, наполненное текстами изъ священнаго писанія, составлено близкимъ къ нему человѣкомъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ²⁾. Но, въ большинствѣ случаевъ, біографія святого составлялась спустя цѣлыя столѣтія по его преставленіи, на основаніи темныхъ рассказовъ или краткихъ историческихъ записокъ о жизни святого. Таковы житія свв. Іоанна Евемія написанныя Георгіемъ Мтацциндзели. Это обстоятельство располагало біографа наполнять свой рассказъ общими назидательными разсужденіями и похвалами святому, отвѣчающими вкусамъ читателей. По мѣрѣ затемнѣнія въ народномъ сознаніи памяти о святомъ, возрастало стремленіе пополнить недостаточность свѣдѣній при помощи устныхъ преданій—легенды и популярныя агиографическія образцы. Отсюда возникаетъ искусственно-реторическое направленіе, развившееся въ главныхъ центрахъ древней грузинской образованности: въ Палестинѣ и на Афонѣ. Агиографъ, вызванный на основаніи двухъ-трехъ фактовъ составить житіе и чудеса святого, долженъ былъ прибѣгать къ общимъ типическимъ чертамъ. Святой подвижникъ, біографію котораго онъ писалъ, творилъ все при сверхъестественной помощи. Мѣсто, гдѣ ему

¹⁾ Житіе св. Нины дошло до насъ въ рукописи IX в., хотя оно по словамъ лѣтописи, составлено очевидцами дѣяній св. просвѣтительницы Грузіи и разрушено впоследствии. Составъ этого памятника см. дальше.

нужно было создать монастырь, заранее обозначено появленіемъ чуднаго свѣта или указаніемъ во снѣ ангела, какъ сообщается въ житіи св. Нины при опредѣленіи пункта Мцхетскаго храма. Звѣрь ли расхищаетъ монастырское стадо, святой чудесно его укрощаетъ и свирѣпыя волки, по молитвѣ св. Шіо, становятся сами бдительнымъ стражемъ, охраняющимъ монастырское достояніе. Нуждается ли братія въ источникѣ воды, по внушенію свыше, отыскивается родникъ. услащаются предметы пищи (св. Давидъ). Наконецъ, самъ І. Христосъ сходитъ съ небесъ для бесѣды со святымъ.

Въ виду этихъ соображеній, по справедливости агіобіографическія произведенія по своему характеру являются скорѣе, произведеніями литературными, чѣмъ историческими въ собственномъ смыслѣ ¹⁾. О грузинскихъ житіяхъ можно сказать тоже самое, что писалъ Строевъ: „житія святыхъ русскихъ, въ равныя времена сочиненныя, передѣланныя и дополненныя, представляютъ богатый запасъ для исторіи общежитія мнѣній и повѣрствъ древней Руси“.

Проф. В. О. Ключевскій ²⁾ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Житія святыхъ, какъ исторической источникъ“ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, имѣющимъ приложеніе къ оцѣнкѣ вообще агіографическаго матеріала: 1) житія святыхъ заключаютъ въ своемъ содержаніи, на ряду съ историческимъ элементомъ, литературный, культурный и другіе; 2) количество исторіографическаго матеріала въ томъ или другомъ житіи, а равно и качественное его достоинство опредѣляются слѣдующими давними: во первыхъ, отношеніемъ біографа, къ описываемому имъ лицу (въ однихъ случаяхъ біографами являются ученики подвижниковъ, непосредственные свидѣтели ихъ жизни и подвиговъ, въ другихъ и болѣе частыхъ случаяхъ — иноки позднѣйшихъ временъ); во-вторыхъ, тѣми источниками, которыми располагалъ біографъ, (для однихъ рассказы современниковъ, для другихъ рассказы изъ вторыхъ или третьихъ устъ и, наконецъ, какія-либо записки о жизни святого); въ-третьихъ, тою задачею, которую біографъ преслѣдовалъ (сохранить дорогія для братіи окрестнаго населенія черты жизни святого, или воспѣть ему панегирикъ, состоявшій обыкновенно въ повтореніи ходячихъ фразъ риторическаго витійства). Прилагая эти критическія точки зрѣнія къ каждому житію въ отдѣльности, проф. Ключевскій приходитъ къ тому выводу, что въ

¹⁾ Н. П. Барсуковъ. Источники рус. агіографіи, стр. III; *Буслаевъ* Очерки рус. народ. словесности, II, 154 и слѣд; *Шестовскій*. Ист. рус. слов. III, 57.

²⁾ *Ключевскій*. Житія святыхъ, какъ историческій матеріалъ.

весьма рѣдкихъ случаяхъ житіе писалось при условіяхъ, благопріятствовавшихъ обилію въ немъ историографическаго матеріала. Вслѣдствіе ли малаго знакомства біографа съ описываемымъ лицомъ, или вслѣдствіе своихъ литературныхъ воззрѣній, историографическій элементъ въ житіяхъ святыхъ является далеко не на первомъ планѣ, уступая свое мѣсто элементу, главнымъ образомъ, литературному.

Вооружившись взглядомъ проф. Ключевского, легко усмотрѣть, какъ постепенно дополнялся одинъ изъ важныхъ памятниковъ грузинской агиографической литературы,—житіе св. Нины. Оно составляетъ вторую часть недавно открытой и напечатанной хроникп „Обращенія Грузіи“ изъ такъ называемаго Шатбердскаго сборника IX—X в.⁴

Но прежде чѣмъ изложить житіе св. Нины, обратимся къ памятнику VIII в., сообщающему свѣдѣнія о св. Або.

Къ VIII в. относится житіе св. Або, замученнаго мусульманами. Житіе это найдено въ такъ называемомъ сванетскомъ пергаментномъ манускриптѣ и представляетъ большой интересъ и по языку, и по содержанию¹). Житію предшествуетъ письмо Самоеля, католикаса Грузіи, обращенное къ Іоанну Собилидзе, описавшему мученическую кончину св. Або. Католикосъ благословляетъ мудраго въ священномъ писаніи и усерднаго къ добродѣтельнымъ дѣяніямъ, Іоанна Собилидзе, свидѣтеля страданій св. Або, замученнаго въ дни самого Самоеля, нампала (правителя) Стефаноза, сына Гургена, и призываетъ его своими молитвами записать житіе св. Або для храненія въ лонѣ католической церкви. Св. Або, по словамъ его біографа, былъ любимъ народомъ и начитанъ въ священномъ писаніи. При немъ Эраставъ - Каргли, Нерсе сынъ Адарнаса-куропалата, былъ вызванъ въ страну Вавилонскую эмиромъ сарациновъ, Мумни Абдилой, въ великій градъ Багдадъ, имъ самимъ построенный. Сынъ его, Магди разгнѣвался, на Нерсе Эрастава, который вынужденъ былъ ѣхать на сѣверъ чрезъ Даріаланъ

¹) Въ этотъ манускриптъ въ 489 листовъ, писанномъ частью заглавнымъ церковнымъ алфавитомъ („хуцурі“), частью же мелкимъ „хуцурі“, заключается 63 житій и проповѣдей вселенскихъ учителей. Онъ не имѣетъ ни начала, ни конца, приписки называютъ нампала Іоанна Мтбеварскаго и отца его Теодора. Іоаннъ—извѣстное духовное лицо въ V в. при Давидѣ Куропалатѣ, по словамъ приписки, отыскалъ этотъ манускриптъ, откуда слѣдуетъ заключить, что онъ писалъ ранѣе X в., по житію *Бахрадзе* въ VIII—IX в. (Исторія, 210) Ср. *Броссе. Voyage archéol. Spb., 1849, I г. 5—8. Жорданія. — Хроникп, стр. 2—3.*

(Дарьяльское ущелье) въ страну магоговъ или хозаръ дикихъ, страшныхъ, звѣроподобныхъ, кровожадныхъ, признающихъ только Творца, Св. Або также отправился въ сѣверныя страны, гдѣ были и народы просвѣщенные учениемъ Христовымъ. Правителемъ Грузіи Магди назначилъ Стефаноза, сына Гургена, племянника Нерсе по сестрѣ. Св. Або былъ замученъ сарацинами („саркинозами“) въ царствованіе въ Константинополь Константина, сына Леона, при правителѣ надъ саркинозами Магди, сынѣ эмира-Мосе-Мумни, въ дни католикоса Грузіи Самоеля, при эристовѣ Стефанозѣ, сынѣ Гургена въ пятницу 6 января 6424 г. отъ сотворенія міра.

Названныя въ біографіи историческія лица—Нерсе, Стефанозъ, Гургенъ и католикосъ Самоель неизвѣстны по Бартлисъ-Цховреба⁴. Халифъ же Магди умеръ 3 августа 785 г., императоръ Константинъ, сынъ Леона IV, царствовалъ отъ 700 г. до 787 г. Если мы отъ сотворенія міра до Р. X. примемъ по груз. счисленію 6604 года, а не 5508 (по греч. счисленію), то годъ мученической кончины св. Або будетъ соответствовать 820 г., съ вычетомъ 30 лѣтъ, соответствующихъ времени до крестнаго страданія І. Христа, отсюда смерть св. Або будетъ отнесена къ 790 г. Іоаннъ Собилидзе былъ современникъ св. Або и жизнеописаніе послѣдняго составлено, такимъ образомъ, въ концѣ VIII в. Правописаніе манускрипта древнее напр. употребленіе *ou* вм. *u* какъ и въ греческ. и слав. яз. Названіе мѣсяцевъ житъе даетъ на греческомъ языкѣ съ переводомъ на грузинскій: Горпіосъ (Γορπαῖος μῆν—сентябрь у македонявъ), Виперперистосъ—октябрь (ὕπερπεριστος?), Діосъ—ноябрь (δῖος?), Апилиосъ—декабрь, Авдоніосъ—январь, Перешеосъ—февраль, Дестросъ—мартъ, Есандикосъ—апрѣль, Артемесіосъ—май, Деєіосъ—іюнь, Панемосъ—іюль, Ловосъ—августъ. Замѣчательно еще одно мѣсто житъе св. Або, свидѣтельствующее о распространеніи въ Грузіи астрологическихъ познаній: движенія солнца, луны и звѣздъ, распредѣленіе вѣтровъ, воды, воздуха и землетрасенія.

Содержаніе житъе приведемъ вкратцѣ. Когда магометане распространили свою власть на Грузію, Эриставъ Картли (карталинскій правитель) Нерсе, сынъ Адарнаса-Куропалата, былъ вызванъ въ Вавилонскую страну, въ г. Багдадъ, эмиромъ-Авдилой-Мумни, который велѣлъ заключить въ темницу правителя Грузіи. При сынѣ Мумни, Магди, Эриставъ Нерсе былъ освобожденъ изъ заточенія. Въ то время жилъ въ Багдадѣ восемнадцатилѣтній юноша, Або, изъ рода Измаила, исповѣдовавшій магометанскую вѣру. Познакомившись съ Нерсе, Або оставилъ родителей и прибылъ съ Эриставомъ въ Грузію. Изучивъ здѣсь гру-

звнскій языкъ и христіанское священное писаніе, онъ приобрѣлъ уваженіе народа. Однако магометане снова принудили Нерсе удалиться въ Карталинію. Въ сопровожденіи Або и 300 человекъ, Эривастъ чрезъ Дарьялы и Осетію прибылъ къ хозарамъ, находившемся въ дикомъ состояніи: они употребляли въ пищу кровь и не знали никакой религіи, хотя признавали единого Бога. Въ этой странѣ св. Або, считая себя безопаснымъ отъ мусульманъ, принялъ крещеніе. Изъ Хозаретин Нерсе вмѣстѣ съ св. Або отправился въ Абхазію, гдѣ святой мужъ засталъ полный расцвѣтъ христіанской вѣры. Блаженный Або провелъ три мѣсяца въ молитвѣ, безмолвіи и постѣ, разрѣшивъ свой языкъ для словословія Бога въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Правителемъ Грузіи по фирману халифа Магди сталъ Стефанозъ, сынъ Гургена, который просилъ Эмира дозволить Нерсе, дядѣ его, возвратиться въ отечество. Нерсе получилъ извѣстіе о дарованной свободѣ и поспѣшилъ въ Грузію вмѣстѣ съ св. Або, хотя послѣдняго уграшивалъ остаться правитель Абхазіи, въ виду опасности, угрожающей ему отъ мусульманъ. Въ Тифлисѣ св. Або сталъ называть себя открыто христіаниномъ, но бывшіе его единовѣрцы въ теченіе трехъ лѣтъ не рѣшались причинить ему какое-либо зло. При католикоствѣ Самоелѣ и правителѣ Стефанозѣ онъ былъ заключенъ въ темницу за отступничество отъ магометовой вѣры. Предъ судьей св. Або не оправдывался въ томъ, что перешелъ изъ ислама въ христіанство и былъ закованъ въ кандалы. Въ темницѣ бывшіе его единовѣрцы склонили вернуться къ религіи Магомета, но св. Або отвѣчалъ имъ молитвой или молчаніемъ. Въ день Богоявленія св. Або умылъ лицо свое, помазалъ голову елеемъ и принялъ св. таинство, приготовляясь къ мученической кончинѣ. Скованнаго по рукамъ и ногамъ потащивъ во городъ, представили предъ судилище. Твердость его въ вѣрѣ привела въ ярость судью, который велѣлъ отрубить ему голову. Противники блаженного мужа донесли эмиру, что у христіанъ существуетъ обычай красть тѣла умершихъ за Христа и воздавать имъ великія почести, одежду и волосы ихъ дѣлятъ между собою для врачеванія, и тѣмъ прельщаютъ неопытныхъ. По этому они просили смечь св. Або и пепель его развѣять по воздуху. Эмиръ далъ имъ позволеніе. На мѣстѣ его сожженія многіе получили исцѣленіе отъ недуговъ. Въ первую ночь мученической кончины надъ плахой св. Або сіяла звѣзда, издающая огненный свѣтъ, а на другой день надъ Курой стоялъ огненный столпъ, дабы всѣ уразумѣли слова І. Христа: „кто нѣ служитъ, почитать его Отецъ Мой, иже на небесѣхъ“.

Житіе ¹⁾ св. Нины по *Новому варианту* начинается тѣмъ, что просвѣтительница Грузіи, окончивъ проповѣданіе св. Евангелія, удрученная недугомъ, предала душу свою въ Кахетин, въ селеніи Буда. Передъ кончиной святой собрались у ея ложа царица Саломе Уджармели, Перожавра Сивниели и правители страны, прося ея повѣдать о своемъ происхожденіи. Она велѣла принести чернила и перья и записать рассказъ изъ ея усть.

Въ то время, когда св. Георгій Каппадокійскій принялъ мученическую кончину за вѣру Христа, жилъ въ Коластѣ вѣкій мужъ, у котораго былъ сынъ Юбеналь и дочь Сусана. По смерти родителей Юбеналь и Сусана отправились въ Іерусалимъ. Юбеналь былъ здѣсь оставленъ экономомъ, а Сусана поступила въ услуженіе Міафорѣ Саррѣ изъ Виаеоема. Изъ Каппадокіи же отправился вѣкто Забиловъ въ Римъ, чтобы послужить у императора ²⁾. Ему удалось разбить галловъ (бранджи) ³⁾ и взять въ плѣнъ ихъ вождя. По приказанію императора все плѣнники должны были быть преданы смертной казни. Со слезами они стали умолять Забилона научить прежде вѣрѣ, а потомъ наказать. Патріархъ крестилъ ихъ и приобщилъ св. таинъ. На другой день они приготовились къ казни, но Забиловъ, по волѣ императора, ихъ освободилъ, отправился съ ними въ ихъ страну для распространенія тамъ христіанства. Впослѣдствіи онъ отправляется въ Іерусалимъ. За него, по совѣту Міамфоры, патріархъ выдаетъ Сусану. Супруги возвращаются въ г. Коластъ (по лѣтописи *Коластра*), гдѣ у нихъ родилась дочь, Нина. Просвѣтительница Грузіи здѣсь рассказываетъ отъ своего лица: „Я родилась отъ нихъ и они мои родители; носнитала меня мать моя подѣ своимъ наблюденіемъ въ служеніи бѣд-

¹⁾ Литература по введенію христіанства въ Грузіи: свидѣтельства историковъ IV—V вв. Руфинъ (*Migne Patrologiae*, т. XXI стр. 480—2) Созоменъ (Цери. Исторія, гл. VII), Теодоритъ Кирскій (Цери. ист., гл. 24), Момсей Хоренскій (Исторія Арменіи, гл. 86), Новый вариантъ житія св. Нины, изд. Такишвили. Обращеніе Грузіи въ Хроникахъ изд. Жорданія, Рай Грузіи, изд. Сабининомъ, Картелисъ-Цховреба и Житія груз. свв. изъ Моск. Гл. Арх. Иностр. Дѣлъ.

²⁾ Въ Лѣтописи упоминается имп. Максиміанъ.

³⁾ *Житіе* изъ Моск. Архива иностр. дѣлъ. Бранджи въ исторіи неизвѣстны. Въ то время, къ которому относится повѣствованіе, Константинъ В. побѣдилъ франковъ на берегу Рейна и плѣнилъ ихъ царей Аскаринна и Реганса. *Lebeau. Hist. du Bas-Empire I, 42—3*. Бранджи, быть можетъ, Вругес—фрвгійцы. *Leuormant. Lettres assyriol. III*.

⁴⁾ *Житіе* изъ Моск. Арх. иностранныхъ дѣлъ называется ея Міамфорой.

нимъ, одинаково днемъ и ночью". Когда ей было 12 лѣтъ, родители снова переселились въ Иерусалимъ; отецъ ея для подвижничества удался на Иорданъ, мать была отдана патриархомъ въ служеніе бѣдницъ, а св. Нина Міамфоръ, армянкѣ Двинели на два года. „И спрашивала я ее о страданіяхъ Христа, распятіи, погребеніи и воскресеніи, хитонѣ и крестахъ" и проч.

Міамфора начала свой рассказъ тѣмъ, что передала о чудесахъ, сотворенныхъ І. Христомъ, и о колненіи, вызванномъ ими среди іудеевъ, которые распяли Спасителя на крестѣ и раздѣлили по жребію Его одѣяніе. Хитонъ достался мѣхетскому жителю, и онъ хранится въ Иверіи. Отъ нея св. Нина слышала, что хитонъ Господень въ азиатской странѣ, лежащей къ сѣверу отъ Арменіи, которая находится во власти грековъ и уживовъ¹⁾). Узнавъ отъ одной пріѣхавшей изъ Ефеса женщины, что царица Елена пребываетъ еще въ заблужденіи язычества и что римляне желаютъ познать истину, Міамфора съ благословенія патриарха отправила св. Нину въ Римъ благовѣствовать царицѣ Евангеліе вѣчнаго спасенія.

Въ Римѣ она встрѣтила знатную жену царскаго происхожденія, Ривесмию. Здѣсь онѣ обратили въ христіанство вакую-то царицу Ваданг и съ нею 40 душъ въ царскомъ домѣ. Приняли скорѣе ученіе Спасителя импер. Константинъ и мать его въ 311 г. На 7-мъ году послѣ этого былъ Никейскій соборъ, на восьмомъ году 15 числа перваго мѣсяца бѣжала изъ Греціи царица Рипсимія и ея наставница Гаіана. Въ пятницу 30 перваго мѣсяца онѣ были преданы мученической кончинѣ въ Арменіи царемъ Тердатомъ. За этимъ рассказомъ въ другихъ вариантахъ идетъ подробное повѣствованіе о кончинѣ святыхъ дѣвъ.

На четвертый мѣсяцъ изъ Греціи „я прибыла, рассказываетъ св. Нина, въ Джавахетскимъ горамъ, чтобы узнать, какимъ путемъ идти во Мцхетъ", и остановилась у озера Паравна²⁾). У озера отъ рыболововъ

¹⁾ Объ уживкахъ см. толкованіе *Пл. Иоселіани*. Жизнеописаніе святыхъ груз. церквн. Тифлисъ. 1850. Стр. 39—40 примѣч. Уживки, по словарю *С. С. Орбелиани*, — Багдадъ (на груз. яз., стр. 306). По другимъ толкованіямъ уживки — мавляне; по мнѣнію П. Иоселіани уживки — мадьяры. Броссе отказывается ихъ бытиеть (Л. с.). Уживки, быть можетъ, черкесы, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ Барт. Цховреба: въ началѣ XVI в. уживки опустошили Ивергію. Уживки см. *Дьямлія апост.* ст. 9, груз. переводъ. Замѣчательно, что Уживки неизвѣстны въ другихъ переводахъ священнаго писанія.

²⁾ „*Картлис.-Цх.*, стр. 71. Озеро, откуда беретъ начало Кура. Это мѣсто пропущено въ *Новомъ вариантѣ житія св. Нины* до прибытія ея въ Урбинси.

она получила пищу. Здѣсь святая видѣла и пастуховъ, которые ей говорили, что они обѣщали жертвы своимъ богамъ Армазу и Задену, которыхъ они считаютъ своимъ покровителями, защитниками и виновниками благополучнаго возвращенія на свои мѣста. Пастухи были жители селъ Эларбини, Сапурили, Кипдзари, Рабати и великаго города Мцхетъ, гдѣ „боги господствуютъ и цари царствуютъ“. Путь во Мцхетъ лежалъ по горамъ и лѣсамъ; рѣка изъ озера Парванъ протекаетъ мимо „великаго города“, какъ сказали пастухи св. Нинѣ. Во снѣ „подложивъ подъ голову камень и такъ уснувъ“, святая получила откровеніе отъ мужа среднихъ лѣтъ, который передалъ ей книгу, заключающую въ себѣ 10 изреченій изъ Евангелія для врученія царю ¹⁾. Муж приказалъ подать эту книгу мцхетскому царю—язычнику. Св. Нина, по теченію р. Куры, отправилась въ путь и прибыла въ Урбниси (нинѣ селеніе Горійскаго у. Тифлис. г.), гдѣ она видѣла народъ, поклоняющійся *огню, камнямъ и дереву* ²⁾. Въ Урбниси святая дѣва въ еврейскомъ кварталѣ говорила по-еврейски и спрашивала о нравахъ и обычаяхъ обитателей страны. Черезъ мѣсяцъ вмѣстѣ съ толпой, направляющейся на праздникъ бога Армази, она прибыла во Мцхетъ и остановилась около моста ³⁾ въ Могвта. При наступленіи вечера толпа начала совершать обычное поклоненіе огню.

На другой день, продолжаетъ Саломе, раздались звуки трубъ и вздохъ; былъ назначенъ торжественный выходъ царя Миріана и царицы Наны на праздникъ Армази—„бога боговъ“. Наполнились горы знаменами и народомъ. Святая видѣла, какъ царь и народъ по знаку жрецовъ пали ницъ предъ бездушнымъ истуканомъ, сдѣланнымъ въ образѣ челоуѣка изъ мѣди: на немъ падѣты были золотыя латы и голова покрыта золотымъ шлемомъ, оплечья и глаза были сдѣланы изъ яхонта и изумруда, въ рукѣ держалъ шашку острую, сверкающую и опускающуюся внизъ, по правую его сторону стоялъ идолъ золотой по имени *Гацци* и по лѣвую идолъ серебряный—*Га* (*по лямписи Гаимъ*). Вѣрующіе призывали гнѣвъ бога на тѣхъ, которые осмѣлились бы увизить славу Армази: „да поразитъ онъ своимъ оружіемъ“ отступника и невѣрующаго! Св. Нина, опечаленная заблужденіемъ народа, обратилась къ Богу съ молитвою, просила привести народъ къ познанію истиннаго Создателя. Поднялась буря съ градомъ, которая разсыпала народъ, ниспровергла идола, стѣбамъ капи-

¹⁾ *Histoire de la Géorgie*, I, 98.

²⁾ *См. изреченіе въ Н. д. I. Géorgie* I p. 99. *Карта.-Цхов.* I, 72.

³⁾ *Hist. de la Géorgie* I, 100. *Карта.-Цх.* I, 73.

ца¹⁾ обрушились, и сильнымъ вѣтромъ все было снесено въ пропасть горы. На другой день царь Миріанъ и народъ тщетно искали своихъ боговъ. Гибель Армази стали приписывать то халдейскому богу, автору богу свѣта — Итруджану, то Богу, обратившему Тердата, царя армянскаго, къ вѣрѣ Христа²⁾. Св. Нина же возблагодарила Господа за то, что Онъ услышалъ моленіе рабы своей. Она нашла въ пропасти глазъ изумрудный Армази и вернулась въ то мѣсто, гдѣ были крѣпость и города царя Баргама³⁾, подъ высокимъ вѣтвистымъ деревомъ — *брындаксъ*. Здѣсь она молилась 6 дней предъ крестомъ І. Христа. Приходить къ ней женщина изъ царскаго дома, Шрошана, и спрашиваетъ святую дѣву *черезъ переводчицу на греческомъ языкѣ*, кто она, и что тутъ дѣлаетъ. Св. Нина назвала себя чужеземной дѣвой⁴⁾ и отказалась отъ предложенія жены переселиться въ царскій домъ.

Черезъ три дня послѣ ухода Шрошаны, св. Нина подошла къ царскому саду, и жена Анастось (по другимъ вариантамъ жена стража) пригласила къ себѣ святую; омыла у нея ноги, помазала масломъ, предложила трапезу и вино и попросила остаться у нихъ. Супруги были бездѣтны. По откровенію во снѣ, св. Нина дала супругамъ землю изъ-подъ отпрыска отъ кедра, и у нихъ родились сыновья и дочери, „которыхъ вы сами видите“ говорить своимъ слушателямъ св. дѣва. „Я видѣла вовемя дремочь птицы небесныя спускались къ рѣкѣ. омывались и прилетали въ садъ, и клевали тамъ цвѣты“. На это заиѣтила „сестра моя“, дочь Абиатара (Сидонія): „о, плѣнница, спасительница плѣнныхъ, знай, что пришелъ твой часъ повѣдать намъ о дѣланіи нашихъ отцевъ надъ Небеснымъ человекомъ!.. Твое видѣніе свидѣтельствуетъ, что этотъ садъ долженъ чрезъ тебя сдѣлаться мѣстомъ для прославленія Бога“.

Слѣдуетъ глава 7-я, сказанная еврейкой Сидоніей, дочерью первосвященника Абиатара. Эта глава въ первыхъ вариантахъ совершенно была неизвѣстна. Въ Лѣтописи содержаніе этой главы также приводится, но приписывается не Сидоніи, а Абиатару.

¹⁾ Картл.-Цх. I, 75. Это случилось 6 августа иб. 76. (Житіе св. Нины, 23).

²⁾ Это мѣсто пропущено въ Новомъ вариантѣ и заимствовано нами изъ

Лѣтописи.

³⁾ Городъ этотъ Армазика, построенный Баргачомъ (66 — 83 до Р. Х.). На рѣкѣ Куръ (Куръ) лежитъ, говорятъ *Страбонъ*, *Гармозика* городъ (Армостіа). Географія XI, 3, 5. *Плиній* главнымъ городомъ Иберіи считаетъ *Гармастисъ* (Harmastis). *Historia naturalis* VI, 10, 2.

⁴⁾ Картл.-Цх. I, 76.

Милость Божія, говорятъ Саломе, распространилась и на сѣверный Кавказъ, лежащій выше Арменіи и коснѣющій во мракѣ и заблужденіяхъ... „Прошло до пришествія Христа 1100 лѣтъ, съ Рождества Христова до крещенія Константина царя греческаго 311 лѣтъ и, по прошествіи еще 14 лѣтъ, прибыла въ нашу страну проповѣдница истины Нина, царица наша, сіяющая точно во мракѣ“... Въ Карталиніи во времени ея прихода въ Грузію на 2-хъ горахъ были поставлены два идола—Армазъ и Заденъ, которымъ жители приносили въ жертву своихъ дѣтей. Были еще идолы Гади и Га, въ жертву которымъ сожигали первенца и пепломъ его пощипали главу идола. Послѣ этого разсказа, неизвѣстнаго и въ *Лѣтописи*, и въ другихъ вариантахъ житія, Саломія повѣствуетъ, что „она знаетъ изъ книгъ и слышала отъ отца своего“. Въ царствованіе Ирода въ Іерусалимѣ, во Мцхетѣ распространилось извѣстіе, что персы плѣвили св. градъ, но вскорѣ узнали, что они не покорить пришли, а принесли въ даръ золото, цѣлительную смирну и благовонный ладанъ и искали новорожденного отрока. „Прошло 30 лѣтъ послѣ поклоненія ихъ отроку, получено было письмо Озіей, дѣдомъ моимъ изъ Іерусалима отъ первосвященника Анны, что тотъ, для котораго пришли персы съ дарами, именуется себя царемъ и потому по закону Моисея онъ заслужилъ распатія“.

Братъ матери отца моего, старецъ Эліозъ, по зову первосвященника Анны, отправился въ Іерусалимъ. Мать просила его не присоединяться къ замысламъ враговъ, намѣреющихся убить Спасителя. Хитонъ Господень, о которомъ метнули жребій, достался мцхетскимъ евреямъ. Когда прибывали Спасителя ко кресту, ударъ молотка слышала во Мцхетѣ мать Эліоза и отъ ужаса вскрикнула: „прощай царство Израилево, ибо предали вы смерти избавителя народа твоего“! Сказавъ это, она скончалась. Эліозъ привезъ хитонъ и отдалъ сестрѣ своей. Она обнала его и скончалась. Царь Амазіеръ (а не Адеркъ, какъ было извѣстно по прежнимъ источникамъ) тщетно пытался вырвать изъ рукъ. Ее похоронили вмѣстѣ съ хитономъ недалеко отъ ведра.

До принятія вѣры Христа царицей Наной, блаженная Нина провела шесть лѣтъ. Она совершала исцѣленія и, между прочими, она спасла царицу Нану, вельможу и жреца изъ персовъ хварасапскихъ отъ душевной болѣзни. Царица Нана спрашивала святукъ, какою силой она творить чудеса, не дочь ли она Армази и Задена ¹⁾. „Будь у насъ

¹⁾ Заденъ *Броссе* приближаетъ къ греческому „Ζεδς“. *Brosset. Hist. de la Géorgie I, 57. Пл. Тосселами* въ Заденѣ видятъ одну изъ высшихъ служеб-

вормилницей и будешь чыма въ странѣ этой, не говори что ты чужеземка и не проповѣдуй заблужденія римлянъ (т.-е. грековъ). Вотъ боги, дающіе плоды и міродержатели, распространители солнечныхъ лучей и посылающіе дожди, Армазенъ и Заденъ, открывающіе все тайное и *древніе боги* нашихъ отцовъ — Гацц и Га^с. Армази и халдейскій Итрушанъ во взаимной находятса враждѣ. Если ты, — говоритъ ей царь, — испѣлишь этого вельможу, брата царицы Наны, то обогачу тебя и поставлю тебя во Мцхетѣ служительницей Армази^с. Нана повѣдала ему о Богѣ Творцѣ вселенной, о Спасителѣ міра и указала, что въ его городѣ есть знаки милости Божіей — это одежда Сына Божія. Она кончила рѣчь свою обѣщаніемъ испѣлать вельможу именемъ Христа и крестомъ страданій. Злой духъ, по молитвѣ свѣдѣви, тотчасъ же оставилъ вельможу.

Царь Миріанъ іюля 20, (ср. выше „6 августа“) въ день субботы, отправившись на охоту въ горы Мухранскія, по внушенію злаго духа замышлялъ истребить христіанъ, чародѣйствомъ творившихъ чудеса, и укрѣпить народъ въ почитаніи идоловъ. Вельможи, его сопровождавшіе, одобрили его планъ. На высотахъ горъ Тхоти вдругъ померкло въ его глазахъ солнце, поднялась буря, и онъ тщетно призывалъ боговъ своихъ на помощь. Тогда онъ вспомнилъ св. Нину и Бога ея, взмолился ему, обѣщая воздвигнуть крестъ, если разсѣется мракъ. Молитва его была услышана, и онъ узрѣлъ свѣтъ въ очахъ. Вернувшись въ столицу, онъ встрѣченъ былъ царицей и народомъ въ предмѣстіи Мцхета — Кяндзари и Гарта^с).

нытъ сльгъ, оружающихъ тронъ Ормузда. Смы эти назывались Наедами или гениями добра. (Жизнеописаніе святыхъ грузинской церкви. Тифлисъ 1850, стр. 33).

*) Часть этой главы, начиная съ слова „отправившись“... до „вернувшись“ изложена по Лѣтописи, она пропущена въ *Новомъ варіантѣ* житія св. Наны. *Мурагезъ* въ своемъ сочиненіи *Грузія и Армения* подробно сообщаетъ свѣдѣнія о первыхъ событіяхъ распространенія христіанства въ Грузіи согласно съ лѣтописными извѣстіями, но объ обращеніи царя Миріана чудомъ въ христіанство онъ совершенно умалчиваетъ. См. названное сочиненіе томъ I, стр. 218 и сл. *Проф. Цагарели* въ своемъ трудѣ „Памятники грузинской старины на Синаѣ и въ Святой Землѣ“ пишетъ, что въ Іерусалимѣ на стѣнахъ монастыря св. Креста передается о путешествіи царя Миріана, по совѣту св. Нины, въ Іерусалимъ, гдѣ онъ приобрѣлъ землю для грузинскаго монастыря св. Креста. *Кармисъ-Цхоереба* объ этомъ намъ ничего не говоритъ, но Chronique агтѣп. переведенный съ грузинскаго языка на армянскій при Давидѣ Возобновителѣ (1089 — 1125) и грузинскій архіепископъ *Тимотѣ* въ своемъ *Путе-*

Царь радостно встрѣченный послѣ постигшаго бѣдствія на охотѣ направился со своей свитой къ кущѣ св. Нины и, припавъ къ ней, умолялъ удостойть его призвать имя ея Бога и Спасителя.

Св. Нина, научивъ его истинамъ, посовѣтывала отправить посольство въ имп. Константину съ просьбой прислать въ Грузію священниковъ. Посольство направилось въ Грузію, а царь Миріанъ изъявилъ желаніе немедленно начать постройку храма. Мѣстомъ ¹⁾ для храма былъ выбранъ царскій садъ. Былъ срубленъ кедръ, изъ огромныхъ шести боковыхъ вѣтвей его сдѣлано было шесть столбовъ для поддержки храма. Когда установлены были 6 столбовъ и приступлено было къ постановкѣ седьмаго громаднаго столба, то къ удивленію всѣхъ оказалось, что никакая сила человѣческая не могла сдвинуть его съ мѣста. Царь пришелъ со множествомъ народа, силы людей и машинъ были тщетны. Насталъ вечеръ. Всѣ разошлись. Св. Нина и 12 ея ученицъ остались въ саду. Ученицы святой видятъ, какъ будто горы идоловъ Армази и Задена обрушались и пали въ Куру и Арагву, рѣка выстучила и залила Мцхетъ, при этомъ были слышны ужасные крики и дикіе вопли. Святая успокоила испугавшихся ученицъ, говоря, что этимъ разрушаются горы невѣдѣнія въ Карталинѣ, и остановка теченія рѣкъ означаетъ прекращеніе пролитія крови отроковъ, приносимыхъ въ жертву идоламъ. Не успѣли пѣтухи пропѣть, какъ ученицы святой были опять приведены въ ужасъ: имъ послышался звукъ трубъ, возвѣщавшій о нашествіи персовъ и избиеніи жителей. Св. Нина успокоила словами, что крикъ этотъ—гибель духовъ злобы и спасеніе Карталинѣ. Утомленные ученицы на зарѣ задремали, а св. Нина продолжала стоять на молитвѣ. Ей предсталъ облеченный свѣтомъ отрокъ, сказалъ три слова тайно на ухо, приблизился къ столбу и поднялъ его на воздухъ. Поутру царь замѣтилъ необычно-

шестой (XVIII в.) поддерживаетъ извѣстное намъ по традиціи и по надписи на стѣнахъ монастыря св. Креста о паломничествѣ перваго христіанскаго грузинскаго царя. Указаніе акад. Броссе, на которое и ссылается и проф. Цагарели, что о Бакуріи и введеніи вообще христіанства въ Грузію сообщаетъ свѣдѣнія и Амвранъ Марцеллинь, не находятъ подтвержденій въ книгѣ Штрюттера *Mémoires populogues* и яя переводѣ на русскій языкъ г. Гана „Извѣстія классическихъ писателей о Кавказѣ“. См. *Броссе. Hist. de la Géorgie*, p. 183 и *Цагарели* op. cit., стр. 38.

¹⁾ Въ (Лѣтописи) отсюда начинается новая глава о постройкѣ церкви, сказанная женой Сидоніей. Какъ предыдущая, такъ и эта глава въ Невомѣ и Миріанѣ и Лѣтописи въ своемъ содержаніи не представляютъ разногласій. *Картлис-Цхаверба*, стр. 86—92.

венный свѣтъ въ саду; онъ отправился къ мѣсту знаменія со множествомъ придворныхъ лицъ. Они видѣли, что чудесный столбъ то спускался, то поднимался на высоту 12 локтей. Въ присутствіи царя и собравшагося народа столбъ спустился на основаніе.

Слѣпорожденный еврей, прикоснувшись къ столбу, получилъ зрѣніе. Отрокъ лежавшій въ продолженіе восьми лѣтъ положенный предъ свѣтоноснымъ столбомъ и еще многіе страждущіе получили исцѣленіе. Царь велѣлъ огородить это мѣсто, закрыть отъ глазъ основаніе столба и приступить къ постройкѣ храма. Между тѣмъ прибыли въ Грузію изъ Греціи епископъ, два іерея и діаконъ и приступили къ крещенію народа. Прежде всѣхъ принялъ крещеніе самъ царь, а за нимъ царица.

Я былъ священникомъ говорить Абятаръ въ тотъ годъ, когда прибыла блаженная Нина въ Мцхеть.. Я спрашивалъ ее объ І. Христѣ, о которомъ она повѣдала мнѣ пречистыми своими устами. И принялъ я съ дочерью моею ученіе Спасителя. На р. Куръ, гдѣ стоялъ домъ Эліоза, священникъ крестилъ всю знать царскую, мѣсто названное купелью вельможъ. Получены были письма на имя св. Нины, царя Миріана и всего грузинскаго народа изъ Рима отъ патріарха, ибо стали тамъ извѣстны дѣла и чудеса при воздвиженіи столба.

Срубленное дерево по словамъ Іоакима для креста 25 марта, въ пятницу, сохранило свѣжесть въ теченіе 37 дней, и 7 мая были сдѣланы изъ него кресты и съ великой радостью были поставлены въ новую церковь. Ночью съ неба спустился огненный крестъ, увѣнчанный звѣздами, и остановился надъ храмомъ до горы. На разсвѣтѣ видѣлись изъ нихъ двѣ звѣзды, и одна изъ нихъ направилась къ востоку, другая же къ западу, а самая блестящая звѣзда уходила въ страну Арагвы и стала надъ пещерою, гдѣ, по словамъ св. Нины, открылся источникъ. Св. Нина приказала отправить людей на самыя высокія горы до Кахетіи на востокъ и предѣловъ царства Миріана на западъ, и на ихъ вершинахъ они увидятъ, гдѣ остановятся звѣзды: тамъ и нужно будетъ воздвигнуть два креста. Возвратившіеся послы съ запада рассказали, что звѣзды остановились надъ переходомъ изъ Тхоти въ Каспи, съ востока же донесли, что звѣзда остановилась надъ кахетинскимъ селеніемъ Боди. Св. Нина велѣла воздвигнуть крестъ на горѣ Тхоти и другой передать Саломіи изъ Уджармо, чтобы селеніе Боди не получило преимущества надъ населенной столицей Кахетіи. Затѣмъ жители Мцхета вышли съ св. Ниной къ источнику водъ пещерой и воздвигли здѣсь крестъ. Много исцѣленій и благодати истекло отъ этого креста (Лѣтопись перечисляетъ ихъ).

Св. Нина, оставивъ Мцхетъ, отправилась въ горцамъ звѣреобразнымъ проповѣдывать у нихъ Евангеліе, въ Карталиніи же оставила Абіатара—второго Павла.

Священники прибывшіе изъ Греціи, уговорили царя Миріана воздвигнуть крестъ во Мцхетѣ. Царь велѣлъ срубить дерево для изготовленія креста. Когда онъ былъ приготовленъ, царь Миріанъ рассказывалъ, какъ онъ прозрѣлъ въ горахъ во время мрака, обратившись съ молитвой къ имени І. Христа. Ночью ему явился ангелъ, который указалъ пещеру по ту сторону Арагвы для воздвиженія креста. За день до Пасхи былъ воздвигнутъ крестъ, и при этомъ всѣ оставшіеся въ предѣлахъ Карталиніи идолы низвержены. Былъ назначенъ Миріаномъ праздникъ въ честь креста въ день Пасхи. Такъ какъ чудеса продолжались отъ знаменія распятія, то число вѣрующихъ во Христа все увеличивалось. (См. перечисленіе—*Житіе* 65—7).

Письмо предъ смертью царя Миріана Карталинскаго, написанное рукою архіепископа Іакова и данное Саломіи Уджармоели (женѣ сына своего).

...Я 36-й царь. Огцы мои приносили въ жертву дѣтей идоламъ. Горы Армази и Задена заслуживаютъ быть сожженными огнемъ. И св. Нина—плѣнница зажгла въ сердцѣ моемъ лучъ свѣта, и позналъ я І. Христа, Господа нашего. Построилъ я церковь и воздвигъ въ ней столбъ изъ дерева, растущаго на горѣ, доступной лишь для звѣрей. Слышали о чудесахъ этого дерева: раненый олень, съѣвъ павшія листья съ дерева, получилъ исцѣленіе. Изъ этого дерева я сдѣлалъ три креста: одинъ воздвигъ на горѣ Тхоти, гдѣ я уврѣлъ видѣніе, другой въ Уджармо, а третій на мѣстѣ небснаго чуда. Построилъ церковь въ купцѣ св. Нины. Блаженная, предавъ душу свою Спасителю, представилась и оставила насъ сиротами. Я хотѣлъ пречистое ея тѣло перенести подъ столбъ свѣтоносный, но 400 человекъ не могли его сдвинуть съ мѣста и предали святую погребенію въ Боди, въ Кахетіи, гдѣ построилъ я храмъ.

Супругѣ своей, Нанѣ, Миріанъ завѣщалъ раздѣлить его сокровища на двѣ части и отдать одну изъ нихъ для поддержанія чести мѣста погребенія св. Нины. Сыну завѣщалъ истребить огнемъ идолы, если они гдѣ-нибудь сохранились, „ибо я знаю скоро на Кавказѣ“¹⁾

¹⁾ Любопытно употребленіе слова *Кавказъ*. Нѣкоторые предполагали и въ числѣ ихъ *Усмаръ* (см. Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ), что это названіе становится известнымъ мѣстному населенію лишь въ XVIII в. *Новый вариантъ* и *Обращеніе* нѣсколько разъ даютъ имя Кавказъ, причемъ онъ отождествляется съ Грузіей.

они не уничтожатся". Конецъ книги гласить: книга „Обращеніе Грузин“, считавшаяся потерянной, по истеченіи времени была найдена". Изъ этой приписки нужно заключить, что сказанія различныхъ лицъ—Саломіи, Абіатара, архіеп. Іакова были собраны авторомъ *Житія св. Нины*, придавшимъ имъ тотъ видъ, въ какомъ оно дошло до насъ. При сопоставленіи *Новаго варіанта* житія св. Нины, съ краткимъ сообщеніемъ *Обращенія Грузин*, выясняется, что авторъ послѣдняго первоначальный памятникъ разукрасилъ и дополнилъ новыми подробностями свѣдѣніями сухіе факты своего источника. „Завѣщаніемъ“ кончается содержаніе *Новаго варіанта* житія св. Нины.

Нѣкоторыя подробности изъ исторіи просвѣщенія Грузинъ христіанствомъ приведены въ *Картлис-Цховреба* и *Рачъ грузинской церкви*, не имѣющихъ параллели въ новомъ вариантѣ житія св. Нины. Мы отмѣтимъ важнѣйшія мѣста. Явленіе Богоматери св. Навѣ еще въ Іерусалимѣ, вручившей будущей просвѣтительницѣ Грузинъ вѣстѣ изъ виноградныхъ лозъ, читается лишь въ Жизнеописаніи святыхъ грузинской церкви г. Сабинина ¹⁾, неизвѣстное ни „Лѣтописи“, ни „Рачъ Грузин“. Подробный разсказъ о Рипсиміи и Гаіанѣ, о преслѣдованіи изъ Діоклетіаномъ и Тердатомъ, царемъ армянскимъ, передавъ лишь въ первыхъ донимѣ печатныхъ и рукописныхъ памятникахъ ²⁾. Картлисъ Цховреба называетъ источникъ, откуда это мѣсто она заимствовала: „Какъ написано (объ этомъ) въ книгѣ армянской объ ихъ мученичествѣ, т. е. ³⁾ изъ *Обращенія Арменіи*—исторіи Ага-ангела, переведенной издревле на грузинскій языкъ подъ заглавіемъ:

Разсказъ объ исцѣленіи сына вдовы св. Ниной, уложившей его на войлокъ, переданный въ *Картлисъ-Цховреба* и *Рачъ Грузин* ⁴⁾, согласно съ греческими историками, не находится въ *Новомъ варіантѣ*. Источникомъ для повѣствованія здѣсь, вѣроятно, послужилъ грузинскій переводъ изъ Теодорита, сдѣланный Ефремомъ Младшимъ въ XI в. Въ виду того, что грузинскій текстъ представляетъ очень близкое воспроизведеніе греческаго оригинала, мы опускаемъ переводъ даннаго мѣста на русскій языкъ. Для сравненія привожу только начало изъ сообщенія Ефрема Младшаго: „Иберійцамъ въ то же время

¹⁾ Сабининъ, стр. 7—8. Архивное житіе святыхъ.

²⁾ *Карт.-Цховреба*, 68—71. *Рачъ Грузин*, 128—5. *Brosset Histoire de la Géorgie*, I, 95—8.

³⁾ *Цапарели*. Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности. Спб. 1886. Вып. I, стр. 7. Каталогъ рукописей Афонскаго монастыря.

⁴⁾ *Hist. de la Géorgie* I, 109.

указала путь къ истинѣ жена плѣнница. Она непрестанно упражнялась въ молитвѣ ¹⁾. Разсказъ объ исцѣленіи царицы Наны, переданный въ Нов. вариантѣ въ нѣсколькихъ словахъ, распространенъ въ *Карм.-Цховр.* и *Рай Грузин* на основаніи свѣдѣній изъ греческихъ историковъ Руфина, Сократа, Созомена.

Нѣтъ въ Новомъ вариантѣ подробныхъ свѣдѣній о возвращеніи посланцевъ отъ греческаго царя, приславшаго по *Карм.-Цховр.* и *Раю Грузин* епископа Іоанна, двухъ іереевъ и трехъ діаконовъ. При этомъ импер. *Константинъ* послалъ царю Миріану письмо, св. крестъ, икону Спасителя и Божіей Матери. Съ прибытіемъ во Мцхетъ священнослужителей, царь всѣхъ вѣстовъ и военачальниковъ призвалъ въ столицу, началось крещеніе народа, вслѣдъ за принятіемъ крещенія царя и царицы съ дѣтьми. Горцы отказались принять христіанство и съ ними вмѣстѣ Ферозъ, вліятельный князь Рави до Бардаванн. По просьбѣ царя была прислана имп. Константиномъ часть животворящаго креста, а также гвозди, которыми были прибиты пречистыя руки Спасителя. Прибывшіе въ Грузію архитекторы построили храмы въ Эршети и Манглисѣ, что опечалило Миріана, такъ какъ во Мцхетѣ еще не было церкви Христовой ²⁾. Нѣтъ письма съ восхваленіемъ отъ папы римскаго св. Сильвестра и царя франковъ, присланнаго св. Нинѣ чрезъ франкскаго дьякона о просвѣщеніи франковъ отцомъ ея. Возгордившись ревностью къ І. Христу, Миріанъ желалъ горцевъ и зятя своего, Фероза, оружіемъ принудить принять крещеніе, но св. Нина отклонила это предложеніе. Проповѣданіе Евангелія среди горцевъ, чартійцевъ, пхovelьцевъ, гудамарцевъ ³⁾ св. Ниной и еп. Іоанномъ—все это отсутствуетъ въ *Нов. вариантахъ*. Свѣдѣнія *Кармисъ-Цховреба* о просвѣщеніи впоследствии горцевъ Авивомъ Некресскимъ должны быть внесены изъ позднѣйшихъ источниковъ въ Лѣтопись и прежнія житія святыхъ ⁴⁾.

Извѣщеніе царицы Софіи и Миріана св. Ниной письмомъ о кончинѣ, о возвращеніи бывшаго заложника Бакара изъ Константинополя съ письмомъ Константина В., предлагавшаго дружбу иверійскому царю, о построеніи Самтаврскаго храма, о смерти сына царя Миріана, Рева, на 35 году обращенія Грузин передаются лишь въ *Кармисъ-Цховреба* и *Сакартвелосъ - Саломѣе* (*Рай Грузин*). Нана и Саломія

¹⁾ *Церковная исторія Θεодорита*, гл. 24 (начало).

²⁾ *Hist. de la Georgie*, 120—2.

³⁾ *Hist. de la Georgie*, 121—9. Ср. *Архивное житіе*:

⁴⁾ Ср. Гуджары, Бутансѣ 1891, изд. швою 41—9.

просили св. Нину рассказать о своей жизни, и Саломія со словъ блаженной записала, говорить Лѣтопись, ея житіе. Епископъ Іоаннъ пріобщилъ св. Нину св. таинъ, послѣ чего она предала душу свою Спасителю 14 января, чрезъ 14 лѣтъ по вступленіи въ Грузію, въ 338 г. отъ вознесенія и въ 5838 г. отъ сотворенія міра. Таковы отличія Новаго варианта отъ Лѣтописи и Раи Грузинъ¹⁾. Годъ крещенія Грузіи мы попытаемся установить сопоставленіемъ вышеприведенной даты, съ показаніемъ по этому вопросу *Обращенія Грузіи, Новаго варианта житія св. Нины*.

Грузинская хроника, переведенная на армянскій языкъ въ XI—XII в., передаетъ всѣ событія, сопровождавшія введеніе христіанства въ Грузію, согласно съ Лѣтописью, но въ болѣе лаконической формѣ. Разногласіе ихъ, заслуживающее вниманія, касается даты представленія св. Нины. По этой хроникѣ, извѣстной лишь въ переводѣ ак. Броссе на французскій языкъ, время кончинымъ просвѣтительницы Грузіи пріурочивается къ 332 году по Вознесеніи Христовѣ²⁾. Что же касается общаго характера повѣствованія „Хроники“, то по краткости и сжатости она приближается къ Новому варианту житія св. Нины а по распредѣленію главъ и внутреннему содержанію связь ея съ Лѣтописью не подлежитъ сомнѣнію. *Картлисъ-Цховреба* въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ въ рукописяхъ съ XVII в., представляетъ распространенный рассказъ Хроники, дополненный извлеченіями изъ другихъ туземныхъ и иностранныхъ источниковъ.

Сравнимъ³⁾ рассказъ византійскихъ историковъ, армянскаго писателя Моисея Хоренскаго съ содержаніемъ сказаній о распространеніи въ Грузіи христіанства, насколько они намъ извѣстны изъ *Новаго варианта* житія св. Нины, *Картлисъ-Цховреба* и другихъ источниковъ⁴⁾. Разногласіе между Лѣтописью и Раемъ грузинской церкви не существенны и сводятся къ очень незначительнымъ пропускамъ, не имѣющимъ значенія для освѣщенія исторіи введенія христіанства въ Грузію. Для насъ имѣютъ значеніе тѣ мѣста въ источникахъ, которые пополняютъ наши свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу, даютъ историческіе факты, совпадающіе или противорѣчащіе между собою. Критика источ-

¹⁾ Hist. de la Géorgie I, 130—2.

²⁾ *Brosset* Addit. et éclaircissements. Armen. Chronique, p. 32.

³⁾ См. мою работу „Источники по введенію христіанства въ Грузію“ (М. 1893), гдѣ приведены свѣдѣнія греческихъ и армянскихъ писателей, въ связи съ извѣстіями грузинскихъ источниковъ.

⁴⁾ *Раи Грузин*, изд. на груз. яз. Сиб. 1882.

няковъ не должна быть направлена на дальнѣйшія пополненія, выражающіяся лишь въ развитіи свѣдѣній у послѣдующихъ писателей, которые представляются заимствованными у предшественниковъ. Основнымъ свидѣтельствомъ для греческихъ историковъ послужилъ рассказъ, по словамъ Руфина, грузинскаго царевича Бакурія, бывшаго заложникомъ въ Константинополь. Бакурій, котораго хорошо знаетъ и Картлисъ-Цховреба, сообщилъ Руфину нѣкоторыя подробности введенія христіанства въ Грузію, которыя впоследствии вошли или почти безъ измѣненія, или въ легкой перефразировкѣ, или съ незначительными пропусками въ „Исторію“ Сократа, Созомена, Θεодорита и др. Общій капиталъ ихъ свидѣтельствъ основывается на Руфинѣ, записавшемъ свой рассказъ со словъ „очевидца“ первыхъ моментовъ проповѣдыванія св. Ниною ученія Христа имени Бакурія.

Руфинъ говоритъ о введеніи христіанства слѣд.: иберійская царица, живущая sub axe Pontico, приняла христіанство чрезъ оказавшуюся у нихъ плѣнницу (captiva). Она вела вѣрную и строгую жизнь, проводя дни и ночи въ бдѣніи и молитвахъ. Она изумила „варваровъ“ своимъ образомъ жизни и именемъ Христа, котораго она называла своимъ Богомъ. Случилось, что заболѣлъ у одной жены ребенокъ. По обычаю, заведенному въ страхъ, его тщетно носила мать по домамъ узнать лѣкарство противъ болѣзни. Наконецъ, она обратилась къ „плѣнницѣ“, которая, не зная другого лѣкарства кромѣ молитвы, положила на свой коверъ изъ шерсти (oilicio vno)¹⁾ призвала своего Господа, и ребенокъ получалъ исцѣленіе. Молва и чудесномъ спасеніи его скоро распространилась и дошла до царицы. Последняя, заболѣвъ, потребовала св. дѣву къ себѣ, но та отказалась; тогда больная царица была приведена въ хижину (cellulam) блаженной жены, которая тѣмъ же способомъ на своемъ коверъ исцѣлила ее, призвавъ имя Христа.

Царь, обрадованный ея скорымъ, неожиданнымъ избавленіемъ отъ болѣзни, велѣлъ послать плѣнницѣ подарки; царица возразила, что ея спасительница презираетъ золото и серебро, довольствуясь скудною пищею. Случилось царю охотиться въ лѣсахъ, и вдругъ все небо покрылось мракомъ ночи, спутники разошлись и самъ царь бродилъ въ неизвѣстности. Ему пришла мысль обратиться къ Богу плѣнницы—І. Христу, обѣщавъ, если Онъ разсѣетъ тьму, то почтять его истиннымъ Творцомъ. Мракъ тотчасъ смѣненъ былъ свѣтомъ и царь благополучно возвратился въ столицу. Онъ позвалъ къ себѣ

¹⁾ „kiliksa zeda“ по Лѣтописи.

„пѣнницѣ“, просилъ ее научить, какъ вѣровать въ единого Бога І. Христа. Царь, созвавъ народъ, изложилъ все дѣло своего чудеснаго спасенія и поучалъ его вѣрѣ во Христа, а царица проповѣдывала среди тамошнихъ женщинъ. Блаженная пѣнница начертила планъ дѣрзвы, начали ее строить и ставить колонны. Постановка третьей колонны опять сопровождалась чудомъ: бѣли употреблены всѣ силы людскія и машинъ, но она не могла быть сдвинута съ мѣста. Разошлись къ вечеру всѣ и царь вмѣстѣ съ ними опечаленный. Пѣнница, оставшись здѣсь, провела всю ночь въ молитвѣ и утромъ, когда царь со святой прибылъ на мѣсто работы, онъ увидѣлъ, что колонна поднята и стоитъ на нѣкоторой высотѣ надъ основаніемъ и въ виду всѣхъ она спустилась на свой базисъ. Другія колонны уже легко были поставлены. Церковь была построена, отправили пословъ къ импер. Константину съ просьбой прислать священнослужителей. Императоръ охотно исполняетъ требованіе иберійскаго царя.

Это разсказалъ намъ, прибавляетъ Руфинъ, вѣрнѣйшій мужъ Бакурій, царь того народа, бывшій у нашего императора заложникомъ. Онъ былъ военачальникомъ палестинскихъ границъ.

Сократъ также заявляетъ, что извѣстіе о проповѣданіи ученія Христа записано Руфиномъ со словъ Бакурія, „который былъ прежде иберійскимъ княземъ, сдѣланъ начальникомъ палестинскихъ границъ, а, наконецъ, вождемъ войскъ и помогалъ царю Θεодосію въ войнѣ противъ тиранна Максима“. Сократъ и въ другомъ мѣстѣ своей исторіи *) разсказываетъ, что Θεодоръ, императоръ византійскій, предпринялъ походъ противъ Евгенія **), правителя западныхъ областей; военачальникомъ тогда былъ Бакурій, который такъ мужественно укрѣпился, что съ передовыми линіями перебросился въ то мѣсто сраженія, гдѣ преслѣдуемы были варвары, разрѣзалъ непріятельскія фаланги и обратилъ въ бѣгство гѣхъ, которые сами недавно гнали враговъ.

Грузинская исторія также подтверждаетъ извѣстіе Руфина и Сократа относительно Бакурія, бывшаго заложникомъ въ Константинополѣ ***). Бакаръ (Бакурій) считается внукомъ царя Миріана, принявшаго христіанство и царствовалъ послѣ Рева ****), отъ 342—364. Онъ ревностно распространялъ христіанство среди кавказскихъ горцевъ,

*) Церковная исторія, глава 25.

**) *Lebeau. Hist. du V. Empire III, 337 п. 2; v. 45—6; 53.*

*) *Киртмисъ-Цх. I, 99. Hist. de la G. I, 129.*

*) Бакаръ по грузинской Лѣтописи считался сыномъ Миріана (*Hist. d. I. Géorgie I, 132—3*). Но недавно открытая хроника *Обращеніе Грузинъ* сыномъ Миріана называетъ Рева, а Бакара сыномъ послѣдняго: (стр. 22).

по возвращеніи изъ Византіи, незадолго до смерти отца своего Миріана, какъ передаетъ наша Лѣтопись. Бакаръ „Картлисъ-Цховреба“ и Бакурій византійскихъ историковъ несомнѣнно одно и то же лицо, свѣдѣнія касательно котораго безъ разногласій совпадаютъ у мѣстныхъ и иностранныхъ писателей.

Установивъ достовѣрность существованія Бакарія, на свидѣтельствѣ котораго основывается Руфинъ, а затѣмъ послѣдующіе греческіе историки, я сопоставлю показанія Картлисъ-Цховреба съ извѣстіемъ Руфина, изъ котораго будетъ явственно, какъ по важнымъ пунктамъ введенія христіанства они согласны и тождественны. Вниманіе грузинскаго лѣтописца и византійскаго историка обращено на три главные момента утвержденія ученія Евангелія въ Иверіи: именно, исцѣленіе св. проповѣдницей христіанства отъ болѣзни царицы Наны и сына одной вдовы, которая по обычаю ходила по всѣмъ домамъ и, наконецъ, обратилась къ плѣнницѣ. Последняя, положивъ на свой коверъ (cilicio) ¹⁾, по Кар.-Цх. на войлокъ больнаго, помолилась Богу и даровала исцѣленіе. Второй моментъ. Мракъ, распространившійся во время охоты, но вдругъ разсѣянный именемъ І. Христа, укрѣпляетъ царя въ этомъ намѣреніи. Возвратившись въ столицу послѣ призванія на помощь Христа, онъ обращается къ плѣнницѣ за наставленіемъ. Далѣе чудо съ колонной, отправленіе пословъ къ Константину съ просьбой прислать священниковъ совпадаютъ у грузинскихъ и византійскихъ историковъ ²⁾. Бакурій—свидѣтель введенія христіанства, рассказалъ Руфину то самое, что записано очевидцами въ Грузіи—Сидоніей, Абитаромъ и Саломіей со словъ св. Нины. Очевидцами они называются и въ *Обращеніи Грузіи*, наиболѣе древнемъ историческомъ памятникѣ, однако, тутъ мы не находимъ подробностей сказаній, извѣстныхъ намъ изъ Новаго варіанта житія и другихъ манускриптовъ, повѣствующихъ о первыхъ фазисахъ оваренія Грузіи христіанствомъ. Мы имѣемъ пока лишь остатки грузинской письменности V в., а если просвѣщеніе Грузіи относится къ первой половинѣ IV в., то не будетъ невѣроятной

¹⁾ Удивительно, что cilicio *Руфина* и киликса-зеда Барт.-Цх. одного корня. По мнѣнію проф. Ф. Е. Корша, слово это было очень распространено въ Малой Азіи.

²⁾ Нападеніе Миріана съ персидскимъ царемъ на владѣнія Константина Великаго, сообщаемое нашею Лѣтописью, оправдывается показаніемъ персидскихъ историковъ. Во времени Миріана возшелъ на персидскій престолъ Сапуръ, жизнь котораго украшена баснями. Однако, достовѣрно, что онъ удачно воевалъ съ византійцами. *Malcolm. Hist. de la Perse I, 155.*

гипотезой записи очевидцев проповѣдыванія Евангелія св. Ниной отнести ко времени не позже второй половины того же столѣтія. Такое предположеніе дѣлаетъ возможнымъ заключить, что первыя свѣдѣнія о такомъ важномъ поворотномъ событіи въ жизни народа послужили началомъ историческихъ записей, отрывавшихся въ Лѣтописи. Этимъ объясняется, что *Обращеніе Грузіи*, не подвергшееся, подобно другимъ вариантамъ житій св. Нины, вліянію позднѣйшей традиціи и греческихъ историковъ, повѣствуетъ о просвѣщеніи Грузіи въ существенныхъ чертахъ согласно съ иноземными писателями.

24 гл. Исторіи Теодорита была переведена на грузинскій языкъ въ XI—XII в. Ефремомъ Младшимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что его рассказъ отложился на мѣстныхъ записи. Составитель житій святыхъ грузинской церкви катол. Арсеній соединялъ и комбинируетъ свѣдѣнія о св. Нинѣ, сообщаемыя туземными и иностранными писателями. Такъ, краткое повѣствованіе *Обращенія* дополнилось извлеченіями изъ византійскихъ писателей. Относительно византійскихъ историковъ, основывающихся на Руфинѣ въ вопросѣ о просвѣщеніи Грузіи ученіемъ Христа, слѣдуетъ прибавить, что нѣкоторые изъ нихъ подробно, дословно передаютъ рассказъ Руфина, другіе же дѣлаютъ небольшіе пропуски и дополненія. Такъ, Теодоритъ Кирскій не приводитъ свѣдѣній о чудѣ съ колонной, поставленной молитвой блаженной дѣвы на свой базисъ. Онъ же исправляетъ Руфина въ томъ отношеніи, что считаетъ лишь одного царя Миріана пораженнымъ слѣпотой. Теодоритъ, согласно съ грузинской Лѣтописью, передаетъ, что первый больной, излеченный молитвами св. Нины, былъ ребенокъ неизвѣстныхъ родителей. Созоменъ считаетъ его также „нѣкимъ отрокомъ“, а Сократъ, первый продолжаетъ Руфина, увѣряетъ, что „заболѣлъ сынъ царя“, который и былъ приведенъ къ „плѣнницѣ“ для лѣченія. Эта поправка Сократа объясняется желаніемъ историка внести больше ясности и точности и хорошо иллюстрируется привычкой, напр. Плутарха къ опредѣленности рассказа, хотя бы черты для подобной ясности заимствовались изъ области фантазіи. Изъ византійскихъ историковъ Созоменъ представляется болѣе словоохотливымъ рассказчикомъ, дополняетъ и прикрашиваетъ повѣствованіе своихъ предшественниковъ. Руфинъ и Сократъ заявляютъ кратко, что плѣнница не знала никакого лѣкарства¹⁾ кромѣ молитвы, а Созоменъ, распространяя это извѣстіе, говоритъ, что св. Нина „не дала больному ни казей, ни пластырей“.

¹⁾ Никакого матеріальнаго средства по Сократу.

Θеодоритъ, вопреки показаніямъ всѣхъ другихъ источниковъ, передаетъ, что лишь одинъ царь былъ ослѣпленъ на охотѣ. Но едва ли можно положиться на свидѣтельство этого историка въ виду поздняго происхожденія его разсказа, притомъ измѣненнаго въ данномъ мѣстѣ неизвѣстно на основаніи какихъ соображеній.

Сопоставивъ Руфина съ его продолжателями и съ Карлисцховреба, мнѣ остается сопоставить свѣдѣнія Моисея Хоренскаго и нашей лѣтописи. Армянскій историкъ ближе знаетъ, дѣло распространенія христіанства въ Грузіи, потому что онъ заимствовалъ свѣдѣнія по этому вопросу у грузинскихъ историковъ ¹⁾ Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ту особенность повѣствованія Хоренскаго, что онъ прямо называетъ столицу Иверіи, Мцхету, о чемъ не знаютъ византійскіе историки, называя лишь страну, лежащую „по берегамъ Эвсинскаго понта“ ²⁾. Далѣе армянскій историкъ знаетъ по имени иверійскаго царя, „Михрана“ (Мириана). Ему извѣстно также имя просвѣтительницы Грузіи, которую онъ называетъ Нунѣ. Византійскіе историки именуютъ ее лишь плѣнницей (captiva). Она сама себя въ Кар.-Цховреба считаетъ плѣнницей.

Моисей Хоренскій передаетъ вкратцѣ то же, что извѣстно Кар.-Цх. и византійскимъ историкамъ. „Строгая жизнь Нунѣ, даръ исцѣленія“, блужданіе Михрана въ лѣсу вслѣдствіе мрака, неожиданно покрывшаго солнце, воздвиженіе креста—вотъ основные факты, переданные имъ относительно распространенія христіанства въ Грузіи. Разсказъ его кратокъ и сжатъ и, повидимому, заимствованъ изъ болѣе подробныхъ источниковъ. Греки и грузины подробно передаютъ свѣдѣнія объ исцѣленіи ребенка, царицы ³⁾ грузинской, а армянскій писатель разсказъ объ этихъ чудесахъ стянулъ въ одну фразу: „строкою жизнью она удостоилась получить даръ исцѣленія“. М. Хоренскому подробнѣе сравнительно съ греческими писателями извѣстна языческая религія грузинъ. Онъ называетъ Бога „громовержца Армазда (Армази ⁴⁾ по Кар.-Цховреба“), стоявшаго за городомъ отъ ко-

¹⁾ Мнѣніе покойнаго Баградзе.

²⁾ Сократъ, гл. XIX.

³⁾ Ея имя по грузинской лѣтописи (Нана).

⁴⁾ См. *Brosset. Hist. de la Géorgie* I, 43. Армази—зендскій Ahura-Mazda, Ормуздъ, враждебный Ариману и чудовищному змѣю Ajidahaka, съ которымъ борется его сынъ Атаг. Въ другомъ мѣстѣ побѣдителемъ этого трехглаваго чудовища является Тритино-Феридунъ Шахъ-Намѣ, грузин. Афрдуизъ, армян. Руденъ. Феридунъ борется съ Зохакомъ, полузвѣрь-получеловѣкомъ. *Весселовскій*.

того раздѣляла рѣка. Жители имѣли обыкновеніе рано по утрамъ съ кровель домовъ своихъ покланяться его изображенію, возвышавшемуся передъ ихъ глазами; а желающіе принести ему жертвы переходили рѣку и передъ храмами совершали закланіе.

Извѣстіе это совершенно согласуется съ свидѣтельствомъ Кар.-Цх. ¹⁾. По грузинской Лѣтописи — Армази, Армаздъ М. Хоренскаго, былъ богъ солнца и дождя ²⁾. Моисей Хоренскій говоритъ, что св. Нина разрушила идолы иберійцевъ, по совѣту св. Григорія, просвѣтителя армянъ, послѣ того какъ грузины добровольно приняли проповѣданіе Евангелія. Кар.-Цх. же рассказываетъ, что истуканы были сокрушены вѣтромъ по молитвѣ св. Нины еще до принатія ея ученія иберійцами.

Армянскій историкъ прибавляетъ свѣдѣнія о послѣдующей апостольской дѣятельности св. Нувѣ: „она... проповѣдывала, начиная отъ Бехарчовъ у воротъ алановъ и касбовъ до предѣловъ Маскутовъ“ ³⁾. Бехарчи — въ гугарской области, маскути-массагеты, по объясненію Н. О. Эмина.

Грузинская лѣтопись также сообщаетъ, что св. Нина, царь Миріанъ, епископъ Іоаннъ и одинъ изъ эриставовъ (областныхъ правителей) отправились проповѣдывать Евангеліе среди горцевъ. Прибывъ въ Цорбанъ, мѣстность географически до сихъ поръ неизвѣстную ⁴⁾, св. Нина, наставляла въ вѣрѣ христіанской партійцевъ ⁵⁾, жившихъ выше Аначурки на притока Арагвы, пховельцевъ или нынѣшнихъ пшавовъ ⁶⁾. Пхавельцы оставили свою землю и переселились въ Тушетію; живущіе на границѣ Тушетин и Гудамакары, просвѣтительница также благовѣствовала Евангеліе. По „Обращенію Грузіи“ имѣемъ нѣсколько иное свѣдѣніе о предѣлахъ распространенія ученія Еванге-

Романованіи въ области русскихъ духов. стиховъ. Сборн. отд. рус. яз. и слов. Им. Акад. Н., т. XXI, стр. 68. *Мой грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи*, стр. 18—22. Въ „Чтеніяхъ“ Общества Ист. и Древн. Рос., кн. IV, за 1891 г.

¹⁾ Кар.-Цх. I, 85.

²⁾ *Исторія Арменіи М. Хоренскаго*, пер. Эмина, стр. 153.

³⁾ *Тб.* стр. 308—309.

⁴⁾ *Вахушти* въ своей географіи называетъ рѣчку Цорбисъ, но она протекаетъ въ горійскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ р. Двани (*Description Geograph.* р. 262). Цорбанъ въ армянской хроникѣ передѣланъ въ Dzirbin. *Chronique, Armen* р. 31.

⁵⁾ *Wakhoucht. Descrip. géogr.* р. 221. Ср. *Chronique armen.* „Djart-mi“, р. 31.

⁶⁾ *Фаустъ византийскій* въ называется Phokh р. 15.

лія св. Ниной⁴. Прибыла (св. дѣва) въ Эрцо, оставалась въ Джалети, урочищѣ Эдемѣ, крестила Эрцо-тионетцевъ, а кварельцы, услышавъ объ этомъ перешли, въ Тушетію, и ихъ впоследствии царь Тердаты привелъ и крестилъ⁵). По Лѣтописи царь Миріанъ за уклоненіе отъ принятія крещенія наложилъ на горцевъ усиленные повинности. Лѣтопись прибавляетъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ впоследствии обратилъ въ христіанство Абибось, епископъ Некресскій. Къ этому извѣстію можемъ прибавить, что еще въ XVII в. Цилванскому епископу, Роману, приходилось проповѣдывать ученіе Христа среди грузинскихъ горцевъ не безъ опасности для своей жизни⁶). Въ дополненіе показаній грузинскихъ источниковъ о мѣстностяхъ, посѣщенныхъ съ цѣлю обращенія жителей въ Евангелію, мы должны прибавить Кахетію, гдѣ св. Нина крестила правителей.

Сѣверную и восточную границу, до которой распространялась проповѣдь св. Нины по грузинскимъ и армянскимъ историкамъ, представляетъ страна алановъ и касповъ. Прокопій историкъ VI в. называетъ алановъ сосѣдями иберовъ⁷). Если аланы—осетины, какъ доказываетъ В. О. Миллеръ, то тогда Кар.-Цховреба и Мойсей Хоренскій вполне согласны относительно предѣловъ проповѣднической дѣятельности св. Нины. За Гудамакіри, Чарти, Пшаветіей и Тушетіе обитаютъ осетины, среди которыхъ она по извѣстіямъ грузинской лѣтописи, ни по словамъ армянскаго историка св. просвѣтительница Грузіи не успѣла возвѣститъ христіанскаго ученія. Итакъ, Аланскія ворота—тѣ же Дарьяльскія—начинаются отъ предѣловъ народовъ, у которыхъ св. Нина проповѣдывала христіанство. Грузинская лѣтопись называетъ послѣдній предѣлъ, озаренный лучемъ новой религіи, а Мойсей Хоренскій указываетъ границу, съ которой прежній мракъ остался не тронутымъ свѣтомъ Евангелія.

Восточную границу проповѣди св. Нины составляютъ по М. Хоренскому Каспи. Послѣдніе были во владѣніи албанцевъ во времена Страбона⁸). Албанія или нынѣшняя Албани лежитъ въ сѣверной части Кахетіи и составляетъ собственность тушинъ-цовцевъ. За ними—албанцами жили каспіяни или каспи до моря, получившаго названіе Каспійскаго. Въ Алванію или Албанію, страну тушинъ, по извѣстіямъ Кар.-Цх., св. Нина внесла ученіе Евангелія. За Албаніей страна

¹) *Обращеніе Грузіи*, стр. 19.

²) См. *Гуджарты*, изд. мною. Бутакъ, 1891, стр. 41—60. См. еще 38 стр.

³) *De bello Persico* II, 29.

⁴) *Страбонъ*. Географія IV, 5.

касповъ осталась въ извѣствѣ. И тутъ грузинская Лѣтопись отмѣчаетъ послѣднюю границу, озаренную Новымъ завѣтомъ, а Моисей Хоренскій указываетъ рубежъ, далѣе котораго христіанство не распространилось при св. равноапостольной Нинѣ. Среди горцевъ христіанство было введено принудительнымъ путемъ, насильно опрокидывались ихъ идолы, но они упорно уклонялись, а часть даже оставила родину и переселилась въ Тушетію. Въ наказаніе отказавшимся принять христіанство царь увеличилъ, какъ я сказалъ, государственныя повинности и подати.

Я разсмотрѣлъ три группы источниковъ: византійскіе, грузинскіе и армянскіе. Я сравнивалъ съ одной стороны греческихъ историковъ съ грузинскими, съ другой стороны свидѣтельство армянскаго историка съ данными грузинской исторіи. Изъ сопоставленія свѣдѣній греко-грузинскихъ историковъ я заключилъ, что рассказъ ихъ существенно сходенъ и основанъ на показаніяхъ современниковъ. Руфинъ передаетъ исторію распространенія христіанства въ Грузіи, опираясь на рассказъ Бакурія, внука царя Миріана, при которомъ Иверія была просвѣщена новой религіей. Бакурій, отправленный заложникомъ въ Константинополь, по принятіи христіанства по свидѣтельству византійскихъ повѣствователей и Картлисъ-Цховреба, рассказывалъ Руфину дѣло введенія новаго ученія. Въ Грузіи же таже исторія была записана очевидцами и современниками, пользовавшимися жизнеописаніемъ св. Нины со словъ этой просвѣтительницы Иверіи. Рассказъ, приведенный въ грузинской Лѣтописи и въ житіяхъ святыхъ относительно проповѣди св. Нины, въ существенномъ совпадаетъ съ повѣствованіемъ недавно открытой рукописью IX в.—Новый вариантъ житія св. Нины. „Кар.-Цховреба“ знаетъ имя царя Грузіи, просвѣтительницы ея, называетъ авторовъ житій св. Нины и вообще фактическія подробности ея превосходятъ свѣдѣнія по данному вопросу, сообщаемыя иностранными писателями. Ко времени внесенія въ грузинскую лѣтопись и въ исторію Руфина свѣдѣній о проповѣданіи св. Ниной христіанства въ Грузіи народное преданіе успѣло уже разукрасить первоначальное сказаніе вымысломъ, что отразилось одинаково у грузинскихъ и у греческихъ писателей.

Чтобы выдѣлать историческое зерно отъ позднѣйшихъ наслоеній, необходимо обратиться къ недавно открытому памятнику IX—X в., посвященному названію—„Обращеніе Грузія“. Изъ разбора грузинскихъ, византійскихъ и армянскихъ источниковъ мы знаемъ, что вниманіе историковъ было обращено на три момента при введеніи христіанства въ Грузію: 1) на испѣленіе св. Ниной отъ болѣзни сына вдовы

и на избавленіе отъ недуга царицы Наны; 2) разсѣяніе мрака, окружавшаго царя Миріана на охотѣ; 3) чудо при воздвиженіи колоннъ. Вышеназванный памятникъ совершенно умалчиваетъ объ этихъ чудесахъ, точно также о послѣдующихъ исцѣленіяхъ и предзнаменованіяхъ, исходящихъ отъ св. храма, построеннаго на мѣстѣ срубленнаго кедра. Біографическія свѣдѣнія о св. просвѣтительницѣ Грузія, такъ подробно извѣстныя изъ Карглисъ-Цховреба и *Новаго варианта* житія св. Нины, ограничиваются двумя скудными фактами. Мы узнаемъ, что царица Елена, мать Константина В., застала въ Иерусалимѣ „плѣнницу Нину“¹⁾. Кромѣ того, *Обращеніе* сообщаетъ о подругахъ св. Нины — Рипсиміи и Гаіанѣ, оставшихся у Тердата, царя армянскаго, но безъ подробностей Каргл.-Цховреба.

Св. Нина прибывъ по теченію р. Куры въ Мцхетъ, сдѣлала крестъ изъ виноградныхъ лозъ, начала проповѣдывать ученіе Христа. На шестой годъ ея проповѣди увѣровала царица Нана, а на седьмой—царь (чудомъ) и построила церковь. Отправили пословъ къ императору Константину съ просьбой прислать священниковъ. Прибыли оттуда епископъ Іоаннъ, два священника и одинъ дьяконъ. Принявъ крещеніе царь Миріанъ и весь его домъ.

Царь Миріанъ спрашиваетъ о хитонѣ Господнемъ, доставшемся мцхетскому еврею. Но въ *Обращеніи* нѣтъ даже тѣхъ сравнительно съ Лѣтописью немногихъ фактовъ, которые открываются въ Новомъ вариантѣ житія св. Нины. Ни рассказы о происхожденіи св. Нины, ни свѣдѣній о свв. Рипсиміи и Гаіанѣ, ни чудесъ, сотворенныхъ просвѣтительницей Грузія при исцѣленіи сына вдовы, царицы Наны и низверженіи идоловъ, мы не находимъ въ *Обращеніи Грузія*. Нѣтъ также подробностей объ помраченіи и просвѣтленіи Миріана, воздвиженіи креста, отправленіи пословъ къ Грецію и пр. Я указалъ на принудительный способъ распространенія христіанства среди горцевъ, заимствуя эти свѣдѣнія изъ Лѣтописи. Согласно съ свидѣтельствомъ Карглисъ-Цховреба повѣствуетъ объ этомъ и *Обращеніе*.

Конецъ земной жизни св. Нины въ хроникѣ отмѣченъ такъ: на 14-омъ году по прибытіи въ Грузію, въ 338 г. по Вознесеніи Христа и отъ сотворенія міра въ 5838 г. Намъ извѣстно изъ *Обращенія*, что царь Миріанъ увѣровалъ въ ученіе Христа на седьмомъ году по прибытіи св. просвѣтительницы въ Грузію, но принявъ крещеніе послѣ построенія храма и прибытія изъ Визавтіи священнослужителей. Если примемъ во вниманіе промежутокъ времени между

¹⁾ *Обращеніе*, стр. 15.

отправленіемъ пословъ къ Константину В. и прибытіемъ епископа Іоанна, то годъ крещенія Миріана придется отодвинуть на 8-й годъ прибытія св. Нины въ Грузію, т. е. къ 332 г., потому что св. просвѣтительница скончалась на 14-ый годъ по прибытіи въ Грузію, или въ 338 г. Значить годъ вступленія ея въ предѣлы Грузіи относится въ 324 г. Прибавивъ къ 324 еще 8 лѣтъ, время до крещенія Миріана, получимъ 332 годъ, который мы считаемъ годомъ принятія христіанства Грузіей ¹⁾. Дюбуа ²⁾ называетъ 318 годъ, но онъ, подобно показанію, Чамчіану долженъ быть отвергнутъ.

Сравнивая показанія хроникъ и лѣтописи, мы можемъ заключить, что подробности втораго источника представляютъ развитіе сжатой мысли перваго источника. Мы знаемъ, какъ много говоритъ лѣтопись по поводу исцѣленія св. Ниной царицы Наны. Этотъ рассказъ, сопровождаемый описаніемъ вопросовъ и отвѣтовъ съ обѣихъ сторонъ, служитъ распространеніемъ краткаго предложенія хроникъ: Нана увѣровала „будучи въ болѣзненномъ состояніи“. Второй моментъ при введеніи христіанства, обозначенный нами чудомъ на охотѣ царя Миріана, представляетъ преувеличенное отраженіе *одного* слова хроникъ: въ послѣдней мы читаемъ, что Миріанъ увѣровалъ—*вслѣдствіе чуда* ³⁾. Оно послужило зерномъ для детальнаго развитія подробностей приключенія съ царемъ Миріаномъ.

Сопоставленіе этихъ двухъ грузинскихъ источниковъ между собою даетъ основаніе считать рассказъ Обращенія наиболее древ-

¹⁾ По мнѣнію Чамчіана, Теофила и Вахушти годъ крещенія Грузіи—317, по Баронію—326 г., по Броссе—328, по Chronique Armén—332 г., по Лѣтописи—338 г. Мнѣніе Чамчіана и Вахушти не можетъ быть принято, потому что Константинъ сдѣлался единодержавнымъ лишь въ 325 г. Крещеніе же Грузіи относится ко времени успокоенія имперіи послѣ раздоровъ Лицинія и Максимиана. Константинъ † 337, а потому 338 годъ отвергается. Броссе приурочиваетъ крещеніе къ 328 г., потому что по Лѣтописи Миріанъ принялъ христіанство по прибытіи св. Нины на четвертый годъ, а не на восьмой, какъ это передаетъ *Обращеніе*, отсюда разница между датой Броссе и нашей (328 г. и 332 г.) Бароній неизвѣстно, на чемъ основываетъ свое мнѣніе, а дата Chron. Armén. 332 г., совпадаетъ съ установленіемъ Лѣтописью года крещенія Грузіи.

²⁾ *Dubois de Montpercut. Voyage autour du Caucase, t. II, p. 60—1.*

³⁾ Въ *Обращеніи Грузіи* нѣтъ свѣдѣній о проповѣданіи Евангелія въ Грузіи ап. Андреемъ и Симеономъ Кананитомъ, о которомъ намъ извѣстно изъ Евр.-Цховреба. *Царевичъ Теймуразъ* въ своей Исторіи Грузіи. (Сиб. 1848) сообщаетъ объ этомъ же вопросѣ довольно подробно (стр. 140—5).

нимъ сравнительно съ повѣствованіемъ Житія св. Нины и Кар-Цховреба. На лѣтописи, быть можетъ, а также на Житіи отразилось вліяніе греческихъ источниковъ, внѣ сферы котораго осталась названная хроника. Одно слово, извѣстное намъ изъ Руфина, „сісісіиш“ и тоже слово, данное въ лѣтописи нѣсколько подтверждаетъ заимствование изъ византійскаго источника свѣдѣній о чудесахъ, сопровождавшихъ введеніе христіанства въ Грузію. Во всякомъ случаѣ, нужно признать постепенное дополненіе и разукрашивание разсказа изъ *Обращенія* новыми подробностями, неизвѣстными древнимъ источникамъ. На составителяхъ житій святыхъ отразилось вліяніе народныхъ легендъ, слѣды которыхъ легко усмотрѣть въ повѣствованіи о распространеніи ученія Христова въ Грузію. Католикосъ Арсеній не скрываетъ отъ насъ, что житія святыхъ грузинской церкви составилъ онъ (въ X в.) на основаніи письменныхъ источниковъ и устныхъ сказаній. Приписки такого содержанія находимъ въ манускриптѣ, принадлежащемъ Академіи Наукъ, въ концѣ житія св. Іоанна Зедазійскаго *).

*) Brosset. Hist. de la Géorgie. Le cath. Arseni... s'occupa de recueillir qui concernent des saints pères... s'aidant des livres écrits et des recits oraux. T. 1, p. 203, n. 6. *Броссе* сообщаетъ слѣд. свѣдѣнія объ Арсеніи католикосѣ: въ началѣ житія св. Іоанна читается: Cette histoire a été renouvelée et développée par S. Arseni. catholikos du Karthli. По его житію, этотъ Арсеній, долженъ быть Арсеній Икалтойскій, учитель царя Давида Возобновителя, жившій въ концѣ XII в., см. Additions et éclaircissements, p. 126. Житія святыхъ, хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, немногіе отличаются отъ извѣстныхъ Броссе и Бакрадзе житій. Бакрадзе сообщаетъ перечень житій святыхъ, похвощенныхъ въ рукописномъ сборникѣ Шіо-Мгвимскаго монастыря, именно: Іоаннъ Зедазійскій, Давидъ Гареджіскій, Шіо-Мгвимели, Абибасъ Некресели, мученикъ Константіанъ Картвели, мученикъ Гобронъ, Кстате Мхетели, мученица царица Шушаника, мученица царица Кетована, муч. Давидъ и Константіанъ, муч. царь Луарсабъ, ц. Арчалъ, Евфимій Святогорецъ, Георгій Святогорецъ, Мааріонъ, *Петре Картвели*, Або, св. Мина, Ражденъ, муч. Арчалъ, муч. Луарсабъ, мученики Видзіна, Шалва и Элизбаръ, Іасе Цалквели. (См. *Бакрадзе*. Исторія Грузіи, стр. 153). *Архивное житіе* сверхъ перечисленныхъ здѣсь святыхъ приводитъ еще житія Стефана, Клімента, папы римскаго, мученіе св. Евстратія, мученіе св. Димитрія, свв. Авксентія, Евгенія, Ареста, Іосифа Амба Алавердели. Въ концѣ житія Іасе Цалквели читаемъ: „св. Іасе, прославляю я, Ксанскій Эрставъ, Іасе“. Житіе св. Гоброна въ этомъ памятникѣ, какъ и Шіо-мгвимскомъ (1733 г.) и Іоанна-Крестительскомъ (1713 г.) прерывается на одномъ и томъ же словѣ. Трудно сказать, за неизвѣстіемъ подъ руками нужныхъ рукописей, списано-ли архивное житіе съ Шіо-мгвимскаго или

Приводимъ житіе св. Георгія изъ манускрипта XI в. Рукопись привезена изъ Сванетіи гр. Уваровой и заключаетъ житіе св. Георгія и св. Феодора Стратилата. Матеріалъ—грубая кожа, почеркъ—мелкій хуцури, писанъ черными чернилами, есть кинноварныя фразы и приписки переходнымъ мхедрули ¹⁾).

Въ апрѣль мѣсяць мученіе св. Георгія, которое описалъ по-савдовашиій за нимъ ученикъ св. Георгія, Басикиртъ.

Въ то время, когда господствовало, по наущенію дьявола, поклоненіе идоламъ, надъ греками царствовалъ Діоклетіанузъ, суровый гонитель паствы Христовой. Былъ у него другъ, Магнетіусъ, единомыслящій съ нимъ. Они вознамѣрились обратить всѣхъ христіанъ къ идоламъ и разослали по всему царству письма, въ которыхъ вслѣдъ за привѣтствіемъ указывалось, что христіане поклоняются Человѣку, по имени Іисусъ, отступивъ отъ Апуллова, поэтому повелѣвается и мужчинамъ, и женщинамъ изъ христіанъ предавать горькимъ мученіямъ за отступничество. Многие изъ христіанъ послѣ мученій переходили къ Апуллону. Діоклетіанъ же, собравъ придворныхъ, спасаларовъ [военачальниковъ] эриставовъ, обсуждалъ, какъ искоренить ученіе Назарейнина. Всѣ присутствующіе, повинуваясь царю, согласились принять мѣры къ сокрушенію христіанской вѣры. „Тогда-то засіялъ св. Георгій, словно звѣзда въ темную ночь, а же рабъ его, Басивартусъ, сопровождалъ его и описалъ его житіе“. Онъ, воинъ Христа и честный жемчугъ, сокрушилъ поклоненіе идоламъ и просвѣтилъ міръ своими подвигами. Онъ не устранился ни царя и его вельможъ, ни разнообразныхъ наукъ, не соблазняясь мірской славой и уповая на Христа: „за малое терпѣніе удостоился причисленія къ сонму ангеловъ“. Сей св. мужъ, Георгій, былъ изъ области Каппадокійской, находящейся въ области греческой. Онъ былъ правителемъ (мтавари), прославленный своей честностью, богатствомъ и мудростью. Состоялъ онъ храбрымъ спасаларомъ надъ отрядомъ, извѣстенъ былъ самому Діоклетіану. Усмотрѣвъ безуміе въ поклоненіи идоламъ, св. Георгій подѣлилъ все достояніе между нищими и отправился къ царю, предъ которымъ онъ заявилъ, что онъ христіанинъ. Обличая Діоклетіана въ заблужденіяхъ, онъ

Іоанна-Крестительскаго варианта, или же всѣ три памятника сняты съ недошедшей до насъ рукописи. Въ архивномъ вариантѣ встрѣчаются мѣста, которые согласны то съ Шіо-игвиевскимъ манускриптомъ, то съ Іоанно-Крестительскимъ. См. у меня „Источники по введ. христ. въ Грузію“. М. 1893.

¹⁾ Житіе св. Георгія сохранилось еще въ пергаментномъ манускриптѣ XI—XII в. Брестнаго монастыря, *Цахарели*, ор. с., 104.

призывалъ его къ познанію Единаго Бога, Троицу единосущную, Творца вселенной, къ вѣрѣ въ Страшный судъ и воскресеніе мертвыхъ. Разгнѣванный другъ Діунклетіана, Магнетіюзъ, спросилъ Георгія, кто онъ такой, что дерзаетъ такъ смѣло говорить. Узнавъ, что обличитель ихъ—извѣстный своей мудростью Георгій, они приглашаютъ его поклониться идоламъ и пользоваться ихъ дружбой и почетомъ. Святый мужъ продолжалъ призывать истиннаго Бога, и его твердость выводилъ изъ терпѣнія царя, который приказываетъ пронзить его копьями. Второе мученіе—заключеніе его въ тюрьму, наложеніе оковъ и камня на грудь. Третье мученіе—привязываніе святого къ колесу утыканному гвоздями. Въ десятомъ часу гласъ съ неба ободряетъ св. Георгія. Ангель освобождаетъ мученика и залѣчиваетъ раны. Св. Георгій прославляетъ Господа своего. Онъ приближается къ Апулону, предъ которымъ царь тогда приносилъ жертву и, объявивъ, какъ Богъ спасъ его отъ мученій, снова обличалъ ихъ въ заблужденіяхъ. Увидѣвъ это чудо, спасалары—Анатулюсь и Бартулинси ¹⁾ увѣровали во Христа. Царь велѣлъ ихъ обезглавить. Услыхавъ обо всемъ этомъ увѣровала и царица Александра. Разгнѣванный Діунклетіанъ велѣлъ бросить св. Георгія въ ровъ съ негашенною известью и чрезъ три дня достать его кости. Но св. мужъ остался невредимъ. Народъ возгласилъ, при видѣ этого чуда, что великъ Богъ христіанъ, а царица Александра прославила Спасителя, и увѣровали въ Единаго Творца стражи, приставленные къ св. Георгію. Св. Георгій, на запросъ царя, кто его спасъ, стали славить Христа. Тогда Діунклетіанъ велѣлъ надѣть ему желѣзные сапоги, утыканые гвоздями. Св. Георгій съ молитвой обратился къ Господу о дарованіи ему терпѣнія. Гласъ съ неба послышался ему, и исцѣлились раны его. Св. Георгій былъ отправленъ въ тюрьму. На другой день ему царь предлагаетъ поклониться богамъ. Св. Георгій сталъ снова обличать его въ заблужденіи и почитаніи бездушныхъ иступановъ. Царь въ гнѣвѣ велѣлъ его бичевать. Магнетіюзъ проситъ царя освободить мученика и предложить ему воскресить кого-нибудь изъ мертвыхъ. Святый сталъ молиться, и молитва была услышана: открылась могила, воскресъ мертвый, который бросился на колѣни предъ св. Георгіемъ, прося его помилованія. Изъ его словъ оказалось, что онъ умеръ до Р. Х. Царь считаетъ св. Георгія чародѣемъ. Святый сталъ убѣждать его увѣровать во Христа, котораго не могутъ призывать чародѣи. Его заключаютъ въ тюрьму. Здѣсь онъ

¹⁾ У меня нѣтъ этого имени (*Мой Грузинскій* изводъ сказанія о св. Георгіи. М. 1892.

проповѣдывалъ предъ плѣнными, многихъ склонилъ къ вѣрѣ во Христа и исцѣлялъ молитвой больныхъ и страждущихъ.

Былъ вѣкій Гуракліузъ ¹⁾, у котораго умеръ быкъ, явился св. Георгію и умолялъ воскресить ему быка. По вѣрѣ Гуракліуза, быкъ его воскресъ, и объявилъ онъ себя христіаниномъ. Императоръ велѣлъ его взрубить, а св. Георгія призываетъ и обѣщаетъ сдѣлать его вторымъ послѣ себя, если онъ поклонится его богамъ. Св. Георгій соглашается идти въ капище. Всѣ считаютъ этотъ поступокъ знакомъ побѣды Апуллова Дьяволъ, находившійся въ статуѣ послѣдняго, вступилъ въ объясненіе съ св. Георгіемъ и признается, что Апуллоуъ—не богъ. По знаменію креста идолы падаютъ и сокрушаются. Народъ требуетъ наказанія св. Георгія. Царица Александра проситъ у св. Георгія пріобщить ее къ ученію Христа. Діоклетіанъ, услышавъ это, велитъ казнить и царицу, а св. Георгія, обратившаго се, обезглавить. Царица съ радостью послѣдовала за св. мужемъ на казнь, назначенную внѣ города, но на дорогѣ испустила она духъ. Предъ казнью св. Георгій просилъ позволенія помолиться. Онъ молилъ Господа о прощеніи его мученикамъ и ниспосланіи благодати всѣмъ призывающимъ его имя. (Объявленія Господа во облакъ и обѣщанія исполнить его волю нѣтъ въ сванетской рукописи) ²⁾. По окончаніи молитвы, онъ былъ обезглавленъ. Въ концѣ снова читается, что житье св. Георгія писалъ ученикъ его Басикратусъ. Послѣднія слова житія: св. Георгій помилуй Вахтаंगा Парске (?) Джзвiani. Въ концѣ же рукописи: описалъ я ничтожный столпникъ, Іоаннъ, мученія свв. Георгія и Ѳедора. Прославъ, Господи, Вахтаंगा Парджавiani съ дѣтьми. Написано при Чкондидели Аѣ, въ царствованіе Баграта Куропалата. Коронникъ *сна* (=1031 г.) рукою недостойнаго столпника Іоанна.

Сравнивая рассказъ рукописи XI в. съ поздними свѣдѣніями, сообщенными мною въ I ч. очерковъ, мы находимъ разницу въ транскрипціи собственныхъ именъ Басикратусъ вм. извѣстнаго Пасикратъ, Діуклетіанъ, Магнатіозъ, Анатуліосъ и пр. Языкъ древній, что видно изъ замѣны звука *y* звукомъ *o* и обратно.

Житіе святыхъ Іоанна и Евфимія ³⁾. Преподобный Іоаннъ былъ

¹⁾ Галликери у меня, Γλόχερος по-гречески.

²⁾ Нѣтъ также просьбы даровать его останкамъ цѣлебное свойство, призывавшихъ его избавлять отъ искушеній, отъ града и засухи. (См. у меня *Груз. изводъ о св. Георгіи*, стр. 5). Эти вѣрованія въ силу св. Георгія нынѣ господствуютъ въ Грузіи.

³⁾ Житіе преподобнаго Іоанна (X в.) извлекаемъ изъ жизни преподобнаго

родомъ грузинъ, происходилъ изъ знатнаго и богатаго рода въ городѣ Артавуджи. Былъ извѣстенъ своими военными подвигами и храбростью на службѣ царя Давида Куратпалата. Бесѣда съ нѣкоторымъ пустыникомъ возбудила въ немъ ревность къ подвижничеству. Оставилъ онъ семейство и мірскія стяжанія и отправился въ одинъ изъ Имеретинскихъ монастырей, въ какой именно, писатель жизни его не говоритъ. Между тамошними подвижниками славились въ то время отцы Моисей и Геласій. Святые отцы охотно приняли пришедшаго избранныка Божія и по просьбѣ его постригли въ монахи. Царь Давидъ Куратпалатъ, узнавъ о поступкѣ любимаго имъ вельможи и храбраго воина, сильно опечалился и отправился къ нему, чтобъ склонить его оставить начатое имъ дѣло и вернуть его въ міръ; но никакія просьбы и ласки не могли поколебать святаго мужа. Спустя нѣкоторое время, Іоаннъ взялъ благословеніе отъ своихъ старцевъ и отправился въ Грецію. Въ одной изъ обителей горы Олимпа принялъ на себя надзоръ за монастырскими ослами и проводилъ другія послушанія.

Въ то время императоръ греческій велъ войну съ персами; желая обезпечить себя со стороны Грузіи, онъ уступилъ царю Давиду Куратпалату пограничныя области: Тао и Кларджети, смежныя съ владѣніями Давида. Въ знакъ же вѣрности Давида, ему были даны заложники въ лицѣ шуриновъ блаженнаго Іоанна (т.-е. братьевъ его жены), его сына Евфимія и другихъ князей и дворянъ. Преподобный Іоаннъ, узнавши о томъ, что его родные прибыли въ столицу греческаго царства, невольно долженъ былъ открыть себя міру: поэтому отправился въ Константинополь и остановился у тестя своего Абуларбиса. Сестра блаженнаго и его зять съ величайшею радостью встрѣтили его. Іоаннъ, отдохнувъ нѣсколько, началъ переговоры съ своимъ зятемъ объ Евфиміи и просьбами смягчилъ сердца задерживающихъ отрока. Старецъ, получивши своего сына, съ радостію возвратился съ нимъ на гору Олимпъ. Избѣгая суетной славы, взялъ онъ своего сына и нѣсколько своихъ близкихъ учениковъ и отправился съ ними на Аѳонскую гору. Въ лаврѣ святаго Аѳанасія былъ онъ принятъ съ своими учениками весьма радушно, какъ святымъ Аѳанасіемъ, такъ и братіею обители. Скрывая свой знатный родъ и прежнее житіе, онъ исполнялъ шесть лѣтъ всѣ возлагаемыя на него послушанія съ рѣдкимъ смиреніемъ. Онъ тутъ узналъ, что великій и знаме-

Евфимія, житіе же послѣдняго (XI в.) описано преподобнымъ Георгіемъ Святогорцемъ III, настоятелемъ послѣ святаго Евфимія, основателя Иверской обители.

нитый вельможа Торникій, братъ его жены, будучи еще въ Грузіи, принялъ монашество и отправился къ нему на гору Олимпійскую. Пріѣхавъ туда послѣ долгаго путешествія, Торникій не засталъ тутъ блаженнаго Іоанна, тайно развѣдалъ о мѣстопребываніи его и отправился на Аѳонскую гору. Въ лаврѣ святаго Аѳанасія, встрѣтилъ его блаженный Іоаннъ и принялъ его радушно.

Въ то время правитель восточныхъ областей, имперіи Барда Склиръ возсталъ противъ императорскаго семейства. Узнавъ чрезъ приверженцевъ, что въ обители Аѳанасія проживаютъ два знаменитыхъ мужа, Іоаннъ и Торникій, близкіе царю Давиду, императорская семья и сенаторы отправили въ лавру довѣреннаго чловѣка съ просительными письмами.

Блаженный Торникій, заручившись молитвами святыхъ отцовъ, отправился въ Константинополь, и придворный вельможа, такъ называемый *Παρακευόμενος* (постельникъ), представилъ его императрицѣ. Императрица приняла его съ честью, приказала сѣсть рядомъ съ собою, повелѣла дѣтямъ своимъ, Василю и Константину, поклониться ему и испросить у него благословенія. Императрица написала просительное письмо къ Давиду Куратпалату и вручила его блаженному Торникію. Пріѣхавши въ Грузію, Торникій представился по обыкновенію царю. Давидъ вручилъ Торникію отборное войско въ 12.000 чловѣкъ, и послѣдній съ гавапи Трапезунда отправился противъ Барда Склира. Торникій силою Христовою побѣдилъ его, гвалъ до предѣловъ Персіи и водворилъ миръ въ имперіи. Послѣ побѣды Торникій вернулся въ Грузію, Давидъ принялъ побѣдоноснаго своего военачальника съ великимъ триумфомъ. Торникій вручилъ ему отъ двора греческаго богатые подарки и условную бумагу, по которой уступались ему требуемыя мадѣнія. Торникій, наконецъ, послѣ продолжительнаго времени возвратился на святую гору, въ лавру святаго Аѳанасія, съ огромнымъ богатствомъ, которымъ одарили его, какъ императрица, такъ и Давидъ. Блаженные отцы, Іоаннъ и Торникій, какъ опытные въ жизни, разсудили, что неудобно имъ съ многочисленною братією изъ грузинъ оставаться въ лаврѣ, такъ какъ легко могли происходить разнаго рода неприятности. Посовѣтовавшись съ св. Аѳанасіемъ, купили они мѣсто на разстояніи одной мили отъ лавры, и на прекрасномъ мѣстѣ на берегу моря построили церковь въ честь Іоанна Крестителя, выстроили себѣ вокругъ храма кельи и обнесли все зданіе крѣпкою стѣною съ бойницами въ 982 г. Тутъ и поселились блаженные отцы со своими учениками грузинами, переселивъ ихъ изъ лавры; съ общаго со-

гласія блаженному Іоанну вручено было настоятельство въ новой обители, названной Иверскою.

Блаженный Торникій и послѣ сего собиралъ въ Грузіи желающихъ вступать въ его обитель; желающихъ явилось много, и они отправлялись на Аѳонъ.

Послѣ смерти блаженнаго Торникія, святой Іоаннъ предположилъ взять своего сына, Евфимія, и нѣсколько приближенныхъ себѣ учениковъ и вмѣстѣ съ ними отправиться на Синайскую гору, чтобы избавиться отъ всѣхъ житейскихъ заботъ, соединенныхъ съ настоятельской своею должностію, которую и принялъ на себя, чтобы помогать Торникію въ строеніи и утвержденіи новой Иверской обители. Святой Аѳанасій не щадилъ ничего, дабы оставить святаго Іоанна на Аѳонѣ и задержать его; но видя его непреклонность, наконецъ, сказалъ ему: „если не желаешь отложить своего намѣренія, подожди, а я напишу объ этомъ государю, и, что онъ приважетъ, такъ и будешь дѣлать“. Въ скоромъ времени пришло отъ императора приказаніе, чтобы старецъ Іоаннъ немедленно пріѣхалъ въ столицу. Императоръ высказалъ предъ святымъ свое сожалѣніе объ его отъѣздѣ на Синай. Сталъ просить и молить святаго не оставлять своей настоятельской должности и пасти братію новоустроенной обители Иверской. Блаженный уступилъ просьбамъ и настояніямъ его и далъ слово остаться при обители,—государь почтилъ его великими дарами и съ честію отпустилъ на Аѳонъ. Впавши въ болѣзнь, святой просилъ сына своего, Евфимія, принять въ свои руки управленіе монастыремъ; Евфимій, не желая огорчить старца-отца, принялъ на себя всѣ заботы и хлопоты по обители, какъ намѣстникъ его.

Въ то время въ лаврѣ блаженнаго Аѳанасія жили и другіе отцы иверской страны: Іоаннъ Грдзелидзе и Арсеній, епископъ Ниноцминдскій. Эти блаженные мужи желали болѣе уединенной и пустынной жизни. Обсудивши дѣло, они отправились въ константинопольскую страну. Святые Іоаннъ и Евфимій узнали о мѣстѣ ихъ пребыванія и послали туда одного монаха, вручивъ ему письмо: „молимъ теперь святость вашу, возвратитесь опять на свое прежнее мѣсто, и будемъ жить вмѣстѣ“. Черезъ годъ они отправились назадъ на Аѳонъ.

Черезъ нѣсколько времени блаженный Іоаннъ, отецъ св. Евфимія, чувствуя приближеніе своей кончины, собралъ братію, далъ имъ наставленіе и повелѣлъ своему сыну, св. Евфимію, чтобы онъ послушаніе свое передалъ св. Григорію, извѣстному подъ именемъ новаго Авраама. Заповѣдалъ также, чтобы онъ, Григорій, въ

случаѣ смерти Евфимія, принялъ настоятельство. Разъ навсегда положилъ, чтобъ по смерти каждаго настоятеля немедленно поставлялся другой. Кто посмѣлъ бы противиться волѣ и власти настоятельской, того немедленно изгонять изъ обители, какъ недостойнаго члена. Затѣмъ блаженный положилъ попеченіе и главный надзоръ надъ обителью вручить самому государю. Блаженный велѣлъ подать себѣ чернила и бумагу и изложилъ все сказанное имъ наставленіе и правило письменно. Въ 998 г. по Р. Х. преставился св. Іоаннъ; блаженный Евфимій съ честію и славою похоронилъ его въ обители Иверской, и вскорѣ на могилѣ своего отца построилъ храмъ въ честь всѣхъ святыхъ преподобныхъ отцовъ. Отъ гроба святаго стали истекать благодатныя исцѣленія.

Возвратимся теперь къ дѣтству блаженнаго Евфимія. Когда былъ онъ еще довольно молодъ, святой Іоаннъ отвезъ его для книжнаго обученія изъ горы Олимпъ въ столицу, сперва отдалъ его для основательнаго изученія грузинскаго языка и литературы, а потомъ греческаго. Отрокъ Евфимій имѣлъ необыкновенныя способности и упорное прилежаніе. Окончивъ съ успѣхомъ свое ученіе, возвратился онъ къ своему отцу на Аѳонъ. Тутъ онъ сильно заболѣлъ и былъ уже почти при смерти. Святой Іоаннъ оставилъ его въ келіи, отправился въ храмъ и палъ предъ Иверскою иконою Пресвятыя Богородицы, тепло со слезами молясь передъ Нею о выздоровленіи отрока; затѣмъ отправился къ іерею и просилъ его придти къ нему въ келію съ запасными дарами и причастить больного. Возвратясь въ келію, сына своего увидѣлъ сидящимъ въ постели и совершенно здоровымъ. Евфимій отвѣчалъ: „не знаю, отецъ, недавно предстала мнѣ какая-то окруженная славою Царица и сказала мнѣ по-грузински: „что это такое и что случилось съ тобою, Евфимій!“ я отвѣчалъ Ей: Царице моя, умираю! Тогда Она приблизилась ко мнѣ, взяла меня за руку и сказала: „нѣтъ болѣе съ тобой никакой болѣзни!“ Такъ чудесно выздоровѣлъ больной отрокъ. „Отъ того времени“, говорилъ преподобный Іоаннъ, „сынъ мой Евфимій получилъ необыкновенную благодать и даръ грузинскаго языка“. Въ одно время преподобный Іоаннъ сказалъ сыну своему: „сынъ мой, самъ знаешь, что въ нашей странѣ, т. е. въ Грузіи, святая церковь имѣетъ великую нужду въ церковнослужебныхъ книгахъ. Вижу, что Господь одарилъ тебя даромъ премудрости, и прошу тебя, начни подвигаться въ переводахъ св. книгъ съ греческаго на грузинскій“. Святой Евфимій припаялся за порученный ему трудъ съ усердіемъ и охотою.

Святѣй съ благословенія отца своего началъ свой трудъ переводомъ Евангелія съ самаго древняго подлинника, и окончивъ его въ скоромъ времени, послалъ къ царю Давиду Куратпалату. Блаженный, получивъ добрый отзывъ о своемъ первомъ трудѣ со стороны своего государя, принялся за дѣло съ большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ, не давая себѣ отдыха. Изъ числа нижепоименованныхъ книгъ Іоаннъ часть перевелъ, будучи еще на горѣ Олимпѣ, а часть—уже живя на Аеонѣ. Переведенныя имъ книги суть слѣдующія:

- 1) Евангеліе отъ Іоанна.
- 2) Всѣ поученія св. Василія Великаго.
- 3) Псалтырь, переведенный съ вѣрнаго греческаго подлинника.
- 4) Книга св. Іоанна Лѣствичника, такъ называемая Лѣствица.
- 5) Бесѣды святаго Макарія.
- 6) Поученія св. Максима Исповѣдника.
- 7) Творенія св. Исаака Сирина и поученія другихъ святыхъ отцовъ.
- 8) Книга св. Доросея.
- 9) Страданіе и чудеса св. великомученика Дмитрія Солунскаго.
- 10) Житіе и страданіе св. мученика Стефана новаго.
- 11) Житіе и страданіе св. священномученика Климента, папы римскаго, и св. Климента Анкирскаго.
- 12) Житіе св. Григорія Богослова и всѣ поученія его.
- 13) Жизнь св. Василія Великаго Кесарійскаго.
- 14) Страданіе св. Акепсимы.
- 15) Жизнь св. мученика Баграта.
- 16) Страданіе святыхъ мучениковъ Мины, Ермогена и Евграфа.
- 17) Слово, произнесенное св. Григоріемъ Нисскимъ, надъ братомъ своимъ святымъ Василиемъ Великимъ, слово о дѣвствѣ и толкованіе его на молитву Господню. Его же о постѣ и о жизни св. пророка Моисея.
- 18) Апокалипсисъ св. Іоанна Богослова. Толкованіе на Апокалипсисъ Андрея Критскаго.
- 19) Сказаніе о двухъ естествахъ Сына Божія св. Іоанна Дамаскина.
- 20) О рождествѣ Пресвятыя Богородицы.
- 21) Житіе св. Аѳанасія Великаго Александрійскаго.
- 22) Страданіе святыхъ трехъ отроковъ: Алфія, Филадельфа и Кипріана.
- 23) Жизнь св. Онуфрія Великаго.
- 24) Житіе преподобной Маріи Египетской.

- 25) Ученіе о вѣрѣ святаго Зосимы.
- 26) Ученіе о вѣрѣ св. Ефрема Сирина.
- 27) Чинъ монашескаго постриженія.
- 28) О постриженіи въ схиму.
- 29) Полный номоканонъ VI вселенскаго собора св. Іоанна Постника ¹⁾. Полный уставъ и исторію Трульскаго или VI вселенскаго собора, бывшаго при императорѣ Константинѣ Погонатѣ въ 680 г., ввугѣ императора Ираклія, съ приложеніемъ къ нимъ Прохироновъ царей Леона мудраго и Константина. Вопросы и отвѣты Тимофея архіепископа Константинопольскаго. Сказаніе о VII вселенскомъ соборѣ, равно какъ и царскѣхъ книгъ (Василиковъ) императора Василія македонянина, часть Номоканона Іоанна Схоластика и патріарха Константинопольскаго Фотія.
- 30) Постановленіе о православной вѣрѣ.
- 31) Поученія св. Мартирія.
- 32) Страданіе преподобно-мученицы Февроніи.
- 33) Книга подъ названіемъ „объ образѣ подвиговъ стоянія“, написанная блаженнымъ по просьбѣ какого-то брата.
- 34) Страданіе св. мученика Анфима Власа и 20 тысячъ.
- 35) Страданіе св. мученика Эласія и двухъ монаховъ.
- 36) Страданіе св. великомученика Теодора Стратилата, страданіе св. Теодора Пергильскаго и страданіе св. мученика Евстратія.
- 37) Страданіе св. великомученика Евстафія Плакиды и чадъ его.
- 38) Поученія св. Кассіана Римлянина.
- 39) Книга діалоговъ св. Григорія, папы римскаго.
- 40) Сказаніе о чудесахъ св. архангеловъ.
- 41) Житіе святителя Николая.
- 42) Книга св. Григорія Богослова.
- 43) Святаго Максима о восьми страстяхъ.
- 44) Сказаніе св. Василія Великаго о семи мщеніяхъ Каиновыхъ.
- 45) Полунощницы греческія.
- 46) Греческія молитвы отцовъ.
- 47) Каноны.
- 48) Житіе св. Антонія Великаго.
- 49) Переводъ псалмовъ Василія Великаго.
- 50) Посланія къ Галатамъ, Фесалоникомъ и Римляномъ.

¹⁾ Одинъ экземпляръ (X—XI в.) на пергаментѣ автографъ самого св. Ефасія хранится въ Академіи Н. Онъ былъ найденъ въ Вологдѣ Строевыми въ 1829 г.

51) Краткій годичный Синаксарь.

52) Житіе и апостольскіе подвиги св. апостола Андреа Первозваннаго.

53) Ирмосы на весь великій постъ и на другіе великіе праздничные дни.

54) Житіе и апостольскіе подвиги св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова ¹⁾).

Всѣ эти поименованные переведены были имъ въ продолженіе всей его жизни, и много еще осталось недоконченныхъ имъ. Кромѣ того, онъ занимался исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ, употреблявшихся до него въ Грузіи, въ которыя вкрались непомѣрныя ошибки; но окончательно выправилъ ихъ уже блаженный Георгій Святгорецъ, другое свѣтило Грузіи. Всѣ указанныя книги переведены были блаженнымъ еще при жизни отца его, святаго Іоанна, т. е. до 998 когда онъ самъ еще не былъ связанъ настоятельскойю должностію. Когда же, по смерти отца, принялъ настоятельство, то будучи въ этой должності двѣнадцать лѣтъ и имѣя поощеніе о трехъ стахъ братьяхъ и управленіе обширнымъ монастыремъ, онъ уже не имѣлъ ни времени, ни возможности продолжать письменные труды; кромѣ того приходилъ съ каждымъ годомъ въ изнеможеніе отъ излишнихъ иноческихъ подвиговъ, а потому оставилъ незаконченный свой трудъ на долю блаженному Георгію Святгорцу.

Царь Давидъ приглашалъ святаго къ себѣ въ Грузію. Любовь къ отечеству и ревность къ славѣ Божіей заставили великаго труженника оставить на время уединенное мѣстожительство. Въ Грузіи царь со всѣмъ соборомъ и народомъ привѣтствовалъ красу своей

¹⁾ Афонская грузинская библія, дошедшая до насъ, писана до 80-хъ гг. X ст., когда св. Евфимію было не было 15—20 лѣтъ. Поэтому, его нельзя считать переводчикомъ *полной* библіи. До него и послѣ него переводились книги Ветхаго и Новаго Зава. Этимиъ объясняется существованіе различныхъ редакцій переводовъ груз. библіи. Библія дефектная съ толкованіями отцевъ церкви Теодорита, Евсевія, Оригена, Златоуста. Дидима и др., писанная мелкимъ „хуцурн“ іпф., найдена въ церкви, пристроенной къ знаменитому храму Баграта въ Кутаисѣ. Библія эта важна еще потому, что грузинскій переводъ Ветхаго Зава, предпринятый Георгіемъ Мтацминдели не иѣется, и лишь копія X в. съ древняго перевода хранится на Афонѣ. (*Жорданія*, Хроника II, 37). До Георгія, какъ видно изъ приписокъ къ этому памятнику, библію перевелъ на грузинскій языкъ Кисель, извѣстный переводчикъ житій святыхъ. По иѣбію г. *Жорданія* Кисель, переводилъ съ еврейскаго текста, а Георгій съ греческаго перевода LXX толковниковъ.

страши. Святый пробыль въ Грузіи четыре года и во все это время училъ и исправлялъ нравы и обычаи народа, основалъ монастырь въ Кахетіи въ честь святаго первомученика Стефана и снова отправился на Афонъ.

Евфимій служилъ образцомъ иноческой жизни: несмотря на всѣ его непомерные труды и не смотря на преклонность лѣтъ, раньше всѣхъ видимъ былъ на полунощной и заутренней службѣ; никогда блаженный не садился и не прислонялся къ стѣнѣ. Святый Евфимій имѣлъ обычай въ понедѣльникъ, среду и пятницу не выходить изъ своей кельи и не принимать пищи до захожденія солнца; пищею ему служили хлѣбъ и вода, и то въ самомъ маломъ размѣрѣ, а въ остальные дни ходилъ въ общую трапезу и садился вмѣстѣ съ братьями. Блаженный, садясь за трапезу, приказывалъ виночерпію подавать себѣ вино для пробы. Тоже самое онъ дѣлалъ съ пищею.

Святый Евфимій положилъ за правило не бесѣдовать за трапезой; если кто-нибудь изъ братьевъ нарушалъ спокойствіе за трапезою, то трапезарь, по данному ему отъ настоятеля праву, налагалъ на него послушаніе. Если въ обитель присылалось какое нибудь посланіе или отъ государя, или отъ епископа, и, наконецъ, если дѣло касалось монастыря, дѣло это предлагалъ онъ общему совѣту монастырской братіи, а дѣла частныя, касающіяся хозяйства монастырскаго, отдавалъ были въ полное личное распоряженіе эконома обители.

Многіе изъ богатыхъ мірянъ оставляли міръ и вступали въ обитель святаго, дѣлая при томъ богатые вклады въ обитель и просили себѣ постриженія. Приходили также въ обитель и люди незнатные. Святый принималъ ихъ и дѣлалъ это не безъ практической житейской мудрости. Многіе знатныя лица изъ Византіи и изъ другихъ мѣстъ, желавшія вступить въ обитель, вносили въ монастырскую жизнь разныя привычки свѣтской жизни, естественно, они не могли выносить строгаго порядка аскетической жизни, заведеннаго святымъ и, могли послужить только искушеніемъ и соблазномъ для меньшей братіи. А принимая незнатныхъ, онъ приучалъ всѣхъ къ жизни дѣятельной и послушной правиламъ монастырской жизни.

Вся братія обители, по указанію святаго, занята была то церковнымъ служеніемъ, то работою монастырскою; кто занимался рыболовствомъ, въ виноградникахъ, апельсиновыхъ и лимонныхъ садахъ, кто внутри обители; рѣдко кто изъ братіи оставался празднымъ. А кто былъ непривыченъ къ этимъ тяжелымъ трудамъ, тотъ занимался грамотою, переписываніемъ книгъ, переводами, сочиненіями пѣсней духовныхъ, и тому подобнымъ,—всѣмъ имъ примѣромъ служилъ самъ

Евфимій, не давая себѣ отдыха ни въ чемъ и никогда. Братіи ялось принимать у себя мірянъ и готовить для нихъ столъ.

Два раза тщетно пытались враги убить св. Евфимія. Снучь надцать лѣтъ, по преставленіи святаго Іоанна, вышеупомянутого Арсеній архіепископъ и Іоаннъ Грдзелидзе, уговорили блаженнаго оставить настоятельскую должность, ибо замѣчали онъ, что, на въ этой должности, онъ замедлялъ переводы книгъ; собравъ же Евфимій, предъ лицомъ всѣхъ передалъ свою настоятельскую должность, по завѣщанію отца своего Іоанна, Григорію святому родственнику своему, а самъ уединился въ келію и имѣлъ зоръ и попеченіе за лаврою св. Аѳанасія, гдѣ стали часто смѣны настоятели и происходили разнаго рода смуты. Евфимій, по приглашенію отъ государя явиться въ столицу, собралъ братію обители, утѣшилъ ихъ и заповѣдалъ твердо и неизмѣнно нить обѣты свои и повиноваться настоятелю своему, блаженному горію. Государь принялъ Евфимія съ великимъ почетомъ и спросилъ его о причинахъ смутъ въ лаврѣ св. Аѳанасія. Государь призналъ надлежащія мѣры къ приведенію въ порядокъ дѣлъ лавры, и въ прошло довольно времени; Евфимій все это время оставался въ лицѣ. Наступилъ праздникъ святаго Іоанна Богослова, призвалъ къ себѣ послушника своего и, отдавая ему икону, сказалъ: „отнеси икону къ живописцу (наименовавъ его) для поправки“; „явѣтъ, е икону назадъ и осѣдай мнѣ ослицу; я самъ поѣду къ нему“. Дорогѣ встрѣтилъ онъ нищаго, въ рубищахъ и лохмотьяхъ; увидѣвъ женнаго, онъ протянулъ руку за подаваніемъ. Блаженный остановился, чтобъ дать ему денегъ, а нищій всталъ съ мѣста и приблизился къ полученію милостыни. Ослица, увидѣвъ нищаго, стала метаться мѣста на мѣсто, наконецъ, сбросила съ себя Евфимія, который упалъ на землю и смертельно разбился. Подняли его и отнесли почти лумертваго въ монастырь. Блаженный, чувствуя приближающуюся кончину, причастился и мирно передалъ свою душу въ руки Божіи: сотворенія міра въ 6536—отъ Рождества Христова 1028 г.

Мощи блаженнаго съ честію перенесли въ Иверскую обитель на святую гору съ псалмопѣніемъ, и съ великимъ торжествомъ передали во мѣстѣ въ первоизданной церкви святаго Іоанна Крестителя. Богъ даровалъ святымъ его мощамъ силу благодатныхъ исцѣленій. Впоследствии мощи святаго Евфимія блаженный Георгій перенесли въ главную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и положили въ одиноколѣнную мраморную гробницу, гдѣ почиваютъ онѣ поныне.

ко мнѣ, будемъ пѣть здѣсь съ тобою и играть! Когда я направился туда, вдругъ прекрасный отрокъ, одѣтый въ свѣтлое платье, взял меня за руку и сказалъ мнѣ: будь со мною, ибо я лучше его и болѣе тебѣ другъ, чѣмъ онъ, и не далъ мнѣ идти къ нему; такимъ образомъ, онъ спасъ меня отъ гибели. Потомъ уже зналъ я, что отрокъ этотъ, одѣтый въ платье пламеннаго цвѣта и звавшій меня къ себѣ, былъ врагъ душъ нашихъ, діаволь, который хотѣлъ погубить меня въ водахъ рѣки; отрокъ же, взявшій меня за руку и спасшій отъ утопленія, былъ ангелъ хранитель, приставленный Богомъ ко мнѣ, со дня святаго крещенія“. Блаженный отрокъ и въ другой разъ избавленъ былъ чудеснымъ образомъ отъ гибели. Когда отрокъ находился еще въ вышеупомянутой женской обители, вдругъ страшный пожаръ охватилъ всю обитель, а блаженный спалъ крѣпко въ своей кельѣ. Предсталъ ему опять свѣтлый отрокъ, который разбудилъ его, взялъ за руку и вывелъ изъ огня невредимо. Недалеко отъ обители находилась маленькая часовня (придѣлъ), на разстояніи 115 шаговъ; ангелъ Божій привелъ его сюда и поставилъ тутъ, сдѣлавшись невидимымъ.

Блаженный имѣлъ двухъ дядей по отцу, старшаго Георгія, прозывавшійся писателемъ, потому что былъ нѣкогда начальникомъ надъ писцами при царскомъ дворѣ; а младшаго звали Саввою. Оба они жили въ Хахульскомъ мужскомъ монастырѣ.

Эти монахи, услышавши о добрыхъ свойствахъ племянника, написали изъ обители Хахульской своему брату, Іоакиму, чтобъ онъ немедленно прислалъ или привезъ къ нимъ въ обитель сына своего Георгія. Настоятель, увидѣвъ отрока, обрадовался духомъ и благословилъ его, наименовавъ его своимъ духовнымъ сыномъ. Преподобные отцы, дяди отрока, предположили дать племяннику должное христіански - нравственное направленіе, отдали его одному великому и строгому подвижнику, Иларіону Тулаеву или Туалели ¹⁾. Георгій, возрастая тѣлесно, преуспѣвалъ и въ изученіи священнаго писанія, церковнаго пѣнія, греческаго языка, философіи, риторикѣ и всего правила церковнаго, и превосходилъ своихъ сверстниковъ во всемъ; отличаясь отъ нихъ необыкновенною памятью и разсудительностью, не оставилъ блаженный юноша ни одной почтѣ

¹⁾ Преподобный Иларіонъ, по фамиліи Тулаевъ, наставникъ преподобнаго Георгія, до принятія имъ монашества именовался Іоанномъ; онъ сопутствовалъ святому Георгію изъ Аона въ Грузію, гдѣ и скончался въ 1041 году; онъ же и облекъ святаго Георгія въ иноческій образъ въ 1039 г.

книге, находившейся въ то время въ церкви, чтобы не изучить ее подробно и не пройти ее съ должнымъ усердіемъ. Преимущественно же вниманіе свое обращалъ на изученіе Ветхаго и Новаго Завѣта.

Въ то время Ферозъ, сынъ Джоджика, мужъ царевны, сестры Василія Багратида, съ своею супругою, предположили найти себѣ добродѣтельнаго человѣка, который бы могъ быть руководителемъ ихъ въ духовной жизни; оба согласились взять Георгія писателя, дядю блаженнаго юноши. Старецъ, отправившись изъ лавры Хахульской въ домъ Фероза, взялъ съ собою и племянника своего, Георгія,

Благочестивые супруги, увидѣвши благонравіе юноши Георгія, были рады, и жена Фероза даже усыновила его. Спустя нѣкоторое время, Ферозъ былъ обезглавленъ, по клеветѣ будто онъ измѣнилъ своему государю; а жену его отправили въ Константинополь. Въ столицѣ греческаго царства нареченная мать дивнаго юноши отдала его для ученія философіи и риторики не свѣтскимъ ученымъ, а монахамъ, основательно знающимъ эти науки и украшеннымъ добродѣтельною жизнью. Итакъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, юноша Георгій со всею тщательностію изучалъ всѣ науки, заслуживъ даже удивленіе своихъ учителей.

По прошествіи двѣнадцати лѣтъ, по офиціальному приказанію царскому, жена Фероза, вдова, возвратилась назадъ въ Грузію. Юноша Георгій отправился въ Хахули къ своему дядѣ Саввѣ. Вскорѣ послѣ это монаху Георгію захотѣлось поклониться священнымъ мѣстамъ Палестины.

Старецъ Макарій и вся братія лавры, узнавъ о рѣшимости и поступкѣ блаженнаго Георгія, сильно огорчились. Нашедши себѣ попутчикомъ одного мужа, одержимаго нечистымъ духомъ, отправился съ нимъ въ путь тайно и, такимъ образомъ, спасся отъ искателей своихъ. Во время пути, говоритъ самъ святой, по дорогѣ встрѣтился лѣсъ, въ которомъ застигла ихъ ночь, и была страшная гроза съ сильнымъ вѣтромъ. При этомъ слышны были страшные вопли и крикъ; семь разъ духъ повергалъ попутчика Георгія на землю съ крикомъ и плачемъ; святой сталъ на молитву, прося Господа объ исцѣленіи бѣсноватаго. По молитвѣ блаженнаго, Господь даровалъ больному здравіе. Блаженный разъ только въ день принималъ пищу, не смотря на трудности путешествія. Наконецъ, достигъ онъ, въ предѣлахъ Малой Арменіи, Черной горы, гдѣ нѣкогда спаслся великій пустыножитель, Никонъ, съ двумя стами своихъ учениковъ. На этой горѣ была обитель, гдѣ жили грузинскіе и греческіе монахи. Отсюда отправился онъ на Дивную гору, въ монастырь свя-

таго и блаженнаго Симеона Дивногорца. Затѣмъ сталъ искать себѣ наставника, которому могъ бы открыть свое намѣреніе и душевныя тайны. Наконецъ, обрѣлъ себѣ наставника, нѣкотораго строгаго подвижника, живущаго въ разсѣлинѣ одной скалы. Этотъ мужъ былъ Георгій ¹⁾, родомъ грузинъ. Къ сему-то великому мужу и пришелъ Георгій, открылъ ему свои душевныя стремленія и сдѣлался его ученикомъ и послѣдователемъ его подвиговъ. Строгий подвижникъ поселилъ пришедшаго къ нему блаженнаго Георгія въ монастырѣ святаго Романа. Такъ достигъ онъ тридцатилѣтняго возраста. Старецъ - подвижникъ, зная, что его ученикъ достигъ полнаго возраста тѣлеснаго и стяжалъ мудрость духовную, облекъ его въ великую схиму. Затѣмъ старецъ отправилъ его въ желаемый имъ путь въ Іерусалимъ. Прѣживъ нѣсколько времени въ святомъ городѣ, блаженный возвратился опять къ свѣому наставнику, старцу Георгію. Старецъ съ большимъ трудомъ убѣдилъ, наконецъ, блаженнаго Георгія отправиться на Аѳонскую гору и докончить трудъ святаго Евфимія. Братья обители съ великимъ радушіемъ приняли блаженнаго Георгія и упокоили его послѣ долгаго его странствованія. Въ скоромъ времени назначенъ былъ онъ при соборномъ храмѣ старшимъ іеромонахомъ и начальникомъ надъ пѣвчими. Наконецъ, почувствовалъ свой даръ и изъ послушанія своему старцу началъ приводить къ концу переводъ церковныхъ книгъ, недоконченныхъ святымъ Евфиміемъ. Началъ онъ свой трудъ переводомъ „синаксаря“. Хотя синаксарь и былъ переведенъ святымъ Евфиміемъ, но онъ былъ очень сокращенъ потому, что у святаго Евфимія не было досуга для пространнаго перевода, такъ какъ употреблялъ онъ много времени на переводы другихъ книгъ. За переводомъ синаксаря, блаженный перевелъ полное евангеліе, за тѣмъ пророчества, читаемая въ годичные праздники; послѣ этого, перевелъ большой требникъ за тѣмъ книгу Бытія, пополнилъ и окончательно перевелъ миною сентябрскую, недоконченную святымъ Евфиміемъ, за тѣмъ перевелъ всѣ посланія св. апостола Павла и всѣ соборныя посланія другихъ апостоловъ, и всѣ эти книги блаженный перевелъ, будучи протоіеромонахомъ обители Иверской.

¹⁾ Онъ скончался въ глубокой старости на мѣстѣ своихъ подвиговъ въ 1068 г.; объ немъ говоритъ католикосъ Антоній I. Вотъ послѣдніе его два стиха „не желалъ онъ ни чести, ни славы, развѣ единаго Христа, истинное желаніе твари“, Смотри книгу католикоса Антонія I, Слово въ честь знаменитыхъ мужей Грузіи, 2 послѣднихъ стиха 722 вѣршета.

Братья обители, видя святую и непорочную его жизнь, возвели его въ санъ игумена. Честь настоятельская дана была ему противъ его воли и не безъ препятствія со стороны существовавшей тогда въ обители партіи, которая избрала на это же мѣсто другого. Долго противился преподобный и требовалъ, чтобъ избраніе одного изъ двухъ совершилось по жребію. По обычаю, существовавшему въ обители, бросался жребій такимъ образомъ: имена избранныхъ написывались на кускахъ бумаги и клались подъ престоломъ соборнаго храма и по принесеніи безкровной жертвы, вынимали писанную бумагу и кому выпадалъ жребій, тому и доставалась должность настоятельская. И въ настоящемъ случаѣ поступили такъ, но жребій три раза выпадалъ на долю блаженнаго, и всѣ единогласно признали, что Георгій поставляется и возводится въ этотъ санъ по промыслу Божию.

Съ этого времени онъ еще усилилъ подвиги и труды свои, и совершенно отказался отъ вина и сочной пищи, подъ верхнимъ плащемъ носилъ вретнице и служилъ примѣромъ для всѣхъ братьевъ обители. Онъ живо напомнилъ собою братіи святаго Евфимія основателя (ктитора) обители Иверской, исправилъ весь порядокъ и чинъ монастырскій, а особенное вниманіе обратилъ на церковно-служебный порядокъ.

Первымъ дѣломъ его, какъ только прибылъ онъ на Святую гору, было тщательно и подробно изслѣдовать отъ братіи обители жизнь святаго мужа, Евфимія, и его отца Иоанна, и другихъ святыхъ отцовъ Иверской страны, подвизавшихся въ этой обители съ нимъ вмѣстѣ. Затѣмъ подробно узналъ о началѣ построенія святой Иверской обители, объ обычаяхъ ея и правилахъ, установленныхъ св. Евфиміемъ. Узнавши все въ точности, что только можно было узнать отъ очевидцевъ и по оставшимся отъ св. Евфимія разнымъ рукописямъ, Георгій описалъ его житіе, которое и оставилъ для памяти будущимъ поколѣніямъ. Этимъ трудомъ занимался онъ, будучи въ санѣ протоіеромонаха; получивши же настоятельскую должность, онъ воздвигъ отъ основанія нинѣшній соборный храмъ въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы (καθολικόν—καθολικόνъ). Объ этомъ свидѣтельствуешь и надпись на мѣдномъ кругу, лежащемъ на полу въ срединѣ собора, надъ хоросомъ, гдѣ святой пишетъ такъ: „я утвердилъ столпы эти и въ вѣкъ не подвижутся. — Георгій, монахъ, иверъ и ктиторъ“. Окончивъ строеніе собора, блаженный устроилъ въ соборѣ приличную раку св. Евфимію и съ великою честью перенесъ св. останки его изъ Крестительской церкви въ соборный храмъ, гдѣ по-

чиваютъ онѣ и до сего дня. Не хотѣлъ онъ оставить безъ вниманія святыхъ мощей преподобнаго отца Іоанна съ его сотрудниками въ переложеніи священнаго писанія на грузинскій языкъ: Арсенія, епископа Нивоцминдскаго и монаха Іоанна Грдзелидзе, которые почивали въ монастырѣ. Георгій сперва вынесъ изъ Крестительской церкви святая мощи преподобнаго Іоанна въ соборный храмъ и положилъ вмѣстѣ съ его сыномъ, святымъ Евѣміемъ. Послѣ долгихъ розысковъ мощей святыхъ отцовъ, наконецъ, нашелъ ихъ въ корняхъ финиковыхъ деревьевъ, перенесъ въ соборный храмъ и положилъ ниже мощей святыхъ Іоанна и Евфимія, т. е. въ притворѣ южной части соборной церкви.

Такъ какъ соборный храмъ не былъ покрытъ свинцомъ и потому дождь просачивался внутрь и портилъ драгоценныя фрески, то блаженный просилъ содѣйствія къ покрытію храма у императора Константина Мономаха, и для этой цѣли отправился въ 1050 г. въ Константинополь. Блаженный, получивши просимое, возвратился въ свою обитель и немедленно покрылъ свинцомъ соборъ. Когда благочестивѣйшій Багратъ IV, царь всей Грузіи, и мать его, царица Марія, посѣтили Константинополь, св. Георгій отправился въ столицу, чтобъ представиться своему царю. Царь и мать его царица со всѣми вельможами, увидѣвъ его, были въ великой радости. Марія, мать царя, сдѣлалась его ученицею и приняла отъ его рукъ иноческое постриженіе. Она выпросила отъ Мономаха для годоваго содержанія монастыря литру золота (по нашему литра 9 фунт.) и дала ему литру золота ¹⁾ въ вѣчное поминовеніе своей души. Царь Багратъ, предложилъ ему первую епархію въ Мингрелии, Чхондійскую, и старался всѣми силами взять старца съ собою въ Грузію, но Георгій отклонилъ отъ себя эту честь, возвратился на Святую гору, въ свою обитель; приведши въ порядокъ всѣ монастырскія дѣла и устроивъ все по чину, блаженный оставилъ настоятельство. Изъ обители прибылъ онъ къ своему прежнему наставнику, преподобному старцу Георгію, на Черную гору. Старецъ убѣдилъ его возвратиться назадъ на Святую гору. Братья обители, при видѣ своего отца и бывшаго настоятеля, съ великимъ радушіемъ приняли его и вручили ему снова обитель. Спустя нѣсколько времени послѣ возвращенія изъ Черной горы, оставилъ онъ снова обитель и настоятельскую должность, желая безпрепятственно заниматься переводами священныхъ книгъ. Для этого отправился онъ въ столицу и просилъ у импера-

¹⁾ Вѣроятно, ежегодно.

тора, чтобы онъ освободилъ его отъ настоятельской должности; уступая просьбамъ Георгія и ходатайству царицы Маріи, матери царя Баграта, проживавшей въ столицѣ, наконецъ, царь далъ ему отпущительную грамоту (увольненіе). Заручившись царскою грамотою, блаженный отправился опять на Черную гору къ своему старцу.

Послѣ сего царица Марія отправилась въ Антихію, желая отътуда отправиться на поклоненіе гробу Христову въ Іерусалимѣ. Желая исполнить свой обѣтъ, она просила блаженного Георгія отправиться въ Палестину съ подарками и пожертвованіями отъ нея для храма Воскресенія Христова. Въ то время преподобный Прохоръ строилъ въ святомъ градѣ грузинскую обитель въ честь животворящаго креста Господня; блаженный Георгій помогъ преподобному во многомъ и посѣществовалъ къ скорому построенію обители.

Преподобный Георгій, воротившись изъ Палестины, началъ продолжать переводы святыхъ книгъ. На основаніи самаго вѣрнаго текста онъ исправилъ грузинскій переводъ Новаго Завѣта. Многія книги, оставленныя святымъ Евфиміемъ недоконченными и переведенныя имъ довольно сокращенно, святой расширилъ и дополнилъ, свѣривъ ихъ впереди съ лучшими греческими подлинниками. Переведенныя имъ книги суть слѣдующія:

- 1) Полный синаксарь.
- 2) Дѣянія Апостольскія, всѣ посланія святаго Апостола Павла и соборныя посланія всѣхъ прочихъ апостоловъ.
- 3) Апостолъ на годовые праздники.
- 4) Двѣнадцать мясей.
- 5) Стихиры, тропари и кондаки на всѣ большіе Господскіе и Богородичныя праздники, а также и на праздники нѣкоторыхъ великихъ святыхъ.
- 6) Стихиры и ирмосы, и много другихъ церковныхъ полезныхъ и исповѣній, и всѣ стихиры постныя.
- 7) Книга „шестодневъ“ Василия Великаго.
- 8) Посланія священномученика Игнатія Богоносца.
- 9) Псалтырь¹⁾.
- 10) Полный часословъ²⁾.

¹⁾ Псалтырь не имѣется въ грузинской афонской библии. Псалтырь въ переводѣ св. Георгія Мтацминдели хранится въ Квабтаховскомъ монастырѣ. *Прот. П. Концусевъ*. „Груз. библия“, въ журн. „Моамбе“ 1896, кн. II.

²⁾ Манускриптъ этотъ и автографъ святаго принадлежалъ царевичу Баграту, скончавшемуся въ 1841 г., въ С.-Петербургѣ.

11) Большой (полный) октоихъ.

13) Полная цвѣтная трюдь.

14) Книга Θεодора студійскаго, поученія, читаемая въ величїи постѣ.

15) Пятокнижіе Моисеево, съ толкованіемъ св. Іоанна златоустаго.

16) Книга дѣяній VI вселенскаго собора.

17) Соборныя посланія св. Кирилла, патріарха Александрійскаго и другихъ святыхъ, писанныя противъ несторіанъ.

18) Книга св. Григорія Нисскаго 1-го и многа др.

Въ Сіонской обители, на Дивной горѣ, между братьями греческими много было и грузинъ; греческіе монахи старались выжить грузинъ изъ этой обители. Они искали благовиднаго предлога въ тому и наконецъ заподозрили грузинскую братію въ неправославіи. Грузинскій отшельникъ служилъ святую литургію въ короткой мантии, надѣвъ сверхъ нея священническія одежды, и въ лаптяхъ. Они нашли въ этомъ что-то еретическое и неправославное. Патріархъ Θεодосій удивился и просилъ прислать знающаго говорить по-гречески священное писаніе. Противъ воли монахи указали на грамматика и переводчика греческихъ книгъ на грузинскій языкъ, по имени Георгію. Патріархъ привѣтствовалъ его и началъ бесѣдовать съ нимъ, предлагая разные вопросы изъ священныхъ книгъ. На всѣ вопросы блаженный давалъ удовлетворительные и мудрые отвѣты.

Блаженный тремя перстами, сложивъ большой, указательный и средній вмѣстѣ, изобразилъ на себѣ знаменіе святаго креста и вслухъ прочиталъ Никео - Константинопольскій символъ православной вѣры, изложилъ предъ всѣми слушающими основы православнаго исповѣданія грузинъ и удивилъ всѣхъ окружающихъ этимъ несомнѣннымъ исходомъ дѣла. Духъ Святый двигалъ его устами. Тогда патріархъ сказалъ: „Благословенъ Богъ во всемъ! Кто это нашелъ недостатки у грузинъ въ исповѣданіи православной вѣры? Блаженный сталъ просить патріарха о прощеніи доносчикамъ, и патріархъ, взявши его просьбамъ, снялъ съ нихъ церковную эпитимию.

За тѣмъ на грузинъ донесли еще другую клевету; многіе храмы грузинъ и священно-учители ихъ не подлежатъ власти ни одного изъ патріарховъ, сами они поставляютъ себѣ католикоса (патріарха) и епископовъ. Ни одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ не былъ у нихъ и не основалъ у нихъ церкви; на этомъ основаніи должно ихъ подчинить Антиохійскому престолу, какъ это было и прежде.

Царь желалъ, чтобъ блаженный находился въ царствѣ своемъ.

Во времена св. Георгія и царя Баграта относится весьма важное церковное постановленіе.

Царь съ своимъ семействомъ сдѣлалъ блаженнаго своимъ духовникомъ и, между прочимъ, узаконено было: 1) на епископскія кафедры возводить людей, прожившихъ въ монашествѣ, знающихъ св. писаніе, а церковныя законоположенія, а не рукополагать прямо изъ мірянъ, какъ это случалось часто до него. Если же было желаніе сдѣлать епископомъ кого-либо изъ мірянъ, то только извѣстныхъ всѣмъ въ твердости въ вѣрѣ и великимъ своимъ добродѣтелямъ. 2) Положено было епископамъ не возлагать рукъ на лицъ, не испытанныхъ хорошо въ духовной жизни, чтобъ лица, поставляемыя ими на церковныя должности, хорошо были знакомы съ ученіемъ вѣры и обязанностей своего званія. 3) Епископы должны были заповѣдывать іереямъ своихъ епархій, чтобы они не допускали до святыхъ таинствъ лицъ недостойныхъ и сами блюли за жизнью іереевъ въ духѣ кротости и съ желаніемъ спасенія душъ ихъ. 4) Іереямъ и діаконамъ подтверждено было хранить любовь и поминовеніе къ епископамъ, съ благоговѣніемъ совершать богослуженіе и вести добрую жизнь, назидательную для прихожанъ. Не оставилъ блаженный безъ вниманія монаховъ, судей и народъ; но соотвѣтственно нуждамъ каждаго званія училъ ихъ и наставлялъ, и своими усиліями поднималъ народное образованіе и нравственность довольно высоко. Съ согласія царя и каталикоса, онъ учредилъ училище и набралъ восемьдесятъ мальчиковъ для приготовленія изъ нихъ будущихъ пастырей и учителей церкви отечественной. Блаженный избралъ нѣкоторыхъ опытныхъ и знающихъ священное писаніе мужей и сдѣлалъ ихъ своими сотрудниками; предметами изученія въ школахъ были священное писаніе, церковное чтеніе, пѣніе и нѣкоторые другіе предметы.

Снятый, много потрудившись для Грузіи, пожелалъ окончить дни свои на св. горѣ Аѳонской. Государь напрасно просилъ его оставить свое намѣреніе. Блаженный съ своими учениками сѣлъ на корабль и послѣ многотруднаго плаванія, наконецъ, всѣ благополучно достигли Константинополя. На другой день по прибытіи призванъ былъ онъ въ царскія палаты императоромъ.

Между вельможами, окружавшими императора на приѣмѣ блаженного, находилось много знатныхъ латинянъ и армянъ. Царь спросилъ преподобнаго, какая разница существуетъ между грузинскою церковью и армянскою, и нѣтъ ли какихъ отступленій въ иверской

церкви отъ правилъ и постановленій церкви греческой. Блаженный, отъ лица всей церкви грузинской, произнесъ во первыхъ, Никео-Константинопольскій символъ вѣры, затѣмъ изложилъ въ порядкѣ православное вѣроученіе, котораго „держится нашъ народъ“, говорилъ святой, „отъ временъ Апостольскихъ и святыя равноапостольныя Нины до нашихъ дней“.

Въ день Рождества Іоанна Крестителя блаженный съ своими приближенными отправился въ Студійскую обитель. Поклонившись мощамъ, онъ причастился тамъ со всѣми своими учениками святыхъ таинъ. Возвратившись домой, блаженный почувствовалъ маленькій жаръ. Онъ получилъ приказаніе, что государь желаетъ видѣть его учениковъ за городомъ въ долину, такъ называемой Филопатросъ. Святой, по слабости силъ, отправился на ослицѣ. Императоръ приказалъ дѣтямъ пропѣть по-гречески наизусть часы. Послѣ всего царь благодарилъ блаженнаго и похвалилъ за распространеніе между своими соотечественниками греческаго языка и образованія, приказавъ выдать 1000 златицъ сиротамъ.

29 іюня преставился св. Георгій, приготовленъ былъ гробъ изъ негниющихъ досокъ, въ которомъ положили честное тѣло святаго и перенесли на корабль. Вся братія и всѣ сироты и ученики сѣли на тотъ же корабль и отправились на Афонъ.

Св. Георгій извѣстенъ какъ поэтъ и представитель спиритуалистическаго направленія. По мнѣнію проф. Калиновскаго, ему принадлежатъ существующее и въ русской обработкѣ И. И. Козлова стихотвореніе „Вечерній звонъ, вечерній звонъ!“ Последняя строфа этого лирическаго творенія заключаетъ элегическое изліяніе грустныхъ чувствъ: „Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!“

Напѣвъ унылый надо мной
 Въ долину вѣтеръ разнесетъ;
 Другой пѣвецъ по ней пройдетъ
 И ужъ не я, а будетъ онъ
 Въ раздумьѣ пѣть вечерній звонъ!

На грузинскомъ языкѣ сохранился акростихъ Георгія Мтацминдели въ припискѣ къ Гелатскому Евангелію. Въ этомъ акростихѣ св. мужъ выясняетъ значеніе живоноснаго священнаго писанія и просить помилованія у чтецовъ. Быть можетъ ему, а не св. Евфимію грузинскому, какъ думаетъ епископъ Порфирій, принадлежитъ греческое стихотвореніе, найденное покойнымъ эллинистомъ въ рукописи

Исаака Месопотамскаго ¹⁾). Важно отмѣтить, что оба переводчика—Евфимій и Георгій—священныя книгъ прекрасно знали греческій языкъ.

Св. Евфимію приписывается также переводъ повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ съ грузинскаго языка на греческій.

Мудрость Балавара. (Варлаамъ и Іоасафъ).

Много сказокъ, повѣстей и преданій перешло въ Европу съ востока путемъ византійскихъ переводовъ и передѣлокъ и потомъ обработывалось въ европейской литературѣ болѣе или менѣе самобытно; многое шло прямо изъ византійскаго источника или устнымъ преданіемъ, или черезъ литературныя сношенія. Такимъ образомъ распространилась, между прочимъ, и знаменитая исторія Варлаама и Іоасафата; на западѣ основаніемъ ея извѣстности былъ латинскій переводъ съ греческаго.

Исторія Варлаама и Іоасафата, или Іоасафа, по грузинской версiи „Мудрость Балавара“—духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынный Варлаамъ обратилъ въ христіанство индійскаго царевича Іоасафа, несмотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира.

Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоценный камень, и объяснилъ Іоасафу, что камень этотъ и изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою; въ такомъ видѣ представляетъ Варлаама старинная гравюра XVII столѣтія, сдѣланная Симономъ Ушаковымъ и приложенная къ московскому изданію этой исторiи. Авторомъ этого произведенія нѣкоторыя старыя рукописи и инкунабулы называютъ Іоанна Дамаскина, другіе просто Іоанна. Первымъ основаніемъ западныхъ редакцій Варлаама и Іоасафата былъ греческій текстъ, переданный въ латинскомъ переводѣ Георгіа Трапезунтскаго (Georgius Trapezuntius); легенда принесена была въ 1220—39 г. изъ Константинополя въ Германію аббатомъ Гвидо и разошлась очень быстро. Исторія получила сперва нѣсколько нѣмецкихъ и французскихъ обработокъ въ стихахъ и въ прозѣ; по сѣверно-французской передѣлкѣ сдѣланъ былъ въ началѣ XIV вѣка переводъ итальянскій; изъ нѣмецкой литературы произошла шведская народная книга *Varlaam och Josaphat* и исландская *Varlaams—saga*; по латинскому подлиннику составила испанская редакція. Въ чешской литературѣ пере-

¹⁾ *Епископ Порфирій*. Первое путешествіе въ Синайскій мон. въ 1845 г. Стр. 212—213. Ср. *Садзанеловъ-Иверіели*. Газ. Иверія. 1895 г. № 105.

водъ Варлаама и Иосафата появился еще въ концѣ XII столѣтія Польскій переводъ Кулиговскаго сдѣланъ по латинскому Як. Биля и напечатанъ въ Краковѣ въ 1688 г.

Печатныя изданія Варлаама очень давни: editio princeps одного латинскаго перевода — Incipit liber gestoru Varlaam et Josaphat-
servuru dei greco sermone editus a Iohane damasceno viro sancto et erudito — относятся къ 1470—80 годамъ. Наконецъ, исторія Варлаама извѣстна и въ нѣкоторыхъ восточныхъ литературахъ: еврейская передѣлка ея подъ названіемъ „Царевичъ и дервишъ“, составленная по арабской редакціи, есть одна изъ любимыхъ книгъ новой еврейской литературы; объ армянской передѣлкѣ — roman d'Novasaph et Varlaam — упоминаетъ ак. Броссе въ своемъ отчетѣ объ археологическомъ путешествіи въ Грузіи. (Rapports sur un voyage etc. St.-Pet. 1849. I. livr. p. 59 ¹). Грузинская версія найдена мною въ 1888 г.

Греческій текстъ изданъ Буассонадомъ въ его *Анѣкдота, Anecd. graeca*. Paris. 1839, T. IV ²). Славянскій переводъ Варлаама ³) давно уже примкнулъ къ этой литературной исторіи; древнѣйшіе списки его восходятъ къ XIV—XV столѣтію. Миклошичъ упоминаетъ сербскую рукопись Варлаама, принадлежащую къ XVI вѣку ⁴). (Vergleich Grsch. d. Slav. Spz I, XIV). Объ успѣхѣ въ Россіи Варлаама, кромѣ значительнаго числа списковъ его, извѣстныхъ теперь, можно судить и по тому, что въ XVII-мъ столѣтіи вышло два изданія этой книги, одно для бѣлорусскихъ читателей, другое въ Москвѣ.

Исторія Варлаама и Иосафа особенно интересовала читателей апологами и притчами, вложенными въ уста отшельника Варлаама, который пользовался ими для убѣжденія царевича. Большая часть ихъ, по самому характеру вымысла, принадлежитъ очевидно восточной фантазій, — за каждымъ разсказомъ слѣдуетъ христіанское поученіе, догматическое или нравственное. Мудрыя притчи Варлаама были очень извѣстны въ средне-вѣковыхъ литературахъ Европы; передѣлки и подражанія имъ нерѣдки въ западныхъ сборникахъ повѣстей, новеллъ и сказокъ. Таковы напр.: „притчи о инъ розѣ“. Одинъ путникъ,

¹) См. еще *Mélanges asiatiques* t. VIII. Объ арабской версіи, см. *Fr. Hottel*. Die älteste arabische Barlaam-Version. Wien. 1887.

²) Сказаніе о жизни св. Варлаама и І., припис. Іоанну Дамаскину изд. на греч. яз. (?) по пергамент. рукописяхъ. Одесса. 1894. Заключаетъ лишь рус. переводъ.

³) См. недавно появившуюся работу: *Іванъ Франко* „Варлаам і Іосаф.“ Записки науковаго товариства імени Шевченко, т. VIII и X.

⁴) *Поплинъ*. Очеркъ литер. ист. стар. повѣстей. Стр. 127.

встрѣтивши въ полѣ „инорога“, побѣждалъ отъ него чрезвычайно испуганнымъ, и попалъ въ пропасть, однако, успѣлъ схватиться за дерево и удержался на воздухѣ; путникъ увидѣлъ, какъ двѣ мыши подгрызали корень дерева, на которомъ онъ держался; на двѣ пропасти изгибался страшный змѣй, готовый его пожрать; изъ стѣны выходили четыре головы аспидовы. Во то же время путникъ увидѣлъ на деревѣ каплю меда и „устремился къ сладости“. Притча изображаетъ жизнь человѣческую: инорогъ, преслѣдующій человѣка, есть неумолимая смерть; дерево, подгрызаемое мышами,—время, уходящее съ каждымъ днемъ и ночью; змѣй огненный—адова утроба, которая стремится пожрать человѣка; аспидовы главы—„преlestныхъ стихій составъ“ т. е. его физическія слабости; капля меду—враткія пріятности жизни, заставляющія человѣка забывать объ ужасахъ смерти и о вѣчномъ спасеніи. Источникъ этой притчи указывали въ арабской передѣлкѣ Гитопадешы, извѣстной подъ именемъ Калила ва-Димна; отсюда перешла она во многіе другіе сборники, а съ именемъ Варлаама повторяется въ 68 главѣ *Gesta Romanorum* (убв. v. Grasse, изд. 1850. 2, 103). Рюкертъ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ въ своемъ собраніи, на русскомъ языкѣ она извѣстна въ изящной передачѣ Жуковскаго „изъ Талмуда“.

Повѣсть о Варлаамѣ и Исаакѣ на грузинскомъ языкѣ была найдена мною лѣтомъ 1888 г. въ рукописныхъ памятникахъ тетущки моей Нины Яковлевны Дапквѣевой. Она переписана въ 1860 г. покойнымъ ея мужемъ Антономъ Захарьевичемъ Дапквѣевымъ. Рукопись эту, по желанію г-жи Дапквѣевой, я пожертвовалъ Обществу распространенія грамотности среди грузинскаго населенія ¹⁾. Переводъ этой повѣсти вызвалъ два толкованія: г. Марръ переводитъ заглавіе „Мудрость Балавара“. Сочиненіе отца Софрона Палестинскаго, сына Исаака“, а г. Цагарели перелагаетъ: Мудрость Бала(и)вара. Сказаніе (сочиненіе) отца Исаакія (Исаака), сына Софронія Палестинскаго“ ²⁾. Я принимаю къ переводу проф. Цагарели. Впрочемъ, г. Марръ въ отвѣтъ на замѣчаніе г. Цагарели приводитъ изъ другого списка „Мудрости Балавара“ мѣсто, въ которомъ грузинскій текстъ совершенно ясно передаетъ, по его же словамъ, начало повѣсти согласно съ толкова-

¹⁾ Ср. *Цагарели*. Свѣдѣнія о памятникахъ груз. письменности, вып. II, стр. XXXII, Спб. 1889.

²⁾ *Цагарели* I. с., *Марръ*, Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ. т. III, вып. IV, стр. 225.

няетъ проф. Цагарели: „разсказывалъ намъ отецъ Исаакъ, сынъ Софрона Палестинскаго“, при этомъ онъ прибавляетъ, что прежній переводъ заглавія становится невозможнымъ ¹⁾.

За этимъ заглавіемъ слѣдуютъ слова, указывающія на эоіопское или индійское происхожденіе книги: „Нѣкогда я прибылъ въ страну Юбію (Эоіопію), гдѣ въ книгохранилищѣ царя индійцевъ нашелъ эту книгу, въ которой описаны дѣла его“.— Балаваръ въ началѣ повѣсти является придворнымъ сановникомъ.

Въ повѣсти ²⁾ объ индійскомъ царевичѣ, сопоставляя ея грузинскую версію съ греческою и мусульmano-арабскою, различаемъ три элемента: 1) фабулу, 2) притчи и 3) религіозно-духовное поученіе.

Фабула, служащая канвой повѣсти,—обща всѣмъ тремъ версіямъ за небольшимъ отступленіемъ грузинской.

У индійскаго царя-язычника, долго остававшагося бездѣтнымъ, рождается сынъ, предсказанія о которомъ заставляютъ отца преслѣдовать вѣрующіихъ. Царевичъ воспитывается въ невѣдѣніи темныхъ сторонъ земной жизни, но съ совершеннолѣтіемъ пробудившееся въ немъ сознаніе гонитъ его изъ заключенія на свѣтъ божій. При видѣ картинъ безсилія и страданій человѣческой природы у царевича возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, и для разъясненія ихъ онъ ищетъ человѣка. Одинъ изъ отшельниковъ (по греч.: Варлаамъ, по араб.: Б-в-х-р, по груз.: Балаваръ) узнаетъ о желаніи царевича и, перодѣвшись въ купца, является подъ предлогомъ продать ему чудесный драгоценный камень. Открывъ себѣ такимъ образомъ доступъ въ волю царевича, подвижникъ излагаетъ ему ученіе объ истинной вѣрѣ.

Въ этомъ мѣстѣ главнымъ образомъ сосредоточены какъ притчи, такъ и поученія: онѣ вложены въ уста подвижника.

Наставникъ уходитъ ³⁾, по сѣмя, брошенное имъ на доброй почвѣ, приноситъ добрые плоды: царевичъ твердо держится заповѣданнаго ему ученія, побѣждаетъ языческихъ проповѣдниковъ и чародѣевъ, превозмогаетъ всякія искушенія, смягчаетъ отеческое сердце, волучаетъ удѣлъ, въ которомъ подъ его мудрымъ правленіемъ увеличивается благоденствіе и возрастаетъ число вѣрующіихъ и, наконецъ, обращаетъ въ свою вѣру отца со всѣми его подданными. По

¹⁾ Зап. В. Отд. Р. Арх. Общ. т. V, стр. 285. Догдки о Софроніи, см. *Fr. Hommel* въ *Anhang*-ѣ въ книгѣ *Weisslovits, Prinz u. Dérwisch, München 1890*, стр. 129 et 59.

²⁾ Приводимъ по вслѣдованію Н. Я. Марра „Мудрость Балавара“.

³⁾ Въ сохранившейся рукописи арабской версіи все слѣдующее недостаетъ.

смерти отца, сынъ земное царство оставляетъ родственнику Баракіѣ, а самъ идетъ въ пустыню, гдѣ встрѣчается съ своимъ наставникомъ. Повѣсть кончается смертью подвижниковъ, сначала учителя, затѣмъ ученика. Царь Баракія переноситъ ихъ мощи на родину.

По грузинской редакціи съ мудрецомъ Балаваромъ или Варлаамомъ мы знакомимся гораздо раньше его миссіонерской дѣятельности; онъ впервые является намъ въ роли придворнаго сановника ¹⁾. Описаніе жизни Балавара при дворѣ примыкаетъ непосредственно къ началу повѣсти.

„Былъ нѣкоторый царь, по имени Іабенесь, въ мѣстности Индіи, называемой Болатомъ, по религіи язычникъ и идолопоклонникъ, но благомыслящій, мирный, скромный и весьма милостивый къ бѣднымъ. У него не было сына, и бездѣтность крайне огорчала его, такъ какъ, будучи весьма богатымъ, онъ хотѣлъ оставить наследника надъ своими пріобрѣтеніями,—царь просилъ своихъ боговъ, чтобы они даровали ему дѣтей ²⁾; боги его нисколько не могли пособить ему, и онъ тщетно молилъ ихъ, но Богъ, желающій всѣмъ людямъ жизнь, далъ ему добраго и пажобнаго сына изъ-за милости, оказываемой имъ бѣднымъ; царь Іабенесь исполнился великой радости и назвалъ его Іодасафомъ, при чемъ говорилъ: „Это сдѣлали мнѣ мои боги“, и еще больше возвеличилъ ихъ. Онъ собралъ множество звѣздочетовъ, философовъ и гадателей, чтобы они сообщили ему, что предстоить его сыну или какова его судьба, и они въ одинъ голосъ сказали такъ: „Этотъ младенецъ достигнетъ царскаго величія, котораго никто никогда не достигалъ въ этой индійской странѣ“. Но былъ среди нихъ одинъ болѣе всѣхъ извѣстный своей мудростью, и онъ сказалъ царю: „Я такъ думаю, царь, что слава, которой достигнетъ этотъ младенецъ,—не отъ сего міра: думаю, что онъ будетъ великимъ учителемъ истинны“. Слыша эти слова, царь исполнился печали; тотчасъ же приказалъ изгонять рабовъ Христа изъ страны и отправилъ глашатая объявить такимъ образомъ: „Царь Абенесь говоритъ это: если спустя три дня [въ его царствѣ] окажется кто-либо изъ христіанъ, пусть

¹⁾ Извѣстна одна французская истерія XIV—XV столѣтія на тему нашей повѣсти съ интереснымъ въ этомъ отношеніи заглавіемъ: *Un miracle de Notre Dame, de Barlaam, maistre d'ostel du roy Avenir qui converti Josaphat le fil du roy et depuis converti Josaphat son père le roy et tous ses gens*, см. *Barlaam und Josaphat, von Gui de Cambrai, herausg. von Zotenberg u. Meyer. Stuttgart. 1864, стр. 368—417*: въ ней вельможа-христіанинъ при дворѣ Авенира названъ Варлаамомъ.

²⁾ Дѣторожденіе.

избиваютъ всѣхъ таковыхъ въ тяжкихъ мукахъ“. Однажды царь вышелъ изъ города для осмотра и увидѣлъ, что изъ города идутъ двое слугъ Бога. Онъ сказалъ имъ: „Какъ осмѣлились вы не уходить изъ моей страны? или вы не слышали, какъ мой глашатай объявилъ?“ Тѣ сказали: „Вотъ мы собрались уходить“. Царь сказалъ имъ; „Что удержало васъ до сихъ поръ?“ Тѣ сказали: „Неимѣние дорожной провизіи“. Царь сказалъ имъ: „Кто боится смерти, не медлитъ изъ-за дорожной провизіи“. Тѣ сказали: „Еслибы боялись мы, то и послѣшили бы уйти, но мы не боимся смерти, ибо отъ смерти мы ждемъ покоя“. Царь сказалъ: „Какъ можете вы говорить это, когда уходите изъ моей страны, устрешенные мною“. „Не изъ-за страха передъ смертью уходимъ мы такъ изъ твоей страны, а чтобы мы не стали причиной челоуѣкоубійства и безбожія; страхъ же твой никогда не входилъ въ наши сердца“. Но царь отпустилъ ихъ и положилъ приказомъ, чтобы сжигали огнемъ христіанъ, сколько бы ихъ ни находили.

При царѣ же Іабенесѣ былъ нѣкто, по имени Балаваръ, слуга Бога, вѣрующій во Христа и полагающійся на Него; царь очень любилъ его: онъ былъ смысленъ, благоразуменъ, хорошъ какъ писатель и на лучшемъ счету у царя. Не зная, что онъ рабъ Христа, Іабенесъ оказывалъ ему честь болѣе, чѣмъ всѣмъ своимъ вельможамъ.

Однажды Балаваръ, идя, увидѣлъ, что на дорогѣ лежитъ челоуѣкъ, пострадавшій отъ звѣря и плачетъ. Балаваръ сказалъ ему: „Что съ тобою, челоуѣче, и почему плачешь?“ Тотъ же все объяснилъ. „Доложу я вамъ слѣдующее, говорилъ онъ—я, мужъ искусный въ рѣчи, былъ укушенъ звѣремъ и лишился членовъ и, если кто poradитъ обо мнѣ, въ день опасности буду я ему полезенъ“. Балаваръ не обратилъ вниманія на эти слова, однако, сжалившись надъ пострадавшимъ, приказалъ рабамъ, чтобы посадили его на лошадь и привели къ нему на домъ, а домоуправителю поручилъ заботиться о немъ хорошо и утѣшать его.

Между тѣмъ Балавара возненавидѣли идолопоклонники; ибо завидовали чести, которую царь оказывалъ ему. Лжившись къ царю, они сказали: „О царь! челоуѣкъ, на котораго ты полагаешься,—не твоей вѣры, ибо встрѣчая христіанъ, милостиво привѣтствуетъ ихъ; такъ онъ хочетъ отпасть отъ тебя и завладѣть твоимъ царствомъ и, кого только находитъ отступившимъ отъ вашего величества, съ тѣмъ старается быть любезнымъ и оказываетъ ему честь“.

... и окажется такъ, какъ вы говорите, что вознесде⁴.

... Балавара; призвавъ божьего человѣка, другъ мой, какъ погруженъ мой умъ провелъ свои дни; видишь, что тружусь достигнуть конецъ, и я окажусь ни съ чѣмъ; и хочу присоединиться къ рабамъ Бога и подумай, что же скажешь ты, о мой вѣрный соотечественникъ! Человѣкъ съ взволнованнымъ умомъ и Блгви царь во вѣки, ибо взамѣнъ преходящее и лучшее! Величіе этого міра ничто, и исчезаетъ, какъ дымъ. Теперь направь меня прямо цѣною¹) преходящаго міра приобрести ...

... отъ этихъ словъ, и онъ исполнился недоумѣніемъ, но не открылъ ему; тогда догадавшись, что Балаваръ очень огорчился и въ ту ночь не спалъ, но вспомнивъ про мужа искуснаго въ рѣчи, и обратился къ нему со словами: „Ты говорил мнѣ, что я живу словомъ“. Мужъ сказалъ ему: „Такъ и есть, теперь въ чемъ либо?“ Балаваръ сказалъ: „Сколько я знаю царя, и никогда не видѣлъ я, чтобы онъ гнѣвался на кого-либо, но я ходилъ съ вѣрностью передъ нимъ, но сегодня онъ гнѣвается на меня и думаю нѣтъ у него болѣе мира для меня“. Мужъ сказалъ: „Что произошло между вами?“ Балаваръ сказалъ: „Я не знаю, кромѣ того, что онъ спросилъ меня объ одной вещи, и я сообщилъ ему лучшее [что я могъ], но думаю онъ испуганъ за словахъ, а я весь открылся“. Пострадавшій сказалъ: „Иди къ нему съ помощью Христа и силою креста. Знай, что онъ хочетъ завладѣть твоемъ царствомъ; такъ встань завтра, обрѣжь волосы своей головы, сними платье и одѣвайся во вретиче образомъ, войди къ нему; если онъ спроситъ тебя: „Что ты хочешь?“ скажи ему: „Вотъ приготовился я къ тому, къ чему ты хочешь меня вчера, ибо не хочу жизни безъ тебя: ты приобщилъ меня къ славамъ твоего царства, теперь мнѣ надлежитъ такъ же участвовать къ твоимъ страданіямъ въ этомъ мірѣ, согласно съ твоимъ желаніемъ мучиться съ тобой и удостоиться съ тобою же вѣч-

¹) Адаманіемъ.

кости". И когда Балаваръ поступилъ, какъ научилъ его пострадавшій, подозрѣніе вышло изъ сердца царя; онъ разозлился на обвинителей Балавара, а Балаваръ наслаждался и веселился, и опять выросли волосы у него на головѣ, и опять вкралась [въ сердца] у начальниковъ зависть къ Балавару, и они сказали царю: „Царь! если омотришь шею Балавара, найдешь у него крестъ, которому онъ поклоняется, боги же наши—предметъ его насмѣшекъ“. Но царь думалъ что про Балавара говорятъ ложное, а когда протянувъ руку, увидѣлъ золотой крестъ на груди у него, царь сказалъ ему: „Что это за твое заблужденіе, Балаваръ?“ Балаваръ же сказалъ: „Я не заблуждаюсь, я служу Христу съ молодыхъ лѣтъ и покланяюсь кресту, на которомъ Онъ простеръ руки для нашего спасенія, однако по службѣ у тебя я не дѣлалъ упущеній; теперь, такъ какъ имя Христа, Бога моего,—со мною, не отвергну Его божества: если изрѣжешь мое тѣло или сожжешь огнемъ, то душу мою вручу Ему“. Царь сказалъ ему: „Не говори такъ, мой любезный Балаваръ, ибо ты вельможа и первый у меня; если будешь поклоняться моимъ богамъ, дамъ тебѣ и другіе города и для тебя опорожню свои сокровищницы, такъ какъ я тебя очень люблю, а если не сдѣлаешь этого, истощу твое тѣло въ жестокихъ мукахъ и не вспомню про любовь къ тебѣ“.

Тогда божій человекъ, Балаваръ, снялъ золотой поясъ, украшенный драгоценными камнями и, положивъ его передъ царемъ, сказалъ: „Если мнѣ покроешь голову царскою короною, то и такую честию не поколеблешь моей вѣры въ Христа, и хотя истощишь мое тѣло въ мукахъ, но меня не смутишь, ибо выше земныхъ благъ—небесныя, которыми наслаждаемся вѣчно, и прегорьки суть муки ада, которыми будутъ наказаны противники и отрицатели Бога, а же, о царь, готовъ на [земныя] муки; не медли, чтобы я скорѣе отошелъ къ моему Господу упокоиться во вѣки“!

Но при этихъ словахъ царь смягчился и сказалъ: „Любезный Балаваръ, какъ лишилъ ты меня надежды, послушавшись моего приказанія! Уйди же изъ моей страны, чтобы вѣсть о тебѣ не доходила до моихъ ушей! Если найду тебя опять [въ моей землѣ], я не буду повиненъ въ твоей крови“.

Балаваръ покинулъ величіе переходящее и отправился къ пустыннымъ служить Христу Богу нашему“.

Царь построилъ сыну своему городъ и назначилъ ему тамъ пребываніе съ воспитателемъ Занданомъ и приличнымъ штатомъ, приказавъ не допускать туда старца или больнаго ¹⁾, не упоминать о

¹⁾ Ср. у меня „Безсмертный Алл“. (I в. Очерковъ по ист. груз. слов. стр. 112—115).

смерти, чтобы вырости его въ довольствѣ и радости. Ребенокъ былъ очень понятливъ и поражалъ всѣхъ своими познаніями, любознательностью и мудростью. Придя въ возрастъ, онъ сталъ задумываться надъ своимъ положеніемъ и рѣшилъ, во избѣжаніе гнѣва отца, о причинѣ своего заточенія спросить у своего воспитателя, обѣщая послѣднему награду въ дни предстоящаго своего царствованія. Воспитатель подъ страхомъ не разглашать тайну, рассказалъ ему, какъ звѣздочеты (астрологи) предсказали царю о грядущемъ назначеніи новорожденнаго его сына предтечей истины и противникомъ установленной вѣры. Отецъ опасался, чтобы сынъ не полюбилъ тѣхъ, которые служатъ небесному Богу, и были они наказаны царемъ частью изгнаніемъ изъ страны, частью же сожженіемъ.

Когда царь пришелъ къ Іодасафу, сыну своему, то послѣдній, жалуясь на тоскливое состояніе въ заточеніи, просилъ у отца разрѣшенія ознакомиться съ міромъ. Получивъ отъ Іодасафа увѣренія не преступать заповѣди, отецъ далъ сыну позволеніе выѣхать верхомъ, но предварительно распорядился, чтобы по пути ему не допускались больные или старцы. Однако, разъ онъ встрѣтилъ одного калѣку и одного съ печальнымъ лицомъ, узнавъ при этомъ, что это состояніе присуще людямъ, а второй разъ ему пришлось столкнуться съ слабымъ убѣленнымъ сѣдинами старцемъ. Заданъ объяснилъ, что старость присходитъ отъ прожитыхъ лѣтъ, („годъ составляетъ 12 мѣсяцевъ, а мѣсяць четыре недѣли“), а послѣ старости (80 или 100 л.) слѣдуетъ смерть, которой, подвержены всѣ. Пришлось царевичу объяснить, что такое годъ (12 мѣсяцевъ) и смерть— уничтоженіе существованія въ этой жизни. Царевичъ расчувствовался и сталъ плакать, что нѣтъ страны, гдѣ бы не было болѣзни и смерти. Узнавъ отъ Задана, что божьи люди (христіане), говорятъ, что души умершихъ восходятъ къ Творцу вселенной послѣ смерти и унаслѣдуютъ царство небесное, если они исповѣдовали Его, Іодасафъ сталъ молить Бога послать ему наставника и открыть путь истины.

Отъ Духа Святаго узналъ Балаваръ, что Іодасафъ жаждетъ видѣть божьяго человѣка. Одѣлся онъ купцомъ и прибылъ изъ пустыни ко двору царевича. Вызвавъ къ себѣ Задана, онъ сообщалъ, что имѣетъ чудный камень, дающій слѣпымъ прозрѣніе, глухимъ слухъ, хромымъ исцѣленіе,—бѣдныя онъ обогащаетъ, на войнѣ даруетъ побѣду. Но видѣть этотъ камень, можетъ только чистый тѣломъ и душой, а потомъ онъ отказываетъ Задану его показать. Іодасафъ съ радостью принялъ пустычника, который подвергаетъ царевича предварительному испытанію.

Начинается рассказ первый, заключающий притчу о благочестивомъ царѣ, поклонившемся людямъ въ лохмотьяхъ съ изможденнымъ лицомъ. Свита, сопровождавшая при этомъ царя, въ изумленіи донесла брату послѣдняго объ этомъ его дѣяніи. Братъ сталъ его укорять, а царь въ знакъ неудовольствія, по обычаю, велѣлъ трубить въ трубы смерти предъ домомъ своего обличителя. Братъ прибылъ въ селеніе съ женою къ царю и узналъ отъ него, что имъ порицаемый благочестивый царь палъ ницъ предъ проповѣдниками Христа. Этотъ же благочестивый царь велѣлъ положить въ одинъ сундукъ навозъ, а въ другой драгоценные камни и, запечатавъ, велѣлъ ихъ оцѣнить. На первый сундукъ не хотѣли и взглянуть, а второму не находили цѣны. Открывъ же, изъ драгоценнаго сундука вышелъ смрадъ, а изъ скромнаго сундука—ароматъ ¹⁾. Первый сундукъ, сказалъ царь, это мы—украшенные снаружи, но внутри полные грѣха, а скромные, блѣдые нищие исполнены благовопія.

Царевичъ понялъ смыслъ притчи и воскликнулъ: „истинно твое

¹⁾ Ср. рус. легенду *Царевичъ Евстафій*. Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь. У него былъ молодой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни ивровъ, ни плясокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по улицамъ, да водиться съ нищими, людьми простыми и убогими, и дарилъ ихъ деньгами. Брѣвко разсердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣльцѣ и предать лютой смерти. Привели царевича и хотѣли уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцомъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и приказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебряной, а третій—просто расколотъ краемъ на двое, выдолбить корытцемъ, и приковать зомбѣ. Сдѣлали слесари три сундука и принесли къ висѣльцѣ. Царь съ боярами смотрѣть, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показывается: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебряномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ наложена всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и заперъ ихъ накрѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался и спрашиваетъ у царевича Евстафія: „Что это за насмѣшку ты дѣлаешь? — „Государь батюшка! говорятъ царевичъ: ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они стоятъ“? Вотъ бояре серебряной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а на деревянный и смотрѣть не хотѣть. Евстафій царевичъ говоритъ: „отомкните-ка тецерь сундуки, и посмотрите, что въ нихъ“! Вотъ отомкнули золотой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая ерамота; посмотрѣли въ серебряной—и здѣсь то же; открыли деревянной, а въ немъ растутъ древа съ плодами и листьями, выпускаютъ отъ себя духи сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградомъ. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія.

слово, и оно есть тотъ драгоценный камень, который скрывается; оно прозрѣваетъ глаза и укрѣпляетъ сердце въ добродѣтели.

Слѣдуетъ разсказъ второй: евангельская притча о сѣтеляхъ съ соотвѣтствующимъ толкованіемъ. Разсказъ третій предлагаетъ притчу, о человѣкѣ и слонѣ. Земная жизнь подобна тому человѣку, который избѣгая преслѣдованія слона, попалъ въ яму, здѣсь нашелъ дерево, на которое онъ взлѣзъ. Посмотрѣвъ внизъ, онъ замѣтилъ двухъ крысъ черную и бѣлую, которые грызли дерево, пріютившее его, а въ глубинѣ ямы покоились драконы, приготовлявшіеся его поглотить. Взглянувъ вверхъ, онъ примѣтилъ небольшія капли меду, которыя сочились изъ дерева. Сталъ онъ лизать медъ, забывъ о грядущемъ несчастіи. Крысы подгрызли дерево, человѣкъ упалъ, слонъ схватилъ и бросилъ его драконамъ. Слонъ, объясняетъ Балаваръ, это образъ смерти, преслѣдующей человѣка, дерево—преходящая жизнь, крысы—дни, а медъ—сладости земной жизни. Пройдутъ дни, смерть похититъ и драконъ потащитъ въ адъ ¹⁾).

Четвертый разсказъ посвященъ притчѣ о трехъ друзьяхъ одного смертнаго, изъ которыхъ съ третьимъ онъ разсорился. Когда же постигло его несчастье и по навѣту злыхъ людей долженъ былъ быть представленъ на судъ царя, то его оставили его любимые друзья, а третій, помня ничтожную долю добра, охотно вызвался ему помочь въ горѣ. Первый другъ, по толкованію—корыстолюбіе, страсть къ деньгамъ, которыхъ онъ не можетъ взять съ собою, второй—жена и дѣти, бессильные облегчить участь человѣка въ страшный день суда, а третій—душа.

Пятый разсказъ сообщаетъ о чужеземномъ царѣ. Былъ въ одномъ городѣ обычай сажать царемъ иноземца на годъ или полгода, а потомъ, снявъ съ него порфиру, изгонять его съ двумя одѣяніями. Одинъ чужестранецъ предупредилъ и тайно послалъ въ мѣсто изгнанія, до своего сверженія съ престола, драгоценности чрезъ бѣдныхъ иноземцевъ же и, будучи сосланъ туда, нашелъ полное обиліе, которымъ могъ наслаждаться вѣчно. Этотъ предусмотрительный царь—тотъ мужъ, который помогаетъ тайно нищимъ и слабымъ, а Господь воздастъ ему явно.

¹⁾ Ср. Казила и Джина. (М. 1889 г. гл. IV), гдѣ также преслѣдуетъ человѣка слонъ; въ греческой редакціи вмѣсто слона, является единорогъ, въ армянской—олень. Что касается до дерева, съ котораго капаетъ медъ, то, по замѣчанію Бенфея, оно есть ничто иное, какъ чудесное дерево индійскихъ сказаній Пра, съ котораго падаетъ медъ или soma. *Benfey. Einleitung zur Panchatantra.*

Юдасафъ чувствовалъ, что отъ этихъ рассказовъ душа его очищается и находитъ утѣшеніе.

Рассказъ шестой—притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ. Послѣдній, воспользовавшись случаемъ, знакомитъ царя съ основными положеніями христіанской вѣры и отвлекаетъ своего повелителя отъ служенія идоламъ.

Рассказъ седьмой заключаетъ притчу о богачѣ, женившемся на бѣдной. Сынъ богатыхъ родителей встрѣчаетъ у дверей хижины дочь бѣдняка за работой. Она понравилась юношѣ и попросилъ старика - отца выдать ее за него; старикъ желалъ его испытать и сначала отказывалъ, увѣряя, что отецъ богатаго юноши не одобритъ выбора своего сына, но, по настоянію юноши, наконецъ, онъ согласился, показалъ ему скрытыя свои драгоценности и отдалъ ему ихъ со слезами, говоря, что отнынѣ онъ можетъ ими пользоваться. Въ заключеніе притчи Балаваръ приглашаетъ Юдасафа, послѣдовать за І. Христомъ, оставивъ міръ, и стать предтечей истины. Юдасафъ прослезился. На его вопросъ, сколько лѣтъ Балавару, послѣдній отвѣчаетъ 18, хотя ему минуло 60 лѣтъ; считаетъ онъ годы лишь христіанской жизни, а не отъ рожденія. Нишѣ онъ не боится и смерти.

Рассказъ восьмой отведенъ притчѣ о человѣкѣ и соловѣѣ. Нѣкто поймалъ воркуна (соловей) и хотѣлъ его зарѣзать. Воркунъ предложилъ ему отпустить его, за что онъ научитъ своего спасителя тремъ заповѣдямъ, могущимъ принести пользу: 1) къ недостижимому не стремись, 2) о прошедшемъ не жалѣй, 3) не дѣлай себѣ и другимъ зла, [чего себѣ не желаешь]. Желая испытать насколько человѣкъ провинся данными заповѣдами, воркунъ (голубь, по Марру соловей) крикнулъ ему съ вѣтки дерева: еслибы ты убилъ меня, то нашелъ бы въ моемъ скелетѣ яйцо страуса. Сталъ жалѣть тогда человѣкъ и, тщетно попытавшись снова поймать птицу, просилъ ее съ умысломъ злымъ прилетѣть къ нему на зиму, чтобы, прокормивъ ее, отплатить за добрыя наставленія. Птица же отвѣтила, что онъ уже нарушилъ всѣ три данныя ея заповѣди и напрасно онъ будетъ искать въ ея перьяхъ страусова яйца. Балаваръ затѣмъ изложилъ царевичу ученіе о любви къ ближнимъ и познаніи Единого Творца, тлѣнности всего земнаго и необходимость стремленія къ вѣчной небесной обители. Для достиженія послѣдней требуется оставить всѣ житейскія заботы, постомъ и молитвой побѣдить всѣ искушенія. На вопросъ Юдасафа, какія доказательства о существованіи Бога, Балаваръ отвѣчаетъ: [объ Немъ свидѣтельствуютъ] небеса и вселенная, вседухотворенное и тѣлесное.

иду, во-вторых догматъ этотъ объясняется проповѣдью и свидѣтельствомъ самихъ Апостоловъ.

Зенанъ, видя, что Балаваръ остается долго у царевича, заявилъ послѣднему о страхѣ, который онъ испытываетъ предъ царемъ, поручившимъ ему воспитаніе сына. Иудасафъ предложилъ Зенану за вавилонской послушать, чему учить его явившійся подъ видомъ куница Балаваръ. Бесѣда опять касалась бранныхъ земныхъ благъ. Когда Балаваръ вышелъ, то Иудасафу Зенанъ напомнилъ, что такія рѣчи онъ слышалъ отъ божьихъ людей и изгнанныхъ царемъ, и просилъ царевича указать средство, какъ скрыть предъ его отцемъ все случившееся. Царевичъ отвѣтилъ, что онъ боится только Отца небеснаго и что человекъ лишь червь и прахъ разрушающійся. Когда же Балаваръ вздумалъ уйти, то Иудасафъ просилъ его взять съ собою. Мудрецъ привелъ въ отвѣтъ притчу IX о человекѣ, который для снѣга своего взрастилъ козулю, но разъ она, выпущенная на пастбище, пошла въ дубраву и присоединилась къ звѣрямъ. Отецъ послалъ ее розыскивать и, перебивъ звѣрей, привелъ козулю. Удаленіе царевича угрожаетъ такою же опасностью пустыннымъ и ему самому, еще неспособному къ предстоящимъ испытаніямъ. Балаваръ отвѣтилъ на вопросъ царевича, какая у нихъ въ пустынѣ пища: „ни питаемся травами земли, а когда недостаетъ ихъ, мы принимаемъ (приношеніе) отъ нашихъ благочестивыхъ братьевъ“¹⁾. Балаваръ отказывается брать что-либо для пустытниковъ изъ предложеннаго Иудасафомъ сокровищъ, говоря, что каждый изъ нихъ богаче его (правственно, духовно). Одѣты они бѣдно, а Балаваръ отличается отъ нихъ костюмомъ съ цѣлью, чтобы попасть къ царевичу. Онъ приводитъ одну притчу (X).

Иудасафъ совершенно склонился къ ученію Балавара, долго его отклонявшаго отъ желанія слѣдовать пустыннымъ, въ виду несприятельныхъ для царевича трудностей и испытаній. Царевичъ сталъ проводить время въ мостѣ и молитвѣ, а Заданъ, опасаясь царя, докладывалъ послѣднему объ отступленіи Иудасафа отъ вѣры отцевъ, при этомъ онъ открылъ, что совратителемъ его сына явился изгнанный изъ предѣловъ царства Балаваръ. По совѣту звѣздочета, Раки, рѣшено было сначала подѣйствовать на Иудасафа наставленіями. Но когда снѣгъ съ своей стороны сталъ обличать тщетно уговаривавшаго его отца, воспевающаго въ идолопоклонствѣ, то вздумали подослать къ царевичу нѣкоего мудреца Накора въ такомъ одѣяніи, въ какомъ

¹⁾ Ср. греч., араб. у *Марра*, стр. 34, 35.

и совѣтуетъ немедленно разрушить капище—дабы милость Господня возсіяла надъ нимъ. Предавъ сожженію изваянія боговъ, отецъ съ представителями народа направился въ царство сына, который принялъ ихъ съ сыновнимъ уваженіемъ. На третій день царь принялъ крещеніе и съ епископомъ, іереями и дьяконами вернулся въ свои владѣнія. Онъ, Абенесъ, построилъ церкви и распространялъ ревностно христіанство. Предъ смертью завѣщалъ свое царство сыну, который его утѣшалъ именемъ истиннаго Бога. Самъ Абенесъ сталъ наставлять сына въ презрѣніи къ земнымъ радостямъ и въ обрѣтеніи стремленія вѣры въ Господа. Сказавъ это, царь замѣтилъ ангеловъ, перекрестился и испустилъ духъ. Іодасафъ сорокъ дней молился надъ его прахомъ о помилованіи его души. Потомъ призвалъ духовенство и народъ, предложивъ имъ выбрать себѣ царя, самъ же отказался отъ престола. Такъ какъ стали его упрашивать остаться, то онъ рѣшилъ постричься тайно въ монахи, передавъ письмо къ подданнымъ, Баракіа, родственнику своему, но послѣдній отказался быть посредникомъ между Іодасафомъ и народомъ. Однако, въ посланіи къ вельможамъ и народу Іодасафъ называетъ Барака своимъ преемникомъ, преподавъ имъ совѣтъ повровительствовать духовенству и нищимъ во спасеніе душъ своихъ; самъ же онъ возложилъ на Барака кольцо и корону и благословилъ его на предстоящемъ ему поприщѣ. Наставивъ Барака, какъ вести по отношенію къ подданнымъ, Іодасафъ удалился въ пустыню. Черезъ два года онъ встрѣтился съ учителемъ своимъ, Балаваромъ и слезы радости навернулись у нихъ на глазахъ и ласково облобызались послѣ томительной разлуки. Когда наступилъ часъ смерти Балавара, то Іодасафъ предалъ его погребенію. Во снѣ явилось ему видѣніе, которое показало царевичу два вѣнца—однѣй для учителя, а другой для ученика въ награду за подвиги. Когда Баракіа былъ извѣщенъ о смерти Іодасафа, то онъ отправился съ духовенствомъ и перенесъ останки его и Балавара и положилъ въ золотой склепъ съ большимъ торжествомъ, построивъ надъ ними, впоследствии, церковь, *здѣ и понынѣ* всѣ приходящіе съ вѣрой, получаютъ чудодѣйственное отъ недуговъ исцѣленіе.

Такой конецъ характеризуетъ первую славянскую рукопись Варлаама и Іоасафа, по мнѣнію проф. Киричничкова. То же заключеніе и въ греческомъ текстѣ Буассонада и въ средневѣковомъ латинскомъ переводѣ и во всѣхъ его передѣлкахъ. Иначе во второй группѣ славянскихъ текстовъ: житіе Іоасафа кончается соотвѣтствующимъ про-

стотѣ обстановки погребеніемъ въ присутствіи немногихъ отшельниковъ ¹⁾.

Изъ этого изложенія видно, что по греческой *) и арабской ²⁾ версіи рассказано о нѣсколькихъ безъимянныхъ придворныхъ, грузинская относитъ къ Балавару, при чемъ она расходится съ ними и въ послѣдовательности передаваемыхъ событій:

По грузинской версіи.

Рожденіе сына у царя; предсказаніе астрологовъ; изгнаніе христіанъ.

Встрѣча царя съ двумя замѣшканными богами людьми.

Встрѣча Балавара съ пострадавшимъ отъ звѣря риторомъ, который за оказанное добро спасаетъ его отъ царскаго гнѣва.

Открывается, что Балаваръ христіанинъ; царь изгоняетъ его.

По греческой версіи.

Смѣлая и успѣшная проповѣдь христіанъ; царь язычникъ преслѣдуетъ ихъ (6—8).

Открывается, что одинъ изъ любимыхъ вельможъ (безъ обозначенія имени) принялъ христіанскую вѣру; царь изгоняетъ его (8—17).

Рожденіе сына у царя; предсказанія астрологовъ; изгнаніе христіанъ (18—21).

Встрѣча одного вѣрующаго вельможи (безъ обозначенія имени) съ пострадавшимъ отъ звѣря „лѣкаремъ словъ“, который за оказанное добро спасаетъ его отъ царскаго гнѣва (21—26).

Встрѣча царя съ двумя замѣшканными монахами (26—28).

¹⁾ *Киртичниковъ*. Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ. Харьковъ. 1876, стр. 169. Возраженія на такое дѣленіе рукописей по *отличному признаку*, см. *Веселовскій* Ж. М. Н. П. ССХІІ, отд. 2, стр. 127 и сл.

²⁾ *Migne, Patr. v gr.,* ХСVI, vita B. et Joas. стр. 6—18. [Narratio utilis et interiori Aethiopum regione quae India dicitur, in urbem sanctam lata per Ioannem monachum, hominem Honore dignum et virtutis amantem e contubernio sancti Sabae in qua continentur vita beatorum et famigeratorum virorum Barlaam et Josaphi.

Ср. Εκ τῆς ἐνδοτέρας τῶν αἰθιοπίων χώρας τῆς Ἰνδῶν λεγομένης πρὸς θῆν τριαν πόλιν μετενεχθεῖσα διὰ Ἰωάννου μονάχου, ἀναδρός τιμῆου καὶ ἐναρέτου μονῆς τοῦ ἁγίου Ἐσαβ. Ἐν ἧ ὁ βλὸς Βαρλααμ καὶ Ἰωσααφ τῶν ἀοιδίμων καὶ μαχαρίων. Ср. рус. изд. въ Одессѣ 1994:

Душенолезная исторія жизни Варлаама и Іоасафа, подвизавшихся въ странѣ индусовъ, отдаленнѣйшихъ изъ эѳіоповъ, мѣстожителства св. Саввы, доставленная въ св. гор. монахомъ Іоанномъ Дамаскиномъ. Ср. съ ними краткое изрз. заглавіе—Мудрость Балавара.

²⁾ *F. Hommel, Die ält. B.-V.* стр. 26—30.

Жилъ по близости ихъ [Балавара и Иодасафа] одинъ изъ пустынниковъ. Онъ пришелъ и положилъ тѣло [Иодасафа] рядомъ съ тѣломъ Балавара и, явившись къ царю Варакии, рассказалъ ему о случившемся. Царь отправился съ однимъ епископомъ и священникомъ, взялъ святые мощи Иодасафа и Балавара и схоронилъ въ золотой ракъ, которую украсилъ великолѣпно, а надъ ней выстроилъ церковь во имя Отца, Сына и Святаго Духа, Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Которые съ вѣрою приходятъ, и до сего дня исцѣляются отъ всякихъ болѣзней; будемъ же и мы просить Бога, чтобы ихъ молитвою мы спаслись отъ вѣчныхъ мукъ, и возвеличимъ Бога, Ему же слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Пораженъ сильный и поправъ злой змѣй благодатью Единсущаго.

Особымъ элементомъ выдѣляются изъ повѣсти притчи. Въ слѣдующихъ версияхъ число и порядокъ ихъ, равно редація каждой въ отдѣльности, болѣе или менѣе различны. Представляю сравнительную таблицу притчъ по всѣмъ тремъ версиямъ:

грузинской,	греческой
I. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей:	I. 1) Евангельская притча о сѣятелѣ (39).
а) о трубѣ смерти и	
б) о сундукахъ [безъ обозначенія числа].	
II. Евангельская притча о сѣятелѣ.	II. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей:
	а) о трубѣ смерти и
	б) о четырехъ сундукахъ (41—44).
III. Притча о человѣкѣ и слонѣ.	III. Евангельская притча о богатѣ и Лазарѣ (72).
IV. Притча о трехъ друзьяхъ. [Третій другъ по арабской версии—доброе	IV. Евангельская притча о брачномъ ширѣ (72—73).

διὰ τὸν αὐτὸν πρὸς τὸν Θεὸν πόθον, ἐθαύμαζον δοξάζοντες ἐν πᾶσι τὸν Θεόν, τὸν καὶ συνεργούντα τοῖς ἀγαπῶντι αὐτὸν καὶ μεγίσταις τούτοις ἀμειψόμενον δωρεαῖς.

1) Первыя четыре рассказа, выдѣленные въ изслѣдованіи Zotenberg'a (Notice etc. стр. 96—106) на ряду съ прочими параболами, представляютъ эпизодическое развитіе фавулы и нисколько не носятъ характера притчъ.

дѣло, по греческой—совокупность добрыхъ дѣлъ, какъ то: вѣра, надежда, любовь, милосердіе, человеколюбіе и т. д., по грузинской—душа].

V. Притча о чужеземномъ царѣ.

VI. Притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ,

VII. Притча о богачѣ, женившемся на бѣдной.

VIII. Притча о человекѣ и соловьѣ [по грузинской версіи третья заповѣдь—„не дѣлай другимъ зла, котораго не желаешь себѣ“, по остальнымъ—„не вѣрь лжи“].

IX. Притча о козулѣ.

X. Притча объ юношѣ и его страстной женѣ.

XI. Притча о любви женщинъ.

V. Евангельская притча о десяти дѣвахъ (73—74).

VI. Притча о птицеловѣ и соловьѣ (79—81).

VII. Евангельская притча о блудномъ сынѣ (95—96).

VIII. Евангельская притча объ одной потерянной овцѣ (96).

IX. Притча о человекѣ и единорогѣ (112—113).

X. Притча о человекѣ и трехъ его друзьяхъ (114—118).

XI. Притча о чужеземномъ царѣ (118—120).

XII. Сравненіе свѣта истины съ солнцемъ (130—131). [9го—VII притча арабской версіи].

XIII. Притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ (135—138).

XIV. Притча о богачѣ, женившемся на бѣдной (139—143).

XV. Притча о козулѣ (157).

XVI. Притча о любви женщинъ (268—269).

и арабской.

I. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей:

а) о трубѣ смерти и

б) о четырехъ сундукахъ (34—35).

II. Евангельская притча о сѣятелѣ (36).

III. Притча о слонѣ и человекѣ (36—37),

IV. Притча о человекѣ и трехъ его друзьяхъ (37—38).

V. Притча о чужеземномъ царѣ (38).

VI. Притча о птицѣ, уподобленной пророкамъ (41).

VII. Притча о солнцѣ сердець и солнцѣ глазъ (42).

VIII. Притча о царѣ и мудромъ визирѣ (43).

IX. Притча о пловцѣ и его товарищѣ (45).

X. Притча о воробѣ и охотникѣ (46).

Вопросъ объ исторіи составленія и распространенія повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ нельзя считать вполне законченнымъ, несмотря на появленіе капитальныхъ работъ Zottenberg'a библиографическаго труда Е. Куна ¹⁾). Цотенбергъ сдѣлавъ тщательный анализъ романа со стороны языка и содержанія, пришелъ къ заключенію, что мифъ о принадлежности этой повѣсти Иоанну Дамаскину, должно быть оставлено, а заглавіе большинства рукописей, гласящее Ἱστορία ψυχρῆλης ἐκ τῆς ἐνδοτέρας τῶν Αἰθιοπίων χωρᾶς, τῆς Ἰνδῶν λεγομένης, πρὸς τῆς ἁγίου πόλεως μετενυθεῖσα διὰ Ἰωάννου μοναχοῦ ἀνδρὸς τιμίου καὶ ἀναρέτου μονῆς τοῦ ἁγίου Σάββα, должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что душеполезная исторія имѣла редакторомъ нѣкоего Іоанна, монаха лавры св. Саввы близъ Іерусалима, который придалъ въ первой половинѣ VII в. законченную форму разсказу, завесенному изъ Індіи въ Іерусалимъ. Первоначальная греческая редакція этой повѣсти, индійское происхожденіе которой нынѣ уже не подлежитъ сомнѣнію, была составлена въ Сиріи и отъ греческаго пересказа (620—630 гг.) пошли всѣ переводы, передѣлки и подражанія позднѣйшаго времени. Изъ восточныхъ переводовъ этой повѣсти Цотенбергъ называетъ арабскую версію, существованіе которой онъ считаетъ возможнымъ отнести къ началу IX в., переходить къ мусульманско-арабской версіи и упоминаетъ объ еврейской, эфиопской и армянской ²⁾ передѣлкахъ.

Цотенбергъ указываетъ путь, которымъ душеполезная исторія изъ Індіи была завесена въ Іерусалимъ ³⁾, но, повидимому, она стала распространяться только въ XI в., къ которому относятся древнѣйшіе списки. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣется критическаго изданія съ вариантами этой повѣсти, отпечатанной Буассонадомъ въ средневѣковомъ латинскомъ переводѣ. Но по заглавію дошед-

¹⁾ H. Zottenberg. Notice sur le livre de Barlaam et Josaph, accompagnée d'extraits du texte grec et des versions arabe et ethiopienne. Paris. 1866. E. Kuhn. Barlaam und Joasaph. Eine bibliogr. litteraturgesch. Studie Abhandl. d. bayer. Akad. d. Wiss, phil. philol. und hist. 1890.

²⁾ См. Brosset. Sur deux rédactions arméniennes en vers et en prose de la légende des saints Barlaam—Varlaam et Joasaph—Josaphat. Mélanges asiatiques, t. VIII, liv. 3 et 4; pag. 535—543.

³⁾ Свѣдѣнія о восточныхъ, латинскихъ, французскихъ, провансальскихъ и нѣмецкихъ текстахъ собраны также у г. Шейера и отчасти у проф. Бириникова и акад. Веселовскаго.

шихъ двухъ списковъ—въ венеціанскомъ XI в. и парижской національной бібліотеки XV в.—явилось заключеніе, что романъ этотъ переводилъ грузинскій книжникъ св. *Евѳимій Иверскій*, жившій въ концѣ X и началѣ XI в. († 1026). Венеціанскій списокъ даетъ слѣд. заглавіе: [στορία ψυχῶ] φελῆς ἐκ τῆς ἐνδοτέρας τῶν αἰθιοπίων χωρῆς πρὸς τὴν ἱερὴν πόλιν μετενευθεῖς[α] διὰ ἰωάννου μοναχοῦ μονῆς τοῦ ἁγίου σάββα [ἐρμηνευθεῖσα] ἀπὸ τῆς ἰβήρων πρὸς τὴν ἐλλάδα γλῶσσαν ὑπὲρ εὐθυμί[ου] ἀνδρὸς τιμίου καὶ εὐσεβοῦς τοῦ λεγομένου ἰβήρος. Но Цотенбергъ не придаетъ значенія этому упоминанію св. Евѳимія Иверскаго въ заглавіи своихъ списковъ и считаетъ его наивною поддѣлкой какого-нибудь грузинскаго инока Иверской лавры (ор. с., стр. 3). Взглядъ этотъ онъ мотивируетъ тѣмъ, что начало грузинской литературы относится къ второй половинѣ X в. и представляется невѣроятнымъ, чтобы такое законченное по формѣ и выразительное по мысли, какъ повѣсть Варлаамъ и Иоасафъ, была написана на неразработанномъ (inculte) языкѣ. Помимо этого, ошибочнаго какъ увидимъ, соображенія онъ отмѣчаетъ и положительныя доказательства своего мнѣнія: безчисленныя цитаты изъ Библии и отцевъ церкви воспроизводятся въ романѣ буквально по греческому тексту этихъ книгъ. Можно ли допустить, чтобы переводчикъ прискивалъ въ подлинникахъ всѣ фразы, всѣ слова, всѣ намеки вмѣсто того, чтобы просто переводить ихъ, какъ остальную часть текста?

Эти доводы г. Цотенберга послужили основаніемъ византинисту К. Крumbaхеру отрицательно высказаться о возможности перевода повѣсти съ груз. языка на греческій языкъ Евѳиміемъ Иверомъ. Dass diese Angabe nicht richtig sein kann, hat Zotenberg nachdewiesen; sie stammt offenbar von einem iberischen Möncher der im Schwunge patriotischer Begeisterung dem Ruhmeskranze seine Landsmannes noch ein weiteres Blatt hinzufügen wollte¹⁾. Обратимся къ доводамъ Цотенберга. Бар. В. Розенъ въ рецензіи на книгу Notice le livre de Barlaam et Joasaph сдѣлалъ автору нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній по поводу его скептическаго отношенія къ участию св. Евѳимія-грузина при переводѣ душеполезной исторіи на греческій языкъ²⁾. Представленія о позднемъ (X в.) развитіи грузинской письменности въ настоящее время должно быть признано несостоятельнымъ. Самцхійскіе обитатели VIII—IX в., монастыри, основанные 13 сирійскими отцами, пришедшими въ Грузію въ VI в., Саввинская лавра въ VII—IX в. въ Іе-

¹⁾ *Krumbacher*. Byzantische Litteraturgeschichte, s. 467.

²⁾ Зап. Вост. отд. И. Р. А. Общ., т. II, в. I и II, стр. 170 и сл.

русалимъ, Синай въ VII в. являются центрами, гдѣ сосредоточивается переводная книжная дѣятельность грузинскихъ монаховъ. Есть датированныя рукописи 864 и 925 гг., содержащія переводы разныхъ твореній св. отцевъ церкви и, понятно, что въ концѣ X в. грузинскій языкъ былъ уже не настолько „incultus“, чтобы нельзя было на немъ выражать тѣ мысли, которыя заключаются въ повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ. Теперь есть у насъ точныя указанія, что до Евонмія и Георгія были уже грузинскіе переводы священнаго писанія ¹⁾. Названный св. Евонмій оставилъ много переводовъ съ греческаго языка (до 60 названій) и, между прочими, перевелъ: „Лѣствицу“ Іоанн. Климаса, творенія св. Максима исповѣдника, Іоанна Дамаскина. Отсюда совершеннѣйшее знакомство св. Евонмія съ греческимъ языкомъ не подлежитъ сомнѣнію. Переводчику отцевъ церкви не трудно было приводить текста на греч. языкъ. По преданію, въ дѣтствѣ привезенный заложникомъ въ Константинополь, онъ совершенно забылъ родной языкъ и только благодаря чуду, по повелѣнію Богородицы, опять заговорилъ на немъ и сталъ затѣмъ уже переводить греческія книги. Въ житіи св. Евонмія, составленномъ св. Георгіемъ, онъ считается переводчикомъ грузинскихъ книгъ на греческій языкъ ²⁾: Балавара, Абакура и нѣсколькихъ другихъ. Итакъ, житіе его подтверждаетъ заглавіе двухъ греческихъ списковъ о переводѣ имъ Балавара (Балаваръ въ мусульманской версіи вмѣсто Варлаама). Бар. Розенъ предполагаетъ, что индійская фабула въ христіанскомъ видѣ записана монахомъ въ нач. VII в. въ лаврѣ св. Саввы со словъ благочестивыхъ людей, занесшихъ ее изъ Индіи ³⁾, а затѣмъ монахамъ-грузинами той же лавры въ качествѣ „душеполезной“ книги для конвертитовъ была переведена на грузинскій языкъ и занесена въ Грүзію; художественную, законченную форму, въ которой является греческій романъ, ей придалъ св. Евонмій Иверъ въ началѣ XI в., когда онъ ее переводилъ съ грузинскаго. При этомъ результаты, добытые

¹⁾ *Церетели*. Полное собраніе надписей Гелатскаго монастыря. М., 1891. стр. 42. Ср. слово свящ. Ираклія II Захарія о древнѣйшихъ грузинскихъ переводчикахъ и въ моей I книгѣ „Очерковъ“. См. еще приготовленное къ печати изслѣдованіе свящ. В. Нишарадзе о сванетскихъ рукописныхъ евангеліяхъ, предшествовавшихъ переводу св. Георгія Мтациндели.

²⁾ *Цагарели*. Свѣд. о памят. груз. письм. вып. I. Спб. 1886. 53 — 4. См. у меня выше стр. 65 и слѣд.

³⁾ Индійское происхожденіе повѣсти, вопреки Кирпичникову, поддерживаетъ акад. А. И. Веселовскій (Ж. М. Н. П. Ч. ССХІІ, отд. 2).

г. Цотенбергомъ относительно характера всей богословской системы романа, нисколько не противорѣчатъ возможности греческаго перевода съ грузинскаго языка. Строго православная точка зрѣнія о двухъ языкахъ уместна въ православномъ писателѣ XI в. какъ и VII в. Св. Евѳимій Иверъ естественно могъ придать всему разсказу строго православную, діоелитическую окраску, въ виду полемики съ армянскою и явонитскою церквами. Что же касается до другихъ не специально-догматическихъ признаковъ, требующихъ отнесенія романа къ VII в., какъ-то отсутствія намековъ на исламъ, выставленныя въ качествѣ представителей язычества дуалистической персидской вѣры подъ именемъ халдеевъ, то, по мнѣнію бар. Розена, св. Евѳимію не было никакого повода ихъ измѣнять, не говоря уже о томъ, что всѣ признаки далеко не столь опредѣленны, чтобы имѣть безусловную доказательную силу и не допускать нѣсколько другого толкованія. Мысль о переводѣ „душеполезной исторіи“ съ грузинскаго языка на греческій отстаиваетъ проф. Гоммель, соглашаясь съ бар. В. Розеномъ ¹⁾. По авторитетному мнѣнію Мейера, отличіе греческаго текста иверской рукописи отъ изданнаго Буассонадомъ состоитъ главнымъ образомъ въ пропускахъ ²⁾. Собственныя имена, данныя въ грузинской версіи, повидимому, въ древней формѣ придаютъ нашему памятнику особое значеніе, таковы Задани и Зандани, вм. Зарданъ, Габенесъ и Абенесъ вм. Абеннеръ, Федма и Федамъ вм. Февдасъ, Rakhi вм. Akakea, совершенно новое названіе Боламъ, родины Иудасафа-Будды. Относительно самого заглавія, Мудрости Балавара, сказаніе отца Исаака, сына Софронія Палестинскаго, замѣтимъ, что въ средніе вѣка извѣстны были два Софронія; объ одномъ передается, что онъ былъ: grec, ami de St. Jérôme, о другомъ упоминаетъ Цотенбергъ: „de Damas, vophite, basilien à St. - Sabas, patriarche de Jerusalem 634 — 638, mars 11“. Трудно рѣшить, о какомъ Софроніи идетъ рѣчь въ грузинской версіи. Имя же самого Варлаама даетъ проф. Гоммелю основаніе сопоставить его съ сирскимъ словомъ barlâhâ „Сонъ Бога“ и предположить, что весь его мистическій образъ складывается около появленія IV в. изъ хорошо извѣстнаго сирійцамъ романа Будды „Bilau-

¹⁾ N. Weisslovitz. Prinz, und Derwisch. (München, 1890), Сл. „Anhang“ von prof. Dr. Fritz Hommel, стр. 128 et 59.

²⁾ Paul Meyer. Fragments d'une traduction française de Barlaam et Joseph, faite sur le texte grec au commencement du XIII siècle въ Bibliothèque de l'école des chartes, XXVII année, t. II, 6 série, отдѣльный оттискъ, стр. 5. (1866 г.).

nar и Iudás⁴, (стр. 144, 145). Это мнѣніе находитъ нѣкоторую опору въ томъ свѣдѣніи, какое имѣется въ грузинской литературѣ о житіи св. Варлаама, сохранившемся на Аеонѣ: „Житіе Варлаама милостиваго, уроженца Черной Горы, въ Антиохіи“. Онъ прибылъ на Кавказъ, подвизался и умеръ въ Кавказскихъ горахъ, но гдѣ именно и въ когда не сказано въ житіи, переводъ котораго сдѣланъ съ греческаго нѣкимъ Давидомъ. (Цагарели. Свѣдѣнія, вып. I, стр. 77—78). Быть можетъ этотъ Давидъ тотъ предшественникъ св. Евоніи, о которомъ упоминаетъ свящ. Захарія, грузинскій писатель XVIII в.: „Я, духовникъ Захарія, видѣлъ (нашелъ) въ одной старинной книгѣ и выписалъ оттуда: задолго до Евоніи и Георгія, свв. отецъ-переводчиковъ, прибыли въ Іерусалимъ Давидъ и Стефанъ грузины, они тамъ выучились эллинскому языку (краснорѣчію) и впервые перевели нѣсколько священныхъ книгъ съ греческаго и съ арабскаго языковъ на грузинскій языкъ ¹).

Языкъ грузинской повѣсти Варлаама и Іоасафа носятъ слѣды арханзмовъ по этимологіи и въ лексиконѣ, какъ вѣрно замѣтилъ Н. Я. Марръ.

Что касается до отношенія этой душеполезной исторіи къ житію Будды, то мы воспользуемся работой ак. А. П. Веселовскаго, написанной по поводу изслѣдованія А. И. Кирпичникова о Варлаамѣ и Іоасафѣ.

Довольно древнее преданіе (XI в.) видѣло автора повѣсти въ Іоаннѣ Дамаскинѣ: преданіе, ничѣмъ не подтвердившееся, которое однако г. Кирпичниковъ поднималъ снова (Повѣсть о Варлаамѣ и Іоас. стр. 212 — 3), поддерживая свое мнѣніе разборомъ христіанскихъ догматовъ, выраженныхъ въ житіи. Разборъ этотъ приводитъ его къ заключенію, что житіе въ настоящемъ своемъ не могло явиться раньше второй половины VIII вѣка (стр. 259). Таково же почти и хронологическое опредѣленіе гг. Цотенберга и Мейера. Христіанская окраска легенды достаточно ясна, но существовалъ ли индійскій царевичъ Іоасафъ, или онъ ничто иное, какъ Будда, житіе Варлаама и Іоасафа—христіанская перелицовка легендарнаго житія основателя буддизма? Таково предположеніе, зародившееся одновременно во Франціи и Германіи,

¹) Дополненія къ литературѣ о Варлаамѣ и Іоасафѣ: О сказкѣ Буты, а также о Балнѣ и Диннѣ см. *Картлисъ-Цховреба* I, 269. Притча о сладости сего міра, въ Археол. извѣстіяхъ и замѣткахъ, 1893, 12. Въ притчѣ о Варлаамѣ и І. С. *Омденбурга* въ Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Об., т. IX, в. I—IV.

но подробнѣе высказанное Либректомъ ¹⁾ и остающіеся до сихъ поръ достояніемъ науки. Житіе Будды дошло путемъ устной передачи въ христіанскую среду, записано по-гречески какимъ-нибудь сирійскимъ христіаниномъ въ Египтѣ (на что указываютъ сирійскія имена и опредѣленіе положенія Индіи относительно Египта ²⁾ и приладилось къ стилю и понятіямъ христіанскаго аскетизма. Сравнивая его съ послѣдующими извлеченіями изъ легендарной біографіи Будды, необходимо имѣть въ виду, что между оригиналомъ и пересказомъ лежатъ отличія двухъ культуръ, и что, съ одной стороны дѣло идетъ о создателѣ новой религіи, а съ другой—послѣдователѣ христіанскаго благовѣстія. Это различіе типовъ, обусловленное самими цѣлями передѣлки, поможетъ выдѣлать сходное и оцѣнить въ надлежащей мѣрѣ встрѣчающіяся разногласія. Ав. Веселовскій пользуется для слѣдующаго изложенія о Буддѣ китайскимъ переводомъ *Abhinish kramana—Sûtra*, сдѣланнымъ въ концѣ VI вѣка нашей эры ³⁾; самый памятникъ древнѣе этого времени, такъ какъ есть извѣстіе, что онъ былъ переведенъ на китайскій языкъ уже въ 69—70 по Р. X, чему подтвержденіемъ служатъ скульптурныя изображенія въ Санчи и Бархутѣ (между 760 г. до Р. X. и первымъ столѣтіемъ по Р. X.), представляющія различные эпизоды житія Будды. Будда, индійскій царевичъ, сынъ царя Суддгоданы. Передъ его рожденіемъ мать его видитъ вѣщій сонъ, который брахманы—снотолкователи изъясняютъ такъ: у царя родится сынъ, который будетъ царемъ надъ царями, всесвѣтнымъ владыкой, праведнымъ, спасителемъ міра и людей отъ бездны горя и печали. Астрологи и предсказатели подтверждаютъ это уже по рожденіи ребенка по знаменіямъ будущаго величія, которыми онъ отмѣченъ; знаменія эти возвѣщаютъ, что если онъ останется въ міру, будетъ онъ всемірнымъ властителемъ, если же станетъ духовнымъ, то достигнетъ высшаго просвѣщенія, будетъ проповѣдникомъ закона и совершеннымъ Буддой. Отецъ его не желаетъ послѣдняго; совѣтники успокаиваютъ его: сынъ его будетъ всемірнымъ монархомъ, слѣдуетъ только принять мѣры, чтобы онъ не полюбилъ пустыни, не сталъ бы отшельникомъ; съ этою цѣлью надо окружить его всѣми свѣтскими удовольствіями, чтобы привязать его къ дому и къ семьѣ. Царь запретилъ открывать сыну бывшее о немъ пророчество.

¹⁾ Die Quelle des Barlaam. u. Joasaph. Jahrb. für öst. u. engl. Lit. II. Bd. 314—334.

²⁾ См. начало повѣсти: Η τῶν Ἰνδῶν λεγομένη Χώρα πόρρω μὲν διακεῖται τῆς Αἰγύπτου μεγάλη οὖσα καὶ πολυἀθρώπος. περικλύζεται δὲ θαλάσσης καὶ ναυσίπορος καλῶσει τῆ κατ' Αἴγυπτον μέρα.

³⁾ Журн. М. Нар. Пр., ч. СХСII, отд. II, стр. 142 и слѣд.

Слѣдуютъ школьные годы Будды, удивляющаго своими знаніями учителей, рано начинающаго показывать наклонность къ созерцательной жизни, задумываться надъ вопросами существованія. Когда онъ достигъ возмужалости, пророчество снова начинаетъ тревожить отца, и снова совѣтуютъ министры: построить для царевича дворецъ, приспособленный ко всѣмъ удовольствіямъ, окружить его красавицами: это отвлечетъ его сдѣлаться аскетомъ. По желанію отца, Будда беретъ себѣ въ жены Исодару, Манодару и Готами; отецъ построилъ для него три дворца, гдѣ царевичъ пребываетъ среди невиданной роскоши, среди наслажденій, вдали отъ всего, что могло бы возбудить идеи страданія или горя.

Такъ распорядился отецъ; съ этою же цѣлью царевича не выпускали изъ дворца, окруженнаго крѣпкою стѣной; трое воротъ (въ стѣнѣ, въ оградѣ сада и самомъ дворцѣ), хитро устроенныхъ и охраняемыхъ вооруженною стражей, должны были предотвратить всякую попытку къ бѣгству. Въ это время одинъ Девапутра, обитавшій въ странствѣ, обратилъ вниманіе на Будду, уже въ теченіе десяти лѣтъ предававшагося однѣмъ чувственнымъ утѣхамъ. „Мы не должны дозволить, чтобъ его разумъ и чувства затемнились и извращались долѣе, сказалъ онъ;—, пусть узнаетъ надлежащую цѣну этимъ вещамъ, и что ему слѣдуетъ покинуть ихъ и вмѣстѣ съ ними свой кровь“. Девапутра приготовляетъ его къ этому шагу: ночью невиданный голосъ навѣстываетъ его; по устроенію Девапутры, пѣсни придворныхъ красавицъ, вмѣсто того, чтобы возбуждать любовную страсть, говорили о скоротечности всего земнаго, и самыя звуки музыки наводили царевича на религіозныя думы, приготовляли сердце его къ воспріятію высшаго знанія. Съ тою же цѣлью Девапутра вселяетъ въ него желаніе выйти изъ дворца въ окружающіе его сады. Царевичъ велитъ своей возницѣ Чандакѣ приготовить для него колесницу; Чандака даетъ знать всему городу при звукахъ барабана и колокола, чтобы послучаю выѣзда царевича все облеклось въ праздничный видъ, чтобы съ улицъ удалено было все напоминающее о существованіи старости, болѣзни, смерти. Будда ѣдетъ, и, по устроенію Девапутры, ему представляется по дорогѣ дряхлый старикъ; на слѣдующей и третьей прогулкѣ Будда видитъ больного и затѣмъ покойника. Всякій разъ царевичъ допрашиваетъ возницу; что это значить, а тотъ вдохновенный Девапутрой, говоритъ ему о неизбѣжности старости, болѣзни, смерти. Всякій разъ, выслушавъ эти объясненія, царевичъ возвращался съ прогулки, чтобы предаться размышленію, а царь, обезпеченный рассказомъ возницы, усиливаетъ присмотръ и умножаетъ средства развлеченія. На послѣд-

ней прогулкѣ Девапутра является царевичу образъ нищенствующаго монаха—аскета. Будда вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и тотъ, подѣвляемъ Девапутры, говоритъ ему, что такое нищенствующій монахъ: это тотъ, кто оставилъ мѣръ и его стези, домъ и друзей, съ цѣлью найтн себѣ освобожденіе; кто ничего такъ сильно не желаетъ, какъ даровать жизнь всему сущему, никому не дѣлая вреда.

Возвратившись домой, царь объявляетъ отцу о своемъ рѣшеніи стать аскетомъ. Суддгодана, сильно огорченный, начинаетъ отговаривать его; то же дѣлаютъ совѣтники царя; царь подсылаетъ къ нему съ той же цѣлью Удаи, сына своего главнаго министра; жены и красавицы, окруживши царевича, удваиваютъ свои ласки и обольщенія. Но Будда оказался непоколебимымъ въ своей рѣшимости и въ ту же ночь, ободряемый голосомъ Девапутры, бѣжитъ изъ своего дворца къ сопровожденію возницы Чандаки. На слѣдующій день его хватились, но всѣ поиски за нимъ были тщетны.

Въ лѣсу онъ сбрилъ свои волосы, обмѣнялся своимъ дорогимъ платьемъ съ однимъ девою, принявшимъ образъ охотника, и отсылаетъ Чандаку домой. Разсказъ возницы обновляетъ общую печаль: весь народъ плачетъ, сѣтуютъ жены Будды, жалуется отецъ. По его желанію, двое совѣтниковъ отправляются еще разъ, чтобы отыскать царевича и привести его назадъ; они находятъ Будду сидящимъ подѣ деревомъ и приступаютъ къ нему съ убѣжденіями: отецъ готовъ уступить ему все свое царство; пусть вернется: возвращались на царство и другіе цари-аскеты. Но Будда связалъ себя великою клятвой: онъ не оставитъ своей цѣли и не вернется домой. Позднѣе, царь дѣлаетъ еще одну, столь же неудачную попытку упросить сына. Между тѣмъ Будда ведетъ жизнь скитальца: мы видимъ его то у брахмановъ—аскетовъ, то у пустынниковъ-арабовъ, всюду онъ вступаетъ въ разговоръ о религиозныхъ системахъ, поднималъ споры, вырабатывая свое собственное просоверпаніе путемъ углубленія въ самого себя и истощая себя чрезвычайнымъ постомъ. Мара, начальникъ зла, царь смерти, властитель міра соблазновъ опасается подвижника, грозившаго перенять его власть на землѣ. Онъ пытается отвлечь его отъ его подвига, собирать подвластныя ему силы, искушаетъ Будду, то являясь ему въ образѣ гонца съ вѣстью, что его родственникъ Девадатта захватилъ престолъ и держитъ въ плѣну его отца, то смущая его соблазнительными рѣчами и тѣлодвиженіями демоновъ-красавицъ. Дочери Мара востъ ему о земной любви; Мара соблазняетъ его образами земного величія, пугаетъ полчищами демоновъ-чудовищъ, угрожающихъ ему самыми страхами. Изъ всѣхъ искушеній Будда выходитъ побѣдонос-

нымъ, девы поддержали его славу, демоны побѣждены, и Будда достигаетъ высшаго просвѣщенія. Слѣдуетъ затѣмъ разсказъ о его проповѣднической дѣятельности.

У Будды являются много послѣдователей, но и опасные противники въ лицѣ брахмановъ, съ которыми онъ принужденъ вести борьбу и которыхъ побѣждаетъ въ религиозномъ спорѣ. Подъ конецъ принимаетъ его ученіе отецъ Суддгодана. Будда умираетъ въ преклонныхъ лѣтахъ, и легенда говоритъ о его торжественномъ погребеніи, которое обычно было лишь для всемірныхъ монарховъ ¹⁾.

Сличеніе пересказаннаго ак. Веселовскимъ житія Будды съ повѣстью о Варлаамѣ и Іоасафѣ открываетъ между ними точки соприкосновенія и отличія, которыя необходимо выяснить. Были попытки ученыхъ сблизить нѣкоторыя имена дѣйствующихъ лицъ, являющихся въ той и другой легендѣ. Такъ Теудасъ, (Тедма) одинъ изъ противниковъ Іоасафа, отвѣчаетъ образу Мары, но со стороны имени сблизается съ Даводаттой, однимъ изъ противниковъ Будды. Имя Іоасафа объяснялось вмѣненіемъ имени Поднисатвы (=Будды; Бодсодъ=Іоасафъ, вѣроятно же сравненіе, предложенное г. Минаевымъ, Іоасафа съ Ясадой одного буддйскаго разсказа ²⁾). Другія имена Варлаамовой повѣсти обличаютъ своимъ семитическимъ характеромъ (Варлаамъ, Абеннеръ) посредство пересказчика—сирійца. Отличія обихъ житій отличаются главнымъ образомъ требованіями новаго приуроченія. Будда самъ доходитъ до состоянія высшаго духовнаго просвѣщенія; для Іоасафа цѣль стремленія была опредѣлена въ истинахъ христіанскаго откровенія. Здѣсь недостаточно было собственной работы мысли, а явилась необходимость руководства, наставленія. Такъ объясняли въ житіи Іоасафа выдающуюся роль Варлаама, которому въ индійской легендѣ отвѣчаетъ развѣ блѣдный образъ нищенствующаго монаха, встрѣча съ коимъ, устроенная Девапутрой, окончательно опредѣлила призваніе Будды. Варлаамъ приготовляетъ Іоасафа къ принятію христіанства: вся учительная часть повѣсти приписана ему, онъ наставляетъ царевича притчами и апологами.

Замѣтимъ, что и въ житіи Будды развитъ этотъ элементъ вставныхъ разсказовъ; разсказчикомъ является самъ Будда, и какъ повѣствованія Варлаама приурочены къ цѣлямъ христіанскаго наставленія, такъ въ устахъ Будды народныя сказки, апологъ, на время преобра-

¹⁾ Barthelemy Saint-Hilaire, Le Bouddha et sa religion.

²⁾ См. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 160. съ сноскою на статью Н. П. Минаева.

зуются въ рассказы изъ исторіи перерожденій, какъ его самого, такъ и его учениковъ и другихъ лицъ, выступающихъ въ житіи. Самая идея перерожденія не укладывалась въ христіанское міросозерцаніе, она должна была исчезнуть, можетъ быть, оставивъ по себѣ одинъ черныи слѣдъ. Іоасафъ спрашиваетъ Варлаама о его возрастѣ. „Мнѣ около 45 лѣтъ“, сказалъ старецъ. Удивился Іоасафъ. „Но на видъ тебѣ болѣе семидесяти!“— „Лѣта моей жизни на землѣ ты опредѣляешь довольно вѣрно“, отвѣчаетъ Варлаамъ;— „но время проведенное мною въ живомъ мірѣ, я за жизнь не считаю“.

Такого рода взглядъ на отношенія мірской и духовно-созерцательной жизни находится въ уровнѣ со взглядами христіанскаго аскетизма; но пластическая фраза Варлаамъ различаетъ какъ бы два отдѣльныя существованія, смѣнившихъ одно другое, какъ фазы перерожденій, о которыхъ говорили индусы.

Появленіе Варлаама, не встрѣчающееся ни въ одной легендарной біографіи Будды, было объяснено выше изъ требовавіи христіанскаго пересказа, подарившаго насъ житіемъ Іоасафа. Либрехтъ также считаетъ Варлаама нововведеніемъ христіанскаго пересказчика. Относительно этого вопроса можно высказаться опредѣленнѣе, развивая указаніе, данное нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоромъ Минаевымъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ повѣстей, вложенныхъ въ уста Будды и вставленныхъ въ его житіи, есть одна, не обратившая на себя вниманія Либрехта: это—рассказъ объ одномъ изъ первыхъ послѣдователей Будды, Ясадѣ или Ясодѣ. Онъ интересенъ тѣмъ, что, являясь сколкомъ съ легендарной біографіи Будды (собственно, съ первой ея половины: юность и бѣгство), онъ представляетъ болѣе родственныя черты съ житіемъ Іоасафа. Выше уже указано на возможность сблизить имена Ясады и Іоасафа; послѣдній родится у отца, долго пребывавшаго бездѣтнымъ; тоже рассказывается о Ясадѣ, но не о Буддѣ.

Легенда о Ясадѣ вкратцѣ слѣдующая: Въ Бенаресѣ жилъ именитый человѣкъ, по имени Супри - Будда. Онъ обладалъ несметными богатствами, но у него не было дѣтей. По его молитвѣ Девапутра, спустившись съ небесъ, воплотился въ его жену (такимъ же рассказомъ о чудесномъ воплощеніи начинается, какъ извѣстно, и легенда Будды), а у Супра - Будды родился красавецъ-сынъ, который названъ Ясадой по примѣтѣ сіянія, появившагося надъ его головой въ минуту рожденія. Будучи единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, Ясада преуспѣвалъ, развиваясь тѣлесно и умственно. Отецъ построилъ ему три величественные дворца—одинъ для зимы,

другой для лѣта, третій для весны и осени. Его окружили всякими удовольствіями и бдительной стражей.

Въ это время Будда проповѣдовалъ законъ въ Бенаресѣ, а Сакра-Раджа (то - есть Индра, отвѣчающій Девануптрѣ легенды о Буддѣ) спускается съ неба, и, войдя во дворецъ Ясады, обращается къ нему съ такою рѣчью: „Дорогой Ясада! пришла тебѣ пора покинуть твой кровъ и стать нищимъ монахомъ“. Услышавъ это, Ясада велитъ приготовить себѣ колесницу и отправляется любоваться красотой окрестныхъ садовъ. Его первая встрѣча—съ нищимъ монахомъ; это былъ Будда; онъ предвѣщалъ скорое обращеніе Ясады, который, пораженный благолѣпіемъ Будды, сойдя съ колесницы, преклоняется предъ нимъ и за тѣмъ ѣдетъ далѣе. Въ садахъ новая встрѣча: Сакра приняла образъ дряхлой женщины, трупъ которой былъ покрытъ червями. Это зрѣлище опечалило Будду и навело на него раздумье. Въ ту же ночь онъ бѣжалъ, и въ рассказѣ о его бѣгствѣ встрѣчаются тѣ же черты, что и въ соответствующемъ эпизодѣ ученія Будды: точно также ворота открываются передъ нимъ сами, безъ скрипа и т. п. Онъ переходитъ рѣчку Ворану, гдѣ его ждетъ и просвѣщаетъ Будда. Между тѣмъ, Ясады хватились дома его жены, мать и отецъ, который обѣщаетъ большую награду тому, кто укажетъ ему, куда удался его сынъ, и самъ идетъ искать его. Рассказъ кончается обращеніемъ отца Ясады, его родни и друзей. Выше замѣчено, что Варлаамъ христіанскаго житія отвѣчаетъ нищенствующему монаху, съ которымъ, накануне своего бѣгства, встрѣтилъ Будда. Изъ повѣсти о Ясадѣ, мы узнаемъ, что этотъ монахъ самъ Будда.

Рассказъ—Mahavastu (собраніе легендъ о Буддѣ и его ученикахъ), сообщенный акад. Веселовскому покойнымъ Миваевымъ, передаетъ въ болѣе краткихъ чертахъ ту же легенду о Ясадѣ, который названъ Ясодомъ и прибавляетъ новыя подробности, приближающія насъ къ житію Іоасафа. Легенда эта начинается такимъ же рассказомъ о рожденіи и юности Ясоды, какъ и предыдущая. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о купцѣ, отправлявшемся торговать на востокъ. Когда онъ вернулся, отецъ Ясоды шлетъ къ нему посланца со словами: „Приди и посмотри на благолѣпіе моего сына. Купецъ явился, отецъ усадилъ его, и позвалъ двухъ юношей Ясода. Явившись, онъ не поклонился ни отцу, ни гостю, и все трое возсѣли на одномъ сѣдалищѣ.

Между тѣмъ, царь принялъ посланца за отца Ясады съ словами: „Есть царскія дѣла, приходи скорѣе“. „Посиди съ юношей, пока я прійду“, говорилъ, уходя отецъ. Оставшись вдвоемъ, купецъ, пораженный благолѣпіемъ Ясоды, подумалъ, что такая жизнь ему

не прилична, а прилично быть Пратьска-Буддой, или великимъ Шравокой (ученикомъ Будды). „Юноша“, сказалъ онъ ему, — „всякая молодость оканчивается старостью, всякое здоровье болѣзнию, всякое великолѣпіе имѣетъ конецъ, со всѣмъ инымъ, пріятнымъ бываетъ разлука. Видѣлъ ли ты Бгагавана (господина, то - есть Будду)?“ „Бто опъ такой?“ спрашиваетъ юноша, и купецъ описываетъ его. У Ясода является желаніе повидать Будду—и затѣмъ слѣдуетъ уже пзвѣстный рассказъ о бѣгствѣ.

Если предыдущая повѣсть позволить сблизить какъ царевича съ ищшимъ монахомъ—Буддой, съ которымъ встрѣтился Ясада, то редакція Mahavastu подсказываетъ другое сближеніе—Варлаама съ купцомъ. Варлаамъ также является къ Иоасафу въ образѣ купца и наставляетъ его на путь истины, какъ купецъ въ легендѣ Mahavastu. Драгоценный камень, который Варлаамъ сдаетъ царевичу и который толкуется иносказательно, какъ сокровище Христовой вѣры, могъ явиться самостоятельно въ христіанской перепискѣ, какъ послѣдующая подробность, наводившая на аллегорическое толкованіе, но въ устахъ буддійскихъ проповѣдниковъ подобная формула была освящена: я горю—слова ав. Веселовскаго—о „трехъ драгоценностяхъ“ буддизма (Будда, законъ и санга, т. е. община духовныхъ).

Либрехтъ сравниваетъ житіе Варлаама и Иоасафа съ легендой Будды. Дальнѣйшія изслѣдованія измѣняютъ, быть можетъ, второй терминъ сравненія, поставивъ на его мѣсто легенду о Ясодѣ, одномъ въ первыхъ учениковъ Будды. Но это не отмѣнитъ точку зрѣнія Либрехта, какъ какъ легенда о Ясодѣ, въ сущности, повторяетъ біографію Будды съ нѣкоторыми отличіями, которыя ведутъ къ такимъ сопоставленіямъ: Ясода — это монахъ; аскетъ—Будда; встрѣченный Ясодой, купецъ являющійся къ нему съ проповѣдью буддизма,—это Варлаамъ. Имя послѣдняго, пока необъясненное, обличаетъ христіанскаго пересказчика—Семита: баг въ началѣ имени, какъ и въ имени Варроломей (Bartholomaeus) означается въ семитическихъ языкахъ: смяъ. По мнѣнію акад. Шифисера, Варлаамъ, можетъ быть, ничто иное, какъ апостоль Варроломей, о которомъ древнее преданіе (Евсевій, св. Іеремія и др.) гласило, что онъ ходилъ въ Индію, гдѣ по разсказу Авдія, будто бы обратился въ Христову вѣру царя Поливая.

Итакъ, исторія Варлаама и Иоасафа ничто иное, какъ христіанская перелицовка, и притомъ очень точная, повесть о жизни и духовномъ развитіи Будды.

Либрехтъ, говоритъ акад. Веселовскій, сравнивъ рамку житія Варлаама и Иоасафа съ рамкой легендарной біографіи Будды, нашелъ

Гургенъ (958—980), Давидъ царь и Куротпалать (?—1001), также писатели: Микхель, Давидъ, Иоаннъ, епископъ тбетскій, знаменитый переводчикъ Евфимій († 1028 г.). Лучшій знатокъ грузинской палеографии Дм. Бакрадзе, на основаніи содержанія приписокъ и характера письма, указанную рукопись безусловно относитъ къ X-му вѣку.

Рукопись представляетъ изъ себя громадный фоліантъ — почти въ аршинъ длиною и $\frac{1}{2}$ аршина шириною. Состоитъ она изъ 544 пергаментныхъ листовъ, исписанныхъ церковнымъ шрифтомъ, причемъ всѣ записи, приписки, заглавія статей и начальныя буквы воспроизведены грузинскими заглавными буквами (асо-мѣаврули). Вся рукопись съ начала до конца расписана киповарными нотными знаками, почему авторъ труда своему даетъ названіе „Сагалобела“ („Божественный пѣсенникъ), или лучше сказать „гимница“.

Этотъ „пѣсенникъ“ содержитъ въ себѣ хвалебныя гимны и пѣсни на главные христіанскіе праздничные дни, а также въ честь разныхъ богоугодныхъ и святыхъ мужей, между прочимъ, въ честь св. Або, замученнаго въ Тифлисѣ агарянами въ 790 году и прославляемаго грузинскою церковью. Многіе отдѣлы этихъ пѣсень и самихъ нотъ, какъ гласитъ послѣзаглавная запись, исполнена „Мамѣхаломъ“ Иоанномъ Мтбевари, портретъ котораго представленъ тутъ же на поляхъ рукописи, съ надписью: „Иоаннъ, епископъ тбетскій“.

Но всего важнѣе тутъ послѣсловное оповѣщеніе автора Микхела, который говоритъ: „Послѣ долгихъ поисковъ, съ большимъ трудомъ мнѣ удалось найти на *грузинскомъ языкѣ* гимны-ноты: *греческія*, *мехурскія* и *грузинскія*, а, затѣмъ, найдя ихъ, я безъ всякаго измѣненія мотивовъ (кило) и нотныхъ звуковъ (нишани) завершилъ этотъ трудъ“.

Тутъ вниманіе читателя мы останавливаемъ на слова „*мехури*“ [мехури?] и на свидѣтельство автора, что онъ *послѣ долгихъ поисковъ нашелъ ноты на грузинскомъ языкѣ*. Если авторъ, какъ мы выше сказали, жилъ въ X вѣвѣ, то по записи выходитъ, что на грузинскомъ языкѣ ноты должны были существовать уже раньше его, т. е. въ IX вѣвѣ²⁾.

Отмѣчаемъ нѣсколько рукописей IX—XII вв. изъ тифлисскаго церковнаго музея, представляющихъ дополненіе къ названному мною [стр. 24] памятнику груз. письменности.

144 [номеръ каталога]. Рукопись на пергаментѣ (in folio) весьма поврежденная, многихъ листовъ недостаетъ, безъ переплета, заключаетъ въ себѣ:

²⁾ У свящ. Василія Барбелова въ Тифлисѣ намъ пришлось видѣть другую нотную на пергаментѣ рукопись XI в., заключающую въ себѣ 485 стр.

- 1) Слово Иоанна, епископа Болнискаго [Болнели] на 3 недѣлю Вел. поста.
- 2) Его же на 5 недѣлю Вел. поста. 3) Его же на шестую недѣлю Вел. поста. 4) Его же на седьмую недѣлю. 5) Св. Иоанна архіепископа Слово на Пасху. 6) Его же на тотъ же день. 7) Его же на тотъ же день. 8) Его же на тотъ же день.
- 9) Слово на Пасху. 10) Слово на понедѣльникъ послѣ Пасхи св. Кирилла, Іерусалимскаго архіепископа (о Воскресеніи Господа). 12) Слово св. Ефрема о смерти и о разлученіи души съ тѣломъ. 13) Слово Иоанна Болнели на Өошину недѣлю. 13) Св. Иоанна архіепископа на Өошину недѣлю. 14) Св. Евсевіи епископа „о безчинношѣ пѣніи“. 15) На четвергъ 2-й недѣли. Слово св. Ефрема объ Иліи и архангелѣ Михаилѣ. 16) О томъ естли Христовъ братъ Іоаннъ. 17) Письмо Іосифа Аримаеяскаго о построеніи храма въ городѣ Пресвятой Богородицы. 18) Слово св. Иоанна Златоустаго на Вознесеніе. 19) Слово его же на недѣлю Өошину. 20) Слово его на сошествіе св. Духа. 21) Чтеніе... 24) Чтеніе на Воздвиженіе честнаго креста во Мцхетѣ.

[Проповѣдникъ XI в. Иоанна Болнели оставилъ до 11 проповѣдей. Ц. муз. № 95].

Успеніе Богородицы Иоанна Златоуста № 144.

85. Житіе св. Георгія Опизскаго. (См. у меня I в. „Очерковъ“).

108. Григорія Богосл. Слова съ рисунками, гдѣ апокрифическое изображеніе крещенія Христа Господа въ водѣ, рядомъ съ нимъ сидитъ Адамъ и стоятъ крестъ, надъ нимъ св. Духъ и десница Бога Отца.

179. Жизнь Адама in 8^о, писанъ хуцури, стр. 533.

95. Дѣтство Христа (въ сборникѣ X—XI в., хуцури).

19. Пергаментъ „хуцури“ (сванет. сбор.) 489 стр. Житіе св. Або, Слово св. Нины о крещеніи Господа нашего I. Христа. Памяти свв. апостоловъ Петра и Павла; мученичество ап. Павла.

21. Ябич. стихи мѣстныхъ авторовъ.

36. Пергамент . Жизнь пресв. Богородицы.

38. Пергаментъ 974 г. Псалмы прор. Давида и пасхалія съ объясненіемъ груз. лѣтоисчисленія.

40. Пергаментъ XI в. Жизнь пресв. Богородицы.

50. Рукопись на бумагѣ in 4^о, церковностроч. буквы, начальныхъ листовъ и послѣднихъ недостаетъ, стр. 310. Заключаетъ въ себѣ: 1) Жизнь и мученичество Георгія Побѣдоносца и севастиѣнскихъ мучениковъ. 2) Похвала (?). 4) О мученичествѣ св. Василія Вел. и Ефрема Сирина. 3) Ефрема Сирина похвала всѣмъ свят. 4) Слово св. Өодора Студита по поводу обрѣтенія главы I. Хр. 5) Жемчугъ. 6) Слово Григорія Нисскаго о постѣ.

57. Письмо на бумагѣ: Сказаніе св. отцевъ о самоосужденіи и о воспитаніи воли.

60. Рукопись церковно-строчи. буквами на бумагѣ in f. 357 стр., въ переплетѣ, начальныхъ и послѣднихъ листовъ недостаетъ. Рукопись пострадала отъ сырости. Заключаетъ въ себѣ статьи извѣстныя подъ именемъ „Цела“

: 1) Вопросы ко св. Марку и отвѣты его, обнимающіе всю систему

христианского вѣроученія (начало статьи не имѣется, по названію ея опредѣляются по указанію стр. 57). 2) Св. Діодоха „объ опредѣленіяхъ“. 3) Его же (епископа Діодоха Фотикскаго древняго Апира) „сто главъ аскетическихъ. Въ концѣ помѣщены ямбическіе стихи св. патріарха Антиохійскаго — Іоанна (стр. 137). 4) Св. Василія Велик. „о страстяхъ“. 5) Хоринійскому пресвитеру о строгости противъ грѣшныхъ и говорящему что недостаточно устнаго исповѣданія (стр. 143). 6) Свят. отца Кила „о молитвѣ 153 главы“, (стр. 270). 7) Его же гномы, т. е. краткія изрѣченія. 7) Посланіе ко св. Игнатію Богоносцу, ибо въ то время въ Римѣ былъ св. Анеклито съ Папою Римскимъ; св. Климентъ съ нимъ подвизался и принялъ мученическую смерть. 8) Посланіе, св. Игнатія Богонос. въ градъ Антиохійскій. 6) Посланія, между прочимъ, жителямъ Смирны, б) къ Поликарпу Смирнскому, ш) къ Ефессеямъ.

67. Рукопись церковно-строчи. буквами на бумагѣ 153 л. Подвиги ап. Павла, ямбич. стихи всѣмъ святымъ.

76. На бумагѣ 676 стр. Постановленія всел. и помѣстн. соборовъ — Мцхетскаго собора при Давидѣ В.

80. Рукопись 301 л., бумага. Слово Григорія Богосл. о крещеніи І. Христа.

85. Перг. р. XIII в. ц.-строчи. б. $\frac{1}{8}$ л. Церков. пѣснопѣніе, ямбическіе стихи Арсенія Николтосли, Іоанна Шавтели.

95. Пергаментъ 1316 стр. Метафрастъ на весь годъ.

102, 113. Рук., церк. стр. буквами Толкованія Іоанна Златоуста на Евангеліе Марка въ переводѣ Іоанна Чирчимели.

119. „Грдемлі“, католикоса Виссаріоаа противъ латинявъ.

120. Марцухи (Клещи) ивтрополита Іосифа Бутанскаго противъ еретиковъ.

137. Пергаментъ цер. стр. букв. Ямбическіе стихи съ греч.: Ефрема Млад. 2) Ев. Арсенія Николтоскаго.

140. Пергаментъ 510 стр. цер. стр. буквами inf, между прочимъ заключаетъ Слово св. Епифанія Капрскаго о погребеніи І. Христа.

153. Бумага, рук. цер. строчи. буквами. Чтеніе объ изгнаніи Адама. 2) Построеніе Іерусалима. 7) Вознесеніе ап. Павла. 8) Вопросы І. Христа и отвѣты разслабленнаго.

105. Хронографъ (исторія іудеевъ до 3 вселенскаго собора) *Георія молата*; св. *Василія Кесарійскаго* о животныхъ. Его же о числѣ лѣтъ отцевъ ветхозавѣтныхъ. Его же о Христѣ и Антихристѣ.

Отвѣтныи еще 1) Местійское (сванетское) евангеліе XI в. [„Поѣздка *стискота Григорія* въ Сванетію“. Потв, 1893, стр. 31. 2) Ахалцхское пергаментное евангеліе и 3) Аскетиконъ XII в. Василія Вел., хранящійся при Кутансскомъ себорѣ. Переписанъ онъ Ефремомъ Младшимъ.

Бросимъ историческій взглядъ на внѣшнюю исторію Грузіи X—XII вв. Первый Багратидъ, Гурамъ, возсѣлъ на престолъ Грузіи въ 575 году ¹⁾. Это было время, съ одной стороны, процвѣтанія въ Грузіи православія ²⁾ и съ другой—вѣкъ ожесточенной борьбы между двумя колоссами древняго міра—Византіей и Персіей, изъ-за обладанія Грузіей. Борьба эта еще не была окончена, какъ арабы, грома и потрясая почти весь міръ, нагрянули на Грузію и овладѣли ею. Цари Грузіи сохранили нѣкоторою тѣнь самостоятельности въ Арданучѣ, Адчарѣ и Тао и изъ боязни враговъ стали именоваться не мепе (царь), но мампалы (владыка, князь), эристави (глава народа) и эриставт-эристави ³⁾. Въ это скорбное время эриставы Абхазіи и Кахетіи объявляютъ себя самостоятельными государями. Но, несмотря на всѣ невзгоды, грузинскіе мампалы, мало по малу усиливаются, и уже черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ послѣ Гурама, Ашотъ Великій (786 — 828) успѣваетъ побѣдить кахетинскаго владѣтеля Григола и объединить Грузію отъ Кларджета до р. Ксани и далѣе до гор. Барда. Сынъ Ашота, Багратъ, побѣждаетъ царя Абхазіи Θεодосія. Такъ изъ года въ годъ растетъ сила Багратидовъ, и при Адарнасѣ (923 г.) она достигаетъ до того, что грузины, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, оспариваютъ у Византіи право владычества надъ Эрзерумомъ и окрестными странами ⁴⁾. Къ этому же времени относится свидѣтельство арабскаго писателя Массуди (XII в.) о пограничномъ съ Абхазіей и Аланіей царствѣ Сумбата (923—958), населенномъ „великимъ христіанскимъ племенемъ Джурджовъ“ ⁵⁾—картвеловъ. Въ 980 году Грузія и Абхазія объединяются и на престолъ вступаетъ Багратъ, который былъ усыновленъ бездѣтнымъ царемъ и великимъ куропалатомъ Давидомъ († 1001 г.). Въ это время грузинскіи войска

¹⁾ Константинъ Порфирородный въ своей въ 952 г. составленной исторіи *De administrando imperio* говоритъ, что иверскіе Багратиды считаютъ себя потомками царя-пророка Давида и отъ него происшедшей Богоматери.

²⁾ „Иверы-христіане и лучше всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ храниатъ уставы христіанскаго вѣроисповѣданія“, говоритъ писатель VI в., *Проконій Кесарійскій* (Переводъ *Дестуниса*, стр. 56).

³⁾ Современемъ къ этимъ титуламъ прибавлялись еще титулы чисто византійскаго происхожденія, а именно: магистръ, куропалатъ, патрикъ, антипатрикъ, нобилиссимъ, кесароси и пр. (Смъ объ этомъ у Альфреда Рамбо — *L'Empire grec au dixième siècle*, р. 513—514. Ср. у меня въ *Моамбѣ*, 1895 г., кн. VII. „Титулъ груз. царей“).

⁴⁾ *Addit. et éclairc.* р. 145.

⁵⁾ См. *Hist. de la Géorgie*, I, 286, п. 2.

спасают Византию от возмущившагося против императорской власти Барды Склера, о чем повѣствуютъ источники грузинскіе, византийскіе, и армянскіе ¹⁾.

Основаніе могущества Грузіи уже окончательно было положено еще задолго до Тамары, а именно при Багратѣ, образователѣ единоедержавнаго грузино-абхазскаго царства въ 985 году. Съ этого времени грузины идутъ впередъ твердою поступью, и царство абхазо-картвеловъ изо дня въ день растетъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ.

Въ началѣ XI в. карталинскій царь, Багратъ III, кладетъ начало объединенію грузинскихъ народностей, раздробившихся подъ владычествомъ арабовъ на нѣсколько мелкихъ самостоятельныхъ княжествъ. Вторженіе турокъ сельджуковъ въ предѣлы Грузіи во второй половинѣ XI в. остановило развитіе страны и подвергло ее всѣмъ бѣдствіямъ вражескаго нашествія. Воспользовавшись событіями, происшедшими въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ, гдѣ крестоносцы бились съ сельджуками, царь Грузіи, Давидъ III, прозванный Возобновителемъ (1089—1125), свергнулъ магометанское иго и основалъ могущественное государство, границы котораго составляли: съ востока—Каспійское море, съ запада Черное море, съ сѣвера хребетъ Кавказскихъ горъ и съ юга нынѣшняя Карсская область. Когда Давидъ вступилъ на престолъ 26 лѣтъ отъ роду, вся Грузія лежала въ развалинахъ: въ восточной ея части господствовали турки, а въ западной самоуправно властвовали греческіе императоры подъ тѣмъ предлогомъ, что они единственные покровители единовѣрнаго царства. Буйныя орды мусульманъ неистовствовали вокругъ Тифлиса, персы терзали окраины царства, армяне дѣлали безпрестанные набѣги въ предѣлы изнемогающей страны. И царю предстояла великая задача залѣчить тяжелыя раны истерзаннаго непріятелями царства. На помощь пришли къ нему крестовые походы, отвлекшіе полчища турокъ и давшіе возможность развернуться собственнымъ силамъ Иверіи. Какъ только достигла до царя вѣсть о взятіи Іерусалима крестоносцами, онъ осадилъ сарациновъ въ Тифлисѣ и захватилъ городъ въ свои руки. Силы страны, по сверженіи мусульманскаго ига, возрасли настолько, что она могла отправить отрядъ на борьбу за освобожденіе Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. Царь подчинилъ себѣ Сванетію, Осетію, Дагестанъ, Кахетію, изгналъ турокъ изъ всѣхъ крѣпо-

¹⁾ Афонская пергаментная рукопись и др. источники *Вахушти*, прилѣж. Багдаде, стр. 139. *Ганъ*, Извѣстія классич. писателей о Кавказѣ, 38.

стей и взялъ Тифлисъ у мусульманъ ⁴⁾, которые имъ владѣли 400 лѣтъ. Обезопасивъ свое царство отъ враговъ внѣшнихъ и установивъ единодержавіе въ Грузіи, Давидъ III обратилъ вниманіе на водвореніе порядка и развитіе образованія. Онъ раздѣлилъ царство на нѣсколько провинцій, поручивъ ихъ управленіе отдѣльнымъ правителямъ. Распространеніе еретическихъ ученій, низкій уровень образованности духовенства, поколебленная подъ вліяніемъ владычества иноземцевъ нравственность побудили Давида Возобновителя созвать соборъ въ 1103 году, на которомъ былъ выработанъ сводъ церковныхъ постановленій—первый законодательный памятникъ, дошедшій до насъ. Соборъ предалъ проклятію и низложилъ епископовъ, необлеченныхъ въ санъ чрезъ рукоположеніе. Пастырей, по жизни и нравственности недостойныхъ сана, низвелъ и осудилъ на покаяніе, низшее духовенство низвелъ въ сословіе мірянъ. На этомъ соборѣ утверждено было православное вѣроисповѣданіе вѣры и каноны внѣшняго и внутренняго церковнаго благочинія. Каноны эти добыты были на каменныхъ столбахъ Мцхетскаго патріаршаго собора и въ Русскомъ кафедральномъ храмѣ.

При Давидѣ Возобновителѣ впервые появляются въ Грузіи правильно организованныя школы, гдѣ знакомили учащихся съ Закономъ Божиимъ, грамматикой, математикой, моралью, исторіей и пѣніемъ. Одна школа Арсенія въ гор. Икалто воспитала рядъ замѣчательныхъ дѣятелей и между прочимъ поэта, Шота Руставели, воспѣваго царицу Тамару. Для довершенія образованія Давидъ посылалъ на Афонъ

⁴⁾ По словамъ мусульманскаго писателя Эль-Анни Давидъ В. обрадовалъ сердца обитателей Тифлиса, которые просили у него о разныхъ вещахъ. Давидъ В. приказалъ христіанамъ не рѣзать поросять (въ той части города, гдѣ было много мусульманъ), чеканить монету съ надписью имени Бога, его пророка и его халифа, повелѣлъ, чтобы христіане не ходили въ баню вмѣстѣ съ мусульманами, дабы эти не вѣрующіе (христіане, по понятію мусульманъ) не оскорбляли вѣрующаго. Давидъ съ сыномъ своимъ, Димитріемъ, входилъ каждый день въ главную мечеть слушать молитву о царѣ и чтеніе корана, давалъ много денегъ „катибанъ“ и „моваздианъ“, построилъ караванъ-сарай, дома для проповѣдниковъ, суфиевъ и постовъ, назначивъ имъ содержаніе. Если кто изъ нихъ изъявлялъ желаніе покинуть Тифлисъ, онъ щедро помогалъ ему деньгами. Давидъ уважалъ мусульманъ больше, чѣмъ сами магометанскіе цари (Addition... pp. 239—241). Точно также онъ посѣщалъ армянскія церкви и получалъ благословеніе отъ армянскихъ пастырей.

Тоже самое о царѣ Давидѣ говоритъ и мусульманскій писатель Шень-ед-динъ Юзифъ (Addit... p. 242).

по 40 молодых грузинъ, въ числѣ которыхъ были переводчики на грузинскій языкъ церковныхъ и философскихъ сочиненій. Онъ самъ былъ благочестивымъ мужемъ и хорошимъ богословомъ и проводилъ свободный часъ даже на войнѣ въ чтеніи священнаго писанія ¹⁾, а на добытыя отъ враговъ сокровища воздвигалъ каменные храмы, изъ которыхъ Гелатскій храмъ составляетъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ грузинской архитектуры. Онъ устроилъ во многихъ мѣстахъ своего огромнаго государства больницы и пріюты, обезпечилъ храмы и монастыри обширными угодьями. Благотворительность царя простиралась за предѣлы его царства и церкви. Онъ отправлялъ частые вклады въ Иерусалимъ, въ Аѳонскіе и Сирскіе монастыри. На горѣ Синаѣ онъ построилъ храмъ въ честь св. Екатерины, существующій до нашего времени. Заботы царя простирались не на одну только церковь. Онъ проводилъ дороги, соединяя отдаленныя провинціи своего государства: строилъ и возобновлялъ мосты, поврежденные врагами, установилъ правильный порядокъ судопроизводства и администраціи, представители которыхъ должны были руководствоваться изданными законами церковными и гражданскими, а также обычнымъ правомъ той мѣстности, куда они назначались.

Давидъ умеръ во цвѣтѣ силъ, 53 лѣтъ, оставивъ свое царство могущественнымъ и спокойнымъ. Народъ грузинскій прозвалъ его Возобновителемъ, а церковь причислила къ лику святыхъ. Умирая, Давидъ избралъ мѣстомъ своего успокоенія порогъ созданной имъ Гелатской церкви для того, чтобы всякій переступающій чрезъ могилу царя, помолился за его душу. Надъ могилой своей онъ повелѣлъ поставить нѣкогда плѣненные имъ желѣзные Дербентскія ворота, которыя, замыкая храмъ, служили царю надгробнымъ мавзолеемъ. На церковномъ порогѣ и понынѣ лежитъ большая гранитная плита, а на ней большими грузинскими буквами начертано: „се покой мой во вѣкъ вѣка, здѣсь веселюся, яко изволить и“. Арабская куфическая надпись на одной изъ половинъ желѣзныхъ воротъ гласитъ, что ворота были скованы во имя Бога благого и всемилосерднаго славнымъ Эмиромъ Шавиромъ, сыномъ Эль-Фазла, въ 455 году геджры, въ 1077 г. христіанской эры.

Уважаая мусульманъ ²⁾ и ихъ вѣру, Давидъ В. не превратился въ

¹⁾ Любимой книгой чтенія царя былъ Апостолъ, съ которымъ онъ не разставался и во время похода, обозначая на послѣдней страницѣ крестиками, сколько разъ имъ была дочитана эта книга.

²⁾ Съ полнымъ довѣріемъ и любовью царь Давидъ относился также и къ ермянамъ, о присоединеніи которыхъ къ православной церкви были сдѣланы

человѣка, забывшаго свои религіозныя, національныя и политическія убѣжденія. Мусульманскій писатель Магометь — Гамеки свидѣтельствуетъ, что „Давидъ обладалъ большимъ знаніемъ магометанской религіи и часто бесѣдовалъ съ Кали о томъ, сотворенъ-ли коранъ, или вѣченъ“ (Addit... р. 237), т. е. имѣеть-ли коранъ божественное, или человѣческое происхожденіе...

Завѣщаніе царя Давида Возобновителя.

Съ именемъ царя Давида Возобновителя связано нѣсколько памятниковъ, весьма важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи. Царь Давидъ (1089—1125), воспитанный въ духѣ священнаго писанія Георгіемъ Чкондидели и женатый на греческой принцессѣ Иривѣ, занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ исторіи Грузіи. Онъ освобождаетъ страну отъ наводнившихъ полчищъ сельджуковъ и восстанавливаетъ поколебавшійся государственный порядокъ. При немъ происходитъ духовный соборъ созванный отъ очищенія церкви отъ водворившихся беззаконій. Ему принадлежитъ „Завѣщаніе“, которое¹ онъ произнесъ предъ духовникомъ своимъ, Арсеніемъ, на смертномъ одрѣ, и Пѣсни покаянія. „Завѣщаніе“ его сообщается народу чрезъ посредство царскаго духовника, Арсенія. Повелѣваетъ и доносить царь царей Давидъ въ дни своей смерти „и ухода изъ міра устами моими недостойнаго его молещца монаха, вамъ всѣмъ вельможамъ и знатымъ его царства: католикосамъ, епископамъ, эристамъ и всѣмъ помилованнымъ“. Царь Давидъ за этимъ обращеніемъ грустно указываетъ на неизбѣжныя слабости человѣка, мнящаго себя безсмертнымъ и въ стремленіи къ земной славѣ уклоняющагося отъ смерти и забывающаго о могилѣ, пока самъ преходящій міръ не представитъ его, обремененнаго грѣхами предъ лицомъ Вѣчнаго Судіи. Онъ благодаритъ Господа за великія, ему оказанныя милости: „Онъ далъ мнѣ сына Димитрія, превосходящаго меня мудростью, святостью, стройностью и мужествомъ... Правосудный Богъ призвалъ меня и даровалъ мнѣ царство-

твенныя попытки. Армянскій писатель—Моисей Эдесскій называетъ Давида „мужемъ святымъ, благочестивымъ, добродѣтельнымъ и справедливымъ“. *Dulaurier*. *Recueil des histor. des croisades*. *Docum. armén.* I, 137.

¹ См. *Сабининъ*. Рай груз. церкви, стр. 512—519. *Вахушти*. *Исторія Грузіи*, прилѣч. Бакрадзе, стр. 187. *Жорданія*, Хроника, II, 51—2. Ср. *Пл. Тоссемиани* [Закавказ. Вѣсти. ч. неоф., стр. 132] выдѣлъ „Завѣщанія“ весьма древній экземпляръ въ Шіо-Мгввимскомъ монастырѣ.

вавіе, владѣнія, считая области, присоединенныя моими и вашими трудами, отъ Никотіи до Дербента и Осетіи до Аргата“ (?) Царь поручаетъ наслѣднику своему царицу и малолѣтняго царевича Цхвату, которому Дмитрій, воспитавъ его достойно, если пожелаетъ Господь, можетъ оставить престоль. Давидъ считаетъ нужнымъ напомнить своему преемнику о любви къ сестрѣ и почитаніи всей царской семьи. Царь предусмотрительно распредѣляетъ свое достояніе: онъ оставляетъ Дмитрію побѣдоносный крестъ, царскіе доспѣхи и совровищницы, а драваны Константина Цхвато, алмазы и жемчугъ Хахульской Божіей Матери, дуваты и ботинаты ¹⁾ Атенской каедрѣ. Его преслѣдуетъ одна грустная мысль: онъ не успѣлъ закончить монастыря—усыпальницы царской семьи, достроить его онъ предлагаетъ сыну своему Дмитрію, который долженъ, по совѣту католика Арсенія и другихъ іерарховъ, обезпечить духовенство, творящее молитву надъ царской усыпальницей, достаточнымъ количествомъ земли и движимаго имущества.—Завѣщаніе Давида В. можетъ быть сопоставлено съ поученіемъ Владиміра Мономаха въ русской литературѣ.

Пѣсни покаянія, сказанныя Давидомъ Возобновителемъ ²⁾. Пѣсни покаянія царя Давида В. имѣются въ рукописи 1233 г. Они проникнуты глубокимъ чувствомъ и исполнены религіознаго воодушевленія. Пѣвецъ, подражая псалмопѣвцу и мудрому Соломону, выставляетъ себя чрезмѣрнымъ грѣшникомъ и проситъ помилованія „Того, предъ Которымъ каждая вѣя склоняется, преклоняетъ колѣна и языкъ глаголетъ покаяніе“. Обращаясь къ Заступницѣ грѣшныхъ, къ Пречистой Дѣвѣ, Давидъ приписываетъ себѣ дѣянія невѣрныхъ царей Израильскихъ. Онъ возымѣлъ мечту ассирійцевъ о горнемъ движеніи и теченіи звѣздъ. По-эллинически царь воздавалъ почести твореніямъ Бога вмѣсто имени Творца. Попирая завѣтъ писанный, онъ сталъ работою плотской религіи. Не насытившись, подобно червяку Соломона, искалъ онъ обладанія другими странами. Собирая сокровища, сдѣлался поклонникомъ мамона, словно Ваача и Астарты. Слезы вдовъ и сиротъ не возбуждали въ немъ помилованія, нуждающимся не открывалъ онъ своихъ сокровищницъ. „Вотъ мои прегрѣшенія, и нынѣ на колѣняхъ молю, не лиши меня спасенія, не осуждай на муки адскія, ибо Ты еси Господь кающихся“.

¹⁾ *Brosset*, Addition XIII, p. 233, n. „Ces richesses que le roi nomme doucat et potonat me paraissent avoir consisté en pièces d'or et d'argent frappées sous Constantin et Michel Ducas et sous Nicéphore Botoniate“.

²⁾ Рукопись Церков. музея № 85 („Хуцурі“), заключающая Пасхалію Іоанна Шавтели, написанную въ 1172 г., различными пѣснопѣніи и покаяніемъ царя Давида В.

Церковный соборъ при царь Давидъ Возобновитель ¹⁾ въ 1103 г. „Церковныя постановленія“ Давида Возобновителя являютьсь первымъ юридическимъ памятникомъ, созданнымъ умами грузинскихъ законодѣдовъ. Они характеризуютъ нравственное и религіозное состояніе общества и заключаютъ мѣры для искорененія воцарившихся въ немъ пороковъ и недостатковъ. Царь обращается къ духовенству, какъ источнику подъема народной нравственности, призываетъ его къ широкой дѣятельности, освобождая его за труды отъ всякихъ государственныхъ повинностей съ принадлежащими крестьянами. Дѣйствительно, среди тогдашняго духовенства сіяли знаменитые дѣятели, способные послужить царю въ предѣлахъ намѣченной программы, таковы—католикосъ Іоаннъ, Арсеній Икалтойскій, Георгій Чкондидели. Нравственная цѣль „святого собора“, созваннаго Давидомъ Возобновителемъ, сопровождалась и политическими планами, впрочемъ, не осуществившимися. Царь вознамѣрился ограничить своеволіе феодаловъ, подчинить ихъ своей власти, изгнать наиболѣе сильныхъ и захватить ихъ имѣнія для раздачи своимъ сподвижникамъ.

Святой соборъ для излѣченія вѣдвѣихъ язвъ открылся въ 1103 г. въ пунктѣ между двумя епархіями Урбнсской и Руйской, но гдѣ именно, трудно сказать, отвергая мысль что онъ созванъ былъ во Мцхетъ, такъ какъ этотъ городъ не расположенъ между двумя названными епархіями и во вторыхъ онъ слишкомъ былъ близокъ къ Тифлису, находившемуся еще въ рукахъ арабовъ. На соборѣ участвовали епископы, іереи, дьяконы, иноки, столпники и пустынники и въ большомъ числѣ міряне. Предсѣдательствовалъ католикосъ Іоаннъ, а „святый и мудрый“ царь присутствовалъ въ качествѣ раба церкви, такъ какъ ²⁾по законамъ даже Вахтанга католикосъ и царь равноправныя другъ отъ друга независимыя лица: одинъ царь тѣлесный, другой духовный. Этотъ духовный глава и имѣлъ, впрочемъ, и свѣтскую компетенцію. Соборъ работалъ много дней, рассмотрѣлъ всѣ господствовавшіе тогда недуги и попытался должными мѣрами ихъ искоренить. Такимъ образомъ, цѣль собора—нравственно поднять духовенство и народъ, устранить убійство, нарушение супружескихъ узъ, похищеніе женъ, содомскій грѣхъ и пр. Въ постановленіяхъ собора мы находимъ указанія именно на эти отрицательныя стороны христіанской жизни и тѣнь намековъ на борьбу грузинской церкви съ несторіанской ересью, распространявшеюся будто бы въ Иверіи, какъ предполагалъ Пл. Юсселиани ³⁾). Въ одномъ мѣствѣ мы находимъ

¹⁾ *Жорданія*. Хропиви, р. 238.

²⁾ *Исторія Груз. церкви*, 73 и 74.

указаніе о поруганіи иконъ, которое не служитъ отголоскомъ ученія Нестора, настаивавшаго на единомъ ествѣ І. Христа, вопреки православному догмату, признающему въ Спасителѣ два естества—божеское и человѣческое. Едва-ли царь уклоняющійся по его же словамъ, отъ углубленія въ богословскія словопренія на другомъ соборѣ, созванномъ для соглашенія армянской и грузинской церкви, царь отличавшійся религіозною терпимостью къ мусульманамъ, созвалъ бы архіереевъ для исключительной борьбы съ ересью.

Лѣтопись свидѣтельствуеетъ, что ко времени Давида Возобновителя нѣсколько важныхъ епископскихъ кафедръ и церковей было занято незаконно вельможами и крупными феодалами, которые въ свою очередь ставили въ іереи себѣ подобныхъ волковъ¹⁾. Царь пожелалъ ослабить феодаловъ, епископовъ, имѣющихъ свои крѣпости, имѣнія, войска, передать духовную паству въ достойныя руки. Распространился обычай съ помощью купли или взятки занимать церковныя должности, разоряя, какъ разбойники, богатые и обширныя монастырскія имѣнія, жертвуемая благочестивыми царями и прихожанами. Воцарилось безначаліе, отсутствіе послушанія, грубая символика. Соборъ долженъ былъ водворить порядокъ, подчинить теченіе церковной жизни опредѣленнымъ правиламъ, устранивъ подкупъ и приношенія для полученія дьяконской или архіерейской вакансіи, предоставлять должности по заслугамъ и достоинствамъ. Съ этою цѣлью соборъ прежде всего низложилъ недостойно облеченныхъ епископской мантией, назначивъ на ихъ мѣста лицъ заслужившихъ по дѣламъ и возрасту. Для уясненія значенія послѣдняго требованія нужно имѣть въ виду, что малолѣтвіе вельможи часто оказывались во главѣ паствы, представляющей для нихъ источникъ вліянія и обогащенія. Помимо нравственныхъ качествъ отъ поставляемыхъ на духовныя должности требуются знанія, грамотность, подготовка къ своей миссіи: „католикось, епископы и хорейпископы (вышія духовныя лица съ свѣтскою властью) должны быть избираемы изъ искусившихся въ религіи и священномъ писаніи²⁾. Это постановленіе получаетъ для насъ смыслъ, если вспомнимъ пастырей, неспособныхъ читать Псалтырь и Требникъ³⁾. Такъ былъ отрѣзанъ путь, родовитымъ, сильнымъ пробираться къ высшимъ должностямъ, разрушенъ одинъ изъ

¹⁾ Кар.-Цх. I, 242. Вахушти, 186. О царѣ Давидѣ В. существуетъ монографическая работа Н. Урбнели, напечатанная въ журн. *Моамбэ* за 1894 г.

²⁾ Церк. гудж. 40, 1 ср. Законы католикосовъ, § 9.

устоевъ феодаловъ, устранена возможность наследственно передавать каѳедры монастырскія и церковныя. Соборъ предписалъ низшей іерархіи подчиняться указаніямъ начальствующихъ: „іереи и дьяконы въ страхѣ Божіемъ да покоряются архіереямъ“. Онъ воспретилъ послѣднимъ брать приношенія съ первыхъ, произнесъ проклятiе надъ прибѣгающими къ симоніи, счелъ корыстолюбiе за богопротивное дѣяніе. Осудивъ порядокъ путемъ взятки или подкупа часто безграмотнымъ, недостойнымъ восходить отъ низшихъ должностей къ высшимъ и порождать злоупотребленіе, соборъ опредѣлилъ возрастъ для каждаго сана: епископъ не можетъ быть моложе 35 лѣтъ, священникъ 30 л., дьяконъ 25 и псаломщикъ 8 л., запретивъ въ одинъ посвящать въ санъ дьякона, іерея или архіерея, чтобы дать время выказать способность на первыхъ ступеняхъ для достиженія слѣдующихъ. Исключеніе было сдѣлано только относительно псаломщика, который могъ быть возведенъ въ дьяконы въ тотъ же день, очевидно по несложности задачъ, раздѣляющихъ эти два ранга и по тѣмъ ихъ соображеніямъ, что число дьяконовъ слѣдуетъ размножать для красоты церковной службы. Злоупотребленія распространялись на церковную утварь, и вотъ соборъ подъ страхомъ „адскихъ мукъ“ воспрещаетъ ею пользоваться даже въ цѣляхъ на счетъ ихъ выкупать плѣнниковъ. Вообще грузинскіе законы строго преслѣдовали преступниковъ противъ церковнаго имущества¹⁾). Противъ воцарившихся въ монастыряхъ веселья и торговли, сборища свѣтскихъ людей соборъ энергично возстаетъ. Монастырь сталъ „домомъ торжниковъ“, гдѣ среди иноковъ происходили несогласія, возникли сребролюбiе, вражда и зависть, утративъ, благодаря этимъ безпорядкамъ, способность быть „свѣточемъ мірянамъ“. Обязанность духовника стала такимъ источникомъ, что въ одномъ монастырѣ появилось ихъ нѣсколько, и даже не духовныя лица премышляли въ своихъ интересахъ. Соборъ постановилъ: въ большихъ монастыряхъ имѣть по два духовника, а въ малыхъ по одному. Безпорядки проявились и въ отправленіи богослуженія. За однимъ алтаремъ одновременно многими іереями возносились моленія за упокой разныхъ лицъ. Для искоренія этого безчинія предложено приносить жертву въ поминовеніе одной души, разрѣшивъ служить за другую въ притворѣ, за особымъ алтаремъ. Соборъ обратилъ вниманіе и на семейныя неурядицы. Въ то время бракъ церковный еще не успѣлъ завоевать уваженія въ обществѣ. Соборъ возсталъ противъ прежнихъ языческихъ брачныхъ обрядовъ и далъ въ руководство (визав-

¹⁾ Зав. катол. § 3. *Абуа*. 116. Ср. возрѣніе народа.

тійскія) правила вселенскихъ соборовъ, воспретилъ браки между православными и еретиками. Въ церкви заключенныя брачныя узы считались незаконными. Внушается мысль, что бракъ есть таинство, сопровождающееся св. причастіемъ, устраняется возрѣніе на супружескія связи, какъ на гражданскую сдѣлку. Такъ какъ былъ распространенъ обычай заключать браки между малолѣтними, то соборъ устанавливаетъ возрастъ, дающій право церкви благословлять молодыхъ, а въ юные годы ихъ разрѣшаетъ только сгатање въ случаѣ большой необходимости. Невѣста можетъ вступить въ бракъ только будучи 12 лѣтъ отъ роду, какъ предусмотрено и въ кодексѣ Юстиніана. Однако, вторичные браки при жизни первыхъ супруговъ, въ особенности среди знати, продолжали господствовать въ грузинскомъ обществѣ, и соборъ призналъ такіе браки незаконными.

Въ постановленія собора при царѣ Давидѣ Возобновителѣ внесены всѣ пункты VI вселенскаго собора (680—682 г.), переведенные на грузинскій языкъ Златоустомъ св. Евѣміемъ¹⁾. Въ постановленіяхъ на армянъ распространяется взглядъ какъ на еретичество, и необходимо ихъ крещеніе по православному обряду въ случаѣ заключенія брака между армянномъ и грузиномъ, какъ требовалъ VI вселенскій соборъ²⁾.

Первое указаніе о Картлисъ - Цховреба относится ко времени Давида Возобновителя. Анализируя „Кар. Цх.“, мы перейдемъ отъ памятниковъ назидательныхъ и историко-литературныхъ къ историческимъ.

Памятники историческіе.

До насъ дошло нѣсколько вариантовъ грузинской лѣтописи, извѣстной подъ именемъ „Картлисъ - Цховреба“ (т. е. жизнь Картли, или Карталиніи, части Грузіи, заключенной между Имеретіей и Кахетіей, по теперешнему административному дѣленію, обнимающей Горійскій уѣздъ и часть Тифлискаго). Изъ такихъ вариантовъ назовемъ: Румянцевскій, царевича Теймураза, кн. Мингрельскаго, Церковнаго музея, царицы Маріи³⁾ и др. Свѣдѣніями о Румянцевскомъ ва-

¹⁾ *Вахушиси*. Исторія, изд. Бакрадзе, стр. 140—3.

²⁾ См. изслѣд. Н. Урбнели. *Иверія*. 1888. 38, 46, 47, 75, 270, 271.

³⁾ См. мою ст. въ *Иверіи* (1890, № 216) о „Кар.-Цховр.“ Ивана Овровицкаго. Этотъ списокъ относится къ 1833 г. Онъ переписанъ въ г. Рязани русомъ духовника Мингрельской царицы, Нины, и доведенъ до 1764 г. Извѣстна еще Гелатская лѣтопись, обнимающая періодъ съ 1873 до 1703 г. Она обращаетъ главное вниманіе на исторію Имеретіи и Самцхе-Саатабаго. (*Иверія*, 1887, № 193).

риавтѣ пользуюсь изъ своей работы, помѣщенной въ Трудахъ VIII археол. съѣзда въ Москвѣ.

Румянцевская летопись (268 листовъ) *царя Вахтанга VI* принесена въ даръ грузинскимъ царевичемъ Таймуразомъ Георгіевичемъ его сіятельству канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву въ 1821 г.

На второмъ ея листѣ читается воззваніе къ читателямъ, не имѣющаеся въ напечатанной академикомъ Броссе Картлисѣ - Цховреба.

„Къ свѣдѣнію читателей. „Картлисѣ-Цховреба“, собранная царемъ Вахтангомъ VI, который именовался царемъ Карталиніи, одной части Грузіи. Воцарился онъ въ 1719 г. по Р. X. и процарствовалъ нѣсколько лѣтъ, немного лишь времени. Но такъ какъ въ его время произошло много волненій и измѣненій въ Грузіи, то онъ составилъ (сочинилъ) ее (лѣтопись), насколько онъ былъ въ силахъ, не будучи въ состояніи исполнить ее изслѣдовать (собрать), ибо тогда не могли найти древней „Картлисѣ-Цховреба“, по причинѣ тревогъ и волненій (въ Грузіи“).

На третьей страницѣ читается введсвіе *въ книгу эту Картлисѣ-Цховреба*. Почтенные именитые грузины, „Картлисѣ-Цховреба“ (число ея) съ теченіемъ времени въ Грузіи уменьшилось; царь Вахтангъ VI, сынъ Леона, племянникъ царя Георгія, созвалъ ученыхъ и составилъ ее на основаніи (историческихъ) записокъ, гуджаръ и свидѣтельствъ на иностранныхъ языкахъ“.

Отмѣтимъ разногласія печатнаго текста съ Румянц. вар.: первый передаетъ, что языкомъ картвеловъ былъ армянскій, а послѣ вторженія различныхъ народностей въ Грузіи изъ смѣшенія ихъ языковъ образовался грузинскій языкъ ¹⁾. Не говоря о невозможности созданія языка такимъ путемъ, издатель „Кар.-Цхов.“ академикъ Броссе, не усомнившись въ достовѣрности происхожденія грузинскаго языка изъ смѣси различныхъ идиомовъ, не потрудился отмѣтить основное разночтеніе между имѣющимися у него вариантами „Кар.-Цховр.“ и армянской хроникой. Дѣло въ томъ, что въ XI вѣкѣ въ царствованіе Давида Возобновителя (1089—1125) грузинская хроника была переведена на армянскій языкъ. Переводчикъ, есть основаніе думать, исказилъ оригиналъ и измѣнилъ его характеръ въ пользу армянъ. Къ числу этихъ искаженій относятся представленія о происхожденіи грузинскаго языка и объ отношеніяхъ грузино-армянскихъ родоначальниковъ. Академикъ

¹⁾ *Brosset. Hist. d. l. Géorgie I, 31.*

Броссе, открывъ грузинскую хронику, переведенную на армянскій языкъ, помѣстилъ ее во французскомъ переводѣ въ своемъ трудѣ „Additions et éclaircissements“. Предпочтеніе, которое онъ оказывалъ этому переводу, привело его къ признанію странной исторіи грузинскаго языка. Три варианта „Картлисъ - Цховреба“ передавали какъ разъ противное свидѣтельству такъ называемой армянской хроники.

„Языкъ картлосіанъ, читаемъ мы въ Румянцевскомъ вариантѣ,— былъ до сихъ поръ (т. е. до вторженія народовъ) лишь грузинскій; но со времени появленія этихъ безчисленныхъ народовъ языкъ свой грузины исказили и сдѣлался онъ украшеннымъ“¹⁾. Это значить, что въ грузинскій языкъ, какъ и во всякіе, вошли слова изъ другихъ языковъ. Быть можетъ, въ двухъ другихъ вариантахъ почтенный ученый попалъ на внесенную въ печатный текстъ версію объ образованіи языка картвеловъ? Но онъ самъ даетъ свидѣнія, устраниющія наше предположеніе. Онъ заявляетъ, что въ его собственномъ вариантѣ мѣсто объ образованіи языка гласить противное тому, что напечаталъ на грузинскомъ и французскомъ языкахъ. Остается вариантъ лѣтописи царевича Парнаваза. Проф. Овромчедѣловъ-Серебряковъ имѣлъ случай свѣрнуть интересующее насъ мѣсто въ печатномъ текстѣ и вариантѣ царевича Парнаваза и опубликовалъ результаты этого сопоставленія въ грузинскомъ періодическомъ изданіи „Иверія“ за 1887 г. Оказывается, что Парнавазовская „Картлисъ - Цховреба“ повторяетъ буквально слова Румянцевскаго варианта, только слово (украшенный) замѣнено (сложный), т. е. языкъ въ лексическомъ отношеніи дополненъ, осязненъ.

Итакъ, всѣ три рукописи „Картлисъ-Цх.“, которыми руководится акад. Броссе при печатаніи лѣтописи, отвергаютъ чтеніе печатнаго текста. Откуда же взялъ почтенный грузинологъ приведенную цитату касательно происхожденія грузинскаго языка? Единственнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ можетъ быть названа армянская хроника. Дѣйствительно, послѣдняя передаетъ, что *jusqu'alors les géorgiens faisaient usage de la langue arménienne, mais à cette époque la diversité des nations habitant au milieu d'eux amena des alterations qui firent un mélange de tous les idiomes et des cette fusion résulta la langue géorgienne actuelle*²⁾. До этого грузины говорили армянскимъ языкомъ, но подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ и смѣшенія

¹⁾ Румянц. вариантъ, стр. 9. Это мѣсто писано тѣмъ почеркомъ, который отличается древнимъ характеромъ.

²⁾ Chronique-Armén, p. 6.

всѣхъ ихъ языковъ образовался грузинскій языкъ! Это-то извѣстiе и внесено изъ армянской хроники въ грузинскую лѣтопись ¹⁾ вопреки свидѣтельству всѣхъ ея вариантовъ. Къ числу такихъ произвольныхъ измѣненій переводчика слѣдуетъ отнести прежде всего возведеніе родоначальника армявъ Аоса на степень старшаго брата при Картлосѣ—эпонимѣ грузинъ. Картлосъ и Аосъ вмѣстѣ съ своими братьями, по словамъ грузинской лѣтописи, происходитъ въ четвертомъ поколѣніи отъ Ноя ²⁾. Вопросъ, кто былъ старше Аосъ или Картлосъ, важенъ для насъ въ томъ отношеніи, что предпочтеніе, отдаваемое по напечатанному тексту „Кар.-Цх.“ миенческому Аосу предъ миенческимъ Картлосомъ, послужило однимъ изъ основанийъ для проф. Патканова попытаться доказать, что грузинская лѣтопись писана какимъ-то малограмотнымъ армяниномъ; иначе, говоритъ онъ, непонятно, какъ могъ грузинъ-авторъ унижить своего эпонима въ геройскихъ подвигахъ предъ Аосомъ.

По напечатанному ак. Броссе тексту грузинской лѣтописи, дѣйствительно, Аосъ старше Картлоса, первый является верховнымъ сюзереномъ надъ Картлосомъ и братьями его. Румянцевскій вариантъ даетъ совершенно неблагоприятное для Аоса чтеніе. „Раздѣлилъ Таргамосъ землю и народъ между восемью сыновьями героями, а Картлосу онъ далъ высшую власть (верховенство) надъ братьями“. Есть еще другое мѣсто, дающее первую роль Картлосу: „Картлосъ былъ старше и сильнѣе другихъ (братьевъ); ему подчинялись братья его, какъ своему повелителю“.

Выписанныя цитаты изъ Румянцевскаго варианта согласуются опять съ другими манускриптами грузинской лѣтописи царевича Парнаваза и проф. Чубинова. Возникаетъ вопросъ, откуда заимствовалъ акад. Броссе чтеніе не въ пользу Картлоса? Пользующаяся его довѣріемъ армянская хроника сохранила это мѣсто въ томъ видѣ, въ какомъ появилось впоследствии въ небольшой перефразой въ печати: *il (Haic) posseda tous les limites ci-dessus, il était le prince de sept frères* ³⁾. Эта поправка вариантовъ грузинской лѣтописи на основаніи армянской хроники дала право проф. Патканову признать позднее происхожденіе „Кар.-Цх.“, при чемъ онъ усмотрѣлъ въ ея составленіи армянское вліяніе. Вотъ почему я указываю на это раз-

¹⁾ „Кар.-Цх.“, стр. 25.

²⁾ Слѣды вліянія христіанства и Библии. Стремленіе возводить въ библейскихъ родоначальникахъ происхожденіе народовъ извѣстно во многихъ лѣтописяхъ.

³⁾ *Chronique-Armén*, p. 6.

отношение между печатнымъ текстомъ и рукописными вариантами грузинской лѣтописи.

Не только Картлосъ ставится выше Аоса, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда приходится говорить объ армянахъ и грузинахъ Румянцевскій вариантъ предпочтительно называетъ картлосіановъ: Упомянемъ прежде всего о томъ, что грузины и армяне имѣли одного прародителя Таргамоса⁴⁾.

Обращу вниманіе на описаніе румянц. варианта, хранящегося въ череплетѣ.

На поляхъ его встрѣчаются хорографическія и хронологическія замѣтки. Но для насъ важнѣе короникомъ 1709 г. Очевидно, что лѣтопись была переписана до этого времени и читатель ея сдѣлалъ для себя примѣчаніе, которое относится къ 1709 г. Рукопись и приписка [ихедрули], представлены различными почерками и замѣтку читателя никакъ нельзя считать датой окончанія переписки „Кар.-Цховреба“. Броссе²⁾, относил рукопись ко времени до 1709 г., вѣроятно, руководствовался этимъ примѣчаніемъ. Однако, есть одно мѣсто, которое противорѣчитъ такому заключенію о времени переписки нашего памятника. На л. 84 читается слѣд. приписку почеркомъ, одинаковымъ съ почеркомъ лѣтописи. Здѣсь обращаясь къ св. Петру (Мурваназу), житіе котораго внесено въ лѣтопись по распоряженію Вахтанга царевича, просить переписчикъ у святаго заступничества за Вахтанга и семью его. Вахтангъ здѣсь именуется царевичемъ, а не царемъ; значитъ, приписка относится до восшествія его на престолъ, т. е. до 1711 года. Отъ 1703 до 1711 г. Вахтангъ былъ правителемъ Грузіи за время отсутствія царя Георгія. Къ этому времени, т. е. до 1711 или лучше сказать до 1709 г., когда сдѣлана была уже приписка другой рукой, относится переписка лѣтописи. Мы опредѣляемъ эту эпоху въ предѣлахъ 1703—1709 г.

Рукопись кончается мѣстомъ, относящимся къ побѣдѣ, одержанной Беккой надъ турками при Вахтангѣ III, сынѣ Дмитрія II, брата Давида VI и Георгія V (1301—7)³⁾.

Изъ приписки, гласящей о Вахтангѣ, приходится заключить, что румянцевскій вариантъ также прошелъ чрезъ редакцію Вахтанга, который внесъ житіе св. Петра. Поэтому едва ли можно поддерживать мнѣніе Броссе и Бакрадзе, что вариантъ царевича Теймураза относится къ числу рукописей лѣтописей, не подвергшихся вліянію царевича Вахтанга.

¹⁾ Hist. d. l. Géorgie, p. 15. Румянц. вариантъ. Другія мѣста въ пользу предпочтенія грузинъ, см. стр. 25, 26 и др.

²⁾ См. у меня выше.

³⁾ Вотъ его переводъ въ Hist. de la Géorgie: ...Acceptant ces propositions Beca amporta de Sper et Baberd des richesses immenses et s'en retourna victorieux. Les principaux de Carnoukalak étant venus aussi a sa rencontre avec des présents et du butin (I. 630).

Обратимся къ *лѣтописи царевича Теймураза*. Изъ приписокъ къ ней можно заключить, что она переписана въ XVIII в. до мученической кончины царя Арчила Леонтиемъ Мровели, трудъ котораго приглашается продолжать протоіерей Іоаннъ. Этотъ послѣдній лѣтописецъ, по предположенію (?) Жорданія (Хроники, стр. VIII), долженъ быть духовникъ царя Ираклія II и царицы Дареджаны, протоіерей при церкви св. Креста въ Тифлисѣ. Упоминаемый же въ припискѣ царь Александръ, г. Жорданія считаетъ внукомъ имеретинскаго царя Соломона I, именующаго себя царемъ въ изгнаніи, которому онъ подвергся распоряженіемъ царя Соломона II ¹⁾. Въ Москвѣ онъ написалъ свою автобіографію въ 1807 г. Доказательствомъ поздняго происхожденія варианта лѣтописи царевича Теймураза, вопреки ав. Броссе, считающаго его переписаннымъ ранѣе 1725 г., можетъ служить то обстоятельство, что царевичъ Вахушти не имѣлъ свѣдѣній, вскрывающихся въ этомъ вариантѣ и, слѣдовательно, ихъ не было въ тѣхъ спискахъ лѣтописи, которыми онъ располагалъ. Источниками, которые внесъ царевичъ Теймуразъ въ лѣтопись, послужила: извлеченіе изъ греческихъ писателей, сдѣланное Ефремомъ о просвѣщеніи Грузіи христіанствомъ, чудеса св. Шіо-Мгвимскаго, собранные католикосомъ Василіемъ, часть хроники Сумбата, мученіе св. Давида и Константина, гуджаръ царя Ваграта IV, житіе свв. Евфимія и Георгія Мтацминдели. Можно даже думать, что въ вариантѣ царевича Теймураза внесены дополненія изъ лѣтописи царицы Маріи и Обращенія Грузіи, памятника IX—X в., найденнаго недавно, впрочемъ пользуясь послѣднимъ источникомъ не непосредственно, а чрезъ вторыя руки—изъ труда Арсенія католикоса, жившаго въ XI в.

О списокѣ *лѣтописи царицы Маріи* сообщаетъ свѣдѣнія Д. З. Бакрадзе ²⁾ Въ припискѣ къ ней читается: „Боже, спаси царицу Марію и первенца ея Отія“. Отія былъ сынъ Маріи и Гуріела Свимона. Марія вышла замужъ за карталинскаго царя Роста въ 1636 г. Отія же умеръ, достоверно извѣстно, въ 1646 г., значить „Кар.-Цх.“ Маріи переписано между 1636—1646 гг., когда Вахтанга не было еще на свѣтѣ ³⁾.

¹⁾ Протоіереемъ Іоанномъ, извѣстнымъ каллиграфомъ переписаны „Готовое Слово“ Антошіа католикоса въ 1753 г. и Давеакіонъ въ 1767 г.

²⁾ Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи. Спб. 1887. стр. 15—20.

³⁾ Привезенъ этотъ списокъ съ Давидо-Гареджійской пустыни, переписавъ съ древняго списка Мхедрули іеромонахомъ Германомъ. Этотъ переписчикъ жилъ въ началѣ XVIII в. считался близкимъ къ Вахтангу VI лицомъ, былъ игуменомъ Гареджійской пустыни и въ 1749 г. былъ раненъ лезгинами, какъ онъ

Тщательная проверка списка царицы Маріи съ существующими списками Картлисѣ Цховреба показала, что онъ составляетъ особый вариантъ, во многомъ существенно отступающій отъ варианта Академіи, который, какъ извѣстно, послужилъ Броссе основаніемъ его *N. de la Géorgie*. Все, что въ этомъ послѣднемъ составляетъ позднѣйшія, но до-вахтанговскія вставки или, вѣрнѣе, послѣдовательныя наслоенія, все то не нашло мѣста въ вариантѣ Маріи. Указываемыхъ отступленій много; но остановимся на главнѣйшихъ изъ нихъ. Въ помянутомъ списокѣ нѣтъ: 1) разказа о пришествіи въ Грузію для проповѣди апостола Андрея (см. Картл.-Цх. на груз., 40—46; *N. de la G.* 54—61); 2) жизни Мурваноза или св. Петра (Кар.-Цх., 102—105; *N. de la G.*, 136—139); 3) жизни сирскихъ отцевъ (К.-Цх., 151—159; *N. de la G.*, 203—213). Разказъ о жизни грузинскихъ Багратидовъ, писанный нѣкимъ Сумбатою, сыномъ Давида, на котораго сдѣланъ лишь намекъ въ припискѣ варианта Академіи, въ вариантѣ Маріи составляетъ отдѣльную монографію, начинающуюся съ VI в. и заканчивающуюся въ XI в. при царѣ Багратѣ IV, тогда какъ и въ вариантѣ Академіи, и въ другихъ спискахъ онъ слитъ съ текстомъ Картлисѣ - Цховреба и невозможно опредѣлить, какія именно мѣста принадлежатъ Сумбату. Кроме того, въ вариантѣ Маріи нѣтъ свѣдѣній: о таоисскихъ Багратидахъ (К.-Цх., 193; *N. de la G.*, 271—272); о католикосахъ при Степаносѣ II Таборѣ и Самоелѣ и постановленія Константинопольскаго собора о привилегіяхъ грузинскихъ каталикосовъ (К.-Цх. 171—172; *N. de la G.*, 235—236); о борьбѣ Давида Курапалата съ Склериусомъ (К.-Цх., 206; *N. de la G.*, 293); о каталикосахъ Свимонѣ и Мелкиседекѣ при Багратѣ III (К.-Цх., 212—213; *N. de G.*, 301—302), при Георгіи I (К.-Цх. 218; *N. de G.*, 310) и Багратѣ IV (К.-Цх., 221—222; *N. de G.*, 313—314). При этомъ нельзя не замѣтить, что все упомянутое каталикосы, какъ и послѣдующіе: Окропиръ, Георгій и Гавриилъ, извѣстны единственно по одному лишь варианту Академіи ¹⁾. Редакція царствованія Миріана и подробностей жизни св. Нины, какъ и царствованія Вахтанга Гургаслана, не представляетъ въ вариантѣ Маріи особенныхъ отступленій отъ прочихъ списковъ Картлисѣ-Цховреба.

Лѣтопись царицы Маріи, кн. Мингрельскаго и Церковнаго музея, согласно останавливаются на царствованіи Георгія Блестательнаго

самъ в себѣ дѣлаетъ приписку къ лѣтописи. 47 листовъ въ началѣ отводится сказанію Ефрена о сотвореніи міра, а съ 48 л. начинается повѣствованіе лѣтописца. Почеркъ „ихедрули“.

¹⁾ Voyage archéol., 4 Carr., 5.

(† 1348). Такимъ образомъ, оправдываются слова царевича Вахушти, заявляющаго, что до Георгія Блист. была написана „Картлисъ-Цховреба“, а продолженіе ея было составлено по приказанію царя Вахтанга VI. Первую часть лѣтописи, вѣроятно, имѣеть въ виду царевичъ Теймуразъ въ своей „Исторіи Иверіи“, когда говоритъ „о древнихъ“ спискахъ „Картлисъ-Цховреба“. Но всѣ вышеназванные варианты отличаются отъ лѣтописи царицы Маріи, въ особенности же замѣтную разность въ повѣствованіи даетъ вариантъ „К.-Цх.“ ц. Теймураза, который, повидимому дополнилъ древній списокъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ и кое-гдѣ допустилъ анахронизмы. Однимъ изъ такихъ источниковъ могло быть житіи святыхъ и хроника Сумбата „Обращеніе Грузіи“.

„Обращеніе Грузіи“, найденное недавно въ Шатбердскомъ сборникѣ X в., переписано инокомъ Іоанномъ, дѣлится на двѣ части: въ первой кратко повѣствуется о событіяхъ въ Грузіи со времени вступленія Александра М. ¹⁾ въ предѣлы Кавказа до X в., причемъ главное выи-

¹⁾ Въ грузинской лѣтописи сохранилось извѣстіе о пребываніи въ Грузіи Александра Македонскаго. Для оправданія ея показанія покойный Бакрадзе обращался къ „Духу законовъ“ *Монтескье*, который въ своемъ политическомъ трактатѣ говоритъ нѣсколько словъ о возможности завоеванія Грузіи Александромъ Великимъ. Подкрѣпленное и знаменитымъ мыслителемъ, свидѣтельство „Картлисъ-Цховреба“ все же представлялось намъ подлежащимъ сомнѣнію. Недавно появилось изслѣдованіе Франца Шварца, [„Alexander d. Gros. Feldzüge in Turkestan“. München. 1893.] посвященное походу Александра В. въ Туркестанъ. Авторъ съ добросовѣстностью нѣмецкаго ученаго привлекъ для освѣщенія изучаемаго вопроса историковъ Арріана и Курція Руфа, подтвердилъ ихъ показанія личнымъ осмотромъ Туркестана и его окрестностей. Между прочимъ, касаясь того мѣста Арріана, въ которомъ послѣдній увѣряетъ, что Александръ по пути изъ Кабула въ Кундъ перерѣзалъ Кавказъ, и предполагаетъ, что истоки Оксуса и Яксарта находятся на Кавказѣ, г. Шварцъ по анализу приходитъ къ основательному выводу, что греки всю центральную горную систему Азіи отъ Тянь-Шаня, Алая, Трансалая, Памира и Гиндукуша обозначали именемъ „Кавказъ“. Такое перенесеніе названія „Кавказъ“ въ Азію встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, легенда о пребываніи Александра Великаго въ Грузіи объясняется неправильнымъ употребленіемъ греческими авторами географическаго термина. Приводимъ все мѣсто, касающееся нашего вопроса въ подлинныхъ словахъ автора: „Der Umstand, dass nach Arrian Alexander auf Seinem Wege von Kabul nach Kundus den Kaukasus überschreitet und das die Quellen des Oxus und später auch die des Jaxartes als im Kaukasus Ciegend angegeben werden, beweist, dass die Griechen das ganze Central-Asiatische aus Tjanschäu, Alai, Tran-Alai, Pamir und Hindukusch bestehende Gebirgssystem mit dem Namen Kaukasus bezeichneten.“

маніе обращено на проповѣдь христіанства св. Ниной, вторая часть отведена житію просвѣтительницы Грузіи, переданному со словъ самой блаженной дѣвы и другихъ лицъ. Связь между этими частями весьма слабая, а иногда свѣдѣнія въ нихъ сообщаемыя разнорѣчивы, такъ въ I ч. Нина имевуется плѣнницей, а во второй дочерью Забулона изъ Колистена. Преимущественное вниманіе, оказываемое „Обращеніемъ“ событіямъ религіозной жизни, даетъ поводъ думать, что оно представляетъ „Церковную хронику“, которой впоследствии пользовались лѣтописцы паравнѣ съ другими свѣдѣніями. Можно намѣтить тотъ кругъ отдѣльныхъ источниковъ, которые легли въ основаніе „К.-Цх.“ до конца царствованія царицы Тамары. Въ лѣтописи вскрываются точныя указанія, что она писалась „изъ году въ годъ“, постепенно на основаніи различныхъ письменныхъ памятниковъ, а именно: 1) до вступленія въ Грузію Александра М. въ лѣтописи повѣствуется по „Небротіани“¹⁾. Время господства Александра М., царствованіе Азо, Фарваваза и аршакунидской династіи (съ I в. до Р. Х. до IV в. по Р. Х.) рассказано по другимъ источникамъ; 3) эпоха Миріана и просвѣщеніе Грузіи христіанствомъ воспроизведена по хроникѣ „Обращеніе“; въ „К.-Цх.“ вошли еще: 4) Жизнь Вахтанга Горгаслана, подвиги котораго носятъ легендарный характеръ; 5) исторія Джваншера, повѣствующая со времени Вахтанга Г. „до Арчила“, т. е. 200 лѣтній періодъ; 6) житіе св. Арчила мученика, описанное Леонтіемъ Мровели; 6) Нашествіе арабовъ описано неизвѣстнымъ намъ современникомъ; 7) Царствованія Баграта IV (1014—1072), Давида Возобновителя и царицы Тамары имѣли своихъ историковъ, написавшихъ въ честь побѣдоносныхъ владыкъ похвальные, восторженные повѣствованія. Нѣкоторые изъ этихъ авторовъ пользуются иностранными сочиненіями, библейскими свѣдѣніями, предшествовавшими замѣтками на гуджарахъ, сигелехъ и церковныхъ книгахъ. Такъ, называется при Багатѣ IV „Книга праотцевъ съ Адама до пришествія Христа“. Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ одной изъ греческихъ хроникъ²⁾. Упоминаются также „книги персидскія и армянскія“, „Картлисъ-Цховреба“ дзвели („древняя“), „Обращеніе Грузіи“ и др.

Житіе св. Нины составляетъ вторую часть „Обращенія Грузіи“. „Обращеніе Грузіи“, какъ источникъ, упоминается въ Картлисъ-Цховреба, но до настоящаго времени оно не было непосредственно извѣстно. Поэтому новому памятнику

¹⁾ См. объ этой книгѣ у *Жорданія*. Хроника и стр. 7—10.

²⁾ Извѣстенъ грузинскій переводъ Хронографа Георгія-монаха См. у меня выше, стр. 119.

«Обращение Грузин» считается не Фарнавазъ, а Аранъ, вторымъ Азо. Фарнавазъ упоминается в «Обращении Грузин» не упоминает о проповеданьи в Грузии апостола Андреем¹⁾. Страданіе І. Христа отъ креста описано в «Житіи Азерка („Рока“), а во времени царя Амазіери. Въ лѣтописи «Обращение Грузин» называется авторъ „Обращенія“: „страданіе св. Арчила и житіе св. Нины в „Обращение Грузин“ Ниной, написалъ Леонтій Мровели. а житіе св. Нины продолжилъ протоіерей Іоаннъ“. Новый вариантъ житія св. Нины начинается сѣдмью главъ, начиная съ IV главы, которой предшествуетъ повѣствованіе о царѣ Амазіерѣ и кѣмъ было написано житіе св. Нины; въ прежнихъ вариантахъ не имѣло такого дѣленія на главы. Разсказъ, приведенный въ „Обращении Грузин“ имѣетъ одинъ заглавіемъ, здѣсь дробится на нѣсколько главъ, которыя соединяются подъ одну рубрику нѣсколько главъ. Разсказъ о житіи св. Нины въ прежнихъ вариантахъ ведется отъ третьяго лица, а въ новомъ вариантѣ св. Нина просвѣтительница передаетъ свѣдѣнія о себѣ и о своихъ дѣлахъ. Письмо св. Нины предъ смертью, отправленное изъ Кахети къ царю Миріану, поиски для кесаря супруги и мученіе спутницъ св. Нины въ Кахети, кахетинскіе царей, вовсе не имѣются въ новомъ житіи. Хронологическія данныя „Обращенія Грузин“ несогласны съ показаніями прежнихъ вариантовъ. „Обращение Грузин“ есть лишнія статьи: введеніе—о житіи св. Нины, разсказъ о царѣ Миріанѣ изъ разсказа о Воздвиженіи Креста, письмо царя Миріана, письмо предъ смертью.

„Обращение Грузин“ доведено до IX в., и, какъ слѣдуетъ заключить изъ разсказа о царѣ Миріанѣ, древняя его часть составлена не позже VII в. Оно представляетъ часть изъ сказаній, приписываемыхъ Саломѣ Уджармоели, святой старице, жевѣ Сидоніи и архіеи. Іоанкову.

Новый вариантъ „Житія св. Нины“ долженъ считаться самымъ древнимъ, ибо до сихъ поръ извѣстные рукописи о просвѣтительницѣ Грузии не относятся далѣе X вѣка. Въ грузинскомъ манускриптѣ житія святой просвѣтительницы Академіи Наукъ, въ концѣ житія св. Іоанна Зедазнійскіи замѣчаетъ, что католикосъ Арсеній по прошествіи 404 лѣтъ послѣ прихода въ Грузію 13 сирійскихъ отцевъ, собравъ свѣдѣнія о нихъ, руководствуясь древними книгами и сказаніями народа. Сирійскіе отцы прибыли въ Грузію въ царствованіе Фарсана VI (542—557) и, прибавивъ ко времени его правленія 404 года, получимъ X вѣкъ, съ которому и должно быть датировано составленіе житія святыхъ грузинской церкви Арсеніемъ католикосомъ. Тотъ же католикосъ Арсеній называется авторомъ варианта „Житія святыхъ“, хранящихся въ Моск. Архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Подобно католикосъ Арсенію,

¹⁾ Въ предисловіи къ постановленіямъ Собора при Давидѣ Возобновителѣ (1010—1123), говорится, что христіанство стало распространяться въ Грузіи отъ времени апостоловъ, а пиенно съ апост. Андрея, но скоро грузины опять обратились къ многобожію до проповѣдыванія ученія Христа св. Ниной.

пяти святых грузинской церкви дополняли и приукрашивали в VIII в. катол. Виссаріонъ и катол. Арсеній I. Источникомъ для дополненія Арсенія католика послужилъ, какъ видно, вышѣ напечатанный *Новый вариантъ житія св. Нины*. Нужно прибавить еще, что онъ пользовался также устной традиціей и армянскимъ историкомъ Агаангеломъ въ той части своего труда, которая касается армянскихъ святыхъ.

До насъ дошла еще хроника грузинская (Armén. Chronique), переведенная на армянскій языкъ въ XII в., согласная съ повѣствованіемъ католик. Арсенія о просвѣтительницѣ Грузіи. Св. Нина здѣсь въ первомъ лицѣ, также какъ въ Новомъ вариантѣ, рассказываетъ о себѣ, отвѣчая на вопросъ царицы Soghomoni.

Сравненіе грузинскаго текста „Кар.-Цх.“ съ грузинскою же хроникой, переведенною въ 1125 г. на армянскій языкъ, свидѣтельствуетъ, что наша лѣтопись, уже названная армянскимъ переводчикомъ *„Картлск: Цховребой“*, имѣла въ XII в. тотъ видъ, въ какомъ она существуетъ въ печатномъ изданіи Броссе и Чубинова, безъ тѣхъ дополненій, которыя внесены были, какъ мы говорили, изъ другихъ источниковъ въ еще рукописные варианты грузинской лѣтописи. Грузинская хроника, переведенная на армянскій языкъ, доведена до смерти царя Возобновителя.

Въ различныхъ провинціяхъ Грузіи велись свои мѣстные хроники: Абхазская, Мингрельская (Дадіановская), Месхійская, Имеретинская и др. Помимо этихъ историческихъ памятниковъ дошли до насъ хронографы. Въ составъ „Кар.-Цх.“ царицы Маріи вошли отрывки изъ греческихъ. Такъ, въ лѣтописи вскрывается „Сказаніе отца вашего Ефрема о сотвореніи неба и земли и Адама и его погребеніе на Голгоѣ, объ измѣненіяхъ рода человѣческаго и патріархахъ съ Адама до I. Христа“.

Сказаніе начинается повѣствованіемъ о сотвореніи міра видимаго. Въ 1 день Господь сотворилъ небо холодное и теплое. Духъ святой носился надъ водою, прикрывая ее, какъ птица согрѣваетъ яйца крыльями. Во 2-й день Господь отдѣлилъ воду отъ суши. Въ третій день велѣлъ землѣ произрасти растенія...

За этой главой слѣдуетъ рассказъ о рожденіи Каина и другихъ дѣтей Адама. Каинъ женился на сестрѣ своей на Каламанѣ, а Авель на прекраснѣйшей Лудѣ. (См. у меня въ I кн. „Очерковъ“, стр. 358, объ этомъ сказаніи Ефрема). Умеръ Адамъ 30 марта, въ пятницу, въ 9-мъ часу, на 15 день луны, въ тотъ же день и часъ, въ какой предалъ духъ свой Спаситель.

Перечисленіе патріарховъ израильскихъ, вступленіе евреевъ въ Египетъ и возвращеніе въ Ханаанскую землю при Моисеѣ, времена

В рукописи № 124 — продолжение въ исторіи Ассиріи (Нимвродъ), а въ № 125 — о царяхъ Алгустъ, Тиверій и др.). Въ № 124 также сохранились хронографы въ Обществѣ распростр. науки, въ томъ числѣ такова поступившая рукопись отъ кн. Гр. Церетели въ 1884 г. на сѣрой бумагѣ, in 4° почеркъ мхедрули. „Краткое изложеніе о созданіи міра до воцаренія Константина Палеолога, сына восточнаго императора“. Сюда вошли помимо ветхозавѣтнаго міра, исторія Персіи, Греціи (Македоніи), Рима, Византіи, а также и Др. хронграфъ въ томъ же Обществѣ, подъ № 125, in 4°, вѣроятно XIII в. нѣсколько сокращеннѣе предыдущаго, содержаніе и составъ статей тѣ же, оглавленія нѣтъ. Третій хронографъ, составленный въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, поступилъ въ Общество (№ 128) въ бібліотеки кн. Гр. Церетели. Въ эту рукопись вошла и исторія русской земли.

Въ двухъ первыхъ хронографахъ сохранилось „Сказаніе Епископа Каирскаго о камняхъ“. (См. у меня дальше). На основаніи разсказанныхъ свѣдѣній о грузинскихъ историческихъ памятникахъ попытаемся сдѣлать анализъ лѣтописи, извѣстной подъ именемъ „Картисъ-Цховреба“¹⁾.

Составъ и источники начальной грузинской лѣтописи.

Со времени появленія статьи профессора К. П. Патканова о древней грузинской хроникѣ довѣріе въ грузинской лѣтописи, извѣстной подъ именемъ лѣтописи царя Вахтанга VI, поколебалось; нѣкоторые изъ изслѣдователей Кавказа признали даже не подлежащимъ сомнѣнію мнѣніе покойнаго армянина о позднемъ происхожденіи грузинской хроники, представляющей будто бы „неудачную компіляцію“, составленную малограмотнымъ армяниномъ въ XII вѣкѣ²⁾. Приговоръ, произнесенный проф. Паткановымъ, представляетъ лишь повтореніе мысли, высказанной еще пресловутымъ скептикомъ барономъ Брамбеусомъ (Сенковскимъ) и воспроизведенной также въ пространенномъ въ 40-хъ годахъ Энциклопедическомъ словарѣ. Тотъ самый Сенковскій, который „Слово о полку Игоревѣ“ отодвигалъ къ XVII вѣку, считая его ученическимъ упражненіемъ на заданную тему по пѣтямъ, упорно настаивалъ, что у грузинъ не могло быть никакой письменности до XII вѣка, на томъ основаніи, что будто къ

¹⁾ Моя ст. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1892 г., сентябрь.

²⁾ О древней грузинской хроникѣ, статья проф. Патканова (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1883 г., декабрь).

этому только времени они успѣли спуститься на равнину съ дикихъ ущелій Кавказскаго хребта ¹⁾). Такимъ образомъ, профессоръ Паткановъ явился поборникомъ отрицательнаго взгляда Сенковскаго на грузинскую лѣтопись, первая запись которой оба согласно относятъ къ XII вѣку. Но грузинская лѣтопись „Картлисъ-Цховреба“ имѣетъ и ревностныхъ защитниковъ. За достовѣрность ея стоятъ Виѣиенъ Сень-Мартенъ, академикъ Броссе, грузинологъ Бакрадзе ²⁾, который еще при жизни профессора Патканова возражалъ ему по поводу отрицательнаго его отношенія къ грузинской лѣтописи. Однако, мнѣніе о „Картлисъ-Цховреба“, какъ о „мутномъ источникѣ“, очень укрѣпилось въ литературѣ, быть можетъ, потому, что лицами незнакомыми съ данными вопроса, отрицательные взгляды усваиваются охотнѣе, чѣмъ положительныя.

Мнѣніе о позднемъ происхожденіи грузинской лѣтописи держится на одномъ крупномъ недоразумѣніи. „Картлисъ-Цховреба“ дѣлится на двѣ неравномѣрныя части: первая изъ нихъ заканчивается временемъ царя Георгія Блистательнаго въ началѣ XIV вѣка, вторая же касается событій послѣдующей жизни Грузіи. Первая часть, судя по словамъ историка Вахушти, была составлена по приказанію царя Вахтанга VI, а вторая предпринята и исполнена самимъ Вахушти, который, впрочемъ, внесъ свои поправки, съ цѣлью устраненія противорѣчій, и въ предыдущую часть, обозначаемаую именемъ Вахтанга. Такимъ образомъ, грузинскіе анналы представляютъ прежде всего соединеніе двухъ равно временно составленныхъ историческихъ сочиненій. Почему же, въ такомъ случаѣ, вся грузинская лѣтопись приписывается царю Вахтангу? Дѣло въ томъ, что нѣкоторые списки „Картлисъ-Цховреба“ открываются замѣткой, гласящей, что грузинскій царь Вахтангъ VI, найдя хроніку обезображенной, созвалъ свѣдущихъ лицъ и при ихъ содѣйствіи свѣрилъ ее съ отдѣльными хроніками Грузіи, хартіями Мцхета, Гелати и другихъ монастырей, какъ равно и княжескихъ родовъ, исправилъ ее и пополнилъ извлеченіями изъ исторій армянскихъ и персидскихъ. Эта замѣтка, принадлежащая изобрѣтательности царевича Теймураза, автора „Исторіи Иверіи“ ³⁾

¹⁾ „Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи Грузіи“. (Библиотекa для Читанія, 1838 г., стр. 151—178).

²⁾ *Y. Saint-Martin*, Recherches sur les populations du Caucase, p. 53, 54, 72. *Dubois de Montpereux*, Voyage autour de Caucase, II, 25—28. *Бакрадзе*, Исторія Грузіи. Тифлисъ. 1889. стр. 50—52.

³⁾ Самъ царевичъ различаетъ древніи (дзвелни) „Кар.-Цх.“ отъ позднѣйшихъ (Исторія, стр. 83).

(С.-Пб., 1848 г.), и впоследствии вставленная вмѣстѣ съ начальнымъ листомъ въ экземпляры старой лѣтописи Академіи Наукъ и Румянцевскаго музея ¹⁾, укрѣпила ложное мнѣніе, что „Картлисъ Цховреба“, которую мы нынѣ имѣемъ въ печати, есть хроника, исправленная или даже составленная Вахтангомъ VI въ XVIII вѣкѣ. Но такое мнѣніе о происхожденіи грузинской лѣтописи легко устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что намъ извѣстенъ вариантъ лѣтописи, переписанный для царицы Маріи между 1636—1646 г. ²⁾, то-есть, когда Вахтанга VI еще не было на свѣтѣ. Лѣтопись царицы Маріи доведена до смерти Георгія Блистательнаго (1342 г.), конечный пунктъ, къ которому восходятъ еще два варианта груз. лѣтописи цар. Теймураза и кн. Мингрельскаго. Сюда же можно причислить и „Кар.-Цх.“ Церков. музея. Сравнивая между собою эти различные варианты „Картлисъ-Цховреба“, вполне можно заключить, что участіе царя Вахтанга VI въ составленіи лѣтописи въ тѣхъ манускриптахъ, которые прошли черезъ его редакцію, ограничивается вставками и нѣкоторыми наслоеніями, неизвѣстными въ спискѣ царицы Маріи. Итакъ, фактъ существованія грузинской лѣтописи до Вахтанга засвидѣтельствованъ: 1) словами историка Вахушти, приписывающаго Вахтангу лишь инициативу приведенія въ извѣстность историческихъ записей перваго періода, до Георгія Блистательнаго и 2) вариантѣ грузинской лѣтописи царицы Маріи, существенно сходнымъ съ исправленными царемъ Вахтангомъ списками „Картлисъ-Цховреба“. При этихъ данныхъ нужно еще указать, что одинъ гуджаръ Бичвинтскаго храма приводитъ въ спискѣ книгъ католикоса Евенмія и „Кар.-Цховр.“ А такъ какъ этотъ католикосъ правилъ Западной Грузіей въ 1570—1605 гг., то отсюда слѣдуетъ, что „Кар.-Цх.“ была написана до 1605 г., т. е. ранѣе царя Вахтанга VI. Одинъ актъ 1546 г. изъ церков. музея называется также „Кар.-Цх.“ (*Жорданія, Хроники...* стр. 5). Стефаносу Орбеліани, армянскому писателю XIII в. ³⁾ извѣстна груз. лѣтопись подъ именемъ „Кар. Цховреба“.

Первая часть „Картлисъ-Цховреба“, о времени до XIV вѣка, возбуждала преувеличенное недовѣріе въ изслѣдователяхъ отрицатель-

¹⁾ *Броссе.* „Картлисъ-Цховреба“, грузинскій текстъ, стр. 15, прим. 1. Мой докладъ на VIII археологическомъ съѣздѣ „Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея“. См. выше стр. 130.

²⁾ *Бахрадзе.* Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи. С.-Пб., 1887 г., стр. 15—16.

³⁾ *Паткановъ.* Библиогр. очеркъ армянской историч. литературы. Спб. 1880 г.

паго направленія. Скептицизм этотъ обусловливался минимымъ отсутствиемъ историческихъ памятниковъ раѣе XII вѣка. Но къ этому времени относится переводъ на армянскій языкъ не дошедшей до насъ грузинской лѣтописи, помѣщенной у академика Броссе въ „Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie“ подь именемъ „Chronique Arménienne“¹⁾. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность указать на еще болѣе раннія историческія сочиненія, вошедшія впоследствии въ „Картлисъ-Цховреба“, и вообще разложить лѣтопись на составныя ея части, выдѣлить изъ нея отдѣльныя хроники, сказанія очевидцевъ. [Подь 1187 г. въ хроникѣ Дадіани, напимѣрь, читаемъ: выпалъ большой спѣгъ]; жизнеописанія святыхъ царей и именитыхъ дѣателей. Итакъ, какіе источники были у автора начальной грузинской лѣтописи? Въ 1890 г. въ Тифлисѣ изданы были г. Такайшвили два чрезвычайно важныхъ историческихъ документа, проливающие совершенно новый свѣтъ на древнюю исторію Грузіи; это *Три хроники* и *Новый вариантъ житія св. Нины*. Первый памятникъ интересенъ еще въ томъ отношеніи, что одно изъ его сказаній, именпо „Обращеніе Грузіи“²⁾, является самымъ древнимъ, донынѣ извѣстнымъ въ печати, историческимъ источникомъ. „Три хроники“ заключаютъ въ себѣ, кромѣ сказанія объ обращеніи Грузіи, Хронику Сумбата и Хронику Месхійскую. „Обращеніе Грузіи“, какъ источникъ, называетъ еще „Картлисъ-Цховреба“, но непосредственно впервые оно открыто въ 1889 году въ такъ называемомъ Шатбердскомъ сборникѣ³⁾. Хотя „сборникъ“, переписанный въ Шатбердскомъ

¹⁾ Въ 1841 г. архіеп. Карапетъ въ Тифлисѣ, открылъ неполную рукопись „Грузинскую исторію“ съ древнѣйшихъ временъ до смерти Давида Возобн. (1125), которую П. Иоселіани и Броссе послѣдшими приписать Говонду, исторіку IX—X вв. Открытіе этого памятника, почти совпало съ находкой (?) однимъ венеціанскимъ митаріетомъ такой же грузинской исторіи. Въ маѣ 1831 г. Lavallant de Florival, проф. армянскаго яз. въ Парижѣ, сообщилъ въ Journal Asiatique объ этой рукописи груз. исторіи по даннымъ Гавр. Айвазовскаго. Броссе свѣрилъ оба эти списка въ Венеціи въ 1845 г. и нашелъ, что венеціанская рукопись снята была съ „Грузинской исторіи“, открытой и доставленной въ Спб. Академію арх. Карапетомъ. Такимъ образомъ, говоритъ Броссе: „le manuscrit de Venise et le mien sont unum et idem“. *Introduction*, XVII—XVIII.

²⁾ „Обращеніе Грузіи“ и „Новый вариантъ житія св. Нины“ составляютъ въ сборникѣ одно цѣлое, раздѣленное самимъ издателемъ на двѣ части съ двумя названіями.

³⁾ „Шатбердскій сборникъ“ писанъ уставнымъ „хуцуръ“ (церковный алфавитъ) съ 1 до 256 стр., а съ 256 до 281 пополамъ съ мелкимъ „хуцуръ“.

монастырѣ, по мнѣнію покойнаго Бакрадзе, доведенъ переписчикомъ его, инокомъ Іоанномъ, до IX вѣка, но „Обращеніе Грузіи“, нашѣдшее мѣсто въ разнообразномъ по содержанію сборникѣ, относится къ VII вѣку, ко времени Стефаноса II (639—663). Это предположеніе основывается на томъ соображеніи, что до этого царя хроника приводитъ нѣкоторыя важныя историческія событія, а съ VII до IX вѣка (Гварама, Эристава, Эриставовъ) представленъ лишь сухой перечень эриставовъ, вѣроятно, присоединенный къ древней части „Обращенія“, спустя два вѣка послѣ его составленія. „Обращеніе Грузіи“ вмѣстѣ съ „Новымъ вариантомъ житія св. Нины“ представляетъ одинъ изъ тѣхъ источниковъ, которые легли въ основаніе грузинской лѣтописи. При сличеніи этихъ вновь открытыхъ памятниковъ съ печатнымъ текстомъ „Картлисъ-Цховреба“, становится очевиднымъ фактъ прямого заимствованія составителемъ лѣтописи изъ „Житія св. Нины“ главы о хитонѣ Господнемъ, принесенномъ изъ Іерусалима во Мцхетъ евреемъ Эліозомъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь возможность называть одинъ изъ важныхъ источниковъ начальной грузинской лѣтописи, хорошо извѣстный ея составителю, судя по ссылкѣ на этотъ памятникъ ¹⁾. Вторымъ источникомъ для составителя грузинской лѣтописи служила Хроника Сумбата. Грузинская лѣтопись ее называетъ ²⁾, но до открытія варианта „Картлисъ-Цховреба“ царицы Маріи мы не могли опредѣлить, что принадлежало Сумбату. Въ лѣтописи царицы Маріи эта хроника выдѣлена въ особую главу, а въ „Картлисъ-Цховреба“, прошедшей черезъ редакцію царя Вахтанга Хроника Сумбата, разбита на части и внесена разрозненно въ различныхъ мѣстахъ. Теперь, когда Хроника Сумбата стала извѣстна въ полномъ своемъ видѣ, легко собрать разбросанныя ея части въ печатномъ текстѣ „Картлисъ-Цховреба“, исправленной и дополненной царемъ Вахтангомъ.

Мы можемъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ назвать авторовъ „Обращенія Грузіи“ и „Хроники Сумбата“. Въ вариантѣ лѣтописи, при-

Переписчикъ его—инокъ Іоаннъ (Иванѣ), жившій въ IX—X вв. Содержаніе сборника крайне разнообразно. Нѣкоторое знакомство съ нимъ можетъ дать моя замѣтка въ XII книжкѣ *Этнографическаго Обзорнія*.

¹⁾ „Картлисъ-Цховреба“. стр. 31—41: „какъ объ этомъ писано въ Обращенія Грузіи“.

²⁾ Цѣлая глава о Багратидахъ приписывается въ лѣтописи этому Сумбату: „Жизнь и сѣдѣнія о царяхъ нашихъ Багратидахъ, откуда они прибыли въ эту страну (то-есть, въ Грузію) и съ какихъ временъ царствуютъ въ Картли, описанныя Сумбатою, сыномъ Давида“. („Картлисъ-Цховреба“, грузинскій текстъ, т. I, стр. 161, прим. 3).

надлежащей царевичу Теймуразу, упоминается, что „Обращение Грузія Ниной“ написалъ Леонтій Мровели ¹⁾, описывающій страданіе св. Арчила (VII—VIII в.). Имя составителя Хроники Сумбата вскрывается въ самомъ памятникѣ: его авторъ „Сумбатъ, Эристовъ Эристововъ, мужъ праведный, сынъ Давида Мампали (правителя) изъ Артануджи“ ²⁾. Хроника Сумбата обнимаетъ время съ VI до XI вѣка (до Баграта IV, царствовавшего съ 1027 до 1072 г.). Третій источникъ начальной грузинской лѣтописи, часто ею называемый, — „Книги персидскія и армянскія“. При сличеніи „Новаго варіанта житія св. Нины“ съ лѣтописными о просвѣтительницѣ Грузіи извѣстіями обнаруживается, что составитель „Картлисъ-Цховреба“ пользовался „армянскою книгою“, историкомъ Агаангеломъ, въ той части хроники, которая касается армянскихъ святыхъ Рипсиміи и Гаіаны. Повѣствованіе этого армянскаго писателя IV вѣка, издревле переведенное на грузинскій языкъ ³⁾, послужило источникомъ подробнаго разказа о мученической кончинѣ свв. дѣвъ армянскихъ, извѣстнаго намъ лишь по варіантамъ „Картлисъ-Цховреба“. Изъ исторіи греческаго писателя, Θεодорита, заимствована и внесена въ лѣтопись глава о просвѣщеніи Грузіи христіанствомъ ⁴⁾. Изъ персидскихъ источниковъ въ начальной лѣтописи замѣтны слѣды Небротіани и сказаній изъ Шахъ-Наме, вѣроятно, распространившихся въ Грузіи устно, до ихъ обработки Фирдоуси. Если теперь для насъ стало возможнымъ выдѣлать изъ грузинской лѣтописи названные выше ея источники, благодаря тому, что они открыты въ первоначальномъ непосредственномъ видѣ, то другіе памятники, легшіе въ основаніе лѣтописи, пока ждутъ счастливаго случая выйти на свѣтъ. Мы до сихъ поръ не въ состояніи опредѣлить, что собственно принадлежитъ Джваншеру, протоіерею Іоанну и другимъ хроникерамъ, упоминаемымъ лѣтописью. Вліяніе же ихъ записей при составленіи древней части хроники не подлежитъ сомнѣнію.

Въ началѣ царствованія Іоанна въ VIII вѣкѣ читается въ лѣтописи слѣдующая замѣтка: „эта Картлисъ-Цховреба до сихъ поръ писалась отъ времени до времени, отъ Вахтанга (446—499) до царя

¹⁾ *Картлисъ-Цховреба*, I, стр. 181. *Brosset*, *Histoire de la Géorgie*, I, 353, n. 1.

²⁾ Хроника Сумбата, стр. 64. Ср. *Бакрадзѣ*, *Исторія Грузіи*, Тифлисъ, 1889, стр. 55.

³⁾ Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, *А. Цагарели*, С.-Пб., 1886 г. Вып. 1-й, стр. 7.

⁴⁾ См. у меня *Источники по введ. христ.—ва въ Грузіи*.

Иоанна (713—786) описана Джваншеромъ ¹⁾ Джваншеріани, зятемъ царя Арчила, и послѣ потомки пусть опишутъ (дѣянiя) по обстоятельствамъ и умѣнью“. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „это мученіе Арчила описалъ Леонтій Мровели, а теперь (дальше) пишетъ протоіерей Іоаннъ“. Упоминается еще лѣтопись Мавжана при царѣ Миріанѣ ²⁾. Мнѣ представляется возможнымъ сдѣлать изъ этихъ замѣтокъ заключеніе, что „Картлисъ-Цховреба“ является лѣтописнымъ сводомъ извѣстiй, восходящихъ къ различнымъ эпохамъ и составленныхъ на основаніи показанiй очевидцевъ, имена которыхъ вскрываются въ лѣтописи. Поэтому можно говорить о грузинской лѣтописи, въ настоящемъ ея видѣ, какъ о памятникѣ болѣе позднемъ, но все же предшествующемъ Вахтангу VI, ибо вариантъ царицы Маріи, переписанный въ 1636—1646 г., подтверждаетъ мысль, что ученому царю принадлежатъ лишь дополненія изъ различныхъ, частью и выше поименованныхъ, источниковъ и исправленія явно неточныхъ мѣстъ древней грузинской хроники ³⁾. Сравненіе различныхъ вариантовъ „Картлисъ-Цховреба“, прошедшихъ черезъ редакцію Вахтанга и не подвергшихся его вліянію, свидѣтельствуетъ, что грузинская лѣтопись въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, представляетъ компіляцію, составленную еще до Вахтанга VI, на основаніи историческихъ документовъ, изъ которыхъ мы можемъ выдѣлить *Обращеніе Грузіи, Хронику Сумбата, Исторію Агавангела* [см. *Жорданія XXXIII*]. Но мы имѣемъ указанія на цѣлый рядъ источниковъ, называемыхъ лѣтописью и пока еще не открытыхъ независимо отъ нея, въ полномъ и непосредственномъ своемъ видѣ. Мы находимся въ недоумѣнiи, что приписать Мровели, Іоанну и другимъ авторамъ извѣстiй, вошедшихъ въ лѣтопись. Такъ, въ исторіи царя Давида Возобновителя (1089—1125 г.) упоминается о книгѣ „Картлисъ-Матіане“, то-есть лѣтопись Грузіи; въ повѣствованіяхъ о нашествіяхъ султана Джелаль-Эвдина (XII вѣка) говорится, что современную исторію написалъ монахъ Мгвмскаго монастыря неизвѣстнаго имени. Мы довольствуемся перечисленіемъ этихъ историческихъ записей, послужившихъ источникомъ начальной грузинской лѣтописи,

¹⁾ Труды V арх. сѣзда въ Тифлисѣ, стр. XXXVIII, г. Бривцовъ говоритъ объ арх.-ол. армян. трудѣ, гдѣ упоминается историкъ Джваширъ. Ср. *Brosset. Introd., XVI.*

²⁾ *Бакрадзе. Исторія, 135. Теймуразъ. Исторія, 33.*

³⁾ Грузинская хроника, переведенная на армянскій языкъ въ XI вѣкѣ, при сравненіи ея съ лѣтописью, ложно именуемой Вахтанговой, также подтверждаетъ убѣжденіе, что послѣдующіе компіляторы только дополнили записи предшественниковъ свидѣніями изъ различныхъ источниковъ.

не называя „гуджаровъ и сигилей“¹⁾, на которые также часто ссылается „Картлис-Цховреба“. Названные источники лѣтописи могутъ служить лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія о позднемъ происхожденіи верныхъ историческихъ записей у грузинъ, объ измышленіи „Картлис-Цховреба“ въ XII вѣкѣ армянскимъ монахомъ, или составленіе ея впервые въ XVIII вѣкѣ царемъ Вахтангомъ VI. Вышеупомянутые памятники, разрозненно вскрывающіеся въ лѣтописи и непосредственно открытые, убѣждаютъ изслѣдователя ея въ томъ, что „Картлис-Цховреба“ не искажала свѣдѣній своихъ источниковъ, но связывала ихъ между собою болѣе или менѣе искусственно, дѣлала большія выписки, поочередно изъ всѣхъ извѣстныхъ ей историческихъ записей. Въ виду этого, значеніе грузинской лѣтописи, считающейся „мутнымъ источникомъ“, должно получить въ глазахъ ученыхъ другое значеніе и болѣе справедливую оцѣнку²⁾.

Въ заключеніе этой главы, мы должны назвать еще одинъ источникъ „Картлис-Цховреба“, свидѣтельствующій о національномъ, а не иноземномъ ея происхожденіи,—это народная повѣсть, слѣды которой вскрываются въ грузинской лѣтописи³⁾. Начальная грузинская проповѣдь представляетъ первыхъ строителей страны въ образѣ горцевъ („гирі“), обладающихъ непомѣрной силой и изумительною красотой. Самые имена родоначальника грузинъ и его ближайшихъ преемниковъ представляютъ опыты этиологическаго объясненія существующихъ провинцій и городовъ Грузіи: Картлисъ—олицетвореніе Картли, то-есть всей Грузіи, Мцхетосъ—воплощеніе въ образѣ сына родоначальника столицы древней Иверіи—Мцхета; существованіе названія Кахетинъ вызвало въ воображеніи народа перваго ея строителя—Кяхоса. Помимо общихъ соображеній и вѣрныхъ слѣдовъ преданія о жизни грузинъ въ отдаленную эпоху, когда они дѣлились на отдѣльные роды, управляемые мамасахлисами, то-есть отцами дома, мы находимъ въ

¹⁾ Изъ Гуджара (мое изд.; Кутань, 38, 41—9) заимствовано Лѣтописью свѣдѣніе о просвѣщеніи горцевъ (см. мою работу Источн. по введ. хр—а 32—39). См. „Картлис-Цховреба“, стр. 178, гдѣ источникомъ называется гуджаръ, въ которомъ перечисляются цари и именитые вельможи съ ихъ мнѣніями. Въ лѣтописи внесенъ всецѣло также актъ XI вѣка, временъ царя Баграта IV. См. *Кондаковъ*, Опись памятниковъ древностей, стр. 157.

²⁾ *Вс. Миллеръ*, Осетинскіе этюды, ч. III, стр. 16 (М. 1887 г.); *М. Кошманскій*, Законъ и обычай на Кавказѣ, 7, II, стр. 62 (М., 1890 г.). Русскія Древности, изд. гр. *Толстаго* и *Н. Кондакова*, вып. III, стр. 98 (С.-Пб., 1890 г.).

³⁾ Наши статьи въ *Иверіи* на грузинскомъ языкѣ въ 1888 г.: „Слѣды народной повѣсти въ Картлис-Цховреба“.

древней части хроникъ прямое указаніе на пользованіе составителемъ „Картлис-Цховреба“ народною поэзіей. Авторъ перваго свода лѣтописныхъ извѣстій (VIII вѣка) вышеупомянутый Джваншеръ, — потомокъ военачальника при царѣ Вахтангѣ Горгасланѣ, который, быть можетъ, предпринялъ свой трудъ для прославленія своего знаменитаго предка, — внесъ въ свое „Матіане“ (лѣтопись V—VIII вѣковъ), уже при царицѣ Тamarѣ являющееся съ эпитетомъ „дцвели“ (то-есть древняя), одну народную пѣсню по случаю смерти популярнаго царя Фарсмана.

Фарсманъ, прозванный добрымъ (’квели), былъ измѣнически убитъ на войнѣ. Кончина его вызвала плачевныя пѣсни, въ которыхъ пѣвцы (мгосани) описывали его достоинства: *des chanteurs de dueil etaient assis dans les villes et dans les villages; on se rassemblait, on rappelait la bravoure, la munificence, la bonté, la beauté de Pharsman-Kouel. Malheur à nous! disait-on, un sort funeste nous a frappés. Notre roi celui qui nous avait délivrés du joug de nos ennemis, a été tué par des enchanteurs, et nous sommes livrés à l’esclavage des nations étrangères*¹⁾. Народная пѣсня о царѣ Фарсманѣ, жившемъ во II вѣкѣ, могла дойти до автора компилятивной лѣтописи въ VIII вѣкѣ, сохранившись на пространствѣ шести столѣтій, подобно тому, какъ о царицѣ Тamarѣ (XII вѣка) до сихъ поръ въ различныхъ частяхъ Грузіи рассказываютъ легенды и поютъ пѣсни. Въ X вѣкѣ католикосъ Арсеній, составившій житія святыхъ грузинской церкви, одинъ изъ важныхъ источниковъ лѣтописи, широко пользовался народной традиціей, называемой имъ самимъ на ряду съ „книгами“ источникомъ своего труда²⁾. Армянскій писатель Григорій Магистръ (XI в.) въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, что грузины складывали пѣсни о Вахрамѣ Паллавуни и пѣли съ пляскою, точно воспѣвая полубога³⁾.

Такъ мы представляемъ себѣ составъ начальной грузинской лѣтописи и по этой схемѣ выдѣляемъ изъ нея историческія записи, ставшія извѣстными независимо отъ „Картлис-Цховреба“.

¹⁾ *Brosset, Histoire de la Géorgie, t. 1, p. 73. Ср. Картлис-Цховреба, I, 53.*

²⁾ *Brosset, Histoire de la Géorgie, t. I, p. 203, n. 6. См. у меня, стр. 58, примѣч.*

³⁾ *Аммианъ, Ширакъ (на армян. яз., I, 31—2).*

Эпоха царицы Тамары.

Лучшій періодъ въ жизни Грузіи продолжался 120 лѣтъ, отъ Давида Возобновителя до кончины правнука его Тамары. Грузинскія лѣтописи не находятъ никого равнымъ этой великой царицѣ, кромѣ Вахтанга Гургаслапа, основателя Тифлиса, и Давида Возобновителя, называя ее царемъ, а не царицей, — Вахушти именуется ее царицей бого-равной (Ист., 217). Народъ, въ теченіе семи вѣковъ, горделиво хранитъ память великой жены и окружаетъ ее имя орсоломъ поэтическихъ легендъ, приписывая ей все славныя дѣла и величавыя памятники Грузіи. Въ каждой мѣстности страны образъ великой царицы принимаетъ свой особенный полумифическій оттѣнокъ, выражающій представленіе народа о чемъ-то высшемъ, недостижимомъ. Съ ее именемъ связана масса легендъ, превратившихъ ее изъ строго-засвидѣтельствованной исторической личности въ полумифическую съ свойствами христіанской святой дѣвы или языческаго божества. У грузинъ-горцевъ она причисляется то къ лику святыхъ, то считается цѣлительницей отъ всехъ недуговъ и болѣзней. Въ Сванетіи, гдѣ имя царицы Тамары осталось единственнымъ памятнымъ для народа историческимъ именемъ, изъ воинственной жены она сдѣлалась предметомъ суевѣрнаго религіознаго почитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ идеаломъ чарующей волшебной красоты. Пѣсни сванетовъ увѣнчиваютъ обожаемую царицу золотою діадемой, одѣваютъ ее въ свѣтоносныя одежды и украшаютъ драгоценными камнями, — и это высшій образъ, до котораго могла дойти наивная народная фантазія. Преданія рисуютъ Тамару великодушною и щедрою, и одна изъ легендъ рассказываетъ слѣдующее. Въ торжественный день, когда царица собиралась въ Гелатскій соборъ и прикрѣпляла драгоценныя рубины къ царской повязкѣ, ей пришли сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла ей подождать, а когда вышла, то видѣла уже не было. Смищенная Тамара, упрекая себя, что отказала убогой въ милостыню, сняла съ себя бывшую виною ее замедленія повязку и надѣла на вѣнецъ Богоматери въ Гелатскомъ храмѣ.

Достоверная история, переплетенная легендарными преданиями, в следующих чертах рисует судьбу и деятельность царицы Тамары (1184—1212). По свидетельству русских и грузинских источников, она вышла замуж за сына Андрея Боголюбского, Георгия, который в первое время ознаменовал себя славными победами в областях Карсской и Араратской. Однако, по причинам, о которых нет достоверных известий, брак этот скоро был расторгнут и Георгий удалился в Константинополь. Когда, по настоянию народа, Тамара должна была избрать второго мужа, то из многочисленных искателей ее руки, в числе которых был наследник византийского императора Мануил, Поликарпос, и сын султана испаганского, она остановилась на осетинском князе Давиде Сославѣ (т. е. прекрасномъ), ¹⁾ происходившем также из рода Багратидовъ, воцарившагося на грузинскомъ престолѣ съ конца VII вѣка. Но Георгий не мирился съ потерей трона и скоро появился в Грузии съ греческимъ войскомъ. Онъ нашелъ въ странѣ приверженцевъ въ лицѣ эриставовъ Кларджетской и Самцхской провинцій, и скоро разбитый былъ выданъ въ руки царицѣ. Великодушная Тамара дала ему свободу подъ условіемъ оставить навсегда Грузію.

Между тѣмъ Грузія предстояла борьба съ персами, сарацинами и турками, никогда не оставлявшими своихъ притязаній и набѣговъ даже во времена ея наибольшаго могущества. Сославъ ходилъ въ Персію, одержалъ много побѣдъ и, взявъ Ганжу, овладѣлъ огромной добычей; множество плѣнныхъ, лошадей, верблюдовъ, золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ были наградой побѣдителей, а вслѣдъ за тѣмъ Тамара послала войска выгнать турокъ изъ Карса, и, при появленіи грузинъ, неприятель бѣжалъ, оставивъ крѣпость безъ бою. Тогда знаменитый султанъ Алеппо Нуррединъ, удивленный побѣдами иверійцевъ, послалъ противъ нихъ 800-тысячную армію, по словамъ грузинской лѣтописи. Нуррединъ извѣстилъ Тамару о нашествіи, обѣщавъ ей милость, въ случаѣ согласія быть его женою, и каждому, кто приметъ исламъ. Но когда посланникъ, въ торжественной аудіенціи, объявилъ эту волю султана, то, какъ говорятъ, воевода Захарій Мхерг-

¹⁾ Устное народное стихотвореніе описываетъ свадебное торжество въ Дндубе въ следующихъ выраженіяхъ: „Тамара, супруга Давида Сослана, сыграла свадьбу въ Дндубе, тамъ, гдѣ церковь. Устроила пиръ и пригласила свое воинство. Для угощенія званыхъ зарѣзала сто овецъ и дѣсти быковъ. Сняла скатерть, разостланная предъ гостями, была длиною въ 100 сажень. Влоамъ и сиротамъ она раздарила много золота и серебра“.

зели (Долгорукій), отвѣтилъ ему пощечиной, повергшей его замертво на землю. Вызовъ былъ принятъ, и война началась. Грузины, встрѣтивъ необязанный лагерь султана въ Бассионѣ, первые начали кровопролитѣйшую изъ битвъ и нанесли туркамъ рѣшительное поражение. Множество плѣнныхъ и богатая сокровища достались побѣдителямъ.

Несмѣтные богатства, приобретенныя Тамарою въ войнахъ послужили поводомъ къ столкновенію Грузіи съ Византіей. Корыстолюбивый императоръ Алексѣй Ангелъ, узнавши о богатыхъ дарахъ царицы монастырямъ, однажды приказалъ ограбить монаховъ, проходившихъ изъ Грузіи чрезъ Константинополь. Разгнѣванная Тамара начала съ императоромъ войну и овладѣла Трапезонтомъ и другими областями по южному побережью Чернаго моря. Изъ нихъ Тамара впоследствии образовала Трапезунтскую имперію для Алексѣя Комнени съ цѣлью затруднить распространеніе магометанства на малоазійскихъ и кавказскихъ берегахъ ¹⁾.

Вліяніе царицы распространялось далеко въ Осетію, за хребетъ Кавказскій; непокорныя горды смирились передъ ея оружіемъ и принимали крещеніе. Слѣдомъ за грузинскимъ воиномъ шелъ грузинскій священникъ и вупецъ—и по теченію Куры, Алазани и Терека развивалась дѣятельная жизнь и христіанская гражданственность.

Легендарная исторія, приписывающая Тамарѣ всѣ замѣчательныя храмы и крѣпости Грузіи, не далека отъ истины, потому что множество памятниковъ оставлено именно ею. Тамара повсюду оставила послѣ себя неизгладимыя черты своей дѣятельности и, какъ выражается одинъ изъ историковъ: „написала свое имя каменными твердынями на горахъ и долинахъ Грузіи“. Церкви и кресты на неприступныхъ скалахъ, внутри самыхъ дикихъ ущелій на Черномъ и Каспійскомъ поморьѣ и даже по ту сторону горъ—нѣмые свидѣтели ея величавой эпохи. Самый поэтический памятникъ Тамары—Вардзія, „Замокъ Розъ“. Верхнюю Карталинію Тамара почитала лучшимъ перломъ своего вѣнца, и тамъ въ окрестностяхъ Ахалциха въ крутой обрывистой скалѣ она вырубилла этотъ роскошный Вардзіинскій дворецъ, вмѣщав-

¹⁾ Тамара, отнявъ у султановъ Малой Азіи Трапезондъ и его окрестности основала имперію — Трапезондскую, и передала ее во владѣніе родственнику своему Алексѣю Комнени. Кромѣ Картлпсъ-Цховреба, объ этомъ же фактѣ говорятъ и иностранные источники. Въ „Трапезондской хроникѣ“, составленной Миталомъ Панаретомъ, читаемъ: „Киръ-Алексій Великій Комнени, 22-хъ лѣтъ отъ роду, удалившійся изъ Константинополя, по стараніямъ тетки своего отца, Тамары и аверскаго войска овладѣлъ Трапезондомъ шѣсца апрѣля, 17-го июлятіана, 6712 г. (=1204 г.). *Lebeau* H. du Bas-Emp., XVII, 254, п. 2.

шій въ себѣ до 360 покоевъ. Путешественникъ и понынѣ можетъ видѣть останки этого величественнаго царскаго жилища, въ которомъ среди келій и корридоровъ въ нѣдрахъ земли сохранился храмъ огромныхъ размѣровъ, украшенный фресками, и посреди этихъ фресокъ какое-то странное и волнующее впечатлѣніе производитъ изображеніе самой царицы, во весь ростъ стоящей передъ зрителемъ. Тутъ же въ боковомъ придѣлѣ церкви виднѣнъ каменный балдахинъ, подъ которымъ, по одному преданію, погребена Тамара. Но настоящая могила ея остается неизвѣстною. Есть мнѣніе, что царица похоронена въ Гелатскомъ монастырѣ, другіе указываютъ въ Сванетіи. Рачинцы прахъ ея ищутъ у себя. Грузинскія племена неохотно разстались съ своей умершей царицей, и каждое хотѣло бы найти у себя мѣсто ея вѣчнаго успокоенія.

Эпоха Тамары не была только эпохой военнаго могущества.

Отголосокъ величія царства Багратидовъ слышимъ еще черезъ два вѣка послѣ Тамары и слышимъ изъ устъ арабскаго писателя Шихабеддина Элькалькашенди († 1418 г.)¹⁾. „Да прославить Аллахъ жизнь его величества государя славнаго, великодушнаго, именитаго, отважнаго, храбраго, священнаго, духовнаго, славы народа мессіанскаго, сокровища націи крестоносной, гордости вѣры христіанской, царя абхазцевъ, грузинъ и джурджановъ, друга царей и султановъ; государя могущественнаго, неуспянаго борца, льва, обладателя престола и короны, вѣдателя своей религіи, справедливца къ подданнымъ своимъ, лучшаго изъ царей лазійскихъ, султана грузинъ, сокровища царствъ морей и проливовъ, защитника заповѣднаго мѣста витязей, унаслѣдовавшаго отъ предковъ своихъ престолы и короны, охраны странъ румскихъ и иранскихъ, эссенція царей сирійскихъ, отборнѣйшаго изъ обладателей престоловъ и коронъ, прославителя христіанъ, подпоры религіи Иисусовой, помазанника героевъ мессіанскихъ, рѣшениемъ своимъ возвысившаго домъ священный (Іерусалимъ)²⁾, опоры вращенныхъ, пособника папы, друга мусульманъ, прекраснѣйшаго изъ близкихъ друзей, искренинѣйшаго друга царей и султановъ“.

Водворившійся за побѣдоносными войнами миръ благотворно отразился на развитіи науки и искусства и на блестящемъ расцвѣтѣ гру-

¹⁾ Записки Восточнаго отд. имп. русск. арх. общества, т. I, стр. 208—216.

²⁾ Объ этомъ же фактѣ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный въ своемъ сочиненіи 952 года. Онъ говоритъ: *Comme les Bagratides iberiens prétendent venir de Jérusalem, et qu'ils ont une grande affection pour cette ville et pour le tombeau du Sauveur, ils y envoyèrent à certaines époques de riches présents, tant aux patriarches qu'aux chrétiens de la ville sainte.* (Addit. et éclairc. à l'Hist. de la Géorgie, par M. Brosset, p. 144—145. Cp. Bul. scient, V, 255).

листой литературы, создавшейся подъ воздѣйствіемъ трехъ культуръ— арабской, персидской и византійской. При дворѣ царицы собирается плеада славныхъ писателей, возведшихъ грузинскій языкъ до полнаго совершенства. Вѣкъ Тамары ознаменованъ литературною дѣятельностью поэтовъ—Шавтели и Чахруха, написавшихъ поэмы въ прославленіе Тамары, нѣчто въ родѣ Державинской Фелицы. Ея царствованіе украшаютъ имена талантливыхъ романистовъ—М. Хонели и Саргисъ Тмогвели. Но дѣятельность грузинскихъ классиковъ блѣднѣетъ предъ памятью Шота Руставели, имя котораго произносится каждымъ грузиномъ съ чувствомъ благоговѣнія. Его романическая поэма—„Барсова кожа“ сдѣлалась достояніемъ всего грузинскаго населенія, многіе ея стихи стали народными поговорками, и нѣтъ ни одного грузина, который бы не зналъ нѣсколько его изреченій. Глубока мысль и теплота чувствъ, проникающія это высоко-художественное произведение, сдѣлали „Барсову кожу“ на пространствѣ семи сотъ лѣтъ воспитательной книгой чтенія, наравнѣ съ Евангеліемъ и Апостоломъ.

При Тамарѣ Грузія достигла высшаго развитія политическаго и умственнаго, съ ея же смертію все измѣнилось, какъ будто она унесла въ могилу счастливыя дни своей родины. Невольно останавливается на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что въ Грузіи высшій идеалъ чловѣка нашель себѣ олицетвореніе въ образѣ женщины. Святая Нина просвѣтительница Грузіи христіанствомъ (IV вѣкъ)—идеалъ высоты нравственной; царица Тамара—идеалъ героя и мудраго правителя. Нина и Тамара самыя любимыя имена грузинъ.

Броссе ¹⁾ отзывается весьма лестно о культурѣ XII в.: „...Появляются (въ Грузіи въ X—XII вв.) гени, которые доводятъ грузинскій языкъ до самаго высокаго совершенства: съ одной стороны переводчики Библии, а съ другой—творцы величественныхъ эпоней *Амираана* и *Таріеля*; эти времена были великими вѣками Грузіи... Если должно судить о степени умственной образованности какого-нибудь народа по литературной статистикѣ, то нѣтъ ничего легче, какъ оцѣнить умственное образованіе Грузіи, литература которой подраздѣляется на богословіе, поэзію и исторію... Духовная литература просіяла въ Грузіи съ рѣдкимъ блескомъ... Цвѣты поэзіи наполнили своимъ благоуханіемъ всѣ долины и увѣнчали всѣ вершины Кавказа. Пріятно повторить здѣсь имена Руставели, *Моисея* (читай: Мосе Хонели), Саргиса, Абдуль-

¹⁾ Броссе. „Взглядъ на исторію и литературу Грузіи“. Ж. М. Н. П. II, стр. 286.

Мессія, Чахрухадзе; раскрыть характеръ ихъ поэтическихъ талантовъ и сдѣлать разборъ ихъ произведеній, *столь оригинальных!* И эта картина будетъ все еще исторія, потому что *дѣйствующія лица* въ этихъ произведеніяхъ—*грузинскіе герои*, подъ вымышленными именами. И эти описанія, блестящія поэтическимъ жаромъ... излагаютъ по большей части достопамятныя дѣла извѣстныхъ мужей“.

Культурное вліяніе, шедшее на Грузію изъ Византіи въ средвіе вѣка столкнулось съ воздѣйствіемъ Ирана на Кавказъ. Персидскія сказанія, религиозныя вѣрованія, нравы и обычаи распространяются среди закавказскихъ народностей. Уже Моисей Хоренскій замѣчаетъ, что о Рустемѣ, героѣ персидскаго эпоса, армяне распѣвали пѣсни. Отголоски Рустеміады еще нынѣ свѣжи въ памяти всѣхъ народностей грузинскаго племени. Вліяніе иранской культуры восходитъ къ глубокимъ временамъ, къ періоду Ахеменидовъ, когда саспейры, алародіи, мосхи, тибарены, жители Колхиды, по словамъ Геродата, входили въ составъ персидскаго государства, участвовали въ походахъ своего повелителя и доставляли ему посильные подарки. Въ эпоху сасанидовъ водворяется въ Грузіи ученіе Заратустра благодаря воцаренію Миріана, сына Шапора персидскаго. Политическое вліяніе Персіи, по временамъ ослабѣвавшее, снова получило свою силу надъ теченіемъ культурной жизни Грузіи. Результаты связи Кавказа съ Ираномъ сказались въ распространеніи устныхъ сказаній и обработанныхъ поэтами то героическихъ, то романическихъ произведеній персидской словесности, какъ у армянъ, такъ и грузинъ. Въ эпоху цар. Тамары, византійская и иранская культура слилась въ одинъ потокъ, потерявшій воздѣйствіе на почвѣ національныхъ особенностей грузинскаго народа.

Поэмы и повѣсти XII в.

Въ XII в. грузинская свѣтская литература достигаетъ періода высшаго развитія. Къ этому времени относятся творенія Хонели, Тмогвели, Руставели, Шавтели, Чахруха.

Амиранъ-Дареджаніани ¹⁾ написалъ Мосе Хонели, о которомъ упоминаетъ Ш. Руставели въ послѣднемъ стихѣ „Барсовой кожи“.

¹⁾ Содержаніе этой повѣсти см. у меня въ I ч. „Очерковъ“.—Мы разсмотрѣли въ „Обществѣ распространенія грамотности среди грузинъ“ три рукописи „А. Д.“ Первая подъ № 1189 inf. писана разными почерками „шедрли“, на синей бумагѣ черными чернилами, заключаетъ 222 стр. и главы: I повѣсть объ Абесаломѣ, царѣ индійцевъ; II повѣсть о Балхи Іаманидзе; III Нисваръ Нисрели; IV Амиранъ Дареджанидзе; V Амбри Араби; VI Витязь Индо;

По словамъ царевича Теймураза, онъ былъ секретаремъ цар. Тамары и происходилъ изъ М. Хони въ Имеретіи. Амиранъ-Дареджаніани представляетъ сборникъ героическихъ разсказовъ, искусственно собранныхъ вокругъ Амираана богатыхъ народныхъ сказаній. Сборникъ состоитъ изъ двѣнадцати главъ и входитъ въ кругъ тѣхъ произведеній, которыя носятъ слѣды восточнаго, или лучше сказать, персидскаго вліянія. Нѣкоторыя мѣста, сохранившіяся и фразы могутъ свидѣтельствовать, что отдѣльные разсказы изъ Амиранъ-Дареджаніани заимствованы изъ персидскихъ устныхъ или письменныхъ произведеній. Въ доказательство этой мысли приводятся слова „одноглазаго дѣва“, обращеннаго съ просьбой къ Амирану: „іек чешмем несте“, [Рукоп. № 1189 „Общ. грам.“ это мѣсто даетъ въ видѣ „чешма нисто“], т. е. вѣтъ у меня моего и одного глаза. Но восточныя имена героевъ и персидская фраза [вѣдь, встрѣчаются же французскія слова въ оригинальныхъ русскихъ произведеніяхъ!], вскрывающіяся въ сборникѣ, не доставляютъ убѣдительныхъ доводовъ въ пользу мнѣнія о персидскомъ происхожденіи грузинскаго романа. Сторонникомъ этой теоріи является Н. Я. Марръ. Амиранъ-Дареджанидзе, говоритъ почтенный авторъ, по происхожденію персъ, живетъ по близости Багдадскаго двора, повелителя правовѣрныхъ. Персомъ же, по его толкованію, оказывается другой герой романа Сепедавле Дариспанидзе. Эти два героя превосходятъ силою всѣхъ остальныхъ богатырей, являющихся представителями различныхъ народностей—арабовъ, абиссинцевъ, индійцевъ, іеменцевъ, китайцевъ, казаръ и др. Въ виду того, что авторъ романъ желаетъ внушить чи

VI повѣсть о свѣтилахъ; VIII а) повѣсть о чарахъ; б) повѣсть о смерти, со-
общенная Амирану витяземъ Сабуромъ, сыномъ Рабаги; IX Сепедавле Дариспан-
идзе; X Маччабукъ; XI Кровошценіе; XII Вступленіе въ Балхети. Вторая ру-
копись, подъ № 2632, писана „ихедруан“ на стѣрой бумагѣ. Третья рукопись
подъ № 1623, полная въ переплетѣ, переписана въ 1776 г., заключаетъ въ себѣ
и лишнія главы, повидимому внесенныя изъ Диларіани: гл. XII о Джимшерѣ
сынѣ Хазарскаго царя, и XIII о Джимшерѣ, сынѣ Джимшера. Эти двѣ главы,
вставленныя предъ послѣдней главой „Амиран-Дар.“ сопровождаются припиской,
то „ихъ не слѣдуетъ переписывать, потому что онѣ присоединены ложно ка-
кихъ-то Цхивальцевъ“ (жители мѣст. Цхиваль). Дополненіе о рукописяхъ
„Амиранъ-Дар.“, см. у меня въ I книгѣ „Очерковъ“, стр. 351, а также экземпляръ,
принадлежавшій Баграту Георгіевичу,—послѣдній также даетъ 2 главы сверхъ 12.
Глава этотъ героическій, получудесный, разсказываетъ о славныхъ походе-
нїяхъ героя, которыя не должны быть смѣшиваемы съ Миріаномъ Дареджанидзе.
Благотъ ректора Давида Алексіевича № 226 называетъ Амираана Дареджа-
ниде въ стихахъ. *Brosset. Mél. as. VIII, 428.* Подробный разборъ *Bul. Scient.
de l'Ac., III; 7.*

тателямъ предпочтительное уваженіе къ персидскимъ героямъ, то, слѣдов., Амиранъ-Дареджаніани написанъ къ прославленію персовъ, по-персидски, а впослѣдствіи переведенъ по-грузински. Таковъ логическій порядокъ доказательствъ, выставленныхъ г. Марромъ¹⁾. Въ самомъ романѣ, въ которомъ такъ неуклонно сообщаются свѣдѣнія о національномъ происхожденіи каждаго героя, нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній относительно народности, къ которой принадлежать Амиранъ Дареджанидзе и Сепе давле Дариспанидзе. Непонятно, почему авторъ скрылъ персидскую національность двухъ своихъ славныхъ героевъ, которые выставлены имъ съ цѣлью прославить персовъ! Г. Марръ усматриваетъ въ названіяхъ этихъ героевъ „сознательную руку (?) автора“, и, разлагая ихъ на составныя части, привлекаетъ арабско-персидскій лексиконъ для ихъ объясненія. Эти имена съ полнотою звучатъ такъ:

1) Сепе Давле Дариспанидзе, 2) Амиран Дареджанидзе.

Отбросивъ прибавленное къ концу грузинское слово „дзе“ (сынъ) съ гласнымъ остаткомъ отъ окончанія родительнаго падежа (*ис*)—звучомъ *и* мы получамъ:

1) Сепе давле дар Испан, 2) Амир андаре джанъ.

Первыя части въ обоихъ именахъ состоятъ изъ арабскихъ словъ, употребляемыхъ у персовъ въ качествѣ титуловъ; легко также узнать вторыя части (дар=андаре)—двѣ формы персидскаго предлога—*аз*; наконецъ, третія части суть обычныя вульгарныя транскрипціи персидскихъ же словъ: испан=испахан Испаганъ и джан=джаханъ міръ. Имена героевъ, заключаетъ г. Марръ персидскаго происхожденія; одного витязя звали Сепе, т. е. „мечемъ государства въ Испаганѣ, а другаго Амиромъ, т. е. повелителемъ въ міръ“. Но Испаганъ въ грузинской транскрипціи не можетъ звучать какъ *испанъ*.

При желаніи иногда возможно этимологию словъ одного языка объяснить при помощи другого языка. Такія попытки хорошо извѣстны въ филологическихъ трудахъ Тредьяковскаго. (Сквомъ отъ русскаго языка скитаться, Италія отъ удалаться и пр.). Герои грузинскаго романа Мосе Хонели, безъ сомнѣнія носятъ персидскія имена, но эти послѣднія рано вошли въ грузинскій календарь²⁾, и фактъ присутствія ихъ въ грузинскихъ произведеніяхъ не можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ для установленія мнѣнія о переводѣ самихъ памятниковъ съ персидскаго языка: при такомъ

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1895, іюнь, стр. 355, 361 и др.

²⁾ О некалендарныхъ именахъ у грузинъ, моя замѣтка въ „Этногр. Обзор.“ 1894, № 2).

методъ сужденія объ національномъ или иноземномъ происхожденіи произведеній пришлось бы совершенно уничтожить рядъ современныхъ оригинальныхъ грузинскихъ поэмъ и повѣстей, авторовъ намъ известныхъ, въ которыхъ встрѣчаются персидскія, греческія или армянскія названія. Примѣняя этотъ же критерій къ произведеніямъ русскихъ и европейскихъ авторовъ пришлось бы значительно сузить кругъ оригинальнаго происхожденія шедевровъ Пушкина, Шекспира, В. Гюго, принадлежность которыхъ названнымъ поэтамъ засвидѣтельствована точными указаніями. Помимо этихъ общихъ соображеній о шаткости теоріи, произносящей судъ надъ исторіею творчества писателей, въ мнѣніи г. Марра есть умышленное игнорированіе этимологій словъ: Сепедавлъ Дариспанавдзе гораздо осмысленнѣе объясняется, при помощи грузинскаго языка, чѣмъ персидскаго. Слово очень древнее по - грузински *Сене* значитъ царевичъ и, понятво, почему Хонели даетъ этотъ титулъ сыну Дариспана, нѣкогда покорившаго много странъ. Само имя Даристанъ весьма распространено въ Имеретіи, откуда былъ родомъ самъ авторъ романа. Толкованіе Амрана въ смыслѣ *амира*, „повелителя въ мірѣ“, но находитъ по тексту романа оправданія, потому что Амранъ не былъ багдадскимъ эмиромъ, пользующимся всемірною славой, какъ комментируетъ г. Марръ. Вѣдь, самъ же почтенный арменистъ называетъ его лишь *каредворцемъ* Багдадскаго повелителя правовѣрныхъ,—а рыцарскія его доблести раздѣлялись Сепедавломъ.

Толкованіе именъ и фамилій героинь повѣсти „Амиранъ-Дареджаніани“ составляетъ существенную часть изслѣдованія г. Марра. И потому прежде всего приходится ознакомиться съ тѣмъ, какъ онъ, вѣстѣ съ г. Гренемъ ¹⁾, читаетъ эти имена и фамиліи ²⁾.

Саварсимидзе: ³⁾ по Грену—„сынъ Саварсима“. по Марру—„Саваръ-Симидзе“ и „Саварсимидзе.

Амиранъ Дареджанидзе: по Грену—„А., сынъ Дареджана“, по Марру—„Амиръ Андареджанъ“, или „Амиранъ, сынъ Дареджана“.

Нестанъ Дареджанъ: по Грену—„Нестанъ, дочь (?) Дареджана“, по Марру—Нестъ Андаре джананъ“.

¹⁾ Гремъ. Амиранъ, сынъ Дареджаны. Жур. М. Нар. Пр., 1895, мартъ.

²⁾ М. Джанашвили. О происхожденіи груз. классиковъ. „Нов. Обзоръ“, 1896, № 4279 и сл.

³⁾ Варсими на грузинскомъ языкѣ значитъ цырюльникъ, и отсюда совершенно законно образовалась форма са-варсими, а затѣмъ и фамиліи Саварсимидзе.

Бадри Таманидзе: по Грену—„Б. Іеменецъ“, по Марру—„В. Таманидзе“ (іеменецъ).

Г. Газнели: по Грену—„Г., изъ Газны“, по Марру—„Г. Газнели“ (газніецъ).

Также вмѣсто Парсаданидзе, Рабишинидзе, Рабакидзе, Абрамидзе, Надирадзе, Нисрели, Асурели и пр., у Грена читаемъ: Парсадановичъ, Рабишиновичъ, Рабаговичъ. Абрахамовичъ, Надировичъ, Ассирійскій, Египетскій.

Г. Гренъ фамилію превратилъ въ отчество, позабывъ, что не всякій Косидзе можетъ быть Косевичемъ, или сыномъ Коси, и не всякій Бадридзе, сыномъ Бадра или Бадревичемъ.

По мнѣнію г. Марра, „не только всѣ имена героев А. Д. [Амиравъ-Дареджанидзе] иностраннаго происхожденія, но даже такое имя, какъ Іосифъ, употреблено въ иноземной формѣ, принятой у народовъ, исповѣдующихъ исламъ (*Усин, Іусиб*), а не въ существующей уже издревле и распространенной въ Грузіи формѣ „Іосепъ“.

Во-первыхъ, имя Іосифъ магометане провозносятъ не какъ Усинъ или Іусибъ, а какъ Юсуфъ, т. е. такъ, какъ это имя попадаетъ въ коранъ Магомета, и, во-вторыхъ, еще нужно доказать, что имя героя повѣсти А. Д. Усиби тождественно съ именемъ Іосифъ. Вотъ извѣстный Г. Е. Церетели доказываетъ, что имена легендарныхъ героев Усупи (Усиби, Усиби, по вариантамъ) и Бадри (въ А. Д. тоже Бадри) въ переводѣ съ грузинскаго означаютъ: Бадри—*полная луна, снѣжно-бѣлый*; Усупи—*горный укропъ*.

Ошибочно, когда *Газнели* переводятъ словами: „газніецъ“, „изъ Газны“. Дѣло въ томъ, что у грузинъ съ древнѣйшаго времени принято часто фамилію замѣнять именемъ того города или мѣстности, гдѣ подвизался или откуда происходилъ тотъ или другой дѣятель. Такъ образовались, напр., прозвища *поэтовъ*—Руставели, Хонели, Шавтели.

Впрочемъ, и въ томъ же случаѣ, если мы героя А. Д. Газнели будемъ считать „газніецемъ“, или жителемъ „изъ Газны“, то и это не послужитъ въ колызу мнѣнія, будто А. Д. не есть оригинальное сочиненіе М. Хонели: въ ущельѣ р. Рехули (въ горійск. уѣздѣ), въ мѣстечкѣ Газна, обиталъ древнѣйшій грузинскій родъ Газнели, изведенный въ 1625 году сосѣдними феодалами (см. брошюру *Ш. Лосселиани—„Мамеба“*, стр. 6).

Въ древней Грузіи попадались имена, каковыя носятъ и нѣкоторые изъ героев повѣсти М. Хонели. Такъ, напр., у Хонели одинъ изъ героев, какъ видно изъ пересказа г. Грена, названъ Каосомъ

Косидзе. По хроникѣ X вѣка ¹⁾ и по „Картлисц-Цховреба“, подѣ тѣмъ же именемъ царствовалъ въ Грузіи одинъ изъ царей—*Каосъ*, въ 72—87 по Р. X. Что же касается имени Коси и происшедшихъ изъ него фамилій Косидзе и Косишвили, обитающихъ нынѣ въ Кахетіи, то и подобное имя встрѣчается въ Грузіи въ 65 году до Р. Xр. По свидѣтельству Плутарха (50—120 по Р. X.), командующимъ албанскими войсками противъ Помпея былъ „братъ царя, по имени Косисъ“ ²⁾.

Задавшись мыслью во что бы то ни было доказать персидское происхожденіе творенія М. Хонели, г. Марръ прибѣгаетъ еще къ натяжкамъ: имена героевъ Мзечабукъ и Дариспанидзе онъ производитъ съ персидскаго. А между тѣмъ Мзечабуки по-грузински значить солнце—герой (чабуки по-свански произносится въ формѣ чабигви), при чемъ „мзе“ часто приставляется къ словамъ для выраженія понятій красоты, доблести, совершенства и пр. Такъ образовались слѣдующія имена и слова: Хварамзе (буквально—есмь солнце), *Мзештари* (букв.—солнце + кто + такое), *Мзешинари*, (солнце + дома + есть), *Мзекла* (солнце + женщина), *Каламзе* (женщина + солнце), *Мзечабуки* ³⁾ (солнце + герой, юноша), *Мзевца* (птица), мзегрзедоба (долгоденствіе), мзекетлоба (счаствіе, букв. — солнце + доброта), знамзеоба (засворѣчіе, букв.—языкъ + солнце), мзечврита и пр. Г. Марръ же говоритъ, что въ имени Мзечабукъ „Мзе—солнце—можетъ быть нѣсколько вольнымъ (а не совершенно произвольнымъ?) переводомъ географическаго названія Хорасана, которое означаетъ *восходящее солнце*, востокъ, и Мзечабукъ въ такомъ случаѣ явился бы героемъ этой области“ (!).

Странно также его толкованіе имени и фамиліи героя Сепе-Двали Дариспанидзе. „Сепе“ есть грузинское слово, употребляемое и самостоятельно и въ сложеніи съ другими словами, каковы: „сеписъвери“ (просфора), сепепури, сепетцули ⁴⁾ (царская гвардія, царедворецъ), сепешвили, сепе (собств. имя мужчины). Изъ „двали“ также имѣемъ древнѣйшія названія Двалетіи, селенія Двалишвилеби, фамилію Двали и пр. Г. Марръ же Сепе-Двали читаетъ такъ: сепе + давле, а Гренъ—Сейфудавле, въ полной же формѣ, по Марру, выходитъ Сепе + давле, дар Испанъ, т. е. „ищеть государства въ Испаніи“. Такія искусственныя толкованія едва ли

¹⁾ См. „Три хроники“. Е. Такайшвили.

²⁾ Гамъ. „Извѣстія греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“, стр. 125.

³⁾ Мзечабуки назывались многіе изъ атабековъ самцхвинскихъ.

⁴⁾ Это слово въ этомъ же значеніи употреблено Монсеемъ Хореновимъ въ его исторіи Арменіи (стр. 83).

послужать въ пользу доказательства перевода съ грузинскаго повѣсти съ несуществующаго, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени персидскаго оригинала.

Не принимая мнѣнія о полномъ переводѣ Амиравъ-Дареджаніани съ персидскаго языка, мы готовы согласиться съ Гревомъ, усматривающѣмъ въ немъ слѣды персидскаго вліянія и быть можетъ переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ съ персидскаго языка. Хонели пользовался устными и письменными свѣдѣніями при созиданіи своего романа. Весьма призрачно стремленіе ввести Амирава въ кругъ такихъ сказаній, въ которыхъ онъ участвуетъ пассивно или по волѣ автора. Такъ V глава, съ которой сообщаются повѣствованія о другихъ витязяхъ, рассказываетъ о подвигахъ Индо и Амбри богатыряхъ. Амиравъ, поставленный въ извѣстность объ нихъ,—идеть къ нимъ на помощь въ Аравію, но застаётъ только трауръ по Амбри и опечаленный возвращается въ Багдадъ.

На сборный характеръ Амирава-Дареджаніани ¹⁾ намекаютъ имена дѣйствующихъ лицъ: Бадръ Іаманидзе (іеменецъ); Али Диламъ (диламеецъ); Носаръ Нисрели (=мисрели ²⁾ египтянинъ); Астарабидзе (астарабадецъ); витязь Абашъ (индіецъ)³⁾.

Витязь Черный (негръ); Босоръ Басрели (басріецъ); Гамаръ Газнели (газніецъ); Амирандо (индіецъ). Указаніе на происхожденіе по мѣстности и народности могутъ указывать на сказочный сюжетъ отдѣльныхъ эпизодовъ романа, вошедшихъ въ предѣлы Грузіи

¹⁾ Въ однои мѣстѣ сквозитъ компилятивный характеръ повѣсти; съ XIII гл. неожиданно появляется авторомъ, что онъ хочетъ продолжать рассказъ. Не указываетъ ли это на продолженіе (искусственное) начатаго повѣствованія? Каждая глава начинается словами: „будь живъ во вѣки“! Слово „аминъ“ является въ повѣсти не только въ концѣ, но и въ серединѣ, что можетъ указывать на соединеніе отдѣльныхъ рассказовъ въ одну повѣсть.

²⁾ Въ документахъ изъ Телль-Эль-Амарны въ XV в. до Р. Х. читается Мисри, толкуемый въ смыслѣ Египта и *Соловейчикомъ* (Ж. М. Н. II. 1896, октябрь, 320. „Восточная цивилизація въ XV в. до нашей эры“).

³⁾ См. „Еще одинъ изъ источниковъ исторіи Грузіи царевича Вахушти“. Е. Такайшвили, стр. 115, примѣч. 1. Словами „Абаша“ и „Абашети“ грузины называютъ не только абиссинца и Абиссинію, но и индіяца и Индію. Такъ, въ грамотѣ Орбеліановыхъ сказано, что въ 768 году по Р. Х., переселился въ Грузію изъ Абашетинъ Виріанъ-Абашъ съ большимъ скопцемъ улуса. „Этотъ Абашетія, — справедливо замѣчаетъ Е. Такайшвили, — есть не Абиссинія, а страна Индіи, сопридѣльная съ Персіей“.

сугубо или письменно и обработанных во вкусъ рыцарской эпохи царицы Тамары, современникомъ которой является Мосе Хонели.

„Амиранъ-Дареджавіани“ носитъ яркій колоритъ рыцарскаго романа: пѣвцы, турниры, уваженіе къ женщинамъ, закованные рыцари, выступающіе на состязаніе во имя дамы сердца или въ защиту слабыхъ и угнетенныхъ—вотъ та форма рыцарскихъ произведеній, которая хорошо извѣстна въ Западной Европѣ. Присутствіе каски, панциря и прочаго вооруженія побудило еще ак. Броссе сравнить повѣсть Хонели съ западно-европейскими ¹⁾. Центральнымъ лицомъ авторъ ставитъ Амирана, популярнаго героя народныхъ сказаній. Отдѣльные эпизоды изъ его рыцарскихъ подвиговъ и нынѣ обращаются въ устной передачѣ—сказочной обстановкой окружаетъ его авторъ съ первыхъ страницъ своего романа: чудеса его мужества и силы неослабно возрастаютъ и покрываютъ подвиги другихъ героевъ. По положенію своему онъ простой дворянинъ, стоитъ близко къ багдадскому двору халифа, называетъ самъ себя придворнымъ („модарбазе“). Во дворѣ его принимаютъ ласково и благосклонно; онъ пользуется славой опытнаго много видѣвшаго мужа: рассказы его развлекаютъ самого повелителя правовѣрныхъ. Онъ нерѣдко повѣствуетъ ему о своихъ подвигахъ, совершенныхъ во славу багдадскаго халифа. Онъ преданъ своему сюзерену безконечно, до обожанія; въ клятву онъ призываетъ его, наравнѣ съ Богомъ: „клянусь Богомъ и клянусь солнцемъ моего господина эмира“! Какъ рыцарь, добычей съ побѣжденныхъ пользуется только для сюрприза приглашеннымъ богатырямъ. Онъ наслаждается умѣренно богатствомъ и имуществомъ. Окруженъ онъ только шестью постоянными слугами, изъ которыхъ неразлучнымъ является Саваръ Симидзе. Онъ сопровождаетъ его въ походы на индійцевъ, хазаръ, турокъ, китайцевъ. Самъ Саваръ-Симидзе хранитъ благоговѣнное воспоминаніе объ Амиранѣ, и рассказъ его предъ эмиромъ кладетъ Хонели въ основаніе романа ²⁾.

¹⁾ *Brasset. Bulletin Scient.* 1838 г., III, p. 7. Броссе приводятъ содержаніе этой повѣсти по рукописи 1803 г. монаха Дмитрія, переписавшаго ее по порученію полковника Вахтанга Орбеліани для царевича Баграта Георгіевича, жившаго въ Москвѣ.

²⁾ Любопытна черта грузинскихъ рыцарскихъ повѣстей, сближающихъ ихъ во настроеніи съ поэмами Гомера. Битвы грузинскихъ рыцарей происходятъ въ присутствіи вельможъ и дамъ, созерцающихъ состояніе съ высокихъ трибунъ. Во время единоборства Париса съ Менелаемъ, по Илиадѣ греческіе и троянскіе воины приготовились смотрѣть на единоборство. На одной изъ башенъ Трои собрались Пріамъ и старѣйшины. Между ними была и Елена.

Другой витязь, относительно котораго „Амиранъ-Дареджаніани“ даетъ подробныя свѣдѣнія, это — Сепедавлъ, человѣкъ высокаго происхожденія и выдающихся рыцарскихъ качествъ. Онъ сынъ замѣчательнаго богатыря, покорившаго много странъ. По смерти отца, враги Сепедавла воспользовались малолѣтствомъ послѣдняго и отняли всѣ земли, кромѣ столицы. Узнавъ отъ матери всю горькую истину о своемъ положеніи, онъ выступилъ противъ враговъ и въ короткое время завоевалъ всѣ бывшія свои владѣнія. Онъ убиваетъ опустошавшаго страну индійскихъ купцовъ носорога саблей, вагъ кошку; легко разбиваетъ желѣзные ворота; ни одинъ богатырь не въ состояніи устоять противъ него. Подвиги его совершаются главнымъ образомъ среди бѣсовскихъ навожденій. Разыскивая дочь китайскаго царя, онъ попадаетъ въ заколдованный кругъ волшебныхъ чаръ, передаваемыхъ авторомъ со всѣми подробностями, обычными въ грузинскихъ народныхъ сказкахъ. Онъ встрѣчаетъ людей съ крыльями, при возгласѣ которыхъ вода прибываетъ съ неудержимой силой; попадаетъ въ темное мѣсто; теряютъ сознание по съденію плодовъ, но противъ всѣхъ этихъ навожденій Сепедавлъ снабженъ спасительными снадобьями, полученными благодарной ему женщиной за освобожденіе послѣдней изъ плѣна въ замкѣ девоу. Ему вездѣ покровительствуетъ судьба.

Въ странѣ чудовищъ и чаръ вращается еще одинъ видный витязь Мзечабукъ. Онъ убиваетъ слона, тѣло котораго было львиное, а лицо человѣчье. Избиваетъ по пути къ похищенной чародѣйскимъ образомъ хазарской царевнѣ людей, сидящихъ на львахъ и гиганта съ окровавленнымъ мечомъ въ рукѣ. Витязь со свитой попадаетъ въ домъ гдѣ птицы обращаются въ людей и садятся за столъ, ударяютъ крыльями, — а Мзечабукъ снова переносится назадъ въ Хазарію. Въ заколдованномъ по возвращеніи домѣ витязь находитъ два копья, которыя при прикосновеніи къ нимъ руки быстро сгорѣли. Въ одномъ провалѣ онъ встрѣчаетъ множество тѣней людей; въ ущельѣ видитъ каменныхъ людей на крылатыхъ коняхъ. Этотъ герой, совершившій столько чудесныхъ подвиговъ, освободившій изъ плѣненія хазарскую царевну, былъ измѣнически убитъ и въ послѣдствіи горячо оплаканъ его поклонниками. Остановившись на этихъ подробностяхъ, необходимо отмѣтить сказочный сюжетъ, вошедшій въ составъ „Амиранъ-Дареджаніани“. Сказанія съ подобнымъ волшебнымъ элементомъ въ обиліи встрѣчаются у грузинъ, какъ и у всѣхъ народовъ. Усматривать въ нихъ національное происхожденіе такъ же трудно, какъ на основаніи ихъ опрометчиво заключать, что они представляютъ вняжный переводъ съ какаго-либо языка. Сказанія эти, открытыя въ Амиранъ-Дареджаніани, могли быть

завесены устно и распространиться въ народѣ, который и теперь хранитъ цѣлую серію подобныхъ произведеній. Этотъ сказочный сюжетъ, записанный М. Хонели, дополнился богатырскими похождениями, рассказъ окрасился въ рыцарскій колоритъ съ безконечной борьбой изъ-за руки красавицы—царевны или въ интересахъ охраны свободы и безопасности государства.

Такой процессъ созданія „Амиранъ-Дареджаніани“ ярче свидѣтельствуешь циклъ устныхъ преданій о томъ витязѣ, который далъ названіе цѣлому произведенію М. Хонели. Въ народныхъ произведеніяхъ Амиранъ является то непобѣдимымъ рыцаремъ, то великаномъ, наказаннымъ свыше за гордость, своего рода Прометеемъ, прикованнымъ къ горамъ. Амиранъ, подобно Прометею, прикованъ цѣпью къ Эльборусѣ (Ялбузѣ)¹⁾ за высокомерное желаніе состязаться съ высшимъ существомъ или по другимъ преданіямъ, за нарушеніе слова благочестія даннаго крестному своему отцу І. Христу. Выѣстъ съ нимъ въ пещерѣ находится собака лижущая оковы, которые по обрядовымъ ударамъ кузнецовъ въ утро страстнаго четверга получаетъ прежнюю крѣпость. По имеретинской версіи Рокапи²⁾, богатырь утекъ, съ 14 на 15 августа дѣлаетъ послѣднія усилія изъ земли вытащить колъ, къ которому онъ привязанъ, но садится въ это время маленькая птичка на столбъ, узникъ поднимаетъ на нее громадный молотокъ, птичка улетаетъ, а столбъ вбивается глубоко въ землю. Отмѣтимъ здѣсь совпаденія чертъ судьбы Прометея и Амирава, подвергающихся страданіямъ отъ прикосновенія къ нимъ птицы.

Греческій Прометей, грузинскій Амиранъ находятъ параллель въ армянскомъ Артавазѣ, отождествившимся съ персидскимъ Зохакомъ у Фирдоуси или древне-иранскимъ змѣемъ Аждахака, упоминаемымъ въ Авестѣ. По парсійскому преданію „какой-то Руденъ (Феридунъ „Шахъ Намэ“) связываетъ Аждахака цѣпями, уводитъ на гору, называемую Дэмбавендомъ... Ведеть Бюраспа (собств. имя Аждахака—авестійское Ваэвагазра) въ пещеру горы, заключаетъ его въ оковы и самъ становится скалою у входа пещеры. Устрашенный Бюраспъ повинуется своимъ оковамъ и не смѣетъ выйти и опусто-

¹⁾ Ср. *Эскизъ*. Прикованный Прометей, перев. Алексѣева. Греческій трагикъ, подобно Грузинской легендѣ объ Амиракѣ, передаетъ, что Прометей былъ привязанъ „вѣдной цѣпью къ скалѣ“.

²⁾ Въ сванетской легендѣ таинствъ же способомъ слова заковывается Амиранъ, отсюда вытекаетъ новое доказательство тождества Амирава и Рокапи. Журн. Ист. Нар. Пр., ч. ССХХV, отд. 2, стр. 105.

своего благочестиваго отца (Фарсана), овладѣлъ престоломъ, а въ юности, поступилъ къ нему повелевать вместо господствовавшей до того царицы. Въ награду за свою службу Иблисъ приказалъ возать его въ плечи. Отъ поцѣлуя духа воза по черной змѣѣ, которыхъ пришло много, и человеческимъ мясомъ. Такимъ образомъ, постепенно возвращается въ своему роду. Соката страну освобождаетъ Феридунъ. Последний поражаетъ злодѣя булавой, но Зерота, не убиваетъ его, а приковываетъ къ скалѣ (Демавенда¹⁾).

Въ этой легендѣ „Тритино“ можно также уловить отзвуки легенды о старѣльшій шахъ Персія, Джемшидъ усыновилъ по приказу дьявола Аждехака, который, по наущенію своего усыновителя. Едва совершилось преступленіе, какъ произошло извѣстіе: „изъ каждаго плеча преступника вышло по три змеи, двостаями продолжали держаться въ его тѣлѣ. Питались они человеческими мозгами. Пришлось установить жребій, и въ каждой изъ персидскихъ семействъ оглашали воздухъ своими воплями, и жребій палъ на Аждехака и его сыновей на ужасную смерть“. Въ то время жилъ богатый и щедрый, гостепріимный и любящій при дворѣ. Его звали Нана, составляло радость и отраду его жизни. Но въ то время съ персидскимъ принцемъ изъ древней династіи Пашъ-Тритино, онъ устроилъ торжественный пиръ. Самъ Аждехакъ и его сыновья были въ обществѣ торжествъ. Всѣ были ослѣплены необычайной красотой принца. Даже злые змѣи, покойно дремавшіе на плечахъ государя, подвинулись и взглянули на Нану. Ночью печальные вопли разбудили Тритино, и онъ сказалъ, что жребій палъ на Нану и что съ восходомъ солнца она должна быть съ змѣями своя единственную дочь въ жертву змѣямъ. При этомъ змѣи объявили, что одна женщина и одинъ безоружный мужчина должны спасти Нану. Тритино, гамдела (няня) и Нана отправились съ нею. Змѣи внимательно обыскали, заперли двери, подвели ее къ скалѣ, защитили и радостно протянули свои зараженные жала, но вида не имѣя Тритино, окаменѣлъ. Тритино бросился на Аждехака, длинными когтями связалъ его и повергъ на землю, а чрезъ нѣсколько мгновеній съ своего плѣнника чрезъ площадь вонъ изъ города къ горѣ Демавендъ, и приковалъ его къ скалѣ.

О смерти Аждехака есть два сказанія: одно говоритъ, что и онъ, и змѣи умерли съ голоду, другое—что змѣи сначала умертвили его, выпивъ его мозгъ,

Разсматривая грузинское сказаніе объ Амيرانѣ въ связи съ другими аналогичными легендами мы замѣчаемъ два наслоенія, изъ которыхъ одно повѣствуетъ о змѣѣ, запертомъ богомъ или богатыремъ подъ какой-то горой; второе передаетъ о великанѣ, прикованномъ къ скалѣ въ какой-нибудь горной пещерѣ изъ-за похищенія огня. Амيرانъ, подобно Прометею, принадлежитъ къ противникамъ божества, онъ вступаетъ въ борьбу съ І. Христомъ, какъ Прометей противится Зевсу и олимпійскимъ богамъ. Но въ позднѣйшихъ сказаніяхъ съ Амيرانомъ связывается представленіе о національномъ героѣ, которому суждено водворить благодѣтельный порядокъ, какой ожидается отъ Карла V. или Барбароссы, стоящихъ въ нѣдрахъ горы и готовящихся воспрянуть къ новой дѣятельности. Молоко, которое Амيرانъ выдавлиываетъ изъ хлѣба, и сожалѣніе, что люди ѣдятъ хлѣбъ съ кровью, истребленіе дѣвоу указываетъ на свѣтлыя черты, которыя прилагаются къ великому узнику.

Такимъ образомъ, въ легендѣ объ Амيرانѣ мы вскрываемъ два наслоенія: древнѣйшее о борьбѣ его съ Божествомъ, а позднѣйшее представленіе какъ о благодѣтельномъ витязѣ. Этой-то послѣдней окраской обрисованъ Амيرانъ въ повѣсти М. Ховели. „Амيرانъ-Дареджаніани“. Намъ кажется, что авторъ этого произведенія слышалъ распространенныя въ народѣ сказанія о великанѣ, выступившемъ на сѣвнѣ Амбріа или Андрероба, какъ Прометей явился преемникомъ Тифона, „воинственнаго стоглаваго чудовища“. Сказанія о такихъ богатыряхъ являются весьма извѣстными на Кавказѣ, къ которому уже послѣ Гезіода пріурочили впослѣдствіи греки и свой мифъ о Прометей, когда ознакомились съ легендой о прикованномъ къ скалѣ великанѣ. Отдаленная популярность подобнаго сказанія, дошедшаго до нашего времени, служитъ сильнымъ доводомъ въ пользу возможности записи устнаго произведенія, совершившейся въ эпоху царицы Тамары въ XII в., когда рыцарскіе и богатырскіе подвиги, находили полное приложеніе въ побѣдоносной борьбѣ Грузіи съ окружающими послѣднюю сосѣдними народами. Не только „Амيرانъ-Дареджаніани“, но и другіе памятники того же періода „Русуданіани“, „Диларіани“ и „Велквисъ Ткаосани“, являются такими твореніями, которыя въ своей основѣ имѣютъ сюжетъ народныхъ сказаній. Это и понятно. Пробуж-

а потому сами погибли голодною смертію. Третье же былъ провозглашенъ царемъ персидскимъ, женился на Наиѣ и сдѣлался общимъ любимцемъ. Грузины съ благодарностью вспоминаютъ правленіе Третьею, который извѣстенъ подъ именемъ Апридонъ. *Гульбатъ*. „Моск. Вѣд.“, 1891, 82. Ср. *Mole. Le livre des rois*. I, 39.

деніе національной мощи послужило стимуломъ къ обработкѣ народныхъ мотивовъ.

Любопытно сопоставить различныя версіи народныхъ сказаній объ Амيرانѣ, заключающія отголоски „Амيرانъ-Дареджавани“.

Пшавская версія.

Амيرانъ, сынъ Сулкамахи и Дареджаны.

Крестилъ его І. Христось. Одинъ зубъ у него золотой.

Братья: Бадри и Усинъ.

Борода его съ трехглавыи дэви, медвѣдшого пожрать трупъ Цуньцуни въ башнѣ, внука Усина.

Три черы, превратившіеся въ драконовъ.

Поглощеніе Амирана черныи дракономъ.

Освобожденіе А. изъ живота дракона съ помощью ножа.

Волосы Амيرانу возвращають Игри.

Исканіе красавицы царевны „Камари“.

Осада Амирана отномъ Кашири по знаку разбитой Амيرانомъ чашки.

Самоубійство А. по смерти братьевъ.

Возвращеніе изъ жизни указаніемъ крысы.

Встрѣча А. съ мертвыи великаномъ на арбѣ Амбріа.

Возрастаніе силъ Амирана по волѣ Господа.

Борьба съ І. Христомъ.

Амيرانъ заключенъ среди горъ Минивари и Черчетъ. Воронъ доставляетъ ему порцію хлѣба и чашку вина.

Песъ, рожденный отъ ворона, виѣстѣ съ А. прикованъ.

Сванетская версія.

А. Сынъ охотника и „Дали“, жившей въ нещерѣ,

Крестилъ его ангелъ; І. Христось.

Преждевременное рожденіе А.

Усыновляетъ Янашъ, дѣти послѣдняго Бадри и Усунъ.

Борьба съ дэви изъ-за глаза Янаша.

Убійство встрѣчнаго дэви и его сестры. Первое нарушеніе слова.

Поглощеніе Амирана похитителемъ глаза Янаша.

Выходъ А. изъ живота чрезъ боковыя кости.

Исканіе Бету, дочери кесаря Беклуца.

Второе нарушеніе слова при убіеніи женщины, поставившей свою косу ему мостомъ.

Встрѣча живого великана Андриоба на арбѣ и третье нарушеніе слова.

Борьба съ кесаремъ Беклуцомъ.

Оживленіе платкомъ Бадри и Усуни.

Наказаніе Амирана прикрѣпленіемъ къ колу съ собакой.

Птичка — виновница его періодическаго закрѣпленія.

Бурша — щенокъ орла.

Умиреть кузнецовъ въ страстной
четвергъ цѣнь Амираша крѣпнеть.

Осажденный драконъ, пытавшійся
испортить Амираша.

Амираша получить свободу въ суд-
ный день.

К ар т а л и н с к а я в е р с і я .

Амираша, сынъ Усуни и красавицы въ пещерѣ.

Крестилъ Богъ. Стекланный зубъ.

Сулаланахъ и Бадрп-деди.

Борьба А. съ дѣвами, илѣившими его дядей.

Борьба съ Бабакошъ, желавшаго пожрать покойнаго (въ башнѣ) племян-
ника Усуни.

Встрѣча съ матерью Бабакъ-дѣви.

Одинъ изъ трехъ зѣбевъ поглощаетъ Амираша.

Освобожденіе его изъ живота съ помощію ножа.

Умывшись въ рѣчкѣ, волосы ему возвращается.

Неваніе красавицы.

Осада Амираша родителями красавицы по знаку разбитой ею тарелки.

Появленіе птицъ и муравьевъ убѣждаетъ Амираша въ смерти дядей.

Украдкой убить и Амираша.

Оживленіе убитыхъ по указанію крысы.

Встрѣча съ мертвыми великанами.

Возрастаніе силъ.

Посѣнокъ съ Богомъ.

Привязанъ къ столбу надъ которымъ воздвиглась гора.

Съ нимъ собачка, лижущая цѣнь.

Ударъ кузнецовъ.

Въ семь лѣтъ разъ открывается пещера А.

Попытки его освободиться.

По схемѣ сравненія версій народныхъ сказаній объ Амирашѣ можно видѣть, что основные мотивы сказанія являются общими во всѣхъ трехъ версіяхъ¹⁾, причемъ карталинская и пшавская ближе между собою, чѣмъ къ третьей—сванетской. Слѣдуетъ отмѣтить, что борьба съ Богомъ (І. Христомъ) отсутствуетъ въ сванетской версії, а илѣется въ двухъ остальныхъ, отражая на себѣ вліяніе библейскаго сказанія о борьбѣ Іакова съ Господомъ (Амираша въ живописи см. *Баградзе—Сванетія*²⁾.)

Въ „Амираша-Дареджаніани“ сохранился еще эпизодъ, сближающій его съ сказаніемъ объ одноглазомъ циклопѣ—Полифемѣ.

¹⁾ Ср. Осетинское, абхазское и армянское сказаніе. См. литературу во-
проса и изложеніе сказаній объ Амирашѣ у меня въ I ч. Очерковъ, стр. 41,
примѣч.

Мы,—рассказывает одинъ изъ соучастниковъ похода Амيرانа Дареджанидзе,—встрѣтили большія скалы и пещеры. Изъ скалы вышелъ Дидо и сказалъ: „Привѣтъ твоему прибытію, Амиранъ“ А Амиранъ—ему: „Скажи, братъ, кто ты?“ Дидо отвѣтилъ: „я былъ царь дидойцевъ, но девы изгнали меня, войско мое перебили, и я остался одинъ“. Ему замѣтили: „Когда ты оказался такимъ жалкимъ, что осрамилъ царство, лучше было бы, если бы и ты погибъ!“ Дидо доложилъ (Амирану): „Отнынѣ, куда ни пойдешь, сумѣю сослужить тебѣ службу. Если ты хорошій витязь, дай слово, что по службѣ моей вернешь мнѣ мое отечество“. Амиранъ изволилъ сказать; „Клянусь именемъ Всевышняго Бога, дамъ тебѣ!“ За царемъ дидойцевъ послѣдовали и мы. Мѣстность была скалистая, ущелье глубокое. На скалѣ вздымалась еще другая крутая скала, въ которой было множество змѣй и людей. Амиранъ всѣхъ ихъ перебилъ. Отсюда мы шли еще 3 дня и встрѣтили плачущую женщину. На вопросъ: „О чемъ ты плачешь?“ Она отвѣтила: „Вы нашей вѣры; припомнила я, какъ девы похитили Бадри и меня взяли въ плѣнъ. Съ того времени я нахожусь здѣсь, съ этими дьяволами. А теперь прикажите, и я подамъ вамъ обѣдъ“. Мы согласились. Она повела насъ къ скалѣ, въ которую завела Амيرانа, а входъ въ скалу заложила громаднымъ камнемъ. Мы остались снаружи. Женщина эта, оказывается, тоже была дева. Въ скалѣ былъ одноглазый человѣкъ, который имѣлъ также одноглазаго сына. Послѣдній сказалъ отцу своему: „Отецъ, я знаю, что ты убьешь Амيرانа, позволь мнѣ, я убью его“. Амиранъ схватилъ за ногу этого маленькаго деви и со всего размаху швырнулъ его въ лицо отца-деви и убилъ. Потомъ бросился на Амيرانа отецъ-деви, но Амиранъ преодолѣлъ его, извлекъ ножъ и вонзилъ ему прямо въ глазъ. Дева крикнула: „Не убивай, „чашъ исто!“ Амиранъ тутъ же уложилъ и злоумышленницу-женщину—деви, и, отворивъ двери, впустилъ насъ въ скалу¹⁾.

Слѣдовъ христіанства въ повѣсти не замѣчаемъ. Приписка „аминъ“ принадлежитъ, конечно, позднѣйшимъ переписчикамъ.

Ак. Броссе замѣчаетъ относительно языка повѣсти, что онъ отличается чистотой и присутствіемъ формъ древнихъ на ряду съ новыми, вотъ почему ученый грузинологъ считаетъ произведеніе Ховели памятникомъ того стиля, который характеризуетъ переходъ языка литературнаго въ разговорный. Глава XIII и XIV онъ приписываетъ

¹⁾ Ср. Гренъ. „Этногр. Обзоръ.“ IX, 208. Духъ горъ каджи обезглавилъ Амيرانа, а девы падаютъ подъ ударами смертныхъ.

другому автору, который тщетно подражает Хонели, въ живость изложенія. Предъ началомъ этихъ главъ дѣлается заявленіе, что авторъ хочетъ продолжать Саргисъ Тмагвели, написавшаго Диларіани (см. у меня выше).

По мнѣнію М. Джанашивили, въ этой повѣсти. Въ аллегорической формѣ изображена борьба христіанской Грузіи съ арабами, персами и турками. Герои М. Хонели борются съ девами, драконами, змѣями, львами, волками, великанами, съ бѣлокожими, чернокожими народами (стр. 4). Онъ приводитъ въ параллель мѣсто изъ „Житій“ груз. святыхъ, гдѣ сказано, что „подъ медвѣдемъ вообще разумѣется персидское владычество въ Вавилонѣ, подъ львомъ—господство сарацинъ (арабовъ) въ Багдадѣ вавилонскомъ, что волки суть еретики, козлята — служители дьявола, ягнята, телята и телецъ — истинное стадо Христово“.

Самъ Данте употребилъ также аллегорію, чтобъ дать въ своей позіи вѣрный очеркъ всего достойнаго изученія, всѣхъ мнѣній, всѣхъ вѣроисповѣданій и цѣлой исторіи своего времени (стр. 50).. Въ его распоряженіи была только одна поэтическая форма—аллегорія, которую поэты того времени употребляли всякій разъ, какъ только выходили изъ сферы поэзіи миннизенгеровъ.

Литературу объ Амيرانъ Дареджаніани см. у меня въ I в. „Очерковъ“. Сѣдъ нужно прибавить книжку М. Джанашивили — „Мосе Хонели и его Амيرانъ Дареджаніани“ (Т. 1895), съ рецензіей Н. Я. Марра въ Ж. М. Н. П. 1835, октябрь, II, стр. 324—8. „Амيرانъ“ въ *Сборникъ Кавказ. попочителя*; в. XXI, съ любопытной подробностью: Когда А. бывалъ на небѣ, то І. Христосъ воспретилъ уносить оттуда огонь, а онъ ослушался и навлекъ гнѣвъ. *Brosset. Mélanges Asiatiques*, t. VIII, стр. 428. Мое письмо въ *Иверіи*. 1892, № 17.

Висраміани.

Висраміани относится въ циклу классическихъ литературныхъ произведеній золотого вѣка царицы Тамары. До изданія этого памятника въ полномъ видѣ ¹⁾, онъ былъ извѣстенъ только по нѣкоторымъ отрывкамъ, помѣщеннымъ въ хрестоматіи Чубинова. Повѣсть эта приписывалась Саргису Тмагвели, написавшему ее до „Барсовой кожи“, ибо Руставели нѣсколько разъ, напр., въ страфѣ 182—упоминаетъ о главныхъ герояхъ этого разсказа, о любовникахъ Висѣ и Раминѣ.

¹⁾ *Висраміани*, изд. подъ ред. кн. Чавчавадзе, А. Сараджева и П. Униши. Тифлисъ, 1884.

Издатели „Висраміани“ говорятъ въ предисловіи, что не рѣшаются утверждать—оригинальное ли это грузинское произведеніе, или же переводъ съ персидскаго, и приводятъ по этому поводу три различныхъ мнѣнія относительно составленія „Висраміани“.

Согласно первому мнѣнію, „Висраміани“ есть чисто грузинское произведеніе. Это доказывается во-первыхъ, схожествомъ (?) нравовъ, описываемыхъ въ поэмѣ съ грузинскими обычаями, а затѣмъ изяществомъ и высокою обработанностью слога, такъ что трудно допустить мысль, чтобы это былъ только простой переводъ.

По второму мнѣнію, Саргисъ Тмогвели, хотя, быть можетъ, и имѣлъ передъ собой какой нибудь персидскій подлинникъ, но перedalъ въ вольномъ переводѣ только содержаніе поэмы, не придерживаясь рабски самого текста.

Наконецъ, третье мнѣніе таково, что на основаніи текста самой повѣсти (сравни, напр., стр. 3), можно утверждать, что существовало древнее пеглевійское прозаическое изложеніе разсказа о Висѣ и Рамивѣ, что она переведена съ пеглевійскаго на персидскій языкъ нѣкимъ Пахпуромъ, а затѣмъ уже съ персидскаго на грузинскій Саргисомъ Тмогвели. При этомъ издатели передаютъ, что въ настоящее время существуетъ подобно „Калилѣ и Дамвѣ“, персидская поэма о Висѣ и Рамивѣ, написанная въ XI столѣтіи, въ перемежку то прозою, то стихами, и что она даже переведена на нѣмецкій языкъ.—Но, они не могли проверить эти три мнѣнія, ибо не достали ни персидскаго, ни нѣмецкаго текста.

Замѣтимъ здѣсь двѣ невѣрности въ приведенныхъ словахъ. Во-первыхъ, хотя, дѣйствительно, существуетъ персидскій подлинникъ „Висраміани“, но онъ написанъ сплошь стихами, а не въ перемежку то прозою, то стихами, и, во-вторыхъ не существуетъ нѣмецкаго полнаго перевода всей „Висраміани“, а только довольно подробное изложеніе ея содержанія съ стихотворными отрывками въ *Zeitung der Morgenländischen Gesellschaft* за 1869 годъ, томъ XXIII, стр. 395—433.

Изъ означенной статьи вѣнскаго журнала, между прочимъ, явствуетъ, что персидскій подлинникъ грузинской „Висраміани“, еще въ 1864—65 годахъ былъ изданъ въ Калькутѣ капитаномъ Нассау Лисомъ (Nassau Laes) и отпечатанъ въ „Индійской Библіотекѣ“ Азіатическаго Общества. Эта поэма, состоящая изъ 8000 двустишіи, есть сочиненіе персидскаго поэта Гургани [Горгани], жившаго въ половинѣ XI столѣтія, при дворѣ Сельджукскаго эмира Тогрульбека. Гургани имѣлъ при этомъ подъ рукою старинный пеглевійскій прозаическій разсказъ, вѣроятно, еще временъ сассанидовъ,

т. е. до появления магометанства, ибо въ концѣ поэмы упоминается о храмахъ, гдѣ горитъ вѣчный огонь ¹⁾).

Этотъ пеглевійскій рассказъ Гургани передѣлалъ, разукрасилъ и переложилъ въ стихахъ на персидскій языкъ.

Издатели „Висраміани“ восхищаются въ предисловіи не только художественностью грузинской рѣчи, но также и картинностью изображеній человѣческихъ страстей, въ особенности же любовныхъ страданий. Они готовы признать Вису и Рамина примѣрными, идеальными любовниками, таковыми, напр., какъ Юсуфъ и Зулейха у аравитянъ, или Данте и Беатриче, Абеларъ и Элоиза. „Славенъ тотъ народъ, говорятъ они, который впервые создалъ „Висраміани“. Велико дарованіе поэта, мощна сила его воображенія, столь вѣрно живописующая различныя движенія человѣческаго сердца. Поэтому мы должны смотрѣть на этотъ прозаическій рассказъ Тмогвели, какъ на драгоценный перлъ нашей письменности“.

Къ прискорбію, никакъ нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ о внутреннихъ достоинствахъ этой поэмы. Чѣмъ ближе всматриваемся въ нее, тѣмъ болѣе поражаетъ насъ дикая грубость нравовъ. Боварство, лицемеріе, ложь, невѣрность въ любви, какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ типахъ, попадаются на каждомъ шагѣ, а главное, всѣ эти черты не возбуждаютъ въ рассказчикѣ ни малѣйшаго отвращенія, а описываются, какъ совершенно естественныя проявленія. Женщина, напр., несравненная Виса, то превозносится какъ божество, то подвергается жестокиимъ побоямъ. Однимъ словомъ, ни одинъ изъ типовъ, рисуемыхъ въ „Висраміани“, не возбуждаетъ въ насъ къ себѣ участія.

Престарѣлый шахинъ-шахъ, т.-е. царь царей, Моабатъ, является вѣчно влюбленнымъ въ молодую Вису и вѣчно ею обманываемымъ. Сколько разъ онъ неудачалъ ее въ невѣрности, все-таки

¹⁾ Nassau Lees въ 1864—5 г. въ Калькуттѣ издалъ поэму Wis и Râmin, принадлежащую персидскому поэту XI в. Гургани. (Wis и Râmin, an ancient persian poem by Fahrâldin Asad Al Astarabadi Al Fakhri Al Gurgani, edited by Cartain W. Nassau Lees). Въ основаніи изданія лежитъ *фактическая* съ пропусками и неясными мѣстами рукопись этой поэмы. Мanuscriptъ этотъ остается и нынѣ единственнымъ, такъ какъ Берлинскій (Sprerger'schen Bibliothek) оказался копіей съ него 1792 г., а Оксфордскій изъятъ червями и еще менѣе удовлетворителенъ. По Hâgi Khalfa Гургани занималъ придворную должность при Тогрульбергѣ, шахѣ сельджуковъ. (Zeitsch. DMG. VIII, 608). Сочиненіе его книги, относится ко времени послѣ 1042 г., вѣдъ Тогруль разорвалъ Испанію и до взятія Багдада въ 1055 г.

никакъ не можетъ отъ красавицы оторваться. Прекрасная Виса является личностью, которая, дѣйствительно, сначала заслуживаетъ полное участіе къ себѣ; но вскорѣ она, слѣдуя наставленіямъ своей кормилицы, дѣлаетъ столь быстрые успѣхи въ искусствѣ обманывать своего мужа, что оставляетъ далеко за собою самыхъ отчаянныхъ героинь Боккачіо. Наконецъ, и молодой Раминъ [сокращ. Рамъ, откуда груз. названіе Висраміани], представляетъ собою заурядный типъ молодого восточнаго принца. Онъ не знаетъ, что такое постоянное, неизмѣнное чувство къ одной женщинѣ. Сегодня онъ вляется небомъ и землею въ вѣчной любви, завтра онъ разрываетъ свою связь съ прежней возлюбленной и пылаетъ новою, столь же непродолжительною страстью къ другому предмету. Онъ не знаетъ, что значить рыцарская вѣрность, своему феодальному повелителю; онъ самъ говоритъ (стр. 175—6), „что пролить кровь старшаго брата своего и государя для него столь же легко, какъ пролить кровь кошки“, и кончаетъ тѣмъ, что поднимаетъ знамя возстанія, похищаетъ сокровища и жену Моабада, и только преждевременная смерть послѣдняго положила конецъ братоубійственной борьбѣ между ними.

Прослѣдимъ вкратцѣ содержаніе „Висраміани“. Грузинскій текстъ открывается тѣмъ, что жилъ когда-то именитый и могущественный султанъ персидскій Туглурбегъ. Не доставало полнотѣ его славы гор. Аспани (Испагани?) По совѣту вельможъ, султанъ рѣшается покорить себѣ весь мусульманскій міръ и отправляетъ войска противъ непокоренныхъ странъ: Кирмана, Мусли (Могунъ?), Гаваза, Арменія, Греціи, и вскорѣ они возвращаются побѣдителями. У султана былъ визирь щедрый и мудрый Амидудинъ Абульфахъ, персидскаго текста, и Ибдалъ Меликъ визирь—груз. перев., который былъ оставленъ въ Испани Тогрульбекомъ, по взятіи этого города послѣднимъ. Авторъ Асадъ съ нимъ сблизился, и разъ спросилъ его Абульфахъ (Ибдалъ), что онъ знаетъ объ исторіи Висы и Рамина. Гургани Асадъ (по груз. Пах'пуръ и Джорджани) отвѣтилъ, что рассказъ о Висѣ и Раминѣ чудная повѣсть, но она существуетъ на пеглевійскомъ языкѣ, на которомъ никто ужъ не можетъ читать. Если бы кто-нибудь принялъ на себя трудъ передать эту повѣсть „сокровищницу драгоценностей“, то тотъ приобрѣлъ бы заслуженную славу. Услышавъ это, Абульфахъ поручилъ ему „украсить эту исторію (речами и разбѣромъ), какъ апрѣль одѣваетъ садъ цвѣтами“. Изъ словъ Асада, можно заключить, что до него дошелъ прозаическій рассказъ, [„я нашелъ записаннымъ изъ устной передачи, что вѣкогда жилъ царь“], а форма вышнѣй видъ рассказа, намъ извѣстнаго, принадлежитъ всецѣло ему. По гру-

зинскому тексту, самъ Пахпуръ заявляетъ, что онъ передаетъ пехле-вѣйскій разсказъ въ *размѣренной рѣчи*, если Ибдалъ ему прикажетъ. Грузинскій, сохранившійся лишь въ прозѣ, переводъ восходитъ къ названному Пахпуромъ прозаическому разсказу о Висѣ и Рамипѣ, значительно отличающагося отъ стихотворнаго повѣствованія, изданнаго въ Калькуттѣ.

За этимъ введеніемъ пачивается повѣсть: Былъ возвеличенный царь Адрабагана, владѣтель Хорасана, Туркестана, Эрака, Констана, Хваразма, по имени Моабадъ, у котораго былъ визиремъ свой братъ, Зарди. Въ день байрама Повруза, онъ въ гор. Маравѣ (Мервѣ) устроилъ торжественный пиръ, на который явились всѣ подчиненные ему правители и вельможи. Моабадъ, „любитель женщинъ“, былъ пораженъ красотой присутствовавшей на пирѣ красавицы Шахро, жены Карана, и просилъ руки ея дочери, если бы она у нихъ родилась. Шахро поклялась. Дѣйствительно, у нихъ родилась дочь, которой дали имя *Виса*. „Несчастіе Моабада началось съ того, что онъ еще не рожденную сосваталъ“.

У Моабада былъ другой братъ, красавецъ Раминъ, который воспитывался въ Хузистанѣ, куда отправлена была на воспитаніе и Виса. Когда послѣдняя подросла, то у нея появились такія требованія въ роскоши, какимъ не могла удовлетворить воспитывающая ее няня, поэтому Шахро, извѣщенная объ этомъ, взяла дочь свою къ себѣ. Едва только Виса достигла совершеннолѣтія, какъ мать ея Шахро, не находя никого достойнымъ ея неописанной красоты, поспѣшила считать ее бракомъ, по древне-иранскому обычаю, съ братомъ ея Виросомъ [Виромъ]. Астрологи предсказали молодой четѣ счастье и благополучіе. Но неожиданно заслонившее дневной свѣтъ облако служило дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, шахъ Моабадъ потребовалъ въ день свадьбы чрезъ гонца, брата Зарди, чтобы ея отдали ему, согласно прежнему уговору, обѣщая Виро найти жену изъ царскаго дома; передъ Зарди Шахро упала въ обморокъ, вспомнивъ, что нарушила клятву. Виса же смѣло стала порицать Моабада, „гнилого старика“, оспаривающаго жену у молодого красавца, и наотрѣзъ отказалась смѣнить Виро на шаха. Послѣдній тогда въ гнѣвѣ выступилъ войною противъ Виро. Отецъ-Каранъ падаетъ въ битвѣ, а Вису въ отчаяніи, при отсутствіи Виро, похищаетъ силою шахъ, склонивъ къ согласію Шахро щедрыми подарками. Младшему брату ослѣпленнаго любовью Моабада, Рамину, уговаривающему предъ тѣмъ шаха отказаться отъ узъ, угрожающихъ бѣдою, поручено было сопровождать караванъ, въ которомъ везли Вису въ Мервъ, столицу Моабада. Дорогою порывъ вѣтра срываетъ завѣсу, скрывающую Вису отъ взоровъ Рамина. Увидѣвъ ее, онъ мгновенно воспылалъ къ ней самой безумной любовью. Въ Мервѣ шахъ празднуетъ пышную свадьбу.

Можно жить, Виса предается отчаянію; она все плачетъ и горюетъ, Моабада знать не хочетъ, отворачивается отъ него и не показываетъ ему своего лица. Она говоритъ своей кормилицѣ, подоспѣвшей къ ней въ Мервѣ для утѣшенія: „я убью себя, если ты мнѣ не поможешь и не избавишь, и при томъ это должно быть сдѣлано скоро“ (стр. 64). „Я не могу видѣть Моабада; всякій разъ какъ онъ приближается ко мнѣ, меня обдаетъ словно жгучимъ огнемъ, словно приближается смерть. Хочу цѣлый годъ провести въ гореваніи и цѣлый годъ не принадлежать ему, но боюсь, что это мнѣ не удастся. По этому помоги ты мнѣ и разставь ему на дорогѣ ловушку, свяжи на это время его силу, не то я скорѣе сама себя изведу, чѣмъ отдаться ему“. Напрасно ее уговаривала кормилица. Она должна была повиноваться и сдѣлала два талисмана: одинъ представляющій Моабада, другой—Вису. Надъ ними совершила она заклинанія и связала ихъ желѣзнымъ прутомъ. Пока эта желѣзная связь существуетъ, мужчина связанъ относительно женщины. Утромъ она отнесла этотъ талисманъ и закопала у берега рѣки; она намѣревалась чрезъ мѣсяць взять талисманъ и бросить его въ огонь, чтобы освободить шаха; между тѣмъ наступили ливни, которые размыли это мѣсто и унесли съ собою талисманъ. Такимъ образомъ, прекрасная Виса, хотя уже была за двумя мужьями, но оставалась безъ мужа. Моабадъ стоналъ отъ любви, но не находилъ средства удовлетворить ея. Онъ предавался грусти и старался ее разсѣять пиршествами или охотой. Раминъ съ своей стороны также не находилъ утѣшенія въ загорѣвшемся пылкомъ чувствѣ къ Висѣ. Онъ изливалъ свою скорбь въ саду шахинъ-шаха предъ деревьями и соловьями, прося ихъ передать Висѣ объ его любви. Слезы лились изъ его глазъ горячими слезами, тоска его не покидала. Онъ обратился въ такомъ безысходномъ состояніи къ помощи кормилицы и, наконецъ, успѣлъ ее склонить на свою сторону. Раминъ поразилъ ее своей красотой и глубокимъ страданіемъ. Кормилица уговариваетъ въ его пользу Вису, расхваливая его мужество, станъ, общественное положеніе, но встрѣчаетъ сильнѣйшій отпоръ съ стороны красавицы. Виса еще го смѣ видѣть образъ Виро, она мечтаетъ объ немъ. Кормилица же продолжаетъ ее хитро и лукаво склонять къ Рамину. Виса зарыдала на слова кормилицы, замѣтивъ, что Виро, вѣроятно, ея уже не возлюбилъ, и сказала (стр. 86): „лучшее достояніе человѣка есть стыдъ: тебѣ бы слѣбовало стыдиться меня и Виро и не упоминать предо мною о Раминѣ. Я не ожидала отъ тебя подобнаго поступка. даже если бы зорова выросли у меня на ногтяхъ. Ты моя мать, а я твои зорова; ты старѣйшая, а я младшая,

но ты не учи меня безстыдству. Безстыдство приноситъ женщинамъ позоръ. Сердце мое вовсе не радуется и не спокойно, такъ какъ ты стараешься меня обманывать. Здѣсь поразилъ бы меня вѣчный позоръ, а тамъ я лишилась бы прощенія и рая. Если бы даже Раминъ былъ строепъ, какъ кедръ, и болѣе храбръ, чѣмъ Рустемъ, то меня къ нему не тянуло бы изъ-за его красоты. Онъ мнѣ не братъ, хотя быть можетъ и похожъ на Виро и меня не влечетъ къ нему ни золото, ни твои наговоры“.

Кормилица извиняется и говоритъ Висѣ, что придетъ время, когда она почувствуетъ, что такое любовь, и тогда она заговоритъ иначе. А Раминъ опять пристаетъ къ кормилицѣ и умоляетъ ее заступиться за него предъ Висою, но послѣдняя еще рѣзче отталкиваетъ наговоры кормилицы (стр. 95).

„Прочь отъ меня, ты гнусная, Богомъ проклятая! Да разорится Хузстанъ, откуда ты родомъ! Тотъ невѣрникъ въ Бога, кто собственную свою дочь, отдаетъ на воспитаніе такой кормилицѣ, которая будетъ ее кормить злою и оскверненною грудью. Господь да воздастъ моей матери, которая мою чистую натуру передала твоему кормленію и колдовству, вручивъ въ твои безстыжія руки! Ты, не имѣющая ни званія, ни стыда,—ты мой врагъ, а не моя кормилица“!

Кормилица, выражая какъ будто сочувствіе ея несчастію и проклиная шаха, однако не отступаетъ и послѣ неваго свиданія съ Раминемъ (стр. 89 и 97) старается вызвать сожалѣніе къ „тающему явощѣ“. Вису останавливаетъ сознаніе долга и требованіе религіи. Она твердо уклоняется отъ соблазна. Но опасность неизбежна.

„Моя безцѣнная и прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ! говоритъ кормилица.—Всегда говори правду, всегда поступай по справедливости и всегда соблюдай осторожность и честность. Какая мнѣ нужда обманывать твою чистую душу? Раминъ мнѣ ни сынъ, ни родственникъ, ни свать, ни господинъ и не сдѣлалъ ничего такого, чтобы я была его другомъ, а тебѣ врагомъ. Хочу только сказать тебѣ то, что для тебя, быть можетъ, не совсѣмъ ясно: вѣдь мы Адамова рода не ангелы, не дэвы и не духи. Ты лишилась только мужа, какъ Виро, затѣмъ соединилась бракомъ съ Моабадомъ; но до сихъ поръ ты собою никого не осчастливила и никто тобою не обладалъ. О, если бы ты могла дѣлать выборъ изъ мужчинъ, ты не нашла бы никого вѣжнѣе Рамина! но что за польза, что ты прекрасна, какъ солнце; вѣдь тебѣ красота не доставляетъ наслажденія? Ты еще не знаешь, что ухаживаніе безъ любви не доставляетъ удовольствія. Вѣдь Божья птица—курица создана для пѣтуха...“

„Взгляни на женъ царей и вельможъ, всѣ они живутъ въ до-вольствіи, у всѣхъ тайно есть любовники, всѣ явно и тайно наслаждаются, а ты вѣчно плачешь и жалуешься на судьбу. Скоро придетъ и старость и ты останешься лишенною и наслажденія и младости. Вѣдь ты не камень и не желѣзо!“

Слова коварной старухи зачетлѣвались все глубже и глубже въ сердцѣ молодой жѣнщины. Мало-по-малу исчезло ея сопротивленіе, заря любви занялась въ ея душѣ. Раминъ встрѣчается третій разъ съ кормилицей и умоляетъ ея спасти его отъ пожирающей страсти. Всю надежду онъ возлагаетъ на нее, обѣщая добромъ отглатить за услуги. Онъ такъ обезумѣлъ отъ любви, что готовъ поднять на себя руку. Кормилицѣ, дѣйствительно, удается, хотя съ большимъ трудомъ уговорить Вису отправиться въ садовую бесѣдку, гдѣ она чрезъ переплетъ рѣшетки могла бы увидѣть Рамина. Здѣсь любовь вспыхнула въ ея сердцѣ, но она, не открываясь кормилицѣ, сказала ей только: „Правда, Раминъ таковъ, какъ ты мнѣ описывала его, и похожъ на Виро, но я не могу исполнить его желанія, ибо я не страдаю, подобно ему, любовью,—мнѣ же не приличествуетъ позоръ и безчестіе, а ему мученіе и страданіе. Итакъ, дай Богъ, чтобы ему хорошо жилось, и чтобы онъ поскорѣ забылъ меня и мое имя! Но искра любви запала ей въ душу, она завидовала ужъ той, чьимъ мужемъ могъ быть Раминъ; сердце ея волновалось—„дьяволъ поборолъ ее“. Кормилица на свиданіи съ Виро объявила ему, что наступилъ конецъ его страданьямъ. Раминъ благодаритъ деньгами и драгоценными камнями хитрую старуху и проситъ Бога вознаградить ее райскимъ блаженствомъ. Ей удается склонить Вису на свиданіе съ Раминомъ, въ отсутствіи Моабада. Тутъ они обмѣнялись клятвами въ вѣчной любви. Весьма замѣчательна при этомъ клятва Рамина: она напоминаетъ собою многія клятвы, помѣщенные Гриммомъ всего *Deutsche Rechtsalterthümer*, а также клятву упоминаемую лѣтописцемъ Несторомъ въ договорѣ, заключенномъ между Владиміромъ и Волжскими болгарами. Вотъ дословно эта клятва, причемъ въ скобкахъ поставлены слова, пропущенныя въ грузинскомъ переводѣ противъ персидскаго подлинника:

„Клянусь именовемъ Бога всемогущаго, управляющаго вселенной сіяніемъ мѣсяца и свѣтомъ солнца (звѣздою счастья Юпитеромъ. | звѣздою наслажденія Намдомъ (Венерою?); клянусь хлѣбомъ и солью) | и божественною правдою (и душою говорящею, и свѣтомъ огня)— | доколѣ вѣтры дуютъ по горамъ, доколѣ воды обрѣтаются въ моряхъ | и рыбы въ рѣкахъ, доколѣ темная ночь приноситъ съ собою мраки

а звѣзды сіяють на небѣ и любовь не исчезаетъ изъ сердце чело-вѣческихъ—до тѣхъ поръ Раминъ не приступитъ клятвы вѣрности, будетъ глядѣть единственно на лицо Висы и единственно ея любовь будетъ его счастьемъ“!

Точно также клялась и Виса. Два мѣсяца къ ряду Виса и Раминъ наслаждались взаимною любовью, никѣмъ нетрвоженные, пока Моабадъ, гостившій въ это время у Шахро, матери Виро и Висы, не потребовалъ къ себѣ Рамина, приказавъ ему привезти и Вису. Радостно отправились они вмѣстѣ, но въ присутствіи шаха могли только украдкой видѣться. Черезъ мѣсяцъ Раминъ рѣшилъ отправиться поохотиться въ Мугань, близъ Каспійскаго моря. Въ эту ночь (стр. 119) шахъ Моабадъ лежалъ возлѣ своей Висы и не могъ заснуть отъ сильной любви къ ней; его мучила мысль, что она, прекрасная какъ солнце, раздѣляетъ его ложе и не принадлежитъ ему въ силу талисмана. Кормилица, думая, что она спитъ, приблизилась къ Висѣ и начала ей шептать; „Развѣ теперь время спать, когда твой милый Раминъ готовъ удалиться? Завтра онъ отправляется въ Сомхетію на охоту. Уже войско его собирается при звукахъ трубъ и барабановъ, и шатеръ его стоитъ за городомъ и завтра рано онъ выступаетъ. Если хочешь еще видѣть его свѣтлое лицо, то встань и отправляйся на башню“. Къ несчастію, Моабадъ не спалъ и слышалъ весь этотъ разговоръ кормилицы. Онъ вскочилъ разъяренный, осыпалъ кормилицу упреками и ругательствами, затѣмъ напустился и на Вису, сталъ ей выговаривать за безстыдство и вѣроломство и, наконецъ, велѣлъ призвать Виро, которому и поручилъ сдѣлать сестрѣ строгое внушеніе, но Виса безстрашно поднялась и вскричала: „Великій государь! я не страшусь твоего гнѣва и твоихъ укоризнъ, все что ты сказалъ—правда и истина; ты можешь меня убить или прогнать, или выжечь глаза, или наказать вѣчнымъ заточеніемъ, или продать меня на площади, какъ рыбу, безъ одежды, — все это ты можешь сдѣлать,—не отрицаю, но Раминъ мнѣ дороже неба и земли, онъ душа моего тѣла, онъ свѣтъ моихъ очей, радость моего сердца, мой возлюбленный и господинъ!“ На строгія же слова брата Виро, она отвѣтила: „Оставь меня; что дѣлать! что сдѣлано,—то сдѣлано; еслибы мнѣ дали выбирать между раемъ и Раминомъ, увѣраю тебя, я выбрала бы Рамина“. Услыхавъ это, Виро огорченный измѣною сестры себѣ и Моабадѣ, не сталъ далѣе увѣщевать Вису и предоставилъ все дѣло рѣшенію Бога. Виса, чувствуя свою вину, предалась горю.

Спустя нѣкоторое время (стр. 128) Моабадъ, возвратившись въ Мервъ, сидѣлъ вмѣстѣ съ Висою на высокой башнѣ дворца и любо-

цнѣй прибылъ въ Масъ-Абадъ, Шахро, мать Висы и братъ ея, опять успѣли примирить шаха съ Висою и тутъ же вторично повали ихъ свадьбу съ великимъ торжествомъ. По возвращеніи ервъ, Моабадъ сказалъ однажды Висѣ: „Неправда-ли, ты такъ оставалась въ Масѣ, потому что тамъ былъ и Раминъ,—не то трехъ дней тамъ не вытерпѣла бы?“ Виса, сдѣлавшись съ лѣуже болѣе опытною въ жизни, отвѣтила: „Можешь ли ты, такъ думать обо мнѣ? Ты обвиняешь, то Виро, то Рамина въ иваніи за мной. Виро и Раминъ оба молоды, молодость прилетъ молодость; естественно, что пирушки, вино и охота забавныхъ въ Махѣ и задерживали Рамина“.—„Хорошо“,—отвѣтилъ,—„но можешь-ли дать мнѣ торжественную клятву, что ты не дѣла съ Раминомъ?“—„Чего мнѣ бояться клятвы? кто невиненъ, легко доказать свою невинность клятвою“.—„Хорошо“, сказалъ,—„въ такомъ случаѣ я прикажу завтра же зажечь костеръ изъ воннаго дерева, и ты предъ всеми сановниками государства принесешь очистительную клятву предъ костромъ и затѣмъ никогда въ жизни я не стану тебѣ дѣлать упрековъ“. Словомъ, Моа-требуеть, чтобы Виса очистилась судомъ Божиимъ, т. е. огнемъ подозрѣнія въ связи съ Раминомъ. Точно также въ Рамаани жена Рамы, доказываетъ свою невинность, а въ Шахъ-Намэ Фир—Сей-вушъ, сынъ царя Кей-Кавуса. Виса сначала согласилась ргнуться испытанію, но, увидавъ на другой день съ террасы а высоко поднимавшееся пламя костра, испугалась и тутъ же рила Рамина немедленно скрыться и бѣжать. Такъ они и сдѣ-Захвативъ съ собою кормилицу изъ бани, они отправались въ Ре, къ доброму человѣку Берозу, сыну Шехро. Онъ ихъ прию-и забавлялъ пышными обѣдами. Моабадъ, узнавъ о побѣгѣ ихъ, яся за ними въ погоню ¹⁾. Пять мѣсяцевъ подъ рядъ ѣздили гнцью

¹⁾ Graf. Wis und Râmin. S. 409.

Als Wis zu seh'n die Hoffnung er verlor,
 Kam dunkel selbst der Sonne Strahl ihm vor
 Da übergab er ganz dem Zerd des Reich,
 Der ihm Wesir und Bruder war zugleich.
 Er wähl't aus seinem Waffen sich ein Schwert,
 Bestieg ein Wetterwolken schnelles Pferd,
 Ritt Wis zu suchen in die Welt allein,
 Rief nur noch Wis in seines Hezens Pein;
 Im Wüst' und grünem Land ritt er herum,
 In Iran wie in in Turan, Hind wie Rûm,
 Von Wis sucht' eine Spur er zu gewahrén,

по всѣмъ окраинамъ своего обширнаго царства, Индію, Битай, Грецію, Туркію, Ранъ, Эракъ, Чинь-Мачинъ, [Китай, буквально зна-

Doch s'ah er nichts und konnte nichts erfahren.
 Bald Gemen gleich auf hoher Berge Zinnen,
 Bald Löwen gleich an kühler Bäche Rinnen,
 Bald gleich dem Diw in dürrer Wüste Sand,
 Bald Schlangen gleich am schiefbewochnen Strand,
 Bald ward durchbohrt er von der Hitze Pein,
 Bald drang in's Mark der Kälte Qual ihm ein,
 Bald nährte ihn der Mönche Fastenspeise,
 Bald blieb des Nachts er in der Hirten Kreise,
 So Zog durch Berg und Wald und Wüst und Meer
 Fünf Monde wie son Sinnen er umher;
 Er schlief nicht oder, wenn den Schlaf er fand,
 War Bett die Erde, Kissen ihm die Hand;
 So war fünf Monde lang in Berg und Flur
 Der Weg sein Freund, Gram sein Genosse pur.

Висраміани, стр. 154—5.

Когда онъ (Моабадъ), сталъ искать Вису, то (ея) не могъ найти. Судьба предъ нимъ омрачилась. Одинъ день и одну ночь ее искали. Печаль его объялъ огонь, и сердце его пылало въ камнѣ, нѣтъ возженномъ. Потерявъ надежду отыскать ее, смерть своя казалась (сдѣлалась) желательной. Потому онъ сдалъ и поручилъ тронъ Зардъ, такъ какъ онъ (последній) былъ и братъ и надежный [его] визирь. Моабадъ самъ отправился по міру искать Вису. Взявъ съ собою изъ имущества только одну саблю и одного коня, которые по своимъ свойствамъ ему нравились, онъ уѣхалъ. Въ одиночествѣ онъ скитался по свѣту. Отъ сердечной боли и тоски непрерывно вспоминалъ Вису. Обѣхалъ по лицу всей земли, пустыню и заселенныя (страны), море и сушу, Индію, Туркію, Грецію, Чинь-Мачинъ (Китай?), Ранъ и Эракъ, размысливалъ слѣды и вѣсти о Висѣ; ни самъ не могъ напасть на ея слѣдъ, ни отъ другихъ (не пришлось) слышать. То подобно дикому барану по горамъ и скаламъ онъ скитался, то подобно льву среди камышей и густомъ лѣсу бродилъ, то подобно дикой козѣ въ полѣ оставался, то подобно змѣи въ пещеры забирался,—не осталось мѣста, гдѣ бы онъ не искалъ. Пять мѣсяцевъ, какъ безумный и одурѣлый плылъ въ поискахъ за Висой. Иногда томился отъ жары, иногда безпомощнымъ былъ отъ холода, иногда принималъ пищу отъ путниковъ, иногда хлѣба откусить у пастуховъ,—что случайно доставалось, тѣмъ и жилъ. Да, не могъ спать царь извѣщенный (по привычкѣ), постелью служила земля, а подушкой рука.

Сравнивая между собою эти параллельные отрывки изъ персидской поэмы и грузинской повѣсти, мы находимъ при близости общаго сюжета, разницу въ географической помпелатурѣ, порядкѣ и помногѣ изложенія. Такія мѣста и еще болѣе варьирующіяся даютъ основаніе думать, что грузинскій переводъ не восходитъ къ той поэзіи, которая задана въ Калькуттѣ.

чить: „страну видимую и невидимую“], но безъ успѣха. Наконецъ, еле-живой, добрался онъ до Мерва, гдѣ впалъ въ самое мрачное отчаяніе. Напрасно мать, огорченная исчезновеніемъ одного сына и горемъ другого, старалась ободрить послѣдняго.—„Нѣтъ, матушка, говорилъ онъ,—эта женщина причиною всѣхъ моихъ страданій, безъ нея я не нахожу покоя. Признаюсь тебѣ, если бы Виса была здѣсь, я забылъ бы все прошлое, не сталъ бы дѣлать ей уже упрековъ и подчинился бы всѣмъ ея приказаніямъ, также и Рамину нечего меня бояться: онъ всегда будетъ мнѣ братомъ и опорой“. Обрадованная мать, предъ тѣмъ получившая письмо отъ Рамина ¹⁾, вскричала: „Поклянись мнѣ, что ничего худого не сдѣлаешь, ни Висѣ, ни Рамину, и я тебѣ открою, гдѣ они теперь“. Моабадъ съ радостью поклялся. Мать извѣстила Рамина, который возвратился въ Мервъ, равно какъ и Виса, и затѣмъ послѣдовало полное ихъ примиреніе съ Моабадомъ. Лукавая Виса старалась успокоить шаха льстивыми рѣчами: „Государь, говорила она,—союзу съ тобою мнѣ дороже жизни, думать о другой связи грѣшно. Преклоняю предъ тобою чело въ прахъ, ибо прахъ ногъ твоихъ лучше Рамина. Не думай, что фальшивый Раминъ когда-либо завлечетъ меня. Когда свѣтъ солнца меня освѣщаетъ, на что мнѣ искать мѣсяца? Твоя любовь, словно собственная моя душа, и волосъ отъ тебя мнѣ дороже свѣта обоихъ очей. Прошлое да будетъ прошлымъ, съ этихъ поръ я не дамъ тебѣ ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ“. Шахъ внималъ съ удивленіемъ сладкимъ рѣчамъ возлюбленной; надежда опять зацвѣла въ цвѣтникахъ его души, и онъ радостно погрузился въ сладкія грезы.

Затѣмъ слѣдуетъ картина, взятая изъ Декамерана и Боккаціо.

Шахъ спалъ (стр. 170), по Виса не могла заснуть и все думала то о Моабадѣ, то о Раминѣ.

Раминъ, не находя спокойствія на своемъ ложѣ, всталъ и началъ бродить по террасѣ дворца, не обращая вниманія на холодъ и шедшій дождь: въ его душѣ пылалъ огонь, котораго не въ состояніи были потушить всѣ ливни неба. Виса, услыжавъ его любовныя жалобы, выслала къ нему кормилицу, которая, возвратясь, еще болѣе разожгла страсть въ сердцѣ Висы.—„Что сдѣлать“, вскричала послѣдняя, чтобы мужъ мой, проснувшись, не замѣтилъ моего отсутствія? Ложись вмѣсто меня возлѣ него и обернись къ нему спиною, тогда онъ не узнаетъ подмѣны, ибо онъ пьянъ и не въ полномъ умѣ“.

¹⁾ Раминъ признавался, что онъ дороже цѣнитъ одинъ волосъ Висы, чѣмъ тысячу братьевъ.

Такъ и сдѣлала кормилица. Виса взяла ночникъ и отправилась на верхъ къ Рамину. Между тѣмъ шахъ проснулся и вмѣсто нѣжной „луны“ [an der stelle der Cypresse], оцупалъ возлѣ себя сухой тростникъ, ибо кормилица походила на Вису, какъ лукъ на стрѣлу. Онъ вскочилъ, схвативъ ее за руку и началъ громко кричать, требуя огня и спрашивая, кто это такое, котораго дѣвы положили возлѣ него. Кормилица все это время молчала, ни издавая ни одного звука. Никто изъ служителей не являлся, но Раминъ, услыхавъ гнѣвные восклицанія шаха, разбудилъ поспѣшно Вису, покоившуюся возлѣ него, и сказалъ: „Настало время положить конецъ всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ и освободить вселенную отъ этого человѣка; я убью этого недостойнаго; право, для меня пролить кровь этого моего брата, все равно, что убить кошку“. Виса успѣла, однако, уговорить Рамина, не обагрять рукъ своихъ кровью шаха, и, поспѣшивъ въ спальный покой, усѣлась потихоньку возлѣ шаха и закричала: „Ты мнѣ отдавишь руку, возьми хоть другую руку и пусти эту“. Шахъ, услыхавъ ея голосъ пустилъ руку кормилицы, которая, ловко вывернувшись, исчезла изъ покоя.— „Зачѣмъ ты все это время не отвѣчала мнѣ“, спросилъ шахъ Вису; но та начала кричать и жаловаться, что Моабадъ все преслѣдуетъ ее своею ревностью и незаслуженными подозрѣніями, такъ что, въ концѣ-концовъ, Моабадъ долженъ былъ извиниться и просить прощенія у Висы за произведенный имъ скандалъ.

Вскорѣ греческій императоръ послѣ этой сцены объявилъ Моабату войну и вторгся въ его предѣлы.

Моабадъ созвалъ всѣхъ своихъ вассаловъ въ Мервъ и собралъ огромныя полчища, но предъ выступленіемъ въ походъ онъ призвалъ младшаго брата своего Зерди и поручилъ ему увести Вису и кормилицу; онъ велѣлъ заключить ихъ на время его отсутствія въ укрѣпленный замокъ Ашка'пудеванъ¹⁾ и зорко слѣдить, чтобы никто не пробрался въ замокъ, Зерди²⁾ увѣрилъ шаха въ недоступности Висы, даже для чернаго дѣви и вѣтра. Моабадъ водворилъ Вису въ замокъ, Рамина же, отправляясь въ походъ, онъ взялъ съ собою. Раминъ съ грустью слѣдовалъ за Моабадомъ; ему такъ тяжело было разстаться съ Висой, что онъ, наконецъ, заболѣлъ и не могъ слѣдовать за войскомъ. Тогда окружающіе Моабада упросили его отпустить Рамина для поправленія здоровья въ Хорасанъ. Шахъ

¹⁾ Graf. 413. Schlosse Iskift—Dfwan.

²⁾ ib. Kann sie nicht mehr *Ahriman* (по груз. дѣви).

Ist Niemand mehr sie mir unterthan...

согласился. Раминъ, почувствовавъ себя на свободѣ, быстро выздоровѣлъ и поспѣшилъ добратся до мѣста заключенія Висы, предавшейся отчаянію. Знакомый съ расположеніемъ комнатъ, онъ, дождавшись вечера, приблизился къ наружной стѣнѣ и пустилъ стрѣлу съ привязанной къ ней запискою. Стрѣла упала въ женскіе покои, гдѣ была Виса съ кормилицею. Узнавъ, такимъ образомъ, о присутствіи Рамина, онѣ тотчасъ же связали между собою крѣпко, сорокъ шелковыхъ платковъ, привязали одинъ конецъ къ уступу стѣны, а другой конецъ опустили за стѣну.

Раминъ вскарабкался посредствомъ этихъ платковъ и проникъ въ замокъ, тогда, какъ Зарди съ цѣлымъ отрядомъ сторожалъ наружный входъ. Такимъ образомъ, Раминъ ¹⁾ оставался девять мѣсяцевъ къ ряду вмѣстѣ съ Висою въ замкѣ, и никто не подозрѣвалъ его присутствія тамъ. Между тѣмъ, Моабадъ возвратившись съ большой добычей въ Мервъ, по окончаніи войны, узналъ отъ одной изъ своихъ жень, отъ прекрасной, но хитрой Зарнагены, что Раминъ явился въ Мервъ въ его отсутствіи, но затѣмъ исчезъ, вѣроятно, стараясь узнать, гдѣ Виса. Моабадъ немедленно отправился къ замку Ашкап'удеванъ и, напустившись на Зарди за его оплошность, велѣлъ отворить всѣ пять затворовъ, за которыми была заключена Виса, вошелъ въ женскіе покои, но не засталъ уже тамъ Рамина. Раминъ успѣлъ бѣжать, перелѣзть черезъ стѣну и скрыться въ полѣ. Моабадъ нашелъ одну только кормилицу и Вису, сидящую рыдая на полу и рвущую на себѣ въ отчаяніи одежду. Тутъ же валялись обличительные платки, еще связанные между собою въ длинную веревку. Моабадъ схватилъ Вису за косы и началъ ее таскать по полу, потомъ закрутилъ ей руки за спину и, связавъ какъ преступницу, началъ немилосердно наносить ей удары плетью по тѣлу, такъ что скоро полилась кровь, словно сокъ изъ гранатоваго яблока. Избивъ также до полусмерти и кормилицу, онъ обѣихъ заверъ наврѣпко въ замкѣ и возвратился въ Мервъ. Несмотря на всѣ проявленія невѣрности Висы, Моабадъ никакъ не могъ отъ нея оторваться.—„Она моя жванъ“, говоритъ онъ. Шахъ вскорѣ сконченный при томъ причитаніями и слезами Шахро-матери ²⁾ Висы, велѣлъ Зарди взять съ собою 200 всадниковъ и привести въ Мервъ Вису, хотя ее тѣло было покрыто еще не зажившими ранами. Зарди

¹⁾ Раминъ и Виса въ одноиъ мѣстѣ сравниваются съ солнцемъ и луной.

²⁾ Она призываетъ проклятіе на Моабада, Бога-Творца, солнца и луны

упросилъ при этомъ также простить и Рамина, и „вотъ опять дворецъ Моабада украсился блескомъ полной лупы и хрустальная рука Висы темноцвѣтнымъ виномъ“.

Поэтъ, какъ бы не сознавая всего безобразія, описываемой имъ картины, восклицаетъ (стр. 217): „Въ этомъ мѣрѣ ничего не вѣчно, ни радость любви, ни горестъ; въ концѣ - концовъ и радость и горестъ улечувиваются. Поэтому, да стремится человекъ къ наслажденію, котораго дни да не уменьшаются; такъ какъ жизнь наша не вѣчна, то бесполезно предаваться злomu горованію“.

Затѣмъ Моабадъ долженъ былъ вскорѣ отправиться въ Гурганъ, но при этомъ большимъ затрудненіемъ представлялось для него, кому поручить въ отсутствіе свое охрану и надзоръ за Висою? Вѣдь, Зарди оказался плохимъ стражемъ. Онъ долго думалъ и, наконецъ, велѣлъ задѣлать желѣзными рѣшетками всѣ двери и окна дворца, и обратился къ кормилицѣ: „Эй ты, искусная во всякомъ колдовствѣ, до сихъ поръ ты выказывала мнѣ только свое безбожіе, теперь я прошу тебя будь мнѣ вѣрна, смотри за этими дверьми и за всѣми входами, чтобы Раминъ сюда не пробрался. Я отправляюсь на цѣлый мѣсяцъ въ Гурганъ и, между прочимъ, чтобы тамъ поохотиться. Присматривай за моимъ добромъ и никому не раскрывай до моего возвращенія этихъ припечатанныхъ мною дверей. Вѣдь, говорятъ же: чтобы сохранить повѣрливе свое имущество, слѣдуетъ его отдать на сбереженіе вору“. Моабадъ отправился, взявъ съ собою Рамина. Когда наступилъ вечеръ, Раминъ потихоньку возвратился въ Мервъ и пробрался въ садъ шаха, но нашелъ двери дворца закрытыми. Долго бродилъ онъ по саду, разыскивая съ кровавыми слезами свою возлюбленную и, наконецъ, улегся подъ деревомъ и заснулъ. Между тѣмъ, Виса ¹⁾ также тоскуетъ по другѣ, взываетъ къ Богу о помощи, догадываясь, что Раминъ въ саду и какъ безумная бродитъ по покоямъ дворца. Напрасно она умалала кормилицу выпустить ее въ садъ, — послѣдняя, страшась гнѣва шаха, не соглашалась, уговаривая свою воспитанницу воздержаться „отъ грѣха“. Тогда Виса влѣзла на террасу дворца и, съ помощью находящагося тамъ полотнянаго навѣса, спустилась на землю съ окровавленными ногами и съ изорванной одеждой. Она обошла весь садъ и, наконецъ, нашла истерзаннаго тоскою Рамина, къ которому упала въ объятія. Между тѣмъ Моабадъ потребовалъ къ себѣ Рамина. Ему сказали, что его вѣтъ въ лагерѣ. Моабадъ догадался, что онъ бѣжалъ въ Мервъ. Возбуж-

¹⁾ Стр. 219, 220.

денный гнѣвомъ и ревностью, онъ также возвратился въ Мервъ. Кормилицу онъ засталъ на мѣстѣ; всѣ двери оставались запечатанными клеймомъ самаго шаха, клѣтка была заперта, но птичка улетѣла. Не получивъ отъ кормилицы разъясненія объ исчезновеніи Висы, онъ немедленно избилъ ее и началъ искать Вису по всѣмъ угламъ дворца. Напавъ такимъ образомъ на слѣды ея бѣгства, онъ велѣлъ обыскать весь садъ. Виса, замѣтивъ издали приближающіеся огни, заставила потерявшаго духъ Рамина поскорѣе удалиться, перепрыгнувъ чрезъ стѣну сада, сама же осталась какъ бы спящею подъ деревомъ, гдѣ ее нашли. Моабадъ упрекнулъ Вису въ безстыдствѣ, и въ ярости обнажилъ свой мечъ и готовился отрубить ей голову, но Зерди бросился въ его ногамъ и умолялъ его выслушать сперва Вису. Тогда Виса сказала: „Государь, ты заключилъ меня вѣрнѣе въ покояхъ твоего дворца, а теперь ты находишь меня свободною въ саду. Богъ не оставляетъ меня въ нуждѣ, Онъ сильнѣе тебя, Онъ спаситель удрученныхъ духомъ и помощникъ тамъ, гдѣ земная помощь невозможна. Меня Онъ освободилъ изъ моего заточенія. Въ эту ночь я тяжело вздыхала о твоей жестокости и повергла свою скорбь предъ Богомъ; тогда сонъ смежилъ мои очи, и во снѣ явился мнѣ ангелъ, чудный юноша въ земной одеждѣ: онъ тихо приподнялъ меня и вынесъ въ садъ, положивъ меня среди розъ и нарцисовъ; здѣсь я уснула; доблестный Раминъ явился мнѣ во снѣ, припалъ ко мнѣ на грудь и мы другъ другу повѣдали, что волнуетъ наши сердца. Но затѣмъ, какое ужасное пробужденіе! Тебя я вижу словно разъяреннаго льва, съ обнаженнымъ мечемъ. Вѣрь мнѣ, или не вѣрь, но все такъ, какъ я тебѣ сказала: ангелъ явился ко мнѣ во снѣ и освободилъ меня“! Нечего было дѣлать; шахинъ-шахъ долженъ былъ повѣрить разсказу Висы; онъ извинился въ своей горячности и подарилъ Висѣ и кормилицѣ много драгоценныхъ камней и уборовъ ¹⁾).

Подобныя не разъ повторяющіяся непріятныя сцены и частныя вспышки ревности Моабада, наконецъ, заставили Рамина послѣдовать совѣту друга своего ученаго Бегоси ²⁾). Послѣдній доказывалъ, что ему нужно разстаться съ Висой, чтобы избѣгнуть постоянныхъ непріятностей со стороны брата. Гдѣ любовь, тамъ и горе. Но достаточно стоять въ сторону на одинъ годъ отъ влюбленной, какъ ее и забудешь: вѣдь, любовь скрывается въ глазахъ. Раминъ убѣжденный другомъ от-

¹⁾ Слѣдуетъ описаніе чуднаго лѣтняго дня на югѣ; шахъ наслаждается арародомъ въ присутствіи Висы и матери ея—Шахро (233). Пиръ и пѣніе.

²⁾ *Graf, Ein weiser Mann, Bihgui genannt...* 419.

прашивается у шаха въ Магъ-Абадъ на время, чтобы повскать себѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ супругу, и тѣмъ выйти изъ своего ложнаго положенія. Въ то же время, когда происходила эта бесѣда между Раминомъ и Бегосомъ, шахъ наставлялъ Вису, склоняя ее къ „добру“ и напоминая о своихъ страданіяхъ изъ любви къ ней. Виса хитро даетъ слово никогда не встрѣчаться съ Раминомъ, если даже будетъ жить столько, сколько Маѳусаилъ. Шахъ ее расцѣловалъ, а Рамину съ удовольствіемъ далъ отпускъ, назначивъ его даже намѣстникомъ въ Раѣ, Гурганѣ и Кушистанѣ. Осыпанный упреками Висы за измѣну, Раминъ покидаетъ свою возлюбленную, увѣряя ее, что онъ приносить эту жертву въ ея интересахъ. Поклявшись въ вѣчной любви, они обнимаются съ такими вздохами, что послѣдніе подымались къ нему въ видѣ „облаковъ“. Въ своемъ намѣстничествѣ Раминъ встрѣчаетъ по возвращеніи съ охоты прелестную, черноволосую красавицу *Гуль* ¹⁾, дочь владѣтеля Гураба. При первой встрѣчѣ онъ былъ пораженъ блескомъ ея красоты, стрѣла выпала изъ его руки; безумно влюбился въ нее, забылъ Вису и просилъ руки у гурабской красавицы. Гуль знаетъ его уже издали, она отвѣчаетъ ему на его вопросъ, кто она такая слѣдующими словами: „Я знаю твое имя и твой родъ“.

„Ты Раминъ, братъ шахинъ-шаха; Вису ты любишь болѣе чѣмъ душу свою; кормилица опутала и колдовствомъ связала твое сердце. Не видѣть болѣе Висы ты не въ состояніи; скорѣе рѣка Тигръ удалится отъ Багдада или негръ отмоется отъ своей черноты, чѣмъ ты бросишь Вису и соединишься съ другою возлюбленною. Если такъ, то оставайся вѣренъ ей, несите общій свой позоръ, терните справедливый гнѣвъ шаха и покоритесь наказанію Бога“. Когда Раминъ услышалъ эти слова, онъ горько почувствовалъ, что заслужилъ всеобщее осужденіе и проклиналъ свое безразсудство. Затѣмъ онъ обратился къ Гуль съ вѣжными рѣчами: „Не осуждай меня за то, что совершилось волею рока; что прошло, то прошло. Ты солнце, освѣщающее мое небо; твое лице, словно весеннее солнце оживляетъ цвѣты въ цвѣтникахъ души моей. Исполни мою горячую просьбу, будь моею луною, царцею моего дома, тебѣ я готовъ отдать все, что имѣю. Если согласна заключить со мною прочный союзъ, то я поклянусь тебѣ торжественной клятвой всегда быть вѣрнымъ тебѣ и сохранить тебѣ вѣчную любовь. До сихъ поръ я не видѣлъ прекраснѣе Висы, теперь же я на вѣки оставилъ ее“.

¹⁾ Описание ея красоты, *Висраміани*, стр. 257. *Ср. Graf*, 420 *Es war als blickt er in der Sonne Licht, geblendet ward vom Strahle sein Gesicht...*

Гуль согласилась только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ прекратилъ всякія дальнѣйшія сношенія съ Висой и постоянно пребывалъ въ Гурабѣ. Раминъ съ радостью согласился—„клялся Богомъ и огнемъ“ и даже написалъ Висѣ письмо, въ которомъ онъ формально разрываетъ всякую дальнѣйшую связь съ нею. Цѣлый мѣсяцъ продолжался пышный свадебный пиръ, много щедрыхъ подарковъ было роздано жителямъ, подвластнымъ Рамину. Онъ испытывалъ полное блаженство,—Виса потонула въ морѣ забвенія.

Для европейскаго читателя совершенно непонятно, какъ могъ Раминъ, столь нѣжно любимый Висою, написать ей безсердечное, рѣзкое письмо. Онъ какъ бы упрекаетъ ее за всѣ тѣ несчастія, которыя навлекла на него страсть его къ Висѣ. Затѣмъ онъ грубо продолжаетъ: „Знай, Виса, что Богъ умилосердился надо мною, и что я тебя бросаю. Безъ тебя я обрѣлъ всякое сердечное желаніе, я умылся коралловою водою, я сочетался съ несравненною супругою, съ такою, какую я именно желалъ. Она посѣяла въ сердцѣ моемъ любовь цвѣтущую, какъ роза, и истребила ржавчину печали; я точно въ раю, всегда пребываю съ моею Гуль, всегда имѣю не увядающую розу. Постель и подушка всегда наготовѣ у моей розы, которую я глазами и душою ставлю превыше всего. Тогда какъ отъ тебя мнѣ достаются однѣ бѣды и заботы, отъ нея я усматриваю тысячи различныхъ радостей и осуществленіе моихъ желаній. Когда вспоминаю прошлые дни, мнѣ самому жалко себя: сколько перенесъ я ради тебя неприятностей и нареканій; я собственной своей дороги не зналъ, словно дрессированная собака. До сихъ поръ я спалъ, теперь я проснулся; я былъ пьянъ, теперь отрезвился. Я теперь разбилъ оковы несчастія, я высвободился изъ тюрмы невзгоды. Теперь, истиннымъ воишпленіемъ, клянусь Создателемъ Богомъ, солнцемъ, луною, закономъ, огнемъ, знаніемъ и надеждою, что пока я живъ, я не брошу Гуль и ни на минуту не покину ее, и отсель ты знай, и да вѣдаетъ твое сердце: Мервъ—твой, а Магъ—мой; Моабадъ—твой, а Гуль—моя. Я предпочитаю быть одно мгновеніе и радоваться вблизи моей Гуль, чѣмъ оставаться тысячу лѣтъ вблизи тебя, гдѣ юность моя точно въ тюрмѣ. Отнынѣ ты не высчитывай дней и мѣсяцевъ моего возвращенія, не жди меня и не высматривай по дорогѣ моего появленія!“

Раминъ запечаталъ это письмо золотою печатью и передалъ своему служителю, Шинрику, съ приказаніемъ доставить письмо въ Мервъ. Тамъ доложили шаху о прибытіи вѣстника отъ Рамина. Онъ потребовалъ его къ себѣ, взялъ у него письмо прочелъ и затѣмъ передалъ Висѣ, сказавъ ей: „Теперь Господь возвелъ на тебя свои

очи: Раминъ и Гуль стали любовно мужемъ и женою, а ты осталась брошена и изранена“.

Виса въ отчаяніи; она взываетъ къ помощи няни, молить Бога послать ей утѣшителя. Письмо Рамина „отравило ея сердце“, судьба наказала ее, она готова поднять на себя руки,—слезы льются горячимъ потокомъ. Няня отправляется къ Рамину устыдить его въ позорной измѣнѣ, но герой встрѣчаетъ ее съ бранью и уговариваетъ посовѣтовать Висѣ покаяться въ своихъ грѣхахъ, а его оставить въ покоѣ. Онъ жалѣетъ, что молодость свою отдалъ Висѣ, а теперь онъ довольствуется быть ея добрымъ братомъ. Отвѣтъ Рамина свалилъ Вису въ тяжкую болѣзнь. — Она не находила исхода своей скорби и обратилась къ книжнику Миш'хину написать дѣльное письмо къ Рамину, чтобы смягчить его вѣжными словами. Она написала ¹⁾ 10 жалобныхъ писемъ, умоляя друга вернуться къ ней, спасти отъ пожирающаго ее огня. Раминъ къ этому времени, насладившись союзомъ съ супругой, охладѣлъ къ ней и сталъ скучать по Висѣ, и наконецъ, объяснившись съ Рафедомъ, отцомъ Гули, тайно уѣхалъ изъ Гураба въ Мервъ. Въ немъ воскресло чувство къ Висѣ. Онъ сталъ каяться и не находилъ словъ для извиненія предъ оскорбленной имъ женщиной, надѣясь умолить и смягчить ее слезами и искренностью раскаянія. Но онъ находится въ неизвѣстности; какъ приметъ его Виса? Виса, предупрежденная чрезъ своего гонца, Адина, вѣжнымъ письмомъ возвращающагося друга, съ нетерпѣніемъ ждала его. Вотъ сторожъ на террасѣ дворца высмотрѣлъ приближающагося Рамина и далъ знать объ этомъ кормилицѣ, которая передала это извѣстіе Висѣ. Виса была вѣ себя отъ радости, но не хотѣла проявить того. Раминъ показался на своемъ конѣ у стѣнъ дворца. Виса выглянула въ окно, встрѣтила Рамина горькими упреками и заставила его, каю-

¹⁾ Первое письмо Висы очень любопытно: „Сіе письмо отъ засохшей сосны къ расцвѣтшему молодому кипарису, затмѣвавшейся луны къ ярко блестящей въ небесахъ лунѣ, разореннаго парка къ вновь разведенному райскому саду, закатившагося солнца къ восходящему солнцу, сгнившаго листа къ распустившейся розѣ“... (284—5). Виса далѣе напоминаетъ о превратностяхъ счастья и дающей ей Раминомъ клятвѣ въ вѣчности любви. Она негодуетъ, что онъ явился виновникомъ ея позора, жены могущественнаго шаха. Она не забываетъ въ яркихъ краскахъ описать и свою красоту. Во второмъ письмѣ она говоритъ: еслибы всѣ семь небесъ имѣть ей бумагой, звѣзды писцами, ночью шракъ чернилами, и буквы были столь обильны, какъ песокъ, рыбы и листья, то и тогда она не сумѣла бы выразить даже наполовину желанія видѣть своего возлюбленнаго. Она въ заключеніе знакомитъ его съ своими сердечными муками.

шагося въ своемъ проступкѣ, почти цѣлую ночь прождать въ снѣгу и слякоти у наружной стѣны дворца. Она притворно уговаривала его покинуть Мервѣ, вспомнила еще не зажившее свое горе, увѣряла, что не будетъ больше вмѣнять Моабаду, твердить, что рана имъ нанесенная, никогда не заживетъ, что онъ представляется ей лисой ¹⁾. Онъ старается разжалобить ее слезами и увѣреніями въ мукахъ, какія онъ испытывалъ все время по разлукѣ съ нею. Она можетъ только исцѣлить его, она источникъ его жизни,—солнце и луна, сердце и душа. Виса упорно кажется неумолимой. Ядъ никогда не превратится въ сахаръ! Измученный же стихійными невзгодами и душевными страданіями Раминъ, послѣ длинныхъ переговоровъ съ Висой, покидаетъ ее. Но тутъ героиня образумилась и послала въ догонку за нимъ няню. Онъ взобрался никѣмъ незамѣченный въ ея покой и тамъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ наслаждался ея ласками.

Объясненія Рамина вполне удовлетворили ее. Герой гордился своимъ царскимъ положеніемъ въ присутствіи Висы, „онъ сдѣлался небомъ изъ праха“. Они влялись другъ другу въ прочности чувствъ. Оба были опьянены счастьемъ послѣ шестимѣсячной разлуки. Но, опасаясь, чтобы Моабадъ какъ нибудь не узналъ о его присутствіи въ Мервѣ, Раминъ ночью выбрался изъ дворца и днемъ явно вѣхалъ въ Мервѣ. Явившись къ шаху, сказалъ ему, что сильное желаніе видѣть брата своего, великаго шаха, привлекло его въ Мервѣ, что желаетъ онъ пробить три мѣсяца при дворѣ шаха, потомъ опять возвратиться въ Гурабъ. Шахъ, обрадованный, ласкалъ его и послѣ трехъ мѣсяцевъ велѣлъ всѣмъ своимъ придворнымъ собраться въ путь и провожать Рамина въ Гурабъ, куда онъ также намѣревался отправиться на охоту въ чудную лѣтнюю погоду. Природа вся расцвѣтала и благоухала, а Виса, при удаленіи Рамина, впала въ самое мрачное отчаяніе. По совѣту кормилицы, она отправила къ Рамину вапыщенное и слезливое письмо, въ которомъ она, описывая свое постепенное увяданіе безъ него, умоляетъ его возвратиться въ Мервѣ и убѣжать вмѣстѣ съ ней куда-нибудь подальше, опасаясь умереть не оплаканной имъ. Получивъ это письмо, Раминъ цѣловалъ его,

¹⁾ Въ другой бесѣдѣ съ Раминномъ Виса указываетъ, что она также стояла къ слезамъ предъ нимъ, и онъ вниманія не обращалъ, письма ея не трогали ее, грусть и волненія ея не тревожили его спокойнаго она, наконецъ, она поняла, какъ онъ ее уничтожилъ въ письмѣ къ ней, послѣ того, какъ ея другъ сталъ поклонникомъ Гули. Въ отвѣтъ Раминъ умоляетъ ее забыть случившееся, простать ему прегрѣшенія: „самъ Адамъ въ рай преступилъ заповѣдь Божью, а я вѣдь сынъ Адама“!

владъ на грудь, глаза, и испускалъ глубокіе „дымные“ вздохи до небесъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшается выбрать изъ своей свиты сорокъ самыхъ отважныхъ людей и, дождавшись ночи, незамѣтно исчезаетъ изъ лагеря и скачетъ въ Мервъ. Предварительно онъ обо всемъ условился съ Висою чрезъ посланнаго, пробравшагося къ ней тайкомъ подъ покрываломъ. Виса должна была, подъ предлогомъ принесенія жертвы въ благодарность за выздоровленіе брата своего Виро, пригласить во дворецъ женъ многихъ знатныхъ лицъ въ Мервѣ. Раминъ велѣлъ своимъ сорока молодцамъ, переодѣвшись въ женское платье, пробраться вмѣстѣ съ приглашенными гостями во дворецъ. Тамъ они скрывались днемъ, а при наступленіи ночи бросились на дворцовую стражу и частью ее перебили, частью обездружили. Самъ же Раминъ ворвался съ мечомъ въ рукахъ въ покои Зарди, намѣстника шаха въ отсутствіе послѣдняго.—„Зарда“, вскричалъ онъ, „брось мечъ, я не хочу твоей смерти, но покорись и повилуйся мнѣ!“ Зарди же бросился на него, какъ разъяренный левъ: „Презрѣнный злодѣй“, вскричалъ онъ, „теперь явно обнаруживается, что таялось въ твоей душѣ. Давно я подозрѣвалъ въ тебѣ врага шаха, но не такъ легко будетъ тебѣ достигнуть престола и царства!“ Съ этими словами онъ бросился на Рамина и нанесъ ему со всею силою ударъ; къ счастью Раминъ, отклонивъ ударъ щитомъ, самъ же поразилъ Зарди въ голову, отчего послѣдній упалъ безъ чувствъ и „кровью его обогрилась внутренность башни“. Утромъ имъ овладѣло раскаяніе. Когда настало утро, Раминъ велѣлъ собрать всѣхъ верблюдовъ и муловъ, находящихся въ столицѣ и, нагрузивъ ихъ сокровищами Моабада, оставилъ Мервъ вмѣстѣ съ Висою. Онъ спѣшилъ пробраться чрезъ пустыню, окружающую Мервъ, и чрезъ двѣ недѣли уже находился въ Казвинѣ, откуда пробрался въ Гиланъ и въ землю Дайламъ. Въ Гиланѣ и Дайламѣ жили храбрые воины, всегда готовые къ бою; сколько ни было царей въ Иранѣ, начиная „отъ Адама“, никто не могъ покорить этихъ свободолюбивыхъ людей, и земля ихъ по настоящее время осталась независимою отъ власти шаховъ. Къ этимъ племенамъ удалился Раминъ и, склонивъ ихъ старшинъ богатыми подарками, онъ вскорѣ собралъ изъ нихъ значительное войско.

Моабадъ все это время находился въ Гурганѣ. Долго никто не рѣшался объявить ему объ измѣнѣ Рамина. Наконецъ, узнавъ о томъ, что Раминъ бѣжалъ изъ Мерва, захвативъ съ собою всѣ сокровища и Вису, Моабадъ выступилъ противъ него въ походъ. Войско свое онъ расположилъ на равнинѣ въ Амулѣ. Тамъ, однажды утромъ дикій кабанъ выскочилъ изъ камышей у низовьевъ рѣки и бросился на

окужающих, словно бѣшеный слонъ. Онъ направился къ тому мѣсту лагера, гдѣ находилась ставка шаха. Шахъ, выйдя изъ шатра, вскочилъ на коня и ожидалъ кабана, въ котораго и бросилъ копье, но, къ несчастію, промахнулся; кобанъ же мгновенно распоролъ коню животъ, шахъ упалъ на землю и самъ сдѣлался жертвою разъяреннаго звѣря. Такимъ образомъ, окончилъ свою жизнь повелитель Ирана шахинъ-шахъ — Моабадъ. Авторъ предается здѣсь грустнымъ размышленіямъ о непрочности земной славы и счастья. Раминъ, услыхавъ о его погибели, явно почтилъ его смерть слезами и знаками горести, но тайно благодарилъ Бога, что онъ избавилъ его отъ тяжелой необходимости воевать съ Моабадомъ. Затѣмъ онъ явился въ Амуль, гдѣ войско и всѣ вельможи Ирана провозгласили его шахинъ-шахомъ. Раздавъ щедрыя милости всѣмъ нищимъ и поклявшись быть справедливымъ правителемъ, онъ назначилъ по всѣмъ областямъ новыхъ правителей, а затѣмъ выступилъ въ Мервъ, гдѣ его приняли съ восторгомъ и три мѣсяца съ ряду торжественно праздновали его восшествіе на престолъ.

Такимъ образомъ, Раминъ вмѣстѣ съ Висою возсѣлъ на престолъ Ирана. Для его подданныхъ наступило блаженное время: по дорогамъ царствовала полная безопасность, никто не страшился ни воровъ, ни разбойниковъ, ни курдовъ, ни тюрковъ. Возстановилъ онъ разоренные города, учредилъ штатъ администраторовъ и судей, мудрые и ученые стали пользоваться уваженіемъ, войны получали еженедѣльно въ исправности свое жалованіе, и въ судахъ не дѣлали различія между бѣднымъ и богатымъ. 130 лѣтъ прожилъ Раминъ, изъ нихъ онъ царствовалъ 83 года, проводя время то въ пиршествахъ, то погружаясь въ ученія и религіозныя книги. Всегда онъ оставался побѣдителемъ въ борьбѣ съ врагами и на пирсахъ, и онъ первый изобрѣлъ *чанги* (арфу). Виса родила ему двухъ сыновей Хоршида и Джимшеда, (Chorshid, Gamsid) красивыхъ какъ мать, и храбрыхъ, какъ отецъ. Черезъ 83 года нѣжный кипарисъ, т. е. Виса, узявши внуковъ, склонила голову, и смерть похитила ее. Раминъ, оплакивая ее въ горючихъ причитаніяхъ, хотѣлъ соорудить ей великолѣпную опочивальню и храмъ, гдѣ горѣлъ вѣчный огонь. Еще при жизни онъ созвалъ всѣхъ вельможъ Ирана, раздѣливъ царство сыновьямъ, Хоршеду далъ страну Савари, Хварасанъ, Хваразмъ, а Джимшеду страну Бзо'три и Шами, Египеть, Кироанъ (стр. 453, ср. *Graf*: gab dem erstern die Lander in Osten Sogd und Châresin und Cénân, dem andern die Lander im Westen Shâm und Misr und Kairawan). Цо груз. повѣсти Аранъ, Сомхетію и Адрабадаганъ Раминъ оставилъ себѣ, а по персидской цозмѣ они подчинялись Висѣ.

Наставивъ Хоршеда въ добрыхъ правилахъ, онъ по смерти Висы далъ ему державу, а самъ удалился въ храмъ, гдѣ въ полномъ уединеніи провелъ еще три года, въ благочестивыхъ созерцаніяхъ и молитвѣ, пока, наконецъ, не отозвалъ его Богъ. Здѣсь кончается грузинская повѣсть, а персидская поэма прибавляетъ: „Тѣло его положили возлѣ Висы, и душа его соединилась съ душою Висы; тамъ они заключили новый союзъ и вновь праздновали свою свадьбу“¹⁾).

Хотя, такимъ образомъ, поэма кончается примирительнымъ аккордомъ, но все таки въ душѣ читателя не можетъ изгладиться оставшееся впечатлѣніе отъ крайней дикости нравовъ и испорченности того общества, которое здѣсь изображается. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ гг. издателей „Висраміани“.

„Что въ этой поэмѣ рисуется чисто грузинскіе обычаи (стр. VIII) и

„Что эта поэма покрываетъ славою тотъ народъ, который впервые создалъ такіе типы“ (стр. IX).

Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить „Висраміани“ съ „Барсовой кожей“ Руставели, то сейчасъ же бросится въ глаза громадная разница между обѣими поэмами. Народъ, создавшій „Висраміани“, никогда не могъ возвыситься до благородныхъ, чисто христіанскихъ типовъ рисуемыхъ въ „Барсовой кожѣ“. Для меня, говоритъ Н. Гулакъ, не нужно лучшаго доказательства того, что „Барсова кожа“—не персидское произведеніе, какъ сравненіе ея съ „Висраміани“.

Обратимся къ сопоставленію грузинскаго „Висраміани“ съ персидской поэмой Гургани о Висѣ и Рамшѣ, а въ заключеніе сдѣлаемъ краткую характеристику этого произведенія. Воспользуемся для этого вопросомъ изложеніемъ поэмы, сдѣланнымъ Graf'омъ на нѣмецкомъ языкѣ и работой бар. Р. Р. Штакельберга, помѣщенной въ I в. II т. Трудовъ Восточной Коммисіи И. Моск. Арх. Общества“ (М. 1890).

Кромѣ Шахъ-намэ существуетъ, какъ извѣстно, въ персидской литературѣ еще рядъ эпическихъ произведеній, составляющихъ или прямое дополненіе къ сочиненію Фирдоуси, или же воспѣвающихъ подвиги героев и происшествія, не упоминаемыя въ твореніяхъ великаго эпика. Всѣ эти эпическія произведенія стояли, однако, подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ Тусскаго поэта; конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что подражатели Фирдоуси по силѣ своего таланта уступаютъ пѣвцу дѣяній древнихъ царей Ирана.

¹⁾ Im Himmel knüpften fest den Bund der Treue und feierten die Hochzeit sie auf's neue (Graf, S. 433).

Къ числу этихъ эпическихъ произведеній Персія, которыя не состоятъ въ непосредственной связи съ рассказами, входящими въ составъ Шахъ-намэ, принадлежитъ романъ „Виса и Раминъ“, переведенный поэтомъ Фехри Гургани, по его собственному заявленію, со стариннаго пехлевійскаго рассказа. Поэма „Виса и Раминъ“ издана въ 1865 году въ Калькуттѣ.

Что касается до пехлевійскаго оригинала, непосредственнаго источника нашего рассказа, то онъ до сихъ поръ не отысканъ. Весьма дѣльную и обстоятельную характеристику эпоса „Виса и Раминъ“ съ передачей его содержанія, причемъ довольно обширные отрывки изъ него переведены изящными нѣмецкими стихами, можно найти въ статьѣ *Gräfa (Graf)*. „Wís o Rámin“, въ 23 томѣ „Zeitschr. d. Deutsch. Morgl. Ges.“. Тамъ же находятся и свѣдѣнія о тѣхъ немногочисленныхъ рукописяхъ „Висы и Рамина“, которыя уцѣлѣли до нашихъ дней.

По мнѣнію Графа слѣдуетъ отнести передѣлку пехлевійскаго оригинала въ новоперсидскіе стихи къ промежутку между 1042 и 1055 годомъ по Р. Хр., при сельджукскомъ шахѣ Тогрулбекѣ.

Въ городѣ Мервѣ находилась столица царя *Мобед*, которому подвластенъ весь міръ. Предъ его могуществомъ преклоняются не только римскій императоръ и китайскій царь, но даже небесныя свѣтила являются его сподвижниками. Разъ во время пира, устроеннаго Мобедомъ, царь замѣчаетъ красавицу Шехрѹ и проситъ ея руки. Шехрѹ отказывается отъ брака, объясняя шаху, что она давно уже живетъ въ счастливомъ бракѣ съ Кареномъ, отъ котораго она имѣетъ нѣсколько доблестныхъ сыновей¹⁾. Убѣдившись въ невозможности достиженія руки ея, Мобедъ проситъ Шехрѹ, если волею Божіею ей будетъ дарована дочь, выдать ее за него замужъ. Красавица Шехрѹ охотно соглашается и закрѣпляетъ это обѣщаніе формальнымъ договоромъ. Изъ этого момента—именно выдачи замужъ нерожденной еще дочери—вытекаетъ трагическая вина Мобед, на котораго въ послѣдствіи обрушивается судьба горькими наказаніями. Много лѣтъ спустя Шехрѹ на самомъ дѣлѣ родила дочь *Вису*, одаренную всѣми прелестями чудесной красоты. Забывъ о договорѣ съ Мобедомъ, мать вы-

¹⁾ Въ груз. „Віераніани“ (стр. 6), присутствовавшая въ числѣ гостей Шахро, сказала „что-то“ шаху, раздающему щедрыя милости. Моабедъ, обративъ тогда вниманіе на ея красоту, проситъ у нея будущей дочери за себя, не говоря ни слова Шахро выходитъ за него, какъ бы зная, что она уже въ бракѣ.

даетъ свою дочь за своего сына *Виро* ¹⁾). Но увы! Въ самый день свадьбы, среди всеобщаго веселія, вдругъ прискакалъ *Зерди*, братъ Мобеда, съ порученіемъ отъ шаха, требующаго, чтобы ему выдали его законную невесту. Виса наотрѣвъ отказывается промѣнять молодого жениха на старика Мобеда, который, охваченный гнѣвомъ послѣ такого униженія и собравъ громадное войско, выступаетъ походомъ противъ Карена, отца Висы. Потерпѣвъ сначала пораженіе, онъ въ концѣ концовъ успѣлъ склонить *Шехрѹ* на свою сторону, благодаря обильнымъ поднесеніямъ. Хотя Виса всѣми силами отказывается отъ брака съ „сухимъ деревомъ“, но *Шехрѹ*, обольщенная щедростью Мобеда, впустила его въ свой дворецъ, откуда Мобедъ увезъ свою невесту въ *Мервъ*. Однако, дорогой случилось, что вѣтромъ подняло занавѣсъ паланкина, въ которомъ сидѣла Виса. Увидавъ ея очаровательное лицо, царевичъ *Раминъ*, братъ Мобеда, воспламеняется сильно любовью къ Висѣ. Прибывъ въ *Мервъ*, Виса вполне предается порывамъ своего отчаянія. Она отказывается слушаться утѣшеній своей няни, весьма ловкой и расположенной ко всякаго рода интригамъ уроженки *Кухистана*, рисующей ей яркими красками всѣ преимущества ея брака съ Мобедомъ предъ сравнительно скромной обстановкой ея жизни въ отцовскомъ домѣ. *Раминъ* же, доведенный до крайности своей страстью и не зная другого исхода для удовлетворенія ея, обращается къ содѣйствию няни, которая послѣ недолгаго колебанія соглашается на роль посредницы. Въ началѣ Виса остается недоступной для искушеній интригантки и съ отвращеніемъ отклоняетъ всѣ совѣты ея. Но мало по малу и она дѣлается болѣе уступчивой и, увидавъ, наконецъ, *Рамина* въ первый разъ, Виса вдругъ чувствуетъ, что любовь внезапно вкралась въ ея сердце. Въ первое время Виса старается побороть демона любви, но какъ и овладѣвшая ею въ первый разъ сильная страсть, такъ и просьбы и угрозы пущенныя входъ кормилицей, все болѣе и болѣе заглушаютъ въ ней голосъ долга и вѣрности: „страсть ослѣпила очи его разума“.

Во время отсутствія царя ²⁾ Мобеда, Виса принимаетъ *Раминъ* у себя, и оба они предаются порывамъ своей страсти. Оставшись дѣ

²⁾ О бракѣ между провинными родственниками, какъ древне-иранскомъ обычѣ. См. *Duncker. Geschichte d. Arier. S. 549.*

¹⁾ Мы теперь слѣдуемъ бар. *Штакельбергу*, называя героя Мобедомъ: царемъ, а не Моабодомъ и шахомъ, какъ при передачѣ грузинской повѣсти онъ *Виро* „*Висраиана*“ именуетъ „*Вирой*“, *Зарди*—*Зардомъ*, *Гуль*—*Гуломъ*.

мѣсяца наединѣ съ возлюбленной, Раминъ получаетъ письмо отъ Мобеда, приглашающаго его къ себѣ въ Мидію, чтобы участвовать тамъ вмѣстѣ съ нимъ на охотѣ. Рамину велѣно привести съ собою и Вису. Поохотившись вдоволь въ теченіе мѣсяца въ Мидіи, Раминъ рѣшается отправиться для продолженія охоты въ провинцію Мукавъ, въ Арменію. Въ то же самое утро, когда Раминъ собирается выступить на охоту, кормилица пробрается въ спальню Мобеда и приглашаетъ Вису проститься съ Раминомъ. Но, Мобедъ, проснувшись, раздражается гнѣвными словами надъ обѣими женщинами. Однако, Виса не раскаявается; напротивъ, она вполне сознается въ своей любви къ Рамину предъ Вироемъ, своимъ братомъ и бывшимъ супругомъ, уговаривающимъ ее вернуться къ мужу и отказаться отъ своей любви къ Рамину. Пока дѣло не доходитъ еще до полного разрыва, и все остается по прежнему. Но разъ Мобедъ, возвратившись изъ Хузистана въ свою столицу, Мервъ, сидитъ на крышѣ своего дворца вмѣстѣ съ Висой.

Мобедъ, пользуясь случаемъ восхваляетъ предъ Висой всѣ прелести Мерва, доказываетъ своей супругѣ, какое счастье выпало ей на долю. Но Виса, въ порывѣ неудержимой страсти, прямо объявляетъ ему, что она рѣшительно не можетъ быть счастливой съ нимъ, ибо ея сердце исключительно принадлежитъ Рамину. Разгнѣванный царь проклинаетъ свою неблагодарную супругу и отпускаетъ ее къ ея матери. Вернувшись на родину, Виса въ *Махибадѣ*, столицѣ своей матери, проводитъ время въ тоскѣ и уныніи. Она „день и ночь сидѣла на балконѣ дворца, устремляя взоры свои на дорогу, ведущую въ Хорасавъ“.

Но и Раминъ, несмотря на торжественную клятву, данную имъ Мобеду, не въ состояніи побороть въ себѣ страстную любовь къ Висѣ. Вмѣсто того, чтобы заниматься охотой и выбрать себѣ жену въ Кулистанѣ (125, 13), Раминъ спѣшитъ оъ Мидію, гдѣ онъ то на охотѣ, то въ объѣздахъ Висы проводитъ семь мѣсяцевъ. Узнавъ объ этой измѣнѣ, царь Мобедъ рѣшается отомстить своему брату, но просьбамъ матери удается унять его гнѣвъ противъ брата и направить вражду Мобеда противъ ни въ чемъ неповиннаго *Вироя*. Но убѣдившись въ неучастности *Вироя* къ этому дѣлу, обманутый Мобедъ, выступилъ уже походомъ противъ перваго, опять прощаетъ свою вѣроломную жену и брата. Всѣ троимъ, по возвращеніи въ Мервъ, живутъ тамъ спокойно нѣкоторое время.

Но подозрѣніе въ душѣ Мобеда опять пробуждается. Въ слѣдствіе этого, онъ предлагаетъ Висѣ окончательно поклясться въ вѣрности

огнемъ, на кострѣ въ присутствіи жрецовъ. Послѣ такой присяги Мобедъ обѣщаетъ ей никогда не вспоминать болѣе о горькихъ для него событіяхъ прошлаго. Но Виса, увидѣвъ пламя, поднимающееся до небесъ, и подозрѣвая Мобеду въ намѣреніи съечь ее, уговариваетъ Рамина бѣжать съ ней. На этотъ разъ любящіе нашли пріютъ въ городѣ Рей, гдѣ они скрываются въ домѣ *Бехруза* [груз. Берозъ], сына Широа. Между тѣмъ, несчастный Мобедъ, тоскуя о потерѣ молодой жены, пускается въ тщетные поиски за ней. Тогда мать ея, извѣщенная Раминомъ объ его благополучномъ бѣгствѣ, заставляетъ Мобеду отказаться отъ всякой мысли о мести, обѣщая ему въ такомъ случаѣ свое содѣйствіе въ дѣлѣ возвращенія ему жены. Мобедъ съ радостью изъявляетъ свое согласіе, и Раминъ съ Висой опять переселяются въ Мервъ. Конечно, и на этотъ разъ любовныя отношенія между Висой и Раминомъ идутъ своимъ чередомъ: ихъ смѣлость доходитъ до того, что въ одну ночь Виса заставляетъ свою кормилицу занять ея мѣсто на брачномъ ложѣ, а сама отправляется въ своему Рамину. И на этотъ разъ счастье благопріятствовало Висѣ: такъ какъ несмотря на то, что Мобедъ проснулся и поднялъ страшный шумъ, подоспѣвшей Висѣ удалось убѣдить разъяреннаго мужа въ томъ, что всѣ его подозрѣнія объясняются чрезмѣрнымъ количествомъ вина, выпитаго имъ вечеромъ; довѣрчивый супругъ успокаивается. Нѣсколько времени спустя, царь Мобедъ отправляется въ походъ противъ римскаго императора. Распожаясь объ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ, онъ передалъ заботу о Висѣ своему брату, Зерду, заключивъ жену въ неприступной крѣпости. Въ войскѣ шаха находился и Раминъ. Но уже въ Гурганѣ Мобедъ отпустилъ своего заблѣвшаго брата, Рамина, который, вернувшись въ Мервъ и не ставъ тамъ Висы, поспѣшилъ въ замокъ, гдѣ скучала его возлюбленная. Извѣстивъ Вису о своемъ прибытіи пущенной въ крѣпость и намѣченной его именемъ стрѣлой, Раминъ съ помощью обѣихъ женщинъ пробирается въ твердыню и остается тамъ въ тайнѣ цѣлые девять мѣсяцевъ. Узнавъ о случившемся по возвращеніи своемъ изъ побѣдоноснаго похода, Мобедъ спѣшитъ къ замку; здѣсь гнѣвъ его сперва обрушивается на Зерда. Хотя Рамину удалось заблаговременно скрыться, но все-таки шахъ при входѣ въ комнату Висы замѣтилъ слѣды, указывавшіе на его бѣгство—веревку, по которой онъ, при помощи обѣихъ женщинъ, спустился внизъ. Не помня себя отъ ярости, шахъ избилъ до крови и Вису, и кормилицу. По возвращеніи въ Мервъ, въ душѣ Мобеду опять пробудилось чувство любви и раскаянія. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ Вису, помпловалъ Рамина и, по случаю отъѣзда изъ

Кабулъ, передалъ даже ключи дворца коварной кормилицѣ. На этотъ разъ няня не уступила просьбамъ Висы, умолявшей ее впустить къ ней Рамина, заснувшаго послѣ продолжительнаго скитанія по садамъ Мобеда. Тогда Виса сама спускается съ помощью своего покрывала на землю. Но Мобедъ, побуждаемый ревностью, возвращается въ Мервъ. Не заставъ въ саду убѣжавшаго Рамина, онъ рѣшилъ теперь покончить съ Висой, которую спасаетъ заступничество Зерда. Однако, примиреніе ихъ продолжалось не долго. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ Кусанъ (пѣвецъ) воспѣвалъ въ присутствіи Мобеда любовь Висы и Рамина. Вслѣдствіе разыгравшейся по поводу этой пѣсни—разоблачающей въ совѣмъ ужъ не двусмысленныхъ выраженіяхъ и словахъ незавидное положеніе Мобеда—перебранки и драки между царемъ и Раминомъ, послѣдній по совѣту мудреца, *Бихсуи*, рѣшаетъ совѣмъ покинуть царскій дворъ въ Мервѣ. Мобедъ назначилъ брата намѣстникомъ надъ областями Рей, Гурганъ и Кушистанъ. Обѣзжая вѣрныя ему провинціи, Раминъ остановился и въ Гурабѣ. Находясь на охотѣ вмѣстѣ съ вельможами, Раминъ встрѣчается дорогой съ красавицей Гулъ, которой онъ предлагаетъ свою руку. Послѣ недолгаго колебанія Гулъ изъявляетъ свое согласіе на это съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ (Раминъ), навсегда отказался отъ своей любви къ Висѣ. Царевичъ исполняетъ желаніе своей новой возлюбленной и въ письмѣ къ Висѣ объявляетъ ей о своемъ рѣшеніи порвать съ ней всѣ отношенія. Приведенная въ отчаяніе такимъ вѣроломствомъ любимаго человѣка, Виса отправляетъ къ нему свою кормилицу. Но Раминъ отвѣчаетъ бранными словами на всѣ ея увѣщанія. Тогда Виса поручаетъ своему довѣренному писцу Мушкину написать Рамину письмо, которое заставило бы его вернуться къ ней.

Между тѣмъ и въ любви Рамина къ Гулъ произошло охлажденіе, и онъ опять сталъ думать о сближеніи съ Висой. Поговоривъ объ этомъ съ отцомъ Гулъ, Раминъ уѣхалъ и направился по пути въ Мервъ. Дорогой *Азинъ*, посланный Висой, передалъ ему письмо ея, и радость Рамина не знала предѣловъ. Послѣ прибытія его въ Мервъ, примиреніе между Висой и Раминомъ состоялось, хотя не безъ придирокъ со стороны Висы, притворяющейся неумолимой и не выпускающей во дворецъ вѣтрнаго любовника, который стоялъ въ это время на морозѣ и метели. Лишь когда вышедшій изъ терпѣнія Раминъ собирается уѣхать, Виса протягиваетъ ему руку мира. Пробывъ цѣлый мѣсяцъ въ дворцѣ Мобеда, безъ вѣдома послѣдняго, Раминъ въ одну ночь тайкомъ уѣзжаетъ изъ Мерва и, остановившись на послѣдней станиціи передъ столицей брата, на другой день торжественно въѣзжаетъ въ Мервъ.

Обрадованный возвращением брата, Мобедъ приглашает его участвовать съ нимъ на охотѣ, имѣющей быть въ области Гурганъ. По совѣту кормилицы, Раминъ на этотъ разъ рѣшаетъ перейти къ насилію. Покинувъ почью царскій станъ, въ сопровожденіи 40 сподвижниковъ, Раминъ вмѣстѣ съ переодѣтыми въ женское платье товарищами присоединяется къ свитѣ Висы, возвращающейся какъ разъ изъ паломничества въ храмъ, гдѣ она принесла благодарственную жертву. Когда наступила ночь, заговорщики бросились на сторожей; во время схватки Раминъ убиваетъ собственноручно Зерда. Овладевъ Висой и сокровищами Мобеда, Раминъ отправляется въ области Дейлемъ и Гиланъ.

Прельщенные щедрыми подарками главари воинственныхъ обитателей этихъ странъ присоединяются къ его войску. Узнавъ объ открытомъ возстаніи брата, Мобедъ около города *Амула* располагается лагеремъ. Мобеду, однако, не было суждено пасть мертвымъ на полѣ брани: его убилъ дикій кабанъ, ворвавшійся въ лагерь и растерзавшій тѣло царя и его коня. Послѣ смерти Мобеда, какъ законный наследникъ его, Раминъ провозглашается царемъ. Онъ долгое время управлялъ государствомъ, расточая всѣмъ своимъ подданнымъ милости и щедрости. Послѣ смерти своей любимой Висы, Раминъ раздѣлилъ свое государство между своими двумя сыновьями, Хуршедомъ и Джемшедомъ, отдавъ первому восточную, а второму западную часть государства. Самъ же Раминъ отправился въ храмъ огнепоклонниковъ, гдѣ онъ и провелъ послѣдніе дни своей жизни въ молитвѣ и созерцаніи. Этимъ кончается персидскій романъ. Таковъ сюжетъ и грузинскаго перелома „Висраміани“ съ нѣкоторыми отличіями.

Какъ видно, конецъ этого разсказа не соотвѣтствуетъ нашимъ взглядамъ относительно развязки трагическихъ преступленій и искупленія ихъ. Сколько бы непоколебимая любовь Висы ни вызвала нашего сочувствія, однако нельзя отрицать, что торжество любящихъ надъ всѣми препатствіями, грозящими ихъ счастью, не вытекаетъ изъ ихъ нравственнаго перевѣса надъ другими лицами романа. Слишкомъ довѣрчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабый и вспыльчивый, Мобедъ также не въ состояніи возбудить въ читателѣ чувство безусловной симпатіи. Хотя поэтъ и указываетъ на то, что Мобедъ, сосватавъ невѣсту до рожденія ея, вызвалъ противъ себя гнѣвъ небесъ, но онъ выставляетъ этого царя скорѣе въ смѣшномъ, чѣмъ въ трагическомъ положеніи. Съ другой стороны, какъ Виса, такъ и Раминъ отличаются также ловкостью во лжи и для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, что и наше сочувствіе къ нимъ страдаетъ отъ

этого. Отлично охарактеризована старая кормилица Висы, помощница и советница любящей четы. Это прекрасная, типичная представительница тѣхъ коварныхъ характеровъ, которыми такъ богата персидская исторія всѣхъ временъ. Самой симпатичной фигурой въ романѣ является Зердъ, братъ Мобеда. Онъ отличается и личной храбростью, и преданностью своему брату. Впрочемъ, онъ въ самомъ разсказѣ занимаетъ только второстепенное мѣсто.

Главное достоинство поэмы Гургани, заключается въ ея значеніи для исторіи культуры древней Персіи. Шахъ-намэ знакомитъ насъ почти исключительно со внѣшней стороной персидской жизни древнихъ временъ; въ романѣ о приключеніяхъ „Висы и Рамина“ битвамъ и политическимъ дѣламъ отведено менѣе мѣста,—въ немъ преобладаетъ идиллическій элементъ и лиризмъ. Въ Шахъ-намэ женщины въ сравненіи съ мужчинами отступаютъ на задній планъ; въ „Висѣ и Раминѣ“, напротивъ, главнѣйшую роль играютъ женщины, анализу женскаго сердца поэтъ посвящаетъ свои лучшія силы. Образъ жизни и вообще внѣшняя обстановка правовъ въ „Висѣ и Раминѣ“ тѣ же, что въ Шахъ-намэ. Иранскіе герои въ мирное время проводятъ свои досуги на охотѣ и за виномъ, въ любовныхъ приключеніяхъ и при звукахъ музыки. Какъ представитель настоящаго персидскаго вельможи, Раминъ воплощаетъ въ себѣ и типъ жуира; онъ не только смѣлый охотникъ, но и поклонникъ вина, женщинъ и музыки.

„То я съ гепардами ловлю туровъ и сайгъ, то я съ соколами ловлю куропатовъ и рябчиковъ: выгнавъ горнаго олена изъ горъ, я направляю на равнинѣ на него гепарда—я испытываю соколовъ противъ фазановъ—я спускаю псовъ противъ туровъ“.—Еще лучше обрисовывается образъ жизни Рамина въ слѣдующихъ стихахъ:

„Не скажешь ли ты, что ты именно видѣла въ Раминѣ такого, за что ты его предпочла всѣмъ? Въ казнѣ его что держитъ его казначей—кромѣ вина, пѣсни, арфы и гитары? Только онъ и знаетъ, что играть на гитарѣ, припѣвая на разные лады. Не видать его, иначе какъ въ пьяномъ и разгульномъ настроеніи, продающимъ свое платье изъ-за вина? Жиды—вотъ его товарищи, и друзья—постоянно обираютъ его продажей вина“. Раминъ самъ сочиняетъ стихи и въ текстѣ довольно часто попадаются изліянія его музы. Приведемъ изъ нихъ въ видѣ образчика одно мѣсто, отличающееся поэтическимъ чувствомъ.

„Теперь я направляюсь по дорогѣ къ милой—если я умру—то я умру на пути; мою могилу поставятъ на краю дорога—весь свѣтъ

узнаеть о моей судьбѣ; и странникъ, увидѣвшій мой прахъ, присядетъ на нѣкоторое время при моемъ прахѣ, узнавъ о моей судьбѣ, онъ проститъ меня и добромъ вспомнить имя мое (говора): Онъ былъ странникомъ, онъ истомился отъ разлуки — да помилуеть Богъ душу его“.

За исключеніемъ, конечно, введенія, посвященнаго мусульманскому царю и вслѣдствіе этого носящаго мусульманскій колоритъ, въ „Висѣ и Раминѣ“ преобладаютъ персійско-зороастрійскія воззрѣнія. Такъ, въ этомъ романѣ встрѣчается бракъ между братомъ и сестрой. Притомъ небеснымъ свѣтиламъ, вліяніе которыхъ на судьбу людей играетъ столь видную роль въ Шахъ-намѣ, и въ поэмѣ Гургани отведено выдающееся мѣсто: въ самомъ введеніи рассказывается, что планеты состояли, такъ сказать, министрами царя Мобеда; въ числѣ другихъ планетъ упоминается и Меркурій, подвижная планета, исполнительница приказовъ царя.

Сювидѣнія, совѣты астрологовъ и вліяніе звѣздъ на происшествія обыденной жизни играютъ довольно значительную роль.

Къ характернымъ признакамъ иранства принадлежитъ то свойство очистительной силы, которое приписывается огню въ „Висѣ и Раминѣ“. Мобедъ предложилъ Висѣ доказать свою вѣрность ему клятвой, принесенной ею предъ огнемъ.

Тоже самое относится и ко вліянію дурного глаза, довольно часто упоминаемаго въ „Висѣ и Раминѣ“. Нужно упомянуть о другомъ родѣ колдовства, которымъ няня лишила Мобеда его силы. Она сказала два талисмана, составленные ею изъ металла, по внушенію злаго духа; пока такой талисманъ остается въ водѣ, сила лица, подвергавшагося околдованію, считается парализованной. Только въ томъ случаѣ, если желѣзо, связывающее оба талисмана, распавъшается огнемъ, заколдованное лицо опять вступаетъ въ полное обладаніе своей силой.

Арабско - мусульманское вліяніе отражается до нѣкоторой степени на „Висѣ и Раминѣ“. Всѣ мусульманскія вставки, конечно, принадлежатъ исключительно Гургани, т. е. не входили въ содержаніе пехлевійскаго оригинала. Этотъ пехлевійскій источникъ романа о „Висѣ и Раминѣ“ пока не встрѣчается въ спискахъ пехлевійскихъ книгъ, дошедшихъ до насъ.

Въ предисловіи поэтъ отвѣчаетъ на распросы своего покровителя Абулфахта о „Висѣ и Раминѣ“, что это дѣйствительно повѣсть, отличающаяся рѣдкой красотой:

„Но языкъ его пехлевійскій—не каждый, который читаетъ на немъ, умѣетъ объяснить его содержаніе, не каждый человѣкъ хорошо читаетъ на этомъ языкѣ, а если онъ (даже) читаетъ, онъ не понимаетъ смысла“.

Не смотря на персидскій духъ, господствующій въ „Висъ и Раминъ“, по крайней мѣрѣ въ предлагаемой формѣ, все таки можно допустить возможность, что этотъ рассказъ проникъ въ Персію извнѣ, а именно изъ Индіи. Конечно, такого предположенія еще не доказываетъ одно упоминаніе индійскихъ мѣстностей или растений, встрѣчаемыхъ и у другихъ персидскихъ писателей ¹⁾. Но такъ какъ съ одной стороны суть нашего романа о „Висъ и Раминъ“ не имѣетъ ничего общаго съ древне-иранскими эпическими сказаніями и главныя дѣйствующія лица его не причастны ни къ сказаніямъ, ни къ мнѣлогіи древнихъ иранцевъ,—а съ другой стороны рассказъ въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ содержаніемъ Тристана и Исолды, бар. Штапельбергъ, несмотря на полнѣйшую иранизацію въ общемъ строѣ этой поэмы, склоненъ предположить, что общій источникъ какъ персидскаго, такъ и западнаго рассказа находился въ Индіи. Вѣдь, извѣстно, что Индія снабдила и Азію и Европу неисчерпаемымъ запасомъ сказокъ и поэтическихъ сюжетовъ ²⁾.

Что касается до языка грузинской повѣсти „Висраміани“, то въ немъ замѣтны архаизмы: несмягченные звуки *z*, *m*, вмѣсто современныхъ *z̄* и *m̄* (гурдгели, тилисма, вм. гурдгѣли, тилисма). Смягченное *u* въ *v*—*gvaḡi* вм. *gvaḡi*. Вопросъ выражается чрезъ присоединеніе къ концу глагола звука *a* (проеа). Пило вм. спило (слонъ). Любопытныя сокращенныя формы повелительнаго наклоненія: *toe*, *tsae*, вм. *toved*, *tsaved*. Усѣченный видъ *eschma*, какъ у Руставели, вм. нынѣшняго *ешмаки* (дьяволь). Слѣдуетъ отмѣтить упоминаніе (стр. 128) о Соломонѣ и Балави (Балавара?), Амيرانѣ, Курѣ. Эги имена должны быть внесены грузинскимъ переводчикомъ „Висраміани“.

Сравненіе грузинской повѣсти съ персидской поэмой безусловно свидѣтельствуетъ ³⁾ о переводѣ первой съ персидскаго (пеглевійскаго?) языка. Такъ, на страницѣ 128 читается: „Хварасмъ на пе-

¹⁾ Въ „Висъ и Раминъ“ рассказывается также, что мать Зерда, брата Мобла, была родомъ изъ Индіи (стр. 146, 2 сл.).

²⁾ По мнѣнію *Ethé* (Essays und Studien, Берлинъ. 1872) „Висраміани“ представляютъ параллель къ кельтскому рассказу о приключеніяхъ Тристана и Исолды, воспѣтыхъ древне-нѣмецкимъ поэтомъ Готфридомъ Страсбургскимъ.

³⁾ См. мою статью въ „Моамба“ 1896 г., июнь.

глевійскомъ языкѣ означаетъ пріятную и плодоносную страну⁴. На стр. 3 грузинскій текстъ прямо заявляетъ, что 'Пахнуръ (=Гургани) передалъ пехлевійскій [прозаическій] рассказъ въ размѣренной рѣчи на персидскомъ языкѣ. Это мѣсто ясно говоритъ, что грузинскій переводъ восходитъ къ персидскому изложенію пехлевійской повѣсти. Но грузинскій переводчикъ, повидимому, не имѣлъ предъ собою той редакціи поэмы, которая издана въ Калькуттѣ. Онъ пользовался другой *прозаической* редакціей повѣсти о Висѣ и Раминѣ. Это явствуетъ изъ сходства общаго хода рассказа и значительнаго отступленія ихъ въ подробностяхъ и географическихъ названіяхъ. Мы приводили параллельныя мѣста на стр. 180, 182, 185, 192 и др., отличающія грузинскій переводъ отъ персидской поэмы Гургани. Такъ, въ персидской поэмѣ¹⁾ не находимъ именованія тѣхъ владѣній Моабада, которыя упоминаются въ грузинскомъ „Висраміани“. „Былъ великій и славный царь Адрабагана и всѣхъ племенъ и странъ владѣтель и громадныя сокровищъ обладатель. Владычествовалъ надъ Хорасаномъ, Туркестаномъ, Эракомъ, Адрабаганомъ, Коистаномъ, Хваразмомъ“... Нѣкоторыя имена гостей на пиру у Моабада даны въ грузинской повѣсти въ болѣе архаичной формѣ: таковы—Диниргесъ и Зарнигесъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ грузинскій текстъ лаконичнѣе персидскаго, какъ видно изъ сравненія нѣмецкаго перевода Гургани съ Тмогвели:

Graf, 382.

Sieh' wie viel Unglück sie heraufbeschworen,
Dass sie vermählten die noch nicht geboren!
Des Dunkelfarb'gen hat viel die Welt,
Was dem Verstande schwer zu bill'gen fällt.
Was das Geschick von Knoten weiss zu schlingen
Kann dem Verstand zu lösen nicht gelingen.
Sieh wie ein Netz es legte wunderbar,
Dass drin sich fing ein solcher König gar!
Es weckt'in seinem Herzen des Verlangen,
Zur Eh'die Ungeborne zu empfangen;
Nicht wachte der Verstand ihm offenbar,
Dass Unglück ihm die er nur gebar.

Висраміани, 8. Смотри, какую скорбь оба обрѣтутъ: тотъ не рожденному сосваталъ, а мать нерожденную выдала замужъ. Дѣянія судьбы и ея коварствы безчисленны. Судьба таковы узаны свяжетъ, что тысяча умовъ не развяжутъ, — такъ воспламенился тогда Моабадъ, что онъ на нерожденной женился.

¹⁾ Ее я имѣлъ возможность сравнить съ груз. повѣстью при содѣйствіи проф. Ф. Е. Корша, которому приношу искреннюю признательность.

Очевидно, персидский поэт больше разглагольствовалъ, быть можетъ вынужденный потребностями стиха, а грузинский переводчикъ строго держался персидскаго прозаическаго оригинала, который легъ въ основаніе и повны Гурганъ.

Сравнишь еще бесѣду Рамна съ красавицей Гуль по груз. и персид. тексту.

Graf, 421.

O Mond, sprach der erlauchte Râmfîn dann,
 Gib deinen Namen deinen Stamen mir an;
 Wie heissest du und welcher ist dein Haus?
 Wählst du zum Gatten oder nicht mich aus?
 Will Einer ehlich Sich mit dir verbinden,
 Wie viel will Mitgift deine Mutter finden?
 Wer ist in Gurâb deines Vaters Weib?
 Ist unberührt noch oder nicht dein Leib?
 Bezahlt man deinen Zucker mit dem Leben,
 Fürwahr gar wohlfeil wurd' er noch gegeben.
 Wie Honig zuckersüss sind deine Lippen:
 O sprich, wer darf von diesem Zucker nippen?
 Wie Keinem sich verbirgt der Sonne Licht,
 So bleibt verborgen auch die Liebe nicht.
 Drauf sprach zu ihm die wortbegabte Sonne,
 Der Engel, die Peri voll Reiz und Wonne:
 Woll darf ich offen meinen Namen nennen;
 Und wer ich bin, darf Jedem ich bekennen;
 Rufaida und Gohar sind Eltern mir,
 Bekannt durch guten Ruf im Lande hier;
 Mein Bruder fuhr der Grenze Wehr im Feld
 In Azerbâigén als tapferer Held!
 Da unter Rosen ich das Leben fand,
 So wurde duft'ge Rose ich genannt;
 Belobt der Staum der mir das Dasein gab,
 Von Hamadân stamm'ich und von Gurâb.
 Ich bin bestrahlt von ros, gem Duft und Licht
 Ich heisse Rose, rosig mein Gesicht.

Висраміани, 258—9.

О луна, скажи только, какое имя ты носишь или изъ какой фамилиі? Отдала ты кому себя или еще нѣтъ? Желаешь меня мужемъ или нѣтъ? Кто женится на тебѣ, съ него какую плату требуютъ твои родители? За какую цѣну ты отдаешь поцѣлуй? Если даже требуешь 1000 душъ, то и нѣтъ не жалѣю. Въ отвѣтъ сказала глаголющее солнце и воплощенная статуя (Буѣ): Какъ нельзя скрыться солнцу, такъ нельзя скрыть моего имени. Я не хочу сказать, кто я изъ простыхъ. Мать моя Гопаръ, а отецъ Рафедъ, владыка этого цар-

ства, а братъ мой владѣтель Адрабадагана. У меня братьевъ много, и всѣ го-
ліафы, богатыри и по происхожденію, и добродѣтелями, мы извѣстны и славны,
по матери и отцу мы безупречны. Одинъ изъ Гораба, а другая изъ Аміани. Я
сама называюсь „Гуль“ (роза), розовая согласно имени, любимая какъ роза
и пахучая какъ роза.

Итакъ, сравненіе показываетъ что риторическія украшенія и обиліе фразъ
составляютъ преимущественную черту персидской поэмы.

Повѣсть „Висраміани“ сопровождается вставками правоучитель-
ныхъ изреченій, которыя приводятся въ рубрикахъ подъ *араки* (раз-
сказъ) и *шегонеба* (наставленіе). Изреченія эти являются результатомъ
продолжительныхъ наблюденій, плодомъ житейской мудрости. „Когда
предстоитъ засуха, то признаки ея еще зимою замѣтны становятся“.
Это *араки*. Тутъ же приводится „шегонеба“, характеръ которой пред-
ставляетъ параллель *араки*: „что стрѣла не попадетъ въ цѣль, можно
видѣть по натянутому луку; какое дерево принесетъ мало плода,
проявится еще во время весенняго расцвѣта“. Правоученіе—„ѣшь пей,
веселись, раздавай, чтобы имя оставить.—Человѣка въ лихорадкѣ по-
сѣщаютъ, а влюбленный изъ году въ годъ томится въ огнѣ, но никто
его не провѣдаетъ.—Женщина разъ соблазненная, похожа на взну-
данную лошадь“. Моабадъ высказываетъ *араки*: „женщины болѣе скло-
няются къ страсти, чѣмъ къ имени; онѣ рождены несовершенными“.
Отрицая добродѣтели въ женщинѣ, авторъ рисуетъ внѣшнюю кра-
соту послѣдней въ преувеличенныхъ краскахъ: „Виса сидѣла, какъ
солнце на тронѣ, съ ногъ до головы была разодѣта въ жемчугъ и
драгоценныя камни. Предъ ней всѣ красавицы казались безобразными.
Благоухающее дыханіе ея способно было воскресить мертвого, изо
рта исходилъ аромать мускуса, на устахъ словно сіялъ цвѣтникъ
розъ“. Такое же описаніе *общими мѣстами* встрѣчается въ повѣсти
относительно Шахро и Гули. Авторъ скептически относится къ зем-
ному счастью: „о, судьба,—воскликаетъ онъ,—ты недолговѣчна! Я не
вѣрю твоей жалости“. Взгляды его ярко высказываются въ перепискѣ
Висы и Рамина. Онъ здѣсь достигаетъ тонкаго знанія человѣческаго
сердца, анализируя душевное состояніе несчастно влюбленныхъ. „Сердце
мое,—пишетъ Виса Рамину,—ищетъ тебя ежеминутно, какъ больной
выздоровленія“. Впадая въ восточный гиперболизмъ, Виса продолжа-
етъ: „когда вижу солнце или луну, мнѣ вспоминается твой ликъ, гдѣ
увидю розу, цѣлую ее жадно, видя въ ней отраженіе твоихъ лапшъ,
на зарѣ дуновеніемъ фіалки услаждаюсь я измученная горемъ, говоря:
это дыханіе моего возлюбленнаго.. Но ты столь любезный и ласковый
во снѣ, зачѣмъ такъ наяву безжалостенъ и неумолимъ!“ (292—3). Въ
девятомъ письмѣ она же пишетъ: „сердце у меня объято пламенемъ.

а душа чадомъ. Каждый вечеръ падаю ницъ предъ Господомъ и оплакиваю свою участь, и стонъ мой возносятся до небесъ, звѣзды внимаютъ воплямъ моимъ; рыдаю, какъ весеннее облако, гогочу, какъ горная куропатка, обливаю слезами ночной мракъ, рою землю до спины рыбы, на которой вселенная держится, ропщу, какъ море во время бури, трепещу, какъ ива отъ вѣтерка..." (311).

Изъ всѣхъ выше отмѣченныхъ особенностей грузинскаго перевода 'Пах'ура „Висраміани“ сравнительно съ поэмой о „Висѣ и Раминѣ“, написанной Гургани, позволительно заключить, что „Висраміани“ никакъ не можетъ быть названъ *буквальнымъ* воспроизведеніемъ персидской обработки, отъ которой прежде всего онъ отличается прозаической формой изложенія. Грузины такъ уважали стихотворную развѣренную рѣчь, прибѣгая къ ней даже въ сочиненіяхъ религиозныхъ и историческихъ, что не вѣрится въ воздержаніе отъ соблазна передать по-грузински стихами же поэму о Висѣ и Раминѣ, если только въ этомъ видѣ она была извѣстна переводчику. Вѣдь, переводили же на грузинскій языкъ въ стихахъ, хотя сокращенно, произведенія Фирдоуси, Низами, Аввари Сехали и др.,—почему же въ данномъ случаѣ предположить отступленіе отъ оригинала? Въ виду этихъ соображеній и фактовъ, вскрывающихся въ повѣсти о Висѣ и Раминѣ на персидскомъ и грузинскомъ языкахъ, мы заключаемъ, что грузинскій переводъ сдѣланъ съ недошедшаго до насъ прозаическаго персидскаго разсказа, который былъ своеобразно разукрашенъ поэтомъ Гургани.

Достоверно неизвѣстно, кто перевелъ на грузинскій языкъ повѣсть о Висѣ и Раминѣ. Хотя этотъ трудъ приписывается Саргису Тмогвели, но онъ считается, по Руставели, авторомъ недошедшей „Диларіани“.

Д и л а р і а н и.

По увѣренію царевича Теймураза авторъ *Диларіани*, Диларгетъ Саргисъ Тмогвели, о которомъ говорятъ Ш. Руставели въ послѣдней строфѣ своей поэмы, былъ государственнымъ ⁴⁾ секретаремъ царицы Тамары. Тмогви крѣпость и городъ лежитъ въ Ахалцихской области. Онъ воспѣлъ витязя Дилара въ книгѣ „Диларгетіани“. Диларъ былъ

⁴⁾ *Вахушти*, Исторія, 204, называетъ Саргиса Тмогвели, отправляющагося по порученію царицы Тамары, противъ Зузана, который захватилъ Тао, Кари и Вашловани. По лѣтописи же Саргисъ Тмогвели продолжаетъ служить при преемникахъ царицы Тамары—Георгіи, Русуданѣ и Давидѣ. Каргисъ Цлопрѣа⁴⁾ его называетъ „ученымъ, философомъ и риторомъ“. (I, стр. 297, 316, 375, 378, 380, 399).

Авторъ „Диларгетіани“, по замѣчанію издателя „Мѣрнаго слова“, умеръ въ 1190 г. Поэма его для насъ утрачена и восстановленная въ началѣ этого столѣтія Петромъ Ларадзе „Диларіани“ не даетъ указаній о происхожденіи автора „Диларгетіани“. Параллелизмъ же въ стихѣ Руставели требуетъ пониманія: „Гетъ Саргисъ изъ Тмогви воспѣлъ Дилара“.

Приводимъ краткое содержаніе *Диларіани*.⁵

I. Вылъ ') именной царь въ странѣ Абашетской (Абиссинія или Ивдія). Милость, справедливость и могущество покорили ему много народностей. Жители наслаждались общимъ миромъ и разными удовольствіями [пѣніемъ, музыкой, гимнастикой]. Столицей его былъ городъ Маргаритъ съ золотыми и серебряными дворцами и обтекаемый 4 рѣками. Установилъ царь обычай въ день своего рожденія раздавать жителямъ богатые дары и въ три года разъ обновлять составъ арміи, оставляя безпомощныхъ вмѣстѣ съ нищими и больными въ страннопріимныхъ домахъ. Слухъ объ его щедрости и завешенныхъ благодѣтельныхъ для народа порядкахъ дошелъ до царей отдаленныхъ странъ, и они прониклись желаніемъ видѣть благославленнаго всѣми повелителя „сильной монархіи“. Жителей онъ не обременялъ податями, а пользовался для государственныхъ доходовъ тѣмъ жемчугомъ, который выбрасывало ему собственное море. Улицы его столицы были обсажены драгоценными деревьями, листья и стволы которыхъ были сдѣланы изъ яхонта и изумруда. На нихъ чудныя птицы днемъ и ночью распѣвали разнообразныя пѣсни. Столь счастливымъ царемъ разъ овладѣло сознаніе, что онъ одинокъ, и нѣтъ у него достойной подруги. Для разсѣянія тоски онъ собрался въ сопровожденіи большой свиты на охоту и послѣ удачнаго истребленія звѣрей и птицъ онъ празднуетъ побѣду въ роскошныхъ палаткахъ, разукрашенныхъ портретами царей и философовъ и окруженныхъ рѣдкимъ садомъ по своимъ фруктовымъ деревьямъ, бассейнамъ и пахучимъ цвѣтамъ, но не находя среди избранныхъ дамъ-гостей пріятную для трона дѣву, онъ съ тоскою въ сердцѣ отправляется на охоту въ болѣе дальнія страны. Здѣсь, въ лѣсу онъ встрѣчаетъ одного юношу, громко рыдающаго надъ портретомъ одной красавицы. Царь Диларъ-Мдзевели [т. е. побѣдоносець] приблизился къ нему и сталъ разспрашивать юношу о постигшей его судьбѣ. Тотъ ограничился молчаливымъ выраженіемъ благодарности. Диларъ сталъ его успокаивать,—совершилъ съ нимъ охоту, и убивъ сто слововъ, при-

⁵) Объ отрывкахъ изъ „Диларіани“, внесенныхъ въ „Амиранъ-Дареджанини“ см. у меня выше.

были домой вмѣстѣ, гдѣ устроили торжественный пирь. Царь велѣлъ визирямъ и своимъ приближеннымъ подчиняться юношѣ, какъ своему владыкѣ. Юноша оказался Нушерваномъ—царевичемъ, сыномъ Финеза, владѣтеля великаго Мкинвари („страны холода“ или сѣвера). Прежде чѣмъ сказать что-либо о себѣ, царевичъ сталъ лить слезы, прося помощи у Дилара. Всѣ присутствующіе прониклись къ нему чувствомъ жалости.

II. Нушерванъ былъ отданъ, по его словамъ, отцемъ его на воспитаніе визирю Ефосу. Вмѣстѣ съ царевичемъ росъ сынъ визиря Ларось. 15 лѣтъ царевичъ превосходилъ всѣхъ въ охотѣ и ловкости. Слухъ объ его славіи далеко распространился. Разъ на возвратномъ пути съ охоты онъ встрѣтилъ челоуѣка, который вручилъ ему письмо и портретъ прекрасной дамы, овладѣвшей всѣмъ его сердцемъ. Изъ письма онъ узналъ, что неизвѣстная красавица приглашаетъ его къ себѣ. Податель посланія объяснилъ, что онъ рабъ владѣтеля Британіи (!). Дворецъ британскаго повелителя осаждаютъ многіе царевичи, состязающіеся съ британскими героями („бумбуразами“), прося руки царевны, но послѣдняя слышала о Нушерванѣ и не хочетъ имѣть никого мужемъ кромѣ него. Нушерванъ, посмотрѣвъ на портретъ, упалъ въ обморокъ и, пришедши въ сознаніе, разсиропилъ гонца, не поздно ли будетъ ему отправиться въ Британію. Получивъ отвѣтъ, что крѣпость царевны взять трудно, онъ вернулся домой и немедленно созвалъ совѣтъ вельможъ. Воспитатель его, визирь, сталъ отговаривать отъ опаснаго предпріятія, но царевичъ упорствовалъ и упросилъ его взять у отца разрѣшеніе отправиться. Царь долго отказывалъ, но потомъ согласился. Нушерванъ съ 30.000 отборнымъ комплектомъ юношей пускается въ поиски за красавицей, въ сопровожденіи Лара [Ларось] Отправивъ письмо къ ней чрезъ присланнаго ею же гонца съ извѣщеніемъ о прибытіи въ Британію, онъ получаетъ отъ нея любвеобильный отвѣтъ и кольцо въ знакъ дружбы. Царь Британіи, узнавъ о появленіи въ его предѣлахъ царевича Мкинварскаго, прислалъ ему сказать чрезъ своего визиря, что Нушерванъ напрасно будетъ пытаться завоевать сердце его дочери,—овладѣть ею не такъ легко, какъ онъ привыкъ избивать дикихъ звѣрей. Отецъ царевны предлагаетъ царевичу лучше испробовать свои силы въ борьбѣ съ его витяземъ Рамшиномъ. Царевичъ согласился, и въ ту же ночь получилъ тайное приглашеніе отъ царевны явиться къ ней. Первая встрѣча, подобно свиданію Таріеля съ Нестанъ-Дареджаню, кончилась молчаливой сценой: юноша былъ пораженъ молніеносными ся взглядами и не могъ поднять взора на „спустившуюся“ съ неба луну, увѣчанную короною,

облеченную въ порфиру. Посидѣвъ немного, онъ получилъ предложеніе отъ фрейлины царевны оставить послѣднюю сегодня въ покоѣ, такъ какъ она не въ состояніи говорить. Юноша съ грустью подчинился этому приказу, а ночью получилъ отъ нея для предстоящей борьбы съ британскимъ витеземъ дротикъ (Ср. *zuripi* въ „Русудавіани“). Въ бою, происходившемъ въ присутствіи царя и его свиты съ подданными, успѣхъ состязанія долго колебался и, наконецъ, съ помощью „того дротика“ пробилъ спиву онъ „спасалару Рамшинину“, а послѣ него, одолѣвъ еще сто витезей, къ вечеру вернулся домой. Ночью на свиданіи съ царевною юноша получилъ въ награду за побѣду цвѣты, сладкіе фрукты и платокъ для перевязки легкой раны, но къ утру, повлывшись ей въ готовности въ-за нея сразиться со всѣми британскими витезями, онъ покинулъ ее, не рѣшившись при всемъ страстномъ желаніи приложиться къ ея ручкѣ. Британскій владѣтель, огорченный смертью своего спасалара, вызвалъ юношу къ бою съ витеземъ Бангаспомъ. Нушерванъ богато одарилъ присланнаго по этому поводу человѣка и изъявилъ согласіе. Гулнази присылаетъ ему каску и кольчугу чрезъ гонца Море. При звукахъ музыки происходитъ бой, побѣдителемъ остается *Нушерванъ*. Изъ объясненія съ Гулнази Нушерванъ узналъ, что британскій владѣтель не хочетъ выдавать своей дочери за него, такъ какъ отецъ царевича объ этомъ ничего не пишетъ, а царевну принуждаютъ отказаться отъ слова, даннаго избраннику ея сердца. Но она клянется ему въ вѣчной любви и разрѣшаетъ ему себя поцѣловать, чтобы это лобзаніе поддержало ее въ предстоящей борьбѣ съ Гальскимъ царевичемъ Бурбономъ (!), предъ началомъ которой она прислала ему хорошаго коня. Бурбонъ, возбудившій восторгъ своей красотой и ловкостью въ присутствовавшихъ на состязаніи предъ выходомъ Нушервана, былъ убитъ послѣднимъ, а впослѣдствіи съ подобающими царю почестями оплаканъ и положенъ въ гробъ. Царевна наградила побѣдителя новымъ позволеніемъ поцѣловать себя, и когда царевичъ въ огнѣ блаженства и страстнаго желанія овладѣть ею встрѣчаетъ отпоръ съ ея стороны, онъ впадаетъ въ обморокъ и приводится въ чувство возлюбленной красавицей. Онъ получаетъ отъ нея прощеніе и совѣтъ ждать до законнаго бракосочетанія, а пока воздерживаться отъ кровопролитія въ состязаніяхъ съ царевичами, которыхъ британскій владѣтель предполагаетъ выставить противъ него. Она желала бы, чтобы онъ, не убивая противниковъ, только одерживалъ надъ ними верхъ. Выпивъ чашу вина и съѣвъ фрукты изъ ея рукъ, царевичъ далъ слово строго слѣдовать ея приказу.

Визирь отъ имени британскаго владѣтеля требуетъ поваго со-

стязанія Нушервана съ польскимъ царемъ Гоһаромъ. Нушерванъ былъ тутъ раненъ въ голову, но послѣ сильнаго столкновенія польскій король былъ сброшенъ съ коня съ переломленнымъ плечомъ. Нушерванъ пробирается въ его палату, приставляетъ къ нему врачей и такъ они сближаются, что расстаются любезными друзьями. Гоһаръ по выздоровленіи устроилъ пирь, на который былъ приглашенъ и Нушерванъ. Когда былъ выпитъ тостъ за царевну Гулнази (т. е. „вѣжная сердцемъ“), прибыли послы отъ британскаго владѣтеля, который требовалъ, чтобы Нушерванъ вступилъ заразъ въ бой съ тремя царевичами, его конкурентами. Съ горя, такъ какъ получилъ отъ царевны письмо съ упрекомъ въ равнодушію къ ней, юноша согласился, а вечеромъ пришла къ нему Роадомъ, воспитательница красавицы, которая его успокоила и пригласила къ возлюбленной.

Царевна приняла его благосклонно и напомнила о необходимости сразить трехъ царевичей испанскаго Перлориса, американскаго (?) Фортуна и австрійскаго Итали. Хотя первый бросилъ въ него копьё, второй мечъ, а третій стрѣлу, но Нушерванъ только получилъ раны, а тѣ сброшены съ коней и побѣждены. Новое приглашеніе къ Гулнази и наслажденіе ея лобзаніемъ были наградою Нушервану. Слѣдующій бой съ британскимъ спасаларомъ, Бардасомъ, кончается также въ пользу царевича Мкинварскаго и увѣнчивается полнымъ блаженствомъ на свиданіи съ царевной. Она объявляетъ ему о существованіи города циклоповъ, который защищаютъ горы и обтекаютъ четыре огненные рѣки. Тамъ живетъ и самъ Вулканъ, а пробраться туда удалось ея отцу, по пораженіи одного именитаго героя, который и посовѣтовалъ британскому владѣтелю испытать свои силы въ борьбѣ съ циклопами. Долго пришлось отцу царевны тщетно стоять у огненныхъ рѣкъ. Разъ когда купцы, зная моментъ ослабленія огня, пробирались въ городъ, владѣтель британскій въ купеческомъ одѣяніи пробрался за ними, вызвалъ горожанъ къ бою, побѣдилъ ихъ и процарствовалъ надъ ними три года. По оставленіи ея отцомъ города, жители укрѣпили послѣдній вооруженными людьми, и теперь предлагается Нушервану пробраться къ нимъ и покорить ихъ себѣ, такъ какъ этого желаетъ ея отецъ. Нушерванъ опечалился. Онъ готовъ былъ зарѣзаться ножемъ, но царевна его остановила и обѣщала хлопотать предъ отцомъ о позволеніи вѣнчаться съ нимъ. Царевичи, противники Нушервана, во имя дружбы съ нимъ, также ходатайствуютъ предъ британскимъ владѣтелемъ, чтобы онъ выдалъ свою дочь за Мкинварскаго героя. Британскій повелитель ставитъ условіемъ, чтобы Нушерванъ

изъял городъ циклоновъ, у которыхъ находится же въ плѣну царица,—отъ нея и Нушерванъ получилъ письмо съ мольбой спасти ее изъ рукъ чудовищъ. Мкинварскій герой сталъ проливать слезы надъ присланнымъ письмомъ, и въ это время вошли четыре царевича, бывшіе его противники, а нынѣ уже друзья, которымъ онъ показалъ посланіе возлюбленной. Они немедленно предложили свои услуги идти вмѣстѣ съ нимъ отбить у враговъ царевну и, захвативъ по 100 лучшихъ воиновъ, они отправились въ Морское царство къ циклопамъ. Но войти они туда не сумѣли, такъ какъ огненные рѣки сильно опалили ихъ, и пришлось ждать очереднаго ослабленія пламени. Наступилъ этотъ моментъ, но циклопы объявили имъ страшную войну, и царевичи въ первый день отступили. Въ единоборствѣ также выступившій польскій царевичъ противъ Морскаго витязя, Гаго, потерѣлъ поражение и раненъ былъ, но за то его одолѣлъ Нушерванъ. Поразить циклоповъ оказалось невозможнымъ, такъ удары наносимые отскакивали отъ ихъ вооруженія и на одного противника шло сто циклоповъ. Рѣшено было вернуться царевичамъ домой и съ новыми силами потомъ осадить городъ. Нушерванъ обрадовалъ своихъ родителей возвращеніемъ, но постоянныя слезы огорчали его отца, и сынъ вынужденъ былъ рассказать причину печали. Финезъ рассказалъ въ облегченіе его тоски свою исторію, изливъ чувство любви и надеждъ, возлагаемыхъ на сына ¹⁾.

III. Любимецъ своего отца, Финезъ, долго жилъ на свободѣ, проводя время на охотѣ и въ конскихъ скачкахъ. Отцу показалось, что наступилъ моментъ его женитьбы, и просилъ сына выбрать невѣсту. Настоятельныя требованія отца вынудили Финеза запросить своего преданаго воспитателя Эгроса, можно-ли ему жениться на той, которую предлагаетъ ему царь. Финезъ письменно далъ положительный отвѣтъ. Однако, молодой царичъ почему-то впоследствии кажется, что Эгросъ былъ противъ ихъ брака, хотя царь показывалъ его письмо, и возненавидѣла его. Когда Финезъ сдѣлался царемъ, по смерти отца, то онъ отправился путешествовать по чужимъ странамъ, а жена въ письмахъ къ нему настаивала, чтобъ онъ наказалъ Эгроса, такъ какъ онъ будто измѣнникъ. Царь не внималъ доносамъ. Переходя къ положенію сына, Финезъ совѣтуетъ ему обратиться за помощію къ могущественному Дилару. Послѣдній Нушервану, мы знаемъ, общается

¹⁾ Эти вставочные эпизоды о геройскихъ приключеніяхъ въ-за руки красавицы напоминаютъ общій ходъ разсказа съ отступленіями о Зигфридѣ, Гунтерѣ, Брунгильдѣ и Брунгильдѣ въ нѣмецкой поэзіи о *Нибелунгахъ*.

горячее участіе. Заказать своимъ мастерамъ вооруженіе, подобное по крѣпости циклопскому вооруженію, привезенному Нушерваномъ, Диларъ избираетъ тысячу лучшихъ вельможъ и коней, совершаетъ пышную охоту, гдѣ спасаетъ Нушервана, поднятаго какимъ-то звѣремъ на рога, а по возвращеніи домой, онъ поручаетъ правленіе государствомъ близкимъ лицамъ, а самъ съ Нушерваномъ и большимъ войскомъ направляется къ городу циклоповъ. Здѣсь онъ приказываетъ прорыть тайный входъ въ городъ и ждетъ ослабленія огня. Въ это время приходитъ отъ Гулнази гонецъ Море съ письмомъ къ Нушервану. Она жалуется на свое несчастное плѣненіе и готова поднять на себя руку. Диларъ послалъ надежду на скорое освобожденіе и заключеніе ея брака съ Нушерваномъ. Дѣйствительно, онъ грозно ополчается съ избраннымъ отрядомъ на городъ, ломаетъ его желѣзные ворота, избиваетъ стражу и вступаетъ побѣдно въ городъ циклоповъ. Здѣсь произошла рукопашная схватка, въ которой одержали верхъ Диларъ и Нушерванъ. За этимъ кровопролитнымъ сраженіемъ слѣдуетъ трогательная встрѣча Нушервана и Гулнази, которые отъ прилива радости долго остаются въ объятіяхъ, проливая слезы. Отецъ ея пытается ихъ разъединить и врывается съ войскомъ въ городъ циклоповъ, но терпитъ пораженіе и отправляется Диларомъ въ кандалахъ въ заключеніе. Возводятся два богатыхъ трона на площади для Нушервана и Гулнази, и празднуется вступленіе ихъ въ давно желанный бракъ. Гулнази прославляетъ силу Дилара, доставившаго ей счастливыя узы, а онъ подноситъ ей драгоцѣнные подарки, называя ее любезной сестрой. Освободили изъ плѣна британскаго владѣтеля, который со слезами просилъ прощенія у Дилара въ злыхъ дѣяніяхъ и упорствѣ противъ Нушервана,—послѣдній снизошелъ и вернулъ ему царскій тронъ и подобающія почести. Начинаясь роскошный пиръ.

IV. Диларъ Абашетскій всѣхъ поражалъ любезностью и вѣжливостью. Разъ происходитъ пиръ у британскаго повелителя, на которомъ щедро раздаются дары. Диларъ объявляетъ, что имъ Нушерванъ провозглашенъ царемъ Галліи. Галлы съ радостью принимаютъ молодую чету. Во время торжества Нушервану и Гулнази подносятся визирями и жителями богатые подарки. По желанію Дилара, Нушерванъ вызываетъ польскаго царя Гоһара, который является поспѣшно и заключаетъ братскую дружбу съ обоими молодыми могучими царями. Самъ британскій владѣтель смягчается и умоляетъ Дилара почтить его своимъ посѣщеніемъ въ странѣ Морской. По пути эту разноплеменную царскую компанію встрѣчаютъ пѣвцы и музыканты, а

вступивъ въ столицу, отецъ Гулнази расплакался и передалъ ей 3,000 ключей отъ различныхъ сокровищъ. Слезы закончились обильнымъ пиромъ. Черезъ годъ Гулнази подарила Нушервану красиваго мальчика, лицомъ похожаго на луну, а физическимъ строеніемъ на порожденіе льва“. Диларъ и царевичи сопровождаютъ Нушервава съ женою къ его отцу, Финезу, который восторженно принимаетъ ихъ, осыпаетъ поцѣлуями внука и устраиваетъ пиръ. Диларъ представляетъ Финезу британскаго владѣтеля. Здѣсь въ домѣ Финеза Гулнази рождаетъ еще двухъ сыновей, по поводу появленія которыхъ парица получаетъ цѣнные подарки отъ Дилара, царевичей и другихъ. Диларъ пользуется разъ случаемъ разспросить Финеза о молодости. Онъ разсказалъ о Солнечномъ городѣ и его царѣ.

V. Финезъ, путешествуя очень много вмѣстѣ съ визиремъ Эгросомъ, разъ попалъ въ такую страну, жители которой днемъ скрывались въ подземельяхъ, а ночью выходили въ своихъ свѣтлыхъ платьяхъ для работъ. На распросы Финеза одинъ старецъ разсказалъ, что ихъ страна лежитъ на краю восхода солнца. Населеніе красиво и земля изобилуетъ плодами и благоуханными цвѣтами, но жители ничѣмъ не походили на обитателей другихъ государствъ. Царь у нихъ Зесотрисъ, а царица Естеръ—люди мудрые и справедливые. Визирь ихъ Джануджанъ—воспитанникъ Эгроса, визиря Мкинварскаго царя. Финеза такъ заинтересовала эта страна, что онъ предложилъ старцу представлять на смѣну ежегодно въ распоряженіе царя Восхода солнца по 4 своихъ подданныхъ, которые могли бы приносить ему вѣсти о населеніи этого таинственнаго государства. Предложеніе было принято, и воинъ Дилара разсказываетъ Финезу, что за годъ до его (Дилара) прихода получено имъ извѣстіе, что Зесотрисъ скончался и воцарилась дочь его красавица—Анавсіа. Она построила, по числу знаковъ зодіака, 12 яхонтовыхъ башенъ, окруживъ ихъ богатѣйшими садами, и проводитъ поочередно въ каждой изъ нихъ время подъ охраной 12.000 вельможъ. Кончилъ разсказъ Финезъ, расцѣловалъ его Диларъ, въ которомъ уже зародилось чувство любви къ незнакомой Анавсіи. Ночью отъ думъ объ ней не спитъ герой, но днемъ вида не показываетъ, продолжая съ друзьями веселиться. Диларъ пожелалъ видѣть Эгроса, который при появленіи въ стихахъ ему говорить большую похвальную рѣчь, называя его сильнѣйшимъ *монархомъ*, непобѣдимымъ героемъ, проливающимъ свѣтъ на востокъ и западъ. Эгросъ представилъ Дилару и сына своего Лара. Диларъ получаетъ письмо изъ своего государства, извѣщающее его о приходѣ какихъ-то пословъ съ посланіемъ и драгоценной коробкой. А раболѣпные ви-

зири поспѣшили отпавить къ нему гонцовъ, которые подобострастно поднесли своему повелителю полученныя вещи. Эгросу поручено было прочесть письмо; узнали, что красавица Анавсія влается ему и сообщаетъ, что, согласно волѣ покойнаго своего отца, она намѣрена только за него выйти замужъ, какъ за человѣка, покрывшаго себя всюду славой. Но замокъ ея пниѣ окружаютъ другіе претенденты—цари витайскій, асурскій ¹⁾, индійскій, вавилонскій, египетскій и скенскій. Совѣтуетъ она поспѣшить къ ней и могучей рукой своей ихъ поразить. На совѣщаніи Дилару предлагаетъ свои услуги польскій царь Гохаръ и Нушерванъ, причеъ послѣдняго настойчиво уговариваетъ Гулнази принять участіе въ экскурсіи Дилара въ возмездіе за труды, повесенные послѣднимъ при ея освобожденіи изъ плѣна. Финезъ противъ тѣхъ явленій чародѣйской страны, съ которыми имъ придется встрѣтиться далѣ спасительныя средства: камень въ стальной оправѣ для ношенія на шеѣ противъ огня колдуновъ, мазь на полотнѣ для прикрѣпленія къ подошвѣ и подкову коней, необходимую при переправѣ черезъ рѣку, лѣкарство въ пузырькахъ для смазыванія носа противъ ихъ чаръ и для смазыванія груди, въ видахъ устраненія страха, воду для смачиванія глазъ противъ угрожающаго имъ мрака, траву для прекращенія имѣющаго подняться снѣга. Помимо этихъ лѣкарствъ, Финезъ совѣтуетъ имъ сражаться только булавою, такъ какъ прочія орудія чародѣйствомъ направляются противъ нихъ же. Диларъ поблагодарилъ его и въ сопровожденіи прекрасно разодѣтой свиты пустился въ путь.

VI. По пути въ очаровательную область Дилара встрѣчаетъ индійскій караванъ, на который напали разбойники въ главѣ героя Нарси, убившаго индійскаго витязя Индо ²⁾. Купцы обратились за помощью къ Дилару. Одинъ изъ витязей послѣдняго поражаетъ Нарси и беретъ его въ плѣнъ, а злоумышленники его скрываются. Караванъ въ благодарность устраиваетъ для Дилара пиръ, а о личности его рассказываетъ купцамъ польскій царь. Одинъ изъ „великихъ купцовъ“ Раджиба, по желанію Дилара сообщаетъ свѣдѣнія о странѣ чародѣевъ, говоря, что алтайскій царь ополчается на нее и совѣтуетъ быть осторожнымъ въ борьбѣ съ разбойниками, и предлагаетъ Дилару взять одного изъ его (Раджиба) спутниковъ въ качествѣ проводника. По дорогѣ ночью стали сторожить поочередно: первымъ вызвался польскій король, за нимъ военачальникъ Дилара Марси, а послѣ Нушер-

¹⁾ Асурскій, т. е. Ассирійскій.

²⁾ Ср. Амшранъ-Дареджаніани.

ванъ. Нападєнія разбойниковъ кончались ихъ плѣнєніемъ, но Диларъ великодушно отпуская ихъ на свободу.

При наступленіи большой опасности проводникъ попросилъ самого Дилара ночью посторожить и защитить всѣхъ отъ нападенія разбойниковъ. Диларъ согласился, причѣмъ плѣнилъ не только простыхъ участниковъ въ шайкѣ, но ея главу, царя разбойниковъ—Зорастана. Утромъ онъ потребовалъ клятву, что они перестанутъ разбойничать, угрожая въ противномъ случаѣ наказать ихъ смертью. Зорастанъ пригласилъ Дилара со свитою въ свой городъ и здѣсь торжественно предъ четырьмя волками, посаженными у нихъ въ золотую клятву, они клялись въ вѣрности Дилару, при чемъ поднесли много цѣнныхъ подарковъ. Диларъ сталъ ихъ убѣждать бросить поклоненіе звѣрямъ и увѣрять въ Единого Творца вселенной и Троицу Нераздѣльную. Добрая рѣчь Дилара имѣла хорошее вліяніе на слушателей,—Зорастанъ съ вельможами призадумались и склонились къ вѣрѣ Дилара. Зорастанъ самъ вызывается сопровождать Дилара и перегоняетъ громаднаго стада коровъ и барановъ для убоя. Стали приближаться чрезъ высокіе лѣса къ странѣ чародѣевъ и, наконецъ, подѣхали къ рѣкѣ, составлявшей ея границу.

VII. Отпустивъ Зорастана, Диларъ первымъ въ сопровожденіи Нушервана, Гоһара, спасалара Марси и 1000 воиновъ вступили въ околдованную страну. По пути они встрѣтили кастратовъ, повѣшенныхъ на деревья, убитыхъ и испускающихъ духъ отъ чаръ. Будучи Диларомъ снятъ съ дерева для распроса, одинъ изъ умирающихъ обратился въ огненнаго дракона и по зову его всѣ повѣшенные ожили, поднялись въ видѣ драконовъ къ небу и бросили оттуда на свиту Дилара громадные камни. Но Диларъ и его спутники спаслись благодаря тому камню въ стальной оправѣ, который они привѣсили къ себѣ на шею по совѣту Финеза. Тогда драконы вступили въ бой, испуская огонь. Диларъ пустилъ въ ходъ булаву и многихъ перебилъ. Всѣ устали, одинъ Диларъ, „улыбался“ продолжалъ борьбу. Спасаларъ Нушервана, Ларъ, убили старшаго дракона, а за нимъ одни исчезли, а другіе остались мертвыми. Отдохнувъ въ ту ночь, на другой день пошли дальше и встрѣтили четырехъ слоновъ, держащихъ въ пасти по одному отроку. Диларъ сжалился надъ отроками. Убивъ трехъ слоновъ, онъ освободилъ трехъ отроковъ, но четвертый убѣжалъ. Убѣжавшій слонъ и отроки обратились въ огонь, не причинившій, однако, ему вреда. На вой льва (=слона) явилось вооруженное войско, которое въ 3 дня перебиваютъ Диларъ и его спутники, но число противниковъ не уменьшается, пока Нушерванъ булавою не поражаетъ слона (то именующагося въ разсказѣ львомъ).

Затѣмъ приходится имъ состязаться съ возсѣдающими на словахъ великанами, которые обливали Дилара страшной струей воды, но спасатель Марси, убивъ самаго большаго великана, оканчиваетъ бой успѣшно. Но появляются съ ужасными ногтями птицы, которыя похищаютъ Нушервана, Гоһара и самаго Марси. Здѣсь Диларъ легкимъ ударомъ булавы вырываетъ добычу у поднявшихся въ воздухъ птицъ. Слѣдующій бой объявили другіе великаны и ихъ царь Тамтары, котораго побѣждаетъ Диларъ. При дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи показываются водоносы, нагруженные громадными кувшинами. По ихъ объясненію, они воины китайскаго царя, оставшіеся у чародѣевъ, которые заставляютъ таскать и строить башни. Они увѣряютъ Дилара, что и его ждетъ та же участь и приглашаютъ переночевать въ ихъ башнѣ. Диларъ соглашается, но отъ ихъ угощенія, возбужденнаго въ Гоһарѣ подозрѣніе обиліемъ, отказывается, и потому получаетъ предложеніе оставить ихъ башню. Спутники Дилара выходятъ изъ башни и на другой день разоряютъ ее. Торжествуя побѣду, Нушерванъ пригналъ скотину, которая обратилась въ львевъ, но были перебиты булавами. Черезъ недѣлю послѣ этого состязанія Диларъ и спутники миновали города и остановились въ роскошномъ полѣ на берегу рѣки. Здѣсь показались женщины, оплакивающія мужей и призывающія Дилара и его спутниковъ. Онѣ осыпали ихъ пескомъ, и послѣдніе лишились зрѣнія, пока не воспользовались даннымъ Финезомъ лѣкарствомъ. Далѣе встрѣтили плачущихъ юношей, которыхъ они старались успокоить сахаромъ. Они же обратились въ грозныхъ тигровъ, но были побѣждены. Вступивъ въ богатый городъ, имъ протягиваютъ руки слѣпые старцы, которыя поднимаютъ такой дымъ, что Диларъ ничего не можетъ разобрать, пока не обратились къ маслу и водѣ, полученнымъ отъ Финеза. Булавами старцы перебиты. Возникаетъ новая борьба у Дилара и его спутниковъ съ четырьмя великанами на единорогахъ; первые остаются побѣдителями. Встрѣтившіеся имъ львы также поражены, стая волковъ съ овечками въ пастбахъ вызываютъ погоню Диларъ до пещеръ, гдѣ овечки превращаются въ красивыхъ дѣвицъ и объявляютъ страшную, но въ концѣ концовъ бесполезную для себя войну. Диларъ ихъ сразилъ. Толпа вооруженныхъ людей перегораживаетъ Дилару дорогу, по ихъ повеленію начинаютъ колебаться звѣзды и луны въ знакъ гнѣва неба надъ пришлецами, проливающимися кровью невинныхъ, но столкновеніе ихъ съ Диларомъ. вспомявшимъ о давномъ Финезомъ маслѣ, кончается торжествомъ героя. За этими послѣдовали драконы, на которыхъ возсѣдали трубачи, наводившіе ужасъ на спутниковъ Дилара. Но какъ и всегда

онъ остался въ борьбѣ непобѣдимымъ. Черные индѣйцы съ копьями на слонахъ также склоняютъ главы свои предъ могущественнымъ Диларомъ ¹⁾).

Видя себя всюду побѣжденнымъ, царь очарованной страны Горшарабъ посылаетъ визирей Абашетскому владѣтелю Дилару, Мкинварскому Нушервану и польскому Гохару съ просьбой о пощадѣ. Побѣдители рѣшили на совѣщаніи испытать искренность Горшараба, и съ этою цѣлью отправляется польскій царь, который предлагаетъ друзьямъ идти къ нему за помощью, если чародѣи прибѣгнутъ „къ черной силѣ“ противъ него. Но Горшарабъ дѣйствительно вѣлся никогда чародѣйствомъ не заниматься, при этомъ и онъ, и его подданные проливали горячія слезы. Диларъ послалъ письмо къ царю разбойниковъ о всѣхъ совершенныхъ имъ подвигахъ въ борьбѣ съ Горшарабомъ и вызывалъ проводника Муджираба съ 1000 воиновъ. Самъ царь Зорастанъ немедленно является, Диларъ съ нимъ и Горшарабомъ совѣщается о способахъ проникновенія въ городъ Солнца.

VIII. Горшарабъ рассказываетъ о несмѣтныхъ богатствахъ и фантастической красотѣ города Солнца, гдѣ царствуетъ Анувсія, единственная наслѣдница Зесостра. Отецъ воздвигъ ей, появившейся послѣ долгихъ ожиданій, 12 башенъ, которыя охраняются сильной стражей изъ вельможъ. Такъ какъ проникнуть туда трудно, то Горшарабъ, въ благодарность за освобожденіе его страны отъ чародѣевъ, даетъ 100 хорошихъ рудокоповъ Дилару, способныхъ прорыть ходъ въ жаркомъ поясѣ города Солнца. По этому тайному ходу пробираются Диларъ, Гохаръ, Нушерванъ и Зорастанъ со свитой. Красота города и страсть къ возлюбленной, наконецъ, такъ овладѣваютъ Диларомъ, что онъ впадаетъ въ обморокъ, и съ трудомъ приводятъ въ чувство этого льва, цвѣтущаго юношу, главу рыцарей. Нушерванъ его ободряетъ близостью счастья; все располагаетъ къ мысли, что цѣль достигнута: „нѣжно колышущіяся нвы курать благовоіе, воздухъ просвѣтленъ присутствіемъ твоей возлюбленной, листья деревьевъ тебѣ шепчутъ о приближеніи ея, сверкающія воды свидѣтельствуютъ объ ея ненорочности, роза служатъ отблескомъ ея ланитъ, мускусъ своимъ запахомъ приглашаетъ тебя въ ея груди, фіалки, робко опустивши голову, даютъ тебѣ знать о грусти красавицы, опечаленной такими твоими состояніемъ, сладко поющія птицы радуются вашему свиданію, звѣзды ярко горятъ и рассказываютъ другъ

¹⁾ Псалтырь „Диларіана“ выражаетъ читателя многословіемъ, повтореніями и тождественными описаніями природы и героевъ.

другу о предстоящей вашей свадьбѣ, солнце щедрѣе разсыпаетъ лучи, луна усилила окроплять росой распускающіеся цвѣты и вся природа блаженствуетъ (стр. 222—3), выражая чувства веселья по поводу окончанія такого труднаго предпріятія^а. Нушervанъ благодаритъ небо, что возвратило оно сознаніе Дилару. Послѣдній напоминаетъ первому такое же состояніе, когда тотъ добивался руки своей красавицы, и проситъ извиненія за причиненныя огорченія. Они вступили въ тотъ городъ, гдѣ не бываетъ ночей. Ихъ принимаютъ въ роскошныхъ палатахъ и угощаютъ на золотѣ и серебрѣ. По приглашенію Анавсіи, возсѣвшей на тронѣ среди площади, Диларъ вступаетъ въ бой съ четырьмя ей измѣнившими спасаларами, побѣждаетъ ихъ но самъ также падаетъ съ коня, пораженный лучами своей возлюбленной¹⁾. Однако, ихъ свиданіе откладывается и, какъ объясняетъ, ея фрей-лина, Зефири, въ царскомъ саду Диларъ не скоро удостоится чести видѣть Анувсію. Мучительное ожиданіе предъ свиданіемъ съ предметомъ страсти приводитъ Дилара въ такое ослабленіе, что падаетъ въ обморокъ, когда онъ объясняется съ Зефири и приходитъ въ себя при горестныхъ причитаніяхъ самой Зефири. Послѣдняя докладываетъ своей повелительницѣ о страданіяхъ Дилара. Слезы у него льются словно струи Тигра, стоны сердечные не оставляютъ его ни на минуту, имя Анувсіи не сходитъ съ его устъ. Красавица, наконецъ, смягчилась и послала своему поклоннику царскій скипетръ и увѣренія въ прежней привязанности къ нему, о которой она свидѣтельствовала уже письменно. Проситъ она его успокоиться и приготовиться къ свадьбѣ. Диларъ развеселился и принимаетъ участіе вмѣстѣ съ Джануджаномъ, визиремъ Анувсіи, въ пирѣ, устроенномъ его спутниками-царями. Во время пира онъ получаетъ приглашеніе чрезъ Зефири явиться въ садъ. Съ неудержимымъ волненіемъ онъ ждетъ давно желанной минуты.

IX. Визирь Джануджанъ читаетъ Дилару завѣщаніе отца Анувсіи Зесотра, по которому покойный царь оставляетъ свою корону и дочь на попеченіе Абашетскаго владѣтеля, прося его любить нѣжно воспитанную имъ царевну. Въ завѣщаніи онъ говоритъ, что, по словамъ визиря Джануджана, Анувсіи родитъ ему трехъ дѣтей, подобныхъ которымъ Индія не знаетъ. Советуетъ въ благодарность за такую радостную вѣсть, внучку Джануджана, дочь Саурмага (сына перваго визира), получившаго корону и нѣсколько городовъ, выдать

¹⁾ Герои слишкомъ часто падаютъ въ обморокъ при видѣ красавицы и проливаютъ потоки слезъ.

за польскаго царя Гоһара, Зефири за Марси, а за Лара знатную особу Сосану. При чтеніи этого завѣщанія присутствующіе лили слезы, а Диларъ приказываетъ въ теченіе 40 дней облечь все государство въ трауръ и раздавать милостыни, прекратить веселье въ скорбное воспоминаніе о царѣ. Онъ же проситъ у Анувсіи помилованія четырехъ провинившихся спасаларовъ. По истеченіи срока начинается торжество въ г. Кекелѣ, гдѣ Джануджанъ приноситъ отъ 4000 кладовъ ключи, оставленные Дилару Сезотромъ ¹⁾. Этотъ же визирь подалъ Дилару списокъ городовъ, ему отнынѣ подвластныхъ. Саурмагъ получаетъ новый рескриптъ отъ Дилара, которымъ онъ снова утверждается царемъ и собственноручно коронуется. Саурмагъ задаетъ роскошный Дилару и его спутникамъ пиръ. Столы были накрыты на площади, вокругъ которой были пристроены бассейны для винъ. Подъ столами искусственно провели рѣчку, которая подняла пирующихъ на воздухъ на значительную высоту и оставили въ такомъ положеніи, а по окончаніи пира спустила ихъ на землю. Польскій царь влюбляется въ дочь щедрого Саурмага и открывается въ своемъ чувствѣ предъ Нушерваномъ, а послѣдній докладываетъ объ этомъ Дилару, который удачно принимаетъ роль посредника между Гоһаромъ и Саурмагомъ.

Царь Горшарабъ изъ страны околдованной пишетъ, что въ его предѣлы ворвался Китайскій царь Ласуръ и проситъ онъ у Дилара защиты. Послѣдній чрезъ Джануджана доводитъ это до свѣдѣнія Анувсіи, которая предоставляетъ Дилару открытый листъ для свободного дѣйствія противъ Ласура, вступившаго на словахъ въ ея царство. Предъ началомъ битвы съ Ласуромъ Диларъ приглашаетъ его чрезъ посла Марси на трапезу. Ласуръ гордо отказывается и считаетъ уже себя побѣдителемъ. Вынужденный въ борьбѣ, Диларъ выставляетъ 1000 витязей противъ такого же числа противниковъ. Бой созерцаетъ съ высоты башни сама Анувсія. Онъ повторяется между новыми противниками, и въ награду 100 витязямъ Дилара за побѣду Анувсіи отправляетъ 100 красавицъ.

Борьба Между Марси и 10 вельможами Ласура, польскимъ королемъ Гоһаромъ и царемъ бухарскимъ Шабада со стороны Китая, Нушерваномъ и царемъ Керамомъ съ противной стороны кончается торжествомъ первыхъ и вознагражденіемъ ихъ Анувсіей. Самъ Диларъ опрокидываетъ 120 храбрыхъ китайскихъ витязей. Тщетно выставляетъ Ласуръ 10.000 слоновъ,—Диларъ ихъ сразилъ. Точно также былъ

¹⁾ Сезотръ встрѣчается рѣже, чѣмъ Сезотрисъ.

посрамленъ послѣднимъ Куркванскій (?) царь Суруташъ. Диларъ Ласура срываетъ съ коня и сбрасываетъ его на землю, а потомъ приводитъ его въ чувство благовонными средствами и приставляетъ къ нему врачей. Ласуръ, по выздоровленіи въ знакъ благодарности, цѣлуетъ у него руку и восхваляетъ его добродѣтели. Съ этого дня они заключили дружбу и братство. Диларъ освободилъ всѣхъ плѣнныхъ, наградивши ихъ щедро. Пиръ продолжался подъ руководствомъ Саурмага ¹⁾ три дня и три ночи. Въмѣсто прежняго кроваваго столкнове- нія цари заняты шутками и забавами. Ласуръ пораженъ великоду- шіемъ Дилара и считаетъ себя недостойнымъ его милости. Появляются гонцы царицы, которые приносятъ ключи отъ 12.000 кладовъ для раздачи.

Диларъ, по окончаніи военныхъ операцій, намѣревается от- правиться на охоту по указаніямъ визиря Джануджана. Однако, дама сердца Дилара извѣщаетъ черезъ Зефири его, что она ему предлагаетъ отказаться отъ охоты, угрожающей ему бѣдствіями. Диларъ не остановился; направились отдѣльными взводами въ путь: ѣхали отдѣльно съ музыкой спасалары и воины того города Солнца, за нимъ слѣдовали воины и вельможи страны околдованной и раз- бойниковъ, въ заключеніи шествія двигались китайцы. Лѣсъ и поле оказались усѣянными звѣрями и птицами. Но Диларъ, несмотря на запрещеніе Джануджана, вздумалъ съ нѣсколькими лицами перепра- виться черезъ рѣку. Произошла здѣсь у нихъ схватка съ драконами. Послѣдніе поглотили Нушервана и Ласура, которыхъ удается спасти Дилару, а Джануджанъ смазалъ лобъ какой-то мазью, заставилъ вы- лить ядъ изо рта и тогда только оказались они приведенными въ со- знаніе. По приказанію Дилара воины его тщетно пытаются снять шкуру съ драконовъ—оружіе ихъ не пристаётъ къ чудовищамъ, и только Джануджану это удается. Послѣ этого они возвращаются въ городъ, и Диларъ получаетъ приглашеніе явиться къ Зефири въ садъ. Диларъ лишился словъ при ея видѣ, онъ наслаждался молчаливымъ ея созерцаніемъ ²⁾, а затѣмъ сталъ плавать. Она его успокоиваетъ и передаетъ, что Анувсія ей угрожаетъ смертью за то, что она будто отказалась сообщить ему желаніе ея не ходить на охоту. Зефири

¹⁾ Имя грузинскаго царя въ начальномъ періодѣ.

²⁾ Это мѣсто является подражаніемъ Руставели. Авторъ „Диларіана“ ком- бинируетъ элементы повѣстей писателей классическаго періода, присоединяя къ чертамъ быта отдаленной эпохи особенности строя государствъ позднѣйшихъ временъ.

просить помочь ей и отправить письмо царевнѣ въ ея оправданіе. Зефири въ свидѣтели просить призвать Саурмага—сахлткудеси ¹⁾, который по приказу царевны не медленно является и приносит письмо Дилара. Всѣ ея сомнѣнія разсѣиваются, и Зефири получает оправданіе. Черезъ Ризари, дочь Саурмага, царевна посылаетъ прощеніе Зефири и возвращаетъ ее къ прежней должности. На свиданіи Зефири съ Диларомъ послѣдній просить у нея прощенія за тѣ огорченія, которыя выпали ей на долю изъ-за стремленія сблизить его съ Анувсіей. Она же увѣряла его въ своихъ искреннихъ къ нему чувствахъ. Анувсія тайно слѣдила въ саду за этой сценою и, по возвращеніи Зефири, она ее приласкала и снова сдѣлала ее „посредницей“ предъ Диларомъ, такъ увѣрилась въ преданности ея къ себѣ. Зефири рѣшается откровенно заявить о тѣхъ мученіяхъ, которыя онъ испытываетъ; онъ ласкаетъ камни, деревья, цвѣты, мимо которыхъ Анувсія проходитъ и желалъ быть ими, чтобы она своими руками и ножками прикасалась къ нему. Анувсія въ своей тоскѣ также признается, что она каждую минуту думаетъ объ немъ, но боится, что онъ не выдержитъ ея взгляда, красота ея ослѣпитъ его и онъ потеряетъ жизнь или рассудокъ. Зефири на это отвѣчаетъ, что можно имѣть различные духи, которыми его приведутъ въ чувство. Она проситъ Зефири передать Дилару, что на другой день вечеромъ назначается ему свиданіе.

Х. Диларъ получаетъ письмо отъ царя Горшараба о вторженіи царя скиѣскаго Хагана ²⁾. Ласуръ проситъ Дилара позволить ему идти на Хагана. Самъ Диларъ въ упоеніи грядущаго свиданія съ Анувсіей. Зефири его проводитъ въ садъ, гдѣ ждетъ красавица. При видѣ ея случается съ Диларомъ ожидаемый обморокъ. Приведенный въ чувство, онъ не въ состояніи выдержать лучей небеснаго созданія. Онъ стоитъ предъ ней на колѣняхъ и благодаритъ, какъ за великую милость, что удостоила она его себя лицезрѣть. При второй встрѣчѣ онъ подноситъ ей золотыя вѣтки съ брилліантами, извиняясь при томъ, что приношеніе недостойно ея. Анувсія, замѣтивъ мучительное состояніе поклонника своего, разрѣшаетъ ему „льву насладиться сладостью ея усть“. Анувсія боится за судьбу своего возлюбленнаго во время предстоящаго столкновенія съ скиѣскимъ владѣтелемъ. Онъ въ отвѣтъ только ласкалъ ее, но разставшись

¹⁾ Министръ двора.

²⁾ „Диларіани“ Ларадзе, не стѣсняясь рамками эпохи, даетъ рядомъ съ скиѣцами, ассирійцами, вавилонянами испанцевъ, британцевъ, поляковъ.

съ нею, онъ самъ предался мрачнымъ размышленіямъ предъ возможностью побѣды врага и лишенія его наступившаго счастья. Сонъ упорно отказывается успокоить его взволнованные нервы, — онъ погрузился въ мечты. Появляется давно жданный Хаганъ, который выставляетъ для борьбы 100 витязей. Но ихъ легко побѣждаетъ одинъ воинъ Дилара—Ломъ-Поладъ ¹⁾). Анувсіа приглашаетъ Дилара чрезъ Зефири къ себѣ. Онъ приноситъ въ подарокъ платье, усыпанное жемчугомъ.

Второе столкновеніе также оканчивается въ пользу витязей Дилара, который по свойственному великодушію даруетъ свободу плѣннымъ скинамъ и отправляетъ ихъ къ Хагану. Однако, этотъ поступокъ не нравится Анувсіи, которая встрѣчаетъ его сурово, требуя при дальнѣйшемъ объясненіи съ Диларомъ отъ послѣдняго, чтобъ онъ совѣтовался относительно своихъ дѣйствій, такъ какъ онъ подвергаетъ свою жизнь опасности. Диларъ постарался оправдаться предъ ней и смягчить ея сердце ²⁾). Хаганъ не смиряется и вызываетъ себѣ противника. Спасаларъ Марси его побѣждаетъ.

XI. Въ одинъ день, когда храбрые цари съ Диларомъ наслаждались взаимнымъ созерцаніемъ, является посолъ отъ цара Горшараба, изъ страны чародѣевъ и приноситъ письмо, извѣщающее о вторженіи владѣтеля Фарсмана съ челоуѣкопожирающими витязями. Они поклоняются Армази, Задену, Гацц, Гайму [груз. яз. боги] и огню. Это письмо ввергаетъ Анувсію въ ужасъ. Она приказываетъ возвести въ саду пять яхонтовыхъ троновъ и пригласить царевичей ³⁾ на со-вѣщаніе. Для нея же былъ приготовленъ особый тронъ рядомъ съ сѣдалищемъ Дилара. Всѣ поражены ея красотой и лишены возможности что либо обсуждать. По просьбѣ Нушервана, она ихъ отпускаетъ съ миромъ, давъ по кубку меду на прощаніе. Диларъ же возвращается въ садъ къ ней и увѣрилъ, что нѣтъ никакой опасности для столицы. Онъ ужъ распредѣлилъ царевичей съ отрядами противъ врага.

Диларъ, вернувшись домой, сталъ приводить въ чувство товарищей, потерявшихъ сознаніе отъ созерцанія „небесной красавицы“. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, Диларъ выступилъ къ городу Кекеель, извѣстному своей красотой. Здѣсь посѣтили дворецъ Сезостра, отца Анувсіи, гдѣ была найдена яхонтовая статуя покойнаго цара

¹⁾ Ломъ-Поладъ въ переводѣ значитъ стальной левъ.

²⁾ При воспроизведеніи чувствъ повѣсть слишкомъ отличается характеромъ современности.

³⁾ Ласуръ, Гонаръ, Нушерванъ, Зорастанъ и Диларъ.

съ вѣнцемъ на головѣ, съ державой въ одной рукѣ и въ другой съ письмомъ, въ которомъ прочитали завѣщаніе царства Сесостромъ Дилару. Въ это время визирь Джануджанъ докладываетъ, что явился царь катузіанцевъ (?), похититель Колхиды. Дилару предлагаетъ скиескій царь свои услуги первымъ выступить противъ врага, но могучій царь предпочитаетъ войти съ врагомъ при посредствѣ Марси въ переговоры съ цѣлью распознать виды Фарсмана. Врагъ гордо требовалъ уступки города и отказа отъ военныхъ дѣйствій. Начались битвы, Хаканъ скиескій былъ захваченъ даже въ плѣнъ, но Диларъ освободилъ его. Анувсіа слѣдитъ съ высоты башни за боемъ и со слезами проситъ у неба о спасеніи Дилара. Послѣдній вступилъ въ единоборство съ сильнымъ Фарсманомъ. Бой сначала на коняхъ, а потомъ пѣшкомъ былъ нерѣшительный. Витязи разошлись и полюбили другъ друга. Фарсманъ объявилъ своему отряду, что отнынѣ онъ подчиняется Дилару. Послѣдній еще разъ принимаетъ на себя роль проповѣдника и наставляетъ катузіанцевъ въ истинной вѣрѣ, обличая ихъ въ идолопоклонствѣ и каннибализмѣ. Фарсманъ уже склоняется бросить свою вѣру и проситъ Дилара дать ему три дня, чтобы переговорить съ магами и жрецами.

Жрецы откровенно заявили Фарсману ¹⁾, что они съ корыстной цѣлью вводили народъ въ заблужденіе. Фарсманъ велѣлъ ихъ наказать, воздавая благодарность Дилару за спасеніе. Самъ царь съ своимъ народомъ обратиться въ истинной вѣрѣ. Начинается празднованіе ихъ обращенія то въ одномъ, то въ другомъ городѣ. На свадьбѣ Ласура и Гохара просятъ Анувсію чрезъ Дилара о разрѣшеніи Фарсману жениться на красавицѣ Оріони, а Хагану на свѣтлой Марихѣ ²⁾. Анувсіа боится, что во время голода Фарсманъ можетъ съѣсть свою супругу, но Диларъ легко разрѣшаетъ ее опасенія. Сюда присоединяются новыя сватовства: Марси женится на Зефири, Гохаръ на Ризаринѣ, Лари на Сосанѣ. Въ присутствіи Анувсіи ихъ благословляютъ, даютъ имъ сахаръ въ ротъ и возводятъ на троны, для нихъ устроенные. Гости подходятъ, привѣтствуютъ, обсыпаютъ драгоценными камнями и при звукахъ музыки и пѣнія садятся. Каждой молодой четѣ царица Анувсіа даетъ цѣнное приданое, камнями, платьемъ, золотомъ, дѣвушками и мальчиками.

Три дня Анувсіа пригласила всѣхъ ихъ праздновать у нея свадьбу.

¹⁾ Ср. „Кар.-Цг.“

²⁾ Ср. это имя въ народной поэзіи.

ХII. Царь Горшарабъ извѣщаетъ Дилара, что вторглись въ его царство цари индійскій, египетскій и вавилонскій и хотятъ раздѣлить между собою его владѣнія. Узнавъ объ этомъ, Ласуръ и Фарманъ просятъ позволенія выйти имъ противъ наступившаго врага. Анувсія желала бы этого, но Диларъ настаиваетъ на личномъ участіи въ борьбѣ ¹⁾. Царица плачетъ, но храбрый абашетскій герой пытается устранить всѣ ея горестныя предчувствія, прибавляя при томъ, что постыдно отдавать страну на разореніе врагу. Однако, въ виду разлуки ему такъ тяжело, что падаетъ въ обморокъ, и Анувсія приводитъ въ чувство. Получивъ разрѣшеніе идти на войну, Диларъ чрезъ Джануджана-визиря отдаетъ приказъ о сборѣ войска и посылаетъ авангардъ подъ начальствомъ Марси. Анувсія посылаетъ къ Дилару своего преданнаго спасалара Камаръ-Бадри, который записываетъ всѣ приключенія и дѣянія Дилара, отправляя мемуары немедленно къ царицѣ при посредствѣ 10 гонцовъ.

Бой открывается состязаніемъ Марси и Кидо и кончается торжествомъ перваго. Явился на помощь Горшарабъ съ своимъ закланнымъ войскомъ. Царь индійскій Парпуръ и амилбаръ Саридонъ открываютъ страшное состязаніе, въ которомъ принимаетъ участіе Диларъ. Булавы пущены съ обеихъ сторонъ, а на мѣстѣ побѣжденнымъ остался Парпуръ. Такой же судьбѣ подверглись цари вавилонскій Вилосъ и египетскій Фаросъ. Самъ же Диларъ приставляетъ врачей для лѣченія нанесенныхъ имъ ранъ, а они безконечно благодарили, что онъ ихъ оставилъ въ живыхъ.

ХIII. Диларъ съ торжественнымъ триумфомъ вступаетъ въ городъ Солнца. Народъ встрѣчаетъ его восторженно. Наступилъ тотъ желанный моментъ, когда онъ получилъ приглашеніе къ своей возлюбленной. Встрѣча самая сердечная, чувства изливаются самыя трогательныя, увѣренія въ любви и преданности исходили съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, происходитъ пышное празднованіе брака Дилара съ Анувсіей въ палатахъ царя Сезостра, поражающихъ зрителей и богатствомъ, и красотой. Молодая чета возсѣдала на тронахъ, и гости, подходя сыпали жемчугомъ и драгоценными камнями. Цари-спутницы Дилара поочередно вставали пили вино и заставляли пить другихъ. Пѣніе и музыка сопровождаютъ веселый разговоръ въ теченіе 40 дней. Но замѣтили, что вновь прибывшіе три царя и амилбаръ вавилонскій, египетскій и т. д., скучаютъ, а въ одинъ день и вовсе не явились. Дя-

¹⁾ Диларъ во всемъ ходѣ повѣсти выставляется великодушнымъ, храбрымъ и неустраннымъ.

ларь велѣлъ разузнать причину, и оказалось, что они влюбились въ придворныхъ дамъ Анувсіи. Послѣдняя, зная силу огня любви, уговариваетъ дамъ спасти страдальцевъ и выйти за нихъ замужъ. Онѣ уступили, и отърывается торжество ихъ свадебныхъ пировъ. Анувсіа рождаетъ сына, который по красотѣ напоминаетъ мать, а по строенію физическому превосходилъ отца. Цари Парпуръ, Вилосъ, Паросъ, Фарсманъ (кагузіанцевъ) и Хаканъ возвращаются домой съ разрѣшеніи Дилара. Уѣзжаютъ также Нушерванъ и Гоһаръ, осыпанные золотомъ и серебромъ. Проводы трогательныя. Ихъ сопровождаютъ до границы Диларъ и Ласуръ. Нушерванъ назначаетъ царемъ Лара надъ одною областью, и Диларъ его утверждаетъ. Самъ же Диларъ объявляетъ спасаларамъ Горшараба и Зорастена (царя разбойниковъ). У Ласура и Касіи рождается сынъ, словно солнце по свѣту и луна по яркости.

Анувсіа рождаетъ втораго, столь же красиваго и мужественнаго сына. Джануджанъ-визирь проситъ Дилара посѣтить въ честь молодаго царевича возведенный имъ дворецъ. Визирь построилъ замокъ длиною въ 20 поприщъ и шириною также въ 20 поприщъ. Входъ дворецъ имѣлъ въ 12 поприщъ вышиною. Тутъ стояли мѣдные львы огромныхъ размѣровъ. Вокругъ стѣнъ стояли въ 12 рядовъ страшные мѣдные воины, вооруженные одни стрѣлами, а другіе щитами. Внутри стѣнъ, подъ куполомъ стоялъ тронъ изъ чистаго алмаза, на которомъ возсѣдала статуя Дилара изъ яхонта съ короною на головѣ и рядомъ съ нимъ Анувсіа съ короною и съ дѣтьми. Подъ статуей на 500 (?) языкахъ была вырѣзана золотыми буквами надпись, гласящая о подвигахъ и романѣ Дилара. За этой статуей слѣдовали изваянія Ласура и его супруги Касіи съ дѣтьми, Фарсманъ съ своей возлюбленной и дѣтьми, Нушерванъ, Гоһаръ, Хаканъ, Горшарабъ, Зорастенъ, Ферозъ и другіе извѣстные изъ разсказа цари и спасалары съ женами и дѣтьми, а надписи надъ ними оповѣщали объ ихъ подвигахъ и любовныхъ приключеніяхъ. Левъ, стоящій предъ входомъ, по объясненію Джануджана на запросъ Дилара, способенъ о приготовленіяхъ врага за цѣлый годъ дать знать городу троекратнымъ страшнымъ воемъ, а за 6 мѣсяцевъ 6 разъ завоюетъ, а за недѣлю до вступленія врага въ предѣлы страны начнетъ день и ночь ревѣть. А воины, окружающіе стѣны, обладаютъ талантомъ въ часъ 1000 стрѣлъ пускать и пробивать все: и скалу, и желѣзо. Стрѣлы у нихъ не истощаются, и левъ не перестанетъ рѣветь, пока враги не будутъ всѣ перебиты. Всѣ были поражены изобрѣтеніемъ стараго визиря. Испытали ревъ льва и силу вооруженныхъ статуй, и оказалось, что

искусство представляет полное совершенство. Анувсія даетъ визирю городъ съ удѣльнымъ владѣніемъ, и всѣ другіе приносятъ ему по здравленіе.

Глава эта завершается извѣстіемъ, что у Дилара рождается третій сынъ красавчикъ, а сотрудниковъ абашетскаго героя Богъ награждаетъ также сыновьями ¹⁾.

XV. Дилара посѣщаютъ цари: Финезъ мкинварскій, катузіанскій, индійскій, вавилонскій, египетскій, Нуперванъ, Гонаръ и амильбаръ Лари и приносятъ многочисленные подарки. Диларъ въ свою очередь отдариваетъ ихъ и щедро угощаетъ. Въ полномъ собраніи царей Джануджанъ произноситъ похвальную оду (стр. 454—5) Дилару, превознося его подвиги и характеръ. Своему наставнику старцу Эгросу Джануджанъ посвятилъ также нѣсколько стиховъ („чахрухули“ по 20 слоговъ). Стихами „қарибули“ онъ обратился къ Ласуру пекинскому, Фарсману катузіанскому и царямъ египетскому, индійскому и вавилонскому, говоря о необходимости творить добро и оставаться вѣрнымъ Дилару.

Диларъ пожелалъ посѣтить свою Абашетію. Онъ отправляетъ вѣстниками Марси и 1000 своихъ воиновъ. Населеніе встрѣчаетъ ихъ восторженно. Клики радости усилились, когда Диларъ въ сопровожденіи царей и царицъ приблизился къ Абашетскимъ владѣніямъ. На встрѣчу выходятъ спасалары, визири, вельможи, старцы и 100.000(?) воиновъ. Лобызая руки Дилара, население и его представители, сипали жемчугъ по золотымъ вышитымъ коврамъ, которыми устлали путь Дилара. Въ своемъ городѣ Маргарити Диларъ открываетъ роскошный пиръ. По просьбѣ царей,—Эгрось возводитъ большой памятникъ, изображающій всѣхъ ихъ, надъ которыми возвышался Диларъ съ 30 коронами съ распростертыми руками, въ знакъ покровительства, надъ 30 подъ нимъ отлитыми царскими бюстами. Памятникъ увѣнчивала золотая колонна съ орломъ. Крылья его были распушены и 24 раза въ сутки страшнымъ голосомъ зывалъ: „славьте, славьте, славьте Дилара-побѣдителя, Анувсію и дѣтей ихъ!“. Другой мѣдный памятникъ 6000 арш. вышины и 3000 шкрины занимали 12 витязей, которые одной рукою закрывали лицо, а другой указывали на дворець. На третьемъ мѣдномъ памятникѣ Эгрось изобразилъ себя, воздѣвшаго одну руку въ небу, а другую протягивавшаго съ картою къ Дилару, въ которой онъ просилъ у него долгоденствія.

¹⁾ Покоренные цари становятся къ Дилару какъ бы въ феодальныя отношенія.

Во время пира на площади орелъ оглашалъ славу Дилара, а музыканты играли и пѣли въ честь его. Эгрость поднимается и произноситъ стихи. Диларъ благодаритъ его и снова со всѣми прибывшими придворными возвращается въ городъ Солнца. 10.000 абашинцевъ сочетаются бракомъ съ таковымъ же количествомъ красавицъ изъ города Солнца (!).—Этимъ заканчивается „Диларіани“.

Въ концѣ повѣсти читаемъ: „Петръ Ларадзе употребилъ много труда на воспоминаніе и сочиненіе этого разсказа“.

1879 г. октября 25 началъ переписывать и декабря 19 того же года кончилъ. Давидъ Ивановичъ Амиридзе моураъ кн. Давида Ивановича - Джамбакуръ - Орбеліани переписывалъ на 61 году своей жизни и просилъ не порицать за тщетный трудъ при старости, а молиться за его грѣшную душу, исправить ошибки, какія найдутся, и кто возьметъ, тотъ пусть возвращаетъ своро хозяину¹⁾.

Въ началѣ книги²⁾ вслѣдъ за прославленіемъ Творца тамъ же читаемъ, что къ Ларадзе приставали возстановить Диларіани, который, „будучи извѣстенъ во время Тамары“, исчезъ. Онъ помнилъ эту просьбу и написалъ разсказъ частью въ прозѣ, частью въ стихахъ. Большею частью стихи не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, сравнительно съ прозаическимъ разсказомъ,—они только болѣе высокопарно и риторически выражаютъ тѣ мысли и чувства, о которыхъ предшествовавшій или послѣдующій эпизодъ передаетъ. Стихи у него носятъ различныя названія, но по содержанію и по формѣ большею частью они не отличаются другъ отъ друга. Стихи то 10 слоговые: лекси, таэпи, цагнакорули, рвули, шапри, шеццобили, шерули, мрчобледи, то 20 слоговые: чахрухули, пистиктури, цецобили, қарибули. Чахрухули восьми-слоговой [рвули] не отличается отъ простаго „чахрухули“. Ямбико—12 слоговой стихъ.

Петръ Ларадзе пытался подойти ближе къ духу древнихъ литературныхъ произведеній, заимствуя у нихъ способъ изложенія, характеристики дѣйствующихъ лицъ и поля сраженія.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы находимъ описанія природы по тѣмъ же приемамъ, которые встрѣчаемъ въ Амиранъ-Дареджаніани³⁾.

Начинается какъ Амиранъ - Дареджапіани, Русуданіани и др.: „Здѣсь начало разсказа о Мкинварскомъ царѣ Нушерванѣ“ и пр.

¹⁾ Николай Чичиковъ, какъ видно изъ приписки, бралъ читать и въ пользу восторгъ отъ разсказа съ благодарностью возвращаетъ его моураву Амиридзе.

²⁾ Рукопись, по которой мы старались вратцѣ изложить содержаніе „Диларіани“, заключаетъ 476 стр. in folio. Почеркъ убористый ихедрули. Хранится въ книжномъ хранилищѣ. Принадлежитъ книгѣ Обществу распространенія грамотности среди грузинскаго населенія въ Тифлисѣ.

„Солнце разсыпало свои лучи по землѣ и черный ночной покровъ прожгло своимъ пламенемъ“ (51). Утренній оріонъ свои сверкающія стрѣлы пустилъ въ видѣ молніи съ четырехъ сторонъ и распространилъ всюду пурпуровый отгѣнокъ (75). Великое свѣтило, возраждающее радость на землѣ, раскрыло свой красновато-узорчатый шаръ и моментально освѣтило всю вселенную (80). Солнечныи стрѣлы вонзились въ сердце земли, и кровь ея полилась свѣтлой струей (84). Солнечный дискъ игриво и радостно началъ восходить, посылая лучи вѣстниками о встрѣчѣ четырехъ влюбленныхъ (112). Блестящія копья солнца пронзили луну, и она, словно испуганная, спѣшила спрятаться въ укромное мѣстечко и подобрать свои нѣжные лучи, а солнце, торжествуя надъ нею побѣду, играло въ зенитѣ во всемъ своемъ величій (154).

Привлекая природу для сравненія съ явленіями земной жизни, писатель пользуется риторическимъ способомъ для усиленія впечатлѣнія, прибѣгаетъ къ эпитетамъ и гиперболѣ, не всегда складнымъ и естественнымъ. Письмо Нушервана къ Родамѣ начинается словами: „О хранительница виноградника безсмертія, привратница райскаго сада, цвѣточница палестинскихъ розъ, стража ливанскаго кипариса и египетскаго сахарнаго тростника!“ (56). Родама отвѣчаетъ Нушервану, что роза для него только усиливаетъ свой отблескъ и соловьи надъ ними распѣваютъ для его успокоенія. Несмотря на эту ходульность и возвышенность тона нѣкоторые психологическіе моменты переданы вполне правдоподобно, какъ можно судить и по нашему изложенію. Гулнази слегка недовольна Нушерваномъ и журитъ его, но „въ ея недовольствѣ небо съ неизсякаемою щедростью дарило героя сладостью“. Чувство тоски иногда передается также вѣрно, какъ приливъ радости. Непостоянство судьбы, играющей человѣческой жизнью, даруя то горе, то наслажденіе, вызываетъ мрачныя размышленія въ Диларѣ, обезумѣвшемъ отъ созерцанія красавицы Анувси. Нѣкоторыя мѣста по характеру изложенія могутъ быть объяснены вліяніемъ Руставели. Такъ, имѣемъ здѣсь воспроизведеніе того момента изъ „Барсовой кожи“, когда Ростеванъ, царь Аравіи, встрѣчаетъ Тариеля на берегу рѣки. Разсказъ Нушервана о себѣ предъ Диларомъ имѣетъ параллель въ поэмѣ Руставели, когда послѣдній заставляетъ своего индійскаго царевича съ трепетомъ приступить къ скорбному повѣствованію своего романа ¹⁾).

¹⁾ См. у меня еще выше (стр. 220), подражаніе Руставели. Какъ у Нестанъ-Дареджаны въ „Барсовой кожѣ“, такъ въ „Диларіани“ каждая героиня имѣетъ свою наперѣницу: у Дареджаны—Асиати, а у Анувси—Зефирри.

Характеристика Дилара, черты, вызывавшія восторгъ и у поэтовъ, и у простыхъ смертныхъ, сводятся къ тому, что говорятъ его друзья, описывающіе его въ обморокъ: „Диларъ, радость своихъ названныхъ друзей, вѣнецъ всѣхъ земныхъ царей, львинымъ сердцемъ до небесъ прославленный обладатель красоты, юноша еще неполнѣ расцвѣтшій, неизмѣримая глубина мудрости, крѣпость царей, украшеніе поля брани, возбуждающій удивленіе въ лучшихъ храбрецахъ, первый стрѣлокъ, ѣздокъ, наставникъ игрокамъ въ мачъ, глава рыцарей, утѣшеніе выдающихъ, безгранично великодушный и милостивый отецъ всѣхъ, упованіе Гоһара и спаситель Нусервана и царя разбойниковъ, обращеннаго имъ къ истинной вѣрѣ!“ (220.221). Царскими регаліями его служили тронъ, корона, двуглавый орелъ съ раскрытыми крыльями, который въ когтяхъ держалъ скипетръ и порфиру. Тотъ титулъ сохранился съ большими подробностями, который принадлежитъ Анувсіи. Ея манифестъ начинается словами: „Мы, по волѣ Всевышняго провидѣнія поставленная надъ всѣми земными царями, повелительница города Солнца и обладательница моихъ странъ и города, наследственная хранительница лучей солнца и пренебрегающая свѣтомъ луны, блескомъ превосходящая Кроноса, а гнѣвомъ Гарихи (?), слаще меду и молока, щедрая подобно осеннему дождю, посрамляющая розы цвѣтомъ лица своего, граціей гнетущая египетскій кипарисъ, примѣръ всего хорошаго, возродившій Абашетію дысь, утѣшительница Дилара, царица царицъ Анувсіа“..

Какъ въ этомъ манифестѣ, такъ и во всемъ рассказѣ Ларадзе чувствуется вліяніе новаго времени. Возстановленный имъ романъ явно проникнутъ христіанскимъ воззрѣніемъ автора: вѣра въ Троицу, Единого Бога, прощеніе семь разъ семь—слѣды Евангельскаго ученія. Въ особенности авторъ не сумѣлъ избѣгнуть анахронизмовъ: на ряду съ вавилонскимъ, индійскимъ и египетскимъ называются гальскій, бриттскій и польскій владѣтели, т.-е. происходитъ смѣшеніе двухъ разновременныхъ историческихъ эпохъ, правдоподобныхъ и фантастическихъ событій, извѣстныхъ въ исторіи именъ и вымышленныхъ названій. Эта невыдержанность стиля рассказа „временъ Тамары“ сказывается въ перенесеніи современныхъ понятій и словъ къ XII в.: апельцини вм. туринджи, Китай вм. Чивети, императоръ вм. царь, Колхида вм. Грузія, хотя наряду съ современнымъ лексикономъ онъ прибѣгаетъ къ архаизмамъ: утевани (поприще), хвастага (скоть, богатство), шушироба вм. тамашоба (игра).

Любопытно упоминаніе греческихъ (и арабскихъ боговъ). Авторъ хорошо знакомъ съ мифологіей и пользуется ей для иллюстраціи сво-

его повествования: съ Дианой, Афродитой (съ Аспирозомъ) сравнивается Гулзани; въ виду другихъ обстоятельствъ называются: Кроносъ, Аполлонъ, Марсъ, Вулканъ, Минерва, Цирцея, рѣка Ахеронъ. У него стоятъ рядомъ Кроносъ, Елжикратъ? Мунтаръ и Аспирозъ. Мунтаръ по-араб. Зевсъ, Аспирозъ—Венера.

Названія орудій многочисленны,—пускаются въ ходъ: мечъ, щитъ, булава, стрѣлы, костяной ножъ или палаши. Одеты борцы въ латы, на головѣ нѣютъ каску, шлемъ.

Языкъ повѣсти носитъ слѣды сигнакскаго говора, по крайней мѣрѣ, часто мы встрѣчали въ рѣчи современное *qe*.

Сравнивая нашу рукопись съ напечатаннымъ Чубиновымъ¹⁾ отрывкомъ, мы находимъ отличія въ расположеніи фразъ и большей или меньшей ихъ краткости, но сущность разсказа остается неизмѣнной. Однако, существованіе различій въ этихъ двухъ памятникахъ даетъ основаніе предполагать двѣ разныя редакціи Диларіана.

Содержаніе двухъ вставочныхъ въ „Амираизъ-Дареджаніани“ главъ о Диларѣ мы приводимъ вкратцѣ, для сравненія съ плохо восстановленной Ларадзе повѣстью.

Когда-то царь Диларъ Хозарскій подчинилъ себѣ всѣ страны и народы, какъ описано [Саргисомъ Тигогвели²⁾]. Предъ смертію онъ призвалъ племянника своего Хосро и поручилъ ему малолѣтняго сына Джимшера воспитывать до десяти лѣтъ и потомъ возвестъ на престолъ. Хосро (Хвасро) велѣлъ витязю Мерабу заключить царевича въ отдаленную крѣпость, а самъ овладѣлъ трономъ. Царевичъ томился здѣсь долго, вспоминая военные турниры и свободные пиры. Наконецъ, послалъ чрезъ привратника сказать Мерабу освободить изъ заточенія, или же онъ переубѣетъ всю стражу. Мерабъ въ гнѣвѣ отрубилъ голову донесшему эту вѣсть привратнику. Но потомъ, вспоминая добродѣянія оказанныя ему отцомъ Джимшера, онъ рѣшилъ освободить царевича, возвелъ его при помощи рыцарей (бумбурази) на престолъ и возложилъ на него корону. Торжество сопровождалось пиромъ и закончилось охотой на львовъ и тигровъ. Здѣсь они встрѣтились съ ордою витязей, изъ которыхъ одинъ успѣлъ побить многихъ изъ свиты Джимшера. Послѣдній вступилъ въ бой съ незнакомымъ витяземъ 'Кулъ съвернымъ и послѣ упорнаго состязанія на сабляхъ, булавами, стрѣлами Джимшеръ сразилъ его. 'Кулъ немедленно подчинилъ ему всю

¹⁾ Хрестоматія (Спб. 1863), стр. 110—122.

²⁾ Этими словами въ рукописи XVIII в. (?) подкрѣпляется нѣтъ въ принадлежности разсказа о Диларѣ Саргису Тигогвели.

твою страну. Хосро же узнавъ обо всемъ этомъ, очень опечалился и написалъ грозное письмо Мерабу за ослушаніе, а 'Кулу за переходъ на сторону Джимшера. Мерабъ предложилъ юному царю удалиться изъ владѣній изъ опасенія передъ силой и чарами Хосро, посредствомъ которыхъ онъ можетъ сжечь море и растопить скалы. Хосро усноуился, а Джимшеръ со свитой поселился въ дальней странѣ. Разъ во время охоты онъ встрѣтилъ трехъ путниковъ, которые вызвались его сопровождать въ обильныя звѣрами мѣста. Они оказались дѣвами-слугами Хусруджани, овладѣли Джимшеромъ колдованіями и привезли связаннаго къ своему повелителю. Черезъ одного разносчика царяца Бетевана, дочь китайскаго императора, узнаеть о плѣненіи Джимшера. Она выпросила у Хусруджани свободу Джимшеду и предложила выдать за него свою красавицу-дочь. Послѣдняя требуетъ съ него геройскихъ подвиговъ въ борьбѣ съ витязями. Джимшеръ сражалъ въ присутствіи царя, красавицы и горожанъ, при звукахъ музыки, два Мохшуря, два Эрвана и, наконецъ, призвавъ Бога, страшнаго два Абери, съ которыми онъ боролся три дня и вызвалъ общій восторгъ зрителей. Амиранъ-Дареджанидзе слышалъ этотъ рассказъ отъ Сеидавале. Джимшеръ взялъ крѣпость дѣвовъ и, женившись на красавицѣ, обо всемъ написалъ Мерабу и 'Кулу. Письмо отправилъ черезъ чародѣя негра (занги и у Руставели) и призывалъ ихъ къ себѣ. Посолъ засталъ городъ Джимшера въ траурѣ. Въ отвѣтъ Мерабъ и 'Кулъ послѣднили къ нему. Отпраздновали пышную свадьбу. Джимшеръ съ женой вернулся къ себѣ.

Глава II. О Джимшерѣ сынѣ Джимшера. Джимшеръ разъ отправился въ горы на охоту и достигъ вершины, гдѣ стало очень холодно: здѣсь надъ озеромъ простерся драконъ. Джимшеръ его убилъ, и холодъ немедленно смѣнился тепломъ. Джимшедъ замѣтилъ толпу людей и послалъ узнать, кто они такіе. Посолъ донесъ, что они изъ туркійской страны, гдѣ появился страшный звѣрь съ двумя головами, испускающій огонь. Джимшедъ направился въ землю этихъ несчастныхъ людей. Послѣ отчаянной схватки чудовище было убито. Народъ ликуетъ, благодаритъ и проситъ остаться управлять имъ. Онъ извѣщаетъ о подвигахъ Мераба, но онъ получаетъ отвѣтъ съ приложеніемъ письма отъ Мзечабука, приглашающаго его къ себѣ. Джимшеръ по пути встрѣчаетъ купцовъ изъ Индіи, ограбленныхъ арабами. Разбойники наказаны. Прежде чѣмъ поехать въ страну сѣвернаго царя, Джимшеръ избиваетъ дѣвовъ, а потомъ, въ состязаніяхъ одолевъ витязей (Кавтара), получаетъ руку сѣверной царевны Камарлухъ. Послѣ свадьбы Джимшеръ отправляется съ женою

домой и здѣсь дружески встрѣчается съ Мзечабукомъ. Новыя пріключенія передаются съ тѣми же особенностями, какія намъ извѣстны изъ другихъ повѣстей.

Разсматривая содержаніе этихъ двухъ вставочныхъ въ „Амиранъ-Дареджаніани“ главъ, мы видимъ, насколько безцѣльно подражаетъ ихъ авторъ похождениямъ героевъ въ грузинскихъ произведеніяхъ. Имя Амираана, случайно вплетенное въ рассказъ о Джимшерѣ, служитъ блѣдной попыткой объединить двѣ героическія повѣсти, посвященныя этимъ прославленнымъ витязямъ. Съ другой стороны, неудачный опытъ „крцхинвальскаго новеллиста“ (см. у меня выше, стр. 155, примѣч.) связать подвиги Джимшера и Амираана бросаетъ свѣтъ на составъ „Диларіани“ и „Амиранъ-Дареджаніани“. Эти двѣ повѣсти составляютъ сборники самостоятельныхъ героическихъ рассказовъ, сшитыхъ бѣлыми нитками и расположенныхъ вокругъ Амираана и Дилара¹⁾.

Этотъ вставочный эпизодъ, созданный по подражанію существовавшимъ повѣстямъ о похожденияхъ героевъ, разыгрывается въ предѣлахъ извѣстной схемы: исканіе руки красавицы, полученіе ея согласія въ награду за побѣду надъ именитыми витязями, борьба съ дѣвами и чародѣями. Онъ свидѣтельствуетъ, что форма такихъ повѣстей уже кристаллизовалась, авторы творятъ по опредѣленному шаблону. Сопоставляя наши рассказы съ западно-европейскими (напр. объ Артурѣ и Роландѣ) однохарактерными повѣстями, усматривается поразительное сходство: герои большею частью воспитываются въ уединеніи и съ дѣтства проявляютъ храбрость, странствуютъ въ поискахъ за приключеніями, защищаютъ угнетенныхъ, сражаются съ рыцарями (въ грузинскихъ еще съ чудовищами); при этомъ подробно описываются шлемы, латы, всяческое оружіе, уборы рыцарей²⁾.

Абдуль Мессія Шавтели.

Абдуль Мессія Шавтели, о стихахъ котораго передаетъ восторженный отзывъ Шота Руставели, происходилъ изъ Самцхійской области (нынѣ Ахалцхскій уѣздъ). Онъ былъ государственнымъ секретаремъ при царѣцѣ Тамарѣ и прославился, по словамъ царевича Теймураза, какъ возвышенный пѣвецъ, одописецъ: „Высокій стиль, богатая рѣча, гармоническое сочетаніе мыслей исполняютъ его произведеніе величія и торжественности. Отъ него осталась похвальная поэма, посвященная царѣцѣ Тамарѣ. Но ему же приписывается произведеніе

¹⁾ Ср. съ ними дальше „Русуданіани“.

²⁾ Ср. Средневѣковой эпосъ и романъ. Перев. Балобановой. Спб. 1896.

подъ названіемъ *Абдулз-Мессіа*, что въ переводѣ значить „рабъ Христовъ“, вызвавшее въ современномъ ему обществѣ лестные отзывы, подтверждаемые мѣвнїемъ Руставели. Объ этой утраченной книгѣ говоритъ авторъ „Барсовой кожи“ въ послѣдней строфѣ поэмы. Впослѣдствїи Шавтели постригся въ монахи въ Гелатской обители и нареченъ былъ Іоанномъ. Въ этомъ уединенїи онъ написалъ много сочиненїй и тутъ же скончался ¹⁾. Одинъ трудъ Шавтели, помимо поэмы, дошелъ до насъ въ спискѣ XVI в., написанный впервые въ 1172 г. Это—Квинклосъ (*κὠκλος*—Квинклосъ) или календарь для опредѣленїя дня пасхи и подвижныхъ праздниковъ. Издавна готовые хронологическія таблицы сопровождались противъ соотвѣтствующихъ лѣтъ историческими записями современниковъ. Извѣстный квинклосъ Шемокмедскаго монастыря раздѣленъ на четыре графы, изъ которыхъ въ первой указывается первый день Великаго поста, во второй еврейская пасха, въ третьей христіанская пасха, а въ четвертой основанїе пасхалии. Въ такомъ порядкѣ слѣдуютъ всѣ годы „короникона“ (квинклоса), состоящаго изъ 532 лѣтъ, и въ заключенїи сказано: „когда этотъ корониконъ кончится, 'начни съ начала же“ ²⁾.

Поэма Шавтели, „Похвала царицы Тамары и супруга ея царя Давида“, написана въ 1192 г. Эту дату сохранили двѣ до насъ дошедшія въ спискахъ XIX в. рукописи, а о болѣе древнихъ манускриптахъ этой поэмы у насъ нѣтъ свѣдѣнїй. Впервые издалъ эту поэму Платонъ Юсселиани (Тифлисъ, 1838), а за нимъ въ 1863 г. Д. Чубиновъ во второй части „Грузинской Хрестоматїи“. Рукопись оды Шавтели изъ бібліотеки ³⁾ покойнаго проф. Чубинова и согласно съ нею дефектный списокъ, случайно купленный мною, сообщаетъ въ заглавіи, что эту *художественно сложенную поэму* написалъ Іоаннъ Шавтели въ Гелатскомъ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ инока. Издана поэма невнимательно: текстъ искаженъ неправильнымъ его воспроизведенїемъ въ печати.

Поэтъ будучи свидѣтелемъ побѣдоносныхъ войнъ Тамары надъ мусульманами и расцвѣтомъ благоденствїя страны, посвятилъ оду именитой дочери царя Георгїя, самодержавной повелительницѣ всей

¹⁾ Изъ соч. царевича *Теймураза*, см. мое писъмо въ *Иверїи*, 1892, № 17

²⁾ См. *Жорданїя*. Хроникн... II, 103. *Бакрадзе*. Археолог. путешествїе, стр. 149. Пасхалию Іоанна Шавтели мы видѣли у свящ. В. Карбелова. Объ точнѣ же вопросѣ см. *Броссе*, *Etude de Chronol. technique*. *Mémoire de l'Ac.*, II. I p. 1868 г.

³⁾ Нынѣ хранится въ Общ. грамотности въ Тифлисъ, № 79.

Иверин⁴. Общее вниманіе современниковъ царица приковала тѣмъ, что она смирила султановъ сельджукскихъ и приняла подъ свое покровительство христіанъ. Помимо вѣншей военной славы имя Тамары окружено ореоломъ государственной мудрости и правосудія.

Шавтели Тамару называетъ „воспитательницей и учительницей народа (строфы 10, 55 и 63), благотворительницей (стр. 22), главной судьей надъ судьями, сосудомъ мудрости (стр. 26, 72, 79, 99), покровительницей иностранцевъ (71, 88), стержнемъ правосудія въ государствѣ (69), глазомъ слѣпыхъ, наставницей юношей, хлѣбомъ голодныхъ, кровомъ безпріютныхъ, отцемъ сиротъ, судьей вдовствующихъ, твердымъ посохомъ для старцевъ и труженниковъ (стр. 63), охранительницей чистоты всѣхъ семи вселенскихъ постановленій (88). Другой поэтъ—Чахрухадзе уподобляетъ царицу Тамару лучу солнца, и называетъ ее умиротворительницей народонаселенія Грузіи (стр. 19 и 27).

Послѣ этого становятся понятными слова Киракоса, армянскаго писателя, который пишетъ: „Тамара заключила миръ съ султанами Дамаска... Съ тѣхъ поръ султаны стали обращаться человѣчнѣе съ христіанами, обитавшими въ ихъ владѣніяхъ... были облегчены подати монастырей; султаны запретили грабить или оскорблять христіанскихъ обитателей ихъ владѣній, отправлявшихся въ паломничество въ Іерусалимъ; въ особенности это почтеніе соблюдалось относительно грузинскаго народа..., такъ что грузины находились въ исключительномъ почетѣ и были изъяты отъ налога въ ихъ городахъ и даже въ Іерусалимѣ. Тамара пользовалась въ Св. Землѣ большимъ почетомъ. Такимъ образомъ воцарился миръ и дружба между Грузіей и княжествами султановъ“ (Addit. p. 416).

О защитѣ христіанъ Тамарою не мало говоритъ и слѣдующій фактъ, передаваемый мусульманскимъ историкомъ Ибнъ-Шедданомъ. По его словамъ, „царица Тамара предложила султану Саладину 200.000 динаровъ за захваченный мусульманами въ 1187 г., при взятіи ими Іерусалима, крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель¹⁾“.

О побѣдахъ Тамары надъ бусурманами, повидному, свѣдѣніе дошло и до Россіи, что видно изъ словъ Іоанна Грознаго, который предъ штурмомъ города Казани воодушевлялъ свое войско такъ:

„Слышасте иногда Божію бывшую великую милость и пречистыя Богородицы помощь, яко пренудная и мужеумная Царица Иверская сотвори я велику побѣду показа на небожныхъ персѣхъ“²⁾.

¹⁾ Православный палестинскій сборникъ, т. IV, стр. 49.

²⁾ *Mélange Asiatique*, Т. 3, p. 563—588. Тутъ же Броссе разъясняетъ, что въ словахъ І. Грознаго разумѣются побѣды Тамары въ Шамхорѣ (1203 г.) и въ Ардебилѣ. О взятіи Ардебила грузинами и избиеніи множества мусульманъ говорить также Гусейнъ-Шейхъ-Абдулъ-Загадъ-оглы.

Какіе отзвуки сохранились на Руси о царицѣ Тамарѣ, можетъ свидѣтельствовать повѣсть о царицѣ Динарѣ. (*Пыпина. Очеркъ лит. вст. стар. повѣстей и сказокъ рус., стр. 218—221*). Къ числу любимыхъ русскихъ повѣстей принадлежало „Слово о дѣвицѣ иверскаго царя дщери, Динарѣ царицѣ“, которое включено въ хронографы; списокъ его изданъ ак. Броссе съ историческими объясненіями. Имя царицы Динары только два раза и притомъ мимоходомъ упоминается въ грузинскихъ летописяхъ: около половины X-го вѣка царица этого имени, съ помощью сына, обратила свою область къ православію, т. е. къ исповѣданію Халкидонскаго собора. Грузинскій царь Багратъ завоевалъ область ея и „овладѣлъ царицею Динарою“. Русская повѣсть, по мнѣнію Броссе, не можетъ относиться къ этой, слишкомъ отдаленной и темной Динарѣ. По словамъ его, Динара русскаго сказанія, дочь царя Александра Мелеха, одержавшая блистательную побѣду надъ персами, завоевавшая Тавризъ и Шемаху, есть грузинская царица Тамара, дочь Георгія Ш, вступившая на престолъ въ 1184 году (вѣроятно до 1212 г.).

Грузинская исторія съ большими подробностями говоритъ подъ 1203 г. о столь же славной битвѣ, какъ и описанная въ русскомъ сказаніи, о рѣчи царицы, ободравшей своихъ вельможъ, о слѣдствіяхъ побѣдъ, и при томъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ (*Hist. de la Géorgie, trad. par Brosset. St.-Pet. 1, 439—447*). По русскому сказанію Динара осталась пятнадцать лѣтъ наследницей „иверскаго самодержца“ Александра Мелеха и мудро управляла народомъ. Персидскій царь, услышавъ о смерти Александра, требовалъ непокорности отъ его дочери, но Динара, пославъ дары, не думала отказываться отъ своей власти. Раздраженный царь пошелъ на нее войною. Страхъ овладѣлъ всѣми вельможами юной царицы; „какъ можемъ стоять противъ неслого воинства и таковаго перскаго ополченія?“ говорили они. Мужественная Динара возбуждала ихъ храбрость: „ускоримъ противъ варваръ, говорила она, якоже и атыду дѣвица, и воспримю мужескую храбрость. Коніе въ дѣвичи длани, и выстунаю въ стрелы воинскаго ополченія, но не хочу слышати враговъ своихъ пѣляющихъ жеребій Богоматери въ Шарбенскомъ монастырѣ, куда приваилъ лѣша и необузданныи коганы, по острону каневю и жестокому пути“. Динара выступила противъ враговъ, и взявъ козье, устремилась на перские поля и поразила одного перскаго. Враги ужаснулись ея голоса и побѣжали. Динара „отидла“ голову перскаго царя и на козлѣ принесла ее въ Тавризъ, города покорились ей, и она съ богатыми сокровищами возвратилась въ отечество. Дѣвица ея—„блуде“ залесе, в каневіе драгое, и блесуръ, и злато и вся царскія потребности, сие все отъ персѣ“, все это роздано было въ гдѣмъ Божіи¹⁾. Потомъ,

¹⁾ Слово о дѣвицѣ иверскаго царя дщери, Динарѣ царицѣ. Изд. Броссе въ *Bulletin hist.-philol.* т. II, № 19 въ Воскресенскій лѣтописецъ; въ *Ученыхъ Запискахъ I, 453—457* въ хронографу XVI—XVII в. „Казанск.“ 1854 г., № 65—67.

²⁾ О щедрости царя цар. Тамары говорится въ летописяхъ ея у меня выше.

она правила народомъ 38 лѣтъ и оставила власть свою еродивкамъ: „даже и до днесь, заключаетъ повѣсть, нераздѣльно державство иверское пребываетъ, а нарицается отъ рода Давыда, царя еврейскаго, отъ царскаго колѣна“. Таково содержаніе повѣсти. Какимъ же образомъ грузинское событіе XII—XIII-го вѣка могло быть предметомъ русскаго сказанія, и откуда его авторъ почерпнулъ эти свѣдѣнія? Исторически извѣстно, что сношенія съ Грузіей существовало у русскихъ еще въ XII столѣтіи, когда сынъ Боголюбскаго, Юрій Андреевичъ, женатъ былъ на княжнѣ грузинской Тамарѣ (Ист. Соловьева 2, пр. 344); въ послѣдствіи и русскіе заходили иногда въ Грузію, и грузинскія посольства не разъ пріѣзжали въ Россію; наконецъ, съ 1588 г. начинаются непрерывныя связи съ этой землей. По свѣдѣнію ав. Броссе свѣдѣнія о царицѣ Динарѣ принесены были полуучеными грузинами, пріѣзжавшими въ Россію послѣ посольства къ Іоанну III, или даже греческими монахами, которые до сего служили посредниками между обоими народами (Уч. Зап. I и III. Отд. акад. 1, 469—490); любопытно, что въ рѣчи Іоанна Грознаго, сказанной въ воинствѣ при осадѣ Казани въ 1552 г. и приведенной въ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ (стр. 221), попа Іоанна Глазатаго, царь упоминаетъ о „премудрой и мужеумной царицѣ Иверской“ и затѣмъ пересказываетъ вкратцѣ повѣсть о Динарѣ. Устряловъ думалъ напротивъ, что сказаніе русское не отличается большою стариной и есть басня, которую рассказывали у насъ грузины при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ и его преемникѣ (Уч. Зап., стр. 481). Значительное распространеніе повѣсти въ рукописяхъ скорѣе говоритъ въ пользу ея древности. Текстъ ея издавъ ав. Броссе по Воскресенской лѣтописи (л. 580—577), откуда напечатанъ былъ Софійскій Временникъ; потомъ въ Ученыхъ Запискахъ по другой рукописи, именно по хронографу XVI—XVII в. въ печатномъ каталогѣ Б-ки Акад. Наукъ № 4, гдѣ сказаніе называется „Слово и дивная повѣсть, зѣлоносная о дѣвицѣ иверскаго царя дщери, Динары царицы“ (нач. „умершу иверскому владостодержцу Александру Мелеку и не имѣющеу дѣтища мужеска полу“).

Шавтели былъ однимъ изъ выразителей общихъ восторговъ національнаго подъема, который относится къ цвѣтущей порѣ цар. Тамары.

Поэтъ въ началѣ своей оды обращается къ „Троицѣ единосущной“ съ моленіемъ дать ему силы достойно воспѣть Тамару, приглашая мудрецовъ, „сыновъ аѣнскихъ“, славить миропомазанную царицу, возвеличенную уже до предѣловъ Крита, Египта и Китая. Ученые, мнящие себя сократами, погруженные въ изученіе астрономіи и философіи, напрасно пытаются ее воспѣвать, ибо ни одинъ потомокъ Адама—„сынъ человѣческій“ не могъ поэту повѣдать, гдѣ видѣли свѣтлую „Этери“, солнцеподобную царицу, дарованную [Грузіи] Господомъ изъ рай; тщетно будете искать вторую Тамару на востокѣ, западѣ, на сѣверѣ и югѣ! Дерзнемъ же мы, говоритъ поэтъ, славить предъ слушателями *обла-дательницу* міра, сострадательную, милостивую, сильную, энергичную, блистательную, твердо правящую. Лучезарная, краснорѣчивая царица

прощаетъ сердцамъ измѣнниковъ двоедушныхъ и поражаетъ въ прахъ враговъ своихъ. Таковы личныя и государственныя достоинства царицы, но поэтъ идетъ дальше, онъ видитъ въ ней помазанницу Божью, поставленную свыше.

Шавтели вспоминаетъ легенду о происхожденіи грузинскихъ Вагратидовъ изъ колѣна ветхозавѣтнаго псалмопѣвца, которому Господь далъ завѣтъ возвести на тронъ высшими судьями потомковъ изъ его крови, вотъ почему Тамара царствуетъ съ Божьего благоволенія. Обращаясь къ мужу царицы Давиду, поэтъ находитъ его могучимъ и страшнымъ для непокорныхъ. Набросивъ эту характеристику Давида Сослана, Шавтели, очевидно, возвращается къ Тамарѣ, къ которой только могутъ относиться восточныя сравненія и эпитеты: „ласточка сладкоголосая, подобная соловью, ливанская сосна, финикійская тополь, іерихонская роза“. „Мудрый витниствуетъ предъ ней, приравнявая ее къ благовонному мѹру, густому меду, рѣдкому чинару, алмазу въ золотой оправѣ, корицѣ, кипарису, нарцису и фіалѣ“. Уподобивъ царицу исполненную достоинствами названныхъ пахучихъ цвѣтовъ и вязанныхъ деревьевъ, поэтъ заключаетъ, что онъ увѣренъ въ ея вѣтлѣнности. Она достойна пера Менандра (лучшаго антическаго драматурга?)

Всѣ жаждутъ видѣть царицу, покровительницу всѣхъ безъ различія, подобно солнцу, освѣщающему всю вселенную. Побѣдительница всѣхъ, сама непобѣдима, и покорна только Господу. Сопоставивъ мощь Тамары съ персидскими баснословными героями: Утрутомъ (?) Саакомъ, Зааломъ и Ростомомъ, поэтъ снова указываетъ на происхожденіе царицы изъ колѣна Иессея ¹⁾. Рожденіе ея сопровождалось странной въ „такуми“ и „рамли“ ²⁾, т. е. въ гадательныхъ книгахъ, въ которыхъ опредѣляли, что „небо послало на землю источникъ райской жизни“. Она стала царствовать подъ покровительствомъ семи цвѣтовъ и покрыла все кругомъ свѣтомъ и милостью. Ей неизвѣстенъ грѣхъ, и одна только истина руководитъ ею. Упованіе и благоволеніе, вѣра и добродѣтель—отличительныя ея качества. Безтѣлесные небесные духи радуются за нее. Нѣтъ силъ достойно воспѣть ее, судью вѣрныхъ и освободительницу заключенныхъ, она заслужила безсмертныя свои дѣяніями.

¹⁾ Ср. титулъ груз. царей, начинающійся генеологіей: Иессеан-Давитіан-Сосланіан.

²⁾ Ср. рус. Рафли. Шавтели упоминаетъ чрезъ нѣсколько стиховъ и „хризвалъ“, т. е. оркулъ.

Освѣщая съ высоты трона яркимъ блескомъ своихъ подданныхъ, Тамара варваровъ—саркинозовъ поражаетъ непрерывно. Являясь первородной, подобно Исааку, она царствуетъ съ благословенія Меллиседека и разрушаетъ идолы Ваалу, Молоху и Астартѣ. Управляя ловко копемъ при смотрѣ войскамъ, она въ скачкахъ несется словно то буря по быстротѣ, то роза по красотѣ. Непріятельскія копья обращаются предъ ней какъ бы въ воскъ и воины склоняютъ свои главы. Достаточно ей выразить „марзапанамъ [пограничнымъ начальникамъ] и воинамъ удовольствіе, какъ послѣдніе начинаютъ каяться предъ „львомъ“, (а не львицей). Съ знаменемъ царей Горгаслана и Давида (Возрожденителя?) она совершаетъ столько побѣдоносныхъ походовъ, что поэтъ сомнѣвается въ возможности указать другой примѣръ. Шавтели имѣетъ, очевидно, одну изъ блестящихъ побѣдъ Тамары надъ иноверцами, говоря, что обширная поляна была покрыта трупами, къ которымъ стаями стекались птицы и звѣри. Она страшна для враговъ, а владѣтелей земныхъ она оставляетъ въ тѣни, „словно солнце въ своихъ лучахъ блескъ звѣзд“. Въ латахъ, шашкѣ и „съ когтями тигра“ она бросается на врага, какъ небесный громъ. Она кесарь мудрый, облагаетъ богатствомъ Джамшида ¹⁾ (!). Царскій посохъ, полученный ею отъ великихъ царей, острая шашка и мужественный духъ съ гнѣвомъ поднимаются на варваровъ. Золотая ткань покрываетъ ея станъ, вѣнецъ, скипетръ, виссонъ, митра и мантия въ изумрудахъ, діадема и порфира составляютъ ея царскія регалии. Вспомнивъ Хвозро (Хозро), котораго побѣдилъ Ираклій и возвратилъ плѣненный крестъ, Шавтели ²⁾ описываетъ пышный дворецъ Тамары. Царскіе покои блестятъ золотомъ и серебромъ, стѣны сланцовыя сянаны берилломъ и яхонтомъ. Кругомъ идетъ ограда, украшенная статуями барсовъ. Врата, ведущія чрезъ притворъ на ипподромъ, осыпаны рубиномъ. Во дворцѣ пребываетъ въ порфирѣ скипетроносная царица, освѣщающая мракъ своимъ сіяніемъ. Здѣсь находятъ всѣ приходящіе правосудіе у той, которая, подобно Нилу, бесплатно разсыпаетъ золото и *опазъ* (чистое золото). Сама царица чиста и непорочна, сверкаетъ, какъ алмазъ среди драгоценностей, образующихъ цѣлую гору. Чаши яхонтовыя и рубиновыя, сундуки, осыпанные бирюзой и жемчугомъ, составляютъ принадлежность дворца. Раздаются гнѣвныя звуки тимпана и цимбаловъ. Она кажется сіяющимъ солнцемъ, вѣж-

¹⁾ Сказочный герой, см. у меня выше.

²⁾ Овъ здѣсь называетъ себя ничтожнымъ странникомъ по образцу „скудоумныхъ и худыхъ монаховъ“ въ русской литературѣ.

ной луной, ласковой своими мигающими лучами зарей. Словно райская роза, вознесенная до небесъ, она подобна божеству—законодателю. Ее окружаетъ свита именитыхъ вельможъ, подобныхъ красотой Иосифу, силой Самсону, геройствомъ Нимроду ¹⁾. Безчисленные ея войска, поражающія молніей и избранный народъ слѣдуетъ за ней по пути добра. Наслѣдница своего отца, она является строгой хранительницей правды, утѣшительницей для своихъ подданныхъ и грозой для враговъ. Сіяніе ея никто не можетъ выдержать,—напрасно пытаются и перомъ написать ея образъ. Предъ ней блѣднѣетъ красота Иосифа. Чинаровый стапъ граціозенъ какъ выпаристъ, длинная ея коса возбуждаетъ пламенную влюблю. Одѣтая въ златотканную матерію, она ловко садится на чернаго коня. Клятвы данной она не нарушаетъ,—покровительство Божье служитъ ея щитомъ. Поэтъ снова украшаетъ ея имя эпитетами, подобными выше отмѣченнымъ: роза распустившаяся, роса освѣжающая, счастливо древо Давида (пророка), испускающая благовоніе и аромат, антракъ земной, мудрая, терпѣливая, какъ Іовъ. Проницательной и дальновидной признали бы ее Прокль, Дюдохъ, а Зинонъ и Зенахъ (?) именовали бы „перипатосъ“. Носительница просвѣщенія, источникъ спасенія, перлъ чистоты, врата милости, добрая совѣтница, возрастая, облекается такимъ свѣтомъ и могуществомъ, что Сократъ и Парменидъ, Идикъ и Богратъ (Гипократъ?) провозгласили бы владѣтельницами моря и суши. Онъ же въ свою очередь назвалъ бы ее Манассіей, молніеносной зарей, яркимъ свѣтомъ. Поражая „ядовитыхъ враговъ“, она быстро возвращаетъ ихъ къ жизни. Левъ получилъ отъ нея силу, солнце—блескъ, мускусъ—ароматъ. Свѣтила міра служатъ ей сіяніемъ, и она является въ сонмѣ небесныхъ силъ. Стражъ ученія, приютъ чужеземцевъ, широкая пристань для всѣхъ, подобно Нилу. Тамара—глубина мудрости, краснорѣчивый языкъ, заслужила похвалы Индіи, Квирина [*Κυρίνη*] Гуденіи (?), Арійцевъ (!), Гергесеовъ ²⁾, Басра, Барани (Бахрейнъ—островъ въ персидскомъ заливѣ, классическое мѣсто жемчуга), Брахма [брахманы?], Ерма (?), нагоправедниковъ, пигмеевъ, абаша (абиссинцы), гведженели (?), Шабаша (?). Тамара—прочная башня, небесный сводъ, сокрушаетъ враговъ, служила щитомъ для вѣрныхъ. Преданная мужу супруга, словно горлица, люди счастливы, что имѣютъ такую правительницу.

Она доставляетъ свѣжесть и прохладу въ знойный день всѣмъ трудящимся, какъ бы открываетъ глаза слѣпымъ, даетъ пищу голода-

¹⁾ Сказочный герой, см. „Карт.-Цхов.“

²⁾ Гергесей, сынъ Ханаана, родоначальникъ гергесеовъ.

ющимъ, пріютъ странникамъ, является отцомъ сиротъ, судьей вдовъ, воспитательницей молодыхъ, облекающей въ платья голыхъ. Для старцевъ и утомленныхъ работой она служитъ опорой—посохомъ. Распространяетъ среди народа мудрость и глубину писанія, сама принимая на себя роль его толковательницы.

Непостижимый, всевидящій, безконечный Богъ - Троица создалъ ее зарей, расцвѣла—лучемъ солнца, звѣздой небесной. Дарованіе Всевышнимъ такой царицы принято съ сердечнымъ благодареніемъ. Ученіе Христа она вноситъ вразумительными притчами Зираха. Созерцаютъ ее жадно и съ прощеньями сердцами отступаютъ предъ стрѣлами ея рѣсницъ. Прекрасная, неземная, созданная ангеломъ, она стала славной царицей. Молода, кипарисо-стройна, сіяющая зарей, она достойна имѣть своимъ жилищемъ небесные чертоги. Охранительница, воздающая всемъ милости, владѣтельница міра, отрада и благовоніе для окружающихъ, она какъ громъ, „яростная искра“ ополчается на враговъ. Защитница народа—мудрая царица проливаетъ кровь его только за Христа, о чемъ могутъ свидѣтельствовать семь небесныхъ свѣтилъ. Небесныя сферы за такую добродѣтель посылаютъ ей благодать. Поднявъ знамя, заигравъ въ тимпаны и барабаны, она истребила враговъ послѣ отчаянной битвы. Снявъ латы, она по окончаніи боя торжественно отпраздновала побѣду. „Будемъ славить юные и старые ее, посланную воевательницей за Христа, храбрую и прекрасноликую“, словно Этери ¹⁾, лампаду чистоты и купель свѣта. Богъ и Сынъ возвели ее въ верховнымъ небеснымъ силамъ, живущую среди людей агнцемъ (45). Сопоставивъ ее съ Гоноріемъ, въ честь котораго были написаны панегирики, поэтъ радъ, что финикійцы (а не африканцы) изобрѣли письмо, посредствомъ котораго можно сохранить о ней воспоминапія. И онъ, Шавтели, приглашаетъ внимать, что онъ передастъ.

Давидъ (пророкъ?) пригласилъ ее быть хранительницей вѣры и правды. Онъ, какъ сказалъ, смягчаетъ строптивыхъ; сказочника-пророка Магомета она не считаетъ проповѣдникомъ истинной воли Бога. Она краснорѣчиво убѣждаетъ язычниковъ къ обращенію въ христіанство и своихъ враговъ. Подъ небомъ воѣ, малые и старые, славятъ ее. Издревле садукеи и фарисеи отличались недовольствомъ заповѣдями религіи и сочиняли сами писанія въ то время, какъ другіе принимали крещеніе. Благодаря имъ Назаряне и Жутосинцы (?) раздѣлились. Македоній и Сабеліосъ (?) въ заблужденія отреклись (хулили)

¹⁾ Этери, героиня нынѣ народныхъ пѣсней, восходитъ такимъ образомъ къ древнимъ временамъ.

отъ Св. Духа: какіе-то маги доказывали о перенесеніи съ неба тѣла (?).. Армяпскіе цари за пролітіе крови враговъ не удостоились Господомъ властвовать. Тамарѣ же нельзя найти мѣры славы, какъ нельзя сосчитать песокъ въ глубинѣ моря и капли дождя. Мужеству и энергіи ея никто не въ состояніи противостать. Она бросаетъ стрѣлы подобно „Меркюри“ ¹⁾. Востокъ и западъ, горы и холмы громко говорятъ объ ея господствѣ. Являясь защитницей бѣдныхъ и судьей, она хранитъ твердо постановленія вселенскихъ соборовъ, а Аріозъ и Евноміоса вмѣстѣ съ Сабеліозомъ ²⁾ отринуты ею. Она вѣритъ, что Творецъ вселенной создалъ человѣка по образу своему. Богъ единый по существу и троицень въ лицахъ—сотворивъ человѣка—покорилъ ему все, но запретилъ ему ѣсть плоды древа познанія добра и зла. Господь звалъ, что по съѣденіи этого плода у нихъ откроются глаза, но первые люди преступили заповѣдь, и по наущенію врага погрузились въ мракъ послѣ пребыванія въ свѣтѣ. Когда семь языковъ ассирійцевъ, индійцевъ, римлянъ, синовъ (китайцевъ?), грековъ, персовъ и агмагуговъ (?) сдѣлались ненавистными всѣмъ, тогда Нимвродъ сталъ строить башню, но былъ страшно наказанъ. Далѣе еще поразительнѣе отступленіе поэта въ сторону.

Со славой преобразился Господь на горѣ Фаворѣ, а Илья и Моисей явились къ нему и со страхомъ слышали гласъ съ неба, называющій его Сыномъ Бога. Но недостойные люди возстали противъ Него—Создателя. Тотъ (Пилать) умываетъ руки, но кто можетъ смыть кровь Спасителя водой? Но Ему предстояло принести предопредѣленную жертву для спасенія душъ. Но въ день страшнаго пришествія Онъ возседеть судить смертныхъ: тогда будутъ стонать моря, издавать трескъ небеса; водворятся смятеніе и ужасъ. Трубный звукъ представитъ всѣхъ на судъ. Возвращаясь къ предмету оды, онъ говоритъ:

Невѣста Христова приняла подъ свое покровительство царицу, и въ свѣтломъ эдемѣ приготовлено для нея жилище: царство небесное ждетъ ее для блаженнаго услажденія. Даже косноязычный сдѣлается краснорѣчивъ, чтобы сказать, что ей подобаешь владѣть всей сушей и потупить геену огненную. О, царица мудрая, сердцевѣдущая; могущественная, непостижимая, невыразимо-искренняя, просвѣщенная, обовлеченная, сіящее солнце небесное, вольная львица, то неумолимый Голиаѳъ, то вѣжная и милостивая! Я рабъ твой, думаю, что все соз-

¹⁾ Меркурій, по-персидски Тиръ—созвѣздіе и въ то же время стрѣла.

²⁾ Аріій, Евномій, Савелій—извѣстные еретики. *Иванцовъ - Платоновъ*. Ереси и расколы V в.

дано для тебя; блаженная, святая, животворная — ты вездѣ сила и сердце! Ты побѣждаешь какъ Несторъ (?) могучій (?). Мнѣ ли слабому воспѣть тебя, исполненную ума и проникаемости? Ты скосила подвигами снопы добродѣтели, сдѣлалась лозой мудрости, купелью крещенія, арфой духа“. Будучи великой царицей, она отличается простотой; уподобляясь силой и сердцемъ льву, она пріятна всѣмъ своей граціей и стройностью. Она напоминаетъ розу въ распцвѣтѣ, исполненную пахучаго аромата; черныя рѣзницы, подобная хвосту вороны, освѣщается лучами, исходящими отъ нея и распространяющими кругомъ. Для ея славы собралъ онъ отрывочныя слова при помощи пѣвцовъ и „астролабовъ“. Она сама вдохновила поэта, опоясавъ его то слезами умиленія, то покровомъ мудрости.

Впервые посвященія изобрѣтены Паламидомъ ¹⁾, словесныя трудныя воздаянія даны Зиномомъ (философомъ)?

Аполлонъ, утвердившій чародѣйство, съ нимъ Асклепосъ ²⁾ смущенъ и не въ состояніи пѣть и славить царицу. Книги царей, пѣсни пѣсней, Эклезіастъ и притчи мудраго Соломона, книга Левитовъ, Чисель, Судей, Ездра и Зираха не могли бы вмѣстить дѣянія Тамары, достойныя прославленія. Плакующій огонь, подтачивающій тервь, дождь, морозъ, сильный градъ, проливной дождь постигнуть вѣроломныхъ престолу царицы, горе наполнить ихъ существованіе, польются потоки слезъ. Предъ пышной красотой Тамары засыхаютъ всѣ цвѣты; она лишь является источникомъ, поливающимъ поля и холмы. Называя ее Новымъ Римомъ, поэтъ приводитъ желаніе другихъ о водвореніи ея господства всюду и проситъ объ этомъ Гелати, усыпальницу тѣлъ святыхъ. Онъ увѣряетъ и клянется Всевышнимъ, что въ разлукѣ съ ней дни его сокращаются, и онъ шатается, словно перекачь—поле, въ житейскомъ океанѣ. Онъ находится въ безчувственномъ состояніи, не слышитъ рѣчи, правратился въ безсловесное существо. Я началъ, говоритъ онъ, трудное дѣло по своему неразумію: вздумалъ написать большую оду, но не сумѣлъ по скудости и невыразительности языка. Поэтому онъ не смогъ воспѣть ее подобающимъ образомъ, но умоляетъ принять его посвященіе, какъ Христосъ лепту вдовы. Ему остается въ концѣ обратиться съ просьбой ко всѣмъ исправить и дополнить его прозведеніе, замѣнить неправильности и темноту яснымъ и свѣтлымъ, какъ солнце, выраженіемъ, и его умолчаніе даже счесть частицей восхваленія.

¹⁾ Паламедъ, сынъ Навпія и Клемены во время осады Трои обвиненъ въ измѣнѣ и убитъ каменьями. Другого Паламеда мы не знаемъ.

²⁾ Асклепиадъ Самосскій, греческій поэтъ, другъ Элокрита; по его имени наз. стихъ Асклепиадовымъ.

Шавтели, въ силу необходимаго толкованія послѣдней строфы Барсовой кожи, по мнѣнію царя Теймураза, написавъ поэму „Абдуль-Мессія“, до насъ не дошедшую²⁾).

Ода же Шавтели, посвященная царицѣ Тамарѣ, является весьма оригинальнымъ произведеніемъ по своему содержанію. Она свидѣтельствуетъ объ обширной эрудиціи поэта, оперирующаго надъ пестрымъ сочетаніемъ мифическихъ и историческихъ именъ. Самой слабой стороной произведенія Шавтели можно признать отступленіе отъ темы, отсутствіе связи между отдѣльными строфами и послѣдовательности изложенія, не оправдываемое даже лирическимъ беспорядкомъ. Поэтъ часто повторяется и возвращается къ одной и той же мысли о мудрости и красотѣ царицы Тамары, причемъ весь репертуаръ его изобразительныхъ приемовъ ограничивается восточными гиперболическими сравненіями съ звѣздой, луной, солнцемъ, розой, кипарисомъ, антракомъ. Въ поэмѣ забывается чувство мѣры при восхваленіи небесныхъ чертъ и земныхъ достоинствъ воспѣваемой царицы. Подъ его перомъ Тамара теряетъ реальный обликъ, превращаясь въ безжизненную туманную фигуру, надѣвленную въ беспорядочномъ сочетаніи всѣми добродѣтелями мудрецовъ и отличительными свойствами пѣвчихъ птицъ, благовонныхъ травъ, плодоносныхъ деревьевъ. Есть строфы съ историческими именами, которыя не могутъ быть безъ натяжки сопоставлены съ Тамарой. Авторъ увлекся извѣстными ему формами классическихъ похвальныхъ одъ и даже обращеніе къ Богу въ началѣ произведенія должно быть объяснено подражаніемъ греко-римскимъ поэтамъ.

Шота Руставели и его поэма «Барсова кожа».

Среди грузинскихъ классиковъ — Тmogвели, Хонели, Шавтели, — Шота Руставели занимаетъ первенствующее мѣсто, возвышаясь величественнымъ, вѣчно-юнымъ колосомъ въ теченіе семисотъ лѣтъ. Его поэма „Барсова кожа“ (или „Человѣкъ въ барсовой кожѣ“), современница русскому „Слову о полку Игоревѣ“, составляетъ литературную гордость всего грузинскаго населенія. Въ твердомъ сознаніи высокихъ достоинствъ столь популярной поэмы, грузины настойчиво приглашаютъ иностранцевъ знакомиться съ безсмертнымъ твореніемъ своего Руставели. Ренанъ, Сютнеръ, Уордропъ, читавшіе „Барсову кожу“ въ рукописи на французскомъ языкѣ, дѣйствительно, согласны въ томъ, что эта поэма — высоко-художественное произведеніе, проникнутое глубокою мыслью и теплотою чувствъ.

²⁾ *Bross-t. Mélanges asiatiques, t. VIII, 428.*

Великаго поэта постигла судьба многихъ великихъ людей. Намъ въ достовѣрности неизвѣстно ни семейное происхожденіе Шота Руставели, ни общественное его положеніе, ни школьное образованіе, ни мѣсто и время его рожденія,—словомъ наши біографическія о немъ свѣдѣнія столь же скудны, какъ о древнемъ Гомерѣ и геніальномъ Шекспирѣ. Само названіе Шота чисто грузинское и весьма древнее ¹⁾—сокращенное изъ Ашота, по мнѣнію нѣкоторыхъ,—не встрѣчается въ святцахъ христіанскихъ, такъ какъ не было обязательнаго обычая у древнихъ христіанъ, какъ и у грузинъ, давать при крещеніи имена святыхъ прославленныхъ церковью ²⁾. Прозваніе же Руставели поэтъ получилъ по мѣсту своего рожденія въ Рустави, аналогично съ Хонели изъ Хови, Тмогвели изъ Тмогви. Но недоумѣніе наше о родинѣ поэта не находитъ разрѣшенія въ виду того обстоятельства, что географическій пунктъ „Рустави“ мы встрѣчаемъ въ исторіи Грузіи съ древнѣйшихъ временъ въ двухъ противоположныхъ концахъ: въ Южной и Верхней Карталиніи, по теперешнему административному дѣленію, въ Тифлискомъ и Ахалцихскомъ уѣздахъ. Рустави есть названіе древняго города Грузинскаго царства, извѣстнаго подъ именемъ „Востанъ-калаки“, на лѣвомъ берегу рѣки Куры, ниже Тифлиса; епископы, сидѣвшіе тамъ, титуловались *Руставскими*; въ половинѣ XIII вѣка городъ этотъ опустошили монголы, и попытки кахетинскаго царя Ираклія I возстановить его изъ развалинъ были безуспѣшны. Но ко времени царицы Тамары центръ грузинскаго просвѣщенія былъ перенесенъ въ Верхнюю Карталинію, гдѣ по-нынѣ лежитъ село Рустави, первая станція отъ г. Ахалциха по почтовому тракту, въ сторону г. Ахалкалаки. Вѣроятноже, что поэтъ Шота, пѣвецъ царицы Тамары, происходилъ изъ этого послѣдняго Рустави ³⁾ месхійскаго или Верхне-Карталинскаго, а не изъ древняго

¹⁾ Царевичъ Теймуразъ въ своихъ комментаріяхъ къ „Барсовой кошѣ“ говоритъ, что имя Шота или Шотта восходитъ къ языческимъ временамъ Грузіи: главный идолъ ея Армази носилъ названіе „Шота“. См. мое письмо въ *Искрѣнн* 1892, № 17.

²⁾ О некалендарныхъ именахъ у грузинъ см. мою статью въ *Этнографическомъ Обзорѣнн*, 1894 г., № 2. Имя Шота находимъ въ надписи на Зарзиской церкви XI в. (въ Ахалцихскомъ уѣздѣ). См. *Матеріалы по археологін Кавказа*, в. IV (М. 1894), стр. 53. Оно встрѣчается въ лѣтописяхъ Грузіи въ XII—XIII вв. Одинъ изъ дѣятелей, посещавшихъ это имя, Шота Артаначодзе, былъ казнень, какъ измѣнникъ царя Георгія въ 1177 г., а другой Шота Буири упоминается при царвѣ Русудани. *Картл.-Цх.* I, 273 и 375.

³⁾ Ср. слова самого поэта (строфа 1643): „Пишу цѣкій месхъ—стмхотворецъ изъ села Рустави“.

Бостанъ-калаки, такъ какъ вообще Ахалцихскій уѣздъ или Саатабаго въ X—XII вѣкахъ игралъ выдающуюся культурную роль въ исторіи Грузіи.

Итакъ, Руставели былъ родомъ месхъ (или мосохъ—мосхъ) изъ того грузинскаго племени, названіе котораго встрѣчаемъ въ Библии и у классическихъ писателей, а нынѣ звучитъ въ словѣ „Мцхетъ“²⁾. По народной традиціи извѣстно, что Шота рано остался сиротою на попеченіи дяди-монаха, который отдалъ своего племянника для первоначальнаго обученія въ Руставскую церковную школу, откуда будущій поэтъ былъ переведенъ въ Тбетское монастырское училище. Пробывъ еще нѣсколько лѣтъ въ двухъ извѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Греми и Икальто (Телавскій уѣздъ, Тифлисской губ.), основанныхъ при Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125) Арсеніемъ, епископомъ Икалтойскомъ, Руставели былъ отправленъ въ Грецію, для довершенія своего образованія. Въ Аѳонскихъ, Олимпійскихъ (Улумбійскихъ, въ устахъ и подъ перомъ грузинскихъ писателей) монастыряхъ и въ Иерусалимѣ, гдѣ явились обители, построенныя грузинскими царями, Руставели въ совершенствѣ изучилъ греческій языкъ, поэзію и философію¹⁾, а впослѣдствіи онъ ознакомился съ языками персидскимъ и арабскимъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ его поэма. По возвращеніи на родину онъ былъ назначенъ казначейщикомъ царицы Тамары, въ награду за тѣ похвальные оды, которыя онъ ей посвящалъ. Это было время политическаго могущества Грузіи и разцвѣта лирической поэзіи при пышномъ дворѣ молодой царицы со всѣми признаками средневѣковаго рыцарскаго служенія. Молодой воспитан-

²⁾ Первое упоминаніе о месхахъ находимъ въ X главѣ кн. Бытія, гдѣ названы Мешехъ и Тубаль. Пророкъ Іезекіиль называетъ тѣхъ же Мешехъ и Тубаль, а столѣтіемъ позже Геродотъ вводитъ въ XIX сатрапію персидской монархіи мословъ и тибареновъ. Мешехъ или Месехъ Библии названы у галликарнасскаго историка мосхами, о которыхъ упоминаетъ и Страбонъ, а грузинскій географъ *Вахушти* въ „Описаніи Грузіи“ знаетъ ихъ подъ именемъ месхи (ср. русскія ассирійскія надписи). *Мой очеркъ „Месхи“*, стр. 1—2. Москва, 1891.

¹⁾ Если исключить двѣ особенности, отличающія средневѣковыя византійскія повѣсти, то послѣднія въ общемъ напоминаютъ поэму Руставели. Въ поэзіи задолго до Руставели произошла въ Греціи глубокая революція: въ средневѣковой литературѣ центромъ изображенія стала семья, вмѣсто классической площади или неба; въ послѣдней герой выше смертныхъ, въ первой выхвачены изъ толпы; тамъ любовь играетъ послѣднюю роль, здѣсь первую; тамъ женщина—рабыня; здѣсь—исходный пунктъ дѣйствія. *Киртчишкювъ*. Византійскія повѣсти, стр. 19.

никъ греческихъ школъ, ознакомившійся съ поэмами Гомера и философіею Платона,—на которыхъ онъ любитъ ссылаться,—богословіемъ, началами піитики и риторики, всецѣло посвящаетъ себя литературной дѣятельности и создаетъ знаменитую поэму „Барсову кожу“—красу и цвѣтъ грузинской письменности.... „Раздались звуки лиры; онъ пѣсни сталъ слагать: то были перлы слова—алмазь и брилліантъ. Межь кампей самоцвѣтныхъ въ оправѣ золотой былъ жемчугъ бѣло-снѣжный и яхонтъ дорогой“.. Подобными сравненіями въ восточномъ гиперболическомъ вкусѣ характеризуетъ недавно сошедшій въ могилу поэтъ кн. В. В. Орбелиани высокое содержаніе Ш. Руставели. Поэтъ, безнадежно влюбленный въ свою повелительницу, кончилъ жизнь въ монастырской кельѣ. Тимофеей, митрополитъ грузинскій въ XVIII вѣкѣ, видѣлъ въ Іерусалимѣ, въ церкви Св. Креста, построенной грузинскими царями, могилу и портретъ его на стѣнѣ храма въ власяницѣ подвижника^{*)}). Поэтъ отдался религіи и напелъ идеаль истины, добра и красоты въ христіанствѣ и пѣснопѣніяхъ церкви по лирѣ Сіона.

На ряду съ этою легендой объ отношеніяхъ Руставели къ Тамарѣ сохранились еще другія народныя преданія, разукрашенныя пылкою фантазіей. Поэтъ, влюбленный въ царицу, женится, однако, на какой-то Нинѣ, и вскорѣ послѣ свадьбы получаетъ отъ „дамы идеальнаго поклоненія“ приказаніе перевести на грузинскій языкъ литературный подарокъ, поднесенный ей побѣжденнымъ шахомъ. Руставели блестяще исполняетъ порученіе Тамары, но отъ награды за трудъ свой отказывается. Черезъ недѣлю послѣ этого нашли обезглавленный трупъ поэта, признаннаго несчастною женой. Заслуживаетъ изъ цѣлаго цѣбла сказавій еще одно воспоминаніе народа, по которому царица за дивное твореніе подарила поэту золотое кольцо, мужъ ея поясаль его мечомъ, а свита въ „восторженномъ очарованіи“ поднеслао ему разныя драгоценности. Во время торжественнаго пира поэтъ былъ вызванъ неизвѣстнымъ юношей, который посовѣтоваль послѣштить къ женѣ. Руставели засталъ ее въ объятіяхъ араба Адула. Въ гнѣвѣ онъ убиваетъ проводника-юношу, который оказывается переодѣтою дѣвушкой, первую брошенною имъ его невѣстой. Опозоренный красивый и талантливый поэтъ, любимецъ царицы, съ горя постригся въ монахи, а араба убилъ братъ жены Шота, и голову убитаго повѣсилъ на шею

^{*)} Путешествіе по святымъ мѣстамъ, стр. 154. Ср. *Цагарели, Памятникъ грузинской старины въ Святой землѣ и на Синаѣ*, стр. 244 (С.-Пб. 1888).

измѣнницѣ-сестрѣ¹⁾). Любопытно, что всѣ легенды приурочиваютъ мѣсто рожденія къ Ахалцихской области, и еще недавно записано преданіе о мудромъ сынѣ одного слѣпца грузина, жившемъ при царицѣ Тамарѣ: онъ состоялъ при ней секретаремъ и ближайшимъ совѣтникомъ²⁾).

Не останавливаясь на подробномъ разборѣ приведенныхъ сказаній и не удлиняя ихъ новыми дополненіями, извѣстными въ устномъ обращеніи, можно съ немалою вѣроятностью сказать, что пѣвецъ царицы Тамары происходилъ изъ Мескетіи, пользовался большою популярностью, благодаря своимъ знаніямъ и таланту и кончилъ жизнь въ тиши монастырскихъ стѣнъ, вдали отъ боготворимой царицы, въ прославленіе которой, по его же словамъ, была написана „Барсова кожа“. Шота Руставели во всякомъ случаѣ лицо историческое³⁾: онъ былъ казначействомъ царицы Тамары и подъ 1190 г. мы находимъ его подпись на одномъ актѣ изъ Тифлисской Синодальной Конторы подъ № 64.

Отсутствіе полныхъ біографическихъ данныхъ въ глазахъ нѣкоторыхъ скептиковъ, умаляющихъ, по незнанію вопроса, значеніе грузинской литературы, служило достаточнымъ доказательствомъ той мысли, что Руставели мнѣ или, въ лучшемъ смыслѣ, поэтъ позднѣйшей эпохи, первое упоминаніе о которомъ находимъ будто бы въ письменныхъ памятникахъ лишь XVII столѣтія. Опроверженіе этой, ни на чемъ не обоснованной, гипотезы даютъ дошедшіе до насъ древніе списки „Барсовой кожи“. Самый древній изъ нихъ на пергаментѣ неполный (и безъ даты), писанный крупными круглыми буквами гражданскаго письма, хранился, по словамъ грузинскаго археолога Пл. Иги. Йоселіани, у имеретинскаго князя полковника Григорія Церетели. Второй экземпляръ на лощенной бумагѣ, принадлежавшій царю Александру (1443 годъ), найденъ у дворянина Николая Эліозова, древній родъ котораго всегда былъ служебнымъ при дворѣ католико-

¹⁾ Легенда о Ш. Руставели см. Повѣсть „Вардциха“ въ газетѣ *Кавказъ* 1846 г. №№ 30, 31 и 32, ср. мою замѣтку 1892, 95 въ „Иверіи“; Ш. Руставели и его супруга *А. Пурцеладзе*; (Тифлисъ, 1886) и въ *моей* книгѣ „Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. I. Народный эпосъ и апокрифы“, стр. 281—2. (М. 1895). *Иверія*, 1895, № 21. Легенда о Рустави, родилъ „Шота“, *В. Коптонашвили*.

²⁾ Въ Грецію отправляли грузинскихъ юношей довершать образованіе со времени Давида Возобновителя. Исторія *Вардана* (переводъ Элива, 1861) стр. 147.

³⁾ См. поэмы царя Т. Имураза и между прочимъ „Сравненіе Весны и Осени“.

совъ—патріарховъ грузинскихъ, большею частью происходившихъ изъ царскаго дома. Третій списокъ съ надписью, свидѣтельствующею о принадлежности его царю Вахтангу Шахъ-Навазу (1678 г.), находился въ рукахъ царевны Оеклы Иракліевны, скончавшейся въ 1846 году. Рукописи эти писаны очень красиво, но по мѣстамъ съ ошибками правописанія. По этимъ спискамъ явилось первое печатное изданіе 1712 года, при царѣ Вахтангѣ VI, въ Тифлисѣ, съ комментаріями и портретомъ ученаго царя. Броссе ¹⁾ видѣлъ въ Парижѣ списокъ „Барсовой кожи“, переписанный въ 1702 годъ. Въ основаніе „Барсовой кожи“, изданной Картвеловымъ въ Тифлисѣ, положенъ манускриптъ XVII в. Наконецъ, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ хранится любопытный вариантъ поэмы Ш. Руставели, къ сожалѣнію, не сохранившій ни даты, ни имени переписчика, ни мѣста, гдѣ она переписана. Время, къ которому относится этотъ памятникъ, можно опредѣлить по палеографическимъ его особенностямъ, а въ особенности по начертанію буквъ *h* и *p*. Еще покойный Бакрадзе замѣтилъ, что изображеніе грузинскаго *h* съ четырьмя зубцами, притомъ въ обратномъ положеніи, и буквы *p* съ тремя зубцами, также *vice versa*, сравнительно съ ихъ позднимъ начертаніемъ, восходятъ къ XV—XVII вѣкамъ. Такъ какъ матеріаль—бумага, на которой писана поэма Руставели, не позволяетъ отодвигать ее къ XV вѣку, то я отношу къ концу XVI или къ началу XVII вѣковъ. Въ рукописи, нужно еще замѣтить, имѣемъ букву, представляющую сочетаніе согласнаго *o* и гласнаго *u* (*ou*), притомъ эта орфографія строго не выдерживается: вмѣсто лигатуры встрѣчается двѣ буквы *ou*. Такъ какъ сложное изображеніе для *ou* введено не ранѣе XVII вѣка (*Чубиновъ*, Грузино-русскій словарь, предисловіе, II), то я, наряду съ вышеназванными палеографическими особенностями архивнаго памятника, принимаю во вниманіе, для установленія его даты, неустойчивость этой буквы, еще не вошедшей въ твердое употребленіе, какъ въ рукописяхъ XVIII вѣка, которыя уже не несутъ слѣдовъ колебанія въ изображеніи однимъ начертаніемъ сложнаго звука *ou* ²⁾.

Изъ обзора ³⁾ списковъ „Барсовой кожи“ естественно является за-

¹⁾ *Brosset*, De la poésie géorgienne. Paris. 1830.

²⁾ Ш. Руставели, статья *Пл. Тоселіани* въ газетѣ *Кавказъ*, 1870 года, № 13. Объ архивномъ вариантѣ „Барсовой кожи“ см. мою статью въ *Восточныхъ древностяхъ* (Труды Моск. Археол. Общ.), вып. I, т. II.

³⁾ Ср. мое письмо въ Иверіи 1895 № 226, о рукописи „Б. К.“ вв. Боте Амглаваря.

ключеніе, что поэма Ш. Руставели въ концу XVI вѣка, въ виду своей популярности, представляла массу интерполяцій и дополненій, вызвала продолженіе ея сюжета, извѣстное нынѣ подъ именемъ *Оманіани* ¹⁾. Къ изданной Д. И. Чубиновымъ въ 1860 году „Барсовой кожи“ появилось въ журналѣ „Иверія“ дополненіе въ 308 строфъ, найденное грузинскимъ библіофиломъ П. Карбеловымъ. Московская архивная рукопись, при сличеніи съ существующими печатными изданіями поэмы и ея продолженіями, даетъ еще массу разночтеній и дополненій, которыя выдѣляютъ нами открытый вариантъ въ особую редакцію. Словомъ, ни одна грузинская поэма не подвергалась такимъ исправленіямъ, передѣлкамъ и дополненіямъ, какъ „Барсова кожа“, и ни одно произведеніе грузинскаго творчества не пользуется такимъ высокимъ уваженіемъ и распространеніемъ, какъ созданіе Ш. Руставели. Эти особыя условія, отличающія поэму пѣвца царицы Тамары, заставляютъ думать, что литературное произведеніе, завоевавшее такое почетное положеніе, должно было долгое время обращаться среди народа, чтобы слиться и сродниться съ духомъ поэтическихъ требованій и высшаго и низшаго класса читающей публики. Мощное вліяніе „Барсовой кожи“ иллюстрируетъ ужъ то обстоятельство, что имя Руставели въ грузинской литературѣ есть не имя поэта, а имя возвышенной и художественной поэзіи.

Причина отсутствія древнѣйшихъ списковъ поэмы, близкихъ къ ея созданію, заключаются, помимо тяжелыхъ бѣдствій, постигавшихъ Грузію отъ нашествія иноземныхъ полчищъ, въ томъ, что „Барсова кожа“ съ эпохи царицы Тамары преслѣдовалась духовенствомъ, какъ противное христіанскому смиренію сочиненіе свѣтскаго характера. Батолікосъ Іоаннъ, по преданію, еще при жизни царицы, покровительствовавшей поэту, воздвигъ гоненіе на Руставели. Достоверно извѣстно, что въ XVIII вѣкѣ патриархъ Антоній I, просвѣщенный писатель, предалъ сожженію нѣсколько экземпляровъ отпечатанной царемъ Вахтангомъ „Барсовой кожи“. Въ своемъ посвященіи памяти Шота

¹⁾ „Оманіани“—продолженіе „Барсовой кожи“. *Мои письма изъ Парижа въ Иверію*, 1889 года, № 188: „Грузинскія рукописи Парижской Національной Библіотеки“. По списку памятниковъ „грузинской письменности“, составленному въ 1810 году, *Оманіани* считается переводомъ съ персидскаго языка. См. *Царели*, Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, в. III, стр. 258 (С.-Пб. 1894 года). Ср. *Brosset. Mélanges Asiatiques*, t. VIII, p. 438. По другому списку нѣкто „Бай-Хосро написалъ въ стихахъ Оманіани“, а по словамъ царя Арчила нѣкто Нануча внесъ стихи въ поэму Руставели. См. „Арчилиани“, стр. 180 (Т. 1850). Нужно отличать „продолженіе“ *Б. К.* отъ дополненій къ ней.

Руставели католикосъ-патріархъ Антоній I называетъ его мудрымъ знатокомъ персидскаго языка, философомъ, чуднымъ поэтомъ и бого словомъ, „но тщетно и всеу потрудившимся“¹⁾. Такимъ образомъ, поэму не спасло отъ злой участи объясненіе царя Вахтанга, который въ своихъ примѣчаніяхъ въ „Барсовой кожѣ“ пытается толковать аллегорически выраженія поэта, сводя ихъ къ текстамъ Священнаго Писанія и правиламъ евангельскаго ученія. Онъ утверждалъ, что поэма Руставели — иносказаніе, вымышленное для поученія, и имѣющее главною цѣлью представить непоколебимую вѣрность супруговъ при всѣхъ превратностяхъ человѣческой жизни. Не отвергая мысли, что въ основаніи поэмы лежитъ нравственная идея, всетаки никакъ нельзя видѣть въ ней какую-то христіанскую мистическую поэму. Но почему же гений поэзіи заслужилъ гнѣвъ и укоръ просвѣщеннаго католикоса²⁾, извѣстнаго своими твореніями? Послѣ Шахъ-Аббаса I, разорившаго Грузію за сношенія съ православною Россіей при Борисѣ Годуновѣ, цари и народъ грузинскій являются ослабленными. Новые обычаи, нравы, музыка персовъ нарушали чистоту патріархальнаго быта и христіанской жизни,—отсюда необходимость реакціи, и католикосъ Антоній въ началѣ XVIII вѣка запретилъ чтеніе Руставели, увлекавшаго народъ къ поэзіи персидской, тонамъ музыки индійской. Народъ искалъ въ немъ меду, а находилъ отраву, говоритъ вышеупомянутый грузинскій археологъ Пл. Игн. Юсселиани.

Какъ неразрѣшными вопросы о мѣстѣ и времени рожденія, о происхожденіи и школьномъ образованіи, общественномъ положеніи и копчянѣ Руставели, такъ до настоящаго времени остается невыясненнымъ, откуда заимствовалъ онъ сюжетъ своей поэмы. Въ литературѣ этого предмета было высказано три мнѣнія: первое основывается на словахъ самого Руставели, который на 16-й строфѣ заявляетъ что „онъ нашелъ персидскій рассказъ и переложилъ его стихами, словно крупную жемчужину, переходящую изъ рукъ въ руки“;³⁾ однако,

¹⁾ Мѣрное слово *Антонія I*, католикоса-патріарха всей Грузіи, № 802. Тифлисъ, 1853 года.

²⁾ Католикосъ Антоній оставилъ намъ слѣдующія сочиненія: „Богословіе“ (рукопись въ 430 стр. in folio); „Готовое слово“, изд. епископомъ Александромъ въ 617 стр. in 8°, Тифлисъ, 1892 года; „Грамматику“ въ 298 стр. in 8°, Тифлисъ, 1885 года; „Метафизику“ къ 250 стр. in 8° (рукопись); „Философію“ въ 320 стр. in 8° (рукопись); „Батихизисъ“; „Категоріи“; „Нравственную философію“ Баумейстера; „Риторику“ и др.

³⁾ Эту строфу, сохранившую мнѣнія о персидскомъ происхожденіи „Б. К.“ на основаніи глубокаго изученія контекста убѣдительно отвергъ г. А. С. въ

персидскій оригиналъ грузинской поэмы до сихъ поръ не найденъ¹⁾; второе мнѣніе впервые было высказано Д. І. Чубиновымъ, который доказываетъ, что „Руставели не заимствовалъ сюжета „Барсовой кожи“ у восточныхъ писателей; она создана имъ самимъ и направлена къ прославленію царицы Тамары“. Третье мнѣніе принадлежитъ мнѣ: въ одной статьѣ, посвященной сравненію отдѣльныхъ стиховъ Руставели и пароднымъ пѣсень о Таріелѣ, я предположилъ, что искусственная поэма XII вѣка имѣетъ своимъ основаніемъ народную поэзію, подобно тому, какъ Фаустъ и Гамлетъ восходятъ къ средне-вѣковымъ народнымъ традиціямъ²⁾. При этой коллизіи мнѣній—считать ли „Барсову кожу“ національнымъ произведеніемъ или простымъ заимствованіемъ изъ персидской поэзіи, слѣдуетъ вспомнить слова Сеттембрини о „Неистовомъ Роландѣ“ Аріоста: „Не говорите мнѣ, что сюжетъ этой эпопеи не *націоналенъ*, но вспомните, что въ матеріалъ опредѣляетъ достоинство поэмы, а *духъ*, живущій въ поэмѣ. Міръ, изображенный въ этой эпопее, не принадлежитъ никакой національности,—этотъ міръ созданъ поэтомъ. Но маэра, съ которою онъ создаетъ этотъ міръ, духъ, вдохнутый въ эту поэму, — чисто итальянскій. Это есть лучшее изображеніе всего итальянскаго быта, итальянской фантазіи и всего нравственнаго строя“. Эти слова вполне приложимы къ поэмѣ Руставели. Природа и характеръ дѣйствующихъ лицъ, семейный и государственный бытъ, нравы и обычаи носятъ въ признаки грузинской жизни, карталинскій элементъ разлитъ, словно запахъ розъ, по всей поэмѣ, намѣренно перенесенной въ идеальную мѣстность: „въ Индію, Аравію, Китай—царство морей и каджовъ“³⁾.

Изъ разбора спорныхъ вопросовъ о Ш. Руставели мы склонны заключить, что поэтъ происходилъ изъ Рустави Месхетской провинціи или Верхней Карталини, жилъ при царицѣ Тамарѣ, о которой онъ говоритъ въ четвертой строфѣ: „Стапемъ же воспѣвать царицу Та-

смыслъ статьихъ: „Ложныя мѣста въ „Барсовой кожѣ“ (Журн. „Моамбе“ за 1895 г. и 1896 г.).

¹⁾ Царь Вахтаугъ въ своемъ изданіи *Б. К.* на стр. 141 замѣчаетъ, что въ Персіи этого разсказа нѣтъ.

²⁾ Чубиновъ, С.-Пб., 1846 года), Грузинская Хрестоматія (Ср. *сю же* *Земл. Вѣстникъ* 1850, 40, 41. Поэма Руставели „Барсова кожа“ стр. VII; *моя* статья въ *Ив рив*, 1890 года, № 25; отвѣтъ на нее *Важа-Пшавела*, *Иверія*, 1890 года, № 39. См. еще статью *А. Ни—ли* въ *Иверія*, 1890 года, № 14.

³⁾ *Н. Гулакъ*. О „Барсовой кожѣ“ Руставели. Двѣ публичныя рѣчи (Тифльск. 1884 года), стр. 3.

мару, проливая кровавыя слезы. Уже ее прославляли похвалами¹⁾. не худо сложенными: черниломъ было гипероное озеро, а перомъ гибкій станъ, пронзающій стрѣлою сердце слушателя*. Руставели не только современникъ царицы Тамары, но и придворный ея поэтъ, безумный влюбленный въ свою славную повелительницу. „Изъ-за нея теряю рассудокъ и умираю; она—моя жизнь, но немилосердна, какъ дивъ; она мнѣ приказала ее прославлять сладкими стихами, восхвалять ея брови, рѣсницы, вудри, уста—рубины и зубы—жемчужины“. Сюжетъ поэмы не заимствованъ изъ персидскаго оригинала: царь Вахтангъ, жившій долгое время въ Персїи, изучившій азыкъ и литературу ея, свидѣтельствуетъ, что нигдѣ онъ не нашелъ повѣсти о Тарїелѣ. Слова же самого Руставели относительно этого „таинственнаго перла“, персидскаго разсказа, отдѣланнаго въ грузинскомъ вкусѣ, могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что поэтъ намѣренно отводитъ читателя съ цѣлью скрыть свою любовь къ той, которой повинуются полчища. „Я заболѣлъ отъ любви и нѣтъ для меня лѣкарства, развѣ земля дастъ мнѣ исцѣленіе и могилу“ (стр. 15).

Или, быть можетъ, Руставели хотѣлъ придать больше цѣны своей поэмі: извѣстно, говоритъ покойный Чубиновъ, что чужеземное всегда цѣнится дороже своего. Но нельзя отрицать, что поэма Руставели создана по образцамъ восточныхъ писателей; имена ея героевъ имѣютъ значеніе на языкахъ персидскомъ и арабскомъ, какъ Ростеванъ, Рамазъ, Сариданъ, Фатманъ, Парсаданъ и др., хотя главные герои носятъ названія грузинскія: Тарїель, Автандилъ, Тинатина²⁾.

Отвергая заимствованіе непосредственно изъ персидскаго письменнаго памятника, мы предположили, что Руставели могъ воспользоваться устнымъ сказаніемъ о Тарїелѣ, вошедшимъ съ Востока въ предѣлы Грузїи, подобно другимъ странствующимъ сюжетамъ. Самъ Руставели заявляетъ, что онъ „[устный] разсказъ переложилъ въ стиха“, или, по переводу Е. С. Сталинскаго, поэтъ признается:

Поня авторскую совѣсть,
Долженъ вамъ я передать,
Что у персовъ эту повѣсть
Взялъ я съ цѣлью въ свѣтъ издать.

¹⁾ Вѣроятно, Руставели здѣсь намекаетъ на оду Шавтели, посвященную имъ царицѣ Тамарѣ. Чахруха же писалъ послѣ Руставели, о чемъ свидѣлствуютъ слова самого Чахруха; см. дальше.

²⁾ См. мой докладъ на VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, въ которомъ я приводилъ изъ сванетскихъ свитковъ XI—XII вѣковъ имена Тинатина, Нестанъ и др. „Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея“. М. 1895 г

Смыслъ ея одѣлъ въ порфиру,
Слово въ перлы называлъ,
И свою настроивъ лиру
Повѣсть въ ризахъ написалъ.

Изъ сопоставленія обращающихся среди грузинскаго народа пѣсенъ о Таріелѣ съ поэмой Ш. Руставели легко усмотрѣть ихъ безусловную близость въ общемъ сюжетѣ и въ отдѣльныхъ деталяхъ. Конечно, эту близость искусственной и устной поэмы можно объяснить двояко: или распространеніемъ литературнаго произведенія среди народа, или же воздѣйствіемъ безыскусственнаго творчества на личное созданіе одного поэта. Принимая къ свѣдѣнію, что пѣсни о Таріелѣ сохранились съ большими подробностями въ горахъ у пшавовъ и хевсуръ,—весьма мало знакомыхъ съ письменною литературой, можно было бы склониться къ мысли, что Руставели не причастенъ въ дѣлѣ сообщенія сюжета „Барсовой кожи“ грузинамъ—горцамъ. Съ другой стороны предполагать, что съ древнѣйшихъ временъ распространилось содержаніе поэмы Руставели среди пшавовъ и хевсуръ, препятствуетъ то обстоятельство, что въ горахъ Грузіи никогда не имѣла центровъ просвѣщенія и заселеніе ихъ вообще относится къ поздней эпохѣ, приблизительно XVI—XVIII вѣкамъ¹⁾. Въ виду этихъ соображеній трудно согласиться съ гипотезой, что только письменная поэма по своей популярности распространилась среди народа при отсутствіи соотвѣтствующей къ ея воспріятію почвы, хотя безъ сомнѣнія вѣрно и то, что поэма Руставели также имѣла въ свою очередь вліяніе на народное воображеніе и сообщала ему нѣсколько мудрыхъ изреченій.

Но наставляя на мысли о пользованіи Руставели народнымъ сказаніемъ²⁾, мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ тѣми доводами, которыя могутъ служить освѣщеніемъ нашего предположенія. До настоящаго времени извѣстны слѣдующіе варианты пѣсенъ о Таріелѣ, записанные частью мною, частью же другими въ различ-

¹⁾ О центрахъ просвѣщенія въ Грузіи см. мое соч. *Очерки по исторіи грузинской словесности*, ч. I, 155—164 (М. 1895). О переселеніи жителей равнинъ въ горы у *Дубровина*, *Исторія войны на Кавказѣ*.

²⁾ Общія положенія доказательствъ сродства литературныхъ произведеній, выставленныя проф. Бирпичниковымъ и раздѣленныя акад. Веселовскимъ—единицы нѣсколькихъ моментовъ и совпаденіе аксессуарныхъ принадлежностей, вскрытыя въ народной и искусственной поэмі о Таріелѣ. *Ак. Веселовскій*. *Византизмъ и Варлаамъ и Юсафъ*. Ж. М. Н. П., ч. ССХII, отд. 2, стр. 151.

ныхъ концахъ Грузіи: Пшавскій („Иверія“, 1888. № 45); Бидпедскій („Иверія“, 1888, № 165); Кизлярскій (ibid. 1888, № 131); Кахетинскій (ibid. 1887, № 224 и 1890, № 252); Карталинскій (ibid. 1890, № 240 и 1890 №№ 7 и 8); Тіонетскій (ibid. 1888, №№ 230 и 231); Чирдильскій (ibid. 1891, № 74 и 75); Хевсурскій (ibid. 1890, № 239) и недавно [ib. 1894, № 150] записанный въ сел. Чалахъ пѣсни съ прозаическимъ разсказомъ о Таріелѣ и Нестанъ-Дареджанѣ. Во всѣхъ этихъ вариантахъ сохранилась одна и та же фабула поэмы Руставели, то въ отдѣльныхъ эпизодахъ, то въ полномъ разсказѣ. Географическія имена изъ „Барсовой кожи“ извѣстны и въ народныхъ пѣсняхъ: Аравія, Хоросанъ, Каджети; дѣйствующія лица въ нихъ—Таріель, Автандилъ, Фридонъ, Нестанъ-Дареджанъ. Въ виду невозможности привести детали сопоставленія искусственной и безыскусственной поэмы, укажемъ только на то любопытное обстоятельство, что краткій, лаконическій разсказъ народныхъ пѣсней часто развитъ поэтомъ въ цѣлыя строфы, разукрашенные философскими размышленіями. Сохраняя одинъ и тотъ же сюжетъ, форма народнаго и личнаго творчества представляетъ ту разницу, которая неизбѣжно протекаетъ при литературной обработкѣ устныхъ связаній. Пѣсни объ Автандилѣ¹⁾ и его охотѣ, распѣваемые еще нынѣ въ Грузіи среди крестьянскаго населенія, нашли отголосокъ въ 199 строфѣ поэмы Ш. Руставели. Обычныя эпитеты и сравненія, распространенныя въ народныхъ произведеніяхъ, отразились въ „Барсовой кожѣ“; таковы чинаровый станъ, зубы—жемчужины, розовыя уста. Даже мудрыя изреченія знаменитаго поэта находятъ иногда прототипъ въ житейской философіи народа: „лучше ужь умереть, чѣмъ постоянно тосковать“, говоритъ грузинская пословица, параллель которой можетъ служить 826 строфа Руставели, гласящая, что „именитая смерть лучше позорной жизни“. При этомъ сходствѣ общаго содержанія мы замѣчаемъ значительныя отличія въ обработкѣ богатой приключеніями судьбы Таріеля и Нестанъ-Дареджаны въ „Барсовой кожѣ“ Руставели. Просвѣщенный и даровитый поэтъ сумѣлъ облагородить и возвысить романтическую интригу идей мечтательной преданности и свѣтлаго чувства любви, талантливо объединилъ и связалъ сюжетъ поэмы психологическими наблюденіями и философскими размышленіями, придавъ художественную цѣльность

¹⁾ Другой пунктъ совпаденія народныхъ пѣсней съ „Барсовой кожей“ можно указать въ имени героини Нестанъ-Дареджанъ,—вторую половину этого имени мы встрѣчаемъ въ легендахъ объ Амиранѣ Дареджанидзе, то-есть, слытъ

поэмъ и облекъ ее въ такую обаятельную литературную форму, которая остается и нынѣ образцомъ поэтическихъ произведеній ¹⁾.

Розыскиваніе источниковъ вдохновенія въ народныхъ сказаніяхъ— путь, достаточно установленный въ исторіи всеобщей литературы. Фаустъ, Тартюфъ, Гамлетъ, прежде чѣмъ дѣлаются предметомъ личнаго творчества, долгое время живутъ въ устной передачѣ. Пѣсни о Таріелѣ также могли обращаться въ народѣ ²⁾ до литературной обработки гениемъ Руставели. Эти пѣсни, нынѣ сопровождающіяся и прозаическимъ пересказомъ для сцѣпленія отдѣльныхъ моментовъ изъ жизни героевъ, взамѣнъ утраченнаго изъ памяти народа римованнаго повѣствованія,—могли быть устно занесены въ Грузію съ Востока, подобно другимъ странствующимъ сюжетамъ. Если наше предположеніе представляется правдоподобнымъ, то тогда слова Руставели, что „онъ [устный] рассказъ переложилъ въ жемчужные стихи“ (7 строфа), получаютъ нѣкоторое объясненіе,—сюжетомъ своей поэмы онъ обязанъ народнымъ сказаніямъ о Таріелѣ, быть можетъ, занесеннымъ и съ Востока.

Фабула поэмы ³⁾ Ш. Руставели можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: Арабскій царь, „великій и щедрый“ Ростеванъ, чувствуя приближеніе старости, за всимѣніемъ наслѣдника рѣшается возвести на престолъ единственную свою дочь, красавицу Тинатину. Совѣтъ вельможъ пытается отклонить царя отъ этого намѣренія, говоря, что не можетъ спорить восходящая звѣзда съ потухающею полною звѣздой. Владыка Аравіи настаиваетъ на своемъ отреченіи отъ власти и такъ обнародовалъ царскую волю: „Я, Ростеванъ, Тинатину мою возвожу на престолъ свой. Да свѣтитъ она народу, какъ ликъ лучезарнаго солнца! Слѣдите, и зрите ее достойные славить царицу!“ Отецъ самъ возвелъ Тинатину на престолъ „возложилъ корону на

¹⁾ Византийскіе стихотворные романы, которые могъ Руставели имѣть образцами, отражаютъ вліяніе народныхъ мотивовъ. Романъ Никетаса Эвгеніана, жившаго не равнѣ половины XII в., внесъ тонъ народныхъ сказокъ. *Киртичикоу*. Греч. романы въ новой литературѣ. Харьковъ. 1876, стр. 96, 100. Ср. *Krumbacher*. *Gesch. der Byzant. Litteratur*, стр. 438. О сказочныхъ сюжетахъ визант. поэтовъ. Ср. Пѣснь о Нибелунгахъ, обработанная на основаніи народныхъ пѣсней.

²⁾ Въ народныхъ пѣсняхъ приводятся имена двухъ братьевъ Едемъ и Омаръ, посланныхъ царемъ Аравіи Ростевапомъ привести къ нему „плачущаго вношу“ (Таріеля), у Руставели эти гонцы названы безъ имени.

³⁾ Поэма состоитъ изъ 1637 четверостишія (по изданію Броссе и Чубинова. С.-Пб. 1846) по 16 слоговъ въ стихѣ.

голову дѣвы и юныя плечи одѣлъ въ багряныя тѣла порфиры. Свѣтла Тинатина, какъ солнце, — и взоръ ея мудрости полонъ⁴. На торжественную коронацію молодой царевны, которая въ сонмѣ планетъ поражала могуществомъ блеска и отнимала у всѣхъ и разумъ и сердце, и душу, стекаются вельможи страны, а въ числѣ ихъ и пламенно влюбленный въ Тинатину вождь Автандиль, который

Станомъ стройнѣе кипариса, а ликомъ свѣтелъ и ясенъ¹).
 Еще безбородъ, а душой подобенъ кристаллу алмаза.
 Густыя рѣсницы царевны терзали въ немъ пылкую душу.

По окончаніи торжественной церемоніи коронаціи, въ самомъ разгарѣ веселья царю по чему-то взгрустнулось. Гости замѣтили мрачное настроеніе владыки, и старый визирь его Сократъ съ молодымъ Автандиломъ пытается заговорить съ нимъ и вывѣдать причину грусти. Ростеванъ жалуется имъ, что

Старость его исчерпала дни молодые...
 А нѣту въ Аравіи всей такого надежнаго мужа,
 Кто бъ могъ замѣнить вамъ привычкой ратнаго дѣла...
 Хоть тѣнь бы метателя стрѣлъ, нль въ мячъ игрока удалаго.

Молодой Автандиль предлагаетъ побиться съ царемъ объ закладъ и помѣриться съ нимъ въ ратномъ искусствѣ на охотѣ. Слуги, довѣренныя вести счетъ выпускаемыхъ соперниками стрѣлъ и убитыхъ ими звѣрей, донесли, что побѣдителемъ оказался Автандиль, какъ „чинаръ багряноцвѣтущій въ Эдемѣ“. Утомленные состязаніемъ, они остановились у рѣчки, протекавшей подъ нависшей скалой, и окруженные прибывшимъ войскомъ, сѣли отдохнуть въ прохладной тѣни деревьевъ, глядя на волны потока.

Смотрять, а юноша дивный сидять надъ потокомъ и плачеть:
 Покоясь, какъ левъ,—въ поводу онъ держить коня вороного.
 Оружіе, сѣдло и приборъ разубраны жемчугомъ пышно...
 Плачъ сердца слезами тоски обиндевлъ свѣжую розу²).
 Могучіе члены красавца окутаны кожей барса,
 И барсовой кожей³) покрыто чело молодаго героя,

¹) Стихотворный переводъ двухъ главъ этой поэмы, сдѣланный Бардидскимъ, приложенъ къ изданію Чубинова.

²) Ср. Парисъ, покрытый *барсовой* шкурой, выступаетъ въ борьбу съ греками. (*Беккеръ*. Древн. Ист., 174 *Иліада* III, 67.).

³) Розой III. Руставели называетъ лицо то мужчинамъ, то женщинамъ.

Съ нимъ крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Голиафа
Узрѣли, и взоромъ отвестъ не могли, удивляясь видѣнью.

Царь посылаетъ слугу привести къ нему этого загадочнаго
юношу, но

Тутъ море тоски—онъ не можетъ слышать посланника рѣчи,
Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, разсыпанныхъ вдоль по зарѣчью.
Непостижимо рыдало то сердце, упавшее въ пламя.
Плачь сердца съ кровью прихлынывалъ въ очи, какъ волны сквозъ щели
преграды.

Слуга два раза почтительно передаетъ ему царскую волю, но
такъ какъ онъ не внимлетъ и не раскрываетъ устъ, то, вернувшись
докладываетъ царю, что „приглашенія онъ слышать не можетъ“. Раз-
гѣванный Ростеванъ—„въ немъ сердце вскипѣло обидой“—прика-
залъ воинамъ привести насильно того, кто сидитъ у потока. Заслы-
шавъ звуки оружія, плачущій юноша очнулся, отеръ слезы и, не
бросивъ взгляда на воиновъ, тихонько поѣхалъ вдоль берега.

Но воины руки простерли, чтобъ взять молодого упрянца...
Горе что съ нами сбилось, то видѣть врагу было бы жалко.
Онъ билъ другъ о друга иль всѣхъ—для помощи не было мига...
Иныхъ убивалъ онъ кнутомъ, разсѣкая по самымъ груди.

Войско, поспѣшившее за нимъ по приказанію оскорбленнаго этою
расправою царя, потерпѣло ту же горькую участь: „людьми въ людей
онъ металъ и тѣмъ унижалъ Ростевана“. Когда же самъ владѣтель
Аравіи съ Автандиломъ погнались за незнакомцемъ, то послѣдній ми-
гомъ исчезъ, точно „или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ провалился
сквозъ землю“. Съ этого дня горе Ростевана удвоилось; его зани-
маетъ образъ таинственнаго человѣка въ барсовой кожѣ. Унылымъ
и мрачнымъ вернулся царь во дворецъ. Тинатина, желая его успо-
коить, предлагаетъ послать гонцовъ во всѣ стороны; развѣдать о томъ
незнакомцѣ — „человѣкъ онъ иль духъ безтѣлесный“. Гонцы черезъ
годъ возвращаются, обойдя „всю сушь до края“, и докладываютъ, что
нигдѣ не видѣли дивнаго юноши. Царь относитъ свое приключеніе
къ навожденію нечистаго духа, и снова водворяется въ царскихъ
палатахъ веселье и пиръ.

Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небрежно сидѣлъ въ своей спальнѣ,
Безопасно онъ илѣ; подъ рукою звучала стогласная арфа...

Вдруг быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тиватины: Чинаровый станъ, онъ сказалъ, встанъ и иди въ луцолкой!

Автадилъ спѣшитъ на свиданіе „къ розѣ“. Она же несравненная угрюмо сидитъ, „прекрасна какъ молнія и лучи“, исходящія отъ нея, затмѣвають свѣтлый мѣсяць. Тихимъ движеніемъ руки приглашаетъ она сѣсть своего пламеннаго поклонника.

Онъ молвилъ: Что смѣю сказать? Ужасаюсь коснуться до рѣчи!
Луна исчезаетъ въ лучахъ свѣтозарно-горащаго солнца!
Страшусь за себя самого и мыслей собрать не могу я...
Повѣдайте мнѣ царица о томъ, что вашъ духъ угнетаетъ.

Тиватина признается, что таинственный незнакомецъ, встрѣченный ею отцемъ на охотѣ, тревожитъ ей сердце и проситъ его отпра-виться въ поиски за нимъ, давъ ему три года сроку: „и розу тебѣ сохранию, какъ даръ непорочный и чистый“. Поклявшись другъ другу въ любви и неизмѣнной вѣрности, они расстаются, при чемъ царица называетъ свое сердце „раненымъ ножомъ“, а Автадилъ свое—„опа-леннымъ огнемъ“. Тихо онъ пошелъ... Кристаллы росили о розѣ¹⁾, а стальное тѣло дрожало. О, сердце онъ сердцу сроднилъ, любовь ужъ была неразрывна“. Проблакавъ цѣлую ночь, утромъ онъ является къ царю и подъ предлогомъ военной экспедиціи къ границамъ государ-ства испрашиваетъ у него разрѣшенія на свой отъѣздъ. Въ удѣль-номъ своемъ городѣ онъ повѣряетъ своему преданному слугѣ, Шермадину, тайну своей любви и цѣль поѣздки, назначивъ его въ указѣ народу и войску намѣстникомъ за время своего отсутствія.

Два года и десять мѣсяцевъ бродитъ онъ по свѣту среди нуждъ и лишеній; труды и опасности такъ его истомили, что у него является мысль о самоубійствѣ; слезы его льются и вливаются въ море беско-нечнымъ потокомъ. „Такихъ страданій, какъ онъ, не испытывалъ ни Вись, ни Раминъ“²⁾. Назначенный срокъ истекалъ; Шермадинъ мо-жетъ объявить, по его же порученію, царю о смерти любимаго вождя, а возвращаться ни съ чѣмъ также тяжело. Находясь въ этомъ пе-чальномъ размышленіи въ пустынной мѣстности, онъ однако, какъ „сынъ Адама“ захотѣлъ поѣсть и убивая дичь „рукою длиннѣе Ру-стема“³⁾, онъ жаритъ изъ нея себѣ шашлыкъ. Вдругъ появляются

1) То-есть глаза плакали о возлюбленной.

2) Герои романа Висраміани, см. у меня выше.

3) Это мѣсто указываетъ на извѣстность въ XII вѣкѣ въ Грузіи устамыкъ

три всадника, которые оказываются охотниками изъ китайцевъ; къ несчастю, имъ встрѣтился какой-то таинственный юноша, одѣтый въ барсову кожу, который разрубилъ голову плетью младшему изъ нихъ. По примѣтамъ Автандиль узнаеть въ ускокавшемъ юношѣ того, кого онъ такъ долго искалъ и скачетъ за нимъ.

Скоро онъ завидѣлъ его, но не рѣшился подойти къ нему, такъ какъ разсудилъ, что лучше издали слѣдить и проникнуть въ его жилище. Къ вечеру третьяго дня человекъ въ барсовой кожѣ приблизился къ высокимъ скаламъ, окруженнымъ гигантскими деревьями и устланнымъ пещерами. На шумъ конскихъ копытъ вышла навстрѣчу юношѣ изъ пещеры какая-то женщина въ черной курткѣ и стали они вмѣстѣ горько плавать. Автандиль на вершинѣ дерева, съ котораго онъ наблюдалъ сцену ихъ встрѣчи, прождалъ цѣлую ночь, а на другое утро, когда таинственный незнакомецъ уѣхалъ, слезно простившись съ женщиной, подведшею ему коня, направился къ пещерѣ. На звукъ конскаго топота вышла опять та же женщина, полагавшая, что зачѣмъ-нибудь вернулся „солнцеподобный юноша, на губахъ котораго едва пробивался пушокъ“. Но замѣтивъ незнакомое лицо, она бросилась бѣжать. Автандиль успѣлъ поймать ее арканомъ и сталъ умолять открыть, кто такой Таріель, къ которому она обращается за помощью. Выведенный изъ терпѣнія ея упорнымъ отказомъ, онъ приставилъ вожь къ горлу и грозилъ ее убить. Смерть ея не испугала: „весь міръ для меня ничтожество и ничтожество ему имя“, отвѣчала она. Видя безуспѣшность своихъ угрозъ, Автандиль, отойдя въ сторону, сталъ горько плавать, и она изъ жалости къ нему начали лить слезы. Замѣтивъ эту симпатію къ себѣ, Автандиль просить ее простить его вспышку и жжалиться надъ человекъмъ, много пострадавшимъ изъ-за страсти къ возлюбленной своей Тивативѣ, поручившей розыскать таинственнаго юношу въ барсовой кожѣ¹⁾). Любовныя страданія Автан-

сказаній о Ростомѣ, или поэмы „Ростоміани“, представляющей сокращенный грузинскій переводъ Шахъ-Намэ *Фирдоуси*.

1) Jch habe Dich erzürnt und steh'vor Dir
Beschämt jetzt wie ein armer Bettler da,
Jedoch die Hoffnung gebe ich nicht auf,
Dass Du Barmherzigkeit noch an mir übst,
Zumal ja in dsz Schrift geschrieben steht:
Yergebet siebenfältig jede Schuld;
„Zwar hab'mit Recht ich Deinen Zorn verdient
Jedoch, oWeib, Du wirst es wohl versteh'n.

дила окончательно расположили къ нему эту женщину, по имени Асмать, и она пообѣщала мирно свести его съ Таріелемъ. Вскорѣ показался и самъ Таріель, освѣщая воды своимъ блескомъ. Асмать поспѣшила спрятать Автандила въ пещеру, а сама со слезами вышла на встрѣчу къ пріѣзжему. Женщина разостлала барсову кожу и стала жарить ему мясо, отъ котораго въ избыткѣ горя отказался Таріель и прилежъ отдохнуть. Когда же онъ проснулся, Асмать заговорила съ нимъ объ одиночествѣ и пребываніи его въ обществѣ звѣрей, советуя ему поискать друга среди людей. Таріель не выразилъ открытаго нежеланія имѣть друга, хотя усомнился въ возможности найти человѣка, который раздѣлилъ бы съ нимъ горькую участь. Асмать предложила познакомить его съ Автандиломъ, взявъ съ него слово, что онъ не убьетъ его. Таріель, дѣйствительно, встрѣтилъ его привѣтливо: они бросились другъ другу въ объятія, а потомъ вмѣстѣ долго плакали, Автандилъ разказалъ свою исторію, а за нимъ Таріель приступаетъ повѣствовать о себѣ, приказавъ предварительно Асмать принести воды и приводить его въ чувство, если онъ будетъ падать въ обморокъ. Затѣмъ обнаживъ себѣ грудь, человѣкъ въ барсовой кожѣ разказалъ слѣдующее:

Зовутъ его Таріелемъ; онъ былъ военачальникомъ у царя Парсадана, повелителя шести индійскихъ царствъ. Отецъ Таріеля добровольно уступилъ ему седьмое индійское свое царство и въ награду за это великодушіе Парсаданъ сдѣлалъ его начальникомъ своихъ войскъ и, будучи бездѣтнымъ, усыновилъ Таріеля, пообѣщавъ сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. Таріель выросъ при дворѣ подъ руководствомъ лучшихъ мудрецовъ государства. Ему было пять лѣтъ, когда у царя Парсадана родилась дочь Нестанъ - Дареджана ¹⁾. Малютка была прекрасна и затмевала луну и солнце блескомъ своего лица. Таріель и Нестанъ сначала воспитывались вмѣстѣ, какъ царскія

Dass der Mitleids und der Nachsicht wert,
Der grausam leidet von der Liebe Qual.
Für's Herz gab ich die ganze Selle hin
Und stehe hilflos in der Welt allein.

(Перев. *Leist'a.* стр. 56—7).

¹⁾ Въ довольно удачныхъ стихахъ изложены главы о Ростеванѣ, Тивативѣ и др. въ книгѣ г. Сталинскаго „Барсова кожа“ Ш. Руставели (Тифлисъ. 1888) Книга эта заключаетъ въ себѣ переводы изъ Руставели въ отрывкахъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и армянскомъ языкахъ; а на польскомъ языкѣ было передано содержаніе поэмы въ „Biblioteka Warszawaka“ (1868, IV).

дти. Когда же онъ возмужалъ, то царевну помѣстили въ отдѣльномъ роскошномъ дворцѣ, приставивъ къ ней воспитательницей тетку Даргаръ, а нянькой Асмать. По смерти отца 15-лѣтній Таріель наследовалъ ему въ должности военачальника. Послѣ траура, онъ началъ участвовать во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ и празднествахъ. Разъ, возвращаясь съ охоты съ Парсаданомъ, имъ пришлось проходить мимо дворца царевны. Царь зашелъ къ дочери, а Таріель поджидалъ его въ саду, держа въ рукахъ убитую дичь, за которой скорѣ прислалъ Парсаданъ Асмать, чтобы подарить ее дочери. Асмать случайно слишкомъ раскрыла завѣсу покоевъ царевны, и предъ глазами Таріеля красавица предстала во всемъ своемъ блескѣ. Юноша не выдержалъ ослѣпительныхъ чаръ Дареджаны и упалъ въ обморокъ. Черезъ три дня, когда къ нему вернулось сознание, онъ увидѣлъ себя въ роскошныхъ покояхъ царя, окруженнымъ вельможами, волхвами и врачами, которые таинственно бесѣдовали между собою о постигшей его странной болѣзни.

По выздоровленіи, онъ перебрался изъ дворца къ себѣ въ домъ, гдѣ ему Асмать подала письмо отъ Нестанъ-Дареджаны, въ которомъ чудная красавица клялась въ любви и увѣщевала не лить слезы напрасно, а искать побѣдной славы въ войнѣ съ китайцами ¹⁾. Таріель посылаетъ дерзкій вызовъ китайскому царю, а тѣмъ временемъ получаетъ приглашеніе отъ царевны явиться во дворецъ. Вскорѣ послѣ этого вспыхнула война; Таріель побѣждаетъ и приводитъ въ Индію китайскаго царя въ плѣнъ, какъ военный трофей. Отецъ Дареджаны устраиваетъ ему триумфальный въѣздъ въ столицу, осыпая молодаго героя всевозможными милостями. Но не подозрѣвая любви Таріеля къ своей дочери, царь задумываетъ выдать ее замужъ за хваразмійскаго принца, и Таріель, присутствовавшій на совѣтѣ, созванномъ по этому вопросу, даетъ свое согласіе на ея бракъ съ иностранцемъ, не рѣшаясь открыто заявить о своей любви къ царевнѣ. Нестанъ-Дареджана, узнавъ объ этомъ, на тайномъ свиданіи упрекаетъ его въ измѣнѣ, а когда онъ оправдывается передъ нею, ссылаясь на свою боязнь противорѣчить царю, она успокаивается и предлагаетъ своему

¹⁾ Sie schrieb: O Du mein Löwe, gräm Dich nicht,
Ergieb Dich nicht dem Schmerz, denn ich bin Dein:
Gar sehr missfällt nur, dass so schwach Du bist.
Was ist diu Liaba zur Ohnmacht führt?
Zeig' lieber der Geliebten Dich als Held...

(ib. стр. 85).

возлюбленному украдкой убить хваразмійскаго принца въ виду того, что престоль Индіи долженъ принадлежать только Таріелю.

Нареченный женихъ Нестанъ - Дареджаны является въ столицу Парсадана, и Таріель въ качествѣ военачальника сначала торжественно его встрѣчаетъ, а затѣмъ ночью проникаетъ въ станъ принца и, заставъ его спящимъ, разбиваетъ ему голову о столбъ палаты; пользуясь смятеніемъ въ войскѣ, онъ безнаказанно исчезаетъ. Царь по этому происшествію догадывается о любви Таріеля къ своей дочери и укоряетъ его въ письмѣ, зачѣмъ онъ скрывалъ свои чувства и не просилъ руки царевны (ср. народ. сказаніе), Таріель отвѣчаетъ царю, что дочь свою онъ можетъ выдать за кого хочетъ, но престола Индіи онъ никому не уступить.

Сестра же Парсадана, Даваръ, возмущенная поступкомъ своей воспитанницы, страшно избила ее и отдала двумъ чернымъ рабамъ бросить ее въ море, а сама, опасаясь гнѣва царя, лишила себя жизни. О судьбѣ царевны сообщила Таріелю нянька ея, Асмать, а черные рабы вмѣсто того, чтобы топить дѣвушку, выгодно продаютъ ее въ морскомъ царствѣ. Царевна здѣсь очутилась у богатой купчихи. Фатманъ, которой она поправилась своею красотой. Но вскорѣ мужъ ея проговорился въ присутствіи морскаго царя о Дареджанѣ, и тотъ потребовалъ ее доставить и выдать за своего сына. При разставаніи Фатманъ даритъ дѣвушкѣ драгоцѣнный поясъ, которымъ ей удается подкупить слугъ морскаго царя и бѣжать изъ плѣна. На дорогѣ ее перехватываютъ послы изъ каджетскаго царства, которые запираютъ ее въ неприступную крѣпость. Таріель же въ теченіе трехъ лѣтъ напрасно ищетъ царевну въ сопровожденіи Асмать и, отчаявшись ее найти, поселяется въ пещерахъ дэвовъ, которыхъ Таріель побѣждаетъ и изгоняетъ. Здѣсь онъ одичалъ и отсюда онъ вступалъ въ случайныя кровавыя столкновенія съ людьми.

Встрѣча съ Автандиломъ даетъ новый поворотъ его судьбѣ. Повѣдавъ другъ другу свои горести, они условливаются ¹⁾ снова встрѣ-

¹⁾ Deshalb beschwör'ich Dich, gieb, mir Gehör,
Gelobe mir, dass Du mich nicht verläss'st,
Wie ich auch Dir gelobe ewige Freu'.
Wenn Du mir feierlich versprichst, von hier
Nicht fortzuziehen, bis ich wiederkehr'.
So schwör'ich Dir bei dem, was heilig'ist,
Dass ich Dir selbst mein Leben opfern will.

(ib. стр. 140).

тятся через два мѣсяца въ томъ же мѣстѣ и предпринять новые поиски Дареджаны. Автандиль спѣшитъ въ Аравію сообщить Тинатинѣ о своей находкѣ. Ростеванъ не соглашается на вторичный отъѣздъ Автандила, чтобы помочь другу въ несчастіи. Автандиль, извинившись предъ царемъ письменно, уѣзжаетъ безъ его согласія, но съ позволенія своей возлюбленной. Въ пустынѣ онъ находитъ Таріеля лежащимъ безъ чувствъ рядомъ съ трупами убитыхъ имъ льва и барса. Приведенный въ сознаніе Таріель рассказываетъ, что онъ убилъ льва, гонявшагося въ любовной игрѣ за барсомъ, который ему напомнилъ его возлюбленную, а когда онъ хотѣлъ приласкать барса, и тотъ огрызнулся, то онъ покончилъ и съ нимъ.

Автандиль, успокоивъ Таріеля, уговорилъ его вернуться къ Асматъ и ждать вѣстей отъ него, а самъ отправился искать Дареджану. Онъ ѣдетъ въ морское царство, заводитъ знакомство съ Фатманъ, входитъ въ ея довѣріе, убиваетъ ея прежняго любовника, погрозившаго ей местию за измѣну, и при помощи волшебниковъ (каджи), посланныхъ Фатманъ, узнаетъ о мѣстѣ заточенія Дареджаны и получаетъ отъ нея письмо къ ея возлюбленному. Вернувшись къ Таріелю, онъ беретъ его съ собою, захватываетъ царя мулганзарскаго Придона, которому Таріель однажды помогъ въ его борьбѣ съ родственниками, и они берутъ штурмомъ ту каджетскую крѣпость, гдѣ содержалась Дареджана. Герой и героиня послѣ десятилѣтней разлуки радостно встрѣчаются, и всѣ они ѣдутъ сначала въ Аравію, гдѣ присутствуютъ на свадьбѣ Автандила и Тинатины, а затѣмъ подъ охраной арабскихъ войскъ Таріель возвращается съ своей невѣстой въ Индію, завоевываетъ себѣ престолъ и сочетается бракомъ съ Нестанъ-Дареджаной ¹⁾.

Познакомившись съ содержаніемъ „Барсовой кожи“, мы остановились на толкованіи Д. Чубинова ²⁾, усматривающаго въ ней *національное* произведеніе, направленное къ прославленію царицы Тамары. Сравнивая жизнь царицы съ событіями, описываемыми въ поэмѣ, говорятъ онъ, находимъ разительные черты сходства, которыя подаютъ

¹⁾ На этомъ кончается поэма Руставели по принятому Вахтангомъ, Броссе и Чубиновымъ тексту „Барсовой кожи“. Продолженіе же ея, известное по открытой мною рукописи Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, доводитъ ее до смерти Таріеля и Автандила. Вся поэма недурно изложена у *Г. Юсселиани* для дѣтей на 66 стр. (Тифлисъ. 1892), а переводъ поэмы на нѣмецкій языкъ предпринялъ *Артуръ Лейстъ*, *Der in Tigerfelle von Schota Rustaveli*. Dresden, Leipzig. Отрывки на англійск. яз. у *Wardrop*. *The Kingdom of Georgia*.

²⁾ *Чубиновъ*. Грузинская хрестоматія, стр. VII. (С.-Пб. 1846),

поводъ думать, что подъ именемъ главной героини Нестанъ-Дареджанъ скрывается сама Тамара, а по мнѣнію Н. Гулака ¹⁾ „славная царица скрывается не только подъ образомъ Дареджаны, но и подъ образомъ Тинатины, а еслибы въ поэмѣ было нѣсколько героинь, то всѣ онѣ носили бы на себѣ черты Тамары по той простой причинѣ, что Руставели пылалъ глубокою любовью къ своей царицѣ“. Д. Чубиновъ указываетъ черты сходства Тамары и Дареджаны. Последняя была единственною дочерью индійскаго царя Парсадана, точно такъ же, какъ Тамара была единственною дочерью грузинскаго царя Георгія III. Воспитаніе Дареджаны Парсаданъ поручилъ сестрѣ своей Давари, воспитаніе Тамары было поручено Георгіемъ III, сестрѣ его Русудани, которая была въ супружествѣ за осетинскимъ княземъ; она воспитывала ее вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ по мужу Давидомъ Сослани, точно такъ же, какъ Дареджана росла съ Таріелемъ въ „Барсовой кожѣ“. Слѣдствіемъ совмѣстнаго воспитанія Нестанъ-Дареджаны и Таріеля была взаимная ихъ любовь; такъ, вѣроятно, и Тамара была привязана къ Давиду Сослани, за котораго она выходитъ замужъ, по расторженіи заключеннаго по политическимъ соображеніямъ брака съ Юріемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго. Далѣе, Парсаданъ по государственнымъ видамъ хотѣлъ выдать свою дочь за могущественнаго шаха хоразмійскаго, но Дареджана отказалась повиноваться рѣшенію отца; по грузинской лѣтописи шахъ хоразмійскій тщетно искалъ руки царицы Тамары, хотя онъ и не подвергся той ужасной участи, какая постигла хоразмійскаго принца въ поэмѣ Руставели.

Помимо этихъ совпадающихъ чертъ „Барсовой кожи“ и исторіи царицы Тамары, близость поэмы къ Грузіи явствуетъ и по другимъ признакамъ. Мѣсто дѣйствія поэмы—Индіа; Руставели раздѣлилъ ее на семь царствъ, и древнѣйшіе грузинскіе акты называютъ владѣтелей Грузіи царями семи царствъ, о чемъ свидѣтельствуетъ грузинскій историкъ царевичъ Вахушти. Отецъ Тамары, Георгій III, дѣйствительно владѣлъ, подобно Парсадану, семью царствами ²⁾, имена которыхъ сохранились въ лѣтописи: Абхазское, Геретинское, Саатабагское, Карталинское, Кахетинское, Ранское и Осетинское, въ ко-

¹⁾ Гулакъ. „О Барсовой кожѣ“, стр. 6. (Тифлисъ, 1884).

²⁾ Броссе также настаиваетъ, что подъ Нестанъ скрывается Тамара, руки которой просилъ хоразмійскій шахъ; указываетъ онъ на то, что титулъ грузинскаго царя семи царей совпадаетъ съ семью индійскими царствами въ поэмѣ Руставели. *Brosset. Bul. Scient., t. III, 9. S.-Pt., 1838.*

торомъ господствовала отрасль грузинской династїи Багратидовъ. Упоминаемая въ поэмѣ вѣрность Каджети-Каджетисцихе—мѣсто заключенія Нестанъ-Дареджаны—находится по грузинскимъ картамъ въ Западной Грузіи. Природа, описанная въ поэмѣ, носить всѣ признаки Грузіи. Были, однако, попытки указать прототипъ „Барсовой кожи“ въ персидской литературѣ; такъ Н. Д.¹⁾ называлъ повѣсти Низами „Меджунъ и Лейла“, и Гургани „Висъ и Раминъ“, послужившія не только образцомъ, но давшія сюжетъ грузинскому поэту. Нѣтъ нужды указывать, насколько неправдоподобной представляется эта гипотеза тѣмъ, кто знакомъ съ содержаніемъ названныхъ романовъ, извѣстныхъ и въ грузинскомъ переводѣ съ древнихъ временъ²⁾.

Не только Чубиновъ настаиваетъ на національномъ происхожденіи поэмы Руставели, но и лица, которыхъ нельзя обвинить въ патристическомъ пристрастіи. Съ Руставели въ Грузіи, говоритъ г. Гулакъ, повторилось то же самое, что испытывали современные ему трубадуры на Западѣ. Трубадуръ, по словамъ Edgard Quinet (*Révolutions d'Italie*), почти всегда происходилъ изъ низшаго сословія, но благодаря своему гению, возвышенности чувствъ, онъ дѣлался временно ровнею феодальной аристократіи. Онъ, дитя простонародія, съ душою, преисполненною наивности, поэзіи, страсти, вступая въ феодальные замки, сначала ослѣпленъ блескомъ феодальной дамы, своей повелительницы, онъ едва смѣетъ поднять взоры на нее. Вслѣдствіе этого, любовь трубадура въ самомъ корнѣ зиждется на другомъ основаніи, чѣмъ любовь древности: тутъ женщина является сильнымъ, а мужчина слабымъ существомъ. Отношенія половъ какъ бы измѣнились: женщина оказываетъ покровительство, а мужчина ищетъ опоры. На сторонѣ женщины авторитетъ, привязываніе, власть; на его же сторонѣ только робость и послушніе подданнаго. Онъ повергаетъ свои чувства предъ особою, высокое общественное положеніе которой должно его подавлять, и которая остается для него недосыгаемымъ идеаломъ. Это какъ бы первый *идеальный бракъ* между аристократіей и народомъ, но необходимое условіе такого союза есть тайна; нужно, чтобы его стихи, довольно прозрачныя для той, къ которой относятся, оставались не разгаданы для другихъ, и горе поэту, если его чувства были слишкомъ прозрачны. Тогда часто въ

¹⁾ *Съверный Вѣстникъ*, 1889, № 9 10.

²⁾ Лейла и Меджунъ, пер. на груз. языкъ царемъ Теймуразомъ I въ XVII вѣкѣ, остается въ рукописи.

ближайшемъ лѣсу находили его тѣло прозеннымъ стрѣлою или копьемъ. Или на старости лѣтъ, чувствуя себя лишнимъ въ феодальныхъ дворахъ, гдѣ прежде его присутствіе возбуждало радость и веселье, онъ, не считая возможнымъ возвращаться въ убогую деревенскую обстановку, удалялся на покой, въ стѣны монастыря. Такова была участь и Руставели, проведшаго молодость при блестящемъ дворѣ царицы Тамары, отъ которой „онъ терялъ разсудокъ и умиралъ“. Быть можетъ, за слишкомъ „прозрачно“ явленное къ ней чувство, котораго онъ не сумѣлъ скрыть [„и самый твердый камень разобьется отъ мягкаго свинца“], онъ былъ обезглавленъ и брошенъ въ рѣку по одной легендѣ, или же подъ старость лѣтъ, потерявъ расположеніе своей повелительницы и вумира любви, онъ удалился въ монастырь, какъ свидѣтельствуемъ надпись въ церкви св. Креста въ Іерусалимѣ. Пѣвецъ царицы Тамары, по всѣмъ сохранившимся о немъ свѣдѣніямъ, вышелъ непосредственно изъ народа, и потому вѣчно юная его поэма, исполненная сила и страсти, жива и свѣжа до настоящей минуты. Семьсотъ лѣтъ для грузинской музы прошли, какъ одна минута! Если при этомъ вспомнить, что Руставели могъ воспользоваться канвой существовавшего устнаго народнаго сказанія о Таріелѣ, которое притомъ онъ привлекъ для воспроизведенія исторической эпохи, общественнаго настроенія современной ему расцвѣтшей среды въ царствованіе великой Тамары, то станетъ еще понятнѣе, почему „Барсова кожа“ такъ дорога грузинскому читателю. Сюжетъ своей поэмы поэтъ взялъ изъ глубины сердца самого народа и одухотворенный единствомъ высокаго чувства и философскаго размышленія, патріотическимъ подъемомъ нравственнымъ силъ и политической мощи, возвратилъ его тому же народу въ тихихъ и страстныхъ стихахъ, написанныхъ то нѣжнымъ, то пламеннымъ языкомъ. Какъ тѣсна связь между народною нѣмецкою сагой о докторѣ Фаустѣ и Фаустомъ Гете, при отсутствіи тождества ихъ со стороны содержанія идей, такъ неразрывна цѣпь объединяющая народнаго Таріеля съ Таріелемъ Руставели, который скелетъ устнаго сказанія облекъ въ чарующую поэтическую форму и картину славнаго періода.

Въ поэмѣ граціозно влетены то восторженные, то мучительныя минуты испытаній самого пѣвца, влюбленнаго въ свою повелительницу. Но рядомъ съ личнымъ анализомъ внутренняго міра, предъ нами художественно раскрываются страницы исторической обстановки, искусно разрисованной на фонѣ народной традиціи. Иными словами, въ поэмѣ преломились, какъ солнечный спектръ, и нашли полное отраженіе и вѣками освященное, благоговѣйно передаваемое героиче-

свое сказаніе, и осяпанный свѣтлымъ ореоломъ чувствъ и помысловъ гениальный образъ поэта, и величественный, закрѣпленный неувядаемыми монументами, пережитый Грузіей историческій моментъ. Поэтъ, если можно такъ сказать, на канвѣ народнаго сказанія вывелъ историческіе узоры, поэтизировалъ историческія событія, слилъ поэтизацію съ историзаціей. Стиль Руставели олицетворялъ собою какъ бы идеалы, близкіе природѣ горячаго юга, гдѣ тропическій палацій звной доливъ и серебряныя горныя вершины вѣчнаго льда и снѣговъ съ одинаковою любовью цѣлуются съ бездонною синевою лазуреваго кавказскаго неба. А внѣшнее совершенство стиховъ Руставели настолько велико, что, по словамъ даже иностранца г. Гулака, „если ихъ читать громко, соблюдая цезуру и ударенія, то они дивно гармоничны и не уступаютъ гекзаметрамъ Гомера и Вергилія“¹⁾.

Со стороны внутренняго содержанія поэмы, которая донныѣ служить воспитательной книгой, „Барсова кожа“ есть торжественный гимнъ „любви, добру и красотѣ“, а главнымъ образомъ женщинамъ, предъ которыми поэтъ благоговѣлъ, какъ предъ лучшимъ созданіемъ природы. Основными чертами характера двухъ первыхъ героев поэмы, Дареджаны и Таріеля, является выраженіе непоколебимой супружеской любви, основанной на свободномъ выборѣ и разумномъ пониманіи взаимныхъ личныхъ достоинствъ, а не исключительно на страсти или бессознательной привязанности. Героини Руставели, какъ въ византійскихъ романахъ Геліодора и Харитона, обладаютъ нравственнымъ величіемъ, а герои безупречною храбростію.

Дополненіе къ литературѣ о Ш. Руставели.

Ш. Руставели. „Телескопъ“, 1833, ч. 14, № 15. *II. Дубровский* (стр. 61—70).

Преданіе о Ш. Руставели. „Кавказъ“, 1853, № 4.

Ш. Руставели (по вариантамъ груз. и франц.). Газ. „Нов. Об.“. 1886, № 908. *Mourier*. Chota R. Tiflis, 1886, 16 pages.

Le beau de leopard d'après Chota R. *A. Borin*. П. 1885.

О поэзіи Руставели „Кавказъ“, 1884, 248.

Барсова к. „Кавказъ“, 1882, 34. „Обзоръ“, 1879, 534, 535.

Содержаніе лекціи Ак. Церетели о Ш. Руставели. „Шрома“, 1882, 19. *Mélanges as.*, VIII и *Nouveau Journal Asiat.* I, 401; II, 387.

¹⁾ Дестные отзывы о поэмѣ дали еще Ренанъ, Сютнеръ Уордропъ.

Отрывокъ изъ поэмы «Барсова кожа».*)

...На брегѣ рѣки вдругъ узрѣли пришельца,
 Вблизи, на полянѣ, стоялъ его конь вороной,
 Унизаны жемчугомъ чудно блистали:
 Вся сбруя, сѣдло и попона лихого коня...
 Пришелець сидѣлъ, пригорюнясь и плакалъ,
 Слезами его, какъ росой, увлажялись цвѣты.
 Одѣтъ былъ онъ просто и сверху одежды,
 Какъ буркой мохнатой, барсовой кожей покрытъ,
 Въ рукѣ онъ держалъ украшенную золотомъ плеть.
 Стопами на мечъ боевой упирался...
 И царь, обративъ на пришельца вниманье,
 Рабу повелѣлъ для привѣта къ нему подойти,
 И рабъ не земедлялъ предстать предъ пришельцемъ.
 Поникиши главою и горько рыдая, сидѣлъ
 Невѣдомый странникъ въ глубокой печали,
 И тижкая дума, казалось, томила его...
 А тучи на небѣ, какъ тѣни, скользили,
 Алмазными каплями падалъ на странника дождь,
 Роскошныя кудри его омывая.
 Въ смущеніи тяжкомъ, рабъ долго стоялъ передъ нимъ,
 И долго и мрачно глядѣлъ на пришельца,
 Но съ духомъ собравшись, сказалъ наконецъ:
 „Зоветь тебя царь, о пришелець одивосій!“
 Безчувственъ былъ странникъ къ привѣтнымъ возгласамъ раба,
 Въ мечты о минувшемъ давно погруженный,
 Кровавыя слезы ручьями онъ лилъ изъ очей
 И мыслью носился далеко, далеко...
 Рабъ снова ему повелѣнье царя повторилъ,
 Взвывая съ участиемъ на слезы пришельца;
 Но юноша молча сидѣлъ, не внимая рабу,
 И съ розовыхъ устъ не срывалась улыбка.
 Съ тревожнымъ волненіемъ рабъ отошелъ отъ него
 И тихо предсталъ предъ царя Ростевана.
 „Какъ вижу я,“—шолвилъ владыкѣ суровому рабъ,
 „Не ищетъ отъ насъ ничего тотъ надменный приплелець,
 „Глаза проглядѣлъ я, безмолвно смотря на него,

*) Этотъ переводъ принадлежитъ покойному И. Выхову; приведенный отрывокъ въ видѣ образца помѣщенъ былъ въ газ. „Кавказъ“ за 1846 г. №№ 27, 28, 33,

„Горя нетерпѣньемъ промолвить съ нимъ слово,—
 „Недвижимъ онъ былъ и съ презрѣньемъ глядѣлъ на меня—
 „И рѣчи мои безответны остались.“
 Дослушалъ раба съ удивленіемъ царь Ростеванъ
 И тотчасъ двѣнадцать рабовъ предстоявшихъ
 Послалъ, повелѣлъ имъ пришельца представить къ себѣ.
 И къ юношѣ быстро рабы приближались.
 Брацанье dospѣховъ и говоръ неясной толпы,
 Невольно его обратили вниманье;
 Увидѣвъ внезапно рабовъ, онъ смутался на мигъ,
 И бросивъ повсюду тревожные взгляды,
 Глубоко вздохнулъ и съ волненіемъ сердца привсталъ;
 Рукою отеръ слезъ горячихъ потоки,
 Поправилъ dospѣхи,—вскочилъ на коня своего
 И быстро промчался на бранную встрѣчу...
 Рабы, ободрившись, къ нему устремились толпой
 И начали дружно неравную битву,
 Мечи застучали и клики бойцовъ раздались;
 Безмолвно пришлецъ на конѣ рисовался;
 Однихъ оглушалъ онъ ударомъ меча своего,
 Другихъ же онъ плетью разилъ богатырской...
 Мечъ тѣмъ, съ нетерпѣньемъ царь ожидаетъ рабовъ
 И половъ желанья пришельца увидѣть;
 Но нѣтъ ни рабовъ, ни вѣстей не слышать никакихъ,
 И крики бойцовъ давно уже смолкли.
 Немедленно шлетъ Ростеванъ за рабаи другихъ.
 Пришли, и не битву, а диво узрѣли:
 Нежданно пришлецъ добивая усталыхъ бойцовъ,
 Съ презрѣньемъ ихъ трупы разметывалъ всюду...
 Съ печальною вѣстью къ царю возвратились рабы,
 И царь съ изумленіемъ слышалъ рассказы
 О силѣ могучей пришельца съ невѣдомыхъ странъ;
 Нахмурилъ чело, и, сверкнувши очами,
 Онъ грозно воскликнулъ: „коня мѣ, коня осѣдлатъ!“
 И въ мигъ поскакалъ за пришельцемъ въ погоню,—
 Но юноша гордо, красуясь на чудномъ конѣ,
 Понесся, какъ вихрь, по чистому полю
 И быстро, какъ птица, исчезнулъ изъ виду царя....¹⁾

¹⁾ Стихотворный переводъ изъ „Б. К.“ Бардвискаго („Иллюстрація“, № 6—7 за 1845) предложенъ къ хрестоматіи Чубинова. Спб. 1846,

откуда ни взялся и быстро пролеталъ орелъ, юноша важно, неробко подскакалъ ближе, прицѣлился изъ лука и орелъ упалъ облитый кровью; юноша соскочилъ на землю, стрѣзаль у него оба крыла и не торопясь, снова сѣлъ на коня.

Войска были поражены проворствомъ и величіемъ незнакомаго юноши; съ удивленіемъ окружили его, то приближаясь къ нему, то отдаваясь, но никто не дерзнулъ спросить его, кто онъ и откуда.

На горѣ, недалеко отъ главнаго войска стоялъ Придонъ съ 40 чело-вѣкъ ловчихъ. Автандилъ направилъ туда свой путь, а за нимъ двинулось и все войско. Придонъ гнѣвался и дивился разстройству охоты и приказалъ узнать о случившемся. Посланецъ его, пораженный чудною осанкою и красотою молодого незнакомца, остановился, оцѣнивъ и забывъ передать воинамъ цар-скія слова.

Автандилъ, догадавшись, кто прислалъ о немъ освѣдомиться, сказалъ: доложи своему царю, что я одинокій странникъ, оставившій отечество, названный братъ Таріеля, присланъ къ нему.

Слуга, воротившись къ Придону, доложилъ ему о порученномъ, сказалъ: я видѣлъ солнце, освѣщающее вселенную; думаю и мудрецы удивятся, если гдѣ-нибудь увидать его; онъ братъ Таріеля и желаетъ видѣть тебя, царь!

Услышавъ о Таріелѣ, Придонъ нѣсколько успокоился, но сердце его извешивалось, и глаза наполнились слезами.

Придонъ тотчасъ же спустился съ горы. Увидѣвъ прекраснаго юношу, достойнаго вышнихъ похвалъ, нежели какія рабъ наставлялъ ему, слѣзъ съ коня и бросился въ объятія гостя; они обнялись и пролили слезы радости, объясни-лись и привѣтствовали одинъ другаго!

Незнакомство не помѣшало имъ обнять другъ друга; Придону невыразимо нравились юноша, а юношѣ Придонъ; еслибы и мудрецы увидали ихъ, то нашли бы ихъ враще яснаго солнца.

Кто изъ встрѣчавшихся могъ сравниться съ ними въ красотѣ? Они одни достойны похвалъ, днемъ солнце, а ночью блескъ огней померкали, когда они были видѣть.

Оставивъ охоту, новые друзья отправились въ царскій дворецъ. Со всѣхъ сторонъ толпами приходили видѣть Автандила и удивленные его красотою спрашивали другъ у друга: „можетъ ли что на землѣ сравниться съ нимъ?“ Вижу, говорилъ юноша Придону, что ты желаешь знать, кто я, откуда ѣду, или поче-му знаю Таріеля, или зачѣмъ называюсь его братомъ, тогда какъ я даже недо-стоенъ быть и рабомъ его.

„Я подданный Аравійскаго царя Ростевана и главный военачальникъ его, зовутъ меня Автандиломъ, происхожу изъ знатнѣйшей фамиліи, воспитанъ и оберегаемъ былъ вельможами—какъ царскій сынъ.

„Въ одинъ день мы съ царемъ выѣхали на охоту: увидѣвъ Таріеля, сле-зили котораго орошалось поле, дивился такому страннику,—приглашали его къ себѣ, онъ не пришелъ, а намъ это было обидно; тогда мы еще не знали его горестей.

„Царь разгнѣвался, послалъ воиновъ взять его силою, но онъ безъ труда перебилъ всѣхъ: у однихъ переломалъ руки и ноги, а другіе пали отъ ударовъ его, испутивъ послѣдній выдохъ.

„Тогда лишь поняли мы, что нельзя планету совратить съ пути ея.

„Когда царь увидѣлъ, что посланные не могутъ съ нимъ сладить, пошелъ самъ на него со всею дружиною своею, чтобы взять смѣлаго незнакомца; но тотъ, узнавъ царя, вложилъ мечъ свой въ ножны и, подобравъ поводья, мгновенно исчезъ изъ виду.

„Тщетно искали его, не было и слѣдовъ; царь предался унынію: все веселья и пиршества прекратились; я не могъ переносить этого и хотѣлъ во что бы ни стало отыскать странника, для того и отправился въ дальній путь, подвергая себя разнымъ опасностямъ.

„Три года я неуспѣшно искалъ Таріеля; наконецъ, китайцы, пораженные имъ и обращенные въ бѣгство, мнѣ указали его; такъ нашелъ я нѣжную, блѣдную и поблѣдшую розу, которая приняла меня и полюбила, какъ брата и сына!

„У дивовъ отнялъ онъ пещеру, въ которой и живетъ съ одною нянькою Асматі, горя давнишнимъ огнемъ любви къ обожаемой имъ красавицѣ, безъ вѣсти пронавшей.

„Асматі, сидя въ пещерѣ, проливаетъ горькія слезы, юноша же, избѣгая свиданія съ подобными себѣ, ходитъ лишь на охоту, травитъ звѣрей какъ левъ, и тѣмъ они утоляютъ голодъ.

„Много я удивлялся, слышавъ отъ него разсказъ о его жизни: о, сколько онъ перенесъ страданій, потерявъ возлюбленную!—этого нельзя ни словами разсказать, ни перомъ описать.

„Какъ луна, не останавливаясь, онъ странствуетъ, не сходя никогда съ коня, тобою подареннаго, и подобно дикому звѣрю всегда избѣгаетъ свиданія съ людьми.

„О горе мнѣ! Весь объятый пламенемъ его любви, тронутый до глубины души его страдальческимъ положеніемъ, я рѣшился искать на сушѣ и моряхъ вѣрныхъ средствъ, чѣмъ бы можно было ему помочь.

„Но увы, напрасно! Между тѣмъ, возвратившись на родину, я возвѣстивъ царя о своемъ прибытіи и былъ холодно имъ принятъ.

„Я просилъ позволенія снова отправиться въ путь, но царь разгнѣвался; не смотря на это, оставивъ свое имущество и вѣданныхъ, оплакивающихъ мое отсутствіе, я снова пустился (отправился) въ дорогу искать Таріеля жизни,—(чтобы спасти Таріеля).

„Нынѣ встрѣтивъ тебя безподобнаго, вездѣ славнаго, Таріелемъ за роднаго брата почитаемаго, прошу наставить, какимъ путемъ могу отыскать предметъ любви посланшаго меня, предметъ радости зрячихъ, предметъ печали невидящихъ!

Разсказъ юноши о добрыхъ качествахъ Таріеля тронулъ Придона до глубины сердца; онъ обливался горячими слезами, съ которыми также соединились слезы Автандила, видя это, возрыдали и все окружающіе плачущихъ юношей.

Послѣ нѣкотораго раздумья Придонъ, придя въ какою—то восторгъ, воскликнулъ: „кто можетъ достойно восхвалять тебя, Таріель! тебя—солнце вселенной! тебя—могущаго затмить твердь небесную! тебя,—который даруетъ своимъ рабамъ душу, жизнь и радость! тебя,—свѣтъ небесныхъ свѣтилъ!“

Увы! съ тѣхъ поръ, какъ я расстался съ тобою, жизнь стала мнѣ въ тягость, радость въ скуку, и свѣтъ для меня печаленъ и мраченъ.

Ты, быть можетъ, и не думаешь обо мнѣ;—но я мысленно всегда съ тобою“.

Осушивъ слезы,—они отправились далѣе не радостные; Автандилъ, печально потупивъ черныя очи, пріятнымъ своимъ видомъ привлекалъ на себя вниманіе всѣхъ.

При въѣздѣ въ городъ встрѣчены они были съ подобающими почестями; одѣтые въ богатые платья рабы привѣтствовали ихъ и съ особеннымъ почтеньемъ взирали на Автандила.

Въ домѣ Придона, украшенномъ драгоценными каменьями, было не малое собраніе народа, друзья сѣли вмѣстѣ, а по сторонамъ ихъ расположились десять знатныхъ особъ.

Обѣдъ начался, подавали въ дорогахъ сосудахъ вкусныя яства и напитки.

Наконецъ пируество кончилось. На другой день, омывъ Автандила въ великолѣпной банѣ, нарядили его въ платье, стоявшее нѣсколько тысячъ и оцѣнила безцѣнно—богатымъ кушакомъ.

Юноша противъ воли остался на нѣсколько дней у Придона; выѣзжалъ нѣсколько дней на охоту вмѣстѣ съ нимъ; наравнѣ съ нимъ травилъ звѣрей и всѣхъ удивлялъ ловкостью и мѣткостью стрѣлянья изъ лука.

Когда проѣзжалъ онъ черезъ городъ, то всѣ объ немъ говорили; дѣвушки и юноши толпами собирались вокругъ незнакомца и всѣ цоражались его рѣдкою красотою.

„Выслушай меня, — сказалъ юноша Придону, будь увѣренъ въ томъ, что разлука съ тобою будетъ для сердца моего не безъ горестныхъ послѣдствій; но знай и то, что мнѣ, объятому нинимъ огнемъ, слѣдуетъ свершить дальній путь и исполнить великое дѣло, нетерпящее отлагательства.“

„Горько мнѣ разлучаться съ тобою, и правъ, кто плачетъ о разлуцѣ съ тобою, однако ничто не можетъ препятствовать сегодняшнему моему выѣзду: страствующій не долженъ отлагать дѣла на дальнѣйшее время. Иди, укажи мнѣ тотъ берегъ моря, на которомъ видѣлъ ты предметъ желанный!“

Не могу удерживать тебя, отвѣчалъ Придонъ,—отправляйся; да сопутствуютъ тебѣ Богъ, и да падутъ враги твои! Но скажи, какъ одолѣть мнѣ печаль во разлуцѣ съ тобою?

Но долженъ сказать еще, что тебѣ одному трудно пускаться въ дорогу; возьми оружье, необходимыя припасы и нѣсколько человекъ, которые, служа и повинаясь тебѣ, будутъ содѣйствовать тебѣ въ достиженіи твоей цѣли.

Придонъ далъ юношѣ четырехъ полно вооруженныхъ всадниковъ, коней можно было доврять всѣ сердечныя тайны, шестьдесятъ латръ золота и одною безподобнаго коня съ богатѣйшею сбруею.

рай касается 16-ой строфы „Барсовой кожи“, сообщающей, что поэт „нашелъ персидскій рассказъ и переложилъ его стихами, словно

живице, картина, образъ, сравненіе; не нарушаетъ ли что въ прочитанномъ стихѣ гармоніи, не противорѣчитъ ли что основной идеѣ поэмы, выдержанъ ли тотъ или другой характеръ, изображаемый поэтомъ. Замѣтивши сомнительное место, онъ начинаетъ анализировать его, выяснитъ и приводитъ въ соотвѣтствіе съ предыдущими и послѣдующими. Выдержала, положимъ, строфа такой искусъ, она остается, а нѣтъ, такъ она признается поддѣльною, подлежащею исключенію. „Вспыхивъ-Тисоами“,—говоритъ онъ,—совершенно цѣльное, законченное, обработанное произведеніе, созданное однимъ авторомъ. Поэму охотворять одна основная идея; ея части подчиняются этой идеѣ и гармонически слиты, органически соединены между собою. Вставлять что-нибудь въ такое произведеніе совершенно излишне, такъ какъ эта вставка обязательно нарушитъ гармонію, точно также какъ нарушило бы гармонію, если бы къ зданію старогреческаго стиля придѣлать готическую башню. Кромѣ такого виѣшняго отличія, вставка и въ поэтическомъ отношеніи далеко уступаетъ оригиналу, потому что фальсификаторъ вообще всегда менѣе даровитъ, чѣмъ поэтъ, которому тотъ подражаетъ и подъ тонъ котораго онъ подлаживается. Каждая строфа Руставели, слабая ли она, или сильная, имѣетъ тѣсную связь съ остальными строфами и невозможно выключить хоть одну изъ нихъ, не нарушивъ цѣльности текста. Выключая же подложную строфу, достигается того, что текстъ выигрываетъ въ ясности и цѣльности. Распространяясь въ народѣ путемъ переписки, текстъ вслѣдствіе этого искажался значительно. Но кромѣ невольныхъ ошибокъ, допущенныхъ обыкновенно переписчиками, поэма искажалась еще болѣе и тѣмъ или другими стихослагателями или внимателями. При чтеніи или перепискѣ поэмы, какому книжнику, пораженному поэтическими картинами произведенія, но лишнему вкуса, то или другое выраженіе, та или иная картина могли показаться не достаточно сильными. И вотъ онъ бралъ въ руки перо и вставлялъ свое, въ надеждѣ, что тѣмъ самымъ онъ усиливаетъ впечатлѣніе. Такимъ образомъ, вмѣсто тонкаго штриха, онъ проводилъ толстую линію, вмѣсто блѣдной, едва уловимой окраски, онъ накладывалъ густую, и получалась аляповатая, рѣзко рѣзущая глазъ назвья. Искаженіе легко открыть и по стилю. Стиль Руставели отличается крѣпостью и прозрачностью горнаго хрусталя. Руставели, подобно Вольтеру, говорившему, что то, что не ясно, то не по-французски, — говоритъ, что смелость и ясность суть первое дѣло въ стихѣ. Если въ какой-нибудь строфѣ мысль растянута, преувеличена, силѣ можете сказать, что строфа не принадлежитъ Руставели. Стиль поддѣлки наслованный, искусственно-вычурный. Риемачъ-фальсификаторъ избѣгаетъ всегда простоты и умѣренности въ стилѣ. Не имѣя богатаго запаса мыслей, онъ старается ѳбожество содержанія прикрыть многословіемъ, велерѣчіемъ, выспренностью, и уродливое его созданіе само выдастъ себя головою при внимательномъ и задумчивомъ чтеніи поэмы. Тавъ А. С.—ли производитъ процессъ очищенія текста. Ср. статью *Гр. Китандзе*, „Нов. Об.“, 4219.

или въ народной поэзіи, какъ желаетъ установить г. Н. Д., но даже въ письменной литературѣ нельзя уловить того поражающаго факта, по которому „всѣ грузинскіе поэмы и романы являются передѣлками или распространеніемъ сюжетовъ, взятыхъ изъ Шахъ-Намэ или произведеній средневѣковыхъ поэтовъ персидско-арабскаго періода: Низами, Гургани и др.; таковы Висраміани, Ростоміани, Русуданіани, Амранъ-Дареджаніани и, наконецъ, Вепхвись-Ткаосани („Барсова кожа“)“. ¹⁾ Никто изъ знающихъ литературу грузинъ не утверждалъ, что Ростоміани, Висраміани и Караманіани—оригинальныя произведенія, ибо рукописи ихъ сохранили точное указаніе, что они переведены съ персидскаго. Русуданіани и Дареджаніани—громадные рукописные фоліанты—остаются неизданными и критику ихъ извѣстны лишь, отрывки помѣщенные въ хрестоматіи Чубинова. ²⁾ Для произвѣсвія сужденія объ оригинальномъ или переводномъ ихъ происхожденіи недостаточно знать ихъ заглавіе или два—три отрывка, а Н. Д. поспѣшилъ обобщить свое мнѣніе на основаніи двухъ или трехъ фрагментарныхъ произведеній. Критикъ даже умышленно обходитъ молчаніемъ тѣ памятники письменности, которые не восходятъ къ вліянію Персіи: оды Чахрухи и Шавтели, романъ Диларіани, поэмы Алгузіани, Саулъ-Давитіани и др.

Одно изъ вѣскихъ соображеній противъ происхожденія „Барсовой кожи“ это—полное отсутствіе грузинскихъ географическихъ названій и историческихъ именъ въ названной поэмѣ“. Но какъ примирить съ этимъ утвержденіемъ слова поэта, посвященныя царицѣ Тамарѣ, упоминаніе крѣпости Каджети, хорошо извѣстной въ грузинской географіи, не говоря ужъ о томъ, что Аравія, Китай и Индія въ поэмѣ носятъ всѣ признаки закавказской природы? Наконецъ, отстаивающіе грузинскіе происхожденіе „Барсовой кожи“ не довольствуются, какъ думаетъ г. Н. Д., двумя доводами въ пользу своего мнѣнія: 1, индійскій царь, фигурирующий въ ней подобно, грузинскимъ царямъ этого времени, является властителемъ семи царствъ и 2, обѣ героини Русавели, подобно Тамарѣ, являются единственными дочерьми своихъ царственныхъ отцовъ, а одна изъ нихъ даже возводится на царство своимъ отцомъ, какъ это было съ Тамарой“. Эти два довода защитниковъ грузинской поэмы получаютъ свое значеніе въ связи съ другими пунктами совпаденія сюжета „Барсовой кожи“ и исторической факт. ³⁾ Такимъ образомъ, изъ совокупности условій, положенныхъ

¹⁾ Названная статья Н. Д., стр. 46.

²⁾ Грузинская хрестоматія, составленная Д. Чубиновымъ. Спб. 1846.

³⁾ См. нашу статью въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1895, декабрь.

въ основаніе національнаго происхожденія поэмы Руставели, г. Н. Д. выхвачены тѣ изъ нихъ, которыя допускаютъ возраженія общаго характера. „Семь царствъ“, говоритъ онъ, было излюбленнымъ числомъ у персидскихъ поэтовъ, и нельзя признать Тамару героиней поэмы только въ виду того, что обѣ героини Руставели являются, подобно ей, единственными дочерьми своихъ отцевъ. Эти черты сходства слишкомъ вѣшны и малозначительны“ (стр. 51) Намъ кажется, что и возраженія критика „слишкомъ вѣшны“ даже противъ тѣхъ пунктовъ, которые онъ намѣтилъ для своей атаки. Грузины наравнѣ съ персами питали симпатію къ цифрѣ 7, и въ самыхъ первыхъ переводахъ отреченныхъ памятниковъ мы находимъ „семь небесъ“, а въ народныхъ духовныхъ стихахъ „семь рѣкъ“. Такъ какъ автору писемъ о Грузіи не удалось разрушить ни совокупности чертъ сходствъ поэмы съ жизнью Тамары, ни въ отдѣльности ослабить значеніе каждой изъ нихъ, мы продолжаемъ оставаться при убѣжденіи,¹⁾ что Руставели, воспользовавшись народнымъ сказаніемъ о Таріелѣ, умышленно перенесъ мѣсто дѣйствія въ Аравію и Индію, чтобы отрѣзать всякій путь нескромнымъ догадкамъ, какъ Державинъ въ своей „Фелицѣ“ намѣренно парисовалъ Екатерину II²⁾ богоподобной царевной „киргизъ-кайсацкой орды“.

Н. Д. считаетъ воззваніе Руставели къ царицѣ Тамарѣ достаточнымъ доказательствомъ, что онъ жилъ при этой царицѣ и свисходительно допускаетъ, что въ поэмѣ отражаются нѣкоторыя „бытовыя“ черты грузинскаго средневѣковья“. Но онъ настойчиво отрицаетъ историческую основу „Барсовой кожи“, и отсутствіе этой основы онъ ярче всего усматриваетъ во вступительной главѣ (гдѣ, впрочемъ, имѣется и воззваніе къ царицѣ Тамарѣ), заключающей актъ роетіа Руставели, теоритическую формулировку взгляда поэта на любовь и поэзію. Для обозначенія той „священной любви высшаго порядка“, ради которой слѣдуетъ отречься даже отъ міра,³⁾ онъ употребляетъ терминъ „миджнуроба“, этимологию котораго самъ Руставели производитъ отъ арабскаго слова „миджнуръ“, что значитъ „бѣшенный“. Поло-

¹⁾ *М. Джанашвили* въ книгѣ о Ш. Руставели (Тифлисъ, 1896) поддерживаетъ доводы Д. Чубинова объ исторической основѣ поэмъ Руставели.

²⁾ „Любовь (миджнуроба)—вещь трудная для пониманія; она не то, что прелюбодѣяніе, между ними цѣлая пропасть; прошу не сѣшивать ихъ между собою. Человѣкъ любящій долженъ быть непороченъ, всегда вѣрнъ предмету своей любви; въ разлукѣ съ любимымъ существомъ долженъ унизовать себя, терять сознаніе, пламенѣть и изъ страха предъ возлюбленной перепослать даже глѣвъ царей“, строфа 8—15.

жамъ, что этотъ терминъ новый, но отсюда еще нельзя дѣлать заключенія, что Руставели перевелъ свою поэму съ персидскаго, точно также, какъ нельзя считать переводомъ съ Ричардсона и Байрона тѣ произведенія, гдѣ встрѣчаемъ Ловеласа и донъ-жуанскую любовь. Если игнорировать основаніе мнѣніе, что „Лейла и Меджнунъ“, романъ Низами (ум. въ 1180 г.), рано распространился въ Грузіи, то въ терминѣ „меджнуръ“ для обозначенія безумно-влюбленнаго мы находимъ обращеніе собственнаго имени въ нарицательное, характеризующее новое понятіе любви съ спеціальными ея призваками, подобно донъ-жуанской страсти. Помимо усвоенія Руставели термина „миджнуръ“ мы не усматриваемъ той близости содержанія между „Барсовой кожей“ и „Лейлой—Меджнунамъ“, чтобы считать сюжетъ первой заимствованнымъ изъ персидской повѣсти. Сюжетъ названной поэмы Низами освѣтитъ этотъ вопросъ.

Произведеніе Низами повѣствуетъ исторію одной влюбленной пары. Единственная дочь арабскаго властителя Лейла влюбляется еще въ дѣтствѣ въ кровнаго своего родственника, Каиса, который отвѣчаетъ ей горячей взаимностью. Но родители Лейлы выдаютъ дѣвушку за другого, а Каисъ, стгорая отъ любви, удаляется въ пустыню и, живя тамъ среди звѣрей, до того дичаетъ, что получаетъ отъ людей имя „меджнуна“, т.-е. бѣшенаго. Одинъ изъ друзей Меджнуна, Сеядъ, пытается похитить для него возлюбленную, но это ему не удается; когда же, по прошествіи многихъ лѣтъ, мужъ Лейлы умираетъ, она слѣзаетъ въ пустыню къ своему возлюбленному, но эта встрѣча такъ потрясаетъ ихъ обоихъ, что, отдавшись первому порыву давно сдержанной любви, Лейла умираетъ, а Каисъ истекаетъ слезами на ея могилѣ.

Мы изложили содержаніе „Лейлы и Меджнуны“ словами самого г. Н. Д. Вспомнивъ сюжетъ поэмы Руставели, мы легко увидимъ, что не только детали, но даже канва „Барсовой кожи“ и повѣсти Низами не отличается такою близостью¹⁾, какая усматривается авторомъ „писемъ о Грузіи“. Единственное сходство между этими двумя произведеніями можно уловить въ точкѣ оглавленія,—взаимной любви Лейлы и Меджнуны съ одной стороны, Дареджаны и Таріеля съ другой стороны. Но этотъ пунктъ составляетъ обычную любовную

¹⁾ См. Г. Е. Церетели „Низами и Руставели“, подробное изложеніе „Лейлы и Меджнуны“ по грузинскому переводу въ газ. *Новомъ Обзорнѣи* № 2084, 2086 и 2091 и ср. Laile and Majnun, a poem from the original Persian of Nizami by James Atkinson. London 1836.

интригу, встрѣчающую то легко устраняемая, то жестоко неодолимыя препятствія. Дальнѣйшій ходъ событій въ жизни дѣйствующихъ лицъ у Руставели и Низами ставить ихъ въ независимыя другъ отъ друга условія. Лейлу выдаютъ замужъ, а Дареджану удаляютъ изъ предѣловъ государства; Сеядъ, другъ Меджнуна, тщетно старается похитить Лейлу для влюбленнаго, а Автандилъ въ союзъ съ Придономъ и Таріелемъ достигаетъ цѣли—освобожденія Дареджаны изъ плѣна у каджовъ. Наконецъ, Меджнунъ сходитъ съ ума и Лейла умираетъ, а Таріель вступаетъ въ счастливый бракъ съ Дареджаной.

Не останавливаясь на деталяхъ, изъ этого бѣглаго сопоставленія схемы повѣсти Низами и поэмы Руставели явствуетъ, что Низами не можетъ считаться тѣмъ образцомъ, который легъ въ основаніе „Барсовой кожи“. Руставели могъ знать исторію несчастныхъ героев Низами, хотя странно, что онъ не упоминаетъ ихъ наряду съ Висой и Раминомъ или Рустемомъ изъ Шахъ-Намэ. Такимъ образомъ, попытка г. Н. Д. намітить персидскій оригиналъ „Барсовой кожи“ остается тщетной, за неимѣніемъ убѣдительныхъ доказательствъ ¹⁾. Характеристика героев и героинь поэмы Руставели еще ярче выставить безпочвенность теоріи г. Н. Д.

Двое изъ современныхъ грузинскихъ поэтовъ въ оцѣнкѣ типовъ „Барсовой кожи“ высказали два совершенно противоположныхъ взгляда. Кн. Акакій Церетели²⁾ въ публичныхъ лекціяхъ о Руставели проводитъ ту мысль, что поэма XII вѣка, построенная на исторической основѣ, служитъ въ лицахъ выраженіемъ этнографическихъ особенностей различныхъ народностей грузинскаго племени: Таріель—типъ безхитростнаго, но мощнаго картавица, Автандилъ—образъ ловкаго и коварнаго имеретина, царь Придонъ—портретъ приморскаго грузина—лаза. Подобное упрощенное объясненіе характера героев Руставели вызвало возраженіе со стороны другого современнаго поэта кн. Ильи Чавчавадзе. Онъ счелъ нужнымъ вступить за честь плѣнца Тамары, низведеннаго къ роли „памфлетиста“ или наблюдательнаго этнографа, и попытался доказать, что герои Руставели принадлежатъ къ такимъ общимъ типамъ, которые стоятъ выше національных портретовъ и характеризуютъ *человѣка* вообще. Кн. Илья Час-

¹⁾ Последняя строфа въ „Барсовой кожѣ“, ср. строфы 186 и 198. Отвѣтъ г-ну Н. Д. см. въ *Иверіи* статьи подъ заглавіемъ „Вотъ исторія!“

²⁾ *Церетели*. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ Ильѣ Чавчавадзѣ по поводу „Барсовой кожи“ (Тифлисъ 1887). Статья кн. Ильи Чавчавадзе въ *Иверіи* 1887 №№ 76. 77 и др.

чаще улавливаетъ другой контрастъ въ типѣ Таріеля и Автандила, усматривая въ первомъ—человѣка съ пламенными страстями, покоряющими умъ, а во второмъ—человѣка разсудка, во время подчиняющаго себя пылкое сердце. Но оба согласны въ томъ, что Руставели обладаетъ тонкимъ психологическимъ чутьемъ при обрисовкѣ героевъ своей поэмы. Но можно примирить мнѣнія обоихъ поэтовъ: создавая *типа человека* вообще, Руставели долженъ былъ исходить изъ наблюденія надъ конкретными примѣрами, или цѣлыми племенными группами, во избѣжаніи отвлеченной, безжизненной, однообразной обрисовки героевъ. Дѣйствительно, каждый герой его надѣленъ индивидуальными, отличительными отъ прочихъ, свойствами, которыя позволяютъ думать, что Руставели, при блестящемъ поэтическомъ талантѣ, обладалъ большими этнографическими познаніями. Да и вообще, нѣтъ человѣка—космополита безъ національныхъ чертъ.

Таріель ¹⁾, индійскій царевичъ, неизмѣнный поклонникъ разъ избранной дамы сердца—рисуетъ поэтомъ всегда прямымъ и честнымъ героемъ. Не умѣя дѣлать или таять свои чувства, онъ неутомимо разыскиваетъ Дареджану, подвергая себя неизбѣжнымъ бѣдствіямъ и опаснымъ приключеніямъ. Одаренный красивой наружностью и громадной физической силой, способной сопротивляться льву, барсу и цѣлому отряду ополчившихся на него непріятелей, онъ страдаетъ необыкновенно развитой чувствительностью и пламенною страстностью, расслабляющей его волю и энергію. Достаточно промелькнуть предъ нимъ дивному образу Дареджаны, чтобы пасть ему въ обморокъ и потерять на три дня полное сознаніе. Въ гнѣвѣ и горести онъ не знаетъ ни мѣры, ни утѣшенія: съ легкимъ сердцемъ безсознательно избиваетъ гонцовъ царя Ростевана и охваченный снова пробудившейся безпросвѣтной тоской льетъ ручьемъ „красныя слезы“. Съ безприкѣрнымъ мужествомъ и съ нескрываемой откровенностью онъ соединяетъ робость и нерѣшительность, не позволяянія ему просить прямо руки царевны у Парсадана, считая себя оскорбленнымъ въ игнорированіи въ немъ достойнаго для царской дочери жениха. Осыпанный же упреками Дареджаны за измѣну въ любви, Таріель не останавливается предъ ея совѣтомъ убить *тайкомъ* своего соперника, хварзмійскаго принца. Это весьма характерная черта героя Руставели, поступокъ

¹⁾ Имя *Таріель* можетъ быть произведено отъ грузинскаго слова „тареба“—водитель; Таріель отсюда значить водитель. Н. Я. Марръ объясняетъ, что Таріель есть имя перса, переведенное на грузинскій языкъ?! („Театръ“ 1890, № 12).

его, неоправдываемый съ нашей точки зрѣнія,—обычная кровавая расправа на Востоцѣ, азіатская дуэль съ безпомощнымъ конкурентомъ.

Въ пылу возбужденнаго состоянія и въ сознаніи несообразности, „что женщина смѣла понузать его къ борьбѣ“, онъ совершаетъ убійство, подвергая свою возлюбленную предъ отцомъ и теткой двусмысленнымъ обвиненіямъ въ запретныхъ съ нимъ свиданіяхъ. Проявивъ въ началѣ въ поискахъ за Дареджаной значительную волю, онъ послѣ первыхъ неудачъ, какъ человѣкъ живущій одною огненною страстью, впадаетъ въ отчаяніе, теряетъ опредѣленный планъ дѣйствія, бесполезно рыскаетъ по степямъ и полямъ, проливая только потоки слезъ. Горесть и безысходность положенія помрачаетъ его разумъ, онъ становится дикъ и нелюдимъ; онъ начинаетъ тяготиться жизнью и старательно ищетъ смерти, въ свѣтлой надеждѣ за Коцитомъ соединиться съ своей возлюбленной. Это романтическая его вѣра быстро тускнѣетъ, проблескъ грядущаго утѣшенія заволакивается густымъ туманомъ; не производятъ на него должнаго впечатлѣнія и не пробуждаютъ въ немъ добраго духа умные совѣты Автандила, убѣждающаго друга въ томъ, что „несчастному скитальцу, всплававшему ниву печали, готовится жатва радости“. Христіанскія наставленія не облегчаютъ его страданій, напрасна попытка повліять на его разумъ,—нужно обратиться къ чувству, затронуть сердце, и тогда онъ отчетливымъ образомъ загорится вновь желаніе посѣтить Асмать, вѣрнѣйшую слугу, сестру и посредницу въ сношеніяхъ съ Дареджаной и просить у нея прощенія въ пустынной пещерѣ за причиненную ей обиду и великую несправедливость. Не выводы логическаго ума, а непосредственныя порывы впечатлительной души возвращаютъ Таріелю, при энергичномъ участіи Автандила, заглушенное желаніе вновь испробовать ослабѣвшія въ безпросвѣтной тоскѣ могучія силы въ борьбѣ съ злополучной судьбой. Таріель самъ сознается предъ своимъ неутомимымъ другомъ, что „онъ не можетъ овладѣть собою потому, что страсть заглушила въ немъ мудрость“, онъ утратилъ ясное пониманіе своего трагическаго положенія, не въ состояніи изыскать практическихъ мѣръ, чтобы разузнать мѣстоахожденіе Дареджаны. Душевное настроеніе Таріеля можетъ быть раскрыто и объяснено доминирующимъ развитіемъ возбужденнаго чувства: страсть лишила его сознанія, бессознательное состояніе отняло у него силу воли, а безсиліе обратило въ тряпку этого мужественнаго красавца.

Нестанъ-Дареджани, ¹⁾ героиня поэмы, по характеру своему

¹⁾ Имя „Нестанъ-Дареджани“ если даже объяснить съ персидскаго языкъ

отличается той же всепоглощающей страстностью, какая свойственна ей преданному другу, Таріелю. При первом трепетно ожидаемомъ изъ свиданіи, Дареджана, воспитывавшаяся съ нимъ до 7 лѣтнаго юроста, теряетъ способность членораздѣльной рѣчи, смущена присутствіемъ статнаго красавца и вознаградивъ его лишь блѣднымъ взглядомъ, объявляетъ ему чрезъ свою фрейлину, Асматя, ¹⁾ что она не въ состояніи ему ничего сказать. Истинное чувство радости часто лишаетъ человѣка выраженія воодушевляющаго его восторга, какъ глубокая горестъ до дна иссушаетъ мучительныя слезы. Руставели здѣсь является тонкимъ психологомъ, знающимъ сокровенныя движенія человеческого сердца. Усиленный приливъ чувствъ отнял у героини языкъ въ то время, когда ей такъ много нужно сказать своему безумному поклоннику. Уступивъ влеченію сердца, она написала письмо Таріелю, а когда онъ явился на зовъ, то она растерялась, храбрость дѣвушки, раскнущей пригласить возлюбленнаго на свиданіе, смѣнилась неожиданнымъ смущеніемъ. Съ этою чертою въ характерѣ своихъ героевъ возтъ знакомтъ насъ еще въ другой сценѣ: когда Таріель возвращается изъ побѣдоноснаго похода въ Хатаветъ, а царь Парсаданъ беззастѣливо прощветъ побѣжденнаго Рамаза, то на торжественномъ обѣдѣ по поводу этого событія влюбленная пара, сидя рядомъ, не осмѣливается обмѣняться даже взглядами! Приближаясь по силѣ и глубинѣ страсти къ психическимъ особенностямъ Таріеля, Дареджана надѣлена поэтому самыми обаятельными женственными чертами нравственной устойчивости при всѣхъ соблазнахъ и давленіяхъ окружающей среды. Ни въ столицѣ „Царства морей“, ни въ замкѣ кадзовъ предоставленная собственнымъ силамъ, покинутая всѣми Дареджана

имъ „безподобная“ (красавица), то все же такое толкованіе не должно служить основаніемъ считать и поэму, въ которой она является героиней, переводомъ съ персидскаго, такъ какъ персидскія имена очень рано вошли въ грузинскій христіанскій календарь. Нестанъ-Дареджанъ составленъ изъ двухъ самостоятельныхъ именъ (Нестани + Даріа) и ласкательной приставки джанъ; въ народѣ Нестанъ произносится также въ видѣ Нестаръ, (въ хевсурской легендѣ она названа „Несторъ-Дареджанъ“ „Иверія“, 1888 г., № 230, въ другой легендѣ— Дарданъ Дареджанъ] или Нестванъ, что могло бы образоваться изъ глагола нества— грѣбать, играть на свирели; имя Даро, Даріа, Дарико, Дареджанъ, которое, по отпадѣніи ласкательной приставки, принимаетъ форму Даріа, значитъ „равныя“ отъ глагола дареба, шедареба—сравнить, дѣлать сравненіе.

¹⁾ Въ западно-европейскихъ рыцарскихъ романахъ инфанты также имѣютъ шириницъ, при посредствѣ которыхъ устраиваются свиданія, *Servantess* Дель-Билотъ (пер. В. Барелина, СПб. 1892) I, стр. 155.

въ невѣдѣніи судьбы Таріеля, не принимаетъ лестныхъ предложеній сдѣлаться царицей измѣнивъ другу дѣтства. Любовь къ нему укрѣпилась постигшими невзгодами и возростала съ годами, зародившись впервые во время невинныхъ дѣтскихъ игръ, при совмѣстномъ воспитаніи, до достиженія Таріелемъ 12-лѣтняго возраста. Разлука съ юношей, пробудившимъ первую искру привязанности, не заглушаетъ въ дѣвушкѣ нѣжной симпатіи,—глубоко западаетъ въ чуткую душу первая волна зародившейся любви и со временемъ достигнетъ это чувство такихъ необъятныхъ размѣровъ, что героиня предпочтетъ скорѣе покончить самоубійствомъ, нежели измѣнить своему возлюбленному и удѣлить въ своемъ сердцѣ ничтожный уголокъ новымъ, случаемъ навязаннымъ, поклонникамъ. Рѣшительность и твердость воли не покидаетъ ея въ самую критическую минуту; она, предназначенная въ невѣсты приморскаго царевича, дѣлаетъ отчаянный шагъ и, подкупивъ стражу, бѣжитъ въ темную ночь, сама не зная куда. Эта непоколебимая ея вѣрность Таріелю проходитъ чрезъ всю ея судьбу, проявившись впервые въ протестъ нѣжно любимымъ родителямъ, которыхъ она предпочла огорчить противорѣчіемъ, чѣмъ сдѣлаться женою нелюбимаго человѣка. ¹⁾ Дареджана, не находя исхода изъ затруднительнаго положенія, предлагаетъ Таріелю убить ея жениха, но пощадить его свиту“, ибо страшно человѣку носить на плечахъ тягость невинно безпощадно пролитой крови“. Эти слова достаточно извиняютъ суровое требованіе Дареджаны, исполненной ненависти къ иностранному принцу.

Помимо высокихъ нравственныхъ силъ, Дареджана обладала небесной красотой, солнце и луна уступали ей пальму первенства въ блескѣ и граціи, отъ нея исходили лучи, словно стрѣлы амура, и распространялось неизъяснимое сіяніе: не то дивная заря, не то блескъ мѣсячный. ²⁾ Своей ослѣпительной красотой она сразу завоевываетъ благосклонное вниманіе легковѣсной купчихи Фатмани въ царствѣ морей, а своимъ упорнымъ физическимъ изнуреніемъ она укрѣпляетъ за собою сочувственное расположеніе своей богатой покровительницы. Впослѣдствіи въ письмѣ къ ней Дареджана называетъ ея матерью и

¹⁾ Письма Дареджаны къ Таріелю очень ярко характеризуютъ ее, какъ страстную женщину, а по словамъ *Гулака* („о Барсовой кожѣ“ *Руставели*) совершенно *гаремную* восточную затворницу.

²⁾ „Ея лицо блистало, какъ молнія, каждая улыбка, словно солнечный лучъ, разливалась по пространству, а когда она открывала уста и говорила, то зубы новымъ блескомъ освѣщали темноту ночную“.

выражает этимъ словомъ искреннее чувство неизсякаемой благодарности и нѣжной къ ней привязанности. Мягкость сердца и твердость духа составляетъ ту драгоценную внутреннюю красоту, которая вполне гармонируетъ съ ея блестящей внѣшней наружностью. Она умѣетъ любить самоотверженно, беззавѣтно, беспредѣльно. Она способна къ героическому отреченію отъ личнаго счастья во имя спасенія и безопасности своего единственнаго друга. Она умоляетъ Таріеля отказаться отъ мысли освободить ее изъ плѣна и не подвергать себя опасности въ борьбѣ съ ея неусыпными чудовищными врагами. Она считаетъ при своей жестокой участи одиночества нравственнымъ облегченіемъ пріятную увѣренность, что онъ живъ и будетъ о ней вспоминать и вздыхать, а видѣть его смерть предъ стѣнами замка калжовъ у нея не хватитъ физическихъ силъ: „она сгоритъ какъ трутъ, зажженный кремень“. Ей не тяжело умирать въ той романтической надеждѣ, что горькая доля на землѣ смѣнится блаженствомъ и счастьемъ въ загробномъ мірѣ: вѣчную любовь къ нему она унесетъ съ собою въ тѣсную могилу. Женская ея преданность и рѣдкое великодушіе не ограничиваются однимъ желаніемъ цѣною своихъ мукъ спасти возлюбленнаго отъ грозящей ему гибели,—она хочетъ чрезъ него утѣшить тоскующаго по ней старика—отца, изъ минуту безграничнаго гнѣва деспотически наказавшаго ее изгнаніемъ изъ отечества. Такимъ образомъ, въ Дареджанѣ соединилась дивная чарующая красота, нѣжная бѣздна чувствъ и энергическая вѣрность своему возлюбленному другу дѣтства до полнаго забвенія личнаго счастья. Въ этомъ восхитительномъ ореолѣ, которымъ окружилъ поэтъ свою идеальную героиню, есть значительная доля гиперболическихъ штриховъ и чрезмѣрное сгущеніе возвышенныхъ, яркихъ красокъ. Дареджана представляется столь небеснымъ и ангелоподобнымъ существомъ, что утрачиваетъ нѣкоторую реальность, обращаясь въ символическую фигуру внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствъ женщины вообще. Руставели, увлекаясь преклоненіемъ предъ Тамарой, воплощеннымъ образомъ идеала красоты, надѣлялъ столь же очаровательными качествами другую героиню поэмы—Тинатию, воспроизведя ее нѣсколько жизненнѣе съ болѣе рельефными индивидуальными особенностями. Во всякомъ случаѣ группу лицъ—Таріеля и Дареджаны—онъ противопоставилъ группѣ портретовъ Автандила и Тинатины.

[Въ нѣмецкой газетѣ „Blätter für literarische Unterhaltung“ данъ былъ слѣд. отзывъ о поэмѣ Шота Руставели „Человѣкъ въ барсовой шкурѣ“, переведенной на нѣмецкій языкъ г. Артуромъ Лейстомъ:

„Поэма грузинскаго поэта, переведенная на нѣмецкій языкъ, по-

сать на себѣ сильный отпечатокъ того характера, какимъ проникнуты блестящія сказки „Тысяча и одна ночь“. Даже сферы воображенія поэта и образъ его мыслей рѣшительно чужды намъ, такъ какъ у насъ первый и послѣдній масштабъ для оцѣнки поэтическихъ творений составляютъ послѣдовательность въ развитіи разсказа, единство характера и правоподобность явленій какъ внѣшняя, такъ и внутренняя. У грузинскаго-же поэта все это замѣняется воображеніемъ, не знающимъ удержа. У него нѣтъ твердой опоры въ безпредѣльномъ морѣ своей фантазіи и, при отсутствіи явора и снастей, онъ является игрушкой этой фантазіи. Правда, что все это беретъ начало изъ несомнѣнно богатаго источника, но, къ сожалѣнію, изливается съ такою неудержимою силою, которая не знаетъ границъ. Языкъ поэта разукрашенъ блестками восточной пышности, но сама эта пышность нагромождена въ чрезмѣрно расточительномъ излишествѣ. Обороты рѣчи, тамъ и самъ, излишно переливаясь черезъ край, не подчинены формамъ законченности. Безъ достаточно близкаго знакомства съ грузинскимъ оригиналомъ, трудно судить, насколько переводчикъ сумѣлъ облечь восточную рѣчь въ формы европейскаго и въ особенности нѣмецкой поэтической рѣчи. Однако, суда по образцамъ, нужно отдать справедливость искусству Артура Лейста въ этомъ отношеніи⁴⁾].

Дружба Таріеля съ Автандиломъ напоминаетъ собою дружбу дѣтей мифическаго Зевса—Кастора и Поллукса. Однако, Автандилъ ¹⁾ и Таріель являются совершенно различными типами, представителями двухъ противоположныхъ складовъ ума и чувствъ. Автандилъ больше умѣетъ владѣть своими страстями, покоряя ихъ разсудку и практическимъ соображеніямъ. Влюбленный въ свою повелительницу Тинатину, онъ не гнушается войти въ интимныя подозрительныя сношенія съ вѣтронной купчихой Фатманью, съ благородною, впрочемъ, цѣлью вывѣдать у нея все, что ей извѣстно о похищенной каджами Дареджанѣ. Желаніе своей возлюбленной отыскать юношу въ барсовой кожѣ онъ считаетъ священнымъ долгомъ, исполненіе котораго требуетъ отъ него трехлѣтняго непрерывнаго блужданія по отдаленнымъ пустыннымъ мѣстамъ. Его поддерживаетъ въ долгихъ, унылыхъ странствіяхъ радужная мечта „о солнцѣ съ гешировыми рѣсницами“, повлывшемся ему въ вѣчной любви. Онъ искренне счастливъ, что онъ удовлетворилъ любопытство Тинатины объ юношѣ, одѣтомъ въ барсову кожу,

¹⁾ Имя „Автандилъ“ можно было бы объяснить при помощи грузинской этимологіи: автан—зданіе, т. е. „воспитанный при дворе“ (занимъ).

и съ полнымъ философскимъ разумѣніемъ увѣряетъ ее: „когда исполнятся желанія сердца, тогда забываются всѣ невзгоды подобно дню вчерашнему“. Но выше своихъ личныхъ чувствъ онъ ставитъ долгъ предъ ближнимъ и несчастнымъ собратомъ: „другъ для друга не долженъ избѣгать и страданій“⁴⁾. Какъ ни горько двадцатилѣтнему влюбленному расстаться съ красавицей Тинатиной, однако, съ ея позволеніемъ, онъ возвращается къ Таріелю, для совмѣстнаго разыскванія покищенной Неставъ-Дареджаны. Неумоимо развѣзжаетъ онъ по бѣлому свѣту, не нападая долго на слѣдъ таинственнаго юноши, мелькнушаго предъ нимъ и царемъ на берегу рѣки. Мучительное отчаяніе смѣняютъ розовыя надежды, глубокая грусть наполняетъ его сердце. Онъ погружается въ мрачное размышленіе, что придется въ истекающему сроку предстать предъ обожаемой царицей безъ вѣсти о незнакомцѣ. Въ своихъ безконечныхъ путешествіяхъ ему не разъ приходится страдать изъ искренняго чувства любви къ Тинатинѣ, но за первой блестящей слезой, онъ холодно успокаиваетъ себя магическимъ словомъ „терпѣніе“, и это чародѣйственное слово возвращаетъ ему силы и обычную сдержанность. Онъ неизмѣнно слѣдуетъ правилу, данному имъ себѣ: „благоразумный человѣкъ умѣетъ выходить изъ затруднительнаго положенія и избѣгать необдуманнхъ дѣйствій“. Эту житейскую философію онъ на практикѣ иллюстрируетъ своимъ осмотрительнымъ сближеніемъ съ Таріелемъ: завидѣвъ его, послѣ трехлѣтнихъ поисковъ, онъ разсудилъ не приближаться къ нему, а выслѣживать издали, куда онъ пріѣдетъ. Хитро и разсчетливо онъ стремится къ намѣченной цѣли, умѣло сдерживая пылкіе порывы сердца, охлаждаемые своевременнымъ вторженіемъ спасительнаго навыка. Сначала онъ думаетъ приневолить Асмани открыть ему судьбу Таріеля, а когда силой не достигаетъ намѣренія, то начинаетъ лить горячія слезы и предусмотрительнымъ воззваніемъ во имя любви смягчаетъ „гнѣвное сердце“ жевщины. Словомъ, Автандилъ соединяетъ въ себѣ высочайшя качества, требуемая любовью и дружбою съ столь осмысленнымъ жизненнымъ міросозерцаніемъ, которое ловко опредѣляетъ его отношенія къ внѣшнему міру. Онъ вполне послѣдовательно исповѣдуетъ то, не всегда похвальное, мудрое изрѣченіе, которое выражается тремя словами: цѣль оправдываетъ средства.

⁴⁾ Во имя этого принципа онъ приноситъ великую жертву—безъ угрязенія совѣсти заводитъ любовную шутку съ Фатнаною, но козъ на этомъ фатъ долго не останавливается, потому что „онъ не цѣнитъ любви безъ сердца“.

Автадилъ ¹⁾ строенъ, высокъ, сложенъ какъ лилія, безбородъ, одѣтъ въ багряницу. Онъ въ томъ возрастѣ, когда кожа на его лицѣ имѣетъ блескъ хрусталя; онъ ищетъ утѣшенія въ „густыхъ бровяхъ“ своей возлюбленной Тинатины. Робость и скромность героя предъ нею обуславливается не сильно возбужденнымъ состояніемъ, отнимающимъ сознание какъ Таріеля, а самообладаніемъ и сдержанностью порывовъ, которые свободно льются лишь во снѣ, когда онъ рефлексивно лепечетъ имя царственной дамы сердца. Уныніе и умопомраченіе, свойственное Таріелю, никогда не посѣщаетъ во всемъ умѣреннаго Автандила. „Его убиваетъ красота Тинатины, но онъ умѣетъ таить свою любовь въ глубинѣ сердца“. Вдали отъ нея онъ блѣднѣетъ, теряетъ сонъ, мечется на ложѣ; при видѣ ея огонь страсти, незамѣтно для постороннихъ глазъ, но болѣзненно его пожираетъ. Онъ нигдѣ и ни въ чемъ не забываетъ благопристойности и благовоспитанности, зная, что „сердцу не слѣдуетъ многое позволять: это узникъ завистливый, ненасытный, непослушный“. Съ чувствомъ личнаго достоинства, онъ вызываетъ царя Ростевана на состязаніе, хотя и называетъ себя по восточному этикету „жалкимъ прахомъ передъ нимъ“. Онъ находчивъ и изобрѣтателенъ, умѣетъ кстаті смѣлымъ словомъ позабавить своеправнаго владыку, но при коллизіи долга преданности и чувства любви, онъ жертвуетъ первымъ во имя второй, и безъ позволенія царя, по желанію своей возлюбленной, онъ отправляется помогать Таріелю. Храбрый и удалой, онъ дивно красивъ во всеоружіи военачальника. Какъ истинный рыцарь, онъ одаренъ музыкальнымъ и вокальнымъ талантомъ: онъ играетъ на арфѣ и напѣваетъ то грустныя, то веселыя пѣсни. Въ приливѣ меланхолической мечтательности, въ поэтическомъ сліяніи съ живою природою, въ воззваніяхъ къ небеснымъ планетамъ, онъ изливаетъ тоску по жгучей разлукѣ съ солнцеподобной Тинатиной. Слезы его страданій образуютъ цѣлое соленое озеро, грусть по ней съ пурпурными устами жжетъ его неугасаемымъ пламенемъ, страхъ о потерѣ или измѣнѣ возлюбленной побуждаетъ мучиться и изнывать. Онъ ищетъ участія въ явленіяхъ природы, влагаетъ жизнь въ неодухотворенныя твари, посылая чрезъ холодныя и равнодушныя къ человѣческой скорби небесныя свѣтила донести Тинатинѣ: „не измѣняй ему, ибо онъ твой и страдаетъ для

¹⁾ Бар. *Юстинеръ* характеристикѣ Автандила удѣлилъ больше вниманія, чѣмъ другимъ героямъ Руставели. Газ. „Кавказъ“ 1864, №№ 265, 267 и 268. Пер. на груз. яз. *Иверія* 1884, XI и XII и *Дрозда*, №№ 256, 258, 259, 261, 262, 264, 265.

теба!" Правда, эта восторженная любовь не удерживает его для успеха въ своихъ замыслахъ вступить въ предосудительныя сношенія съ Фатманъю, но онъ ясно сознаетъ всю нравственную тяжесть,—обвиняя „хрустальную шею" купчихи, онъ льетъ кровавыя слезы, въ впечатлительной его душѣ водворяется адская тоска, и какъ бы въ безпомощномъ состояніи онъ элегически восклицаетъ: „смотрите на меня, о любовники, я кому принадлежала роза, я—соловей—сижу на навозѣ, подобно ворону!" Въ сердечной боли, подъ наплывомъ слезъ, онъ лепечетъ: „жизнь есть мизъ и фантасмагорія!" Автандилъ прекрасный типъ мечтательнаго созерцателя и практическаго мудреца.

Тиватина ¹⁾, предметъ неотвязныхъ грезъ Автандила, тотъ женскій типъ, который Руставели воспроизвелъ въ болѣе живыхъ очертаніяхъ, чѣмъ Нестанъ-Дареджану. Единственная дочь аравійскаго царя Ростевава, Тиватина любима отцомъ до обожанія: „дочь была—зѣница ока, зря и блескъ его очей". Безподобная ея красота сравнивается съ ослѣпительными лучами солнца, въ сонмѣ планетъ поражающая ихъ силой яркости и свѣта. Она была прекрасна: само солнце „тиватизировало", иначе говоря, само солнце, плѣненное очаровательной дѣвицей, отражало въ своихъ лучахъ ея красоты. Смертные невольно поддавались ея обаянію, исполняясь и безумнаго восторга, и благоговѣйнаго преклоненія предъ неземнымъ существомъ: „она отнимала у всѣхъ и разумъ, и сердца, и душу, блистая въ грезахъ чаръ, подобно волшебной картинѣ. Подъ роскошнымъ небомъ юга, въ царствѣ нѣги и тепла, она расцвѣла какъ майская роза. Царь Ростеванъ, чуя вѣянье могилы, предлагаетъ совѣту визирей возвестъ на тронъ „младую соперницу солнца". Юная дѣва, изъ устъ которой вырвался первый итѣжный, безотчетный женскій вздохъ, уступивъ капризному отреченію отца отъ престола, стала у кормила правленія и оказалась достойной той отвѣтственной власти, которую вручилъ ей „ласковый" царь Ростеванъ. Природа одарила ее не только красотой, но и чуткимъ сердцемъ, благородными порывами, государственнымъ умомъ. Въ день восшествія на престолъ, она щедрою рукою раздаетъ подданнымъ „и тучныхъ арабскихъ коней, и груды камней многоцвѣтныхъ". Въ ея душѣ роется живой родникъ нѣжнаго чувства любви и восторженной преданности старiku-отцу. Она робка, скромна, молчалива передъ нимъ: вѣдь, истинное обожаніе не терпитъ велерѣчія и развязности. Возлюбленная дочь воздерживается нарушить повою царя несвоевременнымъ

¹⁾ Имя Тиватина происходитъ отъ грузинскаго слова тиватини (корень тиватини)—отвѣтъ, отраженіе солнечныхъ лучей.

къ нему приходомъ, хотя она жаждетъ его видѣть, тревожитъ ее мрачное настроеніе и странная задумчивость его, по возвращеніи съ охоты. Отецъ знаетъ благотворную силу ея ласкъ, вѣритъ въ теплоту ея мягкой рѣчи, способной разсѣять удручающее его горе. На царскомъ тронѣ она остается неизмѣнно послушной дочерью священной родительской воли. Ея лобанія и дѣтскій привѣтъ возвращаютъ разгнѣванному царю „свѣтлую радость“ и спокойствіе духа, ея мудрый совѣтъ врачуетъ его скорбь цѣлительною „пылью“.

Не одинъ отецъ находитъ отраду и покой въ присутствіи давной царевны. Тинатина ¹⁾ покоряетъ всѣхъ и умомъ, и красотой. „Черныя пряди волосъ, обвивающія младое чело, небрежно увитое безцвѣтной чалмой, съ черными сверкающими, какъ молнія, очами, букетъ розовыхъ устъ съ жемчужными зубами“, составляли вѣщныя ея характеристическія черты, уносившія ея тьму безмолвныхъ поклонниковъ въ міръ пыльных грезъ и сердечныхъ томленій. Художественный образъ Тинатины, созданный мощною кистью Руставели, окутанъ поэтической дымкой нѣжнаго почитанія и чарующей привязанности къ отцу среди царственныхъ мудрыхъ распоряженій, и вызываетъ горячія симпатіи своими благороднѣйшими стремленіями и юнымъ идеализмомъ. Тинатина—восточная Корделія.

Младая царевна не избѣгла обычной человѣческой слабости. Въ ея сердцѣ вспыхнула искра любви, но любви просвѣтленной, очищенной отъ чувственныхъ примѣсей. Она гордится своимъ возлюбленнымъ, стройнымъ вождемъ Автандиломъ. Она знаетъ, что воспитанникъ ея отца, „съ сердцемъ твердымъ, какъ алмазъ, сталъ рабомъ прелестныхъ глазъ“. Милымъ взглядомъ и тихимъ голосомъ, исполненнымъ смысла и значенія для влюбленныхъ, она привѣтствуетъ его, растерявшагося отъ восторга и невзяснимой радости, при видѣ задумчивой обожаемой имъ дамы сердца. Понятно: онъ такъ долго, страстно и трепетно ждалъ свиданія!.. Мечты сбылись: онъ приглашенъ къ молодой царевнѣ. Она поручаетъ своему безмолвному поклоннику развѣдать судьбу таинственнаго юноши въ „барсовой кожѣ“, для успокоенія встревоженнаго царя, и, обѣщавъ ему, какъ вознагражденіе, свою любовь, она молвитъ: „ты посѣешь этимъ фіалки въ моемъ сердцѣ, наполнивъ его благоуханіемъ“. Ей тяжело разстаться съ Автандиломъ, лишиться удовольствія видѣться съ нимъ въ теченіе трехъ томительныхъ лѣтъ, но въ ней слишкомъ ярко горитъ свѣточъ почета къ отцу, умиротвореніе ко-

¹⁾ Или Тинатина (тина+тина) и нынѣ употребляется.

торого требуетъ отъ нея тяжелой въ юные годы жертвы и великодушнаго самоотверженія. Другой разъ она вновь не пощадитъ себя, заглушитъ въ глубинѣ сердца эгоистическое чувство наслажденія и, отрешившись отъ назрѣвшаго счастья, снова позволитъ Автандилу повинуть ее и вернуться къ Тиріелю во имя дружбы, для совѣстнаго разыскиванія Дареджаны. Она будетъ лить кровавыя слезы при разлуцѣ и наслаждаться блаженными минутами съ нимъ встрѣчи. Словами— „жизнь подобна погодѣ: то гнѣвно заволокаетъ небо тучами, то опять солнце проглянетъ“, успокаиваетъ она себя. Она красавица въ полномъ смыслѣ слова: стройна и величественна, но не горда; влюблена безъ чувственныхъ помысловъ; благодарна изъ вѣжливости и вѣжлива по врожденному благородству чувствъ. Тинатина очень эффектно озарева безсмертнымъ пламенемъ любви, мягкой обаятельной женственности и безкорыстнаго восторженнаго идеализма ¹⁾).

Отецъ Тинатины, царь Ростеванъ, рисуется правителемъ, полнымъ мудрости и доброты. Онъ возвеличенъ и благословенъ самимъ Богомъ за высокія, его отличающія, нравственныя качества. „Мощный народомъ и войскомъ, щедрый и кроткій, прозорливый и умный судья, любившій правду и милость, воинъ неподобный и мужъ краснорѣчивый властительной силой“, Ростеванъ является типомъ восточнаго патріархальнаго царя. По капризу самовластнаго деспота, созывается совѣтъ визирей, предъ которыми онъ объявляетъ себя „устарѣвшимъ“ для трона и провозглашается властительницей дочь его Тинатина. Напрасны всѣ попытки удержать царя отъ отреченія: онъ упрямъ и настойчивъ въ безповоротномъ своемъ рѣшеніи. Съ твердостью воли и азіатскою своенравностью, онъ соединяетъ нѣжное чувство любви къ единственной дочери и сердечную привязанность къ своему воспитаннику Автандилу. Царевнѣ и молодому вождю открыть доступъ въ покой царя. Они только въ состояніи ослабить его гнетущее горе и нахлынувшую

¹⁾ *Сталинскій* въ свободномъ изложеніи нарисовалъ образъ Тинатины въ возвышенныхъ чертахъ („Барсова кожа“, Тифлисъ, 1888).

Дополнлю библиографію о Руставелі тѣми статьями, которыя не были мною привлечены при составленіи обзора о „Барсовой кожѣ“: „Сѣверная Пчела“ 1840, „Тифлис. Вѣд.“ 1832, „Сынъ Отец.“ 1840; „Закавк. Вѣстн.“ 1850; Журн. Мин. Н. Пр. 1838, ч. XXXV, отд. II (ст. *Д. Чубинова*); *Сливинскій газ.* „Кавказъ“ 1849, № 33—35, 40, 47. „Тифлис. Листокъ“ 1889, № 278 (ст. *Д. Сослани*). Въ 1855 г. въ Москвѣ появилась трагедія „Барсова кожа“ въ стихахъ, на русскомъ языкѣ, написанная царевичемъ Окропиромъ Георгіевичемъ. Другая (по-груз.) трагедія „Руставелі“ написана современнымъ грузинскимъ артистомъ Б. Месхи.

тоску. Ростеванъ, какъ Лиръ Шекспира, и въ власти остается вспыльчивымъ, высокоумнымъ, тщеславнымъ.

Онъ избалованъ поклоненіемъ и раболѣпнымъ послушаніемъ. Малѣйшее уклоненіе отъ исполненія его воли огорчаетъ, волнуетъ, раздражаетъ его. Когда неизвѣстный юноша въ барсовой кожѣ отказывается по приглашенію его гонцовъ предстать предъ его очи, онъ быстро воспламеняется, выходитъ изъ себя, а потомъ падаетъ въ грусть и прекращаетъ приемы во дворцѣ. Онъ легко переходитъ отъ веселья къ тоскѣ, отъ милости къ гнѣву. Эта неожиданная смѣна настроенія внушаетъ страхъ его подданнымъ, съ подобострастіемъ, въ глубокомъ трепетномъ молчаніи толпящимся вокругъ него. Въ пылу негодованія, ех-царь угрожаетъ смертною казнью и не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ для „подлыхъ рабовъ“. Правда, вспышка его ограничивается тѣмъ, что онъ сильнымъ размахомъ объ стѣну разламываетъ скамью на куски, однако этотъ погромъ могъ лишить жизни и близкаго къ царю визиря. Но онъ не злопамятенъ, не чуждъ добрыхъ порывовъ раскаянія: когда гнѣвъ проходитъ, онъ извиняется въ неумѣстной вспышкѣ, или плачетъ, узнавъ о тайномъ отъѣздѣ Автандила. Прочитавъ „завѣщаніе“ своего вождя, противъ нашего ожиданія, Ростеванъ не намѣренъ разразиться гнѣвомъ: онъ остается спокоенъ и великъ, проявивъ рѣдкое добродушіе восточнаго деспота. Въ знакъ горести, онъ велѣлъ облечь все войско въ глубокій трауръ, оказать щедрую помощь вдовамъ, разслабленнымъ и сиротамъ и возносить неустанныя моленія Богу о дарованіи Автандилу пути, свободнаго отъ опасностей ¹⁾, зная, что этими распоряженіями онъ исполняетъ желаніе того, потерю котораго онъ такъ оплакиваетъ.

Ростеванъ внушаетъ намъ искреннія симпатіи своимъ добродушіемъ, свѣтлыми душевными качествами и безграничною любовью къ окружающимъ. Даже своимъ вспыльчивымъ характеромъ, минутнымъ раздраженіемъ, періодически заканчивающимся покаяніемъ и сознаніемъ свершенной вины, онъ скорѣе располагаетъ насъ къ себѣ, чѣмъ отталкиваетъ. Руставели раскрылъ въ немъ черты патриархальнаго царя, совмѣщающаго человѣческія достоинства съ неизбѣжными слабостями, поэтому-то образъ Ростевана красуется столь живымъ и вы-

¹⁾ Одно изреченіе Руставели о неизбѣжности судьбы поразительно приближается къ словамъ Гомера. „Не удержитъ смерти,—говоритъ грузинскій поэтъ— ни узкая, ни скалистая тропа“, а пѣвецъ *Илиады* эту же мысль передалъ намъ въ изреченіи Гектора съ Андромахой:

„Не судьбы, какъ я вижу, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
Мушъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится“.

путьми въ „Барсовой кожѣ“. Онъ истинный восточный царь „съ ногъ до головъ“.

Другой царь въ поэмѣ, Придонъ, представленъ только въ дружескихъ отношеніяхъ къ Таріелю и Автандилу. Онъ, въ благодарность за услуги, оказанныя Таріелемъ въ войнѣ противъ враговъ, подаетъ герою въ „барсовой кожѣ“ сильную помощь въ борьбѣ съ каджами, у которыхъ находится въ плѣну Дареджана. При атакѣ каджовъ, онъ первый предлагаетъ для друга проникнуть по канату въ крѣпость враговъ, перебить привратниковъ, а потомъ Таріелю съ Автандиломъ продолжать избиеніе плѣнившихъ героиню поэмы. Это безкорыстное его одолженіе другу дополняется другой нравственной стороной грузинской народной жизни: это—высшее понятіе о гостеприимствѣ не только для знакомыхъ, но даже и странниковъ.

Наконецъ, Асматі¹⁾, фрейлиня Дареджаны, является олицетворенной фигурой женской преданности, доходящей до геройскаго самопожертвованія. Асматі играетъ первостепенную роль въ поэмѣ Руставели; художественный ея образъ чѣмъ дальше, тѣмъ становится болѣе симпатичнымъ. Она рискнула цѣною собственной репутаціи отнестись къ Дареджану въ Таріелю, она перенесла всѣ непріятныя послѣдствія несчастной любви героини къ герою, она осталась неизмѣнно вѣрной Таріелю въ дни его тяжелаго скитанія. Она живетъ интересами Дареджаны и Таріеля, она раздѣляетъ ихъ горе кровавыми слезами, служить герою единственной утѣшительницей въ минуты отчаянія. Асматі умѣетъ быть вѣрной и строгой хранительницей секрета Таріеля: она скорѣе согласится умереть, чѣмъ выдать его. Она храбра и нѣжна въ той сценѣ, въ которой Автандилъ пытается вынудить рассказать судьбу таинственнаго юноши въ „барсовой кожѣ“. Ее можно разжалобить только слезами и намекомъ на положеніе влюбленнаго: любовь, а не угроза и „сѣмя вражды“ становится посредницей между ней и Автандиломъ. Она дѣлается его другомъ и „усердѣйшей сестрой“ при сближеніи съ Таріелемъ. Такова сила преданности няни возлюбленному ею взлелѣванной Дареджаны. Въ

¹⁾ Мы не останавливаемся на вѣтренной купчихѣ Фатмани, типѣ истой нузулмани, страстной, чувственной, но не безъ сердечныхъ порывовъ, которыми она отличалась по отношенію къ Дареджану. Эта была женщина очень недурная собою, не молодая, но и не старая, пригожая, живая брынетка, полная, румяная. „Она хорошо пѣла и покровительствовала пѣвцамъ, любила хорошее вино за столомъ и имѣла множество головныхъ уборовъ и дорогихъ нарядовъ“. Строфа 1119.

благодарность за тяжкія испытанія и нравственную поддержку Таріеля въ пустынныхъ мѣстахъ, она награждается седьмой частью Индіи, нераздѣльной владѣтельница которой она провозглашается. Изображеніемъ фигуры Асматі Руставели воздаётъ честь не одной только женщинѣ, но и цѣлой кастѣ обездоленныхъ и униженныхъ въ удушливой средѣ высшаго класса.

Въ параллель Асматі нарисованъ Шермадинъ—преданный слуга и наперсникъ Автандила. Шермадинъ одаренъ громадной нравственной силой, приносящей людямъ практическую пользу. Онъ вышелъ непосредственно изъ народа, но благодаря духовному дарованію, онъ возвышается надъ массой, приближается къ вождю, становится его замѣстителемъ, временнымъ военачальникомъ. Онъ сливаетъ свою жизнь съ интересами своего господина, привязанность его къ Автандилу безграничная, рабская, но исполненная безупречной сердечности. Онъ испытываетъ муки въ разлукѣ съ Автандиломъ и умоляетъ взять его съ собою въ далекія странствованія по Таріелѣ. Шермадинъ ¹⁾ не знаетъ мѣры восторга, по случаю счастливаго возвращенія любиматаго вождя, въ три дня онъ пробѣгаетъ десятидневный путь, чтобы обрадовать Ростевана вѣстью о пріѣздѣ Автандила. Руставели, сопоставивъ Шермадина и Асматі, остановился съ большимъ вниманіемъ на обрисовкѣ женщины, таящей болѣе сердечныхъ нѣжныхъ струнъ, чѣмъ наперсникъ Автандила.

Руставели приступилъ къ обработкѣ сюжета своей поэмы съ строгими опредѣленными взглядами и ясно начертанной программой. Сравненіе введенія къ поэмѣ и самаго произведенія прекрасно иллюстрируетъ, съ какою любовью отнесся поэтъ къ воспроизведенію основной своей мысли въ художественныхъ образахъ, воплощающихъ его нравственное мировоззрѣніе. Главная идея поэмы—любовь возвышенная, чистая, постоянная, проходитъ красной нитью черезъ всю поэму. Поэтъ пытается опредѣлить психологическія особенности любви и отличительныя качества влюбленныхъ. „Истинная любовь стремится къ уединенію“... „Влюбленный долженъ уметь скрывать отъ всѣхъ свою любовь“... „Всѣ страданія, претерпѣваемые имъ, пусть будутъ для него наслажденіемъ“,... „Онъ долженъ издали млѣть, замирать, пылать, страдать“... „Влюбленный долженъ быть красивъ, уменъ, краснорѣчивъ, великодушенъ, богатъ, постояненъ и терпѣливъ,—кто не обладаетъ

¹⁾ Ср. съ Таріелемъ героя европ. романа Амандиса, удалившагося на продолжительное время на безлюдный утесъ, вслѣдствіе неудовольствія, изъявленнаго ему его дамой.

иными этими качествами,—тотъ не называй себя влюбленнымъ“... „Большая разница между любовью возвышенной, небесной и страстью низменной и пошлой“... Въ самомъ произведеніи Руставели удовлетворяетъ этимъ приемамъ, тщательно придерживаясь задуманной имъ концепціи. Въ виду такой органической связи „введенія“ и самой поэмы, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые считаютъ „авторство“ Руставели лишь въ послѣдствіи постороннею рукою внесенною въ поэму. Со стороны внѣшней формы онъ оправдалъ требованіе, выставленное въ „введеніи“: онъ „делѣлъ свою идею“, „углубился въ нее“ и „языкомъ гармоничнымъ“ воспроизвелъ поэтическую галерею художественныхъ типовъ. Его герои, дѣйствительно, надѣлены умомъ, великодушіемъ, красотой. Преданности дружбѣ и вѣрности данному слову никогда они не забываютъ. Руставели несомнѣнно самъ сказывается въ добродѣтельныхъ воззрѣніяхъ своихъ героевъ,—„душа поэта отражается въ его твореніи“. Весь разговоръ воодушевленъ его безконечною добротой. Устами своихъ героевъ, или субъективно своими разсужденіями, онъ врывается въ ходъ поэмы. Это онъ говоритъ: „кто оказалъ услугу, тотъ не будетъ никогда мною забытъ“... „Когда дружба сдѣлала насъ братьями, мы не должны бояться ни страданій, ни смерти“... „Нужно, чтобы дружба дала сердце за сердце и любовь, какъ жость и дорогу“¹⁾.

Нельзя пройти молчаніемъ такіа осмысленна, чисто-христіанскія изрѣченія, которыя внушаютъ мысль „освободить рабовъ“, вѣщаютъ равенство половъ („порожденіе льва остается львомъ все равно, казого бы пола оно ни было“), вызываютъ къ щедрой милости: „что рождено тобою—твое, что нѣтъ—потеряно“... „Такъ какъ лучи солнца одинаково освѣщаютъ и роу и сорную траву,—не унывай распространять свою милость на великихъ и малыхъ міра сего“. Въ концѣ поэмы, послѣ счастливой свадьбы Таріеля и Дареджаны, поэтъ замѣчаетъ: „Ихъ милость пала на подданныхъ съ тою же ровностію, съ какою надасть снѣгъ на землю“. Поэтъ „личныя заслуги ставитъ выше родовитаго происхожденія“, „славную смерть предпочитаетъ позорной живни“, „не терпитъ живаго челоуѣка“ и „не цѣнитъ свѣта, окруженнаго полосой мрака“, ясно понимаетъ тщетность мірекой суеты и предлагаетъ положиться на волю Провидѣнія. „Ложь есть корень всего

¹⁾ Причиной дружбы Таріеля съ Автандилемъ заключается въ томъ, что они оба влюблены: „Любовь стала торною дорогою и мостомъ между ними и ихъ сердцами“, а былъ бы (говоритъ Автандилъ) презрѣннымъ челоуѣкомъ, еслибы бросилъ Таріеля“ (строфа 721).

злаго на землѣ. „Ложь и измѣна—двѣ родныя сестры“. „О человекѣ! не гордись своею силою! не гордись, безумецъ! Сила ничего не сдѣлаетъ, если помощь Бога не довершитъ. Малая искра уничтожаетъ и побѣждаетъ дерево исполинскихъ размѣровъ, ударивъ его мечомъ или кускомъ дерева“. Въ подобныхъ стихахъ таилась притягательная сила „Барсовой кожи“ для грузинскаго читателя, обращая это произведение не въ мишурные рассказы, а эпическій трактатъ, достойный уединенныхъ размышлений ¹⁾).

Руставели задался мыслью подвести къ одному общему знаменателю всѣхъ четырехъ героевъ и героинь своей поэмы. Знаменатель этотъ, по словамъ бар. Сюттнера, счастливое единеніе въ любви и дружбѣ. Задача эта была слишкомъ трудна, потому что поэтъ неупустительно долженъ былъ держать въ рукахъ всѣ нити, во избѣжаніе впасть въ скучное однообразіе при обрисовкѣ типовъ. Но Руставели сумѣлъ придать характерамъ своеобразные оттѣнки, создающіе изъ cadaго героя вполне самостоятельную личность и такимъ образомъ блестяще выполнилъ свою задачу, закрѣпивъ за каждымъ персонажемъ два элемента красоты: индивидуальность очертанія и трагизмъ положенія.

Поэтъ располагаетъ весьма ограниченномъ количествомъ поэтическихъ образовъ; онъ не устаетъ въ своей поэмі сравнивать героевъ и героинь съ солнцемъ и луной. Это злоупотребленіе небесными свѣтилами вмѣстѣ съ розами, хрусталами и райскими деревьями составляетъ весь репертуаръ метафорическаго языка поэта, препятствующій иногда пониманію самаго произведенія. Въ храбрости мужей и красотѣ женъ поэмы замѣчается отсутствіе чувства мѣры. Изобиліе слезъ, пролитыхъ героями поэмы, можетъ вызвать въ европейскомъ читателѣ нѣсколько непріятное чувство. На каждомъ шагѣ приходится наталкиваться на „кровавыя слезы“, на „потоки“, „ручьи“, „озеро“, „море“ слезъ. Но нельзя отчасти не извинить автора. Руставели не безъ основанія говоритъ: „если влюбленный плачетъ, то онъ обязанъ проливать слезы“. „Пусть онъ живетъ въ уединеніи отъ суеты мірской!“ Бар. Сюттнеръ замѣчаетъ, что печаль, которую представляетъ „Барсова кожа“, отвѣчала общественнымъ вкусамъ современниковъ. Этотъ фазисъ мрачной меланхоліи существовалъ не въ одной Грузіи,—его мы видимъ въ Азіи въ VI до Р. Х., а въ Европѣ съ I до X в. нашей эры, гдѣ онъ породилъ монашескій аскетизмъ. Въ текущемъ столѣтіи онъ проявился въ „Вертерѣ“ Гёте, во вздохахъ „Рёне“ Шатобриана, въ пессимисти-

¹⁾ „Афоризмы изъ III. Руставели“, изд. отдѣльной книжкой Н. Волгачева. Тифлисъ, 1890.

ческой поэзии Байрона и Лермонтова. Въдѣ, геній поэтовъ направляется состояніемъ умовъ всего свѣта.

Руставели не только хорошо образованный поэтъ, но онъ философъ-христіанинъ. Автандилъ его словами пишетъ Ростевану: „развѣ ты не читалъ, о царь, какъ *апостолы* пишутъ о любви, постоянно о ней твердятъ, постоянно ее восхваляютъ? развѣ это не правда, что любовь насъ облагораживаетъ?.. На землѣ ничего не совершается безъ воли Божьей: засыхаетъ роза и фіалка, когда Онъ не посылаетъ съ неба лучей. Онъ прекраснѣе всего. Для чего же мнѣ Его бросать и не исполнять Его велѣній?“ Поэма открывается великолѣпнымъ воззваніемъ къ Божеству: „Тому, Кто создалъ вселенную мощною Своею слою, а выше, на небесахъ, сотворилъ сущности дуновеніемъ Своего Духа, намъ же, людямъ, далъ землю, чтобы владѣть ею въ безчисленныхъ образахъ,—Ему надлежитъ всякая держава! О Боже единый! Ты, приодѣвший тѣла въ различные образы, Ты будь моею опорой; дай мнѣ силу побѣдить сатану, дай мнѣ страсть любовника до самой смерти, а послѣ смерти—прощеніе грѣховъ, которые туда заберу!“

Вѣра въ загробную жизнь исповѣдывается устами Автандила: „я не посмѣю поднять глазъ, когда встрѣчусь съ Таріелемъ на томъ свѣтѣ“. Онъ ссылается на Платона, говоря: „Платонъ именно учить, что ложь и обманъ оскверняютъ душу и даже тѣло дѣлаютъ отвратительнымъ“.

Жители Индіи и царства морей являются мусульманами: у нихъ упоминается священная книга „Муссати“, т. е. Коранъ и *Наврозъ*, т. е. празднованіе Нового года. Китайцы и каджи рисуются язычниками: первые клянутся своимъ богомъ и небомъ, а вторые занимаются волхвованіемъ и считаются посвященными скалѣ. Такъ, историческая жизнь въ поэмѣ является въ поэтической обработкѣ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не существуетъ русскаго перевода „Барсовой кожи“, хотя онъ не могъ бы дать яснаго представленія объ оригинальности обработки сюжета: самый лучшій переводъ стихотворенія не что иное, какъ обратная сторона прекрасно вышитой ткани, тѣ же нитки, но вмѣсто арабесокъ онѣ рисуютъ лишь блѣдныя контуры. Однако, даже въ неясномъ воспроизведеніи грузинская поэма заслужила весьма лестные отзывы со стороны иностранцевъ¹⁾. „Без-

¹⁾ *Arthur Leist* говоритъ въ предисловіи къ нѣмецкому переводу „Барсовой кожи“: „Das Epos Der Mann in Tigerfelle ist das volkstümlichste Werk in der georgischen Littartur und überhaupt die bedeutendste Dichtung, welche der poetische Genius der kaukasischen Völker bis jetzt hervorgebracht hat“. Замѣчанія на неточности въ переводѣ текста см. *Н. Гулакъ*, *Нов. Обозр.*, № 2529.

пристрастіе, — говоритъ бар. Сюттнеръ, — вынуждаетъ насъ называть Руставели гениемъ, ибо онъ составилъ романъ въ то время, когда этотъ жанръ поэзіи не существовалъ въ Европѣ, и вмѣсто упрековъ его обожателямъ за чрезмѣрное возвеличеніе его, мы должны радоваться, что на нашихъ глазахъ воспрянетъ еще одинъ герой поэзіи, самое существованіе котораго намъ было неизвѣстно и который достоинъ занимать мѣсто въ пантеонѣ всемірной славы". („Кавказъ" 1884, № 285).

Изданія поэмы Ш. Руставели.

Поэма Ш. Руставели впервые была напечатана въ Тифлисъ въ 1712 г. царемъ Вахтангомъ VI. Первое изданіе заключало 1589 четверостишій. Въ 1841 г. она была издана въ С.-Петербургѣ [съ лексикономъ] Броссе, Зах. Палавандовымъ и Дав. Чубиновымъ. Въ это изданіе впервые вошло 48 строфъ, прибавленныхъ Броссе по указанію Кебадзе и не принадлежащихъ перу Ш. Руставели. Въ 1846 г. (въ С.-Пб.) поэма появилась въ Хрестоматіи Чубинова, со статьей издателя о поэтѣ, съ 142 четверостишіями въ русскомъ переводѣ, съ ямбикономъ, но безъ лексикона. Въ 1860 г. издана Чубиновымъ же съ его объясненіями и съ 8 добавленіями изъ 48 броссевскихъ строфъ. Въ 1867 г. отпечатали ее Г. Церетели и Дав. Кипіани съ орфографическими исправленіями прежнихъ изданій. Въ 1875 г. издалъ ее въ Тифлисъ Арсеній Каландадзе. Въ 1883 г. появилось изданіе Цулукидзе. Въ 1887, 1889 и 1886 гг. издана въ Тифлисъ Гр. Чарквиани. Въ 1888 и 1896 гг. издана въ Озургетѣ Таварткиладзе. Въ 1889 г. вышло иллюстрированное изданіе поэмы, предпринятое Г. Картавеловымъ. — Въ 1855 г. появилась въ Москвѣ трагедія „Барсова кожа", на русскомъ языкѣ въ стихахъ, написанная царевичемъ Окропиромъ Георгіевичемъ ¹⁾. Извѣстна еще трагедія „Руставели", написанная К. Месхи. Она ставилась въ Тифлисъ.

О М А Н И А Н И. ¹⁾

Рукописная поэма *Оманіани*, продолженіе „Барсовой кожи", хранится въ Парижской Національной бібліотекѣ. Герой поэмы Оманія (или Оманъ), князь

¹⁾ *Brosses. Mélanges Asiat.* VIII, 432.

²⁾ См. у меня выше, стр. 249. Дополненіе къ „Барсовой кожѣ" кончается смертью Таріеля и Автадила, оплакивать которыхъ является преданный имъ другъ, царь Придонъ. См. мою книжку „Рукописная Барсова кожа" изъ Моск. арх. иностр. д. (М. 1895).

Таріеля и сынъ Саридона, женившася на дочери Автадила. Подробности этой войны я привожу по рукописи (частью въ прозѣ, частью въ стихахъ), полученной мною въ Батумѣ отъ г. Кладішвили. Въ сожалѣнію, эта рукопись сохранилась въ печальномъ видѣ: недостаетъ въ ней конца и въ началѣ, вслѣдъ за прославленіемъ Бога и апост. Іоанна ¹⁾, тѣхъ листовъ, въ которыхъ передается исторія рожденія Омана. По Парижской, рукописи у Саридона долго не было дѣтей и послѣ горячихъ молитвъ по откровенію ангеловъ во снѣ, Господь даровалъ сына, Омана, который перажалъ всѣхъ мужественной красотой. Родины его были отпразднованы пышно при звукахъ музыки и пѣнія. Ребенокъ быстро возрасталъ отличаясь силою, умомъ, щедростью, любознательностью и такою обаятельною симпатіей, что превосходилъ даже Таріеля. Его окружали 700 вельможъ, забавляли его играми и охотою. Разъ царь устроилъ торжественный пиръ въ полѣ въ присутствіи войска и вождей его. Оманъ въ восторгѣ отъ „нѣжныхъ молитвъ“ нѣвцовъ вышелъ изъ палатки и зашѣталъ въ дали плачущаго юношу, котораго велѣлъ представить ему на другой день. Юноша не послѣдовалъ за посланнымъ вѣстникомъ Омана, и послѣднему пришлось самому пригласить „таинственнаго“ иноземца къ себѣ во дворецъ.

Юноша здѣсь разсказалъ свою длинную исторію. Онъ сынъ морскаго царя и три года уже покинулъ своихъ родныхъ по слѣдующей причинѣ. Разъ во время охоты онъ зашѣталъ, что къ берегу на одной доскѣ приплылъ челоѣкъ, который казался разорившимся на морѣ купцомъ изъ Сѣвернаго города. Этотъ несчастный челоѣкъ, посѣтившій по торговымъ дѣламъ Египетъ (Мисретя), разсказалъ, что царь той земли имѣетъ одну дочь неописанной красоты, „которая сіяетъ, какъ солнце, обливая своими лучами и сушу, и море“. Морской царевичъ заочно проникся любовью къ этой красавицѣ и съ большимъ кладомъ, въ сопровожденіи слугъ и купца, отправился въ Египетъ. Здѣсь онъ узналъ, что царевну никто изъ мужей не можетъ видѣть, она сидитъ за девятью замками, охраняемая 1000 дамъ. Только разъ въ мѣсяцъ посѣщаетъ ее отецъ, а въ полъ года разъ она выходитъ, но за вѣтъ мѣсяцевъ отдается приказъ никому не показываться, въ противномъ случаѣ 4000 дѣвицъ изъ ея свиты, отличаясь исключительною храбростью, угрожаютъ смертною казнью виновникамъ нарушенія заведеннаго обычая. Во главѣ свитаго города стоитъ женщина—молодая сестра царицы, которая охраняетъ неукосновенность своей повелительницы. Юноша пробылъ въ городѣ два года, видѣлъ издали гуляющую царевну, къ которой никто не могъ приступить. Истощивъ за это время все состояніе и проникаясь безутѣшною грустью, онъ пошелъ разъ въ садъ, гдѣ отъ утомленія уснулъ. Одинъ господинъ, оказавшійся художникомъ, разбудилъ его, отвелъ домой и посоветовалъ вернуться домой. Художнику какъ-то удалось снять царевну, отправляющуюся на молитву, и портретъ—блѣдное воспроизведеніе ея красоты,—юноша выпросилъ и возвращался съ нимъ домой, когда Оманъ его видѣлъ плачущимъ. Сынъ Саридона разска-

¹⁾ Предисловіе къ Оманіани есть блѣдное подражаніе „Барсовой кожѣ“ съ тѣмъ при томъ различіемъ, что Оманіани носятъ слѣды религіознаго настроенія.

заявъ объ юношѣ отцу, который принялъ его съ царскими почестями, а потомъ уговорилъ мать свою отдать дочь свою за несчастнаго морскаго царевича. Оманъ же, увидѣвъ портретъ ирсретской красавицы, пересталъ принимать участіе въ забавахъ, погрузился въ одиночество въ грустное объ ней размышленіе. Царя, узнавшаго объ этомъ, онъ успокоилъ, не открывая своей горести. Сестра его также стала проливать горькія слезы, когда стало ей извѣстно, что рѣшено ее выдать за морскаго царевича, несмотря на похвалы, расточаемыя царицей матерью по адресу ея жениха. Дочь объяснила только письмомъ причину своего отказа; она писала, что морской царевичъ никому неизвѣстенъ своими подвигами и свое безсиліе доказалъ тщетнымъ разысканіемъ ирсретской царевны. Дочь царя надъ семью индійскими царями должна считать позоромъ выходить за такого юношу. Письмо прочитали мать, отецъ и Оманъ, согласились съ ея доводами, проливая слезы. Для испытанія юноши Оманъ предложилъ ему вступить въ состязаніе съ храбрымъ и умнымъ спасаларемъ Салимомъ, родственникомъ индійскаго царя и безумно-влюбленнымъ въ красавицу-царевну. И юноша, и спасаларь согласились вступить въ бой въ за обладанія сердцемъ спорной дамы. Состязаніе происходило въ присутствіи царя съ семьей и всѣхъ горожанъ съ супругами, при оглушительныхъ звукахъ музыки. На коняхъ въ кольчугѣ, вооруженные копьями, булавами, щитами и шашками выступили бойцы. ¹⁾ Искры отъ ихъ оружія сыпались, словно молніи, стукъ, словно громовой ударъ слышенъ былъ на разстояніи 1 парсагъ. Бой продолжался съ утра и до полудня. Утомившись, они спустились съ коней, вступили въ отчаянную рукопашную борьбу, и только темная ночь ихъ разъединила. Всѣ одобрили поступокъ юноши, который не нападалъ на спасаларя, пока взаимно убитаго, не подвели его противнику другого коня.

Бой былъ отложенъ до слѣдующаго дня. Но тутъ царевна со слезами подошла къ матери, говоря, что по наущенію дьявола, она настояла на составаніи изъ за нея двухъ героевъ и если-то-нибудь будетъ убитъ, то кровь его ляжетъ на ея душу, и потому она рѣшается во избѣжаніе грѣха выйти за морскаго царевича. Царь, однако, замѣтилъ, что бойцы не покинутъ поля брани и нужно ждать втораго состязанія. На другой день спасаларь убилъ коня юноши, но погнался съ копьемъ за нимъ съ намѣреніемъ заколоть его, забывъ, что юноша наканунѣ при тѣхъ же условіяхъ воздержался отъ преслѣдованія. Этотъ поступокъ спасаларя, омраченнаго любовью, не понравился публикѣ. Юноша же сумѣлъ щитомъ отстранить ударъ спасаларя его, копье его разрушивъ шашкой на двѣ части, и нанесъ сильную рану закованному въ кольчугѣ Салиму. Оманъ поспѣшилъ тогда къ нимъ на помощь, снялъ цѣпи съ раненаго, а юношу привѣтствовалъ съ побѣдой. Царь осыпалъ морскаго царевича жемчугомъ, а народъ поздравилъ его и благодарилъ Господа, за наказаніе спасаларя, проявившаго вѣроломство. Царевна очень радовалась его успѣху; отпраздновали пышную свадьбу, возложили дорогіе вѣнцы на молодыхъ, возсѣдѣвшихъ на тронѣ, и на девятый день съ большимъ придапомъ и съ тремя

¹⁾ Обычная обстановка рыцарскихъ состязаній въ грузин. романахъ.

вельможи отправились въ страну морскаго царя, который съ радостью принялъ потерявшаго сына. Царевичъ далъ слово провожавшему его на разстояніи трехдневнаго пути Оману вскорѣ вернуться и раздѣлить съ нимъ предстоящія пренятствія. Оманъ же, отпросившись у отца будто осмотрѣть провинціи, предается грусти при воспоминаніи о мисретской красавицѣ. Для развлеченія открываютъ ему, по совѣту однихъ визирей, все сокровища, которыя не могутъ его увеселить; совѣтъ же другихъ визирей—пригласить всѣхъ ремесленниковъ, которые бы познакомили царевича съ своими искусствомъ—достигаетъ цѣли. Оманъ останавливается на предложеніи двухъ плотниковъ, которые могутъ приготовить деревяннаго коня, уносящаго сѣдока съ быстротой молніи. Въ невыразимому огорченію родителей, съ большими сокровищами, онъ тайкомъ усекалъ на этомъ конѣ въ Египетъ;—останавливается въ тѣни трехъ пальмъ, потомъ вступаетъ въ городъ въ качествѣ торговца драгоценныхъ камней. Красота его всѣхъ приводила въ восторгъ, а слухъ объ его сокровищахъ доходитъ до красавицы, которая посѣщаетъ его, получаетъ отъ него два рѣдкихъ рубина и пораженная его красотой въ очарованіи возвращается домой. Юноша тоже безъ ума отъ красавицы, несющей имя Бурги-Меликъ [меликъ-правитель]. Съ помощью одной женщины, знакомой съ тѣмъ купцомъ, у котораго остановился Оманъ, удается устроить ихъ свиданіе, и трое сутокъ влюбленные проводятъ въ поляхъ блаженствѣ. Царь, однако, забывши отсутствіе дочери, требуетъ ее къ себѣ, и она, отдавъ ему должное возмездіе, сѣвшитъ въ объятія своего возлюбленнаго. Съ помощью хитрости удается убѣдить царя выдать свою дочь за Омана. Разъ во время охоты онъ встрѣтилъ плачущаго красиваго и мужественнаго царевича, который объяснилъ причину слезъ тѣмъ, что онъ видѣлъ во снѣ красавицу, которая дала ему слово быть его женою, но пока онъ тщетно ее разыскиваетъ. По поднесенному впоследствии царю портрету, оказалось, что таинственная дѣва была его дочь, предназначенная судьбой неизвѣстному юношѣ въ жены. Самъ царь явился сватомъ передъ дочерью за юношу, котораго, по ея словамъ, она также видѣла во снѣ и считала себя обязанной исполнить волю царя. Слѣдуетъ разсказать о царѣ Мисретскомъ Али-кафалѣ,—онъ же Али-капаръ.

Когда онъ вступилъ на престолъ, то, по обыкновенію, получилъ цѣнные дары, а потомъ самъ раздалъ награды, устроилъ пиръ и охоту. Онъ отличался умомъ, милосердіемъ ловкостью въ игрѣ въ мячъ и скачкахъ. Его посѣщаетъ оставшій домъ отца и братьевъ непобѣдимый Гурдзи палаванъ [богатырь], родственникъ великаго героя Наримана. Царь принялъ его съ радостью, предложилъ ему провинцію по выбору пословъ палавана и въ жены далъ ему одну изъ сестеръ своихъ. У Гурдзи родился герой-ребенокъ Заваръ, у царя же послѣ продолжительныхъ ожиданій родилась красавица дочь. Пиръ и раздача милостыни бѣднымъ. Умеръ Гурдзи и завѣнилъ его съ честью Заваръ, который внушалъ такой страхъ Риму, что послѣдній сталъ просить мира и изъявлялъ согласіе служить Египту. Царь Али-капаръ разъ объявилъ совѣту вельможъ, что онъ по старости рѣшилъ снять съ себя царскую порфиру и возвести на престолъ дочь свою Бурги-Меликъ.¹⁾

¹⁾ Ср. возведеніе Тинаггны на престолъ царемъ Ростеваномъ у Руставели,

Через дэви Сари Оманъ извѣстилъ отца о побѣдѣ и доставленной ему казнь. Оманъ же влюбился въ Турецкую (?) царевну и написалъ ей письмо, на что она черезъ хатунъ отвѣтила, что безъ согласія родителей она не рѣшится отдать себя какому-нибудь мужу. Въ это же время вернулся Сари, который привезъ извѣстіе, что ѣдетъ самъ царь съ царицами къ сыну. По случаю ихъ приѣзда, Оманъ задалъ пиръ, на которомъ были поднесены гостямъ драгоценные подарки. Послѣ пира поѣхали на охоту, гдѣ Саридонъ убилъ льва. По возвращеніи жена Омана предложила ему взять въ супруги понравившуюся ей турецкую царевну. Свекровь узнала, что молодая царица очень добра, а Оманъ, конечно, съ радостью принялъ предложеніе любезной супруги. Сари отправленъ въ Туркестанъ къ царю, съ порученіемъ просить у него руки дочери, освобожденной изъ плѣна Бѣлаго дэви Оманомъ, внукомъ Таріеля. Черезъ сына своего туранскій царь далъ отвѣтъ, въ которомъ онъ считалъ себя счастливымъ, что приобрѣлъ такого храбраго зятя. Отпраздновали свадьбу и на шестой день Саридонъ отправился въ Балхи, назначивъ Сари правителемъ области Бѣлаго дэви. Оманъ же съ женою прибылъ на свиданіе къ туранскому царю, который его принялъ съ большимъ почетомъ. Черезъ два мѣсяца послѣ пышной свадьбы пришелъ разъ во время пира одинъ человекъ, который рассказалъ о появленіи двухъ леопардовъ, безнаказанно все опустошающихъ. Оманъ отправился на охоту противъ нихъ, какъ на праздникъ съ пѣніемъ и музыкой, и одержалъ побѣду. Дошелъ слухъ о подвигахъ (о волшебномъ конѣ и проч.) Омана, внука Таріеля до Константинопольскаго кесаря. Желая его видѣть, послѣдній, посадивъ на престолъ старшаго сына, объявилъ совѣту визирей, что ѣдетъ путешествовать и осматривать провинціи. Прибывъ къ границамъ Персіи, онъ написалъ письмо царю той земли Ануширвану, который въ сопровожденіи адирбежанцевъ, арабцевъ, иранцевъ, багдадцевъ и хварасанцевъ, выѣхалъ на встрѣчу великому кесарю⁴. Послѣ пышныхъ пировъ во дворцахъ, когда кесарь заявилъ, что ѣдетъ въ Индію повѣдать витязя Омана, Ануширваръ выразилъ желаніе присоединиться къ нему и вдвоёмъ написали письмо къ Саридону Индійскому о своемъ визитѣ. Предварительно, по обыкновенію, воздавъ благодарность Богу и похвалу царю. Прибылъ еще царь Учинмачинела ¹⁾ Кавачинела и четыре повелителя пируютъ нескончаемо и дружно. На обѣдѣ Ануширванъ раздалъ на память четырехъ сотоварищамъ и самому Оману пять рѣдкихъ чашъ, назначенныхъ для питья. Потомъ начался у нихъ разговоръ о житейскихъ вопросахъ. Ануширваръ сказалъ, что онъ не помнитъ неприятели отъ молчанія, а отъ произнесенія своихъ словъ часто огорченія терпѣлъ; кесарь прибавилъ, чего не сказалъ еще, то въ его рукахъ, но что сказалъ, то уже не его, какъ пуцциная стрѣла, которую нельзя вернуть; индійскій царь привелъ слова одного мудреца, который на вопросъ перваго, что для человека наиболее удобно говорить, отвѣтилъ: молчаніе, молчаніе, молчаніе, однако онъ самъ думаетъ, что нужно говорить, что стоитъ и умолчать, гдѣ нужно. Въ этому времени явился слуга и донесъ, что

¹⁾ Ср. „Амиранъ-Дареджаніана“.

лился витязь, величиною въ цѣлую гору, который входитъ во всякій домъ и выгоняетъ хозяевъ. Витязь этотъ былъ Кара Койль, который отказался придти на зовъ царей и требовалъ себѣ противника. Омайя вступилъ въ состязаніе и послѣ отчаянной схватки свалилъ его съ лошади, разбилъ шлемъ и какъ шертаго отвезъ его къ царямъ, которые пріѣтствовали героя криками радости и осыпали жемчугомъ. Кара-Койль тутъ разсказалъ, что онъ изъ Аравіи и много бѣдствій причинилъ всѣмъ. Саридонъ велѣлъ его показать населенію, а потомъ обезглавилъ, передавъ его оружіе и коня Оману. Попировавъ еще нѣсколько дней, цари закрѣпили усы дружбы сладкими словами и разошлись по своимъ владѣніямъ“.

Какъ видно изъ этого изложенія „Оманіани“ сочиненъ въ подражаніе „Баревой кошѣ“, отчасти „Ростоміани“, „Русуданіани“ и „Амираіани“. Авторъ его намъ не извѣстенъ, но видно грузинъ, знакомый съ восточными и туземными произведеніями. Присутствіе османскихъ словъ („хатуни“) свидѣтельствуеъ о позднѣмъ созданіи этого произведенія, по времени, относящемуся къ успѣху турецкаго вліянія въ Грузіи (XVII—XVIII в.).

Конецъ „Оманіани“: Помниающіе его да будутъ благословены Господомъ. Приписка гласитъ, что рукопись переписана въ царствованіе Императора Александра Павловича коллежскимъ совѣтникомъ Мелъхиседекомъ Бебутовымъ 14 августа 1814 года.

ЧАХРУХА (ЧАХРУХАДЗЕ).

Поэтъ Чахруха (Чахрухадзе), родомъ мохевецъ, создавшій особый стихотворный размѣръ — чахрухаули [стихъ въ 20 слог.] — оставилъ поэму изъ 115 куплетовъ въ прославленіе цар. Тамары. Католикъ Антоній въ „мѣрномъ словѣ“ считаетъ его пѣнгомъ Тамары. По своему характеру его ода примыкаетъ къ произведенію поэта Шавтели. И тотъ и другой очевидцы ея красоты и событій, которыя происходили предъ ихъ глазами, и упоенные величіемъ родного царства, стараются возсоздать ея образъ и выразить всѣ заслуги своей царицы. Тогдашнія грузинскія „полтавскія битвы“ въ Трапезундѣ, Ани, Шамкорѣ заслуживали того, чтобъ о нихъ заговорили уста не только однихъ историковъ, но и поэтовъ. Борьбу Тамары съ мусульманами поэтъ Чахрухадзе облекаетъ въ слѣдующую поэтическую форму. Мусульманскій міръ онъ уподобляетъ заволновавшемуся морю, которое то и дѣло клокочетъ и гласитъ: Мною затоплены и сметаны всѣ царства, я сокрушу и оставшееся царство картвеловъ. Цѣлыя горы волнъ разсвирипѣвшаго моря уже двигаются къ Грузіи, чтобы затопить и ее. Тамара предвидя грозу, заранѣе приготовляетъ свои полки. Войнство ея идетъ навстрѣчу врагу. Въ сраженіи сваливается одна гора волнъ за другою, и скоро кичливый врагъ разбивается и сметается.

Въ началѣ поэтъ приглашаетъ мудрецовъ прославить Тамару, признавая, что, даже будучи Сократомъ и при помощи Гомера и Платона, не сѣмѣють воздать царицѣ должное. Только Аристотель изъ племени мудрецовъ, прославленный мудростью въ Аѳинахъ, оставшійся единственнымъ, вѣкъмъ не превзойденнымъ ученымъ, былъ бы въ состояніи прославить ее. Но дерзаетъ и онъ, Чахруха, повѣдать разумнымъ зрителямъ о красивыхъ ланитахъ царицы, вольностью подобной Кроносу небесному, являющейся солнечнымъ лучомъ, сверкающей зарей, затемняющей своимъ блескомъ луну, украшающей собою семь небесныхъ свѣтилъ.

Индійцы были поражены созерцаніемъ плачущаго Диларгети ¹⁾ среди роскошной поляны; солнечные же лучи могутъ только мерцать при видѣ блеска Тамары. Всѣ жаждутъ видѣть и приблизиться къ граціозной исполненной молниеносной красоты царицѣ. Самому поэту приходится молчаливо созерцать ее и энергичнаго Давида, отличнаго стрѣлка, изъ рода Ефрема ²⁾, обнажающаго мечъ на враговъ. Сынъ ея Лаша, [Георгій] это солнце безъ тѣни, изъ племени Вахтанга, по рожденіи пожелавшаго ослабить персовъ. Давидъ [мужъ Т.] сдѣлалъ быстро подданными упорныхъ и неподатливыхъ, какъ въ Каракорумѣ, Арамѣ и Аранѣ сразился Ростомъ и побѣдилъ всѣхъ владѣтелей этихъ провинцій. Предъ двинувшейся многочисленной толпой изъ различныхъ народовъ сталъ Давидъ, словно левъ непобѣдимый. Сократъ можетъ философствовать, Гомеръ трогать наши сердца, а мнѣ, говоритъ Чахруха, слабому на сильный, выразительный языкъ, не ставьте въ упрекъ, если скажу коротко и неполно. Но торжественная побѣда Тамары надъ мусульманами заслуживаетъ упоминанія. Враги были разбиты, грузинамъ достались въ изобиліи плѣнники и сокровища. Неожиданно какъ будто она оказалась побѣдительницей при (Шамкори ?). Поданные царицы возсылаютъ моленія къ Богу о благоденствіи ея и сына Лаша.

Господь (Троица) создалъ всю вселенную, солнце, систему планетъ, народы и далъ завѣтъ свой намъ. Тамару можно сравнить съ свѣтлымъ солнцемъ, никогда не заходящимъ, эфирнымъ сіяніемъ, съ источникомъ, орошающимъ поле Дарманское ³⁾ и дубраву Эдемскую.

¹⁾ Диларгети значитъ былъ извѣстенъ раньше чѣмъ она Чахруха.

²⁾ Ср. слово кievск. митроп. *Иларіона* XI в.: „хотя Маиасія былъ старше Ефрема, но благословіемъ Іакова сдѣлался меньше“. Мужа царицы восхваляетъ и „Бар. Цх.“.

³⁾ Дарма—дарма-дэва въ индусской мифологіи богъ добродѣтели и правосудія. Дарма верховный буддйскій жрецъ у китайскихъ буддистовъ; онъ отрѣзалъ себѣ вѣкъ, чтобы не спать; отъ нихъ будто бы произошелъ чай.

По щедрости—неизсякаемая как море, по высотѣ положенія—восходящая до неба, смиренно милостивая, пріятная для созерцанія, побѣдительница побѣдителей, утверждающая вѣру—Тамара царицей поставлена самимъ Богомъ. Люди царцѣ подчиняются и покоряютъ ей скалы тигровъ и дубравы львовъ, существа земныя считаютъ ее солнцемъ, семь планетъ ее восхваляютъ, но не сумѣли воздать должное, не имѣя языка Платона и лиры Давида. Далѣе слѣдуетъ извѣстная строфа: Тмарь цкнари, шесацкнари, хманарнари, пирциваря; мзе мци-
нари, сачинари, цвалимкнари, момдивари“ переведенная митрополитомъ Евгеніемъ буквально: „Тамарь кроткая, пріятная, сладкогласная, сладколичная.

Солнце — блистательная, важная, тиховодная, рѣкѣ полной подобная“ ¹⁾. Она сіяетъ не только какъ солнце, но отнимаетъ даже блескъ у послѣдняго: оно темнѣетъ предъ ней. Она освѣщаетъ все кругомъ, будучи не Зевсомъ, а непрерывнымъ сіяніемъ. Подобнаго свѣтила никто не видѣлъ подъ небомъ, никто не слышалъ и созерцающіе ее мнятъ себя во снѣ или въ грезахъ, считая на яву столь дивное созданіе невозможнымъ.

Голубка по скромности, заря, оставляющая въ тѣни небесныя свѣтила, она является исключительной царицей, исполненной тонкаго ума и нѣжной души. Она какъ львица остается побѣдительницей надъ мусульманами, а мужъ ея „великій осетинъ Давидъ“ сразилъ у Мангиса Фареза. Поэтъ нѣсколько характерныхъ чертъ приписываетъ „безподобному Давиду“, видному среди почтенныхъ, веселому среди юношей, вѣрному товарищу, прославленному на пирахъ мудрому, въ совѣтѣ вельможъ, храброму на полѣ битвы.

Обращаясь снова къ Тамарѣ, Чахруха призываетъ на помощь философовъ и риторовъ эллинскихъ, воспитанныхъ въ Греціи грузинъ прославить молніеносныя лучи царицы, освѣщающіе ночной мракъ, сіяніемъ которой горятъ небесныя свѣтила. Самсонъ, который измѣнически Далидой былъ остриженъ, не можетъ сравниться съ пей. Раминъ ²⁾ горевалъ и сдѣлался съ тоски поклонникомъ Виса, а побѣжденные персы Тамарѣ завидуютъ, ибо надъ владѣтелемъ Ирана (Эрана) она вознесла главу свою, какъ царь львовъ; намекъ на взятіе ею Тавриза, Казвина и Адарбадагана.

Граціозная, красивая, исполненная мудрости она доставляетъ зрителямъ отраду и удовольствіе. Она, „какъ мраморъ“, служитъ пред-

¹⁾ Историческое изображеніе Грузинъ. Спб. 1802, стр. 92. Ср. отзывъ Карт. Ц.

²⁾ Герой „Висраміани“.

метомъ твердой присяги. Нѣжное лицо ея, обрамленное волосами и локонами, вызываетъ неизсякаемую жажду видѣть снова, кто разъ узрѣлъ ее. Что восхвалять въ ней: высокую шею, стройный станъ, эфирный блескъ, ланиты, освѣщенные черными глазами, словно гишеровое море, поэтъ недоумѣваетъ и предпочитаетъ умолкнуть. Платонъ и Гомеръ, Самсонъ и Киръ, поднявшись изъ мертвыхъ, были бы въ затрудненіи ее кому-либо уподобить. Поэтъ вспоминаетъ тотъ моментъ, какъ онъ потерялъ силы, когда ему посчастливилось представиться царицѣ, эдемской розѣ; онъ, какъ и всѣ и ее видашіе, смотрѣли на царицу обезумѣвшей, съ сильнымъ біевіемъ сердца, близкимъ къ неожиданной смертельной развязкѣ. Зевесъ самъ призналъ бы ее солнцемъ и возвелъ бы на небеса.

Чахруха, вѣроятно, намекаетъ на походы царицы Тамары, упоминавая о западѣ (*магриби*) и Абхазіи или о хазарахъ и Константинополѣ гдѣ она построила лодки. Жители Багдада прибыли въ Барбаки (?) съ вѣстью о побѣдѣ, одержанной Тамарою. Владѣтель Каби, Эмиръ, былъ опечаленъ этимъ событіемъ и рѣшилъ отомстить ей. Изъ предѣлъ Индіи, враги съ индійскими китайцами и ханцами во главѣ Атиллы выступаютъ, остановившись въ Хозаретин, направились въ Россію по берегу моря. Располагая богатымъ кладомъ золота, жемчуга, амбры и толпою имѣнныхъ плѣнницъ, они неожиданно нападаютъ на поля іонійскія, гдѣ царствовалъ кесарь. Здѣсь они обошли города, моря, Египетъ и Аравію. Съ собою онъ (глава отряда) привелъ одну красавицу, которую тотъ не можетъ забыть. Вслѣдъ за этимъ страннымъ отступленіемъ, поэтъ ¹⁾, вспомнивъ о сотвореніи Господомъ Адама и Евы и искушеніи ихъ дьяволомъ, переходитъ къ Тамарѣ, называя ее солнцемъ солнцъ, очаровательной, нѣжной на видъ, съ розовой шейкой, тихой и мягкой, предъ которой преклоняются всѣ земныя существа. Съ всеобъемлющимъ умомъ, какъ Гомеръ, по силѣ подобна она тремъ Ахилламъ. Она своими подвигами сосѣднихъ непокорныхъ государей, которые могутъ только мечтать объ уподобленіи ей, заставила подчиниться Грузіи. Вспомнивъ о событіяхъ при Давидѣ, Тао, Испири и Ширвана, поэтъ возвращается къ прославленію Тамары, царицы вельможъ, владѣтельницы богатыхъ рудъ, красы вселенной, уподобившейся своими дѣяніями Вахтангу (Горгаслану) и Давиду (Возобновителю?) Еще разъ повторяетъ, что ни онъ, ни описцы не

¹⁾ Въ 1832 г. царевичъ Теймуръ впервые открылъ оды Шатела и Чахруха, извѣстивъ объ этомъ Броссе. См. *Bibliographie analytique Marie-Felicité Brusset*. (SPb., 1887, p. 50).

находить предмета, съ чѣмъ возможно было бы ее сравнить по красотѣ и по мудрости, какъ сказано не разъ.

При созерцаніи сильнаго Давида подданные поражены словно громомъ, а при видѣ тихой и нѣжной Тамары, обладательницы скиптра и порфиры, смертные ощущаютъ блаженство дыханія небесной силы. Она является свѣтлымъ приютомъ для страждущихъ душъ, какъ Христова дочь изъ рода Авраама. Она можетъ пренебречь свѣтилами небесными, превознося свой блескъ выше солнечныхъ лучей. Ей подобнаго нужно искать, какъ въ сказкахъ, вооружившись желѣзной палкой,— не только онъ, но еслибы для нея пѣлъ даже Гомеръ и прославилъ Аристотель, то не нашли бы достаточныхъ словъ. Поэтъ склоненъ думать, что самъ Давидъ первый (пророкъ) бряцалъ въ ея честь, а Соломонъ мудрый призналъ бы ее именитой и славной. Снова превозносятся ея красота, предъ которой и луна кажется блѣдной и несчастной. Мудрецы все свое творчество создали для нея, самъ Кроносъ потерялъ бы рассудокъ, при видѣ ея розовыхъ ланитъ, движеніе ея рѣсницъ возбуждаютъ слезы блаженства и умиленія. Ея присутствіемъ услаждается левъ Абесаломъ изъ рода Ефрема, превосходящій силою Неброта [Нимвродъ]. Халифъ, соболѣзнуя о паденіи силы своей религіи, дрожитъ предъ ней. Изъ Тарши—изъ Карса ей подносятъ дары, какъ новому Хвосро (Хозрой). Побѣдивъ безчисленныя толпы, она обратила осетинъ въ бѣгство въ Бобакари (?). Тамара сдѣлалась достойной преемницей барса Вахтанга. И снова поэтъ сознаетъ свою слабость воспѣть ее достойнымъ образомъ, говоря, что даже риторы и философы не нашли бы нужныхъ словъ для ея прославленія.

Поэтъ призываетъ всѣхъ (и персовъ) внимать, вдохновляться религиозной идеей, возвышаясь къ Создателю вселенной, Троицѣ единосущной, даровавшей странѣ Тамарѣ лучомъ во мракѣ, неизмѣнно щедрую и скромную: она вмѣстѣ съ храбрымъ Давидомъ оналила огнемъ послѣдователей ислама; словно Ахиллесъ непрерывными битвами она изгнала турокъ, а атабегу (Ахалцихскому владѣтелю), стороннику Хварзмъ-шаха, напомнила вѣрнопопаническую заповѣдь.

Поэтъ снова призываетъ Сократа, Платона и Ефрема, Апотеоса, изобрѣвшаго средство измѣренія земли, халдейцевъ, впервые заявившихся изученіемъ теченія звѣздъ, и глубокаго изслѣдователя Аристотеля, которые не могутъ сравниться ни въ чемъ съ славной царницей. Обратившись затѣмъ къ священному писанію, Чахруха воспоминаетъ паденіе чловѣка, по наущенію дьявола, соблазвившаго Еву и начало трудовой въ потѣ лица жизни на землѣ. Въ результатѣ

усиленія грѣховъ, Ною приказывается построить ковчегъ, начинается потопъ и затѣмъ обновленіе человѣчества. Господь изъ рода Давида являетъ Богочеловѣка, который воскрешаетъ мертвыхъ, хромыхъ и слѣпыхъ исцѣляетъ. Своимъ крестнымъ страданіемъ Онъ Адама сдѣлалъ достойнымъ небесъ, спасъ язычниковъ и пролилъ свѣтъ на Тамару. Поэтъ снова возвращается къ обычному восхваленію красоты царицы.

Подобно ей „солнцу солнць“ нигдѣ на яву ни видятъ, ни вспоминаютъ; она словно Зоаль, звѣзда, и сіяетъ съ небесъ или является въ мечтахъ во снѣ. Умъ, обращеніе, чистая душа, проникательность ея дополняется энергіей, доставившей ей, защитницѣ креста, побѣду надъ мусульманами. Въ заключеніе поэтъ извиняется, что не сумѣлъ воспѣть ее и находясь вдали съ замираніемъ сердца вспоминаетъ ея божественныя черты лица и дыханіе, благоухающее ароматомъ.

Въ послѣдней строфѣ поэтъ говорить, что онъ мохевецъ (горецъ, лучше сказать житель ущелья) Чахрухадзе воспѣлъ прекрасную и мудрую Тамару, называя ее Тинатипой, но не царствовавшей въ Аравіи (намекъ на поэму Руставели), а Тинативу грузинскую еще юную, розу райскую, солнцеподобную.

Изъ этихъ послѣднихъ словъ мы заключаемъ, что поэма Чахруха написана раньше Диларіани, на котораго ссылается, и позже „Барсовой кожи“, въ которой нѣтъ указанія на воспѣваніе царицы мохевцомъ на ряду съ произведеніями Саргисъ Тmogвели, Мосе Хонели и Абдуль Месія Шавтели.

Пл. Юсселиани годомъ написанія оды считаетъ 1187 г. и даетъ восторженный отзывъ о поэмѣ Чахруха. Эхо горнаго ущелья отозвалось, говоритъ онъ, въ порывахъ высокой души поэта. Стихи его дышутъ живою фантазіей, глубокимъ чувствомъ и мыслью. Подъ перомъ его оригинальнымъ, творческимъ, отличающимся отъ пера Руставели, языкъ грузинскій явился благозвучнымъ, гибкимъ, способнымъ выражать малѣйшіе изгибы и оттѣнки мысли. Классическія имена Египта, Греціи и Рима, первобытной Индіи, неприступныхъ мѣстъ Африки съ названіями дорогихъ произведеній ихъ природы, всего прославленнаго въ исторіи, искусствѣ и мѣстахъ востока и запада тогдашняго времени,—вошли въ составъ поэтического сказанія Чахрухадзе, желавшаго украсить геронню своей поэмы лучами славы и безсмертія. Изъ устъ его въ стихахъ прекрасныхъ расходились священные звуки высокихъ именъ Платона и Аристотеля, Сократа и Зенона, отецъ церкви и столповъ вѣры Христовой. Въ сочиненіяхъ древняго міра онъ искалъ, какъ трудолюбивая пчела, лучшія мысли и, образовавъ изъ нихъ благоухающій лите-

ротурный сотъ, поднестъ его царицѣ Кавказа, богинѣ грузинскаго народа ¹⁾. Сравненія въ поэмѣ во всякомъ случаѣ носятъ восточный гипербаллистическій характеръ.

До насъ дошли свѣдѣнія о писателяхъ, которые или оставили нѣсколько отрывковъ своихъ сочиненій, или же извѣстны ими лишь по имени. Такъ, *поэтъ Загнакори* (Дзагнакорели), жившій при Давидѣ Возобновителѣ (1088—1125), извѣстенъ только тѣмъ, что далъ первые образцы разиѣра, извѣстнаго „дзагнакорули“ ²⁾ (Загнакорійскаго). Онъ состоитъ изъ трехъ стиховъ, изъ коихъ первые два заключаютъ по 10 слоговъ и имѣютъ созвучное окончаніе, а третій безъ ряфмы и состоитъ изъ 12 слоговъ ³⁾. Родиной поэта было село Загнакори, близъ горы того же названія, въ 11 верстахъ отъ г. Душета. По преданію, онъ былъ изъ богатой семьи, принималъ участіе въ освободительной войнѣ Давида Возобновителя противъ арабовъ, посвятилъ ему нѣсколько стиховъ, а по смерти царя постригся въ монахи.

Давидъ Саатабагосли (т.-е. изъ Саатабаго, нынѣшній Ахалцихскій уѣздъ, Тифл. г.), также писатель — современникъ царя Давида Возобновителя. По словамъ З. Чичинадзе ⁴⁾, получилъ онъ первоначальное образованіе въ Хахульскомъ монастырѣ и довершилъ его въ Иерусалимѣ и на Аѳонѣ. По возвращеніи на родину, обнаружилъ военныя и ди-

¹⁾ Поэма изд. впервые П. Иосселиани 1838 (Т. 1838), напеч. Д. Чубиновъ въ Хрестоматіи (II ч., Сиб. 1863); изд. отдѣльно З. Чичинадзе (Т. 1882), причемъ замѣтилъ, что строфы 109, 111 и 112 суть повтореніе строфъ 29—31. Имя поэта „Григорій“ найдено было Д. Баградзе въ Кутайской маней, „переписанной учеными и мудрыми мужемъ Григоріемъ Чахрухадзе“, хотя не удостоверено тождественность пѣвца Тамары и этого мудреца. Рукопись этой поэмы очень поздніе—XIX в.; одна хранится въ Библіотекѣ Д. Чубинова, а другая пишется у меня (см. выше о рукописяхъ Шавтели). Названіе оды однородно съ поэмой Шавтели.

²⁾ По „Килидъ и Даманъ“, перев. царя *Вазмана*, а также по нынѣшнему *митр. Епистія* („Истор. изображ. Грузія“, Сиб. 1802, стр. 92) разиѣръ дзагнакорули состоитъ изъ 10—12 слоговъ, а по словамъ *П. Баграговани* („Цискари“ 1852 г.) дзагнакорули заключаетъ въ себѣ 16 слоговъ. Послѣдній разиѣръ былъ еще до Дзагнакори извѣстенъ, и потому онъ не могъ дать своего имени и, вѣроятно, что ему принадлежитъ инициатива введенія перваго нынѣшняго разиѣра.

³⁾ *Пл. Иосселиани*. Описаніе гор. Душета (Тифлисъ, 1860), стр. 61, 66. Объ этомъ разиѣрѣ упоминается въ антагоническомъ сборникѣ, писанномъ рукою ректора временъ Ираклія II, Давида Алексѣева. *Кавказ. Календ.* на 1859. Иосселиани. Опис. горы св. Давида (Т. 1858), 7.

⁴⁾ „Писатели XII в.“, стр. 23, 24.

пломатическія способности, пріобрѣлъ довѣріе царя и нѣсколько разъ былъ отправляемъ посломъ къ иноземнымъ государямъ. Намъ неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ приписывается ему переводъ „Зисраіаивъ“ Гургани (см. у меня выше), хотя объ этомъ свидѣлствуетъ, между прочимъ, составитель списка грузинскихъ памятниковъ письменности Гамалиліа, архим. Шіо-Мгвимской обители.

До насъ дошли написанныя мѣрною рѣчью небольшого объема произведенія, называемыя „ямбиконъ“ (ямбы). О Давидѣ Возобновителѣ приводятся слѣдующіе грустное ямбическіе стихи ¹⁾: [Было время], когда въ Начермагеви я семь царей посадилъ за обѣденный столъ; турокъ, персовъ и арабовъ удалилъ за предѣлы (страны);

Рыбъ рѣкъ здѣшнихъ пересадишь въ тамошнія рѣки,—
И у свершившаго это нынѣ руки на груди скрещены.

Ямбическіе стихи, посвященные всѣмъ святымъ, въ большомъ количествѣ сохранились въ рукописяхъ Тифлис. Церков. Музея ²⁾. Самой царицѣ Тамарѣ приписываются ямбическіе стихи, приведенные Вахушти къ его исторіи ³⁾. Царица Тамара, жертвуя захваченное у Мекхійскаго атабега знамя Хахульской Божіей Матери, сдѣлала на немъ стихотворную надпись, въ которой прославляется Единый Богъ, Троица, Спаситель, принявшій страданіе за грѣхи человѣческіе,—Богородица, воспѣваемая прор. Давидомъ, и проситъ себѣ, праху земному, милости и побѣды надъ агарянами.

Четверостишіе хранитъ воспоминаніе о Тамарѣ въ народномъ сказаніи. Въ немъ передается о великихъ подвигахъ царицы:

На высотахъ воздвигла храмы, въ безводномъ шѣотѣ открыла родники,
На Испаганъ наложила оброкъ, со Стамбула взяла дань,
Въ Бѣлое море кинула желѣзо, сушу привлекла къ себѣ,
Свершившая столько дѣяній, 9 аршинъ холста захватила съ собою.

На иконѣ Хахульской Божіей Матери читается ямбическая надпись, правильный переводъ которой намекаетъ на весьма важныя историческіе факты по отношенію къ самой иконѣ, которая повидимому украшалась въ теченіе ряда вѣковъ, чему неопровержимыми доказатель-

¹⁾ *Чубиновъ* Груз. Хрест. (Спб. 1846), стр. 242.

²⁾ См. у меня выше, стр. 118, 119.

³⁾ *Вахушти*. „Исторія“, изд. Баирадзе, стр. 208—209. Ср. „Баргл.-Цх.“ I, стр. 309—310.

стиами могут служить миниатюры на складнях иконы. Каждая строка нижеслѣдующей грузинской ямбической надписи имѣетъ цезуру, обозначенную запятою.

Первая надпись:

„Азъ есмь изстари, благодатию Божию,
 Съ тѣхъ поръ, какъ Ты расцвѣла съ Нимъ, о, Царица!..
 Сдѣлавшись отцомъ, онъ умножилъ вещи на украшеніе Тебя, храма
 Божіаго,
 Тако и Давидъ, наследникъ Давида
 Душою, тѣломъ и церковію принесъ себя въ жертву, о Пресвятая“!

Чтобы уразумѣть точно смыслъ этой надписи, необходимо ямбическіе бѣлые грузинскіе стихи переложить въ прозу, сдѣлавъ лишь перестановку фразъ и логически правильную конструкцію. „Съ тѣхъ поръ, какъ Ты расцвѣла, о царица, съ нимъ (я) осѣненъ изстари благодатию Божию. Сдѣлавшись отцемъ, онъ обогатилъ, умножилъ, вещи на украшеніе Тебя — храма Божіаго; также поступилъ теперь и Давидъ, потомокъ Давида, съ душою, тѣломъ и храмомъ принесши себя въ жертву, о Пресвятая“!.

Ясно, что разговоръ ведется предъ лицомъ Пресвятой Дѣвы, которую въ данномъ случаѣ изображаетъ икона Хахульской Богородицы, отъ имени старѣйшаго представителя рода и дѣйствительнаго ходатая предъ Богородицею за своихъ потомковъ, именно отъ имени псалмопѣвца Давида, который въ грузинскомъ мнѣіи о происхожденіи Багратидовъ считается родоначальникомъ этой династїи и, слѣдовательно, посредствующимъ звеномъ, закрѣпляющимъ родственныя узы между Пресвятою Богородицею и фамиліею грузинскихъ царей Багратидовъ. Какъ Богородица, такъ и Багратиды признаются въ исторической грузинской легендѣ потомками Иессея, отца Давида, царя израильскаго. Итакъ, въ надписи на складняхъ Хахульской иконы Давидъ пророкъ, какъ патріархъ рода, обращаясь къ Хахульской Богородицѣ, излагаетъ заслуги своихъ потомковъ, украсившихъ въ продолженіе вѣковъ лицъ ея. „Съ тѣхъ поръ, какъ Ты расцвѣла съ Нимъ (Иисусомъ Христомъ), о, Пресвятая, я изстари осѣненъ благодатию Божию“. Въ третьей строкѣ псалмопѣвецъ Давидъ, говоря: „сдѣлавшись отцомъ, онъ умножилъ вещи на украшеніе Тебя — храма Божіаго“, намекаетъ на Давида Куротпалата, Таосскаго владѣтеля, хотя бездѣтнаго, но съ усновленіемъ имъ Баграта III-го, сына абхазскаго царя Георгія I-го, фактически „сдѣлавшагося отцомъ“. Давидъ Куротпалатъ былъ тоже изъ рода Багратидовъ, оказалъ большую услугу Императрицѣ Феодорѣ

Въ X—XII в. по свѣдѣніямъ Антонія католикаса (см. предисловіе къ его граннатиѣ) еще относятся слѣдующіе писатели—переводчики, не упомянутые нами: Блаж. Григорій, нареченный новымъ Авраамомъ, Арсеній (не каталикосъ и не Икалтойскій), Георгій (духовникъ Георгія святогограда-Мтацхидели), Иларіонъ Великій Тулаели, духовникъ св. Евенній, Стефанъ, Іоаннъ Олимпійскій, Василій, сынъ Баграта Хахулели, Теофилъ. Нужно еще прибавить: Николая Гулабридзе, Гандзели, Іоанна Мтбвари, автора пѣснопѣній, Исаака, (1030 г.) переводчика житія св. Макарія и равносп. Баграта.

Ко времени царицы Тамары относится „Карабадина“, взятый въ добычу у султана Ронеданъ близъ гор. Карну (Карса) и переведенный на груз. языкъ книжникомъ протоіереемъ Антоніемъ.

Въ теченіе X — XII вв. проникли въ Грузію въ переводахъ съ греческаго хронографы, апокрифы и фізіологъ.

Шатбердскій сборникъ IX—X вв. даетъ рядъ статей научнаго характера: о сотвореніи человѣка (Григорія епископа); о природѣ вселенной; разсужденіе, почему человѣкъ родился послѣднимъ, о природѣ смѣха и плача, сна и сновидѣній и пр. Сохранились въ одной главѣ свѣдѣнія объ анатомическомъ строеніи человѣка, собранныя авторомъ сборника изъ различныхъ „источниковъ“. Въ анатоміи человѣка различаются три основныя части: голова, сердце и печень. Три силы управляютъ жизнью: одна изъ нихъ сообщаетъ теплоту, другая—влагу, третья сцѣпляетъ разъединенныя частицы организма. Человѣкъ обладаетъ способностью двигаться по свободной волѣ. Мозгъ является источникомъ жизни, которая, впрочемъ, прекращается безъ теплоты. Центромъ жизни служитъ сердце, изъ котораго исходятъ каналы,— по нимъ течетъ кровь къ печени. Душа покоится въ сердцѣ и получаетъ питаніе изъ легкихъ, сообщающихся чрезъ ротъ съ внѣшнимъ міромъ (воздухомъ). Природа человѣка отличается слабостью, нуждаясь въ постоянномъ питаніи для восполненія истощенныхъ тканей. Близъ сердца покоится желудокъ, которому Творецъ далъ, какъ всѣмъ частямъ организма, свою функцію дѣятельности. Душа ребенка отличается отъ души взрослого только тѣмъ, что первая носитъ признаки неполнаго совершенства, но въ сущности во всѣхъ остается тождественною со второю. Вообще душа является наиболѣе удивительной принадлежностью человѣка ¹⁾).

Одна изъ главъ этого же сборника заключаетъ Хронографъ, въ

¹⁾ Въ концѣ главы читается, что эти свѣдѣнія о человѣкѣ списаны съ *Исихійскаго* подлинника.

сокращенномъ видѣ сообщающій свѣдѣнія о сотвореніи міра и ангеловъ, названія еврейскихъ и греческихъ буквъ. Очень любопытны названія разнородныхъ ангеловъ и духовныхъ силъ: ангелы славящие, ангелы вѣтровъ, ангелы тучъ, града, снѣга, инея, грома, молніи, холода, тепла, зимы, осени (собственно сѣянія), весны (Арея ср. *ѣр*) и лѣта, ангелы враговъ и ада, ангелы дня и ночи. Изъ данныхъ о сотвореніи міра слѣдуетъ отмѣтить особое указаніе, что въ четвертый день Господь сотворилъ *большаго дракона* (кита), рыбъ и птицъ. Слѣдуетъ затѣмъ перечисленіе именъ библейскихъ съ Адама до Іакова. Хронологическая таблица царей: еврейскихъ ¹⁾, ассирійскихъ, египетскихъ, персидскихъ, греческихъ, римскихъ и византійскихъ завершаетъ эту главу ²⁾. Любопытно, что въ эту же главу вошли азбуки еврейская и греческая, напоминая русской хронографъ второй редакціи 1657, гдѣ имѣется глава о еврейскихъ письменахъ³⁾.

Обратимся къ *переводамъ* апокрифовъ, дополняющихъ матеріалъ, собранный въ I выпускѣ „Очерковъ по исторіи грузинской словесности.

Дѣтство Господа нашего І. Христа (изъ Сборника XII в. Цери. Муз.).

Будучи отрокомъ пяти лѣтъ ¹⁾, ходилъ Іисусъ на рѣчку, тамъ игралъ и запруживалъ ее ²⁾, а потомъ пропускалъ воду на песокъ, ошущая ее. Взялъ онъ мягкую глину („бренніе меко“ слав.) и сдѣлалъ 12 птицъ (воробей), а былъ тогда день субботній и было много дѣтей, игравшихъ вмѣстѣ съ нимъ. Увидѣли іудеи, что творилъ отрокъ, пришли къ отцу его, Іосифу, спрашивая его, хорошо ли въ субботу дѣлать изъ глины птицъ. Іосифъ же разгнѣвался на него за то, что

¹⁾ Ср. Опись славян. и рукописей собранія П. И. Щукина (М. 1896), стр. 258.

²⁾ Адамъ жилъ 230 лѣтъ и родилъ Сейта (Снеа); Снезъ жилъ 205 л. и родилъ Эноха... Авраамъ послѣ завѣта жилъ 25 и родилъ Исаака... *Цари іудейскіе*: Саулъ царствовалъ 40 лѣтъ; Давидъ 45 л... Далѣе слѣдуетъ глава о пребываніи іудеевъ въ пѣвиу вавилонскомъ. Киръ, воцарившійся въ Персіи послѣ Дарія, вернулъ іудеевъ изъ Вавилона въ Іерусалимъ... *Цари персидскіе*: послѣ Кира воцарился Камбовъ (Камбизъ). Далѣе слѣдуетъ о покореніи Есерисомъ Египта и переходитъ авторъ къ Александру Македонскому, Птоломеевъ и Селевкидамъ. Въ виду испорченности текста, *римскихъ царей* намъ удалось подсчитать только съ Блавдія, Нерона и т. д.; *византійскіе* цари начинаются съ Константина.

³⁾ *Операнскій*. Слав. апокриф. евангелія: „трѣишь лѣтомъ“ е лѣтъ; греч. τριτάτης или ἐκτάτης.

⁴⁾ Греч. συνήγαγεν εἰς λάκκους; слав. збираше рѣчицу.

онъ такъ дѣлалъ въ субботу. А Иисусъ, услыхавъ это, всплеснулъ руками и сказалъ птицамъ: взлетите и помните „жива суца меня“, и птицы полетѣли предъ всѣми съ визгомъ („поюще“ въ слав. переводѣ). Увидѣвъ это, одинъ изъ фарисеевъ поспѣшно отправился разсказать друзьямъ своимъ. Сынъ Анаи (Аненъ въ слав. перев.) первосвященника (бнижника въ слав. п.), который также пришелъ къ Иосифу, взялъ вербовую вѣтку и пустилъ воду, которую запрудилъ Иисусъ. Увидѣвъ это, сказалъ Иисусъ: „какъ вѣтвистое дерево засохни“, и отрокъ тотъ палъ „сухо“. Шелъ Иисусъ съ Иосифомъ, и нѣкій юноша схватилъ его за плечо. Разгнѣвался Иисусъ и сказалъ: „не дойти тебѣ до дому“ (эта фраза пропущена у Сперанскаго, имѣется многоточіе, 103 стр.). Юноша моментально палъ и умеръ. Возопили присутствовавшіе при этомъ, говоря, кто этотъ [родившійся] отрокъ, слово котораго есть дѣло. Пришли родители умершаго юноши къ Иосифу и говорили: если отрокъ этотъ твой сынъ, то не можешь жить среди насъ, или учи его, чтобъ онъ благословлялъ („васвити“), а не проклиналъ дѣтей. Тогда Иосифъ призвалъ Иисуса и сталъ наставлять его: для чего ты сдѣлалъ зло, ибо люди эти возненавидятъ насъ? Иисусъ же отвѣтилъ ему, что слова его неразумны, и Онъ съумѣетъ поставить дѣтей іудеевъ на путь, если же они не примутъ наставленія его, то потерпятъ наказанія¹⁾. Они такъ спорили, и Иосифъ, разгнѣвавшись, взялъ Иисуса за ухо и сильно потянулъ („отяже зѣло“). Иисусъ же („негодую“) сказалъ: довольно тебѣ вскать меня и обрѣсти.

Нѣкій Закхей слышалъ эти слова Иисуса и сказалъ Иосифу: не хочешь ли отдать мнѣ пылкаго отрока своего, чтобы онъ выучался у меня любви къ ближнимъ, покорности старшимъ и сынамъ Аарона, дабы и онъ впоследствии училъ и помилывалъ ихъ. Одинъ замѣтилъ Иосифу, кто можетъ успокоить этого отрока? Иисусъ отвѣтилъ, что Онъ не понимаетъ словъ учителя, сказанныхъ Закхеемъ, ибо Онъ самъ Господь и учитель у котораго должны поучаться; онъ только знаетъ, чьи они сыновья и сколькихъ лѣтъ.

Стоявшіе тутъ іудеи дивились, говоря, что отрокъ пять лѣтъ говорить такія слова, которыхъ не слышали отъ законоучителей, родныхъ и фарисеевъ. Иисусъ же отвѣтилъ, что они больше удивятся, если скажетъ, когда родились ихъ родители. Іудеи испугались и замолчали. Иисусъ же, играя прибавилъ, что слава его въ немъ же.

Закхей же приступилъ къ Иосифу, прося мягко отдать ему отрока въ обученіе. Иосифъ привелъ его къ Закхею. Просвѣщалъ ученика съ

¹⁾ Слав. переводъ этого мѣста не даетъ. Ср. Сперанскій оп. сѣ. 103.

алфы, но послѣдній долго молчалъ. Закхей (Дидакаль) разгнѣвался и ударилъ отрока по головѣ. Ученикъ отвѣтилъ, что учитель творить недостойное, (.) ибо отрокъ можетъ сказать не учась то, что передаетъ Закхей ⁴⁾. И прочиталъ себѣ всю грамоту отъ алфы до конца съ большимъ тщаніемъ. Если же не знаете, сказалъ онъ *алфы*, какъ можете учить *бету*. Разъясните мнѣ алфу, и тогда я уразумѣю отъ васъ бету. Присутствовавшіе при этомъ дивились его учености, а Закхей учитель громко признался, что потерпѣлъ срамоту отъ отрока. По истинѣ, сказалъ онъ, отрокъ этотъ не отъ міра сего, что онъ рожденъ до потопа при Ноѣ, прежде всѣхъ вѣковъ. „Онъ можетъ огнемъ оуммычти“, какая мать родила и приняла Его? О, горе мнѣ! я теряю рассудокъ, я побѣжденъ отрокомъ!“

Здѣсь обрывается разсказъ грузинскаго апокрифа, помѣщеннаго въ громадномъ рукописномъ сборникѣ, листы котораго перепутаны. Мanuscriptъ писанъ на пергаментѣ почеркомъ X—XI вв. Очевидно, продолженіе, согласно съ греческимъ оригиналомъ, должно было заключить изложеніе о душевномъ состояніи Закхея и далѣе приведенныя въ славянскомъ переводѣ чудеса.

Любопытная рукопись in 16° по бумагѣ, писанная алфавитомъ „хуцури“ безъ начала и конца доставлена мнѣ была кн. Иверико Микеладзе. Она представляетъ сборникъ статей: обращеніе І. Хрвста къ апостоламъ; лунный календарь; повѣсть о воскресеніи царя Джумдзума. Содержаніе послѣдней заключается въ слѣдующемъ. Св. Григорій разъ встрѣтилъ черепъ, изъѣденный червями и наполненный пескомъ. Ему захотѣлось узнать судьбу бывшаго обладателя этого черепа. Явился І. Христосъ св. Григорію и велѣлъ сдѣлать надъ черепомъ крестное знаменіе. По этому знаку черепъ ожилъ и заговорилъ: онъ былъ царь могущественный и богатый, имѣлъ по тысячѣ верблюдовъ, ословъ и ястребовъ. Его имя Джумдзумъ изъ Египта (Мисретскій царь). Прислуживали ему разодѣтые слуги, тысячи поваровъ ежедневно готовили ему обѣдъ. По пути шестивія ему слали золотыя ткани. Когда онъ разъ заболѣлъ, то было приглашено 10.000 врачей и дано ему 1.000 лѣкарствъ, но безуспѣшны были ихъ старанія. Спустился мой духъ, являющій четыре руки, въ которыхъ онъ держалъ вилки. Духъ воткнулъ царю въ голову вилки съ такой силой, что онъ оглашалъ отъ боли весь міръ, но помощи нигдѣ не могъ найти. Потомъ явился ангелъ съ огненнымъ мечемъ и шдалъ, пона его похоронять. Въ могилѣ остался одинъ, всѣ разошлись. Явились тогда два ангела и спросили его, какъ онъ вѣруетъ въ Бога, по-

⁴⁾ Въ груз. есть соответствующее слав. тексту мѣсто: яко мѣдъ звоняще или яко кругъ мѣдаль звяца не престану. *Сперанскій*, ор., с. 104.

чему онъ не разбиралъ дѣлъ, не былъ милостивъ къ бѣднымъ и послѣ искуса сильвымъ ударомъ по головѣ сбросилъ его въ адъ⁴⁾.

Рукопись эта дефектна и коонецъ ея привожу со словъ Платона Тавдигридзе, слышавшаго устно эту повѣсть: царь хотѣлъ откупиться и спастись деньгами, но ангелы платы не приняли.

Письмо, написанное Іосифомъ Аримаеѣйскимъ, ученикомъ Господа нашего І. Христа, и повѣсть о построеніи церкви Пресвятой Богородицы, Царицы Маріи, находящейся въ городѣ Лудіи.

На 19-мъ году царствованія Тиверія, кесаря Римскаго, на 13-мъ году царствованія Ирода, сына Ирода, царя Галилейскаго, при на-мѣстничествѣ Пилата Понтійскаго въ Іудеѣ и правленіи Софеса и Баліоносиса, первосвященничествѣ Анны и Каиафы надъ іудеями, написалъ Іосифъ Аримаеѣйскій эту повѣсть о дѣйствительномъ воскресеніи І. Христа. Первый разъ Господь явился ему въ темницу, куда его заключили первосвященники за то, что онъ просилъ у Пилата тѣло Спасителя¹⁾. Вмѣстѣ съ Никодимомъ онъ снялъ тѣло І. Христа съ креста, набальзамировавъ, положили въ гробъ подъ камнемъ. Господь же, сокрушивъ врата ада, воскресъ изъ мертвыхъ. Іосифъ не зналъ о воскресеніи Христовомъ. Самъ Спаситель является и привѣтствуетъ его, что силы небесныя прославляютъ его за то дѣяніе, которое онъ совершилъ безъ страха предъ Пилатомъ въ то время, какъ Петръ отрекся отъ Господа своего. Спаситель ободряетъ а затѣмъ отправляетъ его въ сел. Аримаеѣ ждать Его тамъ. При этихъ словахъ началось землетрясеніе, домъ поднялся и Господь съ Іосифомъ вышли вонъ. На Голгофѣ, гдѣ былъ Честный Крестъ, І. Христосъ поручилъ Іосифу идти въ Галилею проповѣдывать невѣрующимъ. Господь сталъ незримъ. Съ радостью и со страхомъ достигъ Іосифъ своей деревни. Всѣ стали прославлять Спасителя. Послѣ этого Господь явился ученикамъ своимъ въ Іерусалимѣ, и Ома увѣровалъ, что Учитель воскресъ.

Разъ, когда Іосифъ сидѣлъ въ своемъ домѣ вмѣстѣ, *Селекиемъ* Никаноромъ, Абибосомъ, сыномъ *Гамалейскаго*, Никодимомъ, Баладіосомъ и Ереосисомъ, которые его утѣшали въ горѣ, причиненномъ первосвященниками, показался свѣтъ, узрѣли Господа, который ска-

¹⁾ См. *Сперанскій*. Слав. апокриф. еванг. Воспоминаніе страсти Господи Бога Спаса Нашего Ісуса Христа, стр. 109: слышавше же жидове яко проси тѣла Ісусова и Іосифѣ, всаху его... и Никодима.

загъ: да будетъ миръ межъ вами! Всѣ пали ницъ отъ страха. Господь подвизалъ Иосифа, ободряя, велѣлъ имъ просить у Отца Небеснаго Духа Св., при посредствѣ котораго они могутъ быть всегда со Спасителемъ. Никодимъ просилъ сообщенія Духа Св., ибо кто не крестится водою и духомъ, не войдетъ въ Царство Небесное. Господь исполнилъ просьбу ихъ. Господь велѣлъ Иосифу идти въ гор. *Луди* (Лидіи?) для проповѣди Евангелія. Иосифъ отвѣтилъ, что тамъ жестокіе фарисеи и ихъ глава Тарсіецъ Савле (Савва?) ищутъ смерти Его учениковъ. Господь увѣрилъ его, что Тарсіецъ сдѣлается его ревностнымъ послѣдователемъ. Въ Луди прибылъ къ Иосифу и Филиппъ, какъ сказалъ ему Господь въ Аримафеѣ. Филиппъ скоро отправился въ гор. Кесарію, а бывшіе въ Луди недоумѣвали, кто и гдѣ построить храмъ. Отправилъ Селевка къ Петру въ Іерусалимъ. Петръ засталъ въ Луди большое собраніе вѣрующихъ. Они стали молиться, прося Господа указать мѣсто для церкви. Послышался голосъ, называющій Бетелеосъ святымъ мѣстомъ. Никодимъ возблагодарилъ Господа за указаніе его жилища для пребыванія храма І. Христа. Никодимъ предложилъ расширить его домъ и приспособить его для приношенія молитвъ. Петръ и другіе съ нимъ вооружились топорами, сняли домъ Никодима и стали строить храмъ Божій — первую церковь Христову. Петръ возвратился въ Іерусалимъ, а надзоръ за храмомъ поручили Иосифу.

Въ это время Савле добился отъ первосвященника указа предать заключенію всѣхъ увѣровавшихъ въ Воскресшаго изъ мертвыхъ. Когда Савле приближался къ Дамаску, показался свѣтъ и послышался голосъ: Савле, Савле, за что ты преслѣдуешь меня? — Кто Ты, Господи? — Я І. Христосъ. Иди въ Дамаскъ, и тамъ я велю тебѣ, что подобаешь дѣлать. — Савле принялъ крещеніе отъ Ананіи, Петръ же справлялся о состояніи храма. Послѣдній уже творилъ чудесныя исцѣленія. Былъ въ Луди мужъ Эніа, который 8 лѣтъ лежалъ въ тяжелой болѣзни. Домъ его былъ смежнымъ съ жилищемъ Никодима. Слышалъ онъ о чудесахъ, сотворенныхъ Петромъ. Больной просилъ привести къ Симону—Петру. По просьбѣ Эніа, Петръ возложилъ руку на него и призвалъ во имя Господа исцѣленіе. Въ благодарность Эніа пожертвовалъ свое достояніе на построеніе храма. Прибылъ въ Луди Павелъ, оставшись тутъ недолго, отправился въ Антиохію, а храмъ съ Божьей помощью былъ достроенъ, да будутъ славимы Отецъ и Сынъ и Св. Духъ во вѣки вѣковъ. Аминь ¹⁾.

¹⁾ Апокрифъ этотъ списанъ нами изъ Сборника XI—XII вв., хранящагося въ Тифлис. церковномъ музеѣ. Параллель къ этому апокрифу въ греческой или

Постановленіе Пилата о преданіи Спасителя омерти ¹⁾.

Въ 1550 году въ дни Константинопольскаго патріарха Ісремія было объявлено это распоряженіе Понтійскаго Пилата относительно Спасителя нашего Іисуса Христа, которое нашли въ городѣ Акиліа (?), положеннымъ въ скалу въ прекрасномъ желѣзномъ ковчегѣ, который въ свою очередь находился въ мраморной шкатулкѣ, а въ этой послѣдней—запечатанное постановленіе (Пилата), писанное на пергаментѣ на еврейскомъ языкѣ съ переводомъ на греческій языкъ. Въ немъ было писано: На 17-мъ году царствованія римскаго монарха непобѣдимаго кесаря Тива (Тиверія ?) въ индиктіанъ 12, а возвращеніе солнца 8, съ сотворенія по нашему и еврейскому численію въ 4174 г., со времени водворенія римскаго владычества въ 73 г., съ освобожденія израильтянъ изъ вавилонскаго плѣна—(пропускъ въ текстѣ) и паденія божественнаго царствованія—(пропускъ) въ годъ ипатства надъ римскимъ народомъ Лукіоса Пизіона Паркуса и Павлиноза и перваго ипатства Иллирикоса Валеріоса Палостерака, въ правленіе іудеями Кванта и Фловіоса и твердое правленіе городомъ Іерусалимомъ Пилата, при инспекторѣ надъ нижней Галилеей Ирода Антипатроса, при первосвященникѣ Аняѣ Каіафѣ Агнатосѣ и Маилосѣ, при жрецахъ главнаго храма Рабѣ Амамбелѣ и Іоктоносѣ, при сотникѣ римскаго города Іерусалима Корниліи Сумбагѣ Севастѣ Помпили и Руфосѣ, марта мѣсяца 25 дня... Я Понтійскій Пилатъ, правитель (отъ имени) римскаго царя судилъ и постановилъ въ преторіумѣ смертную казнь Іисусу, именующемуся народомъ Христомъ Назарейяниномъ, рожденному отъ галлилейскихъ родителей, челоуѣку, возбуждающему бунтъ, противнику Моисеева закона и великаго кесаря Тиверія. Посему приказали и постановили предать его смертной казни распятіемъ на крестѣ, какъ принято о злодѣяхъ, ибо Онъ собралъ множество людей богатыхъ и бѣдныхъ и не переставалъ вносить волненіе во всю Іудею, объявляетъ себя Сыномъ Бога и Господомъ Израиля и угрожаетъ Іерусалиму разореніемъ и разрушеніемъ божественнаго храма, отрицаетъ страхъ предъ кесаремъ и дерзаетъ вступать въ городъ Іерусалимъ съ вербами и съ большимъ торжествомъ при участіи народа, какъ нѣкій царь. Отно-

славянской литературѣ не удалось найти, но любопытно, что построеніе первой церкви ставится въ связь съ именемъ Іосифа Аримафейскаго. Начало же апокрифа отчасти приныкаетъ къ извѣстнымъ повѣсткамъ о Страстяхъ Господнихъ.

¹⁾ Въ видѣ дополненія къ предыдущему и приводимъ этотъ апокрифъ изъ сборника поздняго времени XVII—XVIII вв.

нительно его мы велѣли нашему первому сотнику, Квинту Корнелию, чтобы онъ публично повелъ его мучительно связаннымъ по городу Иерусалиму, одѣтымъ въ порфиру, увѣнчаннымъ терновымъ вѣнкомъ, съ крестомъ на плечахъ, дабы показать его всѣмъ злодѣямъ. Мы угодно имѣли съ нимъ разбойниковъ-убійцъ ввести черезъ триумфальныя врата и открыто направить Христа на ту гору Калкарийскую и предать смерти на крестѣ и написать титулъ его на трехъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ (римскомъ) и еврейскомъ; по-гречески такъ: Іисусъ Назареусъ, василевсъ іудонъ, по-латыни такъ: Іисусъ Назареусъ, рексъ іудорумъ, а по-еврейски такъ: Іеса Нанозри, Мелехъ Іелундимъ. Мы приказали, чтобы никто не осмѣлился оказать какое-либо сопротивленіе противъ нашего приговора, ибо онъ постановленъ на основаніи точныхъ римскихъ законовъ, предписанныхъ евреямъ касательно наказанія за бунтъ (волненіе). Свидѣтелями этого нашего приговора являются изъ ипатовъ и дикастовъ еврейскихъ: Рабинъ Банерсолъ и Манданъ, со стороны фарисеевъ—Барбанъ, Симеонъ и Бовалъ; со стороны римскаго царя—Лукіосъ Сестиліосъ и Майемилосъ, со стороны судей израильскихъ—Радамъ Даніель Рабиналъ, Іуаонъ Биниванъ, Радомъ Іудавель и Пирикуламъ и со стороны первосвященниковъ—Рабмавъ Іуда и Бонвасолелс.

„Понтійскій Пилать“.

Подпись сдѣлана церковными буквами (хуцури), а все постановленіе писано гражданскими буквами. Заимствовано оно нами изъ собранія кн. Грузинскаго, хранящагося нынѣ въ СПб. Публичной библиотекѣ подъ № 84. Рукопись, подъ заглавіемъ „Политическій театръ“ въ кожаномъ переплетѣ, писана in folio на сивей бумагѣ черными чернилами (253 стр.). Послѣднія три страницы занимаетъ приведенное постановленіе.

Ф и з і о л о г ъ.

Существованіе „Физиолога“ на грузинскомъ языкѣ до настоящаго времени не было извѣстно въ литературѣ. Только лѣтомъ текущаго года мы удалось открыть этотъ памятникъ въ рукописномъ, такъ-называемомъ, Шатбердскомъ сборникѣ. Переписанъ онъ большею частью вѣнкомъ Іоанномъ въ началѣ X в. въ Шатбердскомъ монастырѣ. Содержаніе сборника крайне разнообразно: открывается онъ словомъ епископа Григорія Нисскаго о сотвореніи человѣка, вторая глава посвящена Словоу Епифанія Кипрскаго о камняхъ, а третье заключаетъ

Слово о звѣрехъ, сказанное Василиемъ, епископомъ Кесарійскимъ. Всѣхъ главъ въ Сборникѣ восемь, изъ которыхъ VI „Обращеніе Грузинъ“ издана уже въ Тифлисѣ и изложено мною въ работѣ „Источники по введенію христіанства въ Грузинъ“. [См. выше, стр. 36 и сл.] IV глава представляетъ хронографъ, именно свѣдѣнія изъ ветхозавѣтной исторіи Персін, Египта, Рима и Византіи съ присоединеніемъ объясненій о происхожденіи еврейскихъ и греческихъ языковъ. V глава заключаетъ различныя толкованія Ипполита, VI Обращеніе Грузинъ, VII Жизнь и дѣяніе епископа Насибскаго и VIII переводъ псалмовъ Давида ¹⁾).

Остановимся на „Физиологѣ“. Матеріалъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ. 1) „Мсуне“, ящерица, σαύρα; 2) левъ, леонъ, λέων; ав-толопосъ λυθίως, ανθόλωψ; 4) „квани дедалмамални“, камни огне-мечущіе λίθοι πυροβόλοι; 5) вить, πρίων (κίτης); 6) каландросъ χαλ-δρείος; 7) „вархви“, ясырь (παλεκονός); 8) „буи“, ночной воронъ νυκ-τοκροχῆ; 9) „орби“ орелъ ἄετος; 10) феникси, φαινίξ; 11) опіопи удоухъ (έτροψ); 12) „каджари“, онагръ ὄναγρος; 13) „аспити“, эхидна ἑχιδνας; 14) „гвели“, змѣя οφίς. 15) „тчинтгвели“ муравей μύρμηξ; 16) мор-скія дѣвы и дѣви, σερήνες καὶ ὑποκένταυροι, сирены и онокентавры; 17) „гзгарби“, ελίνας ежъ; 18) „мели“ ἄλωπηξ лиса; 19) пантера πάν-θηρ; 20) „куи“ черенаха ασπίδοχελώνη; 21) „какаби“, пѣрдиξ куро-патка; 22) „орби“, γυψъ гипсъ; 23) „ломчипчвели“, μυρμηκοχέων мраво-левъ; 24) γαλλῆ ласка; 25) „марторка“, μονοκέρωσ единорогъ; 26) κασ-τρον бобръ; 27) βαινα гіепа; 28) крокодилъ; 29) ихневмонъ; 30) δέν-δρον περίδεξιον; 31) κορώνη воронъ; 32) „гврити“, τρυγών горлица; 33) „мерцхали“, χελιδών ласточка; 34) „иреми“, ἔλαφος олень.

Изъ этого инвентаря видно, что грузинскій Физиологъ заключа-етъ въ себѣ 34 главы. Быть можетъ, въкоторыя главы отсутствуютъ въ моемъ перечисленіи потому только, что въ самой рукописи выцвѣли въ иныхъ мѣстахъ цѣлыя страницы и стали неудобочитаемы. Такъ въ главѣ VIII недостаетъ 3Ѣ строкъ, въ главѣ XIX 30 строкъ, есть главы, въ которыхъ не прочитаны по нѣскольку строкъ. Языкъ пере-вода арханчимъ; и по конструкціи, и лексическому составу онъ зна-чительно отличается отъ современнаго языка и даже языка священ-наго писанія, сохранившаго особенности древняго строенія.

При перечисленіи главъ легко можно было замѣтить, что нѣко-

¹⁾ Текстъ „Физиолога“ обязательно списалъ для меня М. Г. Джанашивили, ко-торому приношу искреннюю признательность. Имъ же изданъ изъ Шатбердоваго Сборника „Медицинскій трактатъ и учебныя книги“ (Тифлисъ, 1891).

торыя изъ животныхъ оставлены безъ перевода и сохранили слѣды, возводящія грузинскій Физиологъ къ греческому оригиналу.

Заглавіе самого памятника носить признаки буквального перевода съ греческаго языка: *φυσιολογος*. Оглавленія нѣтъ. Начинается прямо: „естъ [ящерица], которая называется ящерица солнечная, какъ сказалъ Физиологъ, когда [она] старѣеть, слабѣеть [зрѣніе] обоихъ глазъ и слѣпнетъ и не можетъ видѣть свѣта солнечнаго, то прибѣгаетъ къ какой-нибудь хитрости (=злоумышляетъ), чѣмъ бы сдѣлать себя красивой: приходитъ искать стѣны, которая возвышается на востокъ и входитъ въ расщѣлину стѣны, которая смотритъ на востокъ и при восходѣ солнца открываются ей глаза и молодѣеть.

Такъ и ты человѣкъ, если ты ветхое [созданіе] имѣешь одѣяніемъ, смотри, чтобы глаза сердца твоего не ослѣпли, и если ослѣпнутъ, нищи мѣсто разума восходящаго надъ тобою новаго Спасителя нашего І. Хр., который именуется пророкомъ солнцемъ восходящимъ. Лучъ (=глазъ) того солнца—справедливость откроетъ тебѣ оба глаза и вмѣсто ветхаго содѣется тебѣ новымъ зрѣніемъ. Итакъ, хорошо сказалъ Физиологъ о природѣ каждаго рода.“—Поэтому переводу можно судить насколько близко подходитъ грузинскій Физиологъ къ той его редакціи Моск. синод. библ., которая издана г. Карнѣевымъ ¹⁾. Одно мѣсто является лишнимъ въ грузинскомъ переводѣ сравнительно съ греческимъ текстомъ (отмѣчено курсивомъ).

Гл. II. „Начнемъ о львѣ, который есть царь надъ всѣми звѣрями и животными. Когда Іаковъ благословлялъ Іуду, сказалъ: дѣтенышъ льва, отпрыскомъ изомедшій, сынъ мой!“ и прочее. Огличіе отъ греческой редакціи заключается въ томъ, что по грузинскому тексту слова эти произнесены были Іоаковомъ при благословеніи Іуды, а по-гречески при благословеніи Іосифа. Далѣе сообщается о трехъ видахъ льва. Грузинскій текстъ совпадаетъ съ греческимъ.

Гл. III. Автолопъ. По-гречески звѣрь этотъ именуется *λυθισφ* и только у Псевдо-Евстаѳія *ἄνθολοςφ*. „Есть звѣрь, который называется автолопось. Такъ свирѣпъ и лютъ этотъ звѣрь, что для охотниковъ онъ неприступенъ; онъ имѣетъ длинныя рога на подобіе пилы, такъ что высокія и большія деревья ими пилить. Когда жаждетъ, идетъ къ рѣкѣ Фисону и пьетъ воду.—Какъ въ приведенномъ отрывкѣ, такъ въ остальномъ грузинскій текстъ совпадаетъ съ греческимъ, только вмѣсто Фисона по-гречески читается Евфратъ ²⁾).

¹⁾ Слав. Физиологъ значительно отступаетъ, см. *Карнѣевъ*. Физиологъ. 1890. Спб., стр. 177. Ср. греч. *περίσσωρας ἡλιαχῆς*...

²⁾ Въ слав. Физиологѣ звѣря автолопа нѣтъ.

Гл. IV. Камни огнедышущіе по-гречески открываются словами: οἶνον καὶ γυναῖκας ἀποστρέφεται ἀνὴρ σοφός, а эти слова въ грузинскомъ переводѣ отнесены къ предыдущей главѣ: „найдеши тебя злой охотникъ—дьяволъ, если ты склоняешься къ вину или женщинѣ, о мудрый человекъ“! За этимъ нравоученіемъ непосредственно начинается: „есть камни полевые, мужскіе и женскіе: пока другъ отъ друга удалены, то нигдѣ не воспламеняется огонь, но если соприважаются мужскій съ женскимъ, то вспыхиваетъ огонь и выжигаетъ большое пространство. Стойкіе Самсонъ и Іосифъ, мужи справедливые были введены въ испытаніе изъ-за женщины. Итакъ хорошо сказалъ Физиологъ для разумныхъ, чтобы спастись“. Въ грузинскомъ вѣтъ фразы ὁ γενναϊότητα πολιτεύτα, ἀγγελοὶ εἰσιν ἐν ταρτάρῳ καὶ ζῶφω ἐνεχεν γυναικὸς.

Гл. V. „Есть въ мірѣ животное, называемый ежъ. Крылья у него длинныя, когда замѣтять лодки, дѣлаются имъ подобными и поднимаютъ крылья свои подобно лодкамъ и преслѣдуютъ лодки на разстояніи 40 поприщъ и утомившись, подобравъ крылья волнами уносятся въ то мѣсто, гдѣ они впервые были. Море есть образъ міра, а лодки—свв. пророковъ, которые подобно лодкамъ встрѣчаютъ въ мірѣ силу животную... Ἔστι ζῶον ἐν τῇ θαλάσῃ, πρίων λεγόμενον, πτέρυγας ἔχον μακράς καὶ ἐν ἰδίῃ ἐρχόμενα πλοῖα ἀρμενίζοντα μιμεῖται αὐτὰ καὶ ὑפוὶ τὰς πτέρυγας αὐτοῦ καὶ ἀρμενίζει ἐρίζον τοῖς πλοῖοις... Совпаденіе здѣсь грузинскаго съ греческимъ текстомъ очевидно“).

Гл. VI въ грузинскомъ „Физиологѣ“ сохранила названіе птицы безъ перевода съ греческимъ окончаніемъ. „Есть птица, называемая χαλάνδριος, которая во второй книгѣ Закона Моисея упоминается“. Въ греческомъ не находимъ имени Моисея; тамъ прямо читается: ἐν τῷ δευτερονομίῳ (γέγραπται). Въ славянскомъ переводѣ также не называется Моисей. „Физиологъ сказалъ: она вся бѣла и вѣтъ на ней черноты и внутренности ея лѣчатъ слабость и слѣпоту очей“)... Халадросъ сравнивается по ослѣпительному блеску съ I. Христомъ, не имѣющимъ въ себѣ никакой черноты.

²⁾ Ἔστι ζῶον, λεγόμενον λυθίωψ. δρομύτατον ζῶον σφώδρα, ὡστε κυνηγὸν μὴ δυνασθαὶ αὐτῷ ἐγγίσειν, ἔχει δὲ μακρὰ κέρατα, πρίονος μορφήν ὡστε πρίδειν αὐτὸ τὰ μεγάλα δένδρα καὶ μετέωρα. ὅταν δὲ διψήσῃ, ἔρχεται πρὸς τὸν φοβερὸν Εὐφράτην ποταμὸν καὶ πίει.

¹⁾ Въ славян. вѣтъ этого животного.

³⁾ По-гречески о лѣченіи слабости зрѣнія не говорится, а только объ испѣленіи слѣпыхъ глазъ: τα ἔνδον αὐτοῦ ἀφοδύματα θεραπεύει τοὺς ἀμβλυπῶντας ὀφθαλμοὺς. Ср. слав. и внутренняя его слѣпымъ очи цѣлать. Кармисов, стр. 179.

Гл. VII. Неясить, или пеликанъ, *varxu*. „Хорошо сказалъ Давидъ: уподобился пеликану пустынному и совѣ на развалинахъ. ἐγενόμην ὡσεὶ πελεκάνος ἐρημικός, καὶ ὡσεὶ νυκτὶ κόραξ ἐν οἰκοπέδῳ. Въ славянск. Физиологъ: „о неясити добръ Давидъ глаголетъ: уподобился неясити пустыньнѣи, т. е. не называется сова, νυκτικόραξ. Совпаденіе греческаго съ грузинскимъ текстомъ полное.

Гл. VIII. νυκτικόραξ (*буи*, ночной воронъ). „О ночномъ воронѣ (совѣ) Ф. сказалъ: она любительница болѣе ночи, чѣмъ дня, и Господь нашъ І. Христосъ возлюбилъ насъ, сидящихъ во тьмѣ и сущихъ въ сѣни смертной, Ἀλλὰ περὶ νυκτικόραχός φασιν εἶναι τὸ πετεινὸν ἀγαπῶν τὴν νύκτα ὑπὲρ τὴν ἡμέραν οὕτως ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἠγάπησεν ἡμᾶς, τοὺς ἐν σκότει καὶ σκιᾷ θανάτου καθήμενους ¹⁾).

Гл. IX. *Орби*. „Затѣмъ сказалъ Давидъ объ орлѣ: даобновится, какъ орла юность твоя: Ἀλλὰ ὁ Δαβὶδ ἔλεγεν· „ἀνακκινισθῆσεται ὡς ἀετοῦ ἡ νεότης σου“. Физиологъ сказалъ объ орлѣ: когда состарится и отяжелѣютъ крылья его, слѣпнетъ очами, ищетъ (онъ) источника воды и влетитъ на воздухъ по направлеию порывистаго вѣтра [къ источнику] и зажигаетъ глазъ и крылья и спускается къ источнику и омоетъ трижды и обновляется. И ты если имѣешь одѣяніе (ризу) ветхаго чловѣка и ослабнуть ²⁾ очи, сними ³⁾ ветхое то одѣяніе съ его дѣломъ и облекись въ новое“.

Сравнивая съ греческимъ [и славянскимъ] текстомъ мы находимъ небольшія отступленія отъ него въ грузинскомъ переводѣ: *vm. καὶ ἀνίπταναι εἰς τὸν ἀέρα τοῦ ἡλίου* („взлетитъ на воздухъ совечный“), грузинскій Физиологъ предлагаетъ: взлетитъ на воздухъ по направлеию порывистаго вѣтра... Славянскій переводъ сравнительно съ греческимъ и грузинскимъ Физиологомъ присоединяетъ лишній эпитетъ „чисты“ къ слову „взыщеть“: источника воды *чисты*.

Гл. X. *Феникси*. „Господь нашъ І. Христосъ сказалъ: я могу положить свое тѣло и [имѣю возможность, право] могу снова взять его. Иудеи негодовали на это слово“. Въмѣсто тѣло греческій и славянскій физиологи даютъ: ψυχὴν, душу, при этомъ славянскій значительно отстываетъ отъ греческаго и грузинскаго текста: [Ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἔλεγεν, ср. о фениксѣ, рече Господь въ святѣмъ еуѣанг...].

¹⁾ Ср. слав.: О пощнѣи врагѣ рече поаломникъ былъ яно пощнѣи врагѣ и парыци Физиологъ рече птица си любить ночь паче дне...

²⁾ Ср. слав. „О орлѣ Давидъ глаголетъ обновится яно орла оуность твоя“.

³⁾ Пропускъ двухъ строкъ въ текстѣ.

„Есть какая-то птица въ Индіи, фениксъ. На пятисотомъ году приходитъ къ древамъ ли(в)баискимъ и наполнить крылья свои ароматомъ (ладономъ) и приходитъ въ Арегъ городъ (?) въ мартъ мѣсяцъ (мирвани) или въ маѣ („мѣсяцъ розъ“) и даетъ знать жрецу того алтаря, а жрецъ, избѣщенный, входитъ въ святилище и наполнить жертвенникъ хворостомъ или дровами, и войдетъ птица въ градъ, полная ароматомъ и взлѣзетъ на алтарь, и огонь тотъ воспламенится, и она сама себя сжигаетъ. Утромъ входитъ жрецъ и ищетъ ее на алтарѣ и находитъ червь въ золѣ. На второй день онъ окрывается и дѣлается птенцомъ, какъ впервые простившись съ жрецомъ, взлетаетъ и уходитъ въ прежнее мѣсто.—Если птица можетъ себя нашего“... Итакъ, сравненіе показываетъ, что до конца совпадаетъ грузинскій текстъ съ греческимъ текстомъ Московскою Синодальною бібліотекою.

Ἔστιν πετεινὸν ἐν τῇ Ἰνδικῇ φοῖνιξ λεγόμενον. Καὶ κατὰ πεντακόσια ἔτη ἔρχεται εἰς τὰ ξύλα τοῦ λιβάνου καὶ γομοῖ τὰς δύο πτέρυγασαύτου ἀρομάτων... εἰ οὖν τὸ πετεινὸν ἐξουσιῶν (ἔχει) ἑαυτὸ ἀποκτεῖναι καὶ ζωογονῆσαι πῶς οἱ ἀνόητοι ἄνθρωποι ἀγανακτοῦσιν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ εἰπόντος: ἐξουσίαν ἔχω θεῖναι μου τὴν ψυχὴν καὶ ἐξουσίαν ἔχω. πάλιν λαβεῖν αὐτήν.

Гл. XI. *Օղոնի*, ἔποφ, выпь. „Говоритъ книга: кто злословитъ отца или мать смертью умереть“. Это мѣсто пропущено въ армянскомъ Физиологѣ; далѣе согласно съ греческимъ Физиологомъ передается, что птенцы, замѣтивъ состарѣвшихся и ослѣвшихъ родителей, общипають перья, лижутъ ихъ глаза и возраждаютъ ихъ, говоря, что они воздаютъ родителямъ должное за понесенный ими трудъ по воспитанію дѣтей.

Гл. XII. Канджари, *ὄναγρος*, онагръ. „Говъ сказалъ: „Кто оставилъ канджари свободнымъ“ и пр. Ἡ δὲ νέα ἐγκρατεῖαν пропущенное въ армянскомъ, имѣется въ грузинскомъ переводѣ.

Гл. XIII. Аспити, *ἐχιδνῆ*, эхидна. Глава эта выцвѣла въ грузинскомъ текстѣ и возстановить ее намъ не удалось.

Гл. XIV. Гвеля, *ὄφεις*, змѣя. „Господь нашъ І. Христосъ сказалъ въ Евангеліи: будьте мудры какъ змѣи и невинны какъ голуби. Физиологъ сказалъ: есть три вида змѣи... Слѣдуетъ воспроизведеніе греческаго текста. Конецъ: Отецъ нашъ Адамъ пока былъ нагъ въ раю, не дерзнулъ къ нему приступить злой духъ ¹⁾).

¹⁾ Ἦνίκα ὁ πατὴρ ἡμῶν (Ἄδαμ) ἦν γυμνός ἐν τῇ παραδείσῳ, οὐκ ἔκωσεν κτηδῆσαι ὁ διάβολος εἰς αὐτόν.

Гл. XV. *Тчинтчвели*, *μυρμηξ*, муравей: „Соломонъ говорить въ притчахъ: смотри на муравья и подражай, о лѣнливый!“ Физиологъ сказалъ о муравѣ, что есть муравьи трехъ видовъ²⁾.

Въ толкованіи свойствъ муравья грузинскій текстъ совпадаетъ съ греческимъ Синодальной бібліотеки, въ то время какъ свойство, наложенное здѣсь на второмъ мѣстѣ, поставлено на третьемъ мѣстѣ въ эіопскомъ, армянскомъ, латинскомъ и нѣкоторыхъ греческихъ физиологахъ. Конецъ грузинскаго перевода даетъ тождественное чтеніе съ греческимъ Физиологомъ, гласящимъ: *φεύγετε ἀπὸ Χαλδαίων τῶν καὶ τὰς ψυχὰς καὶ ἀπὸ πάντων ἑτεροδύξων*.

Гл. XVI. Сирены и кентавры. *Σειρήνες καὶ ἱπποκένταυροι*. Исаія пророкъ сказалъ: Тамъ морскія жены и дѣви будутъ плясать и ежи утвердились; греческій даетъ небольшое разночтеніе: *Ἀλλὰ Ἰσαΐας ὁ προφήτης λέγει: ὅτι σειρήνες καὶ δαιμόνια καὶ ἔχθιροι ὀρχήσονται ἐκαί*. Любопытно, что *δαίμονας* переводятся чрезъ дѣви, понятіе усвоенное чрезъ персовъ и до сихъ поръ извѣстное въ народныхъ воззрѣніяхъ. Физиологъ сказалъ о морскихъ женахъ, что онѣ суть причиняющія смерть челоуѣку на морѣ (*θανατηφόρους*). Конецъ грузинскій Физиологъ имѣетъ параллель въ греч. текстѣ: Павелъ сказалъ, и прочее (т.-е. портать умы злыми словами—*ἐθίειρουσι γὰρ ἤθη χρηστὰ ὀμιλίαι κακαί*).

Гл. XVII. *Грзгарби*, *ἐγῶς*, ежъ. Грузинскій текстъ согласенъ съ греческимъ Физиологомъ, но конецъ перваго обрывается на словахъ, соотвѣтствующихъ греческимъ: *καὶ εἰς ζωὴν αἰώνιον ἐκχωρήσαι*. Нашъ памятникъ даетъ 12 копечныхъ строкъ въ неудобочитаемомъ видѣ.

Гл. XVIII. *Мели*, *περὶ τῆς ἀλώπεκος*, о лисицѣ. *Ἀλώπηξ*, лисица. Сказалъ Физиологъ: она очень хитрое и коварное животное. (*Δέλιον εἶναι παντελῶς τὸ ζῶον*). Совпадая съ греческимъ текстомъ, эта глава грузинскаго текста сохранилась до того мѣста, которое начинается словами: *οὕτως ἔστιν καὶ ὁ διάβολος...*

Гл. XIX.—*Асази*, *Πάνθηρ*, пантера также не вполне можеть быть восстановлена (не хватаетъ 30 строкъ); сохранилось только „пантера спокойное и кроткое животное. Когда ѣсть и насытится, то лежитъ на своемъ мѣстѣ и на третій день встанеть со сна“. (Ср. *ὁ πάνθηρ οὖν ζῶον ἐστὶν ἡσύχιον καὶ πρᾶον πάνυ*)

Гл. XX.—*Ἀσπίδοσελῶνη*, *куи*, черепаха съ пропускомъ со словъ ап. Павла начинается: Физиологъ сказалъ: есть животное въ морѣ, которое именуется черепахой („валанакра“, ср. *ἀσπίδοσελῶνη*) и кончается на томъ мѣстѣ, которое по-гречески читается: *τοὺς μικροὺς ἐχθύας νοήσον...*

²⁾ Σολομῶν εἶπεν ἐν ταῖς παροιμίαις κ пр.

Гл. XXI. Какаби, вуропатка, *πέρδιξ*, начинается: „Физиологъ сказавъ о куропаткѣ, что она садится на чужія яйца (ср. *ὅτι ἀλλότρια ὠὰ θάλπει*)... и кончается словами, соответствующими въ греческомъ текстѣ: *οὕτως καὶ ὁ διάβολος ἀρπάζει τὸ γένος τῶν νηπίων ταῖς φρεσίν*, т.-е. глава эта сохранила слова Іеремія и обрывается на толкованіи символическаго смысла этой птицы.

Гл. XXII. „Орби“ *γύψ*. Текстъ дефектенъ: начинается—„Физиологъ сказавъ о коршунѣ, что онъ покоится на высокихъ и трудныхъ скалахъ“. Совпадая во всемъ съ греческимъ текстомъ, грузинскій Физиологъ обрывается на словахъ: такъ и ты (*καὶ σὺ, ὦ ἀνθρώπε*)...

Порядокъ главъ въ грузинской редакціи до XXII включительно слѣдовалъ инвентарю греческаго Физиолога, съ XXIII же главы это совпаденіе въ порядкѣ расположенія матеріала нарушается.

Гл. XXIII грузинскаго физиолога посвящена *ломчинчели*, мравольву (*Μυρμηχολέων*), который занимаетъ 33-е мѣсто въ греческомъ Физиологѣ Синод. библіотеки. Это сказаніе изложено въ двадцатой главѣ въ спискахъ первой группы по Карпѣеву, т.-е. въ вѣиопскомъ, латинскомъ, славянскомъ и др.; въ спискахъ второй группы въ XXII главѣ (въ армянскомъ, сирійскомъ). Въ XXIII гл. это сказаніе дается только грузинской редакціей. Начинается: „Елифасъ Ѡеманскій сказалъ: мравелевъ погибъ, потому что не нашель пищи: *Ἄλλ' ὁ Ἐλιφάξ ὁ Ἰεμανίτης ἔλελεν μυρμηχολέων ὄλετο παρὰ τὸ μὴ ἔχειν βράν*. Въ славянскомъ пропускъ: о мравельвѣ Елифисѣ вемоуньскій царь рече ¹⁾). Совпадая съ греческимъ текстомъ, глава эта неясно сохранила двѣ послѣднія строки и оканчивается на словахъ: *οὐδὲ διστά λέγειν ἐν τῇ προσευχῇ*...

Гл. XXVI грузинской редакціи заключаетъ сказаніе о ласкѣ *γαλῆ*, но сохранилась крайне въ неудобочитаемомъ видѣ. Въ греческомъ Физиологѣ изъ Синодальной библіотеки это сказаніе изложено въ XXXIV гл.

Гл. XXV. Объ единорогѣ, *μονοκέρας* *μαρτορκα* начинается: Физиологъ сказалъ объ единорогѣ, [что] имѣеть такое сложеніе²⁾ и видъ: онъ малыи похожъ на козленка и очень пылкое животное. (*δριμύτατον δὲ „σφόδρα“*)³⁾. Это сказаніе приводится въ греческомъ Физиологѣ Синодальной библіотеки въ 35 гл. въ спискахъ первой группы по Карпѣеву въ 22 гл., въ армянскомъ въ 25 гл., въ архетипѣ сирійскомъ въ 23 гл.,

¹⁾ См. *Карпѣевъ*, оп. с., 285.

²⁾ Въ греческомъ текстѣ нѣтъ слова, соответствующаго въ грузинской редакціи „сложенію“.

³⁾ Въ славянскомъ совершенно наоборотъ: „протокъ же зѣло“.

вообще въ спискахъ второй группы послѣдовательность главъ, начинаемъ съ разсматриваемой, перебила. Въ грузинскомъ Физиологѣ сказаніе останавливается на словахъ, соответствующихъ въ греческой редакціи: ἐξήγερεν γὰρ ἡμῖν χέρας σωτηρίας ἐν δίκῃ Δαυὶδ τοῦ πατρὸς (во груз. „раба“) αὐτοῦ. Этой главой кончается греческій списокъ Синодальной библіотеки.

Гл. XXVI. *χαστόρων*, бобръ. Этому сказанію въ греческомъ Физиологѣ Синодальной библіотеки соответствуетъ 23 глава. „Есть животное кастурьось очень кроткое и молчаливое. Внутренности его служатъ цѣлебнымъ лѣкарствомъ; ἔστι ζῷον, λεγόμενον χαστόρων ἢ πιον πάνυ καὶ ἰσχυρὸν. Любопытно, что „саурвелни“ (внутренности) грузинскимъ Физиологомъ передается словомъ, буквальный смыслъ котораго значить требующій попеченія, т.-е. соответствуетъ основному значенію τὰ ἀναγκαιὰ. Это сказаніе сохранилось съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ предъ концомъ.

Гл. XXVII. *Ανταρι ὑκίνη*, гиена. Это сказаніе въ славянскомъ Физиологѣ утрачено, въ греч. списокѣ Синодальной библіотеки оно приводится въ 24 гл. „Въ законѣ написано: не ѣшь гиены и ей подобныхъ μη φάγῃς δὲ τὸ ἕμοιον (κύνῃ) Грузинскій Физиологъ это сказаніе сохранилъ до того мѣста, которое передаетъ, что гиена нечистое животное.

Гл. XXVIII *κορκοδιλά*, крокодилъ. Въ греческомъ Физиологѣ Синодальной библіотеки эта глава не сохранилась, а греческіе списки Λ и Δ по Карпѣеву излагаютъ эту главу тождественно; только одинъ армянскій начинается ее цитатой: „не должно ѣсть выдры и ей подобныхъ“. Грузинскій Физиологъ же согласно съ славянскимъ приводитъ сказаніе о крокодилѣ безъ этой цитаты, причемъ нашъ текстъ начинается: „Есть другое животное *въ рыцѣ Нилѣ*, подобное выдрѣ, и оно врагъ свирѣпому крокодилу ¹⁾, оно съ виду похоже на ящерицу. другіе говорить, что оно подобно морскому крокодилу. Когда спитъ крокодилъ, то выдры уста“... Здѣсь обрывается грузинскій Физиологъ, значительно отступающій отъ славянской редакціи.

Гл. XXIX. „Есть животное, называемое ихневмонъ, который переводится „виетол“ (?)... За пропускомъ нѣсколькихъ словъ продолжается: приходитъ, обмазывается глиною („каломъ“ въ славян. Физ.), нападаетъ на дракона („змія“ слав. физ.) и хвостомъ прикрываетъ хоботь. Такъ и Спаситель нашъ І. Христосъ“... Глава эта сохранилась неудовлетворительно, однако нельзя не замѣтить отличія грузинскаго текста отъ славянскаго по приведенному отрывку.

¹⁾ „Есть животь, глаголемый поудръ образъ шмѣи пєсєи, врагъ же єсть кєордилови“.

Гл. XXX περιδέξιον. Это сказаніе приводится въ греческомъ Физиологѣ Синодальной библіотеки въ XXXIV гл. „Есть древо, называемое перидексіонъ, которое въ переводѣ значитъ древо угрюмое (?). Растетъ оно въ Индіи, и плодъ его есть самая сладкая изъ всѣхъ сладостей. Голуби приходятъ, садятся на то дерево питаются плодами его и враждуетъ съ нимъ громадный змѣй“... Обрывается глава на словахъ: змѣй тотъ убиваетъ ихъ (голубей) и съѣдаетъ ¹⁾). Въ спискѣ Синодальной библіотеки находилась только вторая половина этой главы.

Гл. XXXI. *Qorani*, κορώνη, воронъ. Въ грузинскомъ Физиологѣ начинается эта глава со словъ: „Физиологъ сказалъ о воронѣ, что онъ монадра и если мужъ умретъ, то жена не сойдется съ другимъ мужемъ“. Сказаніе о воронѣ сохранилось въ удобочитасмомъ видѣ только до приведенныхъ словъ, которыми соотвѣтствуетъ по-гречески: ὁ φ. ἔλεξεν περὶ τῆς κορώνης, ὅτι μόνανδρός ἐστὶν, ἐὰν δὲ ταύτης ὁ ἀνὴρ τελευτήσῃ οὐ θέλει συγγίνεταί ἐτέρῳ ἀνδρὶ.

Гл. XXXII. *Горити*, Τρίγων, горлица. „Въ пѣснѣ пѣсней сказалъ (Соломонъ): голосъ горлицы былъ слышенъ. Физиологъ сказалъ о горлицѣ, что она уединяется и уходитъ въ пустыню и водворяется [тамъ], отдѣльно привыкла жить и среди многихъ мужей не любитъ быть... Грузинскій Физиологъ совпадаетъ съ греческимъ спискомъ Синодальной библіотеки, приводящимъ это сказаніе въ XXXVII гл. ¹⁾).

Гл. XXXIII. *Мерихали*, χελιδών, ласточка. „О ласточкѣ сказалъ Физиологъ, что она разъ родить и никогда другой. Такъ, Спаситель нашъ І. Христосъ разъ рожденъ, разъ распятъ и разъ воскресъ изъ мертвыхъ. Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Отецъ всѣхъ. Хорошо сказалъ Физиологъ о ласточкѣ“. Греческій текстъ (гл. 28) буквально совпадаетъ съ грузинскимъ: Ο φ. ἔλεξε περὶ τῆς χελιδόνος ὅτι ἅπαξ γεννᾷ, καὶ οὐδέτι γεννᾷ ὁ Σωτὴρ μου, ἅπαξ ἐκυσφορήθη, ἅπαξ ἐγγεννήθη, ἅπαξ ἐτάφη, ἅπαξ ἐκ νεκρῶν ἀνέστη. εἰς θεός, μία πίστις, ἐν σάπτισμα. εἰς πατὴρ τῶν ἀπάντων. Καλῶς ὁ φ. ἔλεξεν περὶ τῆς χελιδόνος.

Гл. XXXIV. *Премн*, ἔλαφος, олень. „Физиологъ сказалъ объ оленѣ что онъ большой врагъ дракона и [когда послѣдній] идетъ въ разсѣлину, олень наполнивъ свою челюсти водою источника, входитъ въ разсѣлину,

¹⁾ „Обрѣтыше змии и съѣсть в“. *Картеосъ*, стр. 314.

²⁾ Ἐν τοῖς ἀσμασιν τῶν ἀσμάτων (Σολομών) ἔλεγεν φωνὴ τῆς τρίγωνος ἡχοῦς σφῆ ἐν τῇ γῇ ἡμῶν. Ὁ φ. ἔλεξε περὶ τῆς τρίγωνος, ὅτι ἀναχορεῖ κατ' ἰσίαν ἐν τοῖς ἐρήμοις. ἀναχωρῶν οὖν οὐκ ἀγαπᾷ μέσον πλήθους ἀνδρῶν εἶναι...

куда влѣзъ тотъ драконъ (змѣй) и выливаетъ воду, наполняетъ разсѣлину ту, пока драконъ не выйдетъ и, вступивъ ногами, убьетъ его: Такъ и Спаситель нашъ І. Христосъ убилъ того великаго дракона—дьявола небесною водою, которую имѣлъ по мудрости Божіей; не можетъ устоять водѣ драконъ, а [небесному слову] дьяволъ. Господи, даруй мнѣ мудрость, дабы отверсть уста и сказать хвалу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно во вѣкъ вѣковъ. Аминь⁴. Это сказаніе совпадаетъ съ греческимъ до символическаго его примѣненія. Въ греческомъ Физиологѣ толкованіе слѣдующее: καὶ οὐ, ἀνθρώπε, ἐὰν ἔχης νεκροῦς δράκοντας κερτημένους ἐν τῇ καρδίᾳ σου, κάλεσον τὰ εὐγυγίλια и пр... Этимъ сказаніемъ, приведеннымъ въ греческомъ Физиологѣ Синодальной бібліотеки въ XXIX гл.¹⁾ заканчивается грузинскій текстъ bestiарнаго инвентаря.

Авторъ солиднаго изслѣдованія, посвященнаго Физиологу, г. Карпѣвъ въ результатѣ сравнительно изученія наличныхъ рецензій Физиолога приходитъ къ выводу, что всѣ онѣ восходятъ къ одной общей, которая сохранена преимущественно восточными текстами. Но воплоти ли сохранила эта рецензія первичный обликъ Физиолога эллино-александрійской редакціи, утвердительно онъ отказывается рѣшать, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Судя по относительно древнѣйшей рецензій восточныхъ текстовъ, физиологическій инвентарь представляетъ строго опредѣленный циклъ сказаній: значительныя отступленія отъ этого цикла указываютъ, что данный памятникъ не относится къ числу рецензій Физиолога. Физиологъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, представляетъ, при каждомъ сказаніи, соотвѣтственными символическія примѣненія. Родиною Физиолога, съ большимъ вѣроятіемъ, можетъ быть признана Александрія, а временемъ его составленія эпоха отъ II до III в. по Р. Х. Физиологъ есть памятникъ коллективнаго творчества, а источники его слѣдуетъ искать у античныхъ писателей, въ библейскихъ представленіяхъ, въ отзвукахъ талмудическихъ представленій, въ памятникахъ египетской старины²⁾.

¹⁾ *Акад. Яничъ*. Разборъ книги А. Баряѣва (Отчетъ о 35 присужденіи награды гр. Уваровъ, Спб. 1395) говоритъ, что греческій текстъ „Ф“. Московско-Синодальной бібліотеки, судя по составу и распорядку главъ, принадлежитъ къ старшей редакціи и ближе подходитъ къ теоретически возстановленному первообразу „Ф“, чѣмъ списокъ А у Пятры.

²⁾ Геннелъ оставляетъ мысль о зараженіи Физиолога въ Александрію, и въ виду египетскую родину извѣстныхъ животныхъ Физиолога: солнечная ящерица, крокодилъ, ижевновъ; самыя сказанія о нѣкоторыхъ животныхъ восходятъ къ египетской старинѣ: зачаточныя черты о феникѣ (Вени) находятъ

Исходя из этих положений, в особенности о старшинстве восточных рецензий Физиолога, обратимся к вопросу об отношении грузинского текста к известным в литературе редакциям Физиолога. Насколько можно судить из сопоставления грузинской рецензии, она не может находиться в ближайшем родстве с армянским Физиологом, в виду наличия в последнем нефизиологических животных: тигр, алкопость и пр. Не может восходить к сирийскому Физиологу, в котором встречаем главы о собаке, врате, дрове, петухе, отсутствующие в грузинской редакции. Наконец, инвентарь, порядок главы, не совпадая с известными редакциями греческого Физиолога, выделяет грузинский Физиолог в особую самостоятельную редакцию, прототип которой, по моему мнению, слѣдует искать в греческой литературе.

По авторитетному мнению акад. Ягича ¹⁾ один из признаков древнейшей редакции Физиолога заключается в том, что начало известных глав заимствовано с какого-либо священного текста. Этот признак вскрывается и в грузинском Физиологе. Первая христианская обработка Физиолога состояла в символическом истолковании баснословных свойств животных и лишь языческой „Ф.“, легшей в основание христианского „Ф.“, существовал в виде самостоятельного зоологического трактата.

Монастырский устав. ²⁾

Единственный устав монастырский, дошедший до нас в довольно печальном виде, относится ко времени XII в. Устав этот дан был Сергием (Саркисом) Мхаргрдзели Ваганскому св. Георгия монастырю, расположенному в Тао-Кларджетии. Устав, утвержденный впоследствии сыном Мхаргрдзели и католикосом Георгием, написан между 1191 и 1233 г.

Половина этого устава совершенно исчезла, а другая часть кое-где плохо читается, так как местами чернила выцвели, местами же материал прорван.

в LXXXIII гл. Книги мертвых, а подробности сказания об омагре и обезьяне в одном гереоглифическом календаре; сказание о харадже находим у Фиды, об ихиермонте у египтян Манеона.

¹⁾ Op. cit., стр. 195.

²⁾ *Жордания* Истор. документы Шю-Мгвинской лавры, Т. 1896, стр. 28 и др.

Уставъ касается внутренняго устройства монастырскаго быта. Прежде всего провозглашается, что никто изъ иноковъ не можетъ считаться собственникомъ какого-либо матеріальнаго достатка, ибо писано нельзя служить двумъ господамъ — Богу и мамону. По положенію монаховъ-іереевъ должно быть 24, дьяконовъ 7 и послушниковъ 10. Одинъ изъ іереевъ, отличный словомъ и дѣломъ, приобрѣвшій довѣріе братьевъ и уваженіе ихъ своей безпорочною жизнью, поставляется старшимъ для наблюденія надъ монастырскимъ строемъ. Онъ будетъ пастыремъ и духовнымъ отцемъ всѣхъ.

Въ монастырѣ всѣ равны между собою. За столомъ подается одинаковая порція хлѣба и вина какъ іереямъ, такъ и послушникамъ. За трапезой читаются часы. Если кто-либо нарушаетъ бесѣдой тишину, то трапезарь, послѣ двукратнаго замѣчанія, выводитъ его со стола. Пища иноковъ должна быть простая. Только для почетныхъ гостей она дополняется новыми блюдами. Но болѣе трехъ дней гости не должны оставаться въ монастырѣ. Женщины вовсе не допускаются въ иноческую обитель.

Одинъ изъ монаховъ имѣетъ надзоръ надъ больными братьями. Онъ ухаживаетъ за ними, подаетъ пищу, утѣшаетъ ихъ, трижды обходя кельи недугующихъ. Кромѣ того, среди монаховъ различаются игумень, протоіерей и экономъ, которые получаютъ для своего обезпеченія больше остальныхъ: первому назначается шесть дукатовъ, второму и третьему по четыре дуката, а послушникамъ по ботинату и дукату ¹⁾.

Безъ разрѣшенія и благословенія настоятеля иннокъ не можетъ не отлучиться изъ монастыря. Онъ пользуется только даннымъ ему опускомъ. Никто изъ братьевъ не имѣетъ права въ монастырѣ торговать, отдавать деньги въ ростъ крестьянамъ. Уличенные въ ростовщичество изгоняются изъ монастыря. Безпокойные и непослушные, нарушающіе благопристойность обители, не могутъ оставаться въ монастырѣ. До появленія бороды не слѣдуетъ вводить въ монастырь никого изъ дѣтей или братьевъ. Настоятель заботится о строгомъ соблюденіи этихъ правилъ и если онъ бездѣтеленъ, то лишается своего почетнаго положенія. Лицемеровъ, пьяницъ, корыстолюбцевъ, стремящихся поживиться насчетъ монастыря, уклоняющихся отъ молитвы, слѣдуетъ наставлять, а потомъ изгонять, но по тщательномъ изслѣдованіи, а не по клеветѣ. Имущество изгнанныхъ составляетъ общее достояніе иноковъ. За непослушаніе игуменомъ налагается зыгтемія.

¹⁾ Объ этихъ монетахъ см. дальше въ гуджарѣ Давида Возобновителя.

За монастырскими сельскими имѣніями имѣють надзоръ поставленныя братіей міряне, и только въ случаѣ нужды отправляется для контроля одинъ изъ опытныхъ и умныхъ послушниковъ. Іерей и дьяконы всегда должны оставаться служителями алтаря. Излишнее пристрастіе къ напиткамъ и пищѣ строго воспрещается, ибо обжорство есть мать всякой скверни. Доходы, поступающіе за литургіей, обращаются въ пользу приносящихъ безкровную жертву, а если дѣлается вкладъ, то половина приобщается къ монастырской казнѣ, а половина дѣлится между братьями.

Ни одинъ изъ иноковъ не можетъ завѣщать своего достатка постороннему лицу. Братья служатъ по покойникѣ обѣдню и устраиваютъ тризну, распредѣлявъ все оставшееся его имущество на двѣ части—одну въ пользу монастыря, а другую въ пользу иноковъ.

Въ концѣ читаемъ, что уставъ этотъ написанъ Мхаргрдзели для его монастыря и призывается проклятіе надъ тѣмъ, кто его нарушитъ. Онъ предлагаетъ для свѣдѣній уставъ читать три раза въ годъ: въ день Св. Θεодора предъ постомъ, въ день Св. Троицы и въ день Воздвиженія Креста. Вновь вступающему иноку долженъ быть прочитанъ уставъ для удостовѣренія, что онъ будетъ подчиняться опредѣленному монастырскому порядку.

Къ *юридическимъ* актамъ, кромѣ приведеннаго устава мы относимъ постановленія вселенскихъ и мѣстныхъ соборовъ, сигели съ гуджарами. Послѣдніе дошли до насъ въ большемъ количествѣ и отчасти уже изданы ¹⁾.

Первое наше свѣдѣніе о соборѣ, созванномъ въ Грузіи, восходитъ къ X в., именно ко времени царя Баграта Ш. На этомъ Артануджскомъ соборѣ выступилъ Евѣимій Грдзели противъ армянскаго проповѣдника Состена. Состенъ ² явился къ Баграту и сталъ превозносить себя и унижать православную церковь. Съ нимъ вступили въ пренія Мелвадзе Цурцкабели, Григорій Абусеридзе, но сочли себя слабыми и предложили царю вызвать Евѣиміа Грдзелидзе, прибывшаго къ тому времени изъ Іерусалима къ архіепископу въ Антахъ. Грдзелидзе явился ко двору; побесѣдовалъ онъ съ Состеномъ и, отразивъ его нападки, скло-

¹⁾ См. I т. актовъ Кавказ. археогр. комиссіи. *Пурцеладзе*: Дворянскія грамоты; церков. гуджары; крестьянскіе акты. — *Мои изданія*: Гуджары (на груз. яз., Кутаисъ, 1891), Дворянскіе акты и родословные росписи. Москва. 1893 г. Въ журналѣ *Моамбе* за 1896 и 1897 г. отдѣлъ „Древности грузинскія“ и др.

² *Жорданія*. I. 126. *Сабининъ*. Рай Грузіи, 615, 621.

вилъ его къ мнѣнію о истинности православія. Этотъ соборъ имѣлъ въ виду отстоять ученіе православія противъ ереси монофизитовъ.

Къ первой половинѣ XI в. относится соборъ при Багатѣ IV. По настоянію Георгія Святогорца созывается соборъ, на которомъ опредѣляются правила касательно возведенія въ духовный санъ, нравственныхъ обязанностей ихъ по отношенію къ паствѣ и др. (см. у меня выше стр. 80).

При Давидѣ Возобновителѣ въ 1103—1104 г. издаются постановленія такъ называемаго Руисскаго собора, созваннаго для востановленія порядка въ церковной жизни, поколебленной владычествомъ иноиѣрцевъ, и очищенія общественной нравственности отъ суевѣрій и предразсудковъ.¹ (См. выше).

Съ этою же цѣлью при цар. Тамарѣ въ 1184—5 г. происходитъ соборъ при участіи Николая Гулабридзе, вызваннаго изъ Іерусалима. [Ему же принадлежитъ сочиненіе о чудесахъ живоноснаго древа Мцхетскаго].

Къ отдѣльнымъ памятникамъ, нормирующимъ общественную или церковную жизнь, принадлежитъ замѣчательный манускриптъ X в., нашедшійся въ рукахъ Тишендорфа и нынѣ хранящійся въ Сиб. Академіи наукъ. Памятникъ этотъ списанъ съ *древняго* оригинала „грѣшнымъ Іоанномъ“ и заключаетъ въ себѣ, помимо способа счисленія грузинской хронологіи (короникона въ 532 года въ кругѣ), свѣдѣніе о „Каландоба“ [см. I в.] или Календѣ, сказанной пророк. Ездрой²).

Рукописи 1022 г. Общества распростр. грамотности среди грузинъ въ Тифлисѣ (№ 143) и Тифлис. церков. музея 1031 г. (№ 96) представляютъ древнѣйшій переводъ постановленій VI вселенскаго собора, сдѣланной Захаріемъ Валашкертели. Переводъ этотъ предшествовалъ воспроизведенію тѣхъ же постановленій св. Евѣиміемъ. Въ этотъ трудъ Валашкертели входятъ еще каноны Іоанна постника, духовные законы и чинъ освященія церкви³).

Къ древнѣйшимъ сгегламъ и гуджарамъ относятся: актъ 1040 г. ц. Баграта Курополата, выпросившаго у визант. императора Василія матеріально помощи для возстановленія Мцхетскаго храма⁴); сгегель

¹ См. I вып. „Очерковъ“, стр. 303—4.

² Постановленіе переписаны Арсеніемъ Никалтойскимъ, ямбическіе стихи котораго читаются въ пергаментномъ апостолѣ Тифл. Церк. Музея (№ 137). Тамъ же сохранились „ябмы“ Ефрема Мцире.

³ *Жорданія*, Хроника I, 155, 163, 169, 172.

⁴ *Ibid.* 101 стр. Ср. въ Хрест. *Чубинова*; *Бакрадзе*. Статьи по исторіи... стр. 24.

1020 г. католика Мельхиседека ¹⁾ о различных пожертвованіяхъ въ пользу Мцхетскаго храма, возобновленіе котораго относится къ этому времени. Гуджаръ 1178 г. царя Георгія о повинностяхъ въ пользу Самтавійской каведры и грамота царя Ваграта IV 1058 г. Шіомгвимской обители. Въ сигеляхъ и гуджарахъ мы находимъ свѣдѣнія о построеніи храмовъ и монастырей, о приношеніяхъ этимъ сватынямъ благочестивыми царями и вельможами, о духовной юрисдикціи и повинностяхъ въ пользу церкви, о платѣ за дворянскую кровь и организаціи внутренняго управленія—судъ, администрація, финансы. О значеніи этихъ памятниковъ умѣстѣе говорить въ исторіи культурной, а не въ исторіи словесности. Но для образца мы приводимъ одинъ гуджаръ и одинъ сiegelъ.

Гуджаръ Давида Возобновителя, ² данный Шіомгвимской обителю.

Въ числѣ древнихъ актовъ Грузино-имеритинской Синодальной конторы имѣется пергаментный свитокъ № 33, писанный строчными грузинскими церковными буквами „хуцури“. Т. е. чернила выпѣзли, то большая часть текста въ позднѣйшее время подновлена новыми чернилами, вслѣдствіе чего, къ сожалѣнію, смыслъ завѣщанія по мѣстамъ значительно затемнился.

Завѣщаніе это представляетъ одинъ изъ замѣчательныхъ остатковъ древней грузинской письменности съ собственноручною подписью царя Давида Возобновителя. Кромѣ того, завѣщаніе даетъ новыя историческія свѣдѣнія, дополняющія и разъясняющія изданную грузинскую лѣтопись и проливающія свѣтъ на жизнь и порядки управленія древнихъ грузинскихъ монастырей. Въ немъ встрѣчаемъ новое свѣдѣніе о томъ, что главный храмъ Шіомгвимскаго монастыря построенъ Давидомъ Возобновителемъ. Наконецъ, завѣщаніе, характеризуя личность самаго царя, даетъ весьма интересное для исторіи Грузіи свѣдѣніе о томъ, что правитель Дзагамъ и его сынъ, лжеепископъ Модестость, преслѣдуемые царемъ, какъ „противники и ненавистники Бога“, укрылись въ крѣпости Шіомгвимскаго монастыря, но, при содѣйствіи иноковъ этой лавры, попали въ руки царя.

Краткость повѣствованій лѣтописи о царствованіи Давида простирается до того, что о самыхъ выдающихся событіяхъ его времени, описанныхъ современными царю армянскими и мусульманскими писателями, упоминается только вскользь или ограничивается однимъ наме-

¹ Чубинговъ. Хрестом. 208—208. Ср. Жорданія. Хроника... II, 31.

² Написанъ въ 1128 г. Памятникъ издалъ Ф. Жорданія (Тифлисъ. 1895 г.).

ками. Это объясняется тѣмъ, что лѣтописецъ царя Давида имѣетъ въ виду не описаніе событій его царствованія, а характеристику личности самаго царя, какъ мудраго правителя, храбраго воина и достойнаго сына православной церкви. Лѣтопись умалчиваетъ о томъ слишкомъ важномъ обстоятельстве, что съ 1089 по 1092 годъ Давидъ царствовалъ не одинъ, а раздѣлялъ, какъ видно изъ двухъ манускриптовъ, управление съ отцемъ своимъ Георгіемъ II.

Кто былъ Дзагамъ, въ чемъ провинились онъ и его братъ предъ царемъ и какая судьба постигла ихъ? Изъ завѣщанія усматривается, что кахетинскій владѣтель Аварманъ, цѣною измѣны Христу, возвратилъ себѣ Кахетію, занялъ при помощи сельджуковъ крѣпости Зеда-Задени (противъ Мцхетъ, на горѣ), Мухранъ и затѣмъ постепенно и остальную часть Грузіи, отбросивъ царей Георгія и Давида за границы Лихскихъ горъ. Упоминаемый въ завѣщаніи Дзагамъ, вѣроятно, есть тутъ самый вельможа, который, измѣнивъ царю Давиду, передалъ Аварману принадлежавшія грузинскому царству крѣпости Мухранъ и Зеда-Задени.

Пользуясь смутнымъ временемъ, Дзагамъ, какъ видно изъ завѣщанія, захватилъ въ руки вотчины Мцхетскаго патріаршаго собора, Цилканской каеэдры и Шіомгвимской лавры. Послѣднюю Дзагамъ обратилъ въ крѣпость, въ которой помѣстилъ своихъ людей, возвелъ въ санъ епископа своего брата, Модистоса, поручилъ ему управленіе богатой Цилканской епархіи и чрезъ него захватилъ значительную часть изъ богатствъ Цилканскаго и Мцхетскаго соборовъ. Тиранинъ Дзагама скоро положенъ былъ конецъ. Около 1096 г., когда первые крестоносцы отвлекли значительныя силы турокъ-сельджуковъ отъ границъ Грузіи, Давидъ завладѣлъ Карталиніею, Тифлисомъ, кромѣ цитадели его, и восточной половиной Кахетіи. Въ 1101 г. и крѣпость Задени была взята; но Дзагамъ успѣлъ бѣжать и укрылся въ укрѣпленіяхъ Шіомгвимскаго монастыря вмѣстѣ съ братомъ своимъ Модистосомъ. Царь взялъ Мгвимскую крѣпость, причемъ самъ Дзагамъ достался ему въ плѣнъ. О дальнѣйшей судьбѣ Дзагама завѣщаніе говоритъ, что отецъ царя Давида, Георгій II, вопреки настояніямъ сына, возвратилъ Дзагаму нѣкоторыя изъ земель бывшаго его фамильнаго мадѣннѣ въ предѣлахъ Мухрани и крѣпости Зеда-Задени. Давидъ, не желая нарушать воли отца, позволилъ Дзагаму пожизненно пользоваться означенными церковными вотчинами, но въ завѣщаніи опредѣлялъ, чтобы послѣ смерти Дзагама онѣ были возвращены церкви.

Лжеепископъ Модистосъ былъ низложенъ истинными пастырями. Лѣтопись Грузіи свидѣтельствуетъ, что въ 1103 г. царь Давидъ со-

звалъ соборъ изъ представителей грузинской церкви въ окрестностяхъ Руиси и Урбииси (Руисско-урбнисскій соборъ), который исправилъ всѣ ошибки, вкравшіяся въ управление церкви и ввелъ всюду благочиніе, а недостойныхъ епископовъ лишилъ каедръ и предалъ анафемѣ¹⁾.

„Волею Божіею предъ отправленіемъ въ походъ на Ширванъ я посѣтилъ Шіомгвинскій монастырь и обратился къ прибѣжищу моему, св. Шіо, съ молитвою о дарованіи мнѣ помощи. Я нашелъ, что мною воздвигнутый храмъ, (въ Шіомгвинской лаврѣ) выстроенъ. И я получилъ благословеніе отъ всѣхъ иноковъ монастыря. Монахъ Арсеній, надежда и просвѣтитель мой, приказалъ мнѣ написать это завѣщаніе. Богъ постоянный въ своихъ милостяхъ своими благодѣяніями осыпалъ и меня, недостойнаго, совершенно лишеннаго благодати, и неблагогодарнаго. Онъ, однако, не презрѣлъ и на испокорную душу мою не переставалъ до сего дня изливать обычныя свои милости съ того самаго времени, какъ довѣрилъ мнѣ Имъ же управляемое царство, предавая истребленію (черезъ мои руки) явныхъ противниковъ своего домостроительства и не допуская лукавствъ тѣхъ, которые тайно покровительствовали лукавымъ²⁾. Одинъ изъ таковыхъ, Дзагамъ, дерзнулъ употребить насиліе даже противъ Бога. Безчинствуя вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Модистосомъ, лже-архіереемъ, онъ обратилъ благодѣянія своихъ патроновъ въ острия стрѣлы противъ нихъ, а сынъ его, Модистосъ, благодѣянія Божія обратилъ противъ Бога, похитивъ церкви для удовлетворенія тщеславія. Но неизслѣдуемый судъ Божій не допустилъ этого, и жезлу грѣшника не позволилъ коснуться достоинства праведника: пастырь, не дверьми вошедшій въ церковь, былъ изверженъ истинными пастырями, а Дзагама, успѣвшаго бѣжать и укрѣпиться въ Шіомгвинской пустыни, Богъ отдалъ мнѣ въ руки, при чемъ иноки Мгвинскіе оказали мнѣ немалыя услуги. Возрадуется Господь, когда явится мститель! Въ Шіомгвинской пустыни я возрадовался при видѣ вождѣльнаго собранія иноковъ и наполнился радостью. Я немедленно пригласилъ къ себѣ монаха Арсенія и объявилъ ему мою волю, поручивъ ему построить въ центрѣ монастыря храмъ во имя пресв. Богородицы. Я нашелъ [вынѣ] храмъ этотъ уже выстроеннымъ. Инокъ

¹⁾ Приводимъ извлеченіе изъ гуджара.

²⁾ Указаніе это совершенно подтверждаетъ сказаніе лѣтописи о томъ, что противъ Давида возставали Липарить Эрставъ, сынъ его Рать и разныя лица изъ войска царя, но злоумышленія ихъ были разрушены (Brosset. Hist. de la Géorg. I, p. 351—354; 375; 379).

Арсеній, надежда моя, равно какъ и духовникъ мой, инокъ Іоаннъ, велѣи мнѣ, чтобы я ввелъ въ Мгвимскій монастырь уставъ св. Симеона (Столпника) ¹⁾, каковой уставъ, этими же отцами написанный, я нашелъ въ монастырѣ, какъ вѣрный указатель пути благочестивой жизни и ангельской гражданственности, и опредѣляющей, чтобы иноки, будучи исключительно посвящены Богу и заботясь не о мірскомъ временномъ, а только о Богѣ, оказались достойными ходатаями передъ Нимъ. Если Богъ не удостоитъ меня видѣть его освященіе, то инокъ Арсеній, у котораго имѣются данія ему мною константы и перлеры ²⁾, пусть освободитъ зданіе храма отъ подставокъ для поддержанія сводовъ, оштукатуритъ и разрисуеъ его. Сынъ же мой, Деметре, совмѣстно съ благословеннымъ архивнѣжникомъ и моими иноками, пусть освятитъ его рукою католикоса Іоанна, при соучастіи епископовъ Имеретіи и Амеретіи (восточной Грузіи). Всѣ вотчины, пожертвованныя этой святой пустыни по дарственнымъ грамотамъ отцовъ и дѣдовъ моихъ, но отъ злобы временъ отошедшія отъ монастыря, я возвратилъ монастырю, обновивъ его стѣны (дарственные записи).—Кромѣ того, всѣ вотчины, какъ пожертвованныя царями и разными владѣтелями, такъ и купленные монастыремъ въ незапамятное время, я уже совершенно освободилъ отъ податей и пошлинъ и отдалъ св. отцу Шіо свободными отъ всякихъ повинностей.

Кромѣ того, всѣ имѣнія, купленные монастыремъ и мною пожертвованныя (въ г. Тифлисѣ), равно какъ и тѣ, которыя впредь будутъ пріобрѣтены, я освобождаю отъ всякихъ пошлинъ и налоговъ въ пользу царской казны.

Такъ какъ уже состоялось опредѣленіе главы нашей вѣры, господина католикоса Іоанна, по которому все населеніе вотчинъ Шіомгвимскаго монастыря по суду церковному подлежитъ этому монастырю, то да производитъ судъ въ этихъ вотчинахъ Мгвимскій діаконь, и пошлины пусть употребляются на покупку масла для монастыря. Т. к. миро доставляетъ мое церкви католикосъ, то пусть его поминаетъ священникъ вмѣстѣ съ прежними католикосами. Пожертвованныя мною хрустальныя, базиджевыя и стеклянныя люстры, которыя инокъ Арсеній

¹⁾ См. выше уставъ монастырскій, стр. 328.

²⁾ Константами наз. деньги съ изображеніемъ греческаго императора Константина Мономаха, XI в. „Перлеры“ часто употребляются въ аганахъ (синаодикахъ) юлианскаго манускрипта XI в., вывѣ хранящагося въ Тифл. церк. музеѣ (о монетахъ, употребившихся въ Грузіи, см. Brosset: Introduction et tables des matières, р. LXXVII—LXXXV).

поставилъ, никто да не осмѣлится взять. Подсвѣчники, церковные сосуды и другія всѣ вещи, принадлежащія церковному служенію, пусть будутъ приобрѣтены на тѣ тридцать литръ серебра ¹⁾, которыя выданы Арсенію. Воскъ пусть своевременно доставляютъ въ монастырь купцы, какъто уже опредѣлено мною. Пища для иноковъ: хлѣбъ и фрукты сушенныя, вѣсомъ 500 драмъ ²⁾, пусть всегда выдаются. Вино пусть доставляютъ въ монастырь крѣпостные монастырскіе непосредственно послѣ собиранія винограда, соотвѣтственно урожаю, каждый по одному сацкави (16 бутылокъ). Остальные доходы: судебныя пошлыны, доходы отъ лавокъ, маслобоенъ и мельницъ, пусть дѣлятся между братьею на одежды. Нынѣ мною пожертвованы монастырю тридцать муловъ. Монастырь имѣеть издревле приобрѣтенное по особому письменному акту право безошлинной пастбы 3000 овецъ въ горахъ и долинахъ, (принадлежащихъ государству). Нынѣ я еще жертвую монастырю 5000 овецъ. Эти 5000 овецъ пусть пасутся безошлинно, какъ царское стадо, наряду съ государственными стадами. Доходами отъ стада пусть пользуются слѣдующимъ образомъ: на деньги, вырученныя отъ приращенія, пусть покупаютъ муловъ; шерсть пусть идетъ на монастырскую прислугу, а продукты отъ молока—въ пользу братіи. Жертвую монастырю 100 коровъ, которыя пусть безошлинно пасутся въ Триалетскихъ горахъ, въ Мухрани. Лишнія коровы (приплодъ сверхъ 100) пусть продаются для покупки необходимыхъ для монастырской службы муловъ и лошадей, а быковъ пусть употребляютъ на работы въ населенныхъ монастырскими крестьянами земляхъ.

Драгоценныя камни и жемчуги, назначенныя мною на украшеніе моея иконы, и два хрустальныхъ подсвѣчника пусть будутъ дѣлкомъ употреблены на нее. Хрустальную чашу и дискосъ назначаю на употребленіе во время обновленія даровъ. Остальные же сосуды,—добычу отъ персовъ,—порученныя мною инокъ Арсенію и духовнику моему Іоанну,— пусть сыпъ мой Дсметре пошлетъ въ свое время въ мой монастырь. А древо жизни и мощи святыхъ въ двухъ полныхъ ящикахъ пусть остаются въ этомъ самомъ моемъ храмѣ. Во всѣ пятницы великаго поста пусть раздають инокамъ и народу теплую просфору въ мое воспоминаніе. А въ пятницу великой седмицы пусть подаютъ молящимся по одному красеулу [чашѣ] вмѣстѣ съ просфорою и пшеномъ (кутъя).

¹⁾ Литра равняется 9 ф. таланта; 30 литръ = 6 пуд. и 3 ф. Изъ одного акта видно, что въ 1600 г. одна литра серебра стоила 299 руб. 52 к.

²⁾ Драма—драхмѣ см. Д. Бакрадзе „Путешествіе по Гуріи и Аджаріи“, стр. 331.

Испивая чашу вина, пусть провозносят слѣдующую молитву: „Господи Боже, прости Давиду грѣхи его юности и невѣдѣнія!“ Начальникъ Мгвимскій пусть въ каждый воскресный день служить въ моей церкви въ мое воспоминаніе и въ эти дни пусть устраиваетъ молящимся трапезу.

Въ тотъ день, когда я буду раздѣленъ отъ этого вѣсчастнаго многогрѣшнаго тѣла, пусть всѣ иноки монастыря отправляютъ всюнощное бдѣніе, творятъ молитву и служатъ божественную литургію. Сохастери [отдѣленіе монастыря] пусть управляется, и поминаніе происходитъ, какъ установилъ просвѣтитель мой Арсеній ¹⁾. Я уже пожертвовалъ большое пахатное поле въ с. Мухрани (въ пользу Сохастери) св. Симеона Чудотворца, воскресившаго трехъ дневнаго мертваго. Послѣ смерти Арсенія пусть будетъ опредѣленъ туда богобоязненный священникъ для неопустительнаго отправленія службы. Изъ Тифлисскаго саамидо (казначейство) выдадутъ сто дракановъ ²⁾, какъ объ этомъ я уже собственноручно написалъ въ указѣ. Въ тотъ день, въ который Богу угодно будетъ отозвать меня, эти деньги пусть раздѣляютъ священникамъ и пѣвчимъ.

Отъ доходовъ изъ пахотныхъ земель и садовъ на площади Турата пусть выдаются по одному красеулу вина, на каждаго молящагося и по одному печеному хлѣбу въ память души моей. Зе-Заденскую крѣпость и Мухранъ отецъ мой вопреки моему желанію пожаловалъ Дзагаму въ виду того, что этими мѣстами владѣли и прежніе единофамильцы ихъ, но никто изъ нихъ никогда не былъ намъ вѣренъ. Нынѣ Дзагамъ обратилъ въ свое жилище даже наиважнѣйшія каедрь, хотя и прежде, при царствованіи отца моего, эти земли въ записяхъ значились собственностью епископскихъ каедрь. Находящіеся на горѣ крѣпость, винный погребокъ, принадлежащіе церкви и монастырю (Шіомгвимскому), равно какъ и селеніе Матури и самый этотъ Мгвимскій монастырь, пусть будутъ служить Дзагаму мѣстожительствомъ и крѣпостью. Когда же обратится ложь его на главу его (умереть), то возвратите церкви всѣ присвоенныя Дзагамомъ вотчины и имѣнія монастырскія. Никто и не осмѣлится отчуждать отъ церкви сіи монастырскія вотчины. Согласно съ письменнымъ завѣщаніемъ самого блаженнаго Шіо, свѣта иноковъ, начальника Мгвимскаго и господина надъ аврами мгвимскими, пусть иноки Мгвимской лавры творятъ молитву только за царя, какъ объ этомъ учить и само святое писаніе. Отнынѣ поручаю монастырь вѣдѣнію Симсона, архіепископа бедійско-ала-

¹⁾ Изложеніе этого акта см. въ „Церков. актахъ“: *Д. Пурцеладзе* стр. 94—6.

²⁾ Драканъ по опредѣленію же Броссе 1½ рубля (Introd., p. CLXXIX).

вердскаго: пусть онъ печется о монастырскихъ нуждахъ. Когда умреть начальникъ лавры, то братія пусть избираетъ другого по порядку, установленному обычаемъ, чрезъ метаніе жребія на могилѣ св. Шіо. Избраннаго пусть представлятъ намъ, а мы вручимъ ему посохъ и поручимъ управленіе монастыремъ. А васъ, будущихъ царей, заклинаю днемъ нашей встрѣчи предъ Господомъ,—дабы вы въ тотъ день не посрамялись предъ лицомъ Бога и его ангеловъ,—управляйте этимъ монастыремъ и моимъ храмомъ согласно съ этимъ моимъ завѣщаніемъ. Помните просьбу мою и никогда не забывайте меня, Давида, усердно посѣщайте построенную мною церковь и никому не позволяйте снова поработить эту славную лавру. Если послѣ этого нашего завѣщанія царь, епископъ, чиновникъ или крестьянинъ помыслитъ измѣнить это мое завѣщаніе или кто отниметъ у монастыря,—на того, о Ты, безначальный и безконечный Богъ, обрати безконечный гнѣвъ Твой! Да исчезнетъ съ лица земли наслѣдіе его отъ него, да будутъ обречены истребленію; отними у нихъ, о Боже, разумъ, сознаніе и видѣніе! А ты, пресв. Богородица, при раздѣленіи его отъ плоти, отдѣли его отъ части спасенныхъ и отомсти ему, какъ Ты отомстилъ Нестору еретику! Ты же, св. Богоносный отецъ Шіо, въ тотъ день когда воссядетъ Христосъ судить всѣ племена, разсуди его и, отъ имени Бога, отомсти ему, какъ твоему оскорбителю! Если Богъ дастъ мнѣ время, и я напишу другое новое лучшее завѣщаніе, то вы, святѣйшіе католикосы и всѣ преосвященные, утвердите его вашими канонами, воспрещеніемъ, проклятiями на нарушителей этого завѣщанія и отлученіемъ ихъ отъ общества христіанъ. А если у меня не будетъ времени написать другое завѣщаніе, то утвердите это самое. И кто, по какой бы то ни было причинѣ, будетъ причинять Мгвимскому монастырю лишенія, таковой да будетъ неразвязно связанъ вашими канонами⁴.

Сигель, или актъ XI вѣка ¹⁾.

... (Предстали) въ присутствіе наше, въ резиденціи нашей въ Кутатисѣ, отцы мидждазорцы и отцы опизарцы, изъ которыхъ мидждазорцы привели (принесли) иконы св. апостоловъ Петра и Павла съ мощами св. апостола Вареоломея, вмѣя съ собою сигелы эристава эриставовъ Гургена, цара царей Гургена, дѣда моего куропалата Баграта и отца моего царя Георгія, коими тѣ лѣса и границы утверждены за нимъ, при непреложномъ свидѣтельствѣ католикосовъ и

¹⁾ *Бакурдзе*. Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи.

преосвященных; опизарцы же предъявили данный имъ мампаломъ Гварамомъ актъ, въ силу котораго они оспаривали у миджнадзорцевъ тѣ лѣса и границы; но въ сигеляхъ миджнадзорцевъ актъ мампала Гварама не значился ни утвержденнымъ, ни отмѣненнымъ. Намъ тревожилъ раздоръ миджнадзорцевъ и опизарцевъ, ибо святныя пустыни ихъ основаны были для мира и спокойствія, какъ и для молитвы за насъ царей, и намъ усердствуютъ. Взявъ мольбамъ ихъ, благословеніемъ Бога и благодатью святыхъ, я созвалъ при дворѣ нашемъ преосвященныхъ, эриставъ эриставовъ, эриставовъ, свѣдущихъ въ дѣлахъ суда азнауровъ всѣхъ ущелій Верхней и Нижней страны и, посадивъ ихъ въ присутствіи нашемъ, прочитали акты тѣхъ и другихъ и, выслушавъ отъ обѣихъ сторонъ надлежащія словесныя объясненія, дали имъ уразумѣть, что подписей (царей) много (на сигеляхъ миджнадзорцевъ), и всѣ они дѣйствительны, и отмѣнить тѣ акты намъ не подобало и мы не могли отяготить души предшествующихъ царей; при чемъ, если бы мы отпустили опизарцевъ безъ удовлетворенія, то они остались бы въ горѣ, и мы въ томъ усмотрѣли бы свою вину. Посему и въ моленіе за мое величество и за сына моего куропалата Георгія, какъ и за души бывшихъ царей, мы разсудили ихъ дѣло такъ: лѣса и границы, какъ это писано въ сигеляхъ предшествовавшихъ царей, съ нежевыми знаками: съ юга рѣка Самцирись-цвали до слиянія ея съ рѣкою Шавшетись-цвали и Тахарись-кде по хребту, съ запада Еджаанта-кеди и съ сѣвера дидубскій Хертвисъ и Сакатмись-кари по хребту; большой хребетъ Ертъ-кари суть безспорное достояніе миджнадзорцевъ, и по сю сторону хребта опизарцы и снесельцы никакого права не имѣютъ: могутъ они только косить; но чтобы и опизарцевъ удовлетворить, въ моленіи за душу мою, я отказался отъ своей доли, ибо, взявъ за службу намъ мамасахлиса деревню Бареванъ, отдалъ ее опизарцамъ въ кормленіе и, такимъ образомъ, покончилъ споръ и тяжбу, дабы обѣ святныя пустыни пребывали въ безмятежномъ мирѣ и молились за мое величество, за сына моего куропалата Георгія и за бывшихъ царей, строителей и жертвователей, да предстательствомъ святыхъ апостоловъ и молитвами святыхъ отцовъ грѣшная душа моя получить утѣшеніе и будетъ избавлена отъ вѣчнаго наказанія. Нынѣ, кто увидитъ сей нашъ сигель съ повелѣніемъ, будущіе преемники ваши, цари, эриставъ эриставы, эриставы, тавутеры Тао и Кларджета и всѣ чины и дѣлопроизводители утвердите его и вы, и да никто не нарушитъ и не измѣнитъ его; если же кто, какого бы ни былъ рода, великій или малый, когданибудь нарушитъ его, да обрушится на него гнѣвъ Отца и Сына и Св. Духа и все святые апостолы да будутъ

судьями души его въ день оный суда, и да будетъ онъ отвѣтственъ предъ Богомъ за преступленія мов! Вы же, святѣйшій католикосъ Грузіи и святые преосвященные, не имѣющіе каедры⁴.

Настоящій актъ найденъ въ Кутаисѣ, писанъ на длинномъ пергаментѣ, сшитомъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ листовъ, но не имѣетъ ни начала, ни конца, и потому не сохранилъ года короникона. Онъ составляетъ древнѣйшій изъ всѣхъ, дошедшихъ до насъ подлинныхъ актовъ и относится къ тому же времени, къ которому принадлежитъ актъ, значащійся въ Сборникѣ актовъ Грузино-имеритинской Синодальной Конторы и помѣченный годомъ короикона 260—1040, а не 240—1020, какъ увѣряетъ покойный Броссе. Этотъ послѣдній актъ есть копія, а не подлинникъ, и содержитъ въ себѣ важныя свѣдѣнія о католикосѣ Мелхиседекѣ, вошедшія въ одинъ только вариантъ Карглисъ-цховреба Академіи наукъ. Актъ представляется интереснымъ съ точки зрѣнія и палеографической, и филологической, и исторической. Онъ писанъ алфавитомъ мхедрули, но такимъ, который служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что алфавитъ мхедрули еще въ XI в. носилъ характеръ, близкій къ хуцури и что онъ въ то время только начиналъ выдѣляться изъ хуцури. Онъ указываетъ сигелы; слово это иногда замѣняется въ актахъ словомъ гуджаръ. Обыкновенно нынѣ принято означать подъ именемъ сигелей дворянскія грамоты, а подъ именемъ гуджаровъ акты, жалованные церквамъ и монастырямъ; но въ старыхъ письменныхъ памятникахъ Грузіи сигелы и гуджары принимаются безразлично, въ смыслѣ какъ церковныхъ и свѣтскихъ грамотъ, такъ и вообще всякаго рода имущественныхъ и немущественныхъ актовъ. Сигель произошелъ отъ греческаго или отъ латинскаго *sigillum* и былъ равнѣ въ употребленіи, чѣмъ гуджаръ. Гуджаръ производятъ отъ арабскаго слова, означающаго *argumentum*, *testimonium* и оно, вѣроятно ¹⁾, имѣетъ связь съ извѣстнымъ въ турецкомъ законодательствѣ гуджемомъ (поземельный актъ, судебное постановленіе о недвижимости) Грузины заимствовали слово гуджаръ отъ арабовъ: оно входитъ въ употребленіе вскорѣ послѣ появленія въ Грузіи арабскихъ завоевателей: такъ, по словамъ Карглисъ-цховреба, въ наше время на Грузію Мурвана Глухаго, во второй половинѣ VII в., при царѣ Мирѣ были скрыты въ подземельяхъ цѣнныя царскія сокровища вмѣстѣ съ пергаментными гуджарами; спустя нѣкоторое время Карглисъ-цховреба дѣлаетъ ссылку на гуджаръ, заключавшій въ себѣ „записи о царяхъ и вельможахъ, селеніяхъ и ихъ жителяхъ“. Этимъ же име-

¹⁾ Объясненіе этого акта заимствуешь у *Бакрадзе*.

немъ означены государственные акты въ древнѣйшемъ „Сборникѣ поученій отцовъ церкви“ IX в., попавшемъ въ Тифлисъ изъ Сванетіи и нынѣ хранящемся въ библіотекѣ Тифлисской Духовной Семинаріи. Выраженія акта: „всѣхъ ущелій верхнихъ и нижнихъ“, „мампаль“, „тавтутеры Тао и Кларджета“, суть выраженія, бросающія свѣтъ на Картлисъ-цховреба. Танутнеръ, армянскій данудеръ—слово, представляющее одинаковое значеніе съ грузинскимъ мамасахлисъ, отецъ семейства, глава дома, а въ переносномъ—правитель народа. Еще болѣе интереса представляетъ исторія мампаль. Мы узнаемъ изъ Карминсъ-цховреба, что господствовавшіе со времени курапатата Гварама (826—876) въ Тао-Кларджети государи титуловались мампалами. Слово мампаль—имѣющее свой корень въ мепе „царь“ и соответствующее позднѣйшее мтаваръ—„владѣтель“ и уцѣль „господинъ“—было въ употребленіи только въ Тао-Кларджети. Мампалами же титулуетъ нѣкоторыхъ тао-кларджетскихъ Баграпидовъ и Константинъ Порфирородный (912—959 г.) въ своемъ сочиненіи *De administrando imperio*, составленномъ въ 952 г. Слово мампаль окончательно исчезаетъ и въ Картлисъ-цховреба, и въ другихъ письменныхъ памятникахъ Грузіи съ XI в., послѣ соединенія всей Грузіи въ рукахъ одного царя и уничтоженія или вытѣсненія тао-кларджетскихъ Багратидовъ. Безспорно, что настоящій актъ принадлежитъ царю Баграму IV. Онъ заключаетъ въ себѣ тѣ генеалогическія данныя о предшественникахъ Баграта IV, какія мы находимъ и въ Картлисъ-цховреба, и такимъ образомъ даетъ несомнѣнное свидѣтельство достовѣрности ея за періодъ времени отъ второй половины IX в. до исхода XI в. Таковы и по Картлисъ-цховреба: мампаль Гварамъ †883 г. эриставъ-эриставовъ Гургенъ 968; царь-царей Гургенъ †1008; сынъ его и дѣдъ Багратъ IV 980—1014; и пр.

Гуджары и сигели характеризуютъ бытъ Грузіи не только въ государственномъ отношеніи, но и со стороны быта и обычаевъ. Для образца остановимся лишь на пергаментныхъ свиткахъ хуцури XII в., присланныхъ изъ Кутанса въ Румянцевскій музей.

Содержаніемъ этихъ свитковъ служатъ умиловительная молитва полухристіанскаго, полуязыческаго характера, сочиненная, вѣроятно, жрецами свановъ—„папи“. Лишь небольшіе отрывки изъ церковно-богослужебныхъ книгъ уцѣлѣли въ памяти „папи“. Они дополнялись молитвами собственнаго сочиненія. Отрѣзанность Сванетіи отъ Грузіи, откуда шелъ свѣтъ христіанства почти ко всѣмъ народностямъ Кавказа, способствовала вытѣсненію христіанскаго ученія и замѣвъ его языческими вѣрованіями. Въ нашихъ свиткахъ молитвы составлены

очень однообразно. Они начинаются всегда слѣдующими словами: „Господи, надѣли благами, благослови и достояніе такого-то“ (имя рекъ). За этимъ воззваніемъ слѣдуетъ перечисленіе именъ тѣхъ, для спасенія душъ которыхъ приносится кровная жертва. Жертвоприношеніе, какъ можно заключить изъ этихъ свитковъ, совершается за жителей всей деревни, представляющихъ отпрыски одной фамиліи. Такъ, молитва упоминаетъ иногда до 50 лицъ изъ рода Дадичкеліани, Чарквіани Девдоріани, Махвиліани. При перечисленіи именъ грѣшниковъ не забываются строители башни, оружейники, конюхи, няньки и вообще вся прислуга. Это указываетъ на патриархальность, простоту отношеній между высшимъ и низшимъ классомъ. Очевидно, нѣтъ еще строгаго соціального дробленія, исключающаго возможность ставить слугу рядомъ съ господиномъ. Не будетъ излишней смѣлостью сопоставить общественный строй сванетовъ X—XII вв. съ соціальной картиной, нарисованной Гомеромъ.

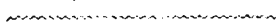
Другой выводъ напрашивается въ виду того, что въ одной молитвѣ насчитывается до 50 лицъ изъ одной фамиліи. Можно сказать, что составленіе молитвы относится къ той эпохѣ, когда сванеты жили отдѣльными родами, слѣды которыхъ уцѣлѣли въ особенностяхъ со временнаго ихъ быта. Дадичкеліани, Девдоріани, Чарквіани и др. представляютъ родовую группу засѣлившихъ деревни, отдѣльныя мѣстности *generatim*, какъ бы сказалъ Цезарь. Остатки родовой организаціи сохранились и у пшавовъ въ дѣленіи и нынѣ на 12 родовыхъ общинъ. У сванетовъ и пшавовъ, какъ повсюду, родовая организація является результатомъ не одного лишь естественнаго размноженія одной семьи, но и включенія въ свой составъ разноплеменныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ. Названные оружейники, строители башенъ и др. могутъ принадлежать этому наносному слою. Усыновленіе и теперь играетъ важную роль въ Сванетіи.

Собственныя имена, приведенныя въ свиткахъ, представляютъ также интересъ. Одни изъ нихъ сохранились лишь въ народныхъ сказаніяхъ: таковы Бадро, Усупи (записаны у сванетовъ въ сказаніи объ Амиравѣ), другія названы въ „Барсовой кожѣ“, поэмѣ, Шота Руставели — Нестанъ, Тина (у Руставели Нестанъ-Дареджанъ, Тинатина, т. е. у поэта эти имена даны въ удвоенной формѣ). Любопытно одно собственное имя—Куджи, извѣстное въ грузинской лѣтописи¹⁾: Куджи, владѣтель Мингреліи, въ союзѣ съ первымъ грузинскимъ царемъ Фарнавазомъ изгналъ намѣстника Александра Македонскаго,

¹⁾ „Картлис-Цховреба“, стр. 30.

Азона. Въ литературѣ и въ современномъ языкѣ это имя больше не встрѣчается.

Въ палеографическомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить переходъ буквъ th и b отъ церковнаго алфавита къ гражданскому. Переломъ въ почеркѣ замѣчается въ XI—XII в. и сванетскіе свитки еще разъ подтверждаютъ мнѣніе о происхожденіи алфавита гражданскаго „мхедрули“ изъ церковнаго „хуцури“¹⁾). Отрывокъ изъ Евангелія XII в., присланный также изъ Сванетіи, даетъ другой подобный фактъ, важный для грузинской палеографіи. Здѣсь буква y представлена съ четырьмя зубцами, изъ которой впоследствии выработалось изображеніе церковнаго съ тремя зубцами, а изъ этого послѣдняго нынѣшнее гражданское y²⁾). Грузинская палеографія, впрочемъ не подвергалась еще детальному, научному анализу.

¹⁾ Труды V археолог. съезда въ Тифлисѣ. Палеографическія таблицы Баградзе.

²⁾ См. мою статью Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея, стр. 6—7.

Дополненія и поправки.

Къ стр. 1. Глава эта предпослана къ „Очеркамъ“ въ видѣ введенія, обзорѣвающаго состоявіе изученія грузинской группы языковъ и ея отношенія къ установленнымъ семействамъ языковъ.

Къ стр. 24. Ко времени 900—916 г. переведено житъе препод. Оеоктиста. (Рукопись № 134 Общества распротр. грам. въ Тифлисѣ).

Къ стр. 29. Житъе Петра Ивера (Правосл. Сб, 37 вып. С.-Пб. 1896). Petrus der Iberer. Ein Characterbild zur Kirchen und Sittengeschichte des V Jahrhunderts. Syrische uebersetzung einer um Jahr 500 verfassten griechischen Biographie herausgegeben und übersetzt von Richard Raabe. Leipzig. 1895. Авторъ сирійскаго текста житія неизвѣстенъ. Имя самого Петра-Мурваноса передается чрезъ слово Набарнугіосъ. Нельзя признать родства грузинскаго перевода житія съ этимъ текстомъ. Но о существованіи другого житія Петра говорятъ сирійскіе источники. Въ сирійскомъ текстѣ житія Севера Антиохійскаго авторъ Захарія говоритъ: „Я описалъ добродѣтели богоносныхъ людей—Петра Ивера и великаго подвижника Исаія египтянина, такъ какъ оба эти мужа, живя въ Палестинѣ, стяжали великую славу среди всѣхъ христіанъ“.

Къ стр. 32. Укрощеніе звѣрей въ Шюмгвимской лаврѣ произошло по молитвѣ св. Аввы, а не самого Шю. (См. *Муравьевъ*, Грузія и Арменія I, 290—1).

Къ стр. 66. Въмѣсто св. Климента Алквирскаго О. Жорданія предлагаетъ читать св. Клима Анквирели (Хроника I, 241).

Къ стр. 110. Ὁσοῖ Πνεύματι Θεοῦ ἄγονται οὗτοί εἰσιν οἱ τοῦ Θεοῦ φῆσιν ὁ θεῖος Ἀπόστολος τὸ δὲ Πνεύματος ἀγίου.

Къ стр. 108. По отпечатаніи главы о „Мудрости Варлаама“, появилась на грузинскомъ языкѣ книжка, заключающая эту повѣсть. Она издана г. Такайшвили на основаніи четырехъ рукописей, изъ которыхъ болѣе древняя восходитъ къ 1779 г.

Къ стр. 117. Рукопись Церковнаго Музея: „Литургія св. апост. Іакова“ М. Джанашиели относитъ къ 786 г. Изъ приписки видно, что

ее переписал католикосъ Свимонъ. Литургія эта пространнѣе литургій Василія Вел. и Иоанна Златоустаго. Кромѣ литургій рукопись заключаетъ чинъ рукоположенія и освященія антиминса.

Къ стр. 143. Подъ 856 г. въ Хроникѣхъ первы св. Николая (Жорданія, ib. 82) читается: „солнце затмилось“).

Къ стр. 249. *Ил. Иосселиани* („Жизнь царя Георгія XII“, стр. 221—2) передаетъ, что поэма Ш. Руставели, изданная царемъ Вахтангомъ VI, по распоряженію католикоса Антонія I, была брошена въ р. Куру.

Къ стр. 311. Если принять къ свѣдѣнію, что въ поэмѣ Чахрухи упоминаются битвы царицы Тамары въ Бардави (1195 г.) и Болостикѣ (1203 г.), то время написанія этой поэмы придется придвинуть къ этой послѣдней датѣ. (*Джанашвили*. Исторія, стр. 159).

Къ стр. 317. Баградзе называетъ памятникъ „Рай или проповѣди Иоанна Златоуста и Ефрема Сирина“, найденный въ Иверійской лаврѣ, на Аѳонѣ. Переписанъ памятникъ на пергаментѣ въ 977 г. при игуменѣ Саввѣ рукою Иоанна и протоіерея Стефана.

Къ 316 стр. *Царев. Давидъ* (Ист. Грузія, стр. 25—6, Тифл., 1893) говорятъ: „царствованіе Баграта тѣмъ незабвенно, что Иоаннъ Петрици, свѣдущій въ философіи человѣкъ, и который былъ посланъ въ Грецію для пріобрѣтенія познаній, возвратился въ свое отечество и перевелъ Платонову и Аристотелеву философію на грузинскій языкъ“.

Къ стр. 316. Ефремъ Мцире (Младшій) въ XI в. перевелъ съ греческаго о наго-праведникахъ, о сотвореніи неба, земли и человѣка (ср. у меня I выпускъ, стр. 357); о патріархахъ съ Адама до прішествія І. Христа. Ему же принадлежитъ переводъ *Лавсайкона*.

Въ дополненіе къ этому нужно отмѣтить пергаментную рукопись „хуцури“ XII в., заключающая въ себѣ „Чтеніе объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая“. Рукопись эта передана намъ К. Б. Лорткипанидзе и по содержанію своему примыкаетъ къ тому памятнику, который изложенъ нами въ I вып. (стр. 358).

Къ стр. 325. Шатбердскій сборникъ переписанъ между 973 и 976 гг. по мнѣнію Жорданія (Хроники I, 103), къ которому отказываются применить Такайшвили и Джанашвили.

Къ стр. 228. Строки 9—12 сняту отъ „Въ 1855 г... до въ Тифлисѣ“ выпустить (ср. стр. 291, примѣч.).

Изъ перечню рукописей и древнихъ обителей. Въ 1085 г. переписана книга пророковъ Моисеемъ Хандзойскимъ (*Иверія* 1889, 28). Отрывокъ изъ древней лѣтописи Мантинійцевъ помѣщенъ въ жизне-

описаніи св. Баграта Понтійскаго, въ пергаментной грузинской рукописи XI в., хранящейся въ Тифлисскомъ церковномъ древлекранищѣ за № 134 (поступило изъ Давидо-Гареджійскаго монастыря).

Рукопись эта писана строчными буквами церковно-грузин. алфавита на пергаментѣ in folio, на 680 стр., изъ коихъ первыя 42 страницы писаны на бумагѣ почеркомъ XVII в. Въ манускриптѣ этомъ помѣщены статьи: 1) Клемакъ св. Іоанна Синаита въ переводѣ св. Евѳимія (стр. 1—423); 2) Жизнь св. Баграта Понтійскаго (стр. 424—593, написано ученикомъ его Евагріемъ); 3) Жизнь св. Николая Чудотворца, въ переводѣ св. Евѳимія (стр. 593—663) и служба ему (стр. 664—680). Послѣднихъ листовъ недостаетъ; манускриптъ заключенъ въ прочный кожаный переплетъ.

Въ концѣ жизнеописанія св. Баграта, на стр. 392—393, имѣется приписка: „благодатью и помощью св. отца нашего Иларіона, я, Геласій, недостойный монахъ монастыря Романа, во время настоятельства въ этомъ монастырѣ, сподобился переписать св. этотъ Клемакъ и жизнь св. равноапостольнаго Баграта во славу и въ моленіе Богомъ хранимаго могущественнаго царя Абхазіи и Грузіи, Баграта и сына его Георгія Курапалата, да прославить ихъ Господь,—и для поминовенія души моей и всѣхъ отцовъ и братій, подвизающихся въ (монастырѣ) Романа. Написано рукою Симеона Двали въ отдѣленіи (сохастерѣ) Романайскаго монастыря во имя св. Анны, въ царствованіе Дока въ то время, когда дочь (царя) Баграта, Марѳа, была во дворцѣ императора, короникона 286.—И мы положили ее въ книгохранилище Романайскаго монастыря, въ церкви свв. Апостоловъ“.

Указанный здѣсь корониконъ соотвѣтствуетъ 1066 г., когда упоминаемая въ припискѣ лица дѣйствительно были живы: въ Грузіи въ то время царствовалъ Багратъ IV (1027—1072) и сынъ его Георгій, получившій титулъ куропалата при жизни же отца.

А дочь царя Баграта, Марѳа, въ 1056 г. отвезенная для воспитанія въ Константинополь во дворецъ императрицы Θεодоры (1054—1056), послѣ смерти послѣдней возвратилась на родину. Но въ 1065 г., по желанію императора Константина X Дуки, она была увезена въ столицу Византіи въ качествѣ невѣсты царевича Михайла VII Дуки, который женился на ней въ 1071 г., въ годъ своего воцаренія (Brosset. Hist. de la Géorg. I, 330, п. 2), при чемъ, по обычаю грековъ, ей перемѣнили имя и назвали Марією. Овдовѣвъ, она возвратилась въ Грузію и въ 1103 г. она еще была жива, такъ какъ Урбнійскій соборъ, бывшій въ 1103 г., провозглашаетъ ей многолѣтіе.

Что касается въ припискѣ упоминаемаго грузинансго монастыря Романа, то послѣдній находился недалеко отъ Константинополя. Въ жизнеописаніи св. Иларіона-Ивера, составленномъ греческимъ монахомъ Василіемъ философомъ и протоасиритомъ, и помѣщенномъ въ авинскомъ грузинскомъ пергаментномъ манускриптѣ 1074 года (нынѣ временно хранящемся въ Тифлисскомъ церковномъ древлехранилищѣ), имѣются свѣдѣнія, что императоръ Василій Македонянинъ въ семь мѣсяцевъ построилъ этотъ монастырь для учениковъ св. Иларіона-Ивера непосредственно послѣ смерти послѣдняго въ г. Фессалоникахъ. Къ постройкѣ монастыря императоръ приступилъ вскорѣ послѣ поставленія имъ патріархомъ св. Игнатія (вторично), на мѣсто Фотія, т. е. около 870 года. Сюда перенесены были изъ Константинополя мощи свв. апостоловъ, отчего въ разбираемой подписи монастырь этотъ называется и монастыремъ свв. апостоловъ. Черезъ нѣсколько времени императоръ перенесъ сюда изъ Фессалоникъ мощи св. Иларіона-Ивера и обезпечилъ лавру значительными движимыми и недвижимыми имѣніями. Царь построилъ здѣсь для себя келію и называлъ этотъ монастырь „моимъ монастыремъ“. Послѣ перенесенія сюда мощей св. Иларіона-Ивера, лавра эта была названа царемъ „грузинскимъ монастыремъ“, который извѣстенъ былъ въ послѣдующіе вѣка и подъ именемъ „Романа“. Императоръ привезъ сюда двухъ своихъ сыновей Леона (Левъ) и Александра для полученія благословенія отъ грузинскихъ иноковъ. На счетъ царя неугасимо горѣли шесть лампадъ предъ мощами свв. апостоловъ и три предъ мощами св. Иларіона-Ивера; ежедневно изъ царскаго дворца отпускались по двѣ просфоры и ежегодно по двѣ литры золота на платье монахамъ.

Къ стр. 327. Физиологъ по-грузински переводится буквально „Сахисметквели“.

Къ стр. 336. Изъ другихъ апокрифовъ, упомянутыхъ въ письмѣ св. Евѳимія, отмѣтимъ еще: Житія св. апостола Андрея, св. Георгія, извѣстн. подъ именемъ *Дадіанеса*, Видѣніе ап. Павла на небѣ, Евангеліе ап. Тома, Обращеніе Антіохія, Небротіани. (*Джанашвили*, „Сокровищница X в.“).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- Грузинская или иверійская группа языковъ и ея отношеніе къ славянскимъ языкамъ. Стр. 1—14.
- Грузинскій алфавитъ. 14—21.
- Грузинскія письменности до конца XII в. съ перечнемъ и характеристикою. 22—29.
- Литургическія произведенія. Св. Мурваносъ. 29—33. Св. Або. 33—5. Св. Иоаннъ. 36—38. Св. Георгій. 59—61. Свв. Іоаннъ и Евѣнній (переводчики). Св. Георгій Мтацминдели (переводчикъ). 71—82.
- Мудрость Балавара (Варлаамъ и Іоасафъ) и сравненіе ея съ житеемъ (по акад. Веселовскому). 82—116.
- Копія и перечень памятниковъ IX—XII вв., хранящихся въ Тифлис. краевомъ музеѣ. 117—119.
- Историческій взглядъ на внѣшнюю исторію Грузии X—XII вв. 120—124. Завѣщаніе царя Давида Возобновителя. 124—125. Пѣсни покаянія. 123. Церковный соборъ. 126—129.
- Памятники историческіе. Варіанты лѣтописи „Картлисъ - Цховреба“. 130—136. „Обращеніе Грузинъ“. 136—139. Хронографы. 140. Составъ и источникъ начальной грузинской лѣтописи. 140—148.
- Эпосъ царицы Тамары. 149—154.
- Поэмы и повѣсти XII в.: Амиранъ-Дареджаніани. 154—169. Висраміани и сравненіе его съ „Висъ о Рамниномъ“. 169—205. Диларіани. 205—232. Абдуль-Мессіа Шавтели и его поэма. 232—243.
- III. Руставели и его поэма „Барсова кожа“. 243—267. Отрывки изъ поэмы. 268—274. Характеристика героевъ поэмы. 298.—Оманіани. 298—305. Чахруха (Чахрухадзе) и его поэма. 305—311. Дзамакори. 311. Давидъ Саатабагогли. 311—312. Ямбическіе стихи. 312—314.
- Памятники боюсловскіе, философскіе и юридическіе. Петрици его сочи-

веніа. 315—316. Іоаннъ Таридчидзе, Савва Сянгели, Ефремъ Младшій. 316.
Арсеній Икалтойскій. 316—317. Захарій, Іоаннъ Болнели и др. 317—318.

Шатбердскій сборникъ: Анатомія челоуѣка и хронографъ. 318—319.

Апокрифы: Дѣтство І. Христа. 319—321. Воскресеніе царя Джунджуна.
321—322. Письмо Іосифа Аримаевскаго и построеніе первой церкви. 322—
323. Постановленіе Пилата о преданіи Спасителя смерти. 324—325.

Физиологъ. 325—328.

Монастырскій уставъ. 328—9. Духовные соборы стр. 329—340; сѣгелы
и гуджары—340—349:

Сванетскіе пергаментные свѣтки XII в. 349—351.

Дополненія и поправки 352—355.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
4	6 снизу	(мингр)	(автограф.)
20	10 снизу	соотвѣтствующей	соотвѣтствующая
96	20 сверху	царь же узнавъ	царь же, узнавъ
24	15 сверху	отъ очищенія	для очищенія
129	3 снизу	1873	1373.
150	8 снизу	Мхергрдзели	Мхаргрдзели
151	14 сверху	Комлеи	Комлеи
160	5 снизу	я Абиссинію	в Абиссинію
164	примѣч.	Тритиво	Тритиво
206	примѣч.	Дилареть	Диларгетъ
261	2 снизу	die Liabu	die Liebe
267	6 сверху	историзаціей	историзаціей
308	7 "	Двали	Двали
309	12 "	Тамаръ	Тамару.
319	16 "	Славесности	Словесности
320	10 снизу	только	даже
332	15 сверху	физиолога	Физиолога.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
1	11 сверху	которые	которыя
43	12 „	говорятъ Абiатаръ	, говорятъ Абiатаръ,
193	1 снизу	выходитъ	выйти
194	1 „	Гулонъ	Гулъ
403	2 „	Сабелиосъ (?)	Сабелиосъ

ОТЧЕТЪ

О ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ ПРЕМІИ

Г. Θ. КАРПОВА

Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Печатано подъ наблюдѣніемъ Дѣйствит. Члена С. Т. Голубева.

На пятое соисканіе преміи Г. Θ. Карпова было представлено три сочиненія. Избранная Обществомъ Комиссія (въ составѣ Дѣйствительныхъ Членовъ: Е. В. Барсова, С. А. Бѣлокурова, Д. И. Иловайскаго, В. О. Ключевскаго и В. А. Уляницкаго), разсмотрѣвъ представленные изслѣдованія и сдѣланныя рецензентами ихъ отзывы, постановила: признать достойными преміи сочиненія: а) профессора Юрьевскаго университета *А. Филиппова* «Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета. Ч. I. Сенатъ въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта». Юрьевъ, 1895 г. и б) преподавателя историко-филологическаго института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ *М. И. Лилеева* «Изъ исторіи раскола на Вѣтъ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв.» Кіевъ, 1895 г. Въ силу же § 2 «Правиль о порядкѣ присужденія» сей преміи, по коему «въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства—слѣдуетъ отдавать предпочтеніе тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи»,—Комиссія постановила выдать премію г. Лилееву. Профессору С. Т. Голубеву за подробную и основательную рецензію сочиненія г. Лилеева Комиссія присудила золотую медаль, установленную за рецензію сочиненій, представляемыхъ на соисканіе сей преміи.

О результатахъ 5-го соисканія преміи было объявлено въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества 24 апрѣля 1897 г.

Отзывъ о сочиненіи М. И. Лилеева:

Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ I.
Кіевъ 1895 г.

Расколъ — одно изъ характернѣйшихъ явленій въ исторіи Русской церкви — до настоящаго времени остается еще не достаточно, въ научномъ отношеніи, разработаннымъ, не смотря на то, что на него сразу же по его обнаруженіи обращено было особенное вниманіе какъ духовною, такъ и свѣтскою властями, и сочиненія противъ раскола появились у насъ, можно сказать, одновременно съ нимъ. Зависѣло это отъ того, что расколъ, какъ явленіе крайне нежелательное, наносившее ущербъ церкви и государству, очень долгое время изучаемъ былъ нашими писателями исключительно съ цѣлями полемическими. Историческихъ условій, вызвавшихъ появленіе раскола, а впоследствии самой его исторіи писатели касались мало, а если и касались, то опять таки преимущественно въ интересахъ полемики съ нимъ. Отсюда историческія свѣдѣнія въ произведеніяхъ нашихъ расколовѣдцовъ за весьма продолжительный періодъ времени отличаются односторонностію, носятъ слѣды невѣрнаго освѣщенія, тенденціозности; а иногда означенные писатели поступали еще хуже: дѣлали попытки, — по дипломатическому выраженію преосв. Филарета (митрополита Московскаго), — «*послужить правдѣ несправдою*»... Научная разработка по исторіи раскола началась сравнительно недавно и хотя, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, привнесла въ науку нѣсколько цѣнныхъ вкладовъ, тѣмъ не менѣе свѣдѣнія наши по сему предмету заключаютъ еще весьма много пробѣловъ. Поэтому работы по расколу, имѣющія въ виду восполнить эти пробѣлы, весьма желательны. Къ числу такихъ работъ принадлежитъ и представленное на соисканіе преміи имени Г. Ө. Карпова сочиненіе г. Лилеева.

Важность избраннаго авторомъ предмета для изслѣдованія сомнѣнію не подлежитъ: Вѣтка и Стародубѣ были выдающимися цент-

рами, гдѣ долгое время сосредоточивался расколъ въ видѣ преимущественно поповщинскихъ согласій, и вліяніе этихъ центровъ на общій ходъ событій въ старообрядческомъ мірѣ было разностороннее и весьма широкое. Вѣтковскій и Стародубскій расколъ—по замѣчанію нашего автора—имѣлъ не мѣстное только значеніе, но и общерусское. Кроме того онъ имѣлъ обширное и колонизаціонное значеніе для Бѣлоруссіи и сѣверной Малороссіи, юго-западной и западной Россіи, усиливая здѣсь коренную русскую основу населенія.

Не смотря на такое важное значеніе Вѣтковского и Стародубскаго раскола, литературная его исторія очень бѣдна цѣнными научными пріобрѣтеніями, что видно уже изъ того, что до послѣдняго почти времени при изученіи начальной судьбы его довольствовались только тѣми историческими свѣдѣніями, которыя обращались и обращаются въ нашей исторической литературѣ по расколу на основаніи *Исторіи о бытующемъ священствѣ* безпоповца Ивана Алексѣева и *Полнаго историческаго извѣстія о раскольникахъ* протоіерея Андрея Іоаннова Журавлева.—Г. Лилеевъ, въ предисловіи къ своему труду, дѣлаетъ характеристику этихъ сочиненій, называя ихъ тенденціозными и отнюдь не отличающимися, какъ нерѣдко о нихъ говорятъ наши историки раскола, «самою точностію справедливостію», затѣмъ перечисляетъ, тоже съ краткою характеристикою, другія произведенія, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ изслѣдуемому имъ предмету. Этотъ обзоръ печатанной литературы источниковъ и пособій для исторіи Вѣтковского и Стародубскаго раскола приводитъ нашего автора къ выводу о крайней неразработанности означенной исторіи. Желая восполнить этотъ пробѣлъ г. Лилеевъ обратился къ изученію матеріала рукописнаго. Работы его въ этомъ направленіи были продолжительны и старательны. Онъ искалъ матеріаловъ для своего изслѣдованія во многихъ архивахъ и рукописныхъ собраніяхъ,—а именно: въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ Архивѣ Министерства Юстиціи, Румянцевскомъ Музеѣ, въ рукописномъ собраніи Хлудовской библіотеки, въ Историческомъ архивѣ при Харьковскомъ университетѣ, въ Кіевскомъ Центральномъ архивѣ, въ Церковно-археологическомъ Музеѣ при Кіевской Духовной Академіи, въ архивѣ Черниговской духовной консисторіи и рукописномъ собраніи при Губернскомъ Статистическомъ комитетѣ въ Черниговѣ. Результаты этихъ поисковъ сопровождались немалымъ успѣхомъ. Авторомъ собрано значительное количество матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ предмету его изслѣдованія. Важнѣйшіе изъ нихъ изданы г. Лилеевымъ въ 1893 г. подъ заглавіемъ: *Новые матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ*

и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв. Они обнимаютъ время съ 1684 по 1778 г. включительно и раздѣлены собирателемъ на два отдѣла: къ первому отнесены небольшія статьи, извлеченныя изъ раскольниковыхъ рукописныхъ сборниковъ и заключающія въ себѣ разнаго рода историческія указанія, такъ или иначе характеризующія Вѣтковскихъ и Стародубскихъ раскольниковъ и ихъ руководителей, ко второму—документы и письма, имѣющіе отношеніе къ исторіи и религіозно-бытовой жизни указанныхъ раскольниковъ въ данное время. Не смотря на нѣкоторую отрывочность и односторонность этого матеріала, онъ,—по крайней мѣрѣ для внѣшней исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ,—имѣетъ большую цѣнность, и заслуга г. Лилева, какъ собирателя и издателя поименованныхъ матеріаловъ,—заслуга не малая,—сомнѣнію не подлежитъ.

Спустя два года по обнародованіи собранныхъ матеріаловъ г. Лилевъ выпустилъ въ свѣтъ и самое, въ значительной части, составленное на основаніи ихъ, изслѣдованіе о расколѣ на Вѣткѣ и въ Стародубѣ. Задачу своего труда авторъ поставляетъ въ томъ, «чтобы свести имѣющіяся уже данныя о Вѣтковскомъ и Стародубскомъ расколѣ въ одно цѣлое, провѣрить ихъ строго научнымъ методомъ исторической критики, сопоставить вновь открытое съ раньше извѣстнымъ, и такимъ образомъ представить возможно полную въ настоящее время картину событій, относящихся къ мѣстной исторіи раскола, въ послѣдовательной связи и съ изложеніемъ всѣхъ подробностей и причинъ, породившихъ тѣ или иныя явленія». (Предисл. XII).

Къ выполненію намѣченной широкой задачи авторъ прилагаетъ большія старанія, и хотя полной безупречности въ этомъ отношеніи и не достигаетъ, тѣмъ не менѣе трудъ его представляетъ дальнѣйшее постулательное движеніе въ разработкѣ трактуемаго предмета и, безъ сомнѣнія, есть трудъ весьма полезный и цѣнный.

Приступаемъ къ ближайшему ознакомленію съ нимъ.

Изслѣдованіе, кромѣ упомянутаго предисловія, состоитъ изъ семи главъ.

Первая глава посвящена вопросу—*о времени происхожденія Стародубскихъ и Черниовскихъ раскольниковыхъ слободъ.*

Въ литературѣ установилось мнѣніе, что первымъ раскольниковымъ поселенцемъ въ Стародубскихъ предѣлахъ былъ московскій пощъ Кузьма, имѣвшій свой приходъ при церкви Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ. Вслѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ на расколъ въ Москвѣ, онъ въ 1669 году «съ двадцатью духовными дѣтьми» удалился въ Стародубье и здѣсь при посредствѣ своего друа, мѣстнаго полковника *Гаврила Ивано-*

ица, получилъ позволеніе поселиться въ слободѣ *Понуровкѣ*, которая вь была *первою* старообрядческою колоніею въ означенной мѣстности. Г. Лилеевъ подвергаетъ тщательному пересмотру означенное мнѣніе и на основаніи нѣкоторыхъ, отчасти неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ данныхъ, приходитъ къ слѣдующимъ новымъ выводамъ: 1) Время поселенія московскихъ раскольниковъ въ Стародубьѣ, съ попомъ Кузьмою во главѣ, должно быть отодвинуто *къ концу семидесятихъ годовъ* XVII стол. (не ранѣе 1676—1677 гг.). 2) Колонія московскихъ раскольниковъ, выведенная означеннымъ попомъ *не была первою по времени раскольниковъ колоніею на земляхъ Стародубскаго полка*. Гораздо раньше этихъ московскихъ раскольниковъ были здѣсь великороссійскіе поселенцы раскольники, *неизвѣстные по мѣсту своего первоначальнаго жительства*. 3) Поселившіеся съ попомъ Кузьмою въ Понуровкѣ московскіе раскольники, по всей вѣроятности, *были направлены сюда стародубскимъ полковникомъ Григоріемъ Карповичемъ Коровкою-Вольскимъ* (1678—1680 гг.).

Съ первымъ положеніемъ автора нельзя не согласиться. Г. Лилеевымъ документально доказано, что Всесвятскій па Кулишкахъ попь Кузьма платилъ въ Москвѣ окладныя деньги въ 185 (1676—1677) году, и только въ слѣдующемъ году на его мѣстѣ былъ уже другой попь—Никита, занимавшій означенный приходъ въ 186—193 гг. Соглашаемся и со вторымъ положеніемъ, какъ отчасти вытекающимъ изъ перваго и тоже документально оправдываемымъ, хотя *съ нѣкоторою оговоркою*.

Представляется не совсѣмъ яснымъ, что именно хочеть сказать авторъ, констатируя неизвѣстность старообрядцевъ, поселившихся въ Стародубьѣ ранѣе попа Кузьмы, *по мѣсту ихъ первоначальнаго жительства*: хочеть ли сказать то, что неизвѣстны мѣста ихъ первоначальныхъ поселеній собственно *въ Стародубскихъ предѣлахъ*, или то, что остается неизвѣстнымъ *изъ какихъ именно Великороссійскихъ мѣстъ* они приходили сюда? — Но какое бы пониманіе мы не соединяли съ означеннымъ замѣчаніемъ автора, оно одинаково оказывается не вполне точнымъ. Ибо изъ напечатанныхъ имъ же документовъ видно, что *въ Понуровкѣ* жили старообрядцы еще *при полковникѣ Рославль*. (Новые матеріалы, стр. 60); на 26 стр. онъ говоритъ, что село *Демянки* населено было раскольниками ранѣе поселенія попа Кузьмы въ *Понуровкѣ*; на стр. 29 молчаливо соглашается съ мнѣніемъ г. Лазаревскаго, что *Азаровка* населялась старообрядцами съ *1670 года*. Затѣмъ, можно указать хотя и не на многихъ бѣжавшихъ въ Стародубьѣ ранѣе попа Кузьмы старообрядцевъ, которые извѣстны по мѣсту

первоначальнаго своего жительства и *въ Великороссіи*. Такія свидѣнія имѣются въ напечатанныхъ авторомъ материалахъ о семьѣ Шелковниковыхъ, Павлѣ Ѳедоровомъ, работницѣ Крестинѣ (стр. 44 и др.). Самъ г. Лилеевъ на стр. 24 своего сочиненія замѣчаетъ, что *московскіе* раскольники селились въ самомъ г. *Стародубь* во всякомъ случаѣ до 1676 года.—Но что касается третьяго положенія г. Лилеева, то оно представляется намъ болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Войдемъ въ нѣкоторыя подробности по этому поводу. Мы видѣли, что въ предисловіи къ сочиненію нашъ авторъ характеризуетъ Ивана Алексѣева, какъ писателя не всегда свободнаго отъ предвзятыхъ взглядовъ и преднамѣренной тенденціозности, а сообщаемыя имъ свидѣнія признаетъ не всегда отличающимися точною справедливостію. Но на стр. 36 своего сочиненія, желая примирить разнорѣчивыя показанія источниковъ, изъ коихъ однимъ служитъ для него свидѣтельство Алексѣева, онъ называетъ послѣдняго уже *весьма правдивымъ раскольничьимъ историкомъ*¹⁾, и въ данномъ случаѣ—думаемъ—нашъ авторъ мало погрѣшаетъ. Цѣль, съ какою Алексѣевъ писалъ свою *Исторію о бѣгствующемъ священствѣ*, состояла, по его словамъ, въ томъ, чтобы сохранить въ потомствѣ память о ревнителяхъ старины, «показуячи всѣхъ тѣхъ дѣла, аки на длани перста». Но достигнуть въ этомъ отношеніи желаемой полноты и обстоятельности, какъ сознается Алексѣевъ, было уже невозможно, «понеже вѣсѣмъ небрежно баше о семь (чтобы описать самыхъ тѣхъ и дѣла ихъ); аще и мнози во устѣхъ ихъ имуть, обаче память о нихъ аки искра въ пепелѣ погибати хотяще, и намъ уже повдно на се взысканіе случися пріити (яко совершенно вѣдующихъ едва обрѣсти), *не малъ трудъ на сіе воспріяхъ, испытуя нѣкія отъ инокъ и бѣлицевъ искусныхъ*, и елико отъ кого что, аки пчела, обрѣтохъ во единѣ сотѣ сея исторіи связяхъ и предъ очи всѣхъ предложить намѣренъ есмь, аще ли кто болѣе сего вѣсть, да приложитъ». Такимъ образомъ, хотя Алексѣевъ писалъ свою исторію ббльшею частію по преданію, но, какъ показываетъ его трудъ, тщательно провѣрялъ оное. Поэтому если его и можно упрекать въ невѣрномъ (согласно съ безпоповщинскими воззрѣніями) освѣщеніи фактовъ, то мы не имѣемъ основаній обвинять его въ преднамѣренномъ искаженіи ихъ, *въ особенности когда для этого не было никакою повода*. Сказаннымъ опре-

¹⁾ Такой отзывъ объ Алексѣевѣ дѣлается авторомъ и въ другомъ мѣстѣ, на стр. 204 («по свидѣтельству старообрядческаго историка Пява Алексѣева, *отличающагося рѣдкою у раскольничьихъ писателей правдивостію въ изложеніи собтій*» и проч.).

дѣляется относительная цѣнность сообщаемыхъ Алексѣевымъ свѣдѣній, и объясняются нѣкоторыя допущенныя имъ въ сочиненіи неточности. Говоря о переходѣ попа Кузьмы и его духовныхъ дѣтей изъ Москвы въ Стародубье, авторъ «Исторіи о бѣгствующемъ священствѣ» или, точнее, лица, сообщавшія ему о семъ свѣдѣнія, легко могли ошибиться при опредѣленіи года относительно этого событія: легко могли приурочить послѣднее къ ближайшему послѣ Большаго Московскаго собора времени, когда на ревнителей старины воздвигнуто было «веліе гоненіе» въ Москвѣ, и когда они дѣйствительно бѣжали изъ нея въ разныя стороны, между прочимъ, и въ Стародубье. Но что касается имени покровителя старообрядцевъ, оказывавшаго имъ существенныя услуги и считавшагося другомъ попа Кузьмы, то путаница здѣсь, забвеніе этого имени, а тѣмъ болѣе переименованіе его, менѣе объяснимы: а потому изслѣдователь, чтобы категорически отрицать вѣрность сообщенія Алексѣева по сему вопросу, долженъ представить резонныя основанія. Такихъ основаній г. Лилеевъ не представляетъ. Констатируя тотъ фактъ, что въ 1678 — 1680 гг. Стародубскимъ полковникомъ былъ *Григорій Карповичъ Коровка-Вольскій*, онъ по тому только и считаетъ его наиболѣе вѣроятнымъ лицомъ, при которомъ и при содѣйствіи котораго состоялось переселеніе попа Кузьмы въ Стародубье. Но, во-первыхъ, это предположеніе—вопреки завѣреніямъ нашего автора—не исполнѣ согласуется съ приводимымъ имъ свидѣтельствомъ приходныхъ книгъ патріаршаго казеннаго приказа, изъ коихъ видно, что въ 166 году Кузьма не былъ уже попомъ во Всесвятскомъ приходѣ (а Коровка въ Стародубѣ видѣнъ только съ 187 года—не ранѣе сентября 1678); во-вторыхъ, является неизбѣжнымъ малодопустимос предположеніе объ измѣненіи въ раскольничьемъ преданіи имени друга Кузьмы изъ *Гавриила Ивановича* въ *Григорія Карповича*. Между тѣмъ нашему автору извѣстно, что въ рассматриваемое время видѣнъ въ Стародубѣ *Гавриилъ* Дащенко, бывший наказнымъ полковникомъ, и связи котораго съ старообрядцами сомнѣнію не подлежатъ. Этого Дащенко г. Лазаревскій и считаетъ тѣмъ полковникомъ, который покровительствовалъ попу Кузьмѣ. (*Описаніе Старой Малороссіи* I, стр. 440). Правда, г. Лилеевъ утверждаетъ, что означенное мнѣніе новаго малороссійскаго историка не имѣтъ ровно никакого значенія въ виду *отсутствія данныхъ о времени появленія попа Кузьмы въ Стародубь* (стр. 14). Но это столь рѣшительное опроверженіе имѣло бы значеніе въ томъ только случаѣ, если бы Гавриилъ Дащенко, занимая должность полковника въ 1669 году (къ каковому времени г. Лазаревскій относитъ, согласно съ прежнимъ мнѣніемъ, прибытіе попа Кузьмы въ Старо-

заключенію, что церковная власть въ Малороссіи, въ лицѣ мѣстнаго іерарха Л. Барановича, *дѣлала большую поблажку расколу...* Отобратъ книги отъ старообрядцевъ и по ихъ просьбѣ тотчасъ сдѣлать распоряженіе о возвращеніи оныхъ имъ, развѣ это не есть поблажка? А отсюда естественнѣе сдѣлать иной выводъ, нежели какой дѣлаетъ г. Лілеевъ, а именно: «церковная власть въ Малороссіи, въ лицѣ архіепископа Барановича, относилась къ старообрядцамъ далеко не такъ, какъ относились къ нимъ церковныя власти въ Москвѣ». Этотъ выводъ находитъ для себя нѣкоторое подтвержденіе и въ основанномъ на документальныхъ данныхъ замѣчаніи нашего автора, что «великороссійскіе помѣщики особенно горько жаловались на малороссійскихъ духовныхъ владѣльцевъ, *главнымъ образомъ на Лазаря Барановича*, не брезговавшихъ никѣмъ изъ приходившихъ къ нимъ (изъ Великороссіи) бѣглыхъ людей и крестьянъ и не выдававшихъ никого, *хотя бы прямо съ вистлицы приходили къ нимъ*» (стр. 39).

2) На стр. 61 намъ авторъ дѣлаетъ энергичное нападеніе на г. Лазаревского. Онъ говоритъ: «По поводу исторіи лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ послѣднее время высказано *тенденціозное* недоумѣніе повымъ историкомъ Малороссіи А. М. Лазаревскимъ. На томъ основаніи, что въ 5-ти грамотахъ, выданныхъ Лаврѣ въ 1680 году царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ лаврскихъ стародубскихъ—Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой, упоминаемыхъ въ грамотѣ 1720 года, *выданной однако на основаніи предшествовавшихъ грамотъ*, почтенный изслѣдователь приходитъ къ тому заключенію, что эти волости приобрѣтены лаврой помимо пожалованій и пожертвованій. Мало того, тутъ же почтеннымъ историкомъ прямо высказывается и та мысль, что лаврскіе городничіе могли прямо захватывать въ пользу лавры цѣлыя деревни. Въ данномъ случаѣ, по отношенію къ тремъ указаннымъ лаврскимъ стародубскимъ волостямъ, эта мысль оказывается *совершенно ложною*. Въ актахъ, относящихся къ исторіи Зап. Рос., т. V, № 19, стр. 72—73, приведена *Мѣнная запись кievскаго митрополита Петра Могилы Бѣлорусскому епископу Иосифу Горбачкому объ уступкѣ кievо-печерскихъ монастырскихъ селъ Печерска, Барсукова, Цыркова и Тарасовичъ во владѣніе Могилевской архіерейской каведры, по поводу замѣна ихъ на волость Попову гору, яко смѣжную съ лаврскою отчиною*. Запись эта выдана 9 декабря 1644 года и хранится въ архивѣ бывшихъ греко-уніатскихъ митрополитовъ при Сп. Синодѣ. Она даетъ *положительное указаніе*, какъ приобрѣтены лаврой стародубскія обширныя маестности».

Первѣе всего замѣтимъ, что авторъ не совсѣмъ точно передаетъ *сущность* замѣчаній и доказательствъ г. Лазаревскаго по данному вопросу и приписываетъ ему болѣе категорическое (чѣмъ какое находится у него) утверженіе о способѣ приобрѣтенія лаврою упомянутыхъ помѣстій. Г. Лазаревскій говоритъ, что исторія лаврскихъ земельныхъ владѣній, находившихся на лѣвомъ берегу Днѣпра, остается до сихъ поръ не обслѣдованною; поэтому мы имѣемъ лишь сбивчивыя свѣдѣнія о томъ—когда и кѣмъ даны были лаврѣ волости Бобовицкая, Попогорская и Лыщицкая. Г. Лазаревскій, дѣлая попытку рѣшить этотъ вопросъ, обращается къ пересмотру документальныхъ данныхъ и находитъ, что въ концѣ XVI столѣтія лавра не владѣла еще означенными волостями, потому что *въ подробной описи* кіево-печерскихъ имѣній, составленной въ 1593 году, послѣ смерти архимандрита Мелетія Хребтовича Богуринскаго, въ числѣ ихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра показана только *Подпировская волость*. Въ первой половинѣ XVII вѣка лаврѣ не отъ кого было получить такихъ огромныхъ имѣній. По присоединеніи Малороссіи къ Россіи дана была лаврѣ грамота на земельныя угодья царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1658 г., и затѣмъ пять подобныхъ грамотъ выдано было въ 1680 г., по просьбѣ кіево-печерскаго архимандрита Гизеля, царемъ Федоромъ Алексѣевичемъ; но во всѣхъ нихъ нѣтъ никакихъ упоминаній, ни общихъ, ни частныхъ, о волостяхъ Бобовицкой, Попогорской и Лыщицкой. Упомянуты эти волости въ первый разъ лишь въ грамотѣ 1720 года, выданной лаврѣ послѣ пожара 1718 г., когда *всѣ крѣпости ея на вотчины погорѣли*. Изъ этой послѣдней грамоты видимъ, что право на означенныя стародубскія три волости подтверждено было по двумъ основаніямъ: въ виду грамоты царя Федора Алексѣевича, якобы выданной лаврѣ въ маѣ 1680 года, и какихъ то выписей кіевской губернской канцеляріи и протестаціи, выданной изъ кіевской ратуши. Но такъ какъ въ текстѣ грамоты 1680 года—какъ уже сказано—о лаврскихъ стародубскихъ помѣстьяхъ не говорится (копіи этихъ грамотъ сохранились и послѣ пожара), неизвѣстными остаются и выписи кіевской канцеляріи и ратуши, то естественно заподозривается достовѣрность тѣхъ данныхъ, которыя легли въ основу грамоты 1720 г. Указавъ затѣмъ на возможность для лавры приобрѣтенія имѣній помимо пожалованій и пожертвованій (что документально подтверждается), г. Лазаревскій заканчиваетъ свои разсужденія заявленіемъ, что при наличности существующихъ данныхъ на вопросъ: *пожалованіемъ ли приобрѣтены лаврою Стародубскія волости?*—дать *опредѣленный отвѣтъ трудно*.

Изъ сказаннаго видно, что означенныя разсужденія г. Лазарев-

скаго проникнуты строго научнымъ, критическимъ характеромъ, и скептическое его отношеніе къ грамотѣ 1720 года представляется рациональнымъ. Поэтому нашему автору слѣдовало внимательнѣе отнестись къ указываемой имъ мѣновой записи 1644 года, идущей въ разрѣзъ съ предположеніями г. Лазаревскаго, и обследовать ее посредствомъ того «строго научнаго метода исторической критики», котораго—по заявленію г. Лялева—онъ предположилъ держаться въ своемъ трудѣ. Такое критическое отношеніе къ мѣновой записи 1644 года неизбежно привело бы его къ заключенію, что она подложна и появилась съ извѣстными цѣлями гораздо позже того времени, къ какому отнесена ее составителемъ. Приводимъ доказательства подложности записи.

а) Въ записи Іосифъ Горбацкій называется епископомъ *Бѣлорусскимъ* («превезлебному господину отцу Іосифу Горбацкому, епископови Бѣлорусскому»), между тѣмъ до присоединенія въ 1654 году Малороссіи къ Московскому государству, іерархи, занимавшіе означенную кафедру, титуловались епископами *мстиславскими, оршанскими и могилевскими*.

б) По избраніи, послѣ смерти Петра Могилы, Сильверста Коссова на кіевскую митрополию, онъ, не получивъ въ свое управленіе (подобно предметнику) богатой кіево-печерской лавры, до 1650 года удерживать за собою и прежнюю свою епископскую кафедру съ принадлежащими къ ней имѣніями, никого не посвящая на оную, почему и подписывался: «Сильвестръ Коссовъ, милостію Божіею архіепископъ митрополитъ кіевскій, галицкій и всяя Россіи, епископъ *мстиславскій, оршанскій и могилевскій*»¹⁾.

в) Избраніе и посвященіе Іосифа Копоновича Горбацкаго на мстиславскую епископію состоялось не *ранѣе 1650 года*, а въ 1644 году—времени, къ которому отнесена упомянутая мѣновая записка,—онъ состоялъ еще *ректоромъ могилянскій коллегіи и игуменомъ кіево-братскаго монастыря*. Все это могло быть извѣстно нашему автору и изъ обнародованныхъ уже данныхъ. Мы здѣсь опредѣлимъ только точнѣе время, до котораго занималъ Горбацкій означенныя должности, оставлеппыя имъ по случаю полученія королевской привилегіи на управленіе Кіево-Михайловскимъ монастыремъ. Послѣдній предоставленъ былъ Горбацкому грамотою короля Владислава IV *отъ 1/2 марта 1645 года* (Архивъ греко-уц. митр. связ. № 39); а самый ввѣдъ по

¹⁾ См. *Исторію Рус. Церкви*, и. Макарія т. XII 14., гдѣ сдѣланы ссылки на документы.

владѣніе сямъ монастыремъ состоялся 5 мая означеннаго года (по новому стилю). Въ выписи книгъ городскихъ кievскихъ отъ 29 мая 1645 года значится, что возный генераль воеводства кievскаго шляхетный Мелентій Бобинець, «ставши очевисто передъ урядниками судовыми городскими» сдѣлать для занесенія въ книги слѣдующее заявленіе: «*якъ въ року теперешнемъ тысячи шесть сотъ сорокъ пятомъ мѣсяца мая пятого дня . . . былъ оны на справе велебнаго его милости отца Иосифа Конововича Горбацкаго, ректора и игумена еще на тотъ часъ монастыря братства Кievскаго, въ монастыру светого Михаила Золотоверхого, при мѣстѣ Кievѣ будучимъ, и тамъ при бытности законниковъ всѣхъ и капитулы, въ томъ монастыру знайдучихся, подлугъ привелею, отъ его королевской милости, папа нашего милостиваго, данного, и згодное елекціи всее капитулы помепенного монастыря, Иосифа Конововича Горбацкаго на игуменство вышереченного монастыря святого Михаила Золотоверхаго интронизовалъ*», и т. д. (Арх. Грекоун. митр. при Св. Синодѣ, связ. № 39).

Констатируя фактъ подложности мѣповой записи 1644 года, замѣтимъ, что при своихъ архивныхъ занятіяхъ намъ приходилось встрѣчать и другіе документы, составленные для доказательства правъ лавры на стародубскія маестности и тоже посажіе на себѣ явные слѣды ихъ позднѣйшаго происхожденія. Сюда относятся: 1) Листъ князя Алексѣя Ляхтыновича на село Печерскъ Кievo-печерской обители, съ датой отъ 7040 г. (1482 г.), якобы списанный съ подлинника въ Кievѣ 9 декабря 1654 года и тогда же посланный превелебному отцу епископу Иосифу Горбацкому за скрпкою митрополита Петра Могилы (т. е. тогда, когда обоихъ означенныхъ іерарховъ не было уже въ живыхъ: Петръ Могила † 31 декабря 1646 года, Иосифъ Горбацкій † 13 марта 1653 г.); 2) Копіи съ документовъ на право владѣнія кievo-печерскою обителію Цвырковомъ и Барсуковомъ, якобы списанныя въ 1644 году и тогда же отосланныя Петромъ Могилою къ могилевскому и метиславскому епископу Горбацкому. Впрочемъ эти съ извѣстными цѣлями составленные документы имѣють то историческое значеніе, что въ нихъ помѣщены разные акты и неподложные (ибо Печерскъ, Цвырково и Барсуковъ были въ несомнѣнномъ владѣніи Лавры) и между послѣдними есть такіе (съ датами первой половины XVI и даже конца XV стол.), о которыхъ доселѣ не было извѣстно.

Во второй главѣ своего изслѣдованія авторъ трактуетъ объ условіяхъ поселенія и первоначальной жизни великороссійскихъ раскольниковъ въ Стародубскихъ и Черниговскихъ слободахъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.

Послѣ образованія государствъ московскаго и литовскаго, расположенная между ними Сѣверская земля, обратила на себя притязаніе обоихъ государствъ. Съ половины XIV вѣка она перешла во владѣніе Литвы, что однако не изгладило въ ея населеніи русскихъ элементовъ. Въ самомъ началѣ XVI столѣтія она мирнымъ путемъ (черезъ добровольное подчиненіе находившихся здѣсь князей вел. князю Ивану Васильевичу) соединилась съ московскимъ государствомъ. Это обстоятельство со стороны Польши, соединившейся съ великимъ княжествомъ Литовскимъ въ одно государство, вызвало энергическія усилія отвоевать утерянную землю, каковыя усилія увѣнчались успѣхомъ только къ концу второго десятилѣтія XVII в., когда Московское государство, обезсиленное смутнымъ временемъ, должно было, по Деулинскому перемирію, уступить Польской Коронѣ означенную землю. Зависимость отъ Польши Сѣверщины продолжалось недолго: въ 1654 году послѣдняя, вмѣстѣ съ остальною Малороссією, вошла въ составъ Московскаго государства. Составляя пограничную область и изобилуя въ прежнее время непроходимыми лѣсами, Сѣверщина издавна служила надежнымъ убѣжищемъ для всевозможныхъ перебѣжчиковъ какъ изъ Польши и Литвы, такъ и изъ сосѣднихъ областей Московскаго государства. Эти бѣглецы немало содѣйствовали заселенію края. Но самая сильная колонизація его началась только съ XVII столѣтія. Надѣленные помѣстьями польскіе паны энергично заботились о населеніи ихъ, привлекая переселенцевъ разнаго рода льготными условіями и обѣщаніями. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Московскому государству приливъ въ нее бѣглыхъ крестьянъ, слугъ и разныхъ служилыхъ людей не только не прекратился, но еще болѣе усилился. Этому, до извѣстной степени, способствовали самыя условія внутренней жизни Малороссіи, которыя стали было слагаться въ ней по изгнанію поляковъ, когда малороссійскимъ посольствомъ провозглашалась свобода отъ пановъ и всякихъ обязательствъ къ нимъ. Скоро для нѣкоторыхъ великороссіянъ явился новый поводъ къ бѣгству съ своихъ осѣдлостей: возникшія въ Москвѣ гоненія на приверженцевъ старины побуждали ихъ скрываться отъ своихъ притѣснителей по разнымъ укромнымъ мѣстамъ. Стародубье представляло въ этомъ отношеніи для старообрядцевъ значительныя удобства, и въ смыслѣ отдаленности края отъ административныхъ центровъ, и въ смыслѣ легкости пробраться сюда. Важнымъ удобствомъ была и близость границы.—Менѣе благоприятны были хозяйственно-экономическія условія поселенія великорусскихъ раскольниковъ въ сѣверной Малороссіи, такъ какъ здѣсь доброкачественныя земли достались на долю болѣе раннихъ насельниковъ,

А на долю позднѣйшихъ (въ томъ числѣ и старообрядцевъ) худшія: пѣсчаныя и глинистыя, почти сплошь покрытыя хвойными лѣсами,— обстоятельство, побудившее раскольниковъ искать заработка не въ земледѣльческихъ промыслахъ и способствовавшее развитію среди нихъ торговой промышленности.

Условія, на которыхъ великороссійскіе раскольники пріобрѣтали право осѣлости въ Стародубѣ, были разнообразны. Поселеніе ихъ здѣсь относится къ тому времени, когда возстаніе Хмѣльницкаго произвело полный переворотъ въ поземельныхъ и общественныхъ отношеніяхъ Малороссіи. Съ изгнаніемъ поляковъ не стало въ Малороссіи крупныхъ землевладѣльцевъ. Казаки, считая себя освободителями народа отъ польскаго ига, стали во главѣ населенія и стремились прісвоить себѣ право на владѣніе землею, которая мало по малу и стала переходить, съ разрѣшенія гетмановъ и полковниковъ, въ руки казачьей старшины и другихъ вліятельныхъ лицъ и учреждений. Но на первыхъ порахъ свободныхъ земель, особенно по крайнимъ предѣламъ Малороссіи—къ сѣверу и югу, все-таки было много: онѣ лежали «впустѣ». Эти свободныя мѣста заселялись, обыкновенно, на правѣ такъ называемой *займанчины*, на правѣ свободнаго (съ согласія сосѣдей) занятія земель. При подобныхъ же условіяхъ селились здѣсь, между прочимъ, и великороссійскіе раскольники. Но такихъ (извѣстныхъ) случаевъ было немного. Нашлывъ старообрядцевъ въ Стародубѣ относится уже къ тому времени, когда бѣольшая часть земель была роздана разнымъ лицамъ и учреждениямъ, и поселеніе на нихъ сдѣлалось возможнымъ при условіи тѣхъ или иныхъ соглашеній съ ихъ владѣльцами. Важнымъ матеріаломъ для выясненія этихъ условій поселенія старообрядцевъ на владѣльческихъ земляхъ и тѣхъ отношеній, въ какія они становились къ ихъ собственникамъ, служатъ такъ называемыя *осадныя листы*. Къ сожалѣнію, такихъ листовъ, имѣющихъ отношеніе къ раскольникамъ, сохранилось не много, и всѣ они относятся къ началу XVIII стол. Авторъ съ должнымъ вниманіемъ относится къ этому матеріалу и извлекаетъ изъ него все существенное, причемъ уясняется, что условія означенныхъ поселеній не всегда были одинаковыя, хотя въ общемъ на первыхъ порахъ льготныя; только съ теченіемъ времени положеніе слобожанъ ухудшилось: «закрѣплялась ихъ зависимость отъ землевладѣльцевъ».—Изъ документовъ видно, что старообрядцы селились въ Стародубѣ и въ качествѣ, такъ называемыхъ, *подсосѣдковъ* въ свободныхъ хатахъ пановъ, казаковъ, духовенства и мѣстнаго посольства. Это были, очевидно, люди небогатыя, готовившіе себѣ полную зависимость и закрѣпощеніе отъ сво-

ихъ «державцевъ». Но видны въ Стародубьѣ и такіе зажиточные раскольники, которые скупили казачьи грунты и пользовались даже, по видимому, казачьими правами.

Бѣгство великороссійскихъ людей въ Малороссію вызывало со стороны Московскаго правительства постоянныя напоминанія, требованія и даже угрозы, чтобы такіе бѣглецы не принимались, а обратно высылались въ Московское государство. Но обыкновенно на такія требованія мало обращалось вниманія. Малороссійскіе державцы смотрѣли на раскольниковъ (и вообще на перебѣжчиковъ къ нимъ) какъ на выгодныхъ поселенцевъ, удобныхъ колонизаторовъ ихъ пустопорожнихъ земель, не обращая особеннаго вниманія, или, правильнѣе, просто игнорируя ихъ разномысліе въ дѣлахъ вѣры съ господствующею церковію. И такъ смотрѣли на нихъ не только свѣтскіе державцы, а и духовные. Но такое отношеніе къ новымъ поселенцамъ мѣстныхъ державцевъ вызывало недовольство со стороны старыхъ насельниковъ, земельныя права которыхъ естественно ограничывались вновь осажаемыми слободами. На этой почвѣ экономическихъ отношеній залагались въ Малороссіи первоначальныя отношенія къ раскольникамъ со стороны разныхъ слоевъ мѣстнаго населенія.

Не смотря на предупредительность, съ какою принимались въ Стародубскихъ предѣлахъ старообрядцы, ихъ положеніе въ церковномъ отношеніи за рассматриваемое время (до царствованія Екатерины II) было *нелегальное*. Въ Малороссіи раскольники-слобожане не могли открыто и на законномъ основаніи исповѣдовать свою вѣру, имѣть своихъ поповъ, устраивать церкви и монастыри, скиты и пустыни, и если они дѣлали это, то благодаря молчаливому согласію и бездѣйствію мѣстныхъ властей и державцевъ, въ собственномъ интересѣ имъ потворствовавшихъ.—Несравненно большую свободу въ религіозномъ отношеніи пользовались старообрядцы, поселившіеся въ Польшѣ. Польскіе паны не только разрѣшали раскольникамъ строить церкви и монастыри, но даже принимали участіе въ раскольниковыхъ спорахъ съ цѣлю водворенія мира между разномыслящими, созывая для сего соборы (точнѣе, давая на это позволеніе). Существуютъ даже въ раскольниковыхъ источникахъ извѣстіе, что положеніе старообрядцевъ въ Польшѣ было обставлено формально легальными условіями и со стороны государства.—Различіе въ условіяхъ поселенія раскольниковъ за польскимъ рубежемъ и въ сѣверной Малороссіи сильно отразилось на числѣ поселенцевъ тамъ и здѣсь. Сводомъ имѣющихся данныхъ объ этомъ и заканчивается рассматриваемая глава.

Значительное пособіе о трактуемомъ предметѣ авторъ имѣлъ въ трудахъ предшественниковъ, особенно г. Лазаревскаго, но увеличилъ количество относящагося къ дѣлу матеріала и собственными архивными разысканіями. Сведенный въ одно цѣлое матеріаль этотъ обследованъ авторомъ удовлетворительно и въ общемъ представленіе по затронутымъ вопросамъ получается достаточно ясное.

Мы ограничимся однимъ небольшимъ замѣчаніемъ. На стр. 122 и слѣд. г. Лилеевъ говорить, что свобода въ религіозномъ отношеніи предоставлялась польскими панами только селившимся въ ихъ помѣстьяхъ бѣглецамъ-раскольникамъ, но не простиралась на православныхъ великороссовъ, *которые были сильно преслѣдуемы за свою вѣру, что и побуждало ихъ обращаться въ расколъ*. Это утвержденіе автора не гармонируетъ съ тѣмъ его положеніемъ, что въ Польшѣ бѣглецы изъ Великороссіи съ распростертыми объятіями принимались землевладѣльцами, въ собственныхъ интересахъ предоставлявшими имъ разные льготы, въ томъ числѣ и свободу вѣроисповѣданія; а приводимое авторомъ *единственное* доказательство въ пользу означеннаго мнѣнія отнюдь не имѣетъ того значенія, какое онъ желаетъ ему придать. Вотъ это свидѣтельство. Раскольникъ Захаръ Григорьевъ въ 1762 году въ Стародубской полковой канцеляріи рассказывалъ, что *его дѣдъ* попомъ Михайло былъ выходець изъ Великороссіи и состоялъ священникомъ *при православной церкви* въ селѣ Колодовѣ, находившейся во владѣніяхъ шляхтича Радзивилла. Здѣсь онъ священнодѣйствовалъ по своей смерти. Затѣмъ на означенное мѣсто опредѣленъ былъ сынъ умершаго Михайлы, Григорій (отецъ Захара), «который былъ православнымъ попомъ до тѣхъ поръ, пока оная церковь на унѣятскую превращена. А по превращеніи оной въ унѣятскую, оной отецъ его Григорій поповалъ Гомельскаго уѣзда въ слободѣ раскольниковъ Спасовой по раскольниковъ». Полагаемъ, что свидѣтельство это подтвержденіемъ мнѣнію автора служить не можетъ. Колодовская церковь отобрана была отъ *православныхъ западно-русцевъ* очевидно, какъ принадлежавшая владѣльцу имѣнія (*патрону*), считавшему ее, по обычаю, *своею собственностію*, — отобрана по проискамъ латино-унѣятской партіи вслѣдствіе тѣхъ неблагоприятныхъ для православія условій, въ какихъ находилось оно за разсматриваемое время въ западно-русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ. Пользоваться подобнымъ фактомъ (потому только, что дѣдъ попа Григорія былъ уроженецъ великороссійскій) для иллюстраціи отношеній польскихъ землевладѣльцевъ къ селившимся на ихъ земляхъ православнымъ великороссіянамъ, — нерезонно.

Третья глава посвящена обзору дѣятельности первыхъ организаторовъ раскола въ Стародубѣ и на Вѣткѣ.

Первымъ организаторомъ раскола въ означенныхъ мѣстностяхъ были *попы Кузьма*, поселеніе котораго въ Стародубѣ авторъ, какъ мы видѣли, относитъ къ концу 1670-хъ годовъ, и *попъ Стефанъ* въ *Бѣлеса*, *пришедшій сюда нѣсколько позднее*. Впрочемъ, послѣднее замѣчаніе автора требовало бы разъясненія въ виду тѣхъ противорѣчивыхъ выводовъ относительно этого, которые могутъ быть дѣлаемы на основаніи напечатанныхъ имъ документовъ (срав. *Новые матер.* стр. 44—46 съ 60, 73—74). Свѣдѣнія объ этихъ насадителяхъ раскола весьма скудны, но не подлежатъ сомнѣнію, что оба они пользовались большимъ вліяніемъ въ старообрядческой средѣ. Вновь открытыя авторомъ данныя даютъ ему возможность нѣсколько полнѣе освѣтить если не самую дѣятельность означенныхъ поповъ, то, по крайней мѣрѣ, положеніе раскола въ Стародубѣ подъ ихъ духовнымъ руководствомъ. Расколъ къ концу 1670-хъ годовъ настолько уже окрѣпъ въ Стародубѣ, что у многихъ въ это время явилось церковное смущеніе и именно «клеветы ради раскольниковъ» и что «съ церковей Божіихъ блзнилися» не только поселившіеся здѣсь раскольники, но и многіе «съ посполитаго народа». Это вызвало повелѣніе «о испытаніи и разсмотрѣніи церковнаго раздора въ Малороссійскихъ городахъ», очевидно, исходившее отъ Московскаго правительства и относимое авторомъ къ концу 1682 или началу 1683 года. Въ виду воздвигнутаго вслѣдствіе этого гоненія на расколъ, хотя едва ли простиравшагося на все старообрядческое населеніе, *попы Кузьма и Стефанъ*, по общему совѣту съ своими духовными дѣтьми, ушли на житье въ *Вѣтку*, находившуюся въ польскихъ пограничныхъ предѣлахъ и принадлежавшую пану Халецкому. Съ этого времени *Вѣтка* пріобрѣтаетъ огромное значеніе въ раскольниковомъ мірѣ и дѣлается организованнымъ училищемъ поповщинскаго раскола; съ этого же времени и исторія стародубскихъ раскольниковъ надолго связывается съ исторіею *Вѣтки*, именно до устройства Покровскаго раскольниковьяго монастыря въ началѣ царствованія Екатерины II, когда Стародубье снова получаетъ значеніе религіознаго центра.

Говоря о *Вѣтковской* дѣятельности поповъ *Кузьмы и Стефана* и отмѣчая тотъ фактъ, что они послѣ нѣкоторой совмѣстной жизни отдѣлились другъ отъ друга,—авторъ объясняетъ послѣднее нѣкоторымъ разномысліемъ ихъ по вопросу о полахъ новаго рукоположенія. Общая характеристика означенныхъ «носителей раскола въ *Вѣткѣ* и *Стародубѣ*» сводится къ тому, что въ ихъ дѣятельности не видно ника-

кого противогосударственнаго направленія; всѣ ихъ стремленія, видимо, направлены были къ тому, чтобы отыскать себѣ безопасное убѣжище отъ преслѣдованій духовныхъ и гражданскихъ властей московскихъ. Понятно, что они, какъ ревнители церковной старины, хотѣли распространить и перенести эту ревность и на своихъ духовныхъ дѣтей и потому, *если это была пропаганда раскола*, то во всякомъ случаѣ она вытекала изъ чисто-религіозной потребности прозелитизма, изъ пониманія своихъ пастырскихъ задачъ и обязанностей, заставлявшихъ оберегать своихъ пасомыхъ, съ ихъ точки зрѣнія, отъ сѣтей врага и никоніанъ (стр. 155). Что касается Кузьмы, то онъ—по мнѣнію автора—принадлежалъ даже къ тѣмъ ревнителямъ церковной старины, которые не отвергли бы священниковъ, поставляемыхъ высшею законною церковною властію, еслибы ихъ оставили при старопечатныхъ книгахъ и старинныхъ церковныхъ обрядахъ (стр. 138). Разумѣется, эти мнѣнія автора слишкомъ смѣлы, а главное не имѣютъ надежныхъ опоръ въ самомъ его изслѣдованіи. Еще болѣе неожиданнымъ является заявленіе автора о третьемъ извѣстномъ погѣ раскольникѣй Вѣтки, Іоасафѣ. Авторъ говоритъ, что его *«можно назвать первымъ единопрцемъ въ средѣ раскола»* (стр. 169), и это на томъ только основаніи, что онъ посвященъ былъ въ духовный санъ тверскимъ архіереемъ (который, по словамъ Алексѣева, *«аще къ новодогматствованію и привлеченъ, обаче древняя лобызаше»*) *по старымъ книгамъ*. Извѣстно, что для принадлежности къ *единопрію* требуется нѣчто и иное, болѣе существенное, о чемъ Іоасафъ вовсе не заботился. При этомъ черномъ погѣ, ученикѣ извѣстнаго расколуучителя Іова Тимофеева, и по его инициативѣ, стала устроиться на Вѣткѣ первая церковь и, кажется, собираться иночествующая братія. Но наибольшаго возвышенія и процвѣтанія, значенія настоящаго духовнаго центра всего поповщинскаго раскола, достигла Вѣтка при преемникѣ Іоасафа, *Теодосіи*, по фамиліи—какъ добавляетъ авторъ—*Ворыпинъ*. Обзору жизни и дѣятельности этого знаменитаго Вѣтковскаго попа и посвящается остальная, болѣшая часть разсматриваемой главы.

Теодосій пользовался великимъ уваженіемъ и авторитетомъ во всей почти тогдашней поповщинѣ и этимъ обязанъ какъ личному своему характеру и умѣнію пользоваться обстоятельствами, такъ и самымъ обстоятельствамъ своей жизни, связавшимъ его со многими выдающимися раскольникѣй дѣятелями; притомъ онъ былъ изъ числа немногихъ уже въ то время поповъ не только крещенія, но и *поставленія дремаго* (рукоположенъ былъ московскимъ патріархомъ Іосифомъ). Изъ обстоятельнаго очерка жизни Теодосія, составленнаго

г. Лилеевымъ, видно, что онъ явился въ Вѣтку, окруженный уже славою ревнителя и насадителя правовѣрія (т. е. раскола), а вмѣстѣ съ тѣмъ и страдальца за оное. По прибытіи своемъ сюда онъ первѣе всего расширилъ устроенную Юсафомъ церковь, затѣмъ торжественно освятилъ ее на древнемъ антиминсѣ, устроилъ при ней обители— мужскую и женскую, открылъ мощи «тихаго и благоувѣтнаго Юсифа» и, разумѣется, озаботился составленіемъ соотвѣтствующей службы ново-явленному святому; наконецъ, удовлетворяя насущной нуждѣ, сварилъ и *мро*. Благодаря всему сказанному, Вѣтка въ поповщинѣ приобрѣла выдающійся авторитетъ: самый Керженецъ—старѣйшее гнѣздо раскола—склонился передъ ней. Въ качествѣ главы Вѣтковской церкви Θεодосій разсылалъ благословеніе и «изготовляемое имъ причастіе» по всѣмъ поповщинскимъ общинамъ, принималъ бѣглыхъ отъ господствующей церкви поповъ, исправлялъ ихъ по раскольничьи и разсылалъ затѣмъ по разнымъ мѣстамъ. Дѣятельное участіе принималъ Θεодосій и въ возникавшихъ между старообрядцами спорахъ по разнымъ вопросамъ, стараясь прекратить ихъ своимъ авторитетнымъ словомъ. Сообщая данныя относительно этого, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на впервые изданномъ имъ памятникѣ, гдѣ описывается «преніе старца Θεодосія съ Тимофеемъ Лысенинымъ и его единомышленниками о честномъ и животворящемъ крестѣ Господнѣмъ»,— причемъ въ старцѣ Θεодосіи видитъ знаменитаго Вѣтковскаго попа, а самое преніе, происходившее въ 1709 году, приурочиваетъ къ Вѣткѣ.

Разсматриваемая глава составлена въ общемъ весьма обстоятельно, хотя автору и слѣдовало бы точнѣе уяснить вопросъ, почему въ Стародубѣ и на Вѣткѣ расколъ утвердился подъ видомъ бѣглопоповщины, а безпоповщина, тоже приютившаяся здѣсь, не могла пустить прочныхъ корней.—Встрѣчаются и фактическіе погрѣшности и недосмотры. Такъ, ошибочно авторъ старца Θεодосія (*Ворыпина*), имѣвшаго преніе съ Лысенинымъ, отождествляетъ съ Вѣтковскимъ попомъ Θεодосіемъ: *это были различныя лица*, и самое преніе происходило не на Вѣткѣ, а въ Керженцѣ. Независимо отъ данныхъ, заключающихся въ описаніи самаго пренія, данныхъ косвенныхъ, прямое указаніе относительно этого можно видѣть въ приводимой авторомъ же на стр. 169 выдержкѣ изъ рукописи Хлудовской бібліотеки № 341. Это недосмотръ крупный и обидный, хотя, разумѣется, выводомъ автора о дѣятельности Вѣтковскаго Θεодосія (имѣющаго и впредь оставаться неизвѣстнымъ по фамиліи) не ниспровергающій.

На стр. 179 авторъ приводитъ довольно большую выдержку изъ челобитной къ царю Алексію Михайловичу извѣстной въ исторіи раскола

игуменѣи Маремьяны, причемъ время составленія челобитной относить къ 1669 году, а Маремьяну считаетъ занимавшею въ то время мѣсто настоятельница *Козельскаго Вознесенскаго монастыря* (въ Калугѣ). Очевидно автору осталась неизвѣстною обширная статья Игнатія Зинченко, помѣщенная въ *Православномъ Обзорѣннн* за 1884 г. (т. II, стр. 45—130) и посвященная обзору жизни и дѣятельности означенной игуменѣи. Изъ этой статьи, всецѣло основанной на документальныхъ данныхъ, видно, что *Маремьяна Викумична Пальчикова*, бывшая игуменъею до 1659 г. въ Болоховѣ, въ 1660 г. призвана была на игуменство въ Москву, въ знаменитый *Вознесенскій дввичъ монастырь* (въ Кремлѣ), гдѣ настоятельствовала до 1666 г. включительно. Предъ удаленіемъ изъ Москвы (въ Болохово, къ родной сестрѣ игуменѣи Еленѣ Пальчиковой) ей и подана была царю Алексѣю Михайловичу означенная знаменитая челобитная. Была игуменъею Маремьяна и въ Калугѣ, въ Дввичьемъ монастырѣ, но уже позже, — именно, избрана была въ 1672 г., а утверждена только въ 1675 г.

На стр. 153 авторъ говоритъ, что «Питиримъ еще въ 1715 году, т. е. за 20 лѣтъ до такъ называемой первой Вѣтковской выгонки, предлагалъ разорить раскольникыи поселенія за польскимъ рубежомъ и въ особенности совѣтовалъ уничтожить устроенную раскольниками церковь на Вѣткѣ (цитата: *Есиповъ, Г. В. Раскольничьи дѣла XVIII в. Слб. 1863 г., т. II, 220*). Въ своемъ *Доношеніи о раскольникахъ*, поданномъ императору Петру I въ 1718 году, онъ писалъ: «въ Польшу на Вѣтку, въ державу пана Халецкаго, множество выѣхало, и еще туды же собираются, понеже тамо у нихъ поставлена самочиніемъ церковь, и отъ нея на всѣхъ согласія Діаконова принимаютъ тайны, и всеконечно надлежитъ ихъ тамо разорить и ложную ихъ церковь не отлагая, — велія будетъ въ томъ польза, — понеже бѣжать будетъ не куды» (цитата: *Чт. въ Общ. Истор. и Древ. Рос. 1860, IV. Смѣсь, стр. 283*). Изложеніе автора и ссылка его на разные источники даютъ такое представленіе, что рѣчь идетъ о *двухъ доношеніяхъ* Питирима къ императору о разореніи Вѣтки, причемъ второе *воспослѣдовало спустя три года* послѣ перваго. Но на самомъ дѣлѣ въ указанныхъ авторомъ источникахъ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же доношеніи, только у Есипова приводится оно въ собственномъ пересказѣ, съ удержаніемъ немногихъ выражений подлинника, а въ *Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей* — въ подлинникѣ; притомъ доношеніе относится къ 1718 году именно г. *Есиповымъ*, а въ *Чтеніяхъ* подлинникъ напечатанъ вовсе безъ означенія даты, что издателемъ и отмѣчается.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что мы не раздѣляемъ мнѣнія автора о томъ, якобы *въ 1654 году* состоялся соборъ приверженцевъ старины по поводу споровъ о крещеніи и перекрещиваніи никоніанъ (стр. 135—136). Извѣстіе объ этомъ соборѣ исходитъ изъ старообрядческой среды и признается преосв. Макаріемъ *неразумною выдумкою* (Исторія рус. раскола, изд. 3, стр. 274, примѣч. 445). Авторъ находитъ возможнымъ, слѣдуя въ данномъ случаѣ за г. Дружининымъ (*Расколъ на Дону въ концѣ XVII в.*, стр. 74, примѣч. 35), отставивать бытность собора, объясняя дѣло такъ, что соборъ происходилъ не въ Керженской обители, какъ значится въ *сказаніи о страданіяхъ и кончинѣ Павла Коломенскаго*, съ обозначеніемъ лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ, — каковое сказаніе и имѣлъ въ виду преосв. Макарій, — а *въ Москвѣ*, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ житіе инока Корнилія съ опущеніемъ упоминаемыхъ въ сказаніи лицъ, хронологическая невозможность присутствія которыхъ на соборѣ и послужила для преосв. Макарія основаніемъ отрицать его существованіе. Не вдаваясь здѣсь въ разсужденія о томъ, что мнимые соборы старообрядцами измышлялись (это доказано) и почему именно они приурочивались къ началу церковно-богослужебныхъ исправленій, предпринятыхъ Никономъ, — мы затрудняемся согласиться съ авторомъ уже потому, что мало допустимы еще *въ 1654 году*, т. е. при самомъ возникновеніи раскола, разсужденія, да еще соборныя, о *перекрещиваніи* никоніанъ или о дозволеніи мірянамъ крестить при затрудненіяхъ *найти пона старая рукоположенія*...

Въ четвертой главѣ трактуется о *Вѣткѣ и Стародубѣ послѣ смерти попа Θεодосія до первой Вѣтковской выгонки (1711—1735 и.)*.

Разсматриваемый періодъ въ исторіи Вѣтки былъ временемъ наибольшаго распространенія ея вліянія. Въ лѣтописи Вѣтковской церкви (рукопись, принадлежащая автору) приводится довольно длинный перечень вѣтковскихъ духовныхъ руководителей и учителей, тѣмъ не менѣе даже онъ не отличается особенною полнотою, и автору при своемъ изложеніи событій не разъ приходится его восполнять. Болѣе извѣстными вѣтковскими дѣятелями разсматриваемаго періода были: Іовъ Тимошеевъ, Рыльскій уроженецъ, Власій Борисовъ, уроженецъ Тверской губерніи, старцы Леонтій и Мордарій, бѣглый попъ Іоакимъ въ постриженіи Іаковъ, и друг. Въ это время къ Вѣткѣ, какъ своему религиозному центру, примкнули и другіе старообрядческіе скиты и слободы, находившіеся за польскимъ рубежемъ. — Авторъ старается первѣе всего выяснитъ *хозяйственное и воспитательное* значеніе старообрядческихъ монастырей, и преимущественно Вѣтковскаго, для мѣстныхъ

слобожанъ. Старообрядческіе скитники были хорошими организаторами хозяйственной стороны своей жизни: вырубали лѣса, обрабатывали пашины, заводили многочисленный скоть, строили мельницы, занимались огородничествомъ, садоводствомъ, пчеловодствомъ и даже вели иногда обширную торговлю. Кромѣ того, въ Вѣткѣ сильно развито было икопописаніе, а также и нѣкоторыя другія искусства и ремесла. Все это служило важнымъ источникомъ доходовъ, хотя богатствомъ своимъ Вѣтка обязана была въ значительной степени тѣмъ щедрымъ приношеніямъ, которыя стекались сюда съ разныхъ сторонъ.—Тѣ же монастыри и скиты были и центрами старообрядческаго просвѣщенія и грамотности, а также хранилищами старописьменнаго слова. Жившіе здѣсь старцы обучали по кельямъ дѣтей обоаго пола, и иногда и взрослыхъ азбуку, часослову, псалтири, держась въ своей учебной и воспитательной практикѣ старинныхъ пріемовъ обученія и старинной дисциплины. Благодаря этому грамотность и письменность между зарубажными и стародубскими слобожанами были довольно распространены, даже между женщинами.—Изъ скитовъ выходили люди съ твердыми старообрядческими убѣжденіями, энергическіе проповѣдники и насадители раскола въ разныхъ краяхъ обширнаго нашего отечества, готовые пріять смерть за старую вѣру. Авторъ подкрѣпляетъ свое положеніе многими примѣрами, какъ этого «крѣпкостоятельства» за религіозныя убѣжденія, такъ и успѣшности старообрядческой пропаганды вѣтковцевъ, простиравшейся даже до Сибири, причемъ знакомить—какъ онъ выражается—и съ «несложною Вѣтковскою догматикою». Изъ вѣтковскихъ пропагандистовъ раскола г. Лилеевъ обращаетъ особенное вниманіе на чернаго попа Леонтія, котораго онъ отождествляетъ съ Московскимъ священникомъ Іоанномъ Лукьяновымъ, авторомъ извѣстныхъ паломническихъ записокъ (Путешествіе во Св. Землю).

Что касается до Стародубья, то оно въ рассматриваемое время находилось подъ сильнымъ вліяніемъ Вѣтковскихъ учителей.

Торговны и въ особенности религіозныя сношенія Стародубья съ Вѣткою были постоянны. Главными и особенно выдающимися духовными руководителями были здѣсь присланные изъ Вѣтки и исправленные тамъ попы Борисъ и Димитрій, по по документамъ извѣстно вѣсколько и другихъ раскольниковыхъ поповъ, можетъ быть только временно жившихъ въ Стародубѣ. Были въ этотъ періодъ у Стародубцевъ и общественныя часовни—въ Воронкахъ, Зыбкой, Климовой, Еленкѣ, Свяцкой и другихъ слободахъ; были и свои скиты и даже монастыри.—Всѣ эти данныя расходятся съ установившимся въ литературѣ мнѣні-

емъ, будто Стародубскіе раскольники до первой Вѣтковской выгонки коснѣли въ религіозномъ невѣжествѣ и (по словамъ П. И. Мельникова) такъ одичали, что болѣе походили на какихъ то грубыхъ инородцевъ, чѣмъ на русскихъ людей, хотя бы и старообрядцевъ.

Глава заканчивается общою характеристикою стародубскихъ раскольниковъ въ религіозно-нравственномъ, умственномъ и общественномъ отношеніяхъ. Авторъ находитъ, что подобная характеристика, сдѣланная протоіереемъ Журавлевымъ, отличается крайнею односторонностію и «по всей вѣроятности есть только полемическій приемъ во вкусѣ противораскольничьей полемики». Впрочемъ, г. Лилеевъ считаетъ эту характеристику близкою къ истинѣ по отношенію къ *безпоповцамъ*, изъ среды которыхъ вышель самъ Журавлевъ, и мрачную картину старообрядческой жизни связавшей именно съ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ.

Относительно этой главы, мы находимъ нужнымъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія.

1) Однимъ изъ выдающихся явленій въ исторіи Вѣтковскаго и Стародубскаго раскола за рассматриваемое время было исканіе представителями здѣшнихъ старообрядческихъ общинъ архіерейства. Этотъ яркій фактъ вообще въ исторіи всего русскаго раскола, прекрасно характеризующій не только религіозную, но и бытовую его стороны, почти совершенно обойденъ авторомъ. Свѣдѣнія объ этомъ сообщаются имъ краткія и только мимоходомъ. Это большой пробѣлъ, который автору необходимо восполнить въ слѣдующемъ томѣ своего изслѣдованія,— что онъ, кажется, (ст. 314) и намѣренъ сдѣлать (очевидно, когда будетъ говорить объ единовѣрціи).

2) Что безпоповцы, какъ наиболѣе уклонившіеся отъ православія и отрицавшіе бракъ, заслуживаютъ худшаго отзыва въ нравственномъ отношеніи, нежели поповцы, съ этимъ должно согласиться. Тѣмъ не менѣе автору слѣдовало бы свой *общій* приговоръ по этому вопросу мотивировать главнымъ образомъ указаніемъ не на вѣронсповѣдныя отступленія, а другими данными. Правда, и послѣднія у него приводятся какъ для характеристики нравственности безпоповцевъ, такъ и вообще старообрядцевъ, но не всѣ они имѣютъ неоспоримое значеніе, во-первыхъ, потому, что заимствуются изъ одностороннихъ источниковъ (судебныхъ дѣлъ съ *пристрастіями*, сатирическаго произведенія), а во-вторыхъ, потому, что факты, касающіеся *вообще слобожанъ стародубскихъ* (между которыми дѣйствительно не мало было преступнаго люда: извѣстно, что сюда нерѣдко бѣжали *висельники*), авторомъ прилагаются именно къ старообрядцамъ.— Затѣмъ авторъ склоненъ ду-

нать, что беспоповцы и въ умственномъ (образовательномъ) отноше- ній стояли ниже поповцевъ. Съ этимъ уже окончательно согласиться нельзя. Наиболѣе поповцевъ уклонившись отъ православной церкви, между тѣмъ считая себя *правовѣрующими*, беспоповцы должны были употребить и наиболѣе усилій, чтобы оправдать свои существенныя отступленія отъ господствующей церкви. Это обстоятельство требовало не только основательнаго знакомства съ литературными памятниками древности (что мы видимъ и у поповцевъ), но и значительной софисти- ки. Отсюда сочиненія беспоповцевъ изобилуютъ иногда аргументами, обнаруживающими значительную умственную виртуозность, а въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда имъ приходилось отстаивать дѣло правое, даже *немалую научность*. Авторъ думаетъ, что впервые *научно* за- подоузрѣно дѣйствительное существованіе Соборнаго дѣланія на Мар- тина еретика Карамзинимъ, а довольно подробно разбирается и мо- тивируется его подложность въ книгѣ В. М. К.: *Историческія изслѣ- дованія, служація къ оправданію старообрядцевъ*; но обстоятельное и, смѣло можно сказать, *научное* констатированіе подлога означеннаго Дѣланія сдѣлано было еще *въ первой половинѣ прошлаго столѣтія* *безпоповцемъ* *Денисовымъ*. Разумѣется, Денисовъ почти исключительное явленіе въ старообрядческомъ мірѣ. Но величины, хотя и не столь крупныя, въ беспоповщинѣ все-таки встрѣчаются, и встрѣчаются чаще, чѣмъ въ поповщинѣ. Самъ авторъ признаетъ беспоповца Алексѣева, поднѣзавшагося въ Стародубьѣ, «умнымъ и книгоначитаннымъ» (349); а изъ лѣтописи Вѣтковской церкви видно, что послѣ его смерти на- шлись: «скорописки двѣ реторики Лихудіевы и діалектика, да грам- матика его сочиненія».

3) Авторъ—какъ мы видѣли—склоненъ думать, что вѣтковскій черныи попь *Леонтіи* и извѣстный авторъ «Путешествія въ Св. Землю» московскій священникъ Іоаннъ Лукьяновъ одно и то же лицо. Данными для такого предположенія служатъ: во-первыхъ, то, что Пу- тешествіе въ нѣкоторыхъ спискахъ приписывается старцу *Леонтію*,— обстоятельство заставляющее предполагать, что священникъ Іоаннъ въслѣдствіи принялъ это имя при постриженіи въ монашество; во- вторыхъ, что вѣтковскій Леонтій имѣлъ близкія связи съ калуужанами, а изъ означеннаго «Путешествія» видно, что родиною Іоанна Лукья- нова, въ монашествѣ Леонтія, была именно Калуга.

Разумѣется такое отождествленіе Лукьянова съ вѣтковскимъ Ле- онтіемъ есть не болѣе, какъ предположеніе. Мы съ своей стороны за- мѣтимъ только, что и *самую принадлежность къ расколу Лукьянова* (а это считается уже фактомъ) не слѣдуетъ ли отнести только къ

области предположеній?... Изъ грамоты, полученной Лукьяновымъ для паломничества въ Иерусалимъ говорится, что она дается *Московскаго государства жителю, церкви Покрова Пресвятыя Богородицы священнику Иоанну Лукьянову*, т. е. безспорно официально православному священнику. Обращаемся къ самымъ путевымъ запискамъ Лукьянова. Встрѣчаемся ли мы здѣсь съ такими воззрѣніями и отзывами путешественника, которые свидѣтельствуютъ объ его принадлежности къ православію (и трудно могутъ быть иначе объяснены) и съ такими, которые могли принадлежать *только раскольнику*? — Укажемъ на нѣкоторыя мѣста въ «Путешествіи», благопріятствующія мнѣнію о православіи Лукьянова. «И стали (греки) говорить (Лукьянову): для чего де вашъ царь вѣру нѣмецкую на Москвѣ завелъ и платье нѣмецкое? и для чего де царицу постригъ въ монастырь? И я имъ сказалъ: что вѣдь у васъ вѣстей-то въ Царѣвградѣ много, кто вамъ приносить! у насъ на Москвѣ нѣмецкой вѣры нѣтъ; *у насъ вѣра христіанская, а платье у насъ московское, и царица не пострижена...* Ваши, греки, бывши на Москвѣ-то, да здѣ пріѣхавши, *врутъ невидницу, чего отнюдь нѣтъ*. Вправду ихъ государь не велѣлъ къ Москвѣ пущать: малые, моль, греки нашему государю доброхоты. А что вы говорите, что мы за него, государя, Богу молимъ,—и въ томъ вы неправду сказываете: молитесь вы Бога за царя, а не вѣмъ за турскаго, не вѣмъ за московскаго? Глухо еще молится понь вашъ, въ ектеніи говорить: *за царя нашего*; такъ явно стало: за турскаго,—для того, что тотъ вашъ царь, а не за нашего. А вы въ томъ льститесь! какъ бы такъ-то: *за благовернаго царя нашего — это бы на дѣло походило*» (Рус. Арх., годъ I, изд. 2, столб. 202—203)... При описаніи своихъ походовъ въ Иерусалимъ Лукьяновъ рѣзко отдѣляетъ *грековъ* отъ людей другихъ вѣръ еретическихъ (ibid. 271). Говоря о схожденіи огня въ придѣлѣ гроба Господня, нашъ паломникъ *съ настойчивостью* доказываетъ, что сходитъ онъ «но вѣрѣ грековъ». «Токмо кандило греческое загорается, а иныхъ вѣръ кандило не загорается» (ibid. 274). «И обносится та молва въ христіанскихъ церквахъ (говоритъ Лукьяновъ), *паче же съ нашей*, что будто огонь съ небеси не сходитъ, и *то не право говорятъ*; аще бы огонь не сходилъ, то почто грекамъ отдавать? (т. е. предоставлять имъ служеніе при гробѣ Господнемъ въ великую субботу), а они люди убогіе, а еретическія вѣры армяне, французы богаты зѣло; они за такую добрую славу вельми турку много бы дали казны, кабы турокъ пропустилъ такую славу, что *по ихъ вѣрѣ онъ сходитъ, да мельзя*. Одинова турки попытались такъ сдѣлать, да не далось такъ, впредь ихъ не обмануть французы или армяне; ...и за то они за не-

правую свою вѣру дань платять передь греками вдвое» (ibid. 274). Естественно, является недоумѣніе, возможны ли такія воззрѣнія и разсужденія со стороны раскольника, да еще *закоренлаго раскольника*, какъ называетъ Лукьянова въ одномъ мѣстѣ (стр. 254) г. Лилеевъ?

Утверждая о принадлежности Лукьянова къ расколу, обыкновенно указываютъ на его рѣзкіе отзывы о грекахъ (пожалуй, болѣе рѣзкіе, чѣмъ въ Проскинитаріи Арсенія Суханова) и обличеніе ихъ въ отступленіи отъ благочестія. Такіе отзывы и обличенія, дѣйствительно, въ запискахъ нашего паломника многочисленны; по—по нашему мнѣнію—всѣ они такого характера, что легко могли быть сдѣланы не старообрядцемъ только, но и православнымъ древне-русскимъ человѣкомъ, а тѣмъ болѣе священникомъ. Неблагопріятныя для грековъ наблюденія Лукьянова, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ его Путешествія, сгруппированы имъ въ отдѣльномъ трактатѣ, подъ заглавіемъ: *о несогласіи греческомъ съ восточною церковью* (ibid. 214 и слѣд.). Но именно это подведеніе *всѣхъ итоговъ* неблагочестія грековъ и можетъ служить доказательствомъ того, что авторъ не былъ закоренѣлымъ раскольникомъ. Здѣсь нѣтъ рѣчи ни о хожденіи по-солонь, ни о двоеніи адилліа, ни объ измѣненіяхъ въ Символѣ Вѣры и т. п. Все дѣло сводится или къ неблагочинію церковному (простолюдины и бабы ходятъ сквозь царскія врата въ алтарь), или къ обрядовымъ опущеніямъ (часовъ передь обѣдней не поютъ), или къ церковнымъ нестройеніямъ (патріархъ церкви въ откупъ отдаеть), или большею частію къ тѣмъ обычаямъ и порядкамъ общественной жизни, которые могли возбуждать удивленіе и даже негодованіе древне-русскаго человѣка безъ отношенія къ тому, былъ ли онъ раскольникъ или православный (гадины, ползающія въ водѣ, ѣдятъ; патріархъ и митрополиты табакъ пьютъ и во грѣхъ того не ставятъ; усы подбриваютъ и т. п.). Отмѣченный, какъ несогласіе съ восточною церковью, фактъ: «греки въ крещеніи обливаются», разумѣется, могъ и даже неизбѣжно долженъ былъ быть отмѣченъ и православнымъ великороссійскимъ священникомъ (у Лукьянова по отношенію къ грекамъ онъ обобщенъ). Вообще, Лукьяновъ недоволенъ греками, считаетъ ихъ и слѣда не имѣющими *благочестія*, недалекими, вслѣдствіе турецкаго насилія, отъ соединенія съ папешниками, словомъ, не столь благочестивыми, какъ своихъ соотечественниковъ, но нигдѣ не называетъ ихъ *еретиками*. (Ср. такіе же отзывы въ запискѣ Суханова «О чинахъ греческихъ вкратцѣ», ч. II, в. 1-й изслѣдованія С. А. Бѣлокурова).

Какъ на самое сильнѣйшее доказательство принадлежности Лукьянова къ расколу обыкновенно указываютъ на то мѣсто въ его Пу-

тешествіи, гдѣ онъ выставляетъ себя рьянымъ приверженцемъ двоеперстія (разумѣется посѣщеніе Лукьяновымъ кievскихъ пещеръ). Но слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ XVIII столѣтія очень не мало было въ числѣ православныхъ такихъ лицъ, которыя, *чуждаясь раскола*, тѣмъ не менѣе глубоко были убѣждены въ истинности двоеперстія. Чтобы далеко не ходить за примѣрами, сошлемся на книгу г. Лилеева, гдѣ приведено нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ сказанное нами. «Многіе приверженцы двоеперстія—говоритъ нашъ авторъ (стр. 227)—не признавали себя раскольниками. Крестьянинъ Максимовъ (въ 1725 г.) называлъ ворами и измѣнниками тѣхъ, кто считаетъ ихъ, крестящихся двумя перстами, раскольниками... Онъ, Максимъ, крестится двумя перстами, *но не раскольникъ*, ибо дѣлаетъ такъ по преданію св. отецъ; *въ церковь ходитъ, исповѣдывается и причащается желаетъ*, да пошы того не допускаютъ за истинное крестное знаменіе».

Въ пятой главѣ авторъ говоритъ о первой *Вѣтковской выгонкѣ*, ея послѣдствіяхъ и дальнѣйшей судьбѣ *Вѣтковаго и Стародубскаго раскола до переселенія столицы старообрядства въ Стародубье* (1736—1765 гг.).

Эмиграціонное движеніе раскольниковъ въ зарубежныя польскіе предѣлы, нанося экономическій ущербъ интересамъ русскаго государства, уже въ царствованіе Петра Великаго обращало на себя серьезное вниманіе правительства; но тогда не было принято рѣшительныхъ мѣръ противъ означенныхъ бѣглецовъ. Такія мѣры впервые съ настойчивостію предпринимаются русскимъ правительствомъ при Аннѣ Иоанновнѣ. Послѣ неоднократныхъ приглашеній зарубежныхъ раскольниковъ возвратиться въ отечество, хотя и не совершенно безрезультатныхъ, но все-таки далеко не достигавшихъ цѣли, русское правительство рѣшилось осуществить давнишнюю мечту архіепископа Плитирима—разорить главное гнѣздо раскола въ Польшѣ—Вѣтку и, при посредствѣ военной силы, возвратитъ бѣжавшихъ сюда старообрядцевъ, что въ 1735 году и приведено было въ исполненіе. Объ этой первой *Вѣтковской выгонкѣ* въ литературѣ установились такія мнѣнія: во-первыхъ, что число возвращенныхъ въ это время въ Россію старообрядцевъ простиралось до 40,000 или даже до 60,000; во вторыхъ, что большинство ихъ размѣщено было въ предѣлахъ стародубскихъ и, наконецъ, въ-третьихъ, что послѣднее обстоятельство способствовало возвышенію Стародубья, какъ религіознаго раскольниковскаго центра. Авторъ считаетъ означенныя мнѣнія несогласными съ документальными данными и на основаніи послѣднихъ констатируетъ,

что полковникомъ Сытинымъ, разорывшимъ Вѣтку, выведено было оттуда только 13,274 человекъ того и другаго пола, и что только незначительная часть ихъ (нѣсколько сотъ) поселена была въ Стародубѣ, остальные же разосланы были «по внутреннимъ областямъ государства», — причемъ, насколько возможно, обстоятельно говорить какъ о самыхъ мѣстахъ, куда отправляемы были старообрядцы, такъ и объ условіяхъ, коими обставлялось ихъ водвореніе здѣсь. Что касается дѣйствительныхъ фактовъ, такъ или иначе обрисовывающихъ религиозно-церковное положеніе стародубскихъ слобожанъ послѣ Вѣтковой выгонки, во второй половинѣ царствованія Анны Иоанновны и потомъ въ ближайшее царствованіе Елизаветы Петровны, то это положеніе измѣнилось не къ лучшему—какъ доселѣ обыкновенно думали,—а къ худшему сравнительно съ прежнимъ временемъ. Зависѣло это, главнымъ образомъ, отъ того, что на стародубскихъ раскольниковъ, преимущественно поповцевъ, распространены было тѣ стѣсненія, которымъ подверглись выведенные съ Вѣтки раскольники. Особенно тяжкому преслѣдованію подвергались въ это время раскольничьи попы, наставники и учителя, такъ что у слобожанъ явилась «великая нужда въ духовности». Но извѣстно, говоритъ авторъ, что религиозными преслѣдованіями скорѣе достигается противоположная цѣль, нежели та, которая имѣется въ виду, потому что такими преслѣдованіями возбуждается ревность проповѣдниковъ и послѣдователей гонимой вѣры. Такъ было и въ данномъ случаѣ. И въ Стародубѣ преслѣдованіе слобожскихъ раскольниковъ, поповцевъ по преимуществу, «проискиваніе» ихъ бѣглыхъ поповъ, повлекло за собою не соединеніе ихъ съ православною церковію, а усиленіе и распространеніе худшаго вида раскола—безпоповщины, слѣды которой видны въ Стародубѣ еще въ концѣ XVII столѣтія, но не болѣе, какъ слѣды. Вѣтковская выгонка не достигла своей ближайшей цѣли: лѣтъ черезъ пять это излюбленное старообрядцами мѣсто уже опять настолько было заселено и восстановлено, что представлялось въ первоначальномъ своемъ видѣ, какъ относительно внѣшняго и внутренняго своего устройства, такъ и по количеству своихъ насельниковъ. Основнымъ ядромъ новыхъ поселенцевъ были тѣ раскольники, черницы и міряне, которые были захвачены Сытинымъ и которымъ вскорѣ удалось бѣжать изъ Великороссіи. Эти бѣглецы, «яко гоненіе претерпѣвшіе», пользовались у своихъ единовѣрцевъ особеннымъ почетомъ и «великое подаеніе и милостыню» собирали для своей Вѣтки. Съ возрожденіемъ послѣдней въ матеріальномъ отношеніи, она опять вскорѣ пріобрѣтаетъ значеніе религиознаго центра въ поповщинѣ и широко распространяетъ свое вліяніе на самыя отдаленныя мѣстности.

Сообщеніемъ историческихъ данныхъ относительно этого въ связи съ изложеніемъ событій, совершавшихся въ сосѣднемъ съ Вѣткою Стародубьѣ, насколько они касались раскола, и заканчивается разсматриваемая глава, принадлежащая къ числу лучшихъ въ сочиненіи, какъ по обилію собраннаго авторомъ матеріала, такъ и по новому освѣщенію нѣкоторыхъ сторонъ Вѣтковского и Стародубскаго раскола за разсматриваемое время.

Въ *шестой главѣ* авторъ трактуетъ о *діаконовицнѣ на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ въ первой и началѣ второй половины XVIII в.* Діаконовскій толкъ появился первоначально на Керженцѣ, но скоро, еще при жизни извѣстнаго вѣтковского попа Θεодосія, началъ проникать въ Вѣтковскія и Стародубскія слободы. Указавъ на сущность и главныя особенности означеннаго толка и обозначивъ пункты, раздѣлявшіе, а также и сближавшіе вѣтковцевъ съ діаконовцами, авторъ «обращается къ исторіи» послѣднихъ въ изучаемыхъ имъ мѣстностяхъ. Эта исторія въ сущности была исторіею споровъ между представителями діаконовскаго толка съ Вѣтковцами и касалась тѣхъ пунктовъ церковной практики, которые раздѣляли эти два толка тогдашней поповщины. Споры эти оставили широкій слѣдъ въ мѣстной старообрядческой литературѣ прошлаго вѣка; съ ними на основаніи первоисточниковъ, исходящихъ изъ обоихъ лагерей, авторъ подробно и знакомитъ читателей, причемъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на жизни и дѣятельности попа Патрикія, какъ бывшаго однимъ изъ главныхъ представителей діаконовскаго толка за разсматриваемое время и пользовавшагося громаднымъ вліяніемъ не только среди мѣстныхъ слобожанъ-раскольниковъ (конечно, главнымъ образомъ, своего толка), но и далеко за предѣлами Вѣтки и Стародубья. — Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о такъ называемомъ *Сусловомъ согласіи*, находившемся въ ближайшей связи съ Діаконовщиною въ Стародубьѣ, авторъ оканчиваетъ главу общюю характеристикою послѣдней, не чуждою, впрочемъ, односторонности.

Въ общемъ разсматриваемая глава составлена обстоятельно, можетъ быть даже съ излишнимъ привнесеніемъ выдержекъ изъ сырого матеріала. Нѣкоторыя, допущенныя авторомъ въ началѣ ея, неточности объясняются указаннымъ уже нами отождествленіемъ личности вѣтковского попа Θεодосія со старцемъ Θεодосіемъ Ворыпинымъ и перенесеніемъ пренія, бывшаго у послѣдняго съ Лысенинымъ въ Керженцѣ, на Вѣтку.

Въ послѣдней, *седьмой главѣ* идетъ рѣчь *объ управленіи и правительственныхъ мѣропріятіяхъ относительно Стародубскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ до временъ Екатерины II.*

«Историческій очеркъ» по данному вопросу авторъ раздѣляетъ на два, рѣзко различающіеся между собою, періода, гранью для которыхъ служатъ 1715—1716 годы. Въ первомъ періодѣ слободскіе раскольники непосредственно были подчинены мѣстной малороссійской власти: находились въ полной зависимости отъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ жили, и подлежали суду державцевъ и мѣстныхъ урядовъ. Въ данномъ случаѣ они не отличались отъ такъ называемаго посполства, т. е., мѣщанъ и крестьянъ разныхъ наименованій. Объ этомъ періодѣ авторъ говоритъ кратко, какъ вслѣдствіе скудости данныхъ, такъ и однохарактерности,—какъ онъ выражается,—залагавшихся тогда между державцами и насельниками ихъ земель отношеній. На первыхъ порахъ ближайшимъ начальствомъ раскольниковъ и вообще новыхъ поселенцевъ былъ *осадчій* той слободы, гдѣ они поселялись: завѣдуя всѣмъ дѣломъ первоначальнаго устройства послѣдней, онъ служилъ прямымъ посредникомъ со стороны слобожанъ для сношеній съ владѣльцами помѣстій, отъ которыхъ исходили тѣ или иные распоряженія. Тамъ, гдѣ раскольники жили совмѣстно съ коренными жителями Малороссіи, они управлялись наравнѣ съ мѣстнымъ посполствомъ, у котораго ближайшимъ начальствомъ былъ сельскій войтъ. Слобожане, жившіе на монастырскихъ земляхъ, управлялись и судились, такъ называемыми, *городничими* изъ монаховъ, которые пользовались огромною и почти безконтрольною властію надъ монастырскими подданными.—Изъ правительственныхъ мѣропріятій этого періода авторъ отмѣчаетъ указъ Софьи Алексѣевны, о которомъ упоминаетъ Иванъ Алексѣевъ, и тѣ гоненія на стародубскихъ раскольниковъ при гетманѣ Самойловичѣ, о которыхъ подробно говорится во 2-й главѣ изслѣдованія.

Съ 1715 года въ правовомъ положеніи Стародубскихъ и Черниговскихъ старообрядцевъ воспослѣдовала рѣзкая перемена: указомъ Петра Великаго они изъяты были изъ подчиненія малорусскому начальству и освобождены отъ обязательныхъ посполитыхъ отношеній къ державцамъ, лишившимся при этомъ и тѣхъ земель, на которыхъ раньше такъ заботливо насаждали расколъ. Органомъ мѣстнаго управленія надъ раскольничьими слободами сдѣлано было волостное правленіе государевыхъ малороссійскихъ раскольничьихъ слободъ, подчиненное на первыхъ порахъ, чрезъ посредство стародубскаго коменданта, Кіевской губернской канцеляріи. Этотъ новый порядокъ управленія

раскольничьи слободами подвергался въ литературѣ разнообразнымъ толкованіямъ. Авторъ извѣстной *Исторіи Руссовъ* высказываетъ мнѣніе, что означенный порядокъ устроенъ былъ изъ мести и злобы князя Меншикова на гетмана Скоропадскаго, а также вслѣдствіе жалобы представителей малороссійской старшины Петру I на огромные земельные захваты означеннаго гетмана въ Печепчинѣ. Протоіерей І. Журавлевъ означенную переменъ въ управленіи стародубскихъ раскольниковъ ставитъ въ связь съ услугами, якобы оказанными послѣдними государству во время шведской войны. Г. Лазаревскій высказываетъ предположеніе, что малороссійскіе слободскіе раскольники устройствомъ своего новаго положенія больше всего обязаны были небезкорыстной услугѣ полковника Ергольскаго. Авторъ критически относится ко всѣмъ этимъ мнѣніямъ и приходитъ къ тому заключенію, что въ данномъ случаѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ кievскій генераль-губернаторъ, князь Голицынъ. Соглашаясь съ разсужденіями и доводами автора по данному вопросу, мы замѣтимъ однако, что они не находятъ въ противорѣчіи и съ предположеніемъ г. Лазаревскаго. Самъ авторъ заявляетъ, что князь Голицынъ представилъ дѣло о стародубскихъ и черниговскихъ раскольникахъ на благоусмотрѣніе государя па основаніи данныхъ, добытыхъ Ергольскимъ, и не отрицаетъ вѣроятности со стороны послѣдняго, какъ дѣла въ то время обыкновеннаго. — Новое правовое положеніе, въ какое поставлены были стародубскіе и черниговскіе старообрядцы, было на столько прочно и устойчиво, что всѣ ходатайства, заявленныя въ разсматриваемый періодъ прежними державцами «о возвращеніи раскольниковъ» въ подданство или отобраніи отъ нихъ заселенныхъ земель, не имѣли успѣха (за исключеніемъ, впрочемъ, ходатайства Кіево-Печерской лавры). Это новое правовое положеніе, въ извѣстной мѣрѣ, условливало собою и дальнѣйшій ходъ правительственныхъ мѣропріятій относительно стародубскихъ раскольниковъ, хотя они и не всегда отличались одинаковой мягкостью. При губернаторствѣ князя Голицына и его ближайшихъ преемникахъ малороссійскимъ старообрядцамъ жилось въ общемъ хорошо: они пользовались даже покровительствомъ со стороны мѣстнаго начальства. Но съ 1728 года, по восстановленіи гетманства при Петрѣ II, положеніе ихъ значительно измѣнилось къ худшему. Новоизбранный гетманъ Даниль Апостоль просилъ даже правительство о высылкѣ старообрядцевъ изъ Малороссіи, и хотя ходатайство это не было уважено, тѣмъ не менѣе они были значительно стѣснены: изъяты изъ вѣдѣнія кievской губернской канцеляріи и подчинены вновь образовавшейся при гетманѣ канцеляріи министерскаго правленія мало-

россійскихъ дѣлъ и высшей ея инстанціи—коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вѣдавшей дѣла малороссійскія при гетманскомъ управленіи послѣдняго періода. Эта переменна въ управленіи слободскихъ раскольниковъ сопровождалась для нихъ тяжелыми послѣдствіями, усилившимися послѣ первой вѣтковской выгонки, когда на стародубскихъ раскольниковъ распространены были тѣ строгости, которымъ подвергались выведенные съ Вѣтки раскольники.—Новый поворотъ правительства къ стародубскимъ старообрядцамъ относится къ царствованію Елисаветы Петровны, когда съ 1750 года ихъ дѣлами опять стала завѣдывать кievская губернская канцелярія, и когда къ порубежнымъ раскольникамъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній практическаго свойства, рѣшено было относиться снисходительнѣе. Общее заключеніе, которое можно вывести изъ тщательно составленнаго авторомъ историческаго очерка по данному вопросу сводится къ тому, что, несмотря на выпадавшія на долю стародубскихъ и черниговскихъ старообрядцевъ невзгоды и затрудненія, имъ жилось значительно вольготнѣе, чѣмъ раскольникамъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе разсматриваемаго сочиненія, о которомъ, не смотря на нѣкоторыя допущенныя въ немъ погрѣшности и недосмотры, мы должны отозваться съ *рѣшительною похвалою*. Трудъ автора основанъ, главнымъ образомъ, на первоисточникахъ, изъ коихъ многіе дѣлаются достояніемъ науки, благодаря архивнымъ розысканіямъ самаго автора. Какъ вооруженный новыми данными трудъ этотъ восполняетъ немало пробѣловъ въ недостаточно разработанной исторіи Вѣтковского и Стародубскаго раскола, исправляетъ много неточностей и ошибочныхъ мнѣній, встрѣчающихся у прежнихъ изслѣдователей, освѣщаетъ нѣкоторые извѣстные факты съ совершенно новыхъ сторонъ, словомъ,—какъ мы выразились въ началѣ рецензіи—представляетъ собою дальнѣйшее поступательное движеніе въ разработкѣ изслѣдуемаго предмета.

Мы полагаемъ, что многолѣтній трудъ автора, составляющій столь полезный вкладъ въ нашу историческую литературу, увѣнчана пріемомъ имени Г. Θ. Карпова заслуживаетъ.

С. Голубевъ.

2.—О состоящей при Императорскомъ обществѣ любителей древней письменности преміи А. М. Кожевникова „за ученую разработку и изданіе памятниковъ славянорусской письменности“.

Правила о присужденіи преміи имени А. М. Кожевникова при Императорскомъ Обществѣ любителей древней письменности. (Утверждены г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 18 мая 1895 года).

1) На проценты съ капитала въ десять тысячъ семьсотъ пятьдесятъ руб. мет.,¹ оставленнаго Императорскому Обществу любителей древней письменности по духовному завѣщанію потомственнаго почетнаго гражданина дѣйствительнаго студента Александра Митрофановича Кожевникова, учреждается премія имени А. М. Кожевникова.

2) Согласно волѣ завѣщателя, размѣръ этой преміи, считая 4% годовыхъ, за вычетомъ расходовъ по храненію и затратъ при замѣнѣ вышедшихъ въ тиражъ погашенія билетовъ новыми билетами того же достоинства, не долженъ превышать четырехъ сотъ тридцати руб. мет.

3) Премія эта, согласно волѣ завѣщателя, выдается «за ученую разработку и изданіе небольшихъ, но замѣчательныхъ по древности и характеристичности, рѣдкихъ памятниковъ славяно-русской письменности», напечатанныхъ въ изданіяхъ Общества, или предназначенныхъ къ печатанію въ тѣхъ же изданіяхъ.

4) Для присужденія преміи образуется особая Комmissія изъ членовъ Комитета Общества и трехъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ составу Общества, по приглашенію Комитета.

5) Комmissія по присужденію преміи собирается за два мѣсяца до годового собранія Общества.

6) Составленный въ означенной комmissіи отчетъ о присужденія преміи читается въ годовомъ собраніи Общества.

7) Въ случаѣ неприсужденія преміи въ какомъ либо году годовые проценты съ капитала, завѣщаннаго А. М. Кожевниковымъ, могутъ быть употребляемы на расходы по печатанію памятниковъ, признанныхъ заслуживающими преміи.

¹ Означенный капиталъ заключается въ трехъ листахъ 4% облигаций 2-й серіи консолид. займа російскихъ желѣзныхъ дорогъ по 3125 р. мет., въ одномъ листѣ въ 1250 руб. мет. и одномъ листѣ въ 125 руб. мет.

Протоколы засѣданій Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1896 и 1897 годы.

1896 годъ.

406-е засѣданіе 27 января.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 27 января 1896 года подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Общества В. О. Ключевского, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, Н. В. Никитина, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. И. Холмогорова, В. А. Уляницкаго, В. О. Эйнгорна и Членовъ-Соревнователей: С. М. Сироткина, В. Н. Сторожева и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

1) Читаны отношенія: 1) Орловской ученой архивной Коммиссіи отъ 11 ноября сего года за № 106 съ препровожденіемъ втораго выпуска «Трудовъ» своихъ за 1895 годъ.

2) Директора Ново-Александрійскаго Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства отъ 5 января сего года за № 57 съ благодарностію за высылку въ прошломъ году «Чтеній» въ студенческую бібліотеку и съ просьбой о высылкѣ ихъ и въ нынѣшнемъ году. Определено: высылать.

3) Студентовъ С.-Петербургской духовной Академіи съ благодарностію за высылку въ прошломъ году «Чтеній» и съ просьбой о высылкѣ ихъ и въ настоящемъ году. Определено: высылать.

4) Управляющаго дѣлами Комитета Сибирской желѣзной дороги отъ 3 января сего года за № 2 съ выраженіемъ искренней признательности за принесеніе въ даръ Читинской бібліотекѣ изданій Общества.

5) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 11 января сего года за № 430 съ препровожденіемъ талона къ ассигновкѣ за № 10

на получение изъ Московскаго Губернскаго Казначейства пяти тысячъ рублей, ассигнованныхъ на содержаніе Общества въ текущемъ 1896 году.

6) Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ отъ 17 января сего года за № 56 съ увѣдомленіемъ, что по вскрытіи пакета Общества, полученнаго въ Академіи Наукъ 1 декабря 1895 г. за № 847, въ немъ не оказалось списковъ сказаній о Максимѣ грекѣ, которые возвращались Академіи по принадлежности. Секретарь Общества заявилъ, что означенные списки отправлены 1 декабря отдѣльно отъ отношенія Общества особой посылкой за № 850 и что по полученіи сего отношенія Непремѣннаго Секретаря имъ сдѣланъ въ Почтамтъ запросъ: куда отслана означенная посылка за № 850.

7) Управленія Императорской Публичной Библіотеки отъ 23 января и 5 февраля за №№ 155 и 234 о полученіи Библіотекой возвращенныхъ Обществомъ 11 рукописей, содержащихъ сказанія о Максимѣ грекѣ и принадлежащихъ Библіотекѣ.

8) Члена-Соревнователя В. Н. Сторожева съ препровожденіемъ для Библіотеки Общества 3 новыхъ своихъ работъ. Предсѣдатель Общества принесъ отъ имени Общества благодарность присутствовавшему въ засѣданіи автору за доставленіе ихъ.

9) Московскаго Архива Министерства Юстиціи отъ 18 января сего года за № 10 съ увѣдомленіемъ о полученіи плана части г. Москвы XVII вѣкз, хранящагося въ столбцѣ Московскаго стола за № 482.

10) Книжнаго магазина М. М. Лидерле съ предложеніемъ своихъ услугъ по продажѣ изданій Общества. Определено: выслать 5—10 экземпляровъ каталога продающихся въ Обществѣ книгъ.

11) Редакціи Кіевскихъ «Университетскихъ Извѣстій» съ предложеніемъ взаимнаго обмѣна изданій. Определено: обмѣниваться.

12) Письмо С. Шумакова о помѣщеніи въ «Чтеніяхъ» обзора Углицкихъ актовъ Коллегіи Экономіи. Определено: напечатать.

13) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 23 января сего года за № 1626 съ сообщеніемъ, что Государь Императоръ въ 26-й день октября 1895 года Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать за отлично усердную и ревностную службу служителя Общества, отставнаго унтеръ-офицера Василія Гаврилова серебряною медалью съ надписью «за усердіе» для пощенія па шеѣ на Стапиславской лентѣ. Определено: препровожденную при семъ отношенія медаль выдать по принадлежности, а слѣдующія за пожалованіе ея деньги 7 руб. 50 к. уплатить изъ суммъ Общества.

14) Дѣйствительный Членъ В. О. Ключевскій, какъ Предсѣдатель

особой, избранной Обществомъ, Коммиссіи, представилъ на обсужденіе Общества выработанный Коммиссіей планъ исторической записки къ столѣтію существованія Общества. Определено: разослать означенный планъ всѣмъ Членамъ Общества и просить ихъ представить свои отзывы о немъ къ 15 апрѣля сего года.

15) Секретарь заявилъ, что Императорскому Русскому Географическому Обществу, по случаю празднованія 50-лѣтія со дня его основанія, отправлена отъ имени Общества привѣтственная телеграмма. Определено: принять къ свѣдѣнію.

16) По доведеніи до свѣдѣнія Общества Секретаремъ и Предсѣдателемъ его о послѣдовавшихъ кончинахъ Дѣйствительныхъ Членовъ: А. И. Тимоѣева († декабря 1895 г.), В. А. Дашкова († 9 января 1896 г.) и графа М. В. Толстого († 23 января 1896 г.) Общество почтіло память ихъ вставаніемъ.

17) Дѣйствительными Членами: В. О. Ключевскимъ, С. А. Булокуровымъ и Е. В. Барсовымъ предложены къ избранію въ Члены-Соревнователи: а) Сергій Александровичъ Шумаковъ и б) Петръ Васильевичъ Сяницынъ. Определено: произвести избраніе ихъ закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи.

18) Послѣдовавшею затѣмъ закрытою баллотировкою избранъ единогласно въ Дѣйствительные Члены Общества предложенный въ предшествовавшемъ засѣданіи Членъ-Соревнователь С. О. Долговъ.

II. Сдѣланы сообщенія: а) Дѣйствительнымъ Членомъ В. О. Зянгоровомъ: «Заказъ Московскаго правительства Кіево-Печерской типографіи въ 1669 году». Какъ видно изъ Записныхъ книгъ Московскаго печатнаго Двора вслѣдствіе все увеличивавшагося спроса на книги Московская типографія была въ шестидесятыхъ годахъ XVII в. заявлена работой. Поэтому не только не удалась попытка Лазаря Барановича напечатать въ Москвѣ «Трубы словесъ проповѣдныхъ», но Московское правительство рѣшило даже дать типографіи Кіево-Печерской лавры заказъ на исполненіе типографской работы и предложило архимандриту Кіево-Печерскаго монастыря Иннокентію Гизелю напечатать въ лаврской типографіи двѣ книги: «Бесѣды на Дѣянія Апостольскія» и «Бесѣды на Посланія». Но кіевляне подъ разными предлогами отклонили отъ себя печатаніе книгъ для Москвы, а предложили Московскому правительству приобрести въ книжномъ складѣ Печерской лавры залежавшіеся экземпляры лаврскаго изданія «Бесѣды». Хотя Гизель предлагалъ купить у него книги въ казну «царскою цѣною», однако правительство Московское не согласилось на это, рѣзко отказавшись, впрочемъ, продавать книги въ Москвѣ по волевой цѣнѣ: преемъ же пе-

9) Членъ-Соревнователь В. Н. Сторожевъ предложилъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ» собранные имъ матеріалы, касающіеся исторіи Московскаго и Нижегородскаго дворянства. Определено: помѣстить означенные матеріалы въ «Чтеніяхъ», приступивъ къ набору ихъ, когда представится возможность.

10) Дѣйствительными Членами Общества Е. В. Барсовымъ, В. О. Ключевскимъ и С. А. Бѣлокуровымъ предложенъ къ избранію въ Дѣйствительные Члены Общества—Членъ-Соревнователь протоіерей Григорій Петровичъ Смирновъ-Платоновъ. Определено: произвести избраніе его закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи.

11) Закрытой баллотировкой въ Члены-Соревнователи избраны большинствомъ голосовъ: П. Ѳ. Сивичинъ и единогласно: С. А. Шумаковъ.

12) За истеченіемъ выборнаго срока произведены были выборы Предсѣдателя Общества. Записками заявлены были кандидатами: В. О. Ключевскій (15 записокъ) и Дѣйствительный Членъ А. А. Майковъ (1 записка). Послѣдовавшю затѣмъ закрытою баллотировкой В. О. Ключевскій единогласно избранъ на второе трехлѣтіе. Определено: согласно § 21 Устава Общества извѣстить о семъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа и просить его представить вновь избраннаго Предсѣдателя на утвержденіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

II. Дѣйствительнымъ Членомъ М. К. Любавскимъ сдѣлано сообщеніе: «Къ исторіи литовско-русскаго сейма».

Въ первоначальной стадіи своего развитія литовскій сеймъ былъ простымъ расширеніемъ великокняжеской думы, или рады. Великіе князья Литовскіе въ важныхъ случаяхъ стали созывать для совѣщанія не только обычныхъ своихъ совѣтниковъ, князей и знатныхъ бояръ, но всѣхъ вообще бояръ, отправлявшихъ разныя должности и владѣвшихъ болѣе или менѣе значительными имѣньями. Такія собранія созывались великими князьями, напр., для обсужденія вопросовъ объ уніи съ Польшею, для принятія и подтвержденія уніи. Такія собранія созывались правящею знатью, остававшеюся безъ государя, для выбора новаго великаго князя. Унія съ Польшею, можно сказать, много способствовала возникновенію такихъ собраній, такъ какъ поставила великому княжеству много вопросовъ государственнаго бытія. Важность рѣшавшихся вопросовъ заставляла привлекать къ обсужденію и рѣшенію ихъ все, что имѣло вѣсъ и значеніе въ государствѣ. Послѣ князей и высшихъ сановниковъ наиболѣе крупною общественною силою были военнослужилый классъ, и главнымъ образомъ тотъ слой его, который

по родовымъ связямъ, государственному и имущественному положенію примыкаль къ правительственной знати. Изъ этого-то слоя преимущественно и привлекались лица къ обсужденію важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Можно сказать, что въ первоначальной стадіи своего развитія литовскій сеймъ былъ проявленіемъ политической дѣятельности болѣе широкаго круга литовско-русской знати, чѣмъ тотъ, изъ котораго выходила обычная великокняжеская рада.

Въ первоначальной стадіи своего развитія литовскій сеймъ не былъ учрежденіемъ съ опредѣленнымъ составомъ персонала, съ опредѣленною политическою компетенціею и не занималъ постояннаго и прочнаго мѣста въ государственномъ управленіи, — словомъ былъ *явистымъ*, болѣе или менѣе случайнымъ. Сама великокняжеская рада, расширеніемъ которой былъ сеймъ, въ то время не сформировалась еще, какъ учрежденіе, ни въ отношеніи состава, ни въ отношеніи политической компетенціи. Поэтому и сеймъ почти невозможно отдѣлить отъ рады великокняжеской. Литовскій сеймъ, какъ учрежденіе, формировался съ начала XVI в. Къ этому времени великокняжеская рада превратилась уже въ учрежденіе съ опредѣленнымъ составомъ и кругомъ вѣдѣній, съ опредѣленною политическою компетенціею. Этимъ положено было начало опредѣленію и сейма. Сеймъ теперь уже явственно отличается отъ великокняжеской рады. Постепенно затѣмъ опредѣлился и составъ сейма, и его компетенція, обозначились «станы, сейму належачіе», и дѣла, для которыхъ они стали постоянно созываться. На сеймъ, кромѣ пановъ - рады, — стали созываться князата, панята, урядники земскіе и дворные и шляхта — рыцарство. Последняя сначала представлялась всѣми, кто пожелалъ прибыть на сеймъ, но затѣмъ введено было правильное представительство. Шляхта стала выбирать пословъ отъ каждаго хоружства (первый случай 1511 г.). Съ 1566 г. послы выбирались отъ каждаго судебного повѣта на повѣтовыхъ сеймикахъ всею шляхтою безъ различія званій, въ томъ числѣ князьями и панами. Такъ какъ одновременно съ тѣмъ и великокняжеская рада реформировалась въ своемъ составѣ по образцу польскаго сената (вслѣдствіе увеличенія числа воеводъ и каштеляновъ), то можно сказать, что литовскій сеймъ по составу своему значительно приблизился къ польскому. Приблизился онъ къ польскому и по своей компетенціи. Литовскій сеймъ при Сигизмундѣ I созывался для «ухвалы» сбора серебщины (подати на военныя нужды), которая по правиламъ 1457 г. перестала быть постоянною податью и превратилась во временную, собирающуюся сначала по постановленію пановъ-рады, а потомъ по постановленію сейма. Кромѣ сбора серебщины на сеймъ дѣ-

лались постановленія объ оборонѣ земской, т. е. о количествѣ ратниковъ, которыхъ должны были вывести военнослужилые землевладѣльцы съ собою на поле военныхъ дѣйствій. Этотъ обычай возникъ благодаря тому обстоятельству, что правительство рѣшило въ цѣляхъ лучшей организаціи войска мобилизовать владѣльческія «почты» не съ земли, а съ количества крестьянскихъ служебъ или тяголъ, требуя, чтобы эти «почты» были въ уставномъ вооруженіи и на коняхъ уставной цѣны. Такъ какъ это требованіе могло нарушать права шляхты, то шляхтѣ самой предоставлено было постановлять объ оборонѣ земской. Постановленія о сборѣ серебщины и объ оборонѣ земской признаны были правомъ сейма. Съ послѣднихъ лѣтъ правленія Сигизмунда I литовско-русская шляхта, собиравшаяся на сеймахъ, стала подавать просьбы правительству о своихъ нуждахъ, дѣлать различныя указанія на государственные неурядки, добиваться новыхъ правъ и вольностей, новыхъ законовъ. Сеймъ сдѣлался органомъ политическихъ притязаній шляхты, органомъ ея законодательной инициативы. Само правительство стало прислушиваться къ голосу шляхты, удовлетворять ея просьбы, издавать по ея желанію законы. Наконецъ, по Статуту 1566 г. исправленному и редактированному при участіи шляхты, господарь обязанъ былъ «новыхъ уставъ безъ сейму вального не встановляти». Послѣ этого литовскій сеймъ по своей политической компетенціи близко подошелъ къ польскому и, слѣдовательно, могъ легко слиться съ нимъ. Парламентарная унія 1569 г. была подготовлена внутреннимъ процессомъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, нагляднымъ выраженіемъ котораго является исторія литовскаго сейма.

408 засѣданіе 15 марта (юдичное).

Въ годичномъ засѣданіи Общества 15 марта сего года подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Общества В. О. Ключевского, въ присутствіи гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Р. Ѳ. Брандта, С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, А. Н. Зердалова, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, А. А. Маргынова, А. А. Майкова, Н. В. Никитина, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйпгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, М. А. Вепитинова, В. Н. Сторожева, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова происходило слѣдующее:

І. Секретарь Общества прочиталъ отчетъ объ ученой дѣятельности Общества въ минувшемъ году, при чемъ отмѣтилъ нѣкоторыя выдающіяся работы, помѣщенные въ «Чтеніяхъ» Общества за 1895 г.

II. Казначей Общества С. А. Бѣлокуровъ представилъ подробный отчетъ о состояніи суммъ Общества за минувшій годъ, съ 19 марта 1894 г. по 15 марта 1895 г., равно какъ и капиталовъ премій: Г. Ѳ. Карпова и князя Д. В. Голицына. Общество, согласно предложенію Казначая, постановило: выпускать въ теченіе 1895 и 1896 годовъ книжки «Чтеній», размѣромъ каждая около 35 печатныхъ листовъ.

III. Казначей Общества, обративъ вниманіе Общества на то, что въ минувшемъ году совершена была конверсія почти всѣхъ %-ныхъ бумагъ, принадлежащихъ Обществу, на весьма значительную сумму, просилъ Общество поручить кому-либо изъ Членовъ повѣрить отчеты его какъ за минувшій годъ, такъ и за предыдущіе года, со времени принятія имъ на себя обязанностей Казначая, въ виду того, что отчеты его доселѣ ни разу не были повѣрены. Общество постановило удовлетворить просьбу Казначая и назначило Дѣйствительныхъ Членовъ В. И. Холмогорова и Е. И. Соколова для повѣрки отчетовъ Казначая за время съ 1 января 1891 года.

IV. Помощникъ Библіотекаря Общества Е. И. Соколовъ прочиталъ годичный отчетъ по библіотекѣ, при чемъ не только отмѣтилъ болѣе важныя поступленія въ нее за отчетное время книгами, рукописями и документами, но и сообщилъ свѣдѣнія о разобранныхъ и описанныхъ столбцахъ и другихъ документахъ, принадлежащихъ Обществу.

V. По предложенію г. Предсѣдателя Общество принесло благодарность Секретарю, Казначая и Помощнику Библіотекаря за ихъ труды для Общества въ минувшемъ году.

VI. По прочтеніи отчетовъ Предсѣдатель Общества В. О. Ключевскій сдѣлалъ сообщеніе о печатаемыхъ въ «Чтеніяхъ» новыхъ матеріалахъ для исторіи нѣмецкихъ школъ въ Москвѣ, доставленныхъ Дѣйствительными Членами С. А. Бѣлокуровымъ и А. Н. Зерцаловымъ.

409 засѣданіе 15 марта (обыкновенное).

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 15 марта сего года подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества В. О. Ключевского, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Р. Ѳ. Брандта, С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, А. А. Мартынова, А. А. Майкова, Н. В. Никитина, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, М. А. Ве-

9) Ректора Императорскаго Московскаго Университета отъ 11 марта за № 1466 съ просьбой назначить одного изъ Членовъ Общества въ Коммиссію по присужденію преміи С. М. Соловьева представителемъ Общества. Членомъ Коммиссіи отъ Общества въ означенную Коммиссію назначенъ Дѣйствительный Членъ В. А. Уляницкій.

10) Закрытою баллотировкою единогласно избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества — Членъ-Соревнователь Протоіерей Г. П. Смирновъ-Платоновъ.

410-е засѣданіе 24 апрѣля (обыкновеннос).

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества, 24 апрѣля сего 1896 г., подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филиппова, Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. Н. Зерцалова, Д. Н. Иловайскаго, М. К. Любавскаго, Н. В. Никитина, протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова, М. Н. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. Н. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ - Соревнователей: Н. И. Аммона, А. И. Станкевича, В. Н. Сторожева, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

1) Читаны отношенія: 1) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 3 апрѣля сего года за № 6328 съ увѣдомленіемъ объ утвержденіи Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ званіи Предсѣдателя Общества на второе трехлѣтіе Дѣйствительнаго Члена Общества В. О. Ключевскаго, согласно состоявшемуся 24 февраля сего года избранію.

2) Центральнаго Статистическаго Комитета съ препровожденіемъ экземпляровъ новыхъ своихъ изданій: а) Статистика Россійской имперіи ХХІ, ХХХІІ—ХХХV тт. и б) Библиографическій обзоръ изданій Центральнаго Статистическаго Комитета. Определено: благодарить за присланныя изданія.

3) Смитсоніанскаго Института отъ 13 апрѣля и Упсальскаго Университета въ Христіаніи отъ 30 мая сего года съ увѣдомленіемъ о полученіи—первымъ 1 кн. за 1894 г., а вторымъ—4 кн. за 1895 г. и 1 кн. 1896 г. «Чтеній» Общества.

4) Письмо къ Предсѣдателю дочери бывшаго Секретаря Общества А. Н. Попова — Е. А. Павловой съ просьбой выдать безплатно тѣ книги Чтеній, въ которыхъ были помѣщены работы покойнаго ея отца. Секретарь заявилъ, что согласно распоряженію г. Предсѣдателя г-жѣ

новъ Общества: Графа И. Д. Делянова, И. Е. Забѣлина, Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: Ю. О. Крачковскаго, П. А. Безсонова, С. М. Шпилевскаго, Н. А. Лавровскаго, Членовъ-Соревнователей: М. Лилеева и С. А. Шумакова; причеъ заявили принять участіе въ исполненіи плана: а) Ю. О. Крачковскій—въ составленіи «Обзора содержанія изданій Общества по исторіи Русской церкви»; б) П. А. Безсоновъ по VI отдѣлу въ вопросахъ о «Славянствѣ» и роли въ нихъ О. М. Бодянскаго; в) М. И. Лилеевъ—въ составленіи той или другой работы — по обзору историческаго содержанія изданій Общества; г) С. М. Шпилевскій—по обзору содержанія изданій Общества, касательно «Исторіи русскаго права» и д) С. А. Шумаковъ—въ составленіи введенія и по пунктамъ VI и XI отд.

Выслушавъ и обсудивъ всѣ эти заявленія, Общество постановило: принести глубокую благодарность тѣмъ Членамъ Общества, которые изъявили желаніе принять участіе въ составленіи Исторической записки объ Обществѣ; а окончательное сужденіе касательно программы и исполненія ея имѣть въ осеннемъ засѣданіи.

14) За истеченіемъ выборнаго срока закрытою баллотировкою произведены выборы Библиотекаря и его Помощника. Единогласно были избраны Ю. Д. Филимоновъ—Библиотекаремъ и Е. И. Соколовъ—Помощникомъ Библиотекаря.

15) Разрѣшено уплатить по счету Университетской Типографіи за 1-ю книгу «Чтеній» 1896 года 697 руб. 45 коп.

II. Предсѣдателемъ Общества В. О. Ключевскимъ сдѣлано сообщеніе о просвѣдательной дѣятельности Стефана, епископа Пермскаго.

411-е засѣданіе 24 апрѣля (чрезвычайное).

Въ чрезвычайномъ засѣданіи Общества 24 апрѣля сего 1896 года, подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, М. К. Любавскаго, Н. В. Никитина, протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, А. И. Ставкевича, В. Н. Сторожева, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, происходило слѣдующее:

1) Секретарь прочиталъ отчетъ по 4-му соисканію преміи Г. О. Карнова, при чемъ привелъ извлеченіе изъ отзывовъ рецензентовъ о представленныхъ сочиненіяхъ.

2) Предсѣдатель Общества объявилъ изслѣдованіе С. А. Бѣлокурова «О библіотекѣ Московскихъ Государей въ XVI столѣтіи» — въ виду научныхъ достоинствъ и заключающихся въ немъ новыхъ матеріаловъ, указанныхъ рецензією М. И. Соколова, — увѣнчаннымъ преміей Г. Ѳ. Карпова; рецензентовъ же представленныхъ сочиненій проф. Д. А. Корсакова и М. И. Соколова, по вниманію къ ихъ трудамъ, выдающимся тщательностію критическаго разбора и строго-научными приемами, удостоенными установленныхъ золотыхъ медалей.

3) Дѣйствительный Членъ Общества С. А. Бѣлокуровъ принесъ глубокую благодарность Обществу за лестный знакъ вниманія Общества къ его труду.

4) Согласно предложенію Предсѣдателя Общества постановлено: по примѣру прежнихъ лѣтъ о результатахъ 4-го соисканія преміи Г. Ѳ. Карпова сообщить ея учредительницѣ Аннѣ Тимофеевнѣ Карповой.

412-е засѣданіе 26 сентября.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 26 сентября сего года, подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя В. О. Ключевского, въ присутствіи гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: А. Н. Зерцалова, М. К. Любавскаго, Н. В. Никитина, протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. И. Холмогорова, В. О. Эйпгорна, Члена-Соревнователя В. Н. Сторожева и Секретаря Общества Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Отношеніе Директора Императорской Публичной Библіотеки отъ 5 августа сего года за № 1059 съ препровожденіемъ «Отчета Императорской Публичной Библіотеки за 1893 годъ».

2) Орловской ученой архивной Коммиссіи отъ 3 мая и 9 августа 1896 г. за №№ 83 и 111 съ препровожденіемъ I вып. «Трудовъ» за 1896 г. и Историческихъ очерковъ Орловскаго Введенскаго дѣвничьяго монастыря.

3) Предсѣдателя Московскаго Биржевого Комитета отъ 25 іюня сего года, за № 60, съ препровожденіемъ «Указателя къ III тому Актовыхъ книгъ».

4) Историческаго Общества Нестора лѣтописца съ препровожденіемъ X книги своихъ «Чтеній».

По § 1 - 4 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

5) Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко, отъ 15 юля сего года, за № 1059, съ препровожденіемъ XV кн. «Извѣстій» Института въ обмѣнъ на «Чтенія».

6) Нѣжинскаго Историко-Филологическаго Общества при томъ-же Институтѣ съ препровожденіемъ I т. Сборника своихъ Трудовъ и съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Определено: выслать изданія, которыя имѣются въ достаточномъ количествѣ и впредь высылать «Чтенія» Общества.

7) Рязанской Ученой Архивной Коммисіи отъ 4 іюня сего года за № 97 съ препровожденіемъ Отчета о дѣятельности Коммисіи за 1896 г. и съ просьбой о высылкѣ изданій Общества за 1895 г., а равно и о дальнѣйшемъ продолженіи обмѣна изданіями.

8) Кимрской Общественной Библіотеки - Читальни отъ 27 іюня сего года съ просьбой о высылкѣ бесплатно въ Библіотеку - Читальни «Чтеній» Общества. Определено: выслать вышедшія книги за сей годъ.

9) Троицко-Савско-Кяхтинскаго отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 25 мая и 3 іюня сего года за №№ 179 и 203 съ выраженіемъ благодарности за пожертвованіе «Чтеній» Общества 1870—1886 и 1890—1896 гг.

10) Смитсоніанскаго Института съ увѣдомленіемъ о полученіи «Чтеній» Общества кн. 175 и 176.

11) Упсальскаго Университета съ увѣдомленіемъ о полученіи «Чтеній» Общества 1896 г. кн. 2-я.

12) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 8 іюня сего года № 11613 о доставленіи ему формулярнаго списка Дѣйствит. Члена Общества А. А. Мартынова. Секретарь Общества заявилъ, что означенный формуляръ своевременно былъ доставленъ г. Попечителю.

13) Дѣйствительнаго Члена Общества Д. В. Цвѣтасва относительно печатанія въ «Чтеніяхъ» II тома собранныхъ имъ Памятниковъ къ исторіи протестантства въ Россіи. По обсужденіи сихъ писемъ определено: отложить рѣшеніе до слѣдующаго засѣданія.

14) Редакціи Адресъ-Справочника гор. Москвы отъ 3 августа сего года за № 304 съ просьбой прислать свѣдѣнія о составѣ Общества. Своевременно было доставлено.

15) Предварительнаго Комитета по Рижскому Археологическому Съѣзду отъ 7 іюня сего года за № 1000 съ просьбой поспѣшить назначеніемъ депутатовъ на Рижскій Съѣздъ. Секретарь Общества заявилъ, что согласно постановленію Общества въ минувшемъ засѣданіи

депутатами Общества назначены были: Дѣйствительные Члены С. А. Бѣлокуровъ, Н. В. Никитинъ и Членъ-Соревнователь А. И. Милонидовъ.

16) Э. В. Винклера о желаніи его быть Членомъ Общества и съ просьбой прислать Уставъ Общества. Секретарь заявилъ, что Уставъ своевременно былъ доставленъ г. Винклеру.

17) Заявленіе художника живописи П. Н. Попова о желаніи его вступить въ число Членовъ Общества и съ просьбой выслать ему Уставъ Общества. Своевременно былъ доставленъ.

18) Его же прошеніе о принятіи его въ Число Членовъ-Соревнователей Общества. Определено: просить г. Попова прислать въ Общество на разсмотрѣніе свои работы.

19) Профессора Кіевской духовной Академіи Н. Н. Петрова о II выпускѣ составленнаго имъ «Описанія рукописныхъ собраній, находящихся въ гор. Кіевѣ». Секретарь заявилъ, что г. Петрову, по полученіи сего письма, было отправлено увѣдомленіе, что печатаніе II выпуска его работы приближается къ концу.

20) Письмо Дѣйствит. Члена Общества Н. А. Голышева на имя г. Предсѣдателя съ выраженіемъ благодарности за полученную 3 кн. «Чтеній» за 1896 г. и съ просьбой о возвращеніи ему его рукописи о Вл. Пав. Безобразовѣ.

21) Письмо Петра Андреевича Муравьева съ препровожденіемъ въ даръ Обществу 3-хъ документовъ для присоединенія ихъ къ пожертвованнымъ ранѣ Обществу матерью Муравьева актамъ изъ архива гг. Змеевыхъ. Секретарь заявилъ, что по полученіи сихъ документовъ г. Муравьеву была выражена отъ имени Общества благодарность за пожертвованіе ихъ.

22) Дѣйствит. Члена Д. А. Корсакова съ выраженіемъ глубочайшей и искренней признательности за вниманіе, оказанное Обществомъ къ его трудамъ по составленію рецензій представленнаго на конкурсѣ преміи Г. Ѳ. Карпова сочиненія.

23) Дѣйствит. Члена П. Н. Оглобляца о помѣщеніи въ «Чтеніяхъ» II части «Обозрѣнія столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа». Определено: напечатать.

24) Отзывъ Дѣйствительнаго Члена С. А. Бѣлокурова относительно доставленныхъ С. Д. Муретовымъ для изданія въ «Чтеніяхъ» привѣтствій Виѳанской духовной Семинаріи митрополиту Платону. Определено: напечатать привѣтствія на русскомъ языкѣ за пѣсколько лѣтъ (4—5), а на иностранныхъ языкахъ за какой либо одинъ годъ для образца.

25) А. М. Ловыгина о помѣщеніи въ «Чтеніяхъ» русскаго перевода «Описанія путешествія въ Россію Кленца въ 1676—1677 годахъ». Опреѣлено: просить доставить переводъ на предварительный просмотръ.

26) М. В. Соймонова объ изданіи въ «Чтеніяхъ» матеріаловъ, касающихся ея праѣда Ѳ. Н. Соймонова. Опреѣлено: просить г. Соймонова прислать ихъ въ Общество на разсмотрѣніе.

27) Предсѣдатель Общества заявилъ о доставленныхъ ему г. Прокоповичемъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ» документахъ изъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба. Опреѣлено: дѣло о самозванцѣ Алексѣѣ Петровичѣ помѣсигь въ «Чтеніяхъ», а остальное имѣть въ виду для пополненія.

28) И. Н. Суворова съ просьбой прислать ему: 1) выписку изъ протоколовъ Общества объ отправленныхъ его отцемъ въ 1858—1859 годахъ для изданія въ «Чтеніяхъ» матеріалахъ и 2) хотя одинъ экземпляръ оттиска изданныхъ изъ числа ихъ. Опреѣлено: выслать г. Суворову просимыя имъ выписки изъ протоколовъ, а въ виду неимѣнія въ Обществѣ отдѣльныхъ оттисковъ изданныхъ матеріаловъ изъ числа доставленныхъ И. Н. Суворовымъ—отправить ему книгу «Чтепій», въ которой они помѣщены и которую просить его возвратить обратно въ Общество въ виду того, что экземпляровъ ея осталось въ Обществѣ весьма мало.

29) Предсѣдатель заявилъ о кончинѣ Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: Е. Е. Замысловскаго (9 мая), барона Ѳ. А. Бюлера (10 мая), архимандрита Григорія (1 августа) и А. Н. Павловскаго (14 августа) и Члена-Соревнователя А. С. Пестова (16 іюня).

30) Предложеніе Дѣйствительныхъ Членовъ В. О. Ключевскаго, Е. В. Барсова и М. И. Соколова объ избраніи въ Дѣйствительные Члены на освободившіяся вакансіи: а) профессора А. С. Архангельскаго, б) проф. П. В. Владимірова, в) Члена-Соревнователя священника Н. А. Соловьева и г) проф. И. И. Петрова. Опреѣлено: произвести избраніе ихъ закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ за сѣданіи.

II. Дѣйствительнымъ Членомъ В. О. Эйнгорномъ сдѣлано сообщеніе «О пріѣздѣ Іоаннікія Галытовскаго въ Москву въ 1670 году». Указавъ на то, что біографы Галытовскаго жалуются на крайнюю скудость фактическихъ данныхъ о жизни этого знаменитаго малороссійскаго писателя XVII в., референтъ обратилъ вниманіе на то, что разъясненія нѣкоторыхъ доселѣ темныхъ вопросовъ, относящихся къ біографіи Галытовскаго, можно ожидать отъ детальнаго изученія доку-

ментовъ, касающихся исторіи Малороссіи и хранящихся въ Московскихъ Архивахъ. Дѣйствительно, референту послѣ недолгихъ сравнительно поисковъ удалось найти въ Московскихъ Архивахъ Минист. Юстиціи, Иностран. Дѣлъ, въ Моск. Отдѣлѣ Общ. Арх. Мин. Импер. Двора, въ Библиотекахъ Синодальной и Общ. Ист. и Древн. два доселѣ неизданныхъ «слова» Галатовскаго и не мало новыхъ данныхъ, касающихся его біографіи. Изложивъ на основаніи вновь найденныхъ данныхъ свѣдѣнія о томъ періодѣ жизни Галатовскаго (1662—1669 гг.), о которомъ доселѣ очень мало было извѣстно, референтъ сообщилъ подробныя данныя о пріѣздѣ бывшаго ректора Кіевскихъ школъ въ Москву для пеходатайствованія утвержденія въ новомъ санѣ елецкаго архимандрита и для поднесенія царю Алексѣю Михайловичу посвященнаго ему сочиненія «Мессія Правдивый . Государь благосклонно принялъ это сочиненіе Галатовскаго и щедро наградилъ автора, который сумѣлъ произвести при Московскомъ дворѣ сильное впечатлѣніе своею учестію и краснорѣчіемъ: будучи въ Москвѣ, Галатовскій произнесъ въ присутствіи государя 3 и 9 октября 1670 г. два большихъ «казанья». Пребываніемъ своимъ въ столицѣ малороссійскій писатель воспользовался, между прочимъ, для того, чтобы испросить у государя средства на печатаніе «Мессіи» на польскомъ и латинскомъ языкахъ: прося денегъ на печатаніе книги, Галатовскій увѣрялъ, что «тогъ Мессія будетъ печатанъ на славу и честь великаго государя», такъ какъ и при польскомъ, и при латинскомъ переводахъ будетъ посвященіе царю Алексѣю Михайловичу, которое вмѣстѣ съ книгою распространится не только въ Польшѣ, но также у «Французовъ, Итальянъ, и Волоховъ, и въ Римъ и въ иные страны латинскіе». Любопытно это предложеніе Галатовскаго содѣйствовать тому, чтобы слава великаго государя множилась не только благодаря воинскимъ подвигамъ, но также благодаря распространенію сочиненій русскихъ ученыхъ за границею. Просьба Галатовскаго о пожалованіи ему денегъ было исполнена и въ іюль 1672 г. «Мессія Правдивый» на польскомъ языкѣ съ посвященіемъ царю Алексѣю Михайловичу былъ уже доставленъ въ Москву. Во время пребыванія своего въ Москвѣ новый архимандритъ елецкій былъ у благословенія у святѣйшаго патріарха, что, между прочимъ, содѣйствовало сближенію малороссійскаго духовенства съ московскою высшею церковною іерархіею, а безъ такого сближенія невозможно было осуществленіе труднаго, но весьма желательнаго московскому правительству, дѣла подчиненія кіевской митрополіи московскому патріархату. Сношенія Галатовскаго съ высшими представителями великороссійскаго духовенства не прекратились и

сего года за № 261 съ препровождениемъ 95, 96, 97 и 98 тт. «Сборника Общества».

3) Московскаго Архива Министерства Юстиціи отъ 10 октября сего года за № 149 съ препровождениемъ 10-й книги «Описанія документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи».

4) Члена-Соревнователя А. П. Сапунова съ препровождениемъ одного экземпляра издавнаго имъ совместно съ кн. В. Друцкимъ-Любецкимъ «Историко-географическаго описанія Двинскаго и Вилейскаго уѣздовъ». (Витебскъ, 1896 г.)

По §§ 1—4 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

5) Распорядительнаго комитета Волынскаго церковно-археологическаго Общества отъ 21 сентября сего года за № 132 съ препровождениемъ экземпляра: «Волынскаго историко-археологическаго Сборника» вып. 1-й и съ просьбой о высылкѣ изданій Общества. Опрѣлено: въ виду доставленія Волынскому церковно-археологическому Обществу «Чтеній» по 1894 г. включительно выслать ему «Чтенія» за 1895 и 1896 гг. и впредь высылать оныя по мѣрѣ выхода.

6) Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 30 сентября сего года за № 317 съ просьбой о безплатной высылкѣ нѣкоторыхъ изданій Общества. Опредѣлено: выслать и просить Русское Археологическое Общество доставить тѣ изъ изданій его, которыхъ не окажется въ Библиотекѣ Общества (И. и Д. Р.).

7) Библиотеки Норвежскаго университета (г. Христианія) отъ 3 декабря 1896 г. съ препровождениемъ своихъ изданій и съ уведомленіемъ о полученіи «Чтеній» Общества 1894 г. кн. 1—4, 1895 г. кн. 1—2.

8) Письмо Дѣйствительнаго Члена Общества Н. А. Голышева о возвращеніи ему статьи его «Воспоминанія о Владимірѣ Павловичѣ Безобразовѣ и его письма». Опредѣлено: выслать.

9) Письмо Докучаева-Баскова относительно печатанія въ «Чтеніяхъ» его изслѣдованія: «Строкипа пустыня». Опредѣлено: просить г. Докучаева-Баскова прислать его работу въ полномъ видѣ.

10) Предложеніе о взаимномъ обмѣлѣ изданіями въ 1897 году редакцій: а) Богословскаго Вѣстника; б) Ученыхъ Записокъ при Казанскомъ университетѣ и в) Мировыхъ Отголосковъ (въ С.-Петербурѣ). Опредѣлено: обмѣниваться съ Богословскимъ Вѣстникомъ.

11) Капитула руссійскихъ императорскихъ и царскихъ Орденовъ отъ 23 сентября сего года за № 3618 съ препровождениемъ 1 серебряной медали въ память св. корокованія. Секретарь заявилъ, что

означенная медаль получена и передана по принадлежности служителю Общества В. И. Гаврилову.

12) Предложеніе Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: В. О. Ключевского, Е. В. Барсова и С. А. Бѣлокурова въ Члены-Соревнователи помощника секретаря Московскаго Архива Министерства Юстиціи И. С. Бѣляева. Определено: провозвести избраніе его закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи.

13) Секретарь заявилъ о представленныхъ на соисканіе преміи Г. О. Карпова сочиненіяхъ. Определено: передать ихъ въ имѣющую быть избранную Коммиссію по присужденію сей преміи.

14) Секретарь Общества представилъ составленные имъ некрологи Дѣйствительныхъ Членовъ Общества: архим. Григорія и А. И. Павянскаго. Определено: напечатать ихъ въ приложеніи къ Протоколамъ Общества.

15) Согласно ходатайству Дѣйствительнаго Члена С. А. Бѣлокурова Общество постановило: просить Казанскую и Кіевскую духовныя Академіи и Императорскую Публичную Библиотеку о высылкѣ въ Общество на трехмѣсячный срокъ пужныхъ для занятій помянутаго Члена Общества рукописей.

16) Общество разсуждало о печатаніи въ «Чтеніяхъ» II тома «Памятниковъ къ исторіи протестантства въ Россіи», собранныхъ Д. В. Цвѣтаевымъ. Определено: 1) просить Д. В. Цвѣтаева доставить возможно скорѣе въ полномъ видѣ рукопись его труда, чтобы можно было немедленно приступить къ ея набору; 2) въ случаѣ если представляется ему затрудненіе выслать собранные имъ документы о нѣмецкихъ школахъ вмѣстѣ съ другими отдѣлами его сборника—предложить г. Цвѣтаеву возможно скорѣе доставить подробный реэстръ актовъ по сему предмету, извлеченныхъ изъ Московскихъ архивовъ, съ обозначеніемъ откуда извлеченъ каждый актъ; 3) увѣдомить г. Цвѣтаева, что замедленіе въ исполненіи обоихъ изложенныхъ предложеній Общества поставить въ затрудненіе редакцію «Чтеній» и побудятъ ее при обсужденіи состава для дальнѣйшихъ выпусковъ журнала не имѣть въ виду обѣщанныхъ памятниковъ и 4) въ виду несогласія гг. Бѣлокурова и Зерцалова на отсылку г. Цвѣтаеву листовъ ихъ «Сборника» о нѣмецкихъ школахъ увѣдомить г. Цвѣтаева, что они не могутъ быть ему высланы.

17) Разрѣшено уплатить: 1) по счету конторы Типографіи Московскаго Университета за 2-ю книгу «Чтеній» 1896 года—612 р. 45 к. и за 3-ю книгу того же года 583 р. 57 к. и 2) Торговому дому Варгуниныхъ за поставленную имъ для «Чтеній» бумагу 724 р. 68 к.

18) Предложенные въ прошломъ засѣданіи въ Дѣйствительные Члены: профессора А. С. Архангельскій, П. В. Владимировъ, П. П. Петровъ и Членъ-Соревнователь священникъ П. А. Соловьевъ послѣдовавшей закрытой баллотировкой большинствомъ голосовъ избраны въ Дѣйствительные Члены. Постановлено: уведомить о послѣдовавшемъ избраніи новыхъ Дѣйствительныхъ Членовъ.

III. Дѣйствительнымъ Членомъ А. Н. Зерцаловымъ сдѣлано сообщеніе объ открытыхъ имъ документахъ, касающихся раскопокъ въ Московскомъ Кремлѣ въ XVIII вѣкѣ. (*Напечатано въ 1-ой книгѣ Членій 1897 г.*)

Изъ протоколу засѣданія 24 октября 1897 года.

Архимандритъ Григорій (Войновъ).

(† 1 августа 1896 г.).

Дѣйствительный Членъ, Андроніевскій архимандритъ Григорій, былъ сынъ московскаго протоіерея при храмѣ св. Іоанна Воинна—въ Замоскворѣчьи. Родился онъ въ 1834 году. Воспитывался въ Донскомъ училищѣ и Московской дух. Семинаріи: высшее образованіе получилъ въ Московской духов. Академіи, гдѣ припалъ монашество и кончилъ курсъ со степенью магистра богословія. Въ Москвѣ протекло и все его служебное поприще: сначала онъ былъ преподавателемъ и помощникомъ инспектора Виоапской Семинаріи; а затѣмъ былъ перевѣщенъ на службу въ Московскую духовную Семинарію, гдѣ въ 1864 году возведенъ былъ въ санъ архимандрита. По оставленіи учебной службы въ 1867 году онъ назначенъ былъ настоятелемъ Московскаго Златоустаго монастыря, черезъ 5 лѣтъ переведенъ былъ въ настоятели Высокопетровскаго монастыря, и наконецъ въ 1882 году—ему поручено было настоятельство Спасо-Андроніевской обители, гдѣ онъ и скончался. На послѣдней ступени своей службы онъ былъ благочиннымъ Московскихъ монастырей и Покровской общины.

Нужно замѣтить, что св. Синодъ неоднократно имѣлъ въ виду назначить его какъ старѣйшаго архимандрита на епископскую кафедру, но каждый разъ, въ спискѣ кандидатовъ, представляемомъ на Высочайшее избраніе, онъ шлся вторымъ или третьимъ. Голосовыя средства представляли, повидимому, единственную преграду для епископскаго сана: онъ страдалъ хрипотою и слабымъ голосомъ. Въ послѣдній годъ езжому то врачу онъ обязанъ былъ тѣмъ, что этотъ недостатокъ сталъ

исправляться: голосъ его сталъ чище и явственнѣе, чему онъ самъ душевно радовался. Но въ послѣднее время въ его монастырѣ случилось прискорбное событіе, которое страшно повліяло на его силы, и въ конецъ подорвало его слабое здоровье. 1-го августа пылѣшняго года онъ скончался.

Архимандритъ Григорій принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ духовныхъ лицъ, коимъ живо присущъ строго научный интересъ.

Не касаясь его ученыхъ работъ, напечатанныхъ большею частію въ «Душеполезномъ Чтеніи», мы перечислимъ лишь историческіе матеріалы, изданные имъ въ «Чтеніяхъ» нашего Общества:

1) Духовная жены Алексѣя Ивановича Годунова Ольги Васильевны, урожденной Зюзиной (Чт. 1868, кн. IV).

2) Письмо Московскаго митрополита Филарета къ протоіерею Казанскаго собора Іоанну Дмитріеву (1869, кн. II).

3) Протоколъ Московской духовной Консисторіи 1762 г. объ упраздненіи бывшей въ домѣ Д. С. С. М. М. Салтыкова Спасской церкви. (1871, кн. IV).

4) Отвѣтъ митрополиту Серафиму графа Аракчеева (1873 г., кн. II).

5) Письмо Черниговскаго архіепископа Владимира къ Гавріилу архіепископу Рязанскому (1873 г., кн. 3).

6) Два письма Черняговскаго архіепископа Павла къ тому же архіепископу Гавріилу, 1836 и 1842 г. (ib.).

7) Письма Рязанскаго архіепископа Смарагда къ тому же архіепископу, 1836—1860 гг. (ib.).

8) Письмо княгини Е. П. Менцеровой къ Августину епископу Дмитровскому, 1813 г. (ib.).

9) Письма Московскаго митрополита Филарета къ игуменіи Вѣрь (ib.).

10) Слово въ день св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова протоіерея П. П. Другова (1873 г., кн. IV).

11) О переводѣ Московской лух. Семинаріи изъ Перервы въ Заиконовспасскій монастырь (ib.).

12) Жалованная грамота царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи Алексѣевны повгородскому памѣстнику князю В. В. Голицыну (1874 г., кн. I).

13) Списки настоятелей Московскаго Высокопетровскаго монастыря съ 1379 г. (ib.).

14) Подробные памятники въ Высокопетровскомъ монастырѣ (ib.).

15) Храмовданная патриаршая грамота 1700 г. (ib. кн. 2).

- 16) Храмозданная грамота 1761 г. (ib.).
- 17) О припискѣ иконы Знаменія пресв. Богородицы, находящейся на наружномъ столбѣ ограды при 3 Московской гимназiи, въ Москвѣ, къ приходской Введенской на Лубянкѣ церкви (ib.).
- 18) Слова Филарета, митрополита Московскаго, 1806 и 1808 гг. (ib.).
- 19) Матеріалы для исторiи единовѣрія въ Россiи (ib.).
- 20) Къ воспоминаніямъ о Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ (ib.).
- 21) Появленіе жидовствующихъ въ Московской губерніи и мѣры къ прекращенію этой секты въ 1824 году (ib.).
- 22) Переписка кн. А. Н. Голицына съ преосвящ. Августиномъ архіепископомъ Московскимъ (ib., кн. III).
- 23) Письмо Московскаго митрополита Филарета къ Попечителю Московскаго учебнаго Округа графу С. Г. Строганову (ib.).
- 24) Переписка его же съ Рижскимъ епископомъ Филаретомъ (ib.).
- 25) Раздѣлъ приходскихъ дворовъ между Рождественскимъ дѣвичьимъ монастыремъ въ Москвѣ и смежной съ нимъ Вознесенскою церковію въ 1775 году (ib.).
- 26) Письмо митрополита Филарета къ Московскому генераль-губернатору, князю Д. В. Голицыну и отвѣтъ на него (ib.).
- 27) Резолюціи Московскаго митрополита Филарета (1874 кн. IV)
- 28) Три письма къ митрополиту Филарету отъ разныхъ лицъ (ib.).
- 29) Донесеніе св. Синоду Моск. митрополита Филарета (ib.).
- 30) Такія же донесенія по случаю обозрѣнія епархіи (ib.).
- 31) Къ воспоминаніямъ о Москов. митрополитѣ Филаретѣ (ib.).
- 32) Тетрадь, заведенная въ походной конторѣ митрополита Филарета для записыванія плановъ христіанскаго ученія, имѣющаго преподаваться въ церквахъ Московской епархіи священнослужителями (1875 г. кн. I).
- 33) Къ біографіи Московскаго митрополита Платона (ib.).
- 34) Письмо митрополита Филарета къ Исидору еписк. Дмитровскому, викарію Московской митрополіи (ib.).
- 35) Древніе и другіе примѣчательные предметы въ Высокопетровскомъ монастырѣ (1875, кн. II).
- 36) Духовныя мѣры противъ раскола. Докладъ Моск. Консисторiи митрополиту Филарету, 1838 г. (1875, кн. III).
- 37) Переписка кн. А. Н. Голицына съ Моск. митрополитомъ Филаретомъ (ib.).
- 38) Письмо министра Императорскаго Двора князя П. М. Волконскаго къ Моск. митрополиту Филарету и отвѣтъ на него (ib.).

горна и Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, М. А. Веневитинова, А. А. Гоздаво-Голомбiовскаго, А. И. Станкевича, В. Н. Сторожева, А. С. Хаханова, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтенiи и подписанiи протокола прошлаго засѣданiя, происходило слѣдующее:

1) Читаны отношенiя: 1) Ректора Императорскаго Московскаго Университета отъ 24 октября сего года за № 3344 съ просьбою доставить свѣдѣнiя о дѣятельности Общества въ семь году для помѣщенiя въ Университетскомъ Отчетѣ.

2) Библиотечаря Упсальскаго Университета отъ 8 ноябра сего года съ увѣдомленiемъ о полученiи 3 кн. «Чтенiй» Общества за 1896 г.

4) Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отъ 29 октября сего года за № 669 съ препровожденiемъ V выпуска «Писемъ Русскихъ Государей, заключающаго письма царя Алексѣя Михайловича». Определено: благодарить за присланное изданiе.

4) Предложенiе редакци «Православный Собесѣдникъ» о взаимномъ обмѣнѣ изданiями въ 1897 году. Определено: обмѣниваться.

5) Книжнаго магазина П. Н. Фалькевича (въ Мариуполь) съ просьбой открыть при магазинѣ приемъ подписки на «Чтенiя» Общества. Определено: принять къ свѣдѣнiю.

6) Секретаря Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 30 октября сего года за № 434 съ увѣдомленiемъ о томъ, что 50-лѣтiе своего существованiя оно будетъ праздновать 15 декабря сего года. Определено: черезъ особую депутацію изъ Секретаря Е. В. Барсова и Члена Соревнователя М. А. Веневитинова доставить Обществу привѣтственный адресъ, составленiе коего поручить Предсѣдателю совмѣстно съ Секретаремъ.

7) В. И. Покровскаго съ просьбой помѣстить въ «Чтенiяхъ» его работу по исторiи русской общественной жизни въ XVIII столѣтiи. Определено: напечатать.

8) Послѣдовавшей закрытою баллотировкою большинствомъ голосовъ избранъ въ Члены-Соревнователи предложенный въ предыдущемъ засѣданiи Иванъ Степановичъ Бѣляевъ.

9) Въ члены Коммисси по присужденiю премiи Г. Θ. Карпова записками избраны: В. О. Ключевскiй, Д. И. Иловайскiй, Е. В. Барсовъ, С. А. Бѣлокуровъ, В. А. Уляницкiй и кандидатомъ на случай выхода кого-либо изъ состава Коммисси—М. И. Соколовъ.

416 заседание 12 декабря.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 12 декабря сего года, подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя Общества В. О. Ключевского, въ присутствіи гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, Ѳ. Е. Корша, П. А. Лаврова, Н. В. Никитина, Н. Н. Оглоблина, прот. Г. П. Смирнова-Платонова, священ. Н. А. Соловьева, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна и Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, В. М. Истрина, А. С. Хаханова, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

1. Читаны отношенія: 1) Виленской Коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ отъ 18 ноября 1896 г. за № 188 съ препровожденіемъ въ даръ Обществу экземпляра XXIII т. Актовъ. Определено: благодарить.

2) Инспектора народныхъ училищъ перваго района Саратовской губерніи Александра Можаровскаго отъ 29 марта сего года за № 29 и 10 ноября за № 469 съ препровожденіемъ въ даръ Обществу: а) 4-хъ своихъ печатныхъ работъ и 3-хъ гравированныхъ листовъ и б) для изданія въ «Чтеніяхъ» Общества 4 рукописей. Определено: за пожертвованныя изданія принести г. Можаровскому благодарность, а присланныя имъ рукописи возвратить обратно.

3) Комитета Астраханской общественной Библіотеки отъ 18 ноября сего года за № 103 съ просьбой прислать въ даръ Библіотекѣ каталогъ книгъ, принадлежащихъ Библіотекѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ—со всѣми дополненіями. Определено: выслать описаніе Библіотеки, составленное П. М. Строевымъ.

4) Завѣдывающаго Библіотекой и Древлехранилищемъ при Братствѣ св. Александра-Невскаго, во Владимирѣ, отъ 18 ноября сего года съ препровожденіемъ въ даръ Библіотекѣ Общества 4-хъ изданій и съ просьбой выслать бесплатно въ Библіотеку Братства «Чтенія» Общества за 1885—1896 гг. и высылать оныя и впредь. Определено: выслать «Чтенія» за означенные годы, равно какъ доставлять ихъ и въ послѣдующее время по мѣрѣ выхода.

5) Правленія Самарской дух. Семинаріи и Комитета по устройству въ г. Василь-Сурскѣ бесплатной народной Библіотеки-Читальни съ просьбой бесплатной высылки «Чтеній» Общества за 1897 г. Определено: не посылать.

6) Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 27 ноября сего года за № 1811 съ просьбой о назначеніи депутатовъ отъ Общества въ Предварительный Комитетъ по устройству въ 1899 году XI Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ. Определено: увѣдомить Археологическое Общество, что депутатами Общества въ Предварительномъ Комитетѣ по устройству Кіевскаго Археологическаго Съѣзда имѣютъ быть Дѣйствительные Члены Общества: С. А. Бѣлокуровъ, Д. П. Пловайскій, П. В. Никитинъ, В. А. Уляницкій и В. О. Эйягоръ.

7) Совѣта Кіевской духовной Академіи отъ 12 ноября сего года за № 531 и Совѣта Казанской духовной Академіи отъ 18 ноября сего года за № 2133 съ препровожденіемъ на 3-хъ мѣсячный срокъ для занятій Дѣйствительнаго Члена Общества С. А. Бѣлокурова 4-хъ рукописей.

8) Графа С. Д. Шереметева на имя г. Предсѣдателя Общества съ препровожденіемъ 3-хъ грамотъ съ подписями Годуновыхъ для помѣщенія ихъ въ «Чтенія» Общества. Определено: напечатать означенные акты въ ближайшей книгѣ «Чтеній» и разрѣшить съдѣлать фотоцинографическія книше съ находящихся на подлинныхъ грамотахъ подписей.

9) Проф. В. Александренко отъ 2 ноября сего года съ просьбой начать печатаніемъ въ «Чтеніяхъ» въ августѣ и сентябрѣ 1897 г. продолженіе реляцій кн. А. Кантемира изъ Лондона 1734—1738 г. Определено: исполнить просьбу г. Александренко.

10) Дѣйствительнаго Члена Д. Цвѣтаева съ представленіемъ собранныхъ имъ 23 документовъ (на 172 страницахъ) для 2-й ч. «Памятниковъ къ исторіи протестантства въ Россіи». Определено: рассмотреть—всѣ-ли акты сей части присланы г. Цвѣтаевымъ и соблюдено ли имъ постановленіе предыдущаго засѣданія Общества.

11) Дѣйствит. Члена А. А. Титова съ просьбой помѣстить въ «Чтеніяхъ» Вкладную книгу Нижегородскаго Печерскаго монастыря. Определено: напечатать.

12) Отзывъ Члена-Соревнователя А. П. Годубцева объ изслѣдованіи іеромонаха Іоны «Учительное Евангеліе Кирилла Транвилліона». Определено: возвратить означенное сочиненіе автору.

13) Члена-Соревнователя Ю. П. Щербачева съ подробнымъ изложеніемъ недостатковъ изданія въ «Русскомъ Архивѣ» дневника Юста Юля и съ предложеніемъ издать въ «Чтеніяхъ» исправленный, проверенный и дополненный переводъ его. Определено: напечатать.

14) Предсѣдатель Общества заявлялъ, что А. П. Дмитриевъ-Мамоновъ предлагаетъ для изданія въ «Чтеніяхъ» свой новый трудъ

«О пугачевщинѣ въ Сибири», составленный на основаніи мѣстныхъ документовъ. Опредѣлено: напечатать.

15) Онъ же заявилъ, что Е. И. Якушкинъ просить помѣстить въ «Чтеніяхъ» 3-ій выпускъ собранныхъ имъ «Матеріаловъ по обычному праву». Общество, согласившись на изданіе ихъ въ «Чтеніяхъ», постановило: приступить къ набору ихъ во второй половинѣ 1897 г. и продолжать его по мѣрѣ возможности.

16) Письмо Дѣйствит. Члена П. Петрова отъ 12 ноября сего года съ просьбой выслать ему Уставъ Общества. Опредѣлено: выслать.

17) Члена-Соревнователя И. Вѣляева съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ число Членовъ-Соревнователей Общества.

18) Дѣйствительныхъ Членовъ: Н. И. Петрова, А. С. Архангельскаго и П. Владимірова съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ Дѣйствительные Члены Общества и съ препровожденіемъ въ Библіотеку Общества нѣкоторыхъ своихъ сочиненій.

19) Предложенія объ обмѣнѣ изданіями редакцій: 1) «Русской Старины», 2) «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія», 3) «Русскаго Паломника», 4) «Ученыхъ Записокъ Императорскихъ Юрьевскаго и Казанскаго Университетовъ», 5) «Ежедневной Газеты», 6) «Нови» и 7) Совѣта Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. Опредѣлено: обмѣниваться изданіями съ означенными редакціями за исключеніемъ «Русскаго Паломника», «Ежедневной Газеты» и «Нови».

20) Дѣйствит. Членъ В. А. Уляницкій, обративъ вниманіе Общества на помѣщенную въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» замѣтку о предстоящемъ засѣданіи Общества, въ каковой замѣткѣ, между прочимъ, перечислялись всѣ сочиненія, представленныя на соисканіе преміи Г. Θ. Карпова, и указывались ихъ авторы, предложилъ Обществу войти въ разсмотрѣніе вопроса объ умѣстности сей замѣтки. По обсужденіи сего Общество 1) выразило желаніе, чтобы извѣстія о засѣданіяхъ его не сообщались въ печати безъ вѣдома Общества или согласія его Предсѣдателя ранѣе, чѣмъ они будутъ обнародованы въ протоколахъ Общества; при чемъ это постановленіе не касается сообщенія, дѣлаемаго референтомъ объ его докладѣ и 2) постановило: не читать полностью въ Обществѣ заявленій авторовъ о представленіи ими сочиненій на соисканіе преміи Г. Θ. Карпова, а передавать всѣ заявленія въ комиссію по присужденію сей преміи; Членамъ же Общества, въ случаѣ желанія кого-либо изъ нихъ, можетъ быть объявлена только общая тема сочиненій.

21) Казначей Общества представилъ вѣдомость о состояніи ка-

I. Читаны отношенія: 1) Административнаго Отдѣла Кабинета Его Императорскаго Величества отъ 9 января сего года за № 268 съ препровожденіемъ экземпляра Камеръ-Фурьерскаго журнала за 1796 г. съ алфавитнымъ указателемъ.

2) Государственнаго Секретаря отъ 20 января сего года за № 327 съ препровожденіемъ въ Библіотеку Общества экземпляра 2 части IV тома издаваемого при Государственной Канцеляріи Описанія Архива Государственнаго Совѣта.

3) Комитета директоровъ Севастопольской морской офицерской Библіотеки отъ 22 января с. г. за № 30 съ препровожденіемъ «Отчета» о дѣятельности означенной Библіотеки.

4) П. И. Щукина съ препровожденіемъ III тома изданныхъ имъ актовъ его собранія.

5) П. Θ. Сяницына съ препровожденіемъ сего новаго изданія о Никольскомъ единовѣрческомъ монастырѣ.

По § 1—5 опредѣлено: благодарить за доставленные изданія.

6) Историко-Филологическаго Общества при Историко-Филологическомъ Институтѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ отъ 16 января сего года за № 5 съ выраженіемъ глубочайшей благодарности за пожертвование изданій Общества.

7) Директора Ново-Александрійскаго Института сельскаго хозяйства и лѣсоводства отъ 31 декабря п. г. за № 412 съ выраженіемъ благодарности за бесплатную высылку въ студенческую читальню Института «Чтеній» въ минувшемъ году и съ просьбой высылать ей «Чтенія» и въ нынѣшнемъ 1897 г. Опредѣлено: высылать.

8) Инспектора студентовъ Томскаго Университета отъ 30 ноября п. г. за № 1256 съ выраженіемъ благодарности за бесплатную высылку въ минувшемъ году «Чтеній» для студенческой библіотеки и съ просьбой о высылкѣ ихъ въ 1897 г. Опредѣлено: высылать.

9) Студентовъ Московской духовной Академіи съ принесеніемъ глубочайшей благодарности за бесплатную высылку въ ихъ библіотеку «Чтеній» и съ просьбой не отказать въ высылкѣ ихъ и въ нынѣшнемъ 1897 г. Опредѣлено: высылать.

10. Письмо Директора Музея Отечества въ двѣя при Казанскомъ Университетѣ Д. А. Корсакова отъ 21 декабря п. г. за № 24 съ просьбой о безмездной высылкѣ «Чтеній» Общества въ имѣющуюся при Музеѣ лекторію для студентовъ историко-филологическаго факультета. Опредѣлено: высылать.

11) Шубино-вахтинской сельско-хозяйственной школы отъ 5 декабря п. г. съ просьбой о бесплатной высылкѣ въ читальню изданій

Общества за прошлые годы и нынѣшній 1897 г. Определѣно: принять къ свѣдѣнію.

12) Предложеніе И. М. Сулина напечатать въ «Чтеніяхъ» составленное имъ «краткое историческое описаніе 110 станицъ Донскихъ». Определѣно: просить Сулина прислать его работу на предварительный просмотръ.

13) Архива Министерства Юстиціи отъ 16 января с. г. за № 12 о полученіи имъ трехъ грамотъ Коллегіи экономін

14) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 22 января с. г. за № 2222 съ препровожденіемъ талона къ ассигновкѣ за № 14 на полученіе изъ Московскаго Губернскаго Казначейства 5000 руб., ассигнованныхъ на содержаніе Общества въ текущемъ году.

15) Предложеніе о взаимномъ обмѣнѣ изданіями редакціи ежедневной газеты «Курьеръ». Определѣно: принять къ свѣдѣнію.

16) Въ виду недоставленія Дѣйствительнымъ Членомъ Д. В. Цвѣтаевымъ документовъ о нѣмецкихъ школахъ или списка ихъ постановлено: увѣдомить г. Цвѣтаева, что Общество не можетъ приступить къ печатанію II тома «Памятниковъ къ исторіи протестантства», пока г. Цвѣтаевымъ не будетъ исполнено постановленіе Общества, состоявшееся въ засѣданіи 24 октября.

17) По предложенію Предсѣдателя Общества определѣно: выдать А. Н. Зерцалову триста рублей въ уплату за переписку представленныхъ имъ въ Общество для напечатанія сказокъ XVII в. о службѣ различныхъ лицъ.

18) Секретарь довелъ до свѣдѣнія Общества, что а) Николаемъ Порфирьевичемъ Никифоровымъ пожертвовано Обществу 14 рукописей XV—XIX вв. и 1 печатная книга и б) В. Н. Рогожинымъ три акта XVII в. Определѣно: благодарить за пожертвованныя рукописи, книгу и акты.

19) Предложенія Дѣйствительныхъ Членовъ В. О. Ключевского, Е. В. Барсова и С. А. Бѣлокурова объ избраніи а) въ Дѣйствительные Члены Общества профессоровъ Александра Ивановича Кирпичникова и Георгія Абрамовича Муркоса и б) въ Члены-Соревнователи М. Н. Прокоповича, С. Д. Муретова и Н. П. Никифорова. Определѣно: произвести избраніе ихъ закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи.

II. Предсѣдатель Общества В. О. Ключевскій и Секретарь Е. В. Барсовъ сдѣлали сообщенія объ ученолитературной дѣятельности умершихъ Членовъ Общества: К. Н. Бестужева-Рюмина (В. О. Ключевскій) и И. А. Голышева (Е. В. Барсовъ).

III. Членомъ-Соревнователемъ Общества М. А. Веневитиновымъ сдѣлано сообщеніе о «Матеріалахъ для исторіи цѣнностей въ Россіи въ концѣ XVII вѣка».

Благодаря вниманію, обращенному В. О. Ключевскимъ, П. Н. Милюковымъ и другими на экономическіе и финансовыя вопросы Русской исторіи, изученіе прошлаго нашего отечества пошло по новому пути. Но для подобной задачи приходится пока работать отрывочно, пользуясь случайными матеріалами. Матеріалы эти получаютъ особое значеніе на границѣ XVII и XVIII столѣтій, когда Петръ Великій, введя съ первыхъ годовъ XVIII вѣка новую чеканку крупной серебряной монеты, уронилъ ея цѣнность въ связи съ уменьшеніемъ вѣса серебра въ рублѣ сравнительно съ валютой рубля въ предшествующую эпоху.

Въ этомъ отношеніи данныя о цѣнахъ разныхъ предметовъ общезжитія и о курсахъ русскихъ денегъ за границую приобрѣтаютъ особое значеніе. Это соображеніе заставило референта отвести подобнымъ даннымъ особое мѣсто въ печатаемой имъ книгѣ о посѣщеніи въ 1697, годахъ Голландіи русскимъ посольствомъ Лефорта, Головина и Возницына. Книга эта основана на двухъ изданіяхъ, изъ которыхъ одно—французская брошюра голландца Меермана, мало извѣстно въ русской исторической наукѣ, а другое—статейные списки и расходныя книги посольства, напечатанныя въ VIII и IX томахъ «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній съ державами иностранными», появились въ свѣтъ уже послѣ обстоятельной біографіи Петра, составленной Устряловымъ. Эти русскіе документы были извѣстны Устрялову еще въ рукописяхъ, но онъ не воспользовался ими съ той стороны, съ какой они представляютъ интересъ изслѣдователю экономическаго и финансоваго быта того времени. Авторъ книги подъ заглавіемъ «*Русскіе въ Голландіи, великое посольство 1697—1698 и.*» въ своей непосредственной задачѣ, имѣвшей цѣлью изобразить по подлиннымъ документамъ встрѣчу двухъ цивилизацій, востока и запада Европы, на почвѣ ихъ взаимныхъ дипломатическихъ сношеній, не могъ исчерпать этого любопытнаго экономическаго и финансоваго матеріала и только попутно остановился на немъ въ своемъ трудѣ, чтобы выяснитъ съ одной стороны стоимость посольства, а съ другой размѣры затратъ Голландіи на его пріемъ. Статейные списки посольства и его расходныя книги, въ особенности отчетъ подъячаго Волкова, представленный имъ на полученную изъ Россіи въ февралѣ 1698 г. сумму въ 102,000 ефимковъ и 30,000 червонцевъ, даютъ основаніе думать, что расходы Россіи до отъѣзда посольства изъ Голландіи въ Вѣну простирались до 200,000 рублей по тогдашней валютѣ. Въ это число надо положить и стон-

мость дороги отъ Москвы до Амстердама и Гааги. Большая часть этихъ денегъ была потрачена на покупки военныхъ и морскихъ припасовъ, на наемъ моряковъ и технику въ Русскую армию и Русскій флотъ. Стоимость соборей, вывезенныхъ изъ Москвы для подарковъ, составляла до 70,000 рублей; жалованье и подмога личному составу посольства стоили почти 14,000 р. Посольство содержалось въ Голландіи долгое время на счетъ Генеральныхъ Штатовъ и лишь съ января или февраля 1698 г. стало само расплачиваться за свои помѣщенія и столованье въ мѣстныхъ гостинницахъ, потративъ на это въ теченіе около 3-хъ мѣсяцевъ не болѣе 5000 руб. Личныя покупки царя и трехъ его пословъ простирались на такую же сумму, т. е. около 5,000 рублей, причемъ самъ Петръ пріобрѣталъ преимущественно научные предметы, а его три посла разорялись особенно на парчу, бархатъ, галстуки, портныхъ, вино и другіе предметы роскоши. Подробности расходовъ пословъ и стоимости содержанія ихъ свиты, въ особенно любопытныхъ для бытовой исторіи примѣрахъ, собраны въ таблицахъ, выведенныхъ изъ данныхъ отчета Волкова и приложенныхъ въ концѣ труда референта.

Расходы Голландіи на пріемъ русскихъ дошли въ окончательномъ результатѣ до суммы въ 200,000 гульденовъ. Утвержденіе этой затраты и ассигнованіе необходимыхъ для того средствъ вызвало въ собраніи Генеральныхъ Штатовъ возраженіе со стороны депутатовъ Гронингена вслѣдствіе того, что Голландское правительство не составило предварительной смѣты и увеличивало ассигновки по мѣрѣ требованій Гессельта фанъ Динтера, на котораго былъ возложенъ пріемъ русскихъ и всѣ расходы по обязанностямъ дипломатическаго гостепрѣимства.

Для выясненія взаимныхъ затратъ Россіи и Голландіи необходимо коснуться курса тогдашнихъ русскихъ денегъ сравнительно съ существовавшею за границею монетною системою. Расходныя книги посольства даютъ въ этомъ отношеніи достовѣрный и исполнѣ достаточный матеріалъ. Серебряный ефимокъ цѣнился на биржахъ въ Амстердамѣ въ 52 стейвера (52 копѣйки), въ Любекѣ въ 53 стейвера или копѣекъ; официальная цѣна его равнялась русскому полтиннику. Въ голландскомъ гульденѣ считалось 20 стейверовъ, стало-быть ефимокъ или полтинникъ равнялся 2½ гульденамъ, а пять гульденовъ составляли одинъ рубль. Цѣна одного гульдена на русскія деньги была 40 денегъ или 20 копѣекъ. Расчетъ этотъ подтверждается записью Волкова о покупкѣ Возницынымъ кареты, за которую было уплачено 180 ефимковъ, а голландскими деньгами 450 гульденовъ. Кстати сказать англійскій фунтъ стерлинговъ цѣнился тогда въ 2 р. 40 коп., что было условлено для уплаты Кармартевомъ пошлины въ договорѣ съ Англійей

о ввозѣ табака въ Россію, заключенномъ во время пребыванія Петра въ Лондонѣ.

Золотой червонецъ официально равнялся двумъ ефимкамъ или рублю, но биржевой курсъ его доходилъ въ это время въ Россіи до 40 алтыновъ, т. е. до 120 копѣекъ.

Изъ этихъ расчетовъ оказывается, что Голландія затратила на пріемъ русскихъ 40,000 рублей, что равнялось 200,000 гульденовъ. При неизвѣстности размѣра тогдашняго государственнаго бюджета Нидерландовъ, мы не можемъ судить о значеніи этой затраты для финансовъ республики. Но изъ возбужденнаго провинціей Гронингенъ затрудненія мы можемъ заключить, что сумма эта не была нечувствительна для казны Штатовъ.

Что же касается до стоимости посольства для финансовъ Россіи, то мы находимъ любопытное указаніе въ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова (ч. I, стр. 123). Изъ помѣщенной имъ таблицы расходовъ Россіи оказывается, что 200,000 рублей составляли въ среднемъ выводѣ десятую часть русскаго государственнаго расходнаго бюджета 1697—1698 гг. и по этому поводу Циклеръ, одинъ изъ враговъ Петра, имѣлъ нѣкоторое основаніе выразиться, что царь «тащитъ за границу казну многую» (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, стр. 1166, по изданію товар—ва Общественная Польза).

Приведенные примѣры достаточно воспроизводятъ значеніе документовъ посольства 1697—1698 гг. въ смыслѣ важнаго и любопытнаго матеріала для исторіи цѣнностей и денегъ въ Россіи. Поднесенные голландцами русскимъ подарки, въ видѣ золотыхъ цѣпей, подробно оцѣниваются какъ въ брошюрѣ Меермана, такъ и въ статейныхъ спискахъ и вызываютъ на сравненіе съ данными о цѣнности золота въ описи имущества князей Голицыныхъ, относящихся къ тому же времени и напечатанныхъ въ IV т. дѣла Федора Шаковитаго, изданнаго Археографическою Коммиссіею. Названные документы расширяютъ матеріалъ для выводовъ по исторіи русскихъ денегъ и въ связи съ нижеслѣдующими соображеніями подтверждаютъ заключенія, къ которымъ пришелъ В. О. Ключевскій въ его трудѣ о русскомъ рублѣ и его цѣнности въ разные эпохи русской исторіи. По вычисленіямъ нашего почтеннаго Предсѣдателя рубль въ эпоху описываемаго посольства долженъ былъ стоить около 17 современныхъ намъ рублей, а вслѣдствіе монетной реформы 1701 г. упалъ почти на половину въ своей цѣнѣ, т. е. сталъ относиться къ монетѣ нашего времени, какъ 9: 1. Выше мы видѣли, что ефимокъ принимался въ 1697—1698 гг. въ цѣну полтинника, т. е. былъ вдвое дешевле рубля: а уже въ 1706 г. князь

Б. И. Куракинъ въ той же Голландіи за 50 ефимковъ получилъ всего около 40 руб. (Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, т. I, стр. 144).

Брошюра Меермана и документы «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній» представляютъ собою богатый финансовый и экономическій матеріалъ, заслуживающій болѣе подробной разработки, чѣмъ могъ себѣ позволить по своей прямой задачѣ и по своимъ научнымъ средствамъ авторъ книги о «Русскихъ въ Голландіи въ 1697—1698 годахъ».

418 засѣданіе 20 февраля.

Въ засѣданіи 20 февраля подъ предѣдательствомъ г. Предѣдателя Общества В. О. Ключевского, въ присутствіи Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, В. И. Герье, А. И. Зерцалова, Д. И. Пловайскаго, прот. Г. П. Смирнова-Платонова, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, П. А. Лаврова, П. И. Оглоблина, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммопа, В. Н. Сторожева, и Секретаря Общества Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенія: 1) Ректора Императорскаго Московскаго Университета съ препровожденіемъ Рѣчи и Отчета, произнесенныхъ въ Торжественномъ собраніи Университета 12 января 1897 г.

2) Управляющаго Московскою Синодальною Типографіею съ препровожденіемъ 1-го выпуска Описанія рукописей, хранящихся въ ея бібліотекѣ.

3) Директора Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ съ препровожденіемъ Отчета Музеевъ за 1895 г.

По §§ 1—3 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

4) Казанской дух. Академіи отъ 28 января, за № 104, о полученіи Академіей двухъ ея рукописей: Сборника XVIII в. и Псалтари XVII в.

5) Совѣта Кіевской духовной Академіи отъ 30 января, за № 118, о полученіи Академіей двухъ ея рукописей Г. 331 и Аа. 154.

6) Редакціи литературно-научнаго и политическаго журнала «Жизнь» съ препровожденіемъ статьи о народномъ образованіи и съ просьбой напечатать въ «Чтеніяхъ» Общества заключительное приглашеніе автора ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ народному образованію.

7) Дѣйствит. Членъ С. А. Бѣлокуровъ заявилъ, что Дѣйствит. Членъ А. А. Шахматовъ предлагаетъ для напечатанія въ «Чтеніяхъ» свое изслѣдованіе о происхожденіи нашихъ лѣтописей съ тѣмъ, чтобы

начало его (первыя 2—3 главы) было помѣщено въ «Чтеніяхъ» Общества до лѣта сего года. Определено: приступить къ набору означеннаго изслѣдованія теперь же и первыя его главы, согласно желанія автора, выпустить до лѣта 1897 г.

8) Казначей Общества донесъ, что согласно постановленію Общества на деньги, пожертвованныя А. Т. Карповой, приобрѣтены были $4\frac{1}{2}\%$ билеты Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка на сумму 2600 руб., за кои уплачено было наличными 2654 р. 20 к. и что оставшіяся деньги 345 р. 80 к. присоединены къ расходному капиталу премій Г. Ѳ. Карпова. Определено: принять къ свѣдѣнію.

9) Предсѣдатель Общества сдѣлалъ докладъ о порядкѣ исполненія плана исторической записки о дѣятельности Общества. По обсужденіи всѣхъ вопросовъ, соприкасающихся съ сей запиской, Общество постановило: 1) просить Членовъ Общества, изъявившихъ готовность участвовать въ составленіи сей записки, приступить къ ихъ работамъ и 2) поручить Предсѣдателю Общества составить проектъ циркулярнаго отношенія Общества къ симъ Членамъ съ изложеніемъ тѣхъ задачъ, которыя должны преслѣдовать ихъ работы.

10) Произведеною закрытою баллотировкою избраны: а) въ Дѣйствительные Члены: профессоръ Александръ Ивановичъ Кирдяичниковъ единогласно и проф. Георгій Абрамовичъ Муркосъ—большинствомъ голосовъ и б) въ Члены-Соревнователи—единогласно Николай Порфирьевичъ Никифоровъ и Сергій Дмитріевичъ Муретовъ.

11) Баллотировку предложеннаго въ Члены-Соревнователи М. Н. Прокоповича Общество постановило отложить на нѣкоторое время до выясненія возбужденныхъ сообщеніями М. Н. Прокоповича вопросовъ.

12) Дѣйствительными Членами Е. В. Барсовымъ, С. А. Бѣлокуровымъ и В. О. Ключевскимъ предложень въ Дѣйствительные Члены—Членъ-Соревнователь Общества Директоръ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ М. А. Веневитиновъ. Определено: произвести избраніе его закрытою баллотировкою въ слѣдующемъ засѣданіи.

II. Дѣйствительнымъ членомъ В. О. Эйнгорномъ сдѣлано было сообщеніе «О послѣднемъ докладѣ А. .І. Ордина-Нащокина царю Алексѣю Михайловичу». Еще С. М. Соловьевъ сдѣлалъ предположеніе, что причиною окончательнаго удаленія отъ дѣлъ бывшаго начальвика Польскаго приказа было представленіе имъ по поводу назначенія его въ Польшу посломъ такихъ докладныхъ статей, на которыя не хотѣли согласиться. Найденный рсферентомъ среди польскихъ дѣлъ Моск. Главн. Архива Министерства Иностр. Дѣлъ докладъ Ордина-Нащокина подтверждаетъ это предположеніе Соловьева. Докладъ касается главнымъ обра-

зомъ малороссійскихъ дѣлъ, наполненъ жалобами, укорами и намеками, которые можно понять только въ связи съ разсказомъ объ участіи Ордина-Нащокина въ разрѣшеніи малороссійскаго вопроса въ послѣдніе два года его службы. Разсказавъ вкратцѣ о посольскихъ комиссіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе Ординъ-Нащокинъ въ 1668—1670 гг. и о столкновенияхъ его съ Посольскимъ приказомъ, референтъ обратилъ вниманіе на все увеличивавшееся вслѣдствіе этихъ столкновений охлажденіе царя Алексѣя Михайловича къ посольскихъ дѣлъ оберегателю. Въ іюнѣ 1669 г. Ордину-Нащокину объявленъ былъ выговоръ. Уже въ мартѣ 1670 г. недовольство государя выразилось тѣмъ, что онъ распорядился подвергнуть Аѳанасія Лаврентьевича домашнему аресту. Хотя распоряженіе это вслѣдствіе настойчивыхъ представленій Ордина-Нащокина было отиѣнено, но дальнѣйшая служба была пыткой для знаменитаго дипломата, такъ какъ на его «многіе доклады и неотступное доношеніе о всякомъ промышлѣ въ Украинѣ ко утѣшю» оставлены были безъ разсмотрѣнія; однако Ординъ-Нащокинъ долженъ былъ оставаться начальникомъ Посольскаго приказа еще въ теченіе 10 мѣсяцевъ и только 22 февраля 1671 г. повелѣно было въ Посольскомъ приказѣ быть думному дворянину А. С. Матвѣеву. Но уволивъ Ордина-Нащокина отъ управленія Посольскимъ приказомъ, государь не освободилъ его совсѣмъ отъ службы и немедленно назначилъ его великимъ посломъ въ Польшу. Объ этомъ назначеніи рѣшено было немедленно сообщить въ Польшу; но Посольскій приказъ не зналъ, какъ въ грамотѣ государевой написать имя боярское Аѳ. .І. Ордина-Нащокина. «А какъ онъ бояринъ сидѣлъ въ Посольскомъ приказѣ, и писался въ великаго государя грамотахъ въ окрестные государства: великаго государя его царскаго величества великій и полномочный посолъ, царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, бояринъ и намѣстникъ шацкій А. .І. Ординъ-Нащокинъ». 24 февраля состоялся великаго государя указъ: боярину А. .І. Ордину-Нащокину, будучи въ посольствѣ, писаться: «намѣстникомъ шацкимъ, а царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателямъ не писаться». 28 февраля указалъ великій государь писать Ордина-Нащокина ближнимъ бояриномъ. Когда состоялся указъ о назначеніи посольства въ Польшу, Ординъ-Нащокинъ подалъ государю обширный докладъ съ просьбою до отпуску его на посольство разъяснить всѣ тѣ возникавшія относительно его службы недоразумѣнія, которыя привели къ отставкѣ его отъ должности начальника Посольскаго приказа, «чтобы отъ напраснаго разглаголешія», писалъ Ординъ-Нащокинъ, «въ народахъ, чему я виновенъ, родителемъ моимъ

и сынишку моему напрасныхъ во мнѣ укоризнѣ не терпѣть, и отъ милости государскіе безъ вины отривовеннымъ не быть, и клеветникомъ впредь бы гонить безъ вины не повадно было; а есть-ли моя хитростная вина предъ судомъ государскимъ обличитца, достоинъ наказанъ быти, а тѣмъ бы наказаніемъ иные во исправленіе пришли и научились добро творить. А безъ праведного суда въ той посольской службѣ подъ смертью быть невозможно». Не ограничиваясь этою просьбою указать причину «отривовенія отъ государственной милости, Ординъ-Нащокинъ требовалъ для себя, какъ для посла полномочій вести окончательные переговоры въ Польшѣ и въ Малороссіи, посылать письма въ Турцію, къ волоскимъ владѣтелямъ и къ цесарю безъ обсылки съ Москвою «для скорого промыслу». Какъ бы въ отвѣтъ на это требованіе составленъ былъ наказъ Ордину-Нащокину съ строгимъ запрещеніемъ входить, «не описався къ великому государю», въ какія бы то ни было сношенія «съ турецкимъ салтаномъ и цесаремъ римскимъ, и королемъ французасскимъ, и дацкимъ, и свейскимъ, и курфистромъ брандебургскимъ, и курлянскимъ княземъ» и другими владѣтелями. Особенно же запрещалось Ордину-Нащокину писать къ митрополиту кievскому Іосифу Тукальскому и архимандриту кievо-печерскому Иннокентію Гизелю и къ инымъ духовнаго чину людямъ, такъ какъ прежніе его сношенія съ представителями малороссійскаго духовенства были причиною большихъ непріятностей (Сравни Чтенія въ Моск. Обществѣ Ист. и Древн. за 1896 г. кн. 4, смѣси стр. 32). Неизвѣстно, какъ отозвался на этотъ наказъ Ординъ-Нащокинъ. 21 мая 1671 г. въ Посольскомъ приказѣ еще предполагали, что Ординъ-Нащокинъ отправится на посольство, но въ концѣ іюня пришлось назначить новаго посла — окольничаго В. С. Волынскаго, для котораго составленъ былъ новый наказъ безъ обидныхъ ограниченій, бывшихъ въ наказѣ Ордину-Нащокину. На случай, если бы польскіе комиссары спросили, — почему пріѣхалъ на посольскій съѣздъ окольничій Волыпскій, а не указанный въ государевой грамотѣ къ королю ближній бояринъ Ординъ-Нащокинъ, Волынскому поручено было сказать: «бояринъ А. І. Ординъ-Нащокинъ волею Божіею занемогъ и великій государь его царское величество за тою его болѣзнью на съѣздъ послать его не изволилъ». Очевидно, государь не далъ Ордину-Нащокину объясненій своей немилости и бояринъ сказался больнымъ, а вскорѣ постригся въ монахи.

419 заседание (годовое) 18 марта.

Въ годовичномъ засѣданіи Общества 18 марта с. г. подъ предѣтельствомъ Предсѣдателя В. О. Ключевского, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, Д. И. Шювайскаго, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, Г. А. Муркоса, Н. Н. Оглоблина, Е. И. Соколова, свящ. Н. А. Соловьева, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Члена-Соревнователя В. Н. Сторожева и Секретаря Е. В. Барсова происходило слѣдующее:

1) Секретарь прочелъ отчетъ объ ученой дѣятельности Общества въ минувшемъ году.

II. Казначей прочелъ подробный отчетъ о состояніи и движеніи суммъ Общества и состоящихъ въ его распоряженіи премій за время съ 16 марта 1896 г. по 17 марта 1897 года.

III. Помощникъ бібліотекаря Е. И. Соколовъ прочелъ подробный отчетъ о приращеніяхъ Библіотеки Общества въ минувшемъ году и о произведенныхъ имъ работахъ.

IV. Общество, по предложенію г. Предсѣдателя, выразило своимъ Секретарю, Казначею и помощнику Библіотекаря искреннюю благодарность за ихъ труды по Обществу въ минувшемъ году.

V. Казначей Общества просилъ поручить кому либо изъ Членовъ Общества, по примѣру прошлаго года, провѣрить его отчетъ за минувшій годъ. Записками въ Члены ревизіонной Коммисіи Общество избрало Дѣйствительныхъ Членовъ В. И. Холмогорова и Е. И. Соколова, которымъ и поручило провѣрить приходорасходныя книги Общества за отчетный годъ.

VI. Дѣйствительный Членъ С. А. Бѣлокуровъ сдѣлалъ сообщеніе объ одномъ рукописномъ Сборникѣ XV—XVI вв. собранія Н. П. Никифорова. Перечисливъ входящія въ составъ сей рукописи статьи, референтъ остановился на находящихся въ числѣ ихъ лѣтописныхъ отрывкахъ, именно: 1) лѣтописцѣ патріарха Никифора, 2) лѣтописцѣ Переяславля Суздальскаго и 3) Литовской лѣтописи, изданной Даниловичемъ подъ именемъ «Хроники русской». Отмѣтивъ особенности текстовъ сей рукописи сравнительно съ изданіями, С. А. Бѣлокуровъ указалъ и тѣ новыя свѣдѣнія, которыя встрѣчаются въ послѣдней лѣтописи и не находятся въ другихъ доселѣ извѣстныхъ русскихъ лѣтописяхъ.

420-е заседание (обыкновенное) 18 марта.

Въ обыкновенномъ засѣданіи 18-го марта с. г. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя В. О. Ключевского, въ присутствіи Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, С. О. Долгова, Д. И. Иловайскаго, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, Г. А. Муркоса, Н. Н. Оглоблина, Е. И. Соколова, священн. Н. А. Соловьева, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Члена-Соревнователя В. Н. Сторожева и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, происходило слѣдующее:

Читаны были отношенія и письма: 1) Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ имени императора Александра III съ препровожденіемъ перваго выпуска Описанія хранимыхъ въ Музее памятниковъ, заключающаго въ себѣ изслѣдованіе о древне-русскихъ монетахъ до 1547 г., составленное А. В. Орѣшниковымъ

2) Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь съ препровожденіемъ 1-го тома «Извѣстій Института».

3) П. И. Щукина съ препровожденіемъ II тома собранныхъ имъ бумагъ.

По §§ 1—3 опредѣлено: благодарить.

4) Библіотекаря Упсальскаго Университета о полученіи 4 книги «Чтеній» 1896 г.

5) Письма Г. А. Муркоса и С. Д. Муретова съ выраженіемъ глубокой благодарности за избраніе ихъ: перваго въ Дѣйствительные Члены Общества, а послѣдняго въ Члены Соревнователи.

6) Закрытой баллотировкой избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества предложенный въ предыдущемъ засѣданіи Членъ-Соревнователь М. А. Веневитиновъ (большинствомъ 13 голосовъ противъ 1).

421 заседание (чрезвычайное) 24 апрѣля.

Въ чрезвычайномъ засѣданіи 24 апрѣля с. г. подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя В. О. Ключевского, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Р. Ѳ. Брандта, С. А. Бѣлокурова, Д. И. Иловайскаго, А. Н. Зерцалова, А. И. Кирпичникова, М. К. Любавскаго, Г. А. Муркоса, Н. Н. Оглоблина, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, И. С. Бѣлаева, А. А. Гов-

даво-Голомбiевскаго, М. Н. Сперанскаго, А. С. Хаханова, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, происходило слѣдующее:

1) Предсѣдатель Общества сдѣлалъ докладъ о представленныхъ на соисканiе премiи Г. Ѳ. Карпова сочиненiяхъ, отмѣтилъ ихъ достоинства и недостатки и объявилъ приговоръ избранной Обществомъ по присужденiю сей премiи Коммиссiи, которая признала достойными премiи сочиненiя: а) Профессора Юрьевскаго Университета А. Филиппова «Исторiя Сената въ правленiе Верховнаго Тайнаго Совѣта и Кабинета» (Ч. I. «Сенатъ въ правленiе Верховнаго Тайнаго Совѣта». Юрьевъ 1895 г.) и б) Преподавателя историко-филологическаго Института кн. Безбородко М. Лилеева «Изъ исторiи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII и XVIII вв.» (Кiевъ 1895 г.), а въ силу § 2 Правилъ о порядкѣ присужденiя премiи Г. Ѳ. Карпова присудила выдать премiю М. И. Лилееву; Дѣйствительнаго же Члена Общества профессора С. Т. Голубева за подробную и основательную рецензiю постановила удостоить установленной золотой медали.

Опредѣлено: выдать М. И. Лилееву премiю, а С. Т. Голубеву золотую медаль; учредительницу-же премiи А. Т. Карпову увѣдомить о результатахъ конкурса и препроводить ей экземпляръ сочиненiя М. И. Лилеева.

422 засѣданiе (обыкновенное) 24 апрѣля.

Въ обыкновенномъ засѣданiи 24 апрѣля сего года подъ предсѣдательствомъ г. Предсѣдателя В. О. Ключевскаго, въ присутствiи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: Р. Ѳ. Брандта, С. А. Бѣлокурова, Д. И. Иловайскаго, А. Н. Зерцалова, А. И. Кирпичникова, М. К. Любавскаго, Г. А. Муркоса, Н. Н. Оглоблина, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. И. Холмогорова, В. О. Эйнгорна, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммона, И. С. Бѣллева, А. А. Гоздаво-Голомбiевскаго, М. Н. Сперанскаго, А. С. Хаханова, И. И. Шимко и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтенiи и подписанiи протокола предыдущаго засѣданiя, происходило слѣдующее:

I. Читаны отношенiя: 1) Директора Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отъ 28 марта сего года за № 382 съ препровожденiемъ III т. «Обзора внѣшнихъ сношенiй Россiи», составленнаго Н. Н. Бантышемъ-Каменскимъ.

2) Редактора Извѣстiй Императорскаго Томскаго Унiверситета отъ 12 марта сего года за № 1096 съ препровожденiемъ XI книги Унiверситетскихъ Извѣстiй и Приложенiй.

3) П. И. Щукина съ препровожденіемъ изданнаго имъ Сборника документовъ.

По §§ 1—3 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

4) Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета отъ 29 марта сего года за № 59 съ выраженіемъ благодарности за постановленіе бесплатно высылать «Чтенія» Общества въ студенческую читальню при Музеѣ Отечества въ г. Казани.

5) Управленія Императорской Публичной Библиотеки отъ 7 марта с. г. за № 382 съ просьбой доставить неизданныя въ ней отдѣльные отгиски сочиненія И. Д. Бѣляева: «О русскомъ войскѣ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и послѣ его до Петра I». М. 1846 г. Опредѣлено: выслать.

6) Члена Сотрудника Псковскаго Археологическаго Общества Г. Сандоевскаго съ просьбой о бесплатной высылкѣ изданій Общества. Опредѣлено: выслать «Чтенія» Общества 1896 г. и просить г. Сандоевскаго увѣдомить, какія еще изданія Общества ему желательно получить.

7) Почетнаго гражданина города Углича Л. Ѳ. Соловьева съ извѣщеніемъ о намѣреніи угличанъ поставить памятникъ народному поэту И. З. Сурикову, уроженцу г. Углича.

8) Правленія Общества взаимнаго вспоможенія лицамъ педагогическаго званія съ просьбой о напечатаніи въ «Чтеніяхъ» его циркулярнаго извѣщенія.

9) Дѣйствительнаго Члена М. А. Веневитинова съ принесеніемъ глубокой признательности за избраніе его въ Дѣйствительные Члены Общества.

10) Члена-Соревнователя Н. П. Никифорова съ принесеніемъ благодарности за избраніе его въ Члены-Соревнователи Общества.

11) Предложеніе гг. Дѣйствительныхъ Членовъ Общества В. О. Ключевскаго, Е. В. Барсова и С. А. Бѣлокурова объ избраніи въ Дѣйствительные Члены Общества профессора Новороссійскаго Университета Егора Ивановича Перетятковича. Опредѣлено: произвести избраніе закрытой баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи.

12) Дѣйствительный Членъ В. И. Холмогоровъ заявилъ, что вмѣстѣ съ Дѣйствительнымъ Членомъ Е. И. Соколовымъ, согласно постановленію предыдущаго засѣданія, была произведена ревизія приходорасходныхъ книгъ Общества и оказалось, что книги ведутся Казначеемъ Общества правильно, на статьи прихода и расхода имѣются оправдательные документы, деньги Общества находятся въ полной цѣлости и сохранности: %, бумаги въ Губернскомъ Казначействѣ и

Государственной Сберегательной Кассѣ; въ послѣдней хранятся и наличныя деньги Общества, изъ коихъ у Казначея его имѣется на рукахъ для необходимыхъ расходовъ менѣе 100 рублей.—Согласно предложенію Предсѣдателя Общество постановило: выразить Дѣйствительнымъ Членамъ В. И. Холмогорову и Е. И. Соколову благодарность за понесенные ими труды.

II. Дѣйствительный Членъ М. К. Любавскій сдѣлать сообщеніе объ «Общественномъ бытѣ» литовцевъ по древнѣйшимъ извѣстіямъ и объ образованіи великаго княжества Литовскаго».

Въ концѣ XII и началѣ XIII в. Литовскія племена распадались на множество мелкихъ общественныхъ союзовъ, во главѣ которыхъ стояли *старѣйшіе, лучшіе, сильныя, знатныя люди, князья*. Такъ называютъ ихъ польскія и нѣмецкія хроники. Ядромъ, изъ котораго развились эти мелкіе союзы, были несомнѣнно роды, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно разсмотрѣть разросшіеся роды (напр., въ Корковичахъ, которыхъ разорилъ Даниилъ Романовичъ). Этими, быть можетъ, объясняется и множество названій древнѣйшихъ селеній на Литвѣ съ окончаніемъ на *ишки*. Но родовая организація, давъ начало мелкимъ общественнымъ группамъ, съ теченіемъ времени вслѣдствіе размноженія родовъ и приселенія чужеродцевъ, превратилась въ организацію чисто политическую. Сама природа помогала выработкѣ такой общественной группировки, разбивала Литву на мелкіе общественные союзы: земля лятовцевъ представляла какъ бы острова, окруженные болотами и озерами, по свидѣтельству Мартина Галла. Въ XII в. въ мелкихъ обществахъ литовскихъ большею частью господствовало уже раздѣленіе земель и имущественное неравенство, были и богатые, и бѣдные. Это богатые, сильныя и вліятельныя люди и становились, очевидно, старшинами литовскихъ общинъ, по избранію населенія. Но могло случаться, что власть навязывалась общинѣ и силою, покоряла и подчиняла ее себѣ. Въ XII вѣкѣ война сдѣлалась промысломъ литовскихъ удальцовъ, и изъ среды литовцевъ, занимавшихся мирнымъ трудомъ, выдѣлился общественный классъ на подобіе германской или славянской дружины. Вождями этихъ удальцовъ становились, по всей вѣроятности, тѣ же зажиточныя люди, изъ которыхъ выбирались пародные старшины и предводители, быть можетъ, иногда тѣ же самыя лица. Обогащаясь еще болѣе на войнѣ, опираясь на своихъ боевыхъ товарищей, эти вожди усиляли свое значеніе въ общинѣ, дѣлались въ ней господами, князьками, которымъ населеніе повиновалось уже поневолѣ. Отъ отца положеніе переходило къ сыну и далѣе, и такимъ образомъ появлялись наследственные властители-династы. Бывало и такъ, что нѣкоторые

князьки подчиняли себѣ сосѣднія общины, становились крупными владѣтелями. Такимъ крупнымъ владѣтелемъ былъ уже отецъ Мендовга, по свидѣтельству риёмованной нѣмецкой хроники. Не вездѣ на Литвѣ въ XII и XIII в. были вожди съ одинаковымъ значеніемъ: въ иныхъ общинахъ они были старшинами по избранію міра, въ другихъ—настоящими князьками и царьками. Этимъ и объясняется разнообразіе названій, которыя даютъ имъ польскія и нѣмецкія хроники.

Въ XII в. благодаря хищническимъ нападеніямъ польскихъ и русскихъ князей среди литовцевъ обнаруживается стремленіе къ единенію. Подъ дѣйствіемъ общей опасности литовскіе старшины и князья стали составлять союзы. Когда первый шагъ былъ сдѣланъ, послѣдовали и дальнѣйшіе: литовцы стали соединяться съ цѣлью нападеній на сосѣдей, обезсиленныхъ мѣстною рознью и усобицами. Тринадцатый вѣкъ принесъ для литовцевъ страшныхъ враговъ въ лицѣ нѣмецкихъ рыцарей и могущественнаго Галицкаго князя, съ которымъ за одно дѣйствовали и князья польскіе. Безпрерывныя вторженія этихъ враговъ въ Литву, ихъ намѣренія разобрать Литву по частямъ, поработить ее и навязать ей христіанскую вѣру заставили литовцевъ соединиться и сплотиться въ едино подъ властью сильнѣйшаго изъ своихъ князей Мендовга, который съ своей стороны прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы собрать всю Литву подъ свою власть. Онъ уже отъ отца получалъ крупное наслѣдство и былъ самымъ сильнымъ владѣтелемъ на Литвѣ. Затѣмъ, въ самый переполохъ и сумятицу, произведенную на Руси татарами, Мендовгъ успѣлъ приобрѣсти себѣ такъ называемую Черную Русь, т. е. область правыхъ притоковъ Нѣмана съ городами Новгородкомъ, Слонимомъ, Волковыйскомъ и Городномъ. Это приобрѣтеніе имѣло громадное значеніе для дальнѣйшихъ успѣховъ Мендовга, потому что давало возможность черпать на сторонѣ силы для внутренней борьбы, выступать съ властными и смѣлыми притязаніями въ Литвѣ. Не даромъ Мендовгъ утвердилъ въ Новгородѣ свою столицу: очевидно онъ опирался преимущественно на русскія силы своего княжества. Имъ главнымъ образомъ онъ обязанъ былъ торжествомъ надъ своими братьями, благодаря которому онъ сдѣлался «самодержцемъ во всей Литовской земли». При сильно возбужденномъ чувствѣ самосохраненія власть Мендовга приобрѣла общее и прочное признаніе въ Литовскомъ народѣ и подъ конецъ его жизни распространилась даже на Жмудь. Образовавшееся при немъ государство настолько удовлетворяло потребностямъ народнымъ, что не разложилось отъ междоусобій, наступившихъ по смерти Мендовга, не распалось отъ раздѣленія на нѣсколько княжествъ въ XIV вѣкѣ. Причины, содѣйствовавшія его созданію, продолжали

дѣйствовать и по смерти Мендовга, и при томъ едва ли не съ большою силою: нѣмецкіе рыцари до самой Грюнвальденской битвы грозили Литовцамъ истребленіемъ и порабощеніемъ. Это государство съ самого зарожденія своего выступаетъ уже съ тѣмъ характеромъ, который отличалъ его впоследствии, т. е. является не просто Литовскимъ, а Литовско-Русскимъ государствомъ.

423-е засѣданіе 19 мая.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 19 мая с. г. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества В. О. Ключевского, въ присутствіи Дѣйствит. Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Никитина, И. В. Помаловскаго, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. А. Уляницкаго и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

1) Члена-Соревнователя Общества И. А. Вахрамѣева отъ 28 апрѣля с. г. съ препровожденіемъ экземпляра изданнаго имъ 4-го выпуска Описанія принадлежащихъ ему рукописей.

2) Директора Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ отъ 28 апрѣля с. г. за № 602 съ препровожденіемъ Отчета Музеевъ за 1896 годъ.

3) Члена-Соревнователя Общества Н. П. Никифорова съ препровожденіемъ въ даръ Обществу рукописнаго Пролога XVI—XVII вв. Мартовской половины.

По § 1—3 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія, а Никифорова за пожертвованіе рукописи.

4) Директора Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Института отъ 13 мая с. г. за № 1155 съ просьбой прислать въ бібліотеку Института экземпляръ изданнаго Обществомъ изслѣдованія Н. Н. Оглоблина «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приваза».—Опредѣлено: выслать.

5) Юридическаго Общества при Московскомъ Университетѣ отъ 29 апрѣля с. г. съ предложеніемъ постояннаго обмѣна изданіями.

6) Упсальскаго Университета отъ 18 мая с. г. съ увѣдомленіемъ о полученіи 1-й книги «Чтеній» 1897 г.

7) Редакціи Энциклопедическаго Словаря отъ 5 апрѣля с. г. съ просьбой доставить свѣдѣнія о дѣятельности Общества. Опредѣлено: выслать Редакціи—указатели къ изданіямъ Общества, печатные протоколы его засѣданій и списокъ Членовъ Общества.

8) Распорядительнаго Комитета X Съезда русских естествоиспытателей и врачей въ г. Кіевѣ съ извѣщеніемъ, что Съездъ по Высочайшему повелѣнію отложенъ до августа 1898 г. Определено: принять къ свѣдѣнію.

9) Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 5 мая с. г. за № 10408 съ извѣщеніемъ, что Государь Императоръ Всемилоостивѣйше повелѣтъ соизволилъ, согласно ходатайству Общества, увеличить арендное производство до 2000 р. въ годъ Дѣйств. Члену Общества А. А. Мартынову съ 13 апрѣля с. г. до окончанія срока прежнему пожалованію.—Определено: просить Предсѣдателя Общества выразить г. Попечителю Моск. Учебнаго Округа искреннѣйшую признательность Общества за внимательное отношеніе къ ходатайству Общества.

10) Начальника Архива и Библіотеки Свят. Синода отъ 30 апрѣля с. г. за № 74 съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенной Обществомъ рукописи Синодальной Библіотеки за № ¹⁵⁵/₂₆₈.

11) Императорской Археологической Коммисіи съ препровожденіемъ 2-хъ экземпляровъ Списка русскихъ вещевыхъ надписей XI—XIV вв. Определено: сообщать означенный списокъ тѣмъ Членамъ Общества, которые пожелають ознакомиться съ нимъ.

12) Общество имѣло сужденіе о затрудненіяхъ, испытываемыхъ при печатаніи «Чтеній» въ Университетской типографіи и о мѣрахъ принимавшихся къ устраниенію ихъ, — и постановило: поручить Секретарю Общества потребовать отъ г. Арендатора типографіи замѣны стараго шрифта новымъ и увеличенія числа наборщиковъ; въ случаѣ отказа отъ исполненія сякъ требованій передать другой типографіи часть работъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ Общество печатаетъ свои изданія въ Университетской типографіи.

13) Послѣдовавшей закрытою баллотировкою единогласно избранъ былъ въ Дѣйствительные Члены Общества профессоръ Новороссійскаго университета Егоръ Ивановичъ Перстятковичъ.

14) За истеченіемъ выборнаго срока произведены выборы Секретаря Общества. Заясками заявлены кандидаты: Е. В. Барсовъ (19 записокъ) и М. И. Соколовъ (1 записка). Закрытой баллотировкой единогласно избранъ въ Секретари Общества прежній Секретарь Е. В. Барсовъ. (М. И. Соколовъ за отказомъ не подвергался баллотировкѣ).

15) Разрѣшено уплатить по счету Торговаго дома А. Варгунина за поставленную бумагу 712 р. 80 коп.

П. Сдѣланы доклады: а) Дѣйств. Членомъ Общества М. И. Соколовымъ—объ изданіи сочиненій Юрія Кривапяча и б) Секретаремъ Общества Е. В. Барсовымъ «О моленіи царствѣмъ въ безпоповщинѣ».

424 засѣданіе 27 сентября.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 27 сентября сего года подъ предѣдательствомъ г. Предѣдателя Общества В. О. Ключевского, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, М. А. Веневитинова, С. О. Долгова, А. Н. Зерцалова, Д. И. Иловайскаго, П. А. Лаврова, М. К. Любавскаго, Г. А. Муркоса, Н. В. Никитина, протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова, Е. И. Соколова, М. И. Соколова, В. И. Холмогорова, Членовъ-Соревнователей: Н. И. Аммопа, И. С. Бѣляева, А. П. Сапунова, А. С. Хахапова и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

1) Читаны отношенія: 1) Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи отъ 17 іюня с. г. за № 1502 съ препровожденіемъ экземпляра девятаго выпуска Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

2) Центральнаго Статистическаго Комитета съ препровожденіемъ экземпляра изданія: «Статистика Россійской Имперіи, XXXVII. Военно-Конская перепись 1893 и 1894 гг.».

3) Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 28 января с. г. за № 30 (получено въ іюнѣ мѣсяцѣ) съ выраженіемъ благодарности Обществу за доставленіе въ бібліотеку Археологическаго Общества недостававшихъ въ оной изданій Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и съ препровожденіемъ въ обмѣнъ изданій Археологическаго Общества.

4) Того же Общества отъ 21 мая с. г. за № 145 съ препровожденіемъ новыхъ его изданій.

5) Канцеляріи Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба отъ іюня с. г. за № 30714 съ препровожденіемъ экземпляра изданной Комитетомъ брошюры: «Крѣпости и гарнизоны южной Россіи въ 1718 году».

6) Орловской Ученой Архивной Комиссіи отъ 30 апрѣля с. г. за № 43 съ препровожденіемъ 2 и 3-го выпуска своихъ «Трудовъ» за 1896 годъ.

7) П. И. Щукина съ препровожденіемъ III-го тома Сборника бумагъ, хранящихся въ принадлежащемъ ему музеѣ.

По §§ 1—7 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

8) Орловской Ученой Архивной Комиссіи отъ 6 сентября с. г.

за № 100 съ увѣдомленіемъ объ открытіи «Музея» и съ просьбой не отказать въ возможномъ удовлетвореніи просьбы, изложенной въ приложенномъ къ отношенію «Обращеніи».

9) Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи отъ 11 іюля с. г. за № 649 съ просьбой вступить въ обмѣнъ изданіями.

По §§ 8—9 опредѣлено: выслать бесплатно имѣющіеся каталоги и указатели изданій Общества и увѣдомить, что самыя изданія могутъ быть высланы Комиссіи съ уступкой 50%.

10) Директора Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Института отъ 4 іюня с. г. за № 1388 съ увѣдомленіемъ о полученіи экземпляра изслѣдованія Н. Н. Оглоблина «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа» и съ принесеніемъ отъ имени Совѣта Института за такой цѣнный даръ искренней признательности.

11) Упсальскаго Университета въ Христианіи отъ 7 августа с. г. и Смитсовіанскаго Института въ Вашингтонѣ о полученіи первымъ 2-й книги «Чтеній» за 1897 г., а вторымъ 4-й за 1896 г. и 1-й и 2-й за 1897 г.

12) Совѣта Императорскаго Московскаго Университета отъ 24 мая с. г. за № 1924 съ препровожденіемъ заключенія Комиссіи относительно собирація и изданія матеріаловъ по исторіи Московскаго Университета за истекающее 3-е 50-лѣтіе его существованія и программъ сего труда. Опредѣлено: увѣдомить Совѣтъ Императорскаго Московскаго Университета, что историческій очеркъ дѣятельности Общества за 3-е 50-лѣтіе существованія Университета своевременно будетъ составлень и доставлень Университету самимъ Обществомъ, собирающимъ уже для сего матеріалы въ виду того, что въ 1904 г. исполнится столѣтіе его существованія.

13) Конторы типографіи Московскаго Университета отъ 2 іюня с. г. съ предложеніемъ новаго шрифта для набора «Чтеній» и съ представленіемъ образца набора имъ. Общество, одобревъ новый шрифтъ, опредѣлило: производить имъ наборъ тѣхъ статей, которыя будутъ вновь доставлены или къ набору кочъ еще не приступлено: статьи же, начатыя старымъ шрифтомъ, имъ же и продолжать.

14) Дѣйствительный Членъ В. И. Холмогоровъ заявилъ, что Дѣйствительный Членъ Общества А. А. Мартыновъ просилъ его передать Обществу искреннѣйшую и глубочайшую благодарность за исходатайствованіе ему увеличенія аренднаго производства.

II. Предсѣдателемъ Общества В. О. Ключевскимъ и Дѣйствит. Членомъ П. А. Лавровымъ сдѣланы сообщенія о Почетномъ Членѣ Общества Ѳ. И. Буслаевѣ.

1) Предсѣдатель сообщилъ нѣсколько своихъ воспоминаній «о **Θ. И. Буслевѣ**, какъ о преподавателѣ и изслѣдователѣ», съ цѣлью показать, чѣмъ референтъ вмѣстѣ съ другими учениками покойнаго ученаго обязанъ ему въ своемъ научномъ образованіи и что сдѣлалъ **Θ. И.** вообще для изученія русской исторіи. Въ дѣлѣ этого изученія онъ одинъ изъ первыхъ, если не первый, растолковалъ въ русской научной литературѣ и въ русской университетской аудиторіи значеніе языка, какъ историческаго источника и притомъ основнаго и древнѣйшаго источника исторіи народа. По воспоминавіямъ о лекціяхъ и бесѣдахъ Буслева, частію и по его сочиненіямъ, референтъ кратко изложилъ и тотъ діалектическій процессъ, посредствомъ котораго аудиторія **Θ. И.**—ча усвоила себѣ такое значеніе языка, его ростъ и строеніе и его отношеніе къ народной жизни. Другою важною заслугой, оказанной Буслевымъ изученію русской исторіи, было возстановленіе исторической связи между устной народной и письменной словесностью. Для возстановленія этой связи онъ предпринялъ неутомимое и широкое сравнительное изученіе еще неизданныхъ памятниковъ старой русской письменности и разнообразныхъ формъ и видовъ словеснаго народнаго творчества, мѣтовъ, легендъ, сказокъ, пословицъ, примѣтъ, загадокъ и т. п. Это былъ другой общій источникъ, даже цѣлый рядъ общихъ источниковъ какъ для исторіи русской словесности, такъ и для русской исторіи, и въ изученіе этихъ обильныхъ и мало тронутыхъ источниковъ Буслевъ внесъ большое оживленіе, указалъ приемы и далъ опыты ихъ обработки, благотворно отразившіеся на успѣхахъ русской исторіографіи. Такъ возстановлена была внутренняя историческая связь древнерусской письменности съ ея туземными источниками, съ самородными мотивами и образами словеснаго творчества народа. Это сближеніе искусственной книжной письменности съ долго пренебрегаемой изустной словесностью открыло неисчерпаемый запасъ новыхъ средствъ для изученія русской народной жизни, мысли и фантазій. Такимъ образомъ, благодаря трудамъ **Θ. И. Буслева**, расширилось и углубилось изученіе источниковъ русской исторіи.

2) Дѣйстви. Членъ **П. А. Лавровъ**, познакомивъ съ содержаніемъ курсовъ **Θ. Ив. Буслева**, читанныхъ имъ въ 1875—76, 1876—77 и 1878—79 годахъ, указалъ на высокія достоинства **Θ. Ив. Буслева**, какъ профессора, выразившіеся во вліаніи его на слушателей передачей имъ научнаго метода изслѣдованія, утвержденіемъ въ нихъ началъ народности, развитіемъ художественнаго чувства и пониманія искусства, въ обаяніи художественной формы изложенія лекцій и одушевленія, съ которымъ онъ относился къ своему предмету. Выказавъ мнѣніе, что глубокимъ

пониманіемъ искусства и живымъ отношеніемъ къ принципамъ народности **Ө. Ив.** главнымъ образомъ обязанъ пребыванію въ Италіи, странѣ столь богатой памятниками искусства и въ то время испытывавшей тяжелый политическій гнетъ, **П. А. Лавровъ** привелъ изъ «Воспоминаній» **Ө. Ив.** тѣ строки, изъ которыхъ видно, что онъ не только изучалъ произведенія искусства, но старался проникнуть въ самый духъ художественнаго творчества знаменитыхъ художниковъ **Микель Анджело** и **Рафаеля**, а изъ лекцій **Ө. Ив.** то мѣсто, въ которомъ онъ въ самыхъ теплыхъ словахъ говорилъ о возрожденіи народности у славянъ, главнымъ образомъ чеховъ, находившихся въ такомъ же угнетеніи, какъ и итальянцы. Перейдя затѣмъ къ занятіямъ **Ө. Ив.**, какъ руководителя семинаріемъ по русскому языку и литературѣ, **П. А. Лавровъ** отмѣтилъ высказываемый въ эти годы **Ө. Ив.** взглядъ на изданіе памятниковъ, при чемъ остановился на выясненіи значенія 2-хъ трудовъ **Ө. И.** въ этой области—его Исторической и школьной христоматіи. Въ заключеніе **П. А.** упомянулъ и о превосходныхъ воспоминаніяхъ **Ө. Ив. Буслаева**, важныхъ для уясненія его ученой и литературной дѣятельности и въ то же время столь художественныхъ, что современемъ они будутъ, вѣроятно, читаться въ школахъ, какъ «Письма русскаго путешественника» **Карамзина**.

Ш. Секретаремъ Общества **Е. В. Барсовымъ** были сообщены слѣд. воспоминанія о Дѣйствительномъ Членѣ Общества **В. Е. Румянцевѣ**:

Не сложна и не красна была жизнь **Василія Егоровича Румянцева**. По окончаніи академическаго курса онъ очень недолго занимался педагогическимъ дѣломъ и скоро перешелъ на службу въ Москву, въ старый Сенатъ, гдѣ затѣмъ въ качествѣ чиновника Сенатской типографіи познакомился съ типографскимъ дѣломъ и отсюда перешелъ на службу въ Московскую Синодальную типографію. Вся его жизнь, можно сказать, принадлежала этому послѣднему учрежденію. Ему онъ отдалъ всѣ свои силы, всю свою энергію, и заслуги его никогда не изглядятся въ исторіи Московской Синодальной типографіи.

Василій Егоровичъ былъ человекъ въдумчивый, разсудительный, молчаливый и сосредоточенный. Правственный образъ его отличался честностію и благородствомъ. Онъ неспособенъ былъ сдѣлаться человекомъ искательнымъ, подслужникомъ и льстецомъ. Эти нравственные черты заграждали ему движенія по службѣ и даже были причиной многихъ непріятностей и угнетеній, кои приходилось переживать ему тай души своей. Энергія воли дѣлала его способнымъ къ продолжительному напряженію труда, который обогатилъ его широкими

знаніями въ области русскихъ и въ особенности церковныхъ древностей; а прямота характера и искренность сердца дѣлали его способнымъ къ дружбѣ — глубокой, прочной и надежной.

Мы сказали, что вся его служебная жизнь принадлежала Московской Синодальной типографіи и все, что имъ сдѣлано для нея, съ теченіемъ времени будетъ достойно оцѣнено историческою наукой.

Василій Егоровичъ служилъ при четырехъ управлявшихъ типографіей Гиляровѣ, Потемкинѣ, Радкевичѣ и Шнищковѣ и въ одной и той же должности инспектора типографіи.

Извѣстно, что такое былъ Книгопечатный Дворъ въ старыя времена. Печатаніе церковныхъ книгъ считалось дѣломъ не только церковнымъ, но и государственнымъ чрезвычайной важности; на Печатномъ Дворѣ лежала обязанность не только тисненія, но и самой sprawy церковныхъ книгъ. Вотъ почему начальниками этого Двора были и думные дьяки, и митрополиты, и вообще мужи, пользовавшіеся ученою извѣстностію и высокими нравственными качествами. Но съ учрежденіемъ Снода и Хозяйственнаго при немъ Управленія существенно измѣнилась и точка зрѣнія на Московскій Синодальный Дворъ. Онъ сталъ трактоваться, какъ обыкновенная фабрика или ремесленное учрежденіе, связанное съ доходными статьями. Для Петроградскаго Синодальнаго Управленія—самое главное стало то, чтобы на Московскомъ Печатномъ Дворѣ сидѣлъ смѣтливый хозяинъ, умѣющій доставить наибольшую денежную прибыль отъ печатанія церковныхъ книгъ.

Вотъ почему на пространствѣ почти двухъ вѣковъ на Московскомъ Печатномъ Дворѣ, за исключеніемъ Н. П. Гилярова, въ ряду служившихъ здѣсь лицъ нельзя указать ни одного человѣка, который бы носилъ въ себѣ историческую идею учрежденія и сдѣлалъ бы для поддержанія ея все, что было въ его силахъ. Только съ именемъ В. Е. Румянцева связано возрожденіе этого Печатнаго Двора въ духѣ историческаго преданія.

Въ то время, когда на Никольской улицѣ земля и старыя зданія отданы были Синодомъ подъ постройку «Славянскаго Базара», предположено было срыть и «Палату справы», находящуюся на дворѣ типографіи и выстроить взамѣнъ многоэтажное зданіе для увеличенія Синодальныхъ доходовъ.

Вас. Егор. Румянцевъ возсталъ всѣми силами души противъ такого варварскаго проэкта и при содѣйствіи графа А. С. Уварова отстаивалъ существованіе древней Справной Палаты. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ на себя всѣ труды и заботы по ея возстановленію. Нѣсколько лѣтъ посвятилъ себя этой задачѣ, заботился денно и ночью, и нако-

пецъ привелъ ее въ тотъ художественный видъ, какой она имѣла въ XVII вѣкѣ. Это, можно сказать, было его дѣтище, которое онъ выхо­дилъ и выхолилъ. Всякая мелочь была предметомъ его обдуманности и отвѣчаетъ цѣльности и художественности впечатлѣнія. Благодаря такому образамъ Василию Егоровичу для исторіи сохранился зодче­скій памятникъ, напоминающій собою терема царя Алексѣя Михаи­ловича.

При основаніи Московскаго Публичнаго Музея покойный Алек­сѣй Егор. Викторовъ, зная, что въ складахъ Московской Синодальной типографіи безъ призора валяются старопечатныя книги, возбудилъ вопросъ о томъ: не найдено ли будетъ возможнымъ передать эти книги во вновь возникающее учрежденіе. Духовное Начальство само по себѣ было не прочь отъ передачи этого стараго хлама въ Московскій Музей. Но Вас. Егор. Румянцевъ вмѣстѣ съ Н. П. Гиляровымъ воспротивились этой передачѣ съ рѣшительною энергіей. Въ докладной запискѣ, составленной по этому дѣлу, Вас. Егоровичъ доказывалъ, что типографія не только не можетъ передать въ чужія руки книгъ, на­печатанныхъ ею, какъ своихъ историческихъ памятниковъ и образцовъ, но что напротивъ чувствуется потребность приобрѣсть и всѣ тѣ ея изданія, какихъ недостаетъ въ настоящую минуту. Въ ходатайствѣ Музею было отказано,—что очень огорчило покойнаго Алексѣя Его­ровича Викторова и вслѣдствіе того взаимныя отношенія ихъ навсегда остались холодными. И Алексѣй Егоровичъ Викторовъ и Василий Его­ровичъ Румянцевъ—оба ревновали не о себѣ, но каждый о своемъ учрежденіи, и это обстоятельство обостряло ихъ взаимныя отношенія.

Старопечатныя церковныя книги, дѣйствительно, бывшія до сего времени безъ призора и валявшіяся въ складахъ типографіи, теперь были собраны, приведены въ порядокъ и описаны.

Считаемъ нужнымъ замѣтить, что при приведеніи ихъ въ поряд­окъ, по словамъ Василя Егоровича, огромную услугу оказали антик­варъ Тихонъ Ѳеодоровичъ Большаковъ: книги безъ выходовъ онъ умѣлъ опредѣлять точно по переносамъ словъ, по запятымъ и точкамъ и по начертаніямъ нѣкоторыхъ буквъ. Благодаря ему, и самое опи­саніе книгъ могло быть совершенно скоро и съ хронологическою точ­ностью.

Но не старопечатная только бібліотека Московскаго Синодаль­наго Двора обязана была покойному Василию Егоровичу своимъ бла­гоустройствомъ.

Архивъ типографскій, помѣщавшійся на чердакѣ, теперь также былъ разобранъ и получилъ приличное помѣщеніе.

На основаніи этого архива онъ создалъ капитальный трудъ: «Исторію Московскаго Печатнаго Двора» и издалъ его со множествомъ историческихъ и художественныхъ рисунковъ.

Понятно, что человѣкъ, такъ глубоко носившій въ душѣ своей преданіе Московскаго Печатнаго Двора, не могъ забыть и первопечатника Ивана Федорова. По его мысли и вчинанію, въ день трехсотлѣтія, почтена была память этого основателя русской печати особымъ чрезвычайнымъ собраніемъ, на коемъ произнесены были соотвѣтствующія рѣчи; самъ Василій Егоровичъ Румянцевъ освѣтилъ первопечатное дѣло новыми данными первостепенной важности. По его же мысли и вчинанію былъ задуманъ памятникъ Ивану Федорову и была открыта всероссійская подписка на его сооруженіе.

Въ настоящее время изданія Московской Синодальной типографіи отличаются особенною художественностію, украшаются росписными буквами, заставками на золотомъ полѣ, цвѣтами и узорами въ древнерусскомъ стилѣ. Этотъ художественный элементъ введенъ въ практику Синодальныхъ изданій подъ воздѣйствіемъ покойнаго Василя Егоровича. Его «Исторія Московскаго Типографскаго Двора» открыла богатство и разнообразіе этихъ историческихъ украшеній и онъ первый началъ примѣнять ихъ къ новымъ изданіямъ.

Благодаря личности Василя Егоровича и его заботамъ Московскій Синодальный Дворъ сталъ своего рода Музеемъ, привлекавшимъ къ себѣ ученые силы, какъ столичныя, такъ и провинціальныя.

М. П. Погодинъ перѣдко заѣзжалъ сюда за разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣній, особенно же по поводу своихъ лекцій о Москвѣ. А. А. Котляревскій каждый разъ по пріѣздѣ въ Москву считалъ своимъ долгомъ посѣтить кромѣ о. Амфилохія и В. Е. Румянцева. Ундольскій и Невоструевъ были въ самыхъ ближайшихъ и дружескихъ къ нему отношеніяхъ.

Древняя церковная архитектура въ особенноти составляла любимѣйшій интересъ покойнаго В. Егор—ча и знанія его въ этой области признавались безусловно авторитетными; къ нему обращались за совѣтами такіе зодчіе, какъ П. В. Султановъ, пашъ достопочтенный сочлепъ Ник. Вас. Никитинъ и нѣкоторые академики архитектуры.

Ему поднесена была икона отъ Владимирскаго духовенства за самое живое и дѣятельное участіе при возобновленіи собора Андрея Боголюбскаго.

Реставраціи Ростовскихъ храмовъ и Кремля также совершалась подъ его ближайшимъ руководствомъ и при его непосредственномъ участіи.

Не касаясь уже извѣстныхъ его ученыхъ трудовъ, мы упоминаемъ лишь о послѣдней его работѣ. Св. Синодомъ ему поручено было заняться исправленіемъ «Святцевъ». Нѣсколько послѣднихъ лѣтъ онъ весьма усердно изучалъ агіологию и весьма былъ доволенъ тѣмъ, что ему удалось открыть множество недосмотровъ въ существующихъ святцахъ и сдѣлать соотвѣтствующія исправленія. Докончена ли была эта работа и представлена ли была въ Св. Синодъ—намъ неизвѣстно. Но множество черновыхъ тетрадей намъ удавалось видѣть.

Жизнь и дѣятельность В. Е. Румянцева главнымъ образомъ была связана съ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ—въ эпоху его разцвѣта. Едва-ли къ кому нибудь изъ археологической дружины графъ Уваровъ былъ такъ близокъ, какъ къ В. Е. Румянцеву; съ другой стороны едва-ли на какое-нибудь другое дѣло Вас. Егоровичъ посвящалъ столько времени и силъ, какъ дѣламъ Московскаго Археологическаго Общества. Когда некому было читать въ засѣданіяхъ, обыкновенно читали или самъ предсѣдатель, или секретарь В. Е. Румянцевъ. Не мало потрудился онъ для этихъ докладовъ, копъ были большею частію внезапны и неподготовлены. Не блестящи они были по внѣшней формѣ, всегда устные, но за то они неспремѣнно или открывали новый историческій фактъ, или вносили новую мысль: то мы узнавали, что протопопъ Аввакумъ съ братіей никогда не были справщиками церковныхъ книгъ и стали во главѣ раскола вовсе не потому, что будто бы Никонъ отставилъ ихъ отъ книжнаго исправленія, какъ это прежде выдавалось за несомнѣнный фактъ въ исторической наукѣ; то онъ знакомилъ съ технологіей печатнаго дѣла въ XVI вѣкѣ; то разъяснялъ неразгаданный символъ иконографіи и т. п. Въ особенноти почтенна его дѣятельность, какъ редактора Трудовъ Археологическаго Общества: онъ избѣгалъ печатать болтовню и вообще работы сомнительнаго достоинства; строгій выборъ матеріала придавалъ особенную цѣнность изданнымъ имъ «Трудамъ Общества». И если мы вспомнимъ, что имъ издано десять томовъ, то становится яснымъ—какая масса нравственной энергіи была отдана имъ историко-археологической наукѣ. При этомъ нужно замѣтить, что матеріалъ, которымъ онъ располагалъ, требовалъ еще грамматическихъ и стилистическихъ исправленій. Стилъ самого графа Уварова весьма часто отзывался галицизмами и требовалъ стилистической очистки. Нужно замѣтить, что графъ ни мало не оскорблялся такими поправками; изпротивъ былъ весьма благодаренъ, подобно Карамзину, слогъ котораго иногда исправлялъ Малиновскій.

Графъ высоко цѣнилъ дѣятельность Румянцева и ревностно оберегалъ его на его служебной карьерѣ.

Съ другой стороны все нравственное существо Вас. Егоровича было связано съ личностію графа.

Въ одинъ печальный день онъ пришелъ къ намъ и, не снимая верхняго платья, воскликнулъ: «графа Уварова не стало», и при этомъ въ собственномъ смыслѣ громко зарыдалъ. Мы его утѣшали, насколько могли. На публичномъ засѣданіи, посвященномъ памяти гр. А. С. Уварова, онъ въ своей рѣчи дрожащимъ голосомъ и также сквозь слезы сказалъ: «съ кончиною графа для меня лично все кончилось». И это его слово было—пророческое слово.

Когда онъ былъ удаленъ со службы въ Синодальной типографіи, у него осталось еще одно нравственное утѣшеніе, что его ученый міръ цѣнитъ—и въ особенности Московское Археологическое Общество, которому онъ посвятилъ столько силъ и жизни.

Но вотъ вдругъ онъ найденъ даже негоднымъ для того, чтобы сидѣть Товарищемъ Предсѣдателя.

Когда ему о томъ сказали, онъ какъ будто оцѣпелъ и не могъ сказать ни одного слова.

Съ этого именно момента быстрыми шагами пошло его умственное и физическое умирание.

425 засѣданіе 31 октября.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 31 октября с. г. подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества В. О. Ключевского, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, Гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Вѣлюкова, Д. И. Иловайскаго, Н. В. Никитина, Н. Н. Оглоблина, В. И. Сизова, Е. И. Соколова, В. А. Ульяницкаго, В. О. Эйгорна, Членовъ Соревнователей: Н. И. Аммона, А. П. Сапунова, А. П. Станкевича и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

1) Читаны отношенія: 1) Директора Императорской Публичной Библіотеки за № 1769 съ препровожденіемъ «Отчета» о дѣятельности Библіотеки за 1894 г.

2) Канцеляріи Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба отъ 30 сентября с. г. за № 48755 съ препровожденіемъ 1 экземпляра «Сборника военно-историческихъ матеріаловъ», издаваемого Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба.

3) Члена-Соревнователя Общества И. А. Вахрамѣева отъ 15 октября с. г. съ препровожденіемъ въ Библіотеку Общества изданныхъ имъ 3-хъ томовъ «Историческихъ Актовъ Ярославскаго Спасскаго монастыря» и дополненія къ нимъ («Книга Кормовая»).

4) Орловской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 30 октября с. г. за № 81 съ препровожденіемъ перваго выпуска ея «Трудовъ» и изданнаго ею «Сборника историческихъ матеріаловъ о жизни и дѣятельности о. архимандрита Макарія Глухарева».

5) А. А. Милорадовича съ препровожденіемъ брошюры о царицѣ Маріи Владимировнѣ.

По §§ 1—5 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

6) Ректора Императорскаго Московскаго Университета отъ 24 октября с. г. за № 3087 съ просьбой о доставленіи не позднѣе 1 декабря свѣдѣній о дѣятельности Общества за сей годъ для помѣщенія ихъ въ Университетскомъ Отчетѣ. Опредѣлено: своевременно доставить.

7) Члена-Соревнователя проф. Новороссійскаго Университета В. М. Истрина отъ 5 октября с. г. о напечатаніи въ «Чтеніяхъ» 2-го тома его изслѣдованія объ Александрѣ. Опредѣлено: увѣдомить г. Истрина, что къ набору II тома его работы можетъ быть приступлено не ранѣе какъ чрезъ 2—3 года и въ виду сего не представится-ли ему возможности издать работу гдѣ-либо ранѣе.

8) Директора С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ отъ 28 октября с. г. за № 1705 съ просьбой о пожертвованіи С.-Петербургскимъ Женскимъ Курсамъ «Чтеній» Общества съ 1866 г. по 1885 годъ и съ 2-й книги 1896 года. Опредѣлено: выслать бесплатно Чтенія Общества за 1866—1885 годы.

9) Московскаго Архитектурнаго Общества отъ 24 октября с. г. съ просьбой назначить депутатовъ на имѣвшее происходить 26 октября празднованіе 30 лѣтія со дня утвржденія Устава Архитектурнаго Общества. Предсѣдатель Общества донесъ, что въ виду позднаго полученія извѣщенія онъ не имѣлъ возможности испросить у Общества разрѣшеніе на принятіе участія въ семъ празднованіи и потому своею властію назначилъ быть депутатомъ на семъ торжествѣ Секретаря Общества, который и дѣйствительно присутствовалъ.

10) Предложенія о взаимномъ обмѣнѣ изданіями въ 1898 году редакцій журналовъ: а) Богословскій Вѣстникъ, б) Ученныя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, в) Дѣятель, г) Новь и д) газеты «Жизнь и Школа». Опредѣлено: обмѣниваться съ первыми двумя.

11) Редакціи газеты «Русскій Листокъ» съ просьбой повѣсти, объявленія, отчеты, замѣтки и проч. посылать непосредственно въ редакцію.

12) Предсѣдатель Общества, сообщивъ о кончинѣ Почетнаго Члена Общества Е. Ѳ. Корша (6 октября 1897 г.), состоявшаго болѣе 60 лѣтъ Членомъ Общества, заявилъ, что на похоронахъ его въ качествѣ представителей Общества присутствовали гг. Предсѣдатель и Секретарь Общества.

13) Въ виду представленія сочиненій на конкурсѣ преміи Г. Ѳ. Карпова Общество, постановивъ составить въ семь же засѣданіи Комиссію по присужденію сей преміи, записками избрало въ Члены сей Комиссіи Членовъ Общества: В. О. Ключевского, Д. П. Иловайскаго, С. А. Бѣлокурова, В. А. Уляницкаго и А. П. Сапунова, а кандидатами къ нимъ на случай выхода кого-либо изъ числа ихъ Членовъ Общества: В. О. Эйнгорна, Е. В. Барсова и М. К. Любавскаго.

14) Разрѣшено уплатить: а) Компаніи Угличской писчебумажной фабрики (б. Варгунина) и Товариществу Невской фабрики бр. Варгунинныхъ по тремъ поданнымъ счетамъ за поставленную бумагу: одному—641 р. 52 к., другому—605 р. 88 к., и третьему 158 р. 40 к., всего 1405 р. 80 к.; б) Университетской типографіи за мелкія работы въ 1896 году 29 р. 90 к., за 4-ю книгу «Чтеній» 1896 г. 581 р. 15 к., за 1-ю 1897 г. 608 р. 12 к., за 2-ю 796 р. 47 к., и за 3-ю 782 р. 39 к., всего 2798 р. 3 к.

II. Почетнымъ Членомъ Ю. Д. Филимоновымъ сдѣлано сообщеніе «О времени и происхожденіи знаменитой шапки Мономаха».

Референтъ доказывалъ, что вопреки существующему мнѣнію ученыхъ шапка Мономаха не носитъ на себѣ признаковъ ни византийскаго происхожденія, ни XII вѣка, а должна быть отпесена къ произведеніямъ арабскаго искусства начала XIV вѣка. Доказательства свои Ю. Д. Филимоновъ подтвердилъ представленными имъ многочисленными рисунками, изображающими собою точныя копіи съ работъ извѣстныхъ арабскихъ мастеровъ не только въ металлическихъ издѣліяхъ, но и въ миниатюрахъ рукописей, въ цвѣтныхъ поливныхъ издѣліяхъ и въ ковровыхъ. Растительный и геометрическій орнаментъ на этихъ работахъ оказался по стилю тождественнымъ съ филигранною работой, украшающею шапку Мономаха. Референтъ доказывалъ, что шапка эта сработана въ Каирѣ въ XIV вѣкѣ и прислана египетскимъ султаномъ Эль-Меликъ-Эпъ-Насиръ-Ибнъ-Калауномъ въ 1317 г., родственнику своему золотоордынскому хану Узбеку, а этимъ послѣднимъ передана собрателю русской земли великому князю Иоанну Калитѣ.

Всѣ свои положенія, относящіяся къ происхожденію знаменитой шапки, Ю. Д. Филимоновъ доказывалъ документальными данными, относящимися къ изслѣдуемой эпохѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ справедливости своего мнѣнія относительно происхожденія Мономаховой шапки референтъ считаетъ то, что рисунокъ цвѣтка лотоса, служащій главнымъ украшеніемъ шапки, почти точная копія съ того же цвѣтка, который украшаетъ извѣстный мѣдный столъ съ серебряной насѣчкой султана Калауна изъ арабскаго музея въ Каирѣ. Выяснивши происхожденіе шапки Мономаха, г. Филимоновъ перешелъ къ изложенію нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, доселѣ не принимавшихся въ разчетъ нашими историками и археологами. Шапка эта впервые появилась при Іоаннѣ Калитѣ подѣ названіемъ «золотой» и подѣ тѣмъ же названіемъ передавалась по завѣщанію первому въ родѣ, причѣмъ о происхожденіи ея въ завѣщаніяхъ не упоминалось. Послѣ коронованія внука Ивана III князя Дмитрія Ивановича (1489 г.) эта самая «золотая шапка» является подѣ именемъ Мономаховой во время коронованія царя Іоанна IV. Тождество послѣдней съ «золотой шапкой» вполне доказывается сличеніемъ текста ея описанія, сдѣланнаго Герберштейномъ, съ шапкой нынѣ существующей. Въ заключеніе Ю. Д. Филимоновымъ была высказана мысль, что археологія и на этотъ разъ идетъ рука объ руку съ послѣдними изслѣдованіями исторической критики, и если Мономахова шапка носитъ на себѣ несомнѣнные признаки происхожденія арабскаго искусства, а не византійскаго, она останется всегда высокочтимой святыней для русскаго народа и памятникомъ начала объединенія Россіи, а равно и того, что ею короновались всѣ цари, начиная съ Іоанна Васильевича и до принятія Петромъ Великимъ Императорскаго титула.

426 засѣданіе 29 ноября.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 29 ноября с. г. подѣ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, гг. Дѣйствительныхъ Членовъ: С. А. Бѣлокурова, М. К. Любавскаго, Н. Н. Оглоблина, В. И. Сизова, Е. И. Соколова, В. А. Уляницкаго, В. О. Эйнгорна, Члена Соревнователя А. П. Сапунова и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

1. Читаны отношенія: 1) Управляющаго Архивомъ Министерства Юстиціи отъ 1 ноября с. г. за № 153 съ препровожденіемъ изданной

Архивомъ книги: Документы Московскаго Архива Министерства Юстиціи т. I.

2) Комитета Директоровъ Севастопольской Морской Офицерской Библіотеки отъ 18 ноября с. г. за № 454 съ препровожденіемъ «Отчета о дѣятельности Севастопольской Морской Офицерской Библіотеки».

3) Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ отъ 11 ноября с. г. за № 1321 съ препровожденіемъ 1 экземпляра книги: «Торжественное засѣданіе въ память графа Н. П. Румянцева 3 апрѣля 1897 г.»

4) Императорской Археологической Коммисіи отъ 1 ноября с. г. съ препровожденіемъ 1 экз. изданныхъ ею «Матеріаловъ по археологій Россіи» № 19 и 20, «Отчета о дѣятельности ея за 1894 г.» и «Русскіе клады. Изслѣдованіе древностей великокняжескаго періода». Опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

5) Императорскаго Русскаго Историческаго Общества отъ 8 ноября с. г. за № 184 съ увѣдомленіемъ о полученіи 3 и 4 книги «Чтеній» 1897 г.

6) Члена Соревнователя Псковскаго Археологическаго Общества Г. I. Соподоевскаго о высылкѣ ему нѣкоторыхъ изданій Общества. Опредѣлено: выслать просимыя изданія съ предложеніемъ возвратить ихъ обратно, по минованіи надобности.

7) Директора Университетской Библіотеки въ Прагѣ г. Кукула отъ 11 ноября с. г. за № 1118 съ просьбой о бесплатной высылкѣ «Чтеній» Общества. Опредѣлено: выслать «Чтенія» за сей годъ и высылать ихъ и впредь.

8) Предсѣдатель Общества заявилъ о желаніи редакціи «Часопись» въ Прагѣ обмѣниваться изданіями. Опредѣлено: обмѣниваться.

9) Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ отъ 25 ноября с. г. съ просьбой о высылкѣ «Чтеній» Общества въ библіотеку Архива Общества. Опредѣлено: высылать съ 1898 года.

10) Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества отъ 20 октября с. г. за № 273 съ препровожденіемъ бронзоваго оттиска медали, выбитой въ память празднованія пятидесятилѣтія существованія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества.

11) Предложенія о взаимномъ обмѣнѣ изданіями въ 1898 г. редакцій журналовъ: а) Императорскаго Палестинскаго Общества; б) Церковнаго Вѣстника и Христіанскаго Чтенія, издаваемыхъ при С.-Петербургской духовной Академіи; в) «Кіевская Старина»; г) «Русская

Старина» и д) журнала «Задумешное Слово». Определено: обвиняться со всеми, кромѣ послѣдняго.

12) Предсѣдатель Общества, заявивъ о смерти Дѣйствительнаго Члена А. Н. Зерцалова, послѣдовавшей 26 ноября с. г., сообщилъ нѣкоторыя данныя изъ своихъ воспоминаній для характеристична дѣятельности почившаго сочлена и его работъ.

II. Сдѣланы сообщенія:

а) Членомъ-Соревнователемъ А. П. Сапуновымъ: «Отрывокъ изъ Полоцкихъ лѣтописей, помѣщенный въ Исторіи Татищева подъ 1217 года». Нѣкоторые историки, основываясь на статьѣ г. Лыжина («Два памфлета время Анны Иоанновны»), считаютъ подложнымъ рассказъ о «великомъ злѣ и смятеніи въ Полоцкой землѣ», почерпнутый въ «Исторіи Россіи» Татищева подъ 1217 г. Лыжинъ въ упомянутой статьѣ своей старается доказать, что рассказъ объ этомъ событіи памфлетъ, сочиненный Еропкинымъ, единомышленникомъ Волинскаго, и что подъ Святохною надо разумѣть Бирона, а подъ пасынками Святохны—Елизавету и другихъ членовъ царскаго семейства. По мнѣнію г. референта упомянутый рассказъ на самомъ дѣлѣ нисколько не противорѣчитъ историческимъ даннымъ. Подлинность его подтверждается свидѣтельствомъ современника, именно Генриха Латыша. Въ хроникѣ послѣдняго много говорится о князѣ Владимирѣ Полоцкомъ, Вячкѣ Куконоскомъ и Всеволодѣ Герцикскомъ, т. е. о тѣхъ же лицахъ, о коихъ идетъ рѣчь и въ отрывкѣ изъ Полоцкихъ лѣтописей, при чемъ хроника и отрывокъ взаимно пополяютъ и поясняютъ другъ друга и рѣшительно ни въ чемъ не противорѣчатъ другъ другу. На этомъ основаніи А. П. Сапуновъ считаетъ отрывокъ изъ Полоцкихъ лѣтописей подлиннымъ, а выведенныя въ немъ лица—историческими: Владимиръ Полоцкій, Вячка Куконоскій и Всеволодъ Герцикскій — сыновья Бориса Давыдовича, внуки Всеслава.

б) Дѣйств. Членомъ В. О. Эйнгорномъ сдѣлано сообщеніе «объ одной изъ попытокъ Московскаго правительства исправить Андрусовскій договоръ 1667 г.» Такія попытка начались уже вскорѣ послѣ заключенія договора, такъ какъ царь Алексѣй Михайловичъ, ознакомившись съ представленнымъ ему трактатомъ, прямо объявилъ его автору Ордину-Нащокину, что Кіевъ, уступленный полякамъ по договору только на два года, долженъ быть присоединенъ къ Московскому государству навсегда. Ордину-Нащокину, не смотря на всѣ его усилія, удалось только отсрочить отдачу Кіева еще на два года, добиться-же отмены статьи, касавшейся Кіева, онъ не могъ и отказался отъ всякаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, удалившись въ монастырь. Преемникъ

Ордина-Нащокина, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Польши, которой угрожала война съ Турціей, не только сумѣлъ отсрочить еще на два года отдачу Кіева, но даже нашелъ возможнымъ предложить Польскому правительству добровольно уступить Московскому государству не только Кіевъ, но и всю западную правобережную Малороссію. На это поляки не согласились, но вскорѣ вслѣдствіе неудачной войны съ Турціей вынуждены были по Бучацкому договору отказаться отъ власти надъ тою странюю, которую не задолго предъ тѣмъ не соглашались уступить Москвѣ, и признать состоявшееся года за три передъ тѣмъ подчиненіе гетмана западной Малороссіи Дорошенка турецкому султану. Согласно 4 статьѣ Андрусовскаго договора царь Алексѣй Михайловичъ обязывался не принимать подъ свою руку только польскихъ подданныхъ. Поэтому, узнавъ о заключеніи Бучацкаго трактата, Московское правительство, не считая уже Дорошенка польскимъ подданнымъ и не входя въ предварительныя соглашенія съ Польскимъ правительствомъ, завело съ гетманомъ правобережной Украины переговоры о переходѣ его изъ турецкаго подданства подъ высокую руку великаго государя. Переговоры эти велись въ теченіе пяти мѣсяцевъ съ іюня по ноябрь 1673 г. Посредникомъ при переговорахъ между Московскимъ правительствомъ и Дорошенкомъ былъ архимандритъ Кіевопечерскаго монастыря Иннокентій Гизель, три раза посылавшій въ Чигиринъ съ государевыми грамотами и указами іеромонаха своего монастыря Серапіона Полковскаго, который привозилъ въ Кіевъ для пересылки въ Москву отвѣты Дорошенка. Сначала Дорошенко и его совѣтникъ кіевскій митрополитъ Іосифъ Тукальскій выказывали большую готовность перейти въ подданство государю и при этомъ гетманъ высказалъ свой взглядъ на то, какою при подчиненіи западной Малороссіи великому государю должеть быть въ этой странѣ установленъ порядокъ: «всякій купецъ, говорилъ Дорошенко Полковскому, и мѣщанинъ въ городѣ, а въ деревнѣ крестьянинъ, *рабъ таюшій на господина*, будутъ платить подати; въ такомъ строеніи Украина пребывать должна: казакъ долженъ имѣть лошадь и ружье доброе и быть всегда готовъ на войну, *постоимые-же люди господину на его потребу* и на защиту свою имѣютъ давать».

Дорошенко сулилъ Московскому правительству большія финансовыя выгоды, если будетъ принять его проекутъ устройства Малороссіи, но въ тоже время требовалъ полной самостоятельности для гетмана: кромѣ того требовалъ, чтобы подъ его власть была отдана не только западная Малороссія, которою онъ уже управлялъ въ зависимости отъ Турціи, но и восточная, гдѣ уже былъ гетманомъ Самойловичъ. Мос-

ковское правительство не считало возможным согласиться на такія условія; отказываясь отнять гетманство у Самойловича, Малороссійскій приказъ предоставлялъ Дорошенку, если оный учинится подъ рукою великаго государя, оставаться гетманомъ лишь въ правобережной Малороссіи. Точно также въ Москвѣ не сочувствовали представленнымъ Дорошенкомъ проектамъ устройства Малороссіи, такъ какъ великій государь не желалъ ломать войсковыхъ правъ. Сношенія свои съ Дорошенкомъ Московское правительство не скрывало отъ Самойловича, который не смотря на это боялся, чтобы въ Москвѣ не пожертвовали имъ для Дорошенка и не передали ему лѣвобережнаго гетманства. Поэтому Самойловичъ старался внушить Московскому правительству, что Дорошенко не имѣетъ серьезнаго намѣренія учиниться подъ рукою великаго государя, а только хочетъ своимъ переговорами произвести смуту въ подчиненной великому государю восточной Малороссіи. Кромѣ того Самойловичъ открылъ непріязненныя дѣйствія противъ Дорошенка, чтобы такимъ образомъ заставить его прекратить переговоры съ Москвою. Между тѣмъ Польское правительство по удаленіи турецкихъ войскъ рѣшило не соблюдать Бучацкаго договора и, узнавъ о начавшихся между Московскимъ правительствомъ и Дорошенкомъ переговорахъ, поспѣшило послать къ Дорошенку львовскаго епископа Іосифа Шумлянскаго, чтобы склонить чигиринскаго гетмана вновь подчиниться Рѣчи Посполитой, отъ которой казакамъ обѣщаны были такія вольности, какихъ только они пожелаютъ. При такихъ обстоятельствахъ Дорошенко не только не проявлялъ уступчивости при сношеніяхъ съ Малороссійскимъ приказомъ, но сталъ заявлять еще болѣе неумѣренныя требованія, такъ что Московское правительство вынуждено было отказаться отъ мысли исправить Андрусовскій договоръ при помощи переговоровъ съ Дорошенкомъ. Пришлось вести съ этимъ гетманомъ войну, которая вскорѣ перешла въ войну съ Турціей; но все таки возвратить западной Малороссіи не удалось. Впрочемъ въ виду новой Турецкой войны Кіевъ опять не былъ возвращенъ полякамъ, а въ 1686 г. Андрусовскій договоръ перешелъ въ вѣчный миръ съ оставленіемъ Кіева за Москвою.

427 засѣданіе 20 декабря.

Въ обыкновенномъ засѣданіи Общества 20 декабря 1897 года подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Общества В. О. Ключевскаго, въ присутствіи Почетнаго Члена Ю. Д. Филимонова, гг. Дѣйствит. Членовъ: С. А. Бѣлокурова, А. И. Кирпичникова, М. К. Любавскаго,

Н. В. Никитина, Е. И. Соколова, В. И. Холмогорова, В. А. Уляницкаго, Членовъ-Соревнователей: И. С. Бѣльева, А. П. Сапунова, А. С. Хаханова и Секретаря Е. В. Барсова, по прочтеніи и подписаніи протокола прошлаго засѣданія, происходило слѣдующее:

1) Читаны отношенія: 1) Канцеляріи Министерства Императорскаго Двора отъ 3 декабря с. г. за № 16195 съ препровожденіемъ 1 экзмп. Камеръ-Фурьерскаго журнала за 1797 г.

2) Императорскаго Русскаго Историческаго Общества отъ 30 ноября с. г. за № 280 съ препровожденіемъ 99 и 100 тт. «Сборника» Общества.

По § 1—2 опредѣлено: благодарить за присланныя изданія.

3) Инспектора студентовъ Императорскаго Томскаго Университета отъ 7 ноября с. г. за № 1212 съ принесеніемъ глубокой благодарности за бесплатную высылку «Чтеній» Общества въ 1897 г. и съ просьбой о высылкѣ «Чтеній» и въ 1898 г. въ общежитіе студентовъ. Опредѣлено: высылать.

4) Оренбургской Ученой Архивной Коммисіи отъ 5 декабря с. г. за № 898 съ просьбой прислать въ даръ Библіотеки Коммисіи 3 и 16 книги Временника. Опредѣлено: выслать.

5) Предсѣдатель Общества заявилъ о просьбѣ Д-ра Бидло бесплатно высылать Чтенія общества для семинаріи Чешскаго Пражскаго Университета.

6) Письмо Дѣйствит. Члена П. Н. Милокова съ просьбой высылать ему «Чтенія» въ Софію.

По §§ 5—6 опредѣлено: обратиться къ Предсѣдателю состоящей при Императорской Публичной Библіотекѣ Коммисіи по международному обмѣну изданіями А. О. Бычкову за разъясненіемъ: не можетъ ли Общество свои изданія г. Милокову и Пражскому Университету пересылать черезъ означенную Коммисію.

7) Редакціи журнала Общества Счетоводовъ съ просьбой о взаимномъ обмѣнѣ изданіями. Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

8) Предложеніе М. В. Безобразовой помѣстить въ «Чтеніяхъ» ея трудъ «Къ исторіи просвѣщенія въ Россіи». Опредѣлено: въ виду многочисленныхъ статей уже принятыхъ для помѣщенія въ «Чтеніяхъ» увѣдомить г. Безобразову, что ея работа не можетъ быть напечатана въ «Чтеніяхъ».

9) Дѣйствительными Членами: В. О. Ключевскимъ, В. А. Уляницкимъ, Е. В. Барсовымъ и С. А. Бѣлоуровымъ предложенъ къ избранію въ Дѣйствит. Члены Общества Членъ-Соревнователь Юрій Николаевичъ Щербачевъ.

10) Почетнымъ Членомъ Ю. Д. Филимоновымъ и Дѣйствительными Членами В. О. Ключевскимъ, Е. В. Барсовымъ, С. А. Бѣлокуровымъ и М. К. Любавскимъ предложень къ избранію въ Члены-Соревнователи Общества Иванъ Ивановичъ Побойнинъ.

По §§ 9 и 10 опредѣлено: произвести избраніе ихъ закрытою баллотировкой въ слѣдующемъ засѣданіи Общества.

II. Сдѣланы сообщенія: а) Членомъ-Соревнователемъ Общества И. С. Бѣляевымъ «Памяти А. Н. Зерцалова» (см. въ приложеніи къ сему протоколу) и б) Секретаремъ Общества Е. В. Барсовымъ «Новыя данныя къ вопросу о моленіи за царей въ расколѣ».

Къ протоколу засѣданія 20 декабря.

ПАМЯТИ А. Н. ЗЕРЦАЛОВА.

По странной случайности, покойнаго Александра Николаевича Зерцалова я помню съ тѣхъ поръ, какъ пачать помнить себя, то-есть съ дѣтства. Въ томъ же Архивѣ Министерства Юстиціи, гдѣ служилъ Александръ Николаевичъ и гдѣ я теперь продолжаю службу, ранѣе меня архивными же чиновниками были мой отецъ и старшій братъ. Воспитываясь такимъ образомъ въ семьѣ, которой были не чужды архивныя интересы, я волею—неволею знакомился и съ бытомъ самого учрежденія, зная почти всѣхъ въ немъ служащихъ. Такъ что одновременно съ воспоминапіями объ Александрѣ Николаевичѣ, въ моемъ представленіи возстаетъ воспоминаніе и о самомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, какъ сторонняго наблюдателя, лѣтъ 25—30 назадъ.

Покойный Александръ Николаевичъ Зерцаловъ въ моемъ дѣтствѣ представлялся мнѣ прежде всего очень юркимъ, живымъ *чиновникомъ*, *всегда* во фракѣ и форменной фуражкѣ, а позже—обязательно съ орденомъ или въ петлицѣ, или на шеѣ. Мнѣ, выросшему въ чиновничьей семьѣ, всегда казалось какъ-то страннымъ: съ одной стороны—очень низенькая, подвижная фигурка Зерцалова, а съ другой—орденъ на шеѣ, рисовавшій моему юному представленію очень важнаго господина. И долго это впечатлѣніе объ Александрѣ Николаевичѣ, какъ о чиновникѣ, жило въ моемъ представленіи; оно не сразу измѣнилось даже тогда, когда я самъ поступилъ на службу въ Архивъ Министерства Юстиціи, то-есть 11 лѣтъ назадъ. Оно же даетъ мнѣ возможность сдѣлать заключеніе, что даже въ 1888 году, когда Зерцалову было почти 50 лѣтъ, онъ все еще стоялъ на распутьѣ, не зная, или *вѣрнѣе*, не

рѣшивъ еще окончательно, куда же посвятить свои силы: остаться ли исключительно чиновникомъ—дѣльцомъ, или же погрузиться въ глубь архивныхъ документовъ, которые все болѣе и болѣе стали занимать любознательнаго чиновника.

Александръ Николаевичъ Зерцаловъ родился въ Москвѣ 9 августа 1839 года въ небогатой семьѣ чиновника, служившаго въ полиціи. Для полученія образованія былъ отданъ въ Школу межевыхъ топографовъ, но ученіе что-то не далось ему, и, пробывъ въ Школѣ болѣе 3 лѣтъ, онъ вышелъ оттуда, не получивъ никакихъ правъ, вслѣдствіе чего во всѣхъ почти формулярахъ Зерцалова и писалось, что онъ «домашняго воспитанія». Но тогда была другая пора, чѣмъ теперь; неокончаніе курса не считалось большимъ порокомъ и не препятствовало поступленію на государственную службу и даже дальнѣйшему въ ней движенію; то было «доброе старое время», когда и «прямые» и «кривые», и всякій маленькій человѣчекъ находилъ себѣ дѣло, а отношенія между людьми были проще, сердечнѣе. У отца Александра Николаевича очевидно было какое-либо знакомство въ межевомъ мірѣ, потому что А. Н. началъ учиться въ межевой школѣ, и на службу впервые былъ опредѣленъ въ 1857 г. также въ Межевую Канцелярію, имѣя 17 лѣтъ отъ роду. Прослуживъ здѣсь около полутора года, Зерцаловъ перешелъ на службу въ Архивъ Министерства Юстиціи, помѣщавшійся тогда въ самомъ верху одного и того же Сенатскаго зданія вмѣстѣ съ Межевою Канцелярією. Входъ въ Архивъ былъ на углу теперешняго судебного зданія противъ Царь-пушки. Имѣя нѣкоторые матеріалы, я могу сказать, что переходы въ то время низшихъ чиновниковъ, такъ называемыхъ «канцелярскихъ служителей», были довольно часты, что зависѣло съ одной стороны отъ многочисленнаго комплекта мѣстъ такихъ низшихъ должностей по штатамъ въ каждомъ учрежденіи, а съ другой—отъ стремленія канцелярской молодежи испытать службу во многихъ учрежденіяхъ, приобрѣсти, такъ сказать, навыкъ въ дѣлахъ, часто изъ лишняго рубля оклада жалованья въ мѣсяцъ, а часто просто потому, что тамъ-то, по разговорамъ другъ съ другомъ, начальникъ былъ добрѣе, или что здѣсь-то служба была веселѣе. Нѣчто подобное заставило и А. Н. Зерцалова перемѣнить службу въ Межевой Канцеляріи на Архивъ Министерства Юстиціи. Пробывъ въ Архивѣ лѣтъ пять, онъ ее оставилъ, выйдя 8 ноября 1863 г. въ отставку, какъ самъ мнѣ говорилъ по «утомительному однообразію архивной службы» и въ чайнѣ какого-то частнаго мѣста. Но получить послѣдняго ему не удалось, а нужда въ кускѣ хлѣба была не малая, и вотъ А. Н. Зерцаловъ 17 іюля 1864 года послѣ девятимѣсячнаго перерыва вновь по-

ствіе этого нерѣдко происходили въ описаніи документовъ забавныя ошибки и недоразумѣнія, надъ которыми въ послѣдствіи одинаково смѣялись между собою и тотъ, и другой. Но одновременно съ такою постановкою дѣла при Ивановѣ, была другая сторона—пріучиваніе чиновника къ постоянному, упорному труду, и Александръ Николаевичъ Зерцаловъ, описывавшій и свидѣтельствовавшій документы вмѣстѣ съ другими архивными чиновниками, самъ сознавался, что способность къ усидчивости въ архивныхъ занятіяхъ, которыми кстати сказать покойный всегда особенно отличался, онъ пріобрѣлъ при работахъ надъ описаніемъ документовъ въ Ивановское время. Точно также нельзя не признать, что Ивановскія описи, несмотря на многіе недостатки, поражаютъ своею общею колоссальностію, своимъ общимъ числомъ, почти не пропуская неописаннымъ ни одного архивнаго отдѣла, ни одного виднаго древняго учрежденія. Каждый, которому по долгу приходилось заниматься въ Архивѣ Министерства Юстиціи въ недавнее время, долженъ сознаться, что Ивановскія описи много облегчили предварительные поиски по данному предмету, что не разъ приходилось пожалѣть тамъ, гдѣ этихъ описей случайно по какому-нибудь отдѣлу не было изготовлено.

При директорѣ Архива Ивановѣ на нѣкоторыхъ, преимущественно молодыхъ, канцелярскихъ чиновниковъ возлагалась обязанность читать вечерами самому директору газеты и журналы въ его квартирѣ. Петръ Ивановичъ Ивановъ, въ послѣднее время своей жизни рѣдко посѣщавшій Архивъ, приказывалъ двумъ тому или иному изъ архивныхъ чиновниковъ, явившихся къ нему съ бумагами, прислать къ нему вечеромъ на квартиру такого-то канцелярскаго чиновника, называя его фамилію, и послѣдній послѣ службы и своего обѣда являлся къ директору и просиживалъ у него и для него за чтеніемъ время отъ 5 до 11 часовъ ночи. Покойному Александру Николаевичу Зерцалову много разъ приходилось нести это внѣслужебное занятіе. По его словамъ, это чтеніе принесло ему пользу тѣмъ, что развило въ немъ любознательность и склонность къ чтенію, *преимущественно* историческаго содержанія, которое такъ занимало самого директора Иванова. Въ кабинетѣ послѣдняго онъ слышалъ имена Строева, Погодина, Ундольскаго, Невоструева, отчасти познакомился съ ихъ трудами, много расположившими самого Зерцалова къ архивнымъ изысканіямъ.

Со вступленіемъ въ должность Управляющаго Архивомъ Министерства Юстиціи сенатора Николая Васильевича Калачова, почти одновременно со введеніемъ новой судебной реформы, Александръ Николаевичъ Зерцаловъ продолжаетъ свою службу въ первомъ отдѣленіи

Архива, хранившемъ документы бывшихъ архивовъ Разряднаго и Старыхъ дѣлъ и находившемся въ завѣдываніи архиваріуса Николева, хотя продолжаетъ числиться по канцеляріи директора помощникомъ столоначальника. Одновременно съ казенными занятіями по составленію справокъ и выписей, Зерцаловъ принимаетъ участіе во многихъ частныхъ работахъ: въ изданіи «Докладовъ и приговоровъ Правительствующаго Сената», начавшихъ издаваться Академіею Наукъ подъ редакціею Н. В. Калачова; въ собраніи для Думскаго изданія матеріаловъ по исторіи археологіи и статистикѣ Москвы, за которые ему печатно приписъ благодарность нашъ маститый труженикъ И. Е. Забѣлинъ въ такихъ выраженіяхъ: «за сообщеніе любопытнаго матеріала мы должны выразить особую признательность уважаемому чиновнику М. А. М. Ю. Александру Николаевичу Зерцалову, съ рѣдкимъ радушіемъ и доброжелательствомъ встрѣтившему наши архивныя изысканія для общаго Московскаго дѣла, добрые пособники которому да будутъ памятны въ исторіи Москвы».

Въ 1878 году Зерцаловъ становится секретаремъ, а 2 года спустя—помощникомъ начальника того же перваго отдѣленія Архива, гдѣ онъ уже состоялъ въ видѣ прикомандированнаго изъ канцеляріи помощника столоначальника, и такимъ образомъ становится уже отвѣтственнымъ лицомъ при составленіи справокъ и самостоятельнымъ работникомъ по приисканію архивныхъ документовъ, изъ которыхъ составлялись просимыя выписи по требованіямъ правительственныхъ учреждений и частныхъ лицъ.

1883 годъ былъ знаменательнымъ въ жизни Александра Николаевича. Въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 22 декабря 1882 года Предсѣдателемъ Общества Иваномъ Егоровичемъ Забѣлинымъ Зерцаловъ былъ предложенъ, а въ засѣданіи 8 марта 1883 года избранъ единогласно въ Члены-соревнователи Общества. Въ полученномъ Александромъ Николаевичемъ извѣщеніи Общества, отъ 2 апрѣля того же 1883 г. № 77, за подписью предсѣдателя и секретаря, изъяснялась «надежда, что вновь избранный соревнователь *постоянно* будетъ содѣйствовать трудамъ Обществу по раскрытію и собранію памятниковъ и свѣдѣній, касающихся Исторіи и Древностей Россійскихъ».

Смѣю думать, что Александръ Николаевичъ вполне оправдалъ надежды Общества и дѣйствительно сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ въ изданіяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое онъ горячо полюбилъ и которому преданнымъ оставался до конца своихъ дней. Скромному архивному труженику, любознательному чи-

новнику, неуверенному в своих силах и не имевшему под собою научной почвы, было дорого вниманіе старѣйшаго Историческаго Общества, которое в лицѣ хорошо извѣстныхъ Александру Николаевичу Членовъ талантливо освѣщало родные ему архивные документы. Оно вдохнуло нѣкоторую увѣренность в его робкихъ начинаніяхъ в той же области и поддержало желаніе заниматься в дальнѣйшихъ поискахъ архивныхъ матеріаловъ, окрылило, такъ сказать, его дальнѣйшіе планы. Общество очень своевременно привлекло къ себѣ скромнаго архивнаго труженика, потому что Александръ Николаевичъ в годъ избранія Соревнователемъ вступилъ в такой возрастъ, когда личныя удовольствія большею частію уже смѣняются желаніемъ служить обществу и внести своимъ трудомъ посильную лепту в какомъ-нибудь отношеніи. Александру Николаевичу было почти 45 лѣтъ, когда Общество гостепріимно открыло ему свои двери. Безъ этого избранія неизвѣстно, чѣмъ бы еще выразилась дѣятельность Александра Николаевича *въ послѣдніе* 14—15 лѣтъ его жизни, такъ какъ самъ онъ по личнымъ своимъ свойствамъ отличался нерѣшительностію, и безъ сомнѣнія долго бы еще колебался и раскидывался в занятіяхъ, если бы Общество своимъ избраніемъ не ободрѣло его. Александръ Николаевичъ не разъ высказывалъ, что засѣданія Общества, которыхъ онъ былъ однимъ изъ аккуратныхъ посѣтителей и къ предмету которыхъ онъ чутко прислушивался, много способствовали любви къ исторической наукѣ и его собственному развитію, пополнивъ до нѣкоторой степени тотъ пробѣлъ в знаніяхъ, который былъ неудаченъ в его учебное время и в первые годы его молодости. Тогда же А. Н. Зерцаловымъ было сдѣлано Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ *первое подношеніе* своего труда, о которомъ в протоколѣ засѣданія Общества 22 декабря 1882 г. было сказано: «Поступили приношенія. *Матеріалами.* Отъ А. Н. Зерцалова выписки изъ архивныхъ документовъ о книгахъ и дѣлахъ XVII вѣка, хранившихся в Мастерской и Оружейной Палатѣ».

Почти одновременно съ избраніемъ Александра Николаевича Зерцалова в Члены-соревнователи появляется и первый печатный трудъ его, но появляется крайне своеобразно: не в самостоятельномъ изданіи, а в приложеніи къ изслѣдованію проф. Латкина о «Земскихъ соборахъ древней Руси». Въ этомъ случаѣ сказала съ одной стороны неуверенность Александра Николаевича в самомъ себѣ, а съ другой—обнаружилось глубокое знаніе разнообразныхъ документовъ того отдѣленія, въ которомъ Зерцаловъ служилъ. Въ отдѣльно отпечатанномъ отъ изслѣдованія г. Латкина томѣ подъ названіемъ «Матеріалы для

исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія: 1619, 1648 и 1651 годовъ», заключающемъ въ себѣ 288 страницъ, покойному Александру Николаевичу принадлежало 211 страницъ, или болѣе $\frac{3}{4}$ всего состава книги. Имѣя подъ своими руками такое подспорье, г. Латкинъ не могъ не засвидѣтельствовать о томъ, печатно, и на первой же страницѣ своего предисловія къ матеріаламъ говорить: «За указаніе этихъ документовъ я *всецѣло обязанъ* помощнику начальника отдѣленія Архива Министерства Юстиціи А. Н. Зерцалову. Благодаря ему, мнѣ удалось собрать *изрядное* количество документовъ, касающихся собора 1648—1649 гг. Кромѣ того, Алек. Н. Зерцаловъ, *самъ занимавшійся исторіею* этого собора, сообщилъ мнѣ *результаты* своихъ трудовъ, печатаемые мною въ Приложеніи. За сообщеніе всего этого приношу свою искреннюю благодарность многоуважаемому А. Н.—чу».

Александръ Николаевичъ Зерцаловъ, отъ природы очень живой человѣкъ, отличавшійся простотою, очень любилъ слѣдить за развитіемъ жизни русскаго народа во всемъ его разнообразіи, подмѣчая со свойственною ему наблюдательностію и смѣшныя, и положительныя стороны простого люда, съ которымъ онъ всегда былъ готовъ пойти рука объ руку на благо родины. Исторія земскихъ соборовъ въ древней Руси, это своеобразное явленіе, въ которомъ правительство приглашало выборныхъ людей отъ всего русскаго народа, не исключая и его мелкихъ классовъ, для обсужденія важныхъ «государевыхъ дѣлъ», дѣйствиительно глубоко занимала Зерцалова, потому что онъ чувствовалъ въ ней *чисто* русскую самостоятельную жизнь, а онъ самъ чувствовалъ и *былъ* вполне русскимъ человѣкомъ. Естественно, что, вслѣдъ за первую свою работу въ книгѣ г. Латкина, Александръ Николаевичъ напечаталъ второй свой трудъ по тому же предмету подъ названіемъ «Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648—1649 гг.», помѣщенный въ 3 книгѣ «Чтеній» Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1887 годъ. Въ немъ онъ сообщилъ не мало подробностей о занятіяхъ собора и между прочимъ *впервые* выяснилъ участіе на земскомъ соборѣ 1648 года выборныхъ отъ «иноземцевъ», что до него не было извѣстно. Дальше, въ томъ же направленіи, онъ напечаталъ въ 1 книгѣ «Чтеній» за 1888 годъ нѣсколько цѣнныхъ матеріаловъ, касающихся судьбы законодательной комиссіи для выработки проекта новаго уложенія при Екатеринѣ Второй, по основной мысли схожей съ земскими соборами XVII вѣка.

Незадолго до смерти сенатора Н. В. Калачова, управлявшаго М. А. М. Ю., 25 октября 1885 года А. Н. Зерцаловъ былъ избранъ въ Дѣйствительные Члены Общества Исторіи и Древностей Россій-

скихъ. Въ это время служебная его дѣятельность продолжалась въ должности помощника архиваріуса того же отдѣленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получалъ въ свое управленіе завѣдываніе однимъ частнымъ домомъ, что обезпечило его вопервыхъ квартирою, а вовторыхъ—улучшило нѣсколько его матеріальныхъ средства. Одновременно съ службою въ Архивѣ, Зерцаловъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1882 г. былъ назначенъ Членомъ Временнаго Строительнаго Комитета по постройкѣ на Дѣвичьемъ полѣ теперешняго зданія Архива Министерства Юстиціи, находившагося ранѣе на углу Старой Басманной и Бабушкина переулка, въ домѣ, теперь занимаемомъ Александровскимъ Коммерческимъ Училищемъ. За это служебное дѣло Зерцаловъ получалъ также небольшое вознагражденіе, что въ связи съ другими источниками доходовъ вполне покрывало его скромные расходы. Незначительныя сбереженія доходовъ радовали Александра Николаевича настолько, что въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ окончательно думалъ посвятить себя практической дѣятельности. Поэтому, когда въ Архивѣ Министерства Юстиціи освободилась должность казначея, дававшая возможность большей самостоятельности и большей свободы времени, чѣмъ должность помощника архиваріуса, и для замѣщенія ея необходимо было надежный, вполне честный человекъ, то А. Н. 8 октября 1885 года съ охотою занялъ должность казначея Архива, оставивъ первое отдѣленіе. Въ это время управляющимъ Архивомъ былъ уже Нилъ Александровичъ Поповъ, также одинъ изъ старѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ Членовъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, знавшій хорошо Александра Николаевича. Когда зданіе Архива еще не было окончено постройкою, не было и нужды въ постоянномъ пребываніи казначея Архива при самомъ учрежденіи, но съ окончательнымъ переводомъ Архива въ новое зданіе на Дѣвичьемъ полѣ и освященіемъ его, явилась необходимость, чтобы чиновникъ, занимавшій должность казначея и бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ смотрителемъ зданій, поселился на казенной квартирѣ. Алек. Николаевичу при его другихъ занятіяхъ послѣднее было неудобно; ему хотѣлось, чтобы Нилъ Александровичъ оставилъ его при прежнемъ положеніи, но Поповъ по справедливости не могъ исполнить его желанія: получились натянутыя отношенія между начальникомъ и его подчиненнымъ, т. е. Зерцаловымъ. Мнѣ кажется, что съ моей стороны для выясненія личности обоихъ Членовъ Общества не будетъ нескромностію сказать по поводу ихъ отношеній нѣсколько словъ, когда оба они уже умерли, а «мертвымъ не льстятъ». Зерцаловъ послѣ отказа отъ квартиры Ниломъ Александровичемъ Поповымъ въ «интересахъ казенной службы»

вновь 2 января 1887 г. переведенъ былъ на прежнюю должность помощника начальника 1 отдѣленія Архива; а такъ какъ время его перевода совпало съ составленіемъ отчета по должности казначея, новое же лицо, назначенное на эту должность, не могло еще съ нимъ справиться, то Нилъ А. Поповъ просилъ сначала на словахъ А. Н. составить отчетъ, а когда тотъ окончательно отказался отъ исполненія порученія своего начальника, то Поповъ вручилъ Ал. Н.—чу форменное письменное предписаніе о томъ же. Зерцаловъ продолжалъ упорствовать, заготовивъ прошеніе объ отставкѣ. Поповъ узнаетъ вновь объ отказѣ исполнить его уже письменное предписаніе, узнаетъ и о намѣреніи Зерцалова уйти изъ Архива; беретъ къ себѣ документы и самъ составляетъ отчетъ. Когда черезъ годъ въ Архивѣ вводятся новые штаты, онъ, не помня зла, назначаетъ Ал. Н.—ча въ январѣ 1888 года старшимъ помощникомъ архиваріуса, а еще черезъ годъ ходатайствуетъ о награжденіи Зерцалова слѣдующимъ орденомъ. Конечно, правда была не на сторонѣ Алек. Н. Зерцалова, онъ это по-являл и всегда относился съ уваженіемъ къ своему начальнику, который въ свою очередь забылъ и думать о происшедшемъ между ними недоразумѣніи. Для насъ же этотъ случай еще разъ послужилъ доказательствомъ, что «умѣренность во власти есть въ высшей степени благотворная сила».

Вскорѣ по введеніи въ Архивѣ Министерства Юстиціи 1 января 1888 года новыхъ штатовъ, Александру Николаевичу пришлось разстаться съ частною службою по управленію домою и съ квартирою, которую онъ занималъ одновременно съ управительскимъ дѣломъ. Переѣхавъ сначала на Остоженку, а потомъ на Зубовскій бульваръ, гдѣ онъ жилъ уже до своей смерти, Зерцаловъ *осецьло* отдался архивнымъ занятіямъ. Съ этого времени только можно положительно сказать, что онъ окончательно рѣшилъ посвятить свои силы тому дѣлу, которое было у него подъ руками. И было давно пора, потому что Александру Николаевичу стукнуло уже 50 лѣтъ, жизнь его начала склоняться къ закату, колебаться было уже некогда. Но силы были уже не тѣ, и умъ былъ не такъ гибокъ и живъ, какъ въ молодыхъ годахъ, которые онъ потратилъ на практическую дѣятельность. Чувствовалось, что времени только хватить на то, чтобы освѣтить путемъ печати матеріалы, замѣченные имъ раньше, заинтересовавшіе въ свое время любознательнаго чиновника въ массѣ просмотрѣнныхъ имъ документовъ своего отдѣленія, насчитывавшаго въ своемъ составѣ цѣлыя десятки старинныхъ приказовъ, коллегій, конторъ и другихъ правительственныхъ учрежденій. Въ эту-то пору мнѣ и самому пришлось

уже быть сослуживцевъ Александра Николаевича въ Архивѣ Министерства Юстиціи. Помню наши разговоры по поводу печатанія его сплошь и рядомъ цѣнныхъ матеріаловъ, которые я ему совѣтовалъ издавать въ обработанной формѣ. «Довольно съ меня и матеріаловъ, всегда отвѣчалъ Александръ Николаевичъ: послѣ моей смерти можетъ быть найдутся желающіе, которые ихъ обработаютъ, самъ же я устарѣлъ для такого непосильнаго труда». Александръ Николаевичъ былъ упрямъ въ отношеніи своихъ матеріаловъ, продолжая ихъ издавать съ прежнею обычною полнотою, а слова его начали оправдываться даже при жизни, когда нѣкоторые матеріалы начали получать должную научную разработку со стороны стороннихъ ученыхъ, какъ было съ выпущенною А. Н.—чемъ въ свѣтъ «Кормленую книгою Костромской чети 1613—1627 г.», значеніе которой было выяснено въ обстоятельномъ очеркѣ, приложенномъ въ книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскимъ.

Такимъ образомъ, послѣднія десять лѣтъ жизни Ал. Н.—ча были отданы на приготовленіе къ печати подмѣченныхъ имъ архивныхъ матеріаловъ. Съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ работалъ онъ надъ старинными свитками и дѣлами, оставаясь для этой цѣли въ Архивѣ на нѣсколько часовъ послѣ служебнаго времени, часто забывая даже объ обѣдѣ; когда всѣ остальные чиновники расходились по домамъ оставался одинъ въ Архивѣ и работалъ, работалъ до утомленія. Положительно груды бумаги исписывались имъ: школа бывшего директора Архива Иванова, приучавшаго своихъ чиновниковъ къ неутомимой дѣятельности, тутъ живо сказывалась. Результатомъ его работъ въ «Чтеніяхъ» Общества за 10 лѣтъ были слѣдующія болѣе или менѣе крупныя статьи (о мелкихъ мы не говоримъ): «О мятежахъ въ селѣ Коломенскомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича» (въ книгѣ «Чтеній» за 1890 г.); «Московский Китай городъ по описи 1695 г.»; «Объ оскорбленіи царскихъ пословъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ»; «Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 годъ»; совсѣмъ неизвѣстныя въ исторической литературѣ и очень любопытныя свѣдѣнія объ «Объѣзжихъ головахъ и полицейскихъ дѣлахъ въ Москвѣ въ концѣ XVII вѣка» (въ «Чтеніяхъ» за 1894 годъ); «Сыскное дѣло о намѣреніи испортить (ворожбою) царюцу Евдокію Лукьяновну»; «О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ», и многія другія. Не преувеличивая, можно сказать, что рѣдкая книга «Чтеній» въ послѣднее время не заключала въ себѣ трудовъ Зерцалова.

Александръ Николаевичъ зорко слѣдилъ за событіями въ современной исторической жизни. Когда въ печати появились замѣтки о раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ съ цѣлію отысканія библіотеки и архива

Грознаго, и передъ нами возникла личность второго историческаго пономаря Конона Осипова (первымъ я считаю пономаря Огурца, замѣшаннаго въ Угличскомъ слѣдственномъ дѣлѣ 1591 года), то Зерцаловъ съ свойственною ему чуткостью *почувствовалъ* обманъ въ разсказѣ пономаря Осипова о сундукахъ въ Кремлевскомъ тайникѣ и съ обычнымъ усердіемъ, опытною рукою принялся за поиски по затронутому вопросу въ родныхъ ему документахъ, и дѣйствительно «откопалъ» (какъ онъ самъ мнѣ выразился), что Кононъ Осиповъ былъ обманщикъ и давалъ показанія о сундукахъ, чтобы избавиться на время отъ грозившаго пражежа за разныя числившіяся на немъ «допмки».

За свои труды Зерцаловъ былъ избранъ Членомъ: Рязанской, Таврической и Симбирской Ученыхъ Архивныхъ Коммиссій и Археографической Коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества. Можно также почти съ увѣренностію сказать, что въ послѣднее время въ рѣдкомъ историческомъ трудѣ, выходящемъ въ Москвѣ, не приносилось бы ему печатной благодарности за оказанное имъ автору содѣйствіе и указаніе. Много частныхъ лицъ скажутъ также А. Н. спасибо за всегдашнюю его готовность подѣлиться своимъ архивнымъ опытомъ для разъясненія того или другаго вопроса. Добрыхъ указаній этого труженника не забудутъ ни тѣ, ни другіе.

Труды Александра Николаевича по изданію архивныхъ матеріаловъ оцѣнила и Археографическая Коммиссія Министерства Народнаго Просвѣщенія, приобрѣвшая въ свое распоряженіе любопытную рукопись Александра Николаевича о служившихъ людяхъ и напечатавшая ее въ 1893 году, при чемъ авторъ предисловія къ рукописи, г. Лаппо-Данилевскій въ слѣдующихъ словахъ замѣчаетъ про *удачное* ея заглавіе: «Заглавіе Кормленая книга Костромской чети 1613—1626 гг.» дано А. Н. Зерцаловымъ согласно имѣющимъ въ документѣ многократнымъ упоминаніямъ... *Вѣрность* заглавія подтверждается еще и тѣмъ, что въ «Актахъ Москов. государства, т. I, на стр. 527 напечатано: «А Костромской чети въ *Кормленной* книгѣ, какова взята въ Разрядъ послѣ московскаго пожара 134 г. за приписью дьяка Пятого Григорьева»...

Къ самымъ послѣднимъ трудамъ Александра Николаевича слѣдуетъ отнести собранные имъ матеріалы о походѣ Шеина подъ Смоленскъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и напечатанную въ трудахъ Симбирской ученой архивной коммиссіи «Приходорасходную книгу Симбирской приказной избы 1665—1667 годовъ», очень цѣнную для исторіи названнаго края.—Въ Обществѣ же Исторіи и Древностей Россійскихъ Зерцаловъ долгое время занималъ должность актуаріуса.

Александръ Николаевичъ былъ женатъ съ 1870 года, но дѣтей не имѣлъ; отсутствіе послѣднихъ еще болѣе давало ему возможности заниматься любимую имъ стариною. Въ молодости почтительный сынъ, помогавшій своимъ небольшимъ заработкомъ старичкамъ отцу и матери, находившимся на призрѣніи въ Матросской богадѣльнѣ, Зерцаловъ отличался веселымъ, общительнымъ характеромъ. Долгое время любилъ драматическій театрѣ, и только лѣтъ за 5 до смерти пересталъ его посѣщать, самъ отличаясь умѣніемъ копировать почти всѣхъ и каждого съ смѣшной стороны, чѣмъ въ «доброе старое время» забавлялъ своихъ сослуживцевъ, давшихъ ему прозвище «балагура».

Болезнь, которая свела Александра Николаевича Зерцалова въ могилу, началась очень давно. Еще въ 1876 году у него появились острые признаки ея, но врачи въ то время опредѣлили ее «катарромъ желудка», какъ было показано въ выданномъ ему въ то время медицинскомъ свидѣтельствѣ. Послѣ же было опредѣлено, что А. Н. одержимъ хроническимъ страданіемъ почекъ, которое то дѣлалось сильнѣе, то уменьшалось; тѣмъ не менѣе онъ болѣе десятка лѣтъ сидѣлъ на строгой діетѣ. Весною текущаго года его болѣзнь приняла острый характеръ, появилась одышка, руки при писаніи дрожали, и онъ не иначе могъ писать, какъ поддерживая правую руку другою рукою; съ внѣшней стороны онъ сильно измѣнился: пожелтѣлъ, исхудалъ и какъ-то осунулся; намъ, всѣмъ его сослуживцамъ, казалось, что дни А. Н. уже сочтены и что дѣло только во времени. А между тѣмъ онъ все по прежнему продолжалъ работать надъ своими матеріалами, но здоровье уже не давало возможности заниматься усидчиво, и А. Н. работалъ урывками, когда чувствовалъ себя нѣсколько лучше. Бывши въ Архивѣ лучшимъ чтеніемъ старинныхъ рукописей, онъ въ послѣднее время сталъ замѣтно слабѣть и въ этомъ отношеніи. Помню, какъ лѣтомъ нынѣшняго года онъ не разобралъ уже сравнительно недурно написаннаго слова, и когда я напомнилъ о прежней его способности, дававшей ему возможность помогать въ чтеніи сомнительныхъ мѣстъ рукописей чуть не каждому изъ насъ, то онъ сконфузился и началъ жаловаться на зрѣніе; но не зрѣніе было здѣсь уже виною: прежнихъ силъ физическихъ и нравственныхъ какъ ни бывало.

За мѣсяць до смерти А. Н.-чъ Зерцаловъ уже пересталъ ходить на службу, такъ какъ врачи предписали ему сидѣть дома; но и лежа въ постелѣ, онъ не переставалъ заниматься любимымъ дѣломъ. Я посѣтилъ А. Н.-ча *недѣлю за двѣ* до его смерти: онъ уже не могъ долго ни сидѣть, ни лежать на одномъ мѣстѣ: болѣзнь почекъ осложнилась болѣзнію сердца. Послѣ первыхъ же словъ въ мое посѣщеніе Алек-

сандръ Николаевичъ подалъ мнѣ свою рукопись, касавшуюся нѣкоторыхъ его возраженій на незадолго передъ тѣмъ вышедшую книгу. «Только *вчера* написалъ», сказалъ онъ мнѣ съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Умиралъ А. Н-чъ очень тяжело; одышка душила; за нѣсколько часовъ до смерти онъ началъ повторять слова: «Господи! пріими мой духъ съ миромъ»; умеръ же безъ всякой агоніи.

Говорять, что въ жизни человѣка рѣшающее значеніе на его судьбу имѣютъ обстоятельства, при которыхъ она проходитъ, что человѣкъ покорный слуга обстоятельствъ. Прилагая это правило къ жизни Александра Николаевича Зерцалова, по моему мнѣнію все время находившемуся именно въ зависимости отъ сложившихся кругомъ него обстоятельствъ, въ которыхъ онъ по свойству характера принималъ скорѣе страдательное положеніе, мы должны сознаться, что при другихъ болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, личность Зерцалова могла бы выдвинуться гораздо замѣтнѣе и дать гораздо больше. Но и на личные труды покойника, конечно, не пройдутъ безслѣдно въ современной археографіи, а Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, думаю, не сочтетъ мои слова преувеличеніемъ, если я скажу, что оно потеряло въ лицѣ Александра Николаевича Зерцалова очень полезнаго Члена, преданнаго ему всею душою.

Членъ-Сореваватель **И. С. Бѣляевъ.**

**Въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московск. Университетѣ продаются слѣдующія книги:**

1. Труды и Лѣтописи Общества, 2—8 ча-
сти. М. 1815—1837 г. Ц. по 50 к. за
книгу.

2. Русскія достопамятности. Часть 1—я,
1816 г., ц. 50 к., Ч. 2—я (Русская Прав-
да). 1848 г., ц. 1 р.

3. Предварительныя критическія изслѣ-
дованія для Россійской исторіи. Эверса,
пер. съ нѣмец. М. Погодина М. 1826 г.,
ц. 1 р.

4. Древности сѣвернаго берега Понта.
Соч. П. Кеплена, переводъ съ нѣмец. Сред-
наго—Камашева. М. 1828 г., ц. 50 к.

5. Псковская лѣтопись, изд. М. Погоди-
нымъ. М. 1837 г., ц. 1 р.

6. Русскій Историческій Сборникъ, изд.
М. Погодинымъ. М. 1837—1846 г. 7 то-
мовъ. Ц. по 1 р. за томъ.

7. Славянскія древности. П. І. Шафаря-
ка, перев. съ чешскаго О. Бодянскаго.
Т. I, кн. 1 (1—е и 2—ое изд.) и кн. 3;
т. II, книги 1—3. Ц. 6 р., перес. за 10 фун.

8. Историко-критическія изысканія. Ю.
Вевелина Т. II. М. 1841 г., ц. 1 р. 50 к.

9. Повѣствованіе о Россіи Н. Аришба-
шева. М. 3—й т. Ц. 3 р. Начало IV го (кн. 7,
стр. 1—308; кн. 8, стр. 1—16). Ц. 2 р.

10. Критико-историческая повѣсть вре-
менныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой
Руси до конца XV столѣтія. Соч. Зубриц-
каго; пер. съ польск. О. Бодянскаго..
М. 1845 г., ц. 1 р. 50 к.

11. Описание Библиотеки Общества, сост.
П. М. Стрелевымъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.

12. О Русскомъ войскѣ въ царствованіе
Михаила Феодоровича и послѣ его до Пёт-
ра 1—го. Изслѣд. И. Бялева. М. 1846 г.,
ц. 50 коп.

13. Книга Большой чертежъ, изд. Г.
Спасскимъ. М. 1846 г., ц. 1 р. 50 к.

14. Исторія о Донскихъ казакахъ. Соч.

А. Ригельмана. Съ 19 рисунками. М. 1846 г.,
ц. 3 р.

15. Очеркъ исторіи письменности и про-
свѣщенія славян. народовъ до XIV в. Соч.
А. Мацѣевского; пер. съ польскаго П. Дуб-
ровскій. М. 1846 г., ц. 50 коп.

16. Изслѣдованіе начала народовъ сла-
вянскихъ. Разсужденіе Л. Суroveцкаго. Пе-
реводъ съ польскаго Юстіана Бялевскаго.
Съ предисл. О. Бодянскаго. М. 1846 г.,
ц. 50 коп.

17. Лѣтопись самовидца о войнахъ Бог-
дана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ
бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти.
Съ предисловіемъ П. Кулиша и О. Бодян-
скаго. М. 1846 г., ц. 1 р.

18. Рейнское евангеліе, изд. В. Гамкою.
1846 г. Ц. 3 р.

19. Окружные жители Балтійскаго моря,
т. е. Леты и Славяне. Юрія Н. Вевелина.
М. 1846 г., ц. 50 к.

20. О бунтѣ г. Пинска и объ усмиреніи
оного въ 1648 году. Переводъ съ поль-
скаго Николая Янковскаго. М. 1847 г.,
ц. 10 к.

21. Краткая исторія о бунтахъ Хмель-
ницкаго и войнѣ съ татарами, шведами и
уграми въ царствованіе Владислава и Ка-
зимира, въ продолженіе 12 лѣтъ, начиная
съ 1647 г. Переводъ съ польскаго. М.
1847 г., ц. 50 к.

22. Лѣтописное повѣствованіе о Малой
Россіи. Соч. А. Ригельмана. Съ 30 рисун.
М. 1874 г., ц. 5 р.

23. Исторія о казакахъ Запорожскихъ. Съ
предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1847 г.,
ц. 50 коп.

24. Описание о малой Россіи и Украинѣ.
Соч. Станислава Зарульскаго. Съ предисл.
О. М. Бодянскаго. М. 1847 г., ц. 25 коп.

25. Критическое разложеніе всѣхъ именъ

въ русскомъ государствѣ употреблявшіеся. М. 1864 г., ц. 10 к.

76. Доношеніе попечителя Казанскаго округа на издателя „Библиографич. листовъ“ г. Министру Нар. Просвѣщенія. М. 1864 г., ц. 10 к.

77. Письма къ государынѣ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ Мавры Шепелевой. М. 1864 г., ц. 10 к.

78. Жизнеописанія древнихъ и средне-вѣковыхъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію или говорившихъ о ней. Перев. А. Н. Шемакина. М. 1865 г., ц. 3 руб.

79. Обзорніе рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книго-хранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи. Состав. архим. Леонидъ. М. 1866 г., ц. 1 руб.

80. Описание славянскихъ рукописей московской Патриаршей бібліотеки. Раздѣлы I—III. Свящ. Писаніе, толкованіе его и каноническое право. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1867 г. Ц. 50 к.

81. Путешествіе въ Московію барона Августина Майерберга и Горація Вильгельма Казвуччи, послы въ импер. Леопольда къ царю Алексѣю въ 1661 г. Переводъ съ латин. А. Н. Шемакина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1874 г., ц. 2 р.

82. О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольскій періодъ. Проф. М. Д. Затяркиевича. М. 1874 г., ц. 2 р.

83. Россія при Петрѣ Великомъ, по рукописному извѣстію І. Г. Фоккеродта и Оттона Плейера. Переводъ съ нѣмец. А. Н. Шемакина. М. 1874 г., ц. 1 руб.

84. Бытъ западно-русскаго сеяннина. Юл. Ф. Крачковскаго. М. 1874 г., ц. 1 р. 25 коп.

85. Описание путешествія въ Москву посла римскаго императора Николая Варкоча съ 22 іюля 1593 г. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Шемакина. М. 1875 г., ц. 1 руб.

86. Реестра всего войска Запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ составленныя 1649 г. октября 16-го дня, и изданныя по подлиннику, съ предисловіемъ, О. Бодянскимъ, съ 2-мя литографиров. снимками, именно: гербомъ гетмана Богдана Хмельницкаго и его подписью. М. 1875 г., ц. 1 р. 50 коп.

87. О мѣстѣ погребенія кн. Д. М. По-

жарскаго и о томъ, гдѣ онъ лежалъ отъ ранъ осенью 1611 г. Гр. М. Д. Бутурлина. М. 1876 г., ц. 50 к.

88. О посольствѣ въ Китай графа Головкина. В. Н. Баснина. М. 1876 г., ц. 50 коп.

89. Донесеніе о Московіи Іоанна Перштейна, посла импер. Максимилиана II при московскомъ дворѣ. Перев. съ итальянскаго гр. М. Д. Бутурлина. Съ предисловіемъ О. Бодянскаго. М. 1876 г. Цѣна 25 коп.

90 Начало и возвышеніе Московіи. Соч. Данила принца изъ Бухова, дважды бывшаго посломъ у Ивана Васильевича, вел. князя Московскаго. Переводъ съ латинскаго И. А. Тихомирова. М. 1877 г., ц. 50 коп.

91. Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя Я. Ф. Головацкимъ и изданныя О. Бодянскимъ ч. I—IV., ц. 10 руб.

92. Богословіе св. Іоанна Дамаскина, въ переводѣ Іоанна ексарха Болгарскаго. М. 1878 г., ц. 3 р.

93. Книга записная имяннымъ письмамъ и указамъ императр. Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны Сем. Андреевичу Салтыкову, 1732—1742 г. Съ предисл. А. Кудрявцева. М. 1878 г., ц. 50 к.

94. Шестодневъ, составленный Іоанномъ, ексархомъ Болгарскимъ. М. 1879 г., ц. 3 р.

95. Житіе препод. отца нашего Феодосія игум. нечерскаго. Списание Нестора. По харатейн. списку московск. Успен. собора буква въ букву и слово въ слово. Съ предисловіемъ Андрея Попова. М. 1879 г., ц. 30 коп.

96. Куранты или вѣстовыя письма 1655 и 1665 гг. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

97. Челобитые дѣкаря Роловта боярину Б. И. Морозову. Царскіе указы: о г. Ярославѣ, о писаніи имени Траханиотова съ *сичомъ*. Приговоръ бояръ относительно Чигаринскаго похода. Сообщ. И. Е. Забѣлинъ. М. 1880 г., ц. 10 к.

98. Послѣдніе дни кн. Вас. Лук. Долгорукова въ Соловенкомъ монастырѣ. Послѣдніе дни граф. Петра и Ивана Толстыхъ. Сообщ. Макарій епис. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

99. Подробное описаніе рукописныхъ сочиненій Юрьевского архим. Фотія, хранившихся въ Чернаговской семинарской бібліотекѣ. М. Лялева. М. 1880 г., ц. 20 к.

100. Записка объ Архангельскомъ кнездравльн. соборѣ. Записка объ Онежскомъ Крестномъ монастырѣ. Сообщ. Макарій епис. Архангельскій. М. 1880 г., ц. 15 к.

* 101. Матеріали для історіи Архангельскаго епархіи. Розыскъ о Моисѣ Чуринѣ въ вѣдомостяхъ его письмахъ, произведенныхъ въ Архангельскѣ и Холмогорахъ въ 1724 г. Сообщ. Н. А. Поповъ. М. 1880 г., ц. 20 к.

102. Изложеніе хода миссіонер. дѣла по крещенію казанскихъ инородцевъ съ 1862 по 1867 г. А. Можаровскаго. М. 1880 г. ц. 1 р.

103. Библиографич. матеріали, собранные Андреемъ Посовымъ. IX—XIV. М. 1881 г. Ц. 50 коп. XV—XIX подъ редакціей М. Н. Свєрєтскаго. М. 1889 г. Ц. 1 рубл. (4). XX подъ редакціей В. Н. Щепкина. М. 1890 г. Ц. 1 рубл. (11). Отдѣльно: № XV Дѣянія апа. Петра и Павла. Ц. 50 коп. (12). № XVII. Слово о жи и клеветѣ. Ц. 20 к. (18). — XVIII Хронографы Моск. Чудова монастыря. Ц. 50 к. (10). — XIX. Бѣлорусскій сборникъ. Ц. 50 к. (9).

104. Посланія священно-арххи. Фотія къ духовной дщери его дѣвцѣ Аннѣ (1820—1822 гг.). Съ предисл. Андрея Попова. М. 1881 г. ц. 50 коп.

105. Историко-статистич. описаніе затѣятаго Пертоминскаго мужскаго монастыря. Сообщ. Макарій епископъ Архангельскій. М. 1881 г. ц. 25 коп.

106. Митрополята Давида и его сочиненія. Исслѣдованіе Василія Жмакина. М. 1881 г. ц. 4 руб. съ перес.

107. Изъ бумагъ митрополита московскаго Платона. М. 1882 г. ц. 50 коп.

108. Домострой по списку Императ. общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ предисловіемъ Н. Забѣлина. М. 1882 г. ц. 1 р. 50 коп.

109. Копія съ писемъ государя Петра Великаго съ 1700 по 1725 г. Сообщ. арххн. Леонидъ. М. 1882 г. ц. 25 коп.

110. Дневникъ генерала Патрива Гордова. Переводъ съ нѣмецкаго М. Салтыковой. Ч. 1-я, 1655—1661 гг. М. 1892 г. ц. 1 р. 25 к. Ч. II, 1661—1684 г. М. 1892 г. ц. 1 р. 25 коп.

* 111. Великое Зерцало. (Изъ исторіи русской переводной литературы XVII в.). Исслѣдованіе П. В. Владимірєва. М. 1884 г. ц. 1 р. (20).

* 112. Мнѣній «туранизмъ» русскихъ. Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ ихъ въ Россіи. П. А. Безсонова. М. 1885 г. п. 50 к. (9).

* 113. Біографическіе очерки сенаторовъ. (По матеріаламъ, собраннымъ П. Н. Барановымъ). П. Н. Семенова. М. 1886 г. ц. 1 р. 50 к. (20).

* 114. Константинъ Никитичъ Тиховравовъ. И. Голышева. М. 1886 г. ц. 30 к. (9).

* 115. Анализъ нѣкоторыхъ пунктовъ древнерусскаго завіщанія. П. И. Бѣльева. М. 1897 г. Ц. 75 к. (5).

* 116. Письма Вячеслава Ганки къ О. М. Бодянскому. А. А. Титова. М. 1887 г. ц. 20 к. (4).

* 117. О начальномъ кievскомъ лѣтописномъ своѣхъ. А. А. Шахматова. I—III. М. 1897 г. Ц. 50 к. (33).

118. Лѣтопись византійца Теофана. Въ переводѣ съ греческаго проф. В. И. Оболенскаго и Ф. А. Терновскаго. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. М. 1887 г. (I—II+1—270). ц. 2 руб.

* 119. Поздравленія Влоанской дух. семинаріи въ день тезоименитства моск. митроп. Платона. С. Муретова. М. 1897 г. Ц. 30 к. (15).

* 120. Матеріали для исторіи Общества Перевоска гг. дѣйствительныхъ членовъ Общества (прот. Діева и И. М. Снегирева 1830—1857 г.). М. А. Максимовича къ О. М. Бодянскому 1838—1873 гг., П. Н. Мурзакевича къ О. М. Бодянскому 1838—1866 гг., П. А. Лавровскаго къ нему же 1851—1876 г.). М. 1887 г. ц. 1 р. (8).

* 121. Матеріали для исторіи взаимныхъ отношеній Россіи, Польши, Молдавіи, Валахій и Турціи въ XIV—XVI вв., собранные В. А. Уляницкимъ. М. 1887 г. ц. 1 р. (4).

* 122. Второе хожденіе Трифона Коробейникова. Съ предисловіемъ С. О. Долгова. М. 1887 г. ц. 30 к. (4).

* 123. О селахъ Рождественъ, что на рѣкѣ Истрѣ, Натвицкомъ-Берендѣевѣ и Мушквинѣ, состоящихъ въ Звенигородскомъ уездѣ, Московской губерніи, до 70-хъ годовъ XVIII столѣтія. И. Копьева. М. 1887 г. п. 50 к. (4).

* 124. Дѣло о богопротивныхъ сборникахъ и дѣйствіяхъ. Н. А. Чистовичъ. М. 1887 г. ц. 40 к. (8).

* 125. Хроника бѣлорусскаго города Могилева, собранная Ан. Трубицкимъ и продолженная Михаиломъ Трубицкимъ. Переводъ съ польскаго Ник. Гортынскаго. М. 1887 г. п. 50 к. (4).

* 126. О извоицкѣ 1-го гренадерскаго баталіона (Извоаго корпуса) Евстафій Артемьевъ, вазнавшемся царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ. Рескриптъ импер. Павла о письмѣ Костюшка. Грамота царя Алексѣя о ловчмѣхъ льякѣ П. Ларионовѣ. Слово по случаю взятія Очакова Мнвхомъ. М. Н. Прокоповичъ. М. 1896 г. Ц. 20 к (29).

180. Русскія рукописи Стокгольмскаго государственнаго архива. К. Якубовъ. М. 1891 г., ц. 30 к. (9).

*181. *Glagolitica Wündigung neuentdeckter Fragmente von Dr. V. Jagic. Mit zehn Tafeln. Отдѣльный оттискъ изъ denkschriften der Kaiserlichen Akademie Der Wissenschaften in Wien. Philologisch-historische Klasse. Band. XXXVIII.* В. Шенкманъ. М. 1891 г., ц. 15 к. (3).

*182. Разборъ лѣтописнаго сказанія о призваніи варяговъ. А. Ѳ. Малинввъ. М. 1891 г., ц. 10 к. (29).

*183. О содержаніи въ нынѣшнее ирское время (1725 г.) арміи и какимъ образомъ крестьянъ въ лучшее состояніе привелъ. М. Н. Прокоповичъ. М. 1897 г. Ц. 10 к. (42).

*184. Къ вопросу о десятиныхъ. А. Зерцаловъ. М. 1891 г., ц. 15 к. (3).

*185. Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ королемъ ливонскимъ, голдовникомъ царя Ивана Грознаго. А. Чумикова. М. 1891 г., ц. 30 к. (17).

*186. Матеріалы для исторіи Крестовоздвиженскаго Бзюкова монастыря. Н. А. Поповъ. М. 1892 г., ц. 30 к. (24).

*187. Матеріалы для исторіи Общества. Письма О. М. Бодянскаго къ Н. А. Чистовичу (1862—1877 гг.). Н. А. Чистовичъ. М. 1892 г., ц. 20 к. (26)

*188. Памяти о. архимандрита Леонада, намѣстника св. Троице—Сергіевой лавры († 22 октября 1891 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (27).

*189. Памятники преній о вѣрѣ, возникшихъ по дѣлу королевича Вальдемара и царевны Ирвы Михайловны, собранные Александромъ Голубцовымъ. М. 1892 г., ц. 2 р. 25 коп. съ перес. (9).

*190. Тульскіи уѣздъ въ XVII в. Его видъ и населеніе по пасцовымъ и переписнымъ кнѣгамъ. Е. Щепкиной. М. 1892 г. (съ картой), ц. 2 р. (13).

*191. Дневныя дозорныя записи о московскихъ раскольникахъ. Части 3—7. Съ предисловіемъ Авдѣя Титова. М. 1892 г., ц. 1 р. 50 к. (14).

*192. Реязціи кн. А. Д. Кантемара изъ Лондона (1732—1733 гг.). Т. I. Съ введеніемъ и примѣчаніями В. Н. Александренки. М. 1892 г., ц. 1 р. (12).

*193. Московская Тихвинская, что въ малыхъ Луживкахъ, за Новодевичьимъ монастыремъ, церковь. Историческое описаніе, составленное священникомъ Н. А. Скворцовымъ. М. 1892 г., ц. 1 р. (11)

*194. Артеміи игуменъ Троицкій. Изъясненіе священника Сергія Садковскаго. М. 1892 г., ц. 50 к. (11).

*195. Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи. А. С. Хаханова. М. 1892 г., ц. 30 к. (28).

*196. Общій архивъ министерства Императорскаго Двора. II. Списки и выписки изъ архивныхъ бумагъ. (Описи домовъ и движимаго имущества кн. Потемкина—Таврическаго, купленныхъ у наследниковъ его императрицею Екатериною II). М. 1892 г., ц. 40 к. (14).

*197. Памяти Никола Александровича Попова. Н. Шимко и А. Голомбьевскаго. М. 1892 г., ц. 30 к. (23).

*198. Къ исторіи вопроса о пріятіи схизматиковъ въ православную церковь. М. 1892 г., ц. 1 р. (5).

199. Матеріалы для исторіи гор. Саратова. I. Записи книгъ Печатнаго приказа (1650—1675 гг.). Сообщилъ А. А. Голадово—Голомбьевскій. М. 1892 г., ц. 30 к.

200. Собраніе сочиненій Юрія Крижанича:

Вып. I-й: а) 1654 г. II. *Půtno opisanie ot Lewówa do Moskwi.* II. *Bezida ko Ciricásom, wo osobi Czircáisa upisana.* III. *Usmotrenie o Carskom Welicestwu.* (Съ одной фототипіею). Съ предисловіемъ В. Н. Щепкина, и б) 1661 г. Объясняетъ выводно о пасмѣ Словетнскомъ (съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ В. Н. Колосова.—М. 1891 г., ц. 50 к.

Вып. II-й. 1674 г. Толкованіе историческихъ пророчествъ (съ 2-мя фототипіями). Съ предисловіемъ М. И. Соколова. М. 1891 г., ц. 75 к.

Вып. III-й: а) Объ свѣтомъ Крещенію. (Съ 1 фототипіею). Съ предисловіемъ А. В. Башкирова, и б) Обличеніе на Соловецкую Челобитву. (Съ 1 фототипіею). М. 1893 г., ц. 1 р. 25 к.

201. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ:

Вып. I-й: Собраніе рукописей митр. Макарія, Мѣлецкаго монастыря на Волынѣ, Кіевобратайскаго монастыря и Кіевской духовной семинаріи. Н. И. Петрова. М. 1892 г., ц. 2 р.

202. *Вып. II-й.* Рукописи Кіевопечерской лавры, кіевскихъ монастырей: Златоверхомихайловскаго, Пустыннониколаевскаго, Выдубицкаго, женскаго Флоровскаго и Десятинной церкви. М. 1897 г., ц. 2 р.

203. Слава Россійская. Комедія 1724 года, представленная въ Московскомъ гош-

инвалъ, по случаю коронаціи императрицы Екатерины Первой. Съ предисловіемъ М. Н. Соколова. М. 1892 г., ц. 60 к. (16).

*204. Село Волянское и деревня Давидово в Мологцы. (По описи 1735 г.). С. Белокуровъ. Ц. 50 к. (15).

*205. Попытка Петра I къ распространению среди русскаго народа научныхъ сельскохозяйственныхъ знавій. Ц. 30 к. (16).

*206. Христорождественская церковь въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1892 г., ц. 50 к. (16).

*207. Ивановскій каналъ, начатый Петромъ Великимъ для соединенія Волги съ Днѣпомъ. А. И. Миловадовъ. Ц. 30 к. (15).

*208. Шесть документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даніи. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 50 к. (16).

*209. О возвращеніи въ 1689 г. въ патриаршее вѣдомство подмосковнаго гельца Кунцова съ пустошью. Ц. 20 к. (11).

*210. Объ оскорбленія царскихъ посланцевъ въ Крыму въ XVII вѣкѣ. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 30 к. (18).

*211. Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіяся въ Коппенгагенѣ 1326—1690 гг. Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ. М. 1893 г., ц. 2 р.

*212. Исторія экономическаго быта великаго Новгорода. Исследование проф. А. И. Накитскаго. М. 1893 г., ц. 2 р.

*213. Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи. (Матеріалы для исторіи Грузіи). Съ предисловіемъ и примѣчаніями А. С. Хаханова. М. 1893 г., ц. 30 к. (7).

*214. Сказаніе о построеніи обыденнаго храма въ Вологдѣ «во избавленіе отъ смертоносныя язвы». М. 1893 г., ц. 20 к. (9).

*215. Московскій Благовѣщенскій священникъ Сильвестръ, какъ государственннй дѣятель. Епископа Сергія (Соколова). М. 1893 г., ц. 50 к. (24).

*216. Исторія канонизаціи русскихъ святыхъ. Исследование Вас. Васильева. М. 1893 г., ц. 2 р. (10).

*217. Письма О. М. Бодянскаго къ отцу. Письма И. П. Сахарова къ О. М. Бодянскому. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (63).

*218. Житіе св. Леонтія епископа ростовскаго. Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1893 г., ц. 50 к. (18).

*219. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка. Составилъ П. А. Лавровъ. М. 1893 г., ц. 2 р. (5).

*220. Междукижескія отношенія во Вла-

димиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV в. (Къ вопросу о «двухъмѣсныхъ» или «сокозыхъ» деньгахъ. В. Ульяничкаго). М. 1893 г., ц. 30 к. (23).

*221. Неканонизованные святые гор. Шуи (Владимирской губерніи). Опытъ агіографическаго изслѣдованія священника Ник. Миловскаго. М. 1893 г., ц. 20 к. (22).

*222. Новый источникъ для исторіи московскихъ волостей 1648 г. С. Платонова. М. 1893 г., ц. 20 к. (25).

*223. Александрія русскихъ хронографовъ. Исследование и текстъ. В. Истривъ. М. 1893 г., ц. 3 рубля съ пересылкой (60).

*224. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута. Историческіе очерки Матвѣя Любавскаго. Съ картою литовскорусскаго государства въ концѣ XV и начала XVI в. М. 1893 г., ц. 5 р. (15).

*225. Объ отпускѣ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь воеводы города Можайска П. П. Савелова въ 1702 г. О найденномъ въ Можайскѣ денежномъ кладѣ 1702 г. М. 1893 г. Л. М. Савеловъ, ц. 20 к. (4).

*226. Къ исторіи московскаго мятежа 1648 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1893 г., ц. 20 к. '

*227. Московскій Китай городъ въ XVII вѣкѣ (по описи 1695 г.). А. Н. Зерцаловъ, ц. 30 к. (11).

*228. Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г. (Къ исторіи государств. росписей XVII в.) А. Н. Зерцаловъ, ц. 40 к. (20).

*229. Къ исторіи бунта Степки Разина въ Заволжьѣ. А. А. Голубева. М. 1894 г., ц. 25 к. (28).

*230. Св. князь Всеволодъ-Гаврилъ и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Пскова. Е. Лебедева. М. 1894 г., ц. 20 к. (29).

*231. Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича. Ю. Н. Щербачевъ. М. 1894 г., ц. 30 к. (79).

*232. Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вв. Н. Аммонъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (19).

*233. Къ біографіи Владимира Атласова. Н. Оглобляевъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (32).

*234. Стихъ о злой гравѣ шихъ. Съ предисловіемъ И. А. Голышева. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).

*235. Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи. І. А. М. 1894 г., ц. 20 к. (42).

*236. Тверской уездъ въ XVI вѣкѣ. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. (Этюдъ по исторіи провинціи Московскаго государства). И. П. Лапко. М. 1894 г., ц. 1 рубль. (19).

*237. Сильвестра Медвѣдова созерцаніе краткое лѣто 7190—92, въ нихъ же что содѣяно во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Александра Прозоровскаго. М. 1894 г., ц. 1 р. 50 к. (158).

*238. Къ исторіи сѣвѣсколостивнаго быта Нюстромскихъ Имѣтвѣскаго, Бого-явленскаго монастырей. А. Командировка столѣтніка Н. М. Олевцова. М. 1894 г., ц. 50 к. (4).

*239. Амфилохій епископъ Угличскій († 20 мая 1893 г.). Г. А. Воскресенскаго. М. 1894 г., ц. 30 к. (22).

*240. Сарайская и Крутицкая епархія. Священника Н. А. Соловьева. М. 1894 г., ц. 1 р. (29).

*241. Рукописи П. І. Шафарика (нынѣ музея королевства Чешскаго), въ Прагѣ. Описалъ М. Сперанскій. М. 1894 г., ц. 50 к. (33).

*242. Обѣзжіе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. А. Н. Зерцалова. Ц. 40 к. (31).

*243. Григороничевъ паримейникъ въ свѣченіи съ другими паримейниками. Издалъ Романъ Брандтъ. В. І., ц. 50 коп. (31). Вып. II. ц. 50 к. (48).

*244. Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императ. общества Исторія и Древности Россійскихъ 28 октября 1894 г., преемствителемъ общества В. О. Ключевскимъ. М. 1894 г., ц. 15 к.

*245. Акты домашняго архива гг. Змеовыхъ. А. И. Мидовиновъ. М. 1894 г., ц. 20 к. (13).

*246. Очерки по исторіи Грузинской словесности. А. С. Хаханова. Вып. 1., ц. 2 рубля. (204).

*247. Рѣчи, произнесенныя Іоанниемъ Галаятовскимъ въ Москвѣ въ 1670 г. В. Эйгорнъ. М. 1895 г., ц. 20 к. (39).

*248. Къ исторіи сношеній Россіи съ Германіей въ началѣ XVI в. Г. Писаревскій. М. 1895 г., ц. 20 к. (13).

*249. Докладная выписка 121 (1613) г. о вотчинахъ и помѣстьяхъ. А. П. Барсуковъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (296).

*250. Pamphletъ Г. П. Ермолова на графа М. М. Сперанскаго. Съ предисловіемъ Е. И. Соколова. М. 1895 г., ц. 20 к. (10).

*251. О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 7136 г. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г.,

*252. Опись книгъ библіотеки Московскаго Успенскаго собора. М. 1895 г., ц. 30 к. (190).

*253. Къ біографіи митрополита Московскаго Платона и исторіи Визанскаго духовной семинаріи. Письма митрополита Платона къ Высочайшимъ особамъ. С. Д. Муретова. М. 1895 г., ц. 20 к. (121).

*254. Къ исторіи сношеній Россіи съ Швеціей при царѣ Иванѣ IV. А. А. Чумякова. М. 1895 г., ц. 20 к. (32).

*255. Къ матеріаламъ по исторіи Грузіи XI—XII вв. Ф. Жордавія. М. 1895 г., ц. 20 к. (37).

*256. Обзорные столбцовъ и книгъ Сибирскаго приказа (1592—1768 гг.). Часть первая: документы воеводскаго управленія. Составилъ Н. Н. Оглоблинъ. М. 1895 г., ц. 2 рубля съ переплеткой. (100).

*257. Послѣдствіе проскомидіи, великаго входа и причащенія въ славянорусскихъ службеникахъ XII—XIV вв. Сергій Муретовъ. М. 1897 г. Ц. 50 к. (6).

*258. Губныя и земскія грамоты Московскаго государства. Изслѣдованіе Сергія Шумакова. М. 1895 г., ц. 2 р. (180).

*259. Матеріалы къ литературной исторіи русскихъ Ичель. І. Виктора Семенова. М. 1895 г., ц. 50 к. (143).

*260. Древній Сосенскій ставъ Московскаго уезда. Д. Шеппинга. М. 1895 г., ц. 50 к. (137).

*261. Лѣтописецъ русскій (Московская лѣтопись). По рукописи принадлежащей А. Н. Лебедеву. М. 1895 г., ц. 1 р. 25 к. (80).

*262. Сваты Вологодскаго края. Изслѣдованіе Николая Коноплева. М. 1895 г., ц. 1 р. (41).

*263. Письма А. Н. Шемякина къ О. М. Бодянскому (1859—1875 г.). Съ предисловіемъ А. А. Тилова. М. 1895 г. (76).

*264. Климентъ епископъ Слободскій. Трудъ В. М. Ундольскаго. Съ предисловіемъ П. А. Лаврова. М. 1895 г., ц. 50 к. (50).

*265. Государевъ Хамовный дворъ въ Московской Кадешевской слободѣ. (Постройка на немъ новыхъ зданій въ 1658—1661 гг.). М. 1895 г. А. А. Мартыновъ, ц. 20 к. (100).

*266. Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Московіи Степью Разнымъ. Напечатано у Фомы Ньюкемъ 1672 г. Переведъ съ англійскаго А. Станкевичъ. М. 1895 г., ц. 50 коп. (37).

*267. О перемиріи состоявшемся между Швеціей и Россіей въ 1537 г. Нерезовъ

съ шведскаго А. Чумикова. М. 1895 г., ц. 20 к. (6).

*268. Къ матеріаламъ о воровбѣ въ древней Руси. Сыскное дѣло 1642—1643 гг. о настреніи испортить царицу Евдокію Лукьявовну. А. Н. Зерцаловъ. М. 1895 г., ц. 30 к. (91).

269. Отчеты о присужденіи обществомъ преміи Г. О. Карпова.

I. Разборъ изслѣдованія В. О. Эйнгорна «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», составленный С. Т. Голубевымъ, ц. 50 к.

II. Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго «Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута», составленный С. А. Бершадскимъ. М. 1894 г., ц. 50 к.

III. Разборъ изслѣдованія С. А. Блюкурова «О библиотекѣ Московскихъ Государей въ XVI в.», сост. М. И. Соколовымъ. М. 1897 г. Ц. 20 к.

271. Сильвестръ Медвѣдевъ. Его жизнь и дѣятельность. Изслѣдованіе А. Прозоровскаго. М. 1896 г., ц. 3 р.

272. Церковныя земли въ Ростовскомъ уѣздѣ XVII в. (по писцовымъ книгамъ 1629—1631 гг.). Съ предисловіемъ А. А. Титова. М. 1896 г., ц. 25 коп.

273. Русское сказаніе о Лоретской Богоматери. А. И. Кирпичникова. М. 1896 г., ц. 15 коп.

*274. Грамоты съ подписями Бориса, Дмитрія и Степана Годуновыхъ 7080—7111 гг. Съ предисловіемъ графа С. Д. Шереметева. М. 1897 г. Ц. 25 к. (38).

275. Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря 7052—7146 гг. Сообщилъ Сергій Шумаковъ. М. 1896 г., ц. 15 коп.

*276. Изданія Московской Синодальной типографіи 1751 г. и Московскаго Университета 1764 г. И. С. Бяляевъ М. 1897 г. Ц. 50 к. (2).

277. О построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. Новая летописная данія. Ц. 20 к.

278. Еще новыя данія о построеніи Московскаго Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора. П. Священника Л. Кузнецова. М. 1896 г., ц. 20 коп.

279. Путешествіе антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. (По рукописи Московскаго Главнаго Архива Министерства Ино-

странныхъ Дѣлъ). Выпускъ 1-й: отъ Алеппо до земли казаковъ. М. 1896 г., ц. 1 руб. Вып. 2-й до Москвы. М. 1897 г. Ц. 1 р.

*280. Къ исторіи мятежа 1648 года въ Москвѣ и другихъ городахъ. Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 40 к. (82).

*281. О «неправдахъ и нестрогахъ рѣчахъ» новгородскаго митрополита Кипріяна (1627—1633 гг.). Сообщилъ А. Н. Зерцаловъ. М. 1896 г., ц. 30 коп. (86).

*282. Матеріалы для исторіи патріарха московскаго Патирима. Сообщилъ М. Г. Поповъ. М. 1895 г., ц. 20 коп. (84).

*283. Какашъ и Тектандеръ. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—1603 гг. Переводъ съ нѣмецкаго Алексѣя Ставляча. М. 1896 г., ц. 70 коп.

284. Портретъ жезскаго митрополита Евгенія, со снимкомъ почерка его руки. М. 1854 г., ц. безъ пересылки 50 коп.

285. Временникъ Императорскаго общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ 1849 по 1858 годъ. 25 книгъ, каждая по два рубля; а за всѣ безъ перес. 37 руб. 50 ко., съ пересылкой 45 руб. На пересылку всякой книги «Временника», за 4 фута.

286. Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Годъ 1-й (ити съ продолженіемъ); годъ 2-й (1846—1847), книги 3, 6, 8, 9; годъ 3-й (1847—1848), 9 книгъ; годъ 4-й (1848—1849), 1 книга—по 2 руб. каждая книга. Годы 1861—1886, по 4 книги, каждый годъ по 10 рублей; съ 1887 г. по 8 р. 50 коп. Отдѣльно книги продаются по слѣдующей цѣнѣ: за 1830 г. кв. 1—4, за 1889 г. кв. 1—4, за 1890 г. кв. 1—3 по 2 рубля за книгу. Общія книги по 3 рубля за книгу.

287. Списокъ и указатель трудовъ, изслѣдованій и матеріаловъ, напечатанныхъ въ повремен. изданіяхъ Импер. общ. ист. и Древн. Россійск. при Московск. Университетѣ (за 1815—1888 гг.), составленный Ив. Забылиннымъ. Съ присовокупленіемъ историч. очерка дѣятельности Общества съ 1804 по 1884 г. Отд. I. Списокъ трудовъ М. 1884 г. Отд. II. Указатель трудовъ. М. 1889 г., ц. за обѣ книжки 1 р.

288. Алфавитный указатель къ періодич. изданіямъ того же общества 1815—1862 г. Сост. А. Гриневичъ. 1862 г., ц. 50 коп. съ перес.

289. Указатель ко всѣмъ періодич. изданіямъ того же общества за 68 лѣтъ. 1815—1883 г. Сост. Сергій Блюкуровъ. М. 1883 г., ц. 1 р. 25.

290. Указатель къ Читеніямъ въ томъ же обществѣ за 1882—1887 гг. Сост. онъ же. М. 1888 г., ц. 50 к. и б) за 1888—1894 гг. Составляе онъ же. М. 1895 г., ц. 50 коп.

291. Протоколы засѣданій общества:

1) за 1878—1880 г. (стр. 1—32), ц. 20 к.

2) за 1881—1883 г. (стр. 1—64), ц. 35 к.

3) за 1886 г. (стр. 1—17), ц. 10 к.

4) за 1887 г. (стр. 1—23), ц. 15 к.

5) за 1888—1891 гг. (стр. 1—61), ц. 30 к.

6) за 1892—1893 гг. (стр. 1—112), ц. 1 р.

7) за 1894 г., ц. 20 коп.

8) за 1895 г., ц. 20 коп.

9) за 1896—1897 гг., ц. 50 к.

*292. Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ пышному. (Материалы для исторіи цѣн). В. О. Ключевскаго. М. 1884 г., ц. 50 к. (14).

*293. Древнерусскія житія святыхъ изъ историческій источникъ. Исследованіе В. О. Ключевскаго. М. 1871 г., ц. 2 р.

*294. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской. Проф. Е. Е. Голубинскаго. (VIII+732 стр.), ц. 3 руб.

295. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви. Е. Е. Голубинскаго. Сергіевъ посадъ, 1894 г., ц. 2 руб. съ пересылкой.

*296. Неизданные русскіе акты XV—XVI вв. Ревельскаго городского архива. А. Чумиковъ. М. 189 г. Ц. 10 к. (26).

*297. Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами. Е. Е. Голубинскаго. М. 1896 г., ц. 50 к.

*298. Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II. Составилъ Александръ Скребицкий. Т. I—IV (т. II—IV въ двухъ частяхъ). Боннъ на Рейнѣ, 1862—1868 гг. Цѣна за всѣ тома 20 р. съ перес.

*299. Казанская и Ильинская церкви Ильинскаго прихода въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи. I. А. М. 1896 г. Ц. 50 к. (11).

*300. О большихъ строителяхъ Кирилло-Белозерскаго монастыря. Н. Успенскій. М. 1896 г. Ц. 90 к. (39).

*301. Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Акты XVII—XVIII вв., напечатанные А. Н. Зерцаловымъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (13).

*302. О раскопкахъ въ Московскомъ Кремлѣ XVIII в. А. Зерцаловъ. М. 1897 г. Ц. 75 к. (85).

*303. Акты изъ собранія А. И. Яцимирскаго (№№ 1—5. Читенія 1897 г. кн. I). М. 1897 г. Ц. 15 к. (5).

*304. Смесь 2-й книги Читеній 1896 г. (№№ 1—10). М. 1896 г. Ц. 40 к. (10).

Лица, желающіе приобрести означенныя книги, просятъ присылать свои требованія или въ общество (Москва, Моховая, старое зд. Университета подъ актовымъ заломъ), или въ Казначей общества Сергію Алексеевичу Белокурову (Садовники, у Москварьскаго моста, домъ церкви св. Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины Глазунова (Кузнечій мостъ) и Карбасникова (Москва, Моховая, д. Коха, противъ Университета).

ТАМЪ-ЖЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и Древностей
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе *Чтеній* состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ *Чтеніяхъ* помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

